N 5—6

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

МАЙ
и
ІЮНЬ

1908
СПБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вліяніе западноевропейскаго соціализма на русскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о вліяніи однѣхъ странъ на другія въ томъ или иномъ отношеніи является лишь частной стороной великаго культурно-историческаго вопроса о характерѣ эволюціи различныхъ дѣленій человѣчества. И однимъ изъ центральныхъ пунктовъ этой проблемы служитъ опредѣленіе того, въ какой степени отдѣльные народы, націи, расы проходятъ извѣстные этапы своего развитія независимо другъ отъ друга и въ какой степени они совершаютъ эту эволюцію путемъ болѣе или менѣе сильнаго взаимодѣйствія.

Этотъ вопросъ издавна уже занималъ изслѣдователей, работавшихъ въ области общественныхъ наукъ. И на него давались различные отвѣты, которые можно, впрочемъ, свести къ двумъ основнымъ типамъ. По мнѣнію однихъ ученыхъ, различныя подраздѣленія человѣчества продѣлываютъ однѣ и тѣ же стадіи развитія, вырабатываютъ однѣ и тѣ же формы жизни и мысли, независимо отъ какихъ бы то ни было сношеній между собою. Люди, поставленные въ одинакія условія, и реагируютъ одинаково на нихъ, — говоритъ эта теорія, указывающая на то, что такія, на первый взглядъ, странныя явленія, какъ кувада, левиратъ, родство по матери, классификаторская система родства, табу, тотемизмъ и т. п. встрѣчаются на извѣстной ступени развитія у племенъ, отдѣленныхъ одни отъ другихъ цѣлой толщей земного шара. Наоборотъ, другіе изслѣдователи, оставляя въ сторонѣ вопросъ, какъ же выработались гдѣ бы то ни было первобытныя формы практической и идейной дѣятельности людей, объясняютъ сродство этихъ учрежденій и этихъ идей вліяніемъ однихъ народовъ на другіе. Были, напримѣръ, ученые, которые совершенно серьезно доказывали близкое родство древнихъ египтянъ и ацтековъ или, по крайней мѣрѣ, сильное вліяніе первыхъ на вторыхъ, отмѣчая сродство между пирамидами долины Нила и пирамидальными же сооруженіями мексиканскаго нагорья. Съ другой сто-

роны, историки литературы знаютъ, какую оргію справляла въ извѣстный моментъ теорія „странствующихъ сказаній“, которая, имѣя научное значеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ, превращалась, переступая ихъ, въ единоспасающую догму, видѣвшую въ сходныхъ произведеніяхъ народнаго творчества въ разныхъ странахъ лишь простое заимствованіе.

Въ противоположность крайностямъ обоихъ направленій можно принять за наиболѣе вѣрную гипотезу, что различныя группы человѣчества идутъ приблизительно однимъ путемъ развитія. Но скорость темпа этого движенія далеко не одна и та же повсюду, въ результатѣ чего получаются народы, значительно отличающіеся другъ отъ друга своимъ матеріальнымъ и духовнымъ бытомъ въ извѣстный моментъ исторіи, а потому могущіе заимствовать у своихъ близкихъ и даже далекихъ сосѣдей элементы жизни и мысли, еще не выработанные на почвѣ туземной культуры. Къ этому слѣдуетъ добавить, во-первыхъ, что этотъ процессъ заимствованія совершается тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ тѣснѣе общее развитіе человѣчества сближаетъ между собою различные народы; во-вторыхъ, что само заимствованіе только тогда можетъ послужить отправной точкой дальнѣйшей эволюціи, сдѣлаться жизненнымъ факторомъ данной страны, когда пересаживаемое растеніе найдетъ подходящую почву въ новомъ отечествѣ, будетъ отвѣчать мѣстнымъ потребностямъ, или, по крайней мѣрѣ, подвергнется такому видоизмѣненію, что станетъ какъ бы національнымъ продуктомъ.

Такая постановка вопроса сразу устраняетъ жгучесть спора о возможности и желательности заимствованія учрежденій и идей одной страною у другой. Намъ нечего преклоняться передъ формами жизни и мысли, которыя мы встрѣчаемъ у болѣе культурныхъ народовъ, только потому, что то—чужія формы, ибо это напоминаетъ знаменитаго „портного Иванова изъ Лондона и Парижа“. Но уже самый тотъ фактъ, что въ извѣстный историческій моментъ среди насъ обнаруживается сильное теченіе въ пользу не механическаго перенесенія, а органической акклиматизаціи матеріальной и идейной культуры передовыхъ странъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что заимствованіе неизбѣжно совершится; мало того, что оно подвергнется переработкѣ на новой почвѣ соотвѣтственно не совсѣмъ тѣмъ же условіямъ, и что именно послѣ этой переработки оно станетъ живымъ и дѣятельнымъ факторомъ нашей собственной исторіи. Тутъ мы имѣемъ дѣло лишь съ частнымъ случаемъ того общаго соціологическаго процесса, который почти полвѣка тому назадъ былъ формулированъ Марксомъ: „...Человѣчество ставитъ себѣ всегда лишь тѣ задачи, какія можетъ рѣшить; ибо при болѣе точномъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача возникаетъ только тогда, когда матеріальныя условія ея рѣшенія уже существуютъ или, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія“.

Переходя собственно къ предмету нашего этюда о вліяніи западноевропейскаго соціализма на русскій, мы должны тутъ же высказать наше глубокое убѣжденіе въ томъ, что само матеріальное и идейное развитіе Россіи фатально создало бы и у насъ свой соціализмъ, помимо всякаго вліянія Западной Европы. Но соприкосновеніе съ болѣе культурными странами ускорило эту „спонтанейную",—какъ любили выражаться Сэнъ-Симонъ и его ученикъ Кантъ,—выработку міровоззрѣнія труда и заставило сознательную часть русскаго народа упредить работою мысли работу жизни, работу самого общественнаго развитія страны. Мы увидимъ дальше, какое преломленіе испытывалъ въ русской средѣ западноевропейскій, т. е. въ сущности-то общечеловѣческій соціализмъ; какіе элементы его съ самаго начала пріобрѣтали право гражданства и становились ферментомъ дѣятельнаго броженія; а какіе отодвигались на задній планъ и начинали играть роль лишь впослѣдствіи, путемъ ожесточенной борьбы съ другими, порою близкими представленіями, и по мѣрѣ того, какъ сама эволюція русской жизни выдвигала условія, помогавшія развитію идей. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ вліяніе западноевропейской соціалистической мысли на русскую несомнѣннымъ. И это вліяніе было въ общемъ благотворнымъ, такъ какъ упомянутое уже упрежденіе жизни мыслью ускоряло и не перестаетъ ускорять движеніе Россіи по пути къ осуществленію соціалистическихъ идеаловъ. Современники, переоцѣнивая серьезность реакціи, выбрасывающей теперь послѣдніе свои козыри на столъ, могутъ жаловаться и горько сѣтовать на медленность этого процесса. Но будущій историкъ отмѣтитъ наоборотъ быстроту, съ какою великій народъ совлекалъ съ себя ветхаго Адама.

Пока что, намъ должно указать хотя бы на теоретическія вѣхи, отмѣчающія упомянутый путь. Въ предлагаемыхъ читателю статьяхъ мы и задаемся цѣлью прослѣдить вліяніе соціалистическихъ идей Запада на аналогичныя же идеи, вырабатываемыя русскими условіями, сознательно устраняя изъ области нашего изслѣдованія практическую сторону дѣятельности соціалистическихъ партій, потому что не считаемъ возможнымъ писать объ этомъ при настоящихъ условіяхъ такъ, какъ бы хотѣли, и не желаемъ писать такъ, какъ это только возможно. Лишь изрѣдка намъ придется касаться собственно фактовъ и политическихъ событій, поскольку это будетъ необходимо для пониманія идейнаго движенія.

Спрашивается теперь, что же мы называемъ соціализмомъ. Это— вопросъ не только не праздный, но настолько важный, что создалъ цѣлую литературу опредѣленій понятія „соціализмъ" и заставилъ даже одного изъ изслѣдователей выразиться такъ: „Названіе соціализма было дано очень различнымъ формамъ мысли и даже прямо противоположнымъ воззрѣніямъ.

1*

Нѣтъ одного какого-нибудь соціализма, но есть разные соціализмы. Именно потому, что люди не признаютъ этого факта, они и спорятъ изъ-за словъ. Слѣдовательно, здѣсь необходимо различать; и историческое изслѣдованіе идей какъ разъ имѣетъ предметомъ точно опредѣлять путемъ анализа различный смыслъ и различныя понятія, скрывающіяся подъ одними и тѣми же словами" [1]).

Соціализмъ, какъ вещь и понятіе, существовалъ гораздо раньше самаго слова. Трудно, конечно, сказать съ полнѣйшей достовѣрностью, когда впервые появился этотъ терминъ. Пьеръ Леру приписывалъ себѣ изобрѣтеніе этого слова, употребленнаго, какъ онъ говоритъ, впервые имъ въ статьѣ „Объ индивидуализмѣ и *соціализмѣ*", напечатанной въ журналѣ „La Revue Encyclopédique" за 1834 г. И большинство изслѣдователей считало довольно долго это притязаніе Пьера Леру основательнымъ. Но, повидимому, слово „соціализмъ" встрѣчается еще нѣсколько раньше. По крайней мѣрѣ, Жоржъ Вейль нашелъ этотъ терминъ въ разборѣ „Feuilles d'automne" Виктора Гюго, помѣщенномъ въ номерѣ отъ 13-го февраля 1832 г. журнала „Le Globe". Рецензентъ, нѣкто Жонсьеръ, выражается такъ: „мы не хотимъ принести *личность* въ жертву *соціализму*, какъ не хотимъ принести послѣдній въ жертву личности" [2]). Слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что Вейль устанавливаетъ этотъ пріоритетъ лишь для Франціи. По другую сторону Ламанша и, повидимому, совершенно независимо отъ французовъ было употреблено почти въ то же самое время слово „соціалистъ". Такъ была подписана одна изъ статей знаменитой еженедѣльной газеты „Poor Man's Guardian" отъ 24-го августа 1833 г. [3]). Нельзя даже ручаться, что при дальнѣйшемъ изслѣдованіи не найдется единичныхъ примѣровъ еще болѣе ранняго употребленія термина какъ во Франціи, такъ и въ Англіи. Онъ, очевидно, носился въ воздухѣ, оглашавшемся словами „соціальный", „соціетарный" и т. п., которыя изъ системъ Сэнъ-Симона, Фурье, Оуэна переходили, при посредствѣ учениковъ этихъ великихъ соціалистовъ, въ болѣе широкіе слои образованной публики.

Каково бы ни было, впрочемъ, происхожденіе термина „соціализмъ", мы должны въ самомъ же началѣ этихъ этюдовъ объяснить, что разумѣемъ мы подъ этимъ словомъ и на какомъ изъ безчисленныхъ опредѣленій этого понятія мы остановимся. Только такимъ образомъ мы можемъ выполнить

---

[1]) Edouard Dolléans, *Robert Owen (1771—1858)*; Парижъ, 1905, стр. 32, прим. 1 (составляетъ №№ 28—29 серіи „Bibliothèque socialiste").

[2]) См. „Note sur le mot *Socialisme*" въ приложеніи и на послѣдней страницѣ работы Вейля, посвященной сэнъ-симонистской школѣ: Georges Weill, *L'École saint-simonienne, son histoire, son influence jusqu'à nos jours*; Парижъ, 1896.—Ср. того же автора: *Histoire du parti républicain en France de 1814 à 1870*; Парижъ, 1900, стр. 321, примѣч. 1.

[3]) Dolléans, l. c., стр. 204—205 и прим. 1.

задачу ознакомленія читателей съ вліяніемъ западноевропейскаго соціализма на русскій, не подвергаясь опасности говорить по поводу соціализма о всевозможныхъ вещахъ, если и находящихся въ связи съ соціализмомъ, какъ всеобъемлющимъ міропониманіемъ, то все же не составляющихъ сами по себѣ соціализма. Итакъ подъ соціализмомъ мы разумѣемъ здѣсь теорію, которая ставитъ во главу угла общественнаго преобразованія требованіе по меньшей мѣрѣ перехода средствъ производства изъ рукъ частныхъ собственниковъ въ руки цѣлаго общества и устраненія конкуренціи отдѣльныхъ производителей путемъ планомѣрной организаціи общественнаго производства. Подъ это опредѣленіе подойдетъ такимъ образомъ и то, что называютъ коммунизмомъ, то-есть распространеніе общественной собственности не только на средства производства, но и на предметы потребленія. Подъ него же подойдетъ и анархизмъ, правда не всякій, но такъ называемый теперь коммунистическій анархизмъ, который прежде называлъ себя въ романскихъ странахъ коллективизмомъ и отказался отъ этого термина лишь тогда, когда его присвоили себѣ французскіе марксисты, то-есть въ концѣ 70-хъ годовъ [1]).

Съ другой стороны, подъ это опредѣленіе не подойдутъ различные роды ублюдочнаго соціализма, которые въ сущности могутъ разсматриваться лишь, какъ проявленія соціальнаго реформаторства, оставляющаго болѣе или менѣе нетронутымъ самое основаніе современнаго общества: частную собственность на орудія труда и конкуренцію отдѣльныхъ производителей. При случаѣ мы можемъ касаться этихъ половинчатыхъ взглядовъ, стоящихъ въ извѣстной связи съ истиннымъ міровоззрѣніемъ труда, но лишь когда это будетъ необходимо для освѣщенія главнаго предмета нашихъ этюдовъ.

Намъ придется ввести въ нашу задачу еще и то ограниченіе, которое подсказывается самой постановкой ея: мы будемъ говорить лишь о такихъ системахъ западноевропейской соціалистической мысли, какія дѣйствительно вліяли на выработку русскаго соціализма, т. е. о главныхъ и новѣйшихъ соціалистическихъ доктринахъ, какъ онѣ складываются послѣ великой французской революціи, или, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы ея, когда волна коллективнаго возбужденія уже быстро шла на убыль. Мы дѣлаемъ послѣднюю оговорку, имѣя въ виду ученіе Бабефа. Ибо оно отчасти напоминаетъ еще старинныя коммунистическія доктрины античнаго міра и средневѣковыя, носящія характеръ идеальныхъ построеній того или другого мыслителя безъ практическаго отношенія къ дѣйствительности. Но другими своими сторонами,—напр., обращеніемъ къ организованной силѣ „народа“,

---

[1]) Ср. полемическую брошюру: Emile Pouget, *Variations guesdistes*; Парижъ, безъ обозначенія даты (во второй половинѣ 90-хъ годовъ), стр. 3, прим. 1.

„плебеевъ" захватить политическую власть въ свои руки и произвести коренную имущественную революцію,—оно уже приближается къ современному соціализму; да и исторически, своимъ возрожденіемъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, сыграло немалую роль въ выработкѣ соціалистическихъ доктринъ.

Сообразно съ этимъ мы начинаемъ свои этюды съ изложенія существенныхъ пунктовъ новѣйшихъ соціалистическихъ ученій Запада, останавливаясь на наиболѣе крупныхъ выразителяхъ міровоззрѣнія труда, а затѣмъ перейдемъ къ анализу русскаго соціализма, при чемъ постараемся указать, какіе западноевропейскіе мыслители и какими своими элементами вліяли на того или другого русскаго соціалиста или и на цѣлое направленіе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главнѣйшіе соціалисты и соціалистическія направленія Запада.

I.

Соціализмъ французской революціи и Бабефъ.

Я уже въ одной изъ своихъ предшествовавшихъ работъ [1]) имѣлъ случай замѣтить, что соціализма въ современномъ смыслѣ этого слова французская революція почти въ себѣ не заключаетъ, хотя и находилъ черезчуръ отрицательнымъ взглядъ Жорэса [2]), который полагаетъ, что и вообще „соціалистическая мысль" даже въ самыхъ слабыхъ и колеблющихся формахъ не касалась тогда вовсе сознанія рабочихъ. Съ другой стороны, мнѣ представляются черезчуръ перегнутыми въ другомъ направленіи мнѣнія Олара [3]) и Лихтенберже [4]), которые часто говорятъ о „соціалистическихъ" тенденціяхъ Великой революціи. Не знаменателенъ ли уже тотъ фактъ, что изъ 4000 сочиненій, относящихся къ революціонному періоду и внимательно разсмотрѣнныхъ Лихтенберже, едва ли два десятка брошюръ говорятъ о необходимости измѣненій режима собственности, а между ними врядъ ли найдется одна—двѣ, указывающія на рѣшеніе соціальнаго вопроса революціоннымъ путемъ?

За то съ авторомъ „Политической исторіи французской революціи"

[1]) См. мою статью „Послѣдніе труды о происхожденіи современной Франціи" въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1902 г., № 2.

[2]) Jean Jaurès, *La Constituante* 1789—1791, Парижъ, безъ обозначенія даты (вышла въ концѣ 1901 г.).

[3]) A. Aulard, Histoire politique de la Révolution francaise. Origines et dé'veloppement de la Démocratie et de la République, Парижъ, 1901.

[4]) André Lichtenberger. *Le socialisme es la révolution française, Etude sur les idées socialistes en France de 1789 à 1796.* Парижъ, 1899.

и съ изслѣдователемъ „Соціализма и французской революціи“ придется признать, что сильнѣйшая мобилизація земельной собственности, вызванная декретами революціоннаго правительства, энергическія мѣры послѣдняго въ родѣ конфискаціи, реквизицій, декретированія максимума цѣнъ на предметы первой необходимости, очень сильнаго прогрессивнаго налога, должны были неизбѣжно подрывать въ умахъ „патріотовъ“ и „санкюлотовъ“ уваженіе къ священной собственности, хоть и возвеличиваемой теоретически грозными законодателями Конвента. А этимъ, несомнѣнно, вносились зародыши соціалистическаго міровоззрѣнія въ сознаніе массъ. Наконецъ, кой-какіе изолированные кабинетные реформаторы и отдѣльные фанатики революціоннаго равенства не боялись предлагать планы частичной націонализаціи земель,— какъ аббатъ де-Курнанъ, [1]) или прямо проповѣдовали неприкосновенность лишь индустріальной (sic!) собственности, но полнѣйшую зависимость режима земельной собственности отъ усмотрѣнія „націи“, чѣмъ вызывали даже мѣстные сильные безпорядки среди перепуганныхъ этимъ „аграрнымъ закономъ“ жителей,—какъ это случилось въ Нормандіи съ посланными туда для реквизиціи комиссарами революціоннаго „Исполнительнаго совѣта“ Моморо и Дюфуромъ [2]).

Что касается до Бабефа, то, несмотря на неуспѣхъ его заговора равныхъ [3]) и сравнительно малое распространеніе его идей въ массахъ, его должно считать родоначальникомъ политическаго, революціоннаго соціализма, который впервые сталъ развиваться во Франціи на рубежѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ, подъ вліяніемъ вышедшей въ то время книги Буонарроти (а не Буонаротти, какъ его зачастую ошибочно называютъ) о бабувизмѣ [4]). Нѣсколько архаическій,—можно было бы сказать циклопическій,—характеръ ученія Бабефа не мѣшаетъ внимательному читателю разсмотрѣть въ немъ нѣкоторыя, можетъ быть, и схематично, но мощно и рельефно сформулированныя положенія современнаго соціалистическаго міровоззрѣнія. Вотъ почему бабувизму принадлежитъ по праву мѣсто въ исторіи развитія соціализма нашихъ дней.

Бабефъ упорно подчеркиваетъ боевой, противорѣчивый характеръ цивилизаціи человѣчества, начавшійся съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ люди

---

[1]) Aulard, l. c., стр. 91—92.

[2]) Ibid., стр. 260.

[3]) Бабефъ судился Верховнымъ судомъ и приговоренъ къ смерти вмѣстѣ съ Дортэ. Обоихъ казнили 29-го мая 1797 г.

[4]) Michel Buonarroti, *Histoire de la conspiration pour l'égalité, dite de Baboeuf, suivie du procès auquel elle donna lieu et des pièces justificatives*; Bruxelles, 1828, 2 т.

— О самомъ Буонарроти см., между прочимъ, у проф. А. Анджіолини, *Исторія соціализма въ Италіи;* Спб., 1907, въ двухъ частяхъ (пер. съ итальянскаго), ч. I, стр. 17—23.

вышли изъ „естественнаго состоянія" и вошли въ „общественное". Но эта терминологія, свойственная просвѣтительной литературѣ XVIII-го вѣка, не въ состояніи удержать Бабефа на почвѣ того краснорѣчиваго, но въ сущности платоническаго отрицанія общественной эволюціи, которое характеризуетъ, напр., пламеннаго демократа Руссо. Бабефъ въ борьбѣ, въ „вѣчной войнѣ" „богатыхъ и бѣдныхъ", „патриціевъ" и „плебеевъ", праздныхъ „деспотовъ" и „интригановъ" и обворовываемыхъ „рабочихъ", „народа", „народныхъ массъ" видитъ хотя и мучительный, но и ведущій людей къ извѣстному выходу процессъ. И почти совершенно въ духѣ современнаго соціализма основываетъ этотъ выходъ на ростѣ сознанія эксплоатируемыхъ массъ, начинающихъ, наконецъ, понимать, что такъ итти дальше не можетъ.

Очень любопытно въ этомъ смыслѣ товарищеская полемика Бабефа съ крайнимъ демократомъ Антонеллемъ, который вскорѣ вошелъ съ нимъ въ „тайную директорію общественнаго спасенія", но, пока, признавая коммунизмъ „единственно справедливой и нормальной формой общежитія", критиковалъ идеи Бабефа, находя, что, къ сожалѣнію, проповѣдники коммунистическихъ ученій появились на свѣтъ слишкомъ поздно, когда предразсудокъ частной собственности уже черезчуръ завладѣлъ умами людей.

Бабефъ въ своемъ возраженіи утверждаетъ наоборотъ, что „современная эпоха", несомнѣнно, гораздо болѣе благопріятна для торжества коммунизма, чѣмъ то могло быть „тысячу лѣтъ назадъ". Прежде, вслѣдствіе низкаго уровня своего развитія, своей неопытности, своей непредусмотрительности люди не могли предвидѣть всѣхъ размѣровъ зла, которое проистечетъ изъ частной собственности. Если бы имъ въ то время грозили даже гибелью вслѣдствіе того, что земля и ея продукты перестанутъ быть общимъ достояніемъ, такъ и то они не повѣрили бы. Надо было пагубнымъ слѣдствіямъ частной собственности проявиться очень рѣзко, чтобы обездоленныя массы, приведенныя на край гибели и голодной смерти, стали внимать сочувственно проповѣди коммунизма. Народъ сталъ просвѣщеннымъ; онъ теперь въ состояніи выслушивать разумные совѣты; мысль его сильно работаетъ и заставляетъ его видѣть, что для него нѣтъ другого спасенія, какъ основаніе „коммунистическаго строя, который избавитъ „большинство гражданъ" отъ эксплоатаціи „угнетающаго меньшинства" и положитъ основаніе „по истинѣ мирному и счастливому обществу".

Когда слышишь изъ устъ Бабефа разсужденіе о томъ, что именно крайнее развитіе частной собственности, развитіе до ея послѣднихъ предѣловъ, подрываетъ прочность этого учрежденія; что если вы „экспропріируете массу, отдадите ее во власть кучки прожорливыхъ эксплоататоровъ—и корни частной собственности" уже тѣмъ самымъ будутъ рас-

шатаны,—то словно присутствуешь при первыхъ раскатахъ революціоннаго грома, которымъ пятьдесятъ лѣтъ спустя разразится научный соціализмъ на пламенныхъ страницахъ „Манифеста коммунистической партіи". Бабефъ находится здѣсь, какъ видите, на пути къ пониманію того процесса общественнаго развитія, который совершается лишь путемъ соціальныхъ противорѣчій, сознанія эксплоатируемымъ большинствомъ противоположности его интересовъ интересамъ эксплоатирующаго меньшинства и необходимости бороться съ послѣднимъ.

Бабёфъ былъ и въ другомъ отношеніи провозвѣстникомъ современнаго соціализма: для совершенія имущественнаго переворота онъ призывалъ массы къ политической организаціи, къ дружному нападенію на существовавшее правительство, поддерживающее интересы „кучки грабителей", къ установленію истиннаго народовластія, истинной республики, которая будетъ уже не „соединеніемъ всѣхъ видовъ тираніи", а основою „благосостоянія и счастія всѣхъ людей". Можно критиковать его заговорщицкую тактику, которая состояла въ томъ, чтобы съорганизовать небольшое, но крѣпко сплоченное тайное общество и при помощи его произвести политическій переворотъ съ цѣлью основать коммунистическую республику. Но въ основѣ этихъ пріемовъ лежала вѣрная мысль, что лишь политическая дѣятельность можетъ вести къ осуществленію хотя бы и крайне наросшихъ и обострившихся экономическихъ требованій массъ.

Надо, кромѣ того, перенестись въ эпоху, когда жилъ и дѣйствовалъ Бабёфъ, особенно въ послѣдніе годы первой республики. Не его вина, что все выше и выше подымавшая голову политическая и соціальная реакція подавляла широкую и свободную организацію передовыхъ партій, демократическихъ клубовъ и т. п.: *„исключительнымъ* патріотамъ",—какъ называли въ шутку умѣренные и консерваторы крайнихъ республиканцевъ,—приходилось работать въ тѣни и тайнѣ. Съ другой стороны, тогдашняя исторія изобиловала примѣрами какъ не удававшихся, такъ и удававшихся переворотовъ, которые совершались враждующими за власть партіями часто при помощи не особенно значительныхъ силъ. Пусть припомнятъ лишь дни 9-го термидора (паденіе Робеспьера), 1—2-го прэріаля (возстаніе монтаньяровъ), 13-го вандемьера (попытка роялистовъ), и т. п. Такъ что самъ по себѣ заговоръ равныхъ, раздавленный Директоріей въ самомъ началѣ, благодаря доносу одного изъ участниковъ, бывшаго агентомъ-провокаторомъ, не могъ во всякомъ случаѣ являться чѣмъ-то химерическимъ и дѣтски-нелѣпымъ, какъ то принято думать среди филистерствующихъ историковъ, которые охотно смѣшиваютъ объективность съ поклоненіемъ успѣху...

Замѣчательны также для той эпохи нѣкоторые другіе взгляды Ба-

бёфа, предвосхищающаго въ нихъ мысли, которыя лишь впослѣдствіи получатъ полное право гражданства въ соціализмѣ. Такъ, напр., сквозь обычныя его современникамъ (а не одному ему,—и я подчеркиваю это обстоятельство въ виду буржуазной критики бабувизма представленія о централизованномъ и сильномъ правительствѣ, у Бабёфа болѣе или менѣе ясно проглядываетъ идея о такой формѣ будущей власти въ коммунистическомъ обществѣ, которая замѣнитъ, согласно ставшей позже популярною формулѣ, „управленіе людьми администраціей вещей". Бабёфъ въ одномъ изъ номеровъ своего „Народнаго Трибуна" выражается слѣдующимъ образомъ: „Единственнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли (обезпеченія всѣмъ людямъ извѣстнаго благосостоянія Н. Р.) является установленіе *общей администраціи*: необходимо отмѣнить частную собственность; прочно привязать каждаго человѣка къ занятію, къ которому онъ способенъ, къ ремеслу, которое онъ знаетъ; заставить сдавать свой продуктъ въ натурѣ въ общественные магазины и установить чисто распредѣлительные административные органы, продовольственную администрацію [1]), которая будетъ вести точную запись всѣхъ людей и всѣхъ предметовъ и распредѣлять послѣдніе на началахъ тщательной равномѣрности, доставляя ихъ каждому гражданину на домъ" [2]).

Еще опредѣленнѣе этотъ экономическій (производственно-распредѣлительный) характеръ коммунистическаго правительства выступаетъ въ пропагандистской брошюрѣ бабувистовъ, имѣющей видъ открытаго письма къ противнику предлагаемой „Равными" коренной реформы. Эта брошюра интересна еще тѣмъ, что въ ней рисуются такія черты будущаго строя, которыя показываютъ, въ какой степени ошибочно представлять себѣ Бабёфа въ видѣ узкаго фанатика и приверженца аскетическаго общежитія, такъ какъ тутъ нашъ коммунистъ опять таки высказываетъ нѣкоторые взгляды, близкіе къ идеямъ позднѣйшихъ соціалистовъ.

Полемизируя съ своимъ (воображаемымъ?) противникомъ, говорящимъ о „необходимости правительства", Бабёфъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что будущій строй, основанный на „коллективномъ трудѣ", будетъ пред-

---

[1]) По ученію Бабёфа, „правительство становилось не болѣе какъ простой администраціей, которой поручено поддерживать равновѣсіе производства, обращенія и внѣшней торговли",—говоритъ съ своей стороны Адвіелль, авторъ „Исторіи Бабёфа и Бавувизма", заключающей интересные документы, но испорченной хаотичностью плана и длинными отступленіями Адвіелля во вкусѣ французскаго „радикала-соціалиста". Victor Advielle, *Histoire de Gracchus Babeuf et du babuvisme;* Парижъ, 1884, въ двухъ томахъ; т. I, стр. 210.

[2]) *Le Tribun du peuple*, I, 100—106, n° 35 отъ 9-го фримера IV года (29-го ноября 1796 г.). Цитирую по небольшой, но интересной книжкѣ Альбера Тома (Albert Thomas), представляющей, если можно такъ выразиться, хрестоматію наиболѣе интересныхъ выдержекъ изъ Бабёфа: „Бабёфъ. Ученіе равныхъ": Спб., 1907, стр. 57 (переводъ съ французскаго Ю. Стеклова).

ставлять собой „крайне простой механизмъ". Лица, поставленныя обществомъ для охраненія его, будутъ находиться подъ „строгимъ контролемъ остальныхъ гражданъ" и не станутъ „сохранять свою власть вопреки желанію народа". И, однако, эта „мудрая власть", функціонирующая въ будущемъ строѣ, не только справится съ организаціей производства и распредѣленіемъ продуктовъ въ одной какой-нибудь мѣстности, но и обезпечитъ „равномѣрное распредѣленіе предметовъ потребленія между всѣми коммунами республики или между тѣми общинами, которыя пожелаютъ примкнуть къ новой организаціи".

При новомъ устройствѣ, гдѣ трудъ станетъ обязательнымъ для каждаго, „минимальная затрата" его уже гарантируетъ людямъ „величайшія удобства жизни". Не „аскетическая жизнь", а „уменьшеніе лишеній, испытываемыхъ массой" и „максимальное счастье каждаго члена общества" будутъ служить руководящими принципами „коммунистической республики", которая „одна только будетъ богата, блестяща и всемогуща". Тогда „ремесла" размѣстятся тамъ, гдѣ будетъ всего полезнѣе для членовъ общежитія, отказавшихся отъ „всякой частной собственности и торговли"; и „сближеніе" этихъ ремеслъ „съ земледѣліемъ приведетъ къ исчезновенію крупныхъ городовъ, этого скопища всѣхъ пороковъ, и покроетъ всю Францію сѣтью деревень, населенныхъ множествомъ счастливыхъ и свободно размножающихся жителей". Отдѣльные виды работъ будутъ соединены между собою сообразно своей дѣйствительной связи. „Продукты земледѣлія и промышленности", собираемые въ „общественные склады", дадутъ коммунистическому общежитію рессурсы для удовлетворенія различныхъ потребностей гражданъ, которые получатъ доступъ и ко всевозможнымъ „развлеченіямъ". Они не только „будутъ хорошо питаться, одѣваться": въ новомъ строѣ будутъ удовлетворены всѣ высшія стороны ихъ существованія. „Когда наука и искусство освободятся отъ такого стимула, какъ періодическая стѣснительная нужда, геніальный человѣкъ станетъ руководствоваться только стремленіемъ къ славѣ и, быстро стряхнувши съ себя иго лести и эгоизма меценатовъ, начнетъ служить исключительно интересамъ всего общества. Мѣсто фривольныхъ поэмъ, неказистой архитектуры и безцвѣтныхъ картинъ займутъ цирки, храмы и прекрасные портики, гдѣ верховный народъ, нынѣ живущій въ худшей обстановкѣ, чѣмъ домашнія животныя, станетъ черпать въ памятникахъ и философскихъ твореніяхъ знаніе, примѣръ и любовь къ мудрости" [2]).

Мы видимъ, какъ несправедливо было бы видѣть въ Бабёфѣ грубаго и узкаго апологета коммунистическаго хлѣва для людей, въ чемъ его

[1]) L. C., стр. 69.

обвиняютъ дешевые остроумцы буржуазнаго лагеря. Человѣкъ, который понялъ классовый и противорѣчивый характеръ современной цивилизаціи, указалъ на значеніе роста сознанія среди эксплуатируемыхъ массъ, на необходимость политической борьбы для осуществленія новаго и лучшаго строя; который подчеркнулъ роль хозяйственной „администраціи" въ коммунистическомъ общежитіи, призналъ за одну изъ существенныхъ чертъ послѣдняго соединеніе промышленности съ земледѣліемъ и обусловливаемое этимъ исчезновеніе современныхъ чудовищныхъ городовъ; который явился горячимъ защитникомъ развитія человѣческой личности, стремящейся къ наукѣ, искусству, свободному порыву чуждаго процессу купли и продажи генія,—такой человѣкъ заслуживаетъ того, чтобы быть однимъ изъ родоначальниковъ современнаго соціализма. И онъ, дѣйствительно, былъ такимъ. Позже мы увидимъ, какую роль бабувизмъ сыгралъ въ выработкѣ новѣйшихъ соціалистическихъ ученій.

А теперь мы переходимъ къ характеристикѣ трехъ великихъ творцовъ соціальныхъ системъ, въ лицѣ которыхъ соціализмъ, согласно французской поговоркѣ, временно отступаетъ, съ тѣмъ, однако, чтобы дальше прыгнуть впередъ, а именно теряетъ свой политическій и революціонный характеръ, какой онъ имѣлъ у Бабёфа, но съ тѣмъ, чтобы глубже вскрыть сущность современнаго строя и освѣтить рядомъ геніальныхъ предвидѣній картину вырабатывающагося гармоническаго общежитія людей-братьевъ.

Эти три великіе творца системъ были тремя великими утопистами. Ихъ имена—Сэнъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ.

II.

Три великіе утописта: Сэнъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ

Мы назвали этихъ соціальныхъ мыслителей „великими утопистами". Но въ извѣстномъ смыслѣ они заслуживаютъ эпитета, который Викторъ Консидеранъ приложилъ уже въ половинѣ прошлаго вѣка къ одному изъ нихъ, а именно своему учителю, Шарлю Фурье, назвавъ его „отцомъ научнаго соціализма" [1]). Дѣйствительно, нѣкоторыми сторонами своихъ доктринъ они положили основаніе научной критикѣ современнаго строя и научному же предвидѣнію элементовъ, изъ которыхъ выработается новый строй. Представленіе о нихъ только, какъ о сентиментальныхъ фантазерахъ или наивныхъ филантропахъ, далеко не покрываетъ всей мощи и сложно-

---

[1]) V. Considerant, *Le socialisme devant le vieux monde, ou le vivant devant les morts*; Парижъ, 1849, стр. 214: „le plus grand génie des temps modernes, le Père du Socialisme scientifique".

сти ихъ умственныхъ фигуръ. Наоборотъ, всѣ они трое, хотя каждый по своему, страстно стремились поставить на научную, объективную почву отрицательную и положительную работу своей мысли, анализъ нестроеній существующаго порядка вещей и выработку идеальной системы будущаго.

Но, прежде чѣмъ познакомиться поближе съ выдающимися пунктами міровоззрѣнія каждаго изъ трехъ „великихъ утопистовъ",—а въ этомъ и вся цѣль предлагаемой пока читателю части моихъ этюдовъ,—не мѣшаетъ, можетъ быть, опредѣлить путемъ сравненія главную особенность идейной физіономіи того, и другого, и третьяго.

Всѣ три мыслителя могутъ считаться современниками и двое младшихъ изъ нихъ, Шарль Фурье и Робертъ Оуэнъ, почти сверстниками: Оуэнъ родился въ 1771 г. и умеръ въ глубокой старости, 87 лѣтъ отъ роду, въ 1858 г.; Фурье родился годомъ позже Оуэна, въ 1772 г., и умеръ еще въ 1837 г., на 66-мъ году своей жизни; почти въ такомъ же возрастѣ умеръ и Сэнъ-Симонъ, который родился 12 годами раньше Фурье, въ 1760 г., но который и умеръ 12 годами раньше Фурье, въ 1825 г. Всѣ трое одною половиною своей жизни принадлежали такимъ образомъ XVIII-му вѣку, другою XIX-му. Всѣ трое въ сознательномъ возрастѣ пережили исполненную міровыми событіями эпоху на рубежѣ двухъ столѣтій: оба француза были на своей родинѣ свидѣтелями и вольными или невольными участниками величайшаго въ мірѣ политическаго переворота, положившаго начало современному конституціонному строю на континентѣ Европы; англичанинъ былъ въ своей странѣ свидѣтелемъ и участникомъ столь же великаго экономическаго переворота, который на развалинахъ мелкихъ самостоятельныхъ ремеслъ воздвигнулъ колоссальное зданіе капиталистическаго производства. Немудрено, что каждый изъ трехъ геніевъ, реагируя по своему на гигантскую матеріальную и идейную революцію, открывавшую новый періодъ въ исторіи человѣчества, но при сохраненіи режима частной собственности, создавалъ и свою систему, которая—съ одной стороны—отрицала основныя черты окружавшаго ихъ строя, а съ другой—развертывала планъ иного, лучшаго общества. Отсюда настойчивое и частое заявленіе каждымъ изъ геніальныхъ утопистовъ о великомъ соціальномъ открытіи, сдѣланномъ имъ, именно имъ, а не кѣмъ-либо другимъ. Отсюда сравненіе себя, на которое никто изъ нихъ не скупится, съ Коперникомъ, Ньютономъ, Колумбомъ, добывшими новыя и чрезвычайно важныя истины для человѣчества, которое было бы обречено безъ нихъ на вѣчныя заблужденія и все-таки не безъ сопротивленія принимало даже уже готовыя открытія. Отсюда отрицательное отношеніе не только къ тѣмъ или другимъ предшественникамъ, но ко всей или почти ко всей цивилизаціи и предыдущей работѣ умовъ.

Но въ этомъ общемъ для всѣхъ трехъ новаторовъ отношеніи къ реформируемой жизни и мысли у каждаго замѣчаются свои оттѣнки, у каждаго звучитъ свой тембръ. Сэнъ-Симонъ поражаетъ широтой и грандіозностью своихъ историко-философскихъ взглядовъ. Когда вы мысленно переноситесь въ эпоху Сэнъ-Симона, стараетесь представить себѣ болѣе или менѣе ясно, что же собственно знали даже выдающіеся въ то время мыслители въ области соціологіи, и сопоставляете съ этимъ то, что внесъ въ науку о развитіи человѣческаго общества нашъ авторъ, то вы поражаетесь оригинальностью и силою, съ какою Сэнъ-Симонъ развертываетъ законъ общественной эволюціи. Вы можете возражать противъ той или иной мысли, можете даже цѣликомъ выбрасывать то или другое звено въ длинной цѣпи историческихъ смѣнъ, образующихъ во мнѣніи Сэнъ-Симона картину развитія человѣчества. Но вы не можете не проникнуться энтузіазмомъ къ мыслителю, который связываетъ различные періоды общественной эволюціи однимъ понятіемъ закономѣрности. Какъ мы далеки отъ Вольтера, несмотря на свою геніальную разносторонность утверждавшаго, что отъ малыхъ причинъ могутъ быть великія послѣдствія! Сэнъ-Симонъ наоборотъ энергично заявляетъ, говоря объ „общемъ законѣ, управляющемъ вселенной“: „Я не могу по этому поводу удержаться, чтобы не замѣтить, что очень мало людей способны разсуждать относительно великихъ фактовъ, что многіе должны любить чтеніе труда, озаглавленнаго „Великія событія, порождаемыя малыми причинами“, и что, однако, этотъ трудъ не могъ быть и не былъ ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ по самому существу своему ошибочнаго (essentiellement vicieuse) воззрѣнія, ибо всякое слѣдствіе необходимо должно быть пропорціонально причинѣ“ [1]).

Мастерство, съ какимъ Сэнъ-Симонъ провѣряетъ, несмотря на отдѣльныя ошибочныя представленія, скороспѣлыя обобщенія и прямо странныя мысли,—свою основную идею о неизбѣжной общей эволюціи („про-

---

[1]) Это мѣсто находится въ первой части „Мемуара относительно науки о человѣкѣ“, написаннаго Сэнъ-Симономъ въ 1813 г., въ первый періодъ его литературной дѣятельности. Цитируемъ его по трехтомному изданію (Лемонье) „Избранныхъ сочиненій“: *Oeuvres choisies de C.-H. de Saint-Simon précédées d'un Essai sur sa doctrine*, Брюссель и Лейпцигъ, 1859, т. II, стр. 123. Замѣтимъ по этому поводу, что это изданіе, довольно полно обрисовывающее Сэнъ-Симона философа, гораздо хуже знакомитъ насъ съ Сэнъ-Симономъ экономистомъ (соціалистомъ) и соціологомъ. Для послѣдней цѣли приходится обращаться къ хаотическому и, несмотря на свою крайнюю громоздкость, тоже неполному для самого Сэнъ-Симона изданію „Сочиненій Сэнъ-Симона и Анфантэна“, выпущенному въ свѣтъ душеприказчиками послѣдняго: *Oeuvres de St-Simon et d'Enfantin*; Парижъ, 1865 — 1878, 47 т. (съ двойной нумераціей томовъ, общей и частной, такъ что, напримѣръ, т. I сочиненій Сэнъ-Симона соотвѣтствуетъ т. XVII „общаго изданія“ и т. д.). Это изданіе мы будемъ обозначать просто „Oeuvres“.

грессѣ") человѣчества, по истинѣ импонируетъ читателю. Разрозненныя и порою прямо регрессивныя стадіи человѣческой исторіи сростаются у Сэнъ-Симопа въ волнообразную, но непрерывную линію движенія общества впередъ, по пути предначертанному самими свойствами отдѣльнаго человѣка и всего человѣческаго общежитія. И самая успѣшность дѣятельности руководителей общества, главнымъ образомъ ученыхъ, зависитъ, согласно Сэнъ-Симону, оттого, въ какой степени эти выразители коллективнаго сознанія нападаютъ на законъ прогресса, слѣдуя которому они только и могутъ направлять общество куда нужно, избѣгая вреднаго сопротивленія неизбѣжному ходу развитія. Въ частности, напримѣръ, при оцѣнкѣ нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ среднихъ вѣковъ, которые французскимъ просвѣтителямъ XVIII столѣтія казались сплошь варварскими, Сэнъ-Симонъ по истинѣ напоминаетъ своимъ отношеніемъ къ феодальному строю отношеніе Маркса къ капиталистическому обществу. Какъ этотъ послѣдній, глубоко проникая своимъ анализомъ въ самую толщу буржуазнаго строя, открываетъ, однако, въ самыхъ противорѣчіяхъ его начало всесильной эволюціи, которая положитъ ему конецъ, такъ Сэнъ-Симонъ, отмѣчая пріобрѣтенія, сдѣланныя человѣчествомъ въ, такъ называемые, „вѣка варварства", показываетъ неизбѣжность превращенія военно-феодальнаго общества въ общество мирное и промышленное.

Соотвѣтственно съ этимъ пониманіемъ относительности историческаго „добра" и „зла" Сэнъ-Симонъ смягчаетъ свою гордыню оригинальнаго мыслителя и свой отрицательный взглядъ на предшественниковъ, не додумавшихся до его соціальнаго „открытія", тѣмъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ мыслителямъ дѣлаетъ исключеніе и цитируетъ съ большимъ почтеніемъ имена Декарта (котораго онъ ставитъ особенно высоко), Ньютона, даже своего бывшаго современника Кондорсэ. Они, по его мнѣнію, достигли серьезныхъ результатовъ въ извѣстныхъ областяхъ научнаго знанія, и теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы или пополнить эти пріобрѣтенія дальнѣйшими выводами въ той же сферѣ, или же распространить ихъ на другія сферы. Смѣлость новатора, бьющаго въ забрало многовѣковымъ предразсудкамъ, соединяется у Сэнъ-Симона по-истинѣ съ геніальной вдумчивостью соціолога. И ниже мы увидимъ, чѣмъ современный соціализмъ обязанъ автору „Катехизиса промышленниковъ" и „Новаго христіанства"...

Фурье силенъ другими сторонами ума. Можно относиться съ добродушной улыбкой, какъ къ странностямъ геніальнаго чудака, къ установленному имъ плану 80000-лѣтняго существованія „животнаго и растительнаго міра" съ дѣленіемъ на 16 восходящихъ и 16 же нисходящихъ „серій" и

съ „обоюдогармоническимъ“ періодомъ „апогея счастія“ по срединѣ [1]). Хотя и въ этихъ философско-историческихъ фантазіяхъ вы встрѣтитесь съ ослѣпительными искрами генія, напр., когда Фурье отмѣчаетъ въ видѣ особенности первобытнаго строя „свободу любовныхъ отношеній“ и отсутствіе брака; или наоборотъ, когда онъ описываетъ паденіе этой первоначальной гармонической организаціи вслѣдствіе „дѣленія на несвязанныя между собой хозяйства“ и установленія брака; или когда онъ характеризуетъ „патріархатъ“ деспотическою властью мужчины надъ женами и рабами въ семьѣ и такою же властью „пашей и тирановъ“ въ обществѣ, т. е. предугадываетъ отличающіяся наибольшею вѣроятностью гипотезы современной соціологіи.

Но, повторяемъ, сила Фурье не въ историко-философскихъ взглядахъ на общую эволюцію человѣчества. Онъ великъ прежде всего, какъ критикъ современнаго общества, столь жарко ненавидимой имъ „цивилизаціи“, всѣ недостатки и лжи, всѣ матеріальныя и моральныя противорѣчія которой онъ вскрываетъ словно на анатомическомъ столѣ съ геніальностью ученаго и съ неистощимымъ, крайне своеобразнымъ злорадно-веселымъ юморомъ крупнѣйшаго художника-бытописателя. Въ этомъ смыслѣ Энгельсъ по праву называетъ его „сатирикомъ“, и притомъ „однимъ изъ величайшихъ сатириковъ всѣхъ временъ“, [2]) что повторяетъ за нимъ и Бебель. [3]) Оставаясь всегда послѣдовательнымъ своему методу *„абсолютнаго сомнѣнія* по отношенію ко всѣмъ предразсудкамъ и *абсолютнаго отклоненія* по отношенію ко всѣмъ извѣстнымъ теоріямъ“ [4]), Фурье не преклоняется ни передъ какимъ существующимъ учрежденіемъ, какъ бы почтенно и древне оно ни было, ни передъ какой принятой идеей, какъ бы неоспорима она ни казалась. Вся исторія человѣчества представляется ему, со времени исчезновенія первобытныхъ отношеній, прогрессомъ насилія, эксплуатаціи, лжи, лицемѣрія, вообще всякой нелѣпицы. Точно также онъ строгъ по отношенію къ предшествующей работѣ человѣческой мысли: за „двадцать пять вѣковъ“ существованія, такъ называемыя, нравственныя и общественныя науки не сдѣлали ничего для счастія людей. Фурье говоритъ съ жесточайшей ироніей о „Платонахъ, Сенекахъ, Вольтерахъ, Руссо“ и отзывается съ полнымъ уваженіемъ, какъ кажется, лишь о Ньютонѣ, да и то оговариваясь,

---

[1]) См. любопытную „Таблицу хода соціальнаго движенія“, приложенную къ первому большому труду Фурье „Теорія четырехъ движеній“: Charles Fourier, *Theorie des quatre mouvements et des destinées générales*; въ „Oeuvres complètes“, Парижъ, 2-е изд., 1841, т. I, стр. 52.

[2]) Friedrich Engels. *Herrn Eugen Dührings' Umwälzung der Wissenschaft*. Лейпцигъ, 1878, II, стр. 217.

[3]) A. Bebel, *Charles Fourier. Sein Leben und seine Theorien*, Штутгартъ, 1888, стр. 284.

[4]) *Théorie des quatre mouvements*, стр. 7.

что знаменитый ученый открылъ лишь одинъ изъ четырехъ видовъ всеобщаго тяготѣнія, а три другихъ пришлось открыть ему, самому Фурье, Ньютону нашихъ дней. Историческая перспектива и пониманіе эволюціи, какъ видите, въ гораздо меньшей степени развиты у Фурье по сравненію съ Сэнъ-Симономъ.

Но за то съ какой глубиной онъ проникаетъ въ самую сущность современнаго общества! Какъ рельефно онъ изображаетъ чудовищныя экономическія бѣдствія настоящаго строя, строя „торговаго феодализма", который основываетъ роскошь немногихъ на лишеніяхъ громаднаго большинства; изъ самаго изобилія продуктовъ создаетъ нищету производителей, вслѣдствіе „плеторы" (переполненія) рынка; вызываетъ колоссальную трату производительныхъ силъ общества путемъ хаотической, несогласованной дѣятельности „несвязанныхъ между собою хозяйствъ"; и на развалинахъ счастія, спокойствія, благосостоянія, человѣколюбія, добродѣтели людей воздвигаетъ царство лжи и эксплуатація кучки монополистовъ крупнаго капитала.

Посмотрите, съ другой стороны, съ какой неподражаемой силой кисти онъ рисуетъ нравственную деморализацію современнаго общества. Чего стоитъ одинъ его трактатъ объ „іерархіи рогоносцевъ" (hiérarchie du cocuage) и „коррективахъ" брака, соединяющій въ себѣ горечь Свифта и веселый смѣхъ Раблэ и не оставляющій желать ничего лучшаго въ смыслѣ уничтожающей критики настоящей семьи. Можно смѣло сказать, что эти и имъ подобныя страницы въ состояніи замѣнить цѣлую библіотеку книгъ, посвященныхъ этому вопросу, и притомъ своею смѣлостью и остроуміемъ далеко оставляютъ за собою творенія присяжныхъ поставщиковъ гривуазной литературы.

Но Фурье великъ и какъ положительный, творческій умъ, который при помощи грандіознаго воображенія и геніальнаго чутья конструировалъ, если можно такъ выразиться, матеріальный и психическій механизмъ будущаго строя. Какъ будутъ поддерживать свое существованіе и чѣмъ будутъ наполнять свою жизнь люди грядущаго гармоническаго общества; какіе стимулы будутъ управлять человѣческими дѣйствіями,—всѣ эти вопросы поставлены и разобраны Фурье съ изумительнымъ размахомъ общей работы фантазіи и съ изумительной же, почти педантической точностью при опредѣленіи подробностей плана. И тутъ приходится удивляться даже не столько мастерству, съ какимъ Фурье строитъ экономическій, производственный скелетъ будущаго общества, которое будетъ основано на кооперація, на коллективномъ трудѣ своихъ членовъ, сколько тонкости психологіи, съ какой великій мыслитель прикрѣпляетъ къ этому скелету мускулы и нервы разнообразнѣйшихъ человѣческихъ страстей, которыя только

и придадутъ своей мощной и взаимно уравновѣшенной игрой остову хозяйственной ассоціаціи характеръ гармоническаго соціальнаго организма, живого союза людей-братьевъ.

Порою вы не можете удержаться отъ восхищенія и вмѣстѣ смѣха, видя, съ какою виртуозностью Фурье разрѣшаетъ, казалось бы, самые неразрѣшимыя столкновенія между личнымъ и общественнымъ интересами, между эгоистическими и самоотверженными стремленіями. Онъ словно нарочно выводитъ на подмостки будущаго общежитія людей съ, такъ называемыми, инстинктами любостяжанія, зависти, непостоянства, обжорства, властолюбія, интриганства и показываетъ вамъ, какъ эти отрицательныя стороны человѣка превращаются въ положительныя, мало того въ условія прочности и привлекательности будущаго строя при помощи той или иной комбинаціи страстей. Такъ геніально только можетъ вести себя съ бѣдными смертными, далеко не похожими на ангеловъ, только благодѣтельное божество, или, по крайней мѣрѣ, абсолютный духъ Гегеля, каковой духъ тоже, какъ извѣстно, обладаетъ необыкновенною хитростью, чтобы заставить людей итти къ предначертанной имъ общей цѣли, якобы повинуясь своимъ эгоистическимъ расчетамъ... Вообще же въ области человѣческой психологіи Фурье остается непревзойденнымъ. И по нашему глубокому убѣжденію, послѣ него до сихъ поръ не сдѣлано ничего существенно важнаго для выясненія вопроса, какимъ образомъ человѣкъ современнаго общества „со всѣми страстьми его и похотьми его“ можетъ все-таки войти въ новое лучшее общежитіе и даже придать ему достаточную прочность, пока не выработается иное счастливое и благородное человѣчество.

Блѣденъ, и сухъ, и одностороненъ покажется вамъ, въ особенности на первыхъ порахъ, Робертъ Оуэнъ, когда вы перейдете къ изученію его взглядовъ послѣ широкихъ философско-историческихъ перспективъ Сэнъ-Симона и то глубоко критическихъ, то геніально фантазирующихъ экскурсовъ Фурье. Типичный англичанинъ, онъ обладалъ „кусочнымъ“ умомъ и былъ человѣкомъ одной идеи, одного „основного принципа“, какъ онъ самъ признавался въ своей „Автобіографіи“,—или „человѣкомъ одной книги“, какъ говаривали римляне временъ паденія, увѣщевая бояться такого субъекта, согласно поговоркѣ, приводимой однимъ изъ святыхъ отцовъ церкви: timeo hominem unius libri. Его излюбленная идея зачастую играетъ у него роль надоѣдливой маніи, того, что французы называютъ картиннымъ выраженіемъ „scie“ (пила), а англичане не менѣе картиннымъ „bore“ (буравъ). Но этой „пилой“ и этимъ „буравомъ“ онъ неутомимо разрушалъ преграды, поставляемыя соціальному перевороту традиціонными предразсудками человѣчества, и вводилъ въ его сознаніе понятіе о новомъ строѣ. Упомянутая излюбленная мысль заключается въ томъ,

что характеръ людей зависитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ обстоятельствъ, лежащихъ внѣ ихъ воли, и прежде всего отъ общественнаго строя, въ которомъ они живутъ. Отсюда практическая и болѣе заостренная формула, которую онъ даетъ за руководство соціальнымъ реформаторамъ въ своихъ „Опытахъ объ образованіи человѣческаго характера“ и ставитъ даже эпиграфомъ къ первому изъ нихъ: „Всякій общій характеръ, отъ самаго лучшаго, до самаго худшаго, отъ самаго невѣжественнаго до самаго просвѣщеннаго, можетъ быть приданъ любому общежитію (community), и даже цѣлому міру, путемъ надлежащихъ средствъ; каковыя средства въ значительной мѣрѣ находятся въ распоряженіи и подъ контролемъ тѣхъ, кто имѣетъ вліяніе на дѣла людей“ [1]).

Эту мысль онъ переворачивалъ въ теченіе своей долгой жизни на всѣ лады, и немудрено, что на многихъ его сочиненія производятъ впечатлѣніе повторенія и скуки. Но нужно уяснить себѣ „характеръ“ самого Роберта Оуэна и ходъ его мыслей, равно какъ представить себѣ въ цѣломъ всю карьеру этого фабриканта-филантропа, во вторую половину своей жизни ставшаго уже самымъ послѣдовательнымъ коммунистомъ, чтобы понять всю неизбѣжность этого типа работъ, а понявъ, найти въ нихъ привлекательность грандіозной соціальной idée fixe, отнюдь не исключающей при томъ своеобразнаго убѣдительнаго краснорѣчія. Однимъ изъ недавнихъ біографовъ Оуэна было вѣрно отмѣчено сочетаніе въ его личности чертъ истиннаго апостола и свойствъ высоко практичнаго дѣльца, понимающаго и для идейной пропаганды все значеніе „рекламы“ [2]).

Этой рекламой, съ ея безконечными повтореніями, съ ея, если можно такъ выразиться, торговыми акафистами, и были въ значительной степени сочиненія Оуэна, который на служеніе великимъ планамъ соціальнаго преобразованія отдаетъ всю энергію и всю практическую сметку фабриканта и продавца товаровъ. Своими безпрестанными повтореніями онъ, на подобіе своихъ обыкновенныхъ собратовъ по ремеслу, вбиваетъ гвоздь въ голову читателей, пріучаетъ ихъ къ мысли о доброкачественности этихъ, а не другихъ продуктовъ. И сколько такихъ рекламъ, такихъ соціальныхъ

---

[1]) Robert Owen, *A new view of Society, or Essays on the formation of the human character, preparatory to the development of a Plan for gradually ameliorating the Condition of Mankind*; Лондонъ, 1817; 3-е изд., стр. 19.

[2]) Dolléans, *Robert Owen*, стр. 2: „la force de rayonnement que la publicité donne à l'apostolat“ —Русскій переводчикъ книжки Доллэана, г. Сувировъ, напрасно, по моему мнѣнію, передаетъ здѣсь терминъ publicité болѣе абстрактнымъ и слабымъ словомъ „гласность“ (см. „Робертъ Оуэнъ, его жизнь и ученіе“, изд. Библіотеки „Просвѣщенія“, стр. 2). Здѣсь Доллэанъ употребляетъ выраженіе „publicité“ въ современномъ чисто коммерческомъ смыслѣ: у каждой крупной торговой фирмы во Франціи есть свой особый service de la publicité, свое „рекламное бюро“...

прейскурантовъ пустилъ въ обращеніе Оуэнъ въ теченіе своей долгой жизни, прибѣгая къ формѣ не однихъ только болѣе или менѣе теоретическихъ „опытовъ“ и „взглядовъ“, но и „манифестовъ“, докладовъ, „адресовъ“ ко всевозможнымъ „классамъ и профессіямъ“, начиная отъ вѣнценосныхъ особъ и кончая революціонными вожаками рабочихъ, „плановъ“ идеальныхъ общинъ, „декларацій принциповъ“, публичныхъ лекцій съ преніями и безъ оныхъ, и т. д., и т. д. Стоитъ только взглянуть на обложку любого изъ изданій функціонировавшаго подъ руководствомъ Оуэна „общества для внутренней колонизаціи“ (*The Home Colonization Society*), т. е. для устройства коммунистическихъ общежитій, чтобы поразиться обиліемъ пропагандистскаго и агитаціоннаго матеріала, бросавшагося Оуэномъ и его школой въ публику.

Но оборвать на этой чертѣ характеристику умственной физіономіи Оуэна значитъ исказить ее, представить односторонней и лежащей на одной плоскости, словомъ, лишить ее жизненной тѣлесности и могучаго рельефа. Оуэнъ былъ не только пропагандистомъ и организаторомъ коммунистическихъ предпріятій, но и несомнѣнно оригинальнымъ мыслителемъ. Изъ носившихся тогда въ воздухѣ идей просвѣтителей XVIII вѣка о добротѣ человѣка въ естественномъ состояніи и изъ собственныхъ опытовъ надъ быстрымъ улучшеніемъ своихъ рабочихъ, поставленныхъ въ лучшія экономическія и нравственныя условія, Оуэнъ создалъ систему коммунизма, становившуюся все болѣе и болѣе цѣльной, послѣдовательной и продуманной въ своихъ частяхъ. И въ этомъ нельзя не видѣть самостоятельности и смѣлости его мысли, дѣлающей глубоко соціальные выводы изъ тѣхъ самыхъ положеній раціоналистической философіи, которыя обосновывали и освящали крайній индивидуализмъ входившей въ силу буржуазіи. Недаромъ Оуэнъ любилъ давать эпитетъ „новый“ своимъ обобщающимъ работамъ даже въ самыхъ заглавіяхъ ихъ: „*Новый* взглядъ на общество“—таково общее названіе его этюдовъ объ образованіи характера; „*Новый* нравственный міръ“—такъ озаглавлено его главное сочиненіе, въ которое нужно внимательно вчитываться, чтобы передъ вами, несмотря на внѣшнія несовершенства изложенія, обрисовалась вся оригинальность умственной физіономіи апостола коммунизма.

Въ этомъ трудѣ, полное заглавіе котораго читается такъ: „Книга новаго нравственнаго міра, заключающая раціональную систему общества“ [1]), Оуэнъ доходитъ до удивительной энергіи въ изображеніи всѣхъ нелѣпостей современнаго строя и до своеобразнаго, сдержаннаго, но трогательнаго

---

[1]) *The book of the New moral world, containing the Rational system of Society*; Лондонъ, 1849, въ семи частяхъ (появлявшихся отдѣльно брошюрами въ 1842—1844 г.).

своею искренностью паѳоса при обрисовкѣ главнѣшихъ чертъ „раціональнаго общества". И такое впечатлѣніе авторъ производитъ, не взирая на свою обычную манеру повтореній и отсутствіе литературной отдѣланности.

Читайте его могучую, по истинѣ героическую аттаку противъ „частной собственности, которая портитъ характеръ владѣльца различными путями"; вызываетъ въ немъ „гордость, тщеславіе, несправедливость и угнетеніе съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ другихъ людей"; „ограничиваетъ человѣческій умъ непосредственнымъ *я* и его мелкими дѣлами, между тѣмъ, какъ тотъ же владѣлецъ, если бы онъ былъ воспитанъ съ самаго рожденія внѣ деморализующаго вліянія желанія пріобрѣтать и сохранять частную собственность, былъ бы доведенъ этимъ воспитаніемъ до пониманія выгодности общихъ интересовъ и универсальныхъ идей" [1]).

Обратитесь далѣе къ тѣмъ страницамъ, гдѣ Оуэнъ, находя основаніе религіи въ „универсальномъ инстинктѣ" всякаго живого существа стремиться къ счастію, дѣлаетъ жесточайшее нападеніе на „теологію", какъ систему попытокъ воздѣйствовать на великіе законы мірозданія: „Всѣ способности человѣческой расы, которыя употреблялись или еще употребляются на этотъ конецъ, не только расточаются, не только теряются безслѣдно для личностей и цѣлаго человѣчества, но ежедневно и ежечасно причиняютъ величайшее зло обществу, подвергаютъ самой мучительной агоніи душу и тѣло многихъ и многихъ... Умъ, получившій исключительно теологическій характеръ, есть не только самый безполезный и ирраціональный, но также и самый пагубный умъ на землѣ; и чѣмъ скорѣе можно будетъ положить ему конецъ, тѣмъ скорѣе человѣчество станетъ мудрымъ, добродѣтельнымъ, раціональнымъ, здоровымъ и счастливымъ. Теологія—болѣзнь, тяжкій недугъ человѣческихъ способностей. Когда человѣка сдѣлаютъ здоровымъ, она станетъ неизвѣстна" [2]).

Не менѣе „теологіи", такъ называемаго, божескаго закона, достается отъ Оуэна и „закону" человѣческому, господствующей системѣ подавленія „преступленій": „законъ, подобно теологіи, основанъ на лжи или заблужденіяхъ воображенія относительно естественныхъ качествъ человѣческой природы, и потому всѣ его пріемы гораздо хуже, чѣмъ просто безполезны. Законъ воображаетъ, будто человѣкъ, по самой основной природѣ своей, (by his original constitution) имѣетъ произвольную власть вѣрить или не вѣрить, любить или ненавидѣть, по повелѣнію другихъ. Онъ годится, поэтому, подобно теологіи, лишь на то, чтобы запутывать, смѣшивать, ставить въ затруднительное положеніе человѣческія способности и дѣлать

[1]) *The book of the New moral world*, часть VI, стр. 41.
[2]) X. L. c., часть III, стр. 31—32.

человѣка самымъ непослѣдовательнымъ и самымъ неразумнымъ изъ всѣхъ земныхъ животныхъ“ [1]).

Столь же рѣзко отрицательно Робертъ Оуэнъ, хотя лично былъ примѣрнымъ мужемъ и отцомъ, вооружается противъ современнаго, регламентированнаго брака и видитъ въ немъ помѣху „добродѣтели, истинѣ, здравому смыслу и счастію“ людей. Виной этой регламентаціи опять таки нелѣпый предразсудокъ: „пріученные съ колыбели вѣрить тому, будто они обладаютъ способностью по желанію любить и ненавидѣть, люди часто говорятъ или клянутся другъ другу, что они будутъ питать самую искреннюю взаимную любовь до самой смерти, въ данный моментъ совершенно не зная того, что по самымъ законамъ своей природы не въ ихъ силахъ можетъ быть любить другъ друга хоть еще одну недѣлю, или даже двадцать четыре часа; ибо взглядъ, слово, извѣстный поступокъ могутъ разрушить эту любовь менѣе, чѣмъ въ часъ“ [2]).

И рядомъ съ этимъ неуклоннымъ, энергичнымъ обличеніемъ современныхъ настроеній изъ устъ нашего соціальнаго апостола исходитъ оживленная проповѣдь новаго строя, основаннаго на „научныхъ ассоціаціяхъ большихъ семействъ“, которыя, расширяясь концентрическими кругами, превратятъ весь „человѣческій родъ въ одну семью братьевъ и сестеръ, занимающую въ мирѣ и гармоніи, какъ нераздѣльное фамильное имѣніе и всеобщую собственность, всю поверхность земли, сушу и море; устраняющую всякій предлогъ для спора, зависти или конкуренціи... Миръ и вѣчно радостная дѣятельность будутъ царить въ каждой семьѣ; повсюду будутъ изобиловать богатства; деньги станутъ безполезны; духовныя лица, законники и враги, какъ существа хуже, чѣмъ просто безполезныя, не будутъ воспитываться для своихъ негодныхъ цѣлей; конечно, прекратятся и войны, и громадныя издержки, вызываемыя этими расточительными профессіями въ смыслѣ времени, труда и разрушенія раціональныхъ способностей человѣка, будутъ совершенно сбережены. Не будетъ ни купли, ни продажи, и даже никакой необходимости обмѣниваться цѣнностями на цѣнности, послѣ того, какъ новая система настолько укрѣпится, что сдѣлаетъ ненужными пріемы настоящей хаотической системы“ [3]).

Полагаю, что для читателя достаточно выяснились особенности каждаго изъ трехъ великихъ утопистовъ: широта философско-историческихъ взглядовъ Сэнъ-Симона; глубина критики и грандіозность творческаго воображенія Фурье; безстрашіе и энергія отрицанія современнаго строя и проповѣди коммунистическаго общества Оуэна. Мы теперь можемъ перейти

[1]) Ibid, стр. 32.
[2]) L. c., часть VI, стр. 36—37.
[3]) Ibid., стр. 51—52 passim.

къ изложенію самыхъ главныхъ результатовъ, добытыхъ тремя великими мыслителями, подчеркивая уже не столько то, что принадлежитъ каждому изъ нихъ въ противоположность двумъ другимъ, сколько то, что вообще было сдѣлано ими и завѣщано соціализму.

Мы мимоходомъ упомянули выше, что родоначальники новѣйшаго соціализма стремились утвердить свои системы на научной основѣ. И, дѣйствительно, каковы бы ни были ихъ отклоненія и противорѣчія при выполненіи этой задачи, было бы ошибочно считать ихъ утопистами въ томъ смыслѣ, что они старались рѣшить соціальный вопросъ путемъ однихъ мечтаній и чувствительныхъ разсужденій о благѣ человѣчества. Наоборотъ, ихъ идеаломъ было примѣнить къ общественнымъ явленіямъ пріемы научнаго мышленія, которое, какъ извѣстно, ставитъ своею задачею изученіе дѣйствительности и изъ этого изученія выводитъ возможность предвидѣнія, а стало быть, и направленія хода вещей. Послѣдующая формула позитивизма „знать, чтобы предвидѣть; предвидѣть, чтобы дѣйствовать“, кстати сказать, выдвинутая Огюстомъ Контомъ, находившимся въ молодости подъ сильнымъ вліяніемъ одного изъ великихъ утопистовъ, Сэнъ-Симона, несомнѣнно уже заключается, прямо или косвенно, въ болѣе сжатомъ или болѣе развернутомъ видѣ во взглядахъ на общественныя явленія разсматриваемыхъ нами гигантовъ соціалистической мысли.

Фурье хочетъ основать и надѣется, что основалъ „соціальную науку“. И если отбросить фантастическую форму „откровенія“, въ которую облекается порою для него самого работа его геніальной интуиціи, то и его глубокая критика современнаго общества, и его грандіозное построеніе будущаго общества изъ иной, болѣе сложной и гармонической комбинаціи уже существующихъ матеріальныхъ и нравственныхъ элементовъ носятъ на себѣ несомнѣнный характеръ правильнаго научнаго мышленія, идущаго отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и ставящаго на этомъ пути болѣе или менѣе широкія гипотезы. Онъ, дѣйствительно, несмотря на причудливые зигзаги своей, опьяненной творческимъ энтузіазмомъ, мысли, выполняетъ требованія научнаго изслѣдованія, тѣ „философскіе принципы“, которымъ, по его мнѣнію, какъ разъ не слѣдуютъ установившіе ихъ „философы“, держащіеся старыхъ взглядовъ на общество. Фурье „наблюдаетъ вещи, которыя захочетъ узнать, а не придумываетъ ихъ“. Онъ „сомнѣвается и обращается къ опыту“. Онъ „идетъ путемъ анализа и синтеза“, и т. д. [1]). И кто приведетъ себѣ на память тѣ многочисленныя мѣста

---

[1]) См. *Théorie de l'unité universelle* (первоначально появившуюся подъ заглавіемъ *Traité de l'association domestique—agricole ou attraction industrielle;* т. I, стр. 197; составляетъ томъ второй второго изданія „Oeuvres complètes“, Парижъ, 1843.

сочиненій Фурье, въ которыхъ авторъ вскрываетъ чудовищныя экономическія и моральныя нестроенія общества, основаннаго на существованіи „несвязанныхъ между собой хозяйствъ“ (ménages incohérents), или конструируетъ механизмъ игры страстей въ гармоническомъ строѣ, тотъ не можетъ не преклониться передъ аналитической трезвостью ума Фурье, счастливо дополняемой синтезирующимъ воображеніемъ, составляющимъ одно изъ законнѣйшихъ средствъ научнаго изслѣдованія.

У Сэнъ-Симона взглядъ на человѣческое общество не только наученъ по существу, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ основаніяхъ, но облекается зачастую даже въ терминологію, которая чрезъ посредство Канта и позитивистовъ перешла и въ соціологію нашихъ дней. Въ своемъ этюдѣ о „реорганизаціи европейскаго общества“, устанавливая значеніе взаимно пополняющихъ другъ друга синтеза и анализа, апріорной и апостеріорной „операцій“ научнаго метода изслѣдованія, онъ пишетъ слѣдующія по истинѣ замѣчательныя строки: „Отъ приложенія этого метода всякая наука пріобрѣтаетъ свою достовѣрность; благодаря ему она становится положительной, перестаетъ быть гадательной; и это имѣетъ мѣсто лишь послѣ цѣлыхъ вѣковъ заблужденій, неточныхъ и недостовѣрныхъ предположеній. До сихъ поръ методъ наукъ, основанныхъ на наблюденіи, не былъ примѣненъ къ политическимъ вопросамъ; каждый приносилъ сюда съ собой свою собственную манеру видѣть, разсуждать, судить, и отсюда происходитъ то, что до сихъ поръ здѣсь не существуетъ еще ни точности въ рѣшеніяхъ, ни обобщающаго характера (généralité) въ результатахъ. Наступило время, когда это младенчество науки должно прекратиться, и конечно, желательно, чтобы оно прекратилось; ибо изъ неясностей политики рождаются замѣшательства въ общественномъ строѣ“ [1]).

Ниже мы обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторые важные выводы, къ которымъ пришелъ Сэнъ-Симонъ въ области соціальной эволюціи, примѣняя къ общественнымъ наукамъ пропагандируемый имъ методъ наблюденія.

Съ неменьшей энергіей и Оуэнъ говоритъ о необходимости науки для постройки „раціональной системы“ общества. Его личное „открытіе“, указывающее на неизбѣжность коммунистическаго строя для разрѣшенія великаго соціальнаго вопроса, вопроса о счастіи человѣчества, является, по его уже словамъ, какъ бы результатомъ длиннаго процесса срастанія

---

[1]) *Oeuvres choisies*, II, стр. 276.—Сочиненіе, откуда взята эта цитата, написана Сэнъ-Симономъ и его тогдашнимъ любимымъ ученикомъ, Огюстеномъ Тьерри, въ октябрѣ 1814 и носитъ длиннѣйшее заглавіе: *De la réorganisation de la société européene, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance nationale.*

разрозненныхъ человѣческихъ знаній въ одно цѣлое: „До сихъ поръ населеніе земного шара прогрессировало, начиная отъ состоянія совершеннаго невѣжества, путемъ медленнаго накопленія отдѣльныхъ фактовъ и постепенной комбинаціи большаго или меньшаго числа ихъ въ частныхъ областяхъ, пока не были открыты различныя ограниченныя науки. Эти науки представляютъ собой необходимые результаты прочныхъ и неизмѣняющихся фактовъ, а потому и дѣйствительное знаніе въ противоположность къ гадательнымъ предположеніямъ воображенія, не опирающимся на такіе факты.

„Пока знаніе фактовъ было таково, что его хватало лишь для составленія ограниченныхъ взглядовъ на отдѣльные предметы, то и населеніе земного шара въ соотвѣтствіи съ этимъ находилось въ періодѣ таинственныхъ и совершенно случайно построенныхъ гипотезъ. Переходя чрезъ это состояніе, человѣчество испытывало слѣпую всеобщую борьбу (contest) за средства обезпеченнаго прочнаго существованія, борьбу не только за жизнь самихъ борющихся сторонъ, но и за ихъ собственныхъ потомковъ на всѣ, если возможно такъ сказать, будущія времена; и міръ, слѣдовательно, удерживался въ состояніи постоянной противоположности интересовъ и войны. Только теперь, въ настоящій важный періодъ человѣческой исторіи, умъ человѣческій пріобрѣлъ способность продвинуться отъ объединенія изолированныхъ фактовъ въ ту или другую отдѣльную науку къ объединенію всѣхъ такихъ наукъ съ цѣлью установленія новаго строя человѣческой жизни.

„Въ первоначальномъ состояніи люди боролись за средства исключительно животнаго существованія, при помощи дикаго насилія; нынѣ они борются за это при помощи обманчивыхъ искусствъ полуцивилизованнаго существованія; но теперь сдѣлано открытіе, что можно добыть болѣе, чѣмъ чисто животное существованіе, — что, объединяя изолированныя до сихъ поръ науки, можно не только обезпечить всѣмъ и безъ всякой борьбы высшее животное существованіе, но добыть и обезпечить для всего человѣческаго рода жизнь, полную быстраго развитія и высокаго наслажденія; и такимъ образомъ, въ первый разъ въ исторіи прогресса человѣчества, счастіе сдѣлается досягаемымъ для всѣхъ людей“ [1]).

Это замѣчательное мѣсто, въ которомъ Оуэнъ очень близко подходитъ и къ дарвинской борьбѣ за существованіе, и къ соціальной борьбѣ людей на почвѣ противоположныхъ интересовъ, и къ теоріи развитія производительныхъ силъ, дающаго возможность человѣчеству уже и теперь жить счастливо при измѣненіи общественнаго строя,—это мѣсто, говоримъ мы, показываетъ, въ какой степени и у третьяго великаго утописта было

---

[1]) The book otf he New moral world; III, стр. 3 „предисловія“.

стремленіе, и стремленіе въ значительной мѣрѣ осуществленное, поставить соціальный вопросъ на научную почву. Не мѣшаетъ кстати по этому поводу замѣтить, что излюбленную мысль Оуэна объ образованіи человѣческаго характера нельзя истолковывать себѣ, — какъ это часто замѣчается у буржуазныхъ критиковъ великаго коммуниста, — въ видѣ грубой и черезчуръ упрощенной формулы, гласящей будто человѣкъ есть при рожденіи настоящая tabula rasa, чистый листъ бумаги, и что его особенности зависятъ исключительно отъ внѣшнихъ условій. Ибо Оуэнъ прекрасно знаетъ, что это не совсѣмъ такъ, совершенно опредѣленно выражаясь въ самомъ же началѣ своей „Книги о новомъ нравственномъ мірѣ“: „... Человѣкъ есть *сложное существо* (курсивъ принадлежитъ самому Оуэну. Н. Р.), характеръ котораго образованъ его конституціей или организаціей при рожденіи и воздѣйствіемъ на нее внѣшнихъ обстоятельствъ отъ рожденія до смерти; при чемъ такая первоначальная организація и внѣшнія вліянія постоянно взаимодѣйствуютъ одно на другое“. Оуэнъ прямо говоритъ даже, что „нѣтъ двухъ человѣческихъ существъ, организація которыхъ при рожденіи была бы совершенно похожа; и поэтому искусство не можетъ сформировать двухъ совершенно похожихъ индивидуумовъ“; но что „тѣмъ не менѣе конституція всякаго ребенка, за исключеніемъ случаевъ органической болѣзни, способна къ переработкѣ въ *очень низшее* или же *очень высшее* существо, въ соотвѣтствіи съ качествами внѣшнихъ условій, которымъ позволили воздѣйствовать на эту конституцію съ самаго рожденія“ [1]).

Вотъ почему, говоря о „фабрикаціи характера“, Оуэнъ постоянно имѣетъ въ виду прирожденныя качества человѣка, которыя играютъ роль „сырого матеріала“. Онъ утверждаетъ, что путемъ изученія свойствъ этого матеріала и употребленія надлежащихъ „машинъ“, — въ данномъ случаѣ пріемовъ воспитанія,—мы можемъ добиться наилучшихъ результатовъ при выработкѣ характера. Коммунистическій строй не претендуетъ такимъ образомъ на то, чтобы „фабриковать“ совершенно одинаковыхъ людей, но ставитъ своею цѣлью утилизировать на благо всего общества природныя различія индивидуумовъ, правда, уменьшая въ нихъ тѣ несходства, которыя объясняются лишь страшною разницею во внѣшней обстановкѣ.

Проницательный, безстрашно критическій взглядъ на общество приводитъ великихъ утопистовъ къ вѣрному пониманію эволюціи человѣчества и условій, при которыхъ оно можетъ подняться на высшую, гармоническую ступень. Всѣ трое они, какъ нельзя лучше, видятъ, что до сихъ

---

1) L. c., I, стр. 1, passim.

поръ человѣческое общество развивалось путемъ ожесточенной борьбы между различными своими дѣленіями: расами, государствами, классами. Столкновенія этихъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, соціальныхъ группировокъ подчеркнуты въ особенности Сэнъ-Симономъ. И если ученики Маркса цитируютъ между его предшественниками по части выработки ученія о борьбѣ классовъ — Гизо, Минье, Тьерри, то въ этомъ отношеніи можно было бы съ еще большимъ правомъ цитировать Сэнъ-Симона. Вѣдь, Тьерри былъ одно время ревностнымъ послѣдователемъ новатора, его секретаремъ и любимымъ ученикомъ, часто служившимъ геніальному мыслителю для того, чтобы придать болѣе законченную литературную форму его наскоро набросаннымъ въ разговорѣ мыслямъ. Что касается до Гизо, то, какъ извѣстно, его лекціи о среднихъ вѣкахъ дали Сэнъ-Симону поводъ печатно благодарить въ остроумно иронической формѣ будущаго главу доктринеровъ за популяризацію его, сэнъ-симоновскихъ идей. При чемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, какъ Гизо находилъ центръ тяжести исторической борьбы на почвѣ Франціи въ расовыхъ столкновеніяхъ галловъ съ франками, Сэнъ-Симонъ подчеркивалъ наоборотъ борьбу военно-феодальныхъ классовъ съ мирно-промышленными и, мало того, охватывалъ этой формулой всю средневѣковую европейскую исторію и новѣйшія времена.

Нѣтъ, кажется, ни одного сочиненія Сэнъ-Симона, въ которомъ эта мысль о борьбѣ классовъ не высказывалась бы съ большей или меньшей отчетливостью, а въ послѣднюю эпоху его дѣятельности даже въ формѣ, почти не оставляющей желать ничего лучшаго въ смыслѣ пониманія отношеній между правящими и подчиненными классами. Если вы только будете постоянно держать въ умѣ своеобразную терминологію Сэнъ-Симона, который подъ именемъ „промышленниковъ“ соединяетъ въ одинъ классъ какъ рабочихъ, такъ и предпринимателей, участвующихъ болѣе или менѣе лично въ производствѣ или, по крайней мѣрѣ, руководящихъ имъ (но лишь нерантье), то вы не откажете Сэнъ-Симону въ очень рельефномъ, можно сказать, современномъ взглядѣ на соціально-политическую организацію феодальнаго и буржуазнаго обществъ. Напримѣръ: „До революціи нація была раздѣлена на три класса, а именно: дворяне, буржуа и промышленники. Дворяне управляли, буржуа и промышленники оплачивали ихъ. Въ настоящее время нація раздѣлена уже только на два класса: буржуа, совершившіе революцію и направлявшіе ее въ своихъ интересахъ, разбили исключительную привилегію дворянъ на эксплуатацію общественнаго достоянія; они заставили принять себя въ классъ правящихъ, такъ что промышленники должны въ настоящее время оплачивать уже дворянъ и буржуа“ [1]).

[1]) *Catéchisme des industriels*; въ „Oeuvres choisies“, т. III, стр. 71.

Стоитъ только обратить вниманіе на то обстоятельство, что тогдашнее состояніе промышленности, не успѣвшей еще цѣликомъ уложиться въ форму крупнаго капитализма, вызывало у Сэнъ-Симона вполнѣ понятную иллюзію тождества предпринимателей и рабочихъ, вамъ станетъ какъ нельзя наиболѣе ясно, что приводимая цитата очень точно изображаетъ настоящее состояніе общества, при которомъ представители землевладѣнія и капитала („дворяне и буржуа", по терминологіи Сэнъ-Симона) въ качествѣ правящаго класса противостоятъ подчиненному имъ классу рабочихъ („промышленниковъ").

Совершенно же въ духѣ современнаго соціализма Сэнъ-Симонъ дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что по мѣрѣ того, какъ классъ паразитовъ будетъ вытѣсняться классомъ трудящихся, измѣнится и самая форма политическихъ отношеній: господство человѣка надъ человѣкомъ уступитъ мѣсто „дѣйствію людей на вещи", и правительство превратится въ завѣдываніе, въ „администрацію общихъ интересовъ" человѣческаго союза [1]). И,—что уже совсѣмъ замѣчательно для начала прошлаго столѣтія, — Сэнъ-Симонъ, увлеченный геніальнымъ ходомъ своей мысли, бросаетъ здѣсь ослѣпительный, какъ молнія, взглядъ, на отношеніе соціальныхъ ученій къ самой эволюціи общества: „Систему общественной организаціи не создаютъ, но замѣчаютъ новую образовавшуюся связь идей и интересовъ и указываютъ на нее,—вотъ и все. Соціальная система есть фактъ, или же она—ничто. Это не я самъ создалъ проектъ конституціи, основанія котораго я изложилъ; надъ созданіемъ его трудилась масса европейскаго населенія въ теченіе восьми предшествующихъ вѣковъ" [2]).

Въ своемъ сочиненіи о „Соціальной организаціи" Сэнъ-Симонъ выводитъ даже необходимость новаго порядка вещей изъ прогресса идей и вообще сознанія массы. Онъ считаетъ вполнѣ доказаннымъ, что классъ народа, т. е. громадное большинство націи, достигло такого умственнаго развитія, котораго совершенно достаточно для того, чтобы во Франціи могла установиться соціальная организація, имѣющая прямою цѣлью общественное благо" [3]). Онъ посвящаетъ въ этой работѣ цѣлую главу для обоснованія той мысли, что „разъ классъ пролетаріевъ достигъ такихъ успѣховъ въ основной цивилизаціи, какъ и классъ собственниковъ, то законъ долженъ сдѣлать пролетаріевъ соціетаріями" [4]), т. е. полноправными членами и участниками въ новомъ „соціетарномъ" строѣ, основанномъ на мирной и цѣлесообразной организаціи труда.

---

[1]) *Oeuvres*, т. IV (XX), стр. 181; Парижъ, 1869 (изъ журнала „L'organisateur").

[2]) Ibid., стр. 179—180.

[3]) *Oeuvres choisies*, III, стр. 271.

[4]) Ibid., стр. 277—282.

Дѣленіе общества на классы, и особенно существенное дѣленіе его на трудящихся бѣдняковъ и богатыхъ тунеядцевъ, является у Фурье однимъ изъ главныхъ основаній современной „цивилизаціи“ и однимъ изъ ужаснѣйшихъ золъ ея. Противопоставляя картину „сложной ассоціаціи“ настоящему порядку вещей, Фурье не находитъ достаточно рѣзкихъ выраженій, чтобы заклеймить современный общественный строй, „методъ, который не умѣетъ создавать *красоту* иначе, какъ насчетъ *добра*. Все, что въ немъ есть прекраснаго, сады ли то, или зданія, непроизводительно; и вслѣдствіе этого, наоборотъ, всѣ тѣ мѣста, которыя заключаютъ въ себѣ полезное, воздѣланныя поля и мануфактуры представляютъ собою огорчительное зрѣлище для справедливаго человѣка. Тамъ видишь изголодавшихся земледѣльцевъ и рабочихъ, три четверти которыхъ никогда не ѣдятъ досыта и у которыхъ въ палящій лѣтній зной нѣтъ стакана вина, чтобы предохранить себя отъ лихорадки, ни подвижной палатки, чтобы укрыться во время жатвы отъ солнца; тогда какъ въ сосѣднемъ городѣ праздные зѣваки, собравшись подъ пестрыми маркизами, изукрашенными фалборою, обжираются мороженымъ, упиваются тонкими ликерами и всякими освѣжительными напитками“ [1]).

Сочиненія Фурье кишатъ живыми изображеніями строя, гдѣ „масса народа, т. е., по крайней мѣрѣ, семь восьмыхъ его, грабится остальной восьмой, живущей на его счетъ“; гдѣ сильные угнетаютъ слабыхъ, составляя „круговую поруку“ между собой, и держатъ бѣдняковъ въ подчиненіи при помощи „кучки жалкихъ рабовъ, называемыхъ солдатами“, роль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы „надѣвать намордникъ на безоружную массу, именуемую наемными рабочими (salariés) и приковывать ихъ къ труду“; гдѣ, наконецъ, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, и между различными классами, и внутри каждаго класса, кипитъ вражда, ведется война лицемѣрно законными и прямо беззаконными средствами и вырабатывается жестокая „ненависть къ общественному порядку“. Именно, чтобы примирить эти враждующіе классы между собой, не обездоливая ни одного изъ нихъ, Фурье и строитъ свое гармоническое общество.

Съ жаромъ обличающаго апостола Оуэнъ вскрываетъ боевой характеръ современнаго строя, основаннаго на такомъ дѣленіи на классы, на такой ужасной „классификаціи, которая должна быть разрушена, прежде чѣмъ можно будетъ устранить несправедливость и угнетеніе, порокъ и нищету. Ибо пока люди будутъ раздѣлены на касты хозяевъ и рабочихъ, господъ и слугъ, властелиновъ и подданныхъ, тирановъ и рабовъ“, мы

[1]) *Théorie de l'unité universelle*, т. III, стр. 498—499 (томъ четвертый „Oeuvres complètes“.)

будемъ стоять передъ зрѣлищемъ „разнокалиберной массы борющихся интересовъ (contending interests) во всемъ человѣческомъ родѣ“ [1]).

Порою Оуэнъ заходитъ въ своей критикѣ этого классового общества такъ далеко, что предвосхищаетъ философію исторіи, выдвинутую лишь новѣйшимъ соціализмомъ. Съ удивленіемъ передъ проницательностью мыслителя читатель находитъ яркое описаніе періода „войны изъ-за богатства“, когда всѣ силы человѣка напрягаются подъ вліяніемъ конкуренціи. И противорѣчія капиталистическаго строя, ведущія человѣчество цѣною всевозможныхъ лишеній къ новому строю, изображаются авторомъ „Новаго нравственнаго міра“ не только по существу дѣла, но и по формѣ столь близко къ Марксу, что невольно поражаютъ человѣка, даже слегка знакомаго съ исторіей развитія соціализма. Я разумѣю строки, гдѣ Оуэнъ говоритъ о наступившемъ вслѣдъ за изобрѣтеніями Уатта и Аркрайта „вѣкѣ новой мануфактурной системы въ Великобританіи, системы, которая въ своемъ непредвидѣнномъ прогрессѣ произвела, а при дальнѣйшемъ неизбѣжномъ развитіи и еще произведетъ такія измѣненія въ человѣческихъ дѣлахъ, какихъ до сихъ поръ еще никто не наблюдалъ. *Путемъ великихъ и безчисленныхъ страданій и многихъ ошибокъ въ теоріи и на практикѣ она въ надлежащее время обезпечитъ человѣчеству земной рай* (курсивъ самого Оуэна. Н. Р.); но пока, въ своемъ поступательномъ шествіи, она создала для значительной части тѣхъ, чья трудовая дѣятельность охвачена ею, худшія и болѣе пагубныя условія, чѣмъ какія когда-либо создавались дикой, охотничьей, пастушеской или земледѣльческой и торговой стадіями человѣческаго прогресса“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ Оуэнъ высказываетъ убѣжденіе, что не только скоро должна исчезнуть „всякая необходимость борьбы или соревнованія изъ-за богатства“, но и что если власть имущіе не постараются поскорѣе приняться за „дѣло реорганизаціи общества“, то это промедленіе должно будетъ „вызвать всемірную насильственную революцію вслѣдствіе угнетенія и невыносимыхъ страданій трудящагося класса и въ результатѣ безумнаго соперничества изъ-за индивидуальнаго богатства“ [3]).

Очень любопытна также у всѣхъ трехъ великихъ соціалистовъ могучая экономическая струя, которая то течетъ совершенно явно въ ихъ сочиненіяхъ, то на время прячется подъ другими элементами ихъ системъ, но постоянно давая знать о своемъ присутствіи тѣмъ или другимъ признакомъ близости. Дѣло въ томъ, что разбираемые нами мыслители наряду съ подчеркиваніемъ значенія экономической структуры общества, какъ наиболѣе

[1]) *The book* etc., I, стр. 66.
[2]) L. c., V, стр. 14.
[3]) L. c., VI, стр. 40.

важной для коллективнаго существованія людей, очень много распространяются каждый о своемъ центральномъ, по ихъ мнѣнію, пунктѣ пропагандируемаго ими ученія. Такъ Сэнъ-Симонъ видитъ Архимедовъ рычагъ преобразованія общества въ философской доктринѣ единства „положительной науки", къ которой у него присоединяется въ послѣдніе годы его жизни требованіе новой соціальной религіи, „новаго христіанства". Фурье все время возвращается къ своему ученію о гармоничной комбинаціи всевозможныхъ человѣческихъ страстей. Точно также Оуэнъ остается постоянно вѣренъ своему лейт-мотиву насчетъ „фабрикаціи характера". Это, повторяю, не мѣшаетъ, однако, нашимъ великимъ утопистамъ говорить объ экономическомъ преобразованіи общества, какъ о ключѣ къ измѣненію всѣхъ другихъ общественныхъ условій.

Выше, отмѣчая особенности проповѣднической манеры Оуэна, мы, напр., привели цитаты, изъ которыхъ было ясно видно, съ какой энергіей онъ нападаетъ на частную собственность. Это именно потому, что въ отношеніяхъ собственности Оуэнъ усматриваетъ краеугольный камень общежитія. Въ самомъ началѣ главы, откуда мы взяли упомянутыя цитаты, мы читаемъ, дѣйствительно: „Какъ только общество будетъ реорганизовано на трехъ основныхъ принципахъ истины и, въ согласіи съ общественной наукой, будутъ выработаны способы: какъ производить, поддерживать и распредѣлять богатство; какъ образовывать характеръ; и какъ управлять наилучшимъ образомъ,—такъ окажется, что богатство можетъ быть создаваемо въ крайнемъ изобиліи, сохраняемо и распредѣляемо съ пользою для всѣхъ въ видѣ времяпрепровожденія и пріятнаго упражненія; и что ни для кого не будетъ существовать необходимости или повода отягощать себя заботами и безпокойствомъ относительно частной собственности, подобно тому, какъ у лицъ, живущихъ вблизи постоянно текущей рѣки, не можетъ быть никакого желанія или мотива заботиться о томъ, чтобы наливать воду въ бутылки и бочки изъ-за страха, что ея не хватитъ. Они знаютъ, что было бы нелѣпо тратить бутылки, бочки, время и мѣсто для сбереженія ненужнаго избытка [1]).

Съ другой стороны, „пока человѣческій родъ будетъ раздѣленъ на отдѣльныя разрозненныя семейства (single separate families: какъ тутъ не вспомнить значащія буквально то же самое mènages incohérents Фурье? Н. Р.) съ частною собственностью, присвоенаго членами этихъ семействъ, до тѣхъ поръ законы природы не могутъ быть введены. Индивидуализмъ съ его противоположными интересами, раздѣляющими человѣка

---

[1]) *The book*, VI, стр. 39—40.

отъ человѣка и націю отъ націи, не можетъ существовать совмѣстно съ законами природы" [1]).

У Сэнъ-Симона собственность разсматривается какъ основаніе всякаго общежитія, и при этомъ, какъ всегда бываетъ у этого знаменитаго мыслителя, въ связи съ широко построеннымъ закономъ исторической эволюціи: „Установленіе *права собственности* и мѣры для ея охраненія является, несомнѣнно, единственнымъ базисомъ, который возможно дать любому политическому обществу... Во всѣхъ странахъ основнымъ закономъ служитъ законъ, устанавливающій *собственность*, и мѣры для ея охраненія; но изъ того, что это есть основной законъ, не слѣдуетъ, чтобы его нельзя было измѣнить. Что необходимо, такъ это законъ, который устанавливалъ бы право собственности, но отнюдь не законъ, который устанавливалъ бы его непремѣнно тѣмъ, а не инымъ способомъ. Существованіе общества зависитъ отъ сохраненія *правъ собственности*, а не отъ сохраненія именно того закона, который первоначально освятилъ это *право*. Самъ этотъ законъ зависитъ отъ еще болѣе высшаго и общаго закона, отъ того закона *природы*, въ силу котораго умъ человѣческій постоянно прогрессируетъ, отъ закона, въ которомъ всѣ *политическія общества* черпаютъ право измѣнять и усовершенствовать свои учрежденія; отъ верховнаго закона, который запрещаетъ связывать грядущія поколѣнія какимъ бы то ни было установленіемъ и *какого бы то ни было характера*. Такимъ образомъ... *индивидуальное право собственности* можетъ быть основано лишь на общей и коллективной полезности пользованія этимъ правомъ, полезности, которая можетъ измѣняться сообразно съ различными временами" [2]).

И эту мысль Сэнъ-Симонъ высказываетъ зачастую въ такой формѣ, которая не оставляетъ въ читателяхъ никакого сомнѣнія, что для него экономика имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ политика, и что послѣдняя опредѣляется первой. Таковы его формулы: „нѣтъ измѣненія въ общественномъ строѣ безъ измѣненія въ собственности"; „законъ, устанавливающій собственность, есть самый важный изъ всѣхъ, онъ служитъ основаніемъ общественному зданію. Законъ же, который устанавливаетъ раздѣленіе властей и регулируетъ ихъ функціонированіе, представляетъ собой лишь второстепенный законъ", и т. д.

У Фурье этотъ „экономизмъ" принимаетъ уже форму не только простого равнодушія, но прямой вражды къ политикѣ, которая, молъ, только отбиваетъ человѣчество отъ основной цѣли: измѣненія хозяйственной организаціи. Повертываясь спиной ко всѣмъ предшественникамъ, Фурье еще въ первомъ большомъ своемъ сочиненіи съ гордостью говоритъ: „...Я отстра-

[1]) Ibid., стр. 47—48.
[2]) *Oeuvres*, III (XIX), стр. 89—90 (Изъ „L'Industrie".)

нилъ отъ себя всякія изслѣдованія относительно того, что касалось интересовъ трона и алтаря, которыми философы занимались безъ отдыху съ самаго начала своей науки: они всегда искали общественнаго блага въ административныхъ или религіозныхъ нововведеніяхъ; я же, наоборотъ, старался искать блага лишь въ тѣхъ операціяхъ, которыя бы не имѣли никакого отношенія къ администраціи или духовному сословію, которыя покоились бы исключительно на промышленныхъ или домашнихъ мѣрахъ, и которыя были бы совмѣстимы со всякими родами правительствъ, не нуждаясь въ то же время въ ихъ вмѣшательствѣ" [1]).

Фурье жестоко издѣвается надъ „современными" ему „учеными", что „трактуютъ о *правахъ человѣка,* но забываютъ поставить принципомъ *право на трудъ,* которое, правда, недопустимо при цивилизаціи, но безъ котораго всѣ другіе безполезны" [2]). Онъ съ свойственнымъ ему столь же колючимъ, сколько забавнымъ юморомъ изображаетъ, какъ политика является лишь придаткомъ биржи въ эпоху „коммерческаго феодализма":

„... Духъ ажіотажа овладѣлъ великими міра сего; старинная знать, разорившаяся и потерявшая свои состоянія, ищетъ теперь развлеченій въ интригахъ барышничества; потомки старыхъ рыцарей блещутъ знаніемъ финансовыхъ расчетовъ и мошенническими продѣлками на биржѣ, какъ ихъ предки блистали на турнирахъ. Общественное мнѣніе простерлось ницъ предъ людьми, именуемыми *дѣльцами,* которые раздѣляютъ въ столицахъ власть съ министрами..." [3]). Для Фурье „представительныя учрежденія" лишь „игрушки", которыми политиканы дурачатъ народъ. А самъ этотъ народъ, о „самодержавіи" (souveraineté) котораго толкуютъ республиканцы, представляетъ собою поистинѣ удивительнаго владыку, голоднаго, раздѣтаго, согласнаго „продать свой голосъ за одно экю". Никакія „административныя гарантіи" немыслимы безъ предварительнаго осуществленія „промышленныхъ гарантій". Нелѣпо задаваться цѣлью измѣнить правительство, не измѣнивъ экономической организаціи. Франціи въ частности политика надоѣла. Надо пренебречь всякими толками о политическихъ реформахъ и пропагандировать промышленную реформу. Надо „примириться со всякимъ правительствомъ, будь то даже инквизиція",—такой совѣтъ даетъ Фурье „ложнымъ либераламъ" наряду съ другимъ, столь же наивнымъ: „обогатить всѣ классы гражданъ, за исключеніемъ плутовъ" [4]).

Дѣло въ томъ, что этотъ экономизмъ, означающій самъ по себѣ

---

[1]) *Théorie des quatre mouvements,* стр. 7 (томъ первый „Oeuvres complètes").
[2]) Ibid., стр. 288—289.
[3]) Ibid., стр. 396.
[4]) *Théorie de l'unité universelle,* II, стр. 394 (томъ третій „Oeuvres complètes").

серьезное пріобрѣтеніе соціологіи, принимаетъ у великихъ утопистовъ форму очень ярко выраженнаго политическаго индифферентизма. Если у Сэнъ-Симона въ среднюю полосу его пропагандистской дѣятельности наблюдалась въ этомъ отношеніи извѣстная чуткость пониманія,—такъ одно время онъ высказывался за союзъ съ парламентарной Англіей, но противъ союза съ самодержавной Россіей,—то въ общемъ три родоначальника соціализма были глубоко убѣждены, что ихъ коренная реформа общества мыслима при всякихъ режимахъ, и дѣйствовали сообразно съ этимъ убѣжденіемъ. Было бы безполезно перечислять всѣхъ монарховъ Европы, президентовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, министровъ всевозможныхъ политическихъ оттѣнковъ и вообще власть имущихъ лицъ,—Наполеоновъ, Николаевъ Первыхъ, Викторій, Бурбоновъ, Адамсовъ, Джефферсоновъ, Орлеановъ, Полиньяковъ, Казиміровъ Перье, и т. д.,—на которыхъ три великіе утописта не возлагали бы надеждъ въ дѣлѣ основного преобразованія общества, или къ которымъ бы они не обращались за помощью. Они, дѣйствительно, полагали, что лабораторный, если можно такъ выразиться, способъ рѣшенія соціальнаго вопроса, при помощи образцовыхъ новыхъ общежитій, представляетъ собою самый удобный путь для быстраго распространенія гармоническаго строя на все человѣчество, которое, молъ, неизбѣжно захочетъ подражать этимъ идеальнымъ группировкамъ людей. Поэтому-то они такъ и разсчитывали на сотрудничество представителей власти или владѣльцевъ капитала для устройства начальныхъ разсадниковъ новой соціальной организаціи. Поэтому-то они и описывали въ такихъ подробностяхъ механизмъ предлагаемыхъ ими идеальныхъ общежитій.

??? || Но эта поистинѣ утопическая задача искусственнаго конструированія новыхъ формъ жизни дала возможность этимъ гигантамъ мысли сдѣлать нѣсколько существенныхъ уже чисто научныхъ „открытій“ въ области общественной организаціи. Стараясь путемъ своихъ „фаланстеріевъ“ объединить въ гармоническую ассоціацію всѣ соціальные классы и не обидѣть при этомъ ни „труда“, ни „капитала“, ни „таланта“, Фурье блистательно поставилъ и не менѣе блистательно рѣшилъ вопросъ о естественной привлекательности человѣческаго труда, продолжающагося короткое время и переходящаго отъ одной отрасли производства къ другой. Увлеченный своею мыслію объ „ассоціаціи“, работающей подъ іерархическимъ управленіемъ „ученыхъ, артистовъ и промышленниковъ“, Сэнъ-Симонъ показалъ, однако, необходимость перехода отъ „управленія людьми“ къ „администраціи вещей“, т. е. необходимость исчезновенія современнаго классового государства и замѣны его отношеніями взаимной зависимости между свободными производителями. Авторитарный коммунизмъ Оуэна, отдающаго свои „научныя ассоціаціи мужчинъ, женщинъ и дѣтей“ подъ начало „комитетовъ“,

которые состоятъ изъ лицъ опредѣленнаго „правящаго возраста" (governing age), имѣетъ въ свою очередь ту положительную сторону, что позволяетъ автору „новаго нравственнаго міра" доказать всю необходимость общественнаго, планомѣрнаго производства и уничтоженія частной собственности на орудія труда.

Затѣмъ всѣ три великихъ утописта, рисуя производительныя ячейки будущаго въ видѣ великолѣпныхъ зданій, обитаемыхъ тысячнымъ населеніемъ кооператоровъ (1600 — 1800 членовъ у Фурье, 500—2000 у Оуэна), воздѣлывающихъ поля общины и занимающихся прежде всего переработкою продуктовъ общественнаго земледѣлія, энергически и очень убѣдительно возстаютъ противъ современнаго чудовищнаго дѣленія на городъ и деревню и предвидятъ замѣщеніе его новыми формами производства, основанными на тѣсной связи земледѣлія и промышленности. Кстати сказать, слова одного изъ новѣйшихъ біографовъ Оуэна, уже цитированнаго нами Долэана, будто Оуэнъ и Фурье представляютъ аграрный соціализмъ въ противоположность сэнъ-симонистамъ [1]), основаны, по нашему мнѣнію, на извѣстномъ недоразумѣніи. Ибо, съ одной стороны, и Сэнъ-Симонъ говоритъ: „Земледѣльческая промышленность сама по себѣ безконечно важнѣе всѣхъ прочихъ вѣтвей промышленности, взятыхъ вмѣстѣ... Вотъ почему прежде всего на *земледѣліи* и должно остановиться общественное вниманіе, а слѣдовательно, расчеты и размышленія публики" [2]). Съ другой стороны, и два великіе соперника Сэнъ-Симона, признавая громадное значеніе за земледѣліемъ, удѣляли въ своихъ „фаланстеріяхъ" и „коммунахъ" немалое мѣсто обрабатывающей промышленности.

Родоначальники современнаго соціализма были вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательными поборниками равенства женщинъ, которое, слѣдуетъ прибавить, вдвигается у нихъ въ систему преобразованія всего общества, а не виситъ на воздухѣ, какъ у буржуазныхъ феминистовъ. Здѣсь, впрочемъ, должно сдѣлать ту оговорку, что Сэнъ-Симонъ не касается въ своихъ сочиненіяхъ женщины, хотя изъ его формулы о братскихъ отношеніяхъ между людьми и изъ афоризма „общественный индивидуумъ, это — мужчина и женщина, взятые вмѣстѣ" можно было вывести, какъ это было и сдѣлано его учениками, требованіе о равноправности обоихъ половъ. За то Фурье и Оуэнъ придаютъ громадное значеніе равенству женщинъ и даже измѣряютъ положеніемъ послѣднихъ высоту общественнаго строя, считая необходимой для установленія будущаго, гармоническаго общества одинаковость воспитанія, занятій, рода жизни, личной и соціальной морали мужчинъ и женщинъ.

---

[1]) Doléans, l. c., стр. 26—27.
[2]) *Oeures*, III (XIX), стр. 107—109, passim.

Фурье пишетъ курсивомъ въ своей „Теоріи четырехъ движеній“: „*Соціальный прогрессъ и измѣненія въ теченіе того или иного періода пропорціональны прогрессу женщинъ въ области свободы, а явленія упадка (de'cadences) общественнаго порядка пропорціональны уменьшенію свободы женщинъ*. Другія событія вліяютъ также на эти политическія превратности судьбы, но нѣтъ другой причины, которая бы такъ быстро вызывала соціальный прогрессъ или регрессъ, какъ измѣненія въ участи женщинъ“ [1]).

Съ своей стороны Оуэнъ говоритъ: „... Въ этомъ новомъ общественномъ порядкѣ условія двухъ половъ подвергнутся большой перемѣнѣ. Оба они будутъ обучаться, воспитываться, работать и поставляться въ такое положеніе, чтобы дѣлаться въ теченіе жизни все лучшими и лучшими товарищами одинъ другому. Женщины будутъ столь же мало находиться въ рабствѣ и зависимости отъ мужчинъ, какъ мужчины отъ женщинъ. Въ обществѣ, дѣломъ котораго будетъ производить и распредѣлять богатство, вырабатывать характеръ людей, заниматься мѣстнымъ и общимъ управленіемъ, женщины могутъ быть такъ воспитаны, чтобы стать столь же полезными и цѣнными, какъ и мужчины и во всѣхъ тѣхъ родахъ занятій оказывать одинаково успѣшную помощь“ [2]).

Сообразно съ этимъ оба автора настаиваютъ на свободной любви, на необходимости отбросить всякую обязательную регламентацію отношеній между полами, какъ она выражается въ современномъ бракѣ, на необходимости измѣнить форму современной индивидуальной семьи, въ которой мужъ пользуется деспотической властью надъ домочадцами, а родители надъ дѣтьми. Попутно они развертываютъ картину общественнаго воспитанія дѣтей и стараются по возможности рано укрѣпить за ребенкомъ значеніе самостоятельнаго члена общества,—у Фурье, напр., начиная съ трехъ лѣтъ, когда дитя входитъ въ первыя экономическія организаціи. При чемъ взгляды этихъ „утопистовъ“ на способы и пріемы обученія и воспитанія настолько забѣгаютъ впередъ тогдашней эпохи и настолько проникнуты здравыми принципами, что нынѣ ихъ воззрѣнія останавливаютъ на себѣ вниманіе прогрессивныхъ педагоговъ отнюдь не соціалистическаго направленія [3]).

Таковы главнѣйшіе пункты ученія трехъ великихъ утопистовъ, которые далеко не нѣжно относились другъ къ другу,—такъ, напр., Фурье называлъ „шарлатанами“ и „плагіаторами“ Сэнъ-Симона и Оуэна, Оуэнъ

---

[1]) *Théorie des quatre mouvements*, стр. 195—196.

[2]) *The book*, VI, стр 37.

[3]) См., напр., въ бюиссоновскомъ (F. Buisson) *Dictionnaire de pédagogie et d'instruction primaire*; Парижъ, 1887, статьи „Fourier“ (часть первая, т. I, стр. 1045—1047) и „Owen“ (часть первая, т. II., стр. 2197—2198).

снисходительно-высокомѣрно взиралъ на „утопіи“ Фурье, а ученики Сэнъ-Симона упрекали Фурье въ полнѣйшемъ непониманіи ихъ великаго учителя, —но которые каждый по своему положили основаніе современному соціализму.

Мы переходимъ теперь къ дальнѣйшей выработкѣ этого соціализма послѣдующими представителями міровоззрѣнія труда въ лицѣ учениковъ и продолжателей трехъ великихъ утопистовъ или вообще въ лицѣ мыслителей, подвергавшихся болѣе или менѣе сильному воздѣйствію идей, брошенныхъ въ обращеніе Сэнъ-Симономъ, Фурье, Оуэномъ. То будетъ соціализмъ, становящійся все менѣе сектантскимъ и все болѣе рабочимъ, въ общемъ политическимъ и революціоннымъ, отчасти критическимъ соціализмомъ, подготовлявшимъ Маркса и Лассаля,—соціализмомъ, главнымъ образомъ, расцвѣтшимъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ на почвѣ Франціи и насчитывавшимъ въ своихъ рядахъ нѣкоторыхъ сэнъ-симонистовъ и фурьеристовъ, затѣмъ Пьера Леру, Кабэ, Прудона, Луи-Блана и т. п. Въ этой части нашей работы мы можемъ быть тѣмъ болѣе краткими, что главнѣйшія идеи соціализма были уже высказаны и обоснованы тремя геніальными мыслителями, съ которыми мы познакомили читателей; и что здѣсь намъ придется нѣсколько останавливаться лишь на тѣхъ продолжателяхъ ихъ, взгляды которыхъ болѣе сильно воздѣйствовали на Россію.

Н. С. Русановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За полвѣка.

(Глава изъ воспоминаній [1]).

Некрасова и Салтыкова я не встрѣчалъ лично—до возвращенія изъ-заграницы въ 1871 году. Өедора Достоевскаго зазналъ я уже позднѣе. Къ его брату Михаилу, уже издававшему журналъ „Время“, обращался всего разъ, предлагалъ ему одну изъ пьесъ, написанныхъ мною въ Дерптѣ, передъ переѣздомъ въ Петербургъ. Съ Тургеневымъ я познакомился въ 1864 году, когда былъ уже издателемъ „Библіотеки“.

Изъ другихъ выдающихся журналистовъ былъ у Краевскаго, возилъ ему другую пьесу, но онъ предложилъ мнѣ слишкомъ скудный гонораръ; я уже получалъ тогда въ „Библіотекѣ“ по 75 р. за листъ.

Никто меня такъ и не свелъ въ редакцію „Современника“. Я не имѣлъ ничего противъ направленія этого журнала *въ общемъ* и статьями Добролюбова зачитывался еще въ Дерптѣ. Читалъ съ интересомъ и „Очерки гоголевскаго періода“ тамъ же, кажется, еще не зная, что авторъ ихъ Чернышевскій, уже первая сила „Современника“ къ половинѣ 50-хъ годовъ.

Прошла вся первая зима, и я не имѣлъ повода пойти въ редакцію „Современника“. Изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Библіотеки“ Карновичъ работалъ и тамъ; но мы съ нимъ въ ту зиму были очень мало знакомы. Въ студенческихъ кружкахъ, съ какими я началъ водиться еще наѣзжая изъ Дерпта, были пылкіе сторонники идей, которымъ до появленія „Отцовъ и дѣтей“ еще никто не давалъ прозвища „нигилистическихъ“. Я былъ уже знакомъ съ студентомъ Михаэлисъ, братомъ г-жи Шелгуновой, тогдашнимъ вожакомъ петербургскаго студенчества, пріятелемъ М. Л. Михайлова, котораго я видалъ въ этомъ же кружкѣ.

Но личнаго знакомства съ „Современникомъ“ такъ и не вышло вплоть до отъѣзда моего заграницу въ 1865 году.

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“, апрѣль.

Добролюбовъ уже умиралъ. Его нигдѣ нельзя было встрѣтить. И вышло такъ, что едва ли не съ однимъ изъ корифеевъ литературнаго движенія той эпохи я лично не познакомился и даже не видалъ его, хотя бы издали, какъ это случилось у меня съ Чернышевскимъ.

А вѣдь Добролюбовъ—мой землякъ, нижегородецъ и мой ровесникъ—1836 года. Домъ его отца, протоіерея Никольской Церкви, приходился противъ нашего флигеля на „Лыковой Дамбѣ". Отца его я видалъ очень часто, хотя онъ былъ настоятелемъ не нашего прихода.

Помню его нѣсколько суровую наружность, съ черной бородой и въ очкахъ—какъ онъ ѣдетъ въ саняхъ въ консисторію, гдѣ состоялъ членомъ. Въ его домѣ долго жило семейство кн. В. Трубецкого, куда „Николаша" Добролюбовъ ходилъ еще семинаристомъ, а позднѣе студентомъ Педагогическаго Института, переписывался съ свояченицей князя, очень образованной дамой (моей знакомой) Пальчиковой, урожденной Пещуровой. И при мнѣ, въ Дерптѣ у Д—выхъ (они были въ родствѣ съ Пещуровыми) кто-то прочелъ вслухъ письмо Добролюбова—тогда уже извѣстнаго критика, гдѣ онъ горько сожалѣетъ о томъ, что во-время не занялся иностранными языками, съ грѣхомъ пополамъ читаетъ французскія книги, а по-нѣмецки начинаетъ заново учиться.

Не встрѣтился я ни въ эту, ни въ слѣдующую зиму и съ преемникомъ Добролюбова по литературной критикѣ, Антоновымъ.

Меня притягивалъ особенно сильно театръ.

Дѣла мои стояли такъ. Литературно-театральный комитетъ (гдѣ большую роль игралъ и Краевскій), одобрилъ послѣ „Фразеровъ", принятыхъ условно, и „Однодворца", и „Ребенка", безъ всякаго требованія передѣлокъ.

Обѣ пьесы лежали въ цензурѣ: драма „Ребенокъ" только-что туда поступила, а „Однодворецъ" уже нѣсколько мѣсяцевъ раньше.

Тогда театральная цензура находилась въ III Отдѣленіи, у Цѣпного моста, и съ обыкновенной цензурой не имѣла ничего общаго; а „Главное Управленіе по дѣламъ печати"—еще не существовало.

Справиться обо всемъ этомъ надо было у тогдашняго начальника репертуара императорскихъ театровъ, знаменитаго П. С. Федорова, бывшаго водевилиста и почтоваго чиновника.

Я уже являлся къ нему студентомъ, и онъ меня любезно принялъ.

Онъ посовѣтовалъ мнѣ самому поѣхать къ цензору И. А. Нордштрему и похлопотать.

Обѣ мои пьесы очень нравились комитету. „Однодворца" еще не предполагалось ставить въ тотъ же сезонъ, изъ-за цензурной задержки, а

о „Ребенкѣ“ Федоровъ сейчасъ же сообщилъ мнѣ, что ролью чрезвычайно заинтересована Ф. А. Снѣткова.

— Нашъ первый драматическій сюжетъ, прибавилъ онъ въ поясненіе.

— Вы поѣзжайте къ ней теперь же. Она очень желаетъ съ вами познакомиться.

Это было для меня особенно пріятно.

Снѣткову я уже видалъ и восхитился ею съ перваго же раза. Это было проѣздомъ (въ Дерптъ или оттуда) въ пьесѣ тогдашняго моднаго „злобиста“ Львова „Предубѣжденіе, или не мѣсто краситъ человѣка“.

Такой милой, поэтичной ingénue я еще не видалъ на русской сценѣ.

А къ 1861 году Фанни Александровна сдѣлалась уже „первымъ сюжетомъ“, особенно послѣ созданія роли Катерины въ „Грозѣ“ Островскаго.

Она жила съ своей старшей сестрой, танцовщицей, Марьей Александровной, у Владимирской церкви, въ домѣ бар. Фредерикса. Я нашелъ ее такой же обаятельной, какъ и на сценѣ, и мое авторское чувство не могъ не ласкать тотъ искренній интересъ, съ какимъ она отнеслась къ моей пьесѣ. Ей сильно хотѣлось сыграть роль Вѣрочки еще въ тотъ же сезонъ, но съ цензурой разговоры были долгіе.

Цензоръ Нордштремъ принималъ въ своемъ кабинетѣ, узкой комнаткѣ, рядомъ съ его канцеляріей, гдѣ въ числѣ служащихъ оказался и одинъ изъ сыновей Ѳаддея Булгарина, тогда уже покойнаго.

Проникать въ помѣщеніе цензуры надо было черезъ лабиринтъ коридоровъ со сводами, пройдя предварительно черезъ весь дворъ, гдѣ помѣщался двухэтажный флигель съ камерами арестантовъ. Денно и нощно ходилъ внизу часовой—жандармъ, и я, въ первый разъ въ жизни, видѣлъ жандарма *съ ружьемъ при штыкѣ*.

Мои хожденія въ это „логово“ жандарменіи продолжались очень долго. Убійственно было то, что тогда вамъ сразу не запрещали пьесу, а водили васъ мѣсяцами, иногда и годами.

Ни „Однодворца“, ни „Ребенка“ Нордштремъ не запрещалъ безусловно; но придерживалъ и кончилъ тѣмъ, что въ концѣ лѣта 1861 года я долженъ былъ передѣлать „Однодворца“, такъ что комедія (противъ печатнаго экземпляра) явилась въ значительно измѣненномъ видѣ.

„Ребенка“ мнѣ удалось спасти отъ передѣлки; но за разрѣшеніемъ я походилъ таки вплоть до начала слѣдующаго сезона.

Разъ эта волокита такъ меня раздражила, что я безъ всякой опаски въ такомъ мѣстѣ, какъ III Отдѣленіе, сталъ энергично протестовать.

Нордштремъ остановилъ меня жестомъ.

— Вы студентъ. И я былъ студентъ казанскаго университета. Вы думаете, что я ничего не понимаю?

И, указывая рукой на стѣну, въ глубь зданія, онъ вполголоса воскликнулъ:

— Но что же вы прикажете дѣлать съ тѣмъ *кадетомъ*?

А тотъ „кадетъ" былъ тогдашній начальникъ III Отдѣленія, генералъ Тимашевъ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

И онъ, дѣйствительно, былъ эксъ-кадетъ, учился гдѣ-то, не то въ пажескомъ корпусѣ, не то въ тогдашней „Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ".

Но что вышло особенно курьезно, это то, что тотчасъ за либеральной фразой цензора въ дверь просунулась голова ражаго жандармскаго „вахтера", и онъ пробасилъ:

— Ваше превосходительство, генералъ уѣхалъ!

Значитъ, вамъ всѣмъ—чинушамъ—можно итти по домамъ!

Черезъ Фанни Снѣткову и—позднѣе—П. Васильева и актера-писателя Чернышева я вошелъ и въ закулисный міръ Александринскаго театра.

Печальное воспоминаніе оставила во мнѣ „Александринка" послѣ воскреснаго спектакля, куда я попалъ въ первый разъ—переѣзжая въ Дерптъ въ ноябрѣ 1855 года—особенно во мнѣ, получившемъ отъ Московскаго Малаго театра, еще въ 1853 году, такой сильный зарядъ художественныхъ впечатлѣній.

Съ тѣхъ поръ я имѣлъ случай лучше ознакомиться съ русской драматической труппой Петербурга. Первая героиня и кокетка въ тѣ года, г-жа Владимирова, даже увлекла меня своей внѣшностью, въ переводной драмѣ О. Фелье „Далила", и этотъ спектакль заронилъ въ меня нѣчто, что еще больше стало влечь къ театру.

Въ той же „Далилѣ" я видѣлъ и Снѣткову и Самойлова и тогда только что выступившаго въ роли любовника Малышева, товарища Снѣтковой по театральному училищу.

Но все-таки я не видалъ до зимы 1860—61 г.г. ни одного замѣчательнаго спектакля, который можно бы было поставить рядомъ съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Московскомъ Маломъ театрѣ, еще семь-восемь лѣтъ передъ тѣмъ.

Нравы закулиснаго міра я спеціально не изучалъ. Въ лицѣ тогдашней первой актрисы Ф. А. Снѣтковой я нашелъ питомицу театральнаго училища, въ родѣ институтки. Она вела самую тихую жизнь и довольствовалась кружкомъ знакомыхъ ея сестры, кромѣ тѣхъ молодыхъ людей (въ

особенности гвардейцевъ, братьевъ X—хъ), которые высиживали въ ея гостиной по нѣсколько часовъ, молчали, курили и „созерцали“ ее.

Она почти нигдѣ не бывала въ городѣ. Разъ я сталъ ей говорить на эту тему.

— Артисткѣ надо знать жизнь всякихъ слоевъ общества. Вотъ вы, Ф. А., играете Катерину въ „Грозѣ“ и создаете поэтичный образъ, но, согласитесь, вы вѣдь не видали навѣрно ни одной такой купчихи? Почему вы лѣтомъ не поѣздите по Волгѣ, на пароходѣ?

— Какъ же это? Сестрица не такъ здорова, а одна... я не могу...

И вся программа ея жизни состояла въ репетиціяхъ, спектакляхъ, пріемѣ гостей, работѣ надъ ролями, изрѣдка прогулкѣ. По субботамъ и воскресеньямъ—Владимирская церковь, куда она ходила ко всенощной и къ обѣднѣ.

Писемскій любилъ распространяться на ту же тему, но въ своемъ, циническомъ вкусѣ. Онъ презиралъ „Александринку“, но особенно сильно доставалось отъ него петербургскимъ актрисамъ.

— Хоть бы онѣ *пили*, что ли? Ничего то онѣ не умѣютъ играть, какъ надо. Развѣ однихъ только д......ъ, да и то не веселыхъ, а скучныхъ, нѣмецкихъ!

Разумѣется, эти „разносы“ надо оставить на его отвѣтственности.

Кромѣ Снѣтковой, въ труппѣ былъ такой талантъ, какъ Линская, не уступавшая актрисамъ на бытовыя роли и въ московской труппѣ, и нѣсколько хорошихъ полезностей.

А мужской персоналъ стоялъ въ общемъ довольно высоко. Еще дѣйствовалъ такой прекрасный актеръ, какъ старикъ И. И. Сосницкій, создавшій два лица изъ нашего образцоваго театра: Городничаго и Репетилова.

Онъ былъ актеръ „старой“ школы, но *какой*? Не ходульной, а тонкой, правдивой, какая нужна для высокой комедіи. Когда-то „jeune premier“ въ свѣтскихъ роляхъ, Сосницкій служилъ даже моделью для петербургскихъ фешенеблей, а потомъ перешелъ на крупныя роли въ комедіи и могъ, съ полнымъ правомъ, считаться конкурентомъ М. С. Щепкина, своего старшаго соратника по сценѣ.

Только что сошелъ въ преждевременную могилу А. Е. Мартыновъ, и замѣнить его было слишкомъ трудно: такія дарованія родятся одинъ-два на цѣлое столѣтіе. Смерть его была тѣмъ прискорбнѣе, что онъ только что, со второй половины 50-хъ годовъ, сталъ *во весь ростъ* и создалъ нѣсколько сильныхъ, уже *драматическихъ* лицъ, въ пьесахъ Чернышева, въ драмѣ Потѣхина „Чужое добро въ прокъ нейдетъ“, и, наконецъ, явился Тихономъ Кабановымъ въ „Грозѣ“.

Обѣдъ, данный ему петербургскими литераторами незадолго до его смерти, было, кажется, *первое* чествованіе въ такомъ родѣ. На немъ впервые сказалась живая связь писательскаго творчества съ творчествомъ сценическаго художника.

Его ближайшій сверстникъ и соперникъ по мѣсту, занимаемому въ труппѣ и въ симпатіяхъ публики, В. В. Самойловъ, какъ разъ ко времени смерти Мартынова и къ 60-мъ годамъ, окончательно перешелъ на серьезный репертуаръ и сталъ „посягать“ даже на созданіе такихъ лицъ, какъ Шейлокъ и Король Лиръ. А еще за четыре года до того я, проѣзжая Петербургомъ (изъ Дерпта), видѣлъ его въ водевилѣ „Анютины глазки и барская спѣсь“, гдѣ онъ игралъ роль русскаго „пейзана“, въ тогдашнемъ вкусѣ, и пѣлъ куплеты.

Замѣчательно, что онъ ни тогда, ни позднѣе не связалъ своего имени ни съ Грибоѣдовымъ, ни съ Гоголемъ и только гораздо позднѣе сталъ появляться въ „Ревизорѣ“—въ маленькой роли Ростаковскаго. Островскій ему сразу не удался. Его Любимъ Торцовъ былъ найденъ дѣланной фигурой. Самойлова упрекали—особенно поклонники Садовскаго—въ томъ, что онъ игралъ это лицо слишкомъ по-своему, безъ всякаго знанія купеческаго быта, и даже позволялъ себѣ къ возгласу Торцова: „Изверги естества“ прибавлять слово „анаѳема“ и при этомъ щелкатѣ пальцами.

Самойловъ не былъ коренпымъ русакомъ. Это семейство—какъ извѣстно теперь доподлинно—еврейской крови. Онъ былъ—по своему происхожденію и воспитанію—слишкомъ петербургскій человѣкъ, пошедшій въ пѣвцы изъ горныхъ инженеровъ, послѣ какого-то публичнаго оскорбленія. Диллетантскій характеръ легъ—съ самаго начала—на его артистическую карьеру. Но такъ какъ онъ былъ *очень* талантливъ и способенъ на чрезвычайно разнообразную игру, то съ годами онъ и выработалъ изъ себя не только ловкаго, но и замѣчательнаго исполнителя, особенно въ несильной драмѣ и комедіи. Славолюбіе у него было громадное, и онъ—подчиняясь тогдашнимъ новымъ литературнымъ вкусамъ—сталъ „посягать“ на Шекспира. Эти опыты подняли его престижъ. Въ труппѣ онъ занималъ исключительное мѣсто, какъ бы „внѣ конкурса“ и выше всякихъ правилъ и обязанностей, былъ на „ты“ съ Федоровымъ, называлъ его „Паша“, сдѣлался—отчасти отъ отца, а больше отъ удачной игры—домовладѣльцемъ, членомъ дорогихъ клубовъ, гдѣ велъ крупную игру, умѣлъ обставлять себя эффектно, не бросалъ своего любительства, какъ рисовальщикъ и даже живописецъ, почему и отличался всегда *своей* гримировкой, для которой готовилъ рисунки.

Самые строгіе его судьи были москвичи, особенно Аполлонъ Гри-

горьевъ, тогда уже дѣйствовавшій въ Петербургѣ, какъ театральный критикъ, а также и актеры, начиная съ Садовскаго.

Они всѣ считали его болѣе „ловкимъ“ и „штукаремъ“, чѣмъ искреннимъ и вдохновеннымъ артистомъ. Но про него нельзя было сказать, что онъ лишенъ внутренняго чувства. Онъ могъ растрогать даже въ такой роли, какъ мужъ-чиновникъ, отъ котораго уходитъ жена, въ комедіи Чернышева „Историческая жизнь“, и въ сценѣ пробужденія Лира на рукахъ своей дочери Корделіи; да и сцену бури онъ велъ художественно, тонко, правдиво, не впадая никогда въ декламацію. Онъ былъ несомнѣнный *реалистъ*, не сбившійся съ пути въ каратыгинское время, сознательно стоявшій за правду и естественность, но слишкомъ иногда виртуозный, недостаточно развитый литературно, а главное, ставившій свое актерское „я“ выше всего на свѣтѣ.

Такихъ типовъ теперь я уже не знаю и среди самыхъ извѣстныхъ „первыхъ сюжетовъ“ столицъ и провинціи.

Обѣ сестры его Вѣра и Надежда уже покинули сцену до зимы 1860—61 годовъ. И это была огромная потеря; особенно уходъ Вѣры Васильевны.

Болѣе прямымъ конкурентомъ и соперникомъ Самойлова считался А. Максимовъ—тоже сначала водевильный актеръ, а тогда уже на разныхъ амплуа: и свѣтскихъ, и трагическихъ; такъ и онъ выступалъ въ „Королѣ Лирѣ“, въ роли Эдмонда. Онъ вѣрилъ въ то, что онъ сильный драматическій актеръ, а въ сущности былъ очень тонкій комикъ на фатовское амплуа, чему помогали его сухая, длинная фигура и испитое чахоточное лицо, и глухой голосъ въ носъ, и странная дикція.

Онъ вскорѣ умеръ жертвой—какъ и Мартыновъ—общерусскаго артистическаго недуга—закоренѣлаго алкоголизма.

Въ труппѣ почетное мѣсто занимали и два сверстника Василія Каратыгина—его братъ Петръ Андреевичъ и П. И. Григорьевъ—оба плодовитые драматурги, авторы безчисленныхъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ, очень популярныя въ Петербургѣ личности, не безъ литературнаго образованія, одинъ острякъ и каламбуристъ, другой большой говорунъ.

Съ Каратыгинымъ я познакомился уже въ слѣдующую зиму, когда ставилъ „Ребенка“, а Григорьева сталъ встрѣчать въ книжномъ магазинѣ Платкина. Тогда онъ уже осѣлся на благородныхъ отцахъ, игралъ всегда Фамусова—довольно казенно,—изображалъ всякихъ генераловъ, штатскихъ чиновниковъ, отставныхъ военныхъ. Онъ отличался „запойнымъ“ незнаніемъ ролей, а если ему приходилось начинать пьесу по поднятіи занавѣса, онъ сначала вынималъ табакерку, нюхалъ и устремлялъ взглядъ на суфлерскую будку, дожидаясь, чтобы ему „подали реплику“.

Еще не старикомъ засталъ я въ труппѣ и Леонидова, каратыгинскаго „выученика“, котораго видѣлъ въ Москвѣ въ 1853 г. въ „Русской Свадьбѣ“. Онъ оставался все такимъ же „трагикомъ“ и передъ тѣмъ, что называется, „осрамился“ въ роли Отелло. П. И. Вейнбергъ, переводчикъ, ставилъ его самъ и часто представлялъ мнѣ въ лицахъ—*какъ* игралъ Леонидовъ и что онъ выдѣлывалъ въ послѣднемъ актѣ.

То, въ чемъ онъ тогда выступалъ, уже не давало ему повода пускать такіе неистовые возгласы и жесты. Онъ состоялъ на амплуа немолодыхъ мужей (напр., въ драмѣ Дьяченко „Жертва за жертву“) и могъ быть даже весьма недуренъ въ роли атамана „Свата Ѳаддеича“ въ пьесѣ Чаева.

Лично я познакомился съ нимъ впервые на какомъ-то масляничномъ пикникѣ, по подпискѣ, въ заведеніи Излера. Онъ оказался добродушнымъ малымъ, не безъ начитанности, съ высокими идеалами по части театра и литературы. Какъ товарища—его любили. Для меня онъ былъ типичнымъ представителемъ николаевской эпохи, когда извѣстные ученики театральнаго училища выходили оттуда съ искренней любовью къ „просвѣщенію“ и сами себя развивали впослѣдствіи.

Самой интересной для меня силой труппы явился—въ тотъ сезонъ—только что приглашенный изъ провинціи на бытовое амплуа въ комедіи и драмѣ Павелъ Васильевъ, меньшой братъ Сергѣя—московскаго.

Для меня онъ не былъ совсѣмъ новымъ лицомъ. Въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, я, дерптскимъ студентомъ, уже видалъ его; но въ памяти моей остались больше его коротенькая фигура и пухлое лицо съ маленькимъ носомъ, чѣмъ то, въ чемъ я его видѣлъ.

Въ Петербургѣ появленіе П. Васильева совпало съ постановкой—послѣ долгаго запрета—первой большой комедіи Островскаго: „Свои люди сочтемся“.

Я тогда еще не видалъ Садовскаго въ Подхалюзинѣ (мнѣ привелось видѣть его въ этой роли въ Петербургѣ же, уже позднѣе), и мнѣ не съ кѣмъ было сравнивать Васильева.

Сейчасъ же чуялось въ немъ сильное и своеобразное дарованіе, при невыгодныхъ внѣшнихъ средствахъ: малый ростъ, короткая фигура, некрасивость пухлаго облика и голосъ хриповатый и—какъ и у брата его Сергѣя—въ носъ.

Подхалюзина онъ задумалъ безъ всякихъ уступокъ внѣшнему комизму серьезнаго и тихаго плута, въ гримировкѣ и въ жестахъ очень типичнаго брюнета.

Когда мы съ нимъ лично познакомились, онъ мнѣ разсказывалъ, кто послужилъ ему моделью—содержатель одного притона въ Харьковѣ, гдѣ Васильевъ долго игралъ.

Публика оцѣнила его талантъ въ первый же сезонъ, и онъ сдѣлался соперникомъ если не прямо Самойлова, то тогдашняго „бытовика“, пріятеля Островскаго, взявшаго его репертуаръ, точно на откупъ.

Это былъ, въ то время, очень популярный во всемъ Петербургѣ, Бурдинъ, про котораго уже была сложена пѣсенка:

„Онъ у насъ одинъ—
Théodore Бурдинъ!..“

Кажется, еще до переѣзда въ Петербургъ, я уже зналъ, что этотъ актеръ сдѣлался богатымъ человѣкомъ, получивъ въ даръ отъ одного откупщика каменный многоэтажный домъ на Владимирской.

Часто передавалъ мнѣ П. И. Вейнбергъ, какъ Писемскій на какой-то пирушкѣ, уже значительно „урѣзавъ“, приставалъ къ Бурдину:

— Нѣтъ, ты скажи намъ, Ѳедька, какъ ты себѣ домъ пріобрѣталъ: коли честно—научи, а коли ёрнически—покайся всенародно.

Откупщикъ Голенищевъ, подарившій ему домъ, былъ въ тогдашнемъ вкусѣ меценатъ, скучающій виверъ, мужъ извѣстной красавицы. Бурдинъ состоялъ при его особѣ, ѣздилъ съ нимъ въ Парижъ, читалъ ему, разсказывалъ анекдоты.

„Теодоръ“—москвичъ, товарищъ по одной изъ тамошнихъ гимназій Островскаго—считалъ себя въ Петербургѣ, какъ бы насадителемъ и новаго бытового реализма, и нѣкоторымъ образомъ его *alter ego*. Выдвинулся онъ ролью Бородкина (рядомъ съ Читау-матерью) къ началу второй половины 50-хъ годовъ и одно время прогремѣлъ. Это вскружило ему голову, и безъ того ужасно славолюбивую: онъ всю жизнь считалъ себя первоклассным артистомъ.

Если-бъ не эта съѣдавшая его претензія, онъ для *того времени* былъ, во всякомъ случаѣ, выдающійся актеръ съ образованіемъ, очень бывалый, много видѣвшій и за границей, съ наклонностью къ литературѣ (какъ переводчикъ), очень влюбленный въ свое дѣло, пріятный, воспитанный человѣкъ, не безъ юмора, довольно любимый товарищами. Подъѣдала его страсть къ картежной игрѣ, и онъ изъ богатаго человѣка постарался превратиться въ бѣдняка.

Про его тщеславіе ходило не мало анекдотовъ. Въ Парижѣ онъ посѣтилъ могилу Тальмы и сдѣлалъ надпись: „A Talma Théodore Bourdine“. Тамъ же онъ одинъ изъ первыхъ „заполучилъ самое Ригольбошъ“—канканёрку второй имперіи, которую каждый русскій прожигатель считалъ долгомъ пріобрѣсти.

Для Бурдина присутствіе Васильева въ труппѣ было — „ножъ острый“. Сравненіе было слишкомъ не въ его пользу. Какъ и Васильевъ,

онъ считалъ себя и комикомъ, и трагикомъ, и въ сильныхъ мѣстахъ всегда слишкомъ усердствовалъ, не имѣя настоящаго драматическаго дарованія.

Писемскій говаривалъ про него въ такихъ случаяхъ:

— Ѳедька-то Бурдинъ... понимаашь, братецъ, лампы глотаать отъ усердія...

Московскія традиціи и преданность Островскому представлялъ собою и Горбуновъ, котораго я сталъ—внѣ сцены—видать у начальника репертуара Федорова, гдѣ онъ считался какъ бы своимъ человѣкомъ. Какъ разсказчикъ — и съ подмостковъ, и въ домахъ — онъ былъ уже первый увеселитель Петербурга. По обычаю того времени, свои народные разсказы онъ исполнялъ всегда въ русской одеждѣ и непремѣнно въ красной рубахѣ.

Какъ актеръ, онъ выдѣлялся пока только Кудряшемъ въ „Грозѣ", но и всю жизнь въ немъ разказчикъ стоялъ гораздо выше актера, что и доказываетъ, что огромная подражательная способность еще не создаетъ крупнаго актера [1]).

Федоровъ (въ его кабинетъ я сталъ проникать по моимъ авторскимъ дѣламъ) поддерживалъ и молодого „jeune premier", замѣнявшаго въ ту зиму А. Максимова (уже совсѣмъ больного) — Нильскаго. За годъ передъ тѣмъ, еще дерптскимъ студентомъ, я случайно познакомился на вечерѣ въ „интеллигенціи" съ его отцомъ Нилусомъ, однимъ изъ двухъ московскихъ игроковъ, которые держали въ Москвѣ на Мясницкой игорный домъ. Оба были, одно время, высланы при Николаѣ I.

Этотъ Нилусъ, узнавъ, что я написалъ пьесу, сталъ мнѣ говорить про своего „незаконнаго" сына, который долженъ скоро выйти изъ Театральнаго Училища. Въ школѣ его звали Нилусъ, а въ труппѣ онъ взялъ псевдонимъ Нильскаго.

Я его въ первый разъ увидалъ въ переводной пьесѣ „Любовь и предразсудокъ", гдѣ онъ игралъ актера Сюлливана, еще при жизни Максимова, уже больного.

Его выпустили въ цѣломъ рядѣ ролей, начиная съ Чацкаго. Онъ былъ въ нихъ не плохъ, но и не хорошъ и превратился въ того „мастера на всѣ руки", который успѣвалъ получать свою поспектакльную плату въ трехъ театрахъ, въ одинъ вечеръ, когда считался уже первымъ сюжетомъ и получалъ 35 р. за роль.

Болѣе требовательные цѣнители никогда не ставили его высоко. Останься онъ „полезностью" — онъ былъ бы всегда желанный исполнитель; но онъ брался за все, и въ немъ можно было видѣть олицетвореніе тогдашняго чиновничьяго режима петербургскихъ сценъ.

---

[1]) О талантѣ и заслугахъ Линской я буду говорить въ слѣдующей главѣ.

Тогда вѣдь царила безусловно система привилегіи. Частныхъ театровъ не было ни одного. Императорская Дирекція ревниво ограждала свои привилегіи и даже съ маскарадовъ и концертовъ взимала плату.

Порядки на Александринскомъ театрѣ держались за два рычага— *разовая плата* и *система бенефисовъ.*

Когда я самъ сдѣлался рецензентомъ, я сталъ громить и то, и другое. И дѣйствительно, при разовой платѣ актеры и актрисы бились только изъ-за того, чтобы какъ можно больше играть, а при бенефисномъ режимѣ надо было давать каждую недѣлю новый спектакль и ставить его поспѣшно, съ какихъ-нибудь пяти-шести репетицій.

Эти порядки — не безъ участія нашихъ протестовъ — рухнули въ 1882 году; а вѣдь для нашего брата—начинающаго драматурга—и то, и другое было выгодно. Разовая плата поощряла актеровъ въ вашей пьесѣ, и первые сюжеты не отказывались участвовать, а что еще выгоднѣе, въ сезонѣ надо было поставить до 20-ти (и больше) пьесъ въ 4 и 5-ти дѣйствіяхъ; стало-быть, каждый бенефиціантъ и каждая бенефиціантка сами усердно искали пьесъ, и врядъ ли одна мало-мальски сносная пьеса (хотя бы и совершенно неизвѣстнаго автора) могла проваляться подъ сукномъ.

Я это лично испыталъ на себѣ. Пріѣхалъ я въ Петербургъ къ январю 1861 года; и обѣ мои вещи (правда, послѣ долгихъ цензурныхъ мытарствъ) были расхватаны у меня: „Однодворецъ“ для бенефиса П. Васильева въ октябрѣ того же года, а „Ребенокъ“ для бенефиса Бурдина въ январѣ слѣдующаго года. То же вышло и въ Москвѣ.

Поощренія было тогда довольно и со стороны начальства, но для этого надо было воздерживаться писать о театрѣ. Тогда декорація сразу мѣнялась.

Изъ моихъ конкурентовъ трое владѣли интересомъ публики: Дьяченко (котораго я ни тогда, ни позднѣе не встрѣчалъ); актеръ Чернышевъ и Николай Потѣхинъ, который пошолъ сразу такъ же ходко, какъ и старшій братъ его Алексѣй, писавшій для сцены уже съ первой половины пятидесятыхъ годовъ.

Чернышевъ, авторъ „Испорченной жизни“, былъ авторъ-самоучка изъ воспитанниковъ театральной школы, самъ плоховатый актеръ, безъ опредѣленнаго амплуа; до того посредственный, что казалось страннымъ, какъ онъ, знавшій хорошо сцену, по-своему наблюдательный и съ нѣкоторымъ литературнымъ вкусомъ — могъ заявлять себя, на подмосткахъ, такимъ безцвѣтнымъ? Онъ не мало игралъ въ провинціи и считался тамъ хорошимъ актеромъ, но въ Петербургѣ все это съ него слиняло.

Съ нимъ мы познакомились по „Библіотекѣ для чтенія“, куда онъ

что-то приносилъ и—сколько помню—печатался тамъ. Онъ мнѣ понравился, какъ очень пріятный собесѣдникъ, съ юморомъ, съ любовью къ литературѣ, съ искренними протестами противъ тогдашнихъ „порядковъ". Добродушно говорилъ онъ мнѣ о своей неудачной влюбленности въ Ф. А. Снѣткову, которой въ труппѣ два соперника дѣлали предложеніе, и она ни за одного изъ нихъ не пошла: Самойловъ и Бурдинъ.

Такимъ драматургамъ, какъ Чернышевъ, было еще удобнѣе ставить, чѣмъ намъ. Они были у себя дома, писали для такихъ-то первыхъ сюжетовъ, имѣли всегда самый легкій сбытъ при тогдашней системѣ бенефисовъ. Первая большая пьеса Чернышева „Не въ деньгахъ счастье" выдвинула его, какъ писателя, благодаря игрѣ Мартынова. А „Испорченная жизнь" разыграна была ансамблемъ изъ Самойлова, П. Васильева, Снѣтковой и Владимировой.

Этотъ типъ актера-писателя также уже не повторится. Тогда литература пріобрѣтала особое обаяніе, и всѣхъ-то драматурговъ (и хорошихъ, и дурныхъ) не насчитывалось больше двухъ-трехъ дюжинъ, а теперь ихъ значится чуть не тысяча.

Въ кабинетѣ Федорова увидалъ я Николая Потѣхина (уже автора комедіи „Дока на доку нашелъ") чуть ли не на другой день послѣ дебюта П. Васильева въ Подхалюзинѣ. Мой молодой собратъ (мы съ нимъ были, вѣроятно, ровесники) горячо восхищался Васильевымъ, и въ тонѣ его чувствовалось то, что и онъ „повитъ" московскими традиціями.

У него была уже наготовѣ новая пьеса: „Быль молодцу—не укоръ" съ Снѣтковой въ главной роли. Вѣроятно, и онъ увлекался ею. Что-то такое я и слыхалъ... впослѣдствіи. Онъ еще не мечталъ о поступленіи на сцену. И тогда онъ былъ такой же „картавый", съ оттѣнкомъ сѣвернаго волжскаго выговора.

Театромъ тогда стали запойно увлекаться и въ обществѣ.

Еще раньше спектакль литераторовъ заинтересовалъ Петербургъ, но больше именами исполнителей. Зала Пассажа стала играть роль въ жизни Петербурга, тамъ читались лекціи, тамъ же была и порядочныхъ размѣровъ сцена.

И я въ слѣдующій сезонъ не избѣгъ того же повѣтрія, участвовалъ въ нѣсколькихъ спектакляхъ съ персоналомъ, въ которомъ были такія силы, какъ старуха Кони и красавица Спорова (впослѣдствіи вторая жена Самойлова). Ею увлекались оба моихъ старшихъ собрата: Островскій и Алексѣй Потѣхинъ. Потѣхинъ много игралъ и въ своихъ пьесахъ, и Гоголя, и Островскаго, и самъ Островскій пожелалъ исполнить роль Подхалюзина, уже послѣ того, какъ она была создана такими силами, какъ Садовскій и П. Васильевъ.

За три самыхъ бойкихъ мѣсяца сезона вплоть до поста театральный Петербургъ показалъ мнѣ себя со всѣхъ сторонъ.

„Александринка“ тогда еще была въ загонѣ у свѣтскаго общества. Когда состоялся тотъ спектакль въ Маріинскомъ театрѣ (тамъ играла и драматическая труппа), гдѣ въ „Грозѣ“ Снѣткова привлекла и петербургскій „мондъ“, это было своего рода событіемъ.

Русская опера только что начала подниматься. Для нея не мало сдѣлалъ все тотъ же Федоровъ, прозванный „Губошлепомъ“. Въ этомъ чиновникѣ-диллетантѣ дѣйствительно жила любовь къ русской музыкѣ. Глинка не пренебрегалъ водить съ нимъ пріятельство и даже арранжировалъ одинъ изъ его романсовъ: „Прости меня, прости, небесное созданье“.

Тогда въ русской оперѣ бывали провинціалы, чиновники (больше все провіантскаго вѣдомства, по сосѣдству), офицеры и учащаяся молодежь. Любили „Жизнь за царя“, стали цѣнить и „Руслана“ съ новой обстановкой; довольствовались такими пѣвцами, какъ Сѣтовъ (тогдашній первый сюжетъ, съ смѣшноватымъ тембромъ, но хорошій актеръ) или Булаховъ, такими примадоннами, какъ Булахова и Латышева. Довольствовались и кое-какими переводными новинками, въ родѣ „Марты“, дѣлавшей тогда большіе сборы.

Но въ оперѣ были такіе таланты, какъ О. А. Петровъ и его сверстница, по репертуару Глинки, Д. М. Леонова, тогда уже не очень молодая, но еще съ прекраснымъ голосомъ и выразительной игрой.

Оригинальное композиторство только еще намѣчалось. Ставилась „Русалка“; Сѣровъ уже написалъ свою „Юдиѳь“. Образовался уже кружокъ „кучкистовъ“.

Черезъ Балакирева я ознакомился — на первыхъ же порахъ — съ этимъ русскимъ музыкальнымъ движеніемъ; но больше присматривался къ нему во второй сезонъ и въ отдѣльности поговорю объ этомъ дальше.

Остальныя три труппы императорскихъ театровъ стояли очень высоко, были каждая въ своемъ родѣ образцовыми: итальянская опера, балетъ и французскій театръ. Нѣмецкій театръ не имѣлъ и тогда особой привлекательности ни для свѣтской, ни для „большой“ публики; но все-таки стоялъ гораздо выше, чѣмъ десять и больше лѣтъ спустя.

Лично я не сталъ фанатикомъ итальянской оперы, посѣщалъ ее сравнительно рѣдко и только на третью зиму (уже редакторомъ) обзавелся абонементомъ. Тогда самымъ блестящимъ днемъ считался понедѣльникъ, когда можно было видѣть весь придворный, дипломатическій, военный и сановный Петербургъ.

Но и въ эти дни не бросалось въ глаза то усиленное франтовство, отчаянная погоня за модами, такой спортъ ношенія брилліантовъ и декольте,

какъ теперь въ Маріинскомъ, на воскресныхъ спектакляхъ балета. Все было гораздо поскромнѣе, и не царило такое стихійное увлеченіе пѣвцами, какъ въ послѣдніе годы. Не было такихъ „властителей", которые могли брать безумные гонорары и вызывать истерическіе вопли теперешнихъ психопатокъ.

А вспомните, что только что умерла (при мнѣ) Бозіо, пѣли такіе тенора, какъ Тамберликъ и Кальцолари.

Въ извѣстные дни можно было всегда достать билетъ — даже и у барышниковъ — не за разбойническія цѣны. Словомъ, тогда „улица", толпа такъ не царила: все держалось въ извѣстныхъ предѣлахъ, да и требованія были иныя.

На балетъ не такъ тратили, какъ это повелось со второй половины 80-хъ годовъ, при И. А. Всеволжскомъ; постановки не поражали такой роскошью; но хореографія была не ниже, а по обилію своихъ русскихъ талантовъ и выше.

Я засталъ самый роскошный расцвѣтъ граціи и танцевъ Петипа („по себѣ": Суровщиковой), такихъ балеринъ, какъ Прихунова, Е. Соколова, Муравьева и цѣлый персоналъ первоклассныхъ солистокъ. То же и въ мужскомъ персоналѣ съ такими исполнителями, какъ старикъ Гольцъ, самъ Петипа, Іогансонъ, Л. Ивановъ, Кшессинскій, Стуколкинъ, Пишо и т. д., и т. д.

И въ балетомана я не превратился: слишкомъ разнообразны были для меня—послѣ дерптской скудости—зрѣлища, хотя, кромѣ императорской дирекціи, никому тогда не дозволялось давать ни оперъ, ни драмъ, ни комедій, ничего!

Французская труппа (уже знакомая мнѣ и раньше, въ мои пріѣзды студентомъ) считалась тогда послѣ парижской „Comedie Française" едва ли не лучше такихъ театровъ Парижа, какъ „Gymnase" и „Vaudeville".

Сравнивать я не могъ до поѣздки въ Парижъ, уже въ 1865 году; но и безотносительно — труппа была полная и довольно блестящая, а репертуаръ — какъ и всегда — возобновлялся каждую субботу; но тогда гораздо чаще давали водевили, фарсы и бульварныя мелодрамы.

Амплуа героинь занимала роскошная блондинка, г-жа Напталь-Арно, вышедшая вторымъ бракомъ за петербургскаго игрока, г. Э. Она брала больше красотой и пластикой и въ драмѣ казалась намъ рутиннѣе и тяжелѣе, чѣмъ въ свѣтской комедіи.

Но въ труппѣ были такихъ двѣ превосходныхъ актрисы на пожилыя роли, какъ Вольнисъ и жена перваго комика Лемениль. Съ прошлымъ парижской знаменитости, когда-то блестящей и увлекательной jeune pre-

mière, Вольнисъ держала теперь амплуа матерей и характерныхъ персонажей, какъ никто позднѣе, вплоть до настоящей минуты. Комическій персоналъ вообще выдѣлялся тогда: въ труппѣ еще состояли такіе артисты, какъ Леминиль, Верне, Дешанъ, Пешна, Тетаръ и цѣлый ассортиментъ молодыхъ хорошенькихъ актрисъ, въ томъ числѣ и знаменитая когда-то наѣздница (и даже директорша бывшаго „императорскаго“ цирка Лора Бассенъ.

Дирекція держала въ своихъ рукахъ, какъ я уже замѣтилъ, всѣ артистическія удовольствія Петербурга, и даже концерты давались только съ ея разрѣшенія. До поста ихъ давали мало. Любимыми „утрами“ были университетскіе симфоническіе концерты подъ управленіемъ віолончелиста Шуберта. Постомъ начинался въ театрахъ рядъ бенефисныхъ „живыхъ картинъ“ — тогдашняя господствующая и единственная форма драматическихъ зрѣлищъ, такъ какъ ни оперы, ни балета, ни драмы давать постомъ не разрѣшали. Къ посту и для меня пришло время подумать о подготовкѣ къ экзамену на кандидата административнаго права.

Весь этотъ развалъ сезона далъ мнѣ вкусить тогдашнюю столичную жизнь въ разныхъ направленіяхъ. Въ писательскій міръ я уже былъ вхожъ, хотя еще съ большими пробѣлами, въ театральный также, публичныя сборища посѣщалъ достаточно.

Черезъ двоихъ моихъ сожителей по квартирѣ В. Д—кова и П. Г—на я ознакомился отчасти и съ сферой молодыхъ гвардейцевъ. Они оба вышли изъ пажескаго корпуса, и одинъ изъ нихъ, Г., кончилъ курсъ въ Артиллерійской Академіи, а Д. состоялъ вольнымъ слушателемъ въ университетѣ. Въ военную службу никто изъ нихъ не поступилъ.

Для меня, какъ для будущаго бытописателя, не лишенными интереса оказались и ихъ воспоминанія, разсказы, анекдоты кадетъ о лагерной службѣ и всѣ ихъ ближайшіе пріятели, служившіе въ разныхъ частяхъ гвардіи.

Свѣтскій кругъ знакомствъ сложился у меня—съ первой же зимы—довольно большой, главнымъ образомъ черезъ Д—ва, съ семействомъ котораго я въ Дерптѣ такъ сошелся, и черезъ мою двоюродную сестру С. Л. Боборыкину, тогда круглую сироту, жившую у своей кузины, кн. Шаховской, жены извѣстнаго тогда крупнаго дѣятеля по финансово-экономической части А. И. Бутовскаго, директора Департамента Мануфактуръ и Торговли.

Сонечка Боборыкина считалась красавицей. Когда она была еще въ Екатерининскомъ институтѣ и я навѣщалъ ее студентомъ, моя мать сильно побаивалась, чтобы я со временемъ не женился на ней. До этого не дошло, и когда я нашелъ ее въ домѣ Бутовскихъ роскошной дѣвицей, собираю-

щейся замужъ, у насъ установились съ ней чисто пріятельскія отношенія. Я не былъ уже влюбленъ въ нее, а она имѣла со мною всегда шутливый тонъ и давала мнѣ всякіе юмористическія прозвища.

Въ домѣ ея кузины, въ огромномъ казенномъ помѣщеніи около Технологическаго Института, давали танцовальные вечера, и съ многими дамами и дѣвицами я познакомился, какъ писатель. Но это не было тамъ особенно привлекательнымъ званіемъ.

Въ ту же зиму Сонечка вышла за офицера некрасивой наружности, безъ всякаго блеска, даже безъ большого состоянія, одного изъ сыновей поэта Баратынскаго, къ немалому удивленію всѣхъ ея поклонниковъ. Они поселились въ Петербургѣ, и у меня стало зимнимъ домомъ больше.

Въ томъ, что теперь зовутъ „интеллигенціей", у меня не было еще большихъ связей, за недостаткомъ времени, да и вообще тогдашніе профессіональные литераторы, учителя, профессора, художники—все это жило очень скромно. Центра, въ родѣ „Союза писателей", не существовало. Кажется, открылся уже „Шахматный клубъ"; но я въ него, почему-то, не попадалъ; да онъ и кончилъ фіаско. Вмѣсто объединенія кружковъ и партій, онъ, кажется, способствовалъ только тому, что все это гораздо сильнѣе обострилось.

Въ обществѣ чувствовалось все сильнѣе либеральное теченіе, и однимъ изъ его симптомовъ сдѣлались воскресныя школы. Вскорѣ ихъ ограничили, но въ мою первую петербургскую зиму это превратилось даже— въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Петербурга—въ свѣтскую моду. Учили чумазыхъ сапожныхъ и кузнечныхъ мальчиковъ фрейлины, барышни, дамы, чиновники, военные, пажи, лицеисты, правовѣды, разумѣется, и студенты.

И меня въ первый разъ повезла въ школу Гальванической роты (около Садовой) большая барыня (но съ совершенно бытовымъ тономъ), сестра графини Соллогубъ, А. М. Веневитинова, на которой когда-то Гоголь мечталъ, кажется, жениться? Она ѣздила туда съ своей дѣвочкой, и мы втроемъ обучали всякій народъ обоего пола.

Тамъ-то я и познакомился сначала съ П. А. Анненковымъ. Преподавалъ ли онъ самъ—не знаю, больше наѣзжалъ и состоялъ, вѣроятно, въ одномъ изъ комитетовъ.

Поддерживалъ я знакомство и съ Васильевскимъ Островомъ. Въ университетъ я рѣдко заглядывалъ, потому что никто меня изъ профессоровъ особенно не привлекалъ: а время у меня было и безъ того нарасхватъ. Явился я къ декану, Горлову, попросить указаній для моего экзамена, и его маленькая, курьезная фигурка въ халатѣ оставила во мнѣ скорѣе комическое впечатлѣніе.

А „властителя думъ" у тогдашняго студенчества почти что не было.

Популярнѣе были Кавелинъ, Утинъ, Стасюлевичъ, Спасовичъ. О лекціяхъ, профессорахъ въ томъ кружкѣ, куда я былъ вхожъ, говорили гораздо меньше, чѣмъ о всякихъ злобахъ дня, въ томъ числѣ и объ ожидавшейся къ 19-му февраля крестьянской „волѣ".

Въ кружкѣ, куда я попадалъ, главную роль играли Михаэлисъ и одинъ изъ братьевъ Неклюдовыхъ, бывшихъ казанскихъ студентовъ. Иванъ—старшій—весь ушелъ въ книжки и лекціи и сдѣлался потомъ образцовымъ сенатскимъ чиновникомъ.

Младшій—Николай, перешедшій также изъ Казани—увлекался разными вѣяніями, а также и разными предметами научныхъ занятій. Онъ изъ математика превратился въ юриста и скоро сдѣлался вожакомъ, ораторомъ на вечеринкахъ и сборищахъ. Та зима какъ разъ и шла передъ взрывомъ безпорядковъ къ сентябрю 1861 года.

Но пока еще ничего особеннаго не происходило. Оба эти вожака—Михаэлисъ и Неклюдовъ—выдѣлялись больше другихъ. Они должны были сыграть роль въ массовомъ движеніи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Двухъ другихъ студентовъ—„дѣятелей" съ вліяніемъ, бывавшихъ вездѣ—я хорошо помню изъ той же эпохи. Одного изъ нихъ я зазналъ годомъ раньше. Это были Чубинскій и Покровскій. Оба очутились потомъ въ ссылкѣ.

Чубинскій водилъ пріятельство съ Аполлономъ Григорьевымъ, еще когда тотъ состоялъ однимъ изъ редакторовъ „Русскаго Слова" гр. Кушелева-Безбородко. Покровскаго я помню уже передъ самымъ уличнымъ движеніемъ въ сентябрѣ.

У братьевъ Бакстъ собирались часто. Тамъ, еще раньше, я встрѣчался съ покойнымъ В. Ковалевскимъ, когда онъ носилъ еще форму правовѣда. Онъ поражалъ—сравнительно съ студентами—своей любознательностью, легкостью усвоенія всѣхъ наукъ, изумительной памятью, бойкостью діалектики (при дѣтскомъ голосѣ) и необычайной склонностью участвовать во всякомъ движеніи. Онъ и тогда уже началъ какое-то издательское дѣло, переводилъ цѣлые учебники.

Роль „старосты" въ смыслѣ движенія игралъ Михаэлисъ—натурой и умомъ посильнѣе многихъ, типичный выученикъ тогдашней эпохи, чистокровный „нигилистъ", какимъ онъ явился у Тургенева, пошедшій въ студенты изъ лицеистовъ, совершенно „опростившій" себя—вплоть до своего внѣшняго вида—при значительной, почти красивой наружности.

Въ этомъ кружкѣ, кажется, онъ одинъ былъ запросто вхожъ къ Чернышевскому, вѣроятно, черезъ М. Л. Михайлова, такъ какъ онъ былъ родной братъ г-жи Шелгуновой.

Николай Неклюдовъ и тогда уже смотрѣлъ кандидатомъ въ пансіо-

неры Петропавловской крѣпости, куда и попалъ позднѣе. Въ немъ температура его „разрывныхъ“ взглядовъ и стремленій сказывалась всегда и въ приподнятомъ тонѣ его высокаго пѣвучаго голоса, и въ выраженіи красивыхъ, темныхъ глазъ. Юноша этотъ легко увлекалъ толпу товарищей и отличался смѣлостью вожака и даже трибуна.

И кто бы подумалъ, что настанетъ такой моментъ, когда его тѣло (въ званіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ) вынесутъ изъ какого зданія?

Изъ бывшаго III-го Отдѣленія, куда я ходилъ когда-то въ театральную цензуру къ И. А. Нордштрему.

Нѣсколько раньше (Неклюдовъ былъ уже не то оберъ-прокуроръ, не то товарищъ государственнаго секретаря) судьба столкнула насъ, на прогулкѣ, въ Киссингенѣ.

Мы не видались болѣе двадцати лѣтъ. Я его помнилъ еще молодымъ мировымъ судьею (послѣ его студенческихъ передрягъ и крѣпости) и видѣлъ передъ собою очень утомленнаго, болѣзненнаго мужчину, неопредѣленныхъ лѣтъ, сохранившаго все тотъ же теноровый студенческій голосъ:

— Видите, Неклюдовъ—сказалъ я ему,—какія жизнь шутки шутитъ.

Идя рядомъ по аллеѣ, онъ вбокъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Вотъ хоть бы взять и насъ обоихъ? Вы съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣчались на Острову—изъ краснаго сдѣлались розовымъ, а потомъ и совсѣмъ побѣлѣли. А я все краснѣлъ по сіе время. Можетъ быть, дойду и до густо-краснаго колера?

Онъ ничего на это не замѣтилъ.

Но и я еще *тогда* не ожидалъ, что той же судьбѣ угодно будетъ устроить выносъ его тѣла изъ дома государственной полиціи.

И то сказать, еще Герценъ острилъ, что въ Петропавловской крѣпости мѣняются не только „образы *мыслей*“, но и „образы *мыслителей*“.

Вотъ въ такихъ кружкахъ, какой я посѣщалъ, и по городу, у педагоговъ, чиновниковъ, неслужащихъ дворянъ (которыхъ было больше, чѣмъ теперь) и шло движеніе, кромѣ редакціи журналовъ, въ родѣ „Современника“. Но столичная жизнь, въ болѣе осязательныхъ своихъ проявленіяхъ, не давала достаточно чувствовать, что мы наканунѣ великаго дня 19-го февраля. Журнальный міръ не былъ объединенъ общностью своихъ интересовъ. Крѣпостное право, кромѣ „Вѣсти“, никто не поддерживалъ. Каждый почти журналъ стоялъ за освобожденіе крестьянъ съ землею: *но это не носилось въ воздухѣ*. Да и средствъ не имѣлось еще на лицо для болѣе яркихъ проявленій общественнаго чувства.

Пишущая братія сидѣла по редакціямъ. Не устраивалось ни обѣдовъ, ни банкетовъ, ни чтеній въ извѣстномъ духѣ. Все это было бы го-

раздо труднѣе и устраивать. Правительство, какъ всегда, дѣлало изъ мухи слона. Неизвѣстно по какимъ донесеніямъ своихъ агентовъ, оно вообразило себѣ, что ко дню объявленія воли произойдутъ уличные безпорядки.

И оно не рѣшилось объявить о ней въ самый день подписанія манифеста, а позднѣе въ прощальное воскресенье на масленицѣ, что пришлось уже въ мартѣ.

Да никто среди молодежи и не говорилъ о томъ, что готовятся какія-нибудь манифестаціи. Столица жила своимъ веселымъ сезономъ. То, что составляетъ „tout Pètersbourg", оставалось такимъ же жуирнымъ, какъ и сорокъ четыре года спустя, въ день паденія Портъ-Артура или адскихъ боенъ Ляояна и подъ Мукденомъ; такая же разряженная толпа въ театрахъ, ресторанахъ, загородныхъ увеселительныхъ кабакахъ.

Кто радовался освобожденію,—а такихъ было не мало—дѣлали это тихо, келейно.

Въ ту „историческую" зиму едва ли не въ одномъ движеніи по воскреснымъ школамъ сказался пульсъ либеральнаго Петербурга... да и оно должно было стихнуть послѣ разныхъ полицейскихъ репрессій.

Всего прямѣе слѣдовало бы ему сказываться въ общей товарищеской жизни тогдашняго писательства; но этого, повторяю, не было. Иначе, въ эти три мѣсяца, до 19 февраля 1861 года, навѣрно были бы сборища, обѣды, вечера, засѣданія, на которые я конечно бы попалъ.

Если взять хотя бы такого писателя, какъ П. И. Вейнбергъ, съ его общительными и организаціонными наклонностями, и сравнить его жизнь теперь, когда ему минуло 76 лѣтъ, и тогда, какъ онъ былъ молодой человѣкъ 31 года и вдобавокъ стоялъ во главѣ новаго, пошедшаго очень бойко журнала.

Этотъ журналъ, свои дѣла, женитьба поглощали его совершенно. Я видалъ его въ конторѣ, на Невскомъ, въ театрахъ (и то рѣдко); но не помню, чтобы онъ устраивалъ что-нибудь обще-литераторское, въ чемъ сказывалась бы близость великой исторической годовщины, расколовшей исторію Россіи на двѣ эпохи: рабовладѣльчества и паденія его.

Былъ домъ литературнаго мецената гр. Кушелева-Безбородко, затѣявшаго незадолго передъ тѣмъ журналъ „Русское Слово".

Онъ кормилъ и поилъ пишущую братію, особенно въ первые два года. Журналъ (къ зимѣ 1860—61 г.) взялъ уже въ свои руки Благосвѣтловъ. Прежняя редакція распалась. А. Григорьевъ ушелъ къ бр. Достоевскимъ въ журналъ „Время".

Но разливанное море, можетъ быть, и въ ту зиму еще продолжалось. Я туда не стремился, послѣ того, какъ редакція „Русскаго Слова" затеряла у меня рукопись моей первой комедіи „Фразеры".

Отъ того же П. И. Вейнберга (больше впослѣдствіи) я наслышался разсказовъ о меценатскихъ палатахъ графа, гдѣ скучающій баринъ собиралъ литературную „компанію", въ которой дѣйствовали такіе и тогда уже знаменитые „потаторы", какъ Л. Мей, А. Григорьевъ, поэтъ Кроль (родственникъ жены графа) и другіе „кутилы-мученики". Не отставалъ отъ нихъ и В. Курочкинъ.

Вообще я, уже и тогда, долженъ былъ помириться съ тѣмъ фактомъ, что нравы пишущей братіи, по этой части, весьма и весьма небезупречны. Такихъ алкоголиковъ—и запойныхъ, и простыхъ,—какъ въ ту „эпоху реформъ", уже не бывало позднѣе среди литераторовъ, по крайней мѣрѣ, такого „букета", если его составить изъ Мея, Кроля, Григорьева и Якушкина, знаменитаго „ходебщика", позднѣе моего сотрудника.

Даже такой на видъ приличный и даже чопорный человѣкъ, какъ Эдельсонъ, пріятель Григорьева и Островскаго (впослѣдствіи мой же сотрудникъ) страдалъ припадками жестокаго запоя. Но онъ это усиленно скрывалъ, а завсегдатаи кушелевскихъ попоекъ дѣлали все это открыто и—по свидѣтельству очевидцевъ—позволяли себѣ въ графскихъ чертогахъ всякіе виды пьянаго безобразія.

Я счастливъ тѣмъ, что инстинктивно воздерживался отъ прямого знакомства съ такими „эксцессами" представителей литературы, которой я пріѣхалъ служить вѣрой и правдой. Сколько помню, я не попалъ ни на одинъ такой безобразный кутежъ.

Но распущенность писательскихъ нравовъ не вела вовсе къ закрѣпленію товарищескаго духа. Не трудно было мнѣ, на первыхъ же порахъ, увидать, что редакціи журналовъ (газеты тогда еще не играли роли) все болѣе и болѣе обособляются и уже готовы къ тѣмъ ужаснымъ схваткамъ, которыя омрачили въ скоромъ времени петербургскій журнализмъ, небывалымъ и впослѣдствіи, цинизмомъ ругани.

Нечего, стало быть, и удивляться тому, что день, когда появился манифестъ 19 февраля, прошелъ въ петербургскомъ писательскомъ мірѣ безъ всякаго торжества, какъ самый заурядный послѣдній день масленицы.

Опасеніе правительства до позднихъ часовъ ночи оказались пуфомъ.

А съ утра по Невскому, по Морскимъ, по другимъ улицамъ—и въ центрѣ, и на окраинахъ—разъѣзжали патрули жандармовъ. Этимъ только и отличалось масленичное воскресенье отъ послѣднихъ дней той же кутильной недѣли. Тѣ же балаганы, катанье на нихъ, вейки-чухонцы, снованье празднаго подвыпившаго люда. Ничего похожаго на особыя группы молодежи, на какую-нибудь процессію.

Этого даже и въ воздухѣ не было. Не помню, чтобы и на Васильевскомъ острову собирались какія-нибудь студенческія группы.

части статистики, финансоваго права, уголовныхъ законовъ, государственныхъ законовъ Россійской Имперіи. Я смотрѣлъ на себя, уже какъ на писателя

Дообѣденные часы я—какъ страстный любитель сцены—провелъ въ Михайловскомъ театрѣ на какой-то французской пьесѣ, мною еще невиданной. Помню, сборъ былъ плохой. Въ буфетахъ тогда можно было имѣть блины, и я спросилъ себѣ порцію, въ одинъ изъ антрактовъ.

И до театра, и послѣ него (еще засвѣтло) я проѣхалъ по Невскому и Морскимъ, и въ памяти моей остался патруль жандармовъ, который я повстрѣчалъ на Морской, около пѣшеходнаго мостика, гдѣ домъ, принадлежащій Министерству внутреннихъ дѣлъ.

И тогда же до обѣда я попалъ въ мой студенческій кружокъ, въ квартиру, гдѣ жилъ Михаэлисъ съ товарищемъ. Тамъ же нашелъ я и М. Л. Михайлова за чаемъ. Они только-что читали вслухъ текстъ Манифеста и потомъ всѣ начали его разбирать по косточкамъ. Никого онъ не удовлетворялъ. Всѣ находили его фразеологію напыщенной и уродливой—весь его семинарскій „штиль“ митрополита Филарета. Ждали совсѣмъ не того, не только по формѣ, но и по существу.

Сильнѣе и ядовитѣе всѣхъ говорилъ Михайловъ. Онъ прямо называлъ все это ловушкой и обманомъ и не предвидѣлъ для крестьянъ ничего, кромѣ новой формы закрѣпощенія.

Тутъ—въ первый разъ—тонъ и содержаніе его протестовъ показывали, что этотъ человѣкъ уже „сжегъ свои корабли“; но и раньше я догадывался, что его считаютъ прикосновеннымъ къ революціонной организаціи, послѣ его поѣздки заграницу, въ Лондонъ.

Такъ оно и случилось, и вскорѣ по Петербургу были уже разбросаны прокламаціи, авторомъ которыхъ и оказался Михайловъ.

Кажется, больше я его уже не встрѣчалъ, и только послѣ приговора мнѣ дали взглянуть на карточку, гдѣ онъ снятъ въ шинели и фуражкѣ арестанта, въ ту минуту, когда его заковывали въ кандалы.

Надо было окончательно, съ первымъ великопостнымъ колоколомъ, засѣсть за чтеніе лекцій и учебниковъ.

Раздобыться лекціями по всѣмъ *главнымъ* предметамъ было нелегко. А изъ *побочныхъ* два предмета „кусались“ больше главныхъ: это курсы Спасовича и Кавелина.

Николай Неклюдовъ свелъ меня въ аудиторіи съ однимъ вольнослушателемъ, Неофитомъ К—нымъ. Отъ него я и пользовался многими записками. Мнѣ предстояло сдавать съ четверокурсниками. Экзамены начинались съ мая. Времени—по моему расчету—хватало. Какъ бывшій камералистъ, я уже сдавалъ экзамены изъ политической экономіи, слушалъ

съ большимъ университетскимъ прошедшимъ, съ привычкой къ болѣе серьезной работѣ. То, какъ я дѣлалъ когда-то по химіи и медицинскимъ наукамъ—все это стояло гораздо выше чтенія лекцій по предметамъ, не требовавшимъ никакой особенной остроты памяти или спеціальныхъ дарованій. Словомъ, готовился я съ полной увѣренностью въ успѣхѣ и даже „съ прохладой", въ первыя недѣли Великаго поста продолжалъ выѣзжать по вечерамъ; бывалъ въ концертахъ и на живыхъ картинахъ.

Политической экономіей начинались экзамены. Прочиталъ я учебникъ Горлова и еще двѣ-три книги. Когда-то И. К. Бабстъ поставилъ мнѣ въ Казани *пять* съ *плюсомъ*, и его преподаваніе было новѣе и талантливѣе, чѣмъ у Горлова.

Настало и то „майское утро", когда надо было отправляться на Васильевскій Островъ и начинать мытарства экзамена. Предметовъ однихъ главныхъ оказалось чуть не десятокъ: политическая экономія, статистика, русское государственное право, государственное право иностранныхъ державъ, международное право, финансовое право, торговое право и еще что-то.

Нѣкоторыхъ профессоровъ, напр., Ивановскаго, Андреевскаго, Михайлова я и въ глаза не видалъ и слышалъ очень мало о томъ, *какъ* они экзаменуютъ, къ чему надо больше и къ чему меньше готовиться.

Политическая экономія, худо ли—хорошо ли, вошла въ чемоданъ памяти. Черезъ день надо было отправляться.

И вдругъ—опять вѣсти изъ Нижняго: отчаянныя письма моей матушки и тетки. Умоляютъ пріѣхать и помочь имъ въ устройствѣ дѣлъ. Необходимо съѣздить въ деревню, въ тотъ уѣздъ, гдѣ и мнѣ достались „маетности", и поладить съ крестьянами другого большого имѣнія, которыхъ дѣдъ отпустилъ на волю еще по духовному завѣщанію. На все это надо было употребить мѣсяца два: т. е. май и іюнь.

Я самъ видѣлъ необходимость ѣхать въ Нижній, но *послѣ* экзамена. А тутъ приходилось поставить все вверхъ дномъ.

Какъ быть?

Ѣду въ университетъ, ищу ректора, добрѣйшаго П. А. Плетнева, наталкиваюсь на него въ коридорѣ, излагаю ему мое затруднительное положеніе, прошу разрѣшить мнѣ сдать всѣ экзамены въ сентябрѣ, когда будутъ „переэкзаменовки".

Онъ затруднился дать мнѣ такой отпускъ собственной властью, что меня нѣсколько удивило, и тутъ же послалъ меня къ попечителю.

— Иванъ Давыдовичъ (Деляновъ) приметъ васъ и сдѣлаетъ все, что можно.

Отправляюсь въ домъ Армянской церкви, гдѣ жилъ Деляновъ, и меня сейчасъ же принимаютъ.

— Такъ и такъ—необходимъ отпускъ и позволеніе держать въ сентябрѣ.

Иванъ Давыдовичъ, ходившій со мною по кабинету мелкими шажками, остановился, положилъ руку на мое плечо и, подмигнувъ, сказалъ такъ сладко:

— Мой другъ... у васъ найдется знакомый докторъ... добудьте свидѣтельство.

Я понялъ—*какое*.

И вотъ—въ первый и въ послѣдній разъ моей жизни—я пошелъ на такую процедуру: добываніе *лжесвидѣтельства*—по благосклонному наущенію попечителя округа. Больше мнѣ никогда не приводилось выправлять никакихъ свидѣтельствъ такого же рода.

Кто-то расписался въ томъ, что у меня злокачественный „катарръ" чего-то, я представилъ этотъ *законный* документъ при прошеніи и прервалъ экзамены, не успѣвъ даже предстать передъ задорную фигурку профессора Горлова, котораго такъ больше и не видалъ, даже и на сентябрьскихъ экзаменахъ, когда онъ самъ отсутствовалъ.

Съ моимъ благодѣтелемъ по части лекцій „Неофитомъ" я условился, (если онъ также будетъ почему-либо держать въ сентябрѣ) усиленно готовиться вмѣстѣ—денно и нощно—начиная съ іюля, для чего и просилъ его подыскать мнѣ квартирку, на Острову.

Приходилось поступать на амплуа хозяина и ходатая по владѣльческимъ интересамъ моихъ сонаслѣдницъ.

П. Боборыкинъ.

Февраль 1907 г.

Владивостокъ въ 1905 году.

(Изъ наблюденій очевидца).

(*Продолженіе* [1]).

VI.

Приходимъ въ штабъ. Приглашаютъ сначала Звѣрева, а черезъ минуту и меня. Въ кабинетѣ за обширнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, сидятъ комендантъ Казбекъ, губернаторъ Смирновъ и начальникъ штаба бар. Будбергъ. Поздоровавшись, усѣлись.

— Я пригласилъ васъ,—началъ Казбекъ, обращаясь къ Звѣреву,—по совѣту бывшаго сейчасъ здѣсь у меня священника X.—Онъ говорилъ, что вы очень популярны среди матросовъ и солдатъ и имѣете на нихъ вліяніе. Они вѣрятъ вамъ и еще какому-то Ружичкѣ...

— Вѣроятно, Оржиху, Ваше Пр—во?

—Да,—да... Оржиху... Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Изъ личныхъ объясненій съ толпой я убѣдился, что причиной безпорядковъ является недовольство солдатъ, вызванное тѣмъ, 1) что призванныхъ изъ запаса не увольняютъ отъ службы и не отпускаютъ домой; 2) что имъ не объявили манифеста, будто бы вслѣдствіе желанія начальства скрыть его отъ нихъ или урѣзать и 3) что нижнимъ чинамъ запрещено ходить на митинги. Я уполномачиваю васъ объяснить имъ, что 1) порядокъ увольненія въ запасъ зависитъ не отъ меня, а отъ главнокомандующаго. Кромѣ того, они должны же понимать, сколько задержки въ эвакуацію внесло прекращеніе движенія по сибирской желѣзной дорогѣ. Увѣрьте ихъ, что я употребляю всѣ усилія для того, чтобы ускорить ихъ отправку. 2) Нелѣпость второго пункта очевидна. Основаніемъ этого слуха послужило то, что въ мѣстныхъ газетахъ манифестъ былъ напечатанъ не вполнѣ тождественно. Одна изъ газетъ опустила какую-то фразу и заключительныя слова: „данъ въ Петергофѣ

[1]) См. Минувшіе Годы Апрѣль.

и т. д.“ Сейчасъ текстъ свѣряютъ и къ утру напечатаютъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, которые будутъ розданы и расклеены по улицамъ. 3) Вопросъ объ участіи солдатъ на митингахъ еще не рѣшенъ. Пока я не препятствовалъ имъ присутствовать на нихъ. Мною посланъ объ этомъ запросъ и будетъ такъ, какъ прикажутъ. Разъясните имъ обстоятельно все это. Въ 8 часовъ утра сюда прибудетъ батюшка. Приходите оба, поѣдете по казармамъ, устроите тамъ собесѣдованія...

— Не разрѣшите ли, Ваше Пр—во, выпустить печатное воззваніе къ солдатамъ?—спросилъ я.

— Ахъ, пожалуйста. Помогайте намъ, чѣмъ можете; видите, какое время. Не сочтите моихъ словъ за приказаніе. Ваше содѣйствіе зависитъ исключительно отъ вашей доброй воли. Отъ души буду вамъ благодаренъ.

Мы откланялись и вышли въ сосѣднюю комнату. Здѣсь начальникъ штаба писалъ намъ билеты на свободный пропускъ по улицамъ и для входа въ казармы. Какая-то дама съ растерянным лицомъ и всклокоченной съѣхавшей на сторону прической, оживленно жестикулируя, шепчетъ что-то коменданту города Риттергорну. Этотъ подходитъ къ Звѣреву и, заискивающе улыбаясь, спрашиваетъ:

— Какъ вы думаете, можно ли мою жену отправить на „Алмазъ“? Тамъ она будетъ въ безопасности, не правда ли?

Звѣревъ, превеликій комикъ, улыбнувшись въ усъ, отвѣчаетъ съ серьезнымъ видомъ:

— О да... конечно... я думаю, что ничего... можно...

Главный врачъ 1-го крѣп. госпиталя съ вытянувшимся лицомъ подходитъ къ намъ совѣтоваться, какъ ему теперь попасть обратно въ госпиталь, расположенный въ другомъ концѣ города. Нѣтъ проѣзда никому.

Всѣ шепчутся, волнуются.

Подходитъ губернаторъ Смирновъ и спрашиваетъ:

— На дняхъ я выпустилъ объявленіе, расклеенное по городу... Какъ вы его находите? Удачнымъ?

— Объявленіе-то ничего, отвѣчаетъ Звѣревъ, вотъ только конецъ, гдѣ вы грозите, что всякіе безпорядки будутъ въ зародышѣ безпощадно подавлены вами вооруженной силой,—это мѣсто производитъ впечатлѣніе, какъ бы вамъ сказать, немного...

— Вы находите?.. Да? Конецъ неудачный, надо сознаться... Неудачно редактировано... Да.

Выходимъ въ прихожую. На полу куча храпящихъ солдатъ, несущихъ полицейскую службу. Босыя ноги... грязная амуниція... Боже мой, въ такую

ужасную ночь люди могутъ спокойно спать. На это были способны только мертвецки пьяные и полицейскіе.

Будбергъ разбудилъ одного изъ нихъ и велѣлъ ему проводить насъ и быть въ нашемъ распоряженіи для посылокъ въ типографію и т. п.

Въ прихожей у дверей Будбергъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

— Скажите, пожалуйста... вотъ вы вездѣ ходили, все видѣли своими глазами... Каково ваше мнѣніе: что нужно дѣлать? Какъ прекратить грабежъ? Чѣмъ можно успокоить ихъ?

— Сейчасъ грабители дѣйствуютъ на окраинахъ города, отвѣтилъ я. Надо воспользоваться этимъ и къ утру запереть надежными патрулями всѣ улицы, ведущія въ городъ. Для острастки хорошо бы поставить пулеметы. Эта сволочь труслива, на орудія не полѣзетъ. А днемъ постепенно можно будетъ очистить отъ нихъ и предмѣстья.

Тяжело мнѣ теперь публично каяться въ этихъ жестокихъ словахъ, вырвавшихся у меня съ отчаянія. Но... изъ пѣсни слова не выкинешь. Писать—такъ писать все.

Зашелъ къ Звѣреву. Надо писать. Усѣлся за письменный столъ. Голова—словно мѣшокъ съ пескомъ. Хватилъ стаканъ крѣпкаго чайнаго настоя. Дѣло двинулось. Черезъ часъ воззваніе было готово.

Вотъ текстъ его:

„Къ гражданамъ г. Владивостока отъ Об—ва народн. чтеній воззваніе.

Граждане!

„Посѣщая наше собраніе, вы убѣдились, что мы искренно желаемъ вамъ добра. Вы привыкли намъ вѣрить. Повѣрьте намъ и на этотъ разъ.

Лица, производящія безпорядки, стали на ложный путь. Идя путемъ разрушенія и насилій, вы, кромѣ горя и несчастія вашимъ согражданамъ, ни на одинъ шагъ не приблизитесь къ собственному счастью.

Обращаемся къ вашей совѣсти, къ вашему человѣческому достоинству. Вспомните ваши собственныя семьи. Неужели вы желали бы, чтобы ихъ обездоливали такъ же, какъ вы, давшіе присягу защищать вашихъ согражданъ, сейчасъ лишаете ихъ крова, выгоняете съ дѣтьми на улицу, раззоряете до тла? Чѣмъ они провинились передъ вами?

Многіе изъ васъ, производя погромъ, кричатъ: „да здравствуетъ свобода".

Это—злая, кощунственная насмѣшка надъ высшимъ благомъ—свободой гражданина, пріобрѣтенной нынѣ русскимъ народомъ.

Нѣтъ, граждане, путь къ народному счастью другой. Свобода намъ дана для безпрепятственнаго, полнаго выясненія вашихъ нуждъ, для вы-

бора и посылки депутатовъ отъ всего народа въ Государственную Думу, которая составитъ новые законы, направленные къ вашему счастью и благополучію.

Въ нашихъ чтеніяхъ и бесѣдахъ вы совмѣстно съ нами обсудите ваши нужды. Мы же грудью станемъ на защиту вашихъ интересовъ и сдѣлаемъ все, намъ посильное, для удовлетворенія вашихъ нуждъ. Пожалѣйте нашу несчастную, терзаемую междуусобіями Родину! Довольно крови и слезъ!

Предсѣдатель *Звѣревъ*.
Членъ д-ръ *Кудржинскій*.

Звѣревъ пошелъ къ коменданту, я побѣжалъ въ типографію „Владивост. Листка“, quasi прогрессивнаго органа. Редакція и типографія забаррикадированы. Звонюсь къ редактору: „Нѣтъ дома“. Вошелъ въ ражъ и такой крикъ поднялъ (въ такой-де моментъ, когда печатный станокъ можетъ понадобиться каждую секунду, закрывать типографіи—это преступленіе), что изъ сосѣднихъ квартиръ повыскакивали какіе-то заспанные попы и другіе лохматые люди, объяснившіе мнѣ, что „передовой“ г. Подпахъ, къ гражданскому мужеству котораго я такъ убѣдительно взывалъ,—въ настоящую минуту, вѣроятно, мирно похрапываетъ на одномъ изъ пароходовъ, стоящихъ посреди рейда, куда онъ сбѣжалъ еще вчера при первыхъ признакахъ тревоги.

Дѣлать нечего. Настойчиво звонюсь къ редактору черносотеннаго „Дальняго Востока“. Впускаютъ не скоро. Послѣ переговоровъ черезъ щелочку запертой на цѣпь двери, г. Пановъ встрѣчаетъ меня подозрительно. Даже „по порученію коменданта крѣпости“—не дѣйствуетъ.

— У меня типографія закрыта, не работаетъ.

— Однако, проходя мимо оконъ, я видѣлъ внизу... типографія полна людей.

— Ну, покажите-ка, что у васъ тамъ?

Прочелъ, смягчился.

— Ну, ладно. Пойдемъ.

Разорвали рукопись на куски, закипѣла работа. Захвативши съ собой пол-сотни экземпляровъ, бѣгу къ коменданту. Нѣтъ дома. Къ начальнику штаба. Тоже нѣтъ. Умаялись сердечные отъ ночныхъ страховъ. Дневной свѣтъ разогналъ призраки. Прилегли отдохнуть. Чортъ возьми! Однако, надо же мнѣ расклейщиковъ! Ломлюсь къ коменданту города. Какъ предупредительно вѣжливъ сей мужчина, раньше все допекавшій меня насчетъ безформицы. Не видятъ теперь, что я въ „балахонѣ“ и безъ „селедки“. Посылаетъ меня въ штабъ 8-ой дивизіи къ генер. Лашкевичу, которому-де передано командованіе по усмиренію города.

Послѣ порядочной бѣготни, раздобылъ я, наконецъ, двухъ солдатъ. Велѣлъ имъ сварить клея и итти въ типографію. Взявши затѣмъ нѣсколько сотъ экземпляровъ, устремился въ городъ, гдѣ открыто, среди бѣла дня происходили грабежи и поджоги. Раздаю воззванія. Берутъ нарасхватъ. Приходится отказывать „приличнымъ людямъ“ и давать только имѣющимъ хулиганскій видъ.

У собора столпился народъ. Поднимаюсь. Картина: на паперти окруженные вѣнчикомъ изъ іереевъ въ эпитрахиляхъ и камилавкахъ стоятъ комендантъ Казбекъ и Звѣревъ. Внизу матросы, человѣкъ 50. О чемъ шла бесѣда, не слышалъ. Матросы недовольно ворчали.

Рядомъ съ соборомъ горѣло нѣсколько домовъ и между ними огромное зданіе женской прогимназіи; нижній этажъ занятъ инструментальнымъ магазиномъ. Тутъ былъ океанъ пламени. Я пошелъ во дворъ, окруженный горящими зданіями,—въ кладовую, откуда при свѣтѣ дня люди, оскотинѣвшіе отъ вина, тащили цѣлыми ворохами скрипки, мандолины, балалайки. Молча сталъ раздавать листки. Ни одного грубаго слова или непріязненной выходки. Многіе даже отдавали честь, просили листокъ, прочитывали, сложивъ прятали въ карманъ и продолжали свое дѣло. Когда огонь разбушевался такъ, что стало жечь лицо, всѣ убѣжали со двора, таская пьяныхъ подъ руки. Адъ звуковъ. Многіе подпѣвали. Кой-кто приплясывалъ. Въ грабежѣ принимали участіе и дѣти. Я огорчилъ какого-то пузыря, отнявъ у него барабанъ, который забросилъ на заборъ.

Отошелъ въ сторонку, бесѣдую съ матросами, раздаю листки. Внизу по противоположному тротуару идетъ прилично одѣтый господинъ, въ котелкѣ и манишкѣ, все честь честью, тащитъ мандолину.

— Эй, послушайте,—кричу ему черезъ дорогу,—возьмите, пожалуйста, у меня одинъ листокъ воззванія къ грабителямъ.

— Это... вы не думайте... я купилъ... вотъ сейчасъ у матроса купилъ...

— Какъ же вамъ не стыдно покупать завѣдомо награбленное. Вы должны были усовѣстить его, а вы ему денегъ дали. Бросьте эту вещь!.

— Вамъ-то какое дѣло?.. Что я у васъ взялъ? Я знать не хочу гдѣ матросъ взялъ ее. А я купилъ, за деньги.

Пошелъ.

— Стыдитесь!—кричу ему вслѣдъ.—Вы человѣкъ образованный (собственно говоря, чортъ его знаетъ, насколько онъ образованъ; внѣшность-то ужъ больно у него была джентельменская), должны примѣръ другимъ подавать. Что же тогда съ солдатъ спрашивать, если называющіе себя „порядочными“ людьми станутъ среди дня таскать награбленное?..

Нуль вниманія. Идетъ. Зло меня взяло.

— Слушайте! изо всѣхъ силъ кричу ему вслѣдъ. Когда подростетъ вашъ сынъ, не забудьте ему сказать, что эту вещь вы купили при разграбленіи города у пьянаго грабителя...

Остановился. Посмотрѣлъ растерянно на свою мандолину. Воротился нѣсколько шаговъ назадъ, протягиваетъ ее какому-то человѣку вида канцелярскаго сторожа. Тотъ отрицательно мотаетъ головой. Не знаю, чѣмъ дѣло кончилось. Я завязалъ разговоръ съ толпой матросовъ, пошелъ назадъ въ городъ. Цѣлый день сновалъ я по улицамъ, раздавая и расклеивая свои листки, хотя и видѣлъ, что они не оказываютъ никакого вліянія на тѣхъ, кому были адресованы. Проходя по Алеутской, встрѣчаю Л. А. Волкенштейнъ и еще одного изъ отбывшихъ каторжныя работы политическихъ ссыльныхъ.

— Что это вы черносотенныя прокламаціи фабриковать вздумали?— обращается ко мнѣ Людмила Александровна.

— Неужели вы могли подписаться подъ такимъ воззваніемъ?—спрашиваетъ ея спутникъ.

— Не только подписаться... но я же его самъ и составилъ...— отвѣчаю я.

— Мнѣ казалось, что у васъ взгляды иные.

Вступать въ диспутъ сейчасъ было неумѣстно.

Послѣ полудня встрѣчаю Звѣрева, Оржиха и студента восточнаго института. Идутъ въ ажіотажѣ, о чемъ-то бесѣдуя съ сопровождающей ихъ толпой матросовъ. Оказывается, они были у коменданта, и Казбекъ уполномочилъ ихъ опубликовать только-что полученную имъ телеграмму Линевича объ ускореніи эвакуаціи запасныхъ. Текстъ телеграммы былъ выданъ имъ изъ штаба за подписью Казбека, и вотъ теперь они спѣшили объявить всѣмъ радостную вѣсть въ надеждѣ, что это успокоитъ солдатъ. Я присоединился къ нимъ. Идемъ къ городу, останавливаясь на перекресткахъ, держимъ рѣчи. Прошли всю Свѣтланку до порта. Рѣшили зайти къ матросамъ, выяснить имъ гнусность поведенія войскъ и организовать изъ нихъ активное противодѣйствіе громиламъ.

Въ столовой собралось около тысячи кадровыхъ. Сперва говорилъ Звѣревъ: о довѣріи къ интеллигенціи, искренно желающей имъ добра. О безполезности насилія, какъ средства борьбы за лучшее будущее. О необходимости сознательнаго отношенія къ настоящему историческому моменту, о важности организаціи трудящихся массъ для цѣлей неуклонно послѣдовательнаго, мирнаго осуществленія добытыхъ правъ и т. д.

Вторымъ говорилъ я: „Иниціаторы погрома—хулиганы. Они воспользовались неудовольствіемъ солдатъ, одурманили ихъ водкой и увлекли на путь грабежа. Но всякій грабитель—трусъ. Онъ дѣйствуетъ, пока не ви-

дитъ отпора. Встрѣчая таковой, онъ пасуетъ. Вы, матросы, какъ лучшая, наиболѣе интеллигентная часть войска, должны взять на себя защиту города, оружія не нужно. Твердымъ заявленіемъ, что вы не позволите грабить, вы прекратите разбой".

Матросы согласились. Городъ былъ раздѣленъ на 4 участка по числу ротъ. Каждая рота взяла на себя охрану участка. Ночью я нѣсколько разъ выходилъ въ городъ и видѣлъ, какъ по улицамъ стройно, въ порядкѣ двигались патрули этой добровольной охраны. Озябшіе, усталые отъ безсонной прошлой ночи, они зорко до разсвѣта оберегали городъ. Въ эту ночь (съ 31 окт. на 1 ноября) былъ подожженъ всего одинъ домъ (на Свѣтланкѣ, ниже Чурина).

Утромъ 1-го ноября съ телеграммой Линевича я побѣжалъ въ типографію „Владивостокскаго Листка". Какъ и наканунѣ, все было забаррикадировано. Пришлось вести длинные переговоры, прежде чѣмъ удалось пробраться въ нее. Служащихъ, конечно, никого не было. Едва удалось раздобыть одного полуграмотнаго ученика, который съ моей помощью (а я первый разъ брался за шрифтъ) кое-какъ набралъ три десятка строкъ. Долго мы хитрили надъ рамой, пока не явился китаецъ-рабочій, спеціалистъ по части колеса. Работа пошла какъ слѣдуетъ...

Случайно выглянувъ изъ типографіи въ окно, я увидѣлъ любопытную картину. Улицы, прилегающія къ сѣнному базару, были усѣяны толпами китайцевъ. На самомъ базарѣ происходили какіе-то необыкновенные маневры. Кучи людей гонялись одна за другой. Раздавались выстрѣлы. Слышенъ былъ крикъ толпы.

Я поспѣшилъ туда.

Спрашиваю у китайцевъ, въ чемъ дѣло. Они показываютъ на хибарку, расположенную въ углу базара, примыкающему къ Безымянной батареѣ, и говорятъ: „Худой человѣкъ тамъ капитанъ! Всѣ худой тамъ есть! Шибко водка пьетъ..."

Любопытно!.. Направился туда. Китайцы ринулись за мной, вѣроятно, предполагая во мнѣ полицейскаго. Я попросилъ ихъ оставить меня одного. Вхожу въ какой-то баракъ. Меня сразу обдало такимъ обиліемъ звуковъ, что я почему-то вспомнилъ китайскій театръ. Визжало полдюжины гармошекъ, бренчали на гитарахъ, мандолинахъ; кто-то жалобно вылъ или пѣлъ; отвратительная кабацкая ругань висѣла въ воздухѣ. Я остановился на порогѣ, вглядываясь въ густую мглу табачнаго дыма.

— А, господинъ докторъ! пожалте! Выпить съ нами, безпремѣнно выпить надо по случаю чудеснаго избавленія отъ смертельныхъ опасностей!— Я очутился въ объятіяхъ „господина Пушкина", котораго узналъ, впро-

чемъ, больше по фигурѣ и голосу, до того ужасенъ и далеко не прекрасенъ былъ его ликъ.

— Смирно! мѣсто гостю!—командовалъ онъ, таща меня за руку.— Это, товарищи, нашъ докторъ! Онъ свой человѣкъ!

Я очутился въ центрѣ компаніи, большинство которой составляли босяки и солдаты. Матросовъ было всего человѣкъ пятокъ. Шелъ пиръ горой. На полу и нарахъ кучки бутылокъ и съѣдобнаго. У меня глаза разбѣжались отъ жаднаго любопытства... Самая что ни-на-есть квинтъэссенція мѣстнаго хулиганства. Какое богатство типовъ! Какой красочный языкъ! Вотъ гдѣ часикъ-другой посидѣть бы невидимкой съ записной книжкой въ рукахъ.

— А... это вы совращаете нашего брата на путь добродѣтели?— язвилъ меня какой-то рыжій, лобастый, косоглазый и, какъ мнѣ казалось, почти трезвый хулиганъ.—Напрасно вы это затѣяли... этотъ номеръ сейчасъ не пройдетъ... А объявленіе ваше читалъ, какъ же! Со слезой изображено! У меня даже въ носу заскребло, чихнуть захотѣлось... Пренепріятное, доложу вамъ, ощущеніе... знаете, когда чихнуть хочется и ничего не выходитъ... Вотъ тоже и съ вашимъ воззваніемъ: скребти—скребетъ, а „пчхи“—нѣту... Никакъ—нѣту... Хе, хе...

Я внимательно слушалъ сатирика подполья.

— А вотъ „ихтіозавра“ такъ и щекотки не восчувствовалъ. Вы не знакомы? Рекомендую: вымершее чудовище, волею микадо на свѣтъ божій извлеченное изъ нѣдръ сахалинскихъ. Твердъ въ намѣреніяхъ, какъ Куропаткинъ, и сентименталенъ, какъ фонъ-Плеве... Форменная Калигула!

— Какъ онъ вчирась китайца-то! Хи-ха!.. ахъ, ѣшь-те мухи! Хи, хи... Захихикала фигурка, очевидно, совершенно солидарная съ сатирикомъ насчетъ „ихтіозавра“.

— За ходули-то!.. А онъ еще брыкается, желтомордый, не охота въ огонь... Умора!

— Да разинь челюсти ископаемая... Испусти привѣтствіе!..

— Свиститъ носомъ чортова сопѣлка!.. Хи, Хи!..

„Ихтіозавра“—дѣтина крупнаго сложенія, широкоплечій, черный, какъ цыганъ, грузно сидѣлъ въ проходѣ между нарами на низкомъ ящикѣ, опершись спиной о столбъ и запустивши ноги подъ полати. Глаза закрыты. Лицо, вслѣдствіе алкогольнаго пареза мимической мускулатуры, носило отпечатокъ скотскаго безсмыслія. Уснуть ему мѣшала, повидимому, единственно мучившая его икотка. При каждомъ вырывавшемся изъ глубины желудка шумномъ звукѣ, онъ открывалъ тупые глаза, подносилъ ко рту горлышко бутылки и пропускалъ глотокъ.

— Съ нимъ маленькое недоразумѣніе вышло...—не унимался рыжій.—

Творецъ предопредѣлилъ его „начальникомъ на Сахалинъ“, а онъ попалъ просто „на Сахалинъ“...

— Икаетъ сердешный!..

— Мотри, ребята, уже готовъ!..

— Ташши его за ноги, запихивай подъ наръ! — кричали рядомъ, тормоша лежавшаго пластомъ солдатика.

— Обрядить новопреставленнаго!.. Съ воинскими почестями!..

— Меня...—захрипѣлъ черный, открывая глаза.—Подождешь еще!..

— Ага... Подала звукъ чортова посудина!—обрадовался рыжій.— Эй! Запорожская сволочь, вышибай пробки... Музыка изготовься къ бою... Бутылку гостю!.. Вы какую тинктуру предпочитаете?.. Перцовка есть.

— Обойдешься и съ зубровкой,—отвѣчалъ рыжій.—Тоже недурственное отхаркивающее...

„Однако, ты фруктъ“,—подумалъ я, соображая, какъ бы упрочить знакомство съ этимъ любопытнымъ субъектомъ, сбѣжавшимъ, казалось, со страницъ Горькаго.

Между тѣмъ „новопреставленнаго обрядили“, т. е. вынули его, надѣли шапку на бекрень, сложили руки на груди, всучивъ въ нихъ копченую рыбину хвостомъ вверхъ. Папироска плохо держалась за отвисшей челюстью.

Черный выпилъ нѣсколько глотковъ „отхаркивающаго“, выволокъ свои ноги изъ-подъ наръ, всталъ.

— Ну, разуважь „сановника“, пощекочи ему барабанную перепонку!

— Замолчи, шпана окаянная!..

— На мо-ли-тву!

Вся компанія столпилась вокругъ, съ бутылками въ рукахъ.

„Ихтіозавра“ разгладилъ протодіаконскимъ жестомъ бороду и усы, одной рукой поднялъ высоко подолъ рубашки, обнаживъ зрителямъ свой заросшій волосами грязный животъ, и, помахивая другой рукой бутылкой, какъ кадиломъ, надъ храпѣвшимъ солдатомъ затянулъ хриплой, скребущей октавой:

— Во бла-жен-номъ у-спе-ніи вѣ-ѣ-ѣчный по-кой! Подаждь Господи новоугобзившемуся отъ вина безъ елея рабу твоему, сахалинцу Трехжильному, отъ синодъ-сената препрославленному, полиціи незримому, отъ пуль ангелами хранимому, въ пучинахъ не тонущему и въ геенѣ огненной неопалимому, главѣ нумерованной... какъ?.. (прислушивается къ бормочущему ихтіозавру). Что ты брешешь, жеребячая морда?..

— Хрипи, бегемотъ... слушай...

— Главѣ нумерованной, горящими валками не прошибаемой, шкурѣ

дубленной, ребра несокрушимыя облекающей, и прочая, и прочая, и прочая и сотвори ему мно-гая лѣ-ѣта!

— Мно-о...—Благой матъ нѣсколькихъ десятковъ глотокъ покрылъ остальное. Содомъ и Гоморра!

— Тащи его, запихивай!.. Къ „со-праведникамъ!"

Новопреставленнаго поволокли подъ нары, откуда торчало нѣсколько рукъ и ногъ „соправедниковъ".

— Реви, с—ъ сынъ!

— Надгробное рыданіе...

— Тушъ... тушъ!... — оралъ кто-то въ самомъ моемъ слуховомъ проходѣ.

Визжалъ гдѣ-то завязшій поросенокъ. Что-то бренчало. Звенѣли разбиваемыя стекла.

Вдругъ увѣсистый камень, неизвѣстно откуда ворвавшійся, хватилъ кого-то по плечу и рикошетомъ хлопнулся въ гитару.

Все разомъ смолкло...

Слышно было только, какъ гдѣ-то вблизи „ѣхали въ Ригу".

„Аккордъ еще рыдаетъ..."—вспомнилось почему-то мнѣ.

— Китаезы!.. Косоглазая сволочь! Ай-да робята!

Вся ватага, спотыкаясь, давя мандолины и бутылки, ринулась къ выходу.

Нѣсколько сотъ китайцевъ, приблизившихся было къ самой хибаркѣ, бросились со всѣхъ ногъ прочь. Вслѣдъ имъ загремѣли выстрѣлы, посыпались камни. Дождавшись возвращенія рыжаго, я попросилъ его продиктовать мнѣ его тостъ.

— Литераторствуешь?—догадался онъ.

— Можетъ быть, если наберется интересное.

— Только безъ примѣтъ!

— Само собою!

Я далъ ему свой адресъ, приглашая зайти.

— Это смотря по дальнѣйшему ходу событій! — уклончиво отвѣтилъ онъ.

Мы распрощались. Наши орбиты больше не пересѣкались.

Прокламація съ телеграммой Линевича была готова. Я нанялъ китайца расклеить ее по городу и, захвативши съ собой кипу, пошелъ въ городъ раздавать встрѣчнымъ. Въ Городской Управѣ собраніе. Захожу. Оказывается, Казбекъ созвалъ совѣщаніе гражданъ. Постановили: 1) уничтожить весь спиртъ въ городѣ (можно, разумѣется, и не упоминать, что никто и не подумалъ это сдѣлать); 2) организовать изъ жителей самозащиту,—для чего былъ учрежденъ особый комитетъ подъ командой одного изъ управ-

цевъ, отставного полковника Высоцкаго. Комендантъ согласился выдать комитету винтовки изъ арсенала. Нашъ кружокъ (Звѣревъ, Оржихъ и я) сильно протестовалъ противъ этой мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, что значила сотня вооруженныхъ людей противъ десятковъ тысячъ взбунтовавшагося гарнизона? А между тѣмъ, въ случаѣ убійства кого-нибудь изъ солдатъ, озвѣрѣвшіе люди могли устроить общую рѣзню. Но мы остались въ меньшинствѣ, и оружіе было выдано. Тогда, чтобы предупредить кривотолки, я написалъ и отпечаталъ прокламацію къ солдатамъ и матросамъ, въ которой выяснилъ цѣль вооруженія.

Мы, конечно, понимали, что одними увѣщаніями успокоить озлобленныхъ людей было невозможно. Надо было стараться уничтожить причины озлобленія и прежде всего содѣйствовать ускоренію отправки запасныхъ на родину.

Звѣревъ приготовилъ проектъ телеграммы Государю отъ населенія. Въ ней обстоятельно были изложены причины и истинный характеръ погрома и указывалось, что единственная мѣра спасенія города это немедленная отправка запасныхъ моремъ и по желѣзной дорогѣ. Съ этимъ проектомъ мы явились въ Городскую Думу. Здѣсь насъ встрѣтила сильная оппозиція. Управцамъ было непріятно, что какіе то неизвѣстные люди приходятъ къ нимъ съ улицы и навязываютъ свои проекты. Они заартачились. Но среди собравшейся публики оказалось много нашихъ сторонниковъ, и „голосъ населенія“ принудилъ управцевъ принять нашъ проектъ. Телеграмма была отправлена по назначенію съ копіей Линевичу.

2-го ноября нашимъ кружкомъ была выпущена новая прокламація, составленная Звѣревымъ. Въ ней горячо и всесторонне разъяснялся вредъ безпорядковъ для всего края и для войскъ. Въ городѣ недоумѣвали, что за тріумвиратъ такой образовался, объявлявшій объ отправкѣ запасныхъ, говорившій съ гарнизономъ такимъ языкомъ: „ваши нужды намъ извѣстны, и мы сдѣлаемъ все, чтобы онѣ были удовлетворены мирнымъ путемъ“. Знакомые коллеги при встрѣчѣ въ шутку спрашивали меня, когда же я разрѣшу имъ уѣхать домой.

Это былъ моментъ, когда сила „законныхъ властей“ съ высоты почти неограниченнаго могущества (крѣпость была на военномъ положеніи) сразу упала до нуля. Никто не придавалъ никакого значенія ни военнымъ, ни гражданскимъ властямъ, никто не вѣрилъ ни одному начальственному слову. А они, жалкіе, хватались, какъ утопающій за соломинку, за всякаго, кто имѣлъ хоть какой-нибудь авторитетъ въ глазахъ взбунтовавшихся массъ.

Вотъ, напр., документъ, иллюстрирующій сказанное. „Служебная записка дежурнаго адъютанта коменданта владивостокской крѣпости, 1-го но-

ября 1905 г. № 7. Кр. Владивостокъ. Предъявителю сего рабочему Ушакову разрѣшенъ комендантомъ крѣпости входъ въ казармы частей войскъ гарнизона и собесѣдованіе съ нижними чинами по разъясненію имъ порядка увольненія въ запасъ и права участія въ митингахъ.

Ему же разрѣшается свободный проходъ по улицамъ и собесѣдованіе съ нижними чинами, но при условіи полученія разрѣшенія отъ командующаго начальника (въ данномъ мѣстѣ). Начальникъ, штаба полковникъ баронъ Будбергъ. Печать: штаба крѣп. Владивостокъ".

Гдѣ же были официальные руководители арміи? Куда дѣвались офицеры, генералы? Они исчезли, словно ихъ и не бывало. Успокаивать вышедшую изъ береговъ стихію выпало на долю частныхъ людей. Такія же записки были выданы священнику Введенскому, Звѣреву, бывшему шлиссельбуржцу Оржиху, мнѣ.

Между тѣмъ среди жителей разгромленнаго города открылась нужда. На очередь всталъ вопросъ объ организаціи помощи пострадавшимъ. 2-го ноября, по объявленію губернатора, собралось въ городской думѣ сотни три гражданъ. Было постановлено учредить распорядительный комитетъ для оказанія помощи пострадавшимъ. Предсѣдателемъ его былъ избранъ собраніемъ Звѣревъ, казначеемъ—одинъ изъ мѣстныхъ коммерсантовъ, г. Гоголевъ, функціи секретаря взялъ Оржихъ. Дѣло закипѣло съ мѣста въ карьеръ. Въ короткое время было собрано свыше 32,000 руб. деньгами. Разбили городъ на участки. Попечители обходили городъ, изслѣдуя нужду. Устроили складъ провіанта, одежды, двѣ хлѣбопекарни. Выдали массу ссудъ ремесленникамъ и мелкимъ торговцамъ (по 300 руб.) и безвозвратныхъ пособій. Массу личнаго труда и собственныхъ средствъ вложилъ сюда г. Гоголевъ. Человѣкъ этотъ своей врожденной интеллигентностью, отзывчивостью къ чужому горю, готовностью всегда притти на помощь нуждающимся,—въ короткое время заслужилъ горячія симпатіи всѣхъ, имѣвшихъ удовольствіе работать съ нимъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ одинъ вынесъ на своихъ плечахъ большую часть этого, довольно таки крупнаго дѣла. Мы, остальные, были только помощниками его.

Сердечное спасибо тебѣ, славный человѣкъ, отъ имени всѣхъ, чьи слезы ты осушилъ.

Изъ остальныхъ членовъ комитета должно упомянуть о китайскомъ уполномоченномъ г. Литьяо, которому нашъ комитетъ въ немалой степени былъ обязанъ тѣмъ, что въ своей дѣятельности удержался на истинно христіанскомъ принципѣ: не вносить въ дѣло благотворительности національной розни. Нѣкоторые изъ членовъ комитета пытались было вначалѣ провести грань въ сборѣ и расходованіи суммъ, собранныхъ съ русскихъ и

китайцевъ, но, послѣ горячихъ рѣчей этого послѣдователя Конфуція, призывавшаго насъ именемъ нашего Христа къ братству и подкрѣплявшаго свой призывъ тысячными взносами безъ какихъ бы то ни было ограниченій— наши націоналисты устыдились и замолкли.

Очень ревностно относились къ дѣлу наши „жены мироносицы": г-жи Дайхесъ, Москаленко, сестры Плотниковы, а также г. Оржихъ, вносившій въ дѣло элементъ политической страстности. Пылкій, но практичный, быстро оріентирующійся, онъ твердилъ одно: широкой благотворительностью завоюемъ симпатіи населенія; опираясь на него, распустимъ черносотенную городскую думу и, выбравъ новую, демократическую, заведемъ въ городѣ новые порядки. Я всецѣло раздѣлялъ эти взгляды. Но нашъ третій г. Звѣревъ (недюжинный сатирическій талантъ) съ такимъ сарказмомъ изображалъ стремленіе Оржиха „завладѣть Ратушей" на манеръ парижскихъ революціонеровъ, что у меня пропадала охота играть роль Санхо-Пансо въ этомъ предпріятіи.

Оржихъ понялъ, что независимое, смѣлое печатное слово есть главная потребность минуты. Быстро собралъ онъ нѣсколько тысячъ и уѣхалъ въ Японію за типографіей. Къ сожалѣнію, онъ тамъ почему-то застрялъ, и дальнѣйшія событія прошли безъ него, о чемъ приходилось не разъ искренно пожалѣть. Исключительно его отсутствію обязаны думцы и управцы тѣмъ, что усидѣли на своихъ мѣстахъ до конца и, вѣроятно, продолжаютъ „сидѣть" и по сію пору.

А думцы дѣйствительно испугались роста нашего вліянія на общественныя дѣла и давай себѣ по нашимъ слѣдамъ. У комитета самозащиты, за отсутствіемъ нападающихъ, прямого дѣла не было, тогда онъ принялся за благотворительность и началъ демонстративно съ нами конкурировать. Въ его распоряженіи оказались тоже крупные запасы и денежныя средства, приготовленныя раньше на случай осады.

Запахло скандальчикомъ: взрослые, молъ, люди, а не могутъ дѣлать одно и то же дѣло вмѣстѣ. Мы предложили слиться. Но на общемъ засѣданіи обоихъ комитетовъ „самозащитники" потребовали, чтобы мы вошли въ ихъ организацію, признавши безъ выборовъ ихъ предсѣдателя, Высоцкаго. Мы изъ-за принципіальныхъ соображеній настаивали на новыхъ выборахъ предсѣдателя, казначея и секретаря. Соглашеніе не состоялось. Раздѣленіе продолжалось до конца.

Впрочемъ, наша изоляція, вопреки пословицѣ насчетъ панской драки и хлопскихъ чубовъ, на сей разъ была на-руку нуждающимся, такъ какъ многіе изъ нихъ получали помощь и тутъ и тамъ.

Но скоро очнулась отъ удара наша администрація. Но, очнувшись, робко, постепенно взялась за... прежнее.

Раскаты грозы давно смолкли... Тучу унесло... На улицахъ города появились казаки, „молодцы верхнеудинцы“. Лихо гарцовали они на своихъ буряткахъ, грозя нагайками одиноко проходящимъ матросамъ.

Губернаторъ Смирновъ, обѣщавшій было распорядительному комитету тысячу рублей, теперь, при видѣ бравыхъ верхнеудинцевъ, „окрѣпъ духомъ“ и съ большимъ достоинствомъ... взялъ свое слово назадъ.

VII.

Общественная жизнь во Владивостокѣ, придавленная ужасами погрома, долго не могла оправиться, притти въ себя. Послѣ 30-го октября сразу какъ-то оборвались всѣ собранія, засѣданія обществъ и пр. Всѣ были выбиты изъ колеи, напуганы. Въ частности наиболѣе активные члены общества народныхъ чтеній, взявшіе на себя иниціативу устройства митинговъ, невольно подчиняясь обывательской точкѣ зрѣнія (до митинговъ во Владивостокѣ не было погромовъ; случился митингъ—произошелъ погромъ; слѣдовательно...), боялись открыть чтенія, чтобы не дать повода къ новымъ безпорядкамъ. Въ 20-хъ числахъ ноября я потребовалъ открытія чтеній, заявляя, что въ противномъ случаѣ открою ихъ лично отъ себя. Созванное по этому поводу общее собраніе постановило начать чтенія. Предположено было рядомъ чтеній систематически разъяснить манифестъ 17-го октября.

27-го ноября я прочелъ рефератъ „О неприкосновенности личности“. Обывательскіе страхи сбылись на половину. Погрома, правда, не произошло, но оппозиціонный духъ, которымъ была пропитана солдатская масса, проявился на этомъ первомъ, публичномъ собраніи очень рѣзко. На собесѣдованіи, наступившемъ по окончаніи чтенія, солдаты подчеркивали свое безправіе, возмущались ухищреніями начальства держать ихъ въ рабствѣ. Собесѣдованіе закончилось тѣмъ, что отъ имени уссурійскаго желѣзнодорожнаго баталіона было внесено требованіе, чтобы общество народныхъ чтеній вошло къ Казбеку съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ приказа генерала Лашкевича по 8 дивизіи, въ которомъ онъ натравливаетъ солдатъ на забастовщиковъ, выставляя послѣднихъ врагами отечества и личными врагами солдатъ, препятствующими скорѣйшему возвращенію ихъ на родину.

Для разсмотрѣнія этого требованія 1-го декабря было созвано общее собраніе. Предсѣдатель общества Звѣревъ рѣшительно выступилъ противъ того, чтобы общество брало на себя подобнаго рода порученія. „Задачи его чисто *просвѣтительныя*, говорилъ онъ, и выступать въ качествѣ активной *политической* организаціи оно не можетъ“. Я настаивалъ на положеніи, что въ революціонный моментъ всѣ наличныя общественныя

организаціи неминуемо должны выступить на путь политической борьбы; что, блестяще выступивъ въ октябрѣ, въ качествѣ политическаго пастыря, завоевавъ общія симпатіи и довѣріе, общество не можетъ отклонять отъ себя столь почетнаго предложенія. Но большинство членовъ—дамъ—склонилось къ мнѣнію моего оппонента и постановили: въ виду ожидаемаго возникновенія „Союза Союзовъ Уссурійскаго края“ порученіе желѣзнодорожнаго баталіона отклонить, передавъ его „Союзу Союзовъ“ по его возникновеніи.

Этимъ актомъ закончилось участіе въ движеніи Звѣрева и руководимаго имъ общества. Они сходятъ со сцены и остаются пассивными до конца.

А въ это время, дѣйствительно, опять возобновились разговоры о необходимости общаго организованнаго выступленія всѣхъ профессіональныхъ организацій на путь активной политической борьбы. Толчокъ этому движенію дало опять таки общество врачей, устроившее 30 ноября засѣданіе для обсужденія событія 30-го октября и выясненія отношенія своего къ освободительному движенію.

Залъ музея былъ биткомъ набитъ нижними чинами и публикой. Говорили страстно о тяжеломъ положеніи солдата и злоупотребленіяхъ начальства,—какъ причины погрома. Одинъ врачъ пытался освѣтить и оправдать это событіе съ соціалъ-демократической точки зрѣнія, видя въ немъ вполнѣ цѣлесообразный способъ борьбы труда съ капиталомъ. Я, видѣвшій своими глазами, какъ грабили и жгли мелкихъ торгашей и ремесленниковъ, подававшій въ матросской слободкѣ помощь избитымъ, изнасилованнымъ женщинамъ, протестовалъ противъ такого взгляда.

Далѣе говорилось о пробужденіи Россіи, о необходимости мѣстной организаціи для реализаціи свободъ. Между прочимъ, какъ на случай нарушенія администраціей манифеста 17-го октября, было указано докторомъ Шеболдаевымъ на арестъ санитара краснаго креста Соколова, по подозрѣнію въ подстрекательствѣ во время погрома. Собраніе постановило потребовать у коменданта его освобожденія.

На другой день нашъ комитетъ собрался у доктора Волкенштейна, чтобы итти къ коменданту. Здѣсь я прочелъ только-что полученную телеграмму изъ Иркутска о томъ, что тамошній гарнизонъ (8000 человѣкъ) на митингѣ постановилъ перейти на сторону народа. Выставлено семь требованій (учредительное собраніе, всеобщая подача голосовъ, амнистія...) Въ случаѣ отказа—мирная забастовка.

Пошли къ Казбеку. Такъ какъ это былъ нашъ первый дипломатическій дебютъ, то естественно, что переговоры открылись рядомъ „маленькихъ недоразумѣній“. Началось съ того, что генералъ долго не могъ

взять въ толкъ, почему мы ходатайствуемъ у него за Соколова... Потомъ одинъ изъ коллегъ, ни съ того, ни съ сего, началъ выговаривать генералу, чтобы онъ не думалъ о немъ плохо, ибо, проживъ 7 лѣтъ въ Парижѣ, знаетъ, какъ долженъ вести себя съ начальствомъ истинно-свободный гражданинъ... Когда же Казбекъ открылъ ротъ, чтобы что-то сказать ему, тотъ выпалилъ:

— Виноватъ, господинъ Казбекъ, сперва кончу я, а потомъ вы можете говорить, сколько будетъ вамъ угодно.

По лицу генерала пробѣжала легкая судорога. Впрочемъ, онъ быстро овладѣлъ собой и съ такимъ сарказмомъ протянулъ „да-а...“, что мнѣ стало немножко неловко... за моего коллегу.

Перешли къ бесѣдѣ на обще-россійскія злобы дня. Кто-то изъ насъ спросилъ:

— Вашему пр-ву извѣстно, что произошло въ Иркутскѣ?

— Нѣтъ! Вѣдь мы отрѣзаны забастовкой. А что?

— Не угодно ли ознакомиться!

Подали ему телеграмму. Читаетъ вслухъ. Наблюдаю за его физіономіей. Ни одна жилка на лицѣ не дрогнула. Эти люди не нашъ братъ: умѣютъ владѣть собою. А впрочемъ, возможно, что такое важное свѣдѣніе уже раньше насъ было извѣстно ему.

Заговорили о броженіи здѣсь, во Владивостокѣ. Казбекъ упрекнулъ медицинское общество, что оно занимается не своими профессіональными вопросами, а тѣмъ, что его вовсе не касается.

Я ему отвѣтилъ, что всѣ профессіональныя общества измѣнили теперь характеръ дѣятельности и стали политическими клубами.

— На дняхъ всѣ они сольются въ одну организацію „Союзъ Союзовъ“, говорилъ я, который ставитъ цѣлью активно вмѣшиваться въ мѣстную жизнь. Администрація края должна имѣть это въ виду. Лучше всего выработать общій планъ дѣйствій, чтобы избѣжать нежелательныхъ конфликтовъ.

Долго бесѣдовали на эту тему. Порѣшили на томъ, что пока „Союзъ Союзовъ“ будетъ стоять за порядокъ и осуществлять свои цѣли безъ насилій, онъ будетъ пользоваться поддержкой администраціи.

Умный, тактичный старикъ. Ему тяжело было переживать „такія времена“.

— Изъ-за вашихъ союзовъ я уже цѣлый мѣсяцъ спать не могу, вырвалось у него. Я вышелъ бы въ отставку, чтобы устраниться отъ этой тяжелой, непривычной кутерьмы. Но это невозможно въ виду отрѣзанности края.

1-го декабря „союзъ инженеровъ и техниковъ“ принялъ резолюцію,

аналогичную резолюціи врачей, и созвалъ на 3 и 4 декабря организаціонныя собранія делегатовъ разныхъ союзовъ.

3-го декабря собрались делегаты и постановили соединиться въ „Союзъ Союзовъ Уссурійскаго края". Обсужденіе вопросовъ программы и организаціи пришлось отложить на слѣдующія засѣданія, такъ какъ вдругъ забурлившая жизнь потребовала отъ насъ немедленнаго отвѣта на конкретные факты.

Какъ и слѣдовало ожидать, полученіе телеграммы объ иркутскомъ движеніи не могло не отразиться во Владивостокѣ. Среди нижнихъ чиновъ опять началось сильное броженіе. Да иначе и быть не могло, такъ какъ причины, вызвавшія погромъ 30-го октября, остались неустраненными. Голодъ и холодъ усилились. Сотни оборванныхъ солдатъ ежедневно осаждали квартиры попечителей распорядительнаго комитета, Христомъ-богомъ умоляя выдать что-нибудь изъ теплой одежи или нѣсколько коробокъ консервовъ. Отправка запасныхъ въ это время затормозилась, такъ какъ желѣзная дорога была занята перевозкой плѣнныхъ, возвращавшихся изъ Японіи. И вотъ нижними чинами, присутствовавшими на собраніи 3-го декабря, было заявлено, что среди солдатъ вновь вспыхнуло сильное недовольство, что сдержать его благоразумная часть солдатъ не въ силахъ, что единственное средство предотвратить повтореніе ужасовъ 30 октября—это созывъ выборныхъ отъ нижнихъ чиновъ всѣхъ частей войскъ на общее собраніе для выясненія солдатскихъ нуждъ и заявленія о нихъ начальству. Если собранія не разрѣшатъ, то погромъ неминуемъ. Назначенъ былъ даже день 6-го декабря. Заявленіе это было тотчасъ же обсуждено. Постановили: отправить немедленно (дѣло было послѣ 10 ч. веч.) депутацію къ коменданту, изложить ему заявленіе нижнихъ чиновъ и попросить разрѣшенія на созывъ депутатовъ на завтрашній день.

Казбекъ затрясся, когда депутація передала ему это постановленіе, но, конечно, долженъ былъ согласиться и обѣщать, что сейчасъ же телефонируетъ во всѣ части, чтобы завтра утромъ выбрали изъ каждой роты по 2 человѣка и прислали на митингъ... впрочемъ, виноватъ, на „собраніе" (генералъ не выносилъ слова „митингъ" и просилъ, чтобы при немъ его не произносили), которое должно было состояться не въ городѣ, а верстахъ въ 5-ти отъ него, на, такъ наз., „Первой Рѣчкѣ".

Насколько интенсивно закипѣла вдругъ общественная жизнь, видно изъ того, что на одинъ день, 4-е декабря, было назначено пять политическихъ митинговъ: 1) нижнихъ чиновъ на „Первой Рѣчкѣ", 2) офицеровъ въ гарнизонномъ собраніи, 3) рабочихъ и мастеровыхъ Порта, 4) желѣзнодорожниковъ и 5) общее собраніе делегатовъ „Союза Союзовъ". Кромѣ того, имѣло еще быть чтеніе „О національзаціи земли".

Услѣдить лично за всѣми развѣтвленіями движенія становилось невозможнымъ.

Меня очень интересовало, какъ относятся къ движенію офицеры. Въ 12 час. я подъѣхалъ къ гарнизонному собранію. Въ залахъ собралось полтораста человѣкъ офицеровъ. Съ виду какъ будто обычные вялые разговоры. Настроеніе высматривающее. Подходятъ еще и еще... Ожиданіе становится тягостнымъ. Нѣтъ иниціативы. Наконецъ, д-ръ П. вмѣстѣ съ офицеромъ Ф. набросали на листѣ бумаги рядъ темъ, подлежащихъ разрѣшенію. Затѣмъ Ф. позвонилъ и началъ:

— Такъ какъ иниціаторы собранія неизвѣстны и, повидимому, не рѣшаются выступить открыто, то я беру починъ на себя. Открывая собраніе, скажу нѣсколько словъ. Офицеры наши оторваны отъ солдатъ и общества. Мы не можемъ быть индифферентны къ тому, что творится съ нашей родиной. Необходимо найти почву для сближенія съ солдатами и обществомъ. Предлагаю разсмотрѣть 4 вопроса: 1) общее положеніе офицеровъ въ арміи (въ связи съ текущими событіями), 2) отношеніе къ обществу въ связи съ манифестомъ 17-го октября, 3) роль арміи въ настоящій историческій моментъ и 4) объ упадкѣ цемента арміи — дисциплины.

Въ срединѣ его рѣчи толпа разступилась, и показался Казбекъ, ораторъ чуть-чуть смутился, но быстро оправился и продолжалъ рѣчь до конца.

Казбекъ:—Къ сожалѣнію, о вашемъ намѣреніи собраться узналъ я изъ газетъ. Ваше желаніе обсудить свои нужды правильно... но, по закону, требуется извѣстная послѣдовательность. Необходимо спроситься у меня. Объясняю этотъ промахъ общей нервозностью и извиняю. Разрѣшаю собраніе. Лично участвовать не буду, чтобы не стѣснять васъ. О рѣшеніяхъ, къ которымъ вы придете, доложите мнѣ.

Общій взаимный поклонъ. Ушелъ.

Выборъ предсѣдателя.

— Изъ штабъ-офицеровъ...—не надо!.. Большинство признало предсѣдателемъ Ф.

Заявляютъ, что офицеры 31-го полка задержаны полковымъ командиромъ, не пустившимъ ихъ на собраніе.

Начались пренія. Мои, очиненные съ обѣихъ сторонъ, карандаши заработали во всю. Считаю нелишнимъ подѣлиться съ читателемъ высказанными на этомъ собраніи мыслями офицеровъ и общимъ ходомъ преній.

— До сихъ поръ мы молчали, хотя у насъ есть что сказать. У всѣхъ наболѣло. Манчжурская Панама Ялу, Ляоянъ, Мукденъ — не

прошли для насъ безслѣдно. Въ Телинѣ я лично видѣлъ, какъ солдаты подымали на штыки своихъ офицеровъ. 30-го октября здѣсь, во Владивостокѣ, тѣ, кого мы учили маршировать, рвали насъ на части. Чуркинское избіеніе камнями... Все это показываетъ, что солдаты насъ ненавидятъ. Кто изъ насъ поручится за свою роту. Россія борется... Не задѣло только насъ... Но это только повидимому. Жизнь толкаетъ... Говорятъ, гвардія перешла на сторону народа... Въ Иркутскѣ—то же... Здѣсь, въ средѣ солдатъ, идетъ агитація въ томъ же духѣ. Пора и намъ проснуться... Надо сблизиться съ солдатами на почвѣ истинной любви къ родинѣ, а не къ карьерѣ,—преданности народу, а не черносотенному начальству. Пойдемъ вмѣстѣ въ ногу съ нашимъ „меньшимъ братомъ". Впередъ! Назадъ нѣтъ возврата! (Горячія рукоплесканія).

— Мы слышали: слухъ о гвардіи... „говорятъ"—въ Иркутскѣ... Чѣмъ эти слухи подтверждаются... Факты гдѣ?

— Фактъ тотъ, что наши солдаты реагируютъ на эти хотя бы и слухи. Идетъ агитація... Сегодня они придутъ къ извѣстному рѣшенію. Если они забастуютъ, что будемъ дѣлать мы?

— Выйдемъ въ отставку. (Протесты).

— Мы не можемъ въ критическій моментъ бросать армію на произволъ темныхъ силъ.

— Необходимо выяснить взгляды и настроеніе офицеровъ. Средство—разсмотрѣть эти вопросы на полковыхъ собраніяхъ. Кто мы, здѣсь собравшіеся? Представители ли гарнизона? Выражаемъ ли мы мнѣніе гарнизона? Объявленіе въ газетѣ о настоящемъ собраніи носило анонимный характеръ. Надо созвать правильно выбранныхъ представителей всѣхъ частей гарнизона. (Шумный протестъ).

— Не время. Намъ надо спѣшить. Насъ болѣе 200 человѣкъ. Выборные солдатъ собрались на митингъ. Рѣшеніе будетъ вынесено сегодня. Надо немедленно высказаться.

— Мы не можемъ слѣдовать примѣру почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, во имя шкурныхъ интересовъ забывшихъ интересы государства. Армія должна остаться спокойной. (Протесты).

— Мы должны, наконецъ, проснуться, внятно сказать, „кто мы" и „за кого мы", за народъ или черносотенное начальство. Мы должны организоваться самостоятельно. Начальство не должно болѣе распоряжаться нами, какъ автоматами, по своему произволу. Мы должны заставить замолчать черную сотню. (Рукоплесканія).

— Я говорилъ со штабными. По ихъ мнѣнію, манифестъ арміи не касается. Существуетъ и въ нашей средѣ мнѣніе, что армія должна быть нейтральна. Это несправедливо. Армія не можетъ оставаться нейтральной.

Мыслимо ли, чтобы нынѣшній солдатъ, вчерашній и завтрашній крестьянинъ, былъ безразличенъ къ тому, что такъ сильно его задѣваетъ: къ вопросу о землѣ? Мы, армія—плоть отъ плоти и кость отъ кости народа и не можемъ вмѣстѣ съ народомъ не принять участія въ рѣшеніи нашей общей судьбы.

Въ этомъ духѣ говорило до 40 офицеровъ.

Резолюція офицеровъ, принятая 161 голосомъ противъ 52-хъ, заявляла о присоединеніи ихъ къ освободительному движенію и порицала употребленіе оружія противъ стачечниковъ, мирныхъ манифестантовъ и т. п.

А на „Первой Рѣчкѣ" дѣло происходило такъ. Пріѣхалъ Казбекъ и обратился къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой уговаривалъ ихъ мирно обсудить свои нужды и доложить ему. Когда онъ уѣхалъ, солдаты, поговоривши между собою, нашли, 1) что вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, такъ много, что заразъ ихъ не рѣшить, 2) что выборные явились не отъ всѣхъ частей, такъ какъ приглашеніе было получено поздно. Оказалось, что отъ нѣкоторыхъ ротъ явились не выборные, а назначенные дежурными по ротѣ изъ числа свободныхъ отъ службы людей. Нѣкоторые явились даже съ лопатами, думая, что ихъ требуютъ для работъ. Поэтому постановлено: устроить 7-го декабря въ зданіи цирка новое засѣданіе дѣйствительно выборныхъ отъ всѣхъ ротъ гарнизона. Для руководства этими собраніями пригласить врачей: Волкенштейна, Кудржинскаго, Попова и недавно прибывшаго во Владивостокъ политическаго ссыльнаго, бывшаго офицера Перлашкевича.

Вечеромъ того же 4-го декабря собрались въ музеѣ „союзники" для обсужденія задачъ тактики и организаціи. Сдѣлаю общую характеристику засѣданій союзниковъ. Какъ и вездѣ, они носили характеръ „говоренія". Право совѣщательнаго голоса было предоставлено всѣмъ присутствующимъ. Рѣшали только делегаты. Говорили пространно, уклоняясь отъ темы, а часто и вовсе не на тему. Чувствовался недостатокъ въ опытномъ предсѣдателѣ. Нашъ безсмѣнный предсѣдатель, докторъ А. А. Волкенштейнъ, человѣкъ въ высшей степени деликатный въ *обращеніи*, органически не могъ „заграждать уста". Сколько разъ бывало подсовываешь предсѣдателю записку: „да напомните же заблудившемуся оратору о дебатируемомъ вопросѣ"— получается неизмѣнный отвѣтъ: „у васъ диктаторскія замашки"...

Вслѣдствіе постоянныхъ колебаній и отклоненій только на шестомъ засѣданіи (17-го дек.) намъ удалось установить нашъ компасъ, т. е. общую формулировку программы. Вотъ текстъ ея, предложенный мною.

„Союзъ Союзовъ Уссурійскаго края имѣетъ цѣлью: 1) объединеніе всѣхъ общественныхъ силъ Уссурійскаго края, принимающихъ дѣятельное участіе въ политической жизни страны, для введенія въ жизнь свободъ,

завоеванныхъ русскимъ народомъ: неприкосновенности личности, свободы слова, совѣсти, собраній, союзовъ; 2) защиту этихъ свободъ отъ возможныхъ покушеній на нихъ со стороны приверженцевъ стараго порядка; 3) подготовленіе населенія Уссурійскаго края къ предстоящимъ выборамъ въ законодательное собраніе на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ и 4) когда настанетъ время выборовъ, „Союзъ Союзовъ" возьметъ на себя наблюденіе за правильностью производства ихъ.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что мы только „разговаривали". Требованія жизни непрерывно врывались къ намъ и толкали насъ къ активному вмѣшательству въ ея гущу. Но наше вмѣшательство было только вынужденнымъ обстоятельствами. Мы плелись въ хвостѣ жизни, а не выступали впередъ съ собственной иниціативой. Для послѣдняго рода дѣятельности надо было имѣть детальный практическій планъ. Но до этого мы „добраться" не успѣли и предложенный мною проектъ такъ и остался неразсмотрѣннымъ.

6-го декабря, въ ожиданіи погрома, весь городъ былъ наводненъ патрулями. День прошелъ совершенно спокойно.

7-го декабря состоялся первый митингъ выборныхъ нижнихъ чиновъ крѣпостного гарнизона. Обширное зданіе цирка было биткомъ набито сѣрой солдатской массой. Заполнены были всѣ ложи, галлереи. Въ партерѣ люди стояли сплошной стѣной.

Предсѣдателемъ былъ избранъ А. Волкенштейнъ. Полились рѣчи, безудержныя, горячія, часто неумѣлыя, но искреннія и страстныя, какъ вздохъ человѣка, вырвавшагося изъ темнаго, душнаго подвала на свѣжій воздухъ. Среди солдатъ нашлись очень развитые люди, блестящіе ораторы. Помню, наприм., одного, г. О., начитаннаго, увлекающагося, владѣющаго даромъ слова, хотя сильно разбрасывающагося отъ обилія давившихъ его мыслей и чувствъ. Особенно много развитыхъ людей, съ вполнѣ сложившимися убѣжденіями, было среди нижнихъ чиновъ желѣзнодорожнаго баталіона.

Обиліе рѣчей и страстность ораторовъ не помѣшали, впрочемъ, солдатскимъ митингамъ сразу стать на дѣловую почву, чѣмъ они были обязаны доктору Попову, который, какъ давнишній военный врачъ, хорошо знакомый со всѣми условіями солдатской жизни, очень умѣло сгруппировалъ заявленныя солдатами нужды съ точки зрѣнія назначенія солдата.

Послѣ 17 октября солдатъ есть полноправный гражданинъ, призванный обучиться владѣть оружіемъ для защиты родины (правильно). Значитъ, надо, чтобы онъ поскорѣе выучился этому дѣлу, и маршъ домой... (вѣрно). Все, что способствуетъ скорѣйшей и лучшей выучкѣ, должно быть

доведено до степени совершенства и наоборотъ должно быть устранено все, что мѣшаетъ этому (занятія въ мастерскихъ, служба деньщика и т. д.)

Обстоятельный разборъ всѣхъ сторонъ солдатскаго быта и формулировка требованій заняли три засѣданія (7, 9 и 12 декабря).

По второму вопросу „объ отношеніи арміи къ революціонному движенію“ докладчикомъ выступилъ я. Основныя мысли моего доклада: назначеніе арміи—борьба съ внѣшнимъ врагомъ. „Внутренній врагъ“, вслѣдствіе неопредѣленности, измѣнчивости этого понятія, не можетъ служить объектомъ дѣйствій арміи. Примѣръ: Бодену, въ качествѣ „внутренняго врага“, былъ разстрѣлянъ 2-го декабря 1851 г. французскими войсками, но чрезъ 25 лѣтъ отечество сооружаетъ ему памятникъ, какъ національному герою. Вмѣшательство арміи въ борьбу партій—безсмыслица, ибо армія не партія; члены ея — члены разныхъ партій. Вопросы права не могутъ рѣшаться пулей, штыкомъ. Практически вмѣшательство арміи во внутреннія дѣла всегда до сихъ поръ приводило къ диктатурѣ (18 брюмера, 2 дек. 1851 г., Буланжистская попытка...). Выводъ: солдаты внѣ казармъ, въ качествѣ гражданъ, принимаютъ участіе въ политической борьбѣ, какъ члены политическихъ партій. Армія же объявляетъ себя нейтральной, т. е. не вмѣшивается въ борьбу партій, но не пассивной: она ставитъ борющимся условіе, чтобы борьба велась культурными пріемами, безъ насилій. Какъ только какая-либо партія прибѣгаетъ къ насилію, армія возстанавливаетъ порядокъ.

Въ возникшихъ дебатахъ всѣ ораторы высказались противъ меня. Блестяще, остроумно оппонировалъ упомянутый г. О. („жаль, что при сотвореніи міра Господь Богъ не пригласилъ меня съ докт. К.; мы устроили бы его такъ, чтобы разумъ правилъ міромъ. Но онъ этого не догадался сдѣлать, и вышло такъ, что міромъ правитъ сила“). Впрочемъ, при голосованіи резолюцій, мнѣ удалось ввести существенныя поправки въ духѣ моего доклада.

Роль наша (врачей) на солдатскихъ митингахъ, конечно, страшно не нравилась извѣстной части офицеровъ. Страницы „Дальняго Востока“ были заполнены негодующими ламентаціями на интригановъ-эскулаповъ госпиталей. Ген. Езерскій счелъ для себя возможнымъ отозваться о насъ слѣдующимъ образомъ: „врачи, призванные изъ запаса, въ особенности іудейскаго исповѣданія, оказались совершенно незнакомыми съ бытомъ и жизнью солдата, съ требованіями военной службы и дисциплины и, говоря откровенно, были вредны для военной службы, а именно, развили въ войскахъ симулянтовъ и даже способствовали нижнимъ чинамъ подъ всѣми видами благовидныхъ и неблаговидныхъ заболѣваній эвакуированію ихъ внутрь имперіи; самое же большое зло, которое нанесли врачи эти арміи — это первоначально тайное, а послѣ 17 октября и явное собраніе нижнихъ

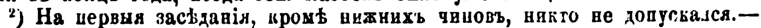
чиновъ на митинги и проповѣдываніе ими непослушанія своимъ строевымъ начальникамъ, подстрекательство къ выраженію недовѣрія начальству и даже къ открытому возмущенію. Надо отдать справедливость, что въ этомъ отношеніи запасные врачи вполнѣ достигли своей цѣли,—вызвали открытый бунтъ, который, благодаря бездѣйствію высшей власти [1]), вполнѣ удался 30 и 31 октября".

Такъ говорить могли люди или по неосвѣдомленности [2]), или чувствовавшіе, что ихъ „рыльце въ пушку". На самомъ дѣлѣ, если бы эти господа могли хоть разъ побывать на солдатскихъ собраніяхъ и объективно отнеслись къ тому, что тамъ происходило, — они увидѣли бы, что намъ, руководителямъ, приходилось сдерживать порывы солдатскаго негодованія. Если бы кому-нибудь изъ насъ пришло въ то время желаніе подстрекнуть озлобленныхъ солдатъ, хотя бы противъ того же ген. Езерскаго, то отъ этого генерала, по всей вѣроятности, тогда осталось бы одно печальное воспоминаніе.

Послѣ первыхъ двухъ митинговъ обнаружилось, что среди солдатъ имѣется достаточно развитыхъ, опытныхъ людей, которые съ успѣхомъ могутъ руководить митингами. Въ виду этого, а также, чтобы не мѣшать объединенію солдатъ съ офицерами, чего мы всѣ такъ сильно желали, мы врачи, уже на 3-мъ митингѣ, сложили съ себя полномочія по устройству и руководству митингами. Тогда солдаты выбрали изъ своей среды 12 человѣкъ, образовавшихъ, такъ называемый, „Исполнительный комитетъ нижнихъ чиновъ". Функціи его заключались въ устройствѣ собраній уполномоченныхъ, руководствѣ ими, веденіи канцелярской части, приведеніи въ исполненіе постановленій и т. п. Насъ, бывшихъ руководителей, удостоили званія „почетныхъ членовъ" ихъ собраній. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ изъ насъ, врачей, сама собою легла обязанность по окончаніи каждаго митинга являться къ Казбеку и сообщать ему о принятыхъ резолюціяхъ. Не могу сказать, чтобы мнѣ лично эта обязанность доставляла хоть самое маленькое удовольствіе. Но мы считали это обязательнымъ по отношенію къ человѣку, шедшему навстрѣчу (вольно или невольно, этого я не касаюсь) нашимъ ходатайствамъ. Долженъ же онъ знать, что происходило у него въ крѣпости. Никакой конспираціи у насъ не было. Намъ не хотѣлось заставлять этого благороднаго человѣка унизиться до содѣйствія шпіоновъ, появившихся на нашихъ собраніяхъ впослѣдствіи при новомъ комендантѣ.

---

[1]) Секретъ этого гражданскаго мужества ген. Езерскаго – открытаго порицанія „высшей власти", т. е. коменданта — заключается въ томъ, что отчетъ писался въ концѣ года, когда ген. Казбекъ былъ уже смѣщенъ со своего поста.

[2]) На первыя засѣданія, кромѣ нижнихъ чиновъ, никто не допускался.—

Надежды солдатъ на сближенie съ офицерствомъ были тщетны. Офицеры устраивали отдѣльныя собранiя (3-го и 12 декабря), постановляли тамъ, несмотря на предсѣдательствованie Казбека, либеральныя резолюцiи, но къ солдатамъ не шли. Только къ концу декабря отдѣльныя личности изъ офицеровъ стали посѣщать солдатскiя собранiя. Можно было надѣяться, что эта иммиграцiя усилится, но событiя развернулись иначе...

Разскажу объ офицерскомъ митингѣ 12 декабря, устроенномъ Казбекомъ съ спецiальною цѣлью отмѣнить резолюцiю, принятую 4-го декабря. Онъ лично явился на собранie со всѣмъ генералитетомъ и занялъ предсѣдательское мѣсто. Переднie ряды стульевъ заняли „правые“. На каѳедру взошелъ предсѣдатель военно-окружнаго суда, ген. Далинскiй, разложилъ толстые фолiанты свода зак. и на основанiи текстовъ (особенно присяги) долго-долго доказывалъ, что самый первый долгъ армiи охранять прерогативы самодержавiя, которое и послѣ 17-го октября остается въ Россiи ненарушимымъ. Послѣ него цѣлый рядъ ораторовъ, одинъ за другимъ, громили смутьяновъ, забастовщиковъ и звали армiю на борьбу съ ними. Ораторовъ лѣвыхъ не было. Нѣсколько разъ пришлось просить слова, когда, наконецъ, Казбекъ неохотно далъ его мнѣ.

Я началъ излагать свои взгляды на отношенie армiи къ переживаемому моменту. Нѣсколько разъ изъ переднихъ рядовъ раздавалось шиканье, а затѣмъ крики: „Довольно! Молчать! Вонъ!“ Заднie ряды рукоплескали, пришлось напомнить переднимъ рядамъ, что они только-что рукоплескали Далинскому, звавшему ихъ къ неповиновенiю волѣ Государя, который манифестомъ своимъ, между прочимъ, призналъ за русскими гражданами право свободнаго слова.

Дебаты продолжались. Подъ конецъ стало выступать все больше лѣвыхъ ораторовъ. Адъютантъ одного изъ полковъ, Б., сказалъ горячую рѣчь о недостаточности одного чисто-механическаго цемента (дисциплины) для жизни такого огромнаго общественнаго организма, какъ армiя; о необходимости вдохнуть въ нее новую жизнь на основѣ разумнаго товарищества, сознательнаго отношенiя къ государству, которое мы охраняемъ, обществу, которому мы служимъ. Старшiй врачъ уссур. жел. дор., докторъ Ланковскiй, ознакомилъ собранie съ событiями на этой дорогѣ, разгоравшимися въ то время. Генералъ Далинскiй заволновался. Послѣ каждаго лѣваго поднималъ онъ на каѳедру свой печатный и умственный грузъ, но... тщетно. Предложенная правыми контръ-резолюцiя была провалена, и огромное большинство высказалось за оставленie въ силѣ прежней резолюцiи. Въ виду того, что голосованie производилось раздѣленiемъ офицеровъ направо и лѣво, нельзя не признать большой доли гражданскаго мужества за тѣми,

преимущественно молодыми офицерами, которые открыто выступали противъ своихъ старѣйшинъ.

14-го декабря, въ день 80-тилѣтней годовщины декабристовъ,— былъ устроенъ демонстраціонный вечеръ. Я прочелъ историческій очеркъ этого движенія. Артистка Мухаринская и мѣстный поэтъ-публицистъ, Гарфильдъ, воспѣли память первыхъ мучениковъ за свободу въ формѣ написанныхъ ими художественныхъ апоѳеозовъ. Кто-то изъ публики предложилъ „Союзу Союзовъ“ издать популярный историческій очеркъ этого движенія. Тутъ же было собрано 150 руб. на этотъ предметъ. Составленіе очерка было возложено на д-ра Попова и меня.

Въ концѣ декабря численность „союзниковъ“ возросла, благодаря присоединенію къ нему рабочихъ порта, организовавшихся въ „партію соціалъ-демократовъ“. Я участвовалъ только въ первыхъ, организаціонныхъ собраніяхъ. Особенно интересны были первые шаги людей на вдругъ открывшемся предъ ними новомъ пути, такомъ свѣтломъ, заманчивомъ...

1-го декабря вечеромъ собралось человѣкъ 20 рабочихъ. Предсѣдательствуетъ студентъ вост. инст. П., совсѣмъ еще юный, но очень много работавшій надъ изученіемъ общественныхъ вопросовъ. Подымается какой-то красавецъ-брюнетъ, лицо котораго мнѣ показалось знакомымъ, и заявляетъ: „мы, рабочіе влад. порта, желаемъ организовать партію соціалъ-демократовъ, но пока мы еще не знаемъ программы этой партіи и просимъ васъ разъяснить намъ ее“.

Это вышло до того мило... Студентъ Алеша съ такой дѣловитостью вытащилъ изъ бокового кармана тощую брошюру, и вся компанія съ такимъ вниманіемъ устремила свои глаза на Алешкинъ ротъ, откуда посыпались слова „откровенія“, что мнѣ, ей Богу, хотѣлось расцѣловать всѣхъ ихъ.

Я вглядывался въ брюнета, стараясь припомнить, гдѣ его видѣлъ. Онъ замѣтилъ мой пристальный взглядъ и, видимо, сконфузился.

Папаха... высокіе сапоги... Ага! это ты, добрый молодецъ, привѣтствовалъ взволновавшуюся стихію... А она пошла совсѣмъ по другому, неожиданному для самого тебя пути... Теперь ты понялъ, что одного слѣпого озлобленія для общественной борьбы мало, нужны знанія, организація... Въ добрый часъ!

Я обдумывалъ, съ какой стороны вѣрнѣе подойти бы къ этому дѣлу. Взялъ листъ бумаги и набросалъ проектъ опросной карточки, отвѣты на которую подробно выяснили бы экономическое положеніе, степень умственнаго развитія и сознательности каждаго рабочаго. Дополненная собраніемъ карточка была отпечатана и роздана рабочимъ. Но участіе въ солдатскомъ движеніи и „Союзѣ Союзовъ“ не дало мнѣ возможности участвовать въ движеніи рабочихъ, быстро разгорѣвшемся въ яркій... фейерверкъ.

А между тѣмъ дѣятельность союзовъ развертывалась все шире. Двери музея не закрываются. Засѣданія слѣдуютъ одно за другимъ по 2—3 въ день. Масса публики. Горячія рѣчи. Настоящіе якобинскіе клубы. Недовольство почтеннаго Ивана Алексѣевича (смотрителя музея) возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Въ его полушутливой воркотнѣ слышатся нотки „всамдѣлишнаго“ огорченія.

Ей Богу, никогда еще такого безобразія не бывало. Не успѣешь вымести окурковъ послѣ однихъ... уже другой союзъ чадитъ. Какая-то коптилка, прости Господи, а не музей. Что станется съ препаратами... А хуже всѣхъ эти „безсонники полуночные“: „кукурекаютъ“, какъ угорѣлые, до часу ночи... Когда этому конецъ придетъ?..

Какъ-то теперь вспоминаетъ эти угарные дни Иванъ Алексѣевичъ? Скучно, поди, въ опять воцарившейся тишинѣ, среди нѣмыхъ чучелъ...

Что касается нашего центральнаго парламента, „Союза Союзовъ“, то въ немъ попрежнему „говорили“. Любитъ таки поговорить русскій интеллигентъ. Хлѣбомъ его не корми, а дай почесать языкъ. Насчетъ дѣла же: мы ни за нимъ, ни отъ него не бѣгали. Мы, какъ я уже сказалъ, реагировали на то, что происходило вокругъ насъ.

Какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, мы выбрали „Исполнительное бюро“ изъ 6-ти человѣкъ, которое опять таки, какъ водится, ничего за все время своего существованія „не исполнило“. Все, что дѣлалось, дѣлалось по личной иниціативѣ отдѣльныхъ людей. А сдѣлано было вотъ что.

Началась почтово-телеграфная забастовка. Былъ организованъ стачечный фондъ; собрано пожертвованій около 1000 рублей. Мнѣ удалось устроить заемъ въ 2000 рублей. Дошли до насъ вѣсти о голодѣ въ Россіи. Собрано 1500 рублей (изъ нихъ 1000 рублей пожертвовано г. Г.) и отправлено въ Россію. Много вечеровъ отняло у насъ обсужденіе событій на уссурійской желѣзной дорогѣ.

Наши депутаціи непрерывно ходили къ коменданту. Посылали телеграммы Линевичу и др.

Мы печатали листки и воззванія: „Разъясненіе манифеста 17-го октября“, „О присягѣ“, „Памяти декабристовъ“ и т. п. Тысячи экземпляровъ ихъ раздавались на улицахъ и митингахъ. Стала ощущаться потребность въ собственномъ печатномъ станкѣ. „Передовой“ „Владивостокскій Листокъ“ упорствовалъ въ своей между-двухъ-стульной позиціи. На митингахъ говорилъ: „иду вамъ навстрѣчу“, а въ кабинетѣ у себя, когда ему приносили для набора, потчевалъ „завтраками“. Позже мы печатали у Ремизова (ред. изд. газеты „Владивостокъ“), славнаго, убѣжденнаго человѣка, но... къ сожалѣнію, немноголюдный персоналъ его типографіи имѣлъ

въ это бурное время много поводовъ то радостныхъ, то печальныхъ, предаваться тому, что составляетъ „веселіе на Руси“.

Возникла мысль основать свою типографію. Въ одинъ вечеръ собрано было 409 рублей.

Съ новаго года сталъ выходить въ свѣтъ нашъ собственный органъ „Листокъ Союза Союзовъ“.

Молва о „Союзѣ Союзовъ“ стала распространяться по окрестностямъ. Къ намъ прибыла депутація отъ части 5-го полка (прибывшей изъ японскаго плѣна и поселенной въ урочищѣ Зайсановка) съ жалобой на полковника А., помѣстившаго ихъ въ условія гораздо худшія, чѣмъ они были въ Японіи (зимой на бетонномъ полу, безъ наръ, на соломѣ; прескверная пища; задержка въ выдачѣ слѣдуемыхъ денегъ и т. д.).

Изъ глухихъ деревень начали прибывать къ намъ ходоки съ жалобами на притѣсненія, чинимыя мѣстной администраціей. Наши юристы подавали имъ совѣты.

Бывшіе сахалинскіе дружинники обратились къ намъ съ заявленіемъ о безвыходномъ положеніи, въ которое ихъ поставила администрація, выпустившая ихъ на свободу, но заклеймившая ихъ такими паспортами, что для нихъ оказались закрытыми всѣ пути къ честному труду. Всякій сторонится „бывшаго сахалинца“. Былъ избранъ спеціальный комитетъ изъ юристовъ и свѣдущихъ людей, занявшійся разсмотрѣніемъ вопроса о возстановленіи гражданскихъ правъ „бывшаго сахалинца“.

У партіи плѣнныхъ портъ-артурцевъ 1800 человѣкъ, прибывшихъ изъ Японіи на пароходѣ „Воронежъ“, вышелъ конфликтъ съ комендантомъ, неудовлетворившимъ ихъ требованій. Ожидалась вспышка. „С. С.“ рѣшилъ вмѣшаться. Конфликтъ уладился.

Фельдшерица морского госпиталя, Лукьянова, обратилась къ намъ съ заявленіемъ о воровствѣ и злоупотребленіяхъ, чинимыхъ администраціей этого госпиталя, съ просьбой помочь ей разслѣдовать это дѣло.

Къ намъ начали прибывать, делегаты отъ союзовъ другихъ сосѣднихъ городовъ съ предложеніемъ объединиться.

Мы съ своей стороны постановили завязать тѣсныя сношенія со „Всероссійскимъ Союзомъ Союзовъ“. Одинъ изъ нашихъ дѣятелей, д-ръ Р., уѣзжая въ Петербургъ, взялъ на себя миссію посредничества.

Обозрѣвая этотъ первый дѣловой періодъ существованія нашего союза (всего одинъ мѣсяцъ), можно сказать, что сдѣлано нами не такъ ужъ и мало. Конечно, сговорившись, конструировавшись, мы въ дальнѣйшемъ работали бы съ возрастающей планомѣрностью и продуктивностью. Но... надеждами русскій человѣкъ живетъ болѣе, чѣмъ ихъ осуществленіемъ.

„Собраніе выборныхъ нижн. чиновъ“ продолжало въ это время пра-

вильно собираться и заниматься какъ общими вопросами, такъ и текущими дѣлами.

Внутренность обширнаго деревяннаго цирка. Полумракъ. Слабый свѣтъ льется сверху изъ пары окошечекъ, вдѣланныхъ въ куполъ. Всѣ галлереи, ложи, проходы, арена биткомъ набиты людьми въ сѣрыхъ шинеляхъ. Кой-гдѣ чернѣютъ матросскія куртки. Посторонней публики мало [1]). Нѣсколько дамъ, штатскихъ и офицерскихъ пальто тонутъ въ сѣрой массѣ.

Рядомъ со сценой, на боковомъ выступѣ-площадкѣ, въ шутку называемой „эшафотомъ", пріютился президіумъ. Бросается въ глаза энергичное, насмѣшливое лицо предсѣдателя Ш. Тѣснится нѣсколько военныхъ врачей. Выдѣляется крупная, внушительная фигура д-ра Волкенштейна, въ штатскомъ.

Въ помѣщеніи все время стоитъ легкій шумъ, неизбѣжный при большомъ скопленіи народа. Предсѣдатель то и дѣло принужденъ взывать: „Товарищи, дайте оратору возможность быть услышаннымъ".

Ораторы быстро чередуются другъ за другомъ. Говорятъ коротко, дѣловито. Масса шумно реагируетъ одобрительными или неодобрительными возгласами. Вопросовъ много. „Балакать" не позволяютъ. Голосуютъ поднятіемъ рукъ „за" и „противъ". Рѣшенія принимаются огромнымъ большинствомъ голосовъ. Часто — единогласно. Настроеніе—лѣвое. Правыхъ— совсѣмъ нѣтъ. Церемоній не признаютъ.

Одинъ изъ врачей, говоря объ отмѣнѣ отданія чести, сбивается на то, что эта повинность непріятна и для принимающихъ ее. Нужно быть всегда на чеку, чтобы невниманіемъ не обидѣть солдата...

— Товарищи!—прерываетъ его предсѣдатель—я думаю, что мы собрались здѣсь вовсе не для того, чтобы облегчить тяготы господъ военныхъ чиновниковъ, а потому я приглашаю оратора держаться ближе разсматриваемаго вопроса.

Часто и подолгу волнуетъ собраніе судьба товарищей, подпавшихъ подъ слѣдствіе по поводамъ, въ которыхъ не было недостатка въ это бурное время. Казалось, никогда не сойдутъ съ очереди вопросы объ окончаніи слѣдствія по дѣлу „Чуркинцевъ", о погромѣ 30-го октября, о смягченіи режима, которому подвергались возвращающіеся изъ Японіи плѣнные [2]), и т. п.

---

[1]) Послѣ 12-го дек., когда обсужденіе солдатскихъ нуждъ было закончено, и резолюціи приняты, объявленъ былъ свободный доступъ на митинги всѣмъ желающимъ. Офицеры приглашались съ правомъ совѣщательнаго голоса. Рѣшающій голосъ принадлежалъ только солдатамъ.

[2]) По этому поводу необходимо сдѣлать небольшое объяснительное отступленіе:

Когда въ Японію начали прибывать русскіе плѣнные, на это обстоятель-

Но вотъ съ очередными вопросами покончено.

— Не имѣетъ ли кто изъ присутствующихъ внести еще какое-либо предложеніе—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Просимъ объяснить разницу между „Государственной Думой“ и „Учредительнымъ Собраніемъ“.

— Просимъ! просимъ!—поддерживаетъ общій гулъ.

На площадкѣ выступаетъ впередъ Перлашкевичъ. Блѣдное лицо съ отпечаткомъ перенесенныхъ страданій. Глаза лихорадочно блестятъ... Онъ говоритъ умѣло, популярно. Аудиторія его любитъ, слушаетъ со вниманіемъ и подчеркиваетъ сочувствіемъ характерные, выпуклые образы, въ которые онъ облекаетъ свои мысли.

Задѣваются здѣсь и другіе вопросы. Какъ живая, стоитъ у меня въ памяти бородатая физіономія пожилого солдата изъ запасныхъ, который неоднократно, получивши слово, заикаясь, упрямо твердилъ одно:

— Товарищи! Все это, что вы здѣсь говорите, хорошо. А только,

---

ство обратилъ вниманіе одинъ изъ старыхъ русскихъ революціонныхъ дѣятелей, д-ръ Руссель, эмигрировавшій изъ Россіи еще въ 70-хъ годахъ, долго скитавшійся по всему міру и въ концѣ концовъ очутившійся на посту сенатора на о-вахъ Гаити. Николай Константиновичъ поспѣшилъ въ Японію, основалъ здѣсь въ Кобе газету „Японія и Россія“, организовалъ получку революціонной литературы отъ заграничныхъ комитетовъ и началъ правильную, систематическую пропаганду революціонныхъ идей среди солдатъ. Нѣсколько человѣкъ „эмигрировало“ къ нему изъ лагерей, гдѣ содержались наши плѣнные, и приняли горячее участіе въ его работѣ по изданію газеты и сношенію съ плѣнными. Успѣхъ былъ полный. Томившіеся отъ бездѣлья люди жадно набрасывались на чтеніе. Потокъ новыхъ, яркихъ, какъ солнечный лучъ въ подземельи, идей хлынулъ въ темную массу. Закипѣла умственная работа. Ожесточенные дебаты возникшихъ партій огласили стѣны казармъ. Не разъ доходило дѣло и до поножовщины. Въ концѣ концовъ болѣзненный процессъ ломки старыхъ убѣжденій и выработки новыхъ закончился. Люди просвѣтлѣли.

Начальство наше, конечно, было вполнѣ освѣдомлено объ умственномъ перерожденіи этихъ людей и посему, когда партіи ихъ начали прибывать во Владивостокъ, крѣпостное начальство принимало ихъ такъ, какъ обыкновенно обращаются съ пассажирами пароходовъ, прибывающихъ изъ зачумленныхъ мѣстъ. Для нихъ были выстроены спеціальныя казармы на полуостровѣ Эгершельдъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и мѣстность эта была оцѣплена рогатками, не пропускавшими никого ни туда, ни обратно безъ особаго разрѣшенія эвакуаціонной комиссіи.

Крѣпостное начальство по своему было, конечно, право. Не успѣли поселить на др. полуостровѣ (Чуркинъ) партію вернувшихся изъ плѣна портъартурцевъ, какъ у нихъ сейчасъ же возникъ конфликтъ съ однимъ изъ офицеровъ изъ-за отданія чести, причемъ было убито и тяжело ранено нѣсколько офицеровъ. Пришлось и этихъ оцѣпить рогатками.

Этотъ арестантскій режимъ Чуркинцевъ и Эгершельдцевъ былъ, какъ я уже сказалъ, постоянной темой горячихъ рѣчей на солдатскихъ митингахъ и „парламентскихъ запросовъ“, адресованныхъ коменданту съ требованіемъ снять рогатки. Тогда прибывающія партіи прямо съ пароходовъ стали сажать въ вагоны и эвакуировать на западъ, лишь бы поскорѣе убрать подальше отъ и безъ того волнующейся крѣпости этотъ взрывчатый матеріалъ, иначе скоро не хватило бы караула для рогатокъ.

по-моему, солдатъ есть мужикъ, и для него прежде всего земля нужна... Вотъ о чемъ надо намъ подумать.

Но всѣ чувствовали, что этотъ вопросъ намъ не по силамъ, и потому его прерывали и заставляли говорить о стоящемъ на очереди вопросѣ объ отданіи чести, на что онъ недовольно бурчалъ:

— Что тамъ отданіе чести... Это одни праздные разговоры...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

М. Кудржинскій.

Письмо Л. А. Волкенштейнъ къ М. Н. Тригони.

Владивостокъ.
25 декабря 1905 г.

Дорогой другъ Михаилъ! Отъ тебя нѣтъ ни одного извѣстія?! Правда, почтово-телеграфная забастовка продолжается, но простыя письма получаются періодически. Газетъ почти нѣтъ, а извѣстія изъ Россіи неясныя и отрывочныя.

Во Владивостокѣ движеніе солдатское очень усилилось и укрѣпилось. За три недѣли моего отсутствія произошли очень важныя и интересныя событія: поклонники „свободъ“ мѣстнаго гарнизона все усиливались единомышленниками изъ прибывающихъ плѣнныхъ (а ты знаешь рѣшительность ихъ взглядовъ вообще и по пробѣ ихъ „духа“ на Чуркинѣ.—Это было, кажется, при тебѣ). Союзъ вышелъ очень удачный и, благодаря ему, здѣсь пока нѣтъ особенныхъ репрессій. „Гражданъ“ тоже еще пока не трогаютъ, и вообще пока болѣе угрозъ, чѣмъ репрессій. Увидимъ, что будетъ. Толчекъ дастся, конечно, изъ Россіи—если не раздразнятъ ранѣе арміи.

Возвратилась я изъ Японіи черезъ три недѣли (съ дорогой), радостно привѣтствовавъ солдатскую организацію (которая выросла, какъ грибы послѣ дождя). Образовалось здѣсь и бюро союза союзовъ, въ которомъ состоятъ и врачи. Они заняты организаціонной работой (объединеніемъ, собираніемъ митинговъ и пр.). Но съ перемѣной „курса“ новаго коменданта и его штата, многіе союзы также держатъ носъ по вѣтру, но остались самые сильные и неизмѣнные: солдатскіе, желѣзно-дорожные, почтовые и рабочихъ (портовыхъ — довольно слабая, кажется).

Солдатики молодцы, и на нихъ душа радуется. Père La chaise имѣетъ успѣхъ и сталъ окончательно невыносимъ — но меня побаивается.

Вчера его поманила компанія М. Ш. и пр. для сговоровъ на почвѣ соціалдемократической программы — газету хотятъ-мечтаютъ. Такъ онъ бѣгалъ отъ одного къ другому и говорилъ: „я возьмусь за изложеніе программы соц. демокр.“. Я назвала его только что испеченнымъ блиномъ на соц.

демокр. маслѣ. Открываемъ „кружокъ для собесѣдованій по соціально-политическимъ вопросамъ“, т. е. будемъ читать возможно чаще въ музеѣ для нижнихъ чиновъ. Послѣдніе относятся къ намъ хорошо. Сегодня было первое собраніе на площади (у Экипажа, около редакціи Ремезова), и предсѣдательствовалъ нижній чинъ. Ждали нападенія казаковъ, но, очевидно, власти убоялись. Рѣшено игнорировать запрещеніе митинговъ для нижнихъ чиновъ и собираться. Два полка отказались итти сегодня въ нарядъ патрулей. Вотъ какіе результаты „неудачнаго начала“ 30—31 октября. Завтра ѣдемъ на съѣздъ въ Никольскъ-Уссурійскъ — областной съѣздъ. Спѣшу, ждутъ. Пиши обо всемъ. Вѣдь, все это для меня крайне и крайне важно и нужно.

Людмила.

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.

I.

Тяжелыя цѣпи крѣпостного права, сковывавшія не одну сотню лѣтъ крестьянство въ его личной и общественной жизни, вызывали постоянно съ его стороны многочисленные и разнообразные протесты. То это были единоличныя попытки сбросить съ себя крѣпостное иго, покончивъ съ собою самоубійствомъ, то отдѣльныя личности и цѣлыя толпы крестьянъ покидали родныя мѣста въ поискахъ за вольными землями, за вольною жизнью. Въ отчаяніи и въ порывѣ мести за притѣсненія и мученія, они убивали своихъ владыкъ, избивали ихъ, жгли усадьбы и т. д. Они закидывали своими жалобами на господъ правительственныя учрежденія. Не дожидаясь отвѣта на свои жалобы и не устрашаясь грядущимъ возмездіемъ въ видѣ тѣлесныхъ наказаній, тюремнаго заключенія, постоя войскъ, иногда и разстрѣла при усмиреніи, крестьяне нерѣдко цѣлыми селеніями отказывались отъ исполненія тѣхъ или другихъ крѣпостныхъ повинностей, а иногда и отъ всякаго повиновенія господину. Причинами подобныхъ протестовъ были или злоупотребленія помѣщичьею властью въ различныхъ формахъ или желаніе крѣпостныхъ тѣмъ или другимъ путемъ добиться освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Порою на громадномъ пространствѣ крѣпостныя массы охватывались этимъ стремленіемъ, въ своемъ могучемъ порывѣ потрясавшимъ иногда самое россійское государство. Такова была извѣстная „пугачевщина" въ XVIII в., гдѣ слились воедино протестъ противъ ненавистнаго крѣпостного ига съ протестомъ трудящихся массъ, вообще противъ угнетенія личности какъ государствомъ, такъ и частными лицами. Пусть это движеніе вылилось въ неопредѣленныя, порою жестокія, дикія формы, пусть стремленія трудящихся массъ выражались смутно, неясно, но въ пугачевскомъ вихрѣ мы все-таки можемъ замѣтить цѣлый снопъ искръ, ярко освѣтившихъ „волю", во имя которой

такъ бурно, страстно возсталъ народъ по призыву „батюшки-царя“ Петра III Алексѣевича, Емельяна Ивановича Пугачева тожъ. Правда, эта воля, видимо, рисовалась самимъ крестьянамъ въ очень неясныхъ чертахъ, правда, эти черты еще болѣе сглаживаются передъ нами за дальностью времени и недостаткомъ источниковъ, но при малой нашей освѣдомленности о народныхъ идеалахъ и эти крупицы являются драгоцѣнными сокровищами для познаній народныхъ думъ и представленій о лучшей жизни, о лучшемъ будущемъ, о „золотой волѣ“. Уничтоженіе эксплуатаціи труда вообще, уничтоженіе всякихъ крѣпостныхъ отношеній къ помѣщикамъ, отрицаніе чиновничества и самоуправленіе въ общественной жизни съ признаніемъ лишь царской власти, уменьшеніе до minimum'а государственныхъ повинностей и платежей, уничтоженіе въ той или другой формѣ привилегированнаго сословія душевладѣльцевъ дворянъ, передача всѣхъ земель крестьянамъ—таковы элементы этой народной „воли“. Борьба почти безоружнаго народа съ регулярными войсками правительства была неравна. Пугачевское возстаніе было подавлено. Суровыя репрессіи заставили трудящіяся массы возвратиться къ прежнему повиновенію предержащимъ властямъ, а крѣпостныхъ вновь смиренно вложить свою выю въ крѣпостное ярмо. Но это не значитъ, что „подлые“ люди вообще, а крѣпостные въ частности разувѣрились въ справедливости своихъ требованій и отказались отъ стремленій къ „волѣ“. Эти стремленія, блестками проявляясь въ различныхъ волненіяхъ, пѣсняхъ, толкахъ, слухахъ, дожили вплоть до настоящаго времени, ставъ лишь болѣе сознательными и расчлененными, очистившись и развившись черезъ соприкосновеніе и отчасти сліяніе съ идеалами и стремленіями соціалистической интеллигенціи. Со времени пугачевщины, т. е. съ послѣдней четверти XVIII в. вплоть до отмѣны крѣпостного права въ 1861 г. не было, правда, ни одного столь же крупнаго народнаго движенія или лишь приближающагося къ нему. Но крѣпостные не переставали протестовать противъ крѣпостного права помѣщиковъ. Жажда воли, т. е. полнаго уничтоженія крѣпостного права прежде всего, проявлялась въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время въ слухахъ и толкахъ, что царь или хочетъ дать волю крестьянамъ, или уже далъ, да господа и чиновники мѣшаютъ ему, скрываютъ отъ народа золотую грамоту о волѣ. Эти ожиданія воли, слухи и толки о ней, сопряженныя съ волненіями, отказомъ отъ повиновенія помѣщикамъ и пр. проявлялись съ особою силою въ началѣ каждаго новаго царствованія. Какъ извѣстно, причиною этого было то, что въ народѣ упорно держалось мнѣніе, что съ отмѣною обязательной государственной службы дворянъ (въ 1762 г.) долженъ послѣдовать указъ объ отмѣнѣ крѣпостныхъ обязанностей кре-

стьянъ, какъ вытекавшихъ изъ существованія первой; если онъ не появлялся, то опять-таки по проискамъ дворянъ.

Особеннаго напряженія протесты противъ крѣпостного права, слухи и толки о грядущей волѣ достигли ко времени паденія крѣпостного права, т. е. къ концу 50-хъ годовъ XIX столѣтія. Однѣхъ только жалобъ за 34 года (отъ 1828 по 1854 г.), ближайшіе ко времени отмѣны крѣпостного права, было подано 319 въ министерство внутр. дѣлъ [1]) и 33 всеподданнѣйшихъ. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, нужно помнить, что крестьяне должны были подавать жалобы подъ страхомъ суровыхъ наказаній какъ со стороны властей, согласно закону, такъ и со стороны помѣщиковъ въ видѣ мести: извѣстно, что по Уложенію 1845 г. крѣпостные подвергались за подачу жалобы наказанію розгами до 50 ударовъ. Эти цифры кромѣ того неполны, и въ перечень вошли лишь жалобы, получившія движеніе; а сколько жалобъ признавалось мѣстными властями „неосновательными“ и оставались подъ сукномъ. Крестьяне жаловались на обременительность оброка, барщины, жестокое обращеніе, недостатокъ продовольствія. Какъ ни трудно и опасно было подавать жалобы, какъ ни легко было помѣщику увильнуть отъ отвѣтственности даже при жалобѣ на явное злоупотребленіе помѣщичьей властью, тѣмъ не менѣе количество имѣній, взятыхъ въ опеку вслѣдствіе злоупотребленій помѣщичьей власти, увеличивалось съ каждымъ годомъ. Это указываетъ на то, что крестьяне стали энергичнѣе подавать жалобы, съ большимъ нетерпѣніемъ сносить злоупотребленія помѣщичьей властью (врядъ ли послѣднія стали чаще передъ реформою). Въ царствованіе Николая I все учащались и учащались случаи побѣговъ крѣпостныхъ, доходя до громадныхъ размѣровъ. Крестьяне бѣжали отъ крѣпостного ига на Кавказъ, въ Новороссію, Бессарабію, за границу и т. д. Правительству приходилось энергично бороться съ этими побѣгами, возвращая крестьянъ помѣщикамъ, наказывая ихъ, употребляя въ дѣло войско.

Для этого требовались съ его стороны затраты людьми и деньгами, а въ то же время подобная борьба съ незаконными переселеніями сильно затрудняла заселеніе пограничныхъ мѣстъ, что было необходимо въ государственныхъ цѣляхъ. Бѣгство крестьянъ било по карману и помѣщиковъ, оставляя ихъ въ нужное время безъ работниковъ; даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было побѣговъ, помѣщики должны были считаться съ ихъ возможностью, что затрудняло правильное веденіе сельскаго хозяйства. Оставаясь на мѣстахъ, крестьяне также не сидѣли спокойно. Число поджоговъ было больше всего въ мѣстностяхъ съ густымъ сельскимъ насе-

[1]) Въ это число не входятъ жалобы крѣпостныхъ крестьянъ, подававшіяся въ другія вѣдомства.

леніемъ. Не оставляли крестьяне въ покоѣ и личности своихъ господъ. Такъ они подвергали ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ, эти случаи особенно участились къ началу 50-хъ годовъ, какъ указываетъ на то Самаринъ въ своей запискѣ, относящейся къ 1854—56 г.г. Съ 1836 по 1854 г. было 75 случаевъ покушеній на убійство помѣщиковъ (по 4 въ среднемъ въ годъ). Убійствъ помѣщиковъ было съ 1835 по 1854 г.—144, въ среднемъ ежегодно по 29. Только за 9 лѣтъ (1835—1843) было сослано въ Сибирь за убійства помѣщиковъ 416 чел. (298 мужчинъ и 118 женщинъ). Причинами убійствъ или покушеній на нихъ были чаще всего крайняя требовательность помѣщиковъ, страхъ передъ наказаніемъ или месть за него, развратъ помѣщика, при сдачѣ въ рекруты, при введеніи общественной запашки, изъ-за опасенія переселеній, при насильственномъ возвращеніи изъ бѣговъ, при желаніи избавиться отъ услуженія въ господскомъ домѣ, получить свободу и проч. Наиболѣе же яркой и внушительной формой протеста крестьянъ противъ крѣпостного права были волненія, ростъ которыхъ ясенъ изъ нижеслѣдующей таблички.

Съ	1826—1829	г.	было	41	волненіе
„	1830—1834	„	„	46	„
„	1835—1839	„	„	59	„
„	1840—1844	„	„	101	„
„	1845—1849	„	„	172	„
„	1850—1854	„	„	137	„

Всего за 29 лѣтъ было 556 волненій, т. е. по 19 волненій въ среднемъ ежегодно.

Волненія достигали большихъ размѣровъ. Изъ 261 волненія 132 были подавлены съ помощью воинскихъ командъ, причемъ за усмиреніемъ слѣдовала обыкновенно экзекуція. Въ остальныхъ случаяхъ крестьяне усмирялись сѣченіемъ и преданіемъ суду зачинщиковъ. Въ 1848 г. были волненія въ 54 имѣніяхъ въ 27 губерніяхъ; $^2/_3$ этихъ волненій были усмирены при помощи военныхъ отрядовъ. Въ 1849 г. было 24 волненія въ 15 губерніяхъ, $^2/_3$ крестьянъ были усмирены воинскими чинами. Въ курской губерніи при этомъ въ волненіи приняли участіе крестьяне нѣсколькихъ имѣній въ количествѣ 10.000 чел., для усмиренія которыхъ потребовалось 4 эскадрона кавалеріи. Въ 1852 г. въ черниговской и тамбовской губ. крестьяне оказали сопротивленіе губернатору и войску. Причины этихъ волненій были разнообразны и распадались на протесты противъ крѣпостного права въ цѣломъ и на протесты противъ отдѣльныхъ сторонъ крѣпостного ига. Такъ изъ 275 волненій (1836—1849 г., 1851—1854) — 132 произошло отъ того, что крестьяне или считали себя уже вольными или домогались свободы на какомъ-либо казавшемся имъ справедливомъ основаніи; въ 12-ти случаяхъ вол-

ненія возникли вслѣдствіе слуховъ о возможности освободиться отъ крѣпостного права или о предстоящемъ освобожденіи; съ другой стороны, въ 73-хъ случаяхъ причинами были притѣсненія, т. е. обремененіе барщиною, жестокость помѣщика или управляющаго и т. п.; въ 11-ти (1848 г.) вслѣдствіе введенія инвентарей (правила, регулировавшія крѣпостныя повинности крестьянъ въ юго-западныхъ губерніяхъ); въ 10-ти вслѣдствіе предстоящаго или совершившагося переселенія, въ 5-ти по недостатку продовольствія, въ 10-ти вслѣдствіе „подстрекательствъ" и т. д. Какъ представляли себѣ волю, во имя которой столько и такъ упорно волновались крестьяне, по имѣющимся подъ рукою свѣдѣніямъ объ этихъ волненіяхъ и протестахъ, трудно судить. Извѣстно, что въ 1826 г. между крестьянами стали распространяться слухи (въ вологодской и др. губ.), что они будутъ взяты въ казну, въ 1845 г. крестьяне подольской губ. при волненіи заявили свое желаніе быть казенными; то же желаніе крестьянъ неоднократно отмѣчали современники. Изъ этого можно видѣть, что, мечтая о волѣ, крестьяне прежде всего мыслили ее, какъ полное прекращеніе всякихъ крѣпостныхъ отношеній къ помѣщикамъ. Имѣется свѣдѣніе, что въ кіевской губ. одно время распространились слухи, что нужно будетъ итти истребить всѣхъ пановъ, т. е. здѣсь народное воображеніе создавало радикальнѣйшее средство избавиться отъ своихъ господъ.

По отношенію къ землѣ характерны слухи въ Уманьщинѣ, что панамъ предложено сыномъ Гонты [1]) отдать всю землю крестьянамъ, т. е. здѣсь проглянула точка зрѣнія на землю, ярко выразившаяся во время пугачевскаго движенія въ пугачевскихъ „листкахъ". Опредѣленнѣе говорятъ современники о взглядѣ крестьянъ на землю, состоящую въ ихъ пользованіи, какъ на свою собственность. „Крестьяне, писалъ смоленскій предводитель дворянства въ донесеніи 1849 г., издавна составили себѣ убѣжденіе, обратившееся съ теченіемъ времени въ твердую увѣренность, что земля, на которой они живутъ и которою пользуются, если не собственность ихъ, то, по крайней мѣрѣ, общая съ помѣщиками". Отношеніе крестьянъ къ землѣ, какъ къ своей собственности, хорошо видно изъ распространеннаго среди крѣпостныхъ мнѣнія, что земля принадлежитъ имъ, хотя сами они составляютъ собственность господъ. Мы ваши, а земля наша, говорили крестьяне по этому поводу. Послѣдніе годы передъ паденіемъ крѣпостного права также изобиловали волненіями. Особое мѣсто среди нихъ занимаютъ волненія 1854—55 г., эпохи крымской войны, по поводу указовъ о морскомъ ополченіи

[1]) Иванъ Гонта—одинъ изъ главныхъ дѣятелей, такъ наз., Коліивщины, гайдамацкаго возстанія 1768 г. въ правобережной Малороссіи.

3 апрѣля 1854 г. и о народномъ ополченіи 29 января 1855 г. Движеніе крестьянъ по поводу перваго изъ названныхъ указовъ проявилось въ 10 губерніяхъ; движеніе по поводу второго указа наблюдалось въ 7 губерніяхъ во многихъ уѣздахъ и потребовало дѣйствія военныхъ командъ въ 9 мѣстахъ. Въ одну кіевскую губернію было выслано 16 эскадроновъ кавалеріи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ и 1 дивизіонъ. Причиною волненій было желаніе крестьянъ поступать въ первомъ случаѣ въ морское ополченіе, во второмъ—въ народное изъ-за распространившихся ложныхъ слуховъ, что поступленіе неразрывно связано съ полнымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости какъ самихъ ополченцевъ, такъ и ихъ семействъ.

Эти волненія важны, какъ яркимъ и опредѣленнымъ выраженіемъ стремленій крестьянъ къ волѣ, такъ и своимъ вліяніемъ на правительство. Правительству приходилось усмирять крестьянъ во время этихъ волненій при помощи военной силы, т. е. удерживать ихъ отъ „патріотическаго“ по своей внѣшней формѣ желанія итти въ ополченіе на защиту „царя, вѣры и отечества“, въ то самое время, когда оно такъ нуждалось въ каждомъ лишнемъ солдатѣ, въ каждой копѣйкѣ, въ то самое время, когда оно могло быть сильнымъ только единодушнымъ патріотическимъ воодушевленіемъ всѣхъ слоевъ населенія во время трудной и оказавшейся непосильной для бюрократической, крѣпостной Россіи крымской войны. Противорѣчіе между существованіемъ крѣпостного права и охраною дворянскихъ привилегій, съ одной стороны, и государственными интересами, съ другой, оказалось слишкомъ рѣзкимъ и привело—наряду съ другими причинами—правительство къ необходимости отмѣнить крѣпостное право. Въ виду такого значенія указанныхъ волненій 1854—55 г. приходится остановиться на нихъ съ большимъ вниманіемъ и описать ихъ съ большею подробностью, поскольку позволяетъ имѣющійся въ распоряженіи матеріалъ. При этомъ приходится отдѣлить въ своемъ изложеніи описаніе волненій въ кіевской губерніи отъ описанія волненій въ великороссійскихъ губерніяхъ. Причиною тому служитъ какъ большее количество матеріала, позволяющее съ большею полнотою охарактеризовать кіевскія волненія, такъ и нѣкоторыя особенности послѣднихъ.

Въ кіевской губерніи волненія происходили въ мартѣ и апрѣлѣ 1855 г. по поводу манифестовъ 14 декабря 1854 г. (о народномъ ополченіи). Указанное выше стремленіе крестьянъ на основаніи этихъ манифестовъ получить волю осложнилось здѣсь и углубилось историческими воспоминаніями о казачествѣ, казацкомъ самоуправленіи, независимости и т. д. Казацкія традиціи хотя смутно, но все-таки жили въ крѣпостномъ населеніи кіевской губерніи, ярко вспыхнувъ въ 1855 г.

„Пиши, отче, говорили крестьяне села Черкассъ священнику Мих. Вышинскому послѣ прочтенія манифеста 14 декабря, пиши, куда слѣдуетъ, что мы готовы. Мы не забули ще, якъ наши диды и прадиды миняли ляхивъ на баранивъ“ [1]). „Пусть только мудрый царь нашъ скажетъ да позволитъ намъ сѣсть на коней, говорилъ одинъ изъ крестьянъ Пот. Герасименко, то мы напомнимъ нечистой турецкой силѣ гетманщину“ [2]). Заявленія крестьянъ въ великороссійскихъ губерніяхъ о желаніи поступить въ ополченіе выразились въ кіевской губерніи въ стремленіи записываться въ *казаки*, присягать на службу *казаками*. Такъ какъ въ силу историческихъ воспоминаній и традицій понятіе о казакахъ соединялось съ понятіемъ о полной независимости не только отъ пановъ, но и отъ чиновниковъ, то вполнѣ понятно, что у крестьянъ кіевской губерніи связь между *волею* и записью въ *казаки* была крѣпче, сильнѣе и влекла крестьянъ къ большему упорству и стойкости въ защитѣ якобы полученной ими воли. Въ этомъ отношеніи кіевская „казащина“ носила ясный характеръ какъ соціальнаго движенія, такъ и политическаго. Правда, съ внѣшней стороны казащина, какъ и крестьянское движеніе въ великороссійскихъ губерніяхъ, носила слѣды патріотизма и преданности населенія царю. Крестьяне выражали желаніе проливать свою кровь за вѣру, царя и отечество въ тяжелую годину крымской войны; крестьяне соглашались служить лишь Богу и государю; наконецъ, они упорно ожидали объявленія воли именно отъ царя. Но все это въ значительной степени было внѣшнею формою движенія, придававшей ему характеръ лояльности, но не могущей скрыть истинный характеръ движенія. Правда, указанія на поверхностность царизма и патріотизма въ казащинѣ очень слабы, отчасти, вѣроятно, въ силу характера самыхъ источниковъ. О казащинѣ приходится узнавать изъ воспоминаній лицъ или лично усмирявшихъ крестьянъ, или пострадавшихъ отъ него, а потому такъ или иначе стоявшихъ далеко отъ крестьянъ, которые имѣли много причинъ скрывать отъ нихъ свои истинныя стремленія и желанія; авторы почти всѣхъ воспоминаній склонны видѣть во всемъ движеніи 54 и 55-го года именно выраженія крестьянскаго патріотизма и царизма. Тѣмъ не менѣе даже такого рода источники сохранили черточки, свидѣтельствующія о противномъ. Что патріотическое стремленіе служить царю до послѣдней капли крови, пойти въ тяжелую годину проливать кровь за царя и отечество проявлялось лишь постольку, поскольку

---

[1]) Записки протоіерея П. Г. Лебединцева о „казащинѣ“ 1855 г. „Кіевская Старина“, 1900 г., іюль-августъ, стр. 3.

[2]) Громека. Кіевскія волненія въ 1855 г. „Отечественныя записки“, 1863 г., т. 147, стр. 666.

эта служба и это пролитіе крови могло привести къ волѣ, показываетъ лучше всего то, что въ кіевской губерніи крестьяне первоначально проявляли очень мало желанія записываться въ число готовыхъ итти на войну; несмотря на вызовы къ тому самихъ священниковъ—чтецовъ манифестовъ,—желавшихъ проявленіями патріотическихъ чувствъ своихъ прихожанъ выслужиться передъ начальствомъ, крестьяне упорно отказывались отъ такой чести. Крестьяне с. Черкассъ, гдѣ проявились впервые якобы патріотическія чувства крѣпостныхъ, спрашивали мѣстнаго станового пристава: „что намъ дѣлать, ваше бл—діе? Кажуть, що батюшка запысавъ насъ въ казаки, а мы того не хочемо" [1]).

Но какъ только запись на службу казаками прочно соединилась въ представленіи крестьянъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права и другими условіями полной воли, взрывъ патріотизма сдѣлался непреоборимъ. Крестьяне массами составляли списки желающихъ поступить въ казаки, посылали ихъ губернатору съ спеціальными ходоками, платили деньги какъ за составленіе списковъ, такъ и за гербовую бумагу и т. д. Тѣ же крестьяне, которые массами подъ страхомъ наказаній и даже смерти заявляли о желаніи служить государю до послѣдней капли крови, очень неохотно шли въ солдаты. Такъ въ селѣ Волнянкѣ таращинскаго уѣзда крестьяне сами записались въ казаки, а между прочимъ, когда въ селѣ былъ объявленъ рекрутскій наборъ, то, говоритъ Громека, „многіе изъ самыхъ рьяныхъ желателей проливать кровь за царя—бѣгали отъ рекрутовъ. Въ понятіи ихъ солдатъ далеко не то, что казакъ, и каждый, искренно готовый служить за одно имя казака, неохотно мирится съ мыслью о солдатчинѣ" [2]).

Крестьяне, игравшіе среди жителей с. Волнянки роль вожаковъ, оказались закованными въ кандалы изъ опасенія ихъ бѣгства отъ чести служить царю и отечеству въ рядахъ регулярнаго войска. Наконецъ, самая царская грамота играла въ глазахъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ вожаковъ изъ крестьянъ, извѣстную роль знамени, лозунга, объединяющаго движеніе. Такъ въ с. Таганчѣ каневскаго уѣзда одинъ изъ крестьянъ въ отвѣтъ на увѣщанія Лебединцева, сказалъ тихо, наклонившись къ увѣщавшему: „батюшка, мы и сами добре знаемъ, що такого указа нема, колы жъ намъ хочется, щобъ винъ бувъ" [3]).

---

[1]) Записки Лебединцева. „Кіевск. Старина", 1900 г., іюль-августъ, стр. 3.

[2]) Громека. Кіевскія волненія 1855 г. „Отеч. Зап.", 1863 г., т. 147, стр. 689—690. С. С. Громека, извѣстный публицистъ 60-хъ г.г., служилъ до начала своей литературной дѣятельности желѣзнодорожнымъ жандармскимъ офицеромъ и во время кіевскихъ волненій 1855 г. былъ командированъ кн. Васильчиковымъ въ помощь кіевск. вице-губернатору Веселкину.

[3]) Записки Лебединцева. „Кіевск. Старина", 1900 г., іюль-августъ, стр. 39.

Другимъ характернымъ отличіемъ кіевскихъ волненій отъ великороссійскихъ было болѣе мягкое отношеніе правительственныхъ властей къ волнующемуся населенію. Главною причиною этого было то обстоятельство, что въ кіевской губерніи правительство, въ виду сильнаго польскаго вліянія въ лицѣ помѣщиковъ-поляковъ, всегда склонно было поддерживать и культивировать преданность населенія православію и русскому царю. Поэтому не въ его интересахъ было принимать рѣзкія репрессивныя мѣры противъ выгоднаго для него крестьянскаго движенія, какъ оно его понимало. Въ предписаніи ген.-адъют. Яфимовича, посланнаго по высочайшему повелѣнію въ кіевскую губернію для усмиренія крестьянъ и производства дознанія, видна особая осторожность въ примѣненіи репрессій. Яфимовичъ предписывалъ 1) „дѣйствовать на волнуемыхъ крестьянъ преимущественно мѣрами убѣжденія, объясняя имъ, что государь императоръ, отечески соболѣзнуя объ ихъ *заблужденіи*, изволилъ прислать къ нимъ своего ген.-адъютанта, дабы обратить ихъ на путь истины и христіанскаго долга; 2) только въ случаѣ совершенной необходимости обращаться къ употребленію вооруженной силы для возстановленія порядка, но приступать къ сему *не иначе*, какъ съ достаточнымъ количествомъ войска; 3) милосердная воля его величества состоитъ въ томъ, чтобы военная сила не была употребляема безъ неизбѣжной въ томъ необходимости“ [1]). Кіевскій ген.-губернаторъ Васильчиковъ „предписалъ всѣмъ исправникамъ юго-западнаго края 1) не допускать дѣйствій, которыя могли бы охладить чувства православнаго народа, возбуждаемыя высочайшими манифестами, или ослабить исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей къ помѣщикамъ и собственному хозяйству; дѣйствовать спокойно, кротко, безъ шума, вразумляя крестьянъ; 2) пріобрѣтать довѣріе крестьянъ совершенное, чтобы можно было руководить ихъ волею по указаніямъ начальства; 3) останавливать всякое недоразумѣніе по поводу воззванія св. синода о государственномъ ополченіи, которымъ жители призываются на защиту церкви и отечества; 4) дѣйствовать съ крайнею осторожностью, отнюдь не дозволяя крайнихъ мѣръ“ [2]). Въ соотвѣтствіи съ такимъ своимъ взглядомъ, ген.-губернаторъ офиціально замѣтилъ таращанскому исправнику, что тотъ „подъ вліяніемъ разсказовъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ напрасно видитъ преступную цѣль въ происходящихъ недоразумѣніяхъ“, „князь выставилъ ему на видъ, что преступной здѣсь цѣли никакой не видно изъ донесеній прочихъ исправниковъ, а видно только заблужденіе, будто имъ слѣдуетъ записаться

---

[1]) Громека. Кіевскія волненія 1855 г. „Отеч. Зап.“ 1863 г., т. 147, стр. 685.
[2]) Записки Лебединцева. „Кіевск. Стар.“ 1900 г., іюль-августъ, стр. 18.

въ казаки потому, что царь призываетъ ихъ ополчиться“ [1]). Онъ указывалъ, что употребленіе воинской силы и вразумленіе крестьянъ наказаніями допустимо лишь въ случаяхъ сопротивленія властямъ или явнаго ослушанія; вообще же слѣдуетъ прежде всего „употребить мѣры вразумленія заблуждающихся“. Лично онъ терпѣливо разъяснялъ заблужденія являющимся къ нему изъ разныхъ уѣздовъ ходокамъ то со списками желающихъ итти въ казаки, то съ устными заявленіями о томъ же. Но когда ходоки, извращая его слова, подтверждали на мѣстахъ его же разъясненіями заблужденія крестьянъ, князь пересталъ быть кроткимъ и милостивымъ и увидѣлъ, что здѣсь—нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ простое заблужденіе. Всѣхъ являвшихся со списками было приказано препровождать въ полицію, гдѣ къ вразумленію словесному присоединяли сѣченіе розгами. Въ с. Таганчѣ послѣ корсунскаго побоища (съ чѣмъ мы познакомимся ниже) князь устроилъ уже грандіозную экзекуцію, послѣ которой 20 чел. крестьянъ должны были отправиться въ экономическую больницу—до того порка была жестока. Такъ лишь постепенно представитель высшей власти въ губерніи переходилъ отъ кроткихъ мѣръ убѣжденія къ помощи пуль, штыковъ и розогъ для разъясненія „патріотизма“ крестьянамъ.

Если такъ осторожно было высшее начальство съ усмиреніемъ крестьянскаго волненія на почвѣ „патріотическаго воодушевленія“, то еще больше была сбита съ толку низшая администрація края. Они понимали свои обязанности не допускать никакого ослушанія крестьянъ установленнымъ властямъ, какъ въ лицѣ мѣстной администраціи, такъ и помѣщиковъ; матеріальныя выгоды, т. е. взятки, увеличивали ихъ ретивость въ поддержаніи престижа и непоколебимости помѣщичьей власти. Но передъ движеніемъ, развивающимся подъ знаменемъ преданности царю и отечеству, въ краѣ, гдѣ правительство вообще склонно было всячески поддерживать и развивать въ крестьянахъ чувство преданности русскому царю, передъ такимъ движеніемъ мелкія административныя сошки совершенно терялись. Прибавьте къ этому отмѣченное отношеніе высшихъ представителей власти, съ которымъ естественно соразмѣряли свои дѣйствія и низшіе чины администраціи. Неудивительно поэтому, что въ ихъ дѣйствіяхъ замѣчалась растерянность и нерѣшительность.

Изъ всѣхъ крестьянскихъ властей единственно помѣщики держали себя опредѣленно. Такъ какъ большинство изъ нихъ были поляки, то трудно было бы и ожидать отъ нихъ поощренія якобы „патріотическому“ движенію крестьянъ. Но и помимо всякихъ политическихъ соображеній, всѣхъ помѣщиковъ, безъ различія національности, движеніе слиш-

---

[1]) Ibid. стр. 20—21.

комъ било по карману. Крестьяне массами поголовно отказывались отъ несенія какихъ-либо повинностей, отказывались отъ всякаго повиновенія и, хотя не трогали ни господскаго имущества, ни самихъ владѣльцевъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно опредѣленно заявляли, что вся земля и прочее имущество помѣщиковъ должно перейти къ нимъ, какъ только окончательно вырѣшится вопросъ о волѣ. Неудивительно поэтому, что въ васильковскомъ уѣздѣ, напримѣръ, нѣкоторые помѣщики „предлагали свое содѣйствіе для принятія быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, изъявляя готовность поставлять неограниченное число подводъ для перемѣщенія съ мѣста на мѣсто войскъ“ [1]). Помѣщики готовы были даже поставлять своихъ людей для усмиренія. Такъ въ таращанскомъ уѣздѣ приставъ взялъ у помѣщика с. Федюковки Узембла 20 человѣкъ для ареста дьякона Слотвинскаго, котораго крестьяне не желали выдавать. Таращанскій исправникъ Паліенко явился для усмиренія крестьянъ села Бесѣдки во главѣ разсыльныхъ и казаковъ помѣщика Молодецкаго; всѣхъ ихъ было до 76 человѣкъ, между ними до 50 человѣкъ пѣшей шляхты [2]). Помѣщиковъ охватила паника. Громека свидѣтельствуетъ, что помѣщики бросали имѣнія и бѣжали въ Кіевъ и другіе уѣздные города [3]). „Въ разсказахъ помѣщиковъ, говоритъ Громека, передавая свои впечатлѣнія отъ встрѣчи съ нѣкоторыми изъ нихъ въ Бѣлой Церкви, отражалось вліяніе естественныхъ въ подобномъ случаѣ чувствъ страха и опасенія за личную безопасность“ [4]). Помѣщикъ Молодецкій доносилъ, напримѣръ, исправнику, что ему угрожала опасность отъ волненія крестьянъ. „Молодецкій заявлялъ, что крестьяне его имѣютъ заговоръ противъ дворянъ, и, не заставъ исправника въ Таращѣ, обращался къ артилерійскому генералу Майделю о защитѣ“ [5]). Когда же въ тѣ мѣста направилась комиссія, посланная для усмиренія крестьянъ въ волнующихся мѣстностяхъ, то тамъ крестьяне оказались въ весьма спокойномъ настроеніи и заявили, что у нихъ никакого волненія нѣтъ и не предполагается“ [6]). Въ уманскомъ уѣздѣ помѣщики-поляки ожидали на Пасху нѣчто въ родѣ уманьской рѣзни 1768 г., общаго кроваваго возстанія крестьянъ“ [7]).

Ознакомимся же теперь ближе съ этимъ движеніемъ въ кіевской губерніи, сбившимъ съ толку какъ низшую, такъ и высшую администрацію, приведшимъ въ панику помѣщиковъ

---

[1]) Громека. Кіевскія волненія 1855 г. „Отеч. Зап.“ 1863 г., т. 147, стр. 652.
[2]) Записки Лебединцева. „Кіевск. Стар.“ 1900 г., іюль-августъ, стр. 26.
[3]) Громека. Кіевск. волненія 1855 г. „От. Зап.“ 1863 г., т. 147, стр. 674.
[4]) Ibid., стр. 652.
[5]) Лебединцевъ. Записки „Кіевск. Стар.“ 1900 г., іюль-августъ, стр. 28.
[6]) Лебединцевъ. Записки „Кіевск. Стар.“ 7—8, стр. 28.
[7]) Ibid, стр. 16.

и потребовавшимъ значительнаго количества войскъ для своего подавленія.

Какъ было уже указано, кіевская казащина выросла изъ ложнаго пониманія и толкованія манифестовъ 14 декабря 1854 г. и 29 января 1855 г. Составленные въ неясныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, обращенные ко всѣмъ „вѣрноподданнымъ“ безъ всякаго различія между свободнымъ населеніемъ и несвободнымъ—крѣпостнымъ,—манифесты какъ бы нарочно были составлены для сѣянія смуты среди крѣпостного населенія.

Не забудемъ при этомъ, что въ кіевской губерніи, гдѣ крестьяне въ большинствѣ очень плохо понимали русскій языкъ, а тѣмъ болѣе канцелярскій слогъ манифестовъ, послѣдніе имѣли всѣ шансы быть непонятыми или ложно истолкованными населеніемъ. И дѣйствительно, крестьяне выловили изъ нихъ призывъ, обращенный ко всѣмъ безъ различія, ополчиться за честь цареву, вѣру и отечество, „съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“. Такъ, крестьянинъ с. Острова Гр. Луговой показывалъ на слѣдствіи, что онъ не понялъ указа, прочитаннаго священникомъ, „потому что попъ читалъ его *по-своему*, *по-письменному*, но сущность этого указа заключалась въ томъ, чтобы не отказываться отъ царя“ [1]).

Въ иныхъ мѣстахъ самостоятельно, въ другихъ подъ вліяніемъ вызововъ самихъ священниковъ заявлять о своемъ желаніи итти въ ополченіе, мѣстами подъ вліяніемъ толковъ и слуховъ, передававшихся изъ села въ село, изъ уѣзда въ уѣздъ, крестьяне начали составлять списки желающихъ итти въ казаки и требовать отъ священниковъ привода ихъ къ соотвѣтствующей присягѣ. Свое требованіе присяги крестьяне основывали какъ на своемъ собственномъ пониманіи казачества, такъ и на прецедентахъ.

Послѣ восшествія на престолъ Александра II въ кіевской губерніи было 2 случая привода крѣпостныхъ къ вѣрноподданической присягѣ, несмотря на то, что по закону крѣпостные не имѣли права давать такую присягу.

Слухи объ этихъ присягахъ широко разнеслись по сосѣднимъ мѣстностямъ и побудили крестьянъ требовать того же и отъ своихъ священниковъ. Ихъ требованія усиливались подъ вліяніемъ извѣстій о случаяхъ составленія списковъ казаковъ и приводѣ къ присягѣ нѣкоторыми священниками, что было сдѣлано или изъ желанія поддержать патріотическое движеніе среди крестьянъ или изъ малодушія передъ угрозами и насильственными дѣйствіями своихъ духовныхъ чадъ. Вскорѣ къ этимъ требованіямъ крестьянъ присоединилось требованіе объявить вышедшій якобы указъ о волѣ

[1]) Громека. Кіевск. волненія 1855 г. „От. Зап. 1863 г., т. 147, стр. 672.

и самостоятельные поиски его въ церквахъ, домахъ священниковъ и т. под. мѣстахъ. Ожиданія, требованія, поиски царской грамоты дѣлались энергичнѣе и упорнѣе подъ вліяніемъ слуховъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священники выдали указъ, или крестьяне нашли его тѣмъ или другимъ способомъ. Источникомъ этихъ слуховъ были несомнѣнно такіе факты, какъ выдача въ с. с. Федюковкѣ и Бесѣдкѣ таращанскаго уѣзда воззванія св. синода объ ополченіи (1805 г.) за искомую царскую грамоту дьякономъ Слотвинскимъ, приложеніе церковныхъ печатей и своей подписи священникомъ с. Яблоновки Ант. Руткевичемъ на копіи съ мнимаго указа, состоявшей, въ дѣйствительности, изъ безсмысленнаго набора фразъ; наконецъ, по невѣжеству или полной безграмотности крестьяне принимали за царскую грамоту тѣ или другія бумаги, найденныя ими въ церкви: въ одномъ случаѣ это была копія инвентарныхъ правилъ, въ другомъ—столбикъ золотыхъ вѣнчиковъ, какіе кладутъ умершимъ на лобъ и т. д.

Хотя большею частью эти обманы или самообманы раскрывались священниками, но народная молва воспринимала изъ разносившихся слуховъ лишь фактъ нахожденія царскаго указа; судьба же находки ускользала отъ вниманія крестьянъ, жадно ловившихъ лишь то, что подтверждало ихъ чаянія и ожиданія.

Въ начавшемся движеніи наиболѣе страдательными лицами были сельскіе священники. Такъ какъ они являлись зачастую единственными грамотными лицами въ селахъ и деревняхъ, близко стояли къ населенію, такъ какъ они только, какъ священнослужители, могли приводить къ присягѣ, такъ какъ священники обыкновенно объявляли крестьянамъ съ амвона всѣ важные правительственные акты,—то естественно, что крестьяне обращались именно къ нимъ со своими требованіями составить списки, привести къ присягѣ, объявить вышедшій якобы царскій указъ. Отказъ священниковъ отъ исполненія этихъ требованій объяснялся крестьянами, какъ слѣдствіе подкупа со стороны помѣщиковъ, которымъ, конечно-де, было невыгодно зачисленіе въ казаки, связанное съ полнымъ освобожденіемъ крѣпостныхъ отъ ихъ власти. Продажность священниковъ возбуждала негодованіе крестьянъ, презрѣніе къ своимъ духовнымъ отцамъ, стремленіе хотя при помощи насилій заставить поповъ исполнить ихъ долгъ по отношенію къ крестьянамъ. Распространившіеся слухи о крайнемъ срокѣ для записи въ казаки, каковымъ въ однѣхъ мѣстностяхъ называли Благовѣщеніе (т. е. 25 марта), въ другихъ—Ѳомино воскресеніе, заставили крестьянъ быть особенно настойчивыми въ своихъ требованіяхъ. По мѣрѣ приближенія крайняго срока, отношеніе крестьянъ къ священникамъ обострялось, они подвергали ихъ истязаніямъ, грозили смертью, истощая всѣ средства принудить къ выдачѣ ихъ

„добра", т. е. указа о волѣ, и привести къ присягѣ. Такъ, благочиннаго въ с. Мал. Березнѣ Вас. Сикорскаго крестьяне морили голодомъ, не давали спать, держали на дворѣ въ дождь, морозъ и слякоть подъ вѣтромъ день и ночь, запирали на колокольню, заставляли возить повозку, везли его самого въ повозкѣ со снятыми ободьями, били палками, кулаками, раздѣвали до-нага, держали по часамъ въ водѣ, водили ночью по грязи, днемъ по колючкамъ, тащили по землѣ избитаго, наконецъ, грозили припекать желѣзомъ, даже убить; нечего и говорить, что эти истязанія сопровождались оскорбленіями, ругательствами и т. под. Другіе священники подвергались въ той или другой степени подобнымъ же истязаніямъ съ небольшими варіаціями, если они не дѣлали уступокъ крестьянамъ въ той или другой формѣ. Но при всѣхъ этихъ истязаніяхъ, слѣдуетъ замѣтить, крестьяне не трогали ни ихъ имущества, ни семействъ, а также не трогали самихъ священниковъ при совершеніи богослуженія. На ряду съ истязаніями священниковъ крестьяне примѣняли обыски въ церквахъ: они искали царскую грамоту въ алтарѣ, въ различныхъ церковныхъ вещахъ, бумагахъ, священныхъ книгахъ, даже подъ престоломъ, пытаясь разоблачить его. Если священники отказывались записывать ихъ въ казаки, то крестьяне обращались за помощью къ дьячкамъ, писарямъ или просто къ грамотнымъ лицамъ, не жалѣя денегъ за запись (платили по 2 коп., по 2 гривны съ рев. души, смотря по близости крайняго срока для записи). Записывалось все взрослое мужское населеніе, записывали въ иныхъ мѣстахъ дѣтей, матери приносили грудныхъ младенцевъ, не желая, чтобы кто-либо остался въ неволѣ у пановъ. Чтобы уличить священниковъ во лжи, крестьяне всею громадою водили ихъ въ тѣ села, гдѣ по слухамъ была найдена или объявлена царская грамота, разсылали ходоковъ съ цѣлью разузнать объ успѣшности требованій крестьянъ сосѣднихъ мѣстностей и даже уѣздовъ, посылали ходоковъ въ Кіевъ къ ген.-губернатору за разъясненіями своихъ недоумѣній, слали ему свои записи въ казаки и т. д. Они были такъ увѣрены въ справедливости и законности своихъ требованій, что грозили инымъ священникамъ пожаловаться на нихъ ген.-губернатору за укрываніе царскаго указа, грозили доставить ихъ въ Кіевъ къ начальству на расправу. Разъясненія мѣстной полиціи всей незаконности ихъ требованій и поступковъ имѣли только обратное дѣйствіе. Крестьяне сочли, что полицейскіе чиновники подкуплены панами такъ же, какъ и священники, и не обращали на нихъ никакого вниманія, наотрѣзъ отказываясь повиноваться имъ. Это мнѣніе крестьянъ находило какъ бы подтвержденіе въ такихъ по меньшей мѣрѣ нетактичныхъ пріемахъ, какъ попытка таращанскаго пристава арестовать дьякона Слотвинскаго при помощи крѣпостныхъ

людей помѣщика Уэембла. Крестьяне, правда, не избивали полиціи, соблюдали нерѣдко даже внѣшніе знаки почтенія, но отказывались являться на ихъ зовъ, давать имъ разсыльныхъ, подводы и т. под. Ихъ увѣренность въ своей правотѣ была настолько велика, что даже появленіе войскъ, угрозы стрѣлять въ случаѣ ослушанія не убѣждали ихъ. Увѣренные, что все войско находится на театрѣ военныхъ дѣйствій, крестьяне склонны были думать, что и посылаемыя противъ нихъ войска наняты тѣми же панами или присланы по ходатайству родственниковъ священниковъ. „Дежъ таки щобъ царь пославъ на насъ войско за то, що мы сполняемо его волю". „Къ тому же, говорили они, намъ извѣстно, що все войско у Севастополи" [1]). „Это твоя жена, говорили березненцы своему благочинному при извѣстіи о приближеніи войскъ, наняла жидовъ и ляховъ и, переодѣвши ихъ за солдатъ, прислала сюда" [2]). Въ с. Трушкахъ Васильковскаго уѣзда одинъ крестьянинъ сказалъ Громекѣ въ отвѣтъ на его указанія, какая горькая участь ожидаетъ ихъ по приходѣ управляющаго губерніей съ войсками. „Слухайте, пане, що я вамъ скажу: сегодня день св. Ѳомы, а Ѳома невѣрный казавъ Господу: доты не повирю, поки не положу пальцевъ у раны твои. Отъ такъ, пане, и мы вамъ скажемо: доки не положимъ пальцевъ у раны наши, доты не повиримо, что воны видъ царя" [3]). Въ с. Мал. Березнѣ, куда прибыли для усмиренія вице-губернаторъ Веселкинъ, Громека, исправникъ и другія власти въ сопровожденіи войскъ, крестьяне „имъ не вѣрили, подымали на смѣхъ, называя переодѣтыми ляхами и жидами". Когда къ толпѣ подъѣхалъ приставъ Гогоцкій съ предложеніемъ выбрать депутатовъ для переговоровъ съ Веселкинымъ, то крестьяне говорили: „Хто се такій, чого винъ пріиздывъ?.." „Да се жидъ перебранецъ, отвѣчали другіе, бачъ, якъ обвязавсь червонною кусткою замистъ кавнира: [4]) удае щиглика (выдаетъ себя за полицейскаго)". Когда депутаты возвратились отъ управляющаго губерніей, ихъ тотчасъ окружили тѣснившіеся любопытные, спрашивая, точно ли это губернаторъ и царское войско. „Якій тамъ губернаторъ", отвѣчали депутаты: „се жидъ Крохмаль (врачъ сквирскаго уѣзда), а зъ нимъ за генерала старый шляхтичъ изъ Билой Церкви".—„Э, коли такъ, закричала толпа, не поддавайтесь, хлопцы,—нехай насъ не зачипаютъ!" [5]). При

[1]) Громека. Кіевскія волненія въ 1855 г. „Отеч. Зап." 1863 г., т. 147, стр. 670.

[2]) П. Сикорскій. Эпизоды изъ ист. кр. волн. въ кіевск. губ. въ 1855 г. „Кіевлянинъ" 1872 г., № 151.

[3]) Громека. Кіевск. волн. въ 1855 г. „От. З." 1863 г., т. 147, стр. 659.

[4]) Вмѣсто воротника.

[5]) Громека. Кіевск. волн., стр. 671. П. Сикорскій. „Кіевлянинъ" 1872 г., № 151. Вас. Сикорскій. Изъ воспоминаній потерпѣвшаго. „Кіевская Старина" 1882 г. № 4.

столкновеніи крестьянъ съ войсками въ мѣстечкѣ Корсуни каневскаго уѣзда среди крестьянъ ходили слухи, что противъ нихъ посланы переодѣтые арестанты, снабженные лишь холостыми зарядами для того, чтобы припугнуть мужиковъ [1]).

Въ таращанскомъ уѣздѣ произошелъ такой фактъ. „Когда полковникъ М—въ явился въ одно селеніе съ войскомъ, громада командировала двухъ человѣкъ верхами въ сосѣднюю деревню, гдѣ квартировала артилерія. Прискакавъ прямо къ батарейному командиру, гонцы повалились ему въ ноги и торопливо стали умолять его: *позычить громадѣ 2 пушечки* (ссудить громаду двумя пушками). „На что вамъ пушки", спросилъ ихъ офицеръ, крайне изумленный такою странною просьбою. „Да намъ только на часъ, отвѣчали просители: „мы только проженемо поганыхъ перебранцевъ, да заразъ вамъ и привеземъ назадъ" [2]). Даже солдатскія пули не убѣждали крестьянъ въ томъ, что разстрѣливающіе толпу дѣйствительно посланы высшею властью. „Не кручинься, жинка, утѣшалъ умирающій крестьянинъ свою жену, се— глиняна куля, видъ нея не умерты!" (это глиняная пуля: отъ нея нельзя умереть) [3]). Да и послѣ кровавой расправы въ селѣ Малой Березнѣ крестьяне не разувѣрились, по словамъ Громеки, въ существованіи царской грамоты и справедливости своихъ вымогательствъ. Уже послѣ березнинскаго „страженія" къ ген.-губ. являлись въ Кіевъ ходоки отъ Бѣліевской и Петрошевской громадъ, участвовавшихъ въ березнинскомъ дѣлѣ, и представили „прошеніе съ черновымъ прошеніемъ, подписаннымъ приходскимъ священникомъ, котораго они вынудили привести ихъ къ присягѣ" [4]). Громека указываетъ, что и въ другихъ селахъ Сквирскаго уѣзда, гдѣ крестьяне не обнаруживали особаго броженія, удовлетворенные присягой, къ которой привели ихъ священники, ходила молва, что въ Малой Березнѣ дѣйствовало не царское войско [5]).

Къ чиновникамъ, посланнымъ ген.-губ. для усмиренія, крестьяне относились въ общемъ съ довѣріемъ, хотя оно быстро смѣнялось враждебнымъ и недовѣрчивымъ отношеніемъ, разъ они слышали отъ нихъ опроверженіе циркулировавшихъ слуховъ.

Въ с. Трушкахъ Васильк. уѣзда крестьяне высказали сомнѣніе даже относительно самого Громеки, точно ли онъ присланъ главнымъ начальникомъ губерніи, и можно ли быть

---

[1]) А. М. Кіевскіе безпорядки „Историч. Вѣстн." 1897, кн. 3.
[2]) Громека. Кіевск. волн. „От. Зап." 1863 г, т. 147, стр. 673. „М—въ", очевидно, Макаровъ.
[3]) Громека „Кіевск. волн.", стр. 671.
[4]) ibid., стр. 678. Письмо кн. Васильчикова къ Громекѣ.
[5]) ibid., стр. 675.

увѣренными въ его неподкупности панами; таковъ былъ результатъ долгихъ стараній Громеки убѣдить крестьянъ, что они заблуждаются въ пониманіи манифеста и ожиданіи воли. Когда въ каневскомъ уѣздѣ прошелъ слухъ, что въ Таганчу ѣдетъ комиссія, посланная ген.-губернаторомъ для усмиренія волненій (полковникъ Афанасьевъ, сов. губ. правл. Янкуліо и П. Лебединцевъ), то въ Таганчу сошлись громады многихъ окрестныхъ селъ и деревень для выслушанія вѣстей отъ ген.-губернатора, туда свели многихъ священниковъ, видимо, съ цѣлью уличить ихъ во лжи и корыстности разъясненіями ген.-губернаторскихъ уполномоченныхъ. Каково же было ихъ разочарованіе, когда вмѣсто подтвержденія своихъ ожиданій они услышали старыя пѣсни о необходимости покориться помѣщикамъ, возвратиться къ работамъ и мирно ждать, когда царь позоветъ, а помѣщикъ разрѣшитъ итти въ ополченіе. Отношеніе крестьянъ сдѣлалось враждебнымъ, и члены комиссіи получили увѣдомленіе отъ управляющаго Таганчи, что крестьяне собираются арестовать ихъ.

Членамъ пришлось бѣжать изъ Таганчи въ Корсунь, хотя имъ и удалось сдѣлать это открыто, съ соблюденіемъ извѣстнаго декорума добровольнаго выѣзда изъ Таганчи [1]). Наибольшимъ довѣріемъ пользовался среди крестьянъ ген.-губернаторъ. Къ нему слали они ходоковъ, отъ него ждали разъясненія недоразумѣній и истины.

Трудно сказать, вѣрили ли они ему, когда убѣдились, что и ген.-губернаторъ толкуетъ манифестъ такъ же, какъ и всѣ прочія мѣстныя власти, и такъ же отрицаетъ существованіе указа о волѣ. Современники указываютъ, что своимъ ходокамъ, приносившимъ извѣстія о такихъ разъясненіяхъ ген.-губернатора, крестьяне не вѣрили. Они скорѣе допускали, что паны успѣли подкупить и ихъ ходоковъ. Когда ген.-губернаторъ сталъ прибѣгать къ поркѣ ходоковъ для доказательства ложности слуховъ о волѣ, то ходоки въ удостовѣреніе истинности передаваемыхъ ими словъ ген.-губернатора показывали односельчанамъ избитыя спины.

Итакъ, крестьяне оказывали явное недовѣріе мѣстнымъ властямъ. Мало того. Признавая, что съ записью въ казаки они должны служить лишь Богу и государю, они, повидимому, считали себя независимыми отъ мѣстныхъ правительственныхъ властей, въ лицѣ уѣздной полиціи и т. д. На это имѣются нѣкоторыя указанія. Громека опредѣленно говоритъ, что крестьяне во время волненій отказывались „отъ всякаго повиновенія мѣстнымъ властямъ“ [2]). Въ с. Кагарлыкѣ крестьяне не пошли къ квартирѣ исправника, несмотря на его

---

[1]) П. Лебединцевъ. Записки. „Кіевск. Старина“ 1900 г., іюль—августъ, стр. 39—40.

[2]) Громека. Кіевск. волн., стр. 692.

требованіе, говоря: „незачѣмъ ходить къ исправнику“, исправникъ отправился къ нимъ самъ [1]). Когда въ с. Корниловку каневскаго уѣзда явился помощникъ пристава и сталъ усовѣщевать крестьянъ, то ему замѣтили: „мы теперь васъ слушаться не будемъ“ и просили его удалиться изъ церкви, что онъ и исполнилъ [2]).

Въ с. Таганчѣ каневскаго уѣзда крестьяне задерживали всѣхъ разсыльныхъ, посылаемыхъ исправникомъ, такъ что послѣдній принужденъ былъ самъ пробираться 30 верстъ изъ Таганчи къ Богуславу, чтобы послать донесеніе князю Васильчикову (Богуславъ остался внѣ движенія). Въ с. Сытникахъ того же уѣзда крестьяне отказались дать подводы солдатамъ [3]). Члены упомянутой комиссіи должны были сами ѣхать въ с. Юхны, ибо крестьяне отказались явиться въ Богуславъ, куда они вызывались комиссіей [4]).

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что на ряду съ этимъ крестьяне сохраняли по отношенію къ властямъ наружные знаки почтенія и иногда не отказывали въ исполненіи просьбъ, обращенныхъ къ нимъ. Такъ, Громека разсказываетъ, что громада въ с. Трушкахъ васильковскаго уѣзда отпускала сотскаго для исполненія требованій исправника. Та же громада дала Громекѣ разсыльнаго, чтобы отослать сообщеніе о трушкинскихъ событіяхъ вице-губернатору Веселкину. П. Сикорскій свидѣтельствуетъ, что „отвергая авторитетъ полицейскихъ властей, крестьяне въ то же время старались по возможности оберегать ихъ отъ собственнаго насилія и даже изъявляли имъ знаки наружнаго почтенія“ [5]).

Рѣзче проявлялось отрицаніе крестьянами помѣщичьей власти. Ее они отрицали безусловно и безотносительно. Съ записью въ казаки они относились къ помѣщикамъ и всѣмъ экономическимъ властямъ такъ же, какъ и къ прочимъ равнымъ себѣ обывателямъ. „Мы“ (съ выходомъ указа о волѣ) „всѣ свободны, мы всѣ дворяне“, говорили крестьяне с. Поповки черкасскаго уѣзда нѣкоему Колешову, сообщая ему, что объявился указъ о волѣ, и желая этими словами, очевидно, показать, что теперь они равны въ правахъ съ дворянами. На замѣчаніе же Колешева, что они такіе же дворяне, какъ онъ князь, крестьяне отвѣтили: „поздоровъ же, Боже, васъ да насъ, то вы таки у насъ и князь“ [6]). Крестья-

---

[1]) П. Лебединцевъ. Записки. „Кіевская Старина“ 1900 г., іюль—августъ, стр. 30.

[2]) Воспоминанія Ант. Ковальскаго, „Кіевская Старина“ 1882 г., № 1, стр. 178.

[3]) П Лебединцевъ. Записки, стр. 41.

[4]) Ibid, стр. 31.

[5]) П. Сикорскій. Эпизоды изъ исторіи кр. волн. въ кіевск. губ. въ 1855 г. „Кіевлянинъ“, 1872 г., № 148.

[6]) Ясинскій. Волненія крестьянъ кіевской губ. въ 1855 г. „Чтеніе въ Историч. Обществѣ Лѣтописца Нестора“ т. IV, стр. 197.

не, очевидно, хотѣли сказать, что въ силу личныхъ достоинствъ (Колешовъ пользовался уваженіемъ и авторитетомъ среди мѣстнаго населенія) они могутъ его почитать, какъ князя. Отказываясь отъ всякаго повиновенія экономическимъ властямъ, крестьяне въ то же время были вполнѣ корректны съ ними, вѣжливы. Громада не отказывала даже въ услугахъ имъ, но это были простыя сосѣдскія услуги, а не исполненіе крѣпостныхъ обязанностей. По удостовѣренію Громеки, за все время волненій не было ни одного случая, чтобы крестьяне позволили себѣ оскорбить помѣщика или членовъ его семейства, а тѣмъ болѣе учинить надъ ними какое-либо физическое насиліе. „Мы до васъ ни якой жали не маемо“ (мы къ вамъ не имѣемъ никакой претензіи), говорили крестьяне въ отвѣтъ на увѣщанія помѣщиковъ; „вы були для насъ добрымъ паномъ, да теперь есть у насъ другой панъ—въ Петербурзи: идитъ соби своею дорогою, куда знаете, а мы—будемъ служитъ Богу да царю нашему“ [1]). Имущество помѣщиковъ осталось неприкосновеннымъ. „Во всей губерніи, говоритъ Громека, въ теченіе 3-хъ мѣсячнаго волненія не было тронуто крестьянами ни соломинки. Помѣщики, бѣжавшіе въ Кіевъ и въ уѣздные города, возвращаясь въ имѣнія, нашли все свое имущество цѣлымъ и неприкосновеннымъ. Ни одна вещь въ ихъ домахъ не была передвинута съ мѣста на мѣсто“ [2]). Не касаясь ни личности, ни имущества помѣщиковъ, крестьяне лишь прекращали какія бы то ни было крѣпостныя отношенія къ помѣщикамъ, были ли то панщина въ полѣ, на фабрикѣ, заводѣ, или какія-либо другія повинности. Они снимали дворовыхъ, понуждая послѣднихъ иногда побоями подчиняться рѣшенію громады прекратить какія бы то ни было работы на помѣщиковъ. Это свое рѣшеніе крестьяне проводили стойко и твердо, не поддаваясь ни на какія увѣщанія и заявляя, что они готовы лучше умереть, чѣмъ итти на панщину. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, подъ вліяніемъ увѣщаній, соглашались отбывать панщину „до певнаго часу“, т. е., очевидно, до крайняго срока объявленія воли. Лишь жестокія экзекуціи, солдатскіе пули и штыки принудили крестьянъ къ покорности помѣщикамъ, но не изъ убѣжденія въ правотѣ начальства, а изъ простой необходимости подчиниться грубой физической силѣ.

Взамѣнъ правительственныхъ и вотчинныхъ властей въ кіевской губ. сильно выдвинулась власть „громады“, великороссійскаго „міра“.

Громада рѣшала всѣ дѣла, устанавливала порядки, наказывала нарушителей ихъ. Каждый отдѣльный крестьянинъ

---

[1]) Громека, Кіевск. волн. „Отеч. Зап.“ 1863 г., т. 147, стр. 675.
[2]) Ibid., стр. 674.

слѣпо подчинялся велѣніямъ громады и въ нихъ видѣлъ оправданіе своихъ поступковъ. „Громада— великій человѣкъ—было на устахъ у всѣхъ", говоритъ Громека. Когда П. Лебединцевъ, убѣждая крестьянъ с. Шкаровки васильковскаго уѣзда въ ложности слуховъ о казачествѣ, упомянулъ объ ихъ невѣжествѣ, то это его замѣчаніе „чуть не вызвало бурю въ толпѣ, закричавшей: „то оце громада дурна? То оце такъ!" „Едва успокоилъ я, говоритъ Лебединцевъ, задѣтое ихъ самолюбіе" [1]). Есть извѣстія, что громады выбирали новыхъ начальниковъ надъ собою, и эти начальники пользовались уваженіемъ. Такъ, Громека, разсказывая о своихъ наблюденіяхъ въ с. Трушкахъ, замѣчаетъ, что громада, „управляемая выборными атаманами, составляла нераздѣльную единицу". Въ каневскомъ уѣздѣ нѣкій „рыжій" Василій изъ с. Бровакъ, пользовавшійся, видимо, большимъ авторитетомъ среди волновавшихся крестьянъ каневскаго уѣзда около Корсуни, говорилъ Ант. Ковальскому—„що у насъ уже все начальство нове" и назвалъ секретаремъ крестьянина Корнилія Самуиловича, по прозвищу Кудликъ.

Когда Ковальскій при обыскѣ въ Корниловской церкви обратился къ этому Кудлику на „ты", то одинъ крестьянинъ воскликнулъ: „якъ ты смієшь нашего благороднаго человѣка Корнилія Самуиловича называть „ты"; ты его не стоишь; перепроси въ нашихъ очахъ". Поднялся шумъ въ церкви; но Кудликъ отозвался: „я имъ прощаю, воны ще не знають, ще я за чоловікъ" [2]).

И нужно сказать, что крестьяне отлично справлялись безъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Несмотря на естественное возбужденіе умовъ и страстей во время волненій, крестьяне поддерживали образцовый порядокъ у себя. „Памятуйте, хлопцы, що мы не бунтовщики", говорила громада (въ с. Трушкахъ), внушая каждому необходимость вести себя смирно [3]).

Малѣйшій проступокъ отдѣльныхъ лицъ наказывался громадою безъ всякой пощады. Громека указываетъ, что „во время самаго сильнаго волненія кабаки и здѣсь (сквирскій уѣздъ), какъ и вездѣ, гдѣ народъ записывался въ казаки, были запечатаны громадою, и всюду (у заводовъ, амбаровъ и вездѣ, гдѣ было нужно) были разставлены ею караулы, чтобы никто не смѣлъ тронуть помѣщичьей собственности" [4]). Какъ указывалось выше, за время волненій не было ни одного случая грабежа или воровства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Неприкосновенными остались собственность священ-

---

[1]) П. Лебединцевъ. Записки. „Кіевская Старина" 1900 г., іюль-августъ, стр. 6.

[2]) Ант. Ковальскій. Воспоминанія. „Кіевск. Старина" 1882 г., № 1, стр. 184.

[3]) Громека. Кіевск. волн. „От. Зап." 1863 г., т. 147, стр. 658.

[4]) Ibid., стр. 674.

никовъ и личность ихъ женъ и др. членовъ семействъ, хотя противъ священниковъ крестьяне были особенно сильно возбуждены.

Вводя у себя захватнымъ путемъ самоуправленіе, отказывая въ повиновеніи полицейскимъ чинамъ, помѣщикамъ, отказываясь отъ всякихъ крѣпостныхъ отношеній и повинностей, крестьяне такимъ образомъ на фактахъ показывали, что такое «воля» въ ихъ представленіи.

Интересно выяснить, какъ разрѣшали кіевскіе крестьяне краеугольный камень своего существованія при «волѣ», вопросъ о своемъ экономическомъ обезпеченіи, что равнялось при почти исключительно земледѣльческихъ промыслахъ населенія—вопросу о землѣ. Къ сожалѣнію, именно эта сторона крестьянскаго движенія наименѣе ясна, но все же изъ нѣкоторыхъ указаній современниковъ можно намѣтить точку зрѣнія крестьянъ. Такъ, Лебединцевъ говоритъ, что изъ бесѣдъ съ крестьянами с. Шкаровки (васильковскаго уѣзда) онъ узналъ, что крестьяне не хотѣли работать барщины и платить податей, подъ предлогомъ готовности служить Богу и государю, и хотятъ быть вольными казаками въ надеждѣ, что имъ будутъ даны земли» [1]). Въ с. Мал. Березнѣ (сквирскаго уѣзда) крестьяне, приведя сюда изъ нѣсколькихъ селъ священниковъ и приступая къ нимъ въ послѣдній разъ съ требованіемъ объявить грамоту, говорили: „вотъ вы посовѣтуйтесь между собой и рѣшайтесь—написать насъ всѣхъ вольными казаками, дать намъ присяги, что мы уже не панскіе, что *поля и луга—наши и все, что есть у пановъ—наше-жъ. Оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это уже отработали*“ [2]). При бѣгствѣ изъ Таганчи коммиссіи, члены ея встрѣтили по дорогѣ въ Корсунь группу молодыхъ рекрутъ изъ крестьянъ, направлявшихся въ Таганчу. «На вопросъ нашъ, разсказываетъ П. Лебединцевъ, зачѣмъ идутъ въ Таганчу, они отвѣчали: «а якъ же, тамъ кажуть, пріѣхали паны одъ губернатора и одъ митрополита дилыть поля; то може и намъ выдилять по якій десятыни» [3]). Изъ этихъ краткихъ черточекъ можно сдѣлать заключеніе, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне признавали необходимость отчужденія всѣхъ земель и всего панскаго имущества въ пользу крестьянъ. Должны ли быть вознаграждены помѣщики за это отчужденіе или нѣтъ—неизвѣстно; судя по тому, что крестьяне признавали свое право на панское имущество, исходя изъ того, что они уже отработали за него, крестьяне считали, что во всякомъ слу-

---

[1]) П. Лебединцевъ. Записки. „К. Ст.“ 1900 г., іюль-августъ, стр. 6.

[2]) Вас. Сикорскій. Изъ воспоминаній потерпѣвшаго. „Кіевск. Старина“ 1882 г., № 4, стр. 99.

[3]) П. Лебединцевъ. Записки. „К. Ст.“ 1900 г., іюль-августъ, стр. 40.

чаѣ *имъ* не придется платить за то, что должно принадлежать имъ по праву. Земли, судя по другому вышеприведенному свидѣтельству, должны быть подѣлены между крестьянами,—на какихъ началахъ неизвѣстно. Изъ словъ же рекрутъ можно сдѣлать заключеніе, что распредѣленіе земли должно было быть произведено начальствомъ, но не громадою. При почти полномъ отсутствіи земельной общины въ малороссійскихъ губерніяхъ, такое ограниченіе власти громады вполнѣ понятно и можетъ служить объясненіемъ, почему крестьяне такъ бережно охраняли отъ самихъ себя господское имущество. Они, вѣроятно, смотрѣли на него, какъ на будущее громадское достояніе, а потому и желали, можетъ быть, до дѣлежа или иного распредѣленія господскаго имущества, сохранить его для себя же въ цѣлости и неприкосновенности.

Какъ ни снисходительно относился кіевскій ген.-губернаторъ къ крестьянскому движенію, но такія черты его, какъ отказъ отъ повиновенія мѣстнымъ властямъ, фактическая отмѣна крѣпостного права, насилія надъ священниками, не могли быть имъ терпимы. Помимо личныхъ увѣщаній являвшихся къ нему ходоковъ, къ чему присоединилась порка ихъ въ полиціи, кн. Васильчиковъ предписалъ исправникамъ и другимъ представителямъ власти на мѣстахъ воздѣйствовать на крестьянъ убѣжденіемъ, просилъ митрополита отдать подобное же распоряженіе священникамъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ была послана въ волнующіеся уѣзды особая коммиссія; главною цѣлью было усмиреніе крестьянъ мирнымъ путемъ, путемъ разъясненія заблужденій крестьянъ. Затѣмъ въ сквирскій и васильковскій уѣзды былъ командированъ ген.-маіоръ Бѣлоусовъ, въ распоряженіе котораго была отдана сначала одна, а затѣмъ 2 роты, въ помощь Бѣлоусову былъ посланъ вице-губернаторъ Веселкинъ, а въ помощь послѣднему маіоръ Громека и еще 1 рота солдатъ. Веселкинъ объѣзжалъ съ цѣлью усмиренія крестьянъ уѣздъ чигиринскій, уманьскій, черкасскій и др. При сильной вспышкѣ движенія въ каневскомъ уѣздѣ, туда направился самъ кн. Васильчиковъ. Наконецъ, въ 20-хъ числахъ апрѣля по высочайшему повелѣнію прибылъ изъ Петербурга ген.-адъютантъ Яфимовичъ въ цѣляхъ какъ усмиренія крестьянъ, такъ и выясненія истинныхъ причинъ безпорядковъ. Для усмиренія крестьянъ было двинуто въ волнующіяся мѣстности всего 16 эскадроновъ кавалерійской дивизіи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ Бѣлевскаго егерскаго полка и 1 дивизіонъ [1]). Мѣры, принимаемыя при усмиреніи были: увѣщанія, аресты зачинщиковъ, порка крестьянъ полицейскими силами, введеніе воинскихъ командъ въ волнующіяся селенія, сопро-

[1]) Хрущовъ. Матеріалы для исторіи упраздн. крѣп. сост. Стр. 85.

вождавшееся иногда жестокими экзекуціями и кровавыми столкновеніями съ крестьянами. Наиболѣе крупными изъ послѣднихъ были столкновенія въ с. Мал. Березнѣ сквирскаго уѣзда, с. Бѣковой Греблѣ васильковскаго уѣзда и селахъ Таганчѣ и Корсуни Каневскаго уѣзда; во время „страженія“ въ Корсуни, напримѣръ, на полѣ битвы осталось отъ 11 до 13 убитыхъ крестьянъ [1]); до 27 чел. раненыхъ; со стороны солдатъ 1 унтеръ офицеръ былъ убитъ и до 10 солдатъ—ушибленныхъ. Всего же при усмиреніяхъ въ кіевской губ, по офиціальному отчету департамента полиціи за 1855 г., было убито до 36 крестьянъ, ранено — 57 [2]). Эти цифры слѣдуетъ считать уменьшенными, ибо многіе крестьяне скрывали свои раны, боясь отвѣтственности за участіе въ движеніи, и умирали отъ нихъ по дорогѣ и дома.

— Рядъ кровавыхъ усмиреній, экзекуцій въ видѣ розогъ или постоя солдатъ произвели свое дѣйствіе. „Казащина“ постепенно замерла. Крестьяне внѣшне смирились и къ концу лѣта возвратились въ прежнее рабское состояніе.

Но врядъ ли можно увѣренно сказать, что начальству удалось разсѣять убѣжденіе крестьянъ въ существованіи указа о волѣ. Вѣрнѣе,—наступившее спокойствіе было лишь покорностью передъ грубой физической силой. Но каковъ бы то ни былъ конецъ „казащины“, она является выразителемъ стремленій крестьянъ къ полной волѣ и, какъ мы видѣли, къ землѣ. По ней мы можемъ видѣть, каковы были чаянія и ожиданія крѣпостныхъ почти наканунѣ 19 февраля 1861 г., и она даетъ намъ указанія, какія условія освобожденія могли бы удовлетворить крестьянъ. Полное и немедленное прекращеніе крѣпостныхъ отношеній, безъ всякаго, конечно, намека на вознагражденіе помѣщиковъ за потерю правъ на личность крѣпостныхъ; самоуправленіе безъ опеки какъ со стороны бывшихъ помѣщиковъ, такъ и правительственныхъ властей; полное равенство сословій; отчужденіе не только всѣхъ помѣщичьихъ земель, но и прочаго имущества для передачи его крестьянамъ на основаніи права труда—таковы главнѣйшіе элементы „крестьянской воли“, хотя слабо, но все же вырисовывавшіеся на фонѣ кіевской „казащины“. Крестьянское движеніе 54—55-хъ г.г. въ великороссійскихъ губерніяхъ такъ же, какъ и кіевская казащина, имѣло своимъ внѣшнимъ источникомъ ложное пониманіе манифестовъ, изданныхъ въ эпоху крымской войны, а въ основѣ было результатомъ неудержимаго стремленія крестьянъ къ волѣ. Какъ ни скудны дошедшія до насъ свѣдѣнія о волненіяхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, но и на осно-

[1]) По свидѣтельству одного офицера-очевидца убито было 20 крестьянъ, ранено болѣе сотни.

[2]) Матеріалы для исторіи крѣпостного права. Стр. 287.

ваніи ихъ можно сказать, что они не имѣли той бурности, страстности и не разрослись въ глубину такъ, какъ это наблюдалось въ кіевскомъ движеніи. Причинами этого, весьма вѣроятно, было какъ отсутствіе историческихъ воспоминаній о казачествѣ, дававшихъ готовыя формы и почву для крестьянскихъ требованій на Украйнѣ, такъ и быстрыя, энергичныя мѣры, принятыя здѣсь правительствомъ для подавленія движенія. Въ великороссійскихъ губерніяхъ не было помѣщиковъ-поляковъ, враждебное отношеніе къ которымъ выгодно было поддерживать въ населеніи русскому правительству въ юго-западномъ краѣ; не было политической необходимости всячески поддерживать и культивировать преданность царю и православію, а потому и не было основаній няньчиться съ „патріотическимъ возбужденіемъ“ крестьянъ и колебаться въ выборѣ средствъ противъ „бунтовщиковъ“. Достаточно сравнить для доказательства этого соображенія предписанія ген.-адъют. Яфимовичу, высочайше посланнаго въ кіевскую губернію для усмиренія крестьянъ, и высочайшія повелѣнія, которыми сопровождалась командировка флиг.-адъютанта Багратіона для тѣхъ же цѣлей въ великороссійскія губерніи. Въ то время какъ въ первыхъ предписывалось „дѣйствовать... на крестьянъ преимущественно убѣжденіемъ“, военную силу не употреблять „безъ неизбѣжной въ томъ необходимости“, а со стороны государя-императора выражалось „отеческое соболѣзнованіе“ заблужденіямъ крестьянъ, въ повелѣніяхъ для великороссійскихъ губерній говорилось: 1) объявить повсемѣстно по губерніи, что всѣ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые самовольно отлучатся отъ своихъ селеній для изъявленія желанія поступить въ военную службу или явятся съ несправедливыми жалобами на обремененіе ихъ будто бы тяжкими работами и изнуреніе ихъ со стороны помѣщиковъ, будутъ преданы военному суду и получатъ наказаніе по всѣмъ строгостямъ законовъ, въ особенности зачинщики такихъ безпорядковъ; 2) тѣхъ изъ нихъ, которые и за симъ предупрежденіемъ самовольно отлучатся отъ селеній и обратятся къ губернскому начальству съ упомянутыми просьбами, немедленно предавать военному суду, какъ ослушниковъ, и мѣру наказанія производить надъ ними въ исполненіе для примѣра другихъ на мѣстахъ ихъ жительства“. Такимъ образомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ правительство грозило военнымъ судомъ не только за „патріотическое стремленіе“ поступать въ ополченіе, но даже и за жалобу на помѣщиковъ, ибо признаніе справедливости за жалобой вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія начальства, а несправедливое въ глазахъ крестьянъ зачастую являлось допустимымъ и справедливымъ съ точки зрѣнія властей. Конечно, все же подавленіе патріотическихъ чувствъ въ населеніи и съ точки зрѣнія тогдашняго правительства было

безсмыслицею, тою глухою стѣной, къ которой привело противорѣчіе между государственными интересами и крѣпостнымъ правомъ помѣщиковъ. Обширность района, охваченнаго этими волненіями, сила и интенсивность ихъ лишній разъ подчеркнула правительству и ту сторону крѣпостного права, что оно можетъ ввергнуть государство въ ужасы гражданской войны. Правъ М. Ясинскій, говоря, что „можно съ увѣренностью сказать, что знаменитыя слова... имп. Александра Николаевича, обращенныя имъ (въ мартѣ 1856 г.) къ московскому дворянству: „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“ были отчасти вызваны... (этими) волненіями“ [1]).

Движеніе крестьянъ по поводу указа о морскомъ ополченіи относится къ веснѣ и лѣту 1854 г. 3-го апрѣля 1854 г. былъ обнародованъ указъ съ призывомъ желающихъ зачислиться въ морское ополченіе для сформированія гребной флотиліи въ цѣляхъ усиленія балтійской обороны. Въ ополченіе принимались лишь безусловно здоровые, сильные люди крѣпкаго тѣлосложенія и исключительно изъ 4-хъ губерній (петербургской, олонецкой, тверской и новгородской), гдѣ имѣлись многочисленные водные бассейны, а, слѣдовательно, и населеніе было болѣе приспособлено къ морской службѣ. Помѣщичьи крестьяне также призывались на ряду съ другими, но при непремѣнныхъ условіяхъ, чтобы было ихъ собственное желаніе и согласіе помѣщика, причемъ согласіе это должно было подтверждаться черезъ каждые 5 мѣсяцевъ. Указъ былъ разосланъ всѣмъ предводителямъ дворянства, которые должны были побудить дворянъ къ патріотическому пожертвованію сильными работниками для ополченія. Неизвѣстно, какъ отнеслось дворянство къ этому призыву въ петербургской, олонецкой и тверской губерніяхъ, но въ новгородской такихъ патріотовъ среди помѣщиковъ оказалось мало. Они глухо разъяснили крестьянамъ значеніе указа и этимъ только создали въ народѣ разные кривотолки. При настойчивыхъ же требованіяхъ крестьянъ дать имъ разрѣшеніе на поступленіе въ ополченіе помѣщики употребляли насилія, угрозы, посылали жалобы на крестьянъ. Въ большинствѣ случаевъ они уклонялись отъ „патріотическихъ“ пожертвованій работниками на пользу отечества или отпускали негодныхъ. Не скупились дворяне и на чисто словесныя выраженія патріотизма. Иначе отнеслись крестьяне къ упомянутому указу. Среди нихъ быстро появились слухи, что поступленіе въ морское ополченіе ведетъ за собою полное освобожденіе отъ крѣпостной зависимости не только для

---

[1]) М. Ясинскій. Волненія крестьянъ кіевск. губ. въ 1855 г. Чтенія въ Историч. Общ. Лѣтоп. Нестора, т. IV, стр. 168.

самихъ охотниковъ, но и для ихъ семействъ, и что въ ополченіе можно поступать помимо желанія помѣщиковъ. Подъ вліяніемъ такихъ слуховъ „патріотизмъ“ крестьянъ разгорѣлся необычайно сильно. Всякому хотѣлось быть вольнымъ. Крестьяне новгородской губ. помѣщицы Пухтѣевой откровенно заявляли, „что служить господамъ и слушать ихъ приказаній не желаютъ, ибо несутъ не подъ силу работы на барщинѣ; просили отпустить ихъ въ морское ополченіе, которое впослѣдствіи якобы дастъ имъ полную свободу“. Такимъ образомъ главнымъ мотивомъ своего желанія поступить въ ополченіе сами крестьяне выставляли желаніе освободиться отъ крѣпостной зависимости. Въ новгородской губ. „всѣ вотчины заволновались, поднялись на ноги. Прежде всего крестьяне, почувствовавъ за плечами „волю“, перестали повиноваться господамъ, начали глумиться надъ крѣпостничествомъ и гордо выражали свое мнѣніе, что наступилъ теперь и на ихъ сторонѣ праздникъ. Они отовсюду шли къ властямъ и требовали билетовъ [1]). Такъ какъ для зачисленія въ ополченіе требовалось разрѣшеніе помѣщика, то не имѣющихъ его отсылали обратно. Крестьяне обращались къ помѣщикамъ съ просьбами отпустить ихъ въ ополченіе; отказъ послѣднихъ велъ со стороны крестьянъ къ проявленіямъ неповиновенія, а со стороны помѣщиковъ—къ жалобамъ на крестьянъ. Не только въ указанныхъ 4-хъ губерніяхъ, но и во многихъ другихъ крестьяне толпами потянулись въ уѣздные, губернскіе города, даже въ Петербургъ и Москву съ заявленіемъ желанія поступить въ ополченіе Это явленіе наблюдалось въ рязанской губерніи, въ тамбовской, владимирской, нижегородской, пензенской (всего въ 10 губерніяхъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ департамента полиціи). Изъ рязанской губерніи крестьяне направились въ Москву, вооруженные дубинами и желѣзными пиками. На вопросъ станового, что они за люди, они отвѣчали угрозами, чтобы ѣхалъ прочь—либо они убьютъ его. Всего изъ разныхъ мѣстъ явилось въ Москву 1371 чел., желающихъ поступить въ ополченіе. Правительству пришлось силой подавлять горячій откликъ на свой призывъ. Были посланы войска для задержанія крестьянъ и возвращенія ихъ на мѣсто жительства; министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ циркуляръ, подтверждающій, что безъ согласія помѣщиковъ крестьяне не могутъ поступать въ ополченіе; военный министръ объявилъ 29 іюня высочайшее повелѣніе о принятіи самыхъ строгихъ мѣръ для подавленія движенія, были высочайше командированы въ этихъ цѣляхъ на мѣста волненій 2 флиг.-адъютанта.

---

[1]) Слускинскій. Морское ополченіе. Архивныя мелочи. „Р. Стар.,“ 1905 г., № 12.

Убѣжденіями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „употребленіемъ мѣръ строгости“ движеніе было пріостановлено.

Въ 1855 г. оно вновь вспыхнуло съ еще большею силою по поводу манифестовъ 14 дек. 1854 г. о восшествіи на престолъ Александра II и 29 января 1855 г. о государственномъ ополченіи. Волненіе охватило большой районъ. Помимо волненій въ кіевской губ., въ губерніяхъ воронежской, казанской, пермской, самарской, саратовской, симбирской крестьяне массами шли въ города для поступленія въ государственное ополченіе. Отказъ мѣстныхъ властей зачислять въ ополченіе безъ разрѣшенія помѣщиковъ побуждалъ крестьянъ итти съ жалобами на неправильныя, по ихъ мнѣнію, дѣйствія начальства въ крупные центры: губернскіе города, Петербургъ, Москву; однимъ словомъ, повторилось движеніе 1854 г. при записи въ морское ополченіе. Главною причиною этого движенія былъ все тотъ же слухъ, что съ поступленіемъ въ ополченіе крестьяне со своими семействами освобождаются отъ крѣпостной зависимости. Правительство не замедлило принять энергичныя мѣры для подавленія движенія. Было предписано полицейскимъ властямъ немедленно задерживать самовольно отлучившихся крестьянъ и возвращать на мѣста ихъ жительства; въ неповинующіяся селенія вводились воинскія команды, причемъ въ с. Масловкѣ воронежской губ. бобровскаго уѣзда произошло кровавое столкновеніе съ населеніемъ, результатомъ котораго было 9 чел. раненыхъ, изъ нихъ 5 тяжело; черезъ духовное вѣдомство приняты мѣры къ прекращенію неправильныхъ толкованій манифеста священниками; въ воронежской губ., гдѣ движеніе проявилось сильное, былъ высочайше командированъ въ цѣляхъ усмиренія флиг.-адьют. Багратіонъ; о высочайшемъ повелѣніи предавать военному суду какъ за самовольныя отлучки изъ помѣщичьихъ селеній для поступленія въ ополченіе, такъ и за „несправедливыя“ жалобы на злоупотребленія помѣщичьей властью — уже приходилось упоминать. При помощи разъясненій истиннаго смысла манифеста, а главнымъ образомъ при помощи „полицейскихъ наказаній“, т. е. порки и арестовъ, при помощи военныхъ командъ и судовъ волненіе, дѣйствительно, удалось остановить, и крестьяне въ томъ же году пришли въ должное повиновеніе помѣщичьей власти, затаивъ временно свое стремленіе къ „волѣ“.

II.

Описанныя волненія 54—55-хъ годовъ были послѣдними крупными волненіями при крѣпостномъ правѣ. Они такъ же, какъ и вообще ростъ волненій и другихъ формъ протеста крѣпостныхъ противъ своего положенія, на ряду съ другими

причинами принудили правительство приступить въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ къ цѣлому ряду реформъ политическаго и соціальнаго строя Россіи; изъ нихъ первою и главною была крестьянская реформа 1861 г., уничтожившая крѣпостное право. Выработка этой реформы продолжалась отъ 1856 по 1861 г., когда, наконецъ, 19-го февраля Александръ II подписалъ Положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

Не останавливаясь на ходѣ реформы и той борьбѣ въ правительственныхъ сферахъ и обществѣ, какая велась при выработкѣ Положенія 19 февраля, ознакомимся хотя въ краткихъ чертахъ съ отношеніемъ крестьянъ къ готовящейся реформѣ, ихъ настроеніемъ за промежутокъ времени отъ 1856 по 1861 г. Непосредственнаго участія въ выработкѣ реформы крѣпостные не принимали: они были совершенно отстранены отъ рѣшенія животрепещущихъ для нихъ вопросовъ, связанныхъ съ отмѣною крѣпостного права. Благодаря ничтожной гласности, допущенной при разработкѣ реформы, почти поголовной безграмотности населенія, они не могли даже со стороны слѣдить за ходомъ реформы. И тѣмъ не менѣе, какъ единогласно свидѣтельствуютъ современники, крестьянство было полно слухами о готовящемся преобразованіи ихъ быта. Путемъ стоустой молвы до нихъ доходили вѣсти не только о главныхъ этапахъ разработки Положенія, но даже о содержаніи послѣдняго. Конечно, эти вѣсти по дорогѣ искажались, преломлялись черезъ призму народныхъ представленій о волѣ, такъ что въ иныхъ свѣдѣніяхъ крестьянъ о готовящейся реформѣ преобразователи едва ли бы узнали собственные предположенія. И тѣмъ не менѣе эти толки въ народѣ о будущей волѣ важны, показывая и то, съ какою жадностью ловилась и комментировалась каждая вѣсть о реформѣ, и то, въ какихъ чертахъ, въ какихъ формахъ они ожидали ее. Уже было замѣчено, что ожиданія указа о волѣ разгорались среди крестьянъ въ началѣ каждаго новаго царствованія. При вступленіи на престолъ Александра II эти слухи и ожиданія были еще болѣе обострены. Напряженность ожиданія вылилась, между прочимъ, въ описанныхъ выше волненіяхъ 1854 и 55-хъ г.г. по поводу указовъ объ ополченіи. Не только въ народѣ, но и среди помѣщиковъ циркулировалъ въ началѣ 1856 г. слухъ, что освобожденіе крестьянъ было однимъ изъ условій мира съ французами (парижскаго) Народъ усиленно ждалъ выхода указа о волѣ. Демертъ въ своей статьѣ „Новая воля“ приводитъ любопытный разсказъ одной старухи о томъ, какъ въ Москвѣ народъ принялъ разбрасываемыя герольдами объявленія о коронаціи за грамоты о волѣ. „Иду я это по просторной площади, разсказывала старуха-помѣщица,—вдругъ со всѣхъ сторонъ точно плотины прорвало, и на площадь со всѣхъ

сторонъ народъ, какъ вода, нахлынулъ, а изъ Срѣтенки выѣхали генералы въ желтыхъ кацавейкахъ" (герольды) „съ золотыми орлами на спинахъ, съ музыкантами, и начали они, генералы эти, выкидывать изъ мѣшка небольшіе листки бумаги въ народъ. Листочки, извѣстное дѣло, легонькіе, по вѣтру летятъ, а народъ такъ вотъ и мечется за ними по площади, точно будто 100 рублевыя бумажки разбрасываютъ: кто если успѣлъ подхватить налету, на того 10 человѣкъ накидываются, барахтаются въ кучѣ, на землѣ, рожи другъ другу царапаютъ, пальцы ломаютъ въ остервенѣніи и рвутъ бумажку въ клочки, такъ что цѣльная рѣдко кому досталась. Одинъ мужикъ съ расквашеннымъ носомъ—сама видѣла—сунулъ бумажку въ ротъ и проглотилъ, чтобы никому не досталась. Распустилъ кто-то, изволишь видѣть, между звѣрьемъ этимъ слухъ, что царь передъ коронаціей даетъ крѣпостнымъ мужикамъ волю и что кому удастся поймать бумажку или хоть уголочекъ какой-нибудь отъ бумажки, тотъ и вольный" [1]). Подобная судьба постигла одинъ сенатскій указъ. Въ декабрѣ 1856 г. былъ изданъ сенатскій указъ, поступившій въ продажу въ сенатскую лавку со слѣдующимъ заголовкомъ: „По вопросу о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ". „Вдругъ по городу разнесся слухъ, что вышелъ указъ о вольности и что его продаютъ въ сенатѣ. Толпы народа бросились въ сенатскую лавку, и въ теченіе 3-хъ дней на сенатской площади народъ толпился цѣлое утро, такъ что, наконецъ, полиція вынуждена была принять мѣры къ водворенію порядка. Указъ перепродавали въ мелочныхъ лавкахъ, и цѣна за него дошла до 3-хъ р. серебромъ. Множество экземпляровъ его было выслано крестьянами внутрь губерній, и спустя годъ еще толковали о немъ по деревнямъ. Министръ юстиціи Панинъ поручилъ губернаторамъ отбирать отъ крестьянъ помянутый указъ, гдѣ онъ только обнаружится. Болѣе ревностные губернаторы, какъ, напримѣръ, ярославскій, въ точности исполняли предписаніе министра и не только отбирали отъ крестьянъ указъ, но даже сажали ихъ за это въ тюрьму. Задержанныхъ въ С.-Петербургѣ, въ числѣ 150 чел. велѣно было высѣчь при полиціи" [2]). Особенно усилились слухи о волѣ послѣ обнародованія высочайшихъ рескриптовъ, вѣсть о которыхъ долетѣла и до крестьянъ. Крестьяне сочли, что указъ о волѣ уже вышелъ. Объявленія его ждали къ новому году (1858-му). Очевидно, къ этому слуху относится разсказъ Якушкина въ его статьѣ „Бунты на Руси". „Къ одному моему пріятелю, пишетъ онъ,

---

[1]) Демертъ. „Новая воля". Отеч. Зап. 1869 г., № 9, стр. 11—12.
[2]) „На зарѣ крестьянской свободы". Русск. Стар. 1897 г., № 10, стр. 12.

въ декабрѣ или въ концѣ ноября приходитъ разъ мужикъ, его крестьянинъ, съ такою рѣчью: „Знаешь, Ив. Вас., вѣдь къ новому году будемъ всѣ вольные, вотъ что... Слушай... изъ Питера пришелъ указъ за семью золотыми печатями, и тотъ указъ не велѣно вскрывать до новаго года: а какъ новый годъ придетъ, указъ вскроютъ и объявятъ тогда всѣмъ волю“ [1]). „Такое ожиданіе, говоритъ авторъ „матеріаловъ по исторіи упраздненія крѣпостного права“ едва ли не было общее по всей Россіи; церкви на новый годъ были особенно полны крестьянами, которые ожидали чтенія въ этотъ день манифеста объ уничтоженіи крѣпостного состоянія“ [2]). Никакого указа, конечно, объявлено не было, но это нисколько не убѣдило крестьянъ, что его и не было въ дѣйствительности. Среди нихъ распространилось мнѣніе, что воля дана государемъ, крѣпостные должны быть уже свободными, но мѣстныя власти, подкупленныя помѣщиками, скрываютъ указъ. Неизвѣстный, сидѣвшій подъ фамиліей Корибутъ-Дашкевича въ 1859 г. въ саратовскомъ тюремномъ замкѣ, въ своей запискѣ [3]) „Нелѣпые толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ“, написанной имъ въ томъ же году въ тюрьмѣ и составляющей, по его указанію, „плоды его долгихъ наблюденій надъ народомъ“, даетъ любопытныя указанія о настроеніи крестьянъ въ это время. Корибутъ-Дашкевичъ ставитъ вышеприведенные толки о судьбѣ указа о волѣ въ непосредственную связь съ волненіями и неповиновеніями помѣщичьимъ властямъ во многихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, въ 1858-омъ г. въ первые 4 мѣсяца было 70 крестьянскихъ волненій, изъ которыхъ 3 сопровождались насиліемъ, въ девяти потребовались военныя команды, другіе же прекращались большею частью помощью „внушенія“ со стороны мѣстной полиціи, помѣщика или обыкновенными полицейскими мѣрами; въ немногихъ случаяхъ пришлось устроить формальныя слѣдствія съ преданіемъ военному суду; въ нижегородской губерніи и области войска Донского волненія захватили большой районъ (въ нижегородской были волненія въ 20-ти имѣніяхъ). Но авторъ „Матеріаловъ для ист. упр. крѣп. состоянія“ указываетъ, что со времени обнародованія рескриптовъ по циркуляру 3 марта 1858 г. въ губернскихъ вѣдомостяхъ, прекратились донесенія о слухахъ, что помѣщики скрываютъ указъ о свободѣ [4]). Прекращеніе волненій Корибутъ-Дашкевичъ объясняетъ ознакомленіемъ крестьянъ съ содержаніемъ опубликованныхъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ рескриптовъ, открытіемъ губернскихъ комитетовъ на мѣстахъ.

---

[1]) Якушкинъ. „Бунты на Руси“, стр. 90. Собр. сочиненій. Изд. Суворина.

[2]) „Матеріалы по ист. упраздн. крѣп. сост.“, т. I, стр. 173.

[3]) Записка его была передана черезъ военнаго министра Я. И. Ростовцеву и прочитана въ одномъ изъ засѣданій редакціонной комиссіи.

[4]) Матеріалы, т. I, стр. 174.

Появившееся было убѣжденіе, что указъ о волѣ уже есть, но скрывается, опять смѣнилось напряженнымъ ожиданіемъ его утвержденія и объявленія. Съ переходомъ дѣла изъ губернскихъ комитетовъ въ Петербургъ, когда слухи о работахъ доходили до крестьянъ медленнѣе, ослаблялись и надежды ихъ, появились толки, что помѣщики скрываютъ указъ о волѣ, противятся государю. „Изрѣдка, пишетъ Корибутъ-Дашкевичъ въ 1859 г., пролетаетъ молва, что давно уже были бы крестьяне отпущены, да господа-то все упрашиваютъ сенатъ и государя, чтобы отсрочить и дать время помѣщикамъ позапастись доходами, которыхъ уже послѣ получать не будутъ“ [1]). Мѣстами крестьяне начинали отчаиваться. „Нѣтъ, ничего не будетъ“, говорилъ одинъ крестьянинъ Якушкину: „недаромъ про волю и говорить перестали“...—„Толковали про слободу, говорили еще другіе, а есть которые и теперь еще говорятъ!—толковали, толковали про слободу: слобода всѣмъ будетъ, а теперь стали въ сипацу загонять“.—„Эмансипація, добавляетъ Якушкинъ, слово, должно быть, и хорошее; но это слово—эмансипація, перешедшее въ устахъ народа въ *сипацу,* означало что-то не совсѣмъ ладное“ [2]). „Въ концѣ 1859 г., говоритъ авторъ „Матеріаловъ для ист. упр. кр. сост.“, были случаи, что крестьяне съ нѣкоторымъ озлобленіемъ говорили: лучше бы государь не сулилъ намъ свободы, коли не можетъ заставить помѣщиковъ“ [3]). Но несмотря на такіе пессимистическіе слухи и толки, ожиданія указа о волѣ не прекращались до самаго обнародованія манифеста и Положенія 19 февраля 1861 г. „Года за 3 до 1861 г. народъ въ каждомъ проѣзжающемъ видѣлъ вѣстника воли“, говоритъ мировой посредникъ, описывая настроеніе народа передъ раскрѣпощеніемъ въ казанской губ. „Съ ярмарокъ, съ базаровъ и богомолій всегда крестьяне привозили новости о волѣ. Разсказы велись на всѣ лады: какъ царь посылалъ волю въ бочкахъ съ икрою, въ ящикахъ просмоленныхъ, но господа успѣютъ пронюхать и выкрадутъ. Пробовалъ царь и черезъ своихъ вѣрныхъ людей тайно переслать народу волю, но господа людей задерживали, обыскивали, отбирали волю, а людей морили въ острогахъ. Особенно сильно было ожиданіе воли 19 февраля 1861 г.: ждали ее и въ церквахъ и на большой дорогѣ. Когда же и этотъ день обманулъ ихъ, то общій говоръ свалилъ вину на поповъ, подкупленныхъ помѣщиками, и на полицію, выбранную тоже изъ дворянъ. Нашлись даже очевидцы, которые утверждали, что видѣли, какъ волю провезли въ Уфу

[1]) Записка Корибутъ-Дашкевича. Русскій Архивъ, 1874 г., № 8, стр. 453.
[2]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 4—5. Собр. сочин. изд. Суворина.
[3]) „Матеріалы для ист. упр. крѣп. сост.“ т. I, стр. 180.

и въ Пермь на пяти тройкахъ, а ямщики сказали, что въ Казани давно уже получена“ [1]). Тотъ же мировой посредникъ говоритъ, что ему „на пристаняхъ въ Спасскѣ и въ Спасскомъ Затонѣ приходилось сталкиваться и говорить съ полицейскими чинами, съ купцами, съ приказчиками, съ торговцами изъ крестьянъ и съ людьми разнаго званія 3-хъ прилегающихъ уѣздовъ, и всѣ единогласно утверждали, что крестьяне думаютъ, что царь волю нѣсколько разъ давалъ, но до крестьянъ она не доходила, потому что господа обманывали царя и ихъ“ [2]). Помимо общихъ слуховъ о готовящейся волѣ или даже утвержденіи ее царемъ, среди крестьянъ шли толки о будущемъ содержаніи ея, причемъ, конечно, долетающія до нихъ свѣдѣнія о содержаніи рескриптовъ, циркуляровъ и пр. подвергались всевозможнымъ искаженіямъ, сообразно собственнымъ взглядамъ крестьянъ на волю. Въ общемъ, по указанію современниковъ, среди крестьянъ были оптимисты и пессимисты. Одни ожидали отъ готовящейся реформы дѣйствительнаго улучшенія своего положенія, исполненія своихъ завѣтныхъ мечтаній о лучшей, вольной жизни. Такихъ оптимистовъ было особенно много среди крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые эксплуатировали крѣпостныхъ и злоупотребляли своею властью. Тѣ же крестьяне, которымъ жилось относительно хорошо, склонны были съ опаскою взирать на будущее. Говоря о неудовлетворительности Положеній 19 февраля 1861 г., Серно-Соловьевичъ замѣчаетъ: „недаромъ задумывался всякій разъ мужикъ, говоря о предстоящей волѣ, недаромъ заканчивалъ рѣшительныя надежды сомнѣніемъ: „а Богъ вѣсть, что-то еще будетъ впереди, кабы не было хуже“—недовѣрчиво покачивая головою на увѣренія, что хуже быть не можетъ“ [3]). Иные крестьяне вполнѣ правильно обосновывали свои опасенія на томъ, что господа, которымъ поручили выработать волю, сумѣютъ за себя постоять и поживятся на счетъ мужика. „Во все время ожиданія, писалъ мировой посредникъ Глѣбовъ въ своемъ сообщеніи мологскому мировому съѣзду, развивалось и укрѣплялось въ крестьянахъ недовѣріе къ помѣщикамъ и вообще къ дворянамъ, такъ какъ они знали изъ печатныхъ объявленій, что занятія по крестьянскому дѣлу высочайше поручены лицамъ, избраннымъ изъ сословія дворянъ, которыя, по ихъ пониманію, не могли иначе поступить, какъ въ виду собственныхъ интересовъ, а потому что бы имъ помѣщики ни говорили о предстоящихъ измѣненіяхъ, крестьяне прини-

---

[1]) Крыловъ. „Воспоминанія мирового посредника I призыва...“ Русск. Стар. 1892 г., № 4, стр. 82—83.

[2]) Ibid., стр. 87.

[3]) Серно-Соловьевичъ. „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса“, стр. 38.

мали за истолкованіе въ свою пользу, неохотно слушали или даже вовсе не слушали [1]).

Содержаніе готовящейся воли рисовалось крестьянамъ такими чертами. „Послѣ первыхъ высочайшихъ рескриптовъ, говоритъ Корибутъ Дашкевичъ, всѣ помѣщичьи крестьяне заговорили о свободѣ полной и безусловной. Они ждали, что ихъ уволятъ со всею землею, и они будутъ жить, какъ казенные, и отбывать равныя съ ними повинности одной казнѣ“ [2]). Изъ содержанія рескриптовъ крестьяне уловили указаніе на 12-лѣтній выкупъ усадебъ. „Этотъ срокъ, говоритъ тотъ же Корибутъ-Дашкевичъ, только и успѣли крестьяне затвердить, но въ искаженномъ видѣ; изъ другихъ же началъ, изложенныхъ въ рескриптахъ, ровно ничего не поняли и все перетолковали по своему. 12-лѣтній выкупъ усадебъ крестьяне поняли такъ, что они заплатятъ владѣльцамъ выкупъ по самымъ баснословно дешевымъ цѣнамъ, выведеннымъ изъ ложныхъ слуховъ, за дома и огороды, а полевая земля нарѣжется уже безданно-безпошлинно и будетъ навсегда ихъ собственность. Такъ думаетъ большая половина; меньшая увѣрена, что слова „12 лѣтній выкупъ“ означаютъ срокъ, въ который казна сама уплатитъ помѣщикамъ за усадьбы, а крестьяне, получа въ свое распоряженіе всю, какая есть въ имѣніи, полевую землю, будутъ отбывать повинности казнѣ на однихъ правахъ и условіяхъ съ казенными крестьянами“ [3]). Подобные же толки крестьянъ о будущей судьбѣ земель въ имѣніяхъ послѣ отмѣны крѣпостного права приводитъ и Якушкинъ. „Большею частью, говоритъ онъ, толки крестьянъ вращались около одного пункта: земля будетъ наша. Они говорили, что землю „самъ Богъ зародилъ, что баринъ и пахать не умѣетъ—что онъ съ землею будетъ дѣлать?“ Это мнѣніе, что земля будетъ крестьянская, еще крѣпче утвердилось, когда было объявлено, что дворовые люди не получаютъ надѣла земли, не разъ мнѣ случалось слышать,—оттого, что дворовые люди не умѣютъ пахать земли; да вѣдь и дворяне тоже пахать не умѣютъ: зачѣмъ же имъ земля?“ [4]). Слова рескрипта „крестьяне должны оставаться болѣе или менѣе крѣпкими землѣ“ подверглись такому толкованію: „хочешь, такъ живи на этой землѣ; а не хочешь, такъ уѣзжай и платить помѣщику не будешь“. Въ связи съ такимъ толкованіемъ у крестьянъ, по указанію Корибутъ-Дашкевича, появилось такое ожиданіе: „со дня уничтоженія крѣпостного права каждый крестьянинъ воленъ или остаться въ своемъ домѣ и жить, или переѣхать въ вольныя степи, и въ обоихъ

---

1) Сѣверная Пчела 1861 г., № 228, 13 Апрѣля.
2) Записка Карибутъ-Дашкевича. Русск. Архивъ, 1874 г., № 8, стр. 452.
3) Ibid., стр. 453.
4) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 4—5.

случаяхъ отъ него зависитъ заплатить и жить или бросить ее и, не платя ничего, уѣхать" [1]). Ю. Ф. Самаринъ, разсказывая о созванныхъ имъ 4-хъ сходкахъ крестьянъ, гдѣ обсуждали вопросъ о выкупѣ усадебъ, говоритъ, что крестьяне „обнаружили болѣе готовности выкупать свои усадьбы", чѣмъ онъ ожидалъ, что и побудило его отказаться отъ мысли настаивать въ губернскомъ комитетѣ на выкупѣ всей земли. Надо полагать, что такая готовность крестьянъ объясняется тѣмъ, что самарская губернія, гдѣ находились имѣнія Самарина, принадлежала къ числу многоземельныхъ и малонаселенныхъ; крестьяне могли разсчитывать на дешевую аренду земли, быстро расквитавшись съ крѣпостнымъ правомъ путемъ уплаты небольшой, сравнительно, суммы за усадьбу.

Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, но и по нимъ можно намѣтить представленія крестьянъ о готовящейся реформѣ. Разъ крестьяне считали, что будутъ жить при волѣ, какъ казенные крестьяне, и исполнять равныя съ ними повинности одной только казнѣ, то, слѣдовательно, ни о какомъ срочно-обязанномъ періодѣ, по мнѣнію крестьянъ, не могло быть и рѣчи: всякія крѣпостныя отношенія, повинности и пр. должны были безусловно прекратиться съ наступленіемъ воли. Что касается земельнаго вопроса, то намѣчается нѣсколько точекъ зрѣнія при общемъ положеніи: крестьяне сохраняютъ права на свои земли, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ; по одной версіи они въ то же время имѣютъ право переселенія на другія „вольныя земли". Относительно количества земли намѣчается точка зрѣнія, что всѣ помѣщичьи земли—безъ исключенія, по одной версіи—всѣ полевыя угодья въ имѣніи, по другой—должны перейти къ крестьянамъ. Любопытна и мотивировка первой версіи: землю „самъ Богъ зародилъ", а потому земля должна достаться тѣмъ, кто умѣетъ ее обрабатывать. По вопросу о выкупѣ мнѣнія, очевидно, были разнообразны. По однимъ толкованіямъ, крестьяне должны заплатить лишь за усадьбы, остальная же земля должна отойти безъ всякой платы; по другимъ толкованіямъ, даже за усадьбу заплатитъ казна, а крестьяне, получивъ землю, будутъ платить только казнѣ на равныхъ основаніяхъ съ казенными крестьянами, наконецъ, существовало, видимо, и третье мнѣніе, по которому крестьяне должны платить помѣщикамъ за усадьбу только въ томъ случаѣ, если пожелали бы остаться на прежнихъ мѣстахъ. Изъ этихъ черточекъ видно, что среди крестьянъ были сторонники и выкупа и безвозмезднаго отчужденія помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ. Вотъ все, что можно почерпнуть изъ ничтожныхъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній о толкахъ и представленіяхъ крестьянъ о будущей волѣ во время разработки Поло-

---

[1]) Записка Корибутъ-Дашкевича. Русск. Архивъ, 1874 г., № 8, стр. 456.

женія 19 февраля. Но и изъ этихъ ничтожныхъ чертъ можно видѣть, какъ далеко было Положеніе 19 февраля 1861 г. отъ „крестьянской воли“. Разница станетъ еще яснѣе, когда мы, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, ознакомимся какъ съ самымъ Положеніемъ 19 февраля въ томъ видѣ, въ какомъ оно было утверждено государемъ, такъ и съ проведеніемъ ихъ въ жизнь.

И. Игнатовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія о братѣ Владимірѣ Соловьевѣ.

„Въ присутствіи вашего брата Владиміра Сергѣевича самъ становился лучше; при немъ слишкомъ стыдно было думать или чувствовать гадко". Таковыя приблизительно слова слыхала я не разъ отъ знавшихъ брата, и мнѣ при этомъ вспоминалось одно изъ чувствъ, которое я испытывала относительно его всегда, съ тѣхъ поръ, что себя помню.

Въ дѣтской. Упоеніе игрой. Вдругъ одно слово, одно движеніе, взглядъ, и вспыхнули темныя страсти—крикъ, споръ, сцѣпились. Звонокъ въ передней, это—братъ; идетъ къ себѣ и будетъ тамъ работать, писать, можетъ, всю ночь; писать такія умныя, чудесныя вещи. Вдругъ, проходя, заглянетъ къ намъ? Войдетъ высокій, блѣдный, худой и такой красивый съ головой, которая, говорятъ, напоминаетъ голову Іоанна Крестителя! И некрасивое слово не произносится, и руки, поднятыя для некрасиваго жеста, опускаются, и стыдно, и обидно, и такъ хочется сказать или сдѣлать что-нибудь умное и красивое!

И еще въ дѣтской: игра въ сравненія,—кто лучше, кого больше любишь?

— Ну, по твоему, кто?—Володя или? – (называется лицо, къ которому мы неравнодушны, и о которомъ знаемъ, что—тоже „пишетъ цѣлыя книги".)

— Ну, вотъ еще глупости!—Тутъ и сравнивать нельзя: тотъ—земля, а Володя—небо.

Безсознательное чутье совсѣмъ маленькаго ребенка отгадывало въ немъ служителя неба, той красоты, Афродиты небесной, которой онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. И хоть съ теченіемъ времени я скоро увидала, какъ много въ немъ было и земли, отъ сужденья, высказаннаго въ раннемъ дѣтствѣ, не откажусь. Такъ впослѣдствіи, когда приходилось наблюдать болѣе темныя, болѣе тяжелыя стороны въ характерѣ и натурѣ брата, все же всегда чувствовалось, что этотъ человѣкъ безусловно неспособенъ ни на что низкое или неблагородное, и что надъ нимъ не имѣла

никакой силы сколько-нибудь мелкая, недостойная или пошлая сторона жизни. Да, въ этомъ отношеніи онъ былъ всегда надъ землей, выше ея и могъ казаться небомъ. А вѣдь и небо бываетъ порой такое непривѣтное, хмурое, и зловѣще-грозное, а то и еще хуже: сѣрое, сѣрое, скучное. Братъ бывалъ мраченъ и тоскливо угрюмъ, бывалъ и скученъ, когда, напримѣръ, отправится къ какимъ-нибудь *добрымъ* знакомымъ, сядетъ куда-нибудь въ сторонкѣ, да и просидитъ нѣсколько часовъ, не разжавъ губъ, а затѣмъ встанетъ и уйдетъ. Хозяева дома, можетъ, и не взыскали бы за такое. дѣйствительно, неприличное поведеніе: на то они и добрые знакомые и, зная Соловьева, могутъ понять, что онъ, тоскуя и мятясь душой, какъ это случается со всякимъ человѣкомъ, нарочно пошелъ къ людямъ, къ своимъ добрымъ знакомымъ, въ надеждѣ, что, быть можетъ, разгонитъ хоть немного мракъ и тоску; но были гости въ домѣ и между ними такіе, которые нарочно пришли послушать Соловьева, и вотъ эти-то подобнаго поведенія ему не простятъ. Простой человѣкъ имѣетъ право, когда—въ тоскѣ, и не охота говорить—промолчать хоть весь вечеръ, а Соловьевъ нѣтъ. На простого человѣка вниманія не обратятъ, а тутъ нарочно пришли,— это непозволительно.

— Не хотѣлъ раскрывать рта, ну и сидѣлъ бы въ своей комнатѣ; оригинальничаетъ, думаетъ—интересно, а это просто скучно.

Но оригинальничать брату было безусловно невозможно: слишкомъ по природѣ былъ онъ для того оригиналенъ и искрененъ: а потянуло его въ тяжелую минуту къ людямъ, значитъ, онъ счелъ ихъ добрѣе, чѣмъ они оказались. Впрочемъ, братъ очень рѣдко позволялъ себѣ, бывая скучнымъ, ходить въ гости, хотя бы и къ *добрымъ* знакомымъ.

А во мнѣ и въ дѣтствѣ, и позднѣе тяжелое, мрачное настроеніе брата вызывало всегда страхъ и тоскливую, недоумѣвающую тревогу. И не того я боялась, что нечаянно раздражу его, вызову чѣмъ-нибудь гнѣвъ,— случалось, когда была еще маленькой, братъ быстро шагаетъ послѣ обѣда, засунувъ руки въ карманы, весь въ своихъ невеселыхъ думахъ, а въ комнатахъ темно,—изъ передней и столовой падаетъ свѣтъ, но онъ освѣщаетъ только часть большой залы и гостиной, по угламъ же и вдоль стѣнъ совсѣмъ чернота, особенно, когда въ окна не глядитъ луна; и такъ заманчиво жутко намъ, младшему поколѣнію, носиться на цыпочкахъ въ этой темнотѣ, играя въ привидѣнія или летучихъ мышей; меня же охватывало прямо неистовство; ну вотъ, случалось, несясь такимъ образомъ, столкнуться съ братомъ, попасть ему подъ ноги, да и не одинъ еще разъ, и онъ могъ сильно разсердиться, крикнуть рѣзкое слово; но повторяю, не раздраженіе его, не крикъ пугали меня,—пугала его мрачная тоска сама по себѣ, пугала и смущала жалость, охватывавшая при этомъ къ нему.—

„Такой умный, такой необыкновенный, которымъ такъ восхищаются, пишетъ книги, которыя могутъ читать только самые умные люди, отчего онъ такъ тоскуетъ? чѣмъ такъ смущенъ? И хотѣлось порой броситься къ нему и приласкаться, но не рѣшалась: я, такая маленькая и глупая, даже и читать не могу никакихъ книгъ, которыя онъ пишетъ, какъ смогу помочь ему? Только еще хуже сдѣлаешь: помѣшаешь ему думать, а онъ навѣрно думаетъ все время объ страшно важномъ, о самомъ важномъ, а мнѣ вотъ, хоть и жаль его, а все же очень хочется визжать и носиться летучей мышью.—Раза два, впрочемъ, помню, не удержалась, подбѣжала къ нему, когда больше никого не было въ комнатѣ, и изо всей силы прижалась одной половиной лица къ его локтю. Онъ остановился.

— Что ты?

— Володя милый! могла я только прошептать.

Онъ вынулъ изъ кармана руку, не ту, къ которой я прижалась, и согнутымъ по суставу указательнымъ пальцемъ нѣсколько разъ провелъ по моей свободной щекѣ. И опять зашагалъ. А другой разъ суставомъ пальца по щекѣ моей не провелъ, а сказалъ только:

— Ну, чего ты, глупая, чего?

И проведеніе согнутымъ пальцемъ по щекѣ и прилагательное—глупая, произнесенное особымъ тономъ, означали ласку.

Раздражителенъ братъ бывалъ иногда и безъ мрачнаго или тоскливаго настроенія, и тогда нѣкоторыя вещи легко могли довести его до бѣшенства. Такъ, напримѣръ, онъ совершенно не выносилъ, чтобъ убирали его комнату, то-есть его письменный столъ, равно, чтобъ касались подоконниковъ, шкаповъ, всего, куда онъ только могъ положить книгу, газету, бумагу, записку, такъ какъ при уборкѣ все куда-то исчезало, онъ искалъ и не находилъ. Мать же и сестра полагали, что оставлять вездѣ пыль—не значитъ убирать комнату, а въ неубранной комнатѣ нельзя жить. И вотъ иногда въ отсутствіе брата онѣ сами принимались за капитальную уборку, не довѣряя прислугѣ или боясь, что та, дѣйствительно, что-нибудь не туда положитъ. Вернувшись, братъ часто и не замѣчалъ произведенной въ его комнатѣ очистки, но случалось и другое: вдругъ по дому раздавался крикъ, отъ котораго, казалось, что вотъ-вотъ должны рухнуть стѣны, и братъ съ перевернутымъ лицомъ вбѣгалъ въ комнату матери.

— Мама, да что же это такое! Я не могу найти нужной мнѣ записки, это вы опять перевернули мнѣ все вверхъ дномъ.

— Я ничего даже и не трогала, только стерла пыль.

— Но я же васъ просилъ, я васъ умолялъ никогда у меня ничего не касаться.

— Да я и не касалась.

— Какъ же не касались, когда вдругъ исчезла нужная мнѣ записка! Понимаете, она мнѣ сейчасъ необходима, сію минуту.

— Я пойду и найду, потому что ни одного обрывка старой газеты даже не выбросила.

— Вы ничего не найдете—я все переискалъ. Нѣтъ, что же это такое!

И опять крикъ, и порой слова, несообразно рѣзкія слова, и угроза уѣхать, чтобъ никогда ужъ больше не вернуться. Если бы кто изъ мало знавшихъ брата вошелъ въ эту минуту и услыхалъ этотъ крикъ, отчаяннымъ, захлебывающимся звукомъ произносимыя угрозы и жалобы, подумалъ бы, что случилось большое, непоправимое несчастье.

Слыша эту сцену изъ сосѣдней „дѣтской“, я чувствовала, что этотъ большой человѣкъ, обладавшій такой огромной духовной силой, что при немъ, а иногда и только думая о немъ, всегда невыносимо было сказать или услыхать, или увидать что-либо сколько-нибудь некрасивое, глупое, пошлое, становился минутами совсѣмъ маленькимъ, безпомощнымъ ребенкомъ; и чѣмъ громче и неистовѣе онъ кричалъ, тѣмъ сильнѣе это чувствовалось.

Злополучная записка иногда скоро находилась, иногда нѣтъ,—возможно, что братъ самъ не помнилъ, куда ее положилъ, но находилась или нѣтъ, припадокъ неистовства разрѣшался такъ: продолжая кричать, братъ бѣжалъ опять къ себѣ, изо всей мочи хлопнувъ дверью своей комнаты. Тамъ на болѣе или менѣе продолжительное время наступала полная тишина. Потомъ дверь тихо отворялась, показывалась фигура брата; нѣсколько мгновеній онъ точно колебался, будто прислушиваясь; затѣмъ также тихо притворивъ за собой дверь, обычной быстрой и размашистой походкой, но на цыпочкахъ, шелъ къ матери и, войдя, плотно притворялъ за собой дверь. Братъ являлся съ повинной и, цѣлуя у матери руки, просилъ прощенья за свою несдержанность. Если потомъ за обѣдомъ или чаемъ хоть какимъ-нибудь намекомъ вспоминалась пережитая сцена, братъ слегка смущаясь и въ то же время страшно горячимъ и убѣдительнымъ тономъ говорилъ:

— И вѣдь никогда ничего подобнаго не могло бы случиться, если-бъ вы разъ и навсегда оставили мою комнату въ покоѣ: и вамъ и мнѣ было бы лучше.

Мать утверждала обратное. Тогда на лицѣ брата появлялось лукаво-ироническое выраженіе, и онъ говорилъ все тѣмъ же горячимъ убѣждающимъ тономъ:

— Положимъ, я глупъ, положимъ, я очень глупъ, до чрезвычай-

ности глупъ, но не такъ же я глупъ, чтобъ не знать, что мнѣ удобнѣе и спокойнѣе.

Эту фразу братъ любилъ повторять каждый разъ, какъ ему казалось, что его хотятъ убѣдить, что онъ чувствуетъ, напримѣръ, не то, что чувствуетъ.

Съ теченіемъ времени припадки дикаго бѣшенства изъ-за недостаточно уважительной причины становились все рѣже и рѣже: братъ усиленно надъ собой работалъ.

Съ ранней юности, помимо всякой другой, братъ взвалилъ себѣ на плечи и работу личнаго самоусовершенствованія и эту работу, какъ ни тяжела она была порой, исполнялъ всю жизнь, какъ добрый и вѣрный рабъ, вплоть до самой смерти, когда онъ, ужъ умирая, говорилъ: „трудна работа Господня“ или просилъ княгиню Трубецкую: „не давайте мнѣ впадать въ безсознательность и бредить,—я долженъ молиться“.

Мрачное же и тоскующее настроеніе, равно и раздражительное, хоть и находило на него порой въ теченіе всей жизни, въ общемъ, характеръ его вспоминается мнѣ удивительно мягкимъ и свѣтлымъ, и очень много было въ немъ дѣтскаго, способность же смѣяться и дурачиться—совершенно исключительная, такъ что иногда достаточно было пустяка, чтобъ заставить его закатиться самымъ задушевнымъ, захлебывающимся смѣхомъ, разносившимся на далекое пространство кругомъ. И думается, вспоминая этотъ смѣхъ, что надо было быть или очень несчастнымъ, или безпросвѣтно злымъ, или безнадежно озлобленнымъ, чтобъ не стало весело и не явилось желанія смѣяться самому, услыхавъ этотъ смѣхъ. Любилъ онъ острить и поощрялъ чужія остроты; когда сострить кто удачно, онъ сначала разсмѣется, потомъ скажетъ: „запиши двѣ копѣйки“, или пять, или десять, смотря по степени остроумія. Когда же „ничего не выходило“ или черезчуръ „нахально“, братъ въ первомъ случаѣ морщился, иногда тихо, точно про себя произнеся: „вздоръ“; во второмъ смѣялся и говорилъ: „дать ему или ей подзатыльникъ“. Любилъ братъ очень Кузьму Пруткова и, обладая колоссальною памятью, цитировалъ его иногда за обѣдомъ и чаемъ безъ конца. Говорилъ и свои стихотворенія серьезныя и шуточныя и стихи Фета, иногда раньше, чѣмъ они появлялись въ печати. Стихи братъ читалъ, по моему, удивительно хорошо, необыкновенно музыкально и при этомъ совершенно просто; шуточныя же произносилъ съ совершенно особымъ комизмомъ. Иногда находила исключительно дурачливая полоса, и, начавъ съ Кузьмы Пруткова и разныхъ другихъ шуточныхъ стиховъ, каламбуровъ и bons mots, братъ, что называется, закусывалъ удила. Мы, младшее поколѣніе, равно и старшая сестра, сама очень остроумная, прямо кисли отъ смѣха, но мать и жившая съ нами и всѣхъ насъ воспитавшая

Анна Кузьминична Колерова, близкій другъ всей нашей семьи, иногда бывали строго настроены и не очень склонны поощрять дурачества, уже переходящія извѣстныя границы (подобныя сцены вспоминаются мнѣ изъ болѣе поздняго времени, уже послѣ смерти нашего отца).

— Ну, Владиміръ, теперь ужъ пошелъ, пошелъ... Право, это нисколько не остроумно, говорила какъ будто слегка даже грустнымъ тономъ Анна Кузьминична.

Но братъ не унимался, и мы едва сдерживались, чтобъ ужъ прямо не взвыть отъ восторга.

— Отчего говорятъ чернильница, а не песочница?.. Вамъ это не нравится. Ну, хорошо... мама, смотрите, вотъ я возьму самый большой огурецъ и разомъ его—въ ротъ.

И дѣйствительно, какъ говорилъ, такъ и дѣлалъ. Мать ужасалась, братъ закинувъ голову, хохоталъ, Анна Кузьминична негодовала.

— Ну, успокойтесь, я больше не буду, говорилъ братъ ласково и увѣщательно.

Нѣсколько минутъ молчанія, потомъ вдругъ самымъ повышеннымъ и удивленнымъ тономъ вопросъ:

— Отчего говорятъ роза, а не пэонъ?

И выраженіе лица при этомъ такое же невинно удивленное, какъ и тотъ вопросъ о произношеніи слова пэонъ и удареніе на первомъ слогѣ полны безпредѣльнаго комизма.

Хотя я и сказала выше, что всю жизнь, начиная съ ранняго дѣтства, боялась произнести при братѣ, или чтобъ ихъ кто другой произнесъ при немъ сколько-нибудь некрасивое, глупое или пошлое слово, но самъ братъ любилъ иногда говорить большія непристойности, если онѣ были остроумны или смѣшны; любилъ, чтобъ и ему разсказывали подобные анекдоты или подлинные факты. Не только позволялъ онъ это себѣ въ обществѣ мужчинъ, а также иногда и въ нашемъ.

— Владиміръ, помилосердствуй,—при сестрахъ! воклицала съ негодованіемъ Анна Кузьминична.

— Да, Володя, пожалуйста, оставь; терпѣть не могу, когда начинаешь говорить сальности, не громко замѣчала мать и тихонько отталкивала отъ себя предметы, бывшіе у нея подъ руками—вѣрный знакъ нарушеннаго душевнаго равновѣсія.

Сощурившись, братъ смотрѣлъ на меня и младшую сестру (съ старшей, съ которой вмѣстѣ росъ, онъ стѣснялся меньше, чѣмъ съ матерью).

— Марія, тебѣ есть шестнадцать лѣтъ?

— Есть.

— Ну, значитъ, все можешь знать, ибо достигла церковнаго совер-

шеннолѣтія и получила право стать женой, а Сена—ей нѣсколько преждевременно, а потому Sène, sortez!

— Но мы тоже не хотимъ слушать, громче заявляла мать.

— Ну, это вздоръ, совершенный вздоръ: поймите—мерзко дѣлать гадость, думать, чувствовать, а говорить—бываетъ даже иногда нужно—Sène, filez.

И по выходѣ сестры братъ начиналъ говорить совершенно откровенно. Иногда это кончалось благополучно, иногда скандаломъ: Анна Кузьминична, возмущенная до послѣдней степени, вставала и уходила; въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ уходила и мать, а чаще обиженно и огорченно говорила:

— Совершенно не понимаю, какъ это такой человѣкъ, какъ ты, можешь подобныя вещи слушать, да еще самъ повторять.

— Ахъ, мама, вы еще меня мало знаете.

— Ну, да-да, разсказывай; и охота представляться!

И на такія слова, и на уходъ Анны Кузьминичны братъ отвѣчалъ самымъ задушевнымъ радостнымъ смѣхомъ.

Разъ, помню, братъ вышелъ къ завтраку разсѣянно-печальный и какъ всегда принялся за „Русскія Вѣдомости“, прихлебывая стыпущій въ стаканѣ чай. Читая, хмурился, на предложенный какой-то неважный вопросъ не отвѣтилъ. Прочелъ, отложилъ газету и, подойдя къ окну, сталъ молча глядѣть на небо. На небѣ было солнце. Вдругъ братъ чихнулъ едва слышно, точно сдерживаясь, какъ-то въ себя; звукъ походилъ менѣе на чехъ, чѣмъ на кашель или перханье грудного младенца. Чихнулъ такъ разъ, и другой, и третій, затѣмъ очень громко и довольно крякнулъ, вернулся къ столу и попросилъ еще чаю. Лицо не было больше хмурымъ, напротивъ, совсѣмъ свѣтлое, съ безконечо добрымъ, дѣтски-яснымъ взглядомъ.

— Доволенъ, что удалось чихнуть? спросила старшая сестра. Братъ улыбнулся и молча кивнулъ головой. Онъ очень любилъ чихать, хотя иначе, какъ вышеописаннымъ образомъ чихать не умѣлъ, такъ что, кто не зналъ, думалъ, что онъ терпѣть не можетъ и нарочно удерживается; а чтобъ вызвать чиханье, говорилъ, что нѣтъ лучшаго способа, какъ посмотрѣть на солнце, только не надо, чтобъ въ это время кто-нибудь съ нимъ заговорилъ—это мѣшаетъ. Мы это знали и, если замѣчали его въ такой нѣмой позиціи передъ окномъ, старались даже не глядѣть на его спину.

— О, Господи!.. сказалъ вдругъ братъ, отхлебнувъ чаю и откинувъ со лба волосы—мама, если-бъ вы знали, какъ я много нагрѣшилъ сегодня ночью.

Мать испуганно закашляла и посмотрѣла на младшую сестру.

— Не пугайтесь такъ ужъ черезмѣрно: я погрѣшилъ въ сердцѣ своемъ.

— Ахъ, Володя!—И какъ будто я не знаю, что иначе ты не можешь.

— Ну нѣтъ, это вы напрасно. — Ну-ну, бѣдный мамантъ, не волнуйтесь. Но я вѣдь вамъ не разъ ужъ говорилъ, что всякая мало-мальски нечистая мысль и есть уже грѣхъ, а если-бъ вы знали, сколько мнѣ приходило сегодня ночью самыхъ нечистыхъ мыслей! Ужасъ!—Есть у васъ еще чай?—Такъ налейте.—О, Господи!

Помню не одинъ разъ братъ съ сокрушеннымъ громкимъ вздохомъ, и комичнымъ, и совершенно искреннимъ, въ которомъ было опять-таки что-то дѣтское, признавался матери, что много нагрѣшилъ въ сердцѣ своемъ. А я любила эти признанія: чувствовалось, что этотъ человѣкъ, неустанно служившій Афродитѣ Небесной, не былъ чуждъ земныхъ соблазновъ, и порой они находили на него, какъ тяжелыя зловѣщія тучи, и давили, и гнели, и бороться ему съ ними было не легко, и тѣмъ не менѣе онъ велъ непрестанную борьбу со всякой нечистой мыслью. И думалось о томъ, какъ онъ часто увлекается женской красотой, а лежитъ у него въ то же время портретъ женщины удивительной красоты, съ надписью „Ah, bel ermite! tu ne les sauras donc jamais, les tentations de st. Antoine“.—Нѣтъ, онъ ихъ зналъ; но любовь была для него священной. Влюблялся же и увлекался братъ легко и легко понималъ эти чувства въ другихъ и интересовался ими, съ вниманіемъ выслушивая разсказы о всякихъ любовныхъ исторіяхъ. Но чуть тутъ что-нибудь возмущало его чувство красоты, онъ морщился и говорилъ:

— Ффа, какая мерзость!

Если же узнавалъ, что одна сторона страдаетъ отъ другой, и наблюдается несоотвѣтствіе свѣта и тѣни, говорилъ:

— Ну, связался чортъ съ младенцемъ.

Любя всякія дурачества, братъ любилъ давать смѣшныя прозвища и меня, по возвращеніи изъ Египта, гдѣ онъ пробылъ довольно долго, рѣдко называлъ по имени, а больше египетскимъ чудищемъ, такъ какъ находилъ, что у меня совершенно египетскій типъ. Иногда просто обращаясь: ну что, „египетское“? или: „ты что еще тамъ ухмыляешься, чудище? фараоново отродье?“ Въ серьезныя минуты называлъ меня сфинксомъ, а если по имени, то почти всегда прибавляя—„египетская“. Анну Кузьминичну называлъ Анной Пророчицей, потому что она хорошо объясняла ему сны, въ которые онъ вѣрилъ, какъ вѣрилъ во многія примѣты, въ карты и т. д. По линіямъ рукъ предсказывалъ намъ нашу судьбу, равно какъ по формамъ тѣла и чертамъ лица объяснялъ иногда свойства характера и натуры человѣка.

Братъ никогда не ѣздилъ ни въ театръ, ни въ концертъ, и большинство думало, что онъ равнодушенъ къ музыкѣ и драматическому искусству, но мнѣ кажется, что и тутъ сказывалась одна изъ странностей, которыхъ было такъ много въ натурѣ брата, а не равнодушіе. Онъ часто просилъ меня пѣть, называя вещи, которыя были его „любимыя“, и самъ за послѣобѣденнымъ чаемъ, играя съ Анной Кузьминичной въ шашки или шагая по комнатамъ въ рѣдкія минуты отдыха, постоянно мурлыкалъ что-нибудь; правда, совершенно невѣрно, потому что не имѣлъ слуха.

— То-есть, слухъ у меня есть, но внутренній, понимаешь, египетское? Я отлично слышу мотивъ и внутри пою его вѣрно, а голосомъ не выходитъ.

Особенно любилъ онъ одинъ мотивъ изъ „Травіаты“ и за шашками подолгу упражнялся, чтобъ поймать его; и вотъ вдругъ разъ ему показалось, что поймалъ, и, дѣйствительно, вышло почти вѣрно; держа одинъ палецъ лѣвой руки на шашкѣ, онъ поднялъ правую и, глядя на меня ликующими дѣтскими глазами, радостно пропепталъ:

— А, что? поймалъ таки. И пропѣлъ еще разъ громче, но, увы, опять не вышло.

— Нѣтъ, не такъ, что же это? сказалъ онъ разочарованно и смущенно и низко наклонилъ голову надъ шахматной доской.

Разъ мнѣ случилось брать урокъ пѣнья вечеромъ, и братъ былъ дома. Когда, пропѣвъ немного экзерсисъ, я занялась разучиваніемъ аріи изъ Русалки, дверь изъ комнаты брата тихо отворилась, и онъ наципочкахъ прошагалъ черезъ залу въ гостиную и до конца урока назадъ не уходилъ; а потомъ, когда урокъ кончился, и я убирала ноты, братъ вышелъ изъ гостиной и направился ко мнѣ.

— Я помѣшала тебѣ работать, сказала я въ сильномъ смущеніи.

— Вздоръ! А я дѣйствительно не могъ писать, когда ты начала пѣть это изъ Русалки; слушалъ въ гостиной и даже взволновался нѣсколько. Пой, фараоново отродье, пой. И, проведя согнутымъ указательнымъ пальцемъ у меня по щекѣ, повернулся и пошелъ къ себѣ.

Когда пріѣхала въ Москву Сарра Бернаръ, старшей сестрѣ удалось уговорить брата одинъ разъ поѣхать ее посмотрѣть.

— Ну, помни, Надежда, только для тебя ѣду, а случится что недоброе, ужъ это—на твоей совѣсти.

Недобраго ничего не случилось, но на другой день, какъ только заходила рѣчь объ этомъ спектаклѣ, братъ закидывалъ назадъ голову и говорилъ:

— О, господа, что это было за страданье! О, Господи!

И когда онъ сказалъ такъ въ первый разъ, мы подумали, что

страданье было смотрѣть на муки героини пьесы въ искусной передачѣ Сарры Бернаръ.

— И вдругъ ты, Владиміръ, повадишься теперь въ театры! сказала Анна Кузьминична.

— Боже, меня упаси!

— Но сознайся, что она произвела на тебя сильное впечатлѣніе.

— Отнюдь. Впечатлѣніе у меня осталось сильное, это вѣрно, но отъ страданья, которое я претерпѣлъ, высидѣвъ цѣлый вечеръ въ такомъ неподходящемъ мѣстѣ (какъ мѣсто въ театрѣ, оно было превосходное: кресло въ одномъ изъ первыхъ рядовъ партера) и глядя на ломанье этой госпожи. О, Господи!

Между тѣмъ, когда я, тоже видѣвшая Сарру Бернаръ, потомъ искусно ей подражала, братъ очень этимъ утѣшался, и у насъ на jours fix'ахъ просилъ меня изобразить Сарру Бернаръ. Я произносила монологи изъ Адріенны Лекувреръ и Фру-Фру, и братъ хохоталъ неистово и увѣрялъ, что вотъ это несравненно интереснѣй, чѣмъ смотрѣть саму Сарру Бернаръ. А въ театрѣ онъ съ тѣхъ поръ ни разу не былъ, и раньше я не помню, чтобъ подобное когда случалось съ нимъ; но помню, еще когда я была подросткомъ, нѣсколько членовъ бывшаго тогда въ Москвѣ Кружка Шекспиристовъ—Лопатины, Венгштернъ, Гіацинтовы и др., въ числѣ которыхъ были и друзья, написали одну за другой двѣ оперы-пьесы: одна называлась: „Прекрасная Элеонера или Сонъ студента послѣ 12-го января“; другая—Тезей. Обѣ вещи были шуточныя и представляли нѣчто совершенно необычайное. Авторы распредѣлили роли, при чемъ и женскія для большаго удобства и свободы должны были исполняться мужчинами же; разучили пьесы и стали ихъ разыгрывать у разныхъ знакомыхъ. Играли и въ нашемъ домѣ, при чемъ передъ поднятіемъ занавѣса актеры говорили, что до того трусятъ играть такое передъ Сергѣемъ Михайловичемъ (мой отецъ), что просили поднести имъ для бодрости. Суда отца моего они напрасно боялись: онъ вполнѣ оцѣнилъ ихъ произведеніе, и его заливистый смѣхъ часто сливался со смѣхомъ брата. Вообще далеко не вся публика въ состояніи была вкушать соль этихъ удивительныхъ твореній; нѣкоторые, и даже изъ тѣхъ, что были близки авторамъ, съ недоумѣніемъ пожимали плечами и, выражаясь мягко, говорили, что это Богъ знаетъ, что такое. А братъ былъ въ восторгѣ и хохоталъ отъ начала и до конца пьесы, не переставая. Смѣхъ его былъ до того заразителенъ, что многіе, ничего не понимавшіе изъ того, что происходило на сценѣ, смѣялись только изъ-за брата. Тогда авторы и актеры рѣшили, что ни у кого ни за что не станутъ играть, если братъ не будетъ въ публикѣ.

— Володя, голубчикъ, поддержи: завтра мы ломаемъ Тезея у Г.

— Завтра!—Завтра мнѣ, собственно говоря, надо бы дома... поработать.

— Владимиръ Сергѣевичъ, вѣдь намъ тогда просто смерть.

— Ну, хорошо, буду, буду завтра.

И послѣ того ни одно представленіе безъ него не обходилось. Какая бы у него ни была важная работа или другое какое личное дѣло, братъ оставлялъ его и ѣхалъ выручать товарищей. Когда случалось опоздать, актеры безъ него начинать отказывались. Ѣздилъ онъ выручать и въ такіе дома, гдѣ до того ни разу не былъ, а такъ какъ иногда не легко было его затащить къ новымъ знакомымъ, и случалось, иные по долгу искали случая познакомиться съ нимъ, то явилась возможность использованія этой готовности брата выручать и съ другой стороны: одинъ человѣкъ, желая быть пріятнымъ другому, говорилъ:

— Пріѣзжайте къ намъ въ четвергъ: шекспиристы будутъ эту... галиматью свою ломать...

— Ну, это мнѣ не интересно...

— Постойте,—Владиміръ Соловьевъ тоже будетъ—

— Играть?

— Нѣтъ, въ публикѣ, для ободренія актеровъ: ему нравится и все время смѣется, знаете, этимъ своимъ смѣхомъ.

Декорацій для галиматьи не полагалось никакихъ, а передъ поднятіемъ занавѣса въ слегка раздвинутые половины просовывалась голова младшаго Лопатина, обладавшаго бездоннымъ комизмомъ, и онъ произносилъ, напримѣръ, слѣдующее:

Знаю, знаю, что вы спросить хотите,
И не жду вашего вопроса—
Дѣйствіе—на Критѣ
У царя Миноса.

Въ Тезеѣ, между прочимъ, дѣйствовалъ старецъ Тимофей, отъ старости начавшій уже впадать въ дѣтство и поэтому поступавшій иногда совершенно ни съ чѣмъ несообразно; такъ, напримѣръ, онъ вдругъ появляется на собраніи въ Аѳинахъ рѣшительно безъ всякаго одѣянія (устроено это было очень искусно и вполнѣ пристойно); потомъ, со стыдомъ прогнанный, является во фракѣ, чтобъ показать, что онъ умѣетъ быть и передовымъ человѣкомъ. Одинъ изъ аѳинянъ, объяснявшій что-то важное гражданамъ, махнувъ на него рукой, замѣчаетъ:

Онъ близокъ къ сумасшествію—
Ему уже лѣтъ двѣсти...

Герольдъ, прерывая:

Торжественное шествіе
Пройдетъ на этомъ мѣстѣ.

Этотъ же старецъ Тимофей вдругъ появлялся съ книгой Гомера въ русскомъ переводѣ и, выйдя на авансцену, дребезжащимъ голосомъ начиналъ читать по складамъ.—Досада, недоумѣніе, негодованіе другихъ дѣйствующихъ лицъ, которымъ онъ мѣшаетъ; а хоръ въ то же время добродушно-радостно, хоть и не безъ нѣкоторой насмѣшки, восклицалъ:

Ахъ, какой чудной старикъ!—
Позабылъ родной языкъ,
Выдумалъ иную моду,—
Сталъ слѣдить по переводу.

Когда царь Эгей ждетъ возвращенія Тезея, онъ велитъ подать себѣ подзорную трубу и смотритъ въ нее, и старецъ Тимофей, зайдя съ противоположной стороны, глядитъ въ нее съ другого конца. Эгей, конечно, ничего не видитъ и вдругъ на мотивъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ" затягиваетъ: „ничего въ волнахъ не видно". Подъ конецъ пьесы онъ горестно заявляетъ: „Ну, теперь мнѣ ничего больше не остается, какъ броситься въ Эгейское море".

На каждомъ представленіи этихъ двухъ вещей братъ хохоталъ такъ, что не только съ лихвой восполнялъ молчанье иногда и большей части публики, но актерамъ приходилось иногда прерывать игру. Надо сказать, что актеры были хоть куда по свидѣтельству лучшихъ артистовъ, орловъ тогдашняго Московскаго Малаго театра, и самыхъ строгихъ театральныхъ судей и критиковъ.

Тѣмъ не менѣе многіе не могли понять, какъ можетъ братъ такъ ужъ восхищаться подобными представленіями, и когда замѣчали ему это, онъ говорилъ:

— У всякаго свой вкусъ — кто любитъ ананасъ, а кто и свиной хрящъ; по вашему—у меня дурной вкусъ, не стану спорить, хотя свиного хряща совсѣмъ не люблю, а ананасъ — очень; тѣмъ не менѣе театровъ вашихъ не признаю, а это одобряю до чрезвычайности.

Но не одно одобреніе заставляло его ѣхать на Тезея каждый разъ, какъ его просили: ему крайне трудно было не исполнить просьбы, огорчить друзей отказомъ.—„Это ужъ было бы свинство", сказалъ бы онъ въ подобномъ случаѣ о себѣ, равно какъ и о всякомъ другомъ. Отказывать кому бы то ни было въ просьбѣ брату вообще было трудно. Помню, зайду иногда къ матери (случалось это послѣдніе 7-8 лѣтъ его жизни)—

Володя нездоровъ сегодня, горестно шепчетъ она, въ три часа всталъ, такой желтый, надо бы непремѣнно бумажку къ звонку, что не принимаетъ, а то пойдутъ теперь одинъ за другимъ...

Слышно—отворяется изъ комнаты брата дверь, размашистые, крупные шаги, входитъ къ намъ, пріостановился, сощурился на меня, потомъ улыбнулся, подошелъ ко мнѣ, наклонившись, коснулся головой моей головы, поцѣловалъ въ воздухъ.

— Въ первую минуту не узналъ тебя (братъ былъ крайне близорукъ, но никогда не носилъ ни очковъ, ни пенснэ); пожалуйста, мама, если кто—ко мнѣ, не вздумайте сказать, что меня нѣтъ дома. По лицу вашему вижу, что у васъ былъ этотъ злой умыселъ.

— Но, Володя, ты же нехорошо себя чувствуешь; могутъ хоть на одинъ день оставить тебя въ покоѣ. Позволь хоть Ф. не принимать, а то онъ какъ придетъ, такъ и будетъ сидѣть безъ конца; знаешь его манеру.

— У каждаго человѣка, мама, свои манеры, и у Ф. вовсе не плохія, бываютъ хуже. И вотъ именно его-то я и жду и пришелъ предотвратить ваши козни.

— Но можетъ же онъ притти другой разъ, когда ты будешь лучше себя чувствовать.

— Нѣтъ, не можетъ, потому что *ему нужно видѣть* меня именно сегодня, поймите это.

— Я понимаю, но...

— А въ такомъ случаѣ дальнѣйшее словоизверженіе совершенно излишне. И, пославъ мнѣ рукой поцѣлуй, братъ медленно удалялся, но въ дверяхъ останавливался.—Мама, даю вамъ честное слово, что если вы Ф. не примете, я сегодня же переѣду въ гостиницу.

Угроза гостиницей на этотъ разъ была не очень серьезна, тѣмъ не менѣе мать видѣла, что не принять Ф. нельзя. И такъ бывало много разъ. Самъ заводить новыя знакомства онъ не любилъ, слылъ у нѣкоторыхъ за нелюдима, за дикаго, но когда бы и кто бы къ нему ни пришелъ, онъ былъ со всякимъ внимателенъ и отъ души любезенъ, будь то важное, извѣстное лицо или полуграмотный сапожникъ. И когда у него просили, что, давалъ все, что имѣлъ, безъ расчету и удержу. Давалъ свое время и знанія, кормилъ и поилъ (когда жилъ въ Петербургѣ — въ гостиницѣ), давалъ книги, платье и бѣлье, давалъ деньги, часто все, что имѣлъ, буквально до послѣдней копейки. И случалось такъ: извѣщаетъ братъ, что тогда-то пріѣзжаетъ (постояннаго мѣстожительства у брата не было: не считая его поѣздокъ куда-нибудь подальше, на болѣе или менѣе долгіе сроки, онъ жилъ или въ Петербургѣ въ гостиницѣ, или въ Москвѣ у

матери [1]); лѣтомъ часто гостилъ у друзей); комната его приготовлена, приходитъ и проходитъ назначенный срокъ, нѣтъ брата. Проходитъ еще день, два, не пріѣзжаетъ. Наконецъ — телеграмма: здоровъ, пріѣхать не могу подробности письмомъ. Обыкновенно письма съ подробностями послѣ телеграммъ никогда отъ брата не получалось, это была его манера почти никогда не писать, находя это излишнимъ, а въ крайнихъ случаяхъ или въ высокоторжественные дни именинъ и тогда посылать телеграммы, всегда неизмѣнно кончавшіяся словами: „подробности письмомъ". Но на этотъ разъ письмо пришло; братъ сообщалъ, что пришелъ къ нему одинъ малоимущій человѣкъ и за невозможностью помочь ему деньгами, по причинѣ ихъ полнаго отсутствія, пришлось отдать шубу, отъ поѣздки же въ Москву—отказаться, такъ какъ въ легкомъ пальто это не совсѣмъ удобно въ виду рождественскихъ морозовъ.

Многіе укоряли брата за его чрезмѣрную щедрость, иные даже находили, что это вовсе и не щедрость, а только желаніе прослыть щедрымъ, то же исканіе славы и популярности, тѣмъ болѣе, что очень легко быть щедрымъ, зная что мать, сестра или еще кто не дадутъ ни голодать, ни безъ шубы зимой сидѣть; нѣкоторые находили даже, что въ сущности это не только не показываетъ доброты или щедрости, а просто—гадость: все свое отдать и часто безъ разбору первому попрошайкѣ, который еще можетъ сейчасъ же все спустить въ кабакѣ, а потомъ у другихъ брать. Простой смертный такъ сдѣлаетъ, скажутъ—чужими руками жаръ загребаетъ, а Соловьеву прощается.

Правда, что часто и мать, и сестра, а иногда и чужіе по крови, но близкіе по отношеніямъ, выручали брата; иногда узнавали стороной, что, напримѣръ, Володя отдалъ новую пару, и теперь у него только его старый престарый пиджакъ, въ которомъ и у себя въ комнатѣ не очень удобно быть, а выйти положительно никуда невозможно, въ карманѣ же 20 к.; иногда самъ братъ просилъ дать ему заимообразно и у своихъ, и у чужихъ. Знаю, что старшая незамужняя сестра ему никогда не отказывала, но знаю также, что, получивъ деньги (братъ работалъ много и получалъ немало), онъ тотчасъ расплачивался съ долгами, раздавалъ просившимъ, иногда, если выходилъ особый случай, устраивалъ друзьямъ обѣдъ или ужинъ, любилъ угощать, если кто заходилъ къ нему въ гостиницу, и обыкновенно скоро оставался безъ копейки до слѣдующей получки. Тутъ-то вотъ и приходилось ему отдавать вещами, если обращался къ нему кто неимущій. Быть можетъ, случалось ему изрѣдка и не вернуть

---

[1]) Когда мать переѣхала въ Петербургъ, братъ имѣлъ всегда въ Москвѣ комнату у старшей, незамужней сестры.

долга сестрѣ, отъ которой ему легко было принять и подарокъ, допускаю даже, что онъ умеръ, не вернувъ долга и кому изъ знакомыхъ, которымъ онъ по его полному убѣжденію не принесъ этимъ сколько-нибудь существеннаго урона, но заподозрить брата въ томъ, что таковое отношеніе его къ деньгамъ и вообще имуществу было исканіемъ славы или популярности могли только люди совершенно его незнавшіе, со стороны же знавшихъ его это—неудавшаяся попытка пошутить и больше ничего. Вѣдь славы и популярности жаждутъ тысячи и тысячи людей, отчего же всякій, не щедрый, въ погонѣ за ними скорѣй согласится на очень рискованный и некрасивый поступокъ, чѣмъ хоть разъ разстаться съ нужными вещами или тѣмъ болѣе деньгами, столь безконечно милыми сердцу всякаго нещедраго, братъ же съ ними разставался всегда, всю жизнь по первой просьбѣ иногда незнакомаго человѣка; чѣмъ больше получалъ, тѣмъ больше давалъ. Надѣялся, что выручатъ? Но выручали все же не всегда, даже и близкіе иногда просто не могли, иногда братъ скрывалъ свое безденежье и, если только къ нему въ это время не обращались за помощью, переносилъ его съ самымъ легкимъ сердцемъ, такъ какъ лично для себя былъ баснословно нетребователенъ; случалось ему знавать и нужду, и онъ потомъ, разсказывая объ ней, заливался безудержнымъ радостнымъ смѣхомъ, потому что у матери было ужъ очень выразительно скорбное лицо. Нахохотавшись, братъ съ лаской протягивалъ къ ней руку и говорилъ:

— Ну, успокойтесь, бѣдный мамантъ! И стоитъ ли дѣлать изъ-за всякаго вздора такое удрученное лицо. Увѣряю васъ, это совершенно неважно, къ тому же дѣло прошлое.

Помню разъ дѣтски, ликующее выраженіе лица брата, когда онъ сталъ вдругъ вытаскивать изъ кармановъ деньги и класть ихъ на газету.

— Смотрите, мама, какое у меня количество этого презрѣннаго металла. Только что получилъ въ редакціи... Больше, кажется, нѣтъ.—Онъ щупалъ карманы, запускалъ въ нихъ большой и указательный пальцы.— А, нѣтъ, вотъ еще, смотрите, смотрите, мама, вотъ и еще! Онъ съ радостнымъ изумленіемъ расширялъ и вновь сощуривалъ глаза.

— Да что жъ ты, не знаешь самъ, сколько у тебя денегъ, что такъ изумляешься?—И какъ это можно; прямо насыпалъ въ карманы!—Такъ легко потерять; спрячь лучше отъ грѣха подальше, да постарайся не спустить ихъ сейчасъ же.

— Вотъ именно.

— Что именно? Ахъ, Володя, это невозможно: самъ—Богъ знаетъ—въ какомъ костюмѣ, а деньги у тебя уходятъ, неизвѣстно куда.

— Ну, положимъ...

— Ничего не положимъ... Право, вотъ взялъ бы да и заказалъ себѣ хоть новый пиджакъ, а то просто срамъ.

— Успокойтесь, мама, вамъ волноваться вредно: къ завтрему же отъ этихъ денегъ у меня не останется ничего.

Мать всплескиваетъ руками, братъ разражается неистовымъ смѣхомъ.

— Да куда жъ ты столько?

— Нужно, мама, нужно. И кромѣ того, деньги для того только и существуютъ, чтобъ ихъ тратить.

— Если-бъ твой отецъ такъ разсуждалъ, твои сестры не имѣли бы ни копейки.

Братъ съ минуту молчитъ, издавъ носомъ звукъ, похожій, какъ если-бъ сильно втянулъ воздухъ; онъ это часто дѣлалъ, когда чувствовалъ досаду или смущенье. Отца братъ любилъ особо глубокой и нѣжной любовью и чтилъ свято его память.

— У меня, мама, кажется, нѣтъ не только пяти, но и ни одной дочери, и едва ли когда будетъ, а потому я, полагаю, имѣю право нѣсколько иначе распоряжаться своими деньгами; увѣренъ, что папа меня въ данномъ случаѣ одобрилъ бы.

— Ну ужъ нѣтъ, извини: папа никогда не швырялъ деньгами, какъ ты...

— И я не швыряю; развѣ вы когда-нибудь видѣли, чтобъ я швырялъ...

— Ну, не остри. А это одна твоя манера давать извозчикамъ въ пять—какое, въ десять разъ больше того, что слѣдуетъ.

— Что разумѣть подъ словомъ слѣдуетъ!—Я вотъ сейчасъ далъ извозчику изъ Гагаринскаго переулка (разстояніе, оплачивавшееся тогда 10—20 копейками) три рубля. Понимаете, это былъ совершенно несчастный извозчикъ,—у самого болятъ зубы, лошадь представляетъ недвижимое имущество, такъ онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, что я ему серьезно даю. Поймите: вѣдь онъ совершенно осчастливленъ этими тремя рублями. Мнѣ даже совѣстно стало...

Извозчикамъ братъ, дѣйствительно, давалъ несоразмѣрно много и плохимъ еще больше, чѣмъ хорошимъ: плохимъ труднѣе заработать. На лихачахъ же не ѣздилъ никогда. Свои извозчики, то-есть стоявшіе у насъ на углу, конечно, всѣ его знали, и только хлопнетъ наружная дверь, съ дикимъ крикомъ мчались къ подъѣзду. Были бы не прочь когда и подраться, но братъ объявилъ, что тогда не станетъ съ ними ѣздить, и что нужно соблюдать очередь. Случалось ему и подолгу должать извозчикамъ, но они отъ этого, конечно, ничего не теряли. А пріѣдетъ онъ откуда и

начнетъ расплачиваться, вытащитъ кошелекъ и роется, роется въ немъ безъ конца; если вечеръ, пойдетъ подъ фонарь, разсматриваетъ каждую монету, прищуривается. Всякій незнающій, увидѣвъ его такъ, подумалъ бы: вотъ боится выронить или ошибиться и дать больше хоть копейкой, скряга! Но братъ при своей разсѣянности и близорукости поступалъ такъ потому, что всегда боялся не додать.

Помню, также поражало меня всегда удивительно внимательное, до послѣдней степени деликатное отношеніе брата къ прислугѣ, а также ко всѣмъ маленькимъ людямъ. Среди послѣднихъ встрѣчались люди маленькіе не по положенію своему, а просто потому, что ужъ очень были незамѣтны, скучны, такъ что ими всѣ тяготились. Братъ и къ таковымъ всегда относился съ особымъ вниманіемъ, боялся забыть поздороваться или проститься, а если подобное и случалось, благодаря его близорукости и разсѣянности, отыскивалъ данное лицо и горячо и чистосердечно извинялся.

— Если я нечаянно не окажу почтенія важной особѣ или мнящей себя таковой, и она за это обругаетъ меня свиньей и нахаломъ, мнѣ все равно, но если маленькій, скромный, да еще, избави Господи, забитый человѣкъ сочтетъ себя обиженнымъ мной, это—мерзость, которой я себѣ не прощу, съ такими надлежитъ быть особенно деликатнымъ—тутъ ужъ ни на разсѣянность, ни на близорукость ссылаться нельзя.

По воскресеньямъ съ незапамятныхъ временъ у родителей, потомъ у матери бывали фамильные обѣды, на которые собирались родственники; въ числѣ послѣднихъ присутствовалъ иногда такой маленькій, судьбой обиженный человѣкъ, садившійся всегда на самое скромное мѣсто и во все время обѣда не рѣшавшійся произнести слова. Если братъ когда опаздывалъ къ обѣду, онъ, видя уже всѣхъ за столомъ, садился на свое мѣсто, не здороваясь—свои люди—не взыщутъ, но сѣвъ, сосредоточенно щурился и внимательно осматривалъ всѣхъ присутствующихъ,—нѣтъ ли такого маленькаго человѣка; и если находилъ, на всю комнату привѣтствовалъ его съ безконечно доброй, ласковой улыбкой и прибавлялъ:

— Ради Бога, простите, что я съ вами не поздоровался, но я такъ опоздалъ, что не хотѣлъ еще задерживать.

И въ буквальномъ смыслѣ маленькихъ, то-есть дѣтей братъ очень любилъ, и дѣти отвѣчали тѣмъ же и шли къ нему съ полнымъ довѣріемъ; и не только шли, а часто лѣзли, приставали. Онъ иногда дѣлалъ нарочно страшные глаза и ехидно зловѣщимъ тономъ говорилъ пристававшему малышу:

— И не подходи, и не подходи!—Ссокрррушу!—и вдругъ поднималъ голосъ до дикаго крика и рева, но не только ничѣмъ этимъ не пугалъ малышей, а напротивъ возбуждалъ въ нихъ проявленіе бурной веселости, такъ какъ они чуяли въ этомъ, какъ и должно, только инте-

ресную игру въ пуганье. Но когда шалости и приставанье чрезмѣрно затягивались, или братъ узнавалъ что такой-то и такой-то младенецъ или младенцы чѣмъ-либо удручаютъ родителей и прочихъ взрослыхъ, обреченныхъ на близкія сношенія съ ними, онъ обращался къ сосѣду или сосѣдкѣ и негромко, но убѣжденно и увѣщевательно говорилъ: „выпьемъ за добраго царя Ирода". Иногда же не обращался ни къ кому, а, поднявъ стаканъ, очень рѣшительно и очень громко заявлялъ: „пью за добраго царя Ирода!"

Деликатное и заботливое отношеніе брата къ прислугѣ доходило иногда до чудачества, только вполнѣ искренняго: если когда была ему нужда послать за чѣмъ-нибудь горничную или лакея, онъ не только давалъ всегда на извозчика и гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, но и справлялся о состояніи здоровья посылаемаго,—„можетъ, слишкомъ скверно на дворѣ, а вамъ нездоровится?"

— Да нѣтъ, Владимиръ Сергѣевичъ, я сейчасъ схожу, пожалуйста.

— Но мнѣ совѣстно, Алексѣй, васъ посылать—вонъ повалилъ снѣгъ, а вы кашляете.

— Да это самые пустяки, что я кашляю: ноги, вѣрно, промочилъ.

— Какъ, промочили, почему?

— Да калоши теплыя износились, а новыхъ еще не завелъ.

Братъ зашагалъ къ матери и заговорилъ взволнованно съ разстроеннымъ лицомъ:

— Послушайте, мама, нельзя ли послать Дарью?—Мнѣ совершенно необходимо, а у Алексѣя нѣтъ калошъ.

— Дарьѣ некогда, и какія тамъ калоши? Слушаешь все, что онъ тебѣ же наскажетъ.

— Ахъ, мама! Пойми же, онъ кашляетъ, а калоши худыя.

— Онъ вѣчно кашляетъ, меньше бы пилъ, меньше бы кашлялъ.

— Володя! доносится изъ комнаты старшей сестры ея насмѣшливо подзадоривающій голосъ, я тебѣ совѣтую послать Алексѣя въ каретѣ, а потомъ растереть ему ноги уксусомъ.

— Вздоръ, говоритъ братъ и смѣется. А черезъ минуту съ дѣтски-смущеннымъ лицомъ идетъ къ себѣ, ищетъ по всѣмъ карманамъ, разсматриваетъ, пересчитываетъ деньги, наконецъ, опять зоветъ Алексѣя.

— Такъ вотъ что, Алексѣй: прежде чѣмъ отправляться, куда я сказалъ, заѣзжайте и купите себѣ калоши, вотъ вамъ на калоши и вотъ еще прибавить извозчику за заѣздъ.

— И для чего ты это опять сдѣлалъ? сказала мать, узнавъ о финалѣ исторіи съ калошами,—вѣдь онъ же тебя обманываетъ.

— Какъ вамъ не стыдно, мама! Эдакая у васъ подозрительность!

Увы, подозрительность матери оказалась болѣе, чѣмъ основательной.

Алексѣй, жившій у насъ много лѣтъ, и которому мы всѣ довѣряли, въ крупномъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, искусно, систематически насъ обкрадывалъ и кончилъ тѣмъ, что взялъ у брата со стола 500 рублей, на которые тотъ долженъ былъ ѣхать за границу. Братъ разсказывалъ намъ потомъ, какъ это случилось.

— Въ домѣ, кромѣ меня и Алексѣя, никого не было, я сказалъ ему, что на минуту поѣду проститься, затѣмъ вернусь за чемоданомъ. Спустившись уже съ лѣстницы и вспомнивъ, что оставилъ деньги на столѣ, рѣшилъ, что лучше вернуться и положить ихъ себѣ въ карманъ. Не потому, чтобъ я не довѣрялъ Алексѣю, вы знаете, что до этого несчастнаго случая я ему довѣрялъ безусловно, но я люблю деньги имѣть при себѣ, и потомъ никогда не слѣдуетъ искушать одного изъ малыхъ сихъ. Когда я поднялся, дверь въ переднюю не была заперта, я вошелъ безъ звонка; иду въ свою комнату, Алексѣй тамъ что-то убираетъ. Увидавъ меня, онъ вскрикнулъ, поблѣднѣлъ и весь затрясся, очевидно, онъ только что взялъ деньги, никакъ не ожидая, что я тотчасъ вернусь, оттого, увидавъ меня, и испугался такъ. Я же испугался не меньше его, и разумѣется, мнѣ не денегъ было жаль, это ужъ второстепенное, а ужасно вдругъ увидать въ человѣкѣ этотъ чисто-животный страхъ быть уличеннымъ въ мерзости. Однако, у меня еще была надежда, что онъ сознается, и тогда все спасено. Денегъ на столѣ, само собой, не оказалось. Тогда я сталъ просить Алексѣя сознаться, побожившись въ такомъ случаѣ никому никогда не обмолвиться объ этомъ ни словомъ. Просилъ его, заклиналъ, умолялъ. Такъ страшно мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ только сознался, что, умоляя его, я чуть не плакалъ и съ радостью отдалъ бы ему и всѣ эти деньги. Онъ сначала, совершенно потрясенный, и отъ страху потерявъ голову, бормоталъ что-то нескладное и невнятное, но какъ только побожился, такъ окончательно осатанѣлъ и сталъ громко и нахально меня же укорять, что я взвожу на него напраслину. Тогда я почувствовалъ къ нему уже не состраданіе, а полное омерзѣніе, и стало мнѣ крайне скверно. По счастью, въ эту самую минуту пріѣхалъ Миша (младшій братъ, съ которымъ Владимиръ былъ особенно друженъ), и съ его помощью Лихутинскій домъ (мать жила въ немъ до переѣзда въ Петербургъ) былъ очищенъ отъ Алексѣя. То-есть, онъ забралъ свои и не свои пожитки и уѣхалъ, такъ какъ братъ и слышать не хотѣлъ, чтобъ задержать его и пригласить полицію, что бы слѣдовало сдѣлать, такъ какъ, когда онъ передъ тѣмъ хныкалъ и причиталъ, что вотъ, молъ, до чего пришлось дожить, младшій братъ предложилъ ему открыть сундукъ, и тутъ выяснилось, что, хоть денегъ въ немъ не нашлось—очевидно, были на самомъ Алексѣѣ,—тѣмъ не менѣе оказалось не мало вещей, несомнѣнно не ему принадлежащихъ, какъ-то:

тома Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, серебряная ложка съ вензелемъ матери и т. д.

Вспоминая эту печальную исторію съ Алексѣемъ, братъ говорилъ, что вначалѣ онъ еще нѣтъ, нѣтъ, да и подумаетъ: а вдругъ онъ возьметъ, да и явится съ повинной,—„какъ бы это было хорошо!“ Но потомъ эту надежду потерялъ.

— И главное, столько лѣтъ у насъ жилъ, я былъ увѣренъ, что онъ такъ былъ привязанъ къ папа и намъ всѣмъ, и вдругъ... говорилъ братъ съ глубокимъ и горестнымъ изумленіемъ, такъ какъ особенно страдалъ отъ малѣйшей измѣны вѣрности и дружбѣ и самъ исключительно и глубоко сильно чувствовалъ благодарность за всякую и небольшую услугу.

Помню, какъ разъ онъ былъ тронутъ, что хорошій знакомый, съ которымъ онъ былъ даже на ты, привезъ его домой послѣ одного товарищескаго ужина, гдѣ братъ излишне выпилъ, такъ что рисковалъ не найти своего дома.

— Въ такомъ мерзостномъ видѣ, въ какомъ я былъ, онъ ухаживалъ за мной, какъ самая добрая нянька, спасибо ему, и тебѣ, Надежда, спасибо, но ты сестра.

— Да какъ же можно иначе? Онъ вполнѣ владѣлъ собой и, понятно, не могъ тебя оставить въ такомъ видѣ, всякій такъ бы поступилъ.

— Ну нѣтъ, мама, не говорите, не всякій, и далеко не всякій.

Братъ глубоко вздыхалъ, и въ глазахъ его было большое страданіе. Потомъ я узнала, что на этотъ разъ онъ и до такого мерзостнаго вида себя допустилъ потому, что убѣдился въ несовершенномъ безкорыстіи чувства и въ небезупречной вѣрности друга, которому самъ раньше вѣрилъ безусловно. Подобныя вещи трудно ему было принять; и когда дѣло касалось лично его, онъ, переболѣвъ душой измѣну, прощалъ и самъ оставался вѣренъ и неизмѣненъ, но за другихъ не прощалъ и безпощадно громилъ и клеймилъ подобные поступки.

Вообще я замѣчала, что какъ ни казался иногда братъ ушедшимъ въ свой отдѣльный отъ окружающей его обычной жизни міръ, задумавшимся минутами такъ, что казалось не видитъ и не слышитъ ничего, что творится кругомъ, бывало это и за обѣдомъ, и за чаемъ, онъ въ то же время вдругъ услышитъ что-нибудь даже сказанное тихо, къ немалому изумленію сказавшаго. И вдругъ крикнетъ: „какой вздоръ“! или: „вы опять злословить, перестать сейчасъ“! А если заинтересуется узнать подробнѣй, переспроситъ; прослушавъ, еще скажетъ: „вы это знаете навѣрно, убѣждены“? И, въ случаѣ подтвержденія, поморщится.

— Ну, это ужъ мерзость, мерзость запустѣнія.—Нравственное мове-

тонство!—А если внѣшнее моветонство трудно переносимая вещь, какова же гнусность моветонство внутреннее! Это—ужасъ!

А иногда сидитъ совсѣмъ мрачный, удрученный и тоже, кажется,—душой отсутствующій, услышитъ что-нибудь или о комъ-нибудь хорошее, и вдругъ скажетъ слово одобренія, и все лицо разомъ просвѣтлѣетъ. Другой разъ уловитъ удачную остроту и улыбнется, и вотъ ужъ самъ остритъ и смѣется.

Къ одной изъ чертъ брата, глубокотрогательныхъ, надо отнести и его удивительную терпимость, которой я поражалась еще въ дѣтствѣ. Бывало, разсердишься, вскипишь и крикнешь: „это идіотство такъ разсуждать, ничего не понимаете, какая чушь“!

— Что-жъ, ты лучше всѣхъ понимаешь?—Конечно. Но каждый разъ, какъ при братѣ возникали подобныя несогласія, споры, одинъ громилъ другого, готовъ былъ съѣсть за несогласіе, раздавался его голосъ: „ты такъ думаешь, а она эдакъ. Докажи, что она ошибается, а не хорохорься по пустому“.

Брату было важно одно: *искренно* ли человѣкъ думаетъ, и одного онъ не могъ принять совсѣмъ—это фальши и лжи.

— Мама, если онъ такъ думаетъ?—Ну, а если ей такъ кажется, я въ данномъ случаѣ совершенно одного съ вами мнѣнія, ну, а... Д. противуположнаго; если намъ удастся разубѣдить, хорошо, а нѣтъ, онъ будетъ думать, что правда на его сторонѣ... Мало ли, что кому кажется! Но если искренно кажется, это то же самое. Предоставьте каждому свободно думать, какъ и что хочетъ, и свободно выражать.

Искренняго и горячаго противника своего въ самыхъ святыхъ для него вопросахъ вѣры братъ могъ любить, неискренняго и неубѣжденнаго единомышленника ненавидѣть. Вспоминается мнѣ рефератъ, который онъ прочелъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, и послѣ котораго публичная рѣчь окончательно была ему запрещена.—„Будетъ говорить на религіозную тему, ахъ, если-бъ разгромилъ безвѣріе! А то столько развелось теперь безбожія и беззаконія“, говорили или думали съ вожделѣніемъ вѣрующіе, христіане, всѣ живущіе по закону, и заранѣ потирали руки.

Залъ былъ переполненъ, яблоку негдѣ упасть. Соловьевъ вышелъ; блѣдный, тихій, печальный, смотритъ передъ собой чуть-чуть прищурившись, но вотъ приподнялъ голову, всегдашнимъ жестомъ откинулъ со лба волосы, заговорилъ, сначала не громко, потомъ голосъ все крѣпъ, могучей, мягко-звенящей волной перекатывался по залѣ, вольно, легко разливаясь до самыхъ дальнихъ концовъ и угловъ. Широко раскрытые глаза горятъ, лицо вдохновенно и все словно свѣтится. Соловьевъ громитъ, голосъ ростетъ и, кажется, одинъ этотъ человѣкъ въ залѣ, одинъ звукъ на-

полняетъ весь воздухъ кругомъ—его голосъ. Соловьевъ громитъ беззаконіе... власть имущихъ законниковъ, безвѣріе вѣрующихъ и христіанъ, бьющихъ себя въ грудь и смиренно и самодовольно произносящихъ: Господи! благодаримъ тебя, что мы—не какъ эти прочіе мытари и грѣшники, послѣ чего спокойно предаются радостямъ жизни, въ которой каждодневно распинаютъ Христа. Онъ прославляетъ невѣрующихъ, которые, не вѣря, горятъ любовью и сгораютъ за другихъ; тѣхъ беззаконниковъ, которые, попирая законы человѣческіе, блюдутъ, хотя бы и не сознавая въ горячности своей, законы Бога. Ибо къ таковымъ невѣрующимъ и къ тѣмъ вѣрующимъ относятся слова Христа: не всякъ, говорящій мнѣ „Господи, Господи"! войдетъ въ царствіе небесное, но творящій волю отца моего.

Оправдалъ, изобличилъ, разгромилъ и пошелъ съ эстрады медленно, чуть сгорбившись, приглядываясь и щурясь, чтобъ не толкнуть кого, не наступить кому на ногу въ эдакой давкѣ.

Взрывъ бѣшеныхъ аплодисментовъ съ одной стороны, несмѣлое, невнятное шипѣнье съ другой.

— Пророкъ, пророкъ! Горѣлъ весь самъ, какъ говорилъ; такъ и жегъ каждымъ словомъ. А лицо-то, что за красота! Да за однимъ такимъ лицомъ и голосомъ пойдешь на край свѣта.

— Что онъ, съ ума сошелъ?—Хорошъ вѣрующій!—За атеистовъ и всѣхъ подобныхъ заступается... Противъ правительства, противъ законнаго порядка... Юродствуетъ, оригинальничаетъ, популярности среди этихъ, красныхъ, ищетъ... Черезчуръ смѣлъ,—надо бы ему ротъ закрыть...

И закрыли.

Я ужъ сказала выше, какъ брату трудно было отказывать принять, кто бы ни пришелъ къ нему съ своей нуждой, такъ что иногда, когда особенно неудобно было отрываться въ неопредѣленные сроки отъ работы, онъ уѣзжалъ въ любимую имъ Финляндію; въ этомъ я убѣдилась разъ на себѣ самой; переживалась полоса *безпричинной тоски*, и когда это непріятное чувство достигло крайнихъ предѣловъ, рѣшила пойти къ брату, хотя знала, что онъ какъ разъ усиленно надъ чѣмъ-то работалъ; можетъ, посовѣтуетъ что-нибудь, поможетъ. Стукнула, пріотворила дверь.—Пишетъ, пишетъ, чуть приподнялъ голову.

— Что такое?—Что надо?

Рѣшимость моя слабѣетъ: онъ, можетъ быть, въ эту минуту именно пишетъ какое-нибудь великолѣпіе, а я—съ своей безпричинной тоской...

— Да ну, что такое, наконецъ? Взглянулъ на меня, но, кажется, не увидалъ.

— Володя... я давно хотѣла... у меня тоска... ужасная...

Нѣсколько мгновеній въ полъ-оборота приподнятая ко мнѣ голова

неподвижна,—онъ точно или не понимаетъ, что я говорю, или не слышитъ, думая о другомъ; потомъ вдругъ, откинувъ со лба волосы, встаетъ, подходитъ ко мнѣ и близко вглядывается.

— О, Господи, что это за египетская физіономія!.. Ну, говори толкомъ, что тебѣ отъ меня нужно?

Мы сѣли на диванъ, и я кое-какъ разсказала свое дѣло. Онъ выслушалъ внимательно и ласково, сказалъ, что и съ нимъ это бываетъ, хотя все-таки причина тутъ есть, только мы ее не видимъ, посовѣтывалъ пробовать нѣкоторыя средства, къ которымъ и самъ прибѣгалъ, но далеко не всегда успѣшно, и тѣмъ не менѣе не видѣлъ еще тутъ достаточнаго повода, чтобъ искать крюкъ и веревку. Разговорилъ меня, ободрилъ и успокоилъ.

— Прости, пожалуйста, что я оторвала тебя отъ работы, мнѣ и совѣстно...

— Ну, вздоръ!.. А знаешь, вдругъ засмѣялся онъ, иногда эта безпричинная тоска имѣетъ причиной просто скверное состояніе желудка, я самъ это испыталъ, и, выйдя за мной изъ своей комнаты, онъ обнялъ меня за талію и сдѣлалъ нѣсколько туровъ по залѣ и гостиной.

Кстати, насчетъ желудка: братъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ, ѣлъ только, чтобъ не быть голоднымъ, хотя иногда, заработавшись, могъ терпѣть и чувство голода; не придавалъ ни малѣйшей важности вопросу о bonne chère и не выносилъ, чтобъ и другіе придавали, но ошибочно думать, что братъ былъ совершенно равнодушенъ ко всякой пищѣ въ смыслѣ отсутствія вкусовъ или болѣзненнаго отсутствія аппетита, совсѣмъ наоборотъ: онъ очень любилъ нѣкоторыя вещи, напримѣръ, сладкое, шоколадъ, фрукты и ягоды, особенно малину, только боялся очень червяковъ и просилъ—нельзя ли получше выбрать, но, понятно, самъ себѣ ни разу въ жизни не купилъ никакого лакомства, а когда давали, былъ доволенъ и ѣлъ очень охотно. Хотя у матери обѣдъ всегда заканчивался сладкимъ, садясь за шашки за послѣобѣденнымъ чаемъ, братъ говорилъ: „мама, нельзя ли чего-нибудь сладкаго?“ И мурлыча, и обдумывая ходы, истреблялъ этого сладкаго изрядное количество. Иногда, не глядя, протянетъ руку, а тарелка ужъ пуста.

— Хочешь еще? Я сейчасъ положу, говоритъ мать.

— Нѣтъ ужъ, это, кажется, будетъ чрезмѣрно.

— Чего тамъ чрезмѣрно, я тебѣ рябиновой пастилы дамъ, соблазняетъ мать.

Братъ вскидываетъ глаза на шифоньерку, гдѣ у матери всегда хранились удивительно вкусныя вещи, но, рѣшительно тряхнувъ головой, говоритъ умышленно строго:

— Оставьте, мама, я ужъ сказалъ, что истеребилъ достаточно, теперь ужъ это будетъ отъ лукаваго.

Помню, разъ въ Петербургъ пріѣхалъ братъ къ матери обѣдать, обѣдъ немного запоздалъ.

— Мама́, если сейчасъ не дадутъ ѣсть, со мной можетъ произойти что-нибудь печальное, ибо я съ утра ничего не ѣлъ (но утро брата начиналось очень поздно, обѣдать же должны были въ половинѣ шестого).

Мать засуетилась, пеняя на кухарку, что „всегда-то опоздаетъ“.

— Только ради Бога, мама, не вздумайте еще дѣлать ей выговоръ, она тутъ ровно не при чемъ и совершенно не виновата, если я голоденъ. И братъ принялся за черный хлѣбъ, съѣлъ все, что было положено для всеобщаго употребленія, и радостно заявилъ: „вотъ я и сытъ“.

Братъ былъ полувегетаріянцемъ, то-есть не ѣлъ мяса, но за этимъ же обѣдомъ онъ сознался, что очень долго видъ и запахъ мяса былъ ему крайне непріятенъ—такъ хотѣлось его, и особенно искушала ветчина. А многіе думали, что братъ совсѣмъ легко можетъ „питаться воздухомъ“, мясо же ему просто противно. И, дѣйствительно, порой приходилось ему бывать на пищѣ св. Антонія, и онъ при этомъ чувствовалъ себя легко, а потомъ разсказывалъ о подобныхъ періодахъ со смѣхомъ. А если мать ужасалась, говоря, что такъ онъ совсѣмъ уходитъ себя, братъ хохоталъ громче и говорилъ:

— Какой вздоръ! во-первыхъ, мама, я разсказываю это ради шутки, чтобъ увидать, какое вы при этомъ сдѣлаете лицо, во-вторыхъ, сколько разъ я вамъ говорилъ, что, главное, объ этомъ нужно какъ можно меньше думать, не то легко можно впасть въ омерзительный грѣхъ чревоугодія [1]); а вотъ если ужъ хотите, такъ сказать, вознаградить меня за прошлое недоѣданье, отъ чего я, впрочемъ, ни капли не пострадалъ, озаботьтесь, чтобъ сегодня вечеромъ было красное вино, ибо я жду Ф. И, видя при этомъ неожиданномъ заключеніи разочарованіе и смущеніе матери, заливался безудержно.

Да, ни противъ одного изъ видовъ чревоугодія братъ не погрѣшилъ ни разу въ жизни ни дѣломъ, ни мыслью, но въ употребленіи вина бывалъ иногда невоздержанъ, когда его угощали или онъ угощалъ другихъ по поводу какого-нибудь событія. Иногда просилъ у матери, чтобъ она ужъ такъ и быть разорилась для него на бутылку краснаго, но рѣдко; самъ

[1]) Грѣхъ чревоугодія, забота чрезмѣрная объ угожденіи чреву, какое угожденіе можетъ быть въ смыслѣ излишняго упитыванія его въ количественномъ отношеніи или, что то же, обжорство, и чревобѣсіе, угожденіе исключительно вкусовымъ ощущеніямъ чрева—гастрономія. Влеченіе исключительное къ опредѣленнымъ лакомымъ вещамъ могло носить и еще болѣе спеціальное названіе; такъ, когда брату хотѣлось сладкаго, онъ говорилъ: одержимъ сладкобѣсіемъ.

же, только для себя, денегъ на вино не тратилъ. Любилъ чай и могъ выпить невѣроятное количество; пилъ обыкновенно очень крѣпкій и безъ ничего, даже безъ хлѣба. Иногда заранѣе предупреждалъ, что будетъ пить много, и настоящаго чаю, а не помои, другой разъ пилъ и помои, не соглашаясь, чтобъ заставляли прислугу опять ставить самоваръ для новой заварки чаю.

Думается, что и нѣкоторое пренебреженіе брата къ туалету, которое иные, судившіе поверхностно, объясняли тѣмъ, что брату все равно, въ чемъ ходить, происходило ни какъ не отъ равнодушія его къ красотѣ одеждъ, а было того же происхожденія, какъ и мнимое равнодушіе его къ вкусовымъ ощущеніямъ.

— Послушай, Надя, сказалъ онъ разъ сестрѣ, нельзя ли какъ-нибудь, только поделикатнѣй, чтобъ не обидѣть, посовѣтовать И., чтобъ онъ не носилъ такихъ галстуховъ; ты должна это сдѣлать. И вообще онъ одѣвается нѣсколько моветонно, — братъ поморщился, точно услыхалъ скверный запахъ,—развѣ нельзя его въ этомъ исправить?

— Ну, знаешь, замѣтила мать, тебѣ не мѣшаетъ о собственномъ одѣяніи подумать: нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ ходить.

— Какъ такъ! Надѣюсь, вы не думаете, что я когда-нибудь бываю одѣтъ моветонно?

— Надо новую куртку сдѣлать,—на этой ужъ лица нѣтъ.

Братъ сталъ внимательно себя оглядывать.

— Развѣ курткѣ полагается имѣть лицо? тихо и недоумѣвающе-серьезно проговорилъ онъ. Я съ вами, мама, не согласенъ,—куртка, какъ куртка, и, чтобъ доказать вамъ это, сегодня же поѣду въ ней къ X. (называетъ одну изъ великосвѣтскихъ фамилій).

— Да ты ужъ не срамись, а хочешь этого непремѣнно, такъ хоть мнѣ-то, по крайней мѣрѣ, не говори.

Братъ разражается такимъ неистовымъ хохотомъ,—вотъ сотрясется потолокъ и рухнетъ лампа.

— И чего смѣется! Развѣ я неправду говорю? Не понимаю, какъ можно въ такомъ видѣ къ товарищу отправляться, а не только...

Хохотъ усиливается, заглушаетъ ея слова; наконецъ, въ перерывѣ братъ произноситъ:

— Увы, мама, какъ давно ужъ, значитъ, и въ сколькихъ газетахъ я посрамленъ разъ и навсегда.

— А еще недавно старушка А. мнѣ опять повторяла—вдругъ другимъ тономъ говоритъ мать—какъ бы она была счастлива, если-бъ ты хоть на минуточку къ ней заѣхалъ.

— Ну, вотъ видите, мама, какъ вы сами себѣ противорѣчите: при чемъ же тутъ моя куртка?

— Да какъ причемъ?... А ты все-таки съѣздишь какъ-нибудь къ А.?

— Непремѣнно, потому что я обѣщалъ.

— Такъ ужъ хоть къ ней-то надѣнь сюртукъ. И онъ плохъ, а все же приличнѣй.

Братъ какъ бы задумывается и глубоко вздыхаетъ.

— Ну, такъ ужъ и быть изъ уваженія къ вамъ, а также ради почтенныхъ лѣтъ А.

— Да есть ли у тебя галстухъ? Ты вотъ у другихъ замѣчаешь, а самъ совсѣмъ безъ галстуха ходишь.

— Да, этотъ предметъ мнѣ представляется почти безполезнымъ, и за рѣдкимъ исключеніемъ я его употребленіе упразднилъ. Но согласитесь, мама,—вѣдь вы все нападаете, что я плохо одѣваюсь — согласитесь, что собственно моветоннаго вы никогда на мнѣ ничего не видали.

— Да кто тебѣ про это говоритъ?..

— Ну, а это самое главное. И, значитъ, вы можете успокоиться и больше ко мнѣ съ этимъ не приставать.

— Но вѣдь всему бываетъ конецъ, и куртка твоя износилась до невозможнаго; никто изъ чужихъ тебѣ этого не скажетъ, а я должна: она кромѣ того, что мѣстами блеститъ и протерлась, она ко всему еще страшно грязная.

— Вздоръ, говоритъ братъ уже нѣсколько смущенно, можно еще скипидаромъ...

— Нѣтъ, ужъ я отказываюсь: ее больше скипидаръ не беретъ.

— Ну, такъ я самъ. А въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, можетъ быть, закажу новую.

— Еще только можетъ быть?

— Да, мама, навѣрно я вамъ этого сказать не могу. И братъ смотрѣлъ серьезно и озабоченно.

Присутствуя при подобныхъ сценахъ, душа моя ликовала: такъ упорно торговался изъ-за новой куртки, изъ-за галстуха или сапогъ человѣкъ, постоянно платившій четверныя суммы извозчикамъ, одѣлявшій прислугу, шарманщиковъ, нищихъ, отдававшій иногда совсѣмъ постороннему, а то и незнакомому неимущему послѣднія деньги, потому что „ихъ иногда этимъ прямо осчастливишь, для нихъ это—важно, а для меня—послѣднее дѣло“.

Но, отправляясь послѣ такой сцены куда-нибудь въ гости, братъ усиленно хлопалъ и трясъ свое платье, чтобъ стряхнуть съ него пыль,

затѣмъ поливалъ щедро скипидаромъ и искренно былъ убѣжденъ, что такъ, по крайней мѣрѣ, оно чисто и не моветонно, остальное неважно. Одна знакомая старая дама, вѣчно опасавшаяся за брата простуды, подарила ему огромный красный шарфъ, ею самой связанный. Вотъ обмотаетъ братъ этотъ шарфъ много разъ вокругъ шеи, концы болтаются нѣсколько странно, но и живописно; и такъ его характерная фигура и голова останавливали на себѣ вниманіе, а ужъ тутъ за версту узнаешь. Кто-то какъ-то подшутилъ надъ этимъ шарфомъ, найдя его вовсе некрасивымъ. Братъ обидѣлся за подарившую и съ негодованіемъ сказалъ:

— Если-бъ онъ и былъ не такого прекраснаго цвѣта, я бы все же носилъ его съ удовольствіемъ и благодарностью, потому что М. П. трудилась надъ нимъ, думая о моемъ здоровьѣ.

Скипидаръ братъ любилъ употреблять не только какъ пятновыводящее средство, но и какъ дезинфецирующее; къ числу его странностей надо отнести его страхъ заразиться исключительно дурной болѣзнью. Вообще онъ ничего не боялся, но къ этой болѣзни онъ чувствовалъ прямо паническій ужасъ. У насъ былъ знакомый, иногда приходившій и обѣдать, который казался нѣсколько подозрительнымъ по части состоянія своего здоровья, хотя сколько-нибудь положительнаго на этотъ счетъ никто о немъ не зналъ.

— Мама, какъ мнѣ быть? съ крайнимъ смущеніемъ сказалъ разъ братъ, — вдругъ Д. захочетъ со мной христосоваться? (Дѣло было на Пасхѣ).

— Ну такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ! Вы же знаете, какія у меня подозрѣнія на его счетъ.

— Пустяки, ничего у него нѣтъ, просто горло не совсѣмъ въ порядкѣ, а теперь ужъ и лучше гораздо.

— Ну, нѣтъ, это не пустяки, это — ужасъ.

— Какой тамъ ужасъ?

— Вы же сами раньше говорили, что подозрительно.

— Ну, а теперь больше не говорю.

— Вы безусловно увѣрены, что это такъ?

— Ахъ, Володя, да что я—докторъ, что ли, и онъ у меня лѣчился!

— Ну вотъ видите, мама, въ какое вы меня ставите невозможное положеніе!

— То-есть почему же это я тебя ставлю, скажи на милость?

— Да, какъ же не вы!—Онъ прежде всего вашъ знакомый, и, кромѣ того, вы, какъ хозяйка, должны были бы обо всемъ этомъ озаботиться, принять мѣры, ну, я не знаю, что именно... это ваше дѣло.

— Помилуй, Володя, что ты такое говоришь!...

— Не дѣлайте такого ужъ чрезмѣрно огорченнаго лица, не удержался и разсмѣялся братъ, но черезъ минуту продолжалъ попрежнему смущенно и серьезно: поймите — не могу я обидѣть человѣка, да еще гостя, да еще на Пасхѣ, если онъ пожелаетъ меня поцѣловать, а я—отъ него какъ отъ зачумленнаго.

— Такъ зачѣмъ же такъ — какъ отъ зачумленнаго?

— Ну, а если я заражусь, что вы тогда скажете? Каково это вамъ самимъ будетъ?

— Да почему же непремѣнно заразишься?... Вздоръ придумываешь, какъ же никто изъ насъ этого не боится!

— Вы, какъ женщины, находитесь въ превилегированномъ положеніи: онъ у васъ руку цѣлуетъ, это другое дѣло. Если-бъ онъ еще цѣловалъ на воздухъ, а то я замѣтилъ, что у него скверная манера цѣловать прямо въ губы.

Приходилъ Д., трижды цѣловалъ брата, и тотъ привѣтливо отвѣчалъ ему тѣмъ же, а потомъ незамѣтно исчезалъ въ свою комнату, чтобъ вымыться и облиться скипидаромъ.

Хоть братъ и выражалъ свое смущеніе матери полушутя, до извѣстной степени онъ страдалъ, принимая подозрительные поцѣлуи Д., хотя тотъ, конечно, опасности не представлялъ. А между тѣмъ въ другую Пасху довелось мнѣ стать очевидицей слѣдующаго: мы жили тогда въ одномъ изъ переулковъ Арбата, и окна нижняго этажа квартиры приходились совсѣмъ низко надъ землей; Пасха была поздняя, окна выставлены; вхожу въ столовую и вижу: окно настежь, братъ сидитъ на немъ спиной къ комнатѣ, спустивъ ноги за окно на тротуаръ и христосуется съ очень непривлекательнымъ на видъ, грязнымъ, пьянымъ нищимъ. А кругомъ собрались свои и не свои извозчики и съ большимъ утѣшеніемъ смотрѣли на эту сцену. Смѣялись громко и восклицали умиленно: „Ну, что-жъ это за баринъ за такой задушевный! Что это за Владиміръ Сергѣевичъ“.

Нищаго, конечно, братъ одѣлилъ и деньгами, яйцами, и вина ему поднесъ. На все это вышедшая въ столовую на шумъ и хохотъ мать смотрѣла очень кротко, не выражая ни малѣйшаго желанія къ какому бы то ни было противленію; но когда осмѣлѣвшій нищій захотѣлъ войти въ квартиру и полѣзъ въ окно, она рѣшительно запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я не хочу: пьяный, съ улицы...

— Только прошу васъ не оскорбляйте его ради праздника... говорите по-французски. О, почему онъ пьянъ? Онъ только слегка навеселѣ. Вы имѣете возможность иначе справлять праздникъ, а онъ, вѣроятно, нѣтъ...

Въ эту минуту нищій повелъ себя не совсѣмъ пріятно, и даже братъ хоть и со смѣхомъ, но принялся затворять окно.

— И вотъ съ такимъ ты цѣлуешься! Тутъ, дѣйствительно, какую угодно заразу можно схватить.

Пораженный, братъ широко раскрылъ дѣтски-испуганные глаза, потомъ смущенно заморгалъ и потянулъ носомъ воздухъ.

— Что же вы мнѣ раньше не сказали!... Впрочемъ, вздоръ, бладушно разсмѣялся онъ, съ какой стати! Ничего въ немъ похожаго нѣтъ. И зашагалъ по комнатѣ, задумчиво щурясь и напѣвая.

Думается, что вышеприведеннаго достаточно, чтобы показать, какъ много въ его страхѣ скверной болѣзни вмѣстѣ съ глубокимъ чувствомъ отвращенія и почти паническаго ужаса было и такъ свойственнаго ему искренне-дѣтскаго дурачества, въ родѣ того, какъ иногда дѣти сами себя пугаютъ букой. И меньше всего былъ онъ способенъ думать и заботиться о собственномъ здоровьѣ, потому и жизнь велъ очень негигіеническую работая иногда всѣ ночи напролетъ, такъ что, когда мы вставали, онъ только ложился, и порой забывалъ совершенно о пищѣ и отдыхѣ.

Такъ и вижу, какіе бы онъ сдѣлалъ огромные, совершенно не понимающіе глаза, если-бъ ему вдругъ сказали: „о Володя, а ты не думаешь, что вотъ это вредно, а то полезно?“ А въ слѣдующую минуту сказалъ бы: „что за вздоръ!“ и разсмѣялся бы такъ задушевно и заразительно, что и задавшій вопросъ отвѣтилъ бы тѣмъ же и усумнился бы: не сказалъ ли онъ, нравда, нелѣпость.

Братъ любилъ ходить и могъ ходить много, но прогулки дѣлалъ только лѣтомъ, когда случалось быть въ деревнѣ, или на дачѣ, въ городѣ же всегда, и даже на самое маленькое разстояніе, бралъ извозчика. На дачѣ любилъ уходить подальше, въ уединенныя мѣста, говоря, что во время такихъ прогулокъ хорошо думается.

Природу онъ любилъ глубоко и нѣжно, но на словахъ выражалъ это рѣдко. Помню, однако, два случая, когда меня поразило его лицо и тонъ, и я подумала: какъ онъ долженъ сильно чувствовать природу! Первый разъ это случилось зимой, мы вернулись изъ оперы и собирались пить чай; пользуясь случаемъ получить свой любимый напитокъ, братъ тоже пришелъ въ столовую и въ ожиданіи своего стакана подошелъ къ окну, незавѣшенному шторой, и словно застылъ передъ нимъ; за окномъ была тихая морозная ночь и полнолуніе. Лучистое, серебристо-голубое небо наверху, лучистый, серебристо-голубой снѣгъ внизу.

— Володя, пей чай, сказала старшая сестра, что ты тамъ стоишь? Отъ луны все равно не чихнешь.

Братъ не отвѣчалъ. Я подошла и заглянула: лицо у него было радостно и печально растроганное.

— Какъ хорошо! сказалъ онъ чуть слышно, какая удивительно прекрасная ночь! И черезъ минуту, взглянувъ на меня, прибавилъ громче: „пой Casta diva“!

Другой разъ это было лѣтомъ и гораздо позднѣе; я съ мужемъ и съ ребенкомъ жила въ деревнѣ. Вдругъ какъ-то ужъ близко подъ вечеръ, совершенно неожиданно, пріѣзжаетъ братъ. Дали ему чаю и малины, онъ объявилъ, что пока это вполнѣ достаточно, чтобъ не умереть съ голоду до ужина (цѣлый день ничего „не удалось“ поѣсть) и предложилъ пойти пройтись. Объяснили ему дорогу, и онъ пошелъ впередъ, такъ какъ мы съ мужемъ минуту задержались. Потомъ выходимъ изъ калитки, смотримъ на дорогу, гдѣ-жъ братъ?—А онъ поднялся на небольшой бугоръ съ краю дороги и стоитъ тамъ неподвижно, смотритъ въ даль. Окликнули, не отвѣчаетъ.

— Навѣрно, чѣмъ-нибудь зачарованъ, сказала я.

Взобрались тоже на бугоръ, подошли къ нему, онъ обернулся, и опять я увидала глубоко растроганное, радостно-печальное и свѣтлое, свѣтлое лицо.

— Какая удивительная тишина! Какая необыкновенная, великолѣпная тишина!—Слышите? проникновенно сказалъ онъ и, прислушиваясь, поднялъ въ воздухъ указательный палецъ правой руки.

Была дѣйствительно въ природѣ та полная и такъ много говорящая тишина, которая случается иногда теплыми вечерами конца лѣта передъ закатомъ солнца. *Тишина* звуковъ, *тишина* красокъ: ни яркаго свѣта, ни рѣзкихъ тѣней, день былъ сѣрый, и теперь все небо въ мягкихъ, пушистыхъ сѣро-бѣлыхъ барашкахъ; за ними туда къ западу, къ сторонѣ большого дальняго лѣса—солнце, но его не видишь, только чуешь,—оно еще покажется сегодня: недаромъ вонъ тамъ края сѣро-бѣлыхъ облаковъ чуть-чуть золотятся; но пока оно притаилось.

Постоявъ съ минуту, мы пошли къ полю, и братъ заговорилъ,—и серьезно, и шутя, и острилъ, и смѣялся, и опять говорилъ о важныхъ предметахъ, но время отъ времени прерывалъ свою рѣчь, останавливался и, поднявъ палецъ, негромко произносилъ: „но обратите вниманіе, какая тишина! какая совсѣмъ удивительная, великолѣпная тишина“!

Способность дурачиться, „какъ самый маленькій ребенокъ“, по выраженію Анны Кузьминичны, братъ сохранилъ всю свою жизнь; кромѣ того, были въ немъ самомъ такія смѣшныя странности, которыя давали поводъ уже другимъ подшучивать надъ нимъ; иногда было совсѣмъ нетрудно и раздразнить его, тоже совсѣмъ какъ маленькаго ребенка. Помню,

напримѣръ, какъ разъ онъ пришелъ въ полное отчаяніе, потому что ему показалось, что онъ потерялъ вязанный розовый башмачекъ съ ноги ребенка женщины, которую онъ любилъ, и отъ которой получилъ его въ подарокъ. Башмачекъ этотъ, какъ талисманъ, носилъ онъ въ боковомъ карманчикѣ жилета у груди, изрѣдка вынималъ, любуясь, смотрѣлъ на него съ улыбкой, иногда цѣловалъ и опять бережно пряталъ. Показывалъ его далеко не всякому, а кому довѣрялъ и то только въ болѣе радостныя минуты. И вотъ вдругъ хватается за грудь, въ карманчикѣ—пусто: драгоцѣнный башмачекъ исчезъ. Отчаянные возгласы, шарканье по комнатѣ, потомъ устремленье къ матери и старшей сестрѣ.

— Мама! Надежда! да что же это такое!—навѣрно вы опять вздумали безсмысленно шутить надо мной, пропалъ мой башмачекъ!

Мать молча только отмахивается руками, сестра изъ своей комнаты кричитъ: „глупости, глупости, и не думала брать,—довольно съ меня разу, неинтересно. Ищи хорошенько!“

Братъ опять бросается въ свою комнату, но черезъ нѣсколько минутъ возвращается, держа въ приподнятой правой рукѣ бережно, двумя пальцами розовый башмачекъ! На лицѣ и радость, и смущенье, и виноватость.—Двѣ капли воды видала я такое выраженіе на лицахъ младшей сестры и моихъ дочерей, когда онѣ были совсѣмъ, совсѣмъ маленькими.

— Ну, что я говорила! заявляетъ не безъ нѣкоторой обиды въ голосѣ сестра. Запрячетъ куда-то свое сокровище, а потомъ еще кричитъ.

— Не знаю, какимъ образомъ вдругъ очутился на диванѣ, недоумѣваетъ братъ.

— Ну, что-жъ ты такъ держишь? Чего добраго пыль сядетъ: цѣлуй скорѣй и прячь на сердце.

— Ддурища! смущенно и виновато смѣясь, какъ открылъ ребенокъ, изобличаемый въ чемъ-нибудь секретномъ, произноситъ братъ, но отвернувшись, производитъ точь-въ-точь то, что сказала сестра, и уходитъ къ себѣ.

Слова „ддурища“ и другія, несравненно болѣе сильныя ругательныя слова, братъ часто употреблялъ, какъ ласкательныя.

— Володя, сознайся, сколько словъ прочелъ изъ полученнаго вчера письма? спросила какъ-то та же сестра, когда мы сидѣли за завтракомъ, а только что вставшій братъ пилъ чай и читалъ газету. Онъ поднялъ голову, отвѣтилъ таинственно-серьезно „шесть“ и вновь наклонилъ голову къ газетѣ. Только свѣдущій человѣкъ замѣтилъ бы, что онъ при этомъ нѣсколько разъ осторожно коснулся рукой груди, гдѣ былъ боковой карманчикъ. Въ карманчикѣ—письмо: отъ той, которую исключительно любитъ. Получивъ такое письмо при комъ-нибудь, братъ, не распечатывая,

пряталъ его его въ карманъ и по этому маневру, да по выраженію просіявшаго лица присутствующіе догадывались, отъ кого письмо. Оставшись одинъ, братъ его распечатывалъ и, смотря по его длинѣ и нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, какъ напримѣръ, когда онъ разсчитывалъ получить слѣдующее отъ той же особы, или когда оно требовало отвѣта, читалъ за одинъ разъ по строчкѣ, по фразѣ, иногда даже по слову, и опять пряталъ письмо.

— Не понимаю, какъ это ты такъ можешь, сказала разъ сестра.

Братъ взглянулъ на нее съ глубокимъ удивленіемъ.

— Чего-жъ тутъ непонятнаго! Если-бъ я прочелъ все сразу, впереди не было бы никакого утѣшенья, а такъ я длю блаженство. Ну, а съ другой стороны, это учитъ и самообладанію.

— А отчасти немного есть тутъ и дури, ужъ признайся, посмѣиваясь замѣтила Анна Кузьминична.

Братъ разсмѣялся.

— Можетъ быть, ваша проницательность и тутъ видитъ вѣрно; можетъ быть. Во всякомъ случаѣ эта дурь мнѣ настолько прирождена, а для другихъ безобидна, что я имѣю намѣреніе остаться ей вѣрнымъ.

Когда братъ защитилъ диссертацію на доктора „Критика отвлеченныхъ началъ", и, получивъ экземпляры на веленевой бумагѣ, сталъ развозить ее друзьямъ и знакомымъ, онъ придумалъ три надписи: 1) „въ знакъ почтенья, а также для прочтенья"; 2) „пожалуй, для прочтенья, но больше въ знакъ почтенья"; 3) „отнюдь не для прочтенья, а только въ знакъ почтенья".

А когда мать замѣтила, что „какъ бы кто не обидѣлся на послѣднюю," братъ смѣясь отвѣчалъ: „мама, я не имѣю ни малѣйшей претензіи, чтобъ всѣ понимали мою книгу, о которой слышалъ, что нѣкоторые говорятъ, будто она написана умышленно неудобопонимаемымъ языкомъ. Моя первая обязанность избавить хорошихъ знакомыхъ, тѣмъ болѣе друзей, отъ столь непріятной и непроизводительной траты времени, какъ чтеніе подобной вещи. Между тѣмъ, какъ же мнѣ показать свое почтенье, и что мнѣ ни капли не жалко подарить книгу? Войдите же, наконецъ, въ мое положеніе"!

Необыкновенно ярко стоитъ передо мной образъ брата, какъ будто это было вчера, въ самые послѣдніе дни жизни нашего отца, во время его смерти и въ послѣдующіе за ней дни. Докторъ наканунѣ сказалъ, что отецъ не переживетъ ночи, но ошибся—отецъ жилъ еще весь слѣдующій день; мы всѣ безотлучно находились при немъ въ его комнатѣ. Въ столовой въ назначенные часы подавался завтракъ, и чай, и обѣдъ, блюда стояли, стыли и нетронутыя опять уносились въ кухню. Но вотъ около

семи часовъ вечера намъ всѣмъ показалось, какъ будто отцу стало нѣсколько лучше, и Анна Кузьминична уговорила насъ пойти въ столовую постараться хоть что нибудь съѣсть; съ отцомъ осталась мать и старшая, замужняя сестра, передъ тѣмъ уходившая къ себѣ и вновь пришедшая съ мужемъ. Ѣсть мы не могли, но стали пить чай, и братъ попросилъ, какъ можно крѣпче. Пили въ полномъ молчаніи, вдругъ братъ сказалъ: „а что, если наука ошибается, и папа останется живъ!"

Но въ эту минуту вбѣжалъ лакей, говоря, что мать зоветъ всѣхъ. Когда мы вновь окружили диванъ, на которомъ лежалъ отецъ, началась тихая агонія, длившаяся всего нѣсколько минутъ, и когда не стало слышно дыханія отца, ударили въ нашемъ приходѣ ко всенощной, такъ какъ это было наканунѣ праздника четырехъ святителей, а по небу пролетѣлъ огромный, рѣдко яркій метеоръ. Послѣ всенощной была у насъ панихида; позже, когда ужъ всѣ разошлись и наступила ночь, братъ сказалъ, что до утра не надо чтеца—онъ самъ будетъ читать надъ отцомъ. Младшій братъ и я вызвались чередоваться съ нимъ и не пошли къ себѣ, а остались въ залѣ и притворили дверь въ гостиную, чтобы чтеніе не было слышно въ жилыхъ комнатахъ.

— Было бы самое лучшее, если-бъ мама и другія могли хоть сколько-нибудь уснуть,—сказалъ братъ и пошелъ къ столу, на которомъ лежалъ отецъ, и сталъ читать. Послѣ него читалъ младшій братъ, потомъ я, потомъ опять Владиміръ. Когда онъ началъ читать, только на первыхъ словахъ голосъ чуть срывался, потомъ совершенно окрѣпъ, и читалъ онъ такъ проникновенно и хорошо, что становилось свѣтлѣй и легче и не такъ мучительно жаль тѣхъ, что въ это время такъ плакали у себя въ постеляхъ. Срокъ нашего чтенія братъ все сокращалъ, своего удлинялъ, а подъ утро положилъ мнѣ руку на плечо и очень грустно, но въ то же время очень рѣшительно сказалъ: „поди лягъ".

— А Миша?

— И Мишу скоро отправлю.

— Какъ же ты одинъ.

— Мнѣ ничего, я не усталъ.

Утромъ при первой возможности я встала и пошла въ залу,—тамъ уже читалъ дьячекъ изъ нашего прихода. Я спросила лакея о братѣ.

— Владиміръ Сергѣевичъ сію минуту только къ себѣ внизъ прошли (въ той квартирѣ братъ жилъ въ родѣ какъ бы въ подвальномъ помѣщеніи, гдѣ у него было полторы комнаты), а Михаила Сергѣевича все-жъ таки пораньше уговорили лечь отдохнуть. Да Владиміръ Сергѣевичъ и сейчасъ не легли: просили имъ холодной воды дать, голову мочили, теперь сѣли, не то читаютъ, не то пишутъ что-то.

Повернувъ опять въ дѣтскую, я въ коридорѣ столкнулась съ горничной Дарьей.

— А Владиміръ-то Сергѣевичъ, ангелъ небесный, какъ въ одну ночь съ лица измѣнились! Даже жалости подобно.

Къ утренней панихидѣ пріѣхала одна близкая наша знакомая; сначала сидѣла у матери, потомъ вышла зачѣмъ-то въ переднюю и, тихо плача, говорила Аннѣ Кузьминичнѣ: „а Володя-то, голубчикъ, золотое его сердце, какъ онъ измѣнился! Я просто ахнула, когда увидѣла. До того онъ любилъ отца! А еще иные считаютъ его холоднымъ и эгоистичнымъ!.. Никогда въ жизни не видѣла эдакой перемѣны въ такой короткій срокъ! Точно годы и годы мученій перенесъ... А взглядъ, несмотря на это, до того свѣтлый и добрый, что просто всю душу мнѣ перевернулъ“.

Прошло много дней послѣ смерти отца, прежде чѣмъ я увидала на лицѣ брата улыбку. Плакать онъ совсѣмъ не плакалъ, только время отъ времени какъ-то особенно вздыхалъ и отдувался, точно ему не хватало воздуху.

Я совсѣмъ не помню, чтобы братъ болѣлъ; иногда говорилъ, что голова болитъ, лихорадитъ, и онъ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы никуда не выходить. Голова у него, случалось, болѣла и отъ безсонницъ, которыми онъ часто страдалъ; но острой серьезной болѣзнью онъ на моей памяти заболѣлъ только разъ. Это случилось весной, если не ошибаюсь, въ апрѣлѣ, незадолго передъ тѣмъ, какъ Москва начала готовиться къ коронаціи Александра III. Время тогда было „волнистое“, какъ выражался одинъ знакомый, а для брата и въ личномъ отношеніи: онъ всю зиму передъ тѣмъ ждалъ и надѣялся, что та, которую онъ называлъ своей невѣстой, рѣшится на послѣдній шагъ, чтобъ стать его женой. Въ общемъ онъ ждалъ этого рѣшенія десять лѣтъ, но тогда, въ ту весну, положеніе особенно обострилось. Помню, съ какимъ таинственнымъ и сіяющимъ лицомъ братъ иногда за обѣдомъ говорилъ: „пью за здоровье моей невѣсты!“ Потомъ, обратясь къ матери: „мама, она скоро къ вамъ пріѣдетъ, желаетъ съ вами познакомиться, а также и съ вами“, онъ кивалъ головой всѣмъ намъ. Послѣдніе дни передъ тѣмъ, какъ заболѣть, ждалъ писемъ, выходилъ изъ своей комнаты на каждый звонокъ, былъ то страшно мраченъ, то безумно радостенъ. И вдругъ заболѣлъ, и сразу плохо; не то тифъ, не то нервная горячка. Вѣроятно, тутъ была и простуда, и надрывъ нервовъ. Жаръ страшный и не спадаетъ, но въ полной памяти. По совѣту младшаго зятя нашего, медика, обтираютъ брата постоянно уксусомъ, онъ покорно подчиняется всему этому домашнему лѣченію, глотаетъ все, что даютъ, вплоть до гомеопатіи, въ которую вѣритъ Анна Кузьминична, и

которую случалось ему и раньше принимать отъ безсонницъ и другихъ мелкихъ бѣдъ, но не хочетъ, чтобъ послали за „лучшимъ" докторомъ или тѣмъ болѣе консиліумъ. Но все же пріѣхалъ нашъ всегдашній докторъ, лечившій насъ еще, когда мы были младенцами, и, какъ знакомый, профессоръ Чириковъ. И имъ не совсѣмъ ясно, но завтра—день кризиса, рѣшится. Братъ лежалъ въ своей комнатѣ на диванѣ, и дверь въ сосѣднюю залу была отворена. Думали, что братъ спитъ, и вышли отъ него, а я сѣла у окна въ залѣ у самой двери—въ случаѣ проснется и позоветъ. Вдругъ слышу—братъ явственно окликнулъ:

— Кто тутъ?

— Я.

— Поди ко мнѣ—на столѣ евангеліе, найди Бракъ въ Канѣ Галилейской и прочти мнѣ вслухъ.

Я нашла и стала читать, съ трудомъ сдерживая дрожь всего тѣла,—мнѣ вспомнилась первая ночь, какъ умеръ отецъ,—и прочла все отъ перваго и до послѣдняго слова, не садясь, а какъ стояла у стола, такъ и осталась стоять. А покуда читала, братъ все время, не переставая, крестился крупнымъ, истовымъ крестомъ, нажимая пальцы на лобъ, грудь и плечи. Я кончила читать, а онъ все продолжалъ такъ креститься, и въ этомъ движеніи яснѣе всякихъ словъ чувствовалась мнѣ вся страстность желанія брата жить и въ то же время вся полнота его покорности волѣ Бога. Наконецъ, братъ пересталъ креститься.

— Подойди ко мнѣ.

Я подошла.

— Не знаешь, телеграмму мою отправили? (къ ней, къ „невѣстѣ").

— Отправили, отправили.

— Ну хорошо... А теперь, пожалуй, скажи, что могутъ меня обтирать, если хотятъ, или что тамъ еще полагается.

Я пошла, но въ дверяхъ обернулась на брата и увидала, что онъ опять крестится, какъ раньше, и явственно услыхала страстный, горячій шепотъ: „Господи, спаси! Господи! помоги!"

Къ вечеру брату стало лучше, и съ слѣдующаго дня пошло выздоровленье. То лѣто мы рѣшили провести на Кавказскихъ водахъ, уговаривали и брата сдѣлать то же или, по крайней мѣрѣ, пріѣхать хоть на шесть недѣль, но онъ отвѣчалъ: нѣтъ ужъ, и не ждите. Если-бъ вы были на дачѣ по близости, я бы пріѣхалъ, а тамъ, что я буду дѣлать? Кромѣ того, туда ѣздятъ съ дурной болѣзнью, упаси меня, Боже, чтобъ я когда-нибудь приблизился къ такимъ мѣстамъ. И рѣшенію этому остался вѣренъ, хотя мы всѣ послѣ того въ продолженіе многихъ лѣтъ продолжали на лѣто уѣзжать на Кавказскія воды.

Когда я выходила замужъ, братъ былъ строго-нѣженъ со мной, съ радостной улыбкой передалъ мнѣ поздравленія отъ своей невѣсты, говоря, что она сама бы пріѣхала, да нездорова, лежитъ; былъ очень доволенъ, когда она прислала мнѣ огромный картонъ съ порѣзанными на длинныхъ стебляхъ бѣлыми лиліями, и видя, какъ я этимъ восхищена и тронута, поглядывалъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „отъ нея я другого и не ждалъ“.—А наканунѣ моей свадьбы онъ, обнявъ меня, повелъ къ себѣ въ комнату „на пару словъ“.

— Завтра во время вѣнчанія, сказалъ онъ съ чудесно-свѣтлымъ, проникновеннымъ лицомъ, обрати вниманіе на то, что будутъ пѣть о вѣнцахъ мученическихъ и помни всегда, что выходя замужъ или женясь, человѣкъ непремѣнно долженъ быть готовъ надѣть вѣнцы, ибо, дѣлая подобный шагъ, вступаетъ на путь величайшаго счастья, но также и величайшаго страданья. Если ты это понимаешь и такъ чувствуешь, бракъ твой будетъ прекрасенъ, что бы ни случилось, и какимъ бы онъ ни казался постороннимъ или даже близкимъ людямъ, часто вольно или невольно судящимъ только по видимости. Затѣмъ ты знаешь, что я вполнѣ одобряю твой вкусъ, ступай и да не смущается сердце твое. И онъ сталъ ласково и тихонько выталкивать меня за дверь, почуявъ же, что я близка къ тому, чтобъ расчувствоваться, прибавилъ, уже смѣясь и дѣлая дурачливое лицо: „а въ случаѣ появятся непрошенные судьи съ своими безсмысленными мнѣніями и совѣтами, ты на это наплюй, надо вообще умѣть иногда при случаѣ хорошенько начхать“.

Такое свѣтлое и проникновенно-растроганное лицо, какъ было у брата, когда онъ позвалъ меня на пару словъ, увидала я еще у него, когда онъ крестилъ у меня младшую дочь. Я сидѣла у себя въ комнатѣ, онъ пришелъ ко мнѣ туда, когда Таинство кончилось.

— Я хотѣлъ тебѣ сказать—совершенно превосходный младенецъ! Понимаешь—держу не безъ нѣкотораго ужаса, боюсь сильно дохнуть, чтобъ не разбудить. Она спитъ... Но вдругъ открываетъ глаза,—я такъ и обмеръ: сейчасъ крикъ или нѣчто и того хуже, но она долго и внимательно на меня посмотрѣла и вдругъ улыбнулась, совершенно осмысленной улыбкой, и продолжала смотрѣть... великолѣпные глаза! И потомъ все время ни крику, и ни малѣйшаго скандала. Нѣтъ, превосходный младенецъ, превосходный младенецъ! нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Возвращаясь памятью къ давно минувшему, вспоминается мнѣ также то особое чувство къ евреямъ, которое я испытывала главнымъ образомъ, благодаря исключительному отношенію къ нимъ брата. Конечно, отчасти оно было у меня и помимо брата, думается, просто прирожденнымъ, какъ

у нѣкоторыхъ другихъ членовъ нашей семьи, но когда еще въ дѣтствѣ я думала: сколько же хорошаго должно быть у евреевъ, если Володя ихъ такъ любитъ,—это уже несомнѣнно было вліяніе, обаяніе брата. И когда меня тоже въ дѣтствѣ за исключительную страсть къ музыкѣ и нѣкоторыя другія физическія и нравственныя черты называли жидовкой, я скорѣе бывала этимъ польщена; а когда разъ кто-то изъ старшихъ разсердившись на меня (на этотъ разъ совершенно неосновательно) крикнулъ: „вотъ ужъ вѣрно—настоящая жидовка"), я не сказала ни слова въ свое оправданье, только подумала: вотъ и отлично—евреевъ всегда гнали и гонятъ несправедливо, не понимая, за что, такъ и меня, и пусть! А вотъ такой, какъ Володя, евреевъ любитъ и понимаетъ.

Съ теченіемъ времени вмѣстѣ съ любовью къ евреямъ росло мое негодованье и отвращенье за отношенье къ нимъ къ такъ называемымъ и такъ называющимъ себя христіанамъ, и при этомъ я всегда представляла себѣ брата и Христа, и отношенье брата къ Христу. По поводу этого вспоминается мнѣ одна сцена, когда я была и не совсѣмъ взрослой и не совсѣмъ ребенкомъ. Точно вспомнить, когда это случилось, я совершенно не могу. Была Пасхальная ночь, и мы всѣ, какъ всегда, отправились въ церковь: братъ вообще въ церковь за рѣдкимъ исключеніемъ почти никогда не ходилъ, но Пасхальную ночь рѣдко и дома оставался; когда бывалъ въ Москвѣ, обыкновенно отправлялся въ Кремль. Я знала, что прежде чѣмъ стать „такимъ вѣрующимъ", братъ перешелъ черезъ большія сомнѣнія, даже „знаешь, Володя былъ одно время атеистъ", съ большимъ интересомъ, но не безъ примѣси таинственнаго ужаса, сообщали мы—младшая компанія—какъ-то другъ-другу въ дѣтствѣ. И вотъ мнѣ въ эту Пасхальную ночь представилось, что, можетъ быть, у брата сомнѣнья не потому, что онъ объявилъ, что никуда не отправится, а потому, какимъ мрачнымъ тономъ онъ это сказалъ и какой самъ весь этотъ день былъ мрачный.— „Когда *такъ* вѣруешь въ Христа, нельзя быть такимъ мрачнымъ въ великую субботу", думала я; „значитъ, у него опять сомнѣнья", и дѣлалось очень тяжело за брата. Вернувшись отъ утрени, я, громко напѣвая только что слышанные напѣвы, и вся въ совершенно особомъ, пасхально-восхищенномъ настроеніи, забывъ все на свѣтѣ, бросилась, какъ сумасшедшая, черезъ всѣ комнаты въ заднюю часть дома, чтобъ похристосоваться съ прислугой, оттуда опять въ переднюю: забыла яйца и кошелекъ въ карманахъ пальто. Ищу и пою громко, безудержно; хлопнула дверь изъ комнаты брата, идетъ... Оборачиваюсь къ нему, протягиваю руку.

— Христосъ!.. И вдругъ вспомнила, осѣклась.

Братъ взялъ мою руку.

— Ты хотѣла сказать: „Христосъ воскресъ" и почему-то останови-

лась... Ну, я отвѣчаю тебѣ: во истину воскресъ! И, нагнувшись, поцѣловалъ меня трижды.

А когда всѣ собрались въ столовой разгавливаться, братъ тоже пришелъ и не былъ больше мраченъ, напротивъ, совсѣмъ свѣтелъ, только очень тихъ.

Черезъ два года послѣ рожденья моей третьей дочери, мы вынуждены были уѣхать изъ Москвы, и пришлось мнѣ не одинъ годъ провести въ юго-западномъ краѣ. Тутъ, наблюдая жизнь бѣдныхъ евреевъ и познакомившись съ нѣкоторыми изъ нихъ, я постоянно представляла себѣ брата и укрѣплялась въ своихъ чувствахъ къ евреямъ и христіанамъ, поскольку касалось отношенія послѣднихъ къ первымъ, и радовалась, что въ своемъ небольшомъ опытѣ ни разу не пришлось мнѣ разочароваться; хотя если-бъ это и случилось, отдѣльные люди и факты въ моей личной практикѣ никогда бы не смогли измѣнить моего чувства и отношенія къ избранному народу божьему.

За время жизни въ юго-западномъ краѣ мнѣ удалось два раза съѣздить въ Москву и Петербургъ, и я очень мало, на самое короткое время видѣла брата. Показался онъ мнѣ очень постарѣвшимъ и утомленнымъ вообще, хотя въ настроеніи былъ очень хорошемъ, попрежнему острилъ и смѣялся. Спросилъ, что мои остальные младенцы, и щурясь, и улыбаясь на мою старшую дѣвочку, которая была со мной, прибавилъ:

— А помнишь, какъ она въ младенчествѣ плѣняла меня своей жизнерадостностью.

И я невольно разсмѣялась, вспомнивъ, какъ бывало издаетъ моя крохотная дѣвочка радостный восхитительный вопль, и братъ тотчасъ же, хотя бы былъ въ другой комнатѣ и велъ самый возвышенно-отвлеченный разговоръ, испуститъ такой же только болѣе громкій, и потомъ смѣясь и расширяя въ радостномъ изумленіи глаза, скажетъ: „какіе она великолѣпные звуки издаетъ!“

Еще весной 99 года рѣшила я слѣдующей зимой непремѣнно поѣхать въ Петербургъ и основательнѣй повидать брата: чувствовала большую нужду говорить съ нимъ; а въ іюлѣ совершенно неожиданно получаю телеграмму отъ младшей сестры, что братъ опасно заболѣлъ. Мнѣ нельзя было выѣхать: не съ кѣмъ было оставить маленькихъ дѣтей, и такъ я и не простилась съ братомъ, и на похоронахъ его не была. Читая потомъ и слушая разсказы очевидцевъ о послѣднихъ дняхъ жизни брата, я была, между прочимъ, прямо потрясена и восхищена, узнавъ, что онъ, умирая въ сознаніи, молился за еврейскій народъ.

А черезъ годъ послѣ его смерти увидала я мать. Заговорила она о немъ и заплакала, но сейчасъ же поспѣшно и усиленно стала вытирать слезы.

— Ну, не буду, не буду, не надо плакать, покорно и тихо нѣсколько разъ повторила она, точно уговаривая сама себя, потомъ также тихо, сквозь слезы, но съ умиленнымъ лицомъ обратилась ко мнѣ.

— А ты знаешь, зимой пріѣзжалъ ко мнѣ... ко мнѣ спеціально, развлекать меня, въ карты со мной игралъ... Какой же ему могъ быть интересъ!.. Да вѣдь и минуточки у него никогда свободной для себя не было, знаешь вѣдь, какъ онъ жилъ, а тутъ сядетъ со мной и играетъ... въ дурачки.

М. С. Безобразова.

Памяти П. И. Добротворскаго.

Недавно скончался въ Уфѣ послѣ долгой болѣзни Петръ Ивановичъ Добротворскій, провинціальный публицистъ и беллетристъ; имя это мало извѣстно широкимъ кругамъ читателей, но оно не можетъ не быть отмѣчено на страницахъ историко-литературнаго журнала. Это была выдающаяся, по крайней мѣрѣ для провинціи, сила, къ сожалѣнію, не нашедшая въ свое лучшее время достойнаго примѣненія.

П. И. разсказалъ свою жизнь самъ въ брошюрѣ, изданной на правахъ рукописи въ 1904 г. въ Москвѣ, подъ названіемъ: „Моя исповѣдь". Немногія выдержки изъ нея достаточны, чтобы обрисовать эту несложную жизнь, всю почти прошедшую въ одномъ глухомъ углу Россіи.

П. И. родился въ Симбирскѣ 3-го октября 1839 года. Мать его Анна Петровна Бабкина была изъ стариннаго дворянскаго рода. Отецъ былъ сыномъ сельскаго попа, чуть ли не пѣшкомъ ушелъ учиться въ Москву, гдѣ кончилъ курсъ медицинскаго факультета и получилъ званіе врача Служилъ онъ городскимъ врачомъ въ Симбирскѣ, потомственное же дворянство получилъ по чину. П. И. учился сначала дома, потомъ въ гимназіи, но въ 1852 году былъ отправленъ матерью въ Петербургъ для опредѣленія въ артиллерійское училище. Въ 1861 году П. И. былъ уже въ Михайловской академіи, когда неожиданно судьба его повернулась въ совершенно иную сторону.

„Во мнѣ боролись какъ бы два человѣка,—говорилъ онъ объ этомъ времени:—одинъ съ закваской крѣпостничества, другой—обновленный новыми вѣяніями лучшей части прогрессирующаго русскаго общества". П. И. уѣхалъ въ отпускъ изъ академіи въ уфимскую губернію на время, „чтобы помочь матери „устроить бытъ нашихъ крестьянъ", но, попавши въ Уфу, я устроилъ свой собственный бытъ, женившись и оставшись тамъ навсегда. По пріѣздѣ въ Уфу я сдѣлалъ кое-кому визиты и... поѣхалъ къ губернатору. Губернаторомъ въ то время былъ Г. С. Аксаковъ, отдавшій всю свою душу на проведеніе освободительной реформы. Чуть ли не съ первыхъ

словъ онъ началъ уговаривать меня остаться въ уфимской губерніи. —„Помилуйте, да развѣ теперь такое время, чтобы молодому образованному человѣку оставаться на военной службѣ? Оставайтесь здѣсь. У насъ людей нѣтъ, намъ люди нужны!“ Добротворскій далъ себя уговорить очень легко; очевидно, вліяніе столицы, такихъ лекторовъ артиллерійскаго училища, какъ Лавровъ, Энгельгардтъ, уроки тогдашней публицистики, университетскія лекціи, изъ которыхъ особенно занимали П. И. лекціи Костомарова,—подготовили хорошо почву для того, чтобы молодой офицеръ промѣнялъ надежды военной карьеры на службу по крестьянскому дѣлу.

П. И. восторженно отзывается о нѣкоторыхъ мировыхъ посредникахъ, въ среду которыхъ попалъ столь стремительно, объ ихъ любви къ дѣлу и ихъ плодотворной работѣ, быстро развязавшей старыя отношенія. „Вращаясь среди такихъ хорошихъ людей, я и самъ становился лучше —закваска крѣпостническаго воспитанія начала понемногу исчезать, лучшія же стороны моей натуры стали замѣтно развиваться. Что же касается Фомичева (одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, въ участокъ котораго въ уфимскомъ уѣздѣ П. И. былъ назначенъ сначала кандидатомъ въ посредники), то этотъ человѣкъ былъ моимъ учителемъ въ полномъ смыслѣ этого слова— онъ научилъ меня любить простой народъ, онъ научилъ меня снисходительно относиться къ мужику, къ тому невѣжественному мужику, который перешелъ къ мировымъ посредникамъ въ своемъ, можно сказать, первобытномъ состояніи“. Въ 1863 г. П. И. получилъ мѣсто посредника въ бирскомъ уѣздѣ, а въ началѣ 1865 перевелся въ белебеевскій уѣздъ, гдѣ въ одномъ и томъ же участкѣ, населенномъ башкирами, прослужилъ 12 лѣтъ.

„Не зная совершенно премудрости канцелярскаго производства, я долго совершалъ криминальныя преступленія при сношеніяхъ моихъ съ офиціальными лицами и учрежденіями; такъ, напримѣръ, подвѣдомственнымъ мнѣ волостнымъ правленіямъ я писалъ вѣжливо, въ формѣ отношеній, тогда какъ губернатору и въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутстіе посылалъ бумаги, имѣвшія форму предписаній. И ничего, никакихъ непріятностей, никакихъ даже замѣчаній я не получалъ; прочтутъ мою бумагу, да только, бывало, посмѣются.—„Добротворскій намъ опять предписаніе прислалъ“, скажетъ кто-нибудь изъ членовъ губернскаго присутствія.—„Онъ и мнѣ такія же предписанія пишетъ“, замѣтитъ въ свою очередь Аксаковъ. — И только.—Ужъ какъ-то послѣ Григорій Сергѣевичъ мнѣ замѣтилъ: „Вы ужъ мнѣ,-то и въ губернское присутстіе предписаній не пишите“.

Съ теченіемъ времени канцелярскій формализмъ въ работѣ мировыхъ посредниковъ сталъ заслонять собою живое дѣло, и къ концу службы

П. И. съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о первоначальной горячей порѣ ихъ работы, когда форма не была впереди всего.

По уничтоженіи мировыхъ посредниковъ, П. И., при введеніи въ губерніи судебно-мировыхъ учрежденій, былъ на земскомъ собраніи избранъ участковымъ мировымъ судьей, судействовалъ два трехлѣтія въ уфимскомъ уѣздѣ, но эта служба тяготила его. „Я убѣдился, наконецъ, что мнѣ не подъ силу судить людей: всѣ эти сроки, вся эта юридическая формалистика, всѣ эти градаціи преступленій меня просто сводили съ ума. Каждое разбирательство, особенно уголовныхъ дѣлъ, разстраивало въ конецъ мои нервы".

Отказавшись отъ службы, П. И. переѣхалъ на постоянное житье въ Уфу и повелъ здѣсь—частью вслѣдствіе болѣзни—довольно уединенную жизнь человѣка, который не могъ сойтись съ обществомъ по крайней узости его интересовъ и моральнаго уровня и оставлялъ свою раковину только для того, чтобы выступать обличителемъ тѣхъ или другихъ темныхъ сторонъ мѣстной жизни или бытописателемъ, также обличителемъ по преимуществу темныхъ сторонъ жизни.

Корреспондировать въ столичныя газеты о мѣстныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ П. И. началъ много и серьезно съ семидесятыхъ годовъ, когда вошелъ въ сношенія съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями" (Корша). Вся его публицистическая дѣятельность носитъ яркій обличительный характеръ. Особенно же прославились въ свое время его обличенія расхищенія башкирскихъ земель, въ видѣ продажи ихъ по ничтожнымъ цѣнамъ и раздачи „заслуженнымъ" лицамъ въ цѣляхъ насажденія крупнаго землевладѣнія въ уфимско-оренбургскомъ краѣ.

Два раза по корреспонденціямъ Добротворскаго назначались ревизіи. Въ первый разъ былъ командированъ оберъ-прокуроръ правительствующаго сената князь Шаховской для обревизованія прокурорскаго надзора. Это была какъ бы подготовка къ предполагавшейся уже въ то время общей сенаторской ревизіи. Ревизія, однако, была парализована вмѣшательствомъ оренбургскаго генералъ-губернатора Крыжановскаго, который въ послѣднюю минуту прибылъ изъ Оренбурга въ Уфу для выручки бывшаго въ то время губернаторомъ С. П. Ушакова. На обѣдѣ, данномъ оренбургскому генералъ-губернатору городомъ, Крыжановскій въ рѣчи своей сообщилъ, что имъ послана телеграмма государю императору, которою онъ увѣдомилъ его величество, что имъ обревизованы всѣ „отрасли управленія уфимской губерніи, при чемъ найдены „въ блестящемъ состояніи". Добротворскому удалось разсказать, какъ не удалась эта ревизія, въ печати. Одна изъ, кажется, ненапечатанныхъ корреспонденцій объ этомъ имѣла, по словамъ П. И., характерный эпиграфъ: „Одни стяжатели и воры, другіе сладкіе пѣвцы, а

третьи, третьи—подлецы". Корреспонденція о хищеніяхъ и другихъ безобразіяхъ въ губерніи продолжали появляться въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Русской Правдѣ", „Молвѣ", „Порядкѣ", „Голосѣ" и „Недѣлѣ". Корреспонденціи въ „Недѣлѣ" 1880 г. и вызвали, наконецъ, сенаторскую ревизію Ковалевскаго. Самъ П. И. передаетъ такую версію объ этомъ: „Номеръ „Недѣли" отъ 5 октября (день моихъ именинъ) попался графу Лорисъ-Меликову, который его въ подлинникѣ отправилъ государю, находившемуся въ то время въ Ливадіи, и будто бы самъ государь на этомъ самомъ номерѣ положилъ резолюцію „поручить сенатору Ковалевскому произвести ревизію и уфимской губерніи", такъ какъ Ковалевскій производилъ уже въ то время ревизію казанской губерніи".

Въ Уфѣ разсказывали, будто бы П. И. по ночамъ ходилъ къ ревизующему сенатору и сообщалъ ему разныя свѣдѣнія. На дѣлѣ ничего подобнаго не было. Пригласилъ Ковалевскій П. И. къ себѣ уже послѣ 1-го марта 1881 года, когда ревизія была имъ закончена, при чемъ сказалъ, между прочимъ, П. И., что все, что писалось въ газетахъ о злоупотребленіяхъ въ уфимской губерніи, все вполнѣ подтвердилось, „открыто даже много больше".

— „Чѣмъ же можетъ окончиться эта ревизія?—спросилъ я Ковалевскаго", разсказываетъ П. И.

— „Уфимскую губернію мы конечно поочистимъ. А тамъ, что будетъ дальше... теперь я ничего не могу сказать. Я не знаю, какое сейчасъ настроеніе въ Петербургѣ, послѣ этой катастрофы, что не стало покойнаго государя.

„Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Ковалевскій, уѣзжая изъ Уфы, чувствуя себя въ неопредѣленномъ положеніи, заготовилъ два доклада о ревизіи, не зная, который изъ нихъ будетъ представленъ новому государю".

„Послѣ ревизіи", продолжаетъ П. И.: „уфимскую губернію, дѣйствительно, пообчистили. Уфимскимъ губернаторомъ былъ назначенъ старшій чиновникъ, состоявшій при Ковалевскомъ, Ник. Павл. Щепкинъ; это былъ прекрасной души человѣкъ: добрый, честный, но какъ губернаторъ, это былъ человѣкъ не по мѣсту и по времени. Я не разъ говорилъ ему: „вамъ, Н. П., въ Германіи бы губернаторствовать, а не въ Россіи и не въ столицѣ дикой Башкиріи". Вскорѣ начались противъ него интриги, въ которыхъ принимали даже участіе архіерей и жандармскій полковникъ; губернскій же предводитель дворянства Кугушевъ—отецъ, а не сынъ, который нынѣ (1903 г.) предводительствуетъ,—какъ говорили, представляясь государю, лично доложилъ ему о вредномъ либеральномъ направленіи Щепкина, послѣ чего онъ вскорѣ былъ уволенъ. Это былъ уже второй губер-

наторъ, который при мнѣ сломалъ себѣ голову въ уфимской губерніи. Первымъ былъ И. Ф. Щербатскій; не поладилъ съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и былъ причисленъ къ министерству. Напрасно онъ просилъ суда, но ему предлагали взамѣнъ этого выбрать себѣ любой участокъ башкирской земли, отъ чего онъ отказался. Я слышалъ, что этотъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій человѣкъ такъ и умеръ подъ тяжестью взведенныхъ на него напрасныхъ обвиненій.—Послѣ удаленія Щепкина все пошло по старому, не стало только раздачи башкирскихъ земель, да и то, пожалуй, оттого, что нечего и раздавать-то было уже —все лучшее было уже роздано".

Приведенныя нами выдержки изъ воспоминаній П. И. достаточно обрисовываютъ его положеніе, какъ корреспондента, котораго не могли не ненавидѣть всѣ, кому есть что хоронить отъ общественнаго контроля. На счастье П. И. въ уфимской губерніи не было введено въ восьмидесятые годы усиленной охраны, иначе онъ, конечно, былъ бы высланъ въ качествѣ безпокойнаго, волнующаго общество „ложными слухами", человѣка. Онъ упоминаетъ въ „исповѣди" о какомъ-то объясненіи по поводу своихъ корреспонденцій съ уфимскимъ губернаторомъ Ушаковымъ, сожалѣя, что по нездоровью уже не можетъ воспроизвести подобныхъ и теперь волнующихъ его сценъ.

Между тѣмъ наступившее послѣ 1-го марта моровое повѣтріе реакціи положило предѣлъ публицистикѣ Добротворскаго. Газеты, какъ „Голосъ", „Порядокъ", прекратили свое существованіе, другія сбавили тонъ, и какъ при Николаѣ I, „въ отвѣтъ стенаніямъ народа мысль русская стонала въ полутонъ". Писать такъ, какъ привыкъ и любилъ писать Добротворскій, съ рѣзкой прямотой называя вещи своими именами, стало невозможно, и въ жизни П. И. разыгралась подлинная драма публициста, лишеннаго языка, въ расцвѣтъ силъ и детальнаго знанія обширнаго края и всѣхъ его порядковъ.

„Я втянулся въ публицистику такъ, что писать стало моею потребностью", вспоминаетъ онъ: „и я продолжалъ писать: писалъ эфіопскимъ языкомъ, поступался даже нѣкоторыми своими мыслями, но и это не помогало; бумаги изводилось цѣлыя кипы, труда затрачивалось множество, а въ результатѣ рѣдко-рѣдко проходило что-нибудь чрезъ двойную цензуру, и то такое, и въ такомъ видѣ, что приходилось нерѣдко краснѣть. Я бросался изъ одной редакціи въ другую; для меня уже было все равно, гдѣ будетъ напечатано, лишь бы дали мнѣ высказаться. Попробовалъ я въ это время писать въ „Журналѣ Коннозаводства" (тамъ печатались мои статьи и прежде, но то были статьи спеціальнаго характера), думая, что нельзя ли хоть тамъ, говоря о лошадяхъ, сказать кое что и о нашихъ уфимскихъ порядкахъ. Туда въ 1882 г. были мною посланы двѣ статьи „О коно-

крадствѣ и конокрадскомъ промыслѣ“—обѣ онѣ были напечатаны, но третья уже не появилась, вѣроятно, потому, что тамъ смекнули, наконецъ, что тутъ идетъ рѣчь не столько о конокрадствѣ, сколько объ уфимской администраціи“.

Невозможность говорить прямо о всемъ задѣвавшемъ П. И. толкнула его на мысль обратиться къ беллетристикѣ. Съ восьмидесятыхъ годовъ въ прогрессивныхъ газетахъ и журналахъ появляется рядъ его очерковъ, разсказовъ, набросковъ, которые потомъ выходили небольшими сборниками: это—„Въ деревнѣ, заводѣ, въ городѣ“ (1888), „Разсказы, очерки и наброски (мысли въ картинахъ и образахъ)“ (1892) и „Въ глуши Башкиріи“ (1901, Екатеринбургъ). Въ эти сборнички, однако, не попалъ рядъ разсказовъ, появившихся въ газетахъ и журналахъ, но не пропущенныхъ цензурою въ книгахъ. Часть написанныхъ П. И. разсказовъ и вовсе не могла появиться.

Не перечисляя всего написаннаго П. И., приходится отмѣтить большую искренность и простоту намѣреній автора въ большинствѣ его разсказовъ. Большею частью это непритязательный случай изъ жизни, этнографическое наблюденіе, желаніе возбудить въ читателѣ добрыя чувства и сочувствіе униженнымъ и обиженнымъ. Собственно художественнаго таланта почти незамѣтно, но недостатки этого рода нерѣдко выкуплены именно искреннимъ чувствомъ автора и дѣйствительно трагизмомъ изъ жизни выхваченнаго факта. „Я обыкновенно писалъ и пишу по вдохновенію, подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго, а главнымъ образомъ пережитаго и перечувствованнаго, — говоритъ самъ П. И. — Мое вниманіе останавливается на всемъ симпатичномъ, естественномъ или на чемъ-нибудь безобразномъ, на чемъ-нибудь такомъ, что до глубины души возмущаетъ меня. И чѣмъ сильнѣе охватываетъ меня то или другое изъ этихъ чувствъ, тѣмъ лучше выходитъ моя работа...“

Наиболѣе удачными, кажется, надо признать написанные въ разное время по разнымъ случаямъ очерки изъ быта башкиръ, которыхъ П. И. хорошо узналъ по своей долголѣтней службѣ въ уѣздѣ, населенномъ башкирами, и очень любилъ, какъ богато одаренное, мирное племя, гибнущее подъ напоромъ „цивилизаціи“. На склонѣ жизни П. И. былъ очень тронутъ отзывомъ объ этихъ разсказахъ, собранныхъ въ книжкѣ „Въ глуши Башкиріи“, который появился въ „Сам. Газ.“ (1902 г., № 12) и былъ написанъ интеллигентнымъ башкиромъ Хаджи Салимгиреемъ Султановымъ. Въ этомъ отзывѣ рецензентъ говоритъ: „сборникъ состоитъ изъ десяти небольшихъ по объему, но большихъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ разсказовъ, написанныхъ блестящимъ оригинальнымъ перомъ человѣка, детально изучившаго природу Башкиріи, народную жизнь, ея тече-

ніе, бытъ народа, его нравы, обычаи, религіозное міровоззрѣніе, понимающаго его экономическія и духовныя нужды и вложившаго въ эти разсказы всю свою любовь къ нимъ". Рецензентъ, конечно, какъ башкиръ, былъ особо расположенъ въ пользу автора этихъ разсказовъ, но за ними, какъ за всѣмъ написаннымъ П. И. въ беллетристической формѣ, остается нѣкоторое право на вниманіе, какъ къ произведеніямъ неизмѣнно проникнутымъ глубоко гуманнымъ чувствомъ.

Одинъ изъ разсказовъ П. И. „Простая душа" (о проституткѣ, не потерявшей и въ паденіи образа божія) былъ дважды изданъ листовкой для народнаго чтенія. Этого заслуживали бы и нѣкоторыя другія вещи П. И.

Въ послѣдніе годы жизни П. И. очень ревниво относился къ своей беллетристической дѣятельности и въ „исповѣди" жаловался на пренебрежительное къ себѣ отношеніе столичной литературы и критики. „Всѣ журналы замолчали мои книжки, и ни одинъ изъ нашихъ критиковъ до сихъ поръ не далъ себѣ труда сдѣлать общій обзоръ всего написаннаго мною... Сорокъ лѣтъ я работалъ на литературной нивѣ, работалъ искренно, честно, служа неизмѣнно правдѣ и истинѣ, какъ я ихъ понималъ, но мѣста въ литературномъ мірѣ я себѣ не нашелъ. Ни одна редакція не использовала моихъ способностей, вездѣ я былъ только случайнымъ гостемъ. А вѣдь способности у меня были, не было, конечно, таланта, но много ли ихъ у насъ?..."

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ П. И., неудавшемуся областному публицисту и беллетристу, поневолѣ служили лишь знаки вниманія со стороны тѣхъ или иныхъ представителей литературнаго міра, заѣзжавшихъ въ Уфу; такъ, онъ съ теплой благодарностью вспоминаетъ въ исповѣди В. Г. Короленко, Н. Н. Златовратскаго и пр. Въ самой Уфѣ, какъ мы уже упоминали, онъ былъ мало съ кѣмъ близокъ. Поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми лицами колоніи политическихъ ссыльныхъ. Вѣроятно, это послужило предлогомъ къ оскорбительному и ничѣмъ, кромѣ желанія мести за корреспондированіе изъ Уфы, котораго П. И. не прекращалъ пока могъ писать, вторженію въ квартиру больного старика жандармовъ и полиціи въ 1904 году, о чемъ въ свое время сообщалось въ печати.

Пишущему эти строки не удалось лично познакомиться съ покойнымъ, но пришлось обмѣняться нѣсколькими письмами, выдержки изъ которыхъ мы и приведемъ здѣсь, какъ дополняющія нѣкоторыя черты къ характеристикѣ П. И.

Въ 1901 году съ августа я принялъ на себя завѣдываніе редакціей „Самарской Газеты", которой хотѣлось придать по возможности серьезный характеръ литературнаго и областного изданія. Въ сосѣднихъ съ Самарою Уфѣ и Симбирскѣ своихъ газетъ не было (если не считать губернскихъ вѣ-

домостей). Естественно, что изъ этихъ губерній присылалось не мало корреспонденцій, въ расчетѣ особенно на то, что въ газетѣ, выходящей въ чужой губерніи, пройдетъ и такое, что въ мѣстной печати было бы совершенно немыслимо. Увы! Въ Самарѣ цензуровалъ газету небезызвѣстный В. Г. Кондоиди, вице-губернаторъ, авторъ крылатаго словца о „третьемъ элементѣ“ и нашумѣвшихъ въ свое время черносотенныхъ прокламацій 1905 года, разбросанныхъ по его распоряженію въ театрѣ. Онъ, между прочимъ, установилъ правиломъ—корреспонденціи, мало-мальски задѣвавшія администрацію сосѣднихъ губерній, посылать на просмотръ губернаторамъ этихъ губерній и ихъ одобреніе. Конечно, результатъ такой дружественной политики понятенъ: я не помню ни одного случая, чтобы отправленная въ сосѣднюю сатрапію корреспонденція появилась у насъ. Съ наглой корректностью вице-губернаторъ утѣшалъ насъ въ такихъ случаяхъ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ изложенный фактъ сталъ, благодаря подобной посылкѣ, извѣстенъ высшему начальству губерніи и, слѣдовательно, цѣль корреспонденціи „достигнута“ (это же соображеніе неизмѣнно выставлялось и при оглашеніи фактовъ изъ мѣстной самарской жизни).

Естественно, что очень скоро отношенія редакціи и цензуры обострились до крайности. При этихъ условіяхъ и корреспонденціи П. Добротворскаго въ „Самарскую Газету“ о тѣхъ фактахъ, которые по ихъ относительной мелочности не могли найти мѣста въ столичныхъ изданіяхъ, весьма рѣдко проходили. То же было и съ сотрудничествомъ П. И. въ другихъ областныхъ газетахъ, въ „Уральской Жизни“ въ Екатеринбургѣ и пр.

По поводу этихъ корреспонденцій и завязалась между нами переписка. П. И. не вдругъ отозвался на приглашеніе сотрудничать, вѣроятно, присматриваясь къ новой редакціи. Первыя его письма носили чисто дѣловой характеръ. Сотрудничество его въ „Самарской Газетѣ“ началось лишь съ 1902 года, къ осени этого года и двумъ слѣдующимъ г.г. и относятся письма уже не только дѣловыя, изъ которыхъ и приводимъ кое-что:

24 сентября 1902 года... „Пожалуйста, все, посылаемое мною Вамъ, прикажите построже корректировать, а буде замѣтите какую-нибудь несообразность, явившуюся по недосмотру, то и поправьте ее, купюры же нежелательны и допустимы только въ случаѣ необходимости.

„Я человѣкъ старый и къ тому же больной — случается, что едва достаетъ силъ, чтобы набросать на бумагу схваченную мысль, а уже не то, чтобы отдѣлывать и переписывать написанное.

... „На назначаемый Вами гонораръ я согласенъ, къ нему причтется и все то, что слѣдуетъ мнѣ за всѣ остальныя мелочи. Я уже писалъ Вамъ, что съ провинціальныхъ изданій за посылаемыя корреспонденціи я никогда ничего не получалъ, но если Вы мнѣ предлагаете, я, не стѣсняясь, возьму

и возьму съ удовольствіемъ, потому что ни одной копѣйки не трачу на себя изъ моего литературнаго (очень маленькаго) заработка.

„Много бы хотѣлось сказать Вамъ и относительно изданія „Самарской Газеты“, такъ много, что мнѣ это даже не подъ силу, да и голова моя уже плоха, чтобы высказать все это послѣдовательно, связно въ письмѣ — въ разговорѣ, это другое дѣло, я могъ бы — но вѣдь не увидишься съ Вами. Вы въ Уфу, конечно, не пріѣдете, а я даже изъ квартиры не выѣзжаю.

„Святочнаго разсказа отъ меня не ждите. Не могу, не умѣю писать по заказу, на извѣстную тему или съ извѣстнымъ настроеніемъ... я могу писать лишь по вдохновенію, подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, слышаннаго, пережитаго и перечувствованнаго. А теперь, и такъ-то рѣдко пишу—силъ все становится меньше и меньше, да и голова, какъ уже сказалъ выше, начинаетъ работать все хуже и хуже. „Духъ“-то еще „бодръ“, а плоть „немощна“. Еще одна моя особенность—ослабнетъ на время цензура, и опять какъ бы воскресаю и берусь за перо; наступаютъ новыя строгости: двѣ-три обличительныхъ моихъ корреспонденціи (а сейчасъ цѣлыхъ 5 не прошли въ редакціи „С.-П. Вѣд.“) забракованы, и я падаю духомъ и подхожу къ письменному столу, чтобы поддерживать лишь частную переписку, да занимаюсь разными пустяками.

„Жму вашу руку и прошу быть знакомымъ.

Петръ Добротворскій.

(Постскриптъ). „Вы меня назвали „многоуважаемымъ“—но откуда сіе, развѣ вы меня знаете, чтобы уважать, да еще *много* уважать? Я вообще всѣхъ этихъ прилагательныхъ избѣгаю, а „Милостиваго Государя“ просто не выношу и употребляю лишь въ неизбѣжно необходимыхъ случаяхъ.

„Посылаю вамъ, вамъ лично, свое изображеніе—мнѣ кажется, всегда пріятно знать физіономію незнакомаго человѣка, съ которымъ приходится вести дѣло заглазно, такъ сказать на вѣру“...

Къ этому письму приложилъ П. И. два фотографическихъ любительскихъ снимка съ себя въ домашней своей обстановкѣ, въ рубашкѣ. Относительно отвращенія его къ принятымъ офиціальнымъ обращеніямъ можно еще добавить, что онъ всегда требовалъ, чтобъ на письмахъ его именовали просто Петру Добротворскому, и Боже избави—отъ „Его Высокоблагородія“.

Изъ письма 12 октября 1902 г. ...„Я зналъ, что прежде цензоръ „Самарской Газеты“ нѣкоторыя изъ корреспенденцій посылалъ въ Уфу на просмотръ, но никакъ не думалъ, что это продолжается и сейчасъ. При

такомъ положеніи, что же можно писать для вашей газеты? И кто будетъ писать?...

„Я понимаю, что тяжело ваше положеніе, какъ завѣдующаго редакціей, которое къ тому же усложняется еще борьбой съ разными темными силами.

„Вы просите меня написать что-нибудь для „С. Газ.“ изъ моихъ воспоминаній—ничего не могу обѣщать. Не пишу я нынче—избѣгаю писать, для чего занялся даже фотографіей, чтобы отвлечь себя немного отъ книгъ, газетъ да невеселыхъ мыслей, навѣваемыхъ всѣмъ тѣмъ, что творится на Св. Руси вблизи и далеко. Не велятъ браться за перо и доктора, потому что какъ возьмешься за обличеніе разныхъ мерзостей, глядишь—пульсъ вторитъ сердцу, которое катаетъ въ это время больше 100 въ минуту. Да если бы я и написалъ что, то я положительно въ неоплатномъ долгу у ред. „Міра Божьяго“ и „Русскихъ Вѣд.“, которыя постоянно высылаютъ мнѣ свои изданія безплатно, несмотря на то, что въ „М. Б.“ я въ послѣднія 5 лѣтъ не послалъ ни строчки, а въ „Р. В.“ собрался только въ нынѣшнемъ году послать разсказъ „Барская воля“, который тамъ и былъ напечатанъ.—Написанное придется послать имъ...“

„P. S. Я знаю, какъ мало у васъ свободнаго времени, а потому, когда доведется мнѣ писать Вамъ, не стѣсняйтесь отвѣтомъ—отвѣчайте только на мои вопросы, коротко, „открыткой“. У меня немало свободнаго времени—иногда захочешь поболтать съ хорошимъ человѣкомъ, ну и распишешься, забудешь совсѣмъ, что пишешь иной разъ тому, кому и читать-то некогда“.

18 октября 1902 г.: „Экземпляры „Добраго пастыря“ (разсказъ П. И., напечатанный въ „С. Г.“) получилъ. Благодарю. Ничто такъ не дорого для меня, какъ вниманіе и аккуратность, противъ чего особенно часто грѣшатъ провинціальныя изданія“, и далѣе П. И. разсказываетъ казусъ, какъ не могъ добиться отъ „С. Г.“ (при одной изъ прежнихъ редакцій) авторскихъ экземпляровъ за безплатно отданный разсказъ. „Посылаю въ редакцію 50 копѣекъ—выслали чуть ли не десять экземпляровъ. Я здѣсь смѣялся, разсказывая, что за напечатаніе этого фельетона заплатилъ редакціи 50 копѣекъ“.

Около этого времени въ печати былъ отмѣченъ сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности П. И., и въ „Самар. Газ.“ былъ напечатанъ по этому поводу фельетонъ В. Брусянина (за подписью В. Брусъ). Отъ 9 ноября 1902 года П. И. пишетъ:

„Панегирикъ мнѣ Вас. Бруса, напечатанный въ № 237 „Сам. Газ.“, былъ для меня большой неожиданностью. Спасибо ему! хотя характеристика его моихъ разсказовъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я никогда не

думалъ описывать „милыхъ, добрыхъ мужичковъ“, никогда не задавался писать очерки заводской жизни или жизни симпатичныхъ мнѣ башкиръ...

Всѣ мои работы беллетристической и фельетонной формы должны носить одно общее названіе: „Мысли въ картинахъ и образахъ“. Онѣ проникнуты одной общей, неизмѣнной мыслью, что міръ Божій созданъ прекрасно, жизнь человѣческая полна для удовлетворенія лучшихъ человѣческихъ чувствъ, смерть нормальнаго человѣка не такъ страшна, какъ ее рисуютъ (см. „Смерть дѣда“, „Конецъ безпалаго Трофима“, „Смерть Хаджи Ишана“, „Добрый человѣкъ“ (смерть доктора Стряпкина) и др.). Затѣмъ яркою нитью проходитъ моя любовь и уваженіе къ женщинѣ изъ убѣжденія, что женщины лучше мужчинъ. Быть можетъ, это произошло оттого, что въ дѣтствѣ и въ моей юности я былъ окруженъ очень хорошими женщинами, что даже проститутки встрѣчались въ моей жизни все больше съ чистой душой и чуть не дѣтской наивностью. Для проведенія моихъ мыслей я бралъ все, что мнѣ попадалось подъ руку, безразлично изъ башкирской или заводской жизни, мое ли воспоминаніе или сочиненный разсказъ... Да, міръ Божій и люди созданы прекрасными, но послѣдніе все исказили, все загадили своимъ пресловутымъ прогрессомъ, своей „*мятельской* [1]) цивилизаціей“—кругомъ царитъ ложь и неправда. Она вездѣ есть, вездѣ есть все гадкое, но когда это происходитъ въ темной невѣжественной средѣ—это снисходительно. Но когда этими пороками заражены люди, считающіеся интеллигентами, то имъ не должно быть пощады. Отсюда и происходитъ, что всѣ мои разсказы изъ жизни крестьянской, заводской и башкирской проникнуты любовью и снисходительностью, въ „городѣ“—сарказмъ и ненависть къ этимъ людямъ. Но и здѣсь у меня есть исключенія: „Дѣти не отказали“, „Добрый человѣкъ“, „Сумасшедшій“.

„Конечно, въ настоящемъ моемъ письмѣ я намѣчаю только мои мысли—поймутъ ли ихъ когда-нибудь, не знаю...“

О своей литературной дѣятельности П. И. еще разъ писалъ мнѣ уже въ Нижній Новгородъ, въ 1904 году, когда имъ посланы были мнѣ „Исповѣдь“ и книжечка г. Бока, тогда же изданная—„П. И. Добротворскій. Критико-біографическій этюдъ“. „Написанъ очеркъ этотъ слабовато,—писалъ о немъ П. И.,—но за то въ немъ Бокъ не поскупился на похвалы мнѣ, такъ что, читая его, я чувствовалъ себя какъ-то неловко. Но я и это прощаю ему, потому что онъ все, почти все, написанное мною, разыскалъ и о всемъ написанномъ мною упоминаетъ въ своемъ очеркѣ. Спасибо ему за это!“ Въ этомъ же письмѣ (отъ 27 марта) онъ снова повторяетъ: „я беллетристъ не столько по призванію, сколько по нуждѣ“.

---

[1]) Мятельскъ—вымышленное названіе города, въ которомъ происходитъ дѣйствіе нѣкоторыхъ разсказовъ П. Добротворскаго.

Закончимъ эти выдержки нѣсколькими словами изъ послѣднихъ писемъ П. И. объ уфимской и общерусской жизни, въ ту пору достигавшей напряженія, которое вскорѣ кончилось взрывомъ революціи.

30 іюня 1903 г... „В. Е. Живы ли вы? Если живы, то я желаю отъ всего искренняго сердца еще много лѣтъ здравствовать и дожить до лучшихъ свѣтлыхъ дней... У насъ новый губернаторъ (это былъ вскорѣ убитый послѣ разстрѣла рабочихъ въ Златоустѣ Богдановичъ—*Ч. В—ій*) —начались и новые порядки. Слышь, Подобѣ онъ сказалъ будто бы, чтобы въ „Уфимскихъ Вѣдомостяхъ“ даже о городовыхъ ничего не печатать: „у меня вездѣ порядокъ“. Гнетъ, кажись, не паритъ, а переломитъ не тужитъ. Не по времени такой“...

Уфа. 27 марта, 1904 года. „Христосъ Воскресъ? Господи! Люди еще смѣютъ говорить о Воскресеніи Христа, когда ежедневно, ежечасно распинаютъ Его“.

„Живется скверно—особенно у насъ въ Уфѣ. Проживши 65 лѣтъ и много видѣвши, я ничего подобнаго не видалъ, да если бы кто-нибудь 10 лѣтъ тому назадъ сказалъ мнѣ о возможности того, что я сейчасъ вижу—я не повѣрилъ бы.

„Съ какими надеждами мы, шестидесятники, жили, съ какой вѣрой... и вдругъ полный хаосъ! Растлѣніе нравовъ и отсутствіе какихъ-либо идеаловъ—одинъ мамонъ. И такую-то цивилизацію мы хотимъ внести въ Японію, Азію.

„Съ завтрашняго дня, по обыкновенію, на праздники я запираюсь снаружи и изнутри. До праздниковъ ли, особенно нынче...“

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось сохранить нѣсколькихъ болѣе откровенныхъ въ политическомъ смыслѣ писемъ П. И., одно изъ которыхъ, яркій, почти юношескій крикъ протеста противъ какого-то шага правительства, прислано было съ помѣткой: „для Русской Старины чрезъ тридцать лѣтъ“.

Вообще было бы очень желательно, если бы кто-либо изъ уфимскихъ жителей или родственниковъ П. И. собралъ переписку П. И.: она, вѣроятно, живѣе, чѣмъ мы могли здѣсь сдѣлать, дорисовала бы картину дѣятельности и личную характеристику П. И. Во всякомъ случаѣ въ исторіи развитія областной печати Петръ Добротворскій не будетъ обойденъ. Драма его жизни—драма человѣка, который былъ лишенъ политическимъ гнетомъ возможности развернуть свое публицистическое дарованіе—найдетъ отголосокъ себѣ въ чувствахъ и настроеніи всего русскаго общества, которое тоже не могло и не можетъ вполнѣ розвернуть своихъ внутреннихъ, осужденныхъ на безплодное перегораніе, силъ строительства жизни.

Ч. Вѣтринскій.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(1855—1880).

(*Продолженіе* [1]).

XI.

Реакція послѣ 19 февраля 1861 г.—Уступки помѣщикамъ.—Валуевъ.—Недовольство крестьянъ.—Формированіе оппозиціи.—Ник. Серно-Соловьевичъ.—„Письма безъ адреса" Чернышевскаго.—Съѣздъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ.—Постановленіе и адресъ тверского дворянства.—Требованіе созыва народныхъ представителей.—Правительственныя репрессіи.—Конституціонное движеніе въ дворянской средѣ.—Мнѣніе Тургенева.—Брошюра Кавелина.—Записка Самарина.—

Правительственная реакція, наступившая тотчасъ вслѣдъ за обнародованіемъ положенія 19 февраля, выразилась, какъ извѣстно, прежде всего въ томъ, что Александръ, для успокоенія крѣпостниковъ, пожертвовалъ имъ тѣми изъ сотрудниковъ своихъ по крестьянскому дѣлу, которые возбудили противъ себя наибольшую ненависть дворянства. Ланской и Милютинъ уже въ апрѣлѣ 1861 г. были удалены со своихъ мѣстъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Валуевъ,—тотъ самый Валуевъ, который въ концѣ 1860 г. писалъ по заказу М. Н. Муравьева для него и для кн. В. А. Долгорукаго критику на труды редакціонныхъ комиссій. Біографъ Александра II Татищевъ старается увѣрить читателей, будто бы программа Валуева «заключалась въ строгомъ и точномъ введеніи въ дѣйствіе положеній 19 февраля, но въ примирительномъ духѣ» [2]). На самомъ дѣлѣ программа Валуева, не особенно успѣшно выполненная, заключалась въ томъ, чтобы, елико возможно, успокоить и ублаготворить помѣщиковъ и всячески обуздать крестьянъ при малѣйшихъ признакахъ неповиновенія. За одно съ крестьянами обуздывались и ихъ защитники—мировые посредники перваго призыва.

---

[1]) См. Минувшіе Годы. Февраль, Мартъ, Апрѣль.

[2]) *Татищевъ*, 1, 392.

Выборъ и назначеніе мировыхъ посредниковъ по закону 19 февраля зависѣлъ отъ губернаторовъ. И хотя большинство этихъ послѣднихъ было далеко не на высотѣ своего положенія и далеко не всѣ изъ нихъ искренно сочувствовали дѣлу реформы, тѣмъ не менѣе выборъ первыхъ посредниковъ, благодаря рѣшительнымъ указаніямъ Ланского, былъ довольно удовлетворителенъ. Впрочемъ, и между губернаторами были въ то время нѣкоторые искренно преданные дѣлу реформы, какъ Арцимовичъ—въ Калугѣ, Муравьевъ—въ Нижнемъ, Гротъ—въ Самарѣ, Барановскій—въ Оренбургѣ и Купреяновъ—въ Пензѣ. Валуевъ тотчасъ же вступилъ съ ними въ борьбу. Въ теченіе первыхъ же двухъ лѣтъ своего управленія онъ избавился отъ всѣхъ этихъ лицъ, замѣнивъ ихъ своими клевретами. Нѣкоторые изъ губернаторовъ, какъ Арцимовичъ и Муравьевъ (А. Н.), оказали однако же рѣшительное сопротивленіе; Валуеву пришлось даже кое въ чемъ имъ уступить и проглотить нѣсколько крупныхъ непріятностей при защитѣ магнатовъ-помѣщиковъ—Мальцова въ Калугѣ, Шереметева въ Нижнемъ,—но въ концѣ концовъ и Муравьевъ, и Арцимовичъ были удалены со своихъ мѣстъ, хотя и съ почетомъ (въ сенатъ) [1]). Въ отношеніи мировыхъ посредниковъ, неподдававшихся внушенію новыхъ принциповъ, невыгодныхъ для крестьянъ и противныхъ духу положенія 19 февраля, пущена была въ ходъ цѣлая своеобразная система. Въ дѣятельности своей посредники поставлены были по закону достаточно самостоятельно и независимо отъ административныхъ властей. Они были подчинены не губернаторамъ и не министру, а сенату, и уволить ихъ можно было не иначе, какъ по суду. Однако же Валуевъ изобрѣлъ скоро выходъ изъ этого затруднительнаго для него положенія. Онъ сталъ при помощи покорныхъ ему губернаторовъ и губернскихъ присутствій сокращать число первоначально учрежденныхъ мировыхъ участковъ, искусно оставляя при этомъ за штатомъ тѣхъ именно лицъ, которыя оказывались наиболѣе упорными защитниками интересовъ крестьянъ.

Эти жалкія попытки угодить заднимъ числомъ, если не дворянскому сословію вообще, то отдѣльнымъ помѣщикамъ, изъ которыхъ оно состояло, въ сущности не привели къ цѣли, а уронили только еще больше престижъ бюрократіи въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Между тѣмъ, положеніе 19 февраля, разсматривавшееся помѣщиками какъ актъ произвола и насилія надъ ихъ законными правами, въ то же время совершенно не удовлетворило крестьянъ. Крестьяне, терпѣливо и безропотно ждавшіе «волю» въ теченіе четырехъ лѣтъ, были сильно разочарованы въ

---

[1]) Ст. В. И. *Снѣжневскаго* „Крестьяне и помѣщики наканунѣ крестьянской реформы и первые годы послѣ нея“ въ т. III „Сборн. нижегор. архив. коммиссіи“. Моя статья „Подготовленіе и введеніе крестьянской реформы въ калужской губерніи въ 1858—1863 г.г. при В. А. Арцимовичѣ“ въ сборникѣ въ память Арцимовича, изд. въ 1904 году.

своихъ ожиданіяхъ; они не могли признать подлинной «волей» положеніе 19 февраля, обязывавшее ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ попрежнему отбывать барщину и платить оброки за землю, которая по ихъ понятіямъ должна была остаться у нихъ безплатно. Положенія 19 февраля составляли цѣлую книгу, написанную совершенно непонятнымъ для крестьянъ языкомъ, изъ которой сельскіе грамотеи и доморощенные комментаторы могли произвольно выдергивать отдѣльныя фразы и слова, которымъ они нерѣдко придавали желательный для крестьянъ смыслъ [1]).

Ни помѣщикамъ, ни священникамъ крестьяне не вѣрили. И вотъ въ результатѣ пошли почти повсемѣстные отказы крестьянъ выходить на барщину, а кое-гдѣ и платить оброки, послѣдовали вразумленія, порки, посылка военныхъ командъ, стрѣльба въ народъ. «Прошло едва три мѣсяца—писалъ въ іюнѣ 1861 г. Н. А. Серно-Соловьевичъ,—а уже почти все, что говорили противники добровольнаго выкупа съ срочно-обязаннымъ положеніемъ, совершилось воочію. Въ эти три несчастныхъ мѣсяца народъ выстрадалъ столько горя, пролилъ столько слезъ и крови, что ими залилась вся радость освобожденія. Да недаромъ задумывался всякій разъ мужикъ, говоря о предстоящей волѣ, не даромъ заканчивалъ рѣшительныя надежды сомнѣніемъ «а Богъ-то вѣсть, что-то еще будетъ впереди, кабы не было хуже»—недовѣрчиво покачивая головой на увѣренія, что хуже быть не можетъ. Онъ не могъ обманываться, лучше всѣхъ зная свое положеніе и свою обстановку. Не сладко началась для него воля!» [2]). Это были не пустыя слова, за ними въ цитируемой брошюрѣ слѣдовалъ цѣлый мартирологъ различныхъ «бунтовъ» и усмиреній, составленный безъ всякихъ прикрасъ изъ офиціальныхъ сообщеній тогдашнихъ газетъ. Мартирологъ этотъ открывался описаніемъ ужасной бойни, происшедшей въ с. Безднѣ, казанской губ., гдѣ было убито 55 крестьянъ и ранено 71, и заключалъ въ себѣ перечень крестьянскихъ волненій, происшедшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ 20 губерній весною и лѣтомъ 1861 г. Для насъ теперь, черезъ 40 слишкомъ лѣтъ, эти скорбные факты не могутъ, разумѣется, заслонить огромнаго значенія крестьянской реформы, при всѣхъ недостаткахъ положенія 19 февраля, но на современниковъ они производили гнетущее впечатлѣніе. Между тѣмъ критиковать реформу въ печати не дозволялось, и это еще

---

[1]) Почти нигдѣ не принято было со стороны мѣстныхъ начальствъ разумныхъ мѣръ къ быстрому ознакомленію населенія съ истиннымъ смысломъ положенія, какъ это сдѣлалъ въ калужской губерніи В. А. Арцимовичъ, чѣмъ и предупредилъ въ значительной мѣрѣ волненія крестьянъ въ этой губерніи. Тѣмъ не менѣе и тамъ чтеніе статей положенія производило на крестьянъ во многихъ мѣстахъ какое-то тусклое и непріятное впечатлѣніе. (Срав. мою статью въ сборникѣ въ память В. А. Арцимовича „Крестьянская реформа въ калужской губерніи", глава VI).

[2]) *Серно Соловьевичъ* „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса". Берлинъ 1861, стр. 37 - 57.

болѣе обостряло негодованіе и усиливало ненависть къ бюрократіи въ общественныхъ кругахъ.

Эта общая ненависть сблизила тогда людей весьма различныхъ взглядовъ и направленій. Съ одной стороны, люди, ранѣе придерживавшіеся либеральнаго образа мыслей, проявляли готовность дѣйствовать революціонными путями (какъ, напр., Николай Серно-Соловьевичъ); цѣлые съѣзды мировыхъ посредниковъ, цѣлыя дворянскія собранія смѣло выступали съ горячими протестами и конституціонными требованіями. Съ другой стороны, непримиримые демократы, какъ Чернышевскій, готовы были примкнуть даже къ дворянской оппозиціи, лишь бы нанести соединенными силами смертельный ударъ бюрократическому правительству. Требованіе немедленнаго обязательнаго выкупа повинностей крестьянъ и освобожденія общества отъ административнаго произвола сдѣлалось въ это время лозунгомъ, объединявшимъ людей, совершенно чуждыхъ другъ другу по всѣмъ остальнымъ понятіямъ, взглядамъ и вкусамъ.

Николай Серно-Соловьевичъ, мирно работавшій въ зиму 1858—59 г. въ Калугѣ, въ качествѣ секретаря губернскаго комитета, а затѣмъ перешедшій на службу въ канцелярію государственнаго совѣта, въ концѣ 1859 г. выходитъ въ отставку съ демонстративнымъ заявленіемъ, что онъ не можетъ служить правительству, которое идетъ, какъ въ дѣлѣ Безобразова, путемъ произвола. Въ 1861 г. онъ издаетъ въ Берлинѣ за полною своею подписью брошюру съ сильной и ѣдкой критикой положенія 19 февраля и въ особенности работъ финансовой комиссіи за то, что она отказалась подъ давленіемъ сверху отъ идеи обязательнаго выкупа. Вслѣдъ за тѣмъ Серно-Соловьевичъ издаетъ уже въ Петербургѣ подпольный листокъ «Великоруссъ», въ 3-мъ (и послѣднемъ) № котораго излагаетъ слѣдующую программу: 1. вся земля, которою крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ, должна быть у нихъ оставлена и укрѣплена имъ въ собственность при помощи выкупа, который однако же долженъ быть уплаченъ помѣщикамъ не одними крестьянами, а всѣми классами народа; 2. созваніе народныхъ представителей для выработки конституціи для Россіи; 3. созваніе такого же собранія въ Варшавѣ, чтобы поляки могли устроить судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ [1]). Какъ видитъ читатель, за исключеніемъ §, относящагося къ Польшѣ и вызваннаго событіями дня, остальные пункты этой программы совпадаютъ съ требованіями, выставленными тверскими либералами съ самаго начала крестьянской реформы.

Болѣе рѣзкія требованія были выставлены въ прокламаціи,

[1]) Эта прокламація съ приложенными къ ней проектами адреса напечатана въ сборникѣ *Бурцева* „За сто лѣтъ", ч. I, стр. 35—40. См. также сборникъ *Богучарскаго* „Революціонная журналистика 60 гг.", стр. 30—34.

составленной тогда же извѣстнымъ писателемъ и поэтомъ М. И. Михайловымъ «Къ молодому поколѣнію» [1]).

Около этого же времени (въ самомъ началѣ 1862 г.) Чернышевскій написалъ свои «Письма безъ адреса», которыя, впрочемъ, тогда не были напечатаны, а увидѣли свѣтъ впервые лишь въ 1874 г. Несмотря на это, намъ важно на нихъ остановиться, потому что они чрезвычайно ярко отражаютъ тогдашнее настроеніе главы русскаго радикализма. Эти письма, хотя и безъ адреса, на самомъ дѣлѣ имѣли въ виду, какъ видно изъ ихъ содержанія, самого Александра II и заключали въ себѣ весьма опредѣленный взглядъ на положеніе вещей, образовавшееся въ Россіи вслѣдъ за введеніемъ закона 19 февраля. Отражая въ себѣ господствовавшее тогда разочарованіе въ проведенной правительствомъ крестьянской реформѣ, признавая ее лишь формальной поправкой къ существовавшему ранѣе строю, несостоятельность котораго обнаружена была крымской войной, брошюра Чернышевскаго прямо указываетъ, что причина неудачи крестьянской реформы лежитъ въ томъ, что правительство рѣшилось ее провести чисто бюрократическимъ путемъ. Она утверждаетъ даже, что и общество, и правительство сдѣлали большую ошибку, придавая уничтоженію крѣпостного права слишкомъ универсальное значеніе. Крѣпостное право было лишь самымъ сильнымъ выраженіемъ всего нашего дореформеннаго строя, и потому этотъ строй, пока онъ самъ оставался неизмѣннымъ, не могъ, по мнѣнію Чернышевскаго, удачно, кореннымъ образомъ совершить и крестьянскую реформу. Поэтому Чернышевскій выражаетъ полное сочувствіе той либеральной дворянской оппозиціи, которая проявилась въ протестахъ и адресахъ дворянскихъ собраній и, нисколько не смѣшивая ее съ протестами разгнѣванныхъ крѣпостниковъ, видитъ въ ней проявленіе здоровыхъ и законныхъ гражданскихъ стремленій. Указывая, что послѣ происшедшихъ крестьянскихъ волненій и въ ожиданіи новыхъ всѣ классы общества почувствовали на себѣ гнетъ невыносимаго положенія, созданнаго неудачнымъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, Чернышевскій писалъ: «Разъ будучи принуждены обстоятельствами

---

[1]) Въ этой прокламаціи выставлены были такія требованія: 1. чтобы власть была выборная и ограниченная; 1. полная свобода слова; 3. развитіе самоуправленія; 4. уничтоженіе всякихъ привилегій; 5. контроль со стороны народа надъ денежными сборами и финансовымъ управленіемъ; 6. открытый, гласный судъ, уничтоженіе тайной и явной (sic!) полиціи, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній; 7. общинное землевладѣніе, съ надѣленіемъ землей всѣхъ неимущихъ и съ уничтоженіемъ всякаго частнаго землевладѣнія (а на ряду съ этимъ ставилось устраненіе переходнаго, т. е. срочно-обязаннаго состоянія); 8. сокращеніе расходовъ на армію, уменьшеніе срока службы солдатамъ; 9. сокращеніе расходовъ на царскую фамилію и на управленіе страной съ упраздненіемъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, и 10. всеобщая амнистія политическимъ преступникамъ. Въ этой прокламаціи содержались и угрозы императору Александру II и царствующей династіи. Прокламація эта напечатана у *Бурцева*, стр. 25. См. также „Революціонная журналистика 60 г.г.“, стр. 2—15.

думать объ общественныхъ дѣлахъ, всѣ сословія естественно перешли отъ частнаго вопроса, давшаго ихъ мыслямъ такое направленіе, къ общему положенію вещей и, разумѣется, не затруднились сообразить, согласно ли оно съ ихъ собственными выгодами. Тотчасъ же замѣтили они, что находятся въ настоящемъ порядкѣ черты, одинаково невыгодныя для всѣхъ сословій, и соединились въ желаніи измѣнить эти черты».

«Вамъ извѣстно, М. Г., какихъ общихъ перемѣнъ стали желать всѣ сословія, которыхъ прямо не касается частный вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Всѣ они чувствовали обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебнаго устройства, отъ многосложной формалистичности законовъ. Дворянство точно также страдало отъ этихъ недостатковъ, какъ и другія сословія. Такимъ образомъ, самъ собою открывался ему способъ найти нужную для него опору; оно сдѣлалось представителемъ стремлѐній къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ сословій» [1]).

Поэтому, по мнѣнію Чернышевскаго, нельзя считать требованія всеобщей реформы, истолкователемъ которыхъ является дворянство, результатомъ какихъ-либо личныхъ побужденій или сословныхъ интересовъ. Если бы у другихъ классовъ общества были свои органы для выраженія ихъ требованій и стремленій, они высказали бы то же самое, что высказали дворянскія собранія. Они сдѣлали бы это еще съ большей энергіей, нежели дворянство, потому что общіе пороки нашего государственнаго строя отражались на нихъ гораздо сильнѣе. «Если вы, М. Г., спросите— писалъ Чернышевскій—купечество или духовенство, мѣщанъ или крестьянъ, или даже массу чиновниковъ (за исключеніемъ немногихъ чиновниковъ, которымъ нынѣшній порядокъ выгоденъ), вы услышите отъ каждаго изъ этихъ сословій, что у каждаго изъ этихъ классовъ тѣ же самыя мысли о законодательствѣ, объ администраціи и судѣ» [2]). Чернышевскій сожалѣетъ только, что адресатъ его письма (т. е. императоръ Александръ) слишкомъ удаленъ отъ маленькихъ людей, чтобы лично узнать ихъ желанія; въ противномъ случаѣ онъ убѣдился бы, что эти желанія растутъ и распространяются съ огромной быстротой, такъ что Чернышевскому представлялся близкимъ уже тотъ часъ, когда общество выскажетъ ихъ съ рѣшимостью и единодушіемъ.

Далѣе слѣдовала нѣсколько односторонняя критика трудовъ редакціонныхъ комиссій, причемъ Чернышевскій рѣшительно не хотѣлъ считаться съ тѣми обстоятельствами, въ какихъ эти труды начались и совершались. Его брошюра, будучи страстнымъ политическимъ памфлетомъ, отнюдь не можетъ быть, конечно, разсматриваема, какъ объективная и безпристрастная критика Положенія 19-го февраля; но она въ высшей степени любопытна для насъ, какъ историческій документъ, какъ показатель того

---

[1]) „Письма безъ адреса“. Журналъ „Впередъ“ за 1873 г., т. I, стр. 263.
[2]) Тамъ же, стр. 264.

общественнаго настроенія, которое охватило, повидимому, въ тотъ моментъ всѣ передовые круги русскаго общества. Всего рельефнѣе это настроеніе выразилось въ движеніи, происшедшемъ въ зиму 1861 и 1862 г.г. среди тверского дворянства.

Въ то время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ подборъ мировыхъ посредниковъ былъ особенно удаченъ, они, не ограничиваясь официальными уѣздными съѣздами, собирались нѣсколько разъ въ годъ въ большіе неофиціальные *губернскіе* съѣзды, съ разрѣшенія или съ вѣдома губернаторовъ. Такіе съѣзды устраивались въ Калугѣ, въ бытность тамъ губернаторомъ В. А. Арцимовича, съ допущеніемъ на нихъ публики, которая ими очень интересовалась [1]). Подобные же съѣзды практиковались и въ Твери. И вотъ на одномъ изъ нихъ, 12-го декабря 1861 г., послѣ двухдневныхъ оживленныхъ дебатовъ вотировано было постановленіе (принятое 41 голосомъ противъ 8), въ которомъ, между прочимъ, заявлялось, что «законоположеніе 19 февраля не удовлетворило народныхъ потребностей ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ отношеніи свободы, а возбудило ихъ въ самой сильной степени». Затѣмъ указывалась необходимость выкупа, а чтобы сдѣлать его возможнымъ, требовалось улучшеніе условій кредита, для чего рекомендовалось взаимное довѣріе общества къ правительству и обратно.

«Изъ непосредственныхъ сношеній съ народомъ—сказано было въ этомъ оригинальномъ документѣ—мировые посредники тверской губерніи пришли къ тому единодушному убѣжденію, что, если на готовность общества предложить правительству взаимное довѣріе, правительство не отвѣтитъ тѣмъ же, то обществу предстоитъ неизбѣжное бѣдствіе». Въ заключеніе члены съѣзда, имѣя, вѣроятно, въ виду двоедушную политику Валуева, признали ошибочнымъ «тотъ образъ дѣйствій, который перемѣнною поддержкою то одной, то другой изъ сторонъ, враждебно раздѣленныхъ самымъ существомъ дѣла, полагаетъ возможнымъ отвратить или, по крайней мѣрѣ, отдалить угрожающее бѣдствіе». «Слагая съ себя отвѣтственность за будущее», но въ то же время рѣшившись до конца исполнять возложенныя на нихъ обязанности, члены съѣзда положили довести о своихъ постановленіяхъ до свѣдѣнія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и всѣхъ уѣздныхъ предводителей тверской губерніи.

1-го февраля открылось въ Твери экстренное дворянское собраніе по вопросу о поземельныхъ банкахъ. Валуевъ прекрасно зналъ, что на этомъ собраніи готовится обсужденіе общихъ государственныхъ преобразованій, но, слѣдуя своей политикѣ задабриванія дворянства, не рѣшился прямо этому воспрепятствовать, а послалъ лишь для участія въ собраніи своего чиновника, тверского помѣщика кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго (впослѣд-

---

[1]) „Крестьянская реформа въ калужской губерніи“. Сборникъ въ память Арцимовича.

ствіи министра иностранныхъ дѣлъ при имп. Александрѣ III) съ порученіемъ, если возможно, сорвать собраніе и отвратить представленіе всякихъ нежелательныхъ ходатайствъ. Но Лобанову это не удалось, и послѣ четырехдневныхъ горячихъ дебатовъ, въ которыхъ очень мало говорилось о банкахъ и очень много объ общемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, препятствующемъ развитію кредита, была принята резолюція, въ которой прежде всего указывалось, что въ кредитѣ нуждаются, въ сущности, одни только помѣщичьи хозяйства, и что если бы послѣдовалъ обязательный выкупъ крестьянскихъ повинностей, то и эта потребность въ поземельномъ кредитѣ на долгое время устранилась бы полученіемъ выкупныхъ суммъ. Убѣдившись въ полной несостоятельности обязательныхъ отношеній съ крестьянами, дворянство желало устранить ихъ выкупомъ крестьянами надѣловъ при содѣйствіи всего государства.

Для возрожденія же кредита дворянство признавало необходимыми слѣдующія реформы: 1. преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола; 2. учрежденіе независимаго и гласнаго суда; 3. введеніе полной гласности во всѣ отрасли управленія, безъ чего не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству, а слѣдовательно, и къ прочности существующаго порядка; 4. уничтоженіе антагонизма между сословіями. «Дворянство — сказано было въ этомъ постановленіи, — будучи глубоко проникнуто сознаніемъ необходимости выйти изъ этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность упрека въ томъ, что оно составляетъ преграду на пути общаго блага, объявляетъ предъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій... и не считаетъ нарушеніемъ своихъ правъ обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи государства».

Еще знаменательнѣе былъ заключительный пунктъ этого постановленія; онъ совершенно совпадалъ съ мыслями, высказанными въ «Письмахъ безъ адреса» Чернышевскаго, которыя однако же были написаны лишь черезъ нѣсколько недѣль *послѣ* тверского собранія.

«Осуществленіе этихъ реформъ — писало тверское дворянство — *невозможно путемъ правительственныхъ мѣръ,* которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, *дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе.* Посему дворянство *не обращается къ правительству съ просьбою* о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая *его несостоятельность* въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить

для спасенія себя и общества. *Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословія»*.

Въ соотвѣтствіи съ этими постановленіями, редактированъ былъ и адресъ императору Александру. Въ немъ также указывалось на необходимость обязательнаго выкупа, а затѣмъ, переходя къ вопросу о дворянскихъ привилегіяхъ, тверскіе дворяне писали: «Дворяне, въ силу сословныхъ преимуществъ, избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! Мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка насчетъ другихъ сословій.

«Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло быть терпимо только при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ. Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ, и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ Ваше императорское величество разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей, соотвѣтственно состоянію каждаго».

«Кромѣ имущественныхъ привилегій, мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ; въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія».

Указавъ затѣмъ на отсутствіе взаимнаго пониманія между дворянствомъ и правительствомъ, податели адреса такъ заключили свои ходатайства:

«Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. *Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что стоимъ къ нему ближе*, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности, не только для удовлетворенія, но и для указанія народныхъ потребностей. Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными потому, что принимаются безъ спроса и безъ вѣдома народа.» *«Созваніе выборныхъ отъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля»*.

Прошло едва два года между подачей адресовъ депутатами губернскихъ комитетовъ и дворянскими собраніями 1859—1860 г.г. и составленіемъ только что изложенныхъ постановленій и адреса тверского собранія 1862 г., а какая огромная разница и въ тонѣ, и въ содержаніи этихъ документовъ! Адресы и отзывы депутатовъ заключали въ себѣ первыя робкія упоминанія о необходимыхъ реформахъ, которыя были въ это время отчасти намѣчены уже и самимъ правительствомъ; адресы губернскихъ собраній 1859—1860 г.г., правда, болѣе рѣшительные по тону, повторяли въ

сущности тѣ же ходатайства, причемъ и въ тѣхъ и въ другихъ ясно просвѣчивала забота отстоять первенствующую роль дворянскаго сословія и не дать бюрократіи оттереть *его* на второй планъ. Говоря объ интересахъ народа въ самомъ доброжелательномъ тонѣ, высказывая великодушныя стремленія надѣлить его всѣми гражданскими правами и даже участіемъ въ общественномъ самоуправленіи, либеральное дворянство въ то время все же желало сохранить за собой роль народнаго опекуна и руководителя. Ничего подобнаго не было въ совершенно демократическихъ заявленіяхъ тверского собранія 1862 г. Неудивительно, что эти послѣднія заявленія удовлетворили даже и Чернышевскаго, который не могъ не признать ихъ достаточно ясно и смѣло выражающими ближайшія нужды переживаемаго момента. Вѣроятно, и Добролюбовъ не поколебался бы признать ихъ достаточно сильными и смѣлыми, если бы ему довелось дожить до этого момента.

Какъ ни рѣзко выражены были эти ходатайства, какъ ни сильно звучалъ въ нихъ оппозиціонный тонъ, формально они не выходили за предѣлы компетенціи дворянскихъ собраній. Къ тому же въ расчеты Валуева не входило нападать прямо на дворянскія учрежденія и открыто стѣснять ихъ прерогативы. Но правительству нужно было во что бы то ни стало найти виновныхъ, и оно яростно обрушилось на членовъ мировыхъ учрежденій тверской губерніи, которые на другой день послѣ закрытія дворянскаго собранія собрались въ числѣ 13 подъ предсѣдательствомъ Алексѣя Бакунина [1]) и составили протоколъ, въ которомъ повторили въ краткой и потому еще болѣе рѣзкой формѣ резолюціи дворянскаго собранія «*о несостоятельности* закона 19 февраля», о необходимости предоставить крестьянамъ земли въ собственность, «*о несостоятельности* правительства» удовлетворить общественнымъ потребностямъ и о необходимости собранія представителей всего народа безъ различія сословій. Признавая для себя, какъ для «слугъ общества», нравственно обязательными эти постановленія, мировые посредники заявили, что они считаютъ долгомъ принять ихъ въ руководство своей дѣятельности, и что всякій образъ дѣйствій, противный этимъ убѣжденіямъ, они признаютъ «враждебнымъ обществу».

Это заявленіе было подписано новоторжскимъ уѣзднымъ предводителемъ Алексѣемъ Бакунинымъ, корчевскимъ предводителемъ Балкашинымъ, членомъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ (отъ правительства) Николаемъ Бакунинымъ, мировыми посредниками: Глазенапомъ, Харламовымъ, Невѣдомскимъ, Полторацкимъ, Лазаревымъ, Лихачевымъ, Демьяновымъ, Кудрявцевымъ, Кислинскимъ и кандидатомъ Широбоковымъ. На этихъ-то лицахъ правительство, только что передъ тѣмъ возвратившее изъ ссылки Унковскаго и Европеуса, и рѣ-

---

[1]) Младшій братъ Михаила Александровича Бакунина, тогда только что успѣвшаго бѣжать изъ Сибири.

шило выместить свою злобу. Въ Тверь былъ посланъ генералъ-адъютантъ Анненковъ съ повелѣніемъ арестовать этихъ лицъ и прислать ихъ въ Петербургъ, гдѣ они были посажены въ Петропавловскую крѣпость. Анненкову даны были полномочія смѣнять и назначать мировыхъ посредниковъ по своему усмотрѣнію и принимать другія экстренныя мѣры. Арестованные посредники преданы были суду сената и послѣ 5-мѣсячнаго заключенія въ крѣпости были приговорены (согласно 319 ст. ул. о нак., изд. 1857 г.) къ заключенію въ смирительномъ домѣ на сроки отъ 2 лѣтъ до 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ (Алексѣй Бакунинъ) и къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (въ томъ числѣ права участія въ выборахъ). Сидѣть въ смирительномъ домѣ имъ не пришлось, благодаря заступничеству петербургскаго генералъ-губернатора кн. Сузорова; но въ правахъ нѣкоторые изъ нихъ (напр., братья Бакунины) такъ и не были возстановлены до самой смерти (Ник. Алек. Бакунинъ умеръ въ 1900 г.). [1]).

Дворянство другихъ губерній прямо не поддержало тверского дворянства въ его заявленіяхъ. Но конституціонное движеніе вообще получило тогда чрезвычайно сильное распространеніе въ дворянской средѣ. По рукамъ ходило множество проектовъ адресовъ и заявленій, составленныхъ какъ прогрессивными, такъ и самыми разнородными по своимъ стремленіямъ группами и людьми. Въ числѣ ихъ были и подпольные листки «Великоруссъ» и общества «Земля и Воля», основаннаго около этого времени *Н. Серно-Соловьевичемъ* съ программой однородной съ вышеприведенной программой «Великорусса», и составленный *Огаревымъ* адресъ въ расчетѣ, главнымъ образомъ, на недовольные дворянскіе круги. У М. П. Драгоманова [2]) и у В. П. Батуринскаго [3]) приведена любопытная переписка, возникшая по этому поводу между *И. С. Тургеневымъ* и *А. И. Герценомъ*, а затѣмъ между Герценомъ и *Кавелинымъ* по поводу изданной послѣднимъ заграничной брошюры «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», въ которой Кавелинъ высказался противъ дворянскихъ мечтаній о конституціи [4]). Противъ конституціоннаго движенія написалъ

---

[1]) Вся эта исторія изложена съ приведеніемъ подлинныхъ документовъ въ 1 й книгѣ „Освобожденія", изд. въ 1903 г. Упоминаніе о ней содержится въ статьѣ *Л. Ф. Пантелѣева* „Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ" въ сборникѣ „На славномъ посту". (Срав. его же „Изъ воспоминаній прошлаго", изд. 1905 г., стр. 231—232). Тамъ же, между прочимъ, указано, что *В. В. Берви* (впослѣдствіи писавшій подъ псевдонимомъ Флеровскаго—„Положеніе рабочаго класса въ Россіи", „Азбука соціальныхъ наукъ" и проч.), тогда служившій въ сенатѣ, разослалъ иностраннымъ дипломатическимъ агентамъ, находившимся въ Петербургѣ, изложеніе этой исторіи, сдѣланное имъ въ „письмѣ къ предводителямъ дворянства", за что былъ арестованъ и высланъ въ Астрахань. Письмо г. Берви напечатано въ „Матеріалахъ для исторіи революц. движенія въ Россіи въ 60-хъ г.г.", стр. 54 (петербургскаго изданія).

[2]) Переписка И. С. Тургенева и К. Д. Кавелина съ А. И. Герценомъ, изд. въ Женевѣ въ 1892 г.

[3]) „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые". Спб. 1864 г., стр. 183 и слѣд.

[4]) Сочиненія Кавелина, т. II, стр. 105 и слѣд.

въ то время весьма замѣчательную записку и *Юрій Самаринъ*, но И. С. Аксаковъ, которому онъ прислалъ ее на всякій случай, не далъ ей тогда ходу, опасаясь, что она безъ нужды возстановитъ многихъ противъ Самарина [1]).

Если принять въ расчетъ вышеизложенныя постановленія тверского дворянства и мысли, изложенныя въ «письмахъ безъ адреса» Чернышевскимъ, то можно, кажется, вполнѣ согласиться съ Тургеневымъ во всемъ, что онъ писалъ Герцену о неумѣстности, неловкости и запоздалости огаревскаго проекта. Проектъ адреса Огарева содержалъ въ себѣ весьма неумѣренныя и совершенно неосновательныя нападки на положеніе 19 февраля, и Тургеневъ вполнѣ резонно указывалъ, что это безтактно, потому что «*съ Положенія начинается новая эра въ Россіи*». «Редакція адреса—замѣчалъ далѣе Тургеневъ—составлена явно съ цѣлью пріобрѣсти нѣсколько сотенъ или тысячъ подписей отъ *крѣпостниковъ*, которые, обрадовавшись случаю высказать свою вражду къ эмансипаціи и Положенію, зажмурятъ глаза на послѣдствія земскаго собора...»

«Если этотъ адресъ дойдетъ до крестьянъ,—а это, по мнѣнію Тургенева несомнѣнно,—то они по справедливости увидятъ въ немъ новое нападеніе дворянства на освобожденіе».

Въ этомъ письмѣ, адресованномъ къ лицу, привезшему ему проектъ адреса отъ Огарева и Герцена, Тургеневъ сообщаетъ, что у него есть мысль составить свой проектъ, но, повидимому, онъ ея не исполнилъ. Въ письмѣ къ Герцену (отъ 8 октября 1862 г.) Тургеневъ, между прочимъ, писалъ: «насчетъ адреса скажу одно: мнѣ достаточно того факта, что къ нему могутъ приложить руки М. Безобразовъ и Паскевичъ, чтобы не прикладывать моей». Въ одномъ письмѣ (отъ 16 октября) онъ опять утверждаетъ, что «Земля приняла «Положеніе» и даже пророчитъ, что въ весьма скоромъ времени она «сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о «Положеніи» и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ»... Тургеневъ предлагалъ вообще отложить мысль объ адресѣ до выясненія рѣшенія правительства о мѣстномъ земскомъ самоуправленіи. Упомянувъ о двухъ разсматривающихся проектахъ: Милютинскомъ («отличающемся относительной широтой и свободой своихъ началъ») и Валуевскомъ («изуродованномъ и іезуитскомъ»), Тургеневъ писалъ: «Если, какъ слѣдуетъ предполагать, будетъ принятъ второй, то вотъ тутъ дѣятельная и живая и практическая исходная точка для протестующаго адреса, такого адреса, который предназначенъ поднять и расшевелить общественное мнѣніе...» Въ заключеніе онъ увѣрялъ, что, пустивъ въ ходъ свой неудачный адресъ, Огаревъ и Герценъ произвели бы выстрѣлъ «хуже, чѣмъ на воздухъ,—себѣ въ лобъ» [2]).

---

[1]) „Русь“ за 1881 г., № 29.
[2]) Батуринскій, собр. соч., стр. 189.

Точка зрѣнія Кавелина совсѣмъ иная. Онъ не только противъ адресовъ, но и противъ конституціи въ Россіи. Онъ желаетъ либеральныхъ реформъ, но полагаетъ, что онѣ вполнѣ осуществимы при самодержавіи. Онъ приглашаетъ дворянство, прежде чѣмъ добиваться конституціи, поработать основательно на ряду съ другими сословіями надъ развитіемъ мѣстнаго земскаго самоуправленія и въ этомъ видитъ его коренную задачу. «Мы увѣрены—писалъ Кавелинъ въ своей брошюрѣ,—что если-бъ какимъ-нибудь чудомъ политическая конституція досталась теперь въ руки дворянства, то это была бы, конечно, самая горькая иронія надъ нынѣшнимъ жалкимъ его состояніемъ; она обнаружила бы вполнѣ всю его несостоятельность и скоро бы пала и была забыта, какъ много конституцій въ Европѣ, не имѣвшихъ твердыхъ основаній въ народѣ»... [1]). Извѣстно, что эта брошюра повела къ разрыву между Кавелинымъ и Герценомъ. Если бы Кавелинъ дожилъ до нашего времени, онъ, вѣроятно, кореннымъ образомъ излечился бы отъ своего утопическаго предположенія о совмѣстимости самодержавія съ гражданской свободой.

Записка Ю. Ѳ. Самарина, который во многомъ сходился съ Кавелинымъ по вопросу о нашемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, несмотря на то, что одинъ былъ славянофилъ, а другой западникъ, замѣчательна тѣмъ, что она исходитъ не изъ коренныхъ славянофильскихъ началъ, формулированныхъ Константиномъ Аксаковымъ, а также, какъ и Кавелинская брошюра—изъ чисто практическихъ соображеній. Поэтому въ ней нѣтъ,—какъ этого можно было ожидать,—принципіальнаго отрицанія конституціонныхъ началъ, а доказывается лишь *несвоевременность для Россіи конституціонныхъ требованій въ 1862 г.*, причемъ Самаринъ стоитъ на народнической, демократической почвѣ. «Народной конституціи—писалъ Самаринъ—у насъ *пока* еще быть не можетъ, а конституція не народная, т. е. господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства,—есть ложь и обманъ». Онъ доказываетъ необходимость развитія при такой конституціи политической централизаціи—Петербургъ задавитъ Россію. Россіи, по его мнѣнію, нужно не то. Намъ нужны: «вѣротерпимость, прекращеніе полицейской проповѣди противъ раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатанія, какъ единственное средство выгнать наружу всѣ зараженные соки, отравляющіе нашу литературу, и черезъ это самое вызвать свободное противодѣйствіе искреннихъ убѣжденій и честнаго здравомыслія; намъ нужно упрощеніе мѣстной администраціи, преобразованіе нашихъ налоговъ, свободный доступъ къ просвѣщенію, ограниченіе непроизводительныхъ расходовъ, сокращеніе придворныхъ штатовъ и т. д., и т. д. И все это возможно—такъ казалось Самарину въ 1862 г.—безъ ограниченія самодержавія; но скорѣе и легче совершится при самодержавной

[1]) Кавелинъ, сочиненія, II, стр. 141.

волѣ, чуждой страха и подозрительности, понимающей свою несокрушимую силу и потому внимательной къ свободному выраженію народной мысли и народныхъ потребностей [1]).

Въ этихъ романтическихъ чаяніяхъ славянофилы должны были въ 1862 г. порядочно разочароваться, но они упрямо отстаивали ихъ и значительно позже, не замѣчая, повидимому, какъ почва уходитъ мало-по-малу изъ подъ ихъ ногъ.

Впрочемъ, возраженія и Кавелина, и славянофиловъ направлены, главнымъ образомъ, противъ олигархическихъ дворянскихъ вожделѣній, а не противъ здоровыхъ демократическихъ требованій тверскихъ либераловъ.

XII.

Настроеніе интеллигенціи.—Положеніе дѣлъ въ университетахъ.—Либеральный режимъ 50-ыхъ годовъ. — Настроеніе студенчества. — Отставка Ковалевскаго и назначеніе Путятина. — Новыя правила, выработанныя Строгановскимъ Комитетомъ.—Безпорядки въ университетахъ.—Отставка Путятина и назначеніе Головнина.—Выработка университетскаго устава.—Мнѣніе Костомарова.—Возраженія Чичерина.—Уставъ 1863 г.—„Вольный университетъ“ Костомарова и инцидентъ съ проф. Павловымъ.

Однако широкое освободительное движеніе, какъ справедливо отмѣтилъ въ «Письмахъ безъ адреса» Чернышевскій, вышло въ 1861 г. далеко за предѣлы тѣснаго круга помѣстнаго дворянства и охватило съ огромной силой все мыслящее русское общество.

Если прочіе классы этого общества, не имѣя органовъ для выраженія своихъ нуждъ и стремленій, не могли ихъ представить правительству, то это способствовало еще больше развитію въ обществѣ броженія и недовольства. Вскорѣ это общественное настроеніе отразилось съ большой силою въ университетскихъ волненіяхъ, въ которыхъ приняли значительное участіе многія лица, не имѣвшія непосредственнаго отношенія къ университетамъ. Университеты находились въ это время въ переходномъ, весьма неопредѣленномъ положеніи.

Выше мы видѣли, что либеральныя вѣянія начала царствованія Александра сказались прежде всего на положеніи печати и университетовъ. Зато нигдѣ не было и такихъ колебаній правительства, какъ въ этой именно сферѣ. Долею это зависѣло и

[1]) Записка Ю. Ф. Самарина напечатана И. С. Аксаковымъ лишь послѣ смерти Самарина въ „Руси“ въ 1881 г., № 29. Другой славянофилъ, А. И. Кошелевъ, въ 1862 г. издалъ въ Лейпцигѣ книжку, въ которой доказывалъ, что логическій выводъ крестьянской реформы и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный выходъ изъ труднаго положенія есть созваніе „Общей Земской Думы“, вполнѣ совмѣстной съ сохраненіемъ самодержавія, сохраненіе котораго Кошелевъ признавалъ необходимымъ. Развитію этой мысли онъ тогда же посвятилъ другую брошюру: „Конституція, Самодержавіе и Земская Дума“. Срав. „Записки“ А. И. Кошелева, стр. 138—140.

отъ нерѣшительности двухъ первыхъ министровъ народнаго просвѣщенія—безпринципнаго Норова (до 1858 года) и нерѣшительнаго Ковалевскаго (1858—1861), но главнымъ виновникомъ этихъ колебаній былъ безъ сомнѣнія самъ императоръ Александръ [1]). Сознавая, что при томъ гнетѣ, какой былъ въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія, никакое развитіе знаній и образованности въ обществѣ невозможно, Александръ въ то же время боялся дать полную волю университетамъ такъ же, какъ и печати, и постоянно держалъ для нихъ камень за пазухой. Къ университетамъ этотъ камень пришлось примѣнить не такъ скоро, какъ къ печати, потому что данная имъ относительная свобода и просторъ не сразу могли вывести ихъ изъ того состоянія крайней забитости и упадка, въ которомъ они находились передъ крымской войной [2]). Вначалѣ оттуда исходили самыя лояльныя ликованія и славословія, и студенты наравнѣ съ прочими обывателями были преисполнены розовыхъ надеждъ и довѣрія къ правительству. Даже незначительные безпорядки и волненія, случавшіеся тамъ и сямъ въ 1857—1858 г.г., совершенно не имѣли политическаго характера и вызывались частными поводами и столкновеніями съ низшими чинами полиціи, по винѣ этихъ послѣднихъ. Когда московскій генералъ-губернаторъ гр. Закревскій по поводу одной подобной исторіи телеграфировалъ императору, что въ московскомъ университетѣ «бунтъ», то Александръ рѣзко отвѣтилъ ему: «не вѣрю», и приказалъ о грубыхъ поступкахъ полиціи произвести строгое разслѣдованіе. Еще при Норовѣ студентамъ разрѣшены были литературныя бесѣды и изданіе «Сборника», которыя должны были соединять молодыхъ людей для научныхъ занятій. Эти собранія и завѣдываніе студенческой кассой, устроенной для поддержанія бѣдныхъ товарищей, послужили первымъ основаніемъ студенческихъ сходокъ [3]). Еще въ 1855 г. университеты были избавлены отъ власти генералъ-губернаторовъ, а попечители учебныхъ округовъ были назначены изъ людей просвѣщенныхъ и либеральныхъ, какъ Н. И. Пироговъ, кн. Щербатовъ, князь П. П. Вяземскій и др. Щербатовъ позволилъ петербургскимъ студентамъ, наряду съ офиціальнымъ «Сборникомъ», издавать рукописные журналы, изъ которыхъ одинъ носилъ названіе «Вѣстника свободныхъ мнѣній», а другой, въ подражаніе Герцену,—«Колокола» [4]).

«Число студентовъ во всѣхъ университетахъ быстро росло, и наряду съ этимъ двери университетовъ были въ это время

---

[1]) Любопытные факты для интимной исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи въ этотъ періодъ сообщаетъ въ своемъ „Дневникѣ" *А. В. Никитенко*, имѣвшій непосредственное прикосновеніе и къ университетской политикѣ, и къ цензурѣ; также *Барсуковъ* въ XIV—XVIII томахъ біографіи Погодина. Небезынтересныя, хотя и отрывочныя, данныя даетъ еще *Середонинъ* въ „Историческ. обзорѣ комитета министровъ", т. III, ч. II, стр. 177 и слѣд.

[2]) *Джаншіевъ*, „Эпоха великихъ реформъ", 7-е изд., стр. 867.

[3]) *Кавелинъ*, Сочиненія, II, 1191.

[4]) Записки и Дневникъ *А. В. Никитенка*, II, стр. 68.

широко открыты для всѣхъ желающихъ. На лекціяхъ можно было видѣть чиновниковъ, офицеровъ, священниковъ; являлись и женщины...» «Студенты сразу отнеслись къ этому нововведенію съ большимъ сочувствіемъ. Во 2-мъ выпускѣ студенческаго «Сборника» (за 1860 г.) говорится: «живой интересъ, возбужденный лекціями нѣкоторыхъ профессоровъ, снялъ съ университета ту долю исключительнаго, изолированнаго учрежденія, которая тяготѣла надъ нимъ; мы съ радостью увидѣли среди себя много лицъ, не принадлежащихъ къ числу студентовъ, изъ среды всѣхъ сословій нашего отечества. Различіемъ возраста, званія и пола лицъ, посѣщающихъ лекціи, университетъ нашъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ то значеніе въ обществѣ, которое, по праву, принадлежитъ ему» [1]).

Властителями думъ молодого поколѣнія въ это время являлись Герценъ, Чернышевскій и Добролюбовъ. «Колоколъ» Герцена свободно передавался изъ рукъ въ руки. Статьи Чернышевскаго и Добролюбова принимались, какъ откровеніе. Литература не скрывала, что на молодое поколѣніе она возлагаетъ всѣ надежды и немудрено, что въ молодежи, наряду съ стремленіемъ къ освобожденію отъ всякихъ стѣсненій и путъ, сталъ развиваться нѣкоторый духъ самомнѣнія и пренебреженія къ идеямъ и дѣятельности стараго поколѣнія. Въ 1860 г. изъ рядовъ университетской молодежи уже выходитъ новый пророкъ молодого поколѣнія Писаревъ, который завоевываетъ въ литературѣ сразу выдающееся положеніе. «Позвольте намъ, юношамъ—писалъ онъ въ маѣ 1861 г.—говорить, писать и печатать; позвольте намъ встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которыя вы называете общими авторитетами...»

«Вотъ заключительное слово нашего юнаго лагеря—писалъ онъ тамъ же,—что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится вдребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть» [2]).

Духъ критики и не замедлилъ проявиться прежде всего въ отношеніи къ профессорамъ. Вошли въ обычай въ аудиторіяхъ рукоплесканія, свистки и шиканье. Къ профессорамъ стали предъявляться опредѣленныя требованія. Произошло нѣсколько случаевъ изгнанія нелюбимыхъ профессоровъ изъ аудиторіи.

Вслѣдъ за интересомъ къ общественнымъ дѣламъ явилось стремленіе въ нихъ такъ или иначе участвовать. Сперва въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ молодежь принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ воскресныхъ школъ. Начальство не только не препятствуетъ, но среди молодыхъ профессоровъ

---

[1]) „С.-Петербургскіе высшіе курсы за 25 лѣтъ“, С.-Петерб. 1904 г., историческій очеркъ, составленный *А. Н. Анненской*, стр. 10.

[2]) *Писаревъ*, Сочиненія, изд. 1894 г., т. I, стр. 374—375.

являются руководители, которые отдаются этому дѣлу съ энтузіазмомъ, какъ, напримѣръ, проф. Павловъ (въ Кіевѣ, а потомъ въ Петербургѣ). Вопросы текущей политики также горячо обсуждаются молодежью. Одна изъ первыхъ политическихъ прокламацій, составленная М. И. Михайловымъ, прямо адресуется къ молодому поколѣнію. Въ Казани послѣ ужасной Бездненской катастрофы студенты съ молодымъ профессоромъ Щаповымъ во главѣ демонстративно служатъ панихиду по крестьянамъ, убитымъ войсками. Въ Петербургѣ студенты устраиваютъ скандалъ на актѣ (8-го февраля 1861 г.), вслѣдствіе отмѣны министромъ рѣчи Костомарова о Константинѣ Аксаковѣ. Однимъ словомъ, университетъ, какъ вѣрный барометръ—по остроумному выраженію Пирогова—показываетъ то бурное настроеніе, которое скопилось къ этому времени въ обществѣ.

Встревоженное правительство пытается остановить это движеніе мѣрами строгости. Гуманный министръ Ковалевскій выходитъ въ отставку, и на его мѣсто назначается мрачный обскурантъ гр. Путятинъ, котораго Тютчевъ сравнивалъ со смерчемъ. Извѣстный мореплаватель и случайный дипломатъ въ Японіи и въ Китаѣ, онъ неожиданно сочтенъ былъ, по рекомендаціи графа Строганова, подходящимъ кандидатомъ на постъ министра народнаго просвѣщенія. Жестокій и безсердечный педантъ, отчаянный ханжа и англоманъ въ то же время—этотъ энциклопедистъ своего рода, въ сущности, не имѣлъ никакой программы. Онъ ѣздитъ за вдохновеніемъ въ Троицкую лавру, старается натравить московскаго митрополита Филарета на Александра, пытается задобрить профессоровъ обѣщаніемъ прибавки къ жалованью и въ то же время застращать ихъ. но все это безъ всякой системы и, разумѣется, безъ результата [1]). Главнымъ вдохновителемъ всѣхъ репрессивныхъ и обскурантныхъ мѣръ явился въ это время гр. С. Г. Строгановъ, главный воспитатель наслѣдника—тотъ самый Строгановъ, которому въ сороковыхъ годахъ московскій университетъ обязанъ былъ многими разумными и полезными мѣрами. Строгановъ нападаетъ на Ковалевскаго и вынуждаетъ его выйти въ отставку, но представленный имъ планъ реорганизаціи университетовъ въ свою очередь терпитъ fiasco въ комитетѣ министровъ. Тогда вырабатывается особой комиссіей подъ его предсѣдательствомъ новый проектъ, который и получаетъ утвержденіе императора 31 мая 1861 г. Правилами 31 мая уничтожаются всѣ зародыши корпоративнаго устройства студентовъ, даже форменное платье. Ими же отмѣнены, между прочимъ, свидѣтельства о бѣдности, освобожденіе студентовъ и вольнослушателей недостаточнаго состоянія отъ платы 50 руб. и запрещены всякія сходки безъ разрѣшенія на-

[1]) Срав. *Кавелина* „Записка объ университетскихъ безпорядкахъ", сочиненія, т. II, стр. 1203. *Барсуковъ* „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. XVIII, стр. 272—276.

чальства [1]). Попечитель Деляновъ, бывшій въ то время либераломъ и пытавшійся при помощи Кавелина и другихъ популярныхъ профессоровъ выработать на основаніи совѣщаній съ депутатами студентовъ цѣлесообразныя и примѣнимыя правила, также выходитъ въ отставку, вслѣдъ за Ковалевскимъ, и на его мѣсто назначается ген. Филиппсонъ, бывшій атаманъ казачьяго войска. Филиппсонъ, впрочемъ, оказался сравнительно порядочнымъ человѣкомъ и вскорѣ, самъ убѣдившись въ своей непригодности, просилъ увольненія. Но Путятинъ тѣмъ временемъ выхлопоталъ еще большія строгости, а именно: полное запрещеніе сходокъ и установленіе правила, что каждый студентъ, не выдержавшій экзамена на слѣдующій курсъ, выключается изъ университета. Осенью, когда студенты явились послѣ каникулъ, узнавъ о новыхъ правилахъ частью изъ газетъ, частью по слухамъ, они немедленно стали волноваться. Начались сходки съ рѣчами и манифестаціями, прокламаціи вывѣшивались въ самомъ университетѣ. 23 сентября университетъ былъ закрытъ. 25 сентября студенты собрались возлѣ университета и отправились черезъ весь городъ огромной процессіей, къ которой присоединилось много посторонней публики, на Колокольную улицу къ попечителю Филиппсону. Попечитель принялъ депутатовъ и просилъ студентовъ вернуться въ университетъ, куда и самъ поѣхалъ немедленно и гдѣ объяснилъ студентамъ причину закрытія университета.

После этого послѣдовали аресты, въ свою очередь вызвавшія новую сходку 27 сентября, прекращенную лишь съ прибытіемъ войскъ. 2 октября опять была сходка на улицѣ, разошедшаяся послѣ ареста нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Послѣ того было опубликовано, что студенты, желающіе оставаться въ университетѣ, обязаны подать о томъ прошеніе и взять матрикулы, въ которыхъ изложены новыя правила. 550 человѣкъ студентовъ и 101 вольнослушатель подали прошеніе, остальные считались уволенными изъ университета. 11-го октября университетъ былъ вновь открытъ, но 12-го опять послѣдовала сходка исключенныхъ изъ университета студентовъ въ числѣ 183 человѣкъ— уже на улицѣ. Полиція оттѣснила ихъ во дворъ университета и, переписавъ здѣсь, вывела подъ военнымъ конвоемъ съ тѣмъ, чтобы вести подъ арестъ. Тогда другіе собравшіеся тутъ же студенты стали съ привѣтственными криками подходить къ арестованнымъ. Произошла свалка съ жандармами, и на студентовъ, по распоряженію ген.-губернатора Игнатьева, направленъ былъ взводъ Преображенскаго полка. Толпа студентовъ была смята, окружена и отправлена въ числѣ 300 человѣкъ частью въ Петропавловскую крѣпость, частью въ Кронштадтскій морской госпиталь. Гр. Пу-

---

[1]) Любопытная отмѣтка Александра II на докладѣ Норова еще 1856 года приведена у *Середонина*: „Остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что уменьшеніе платы для университетовъ допускать не слѣдуетъ". Середонинъ „Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ", т. III, ч. II, стр. 178.

тятинъ до того растерялся, что, описывая всѣ эти происшествія въ письмѣ къ другу своему Филарету, митрополиту московскому, заключалъ: «цѣль преступныхъ дѣйствій направлена къ ниспроверженію существующаго порядка и даже, повидимому, династіи(!)». Поэтому онъ просилъ Филарета, при проѣздѣ государя изъ Крыма черезъ Москву, представить ему объ опасномъ положеніи государства и о необходимости экстренныхъ мѣръ.

Совершенно подобные же петербургскимъ безпорядки произошли и въ Москвѣ. Здѣсь студенты ходили процессіей къ генералъ-губернатору просить освобожденія ранѣе арестованныхъ товарищей. Но когда онъ ихъ не принялъ, и имъ было предложено разойтись, а они не согласились, то на нихъ были выпущены находившіеся тутъ же въ засадѣ два эскадрона гренадеровъ. Студентовъ сильно избили; нѣсколько человѣкъ тяжело ранили, человѣкъ 200 захватили и загнали въ часть, за остальными пустились въ погоню. Въ народъ пущенъ былъ слухъ, что это дворяне пришли просить, чтобы вновь закрѣпостили крестьянъ, и потому многіе изъ простонародья бросились на студентовъ и помогали ловить убѣгавшихъ [1]).

Александръ Николаевичъ, увѣдомленный объ этихъ происшествіяхъ, поспѣшилъ вернуться изъ Крыма въ Петербургъ Онъ ясно увидалъ теперь, что репрессивныя мѣры, принятыя по совѣту Строганова, не ведутъ къ цѣли, и остался очень недоволенъ грубыми и безтактными дѣйствіями гр. Путятина и Игнатьева [2]). Оба они были уволены (Игнатьевъ немедленно, а Путятинъ въ концѣ декабря 1861 г.), и на мѣсто Путятина назначенъ, приближенный къ Константину Николаевичу человѣкъ, извѣстный въ высшихъ сферахъ за либерала, А. В. Головнинъ, а вмѣсто Игнатьева на должность петербургскаго ген.-губернатора— отзывчивый и мягкій князь А. А. Суворовъ. Однако, въ то же время проф. К. Д. Кавелинъ,, представившій обстоятельную записку о студенческихъ безпорядкахъ, и съ нимъ другіе четыре профессора (Спасовичъ, Стасюлевичъ, Пыпинъ и Утинъ) вынуждены были въ декабрѣ 1861 г. подать въ отставку и получили ее. Петербургскій университетъ на этотъ разъ закрытъ былъ до конца академическаго года. Студентовъ вскорѣ освободили изъ заточенія, но многихъ изъ нихъ выслали административнымъ порядкомъ въ отдаленныя губерніи. Въ обществѣ они завоевали себѣ всеобщее сочувствіе, и, по свидѣтельству очевидца и участника этихъ происшествій Л Ф. Пантелѣева, ихъ только что на

[1]) Письмо И. С. Аксакова къ гр. Блудовой. *Бурсаковъ*, т. XVIII, стр. 250.

[2]) Общественное возбужденіе противъ Путятина достигло крайнихъ предѣловъ, такъ что, когда онъ пріѣхалъ, уже отставленный, въ Гейдельбергъ, то ему устроили тамъ нѣмецкіе студенты кошачій концертъ, выбили окна его квартиры и забросали его гнилыми яблоками и картофелью (Барсуковъ, т. XVIII, стр. 280—281).

рукахъ не носили [1]). Эти первые университетскіе безпорядки, отозвавшіеся въ 1861 г. во всѣхъ университетахъ, послужили прототипомъ для всѣхъ послѣдующихъ студенческихъ волненій вплоть до нашихъ дней.

Правительство спѣшно принялось за выработку университетскаго устава. Кавелинъ командированъ былъ за границу для изученія порядковъ, существующихъ въ университетахъ различныхъ странъ. Въ разработкѣ устава приняли участіе всѣ выдающіеся ученые, профессора и администраторы. Головнинъ напечаталъ выработанный особой подготовительной комиссіей, образованной еще Путятинымъ, проектъ и разослалъ его для обсужденія не только къ различнымъ свѣдущимъ лицамъ въ Россіи, но и за границей. Печать приняла дѣятельное участіе въ обсужденіи университетской реформы. Мнѣніе гр. Строганова, желавшаго, повидимому, превратить университеты въ закрытыя аристократическія заведенія, въ родѣ училища правовѣдѣнія, было всѣми отвергнуто [2]). Голоса и въ правительственныхъ кругахъ и въ обществѣ раздѣлились между двумя либеральными системами. Защитникомъ одной изъ нихъ явился главнымъ образомъ Н. И. Костомаровъ, а въ правительственныхъ сферахъ бар. М. А. Корфъ, защитниками другой—Б. Н. Чичеринъ и почти всѣ либералы изъ профессоровъ [3]). Первая система основывалась на различіи воспитанія и образованія. «Воспитаніе—писалъ Костомаровъ въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»—принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ; образованіе есть достояніе всякихъ возрастовъ и не прекращается до старости». Воспитаніе должно даваться въ школѣ и дома; университетъ же долженъ давать средства къ образованію людямъ всѣхъ возрастовъ безъ различія пола [4]). Приверженецъ того же взгляда, баронъ М. А. Корфъ, видѣлъ въ корпоративномъ устройствѣ университетовъ что-то средневѣковое и указывалъ въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи,, что въ средніе вѣка корпоративное устройство нужно было для защиты отъ насилій, почти повсемѣстныхъ въ вѣка мрака и невѣжества. Теперь же оно безъ всякой надобности дѣлаетъ университетъ чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ. «Поддерживаемая историческая традиція создаетъ корпоративный духъ среди студентовъ, вѣрящихъ

---

[1]) Воспоминанія Л. Ф. Пантелѣева въ сборникѣ „На славномъ посту" стр. 345. Теперь эти воспоминанія продолжены и выпущены отдѣльной книгой (Спб. 1905.)

[2]) По этому поводу Н. И. Пироговъ сдѣлалъ очень тонкое замѣчаніе объ англійскихъ аристократическихъ университетахъ. „Приписывая все хорошее въ англійскихъ лордахъ университетскому воспитанію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, забываютъ одно—писалъ Пироговъ—*Habeas corpus. А это одно воспитываетъ и не однихъ лордовъ не хуже всякихъ университетовъ*". Джаншіевъ, стр 283 (7 изданіе).

[3]) Записка *Кавелина* (сочиненія, т. II. стр. 1205)

[4]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" за 1861 г., № 207. *Барсуковъ* т. XVIII, стр. 287 и слѣд.

въ свои мнимыя права и потому оказывающихъ сопротивленіе массами». Университетъ долженъ быть учрежденіемъ, въ родѣ публичной библіотеки, «въ которой,—какъ писалъ съ гордостью ея директоръ, баронъ Корфъ,—бываютъ тысячи посѣтителей, но не бываетъ вовсе безпорядковъ...» [1]). Послѣднія соображенія чисто полицейскаго характера возымѣли большое дѣйствіе на многихъ членовъ первоначальной комиссіи, образованной еще при Путятинѣ. Попечитель Филиппсонъ такъ наивно обрадовался этому, повидимому, легкому способу выйти изъ всѣхъ затрудненій, что защищалъ эту идею съ нѣсколько безтактной, по мнѣнію Никитенко, горячностью [2]).

Противъ нея выступилъ съ горячей и обстоятельной статьей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Б. Н. Чичеринъ. «Тутъ есть все—съ гнѣвомъ писалъ Чичеринъ,—что можетъ плѣнить современнаго русскаго либерала: и радикальныя преобразованія, и современныя потребности, и открытыя настежь двери, и контроль общественнаго мнѣнія. Нѣтъ только студентовъ и университетовъ одни преданы забвенію, другіе преданы погибели. О, преобразовательная мудрость нашихъ передовыхъ людей, вожаковъ молодого поколѣнія! Бѣдная Россія!»

Указавъ на то, что университетъ долженъ и можетъ имѣть не одно только образовательное, но и великое воспитательное значеніе для юношества, выяснивъ необходимость существованія въ университетахъ особой умственной атмосферы, научныхъ традицій, важность товарищества и проч., московскій профессоръ не преминулъ коснуться и политической стороны вопроса; но и здѣсь онъ сталъ па точку зрѣнія, противоположную костомаровской. «Нравственная сила университета—писалъ онъ—заключается въ его удаленіи отъ общественной среды, въ той особенной атмосферѣ, которая образуется въ немъ вслѣдствіе живого общенія преподавателей и учащихся, занятыхъ однимъ дѣломъ, имѣющихъ одну цѣль—науку. Чѣмъ болѣе примѣшивается къ нему постороннихъ и чуждыхъ стихій, чѣмъ живѣе въ немъ возбуждаются общественные вопросы и общественныя страсти, тѣмъ болѣе уклоняется онъ отъ своей цѣли, тѣмъ онъ становится безсильнѣе и безплоднѣе»... Университетскіе безпорядки Чичеринъ приписывалъ именно наплыву въ университетъ постороннихъ стихій. Самъ онъ допускалъ постороннихъ слушателей въ университетъ, но студенчество въ органической связи съ профессорами должно составлять главный, основной элементъ [3]).

За корпоративное устройство стоялъ, между прочимъ, и Катковъ. Кавелинъ изъ заграничной командировки привезъ единогласное удостовѣреніе всѣхъ заграничныхъ авторитетовъ и свѣду-

---

[1]) *Середонинъ,* наз. соч., т. III, ч. II., стр. 180.
[2]) Дневникъ и Записки *Никитенко,* т. II, стр. 288.
[3]) *Барсуковъ,* назв. соч. XVIII, стр. 288.

щихъ лицъ также въ пользу корпоративнаго устройства студенчества [1]).

Въ комиссіи, выработавшей проектъ устава, это мнѣніе также одержало верхъ, и студентамъ предполагалось разрѣшить устройство корпорацій и сходокъ, если онѣ не преслѣдуютъ «незаконныхъ» цѣлей. Но Головнину удалось провести этотъ проектъ лишь съ большими уступками. Изъ комиссіи, его выработавшей, онъ поступилъ на заключеніе особой комиссіи изъ высшихъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ того же гр. Строганова, а оттуда уже съ большими измѣненіями—въ государственный совѣтъ. Въ концѣ концовъ мысль о корпоративномъ устройствѣ студенчества была отклонена подъ смѣшнымъ и жалкимъ предлогомъ, чтобы гарантировать университетъ отъ возможныхъ «нелѣпыхъ обвиненій», какія вздумалось бы взводить на студенчество разнымъ газетамъ и малоразвитому обществу [2]).

Уставъ 1863 г. далъ, какъ извѣстно, нѣкоторое самоуправленіе университетскимъ совѣтамъ, хотя въ то же время сохранилъ за попечителями значительную дискреціонную власть.

Когда петербургскій университетъ былъ закрытъ, то Костомаровъ рѣшился осуществить въ видѣ опыта идею «вольнаго университета». Онъ получилъ разрѣшеніе вмѣстѣ съ другими профессорами открыть рядъ систематическихъ публичныхъ лекцій съ начала 1862 г. въ залѣ петербургской городской думы. Въ этотъ университетъ особенно бросились женщины, жаждавшія пріобщиться къ высшему образованію, на которое онѣ смотрѣли, какъ на ступень по пути эмансипаціи отъ сложившихся бытовыхъ и семейныхъ условій. Но этотъ университетъ просуществовалъ всего два мѣсяца: въ мартѣ 1862 г. онъ уже былъ закрытъ, вслѣдствіе скандала, устроеннаго студентами его основателю,

---

[1]) *Джаншіевъ*, назв. соч., стр. 312 и слѣд.

[2]) Джаншіевъ, назв. соч., 7-ое изд., стр. 314. У него же приведена на слѣд. страницахъ нѣсколько оптимистическая оцѣнка устава 1863 г. (314—381).

Въ изданныхъ „на правахъ рукописи" „Мотивированныхъ отвѣтахъ на поставленные г. Мин. Нар. Просв. вопросы, касающіеся устройства университетовъ" помѣщена, между прочимъ, обстоятельная записка *проф. В. И. Вернадскаго* „объ основаніяхъ университетской реформы". Въ этой запискѣ находимъ слѣдующую характеристику и оцѣнку устава 18 іюня 1863 г.

„Возстановивъ потерянную въ 1835 г. автономію совѣта и давъ самоуправленіе въ духѣ устава 1804 г., уставъ 1863 г. въ то же время сохранилъ параграфы, оставлявшіе дискреціонную власть и распоряженіе въ университетѣ въ рукахъ попечителя. Этимъ создавалось двойственное положеніе, неизбѣжно приводившее къ постояннымъ коллизіямъ и сильно способствовавшее, какъ оказалось, гибели устава 1863 г. Въ то же самое время этотъ уставъ рѣзко стѣснилъ пріемъ стороннихъ слушателей, получившій въ жизни университетовъ за 1855—1862 г.г. широкое и въ общемъ очень важное для университетовъ развитіе. Это отразилось, съ одной стороны, на высшемъ женскомъ образованіи, заставило русскихъ женщинъ стремиться въ заграничные университеты, а съ другой, привело къ созданію неупругихъ ученическихъ плановъ, укоренившихся, къ сожалѣнію, въ русскихъ университетахъ въ связи съ экзаменами и съ другими ихъ печальными послѣдствіями во внутреннемъ быту. Наконецъ—создавъ корпорацію профессоровъ и

Н. И. Костомарову изъ-за вопроса о протестѣ противъ высылки проф. Павлова. Павловъ былъ высланъ за рѣчь о тысячелѣтіи Россіи на литературномъ вечерѣ, устроенномъ въ думскомъ же залѣ, якобы въ пользу учащихся, а на самомъ дѣлѣ въ пользу М. И. Михайлова, ссылавшагося въ Сибирь за участіе въ составленіи и распространеніи подпольныхъ листковъ и прокламацій («Великоруссъ», «Къ молодому поколѣнію» и проч.). На вечерѣ этомъ читалъ, между прочимъ, и Чернышевскій свои воспоминанія о Добролюбовѣ, вызвавшія «бурю криковъ и рукоплесканій». Статья Павлова была пропущена для публичнаго чтенія цензурой и ничего особеннаго въ себѣ не заключала. Но Павловъ въ чтеніи измѣнилъ знаки препинанія, и отъ этого получился необыкновенный эффектъ. [1]) Онъ прочелъ ее восторженнымъ тономъ и закончилъ чтеніе словами: «имѣющіе уши слышать, да слышатъ!» На другой день онъ былъ арестованъ и высланъ въ Кострому. Взволнованая публика стала во время лекціи Костомарова собирать пожертвованія. При этомъ ходили съ листами по аудиторіи, перелѣзали черезъ скамейки и требовали, чтобы Костомаровъ прекратилъ лекцію, а когда Костомаровъ на это не согласился и попробовалъ обратиться съ увѣщаніями о возстановленіи порядка, то его освистали, за что онъ тутъ же назвалъ демонстрантовъ «теперешними Репетиловыми и будущими Расплюевыми». На слѣдующій день вольный университетъ былъ закрытъ, а

давъ имъ автономію,—онъ лишилъ студентовъ всякой легальной возможности проявить свое товарищеское чувство, вопреки установившемуся въ теченіе семи лѣтъ обычаю и сложившимся привычкамъ, и поставилъ студентовъ въ положеніе отдѣльныхъ посѣтителей университета, всякая совмѣстная дѣятельность которыхъ являлась преступленіемъ. Въ дальнѣйшей исторіи университетовъ повторившіеся на этой почвѣ студенческіе безпорядки оказались гибельными для самаго существованія автономіи и привели въ концѣ концовъ къ уставу 1884 г. А между тѣмъ всѣ эти условія отсутствовали въ первоначальномъ Головнинскомъ проектѣ 1862 г.“ По Головнинскому проекту совѣты получали, между прочимъ, право легализировать тѣ формы проявленія студенческой корпораціи, какія они находили нужными. Но Головнинскій проектъ былъ сильно измѣненъ въ Строгановскомъ комитетѣ.

[1]) Воспоминанія *Н. В. Шелгунова*, Сочиненія, т. II., стр. 723. Срав. весьма подробное описаніе этой исторіи въ книгѣ Л. Ф. Пантелѣева „Изъ воспоминаній прошлаго“, Спб. 1905 г., стр. 204—222. „Рѣчь проф. Павлова объ истинномъ, современномъ значеніи тысячелѣтія Россіи“ Напечатана В. Я. Яковлевымъ-Богучарскимъ въ сборникѣ „Матеріалы для ист. революц. движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“, стр. 52. „Главная тенденція“ рѣчи заключается въ сознаніи необходимости объединенія образованныхъ классовъ съ народомъ. Обращають на себя особое вниманіе въ этой рѣчи слѣдующія мѣста: „Въ послѣдней половинѣ XVIII и въ XIX столѣтіи русская земля наказалась за страданія и позоръ низшаго земскаго сословія. Не обольщайтесь мишурнымъ блескомъ мнимой цивилизаціи этой скорбной эпохи: никогда Россія не испытывала болѣе тягостнаго сотоянія!..“ „...Положеніе 19 февраля вырыло бездонную пропасть между прошедшимъ и будущимъ нашей жизни. На краю этой пропасти стоятъ наши достаточные классы; они стремглавъ въ нее полетятъ, если не прибѣгнутъ къ единственному средству ихъ спасенія: къ *общенію съ народомъ*!!! Имѣющіе уши слышать, да слышатъ!“.

Костомарову пришлось выйти въ отставку [1]). Вольный университетъ посѣщала самая разнообразная публика: бывала масса дамъ, офицеровъ, чиновниковъ...

XIII.

Польское движеніе.—Симпатіи общества къ полякамъ. — Отношеніе Герцена.—Отношеніе славянофиловъ и Каткова.—Отношеніе „Современника" и Костомарова.

Университетскіе безпорядки, какъ и другія уже чисто революціонныя проявленія, имѣли несомнѣнную связь съ развивавшимся въ то время польскимъ движеніемъ. Показанія многихъ современниковъ, описывавшихъ волненія студентовъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ и, особенно, въ Кіевѣ, прямо указываютъ на существованіе польской пропаганды, какъ на одинъ изъ факторовъ броженія въ студенческой средѣ [2]). Несомнѣнно, что среди нѣкоторой части польскихъ революціонеровъ была очень популярна мысль о достиженіи побѣды надъ русскимъ правительствомъ при помощи распространенія смуты внутри Россіи. Такъ, еще во время крестьянскихъ волненій 1855 г. обнаружено было участіе поляковъ въ возбужденіи крестьянъ разныхъ губерній [3]). Въ 1863 г. были опубликованы нѣкоторые документы, захваченные при обыскѣ у гр. Замойскаго, и между ними программа возстанія, составленная революціоннымъ генераломъ Людвигомъ Мѣрославскимъ 1-го марта 1861 г. [4]).—Въ ней проводились съ замѣчательнымъ легкомысліемъ и цинизмомъ слѣдующія маккіавеллевскія идеи. «Неизлѣчимымъ демагогамъ--писалъ Мѣрославскій—нужно открыть клѣтку для полета за Днѣпръ. Пусть тамъ распространяютъ казацкую гайдамачину противъ поповъ, чиновниковъ и бояръ, увѣряя мужиковъ, что они стараются удержать ихъ въ крѣпостной зависимости. Должно имѣть въ полной готовности запасъ смутъ и излить его на пожаръ, зажженный уже во внутренности Москвы. Вся агитація малороссіанизма пусть перенесется за Днѣпръ; тамъ обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числомъ хмѣльничевщины. Вотъ въ чемъ состоитъ вся наша панславистическая и коммунистическая школа: Вотъ весь польскій герценизмъ! *Пусть* онъ издали помогаетъ польскому освобожденію, терзая сокровенныя внутренности царизма... Пусть себѣ замѣняютъ вдоль и поперекъ анархіей русскій царизмъ, отъ котораго, наконецъ, освободится и очистится

[1]) Любопытныя дополненія къ свѣдѣнію о прекращеніи вольнаго университета въ 1862 г., въ видѣ переписки Н. Г. Чернышевскаго по этому предмету съ профессорами И. Е. Андреевскимъ и Н. И. Костомаровымъ, напечатаны въ мартовской книгѣ „Былого" за 1906 г., стр. 233—235.

[2]) Указаніе на это кн. Д. Оболенскаго, проф. Ешевскаго и др. См. у *Барсукова* т. XVIII, стр. 249, 251 и слѣд.

[3]) „Матерьялы" Д. Н. Хрущева, т. I. стр. 81—86.

[4]) *Невѣдѣнскій.* „Катковъ и его время", стр. 166 и 170.

сосѣдняя намъ московская народность. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ «для вашей и нашей свободы» (слова изъ статьи «Колокола»). *Перенесеніе его въ предѣлы Польши будетъ считаться измѣной отчизнѣ и будетъ наказываться смертью, какъ государственная измѣна*».

Дальше указывалось, какъ всякими средствами вызвать вмѣшательство въ польское дѣло иностранныхъ правительствъ съ тѣмъ, чтобы заставить эти правительства «скомпрометироваться передъ Россіей». При этомъ, какъ на примѣръ, заслуживающій подражанія, указывалось на неустанную работу итальянскихъ патріотовъ, сумѣвшихъ втянуть Наполеона въ свое дѣло [1]).

Эта предательская по отношенію къ русскимъ радикаламъ и къ русскому народу программа Мѣрославскаго могла бы, конечно, оттолкнуть отъ поляковъ всѣхъ русскихъ радикаловъ и революціонеровъ, но она сдѣлалась извѣстна лишь въ 1863 г. Въ 1861 же году сочувствіе къ Польшѣ было широко распространено въ русскомъ образованномъ обществѣ. Необходимо оговориться, что изъ числа поляковъ, желавшихъ и искавшихъ этого сочувствія, многіе и тогда отвергли бы съ ужасомъ и негодованіемъ программу Мѣрославскаго. Іосафатъ Огризко и профессоръ В. Д. Спасовичъ, основавшіе въ Петербургѣ въ 1859 г., при живомъ содѣйствіи Кавелина, польскій органъ «Slowo» (Слово), были искренно расположены къ образованію либеральной партіи въ Польшѣ, сочувственно настроенной по отношенію къ русскимъ либераламъ и къ либеральнымъ начинаніямъ русскаго правительства. Но этотъ вполнѣ лояльный органъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его открытія задушенъ варшавскимъ намѣстникомъ Горчаковымъ, который усмотрѣлъ въ немъ угрозу своей собственной автономіи и безцеремонно объявилъ въ Петербургѣ, что онъ не вернется въ Варшаву, если газета не будетъ закрыта, а Огризко не будетъ посаженъ въ крѣпость за напечатаніе вполнѣ невиннаго письма извѣстнаго историка-эмигранта Лелевеля [2]).

Аналогія съ итальянскимъ движеніемъ, наэлектризовавшимъ тогда всю Европу, благодаря героическимъ подвигамъ Гарибальди, возбуждала среди молодежи пламенное сочувствіе къ Польшѣ. Въ прокламаціяхъ «Великорусса» и общества «Земля и Воля» освобожденіе Польши выставлялось однимъ изъ важнѣйшихъ программныхъ вопросовъ русской радикальной партіи, и въ 1862 г. дѣло дошло до того, что въ одной изъ прокламацій русскимъ офицерамъ и солдатамъ въ Польшѣ предлагалось поднять оружіе противъ русскаго правительства.

Герценъ въ это время дѣлилъ, разумѣется, со всѣмъ передовымъ обществомъ русскимъ сочувствіе къ Польшѣ и искренне желалъ возстановленія свободы и независимости польской націо-

---

[1]) *Невѣдѣнскій*, стр. 167. Ср. „За сто лѣтъ“ *Бурцева*.
[2]) *Барсуковъ*, т. XVI.

нальности [1]). Но при всемъ томъ вплоть до прiѣзда Бакунина онъ проявлялъ по польскому вопросу замѣчательную трезвость мысли и проницательность. Во-первыхъ, онъ желалъ разрѣшенiя вопроса мирнымъ путемъ и не только не возлагалъ никакихъ надеждъ на успѣхъ возстанiя, но опасался такъ же, какъ и Кавелинъ, что возстанiе поведетъ лишь къ взрыву русскаго патрiотизма и шовинизма, могущихъ столкнуть и Россiю съ пути реформъ на путь реакцiи. Во-вторыхъ, онъ предупреждалъ являвшихся къ нему поляковъ, что онъ можетъ сочувствовать лишь крестьянской демократической Польшѣ, но отнюдь не шляхетской аристократической. Наконецъ, онъ совершенно не сочувствовалъ притязанiямъ поляковъ на возстановленiе польскаго королевства въ границахъ 1772 г., т. е. на возвращенiе полякамъ провинцiй, населенныхъ малороссами и бѣлоруссами, не имѣвшими никакого стремленiя соединяться съ Польшей [2]).

Сочувственное отношенiе къ Польшѣ проявляли въ то время и такiе русскiе патрiоты, какъ Погодинъ, Аксаковъ и Юрiй Самаринъ. Погодинъ въ это время написалъ свое довольно наивное увѣщанiе полякамъ по поводу извѣстiй о первыхъ безпорядкахъ въ Варшавѣ 18 февраля 1861 г. [3]). Аксаковъ полагалъ, что полякамъ слѣдуетъ предоставить полную волю въ границахъ Царства Польскаго и вывести оттуда русскiя войска; но когда 10 октября 1861 г. состоялся съѣздъ въ Городлѣ, гдѣ была принята резолюцiя о возстановленiи Польши въ старыхъ предѣлахъ (1772 г.), то Аксаковъ въ № 2 «Дня» за 1861 г. написалъ противъ этихъ притязанiй поляковъ горячую отповѣдь, причемъ предостерегалъ ихъ, что они этимъ путемъ рискуютъ утратить сочувствiе, которымъ ихъ дѣло пользуется со стороны русскихъ людей. «Мы оставались—писалъ Аксаковъ—чужды доселѣ вашей тяжбѣ съ правительствомъ», и признавалъ, что ихъ любовь къ родинѣ могла бы зажечь искру сочувствiя во многихъ сердцахъ, если бы не безумныя притязанiя на старинныя русскiя области [4]). Самаринъ и позже — въ 1863 году — признавалъ, что полякамъ должна быть гарантирована полная самобытность въ ихъ частномъ и общественномъ быту [5]). Въ 1861 году даже самъ Катковъ не

[1]) Объ отношенiяхъ Герцена къ польскому вопросу см. *Драгоманова* „Великорусская демократiя и историческая Польша", *Невѣдѣнскаго* „Катковъ и его время" и *Батуринскаго* „Герценъ, его друзья и знакомые".

[2]) *Барсуковъ* XVIII, стр. 114 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 118 и слѣд.

[4]) Тамъ же.

[5]) „О современномъ объемѣ польскаго вопроса" „День" за 1861 г., № 38 (21 сентября), перепечатано въ сочиненiяхъ *Самарина*, т. I, стр. 325. Въ адресѣ самарскаго дворянства, составленномъ Ю. Ф. Самаринымъ, сказано было въ заключенiи: „Мы готовы и оставляемъ за собой мѣсто въ передовой шеренгѣ народной рати; но въ самый разгаръ борьбы, если она начнется, ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши сердца. Мы не потребуемъ отплаты за расчитанныя оскорбленiя и за невинную, коварно пролитую кровь, но сбережемъ для лучшихъ временъ сознанiе нашего племенного родства съ поляками. Пусть знаютъ они, что не мы обрадуемъ враговъ славянскаго мiра

имѣлъ ничего противъ автономіи Польши въ границахъ конгресувки [1]).

«Современникъ» шелъ въ это время гораздо дальше и славянофиловъ, и Герцена. Близкій къ Чернышевскому человѣкъ, украинофилъ Костомаровъ, выразилъ Аксакову рѣзкое порицаніе за вышеупомянутую статью въ «Днѣ». Вооружась противъ охранительнаго патріотизма Аксакова, онъ писалъ ему въ частномъ письмѣ: «Вы хотите совмѣстить несовмѣстимое, служить Богу и мамонѣ. Хотите государственной цѣльности и проповѣдуете свободу... Либо поддерживайте государство и тогда сознайте необходимость цензуры, III Отдѣленія, Петропавловской крѣпости и совершеннаго порабощенія индивидуальной мысли и убѣжденія волѣ правительства; либо рискуйте государствомъ, будьте готовы на его разложеніе—если хотите свободы. Россійское государство невозможно безъ самодержавія, а самодержавіе невозможно при свободѣ мысли и слова» [2]). Костомаровъ требовалъ, чтобы и бѣлоруссамъ, и малороссамъ самимъ было предоставлено выбрать, къ какому государству они желаютъ принадлежать. Эти идеи отстаивалъ въ то время украинофильскій журналъ «Основа», издававшійся въ Петербургѣ бывшими членами кирилло-меѳодіевскаго братства, кіевскими панславистами-федералистами Бѣлозерскимъ, Кулишемъ и др. Но особаго переполоху надѣлала въ это время статья Чернышевскаго въ «Современникѣ» «Національная безтактность», направленная противъ враждебнаго Польшѣ обособленнаго руссинскаго движенія въ Галиціи, выразителемъ котораго являлась издававшаяся въ Львовѣ руссофильская газета «Слово». Аксаковъ и Ламанскій рѣзко возстали тогда противъ Чернышевскаго въ «Днѣ». По поводу статьи Ламанскаго Костомаровъ опять написалъ Аксакову очень рѣзкое и даже оскорбительное письмо, въ которомъ, указывая на затруднительность положенія Чернышевскаго въ этой полемикѣ, писалъ, между прочимъ: «Если же вы начнете развертывать всѣ папильотки, въ которыя завито то, что подается имъ почтеннѣйшей публикѣ, то результатъ выйдетъ тотъ, что Чернышевскаго посадятъ въ крѣпость, либо пошлютъ въ Вятку, какъ проповѣдника безбожія, соціализма, революціи, а вамъ дадутъ орденъ за разоблаченія зловреднаго ученія». Въ высшей степени характерно, что хотя Аксаковъ и отпарировалъ это обвиненіе, но въ глубинѣ души былъ очень смущенъ имъ, что видно изъ письма его къ Блудовой, въ которомъ онъ выражаетъ, между прочимъ, опасеніе: «какъ бы не вздумали въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь ихъ (т. е. украинофиловъ и «Современника») преслѣдовать!» [3]).

отреченіемъ отъ увѣренности, что рано или поздно благодушіе побѣдитъ озлобленіе, улягутся предубѣжденія, и примиренные поляки протянутъ намъ братскую руку". Сочиненія, I, 300.

[1]) „Московскія Вѣдомости" отъ 12 марта 1863 г., № 55.

[2]) *Барсуковъ*, т. XVIII, стр. 121.

[3]) *Барсуковъ*, т. XVIII, стр. 135.

Электризующее вліяніе западно-европейскаго революціоннаго движенія, особенно въ Италіи, пропаганда польскихъ патріотовъ и революціонеровъ, студенческія волненія и недовольство, вызванное въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, масса новыхъ идей, внесенная за послѣдніе годы въ русское общество кипучей и напряженной популяризаторской дѣятельностью «Современника» и другихъ нашихъ журналовъ—все это вмѣстѣ взятое вызвало сильное умственное броженіе и дало начало тому неудержимому стремленію впередъ, которое смущенный Никитенко называлъ въ своемъ «Дневникѣ» прогрессомъ очертя и сломя голову.

А. Корниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Московская молодежь 80-хъ годовъ и Сергѣй Зубатовъ.

(Изъ воспоминаній).

Съ того времени, къ которому относятся излагаемые мною факты, прошло болѣе 20 лѣтъ, много было съ тѣхъ поръ прожито и пережито, много было встрѣчъ съ различнаго міра людьми, и я боюсь, что нѣкоторыя детали моего знакомства и сношеній съ Зубатовымъ частью изгладились изъ моей памяти, частью представляются мнѣ теперь не въ точномъ видѣ. Къ тому же въ послѣднее время не было случая встрѣтиться съ лицами, близко знавшими Зубатова того же періода. Съ покойнымъ М. Р. Гоцомъ незадолго до его смерти у меня было завязался разговоръ о Зубатовѣ по поводу только что отправленной тогда Гоцомъ въ „Былое" статьи, но разговоръ нашъ былъ въ самомъ началѣ прерванъ, и мы не могли провѣрить того, что у каждаго изъ насъ сохранилось въ памяти объ этомъ выдающемся продуктѣ россійскаго „міра мерзости и запустѣнія". Въ виду только что сказаннаго я подѣлюсь съ читателемъ лишь главными моментами, глубоко врѣзавшимися въ памяти, и буду оговаривать тѣ факты, которые лишь смутно вырисовываются изъ отдаленнаго прошлаго и въ точности которыхъ я не вполнѣ теперь увѣренъ. Надѣюсь притомъ, что вслѣдъ за мною не преминутъ подѣлиться своими воспоминаніями о нашемъ своеобразномъ дѣятелѣ послѣднихъ двухъ десятилѣтій и другіе, имѣвшіе несчастіе сталкиваться съ нимъ въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ ниже рѣчь.

С. В. Зубатова я помню очень давно. Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, тотчасъ же послѣ катастрофы 1-го марта среди учащихся московскихъ среднихъ учебныхъ заведеній началось небывало широкое движеніе. Почти не было семьи въ большомъ кругу моихъ знакомыхъ, въ которой имѣлся бы ученикъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній и которая не „пострадала" бы отъ этого движенія. Родители бѣгали встревоженные

по городу, знакомились другъ съ другомъ, совѣтовались, какъ быть, какія мѣры принять противъ непонятнаго и страшнаго въ ихъ глазахъ духа, обуявшаго ихъ дѣтей. Движеніе носило вначалѣ характеръ увлеченія идеями Писарева, а внѣшнимъ образомъ выражалось въ формѣ, иногда смѣшной. Такъ, какой-нибудь сынъ богатыхъ родителей смѣнялъ свой обычный костюмъ на красную или синюю рубаху и широчайшіе плисовые шаровары, ходилъ въ дырявыхъ сапогахъ; я уже не говорю о неизмѣнномъ аттрибутѣ молодыхъ „нигилистовъ", широкополой шляпѣ и толстой дубинѣ. Надо отмѣтить, что большинство, увлеченное вначалѣ этой больше эффектной стороной движенія, вскорѣ совершенно отступалось отъ него. Осталась довольно небольшая группа, вниманіе которой было устремлено въ болѣе серьезную сторону и отъ Писарева съ его апологіей исключительно естественныхъ наукъ и индивидуалистической его идеологіей перешедшая къ другимъ учителямъ и къ другимъ болѣе широкимъ общественнымъ идеаламъ. С. В. Зубатовъ принадлежалъ къ числу захваченныхъ движеніемъ и, казалось, оставался ему вѣрнымъ. Я помню его еще въ гимназическомъ костюмѣ, когда онъ являлся на квартиру нашей семьи гдѣ-то за чугуннымъ мостомъ, къ моему старшему брату, бывшему тогда однимъ изъ членовъ кружка Гоца, Фондаминскаго и др. Общее впечатлѣніе онъ сразу произвелъ на меня очень хорошее, по крайней мѣрѣ, внѣшнее: у него было интеллигентное, умное и энергичное лицо съ высокимъ лбомъ и гладкими, откинутыми назадъ, каштановаго цвѣта волосами.

Вскорѣ Зубатовъ оказался исключеннымъ изъ 6-го класса третьей, помнится, московской гимназіи, какъ говорили, за неблагонадежность. Въ чемъ выразилась въ глазахъ гимназическаго начальства эта неблагонадежность Зубатова, я теперь не помню.

Отнынѣ онъ вспоминается мнѣ въ другой обстановкѣ, въ которой я встрѣчался съ нимъ и дальше, до моего ареста. Это библіотека Михиной, которой онъ сталъ завѣдывать послѣ того, какъ женился на Александрѣ Николаевнѣ Михиной, и квартира при этой библіотекѣ, въ которой онъ съ тѣхъ поръ поселился.

Библіотека Михиной, находившаяся визави отъ дома оберъ-полицмейстера, черезъ Пушкинскій или, какъ онъ раньше назывался, Тверской бульваръ, была въ 80-ыхъ годахъ очень популярной среди интеллигентной молодежи. Тамъ можно было доставать весь необходимый матеріалъ для самообразованія, который указывался въ радикальныхъ систематическихъ каталогахъ того времени. Между прочимъ, тамъ неофиціально выдавали для чтенія любимыхъ молодежью авторовъ, попавшихъ въ знаменитый index librorum prohibitorum, изданный русскимъ правительствомъ весной 1884 года послѣ закрытія журналовъ „Отечественныя Записки",

„Дѣла“ и др. и разгрома въ петербургскихъ литературныхъ сферахъ, заподозрѣнныхъ въ какихъ бы то ни было, хотя бы отдаленныхъ, отношеніяхъ къ „Народной Волѣ“. Въ этотъ index включило правительство какъ вообще корифеевъ новой мысли, такъ, въ частности, писателей соціалистическаго и радикальнаго направленія: тутъ были Дарвинъ и Спенсеръ, Марксъ и Чернышевскій и т. п. И вотъ за этими-то книгами, которыя стали вдругъ запретными и которыхъ нельзя было получить въ другихъ частныхъ библіотекахъ, и стала ходить масса молодежи въ библіотеку Михиной. Мнѣ помнится при этомъ, что группа молодежи, состоявшая изъ Гоца и др., считала себя на правахъ отчасти хозяевъ этой библіотеки, такъ какъ сдѣлала значительные вклады въ нее. Такъ, помнится, немало книгъ было внесено М. И. Фондаминскимъ.

Посѣщалъ и я въ теченіе долгаго времени эту библіотеку. Помню, какъ, по моей просьбѣ, Зубатовъ доставалъ мнѣ изъ конторки или приносилъ изъ прилегавшей къ библіотекѣ его комнаты нужную мнѣ изъ запретныхъ книгъ. Никакихъ другихъ отношеній къ нему у меня тогда не было. Я былъ тогда всецѣло поглощенъ своимъ самообразованіемъ и по установившемуся тогда въ средѣ лицъ, съ которыми я былъ близокъ, принципу, не только ни къ какому революціонному дѣлу не приступалъ, пока не считалъ себя подготовленнымъ къ нему при помощи извѣстнаго запаса систематическихъ знаній, но даже нелегальной литературы почти не читалъ, хотя и имѣлъ возможность добывать ее. Къ тому же мнѣ было извѣстно несовсѣмъ дружелюбное отношеніе къ Зубатову нѣкоторыхъ изъ кружка Гоца и его самого; также зналъ я, что члены этого кружка, приступивши къ революціонной работѣ, хотя и продолжали видаться съ Зубатовымъ, но его къ своей работѣ не привлекли. Нужно помнить однако, что М. Р. Гоцъ, какъ онъ утверждаетъ въ своей статьѣ о Зубатовѣ, и какъ онъ неоднократно высказывался въ разговорахъ со мной, не допускалъ въ то время и мысли о политической неблагонадежности Зубатова. Тоже и другіе близкіе его друзья и товарищи.

Таковыми, исключительно на библіотечной почвѣ, оставались мои сношенія съ Зубатовымъ до конца 1886 г. Въ ноябрѣ этого же года произошли массовые аресты, захватившіе, между прочимъ, Гоца, Фондаминскаго и другихъ серьезныхъ членовъ народовольческой организаціи. Вскорѣ послѣ того нанесенъ былъ сильный ударъ центральной организаціи арестомъ въ Москвѣ Богораза и захватомъ въ Тулѣ центральной типографіи, которая очень интенсивно работала. Въ Москвѣ, если кто остался изъ партійныхъ дѣятелей, то принужденъ былъ наскоро ликвидировать свои дѣла и куда-нибудь скрыться.

На меня, рѣшившаго къ тому времени отдать себя всецѣло люби-

мому революціонному дѣлу, сразу навалилась масса хлопотъ. Какъ къ одному изъ уцѣлѣвшихъ людей, примыкавшихъ къ только что арестованной народовольческой организаціи, ко мнѣ стали съ разныхъ сторонъ обращаться съ требованіемъ спасенія оставшагося партійнаго имущества, литературы, техники, организаціи группъ среди учащейся молодежи, отчасти среди рабочихъ. Изъ революціонныхъ кружковъ, съ которыми я вступилъ тогда въ тѣсныя связи, помню рязанскій, къ которому принадлежалъ К. Бальмонтъ (я, впрочемъ, лично мало кого зналъ изъ этого кружка, а велъ сношенія съ нимъ черезъ моего пріятеля, бывшаго товарища моего по гимназіи, одного изъ его членовъ), затѣмъ группу минчуковъ и виленцевъ, наконецъ, кружокъ петровцевъ, студентовъ петровской академіи.

И вотъ однажды одинъ изъ петровцевъ, котораго я зналъ уже нѣкоторое время и которому имѣлъ полное основаніе довѣрять, является ко мнѣ и предлагаетъ свести меня съ Зубатовымъ, какъ бы вторично познакомить меня съ нимъ, но уже для дѣла. При этомъ онъ сообщаетъ, что отъ одного изъ скрывшихся видныхъ московскихъ народовольцевъ (при этомъ онъ мнѣ назвалъ фамилію лица, которое я хорошо зналъ, часто встрѣчаясь съ нимъ у Гоца) получилось письмо, рекомендующее товарищамъ привлечь Зубатова, какъ цѣнную силу, къ мѣстной работѣ.

Что такая аттестація Зубатова была этимъ лицомъ (назовемъ его N) дана, это подтвердилось впослѣдствіи. N. былъ арестованъ въ 1887 г., нѣсколько позже меня, и когда онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, въ Домъ предварительнаго заключенія, и когда узналъ тамъ всю исторію провокаторства Зубатова, его нервная система была страшно потрясена: онъ не выдержалъ этого потрясенія, и вотъ стѣны Предварилки стали оглашаться его безумными криками о томъ, что провокаторъ—не Зубатовъ, а онъ, N.

Мнѣ вышеупомянутый петровецъ рекомендовалъ тогда С. В. Зубатова спеціально для роли руководителя кружковъ саморазвитія. И я вспоминаю теперь, что уже въ тюрьмѣ онъ упрекалъ меня въ томъ, что я не ограничился использованіемъ Зубатова въ этой роли. Но какъ потомъ обнаружилось, благодаря рекомендаціи N., а также, конечно, и прекрасному впечатлѣнію, какое Зубатовъ производилъ на молодежь, онъ успѣлъ уже въ то время свить себѣ прочное провокаторское гнѣздо среди студентовъ петровской академіи. О провокаціи, учиненной Зубатовымъ по отношенію къ одному изъ наиболѣе серьезныхъ и дѣльныхъ студентовъ петровской академіи, Соломонову, уже упомянуто въ статьѣ покойнаго Гоца. Это случилось вскорѣ послѣ того, какъ меня познакомили для дѣла съ Зубатовымъ. Съ Соломоновымъ я едва успѣлъ познакомиться, и разсказъ о роли въ его дѣлѣ Зубатова я слышалъ отъ него уже въ тюрьмѣ.

Какъ бы то ни было, сомнѣваться въ политической честности Зубатова у меня не было основаній, и я завязалъ съ нимъ сношенія. Сначала они касались организаціи и руководительства кружками, которые составились въ то время съ моей помощью и въ которыхъ Зубатовымъ были очень довольны. Мы при частыхъ встрѣчахъ нашихъ обсуждали съ Зубатовымъ программу занятій въ этихъ кружкахъ, вели теоретическія бесѣды, знакомились съ новинками по общественнымъ вопросамъ. Такъ, помню, мы съ нимъ читали и переводили съ нѣмецкаго нашумѣвшую тогда новую книгу Генри Джорджа „Соціальныя Проблемы". Но долго оставаться на этой исключительно почвѣ наши сношенія не могли. Не видя надобности въ этомъ, я не знакомилъ Зубатова съ моими товарищами, изъ которыхъ многіе въ свою очередь не знали ничего ни о немъ, ни о моихъ съ нимъ сношеніяхъ. Но о нѣкоторыхъ нуждахъ и дѣлахъ нарождавшейся организаціи я ему сообщалъ, когда могъ ожидать отъ него какой-либо помощи. Такъ, напр., когда, по иниціативѣ группы рязанцевъ, было рѣшено поставить въ Москвѣ типографію, но не хватало шрифта, я обратился къ Зубатову: онъ взялся его достать и, разумѣется, досталъ. Затѣмъ, когда, послѣ 1-го марта 1887 года, вновь оживились разговоры о террорѣ, и когда у насъ была перепечатана на гектографѣ впервые появившаяся въ Петербургѣ, кажется, въ 1884 году, въ изданіи тамошней „группы молодежи партіи Н. В.", брошюра „Политическій терроръ", С. В. Зубатовъ взялъ у меня нѣсколько экземпляровъ для распространенія. Кстати, о событіи 1 марта 1887 года я узналъ въ тотъ же вечеръ отъ Зубатова, которому, по его объясненію, это стало извѣстно на главномъ телеграфѣ, гдѣ онъ состоялъ тогда на службѣ.

Конечно, въ это время Зубатовъ уже опуталъ меня цѣлою сѣтью шпиковъ, но если иногда я и замѣчалъ за собою какое-нибудь подозрительное гороховое пальто, то никоимъ образомъ оно не могло ассоціироваться у меня съ личностью Зубатова.

Въ срединѣ апрѣля 1887 года въ Москву пріѣхалъ представитель харьковской народовольческой группы, чтобы завязать сношенія съ москвичами. Группа минчуковъ, къ которой онъ обратился за этимъ, свела его со мной. Въ теченіе цѣлой недѣли мы часто съ нимъ видѣлись. На этихъ свиданіяхъ онъ знакомилъ меня съ положеніемъ дѣлъ въ Харьковѣ, дѣлился планами его группы и изъ нуждъ послѣдней, между прочимъ, указалъ на недостатокъ средствъ для начала работъ въ имѣющейся у нихъ уже оборудованной типографіи, а также на недостатокъ литературнаго матеріала. Я обѣщалъ сдѣлать все возможное для удовлетворенія этихъ нуждъ харьковцевъ и за деньгами и литературнымъ матеріаломъ обратился къ Зубатову: я зналъ о его связяхъ съ кружкомъ литераторовъ и уче-

ныхъ, группировавшихся тогда вокругъ покойнаго В. А. Гольцева. И, дѣйствительно, Зубатовъ досталъ не только деньги, но и одну рукопись, озаглавленную „О національзаціи земли“. Рукопись эта принадлежала перу молодого ученаго Гурвича, оставленнаго тогда при московскомъ университетѣ для подготовки, подъ руководствомъ проф. А. И. Чупрова, къ ученой степени, но рано умершаго на службѣ статистикомъ при тверскомъ земствѣ. Она попала потомъ въ руки жандармовъ во время провала харьковской организаціи.

Уже я передалъ харьковцу и деньги, и рукопись для напечатанія ея въ харьковской типографіи, какъ неожиданно Зубатовъ проситъ свести его съ пріѣзжимъ товарищемъ. Я сначала наотрѣзъ отказалъ ему въ этомъ, руководясь упомянутымъ выше правиломъ не знакомить людей безъ нужды въ этомъ для дѣла. Но Зубатовъ настаивалъ, указывая, что у него имѣется особое дѣло къ пріѣзжему. Помнится,—какъ послѣ разсказалъ мнѣ харьковецъ,—это особое дѣло заключалось будто бы въ предложеніи упомянутаго выше кружка литераторовъ принимать для печатанія въ харьковской типографіи частные его заказы. Переговоривши съ пріѣзжимъ, мы съ нимъ рѣшили уступить настояніямъ Зубатова. И вотъ я отправился вмѣстѣ съ послѣднимъ на свиданіе къ харьковцу. Помню, былъ я тогда золъ на Зубатова; подозрѣнія на него у меня еще не было, а злило меня, что онъ заставилъ меня нарушить правило конспираціи, которое я считалъ элементарнымъ. По приходѣ на мѣсто свиданія, познакомивши пріѣзжаго съ Зубатовымъ, я предоставилъ имъ столковаться насчетъ того дѣла, которое якобы имѣлось къ пріѣзжему у Зубатова. По окончаніи ихъ переговоровъ, я съ харьковцемъ условились о ключѣ и шифрѣ для переписки. Получилъ я отъ него также явку и пароль въ Харьковъ, причемъ рѣшили, что, въ случаѣ провала моего собесѣдника, я поѣду въ Харьковъ и при помощи данной мнѣ явки возстановлю завязанныя сношенія.

Я былъ еще настолько чуждъ сомнѣній въ политической честности Зубатова, что для извѣщенія меня о благополучномъ его проѣздѣ я далъ харьковцу адресъ библіотеки Михиной.

Харьковскій представитель уѣхалъ. Прошло съ недѣлю, а письма отъ него нѣтъ. Какъ потомъ обнаружилось, письмо было послано, Зубатовъ его, конечно, получилъ, но мнѣ его не передалъ. Какъ разъ въ это время одинъ изъ моихъ друзей и товарищей по организаціи, который Зубатова не зналъ, какъ и моихъ сношеній съ нимъ, сообщаетъ мнѣ о полученномъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстіи, что въ Москвѣ оперируетъ опаснѣйшій провокаторъ, нѣкій телеграфный чиновникъ, но имя послѣдняго при этомъ не было названо. Я помню, что тутъ впервые зародились у меня инстинктивныя подозрѣнія насчетъ Зубатова, но я рѣ-

шилъ не поддаваться имъ и отгонялъ ихъ отъ себя,—настолько они мнѣ казались чудовищными. Какъ бы то ни было, я промолчалъ и ни со своимъ другомъ, ни съ другими товарищами не подѣлился своими подозрѣніями. Въ душѣ же у меня явилось предчувствіе, что все погибло. Такъ какъ мнѣ не хотѣлось причинить роднымъ безпокойство арестомъ моимъ на дому, въ семьѣ, то я рѣшилъ уѣхать въ Харьковъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже упомянулъ, такъ было рѣшено у насъ съ харьковцемъ на случай отсутствія отъ него извѣстій.

30 апрѣля 1887 года я выѣхалъ изъ Москвы. Весь день 1 мая я наслаждался изъ окна поѣзда чудными весенними видами Малороссіи съ ея бѣлыми хатами и окружающими каждую изъ нихъ садиками. Мрачныя предчувствія, казалось, совершенно замолкли: снова хотѣлось вѣрить въ людей, жить и бороться за дорогое дѣло...

Утромъ 2 мая я очутился въ совершенно незнакомомъ большомъ городѣ. Вмѣсто Ивановой ул., которая мнѣ была нужна, меня кто-то направилъ на окраину города, въ Иванову Слободу. Я тамъ довольно долго блуждалъ: ища № дома, который мнѣ былъ данъ для явки, замѣтилъ было, какъ мимо прошмыгнула рыжая фигура, гдѣ-то мною виданная (мнѣ потомъ разсказывали, что Бердяевъ, тогда начальникъ московской охранки, хвасталъ, что послалъ за мной цѣлую четверку борзыхъ). Но мнѣ было все равно, лишь бы добраться до нужной квартиры и, когда я, наконецъ, выбрался изъ слободы назадъ въ городъ, нашелъ Иванову улицу и домъ, который мнѣ былъ указанъ, то въ немъ оказался засѣвшимъ въ засадѣ цѣлый рой жандармовъ и полицейскихъ, причемъ одинъ изъ синихъ встрѣтилъ меня милымъ привѣтствіемъ: „а, голубчикъ, тебя-то намъ и надо". Все къ тому времени было кончено: въ ночь подъ 2 мая одновременно въ Харьковѣ и Москвѣ было произведено до 200 арестовъ...

Потянулись мучительные дни одиночки. Хуже всего было отъ безчисленныхъ допросовъ. Кстати, долженъ отмѣтить, что однообразной тактики поведенія на жандармскихъ допросахъ у насъ въ то время еще не было выработано. И если, какъ извѣстно, покойный М. Р. Гоцъ уже въ тюрьмѣ явился протагонистомъ полнаго отказа отъ дачи жандармамъ какихъ бы то ни было показаній, то до ареста его въ кругу его друзей мнѣ не приходилось слышать обсужденія этого вопроса; не слышалъ я, во всякомъ случаѣ, рѣшенія его въ опредѣленную сторону. Совѣтоваться мнѣ было не съ кѣмъ, такъ какъ за переполненіемъ въ виду массовыхъ арестовъ тюремнаго замка, меня держали первые два мѣсяца въ Харьковскихъ Арестантскихъ Ротахъ, въ одномъ изъ, такъ называвшихся, свѣтлыхъ карцеровъ. И вотъ въ виду того, что противъ меня никакихъ абсолютно

вещественныхъ уликъ не было (ни у меня при задержаніи ничего не было найдено, ни, какъ я зналъ, дома не могли ничего рѣшительно найти), то я рѣшилъ прибѣгнуть къ тактикѣ,—ну какъ бы ее назвать? ну, хоть тактикой мирнѣйшаго обывателя. Причиной своего пріѣзда въ Харьковъ объяснилъ необходимостью личныхъ хлопотъ о пріемѣ меня въ Харьковскій Ветеринарный Институтъ (объ этомъ я въ дѣйствительности мечталъ передъ своимъ арестомъ); студентъ же, на квартирѣ котораго я былъ арестованъ, былъ, дескать, мнѣ рекомендованъ моими знакомыми, какъ могущій быть мнѣ полезнымъ въ моихъ хлопотахъ. На вопросъ, заданный мнѣ жандармскимъ ротмистромъ Померанцевымъ, не принадлежу ли я къ какому-нибудь противоправительственному кружку, я пожалъ плечами и просилъ мнѣ объяснить, что сіе означаетъ, и умнѣйшій ротмистръ съ серьезнѣйшей миной сталъ мнѣ объяснять... Кстати, это былъ тотъ самый ротмистръ Померанцевъ, о которомъ я впослѣдствіи слышалъ, что, нашедши въ перепискѣ одного арестованнаго упоминаніе о Спенсерѣ, попросилъ допрашиваемаго указать, гдѣ сей господинъ Спенсеръ проживаетъ, и былъ очень доволенъ, когда въ отвѣтъ тотъ написалъ какой-то англійскій адресъ.—На вопросъ о знакомствахъ я обычно отвѣчалъ: „не знаю“, но въ тѣхъ случаяхъ, когда отказываться отъ знакомства было явно невозможно, прибавлялъ, напр.: „учились вмѣстѣ въ гимназіи“ или, какъ было въ одномъ случаѣ: „зналъ, какъ жившаго въ квартирѣ, гдѣ я давалъ урокъ, и часто слушалъ его прекрасную игру на скрипкѣ“. Эти долгіе допросы съ исписываніемъ цѣлыхъ листовъ бумаги однообразными показаніями: этого не знаю, того не вѣдаю и т. п. стали для меня особенно мучительными, когда спеціально по нашему дѣлу пріѣхалъ изъ Петербурга извѣстный въ то время „генералъ охраны“ Русиновъ, который, присутствуя вмѣстѣ съ начальникомъ жандармскаго управленія на моихъ допросахъ, по поводу моихъ отвѣтовъ жужжалъ все время надъ моей головой: „неправдоподобно-съ, неправдоподобно-съ“.

А въ это время, какъ мнѣ потомъ стало извѣстно, въ Москвѣ распускались слухи, будто я выдаю... Черезчуръ ясны были источники: Зубатовъ съ его друзьями шпіонами и жандармами, распускали ихъ, чтобъ мои друзья и товарищи повѣрили имъ. Но ясна была и цѣль Зубатова: попытаться отвести отъ себя подозрѣнія и на всякій случай внести какъ можно больше деморализаціи въ революціонную среду. Ясно также, почему онъ въ свое время не передалъ мнѣ полученнаго для меня изъ Харькова письма: ему было выгоднѣе держать меня, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время подъ арестомъ подальше отъ Москвы. Стоитъ отмѣтить еще слѣдующую гнусность, выкинутую Зубатовымъ: онъ явился въ семью моихъ родныхъ, съ которыми, какъ я упомянулъ выше, былъ лично знакомъ, и,

узнавъ будто впервые отъ нихъ о моемъ арестѣ, сталъ проливать по этому поводу крокодиловы слезы.

Между прочимъ, изъ задаваемыхъ мнѣ жандармами вопросовъ видно было, что Зубатовъ, въ общемъ такъ талантливо сыгравшій свою провокаторскую роль, до многихъ корней такъ и не могъ добраться, многаго не зналъ, многое путалъ. Такъ, онъ мнѣ приписывалъ совершенно облыжно перевозку въ Москву части тульской типографіи до прихода полиціи на квартиру, гдѣ она въ Тулѣ хранилась. Мнѣ же имъ приписывались связи со многими лицами, съ которыми я и знакомъ не былъ. Само дѣло носило громкое названіе: „Дѣло Терешковича и сына сенатора Заруднаго". Между тѣмъ я послѣдняго совершенно не зналъ.

Хотя провокаторство Зубатова для меня съ первыхъ дней моего ареста стало яснымъ, но меня удивляло то обстоятельство, что мнѣ не предъявляютъ обвиненія въ печатаніи брошюры „Политическій терроръ". Но послѣ 5 мѣсяцевъ сидѣнія въ Харьковѣ я былъ перевезенъ въ Москву, и тамъ, наконецъ, на первомъ же допросѣ всплыло и это обвиненіе...

К. Терешковичъ.

Геттингенскіе годы Николая Ивановича Тургенева.

(*Окончаніе* [1]).

Семья директора московскаго университета, масона Ивана Петровича Тургенева, одна изъ тѣхъ просвѣщенныхъ семей, какихъ было немного въ Россіи въ концѣ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка. Когда богатый матеріалъ, хранящійся въ тургеневскомъ архивѣ въ академіи наукъ, будетъ опубликованъ и использованъ исторіографіею, русское общество ближе познакомится съ обаятельной личностью Ивана Петровича Тургенева и съ его сыновьями. Тургеневъ сильно повліялъ на умственное и нравственное развитіе своихъ сыновей и непосредственно помогалъ имъ въ выработкѣ ихъ міросозерцанія.

Мы не можемъ здѣсь заняться подробной характеристикой И. П. Тургенева. Для нашихъ цѣлей достаточно нѣсколько общихъ указаній.

Иванъ Петровичъ принималъ живое участіе въ просвѣтительной дѣятельности кружка Новикова [2]) и, подобно Новикову, не былъ пощаженъ реакціей послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II. Онъ былъ сосланъ въ свою деревню Тургенево, гдѣ прожилъ до восшествія на престолъ императора Павла, разрѣшившаго Ивану Петровичу вернуться изъ ссылки и назначившаго его директоромъ московскаго университета [3]). И. П. Тургеневъ спеціально занимался мистической философіей и, помимо этого, увлекался новой нѣмецкой литературой. Онъ переписывался съ нѣкоторыми нѣмецкими писателями, а проживавшій въ его домѣ въ качествѣ воспита-

[1]) См. „Минувшіе годы". Апрѣль.

[2]) См. монографіи Лонгинова: „Новиковъ и Московскіе Мартинисты", Москва 1867, и Незеленова „Птенцы Новикова", Спб. 1875 г.; Дмитріевъ „Взглядъ на мою жизнь", 2 т. сочиненій; Свербеевъ „Записки", Москва, 1899, I т.; N. Tourgeneff, La Russie et les Russes, II, 364 и сл.

[3]) Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ, I, 649.

теля его старшихъ сыновей, Андрея и Александра, швейцарецъ Тоблеръ знакомилъ семью Тургенева съ жизнью и произведеніями видныхъ представителей нѣмецкой литературы въ Швейцаріи,—Лафатера, Геснера и др. И. П. Тургеневъ покровительствовалъ начинающимъ литераторамъ. Такъ, ему многимъ былъ обязанъ Карамзинъ. Молодой поэтъ Каменевъ, „одинъ изъ первыхъ (по времени) представителей романтизма въ Россіи", близко сошелся съ семьей И. П. Тургенева, которой былъ представленъ масономъ Лопухинымъ. Въ письмахъ Каменева мы читаемъ интересныя свѣдѣнія о И. П. Тургеневѣ и его сыновьяхъ: „Старшій любитъ страстно Гёте, Коцебу, Шиллера и Шписа. Онъ много переводитъ изъ нихъ, особенно изъ Коцебу". Старикъ Тургеневъ вполнѣ раздѣлялъ живой интересъ сыновей къ нѣмецкой литературѣ [1]). Тихонравовъ подтверждаетъ, что „старый мистикъ Тургеневъ находилъ наслажденіе обращаться къ чтенію Шиллера и Гёте". Жуковскій тоже является воспитанникомъ И. П. Тургенева, съ сыновьями котораго у него всю жизнь сохранились самыя дружескія отношенія. Объ Иванѣ Петровичѣ Жуковскій отзывается: „Онъ былъ живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостію, простотою". Жуковскій называлъ И. П. Тургенева своимъ отцомъ.

Его сѣдинъ свобода не чуждалась...
О, нѣтъ! онъ былъ милѣйшій нашъ собратъ:
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами;
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями [2]).

И. П. Тургеневъ позаботился о хорошемъ воспитаніи своихъ сыновей. Онъ самъ служилъ имъ блестящимъ примѣромъ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ внушилъ имъ истинную любовь къ просвѣщенію, къ нѣмецкой философіи и нѣмецкой поэзіи; онъ, наконецъ, воспиталъ въ нихъ гуманные взгляды, развилъ въ нихъ то, что легло въ основу ихъ міросозерцанія. Если Вигель ядовито замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что „искаженная вѣра, мартинизмъ, вольнолюбіе возсѣдали у колыбели сихъ братьевъ, баюкали ихъ младенчество" [3]), то этимъ онъ только подтверждаетъ наше мнѣніе. Молодые Тургеневы, дѣйствительно, отличались свободомысліемъ. Эту черту характера они унаслѣдовали отъ отца. И понятна глубокая скорбь, охватившая Н. И. Тургенева послѣ смерти отца. Въ дневникѣ Николая Ивановича за 1807 г. (31 мая) мы читаемъ: „Но вмѣстѣ одно за другимъ меня поражаетъ смерть

---

[1]) См. Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія, III, 2 ч., 155 и сл.
[2]) Цитировано у Тихонравова, тамъ же, стр. 156.
[3]) Записки, Москва, 1895, V, стр. 45.

отца—но довольно ли сказать *отца*, какого отца. Могу ли я выразить то, что я потерялъ въ немъ? Нѣтъ. Потомъ смерть человѣка, котораго любилъ и почиталъ душевно. съ которымъ однимъ въ свѣтѣ могъ говорить откровенно".

Дальнѣйшія строки дневника полны той же неутѣшной грусти [1]).

У И. П. Тургенева было пять сыновей [2]). Старшій, Иванъ, умеръ ребенкомъ, а второй, Андрей, многообѣщающій поэтическій талантъ, другъ Жуковскаго, и геттингенецъ Сергѣй умерли молодыми людьми и, хотя уже стали благотворно влiять на тѣ круги, среди которыхъ они вращались, но ихъ дарованія не успѣли развернуться въ полной мѣрѣ. Это относится въ одинаковой степени къ поэту Андрею и къ дипломату Сергѣю. Объ Александрѣ мы уже вкратцѣ упоминали. Выдающіяся, несомнѣнно, качества этого геттингенца ждутъ еще біографа, который сумѣетъ ихъ вполнѣ оцѣнить на основаніи богатаго матеріала въ Тургеневскомъ архивѣ. Но слѣдуетъ отмѣтить, что А. И. Тургеневъ не отличался такой стойкостью въ политическихъ убѣжденіяхъ, какъ младшій его братъ Николай, который былъ приговоренъ къ смертной казни за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, и судьба котораго напоминаетъ судьбу ихъ однофамильца Петра Никитича Тургенева, который въ смутное время выступилъ противъ Дмитрія Самозванца въ защиту правъ своихъ согражданъ и дѣйствительно былъ казненъ [3]).

Н. И. Тургеневъ родился 11 октября 1789 г. въ Симбирскѣ [4]). Дѣтство онъ провелъ въ деревнѣ Тургеневѣ. Мы останавливаемся на этомъ фактѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: мать Тургенева, Екатерина Семеновна, урожденная Качалова, по мнѣнію П. Бартенева, была строгой помѣщицей и грубо обращалась съ крѣпостными, не останавливаясь передъ примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній [5]). Надо думать, что это мнѣніе не лишено правдоподобности, разъ Н. И. Тургеневъ говоритъ въ предисловіи къ La Russie et les Russes,

---

[1]) Тургеневскій архивъ въ библіотекѣ академіи наукъ, № 202.

[2]) И. С. Тургеневъ, „Н. И. Тургеневъ (некрологъ)", Сочиненія, X, 497.

[3]) Платоновъ „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ". XVI—XVII в., 1901, стр. 221. А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ П. А. Осиповой называетъ ошибочно Петра Тургенева своимъ предкомъ; см. „Пушкинъ и его современники". Спб. 1903, выпускъ I, стр. 55.

[4]) Остафьевскій архивъ, I, стр. 397.

[5]) См. Русскій Архивъ 1895, II, стр. 515. Бартеневъ говоритъ по этому поводу: „Товарищъ Тургенева по университетскому пансіону Адріянъ Өедоровичъ Гомзяковъ (послѣдній изъ секретарей графа Н. П. Румянцева) передавалъ намъ, какъ эта директорша въ университетской церкви драла за уши своихъ подростковъ-сыновей. Съ крѣпостными слугами, конечно, наблюдался такой же порядокъ".

Подобные нелестные отзывы о матери Тургеневыхъ мы читаемъ въ письмахъ А. Я. Булгакова, домашняго друга И. П. Тургенева. См. Русскій Архивъ 1898, I, стр. 542.

что онъ „съ дѣтства познакомился съ тяжелымъ положеніемъ милліоновъ несчастныхъ, стонущихъ въ Россіи въ цѣпяхъ рабства“ [1]). Картины тѣлеснаго наказанія крестьянъ, преслѣдовавшія его всю жизнь, онъ видѣлъ, должно быть, въ раннемъ дѣтствѣ. Великая мысль посвятить всѣ свои силы борьбѣ за освобожденіе крестьянъ зарождалась, вѣроятно, уже въ тѣ годы.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, кто и какъ воспитывалъ Н. И. Тургенева въ родительскомъ домѣ. Какъ и старшіе братья, Андрей и Александръ, онъ поступилъ въ московскій благородный пансіонъ, который былъ учрежденъ въ 1789 г. при московскомъ университетѣ Херасковымъ, однимъ изъ кураторовъ—попечителей университета,—и четыре года спустя былъ преобразованъ въ самостоятельное учебное заведеніе. Директоромъ пансіона состоялъ долгое время А. А. Прокоповичъ-Антонскій, о которомъ воспитанники отзывались съ почтеніемъ [2]). Преподавателями пансіона состояли профессора московскаго университета. „Ближайшей, кровной связи своей съ университетомъ обязано это среднее учебное заведеніе свѣтлыми сторонами своей дѣятельности: на немъ живо отражались и добрыя, и дурныя качества университета, изъ котораго пансіонъ (въ первое время, особенно) извлекалъ свои питательные соки“ [3]). Въ пансіонѣ преподавали 29 предметовъ, считая въ томъ числѣ и гимнастику [4]). Но воспитанникамъ разрѣшалось заниматься тѣми предметами, которые имъ были больше по душѣ. Н. И. Тургеневъ занимался особенно ревностно языками, исторіей и географіей [5]). Этими свѣдѣніями исчерпывается все то, что мы знаемъ о пребываніи Н. И. Тургенева въ пансіонѣ.

Послѣ окончанія пансіона въ 1806 г. Николай Ивановичъ поступилъ переводчикомъ въ Московскій Главный архивъ. Но эта дѣятельность совершенно его не удовлетворяла, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста въ его дневникѣ (28 іюня 1807 г.). „Вчера, говоритъ Тургеневъ, былъ я въ архивѣ и занимался перетаскиваніемъ столбцовъ изъ шкаповъ въ сундуки. Какой вздоръ! Чѣмъ занимаются въ архивѣ, и еще Каменскій сердится, зачѣмъ рѣдко ѣздятъ“. Не находя, такимъ образомъ, въ этихъ занятіяхъ ничего полезнаго для своего дальнѣйшаго развитія, Н. И. Тургеневъ много читаетъ. Его днев-

---

1) Стр. II. „Appartenant par ma naissance à la classe des propriétaires d'esclaves, je connus dès mon enfance la dure condition de ces millions d'hommes qui gémissent en Russie dans les liens de la servitude; le spectacle d'une si criante injustice frappa vivement ma jene imagination, et laissa dans mon âme une impression qui ne devait jamais s'effacer“.

2) Свербеевъ „Записки“, I, 188.

3) Н. С. Тихонравовъ, Сочиненія, III, 2 ч., стр. 87.

4) Сушковъ „Московскій Благородный пансіонъ“. Москва 1858; см. критическую статью Тихонравова въ сочиненіяхъ, III, 2 ч., стр. 85 и сл.

5) Дневникъ 1807, турген. архивъ, № 202.

ники за 1807 и 1808 г. полны выписокъ изъ разныхъ англійскихъ и французскихъ сочиненій. Особенно много онъ записываетъ изъ Вольтера. Изъ одного мѣста въ дневникѣ видно, что онъ читалъ книгу Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Книги политическаго характера наводили Тургенева на размышленія о государственныхъ учрежденіяхъ Россіи. Такъ, разсуждая о законодательствѣ Солона, онъ приводитъ слова Анахарзисова Солону: „Ваши законы суть паутины, въ которыхъ погибаютъ слабые; сильные ихъ раздираютъ“. „Къ нашему законодательству, замѣчаетъ Тургеневъ, можно примѣнить (послѣднее) изреченіе Анахарзисова“ [1]).

12 сентября 1807 г. Тургеневъ записалъ въ дневникѣ, что началъ посѣщать лекціи въ московскомъ университетѣ и все болѣе убѣждается въ ихъ пользѣ. „Да, нѣкоторыя науки“, сказано въ дневникѣ: „меня истинно занимаютъ“. Онъ чувствуетъ недостатокъ научной подготовки въ области философіи и старается заполнить этотъ пробѣлъ. Болѣе другихъ ему нравятся лекціи профессора Рейнгарда по исторіи философіи. Кромѣ того, онъ слушаетъ у Гайма статистику, у Чеботарева и Мерзлякова лекціи по словесности, у Страхова физику и у Цвѣтаева „теорію права“ [2]).

Московскій университетъ, какъ мы знаемъ, былъ преобразованъ по образцу геттингенскаго [3]), такъ что для Тургенева занятія въ московскомъ университетѣ явились какъ бы подготовкой къ болѣе серьезнымъ и продолжительнымъ занятіямъ въ Геттингенѣ. Иванъ Андреевичъ Гаймъ, ординарный профессоръ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, статистики и географіи, уроженецъ города Брауншвейга, занимался въ гельмштедтскомъ и геттингенскомъ университетахъ. Въ 1779 г. онъ былъ приглашенъ въ Россію, въ качествѣ воспитателя сыновей А. А. Лопухина, и рѣшилъ остаться здѣсь навсегда, начавъ вскорѣ преподавательскую дѣятельность въ московскомъ университетѣ и московскомъ благородномъ пансіонѣ. Онъ посвятилъ себя главнымъ образомъ изслѣдованіямъ въ области статистики Россіи, и въ 1791 г. появился въ Геттингенѣ его трудъ: „Versuch einer vollständigen, geographisch-topographischen Encyklopädie des russischen Reiches nach alphabet. Ordnung“. Гаймъ за короткое время изучилъ русскій языкъ и сталъ читать всѣ свои лекціи по-русски [4]).

Съ именемъ А. Ѳ. Мерзлякова, ординарнаго профессора поэзіи и краснорѣчія [5]), связано литературное движеніе въ

---

[1]) Дневникъ 1807 г., № 202.

[2]) Дневникъ 1807 г.

[3]) „Минувшіе Годы“, апрѣль.

[4]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. Москва 1855, I ч., стр. 188 и сл.

[5]) Тамъ же, II, стр. 52 и сл.

Россіи въ началѣ XIX вѣка, такъ что распространяться о Мерзляковѣ здѣсь не приходится. Менѣе извѣстенъ ординарный профессоръ философіи Филиппъ-Христіанъ Рейнгардъ, проходившій университетскій курсъ въ Тюбингенѣ, Іенѣ и Марбургѣ и приглашенный М. Н. Муравьевымъ въ 1803 г. въ качествѣ профессора философіи. Рейнгардъ читалъ практическую философію, исторію философіи и естественное право [1]). Выше было указано, какъ охотно посѣщалъ Тургеневъ лекціи Рейнгарда. Одна лекція его о Платонѣ и Аристотелѣ произвела необыкновенное впечатлѣніе на любознательнаго молодого студента.

Видное мѣсто среди московскихъ профессоровъ въ началѣ XIX вѣка занимаетъ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ, „правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ заслуженный профессоръ", о которомъ его біографъ говоритъ, что, „если бы Цвѣтаеву суждено было получить юридическое образованіе десять, пятнадцать лѣтъ позже, онъ былъ бы самымъ могущественнымъ и современнымъ двигателемъ юридическихъ наукъ въ отечествѣ своемъ" [2]). Лекціи Цвѣтаева повліяли глубоко на Н. И. Тургенева, какъ видно будетъ изъ записокъ въ его дневникѣ, и поэтому умѣстно остановиться нѣсколько подробнѣе на личности Цвѣтаева, тоже одномъ изъ видныхъ геттингенцевъ [3]). Послѣ окончанія „нравственно-политическаго" и „словеснаго" факультетовъ въ московскомъ университетѣ Цвѣтаевъ отправился на нѣсколько лѣтъ за границу. Три года онъ занимался въ Геттингенѣ подъ руководствомъ Шлецера, Гуго и другихъ корифеевъ юридическихъ наукъ. Здѣсь-то Цвѣтаевъ основательно познакомился съ нѣмецкой юриспруденціею. Но изъ Геттингена, гдѣ онъ получилъ степень доктора философіи, Цвѣтаевъ отправился въ 1804 г. въ Парижъ. Тамъ онъ изучалъ французскую, или, такъ называемую, энциклопедическую школу права подъ ближайшимъ руководствомъ ея лучшихъ представителей: Бернарди, Пасторе и др. Интересно отмѣтить, что парижская Академія Законодательства избрала Цвѣтаева въ свои сочлены. Вернувшись въ 1805 г. въ Москву, онъ началъ свою преподавательскую дѣятельность. Слушатели, между которыми былъ и

---

[1]) Словарь, II ч., стр. 328 и сл.
[2]) Словарь, II т., стр. 538.
[3]) Въ спискахъ русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ, составленномъ для меня четыре года тому назадъ мѣстнымъ студентомъ, нѣтъ фамиліи Цвѣтаева. Между тѣмъ, онъ занимался въ Геттингенѣ три года. Я пробылъ въ Геттингенѣ только два дня и не успѣлъ провѣрить весь названный списокъ. Оказывается, что онъ неполный. Кромѣ Цвѣтаева, вѣроятно, слушало лекціи въ Геттингенѣ (за періодъ 1780—1815 г.г.) еще нѣсколько русскихъ, не попавшихъ въ этотъ списокъ, напримѣръ, Іоаннъ Кассіусъ изъ Бѣлоруссіи. Тѣмъ болѣе основаній считать вліяніе геттингенскаго университета на умственное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX вѣка весьма значительнымъ.

Н. И. Тургеневъ, высоко цѣнили его, какъ лектора и ученаго [1]). Своими глубокими юридическими познаніями Н. И. Тургеневъ обязанъ Цвѣтаеву почти въ той же мѣрѣ, какъ и геттингенскимъ профессорамъ Геде и Гуго. Послѣдній, между прочимъ, былъ учителемъ и Цвѣтаева. При оцѣнкѣ записки Тургенева о судебной реформѣ въ Россіи нужно будетъ имѣть въ виду вліяніе на него московскихъ и геттингенскихъ учителей [2]). Небезынтересно привести слѣдующее мѣсто изъ Тургеневскаго дневника, 7 мая 1808. „Сегодня, пишетъ Тургеневъ, я по обыкновенному былъ на пяти лекціяхъ. Цвѣтаевъ говорилъ о преступленіяхъ разнаго рода и, между прочимъ, сказалъ, что нигдѣ въ иныхъ случаяхъ не оказываютъ болѣе презрѣнія къ простому народу, какъ у насъ въ Россіи. (Хотя мнѣ и больно, очень больно было слушать это, однако должно согласиться, что бѣдные простолюдины нигдѣ такъ не притѣсняемы, какъ у насъ). Цвѣтаевъ приводилъ въ примѣръ, что „многіе молокососы (такъ говорилъ онъ)... въ каретахъ позволяютъ своимъ форейторамъ бить (ненаказанно гов. Ц.) бѣдныхъ простолюдиновъ на улицахъ, несмотря на то, что полицейскіе чиновники стоятъ сами на улицахъ“. Но должно бы было, по моему мнѣнію, для прекращенія или уменьшенія такого безчеловѣчнаго злоупотребленія взыскивать это на этихъ полицейскихъ. Если не можно взыскивать этого на этихъ повѣсахъ, извергахъ рода человѣческаго,—такъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ должно признаться, что въ Россіи много подобныхъ этому злоупотребленій. И послѣ этого безсмысленные и, можно сказать, злые политики (иностранцы и сами русскіе) будутъ утверждать, что русскій народъ грубъ, и что безъ палки (такъ говорятъ эти чудовища) нельзя съ ними обойтись. Если бы можно было, то первому таковому политику воткнулъ бы въ ротъ палку, потому что его усовѣстить, убѣдить невѣроятно.—Можно ли убѣдить такого человѣка, который, къ несчастію,носитъ только имя и наружность человѣка, не имѣя впрочемъ ни одного качества, долженствующаго принадлежать сему благородному состоянію--состоянію человѣка!—Но за чѣмъ болѣе растравлять рану, столь сильно терзающую мое сердце“.

Въ этихъ разсужденіяхъ молодого студента проглядываетъ глубокая любовь Тургенева къ угнетенному русскому народу. Николай Ивановичъ уже тогда возмущался суровымъ и безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ „простому“ народу.

---

[1]) Словарь, l. c. см. еще краткую біографію Цвѣтаева въ энциклоп. словарѣ Брокгауза-Эфрона, гдѣ указаны труды Цвѣтаева и цѣлая литература о немъ.

[2]) Разборъ интересной записки Тургенева о судебной реформѣ помѣщенъ въ главѣ „Politische Schriften Turgenews“ моей книги „Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts“, Berlin, 1907, стр. 124 и сл.

Впослѣдствіи онъ смѣло и рѣзко выразилъ свое негодованіе по этому поводу въ запискахъ о крестьянской и судебной реформахъ. И въ открытомъ письмѣ къ редактору журнала Сынъ Отечества, Н. И. Гречу, появившемся въ 1818 г. безъ названія автора [1]), Тургеневъ выражаетъ тѣ же мысли по поводу обращенія русскаго общества съ „простымъ“ народомъ, что и въ дневникѣ за 1808 г. Вообще, въ эти молодые годы въ характерѣ будущаго борца за освобожденіе крестьянъ замѣтны три основныя черты: большой интересъ къ научнымъ занятіямъ, критическое отношеніе къ существующему политическому и соціальному строю Россіи и безпредѣльная любовь къ крестьянству.

Еще въ 1807 году А. И. Тургеневъ совѣтовалъ своему младшему брату поѣхать въ Геттингенъ. „Брату Александру Ивановичу, говоритъ Н. И. Тургеневъ въ дневникѣ, хочется непремѣнно, чтобы я ѣхалъ въ чужіе края, и въ особенности въ Геттингенъ. Не знаю, что онъ находитъ въ этомъ полезнаго. Если судитъ по себѣ, то не всѣмъ старцамъ въ игуменахъ быть“. Николай думаетъ, что учиться можно и въ Москвѣ, „особливо теперь“, но ему очень хочется путешествовать. Александръ, вѣроятно, продолжалъ еще сильнѣе настаивать, и въ концѣ іюня 1808 г. Н. И. Тургеневъ отправился за границу вмѣстѣ съ студентами педагогическаго института, Куницынымъ, Воронковскимъ и другими. Въ концѣ августа онъ прибылъ въ Геттингенъ [2]), гдѣ совершился переворотъ во всѣхъ его взглядахъ, и окончательно опредѣлилось все его міросозерцаніе.

Началась свободная и беззаботная университетская жизнь, подробное описаніе которой мы находимъ въ дневникахъ и письмахъ Н. И. Тургенева за три года его пребыванія въ Геттингенѣ.

VI.

Н. И. Тургеневъ прибылъ въ Геттингенъ 21 августа (ст. ст.) 1808 г. Черезъ четыре дня онъ иматрикулировался у проректора Эйхгорна и посѣтилъ Шлецера, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ брата Александра. Шлецеръ принялъ его очень радушно. „Sie sind doch der Bruder

---

1) Ч. 49, № 42.

2) Дневникъ 1808 („Бѣлая дорожная книга“), тургеневскій архивъ № 208. Рукописное отдѣленіе библіотеки академіи наукъ. Въ некрологѣ о Н. И. Тургеневѣ, написанномъ И. С. Тургеневымъ, сказано, что Тургеневъ прибылъ въ Геттингенъ въ 1810 г. Сочиненія, X. т., стр. 497. Этотъ годъ указанъ Пыпинымъ „Общественныя движенія при Александрѣ I“, 3-е изд. 1900, стр. 547 и въ Остафьевскомъ архивѣ I т., 497. Между тѣмъ въ статьѣ Шильдера о А. И. Михайловскомъ-Данилевскомъ, появившихся въ Русской Старинѣ, т. 91 (1891 г.) сказано, что Михайловскій-Данилевскій и Н. Тургеневъ оставили Геттингенъ 10 іюня 1811 г., гдѣ они прожили три года. Для насъ важнѣе всего указаніе университетскаго матрикула; здѣсь сказано, что Тургеневъ слушалъ лекціи отъ осени 1808 до пасхи 1811 г.

von meinem teuern, intimen Freund H. v.-Turgenew", такъ привѣтствовалъ Николая Ивановича глубокій старикъ Шлецеръ. Знаменитый историкъ тогда не читалъ уже лекцій, и Н. И. Тургеневу не пришлось его слушать [1]). Первое время Тургеневу было очень скучно въ Геттингенѣ. Онъ занимался языками, англійскимъ и латинскимъ. Такъ какъ чтеніе лекцій еще не началось, Николай Ивановичъ уѣзжаетъ въ Эрфуртъ, гдѣ тогда происходило многознаменательное міровое событіе: встрѣча Наполеона и Александра I. Тургеневъ описываетъ подробно въ дневникѣ встрѣчу монарховъ. Долгіе годы спустя Тургеневъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Эрфуртѣ въ „La Russie et les Russes"; онъ признается, что его менѣе поразило величіе Наполеона, чѣмъ второстепенная роль, которую игралъ тамъ императоръ Александръ. „Я чувствовалъ, говоритъ Тургеневъ, быть можетъ, не совсѣмъ правильно, что мое отечество унижено въ лицѣ своего императора. Не надо было въ сущности вникать въ тайны кабинетовъ, чтобы вмѣстѣ со всѣмъ міромъ указать, кто изъ двухъ императоровъ былъ тогда господиномъ въ Эрфуртѣ и въ Европѣ" [2]).

Вскорѣ по возвращеніи изъ Эрфурта начались для Николая Ивановича будничные дни университетскихъ занятій. Онъ слушаетъ два курса лекцій по исторіи у Герена [3]). „Читаетъ, говоритъ о немъ Тургеневъ, хорошо и для меня вполнѣ понятно". Въ письмахъ къ брату Александру онъ постоянно даетъ объ этихъ лекціяхъ самые лестные отзывы. Дома Николай Ивановичъ занятъ переводомъ работы Герена о крестовыхъ походахъ [4]). Чтеніе классическаго труда Герена „Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt" прямо его восхищаетъ. О другихъ лекціяхъ Тургеневъ ничего не упоминаетъ; дневникъ за первый семестръ его пребыванія въ Геттингенѣ вообще, можно сказать, безсодержателенъ. Николаю Ивановичу здѣсь неуютно, онъ постоянно жалуется на отчаянную скуку и тоскуетъ по родинѣ. 11 января 1809 г. онъ записываетъ въ дневникѣ: „Геттингенъ день изо дня дѣлается для меня отвратительнѣе. Не предвижу ни одной пріятной минуты" [5]).

---

[1]) Дневникъ 1808 г. („Бѣлая дорожная книга"); письмо къ брату Александру. Тургеневскій архивъ въ рукописномъ отдѣленіи академіи наукъ. Шлецеръ пересталъ читать лекціи послѣ 1805 г. См. Ch. Schlözer, Aug. Y. Schlözers oeffentliches und Privatleben, l. c. I, 422. Здѣсь сказано, что онъ все-таки соглашался читать одну или двѣ лекціи частнымъ образомъ, когда его объ этомъ просили. Послѣ смерти своей жены въ маѣ 1808 г. Шлецеръ больше не читалъ. „Съ этого момента, говоритъ его сынъ Христіанъ, онъ чувствовалъ себя разбитымъ и жилъ одной только физической жизнью".

[2]) La Russie et les Russes, I, 2.

[3]) Древняя исторія и исторія знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

[4]) Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge für Europa, 1808. Получила медаль Парижскаго Института.

[5]) Дневникъ 1808—1809 года. Тургеневскій архивъ.

Въ теченіе лѣтняго семестра 1809 г. Николай Ивановичъ слушаетъ у Герена лекціи по этнографіи и исторію послѣднихъ трехъ столѣтій [1]), у Сарторіуса всеобщую политику [2]) и у Бекмана технологію. Отъ лекцій Герена и Сарторіуса онъ положительно въ восторгѣ, и въ письмахъ къ брату Александру не можетъ нахвалиться Гереномъ. Съ теченіемъ времени Тургеневъ принимается серьезно за работу и забываетъ про скуку. Начиная съ зимняго семестра 1809—1810 года, дневникъ полонъ замѣтокъ о лекціяхъ и прочитанныхъ книгахъ; на основаніи этихъ разбросанныхъ замѣтокъ не трудно составить себѣ картину умственнаго развитія Тургенева въ это время. „Этотъ семестръ, говоритъ онъ, я болѣе прилежный, нежели первые два". Чтеніе научныхъ трудовъ его увлекаетъ. Смитъ ему „очень нравится". Одновременно онъ читаетъ сочиненіе Гарнье [3]) и книгу Макіавели „Jl principe". Большей частью онъ занятъ переводомъ книжки Сарторіуса о народномъ богатствѣ [4]). Эта работа послужила Николаю Ивановичу хорошей подготовкой къ чтенію классическаго труда Смита, такъ какъ книга Сарторіуса представляла собой передѣлку этого труда. И, дѣйствительно, скоро послѣ этого Тургеневъ принялся за чтеніе Смита. „Я, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, цѣлый вечеръ читалъ Смита. Умнѣйшій человѣкъ!" Свободное отъ лекцій время онъ всецѣло посвящаетъ этому чтенію. „Смитъ, говоритъ онъ, восхищаетъ меня; а эта наука будетъ главнѣйшимъ моимъ занятіемъ въ продолженіе, думаю, всей моей жизни".

Въ этотъ семестръ 1809—1810 г. онъ слушаетъ лекціи Гуго по естественному праву [5]), Сарторіуса по политической экономіи, Герена по статистикѣ и Зальфельда по дипломатикѣ [6]). Послѣдній читалъ на французскомъ языкѣ, какъ и предшественникъ его по каѳедрѣ международнаго права, Георгъ Ф. фонъ-Мартенсъ. О первыхъ трехъ изъ названныхъ профессоровъ, между прочимъ, главныхъ учителяхъ Тургенева, мы читаемъ слѣдующій отзывъ въ дневникѣ отъ 2 ноября 1809 г.: „Гуго читалъ хорошо, но слишкомъ, какъ называютъ, мямлетъ; и улыбка его непріятна, потому что она зла, кажется, и ехидна. Геренова улыбка смѣшна, а Сар-

---

[1]) Uber die Geschichte des europäischen Staatensystems und seiner Kolonien seit dem Ende des 15. Jahrhunderts.

[2]) См. Минувшіе годы, апрѣль.

[3]) Germain Garnier 1754—1821, переводилъ Смита на французскій языкъ и написалъ: De la propriété dans ses rapports avec le droit pratique (1792) и Théorie des banques d'escompte (1806).

[4]) Von den Elementen des Nationalreichtums und von der Staatswirtschaft nach A. Smith.

[5]) „Гуго, пишетъ Николай брату Александру, подразумѣваетъ подъ этимъ die Philosophie des positiven Rechts (философію позитивнаго права)".

[6]) См. Pütter-Saalfeld, Versuch einer akademischen Gelehrtengeschichte von der Georgia-Augusta-Universität zu Göttingen, III. 380.

торіусъ почти совсѣмъ не улыбается—но его въ моральномъ смыслѣ я бы Герену (о Гуго и говорить нечего) предпочелъ, да только любитъ похвастать". О Сарторіусѣ, какъ о хорошемъ лекторѣ, Тургеневъ упоминаетъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ дневника.

Чтеніе Смита становится главнымъ занятіемъ Тургенева. Онъ увлекается имъ, онъ хорошо продумываетъ положенія Смита и, читая трудъ Якоба [1]), профессора гальскаго и харьковскаго университетовъ, онъ подходитъ къ нему уже какъ приверженецъ теоріи Смита. Противъ Якоба онъ выдвигаетъ цѣлый рядъ соображеній, не оригинальныхъ, конечно, но доказывающихъ, какъ вѣрно онъ воспринялъ взгляды Смита. Въ книгѣ Якоба „есть нѣкоторое, что хорошо, но ничего новаго". Изъ критическихъ замѣчаній по поводу этой книги небезынтересно слѣдующее разсужденіе Тургенева: „Онъ (Якобъ) споритъ въ опредѣленіи цѣнъ съ Смитомъ и своими ничего незначущими раздѣленіями запутаетъ только простое и ясное опредѣленіе Смита. Въ опредѣленіи производящей и непроизводящей работы онъ самъ себя не понимаетъ, и какъ можно ли послѣ сего понимать его другими. Онъ говоритъ, что только та работа производящая, которая приноситъ болѣе, нежели что она стоитъ, и что все-таки работа можетъ быть иногда производящею, а иногда непроизводящею. Гдѣ же опредѣленіе работы? Зачѣмъ отъ *добра писать лучшаго* и, отступая отъ Смита, блуждаться съ своимъ воображеніемъ въ предѣлахъ неопредѣленности? Также говоритъ онъ, что въ землѣ, неимѣющей капиталовъ, народонаселеніе не можетъ дѣлать большихъ успѣховъ; этого порядочно не опредѣляетъ, противорѣчитъ, кажется, самъ себѣ въ понятіи *капитала*. Иначе можно противъ сего сослаться на примѣръ Россіи и Сѣверной Америки. Какая страна, земля, преисполненная капиталовъ, дѣлала большіе успѣхи въ народонаселеніи? Вообще о капиталахъ онъ очень большого мнѣнія. Утвержденіе, что работа можетъ служить мѣрою стоимости товаровъ, у него не такъ постоянно и твердо, какъ у Смита".

Чѣмъ дольше Тургеневъ жилъ въ Геттингенѣ, тѣмъ сильнѣе онъ привязывался къ университету, къ занятіямъ, къ профессорамъ, къ книгамъ. Онъ теперь рѣдко жалуется на скуку, наоборотъ, онъ выражаетъ желаніе подольше оставаться въ Геттингенѣ. „Хорошо, говоритъ онъ, прожить здѣсь болѣе года, но обстоятельства, курсъ и, можетъ быть, скука могутъ воспрепятствовать сему". Послѣднее опасеніе, однако, не оправдалось; скоро Николай Ивановичъ пересталъ жаловаться на скуку: онъ слишкомъ усердно занимался въ теченіе всего лѣта 1810 г. Онъ продолжалъ читать труды

[1]) Grundsätze der Nationalakonomie oder Grundsätze des Nationalreichtums 1809.

Смита и Якоба и познакомился съ виднѣйшимъ теоретикомъ меркантилистовъ Стюартомъ (James Steuart) [1]) и съ произведеніями остроумнаго аббата Galiani, автора знаменитыхъ Dialogues sur le commerce des bleds (blés) [2]). Эти „діалоги" онъ читалъ, не отрываясь, цѣлый день. Кромѣ того, Тургеневъ много прочелъ за это время по исторіи: Histoire de Brandenbourg Фридриха II [3]), Сегюра, Tableau historique et politique de l'Europe de 1786—1796, contenant l'histoire de Frederic — Guillaume II [4]) и Гиббона. Классическій трудъ History of the decline and fall of the Romain empire [5]) увлекаетъ его такъ же сильно, какъ въ свое время Смитъ. Въ то же время онъ интересуется исторіей Россіи. Онъ читаетъ русскую исторію (неизвѣстно, какого автора) „съ величайшимъ удовольствіемъ". „При чтеніи, говоритъ онъ, о Петрѣ I чуть-чуть было не заплакалъ". Очень внимательно Тургеневъ изучаетъ лѣтопись Нестора въ Шлецеровскомъ изданіи. Если къ этому прибавить, что ему приходилось повторять лекціи и составлять маленькіе рефераты для семинарія Сарторіуса, то дѣйствительно убѣждаешься въ томъ, какъ интенсивно занимался Тургеневъ въ это время. Въ тотъ же лѣтній семестръ 1810 г. онъ слушаетъ исторію послѣднихъ трехъ столѣтій у Герена [6]), финансовую науку у Сарторіуса [7]), исторію искусства у профессора Фіорилло [8]), энциклопедію права у Гуго [9]), уголовное право у Геде и лекцію, озаглавленную „Der Geist der Geschichte" у Людера. Мы остановимся на послѣднихъ двухъ лекторахъ, особенно часто упоминаемыхъ въ тургеневскомъ дневникѣ.

Молодого криминалиста Геде Тургеневъ называетъ „геніальнымъ". Онъ увлекается его лекціями: „Геде говорилъ о супружеской любви и говорилъ прекрасно. Я подумалъ объ этомъ, и мнѣ пришло на умъ, сколько надобно было прочесть книгъ, чтобы сказать эти десять словъ! Пришедши домой, все я думалъ объ этомъ и теперь еще думаю" [10]).

---

[1]) Крупный теоретикъ физіократовъ. Написалъ трудъ An inquiry into the princeples of political oeconomy... London, 1767, 2 vol.

[2]) Fernando Galiani (1738—1787). Написалъ еще Della moneta libri quinque 1749. Діалоги появились въ Лондонѣ въ 1770 г.

[3]) Полное заглавіе: Mémoires pour servir a l'histoire de la maison de Brandenbourg, 1751. Новое изд. Лейпцигъ 1875.

[4]) 1800, 3 т.

[5]) London 1782—86, 6 vol.

[6]) Эту лекцію Тургеневъ слушалъ во второй разъ. Геренъ читалъ, кромѣ того, исторію крестовыхъ походовъ, которую Тургеневъ тоже слушалъ.

[7]) Die Lehre von den Finanzen oder von den öffentlichen Einkünften, Ausgaben, Sschulden u. s. w.

[8]) Johann Dominicus Giorillo, ординарный профессоръ философіи. Читалъ: Die Geschichte der schönen Künste.

[9]) Эта лекція не особенно понравилась Тургеневу: „Гуго говоритъ много вздору".

[10]) Дневникъ 1810 г.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы привели краткое изложеніе взглядовъ Геде на уголовное право, данное Тургеневымъ въ La Russie et les Russes по личнымъ воспоминаніямъ. „Лекціи Геде, продолжаетъ Тургеневъ тамъ же, произвели на меня сильное впечатлѣніе; мнѣ казалось, что повязка упала съ моихъ глазъ. Я увидѣлъ вдругъ, что обыкновенныя понятія о наказаніяхъ, о преступленіяхъ, о правѣ наказанія исчезли, какъ пустые и вредные предразсудки передъ этой простой и раціональной теоріей" [2]). Вполнѣ естественно необычайное вліяніе идей Геде на человѣка, которому неоднократно приходилось въ своемъ отечествѣ быть свидѣтелемъ грубаго примѣненія столь рѣзко осуждаемой его учителемъ теоріи. Высоконравственное чувство соціальной справедливости, одна изъ прекраснѣйшихъ чертъ личности Н. И. Тургенева, созрѣло подъ благотворнымъ вліяніемъ идей Геде. О томъ, были ли между „геніальнымъ" профессоромъ и восторженнымъ его слушателемъ личныя сношенія, мы точно не знаемъ, хотя это легко предположить, потому что Михайловскій-Данилевскій, „неразлучный" университетскій товарищъ Тургенева, былъ лично хорошо знакомъ съ Геде [3]).

Въ виду того, что Тургеневъ столь часто и такъ восторженно отзывается о лекціяхъ Людера, названныхъ имъ „Der Geist der Geschichte", интересно ближе познакомиться съ личностью этого профессора [4]). И онъ былъ геттингенскимъ студентомъ въ эпоху полнаго расцвѣта университета. Послѣ окончанія Людеръ занимался сперва исторіей и географіей, но впослѣдствіи посвятилъ себя всецѣло политической экономіи и статистикѣ. Учителями его были Смитъ и Ахенваль. Но въ то время, какъ теоріей Смита Людеръ всецѣло проникся и популяризовалъ ее столь же успѣшно [5]), какъ Сарторіусъ,—противъ Ахенваля и его школы онъ выступилъ съ двумя сочиненіями: „Kritik der Statistik und Politik" и „Kritische Geschichte der Statistik" [6]), въ которыхъ дошелъ до полнаго отрицанія значенія статистики. Біографъ Людера объясняетъ отрицательное отношеніе его къ статистикѣ тѣмъ, что Людеръ, подобно Смиту, не признаетъ вмѣшательства государства, каковымъ являются статистическія вычисленія. Съ другой стороны, выпады Людера являются реакціей противъ преувеличеннаго значенія, какое тогда прида-

---

[1]) Минувшіе Годы, апрѣль, стр. 196.

[2]) La Russie et les Russes, I, 563.

[3]) Минувшіе Годы, апрѣль, стр. 196.

[4]) August Ferdinand Lueder (1760—1819) См. Pütter.—Oesterley—Saalfeld, Versuch einer akademischen Gelehrtengeschihte von der Georgia—Augusta Universität zu Göttingen, III, 122—124; Roscher, Geschichte der Nationalökonomik, стр. 619—624; Allgemeine deutsche Biographie, XIX, 377—378.

[5]) Über Nationalindustrie und Staatswirtschaft, 3 т., 1800—01.

[6]) Появились въ 1812 и 1817 г.

вали статистикѣ, когда думали на основаніи скудныхъ и сомнительныхъ цифръ объяснять сложныя явленія народной жизни и нравственный уровень народныхъ массъ [1]). Въ Геттингенъ Людеръ былъ приглашенъ послѣ смерти Шлецера, и явился его преемникомъ по каѳедрѣ политики отъ 1810—1814 г. У Людера, какъ и у Шлецера, были обширныя познанія въ исторіи [2]) и географіи, хотя, по словамъ біографа, онъ не всегда пользовался первоисточниками и читалъ поэтому лекцію не спеціальную „Der Geist der Geschichte", въ которой говорилось о бракѣ, о томъ, чѣмъ отличается мужской умъ отъ женскаго, о распространеніи просвѣщенія изъ Константинополя въ Италію, о томъ, учатъ ли насъ выводы исторіи тому, какъ поступать въ будущемъ,—словомъ, въ этой лекціи затрагивался, насколько видно изъ записокъ въ дневникѣ Тургенева, цѣлый рядъ вопросовъ изъ исторіи культуры и соціологіи.

Лекція Людера, Der Geist der Geschichte, сильно способствовала умственному развитію Н. И. Тургенева; она дѣйствовала на него, выражаясь нѣмецкимъ терминомъ, anregend. Должно быть, онъ уже былъ знакомъ съ сочиненіями Людера, когда писалъ брату своему Александру 3/15 февраля 1810 г.: „Людеръ, пріѣхавшій сюда профессоръ, долженъ быть хорошъ по своей части, но имѣетъ много странныхъ и несправедливыхъ положеній, напр., что война есть величайшее благо и источникъ народнаго богатства. Скорѣе первое, нежели послѣднее. Онъ читаетъ теперь публично 2 раза въ недѣлю: Geist der Geschichte" [3]). Изъ дневника Тургенева видно, что лекціи ему понравились. „Людеръ доказывалъ,—такъ читаемъ въ дневникѣ,—что der Mensch ist ein mit der übrigen Natur übereinstimmendes Wesen. Также, что изъ исторіи нельзя научиться, какъ поступать. Но тутъ онъ вретъ, или я не понялъ его доказательства, хотя тема была сказана точно такъ". А въ другомъ мѣстѣ: „Опровергалъ мнѣніе, что просвѣщеніе перешло вдругъ изъ Константинополя въ Италію, и замѣтилъ, что и Гиббонъ, думая такъ, ошибается".

По мѣрѣ того, какъ Тургеневъ все основательнѣе знакомился съ разными отраслями наукъ, сформировывалось его міросозерцаніе, убѣжденія. Для того, чтобы познакомиться съ постепеннымъ развитіемъ взглядовъ Тургенева на политическія и соціальныя реформы русской жизни, умѣстно сейчасъ же, прежде чѣмъ мы исчерпаемъ обзоръ его университетскихъ занятій, сообщить соотвѣтствующія разсужде-

---

[1]) Такое же отрицательное отношеніе къ статистическимъ вычисленіямъ мы констатировали у Герена. Allgemeine deutsche Biographie XIX, 378.

[2]) Отмѣтимъ сочиненіе: Entwicklung der Veränderung des menschlichen Geschlechts aus den Ursachen desselben, 1810.

[3]) Письма Н. И. Тургенева къ брату Александру за 1808—1811 г.г. Тургеневскій архивъ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ.

нія изъ его дневника. Описывая, какъ онъ предполагаетъ устроить свою будущую жизнь, Тургеневъ затрагиваетъ крестьянскій вопросъ: „Священнѣйшимъ долгомъ рѣшился я поставить себѣ *улучшеніе состоянія* земледѣльцевъ, на которыхъ буду имѣть вліяніе; и послѣ трудами, доказательствами стараться поспѣшествовать къ *облегченію судьбы* земледѣльцевъ вообще въ Россіи". Но Тургенева волнуетъ не только крестьянскій вопросъ; онъ принимаетъ близко къ сердцу общее положеніе дѣлъ въ Россіи. Для него вполнѣ ясно, что политическій и общественный строй ея нуждается въ крупныхъ реформахъ; съ грустью онъ констатируетъ въ Россіи темное невѣжество и рабство, разъѣдающее общественный организмъ страны Брата Сергѣя, прибывшаго въ Геттингенъ въ концѣ лѣта 1810 г., онъ много и подробно разспрашиваетъ о Россіи, но изъ всѣхъ его сообщеній Николай видитъ, „что все у насъ находится въ безпечной дремотѣ, все унижено и унизилось, и все въ страшнѣйшемъ и страннѣйшемъ безпорядкѣ" [1]).

Приближеніе послѣдняго семестра наводитъ Тургенева на серьезныя размышленія. Вѣдь, скоро ему придется столкнуться съ русской дѣйствительностью. Онъ мечтаетъ примѣнить свои знанія въ жизни для общаго блага, но онъ смутно предчувствуетъ, что это ему не удастся. Имѣлъ ли Тургеневъ въ виду препятствія, на которыя наткнулись уже Полѣновъ и Радищевъ, и которыя ему самому, дѣйствительно, впослѣдствіи не удалось избѣгнуть? Характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто изъ дневника (16 сент. 1810 г.): „Часто теперь думаю я объ обстоятельствахъ Россіи и иногда заблуждаюсь я въ царствѣ хаоса и непонятности. Иногда думаю о своей будущей жизни въ П—бургѣ. Мнѣ хотѣлось бы быть опредѣлену по финансамъ, хотѣлось бы быть полезнымъ: вижу, что все это будетъ напротивъ, и заранѣе досадую..."

Въ книгѣ: „Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts" мы выразили мысль, что Н. И. Тургеневъ считалъ цѣлесообразнымъ въ Россіи начать съ частичныхъ реформъ, прежде всего съ самыхъ элементарныхъ, какъ упраздненіе крѣпостного права, распространеніе просвѣщенія, поднятіе административныхъ учрежденій на должную высоту и пр., и только послѣ всего этого ввести конституцію [2]).

Этотъ взглядъ на ходъ политическихъ и общественныхъ преобразованій въ Россіи, получившій опредѣленную формулировку во время совмѣстной работы съ барономъ Штейномъ [3]) въ Центральномъ Административномъ Департаментѣ,

---

[1]) Дневникъ, 1810 г.

[2]) Berlin 1907, стр. 67, а также въ статьѣ Nikolaj Turgenews politische Ideale въ сборникѣ „Beiträge zur russischen Geschichte", Berlin 1907, стр. 218.

[3]) Вопросу о сношеніяхъ Тургенева съ барономъ Штейномъ мы посвятимъ особую статью.

учрежденномъ послѣ Лейпцигской битвы въ 1813 г., и подробно изложенный Тургеневымъ въ третьемъ томѣ La Russie et les Russes, [1]) сложился у Тургенева еще въ Геттингенѣ. Мы не должны забывать, что тамъ разсуждалъ еще молодой студентъ. О политической реформѣ quand même онъ и теперь не думаетъ. Его интересуютъ уничтоженіе рабства, поднятіе просвѣщенія и „любовь сыновъ къ отечеству“. Вотъ его подробное изложеніе:

„Часто думаю я теперь о Россіи, въ особенности относительно къ состоянію тамъ просвѣщенія, рабства и любви сыновъ къ отечеству. Первое требуетъ вліянія и внимательности со стороны правительства, и лучшихъ средствъ, нежели каковыя были употреблены до сихъ поръ (хотя сіи послѣднія очень важны и велики). Требуетъ соединенія многихъ умныхъ и благомыслящихъ людей, кои бы общими силами старались способствовать распространенію образованія на теоріи и на практикѣ.—Второе, рабство, должно, кажется, быть первѣйшею цѣлію внутренняго правительства. Уничтоженіе онаго есть первый, важнѣйшій шагъ къ достиженію всѣхъ цѣлей государственныхъ вообще. Но тутъ правительство, кажется, не столько можетъ успѣть, сколько частные люди, а сіи должны видѣть свою пользу; а чтобы видѣть оную, надобно знать немного болѣе, нежели курить вино и ѣздить за собаками — надобно просвѣщеніе. — Слѣдственно, судьба рабства тѣсно соединена съ судьбою просвѣщенія дворянъ, которымъ должно вбить въ голову благородныя, человѣческія понятія; собственную ихъ пользу надо имъ показать, убѣдить ихъ въ истинѣ, справедливости, человѣколюбіи, религіи: а для сего нужны соединенія умныхъ, вѣрныхъ гражданъ, покровительствуемыхъ правительствомъ. Правительство можетъ даже положить дорогу. Сдѣлать первый примѣръ,—а духъ подражанія, ободряемый разноцвѣтными ленточками, много можетъ подѣйствовать на самыя благороднѣйшія души.—Что касается до любви къ отечеству, то это я здѣсь понимаю только относительно къ гражданской службѣ, т. е. къ управленію внутреннему государства. —Высшіе, начиная съ перваго повелителя, должны всего болѣе стараться выбирать людей и, выбравъ ихъ, дать имъ приличныя мѣста, кои бы представляли случай сдѣлать добро и быть истинно полезными отечеству; и тогда человѣкъ, чувствуя цѣну самому себѣ и заслугъ своихъ государству, будетъ съ равнодушіемъ смотрѣть на наружныя отличія, имѣя въ виду большія благороднѣйшія цѣли“.

Извѣстно, съ какимъ восторгомъ привѣтствовало русское общество восшествіе на престолъ императора Алексан-

[1]) Краткій разборъ въ указанной статьѣ, „Nikola Turgenews politische Ideale“.

дра I. Всѣ взоры были устремлены на юнаго императора, по мнѣнію одного изъ новѣйшихъ историковъ, больше кого бы то ни было изъ всѣхъ царствующихъ лицъ этой эпохи проникнувшагося идеями французской революціи. На него возлагали большія надежды, отъ него ждали крупныхъ реформъ. Вспомнимъ, какую вѣру придавали этимъ чаяніямъ геттингенцы Кайсаровъ и фонъ-Фрейгангъ. Николай Тургеневъ лелѣялъ тѣ же надежды. Онъ восхваляетъ въ восторженныхъ выраженіяхъ „первые годы истиннаго государя, отца отечества". „Свѣтъ, говоритъ Тургеневъ, чудился необыкновеннымъ явленіемъ сѣвернымъ! И Европа, поколебанная въ основаніи своемъ, съ изумленіемъ взирала на счастливую Россію и съ благоговѣніемъ на творца счастья великаго народа". Первые годы царствованія Александра „могутъ съ справедливостью назваться *законнымъ* (*хотя краткимъ*) *вѣкомъ* Россіи". Тургеневъ приходитъ къ этому заключенію послѣ сравненія начала царствованія Александра съ эпохою Павла. „Какая перемѣна въ духѣ правительства!.. Какая доброта, милосердіе, добрая воля правительства! Какое стараніе къ распространенію просвѣщенія и уничтоженію рабства, какія умныя и справедливыя правила въ новыхъ установленіяхъ. Кто удивлялся прежде при слухѣ, что тотъ посланъ въ деревни, тотъ въ Сибирь, и кто даже думаетъ теперь объ этомъ" [1]).

Приведенныя слова Тургенева интересны въ томъ отношеніи, что, идеализируя намѣренія правительства въ первые годы царствованія Александра I, онъ указываетъ тутъ же на кратковременность этого „законнаго вѣка".

Мы полагаемъ, что именно занятія въ Геттингенѣ рано навели Тургенева на размышленія о политическомъ состояніи Россіи, пріучили его критически ко всему относиться и помогли ему выработать опредѣленныя мнѣнія о томъ, въ какихъ политическихъ и соціальныхъ реформахъ нуждается Россія. Во всемъ этомъ нельзя сомнѣваться, если прослѣдить занятія Тургенева за послѣдній семестръ въ Геттингенѣ. Онъ изучаетъ тогда основательно юридическія и финансовыя науки и дѣлаетъ нѣсколько попытокъ написать самостоятельныя научныя изслѣдованія.

Жизнь въ Геттингенѣ лѣтомъ 1810 г. начинаетъ все болѣе нравиться Тургеневу. Почти все время онъ посвящаетъ занятіямъ, а свободные часы проводитъ съ русскими и нѣмецкими товарищами. Кромѣ того, онъ бываетъ на дому у профессоровъ Сарторіуса и Вундерлиха, у которыхъ собирались и другіе русскіе и профессоръ виленскаго университета Зноско. „Я теперь живу, записываетъ Тургеневъ въ дневникѣ въ іюнѣ 1810 г., въ Геттингенѣ такъ весело, или

[1]) Дневникъ, 1810 г.

лучше сказать, такъ свободно, какъ еще никогда здѣсь не живалъ".

Въ зимній семестръ 1810/11 г. Тургеневъ слушаетъ рядъ интересныхъ лекцій. Если, какъ мы увидимъ, онъ въ серединѣ семестра пересталъ посѣщать нѣкоторыя лекціи, то это объясняется только тѣмъ, что онъ предпочиталъ самостоятельно изучать серьезные труды и занимался своей диссертаціею о денежномъ обращеніи. Изъ юридическихъ наукъ онъ слушалъ въ зимнемъ семестрѣ у Гуго римское право и Code Napoleon, а у Геде церковное право и краснорѣчіе. Лекціи Гуго сначала очень занимали Тургенева, и онъ узналъ изъ нихъ „много любопытнаго, въ особенности касательно до Code N.". Но черезъ нѣкоторое время онъ жалуется на скверное чтеніе Гуго и окончательно прекращаетъ посѣщеніе лекцій по римскому праву. Лекцію Геде о краснорѣчіи Тургеневъ называетъ „очень хорошей", „превосходной", но церковное право современемъ перестало его интересовать. Въ первое время онъ очень охотно слушалъ старика Бекмана, читавшаго о „коммерціи" [1]). Лекціи Бутервека объ эстетикѣ онъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ. Бутервекъ читалъ „преуспѣшнѣйшимъ образомъ" и возбудилъ въ Тургеневѣ „почтеніе и ревность къ эстетикѣ". „Бутервекъ, говоритъ онъ, читаетъ превосходно и подлинно восхищаетъ меня и удивляетъ". Тургеневъ мало еще знакомъ съ предметомъ, тѣмъ усерднѣе онъ занимается эстетикой дома. Много времени отнимаетъ у него дома и римское право.

Вспомнимъ, какъ Тургеневъ восхищался Гиббономъ, подъ вліяніемъ котораго пристрастился къ чтенію историческихъ сочиненій. Изъ прочитанныхъ въ зимній семестръ 1810/1811 г. книгъ назовемъ первымъ дѣломъ исторію Швейцаріи Мюллера [2]). О ней записываетъ Тургеневъ въ дневникѣ: „жалѣю, что Мюллеръ не употребилъ трудовъ своихъ на что-нибудь поважнѣе добрыхъ своихъ земляковъ.—Сравненія швейцарцевъ съ греками иногда странны и, кажется, безъ нихъ онъ бы могъ очень хорошо обойтись. Иногда даже можно подумать, что Мюллеръ шутитъ". Описаніе швейцарскихъ войнъ онъ находитъ прекраснымъ. „Впрочемъ, говоритъ Тургеневъ, Мюллеръ—поэтъ!" Книгу Денина, „Rèvolutions de l'Italie [3]), Тургеневъ находитъ „довольно хорошей, въ особенности, что касается до войны нѣмецкихъ королей или императоровъ въ Италіи". Менѣе нравятся ему главы

---

[1]) Handlungswissenschaft (Die Lehre vom Wechselwesen, Wechselkurs, Banken, Buchhaltung u. s. w.).

[2]) Geschichte der schweizerischen Eidgenossenschaft, Лейпцигъ, 1786 г. и сл.

[3]) Giacomo Carlo Denina, итальянскій историкъ. Названный трудъ: Delle revoluzioni d'Italia libri ventiquattro, Turin 1769—1770 (3 т.), одинъ изъ лучшихъ Денина, Тургеневъ читалъ въ французскомъ переводѣ.

книги объ упадкѣ римской имперіи: „это—послѣ Гиббона—очень весело“. О томъ, что Тургеневъ интересовался разнообразными областями исторіи, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, чтеніе труда историка Шпиттлера, „Kirchengeschichte“ [1]).

Чтобы бросить свѣтъ на развитіе политическихъ убѣжденій Тургенева отмѣтимъ, что онъ внимательно изучалъ „Духъ законовъ“ Монтескье [2]). Кромѣ упомянутыхъ историческихъ занятій, онъ особенно ревностно занимается финансовымъ вопросомъ. Въ этой области, равно какъ и въ юриспруденціи, Тургеневъ тогда уже стремится спеціализироваться.

Изъ области права Николая Ивановича больше всего интересовало уголовное право (вспомнимъ его московскія впечатлѣнія отъ лекцій профессора Цвѣтаева), римское право и Code civile или, какъ его принято называть, Code Napoléon. Одно посѣщеніе лекцій не удовлетворяло Тургенева. Ассесоръ Больгорнъ репетируетъ съ нимъ и съ Данилевскимъ дома университетскія лекціи. Все-таки Тургеневъ чувствуетъ, что всего этого недостаточно, и что желательно и „нужно еще остаться въ Геттингенѣ для того, чтобы заняться юриспруденціею“.

Тургеневъ посѣщалъ также охотно присутствія Kriminalgericht'a. Это важно отмѣтить потому, что въ Вестфальскомъ королевствѣ былъ введенъ институтъ присяжныхъ засѣдателей, и, слѣдовательно, Тургеневъ могъ познакомиться съ цѣлесообразностью этихъ судовъ. Тотъ фактъ, что въ запискѣ о судебной реформѣ, составленной въ 1821 году, Тургеневъ требуетъ введенія суда присяжныхъ въ Россіи и вообще предлагаетъ въ области реформы русскаго судопроизводства слѣдовать французскому законодательству, объясняется именно знаніемъ Тургенева Code civil и знакомствомъ его съ практикой Вестфальскихъ судебныхъ учрежденій [3]).

Еще въ концѣ лѣта 1810 г. Тургеневъ задумалъ написать разсужденіе о финансахъ. Какъ видно изъ конспекта въ его дневникѣ, здѣсь говорилось, между прочимъ, объ обращеніи денегъ, объ ассигнаціяхъ и о банкахъ. „Разсужденіе“ не сохранилось, такъ что трудно о немъ судить, но мы читаемъ въ дневникѣ Тургенева, какъ онъ въ первое время

---

[1]) Grundriss der Geschichte der christlichen Kirche, Göttingen, 1782.

[2]) Дневникъ, 28 февраля 1811 г. „Сейчасъ кончилъ свое сочиненіе для Арто. Предметомъ служило мнѣ раздѣленіе Montesquieu *правилъ правленій*“. Franz Golange Artaud, проф. франц. языка и фр. лит.; см. Pütter, III 376.

[3]) Онъ записываетъ въ дневникъ: „Въ судѣ судился Oberamtmann Körber по доносу, что онъ на охотѣ стрѣлялъ въ вора и что велѣлъ въ другой разъ стрѣлять своему пивовару, который будто бы и его застрѣлилъ. Oberamtmann этотъ очень богатый человѣкъ. Но правосудіе здѣшнее, кажется, подлинно право судитъ. Другой воръ, который былъ съ убитымъ, говоритъ, что пивоваръ его застрѣлилъ — Körber и пивоваръ утверждаютъ противное — и тотъ и другіе присягали. О, люди! Ничего священнаго нѣтъ для васъ!“

восхищался самимъ процессомъ изложенія своихъ мыслей и какъ онъ впослѣдствіи самъ раскритиковалъ свою работу. 26 сентября 1810 г. онъ записываетъ въ дневникъ: „Сегодня послѣ обѣда провелъ прекраснѣйшимъ образомъ. Я началъ писать свое разсужденіе. И вступленіе, гдѣ я говорилъ о среднихъ вѣкахъ, было для меня пріятно писать. Сегодня набралъ тьму книгъ въ библіотекѣ". Изъ позднѣйшей записки въ декабрѣ того же года мы узнаемъ, что онъ работалъ надъ составленіемъ разсужденія (здѣсь онъ его называетъ диссертаціей) восемь или девять дней. „Со второго часу, говоритъ онъ въ томъ же мѣстѣ дневника, поправлялъ я сегодня свою диссертацію. Сначала идетъ хорошо, а въ серединѣ очень отрывиста; нѣтъ единства, которое бы соединяло всѣ предложенія одно съ другимъ; до конца еще не дошелъ, но заранѣе страшусь безпорядка. Я самъ не понимаю, какъ я *скропалъ* (въ подлинномъ смыслѣ этого слова) эту диссертацію. Началъ съ середины, потомъ приставилъ начало и конецъ; слѣдовалъ сперва нѣкоторому плану, а потомъ перемѣнялъ его на каждой страницѣ". Онъ приходитъ къ заключенію, что нужно диссертацію коренными образомъ передѣлать и дополнить, но тогда пришлось бы ее перерабатывать, что ему, однако, не позволяетъ время. Переписавъ, наконецъ, диссертацію начисто, онъ говоритъ: „не знаю самъ, что сказать о диссертаціи; если печатать, то многое можно смѣло, многое подумавъ, а многаго совсѣмъ нельзя".

Тургеневъ задумалъ, кромѣ того, работу по политической экономіи. „Мысль,—говоритъ онъ въ концѣ 1810 года,—написать книжку о политической экономіи не умерла еще. Къ ней присоединялась еще другая, заманить к. б. и молодыхъ людей, черезъ нѣсколько лѣтъ, къ политическимъ наукамъ посредствомъ лекцій". Впослѣдствіи онъ, въ качествѣ члена Союза Благоденствія, руководилъ занятіями товарищей по Союзу [1]), будущихъ декабристовъ. Такимъ образомъ, мысли этой, задуманной въ Геттингенѣ, суждено было отчасти осуществиться.

Книги по политической экономіи Тургеневъ не написалъ, но зато онъ серьезно занялся весною 1811 г. новой „диссертаціей" главнымъ образомъ о налогахъ, хотя, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста дневника, въ этомъ сочиненіи Тургеневъ хотѣлъ писать и по другимъ финансовымъ вопросамъ. „У меня, говоритъ онъ, на умѣ написать новую диссертацію, пополнѣе. Много надобно для того читать; а многое хотѣлось бы сказать—предметъ въ головѣ обширный: хочу начать съ образованія капиталовъ въ обществѣ, хочу говорить о трехъ системахъ, хочу говорить о кредитѣ, о налогахъ, о продажѣ госуд. имѣній. О Россіи хочется кое-что ска-

[1]) См. мою книгу „Die Universität Göttingen".

зать. Не знаю, когда поѣду отсюда и когда можно будетъ писать"... Это было писано еще въ февралѣ 1811 года, но тогда Тургеневъ посвящалъ новому сочиненію только досуги, потому что много времени у него уходило на посѣщеніе лекцій. Въ началѣ апрѣля закончился послѣдній семестръ его пребыванія въ университетѣ, и онъ почти все время до отъѣзда изъ Геттингена (въ іюнѣ) исключительно занимался вопросомъ о налогахъ. Въ послѣдній день апрѣля 1811 г. онъ записываетъ: „Продолжаю читать книги по части налоговъ: много собиралъ мыслей для диссертаціи". А къ концу мая работа значительно подвинулась впередъ. „Вотъ уже цѣлую недѣлю, говоритъ Тургеневъ, какъ я все пишу. Теперь мало еще занятія для ума; работа по большей части написанная. Очень пріятно заниматься этимъ. — Теперешнія мои занятія подобны жатвѣ: долго собиралъ я матеріалы для своей диссертаціи и теперь пользуюсь симъ собираніемъ". Любопытныя подробности о ходѣ работы онъ сообщаетъ брату Александру [1]). Работа появилась въ печати въ 1818 г. подъ заглавіемъ: „Опытъ теоріи налоговъ" и вызвала большое оживленіе въ научныхъ и общественныхъ кругахъ [2]). Кромѣ обсужденія спеціально финансовыхъ вопросовъ, онъ затронулъ въ этой книгѣ крѣпостное право. Книга является показателемъ успѣшныхъ занятій въ послѣдніе семестры въ Геттингенѣ.

Тургеневъ привыкъ къ геттингенской жизни. Мысль о томъ, что ему придется скоро оставить Геттингенъ, приводила его въ отчаяніе. Въ сентябрѣ 1810 года онъ записалъ въ дневникѣ: „зимній семестръ будетъ для меня послѣдній. При сей мысли я чувствую неизвѣстное; много способствуетъ къ сему чувству: это послѣдній семестръ въ Геттингенѣ, послѣднее ученье, перемѣна жизни и братъ остается здѣсь почти одинъ,—все это волнуетъ сердце мое". Съ большимъ удовольствіемъ читаешь многократные отзывы Тургенева о свѣтлыхъ геттингенскихъ дняхъ. Истекающій 1810 годъ наводитъ его на слѣдующія размышленія: „...тихо проходятъ послѣднія минуты 1810-го года, тихо провелъ я годъ сей. Счастливая безпечность всегда сопровождала мои занятія. Не возвратятся тѣ дни, когда, забывая все на свѣтѣ, углублялся въ Гиббона"... За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ Геттингена Тургеневъ очень обстоятельно описалъ въ своемъ дневникѣ мрачное настроеніе, которое являлось у него каждый разъ при мысли о томъ, что онъ долженъ навсегда разстаться съ Геттингеномъ. Мы приводимъ изъ

---

[1]) Письма Н. И. Тургенева къ брату Александру за 1808—1809 г. Тургеневскій архивъ.

[2]) Очень подробно въ главѣ Politische Schriften Turgenews, въ моей книгѣ „Die Universität Göttingen".

пространнаго прощальнаго слова самыя характерныя мѣста, въ особенности тѣ, въ которыхъ Тургеневъ противоставляетъ будущей, неинтересной, какъ ему кажется, петербургской жизни прелести геттингенскихъ, „самыхъ лучшихъ“ годовъ. Свое прощальное слово Тургеневъ начинаетъ такъ:

„*Велитъ ли Богъ свидѣться*“—утѣшительныя слова при прощаньи!—Ахъ! Я не могу сказать этого, оставляя Геттингенъ!—Послѣднее письмо, полученное изъ П.-б., лишило меня надежды еще разъ увидѣть незабвенное мѣсто, въ которомъ я прожилъ три года, можетъ быть, самые лучшіе моей жизни. Я долженъ скоро оставить Геттингенъ и съ нимъ очень многое. Эта мысль тяжела для моего сердца, и я не могу къ ней привыкнуть. Сегодня, сидя за книгою, представилъ себѣ все то, что теряю своимъ отъѣздомъ отсюда. Покойная, беззаботная жизнь, счастливѣйшая жизнь. Я долженъ промѣнять тебя на пустую, исполненную непріятностей, трудную п-бургскую жизнь! Горько думать объ этомъ; чувствъ своихъ я выразить не могу. Какое-то невольное предчувствіе, т. сказать, отталкиваетъ меня отъ Россіи.—Съ чѣмъ разстаюсь я? Съ Геттингеномъ! Не могу удержать слезъ; горесть вынуждаетъ ихъ изъ глазъ моихъ. Съ чѣмъ разстаюсь я? Съ Геттингеномъ—съ покоемъ, съ безпечностію, съ независимостію... Прости, прости Геттингенъ! Много, очень много я тебѣ обязанъ. Ты заставилъ меня войти въ самого себя и смотрѣть на все съ другой, можетъ быть, и я думаю, съ правильной стороны. Много я тебѣ обязанъ и не забуду тебя до тѣхъ поръ, пока сердце мое будетъ биться, и кровь течь въ жилахъ моихъ! Не забуду! Можно ли забыть незабвенное?!... Думаю о проведенномъ здѣсь времени, о счастливой жизни—и мысли сіи прерываетъ мысль о скверной будущности, отъ которой я ни на грошъ добраго не ожидаю... Не могу также чувствовать, чего я съ нимъ (Геттингеномъ) лишаюсь. П-бургъ заставитъ все это почувствовать, и воспоминанія будутъ мучительны“...

VII.

Мы знаемъ уже, какъ описываетъ А. И. Михайловскій-Данилевскій состояніе свое и Н. И. Тургенева въ день ихъ отъѣзда изъ Геттингена [1]). Тяжелое настроеніе Николая Ивановича объясняется тѣмъ, что онъ не переставалъ мысленно сопоставлять прелести геттингенскихъ лѣтъ съ предстоящей менѣе свободной и менѣе независимой жизнью въ Россіи. Но мы, уже зная, какъ сложилось это будущее, зная, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ ему пришлось жить и работать

---

1) Минувшіе Годы, апрѣль, стр. 214.

въ Россіи въ теченіе восьми лѣтъ, зная, что онъ былъ за свои политическія убѣжденія приговоренъ къ смертной казни,— мы еще болѣе въ состояніи оцѣнить геттингенскіе годы Тургенева. Удивительно, какъ оправдались его предчувствія...

Много лѣтъ спустя, живя на чужбинѣ, въ изгнаніи, Тургеневъ подводитъ итоги всему тому, что онъ вынесъ изъ Геттингена. Во Франціи, въ своихъ воспоминаніяхъ въ La Russie et les Russes, онъ приходитъ къ заключенію, что университетскія занятія оживили и усилили въ немъ тяжелое впечатлѣніе, которое произвела на него еще въ дѣтствѣ вопіющая несправедливость крѣпостного рабства. Кромѣ того, благодаря этимъ занятіямъ, онъ убѣдился въ непрочности и вредѣ существующихъ въ Россіи политическихъ и общественныхъ учрежденій [1]). Болѣе того, можно сказать съ увѣренностью, что геттингенскіе годы были для Николая Ивановича Тургенева школой въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ пріобрѣлъ солидныя познанія въ историческихъ, юридическихъ и политическихъ наукахъ. Изъ нихъ въ юриспруденціи и въ политической экономіи онъ, какъ мы видѣли, спеціализировался. Философіей Тургеневъ почти не занимался, интересуясь лишь эстетикой и философіей права. Преподаваніе философіи въ Геттингенѣ было поставлено не на должной высотѣ: въ XVIII вѣкѣ читалъ эклектикъ Федеръ, а въ началѣ XIX талантливый, но мало самостоятельный Бутервекъ. И этимъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что Тургеневъ такъ мало занимался философіей, несмотря на живой интересъ, обнаруженный имъ къ этой наукѣ еще въ Москвѣ. Отсутствіе философскаго образованія отразилось на будущемъ политическомъ писателѣ и дѣятелѣ. Тургеневъ не любилъ теоретическаго резонированія; онъ не былъ такимъ доктринеромъ, какъ другіе декабристы. Ко всѣмъ вопросамъ политической и общественной реформы онъ подходилъ съ опредѣленными соображеніями о возможности практическаго осуществленія предполагаемаго. Однимъ словомъ, политическіе взгляды Тургенева такъ сильно проникнуты практическими соображеніями, которыя онъ черпалъ изъ исторіи и изъ юридическихъ и экономическихъ наукъ, что мы затруднились бы назвать Тургенева теоретикомъ. Широкіе научные взгляды, давшіе ему возможность привести въ одну стройную систему всѣ необходимыя въ Россіи политическія и общественныя реформы, логичность, обнаруживаемая Тургеневымъ въ разсужденіяхъ съ политическими единомышленниками въ Союзѣ Благоденствія и въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта (онъ состоялъ помощникомъ статсъ-

[1]) I. т., предисловіе, стр. II: „Mes études à l'université de Goettingue ne firent que fortifier cette impression, en même temps qu'élles m'eclairérent sur la fausseté des institutions pui régissent mon pays“.

секретаря въ хозяйственномъ департаментѣ)—являются, по нашему мнѣнію, слѣдствіями научной подготовки въ Геттингенѣ. Политическіе взгляды Тургенева вытекали изъ индивидуализма классической политической экономіи, съ которой онъ основательно познакомился въ Геттингенѣ. Тотъ фактъ, что онъ выказалъ себя впослѣдствіи дѣльнымъ чиновникомъ, въ качествѣ помощника статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ и директора департамента въ министерствѣ финансовъ, объясняется его серьезной подготовкой въ области юриспруденціи, политической экономіи и финансовой науки. Что желаніе посвятить себя борьбѣ за освобожденіе крестьянскихъ массъ укрѣпилось въ значительной мѣрѣ въ Геттингенѣ, Тургеневъ самъ подчеркивалъ. Пребываніе въ Геттингенѣ принесло вообще прекрасные плоды. Умѣстно напомнить, что развитіемъ чувства соціальной справедливости, которое впослѣдствіи выразилось въ беззавѣтной преданности дѣлу освобожденія угнетеннаго крестьянства, Тургеневъ обязанъ геттингенскимъ вліяніямъ. Здѣсь его также пріучили къ исполненію долга, что для него никогда не было лишь красивой фразой. Быть можетъ, весь аристократизмъ и благородство Тургенева развились въ Геттингенѣ, гдѣ господствовалъ „хорошій тонъ".

Любовь и благоговѣніе къ Геттингену остались для Тургенева настоящимъ культомъ. Онъ всегда вспоминалъ о своихъ любимыхъ учителяхъ съ чувствомъ истинной благодарности. Черезъ три года послѣ оставленія Тургеневымъ Геттингена, когда послѣ вступленія союзныхъ армій въ Парижъ происходило засѣданіе французской академіи въ честь побѣдителя, императора Александра, присутствовавшій тутъ Тургеневъ, находившійся еще подъ впечатлѣніемъ геттингенскихъ воспоминаній, не могъ не выразить своего изумленія по поводу того, что побѣдителя чествуютъ ученые. Это казалось ему „оскверненіемъ храма музы" [1]). Такія чувства къ Геттингену сохранились у Тургенева въ теченіе всей его жизни. Въ глубокой старости, уже незадолго до смерти, онъ написалъ многозначительныя слова: „Я вполнѣ раздѣлялъ любовь и глубокое уваженіе брата (Александра) къ нѣмцамъ. И съ нашей стороны было бы грубою неблагодарностію не имѣть этихъ чувствъ и малодушіемъ умалчивать о нихъ. Мы многимъ обязаны нѣмецкимъ ученымъ: мы слушали ихъ лекціи, читали ихъ книги. Живое слово такихъ профессоровъ, каковы были славный равно и ученостію и смѣлостію политическою Шлецеръ, глубокомысленный историкъ Геренъ, геніальный Геде и многіе другіе, не могло не проникнуть до глубины нашей души и оставить въ ней слѣдовъ, коихъ

---

[1]) La Russie et les Russes, I, 43.

никакія превратности въ жизни не могли изгладить. Въ моей душѣ эти слѣды и по сію пору остались“ [1]).

Страсть къ путешествіямъ, зародившаяся еще въ московскій періодъ жизни Николая Ивановича, въ Геттингенѣ еще усилилась. Когда ему приходится въ дневникѣ упоминать объ Италіи, онъ рвется туда, рисуя въ своемъ воображеніи красоты этой классической страны. Брату Александру онъ нѣсколько разъ писалъ, что ему необходимо ѣздить по чужимъ краямъ, и настаивалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ согласился. Уѣзжая изъ Геттингена, Николай Ивановичъ направился въ Дрезденъ, оттуда черезъ Франкфуртъ и Лотарингію въ Парижъ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько недѣль. Изъ Франціи онъ черезъ Швейцарію отправился въ Италію, пробывъ большую часть времени въ Римѣ. Въ февралѣ 1812 г. онъ вернулся черезъ Вѣну въ Россію.

Эти путешествія были весьма полезны для Тургенева, въ особенности послѣ того, какъ онъ почти три года безпрерывно прожилъ въ маленькомъ городкѣ, если не считать экскурсій по Гарцу и въ Кассель. Сохранились подробнѣйшіе дневники Тургенева за время этихъ путешествій. Дневники не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ нашей темѣ, и о тѣхъ впечатлѣніяхъ Тургенева ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями.

Самъ Тургеневъ впослѣдствіи подчеркнулъ важность этихъ путешествій, во время которыхъ онъ пополнилъ свои познанія въ области юридическихъ и экономическихъ наукъ [2]). Точнѣе будетъ сказать, что онъ знакомился съ учрежденіями разныхъ странъ, что несомнѣнно способствовало выработкѣ его взглядовъ на реформы государственнаго и общественнаго строя Россіи. Ему очень понравились реформы, введенныя французами въ Вестфальскомъ королевствѣ, какъ, напримѣръ, судъ присяжныхъ и крестьянская реформа [3]). Объ администраціи королевства Тургеневъ даетъ очень лестные отзывы. Въ особенности восхваляетъ онъ министра Симона, сумѣвшаго снискать въ странѣ общую любовь, несмотря на то, что былъ иностранцемъ [4]). Тѣмъ не менѣе Тургеневъ замѣтилъ въ Вестфаліи движеніе направленное противъ французскаго владычества. Особенно сильно было броженіе въ другихъ нѣмецкихъ странахъ, въ Швейцаріи и Италіи. „Почти вездѣ, говоритъ Тургеневъ, я за-

---

[1]) Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу, Лейпцигъ 1872, стр. VIII.

[2]) La Russie et les Russes, I, предисловіе, стр. II.

[3]) La Russie et les Russes I. 5; II, 223.

[4]) La Russie I, 5. Joseph Jérome Siméon (1749—1842), знаменитый французскій законовѣдъ и государственный дѣятель. См. Biographie Universelle, vol. 39.

мѣчалъ болѣе или менѣе сплоченную оппозицію противъ французовъ" [1]).

Во время этого путешествія наиболѣе сильныя впечатлѣнія безспорно произвелъ на Тургенева Парижъ, гдѣ онъ видѣлъ Наполеона на высотѣ могущества и славы. Николай Ив. былъ въ Версали въ день тезоименитства Наполеона, смѣшался съ праздной и ликующей толпой и увлекся до такой степени, что вмѣстѣ съ окружающими кричалъ „Vive l'empereur!" Интересно, что Тургеневъ, описывая это въ тридцатыхъ годахъ въ La Russie et les Russes, говоритъ, что долгое время ему было стыдно этого увлеченія, но что теперь онъ объ этомъ больше не жалѣетъ [2]).

Такъ, этимъ интереснымъ путешествіемъ, закончились „беззаботные и свободные" годы въ Геттингенѣ.

Неудивительно послѣ этого, что въ Россіи все непріятно поразило Тургенева. Дневникъ за 1812 г. полонъ жалобъ, въ одномъ мѣстѣ Тургеневъ даже выражаетъ желаніе совершенно оставить Россію. Желаніе это скоро исполнилось, онъ былъ назначенъ русскимъ комиссаромъ въ „центральный административный департаментъ", учрежденный союзными правительствами послѣ лейпцигской битвы. Предсѣдателемъ департамента былъ знаменитый государственный дѣятель баронъ Штейнъ, и съ нимъ Тургеневу пришлось работать почти 2 года.

Сношенія съ Штейномъ по степени вліянія на Тургенева могутъ быть приравнены къ геттингенскимъ годамъ, быть можетъ, даже превосходятъ ихъ. Эти сношенія очень интересны для исторіи либеральныхъ идей въ Россіи. Соотвѣтствующій матеріалъ такъ мало разработанъ, что мы рѣшили посвятить этому вопросу особую статью.

Если бы Тургеневъ не получилъ въ Геттингенѣ солидной научной подготовки, онъ не могъ бы такъ успѣшно заимствовать изъ идей Штейна. Интересно, что Штейнъ тоже былъ „геттингенцемъ". Если Наполеонъ выразился, что Геттингенъ принадлежитъ всей Европѣ, то можно сказать и наоборотъ, что Европа многимъ обязана Геттингену, воспитавшему многихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей нѣмецкихъ государствъ и Россіи. Геттингенъ, дѣйствительно, былъ „галлереей великихъ людей".

Благодаря условіямъ русской жизни, Тургеневъ и его друзья не могли себя проявить на полезной работѣ въ точной мѣрѣ ихъ силъ. Современное русское общество ими мало интересовалось. О Николаѣ Ивановичѣ Тургеневѣ оно имѣло до недавняго времени довольно смутное понятіе, и лишь въ послѣдніе годы возрастаетъ интересъ къ этой крупной личности,—неутомимому борцу за освобожденіе крестьянъ.

М. Вишницеръ.

---

[1]) La Russie et les Russes I, 5—6.
[2]) La Russie et les Russes I, 2.

Воспоминанія [1]).

ГЛАВА IV.

Недовольство дворовыхъ перемѣнами въ хозяйствѣ.— Васька—музыкантъ и его жена Минодора: ихъ злосчатное положеніе.—Загадочная болѣзнь сестры и ея отъѣздъ въ пансіонъ.—Продажа Васьки и его жены.

Матушка никакъ не думала ограничиваться перемѣною только старосты, она рѣшила внести существенныя измѣненія во всѣ отрасли своего хозяйства, а главное разъ навсегда уничтожить «всѣ барскія затѣи», изъ-за которыхъ, по ея мнѣнію, и произошло разореніе. Она бы съ радостью продала всю домашнюю обстановку, тѣмъ болѣе, что «шифоньеры» и «секретеры» возмущали ее теперь даже своими названіями, какъ вещи, неподходящія въ хозяйствѣ при ея жалкомъ матеріальномъ положеніи, но на нихъ не находилось покупателей. За то немедленно были проданы всѣ наши экипажи, кромѣ карафашки и простыхъ саней; проданъ былъ и нашъ знаменитый дормёзъ, прозванный «Ноевымъ ковчегомъ», въ который мы, дѣти, любили забираться, когда онъ стоялъ въ сараѣ, осматривали его многочисленные карманы и приходили въ восторгъ, если находили въ одномъ изъ нихъ забытый сухарь или орѣхъ. Вмѣстѣ съ экипажами проданы были и наши выѣздныя лошади: мы ѣздили теперь, что случалось, впрочемъ, крайне рѣдко, на рабочихъ лошадяхъ. Довольно многочисленная дворня и слишкомъ большой теперь для насъ штатъ прислуги подверглись сильному сокращенію: для домашней услуги матушка оставила только кухарку и горничную. Большинство дворовыхъ, знавшихъ какое-нибудь ремесло, были отпущены на оброкъ; другимъ дана была земля, и они обращены были въ обычныхъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ. При этихъ перемѣнахъ матушка принимала въ расчетъ способности дворовыхъ и *до извѣстной степени* ихъ желанія: кто просился на оброкъ, тому она назначала его «по-божески», т. е. на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ у другихъ помѣщиковъ въ нашихъ краяхъ, а

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“. Февраль, Мартъ, Апрѣль.

того, кто отъ него отказывался, она надѣляла землею, давала лѣсъ и время на устройство новаго хозяйства.

Однако эти реформы прививались далеко не такъ быстро и не такъ легко, какъ на это разсчитывала матушка, и пока все не вошло такъ или иначе въ колею, онѣ причиняли ей множество непріятностей. Многіе изъ прежнихъ нашихъ служащихъ—кучеръ, поваръ, лакей и нѣкоторые другіе не желали итти ни на оброкъ, ни брать землю и умоляли оставить ихъ при прежней должности: они опасались, что, не имѣя въ городахъ родныхъ и знакомыхъ, долго останутся безъ занятій, а то и совсѣмъ не найдутъ подходящаго дѣла. Не желали они брать и землю, такъ какъ, издавна выполняя домашнія обязанности при господахъ, отвыкли отъ землепашества, а въ большинствѣ случаевъ не только они, но даже и отцы ихъ никогда имъ не занимались. Матушка на всѣ лады объясняла имъ, что она, вслѣдствіе уменьшенія семьи, болѣе чѣмъ вдвое, и полнаго разоренія, не имѣетъ ни средствъ, ни необходимости держать такую «ораву» челяди для домашнихъ услугъ, что она не можетъ ихъ кормить даромъ, что каждый изъ нихъ долженъ приносить ей пользу, но когда никакіе доводы не могли убѣдить дворовыхъ, она тутъ же записывала ихъ имена въ особую графу своей тетради, рѣшивъ продать ихъ при первой возможности. Матушка въ началѣ веденія своего хозяйства страшно нуждалась въ деньгахъ и находила, что безъ продажи нѣскольких душъ дворовыхъ ей не обойтись,—она и рѣшила сбыть съ рукъ наименѣе для нея полезныхъ. Къ тому же она боялась, что, не пристроившись основательно ни къ земледѣлію, ни къ отхожимъ промысламъ, или гдѣ-нибудь на мѣстѣ въ услуженіи, они явятся элементомъ опаснымъ для деревенской жизни, т. е. «смутьянами», какъ ихъ тогда называли. Особенно ее смущало положеніе Васьки-музыканта.

Лѣтъ за 12—13 до описываемаго времени мой покойный отецъ сталъ приглядываться къ одному 18—19-лѣтнему парню, Васькѣ, къ имени котораго крестьяне прибавляли—музыкантъ. Гдѣ бы въ праздникъ ни собирался народъ пѣть и плясать, Васька былъ тутъ какъ тутъ. Играть на свадьбахъ его приглашали даже крестьяне изъ чужихъ деревень; онъ всюду игралъ, пѣлъ и плясалъ. Мой отецъ, большой меломанъ, сталъ прислушиваться къ его игрѣ и однажды приказалъ ему принести въ кабинетъ свои музыкальные инструменты и сыграть на каждомъ изъ нихъ. Васька игралъ на скрипкѣ, балалайкѣ, гармоникѣ, на разныхъ дудочкахъ и свисточкахъ игралъ, какъ веселыя-плясовыя, такъ и заунывныя. Въ музыкальномъ отношеніи у него все выходило болѣе осмысленно и своеобразно, чѣмъ у кого бы то ни было изъ деревенскихъ музыкантовъ. Но когда отецъ добылъ для него на время настоящую хорошую скрипку и заставилъ его сыграть ему на ней, Васька просто поразилъ его: онъ долго настраивалъ ее, долго приноравливался къ новому для него инструменту, долго подбиралъ то одно, то другое и вдругъ заигралъ знакомый отцу ноктюрнъ Шопена. На вопросъ изумленнаго отца, откуда онъ

взялъ то, что играетъ, Васька объяснилъ, что когда въ нашей усадьбѣ въ прошлое лѣто гостила одна барыня, она часто играла это у насъ на фортепіано; онъ нерѣдко слушалъ ее, стоя подъ окномъ, и съ тѣхъ поръ эта «пѣсня» (онъ такъ называлъ ноктюрнъ) не давала ему покоя, но ему не удавалось подобрать ее на своей простяцкой скрипкѣ.

Это обстоятельство рѣшило судьбу Васьки. Отецъ написалъ о немъ князю Г., одному изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ средней полосы Россіи. Съ этимъ княземъ Г. отецъ когда-то служилъ въ одномъ полку и даже очень дружилъ: любовь къ музыкѣ и чтенію болѣе всего поддерживала взаимную дружбу этихъ двухъ людей. Съ выходомъ ихъ въ отставку они лишь изрѣдка переписывались, и отецъ зналъ, что князь только что вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ женился на знаменитой иностранной піанисткѣ, дѣлавшей артистическое турнэ по западной Европѣ и пріобрѣвшей извѣстность. Поселившись съ женой въ своемъ великолѣпномъ помѣстьѣ, князь рѣшилъ устроить домашній театръ и свой собственный оркестръ. Для обученія крѣпостныхъ артистовъ онъ выписалъ нѣсколькихъ иностранныхъ учителей и музыкантовъ.

Князь охотно принялъ Ваську въ свой оркестръ, а черезъ года два предлагалъ уже за него моему отцу большія по тогдашнему времени деньги. Онъ писалъ, что Васька, какъ по мнѣнію его жены-артистки, такъ и по мнѣнію проживающихъ у него иноземныхъ учителей музыки, обладаетъ феноменальными музыкальными способностями, что онъ на память, по слуху удивительно вѣрно передаетъ сложныя въ музыкальномъ отношеніи вещи изъ репертуара его жены, и что вообще онъ оказался человѣкомъ даровитымъ; быстро, между дѣломъ, научился грамотѣ, имѣетъ большую склонность къ чтенію и еще легче усваиваетъ музыкальную грамотность и преодолѣваетъ техническія затрудненія.

Но мой отецъ уже давно самъ мечталъ устроить у себя театръ и оркестръ (конечно, въ неизмѣримо болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ это было у князя) съ тѣмъ, чтобы на подмосткахъ его домашняго, болѣе чѣмъ скромнаго театра прежде всего подвизались его собственныя дѣти. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что такія театральныя представленія помогутъ развитію въ нихъ любви къ искусству, что онъ считалъ главнымъ основаніемъ серьезнаго образованія и воспитанія гуманныхъ чувствъ. Съ этою цѣлью отецъ и отдалъ въ обученіе Ваську, а вовсе не для того, чтобы устроить музыкальную карьеру своего крѣпостного: даже такой гуманнѣйшій для того времени человѣкъ, какимъ былъ мой отецъ, не доросъ до этой идеи, а еще вѣроятнѣе то, что духовное развитіе собственныхъ дѣтей онъ ставилъ выше всего. Какъ бы то ни было, но онъ наотрѣзъ отказался отъ предложенія князя продать ему Ваську. Продержавъ его у князя еще нѣкоторое время, отецъ взялъ его обратно къ себѣ и устроилъ съ его помощью собственный театръ, при которомъ тотъ и состоялъ все время.

И вотъ теперь матушка приказываетъ ему выбирать одно изъ двухъ: идти на оброкъ или взять участокъ земли и поступить въ одинъ разрядъ съ крестьянами-землепашцами. Въ то время Васькѣ уже перевалило за 30-ть лѣтъ: онъ былъ женатъ, но на его счастье у него не было дѣтей. Хотя онъ, конечно, зналъ о перемѣнѣ судьбы многихъ дворовыхъ, но когда дѣло коснулось его лично, онъ просто потерялъ голову: онъ то и дѣло бѣгалъ изъ людской въ господскій домъ, о чемъ-то шептался со своею женою Минодорою, то приходилъ къ матушкѣ упрашивать ее дать ему землю, то отказывался и отъ нея, и отъ того, чтобы перейти на оброкъ. Хотя ему хотѣлось поступить въ какой-нибудь столичный оркестръ при театрѣ, но онъ боялся, что недостаточно для этого подготовленъ, да многое и забылъ съ тѣхъ поръ, какъ учился музыкѣ, къ тому же его пугала мысль, что онъ не найдетъ мѣста ни въ одной изъ столицъ, такъ какъ никого тамъ не знаетъ.

Васька, человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно сухопарый и сутуловатый, въ ту пору, о которой я говорю, ни своимъ говоромъ, ни своимъ обликомъ не напоминалъ крестьянина. Его длинное, худое съ выдававшимися скулами лицо, хотя не было красиво и носило слѣды оспы, но освѣщалось умными, большими, сѣрыми, вдумчивыми глазами; его манеры не были ни грубыми, ни мужиковатыми и скорѣе напоминали интеллигентнаго человѣка. И это понятно,—онъ былъ грамотный, кое-чему поучился, кое-что узналъ и повидалъ во время своей, если можно про него сказать, артистической дѣятельности у князя, а отчасти и у моего отца, у котораго онъ былъ не только главнымъ музыкантомъ въ его маленькомъ оркестрѣ: онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ приноравливать пьесы къ данной обстановкѣ, подымать и опускать занавѣсъ, нерѣдко былъ суфлеромъ, еще чаще выступалъ на театральныхъ подмосткахъ въ качествѣ актера и солистомъ-музыкантомъ во время антрактовъ. Вслѣдствіе столь разнообразныхъ обязанностей онъ получалъ одежду съ барскаго плеча. Отецъ былъ плотный, широкоплечій, средняго роста мужчина, а Васька—длинный, какъ жердь, и худой; всѣ барскіе обноски перешивались ему руками доморощенныхъ портныхъ, но теперь онъ донашивалъ обноски прежнихъ обносковъ. Вслѣдствіе этого трудно было опредѣлить, что на немъ одѣто, такъ какъ одежда не соотвѣтствовала его фигурѣ и была для него слишкомъ коротка. Особенно бросались въ глаза широкіе штаны, не прикрытые кафтаномъ отъ самаго сѣдалища, и казалось, что его длинныя, длинныя ноги, точно палки, всунуты въ нихъ. Такъ какъ послѣ смерти отца ему уже почти ничего и не перешивалось, то онъ имѣлъ теперь къ тому же и обтрепанный видъ. Однимъ словомъ, при первомъ взглядѣ на него, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка свободной профессіи, но истерзаннаго и измученнаго житейскими бурями и невзгодами.

Его жена Минодора, которую онъ, видимо, горячо любилъ

и которую даже въ ту пору всеобщаго дранья онъ никогда не трогалъ пальцемъ, была ему совершенно подъ пару. Говорили, что она была плодомъ любви несчастной одного нашего родственника и красавицы коровницы на нашемъ скотномъ дворѣ. Какъ бы то ни было, но Минодора осталась круглой сиротой въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и была взята въ комнаты. Она училась вмѣстѣ съ моими старшими сестрами (умершими во время холеры), была вполнѣ грамотной, даже читала и понимала по-французски, вмѣстѣ съ сестрами подвизалась на театральныхъ подмосткахъ, но была горничною, хотя и очень любимою въ домѣ. Театральная дѣятельность Минодоры сблизила ее съ Ваською,— они поженились, такъ какъ для ихъ брака не было никакихъ препятствій со стороны моихъ родителей. По поводу браковъ нашихъ крестьянъ я хочу сказать нѣсколько словъ.

Мои родители, какъ только взяли хозяйство въ свои руки, твердо рѣшили никогда не вмѣшиваться въ браки крѣпостныхъ, не заставлять ихъ насильно вступать въ нежелательные для нихъ брачные союзы. Это правило отца очень не понравилось многимъ сосѣдямъ, которые придерживались совершенно обратнаго образа дѣйствія. Кто бы ни пріѣзжалъ къ намъ въ гости въ первые годы послѣ замужества матушки, сейчасъ начиналъ разговоры о томъ, какой вредъ распространяетъ нововведеніе моихъ родителей относительно браковъ, и старался убѣдить ихъ въ томъ, что свобода брачныхъ союзовъ вредна для самихъ же крѣпостныхъ, такъ какъ они не что иное, какъ глупыя, неразумныя дѣти, и что помѣщики, будучи ихъ истинными отцами и благожелателями, лучше ихъ знаютъ, кто кому изъ нихъ наиболѣе подходитъ для брачнаго союза. Но на всѣ разсужденія отецъ всегда отвѣчалъ однимъ и тѣмъ же, что поступать иначе ему не позволяетъ совѣсть. Тогда со стороны помѣщиковъ начались жалобы и доносы на отца, который будто бы своими дѣйствіями возмущаетъ крестьянъ противъ помѣщичьей власти. Эти обвиненія, по утвержденію моей матери, чуть не кончились для отца очень дурно.

Въ тѣ отдаленныя времена исправники, становые и мелкіе чиновники судебнаго вѣдомства были обычными гостями помѣщиковъ. Хотя на людей подобной категоріи они смотрѣли свысока и полицейскихъ называли «крапивнымъ сѣменемъ», а судейскихъ «крючкотворами», но это не мѣшало имъ водить съ ними дружбу. Дѣлалось это для того, чтобы люди той и другой категоріи старались замять, когда это понадобится, ихъ грязныя дѣлишки, покрывали ихъ произволъ надъ крестьянами, очень часто переходившій дозволенное даже въ тѣ жестокія времена. Какъ это ни странно, но этихъ «крючкотворовъ» и это «крапивное сѣмя» принимали у себя даже и тѣ помѣщики, которые не боялись судебныхъ преслѣдованій, такъ какъ ничѣмъ противозаконнымъ не занимались и не пятнали себя возмутительною жестокостью относительно крестьянъ. И вотъ эти немногіе по-

рядочные помѣщики тоже находили, что они, несмотря на свое презрѣніе къ людямъ подобнаго рода, не могутъ обходиться безъ нихъ. Пріѣдетъ, бывало, становой къ помѣщику и говоритъ: «вы должны въ такомъ-то мѣстѣ устроить мостъ» или: «вы обязаны уплатить такую-то недоимку». Правильно ли такое требованіе или нѣтъ, помѣщикъ объ этомъ очень часто не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, а наводить по этому поводу справки, съѣздить куда-нибудь для этого—лѣнь. Вотъ онъ и находилъ, что дружба съ полицейскими и съ мелкотою изъ судебнаго вѣдомства можетъ избавить его отъ лишнихъ хлопотъ, дастъ ему возможность не нарушать своей «обломовщины», а потому-то, какъ хорошіе, такъ и дурные помѣщики приглашали на свои обѣды и вечера этихъ мелкихъ чиновниковъ, давали имъ время отъ времени взятки хлѣбомъ и разными сельскими произведеніями, а то и деньгами. Мой же отецъ, живя по зимамъ въ городѣ, всецѣло погруженный въ интересы своей семьи и въ свои книги, приглашалъ на свои спектакли и вечера людей, наиболѣе ему симпатичныхъ и образованныхъ, а становыхъ и исправниковъ онъ просто игнорировалъ. Помѣщики знали, что за гордое отношеніе моего отца къ чинамъ полиціи и судебнаго вѣдомства послѣдніе его не долюбливаютъ, и съ помощью ихъ пустили въ ходъ доносы на отца: ихъ серьезно тревожили свободные браки между крестьянами, имъ казалось, что даже подобныя мысли подкапываютъ устои крѣпостного права. Но дружба моего отца съ предводителемъ дворянства разстроила ихъ козни. Когда помѣщики, писавшіе доносы на отца, увидали, что изъ этого ничего не вышло, они первые пріѣхали въ нашъ домъ съ распростертыми объятіями, выражали отцу свою пріязнь и высказывали порицаніе кляузникамъ.

Послѣ этого отступленія опять перехожу къ прерванному разсказу. Положеніе Минодоры, жены Васьки-музыканта,—можно было назвать весьма сноснымъ для крѣпостной: въ то время, когда при жизни отца моя семья жила на широкую ногу, ея работа, въ качествѣ горничной моихъ старшихъ сестеръ была совсѣмъ не трудная, и никакой обиды она не испытывала. Элегантная Минодора не только чисто, но даже со вкусомъ одѣтая, кроткая по натурѣ, толковая и исполнительная, пользовалась общею привязанностью въ домѣ, но особенно моихъ сестеръ, и покровительствомъ няни, къ которой она относилась, какъ къ родной матери. Но то, что у насъ цѣнили въ ней прежде—ея прекрасныя манеры и элегантность, необходимыя для актрисы и для горничной въ хорошемъ домѣ, было теперь, по мнѣнію матушки, намъ не ко двору. Прежде Минодора только шила и убирала комнаты, но никогда не дѣлала никакой грязной работы, теперь ей приходилось все дѣлать, и ея хрупкій, болѣзненный организмъ былъ для этого помѣхою: побѣжитъ черезъ дворъ кого-нибудь позвать,—кашель одолѣетъ, принесетъ дровъ печку истопить,—руки себѣ занозитъ, и онѣ у нея распухнутъ. У ма-

тушки это все болѣе вызывало пренебреженіе къ ней: все сильнѣе проникаясь демократическими и спартанскими вкусами, она все съ большимъ раздраженіемъ смотрѣла на элегантную Минодору. Къ тому же нужно замѣтить, что матушка вообще не долюбливала тонкихъ, хрупкихъ, блѣднолицыхъ созданій и предпочитала имъ краснощекихъ, здоровыхъ и крѣпкихъ женщинъ. Хотя Минодора пока еще оставалась у насъ въ домѣ, но участь ея висѣла на волоскѣ. Правда, няня при всякомъ удобномъ случаѣ упрашивала матушку окончательно оставить ее въ горничныхъ, резонно указывая ей, что всю грязную работу можетъ исполнять кухарка, что у Минодоры при нашей семьѣ и въ такомъ большомъ домѣ, какъ нашъ, при множествѣ швейныхъ работъ, не будетъ даже хватать времени, но матушка не давала окончательнаго отвѣта: вѣроятно, раздраженіе противъ мужа Минодоры усиливало ея нерасположеніе и къ его женѣ. Въ этой рѣзкой перемѣнѣ матушки къ необыкновенно кроткой Минодорѣ, ничѣмъ не провинившейся передъ нею, навѣрно не малую роль играла вся ея внѣшность «воздушнаго созданья». Къ тому же, какъ только измѣнилось наше матеріальное положеніе, матушка желала видѣть всѣхъ—и дѣтей своихъ, а тѣмъ болѣе прислугу—за самой простой работой, которую безропотно исполняли бы всѣ съ утра до поздней ночи.

И вотъ положеніе Минодоры въ нашемъ домѣ становилось все болѣе непригляднымъ: страхъ, что она будетъ вынуждена взяться за земледѣльческую работу, если ея мужу навяжутъ землю, боязнь за него и вѣчныя простуды ухудшали ея слабое здоровье: она все сильнѣе кашляла, худѣла и блѣднѣла. Выбѣгая на улицу по порученіямъ и въ дождь, и въ холодъ, она опасалась накинуть даже платокъ, чтобы не подвергнуться попрекамъ за «барство». Насмѣшки окружающихъ надъ ея мужемъ и ею также вливали свой ядъ въ жизнь этой несчастной четы.

— Эй, Васька, покажь «кіякиры»! (такъ называли крестьяне нашъ театръ),—кричалъ дворовый зубоскалъ, распиливавшій во дворѣ доски вмѣстѣ съ другими крестьянами. — Покажь, ну, что тебѣ?

Не дождавшись отвѣта отъ Васьки, онъ продолжалъ свои издѣвательства: - «Кузьма-то въ городъ съ домашностью ѣзжалъ къ панамъ, такъ сказывалъ, что ёнъ видалъ эвти ихніе кіякиры. Поставятъ, гритъ, Ваську головой унизъ, а ногами-то ёнъ уверхъ, а евойную же женку Минодору яму на ноги-то и плюхнутъ... Онъ съ ей ползетъ, а самъ во всю глотку оретъ: «сударыня-барыня, пожалуйте ручку!»

— На головѣ-то ходить—бѣда не велика, воля барская... Похуже того съ имъ было: тринкать обучался два съ половиной года...

Съ тѣхъ поръ, конечно, много воды утекло... Вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, увеличенія числа грамотныхъ и множества другихъ перемѣнъ въ жизни народа его міровоззрѣніе на

многія явленія сильно измѣнилось. Не знаю, какъ теперь отнесся бы народъ къ человѣку изъ своей среды, который спеціально учился музыкѣ и занимался бы ею, но въ тѣ времена Ваську особенно осуждали за это, хотя всѣмъ, конечно, было извѣстно, что никто не спрашивалъ его, желаетъ ли онъ обучаться музыкѣ. Мнѣ самой уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ объявленія воли пришлось разговаривать со многими крестьянами по поводу судьбы Васьки-музыканта, и они еще тогда сильно порицали его за ученіе музыкѣ. Когда я спросила: «Что же, значитъ, и грамотѣ учиться не хорошо?» Одинъ изъ крестьянъ замѣтилъ мнѣ съ ироніей: «Ишь, что приравняла! Извѣстно ученье—свѣтъ, а неученье—тьма; обучаться грамотѣ пользительно для человѣка, ну, а учиться тринкать-бринкать да пиликать на скрипкѣ, терять на это время вмѣсто работы—для крестьянина зазорно и передъ людьми, и передъ Богомъ».

— Какъ зазорно?—удивилась я.—Вѣдь, на обученіе Васьки была воля барская! Чѣмъ же онъ-то былъ виноватъ?

— Вѣстимо баре, что бывало вздумаютъ, то и дѣлаютъ съ человѣкомъ... А, вѣдь, ежели что неподобное, непереносное папы затѣвали съ крѣпостными—веревку и о ту пору всегда можно было добыть.

Несмотря, однако, на презрѣніе крестьянъ къ обученію музыкѣ, самую музыку они очень любили и съ любовью относились къ музыкантамъ изъ своей среды: когда Васька, еще парнемъ, хаживалъ на свадьбы и праздники, его усердно угощали, одаривали и, если бы въ то время надъ нимъ стряслась бѣда, т. е., если бы онъ впалъ въ нищету отъ какого-нибудь стихійнаго бѣдствія, каждый постарался бы подѣлиться съ нимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба: «Онъ де старается, и для него надо постараться». Но съ тѣхъ поръ, какъ Васька поучился у князя, онъ совсѣмъ пересталъ играть для крестьянъ плясовыя, а вечеромъ уходитъ въ сарай «и пиликаетъ, да таково нудное, что моченьки нѣтъ слухать»,—говорили крестьяне.

Это обстоятельство тоже, видимо, приписывали дурному вліянію обученія музыкѣ. И вотъ за то, что Васька пересталъ играть плясовыя для удовольствія крестьянъ, за то, что онъ пересталъ ходить къ нимъ на праздники и свадьбы, за то, что онъ вынесъ такой позоръ, какъ обученіе музыкѣ, за представленіе «кіякировъ», за то, что онъ женился на «барышнѣ» (за женитьбу на горничной крестьяне не упрекали другъ друга, но Минодора имѣла видъ заправской барышни), за то, что онъ не трогалъ ее пальцемъ, за то, что онъ отвыкъ отъ крестьянской работы, — за все это его презирали, издѣвались надъ нимъ и надъ его женой.

Васька вполнѣ равнодушно относился къ насмѣшкамъ дворовыхъ, но, когда на дворѣ появлялась Минодора, и какой-нибудь зубоскалъ подбѣгалъ къ ней и продѣлывалъ неприличные жесты и тѣлодвиженія, Васька съ глазами, налитыми кровью, бросался

на оскорбителя: начиналась потасовка, и можно было ожидать, что вотъ-вотъ произойдетъ уголовщина,—тогда всѣ бросались разнимать противниковъ. Но это бывало не часто: когда Минодорѣ приходилось идти во дворъ, чтобы выносить посуду или позвать кого-нибудь, и она замѣчала тамъ рабочихъ, она тряслась и плакала. Замѣтивъ это, няня, ни слова не говоря, хватала у нея посуду или сама бѣжала звать, кого слѣдуетъ.

Какъ ни было плохо Минодорѣ, но положеніе ея мужа было еще хуже: она имѣла двухъ защитниковъ — въ лицѣ мужа и доброй няни, а къ Василію всѣ относились или насмѣшливо, или недружелюбно, даже няня, которая со всѣми была въ самыхъ наилучшихъ отношеніяхъ, не могла выносить его, и это былъ единственный человѣкъ, котораго она не любила. Такъ же, какъ и крестьяне, она порицала его за то, что онъ отшатнулся отъ своего брата-крестьянина, страннымъ и дикимъ находила она и его теперешнее пристрастіе къ музыкѣ; не любила она его за то, что онъ выказывалъ отвращеніе къ крестьянскому труду, не нравились ей и его нѣсколько высокопарныя выраженія и слова, звучавшія для нея насмѣшкой.

Какъ-то послѣ ужина матушкѣ докладываютъ, что Васька проситъ дозволенія переговорить съ нею. Она догадывается, въ чемъ дѣло, и приказываетъ позвать старосту Луку,—она не дѣлаетъ никакихъ перемѣнъ въ хозяйствѣ безъ его совѣта, что очень льститъ ему. Этотъ честный и работящій крестьянинъ служилъ вѣрой и правдой своей госпожѣ, а уваженіе и почетъ, который она ему оказываетъ, заставляютъ его стараться еще болѣе.

— Ну, что скажешь?—сурово обращается матушка къ Васькѣ. Тотъ объясняетъ ей, что теперь онъ уже окончательно рѣшилъ не брать земли.

— Да вѣдь ты еще на-дняхъ самъ просилъ у меня отрѣзать тебѣ кусокъ земли у полянки... Я не могу каждый день мѣнять своего распоряженія только изъ-за того, что ты сума переметная! Я уже приказала Лукѣ отпустить тебѣ лѣсу на постройку,—отпущу и твою жену: мнѣ она не нужна. Устроитесь и будете хозяйничать, какъ остальные...

— Милостивая госпожа! Богомъ данная наша матушка! Высокая наша покровительница! Будьте великодушны, разсудите сами,—началъ было Васька, наклонный къ декламаціи и ораторству. Покойный отецъ прекрасно зналъ эту его привычку и не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія, а матушку, далеко не лишенную въ то время крѣпостническихъ взглядовъ и замашекъ, каждый разъ такое вступленіе Васьки просто бѣсило, и она находила, что слова въ родѣ: «высокая покровительница», или «Богомъ данная матушка», а также его выраженіе «пораздумайте» вовсе не должны быть въ лексиконѣ крѣпостного, тѣмъ болѣе, что, по ея словамъ, она никогда не могла даже разобрать, даетъ ли онъ ей эти эпитеты въ насмѣшку, или у него просто такая

скверная повадка. А потому она рѣзко перебивала его уже въ самомъ началѣ рѣчи.

— Изволь говорить со мной безъ фокусовъ и ужимокъ, а не то я тебя сейчасъ выставлю... Не хочешь идти по сельскому хозяйству,—на оброкъ переведу. Въ послѣдній разъ выбирай что хочешь.

Василій со слезами бросился передъ матушкой на колѣни, умоляя ее выслушать его.—Не могу, видитъ Богъ не могу, сударыня, ни съ землею орудовать, ни оброкъ вамъ выплачивать... Вѣдь когда я простымъ деревенскимъ парнемъ состоялъ, я косилъ и пахалъ, все дѣлалъ, отъ земли не отлынивалъ. Покойный баринъ изволили приказать по музыкѣ идти... По музыкѣ пошелъ, вѣдь этому уже теперь тринадцать годовъ, какъ я отъ земли оторвался... Какъ же мнѣ къ ней теперь приспособиться? Тоже и насчетъ музыки. Два съ половиной года обучался,—но, вѣдь, я же отъ сохи попалъ въ княжескій оркестръ, значитъ пока обломался, пока что, время-то и прошло. Разбирать-то ноты я научился, да, вѣдь, если въ оркестръ проситься, не то, что въ столицу, а даже въ большой городъ, такъ сказываютъ—читка нотъ безъ запинки требуется, быстрота, легкость игры... Куда же мнѣ! Вѣдь у покойнаго барина я въ музыкѣ дальше не пошелъ,—они вѣдь приказывали мнѣ другихъ обучать, или играть то, что знаю. А развѣ я виноватъ, что баринъ не дозволили мнѣ дольше учиться? Можетъ, о ту пору я изъ-за этого самаго по ночамъ слезы кулаками утиралъ! А пикнуть, поперечить не посмѣлъ!.. Какъ же я посмѣю обѣщать выплачивать вамъ оброкъ своей скрипкой? Матушка! будьте благодѣтельницей, позвольте мнѣ съ женой остаться при вашей милости, мы какъ передъ богомъ заслужимъ вамъ!

— Ты съ ума сошелъ! Да что же ты наигрывать что ли мнѣ собираешься «По улицѣ мостовой», когда я съ поля возвращаюсь? Если ты самъ находишь, что у князя ты по музыкѣ настолько не научился, чтобы ею теперь хлѣбъ зарабатывать, такъ ты просто лѣнтяй и болванъ! Два съ половиною года отъ тебя не было никакой прибыли въ хозяйствѣ, два съ половиною года ты былъ предоставленъ этому дурацкому ученью, а теперь извольте радоваться—изъ этого ничего не вышло!.. Трынкать-то «Ванька Таньку полюбилъ» ты могъ и безъ ученія, и безъ ущерба для господскаго хозяйства! Но если ты ничего не знаешь и ничѣмъ не можешь зарабатывать денегъ, я тебя, конечно, не могу пустить на оброкъ, никакихъ денегъ отъ тебя не дождешься... Только знай,—я тебя даромъ съ женой хлѣбомъ кормить не буду! Ты у меня научишься крестьянской работѣ!.. Будешь у меня и косить, и пахать, и молотить! А теперь пошелъ вонъ!

— Ну, что ты скажешь?—обратилась матушка къ старостѣ послѣ ухода Василія.

Почесывая затылокъ, староста началъ:

— Да что же, матушка-барыня... не извольте гнѣваться!

Вѣдь, толку-то изъ евойной работы не буде... Что изъ того, что ёнъ эвту работу допрежъ справлялъ!.. не... къ землѣ ему не присноровиться!..

— Это еще что за глупости! Покажешь толкомъ, побьешься надъ нимъ первое время, онъ и научится! Возьми его на косовицу, пройди вмѣстѣ полосу-другую, покажи, какъ косу держать, или на пахотѣ, какъ съ сохой и съ бороной управляться... Первое время ставь его на работу съ хорошими рабочими... Всему можно научиться,—была бы охота за дѣло взяться, да нашелся бы кто показать, какъ надо...

— Воля ваша, сударыня, только я съ имъ изъ силушки намедни выбился. Вечоръ вы изволили приказать за огородомъ лужокъ скосить,—я его съ Петрокомъ поставилъ! Такъ во какъ Петрокъ его выправлялъ, во какъ бился съ имъ!.. Да ежели ёнъ какъ есть человѣкъ никчемный, такъ что же съ имъ подѣлаешь? Петрокъ мужикъ степенный, а какъ поглядитъ на Ваську, какъ ёнъ за косу примается, такъ евойно брюхо такъ ходуномъ и заходитъ. И потомъ же, 'барыня-матушка, ежели отъ вашей милости какое взысканіе за мои недоглядки, дескать какъ я смѣлъ за тѣмъ не доглядѣть да за энтимъ, такъ когда ужъ мнѣ съ имъ съ Васькой, значитъ, возжаться? Окажите божескую милость, сударыня, ослобоните отъ Васьки, чтобы, значитъ, его прочь съ моихъ рукъ... потому, какъ передъ Богомъ, сударыня, слободнаго времячка нѣтути.

— Ахъ, боже мой!—вскричала матушка въ отчаяніи.—Да пожалѣйте вы меня! Значитъ, я его съ женой даромъ хлѣбомъ кормить должна?

— Зачѣмъ, сударыня, задарма кормить! Можно на что другое переставить: на скотный, на починку построекъ, али тамъ на рубку дровъ... А ежели, значитъ, ни на что не загодится, такъ и тутъ же опять... есть средствіе...

— Какое средство?.. Говори, въ чемъ дѣло?

— Такое, сударыня, какое у всѣхъ сусѣдей... значитъ, какъ знатно отпороть на конюшнѣ, такъ дурь-то евойная уся и соскочитъ!..

Хотя матушка думала, что, дѣйствительно, ничего другого не остается дѣлать съ «такимъ мерзавцемъ, какъ Васька», но не рѣшилась пообѣщать старостѣ примѣнить это средство, а сказала ему только, что сама теперь возьмется за него. И вотъ, кромѣ всевозможныхъ хозяйственныхъ хлопотъ, у матушки появилась теперь новая забота: она каждый день заставляла себя подумать о томъ, «что сегодня будетъ дѣлать Васька»? И изъ-за того, чтобы онъ даромъ не ѣлъ ея хлѣба, она стала слѣдить за каждымъ его шагомъ. Отправляются на молотьбу, и Васька за ней. «Болванъ!» рѣзко раздается ея окрикъ въ овинѣ, когда онъ ударами цѣпа вмѣсто соломы околачиваетъ ноги рабочихъ. А когда онъ на косовицѣ, будучи поставленъ въ рядъ съ лучшими косцами, зазубрилъ одну за другой двѣ косы, она въ изступленіи за-

топала на него ногами. Не болѣе прибыли приносилъ онъ матушкѣ и при постройкахъ. Разъ какъ-то приказали ему стругать доски, и сейчасъ же староста пришелъ донести, что Васька испортилъ рубанокъ. Послѣ каждой неудачи Ваську призывали въ горницу, и матушка на чемъ свѣтъ распекала его. Во время одной изъ такихъ распеканцій она объявила ему, что черезъ мѣсяцъ-другой, если отъ него попрежнему не будетъ никакого толку, она отправитъ его въ воинское присутствіе и получитъ за него рекрутскую квитанцію.

— За что же такъ, сударыня!—совершенно испуганный и оскорбленный замѣтилъ Васька.—Можетъ, еще сбудете меня съ рукъ? Можетъ, еще найдутся люди и настоящія деньги вамъ за меня предоставятъ?

— Какъ ты осмѣливаешься еще вздоръ такой болтать!.. Такихъ дураковъ на свѣтѣ больше нѣтъ, которымъ нужна твоя дурацкая музыка!

Ненависть къ Васькѣ росла у матушки вмѣстѣ съ его неудачами. По натурѣ замѣчательно дѣловитая и работящая, матушка не могла выносить, чтобы кто-нибудь изъ ея подданныхъ не содѣйствовалъ возстановленію ея разстроеннаго хозяйства. Если человѣкъ не могъ или не умѣлъ дѣлать всего, что необходимо было въ хозяйствѣ, она считала его уже вполнѣ негоднымъ, даромъ бременящимъ собою землю. Матушка не могла понять, что высшія способности Васьки къ искусству мѣшаютъ его успѣшной работѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, что развитію ихъ помогъ тотъ же барскій произволъ, вслѣдствіе чего онъ и потерялъ способность къ простому труду.

Нечего и говорить, что въ промежутки между экспериментами надъ Васькиными способностями къ сельской работѣ, онъ никогда не оставался безъ дѣла: то носилъ воду на скотный дворъ и въ домъ, то привозилъ кирпичъ, то приводилъ въ порядокъ что-то въ саду или около дома, то рубилъ дрова. Хотя все это было крайне необходимо въ хозяйствѣ, но почему-то у насъ все это считалось не настоящимъ дѣломъ, а «подѣлками», что могъ исполнить даже подростокъ.

Однако мало-по-малу матушка все рѣже начала сокрушаться о томъ, что она не можетъ получать отъ Васьки всей той выгоды, на которую она считала себя въ правѣ, какъ помѣщица. Произошло это отъ того, что жалобы на Васькино бездѣльничество становились все менѣе основательными. Будучи по натурѣ толковымъ, трезвымъ, безукоризненно честнымъ и грамотнымъ, онъ точно былъ созданъ для того, чтобы выполнять въ хозяйствѣ наиболѣе сложныя порученія. Хозяйство, пущенное въ ходъ энергическою рукою матушки, все усложнялось, все настойчивѣе требовало особаго человѣка для выполненія чрезвычайно разнообразныхъ порученій: староста чуть не каждый день просилъ у матушки позволенія отправить Ваську то въ кузницу—«справить порченый струментъ», то ковать лошадей, то на мель-

ницу. По домашнимъ дѣламъ тоже часто приходилось его посылать: то въ волость съ письмами, то за покупками, то по дѣламъ въ городъ. Въ виду того, что все это Васька выполнялъ вполнѣ хорошо, матушка, все болѣе развивавшая свою необыкновенную практичность, стала подумывать о томъ, какъ бы еще съ большею выгодою утилизировать проявившіяся у него способности. Кромѣ очень немногаго, что у насъ покупалось для дома, мы главнымъ образомъ существовали продуктами нашего деревенскаго хозяйства, и все-таки у насъ оставались хозяйственныя сбереженія въ родѣ масла, телятъ, поросятъ и разной живности, а также ржи, овса и т. п. Матушка, окончательно поселившись въ деревнѣ, нѣсколько разъ пробовала посылать на продажу эти сбереженія въ близъ лежащіе города, а также и на постоялые дворы, но выручка отъ продажи была такъ ничтожна, что она не находила это для себя выгоднымъ. И вотъ она рѣшилась сдѣлать попытку—отправить Ваську съ сельскими сбереженіями. Каково же было ея изумленіе, когда онъ по возвращеніи выложилъ ей на столъ сумму, въ четыре раза большую, чѣмъ его предшественники. При этомъ, чтобы дать возможность себя провѣрить, онъ аккуратнѣйшимъ образомъ записалъ, *гдѣ* и *что* продалъ, *сколько* и *за что* выручилъ. Матушка была поражена. Она тотчасъ позвала крестьянъ, раньше его отправляемыхъ продавать хозяйственныя сбереженія, и объявила имъ, что они «мошенники» и «воры», такъ какъ многое прикарманивали изъ выручки. Это возбудило еще большую ненависть крестьянъ къ Васькѣ: они прекрасно знали, что полная провѣрка продажи была почти немыслима, и не находили нужнымъ такъ щепетильно относиться къ барскому добру. Они оправдывались передъ барынею тѣмъ, что такая огромная выручка говоритъ только о томъ, что Васька—«цыганъ, умѣетъ маклачить». Теперь вмѣсто насмѣшливыхъ вопросовъ: «Эй, Васька, что твои кіякиры?» ему кричали: «Ну, цыганъ, барамъ маклачить умѣешь, скоро ли себѣ богачество добудешь?...»

Хотя Васька въ концѣ концовъ былъ такъ заваленъ порученіями, что у него иногда не хватало времени выполнить все, что требовалось, хотя онъ продажею хозяйственныхъ сбереженій началъ приносить весьма осязательную выгоду, но онъ съ ужасомъ думалъ о матушкиной угрозѣ: «ну а какъ вдругъ да забреютъ лобъ?» Но за то положеніе его жены Минодоры въ качествѣ нашей горничной совершенно упрочилось. Нельзя было не полюбить это безотвѣтное существо, всегда готовое дѣлать все, что приказываютъ; кромѣ уборки большого дома, было много починки и шитья, и матушка какъ будто убѣдилась, что и это нужно дѣлать кому-нибудь. Хотя она не говорила о томъ, что Минодора и Василій навсегда останутся въ нашемъ домѣ, но мы, ея дѣти, очень любившіе эту пару, успокоились насчетъ ея судьбы.

Трудно представить, какъ радовалась моя сестра Саша тому, что Васька проявилъ способности въ продажѣ: она очень любила

его за его доброту и вниманіе къ ней, но болѣе всего за его музыкальный талантъ. Къ тому же въ его несчастной судьбѣ она находила нѣкоторое сходство со своею собственною судьбою, что заставляло ее какъ-то особенно горячо сочувствовать ему, какъ-то болѣзненно жалѣть его. Она смотрѣла на него, какъ на чрезвычайно даровитаго человѣка, котораго загубилъ жестокій рокъ.

Въ теплые лѣтніе вечера, когда на скотномъ дворѣ, въ хатахъ дворовыхъ и въ господскомъ домѣ гасили огни, Василій пробирался на сѣновалъ и начиналъ играть на скрипкѣ, держа въ губахъ что-то въ родѣ маленькаго свисточка, въ который онъ посвистывалъ во время игры,—выходило точно онъ самъ себѣ аккомпанировалъ.

— Нянюшечка! дорогая! золотая!—кричала Саша, вбѣгая въ нашу спальню, когда мы съ няней готовились ко сну.—Васька играетъ! пойдемъ его послушать!..—И мы отправлялись въ сарай, откуда уже раздавались звуки его скрипки. Мы взбирались на сѣно, а Васька, не переставая, продолжалъ играть.

— Какъ хорошо! Играй, пожалуйста, играй!—умоляла Саша.

— Барышня вы моя драгоцѣнная! Очень я вами доволенъ: вѣдь вы одна здѣсь можете оцѣнить! Отъ одной васъ я не слыхалъ попрековъ, а то, вѣдь, только и есть «дармоѣдъ» да «цыганъ»... И вотъ извольте разсудить: въ другой бы странѣ... если бы, значитъ, я вышелъ на эстраду да заигралъ... Можетъ, цвѣтами забросали, а тутъ только и жди, что въ награду тебѣ лобъ забреютъ...

— А вотъ, чтобы этого не было,—прервала его няня наставительно,—ты исподволь къ сохѣ да къ косѣ приловчайся. Можетъ помаленьку дѣло-то и пойдетъ! Тогда ужъ навѣрное барыня смиловалась бы, потому что ты теперь насчетъ порученіевъ очень хорошъ, а тогда бы ужъ окончательно въ домѣ упрочился. А то барынѣ все боязно, что какъ эти порученія прикончатся, ты опять безъ дѣла останешься. А съ пиликаніемъ своимъ, Василій, не очень ты заносись изъ-за того, что Шурочка тебя такъ выхваляетъ!.. Она, вѣдь, не совсѣмъ еще взрослая!.. Въ твое положеніе вникнуть не можетъ! Ты, вѣдь, не баринъ какой, долженъ самъ понимать, что все это одна забава...

— Домоправительница вы наша безподобная! Безцѣнная вы раба! У васъ много понятіевъ насчетъ барскаго добра, готовы вы глотку перервать всякому, кто до него докоснется... А вотъ насчетъ того, что касательство имѣетъ до моего дѣла, такъ вы ровно ничего не смыслите...

— Опомнись ты, Василій! вотъ хоть бы и насчетъ твоихъ словъ... Вѣдь, какъ ты ими барыню гнѣвишь! Я ужъ послѣдній человѣкъ, а какъ ты зачнешь ихъ выкидывать, такъ меня всю и передергиваетъ!.. Ну, скажи по совѣсти, Шурочка, развѣ онъ можетъ своей мужицкой головой понимать всѣ свои словечки?

— Ахъ, нянюшечка, отчего же нѣтъ? Онъ и Пушкина, и Лермонтова читалъ, хорошія пьесы на память заучивалъ...

— А оттого я думаю такъ, что мужицкая голова всегда останется мужицкой головой! Я побольше его съ господами живу... Вы, дѣточки, то и дѣло слова мои выправляете, и покойный баринъ тоже... А покойная твоя сестрица, красавица моя Манюшечка, пальчикомъ мнѣ бывало то и дѣло грозитъ, а сама приговариваетъ: «нянюшечка, *«непремѣнно»*, нянюшечка, *«начну»*, нянюшечка», *«теперь»*,—я это все себѣ на усъ наматываю, да тутъ же и брякну: *«безпремѣнно»*, *«зачну»*, да свое *«таперича»*... Такъ я-то знаю, какъ слова разныя говорить надо, только забываю, а, вѣдь, у Васьки куда больше словъ въ его разговорѣ, и онъ такъ и сыпитъ ими, какъ горохъ изъ мѣшка...

— Что же, я самъ знаю, что многое на мужицкій ладъ переворачиваю... Такъ, вѣдь, я теперь только и разговариваю съ мужиками... Но все же, почтеннѣйшая Марья Васильевна, я побольше васъ понятіевъ имѣю! Вѣдь въ головѣ-то у васъ только барское добро, да думки о томъ, какъ его блюсти, а моя голова приспособлена къ божественному искусству!

— Ахъ, Василій, Василій!—перебила его няня съ сокрушеніемъ,—злосчастный ты человѣкъ! Какія святыя слова ты къ глупостямъ припутываешь!—И няня съ сердцемъ встаетъ и ведетъ насъ домой. Но Саша не унимается, толкуетъ по дорогѣ о томъ, что къ Васькѣ несправедлива даже и она, что онъ талантъ, что его судьба такая же несчастная, какъ и ея.

— Ахъ, Шурочка, Шурочка! вотъ нашла, кого къ себѣ приравнять! Ты столбовая дворянка, помѣщичья дочка, настоящая барышня,—и вдругъ смердъ,—и на одну доску съ собой!

Августъ на дворѣ. Наступаетъ время отправки Андрюши въ полоцкій корпусъ; его долженъ отвозить Васька и на мѣстѣ сдать начальству съ рукъ на руки. По вечерамъ няня нѣтъ—нѣтъ, да и скажетъ матушкѣ, что хорошо де, что есть у насъ такой человѣкъ, какъ Васька, на котораго вполнѣ можно положиться, что онъ въ дорогѣ ни одной копеечки «задаромъ» не потратитъ, и «хотя до смерти любитъ нашихъ дѣтей, но и не дастъ мальчику баловать». Со стороны безпредѣльно жалостливой няни было вполнѣ естественно кстати замолвить передъ матушкой доброе слово за всякаго несчастнаго, но въ этомъ случаѣ это ее особенно хорошо рекомендовало, такъ какъ она Василія не долюбливала.

Матушка была печальна и молчалива. Можетъ быть, она не хотѣла сознаться въ своей ошибкѣ относительно Василія, но скорѣе всего ее крѣпко печалила разлука съ Андрюшею. Несмотря на то, что онъ былъ самый непокорный изъ ея дѣтей, несмотря на то, что онъ чаще кого бы то ни было изъ насъ позволялъ себѣ говорить ей дерзости, что она болѣе другихъ бранила его, и что ее огорчала его наклонность къ пустому времяпрепровожденію и къ барскимъ замашкамъ, онъ все-таки былъ самымъ любимымъ ея дѣтищемъ.

Вотъ и его отъѣздъ. Обнимая и цѣлуя его въ моментъ

разставанія, матушка молчитъ, только сквозь слезы, которыя градомъ катятся по ея щекамъ, она какъ-то просительно-умоляюще вглядывается въ его глаза...

Наконецъ, она дрожащимъ голосомъ произноситъ: «Дурь-то соскочитъ съ тебя! Соскочитъ!.. Я увѣрена! Вѣдь, ты весь въ отца! Помни это!...» И она, захлебываясь слезами, отвертывается въ сторону.

На насъ, дѣтей, отъѣздъ Андрюши не произвелъ никакого впечатлѣнія,—мы такъ мало видѣли его дома. Правда, Саша очень плакала при разлукѣ съ нимъ, но она, видимо, оплакивала при этомъ свою судьбу, такъ какъ все приговаривала: «Всѣ учатся, только я одна... Весь вѣкъ просижу въ этой трущобѣ!..»

Наконецъ, возвратился Василій; проѣзжая мимо нашей волости, онъ захватилъ денежную повѣстку. Матушка пришла въ совершенное изумленіе... Ей кто-то посылалъ триста рублей!...

— Да, вѣдь это вамъ, матушка-барыня, отъ вашихъ братцевъ!.. Вы имъ писали насчетъ Шурочкинаго ученья, вотъ они вамъ и посылаютъ денежки... Только, матушка-барыня, ни слова не скажемъ Шурочкѣ,—такая она у насъ стала слабенькая, худенькая, раздражительная!.. Поди радости этой своей сразу-то она не перенесетъ! А когда удостовѣримся, что денежки для Шурочки, тогда исподволь и подготовимъ ее къ такой большущей для нея радости.

Матушка нашла эту мысль совершенно правильной, тѣмъ болѣе, что она не хотѣла вѣрить тому, что эти деньги для Шурочки, думала, что старшій братъ посылаетъ ихъ на какія-нибудь нужды по своему имѣнію.

— Шурочка... дорогая моя... стань-ка ты на колѣнки передъ образами да помолись поусерднѣе, чтобы исполнилось то, что я во снѣ видѣла... А видѣла я намедни, что ты отправляешься въ пансіонъ, для настоящей учебы,—такъ начала няня подготовлять сестру уже съ вечера, хотя письмо еще не было получено.

— Папашечка говорилъ,—вскричала Саша запальчиво и раздражительно,—что вѣрить снамъ глупо!.. И не хочу я молиться! Не хочу и не буду!.. Слышишь... никогда не буду!..— кричала она, уже падая на полъ въ корчахъ и въ истерическомъ припадкѣ.

Когда на другой день письмо съ деньгами было получено, оказалось, что оно отъ петербургскихъ дядюшекъ, посылавшихъ деньги для взноса платы впередъ за полугодіе на образованіе Саши въ пансіонѣ м-мъ К. въ Витебскѣ, пользовавшемся тогда громкою извѣстностью. Няня съ матушкою долго шептались между собой о томъ, какъ объявить объ этомъ сестрѣ: послѣ вчерашняго припадка она выглядѣла такъ, точно встала послѣ продолжительной болѣзни, утомленною и разбитою. Тѣмъ не менѣе матушка позвала Сашу и, боясь сразу испугать ее неожиданнымъ извѣстіемъ, начала говорить ей о томъ, что она напрасно приходитъ въ такое отчаяніе, что ея братья очень добрые люди и

просятъ передать ей, что она можетъ питать надежду на образованіе, такъ какъ они употребятъ для этого всѣ силы. «А я знаю, что изъ этого ничего не выйдетъ», рѣзко перебила она, быстро выбѣжала изъ комнаты, бросилась среди бѣлаго дня на кровать и крѣпко заснула; проснулась она только на другой день утромъ вмѣстѣ съ нами. Когда она вошла въ нашу комнату, няня стала говорить, обращаясь ко мнѣ: «ну вотъ, Шурочка-то наша поѣдетъ учиться... ученая будетъ и тебя, дитятко, всему обучитъ... Вотъ подишь ты!.. Вѣдь, она не вѣритъ! А мамашенька и письмо оставила... «пусть», говоритъ: «сама прочтетъ!» Мы-то не все сказали ей: вѣдь, деньги-то ужъ получены... въ рукахъ у насъ! Ну что же, Шурочка, молчишь? Бери письмо!»

Саша, не проявляя ни малѣйшей радости, точно дѣло шло совсѣмъ не о ней, какъ-то машинально взяла письмо и неторопливо вышла изъ комнаты.

— Господи! Да что же это съ ней?—съ испугомъ спрашивала няня.—И такую-то вѣсточку безъ радости встрѣтила! Боже ты мой! Спаси ты насъ грѣшныхъ! А быть бѣдѣ!

— Нянечка!—закричала старшая сестра Нюта, вбѣгая къ намъ.—Съ Шурочкой что-то творится! Я такъ обрадовалась, что ея желаніе сбылось... Хотѣла поболтать съ нею... А она молчитъ,— точно столбнякъ на нее нашелъ.

Мы бросились къ Сашѣ и застали ее сидящею на кровати: блѣдная, съ осунувшимся лицомъ, съ провалившимися глазами, съ помутившимися, точно оловянными, глазами, она сидѣла съ опущенной внизъ головой, совсѣмъ сонная, передергивая плечами, точно для того, чтобы не заснуть.

— Шурочка! Да что это съ тобой? Скажи ты мнѣ, голубка, хоть одно словечко? Головка у тебя болитъ, что ли?

— Спать хочу... Оставьте вы меня въ покоѣ!..—проговорила Саша утомленнымъ голосомъ.

— Какъ спать? Полтора дня проспала, теперь утро, только встала и опять стать? Нюточка!—обратилась она къ старшей сестрѣ.—Неси скорѣе нашатырный спиртъ! Давай ей нюхать, а я буду ноги ей растирать...—Но такъ какъ Саша продолжала умолять оставить ее въ покоѣ, няня выбѣжала въ дѣвичью и приказала Васькѣ какъ можно скорѣе ѣхать за матушкой.

— Ну что?—злобно и иронически спрашивала матушка няню, выбѣжавшую къ ней навстрѣчу.

— Видно Богу-то твоему досадно стало, что мы нѣсколько мѣсяцевъ безъ несчастья прожили!

Бѣдная няня! Когда судьба посылала какое-нибудь горе матушкѣ, она корила няню Богомъ, точно онъ былъ близкимъ для нея существомъ, за дѣйствія котораго она была отвѣтственна. Люди экспансивные чувствуютъ неутолимую потребность изливать передъ кѣмъ-нибудь свое горе, а при вспыльчивости не прочь причинить и непріятность близкому человѣку: это доставляетъ имъ какое то облегченіе. У матушки, среди взрослыхъ окружаю-

щихъ людей, не было никого ближе няни, вотъ ей и попадало чаще другихъ.

— Матушка-барыня! Развѣ можно такое говорить? Смириться нужно...

— Убирайся ты съ своимъ смиреніемъ!—кричала матушка и въ страшномъ волненіи начала срывать съ себя пальто.—Я довольно смирялась!.. Я смирялась до того, что отупѣла! Не видѣла, что дѣвочка, точно свѣчка восковая, таетъ отъ горя!..—И она порывисто вбѣжала въ комнату Саши, бросилась передъ нею на колѣни, цѣловала ея руки и съ раздирающими душу воплями выкрикивала: «прости... прости меня, дочурка моя дорогая!»

Саша приподнялась, но голова ея безсильно упала на подушки.

— Ахъ, оставьте меня! Я спать хочу!..—съ усиліемъ выговорила она.

— Боже мой!—кричала матушка, въ отчаяніи ломая руки.— Зачѣмъ мнѣ жить, если они всѣ умираютъ! Нѣтъ этого горя я не перенесу!

Это отчаяніе матушки и ея страхъ за жизнь Саши вдругъ напомнили мнѣ мою тяжелую болѣзнь, и мнѣ опять пришли въ голову ея злосчастныя слова: «пусть умираетъ».

Злоба и ревность обожгли мое сердце, и я вдругъ, неожиданно для себя самой, стремглавъ выбѣжала изъ комнаты и бросилась на свою постель. Никто не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія, но когда няня наклонилась надо мной, я металась по постели и злобно шипѣла: «Саша только спать захотѣла, и «она» такъ убивается надъ нею!.. А меня не жалѣла, когда я умирала!»...

— Какъ тебѣ не стыдно,—заговорила было няня, но я оттолкнула ее отъ себя, вскочила съ постели и бросилась въ комнату Саши, гдѣ попрежнему у ея изголовья сидѣла матушка. Я быстро подбѣжала къ ней, нагнулась и со всей силой укусила ея руку. «Господи, да что это съ ней? Что это за змѣнышъ? Что за волченокъ растетъ?..» Но я опять бросилась вонъ изъ комнаты...

Всѣ эти подробности о болѣзни сестры и о всѣхъ домашнихъ происшествіяхъ въ это время мнѣ впослѣдствіи много разъ разсказывали близкіе.

Хотя Саша попрежнему продолжала спать весь день, но матушка нѣсколько успокоилась. На домашнемъ совѣтѣ было рѣшено закрыть ставни въ ея комнатѣ и дать ей вволю выспаться. Но когда наступили сумерки, а она все не просыпалась, къ ней внесли свѣчку и стали ее будить, предлагая съѣсть то одно, то другое. Саша проснулась и совершенно сознательно стала просить оставить ее въ покоѣ, выпила стаканъ молока и опять тотчасъ заснула. Совершенно то же повторилось и въ слѣдующіе дни: когда къ ней входили, ее находили спокойно спящею, но какъ только начинали ее тормошить, она просыпалась и просила не

мѣшать ей спать. Матушка высказала мысль, не летаргія ли у нея начинается.

Несмотря на то, что случаи заболѣванія этою болѣзнью были крайне рѣдки, о ней въ помѣщичьихъ домахъ чрезвычайно много говорили. Чуть ли не всѣ дамы того времени видѣли и ужъ навѣрное слышали изъ «самыхъ достовѣрныхъ источниковъ» о подобныхъ случаяхъ и передавали другъ другу цѣлыя трагедіи по этому поводу. Въ этихъ розсказняхъ, сильно пополнявшихъ недостатокъ легкаго чтенія, фигурировалъ обыкновенно молодой красавецъ, впавшій въ летаргію: его приняли за умершаго и похоронили. Но кладбищенскій сторожъ, услышавъ стоны, исходившіе изъ могилы, откопалъ погребеннаго, и тотъ внезапно возвратился въ свой домъ. Между тѣмъ его ближайшіе родственники уже производили дѣлежъ его наслѣдства и страшно ссорились между собой.

Чаще всего эту болѣзнь пріурочивали къ красавицамъ-невѣстамъ. Случайно освобожденная изъ могилы, она тихонько пробирается къ окну своего милаго въ то время, когда тотъ падаетъ пораженный пулею, которую онъ пустилъ въ свое сердце, не будучи въ состояніи перенести горечь утраты. Большинство же разсказовъ кончалось тѣмъ, что кто-нибудь, заслышавъ стоны погребеннаго, раскапывалъ могилу, но было уже поздно: крышка гроба оказывалась сдвинутою съ мѣста, а мнимо умершій окончательно умеръ въ страшныхъ мученіяхъ... Разорванное платье, искусанныя и исцарапанныя лицо и руки,—все доказывало адскія мученія въ тотъ моментъ, когда несчастный проснулся отъ летаргіи и не могъ высвободиться изъ могилы. Несмотря на массу явныхъ несообразностей и нелѣпицъ, разсказывавшихся по этому поводу, эти розсказни производили сильное впечатлѣніе. Я много встрѣчала людей, говорившихъ мнѣ, что они смертельно боятся быть заживо погребенными; при этомъ они сознавались, что такой страхъ—результатъ разсказовъ, слышанныхъ ими въ дѣтствѣ о случаяхъ съ людьми, впавшими въ летаргію.

Какъ только было произнесено слово «летаргія», у насъ начались безконечные разсказы, которыми взрослые сами себя и дѣтей, такъ наэлектризовали, что всѣхъ насъ вдругъ охватилъ страхъ за Сашу, и мы, точно по уговору, другъ за другомъ выскакивали изъ-за стола, чтобы взглянуть на нее.

— Ничего такого у нея нѣтъ,—заговорила няня съ сердцемъ, подходя къ ея кровати.—Отъ горя бѣдненькая притомилась... Отъ страха замучилась, что не будетъ ученая.—И, дѣйствительно, Саша спала совершенно покойно. Она открыла глаза прежде, чѣмъ начали ее будить.

— Дѣвочка моя милая,—заговорила матушка, нѣжно цѣлуя ее.—Мы тебѣ больше не дадимъ спать!... Нельзя, Шурочка,—вѣдь, ты почти сплошь трое сутокъ проспала...

— А то знаешь, Шура...—выпалилъ Заря,—у тебя сдѣлается летаргія, и тебя живою въ могилу закопаютъ!

— Неужели это правда, мамашечка?—испуганно спраши-

вала Саша, приподнимаясь съ постели.—Я теперь не хочу умирать! Я боюсь летаргіи!—И она расплакалась.

— Мы тебя сейчасъ окатимъ холодной водой, и твой сонъ сразу соскочитъ!

Поддерживая со всѣхъ сторонъ больную, которая такъ ослабѣла, что не могла сама итти, ее вывели въ залъ, окатили съ ногъ до головы цѣлымъ ушатомъ колодезной воды, вытерли, на рукахъ вынесли въ столовую и положили на диванъ. Намъ же приказано было садиться за столъ, хотя мы уже отобѣдали. Скоро послѣ этого къ намъ внесли подносъ, уставленный тарелками съ печеньями, кофейникомъ, изъ котораго несся запахъ кофе и сливочниками разныхъ размѣровъ: въ одномъ изъ нихъ были кипяченые сливки, въ другомъ только подрумянившіяся пѣнки. При этомъ матушка объявила намъ, что сегодня у насъ праздникъ по случаю Сашинаго выздоровленія и вступленія ея въ пансіонъ.

— Что это? Тебя, кажется, опять клонитъ ко сну?—со страхомъ спрашиваетъ матушка, подбѣгая къ сестрѣ.

— Нѣтъ... нѣтъ!—отвѣчаетъ Саша, а у самой слезы катятся по щекамъ. Она начала цѣловать руки матери. Была ли она тронута праздникомъ, который давали въ честь ея, или это были слезы радости, что, наконецъ, исполнилось ея желаніе,—она ничего не сказала.

Мы всѣ очень любили кофе, но со времени нашего разоренія у насъ смотрѣли на этотъ напитокъ, какъ на недосягаемое блаженство, а потому мы съ жадностью набросились на него.

— Намъ по одной или по двѣ чашки дадутъ?—спрашивалъ Заря, съ ужасомъ замѣчая, что онъ уже кончалъ первую чашку.

— По двѣ... По двѣ...—добродушно улыбаясь, отвѣчала матушка.

— Да мы сами себя такъ ли еще уподчиваемъ... А то гостямъ, да гостямъ! Вотъ и мы дожили...—бормотала няня, больше всѣхъ блаженствуя за то, что намъ, дѣтямъ, доставлено, наконецъ, такое удовольствіе. При этомъ она изъ своей чашки подливала кофе то въ мою, то въ Зарину чашку.

— Ты что же это пустяки дѣлаешь? Тебѣ мало, что ты для нихъ вверхъ ногами переворачиваешься? Сказано, чтобы вся семья сегодня праздновала!... Вѣдь, два кофейника сварено! Кажется, всѣмъ будетъ довольно!—сердито бросила матушка въ сторону няни, замѣтивъ ея маневръ съ кофеемъ.

— Да я такъ, матушка-барыня... очень ужъ сыта... вѣдь сейчасъ только обѣдали.

— Не одна ты обѣдала, и они вмѣстѣ съ тобой...

Но и этотъ окрикъ не нарушилъ нашего восторга: мы наслаждались вполнѣ; даже въ моемъ ревнивомъ сердцѣ не было и тѣни тревоги за то, что празднуютъ Сашино выздоровленіе, а когда я выздоравливала послѣ холеры, на это не было обращено

ни малѣйшаго вниманія. Мы еще не кончили кофе, когда Миѳодора начала размѣщать на столѣ бисквиты со сбитыми сливками, пирожки съ вареньемъ, яблоки, только что снятые съ яблонь въ нашемъ саду, огурцы съ медомъ. Заря не то захохоталъ, не то заржалъ отъ удовольствія, а я стала ёрзать на стулѣ. Няня подталкивала насъ подъ столомъ, напоминая, что часъ не ровенъ, и что даже сегодня мы можемъ вызвать грозу.

— Мамашенька!—вдругъ умоляюще проговорила Саша,—позвольте мнѣ чуточку, чуточку вздремнуть.

— Дочурочка моя милая!... Но, вѣдь, это ужасно! Постарайся еще хотя часика два не спать... Скушай что-нибудь...

— Ѣсть ничего не хочу... Подарите мнѣ два-три пирожка... Но чтобъ это были мои пирожки,—кому хочу, тому и отдамъ.

— Сколько тебѣ угодно, моя дѣвочка! Но какъ намъ тебя развлечь, чтобы ты не спала?

— Я бы вамъ сказала... мамашенька... да боюсь, вы разсердитесь.—И Саша долго не говорила, несмотря на просьбы матери сказать ей, въ чемъ дѣло. Наконецъ, призналась, что если Васька поиграетъ на скрипкѣ, она, можетъ быть, и не заснетъ.

Няня прекрасно понимала, что матушка ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Саша слушала музыку Василія съ крыльца или гдѣ-нибудь во дворѣ, но совсѣмъ иначе она посмотритъ на то, когда онъ явится со своей скрипкой въ «хоромы», гдѣ находилась сама барыня. Въ этихъ случаяхъ няня всегда умѣла выходить изъ житейскихъ затрудненій: она подала мысль приготовить Сашѣ постель въ незанятой и пристроенной къ дому горницѣ: тамъ-де Васька можетъ «разливаться», сколько душѣ угодно, и не помѣшаетъ матушкѣ хорошенько выспаться.

— Правда... я плохо спала эти ночи, но, вѣдь, ты-то, вѣроятно, и глазъ не закрывала: когда я входила взглянуть на Сашу, ты всегда тамъ торчала. Иди непремѣнно отдохнуть... Дѣтей можно довѣрить Василію.

— А, вѣдь, я знаю,—сказала няня сестрѣ, когда та по уходѣ матушки начала заворачивать въ бумажку бисквиты и пирожки.—Все это ты Василію заготовила!

Мы втроемъ въ пристройкѣ: Саша уже уложена въ постель, я шью на куколъ у столика, Василій кладетъ на стулъ свою скрипку и бросается на колѣни передъ сестрой.

— Барышничка вы моя брилліантовая!—и Василій въ экстазѣ цѣлуетъ руки сестры.—Видитъ Богъ... Ежели бы я да на эстраду попалъ... и меня бы стали осыпать цвѣтами... Если бы, значитъ, я это своей скрипкой заслужилъ... я бы такъ гаркнулъ публикѣ: «все это ангелу нашему... разбезцѣнной нашей Александрѣ Николаевнѣ!... Все ей»...

— Бери, Василій, ѣшь, а потомъ сыграй...—говорила Саша, протягивая къ нему пирожки и бисквиты.

— Вы настоящій ангелъ, Александра Николаевна! Будьте

великодушны: позвольте это женѣ оставить? Простите, что я осмѣлюсь вамъ сказать: вѣдь, въ другихъ господскихъ домахъ горничная иной разъ, когда блюдо несетъ, что-нибудь и урветъ, а у насъ это никакъ невозможно!... При достопочтенной нянюшкѣ вашей Маріи Васильевнѣ у насъ ни синь-порохомъ не воспользуешься... Она умѣетъ охранять всякую крошку барскаго добра!...

— Ты знаешь, Василій, вѣдь, я ѣду учиться... Все это случилось такъ неожиданно!... Можетъ быть, и тебя ждетъ счастье?... Ты не отчаивайся!...—утѣшаетъ сестра нашего музыканта.

— Нѣтъ, чудная барышничка... Теперь ужъ я потерялъ послѣднюю надежду! По секрету вамъ вотъ что доложу: о ту пору, когда маменька ваша пригрозила меня въ рекруты сдать, я хотя и очень привершенъ къ вашему семейству, но тутъ совсѣмъ испугался... сейчасъ князю отписалъ: такъ и такъ, дескать, какъ вы, значитъ, до-прежде изволили желать купить меня, а на это отказъ получили, а какъ теперь, значитъ, все въ нашемъ домѣ перемѣнилось и уже барыня рѣшила лобъ мнѣ забрить за то, что я никакъ не могу приснорoвиться къ крестьянской работѣ, то не будете ли вы столь великодушны купить меня? Вполнѣ-де полагаю, что нынѣ отказа на это не получите: времена для нашей барыни очень тяжелыя по смерти супруга настали... Опять же я и насчетъ Минодоры отписалъ... Могу, говорю, поручиться животомъ моимъ, что жена моя княгинѣ угодитъ: большія способности для своего дѣла имѣетъ: и судьба надѣлила ее вполнѣ подходящимъ видомъ для горничной въ великолѣпныхъ княжескихъ хоромахъ... И что же вы думаете, барышничка моя? Вотъ уже два мѣсяца никакого отвѣта... Нѣтъ, ужъ пропадать мнѣ! Подъ сердитую руку барынѣ попадусь, такъ и лобъ забрѣютъ! А теперь извольте обратить вниманіе, какія униженія выношу: порученія выполняю въ самомъ лучшемъ видѣ, а когда чуть свободное времячко выпадетъ, староста сейчасъ приказаніе отдаетъ то хлѣвъ чистить, то навозъ вывозить... А у меня, барышничка, звуки, всюду и вездѣ звуки!!! Видитъ Богъ, нѣтъ, такъ сказать, въ моей конструкціи ни одного мѣстечка безъ нихъ! Изводятъ они меня! Въ головѣ они у меня... въ сердцѣ... такъ и выбиваютъ всяческія фирьетуры... А тутъ, изволите видѣть,—навозъ! Вотъ къ примѣру сегодня: только заслышалъ, что вамъ полегче стало, что вы уѣзжаете, у меня эти звуки такъ и забарабанили, такъ и отбиваютъ маршъ въ честь вашего выздоровленія... А, вѣдь, къ скрипкѣ и не посмѣй притронуться! Вотъ извольте прислушаться, хочу попробовать... еще не знаю, что выйдетъ...

Васька игралъ, а самъ отъ времени до времени объяснялъ то, что онъ играетъ. И, обращаясь ко мнѣ, говорилъ: «И вы, маленькая барышничка, прислушайтесь... Вотъ это, значитъ, всякая божія тварь радуется выздоровленію вашей сестрицы. А вотъ теперь птички защебечутъ... можетъ отличите и кукушечку»... И мнѣ казалось, что въ игрѣ Васьки и птицы щебетали,

и кукушка куковала. «А вотъ это ручеекъ журчитъ... ну, а это уже торжественная фуга,—благодарность Господу Богу за выздоровленіе, за исполненіе барышничкиныхъ желаній»... Онъ кончилъ и нѣсколько минутъ не произносилъ ни звука и не игралъ, а потомъ, точно собравшись съ силами, дрожащимъ голосомъ сказалъ: «ну, а въ этомъ ужъ я судьбу свою изобразилъ»... И онъ началъ выводить что-то въ высшей степени печальное, вѣроятно, то, что наши крестьяне называли «нуднымъ», Саша горько рыдала.

— Боже! Васька, неужели ты это самъ сочинилъ? Ты два съ половиной года учился, а я четыре!... А вѣдь я и подобрать бы этого не сумѣла! О, Боже, Боже! Зачѣмъ я такая былинка?... Ничего не могу сдѣлать для тебя!... Вѣдь ты геній, Васька, настоящій геній! Отчего же мнѣ не дано помочь тебѣ, вывести тебя на дорогу?

Черезъ нѣсколько дней Саша совсѣмъ оправилась, и ее сразу захватила мысль о предстоящемъ вступленіи въ пансіонъ. Множество вопросовъ по этому поводу приходило ей въ голову, и она то и дѣло прибѣгала къ нянѣ для совмѣстнаго обсужденія: матушки по обыкновенію не было дома, къ тому же съ нянею она была болѣе откровенна.

— Няня, няня!—кричала она, вбѣгая въ нашу комнату.— А вдругъ окажется, что я ничего не знаю для поступленія въ средній классъ? Вѣдь, мнѣ болѣе тринадцати лѣтъ, не могу же я поступить въ самый маленькій классъ? Было бы неделикатно всѣ шесть-семь лѣтъ просидѣть на шеѣ дядюшекъ! Какое счастье, что Ольга Петровна (гувернантка Воиновыхъ) изъ того же пансіона!... Она многое мнѣ объяснитъ!... Нянюшечка, поѣзжай къ ней, попроси, чтобы она хотя немножко занялась со мной.

Матушка отправила няню съ письмами къ Воиновой и ея гувернанткѣ: она просила, чтобы послѣдняя проэкзаменовала Сашу, а если нужно и занялась съ нею, а Воиновой,—чтобы та дозволила это своей гувернанткѣ. Получились самые благопріятные отвѣты: Воинова звала Сашу погостить у себя, а гувернантка охотно соглашалась заниматься по вечерамъ, когда дѣти ложатся спать. На вопросъ о вознагражденіи она вотъ что передала нянѣ: при наймѣ ее въ гувернантки Воиновъ обѣщалъ ежегодно давать ей отпускъ въ Витебскъ на шесть недѣль, гдѣ въ пансіонѣ m-me К. была учительницею ея родная сестра и гдѣ она сама воспитывалась. Въ Витебскѣ же жила ея старуха мать. Несмотря, однако, на то, что ей обѣщано было давать для этихъ поѣздокъ лошадей, она въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ домѣ Воиновыхъ еще ни разу не получала отпуска. Теперь она рѣшила нанять лошадей на свой счетъ, но ей страшно ѣхать одной съ незнакомымъ извозчикомъ. Она просила матушку, вмѣсто платы, отвезти ее съ Сашею въ Витебскъ, а затѣмъ черезъ шесть недѣль опять прислать за нею лошадей. Все это время она будетъ ежедневно видѣть Сашу и отрекомендуетъ ее всему учительскому

персоналу пансіона, а по возвращеніи доставить матушкѣ самыя подробныя свѣдѣнія относительно положенія ея дочери.

Это извѣстіе привело въ восторгъ не только Сашу, которая совсѣмъ опьянѣла отъ счастья и бѣгала всѣхъ обнимать, но и матушку. Она долго ломала голову, какъ устроить эту поѣздку: она не считала возможнымъ поручить ее только Василію и горничной, а ѣхать самой — значило потерять много времени, да еще въ Витебскѣ нанимать номеръ въ гостиницѣ и много тратиться; теперь же это прекрасно улаживалось. Матушка съ нянею, порѣшили не только отправить Ольгу Петровну на свой счетъ и привезти ее обратно, но и сдѣлать ей еще подарокъ, — купить на платье. Матушка даже надѣялась, что посылка лошадей за Ольгой Петровной во второй разъ не будетъ для нея обременительною: можно поручить Васькѣ продать въ городѣ кое-что изъ живности и домашнихъ сбереженій. Однимъ словомъ, у насъ нашли, что все складывается чрезвычайно благопріятно, а потому рѣшено было, что въ первое же воскресенье вся семья отправится въ церковь и будетъ заказанъ благодарственный молебенъ. Критическое, а то даже и язвительное отношеніе къ Господу Богу, какое матушка проявляла въ моментъ бѣдствій и несчастій, при первой же удачѣ какъ рукой сняло. Вотъ теперь необходимо Бога поблагодарить: и деньги точно съ неба свалились, и все такъ хорошо устраивается!... «По правдѣ сказать, и попу за молебенъ рублишко не пожалѣю заплатить»... говорила она при дѣтахъ, нисколько не стѣсняясь и простодушно посмѣиваясь надъ собою. Этимъ наивно-утилитарнымъ отношеніемъ къ Господу Богу и мы проникались въ раннемъ дѣтствѣ. Теперь это полуязыческое отношеніе матушки къ религіи живо напоминаетъ мнѣ неаполитанцевъ: когда Везувій угрожаетъ имъ опасностью, они украшаютъ изображенія святыхъ, съ страстною мольбою преклоняютъ передъ ними колѣна, но гроза надвигается, изверженіе приближается, и они съ негодованіемъ срываютъ свои украшенія со статуй святыхъ, съ проклятіями бросаютъ въ нихъ камнями, глумятся надъ ними.

Еще въ первый разъ послѣ жестокихъ бѣдствій въ нашемъ домѣ слышны были смѣхъ и шутки. Въ ближайшее воскресенье мы должны были ѣхать въ церковь. Между тѣмъ наши туалеты пришли въ полное разстройство: у каждой изъ насъ было по одному траурному платью, теперь уже сильно потертому, а потому Минодору и Нюту посадили вплотную за шитье.

Васька, кромѣ выполненія безконечнаго числа порученій, былъ окончательно возведенъ въ должность кучера: онъ возилъ матушку въ отдаленныя поля имѣнія,—и ему приказано было все приготовить къ поѣздкѣ. Это была нелегкая задача: послѣ нашего краха всѣ экипажи были распроданы и оставалась только карафашка, въ которую свободно могли сѣсть два человѣка, но кое-какъ можно было всунуть, какъ няня говорила, и «еще одного щупленькаго»; отправиться же въ церковь должны

были 7 человѣкъ. Вотъ Васька и долженъ былъ устроить изъ простой телѣги что-нибудь въ родѣ экипажа. Въ домѣ шла невообразимая суматоха: всѣ наши ожили и повеселѣли. Мы, дѣтвора, то и дѣло бѣгали къ Васькѣ смотрѣть, что онъ дѣлаетъ съ огромной телѣгой, которая разъ навсегда должна была остаться нашимъ экипажемъ при выѣздахъ всей семьи. Васька и тутъ вполнѣ оправдалъ довѣріе. Онъ устроилъ въ телѣгѣ сидѣніе, въ родѣ двухъ скамеекъ, одну противъ другой, но не изъ досокъ, а изъ натянутыхъ веревокъ. Поверхъ сидѣній онъ положилъ сѣно, простегалъ его, затѣмъ обилъ еще старыми ватными одѣялами, собралъ въ амбарѣ куски изношенныхъ ковровъ, которыми и покрылъ ихъ. При этомъ онъ преслѣдовалъ не только утилитарныя цѣли, но добивался внести въ свою работу и красоту: отъ старыхъ ковровъ у него осталось много бахромы и онъ обилъ ею телѣгу кругомъ. Мало того, онъ нашелъ хорошія расписныя колеса, которыми и замѣнилъ старыя, и такимъ образомъ вышелъ экипажъ хоть куда. Но это еще не все: зная, какъ мы, дѣти, любили нашъ старый дормёзъ, прозванный «Ноевымъ ковчегомъ», болѣе всего за то, что въ немъ было множество кармановъ, онъ ухитрился и здѣсь сдѣлать по бокамъ внизу карманы, но устроилъ ихъ утромъ въ тотъ день, когда мы должны были отправиться въ церковь. Чтобы окончательно поразить насъ сюрпризомъ, онъ заранѣе сходилъ въ лѣсъ, нарвалъ орѣховъ, наполнилъ ими карманы и въ каждый изъ нихъ положилъ по дощечкѣ и по небольшому гладкому камешку, — клади дощечку на дно телѣги (то бишь, чуднаго господскаго экипажа) и разбивай орѣхи.

Въ карафашкѣ усѣлись матушка съ Нютою и Минодорою, которая спеціально взята была для того, чтобы отворять ворота, то и дѣло попадавшіяся по дорогѣ; кучеромъ у нихъ былъ староста Лука. Въ новомъ экипажѣ съ Ваською въ роли кучера помѣстились: няня, Саша, Заря и я.

Зарѣ первому принадлежала честь открытія сюрприза. Горячій по натурѣ, вспыльчивый, какъ спичка, до неистовства увлекавшійся въ ту пору открытіями въ родѣ Васькинаго сюрприза, онъ какъ только вытащилъ изъ кармана орѣхи, камешекъ и дощечку, такъ сразу и былъ потрясенъ геніальностью этой затѣи. Красный, какъ ракъ, вскочилъ онъ съ своего мѣста и началъ орать во все горло: «стойте, да остановитесь же!...» Этотъ крикъ раздался для всѣхъ такъ неожиданно, что оба экипажа сразу остановились: «Васька — самый лучшій, а вы всѣ на него напрасно нападаете!», кричалъ онъ, глядя на матушку и покачивая своей маленькой головенкой на тонкой шеѣ. «Что случилось, въ чемъ дѣло?» спрашивала озабоченно матушка, наклоняясь къ нашей телѣгѣ и ничего не понимая. Саша старалась объяснить, конечно, такъ, чтобы Зарѣ не досталось, но матушка все-таки грозя ему гнѣвно пальцемъ, закричала: «Ахъ ты, мерзавецъ, погоди, ужо я тебѣ покажу!.. А тебѣ, няня, не стыдно такъ распу-

скать дѣтей?.. Пошелъ!»... закричала она кучерамъ, и экипажи двинулись.

— Вотъ, Заренька!—обратилась огорченная няня къ брату.— Изъ-за тебя и на меня прогнѣвались! А чѣмъ я виновата, что ты съ утра до ночи собакъ гоняешь?... Точно мужицкое дитё!

— Какой ты противный, Зарька! Хотя бы намъ слово сказалъ, что хочешь лошадей остановить! Всѣмъ намъ праздникъ испортишь, а самому еще достанется!... — выговаривала ему Саша сердито.

— Я всегда правду говорю! И ничего не достанется! Если-бъ я съ «нею» сидѣлъ, такъ она бы славнаго подзатыльника дала, а теперь все забудетъ, пока пріѣдемъ.

— Ты не смѣешь про мамашеньку такъ непочтительно гоговорить,—нашла нужнымъ замѣтить няня.

— А я ей еще не то скажу: она Ваську ненавидитъ, а когда мы выростемъ съ Андрюшей и начнемъ подѣлять наши имѣнія, я Ваську себѣ возьму, чтобъ «она» его не пилила.

— Ты просто съ ума сошелъ!... Если посмѣешь сказать что-нибудь въ этомъ родѣ, такъ я тебя сама за уши выдеру— запальчиво закричала на него Саша.

— А, разозлилась! Знаю... знаю, изъ-за чего! Изъ-за того, что тебѣ, какъ дѣвченкѣ, при раздѣлѣ имѣнія ничего не достанется!... Мы съ Андрюшею будемъ помѣщиками! А ты будешь у насъ приживалкой!... — И въ ту же минуту онъ схватилъ дощечку и камень и сталъ бить орѣхи на днѣ телѣги.

Но вотъ показалась церковь, и мы моментально были окружены цѣлою толпою нашихъ крестьянъ, пришедшихъ «поблагодарить Бога за барышню Александру Николаевну». Вѣсть объ инцидентѣ съ деньгами и о предстоящемъ отъѣздѣ сестры уже разнеслась по нашимъ деревнямъ. Крестьянскіе ребята и дѣвушки подносили Сашѣ цвѣты въ такомъ количествѣ, что она не могла ихъ захватить, и просила потомъ отдать ихъ ей. Она вошла въ церковь, держа въ рукахъ нѣсколько букетовъ,—веселая, розовая, оживленная, улыбающаяся.

Въ церкви наша семья рѣзко выдѣлялась изъ всѣхъ молящихся: помѣщицы и ихъ дѣти были въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, а мы черной тучей стояли въ сторонкѣ. Черныя платья наши по тогдашней модѣ были обшиты плерезами, т. е. широкими полосами бѣлаго коленкора; наши шляпы тоже носили печать глубокаго траура. Матушка и няня все время простояли на колѣняхъ въ слезахъ. Въ нашей семьѣ, видимо, наступилъ періодъ полнаго примиренія съ Господомъ Богомъ, даже Саша съ цвѣтами въ рукахъ стояла на колѣняхъ въ молитвенномъ экстазѣ, но когда она замѣтила гувернантку Воиновыхъ, она сразу вскочила на ноги и стала подвигаться къ ней.

Послѣ окончанія службы Ольга Петровна, отъ имени m-me Воиновой пригласила наше семейство къ обѣду. Это было намъ на руку: лошади и люди въ этотъ день не были заняты работой,

а между тѣмъ необходимо было скорѣе свозить Сашу къ Воиновымъ. Такъ какъ въ то время у большинства помѣщиковъ были ранніе обѣды — между 1-2 часами, то мы немедленно и отправились къ нимъ.

— Mademoiselle!—кричалъ мальчикъ Воиновыхъ своей гувернанткѣ,—говорили, что Цевловскіе разорились, а у нихъ экипажъ красивѣе нашего!

И дѣйствительно, въ ту минуту нашъ импровизированный экипажъ обращалъ на себя вниманіе: онъ былъ густо утыканъ цвѣтами и зеленью,—это сдѣлали крестьянскія дѣвушки, пока мы стояли въ церкви.

Воиновы были люди весьма зажиточные: у нихъ было два имѣнія въ двухъ губерніяхъ, многочисленный штатъ прислуги, большой домъ со множествомъ пристроекъ; при домѣ былъ разбитъ небольшой, но красивый садъ съ аллейками, цвѣточными клумбами и прудами. У нихъ было двое дѣтей: Ольга 8-ми и Митя 7-ми лѣтъ. Когда мы пріѣхали къ нимъ, дѣти повели насъ съ Зарею въ дѣтскую, и насъ поразило разнообразіе и великолѣпіе ихъ игрушекъ. И немудрено: матушка, послѣ нашего разоренія, считала чуть ли не преступленіемъ потратить хотя бы грошъ на наши игрушки. Дѣти Воиновыхъ еще не успѣли показать намъ всѣхъ своихъ сокровищъ, какъ насъ позвали къ обѣду. Тутъ уже я окончательно остолбенѣла, но меня поразило не богатство стариннаго серебра, о которомъ много говорили, а самъ хозяинъ Петръ Петровичъ Воиновъ. Одни называли его «обезьяной», другіе «совой». И дѣйствительно, онъ совмѣщалъ въ себѣ нѣкоторыя свойства этихъ двухъ животныхъ. На тщедушномъ тѣлѣ его сидѣла маленькая, круглая, какъ шарикъ, головенка, представлявшая поразительное сходство съ совою: рыжеватые волосы его были подстрижены подъ гребенку и торчали вверхъ, рыжеватыми же волосами, только покороче и порѣже, было покрыто все лицо, но ужаснѣе всего былъ взглядъ его хищныхъ глазъ— взглянетъ, точно гвоздь въ тебя вобьетъ. И ходишь ты съ этимъ гвоздемъ долго, долго и думаешь, какъ бы только не попасться ему на глаза, какъ бы онъ опять снова не запустилъ его въ тебя. Я, должно быть, разинула ротъ отъ удивленія или продѣлала что-нибудь въ этомъ родѣ, такъ какъ матушка сердито дернула меня за руку и повела къ столу.

Послѣ обѣда рѣшено было, что дѣти отправятся съ нянею въ садъ, матушка съ Нютою и Наталіею Александровною будутъ сидѣть въ бесѣдкѣ, а Ольга Петровна проэкзаменуетъ Сашу въ дѣтской. Когда черезъ нѣсколько часовъ мы уже пили чай (на этотъ разъ, слава Богу, безъ хозяина), къ намъ вошла Ольга Петровна съ Сашею. Няня, стоявшая за моимъ стуломъ, прежде чѣмъ услышать что бы то ни было, угадала по сіяющему виду сестры, что все идетъ благополучно, повернулась къ образамъ и стала креститься, проговоривъ какъ бы неожиданно для себя:

«благодарю тебя, Боже мой, что услышалъ молитву рабы твоей недостойной». Всѣ расхохотались.

— Да, нянюшка,—сказала Ольга Петровна,—вы, дѣйствительно, можете радоваться и благодарить Бога. Ваша Саша изумительно хорошо подготовленная дѣвочка. Способности у нея просто необыкновенныя... Какая начитанность, какая память! Подумайте только, Александра Степановна, множество отрывковъ изъ Корнеля, Расина, Мольера знаетъ наизусть! Прекрасно переводитъ и хорошо передаетъ прочитанное. Ручаюсь: она будетъ не только первой ученицей, но навсегда останется звѣздой пансіона m-me К! Ее можно было бы черезъ мѣсяцъ-другой подготовить въ старшій классъ, но не совѣтую этого дѣлать, потому что Александринъ, прекрасно зная французскій языкъ—а вѣдь это главное въ жизни (М-me Воинова и матушка вполнѣ согласилась съ этимъ),—не совсѣмъ свободно еще говоритъ на немъ. Но въ пансіонѣ—чудная парижанка, и если она полюбитъ Александринъ, то быстро научитъ ее болтать по-французки. О, тогда Александринъ будетъ отбивать у меня мѣста!... шутила она. Затѣмъ она предложила Сашѣ всѣ свои пансіонскіе учебники и записки, совѣтовала ей почитать ихъ и назначила время, когда будетъ съ нею заниматься. Между прочимъ, она сообщила, что матушка должна отправить Сашу въ пансіонъ съ своей горничною, которую ей придется оставить тамъ до окончанія курса сестры. Какъ ни странно представить себѣ это теперь, но въ то время, по крайней мѣрѣ, въ пансіонѣ m-me К., дочь дворянина должна была имѣть при себѣ свою собственную горничную, на которую родители ученицы должны были выдавать содержаніе натурою или деньгами, смотря по условію. Эта повинность была возложена на бывшую нашу горничную Дуняшу, которая была бездѣтною вдовой. Отвести отправляющихся въ Витебскъ долженъ былъ все тотъ же Василій, которому кстати поручено было завязать торговыя сношенія съ купцами города. Въ виду того, что рѣшено было брать сестру домой на лѣто, такимъ случаемъ нужно было пользоваться. Матушка мечтала продажею сельскихъ произведеній покрывать расходы по пріѣздамъ и отъѣздамъ Саши.

Нѣсколько недѣль шли у насъ приготовленія: всѣ наши бывшія горничныя посажены были въ дѣвичью за шитье бѣлья и платьевъ для Саши (въ этомъ пансіонѣ воспитанницы должны были имѣть не только свою одежду, но и все бѣлье, даже постельное и отчасти столовое), только одна виновница этихъ хлопотъ не принимала въ нихъ ни малѣйшаго участія, а сидѣла, не поднимая головы отъ книгъ и записокъ. Позанявшись съ нею недѣли полторы, Ольга Петровна объявила ей, что она не нуждается больше въ ея помощи и произведетъ фуроръ на экзаменѣ.

Наше семейство все уменьшалось. Съ отъѣздомъ Саши, въ домѣ уже не раздавались ни ея вопли, ни звуки фортепьяно и водворилась полная тишина. Но вотъ однажды она была внезапно

нарушена: Заря въ слезахъ вбѣжалъ въ столовую весь оборванный и исцарапанный до крови. Оказалось, что онъ долго дразнилъ какую-то собаку, а когда та бросилась на него, онъ вскарабкался на дерево, но оборвался и упалъ. Его навѣрно сильно искусала бы собака, если бы въ ту минуту случайно не проходилъ Лука, который съ топоромъ бросился на защиту мальчика. Какъ только это дошло до свѣдѣнія матушки, она прежде всего выдрала сына за уши и надавала ему пиньковъ. Затѣмъ она рѣшила, что на этотъ разъ это не должно ограничиться для него однимъ лишь наказаніемъ: если ему попрежнему давать свободу, его можетъ постичь трагическая судьба Нины; къ тому же его давно пора учить. Матушка сейчасъ же написала священнику и просила его пріѣзжать къ намъ для занятій съ ея сыномъ. Условія были таковы: священникъ долженъ былъ являться три раза въ недѣлю учить закону божьему, русскому языку и ариѳметикѣ, за что она предлагала ежемѣсячно полъ четверти ржи и четверть овса. Священникъ принялъ эти условія съ величайшимъ удовольствіемъ. Кромѣ условленной платы, въ большіе праздники матушка посылала ему въ подарокъ то полъ пуда масла, то теленка, то овцу или пару индѣекъ.

Кромѣ священника съ братомъ ежедневно должна была заниматься и Нюта; сама же матушка взялась за обученіе его французскому языку по вечерамъ, такъ какъ другого свободнаго времени у нея не было. Такимъ образомъ Зарѣ съ этихъ поръ строго запрещено было выходить изъ дому: онъ долженъ былъ сидѣть за книгами почти цѣлый день, приблизительно 7—8 ч.

И вотъ съ момента водворенія Зари въ комнатахъ нашего дома у насъ начался плачъ и скрежетъ зубовный. За полъ года, въ продолженіе котораго братъ былъ предоставленъ себѣ, когда рѣшительно никто не зналъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, даже гдѣ находится, этотъ по натурѣ добрый, весьма не глупый мальчикъ, но крайне вспыльчивый и необузданный, одичалъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Какъ только Нюта послѣ ухода матери засаживала его за занятія, онъ швырялъ ей книгу въ лицо и выскакивалъ на улицу. Она приказывала людямъ водворять его на мѣсто, а онъ начиналъ все ломать и бросать на полъ, браниться такими словами, которыя еще не раздавались въ стѣнахъ нашего дома. Какъ ни упрашивала его сестра и няня, онъ дерзилъ имъ непозволительно, ругалъ ихъ, плевалъ на нихъ, высовывалъ имъ языкъ.

У всѣхъ членовъ нашей семьи, какъ у нашихъ родителей, такъ и у насъ дѣтей, издавна выработался въ отношеніи няни истинный піэтетъ. Это, конечно, происходило болѣе всего отъ того, что она всегда выказывала намъ только ласку и любовь, никогда не раздражалась, всю свою жизнь отдавала нашей семьѣ. Относительно матери дѣло обстояло не совсѣмъ такъ: несмотря на страшную строгость къ намъ, несмотря на то что мы ее страшно боялись, всѣ мы, хотя и очень рѣдко, но все же иногда

грубили ей. Матушка немедленно давала за это пинька, драла за уши, но наказанный грубіянъ не подвергался никакому презрѣнію со стороны остальныхъ членовъ семьи. Сдѣлать же малѣйшую грубость кроткой до святости нянѣ значило возбудить негодованіе всѣхъ насъ. И вдругъ теперь Заря то и дѣло, безъ всякой причины и повода, грубо дергалъ ее за передникъ, толкалъ, выхватывалъ у нея чулокъ и забрасывалъ его на печку. Матушка, какъ-то возвратившаяся домой раньше обыкновеннаго, сдѣлалась свидѣтельницею подобной сцены. Прежде чѣмъ она успѣла покарать своимъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ способомъ, Заря выскользнулъ у нея изъ-подъ рукъ.

Хотя въ тѣ времена все поведеніе ребенка сваливали на его каторжный характеръ, и никому въ голову не приходило, что тутъ прежде всего слѣдуетъ винить родителей, но переворотъ въ характерѣ брата, вслѣдствіе полной заброшенности и отсутствія надзора за нимъ, до такой степени былъ очевиденъ для всѣхъ, что матушка на этотъ разъ ограничилась въ отношеніи его только тѣмъ, что прокричала ему въ слѣдъ какую-то угрозу, вѣроятно, обычную въ этихъ случаяхъ, что за все-де его поведеніе его слѣдуетъ отодрать на конюшнѣ, какъ сидорову козу, но что она ужо прикажетъ это сдѣлать Лукѣ, сама же не желаетъ пачкать рукъ изъ-за такого сквернявца. Съ этихъ поръ она стала внимательнѣе слѣдитв за его занятіями: священникъ занимался съ нимъ по утрамъ, а все остальное свободное время сестра должна была заставлять его читать вслухъ, переписывать съ прописей или при себѣ заставлять долбить заданное къ предстоящему уроку. Общими силами Зарю удалось сильно подтянуть. Онъ началъ какъ будто нѣсколько привыкать къ новому режиму, только на урокахъ съ матушкой онъ нерѣдко поднималъ ревъ на всю комнату. Да иначе и быть не могло. Матушка во время занятій всегда что-нибудь шила, и когда братъ не понималъ чего-нибудь, она, чтобы придать быстроту его соображенію, щелкала его въ лобъ пальцемъ, на которомъ былъ надѣтъ наперстокъ. Лобъ Зари весь былъ въ синякахъ и въ шишкахъ, не щадила она и пиньковъ для него, нерѣдко запускала руки и въ его густые волосы.

Все это, конечно, не способствовало развитію нѣжныхъ отношеній къ матери, и если только Заря не обязанъ былъ итти къ ней на урокъ, онъ не только не разговаривалъ съ нею, но какъ только до его слуха достигалъ ея голосъ, онъ убѣгалъ, куда глаза глядятъ. Я ужес тала продѣлывать то же самое еще раньше его. Матушка, кромѣ исключительныхъ случаевъ, не обращала на насъ ни малѣйшаго вниманія, какъ будто въ ней не было потребности въ дѣтской ласкѣ и нѣжности, какъ будто ея материнское самолюбіе не страдало отъ нашей холодности и отчужденія.

Присутствіе брата Зари въ домѣ не сблизило меня съ нимъ: онъ постоянно учился, а когда, наконецъ, освобождался отъ своихъ безконечныхъ занятій, что было лишь за часъ-другой до ужина, онъ былъ всегда крайне раздраженъ, а потому наши игры конча-

лись отчаянной потасовкой. Раздражительное состояніе брата было, конечно, результатомъ крайняго умственнаго переутомленія, но въ то время воспитатели не имѣли объ этомъ ни малѣйшаго понятія. Матушка считала настоящими занятіями лишь диктантъ, обученіе грамматикѣ и ариѳметикѣ, а чтеніе, пересказъ, переписываніе — совершенными пустяками, за которыми ребенокъ можетъ сидѣть хотя цѣлый день.

Воспитатели не сознавали тогда и необходимости смягчать отношенія между членами семьи и развивать взаимную симпатію, дружелюбіе и благожелательность. Если ребенокъ не совсѣмъ былъ вѣжливъ, предупредителенъ и деликатенъ къ кому-нибудь изъ гостей, его строго наказывали, а между тѣмъ самая величайшая грубость его братьямъ и сестрамъ не останавливала вниманія старшихъ. Въ дѣтствѣ я любила только Сашу, къ братьямъ же относилась совершенно враждебно. Никому въ голову не приходила мысль пробуждать въ насъ добрыя, справедливыя чувства другъ къ другу. Напротивъ, старшія только подсмѣивались надъ враждебными дѣйствіями между нами, что еще болѣе ожесточало однихъ противъ другихъ. Я была страшно брезглива: ни до чего, бывало, не дотронусь, что упадетъ на полъ, ничего не выпью, если мнѣ покажется, что посуда нечисто вымыта. Когда мы разорились, матушка, желая привить намъ спартанскіе привычки и вкусы, сильно нападала на меня за мою брезгливость и въ насмѣшку называла меня «герцогиней Орлеанской». Братья пользовались и этимъ эпитетомъ, и моею брезгливостью: раздадутъ намъ, бывало, пирожки, яблоки или что-нибудь въ этомъ родѣ, они быстро справятся со своею порціею и начнутъ меня толкать подъ локти, чтобы заставить уронить на полъ мои гостинцы, затѣмъ быстро подбираютъ ихъ съ пола и уписываютъ. Положатъ мнѣ на блюдечко варенья (т. е. нашего прокислаго порченнаго варенья),—они бросятъ въ него муху или песку и, когда я отодвину поданное, они хватаютъ и уносятъ къ себѣ свою добычу. Когда это происходило при матушкѣ, она только хохотала надъ этимъ, ей казалось даже, что это поможетъ уничтожить во мнѣ барство, а меня все сильнѣе раздражало это противъ братьевъ и еще болѣе противъ нея, такъ какъ я инстинктивно сознавала, что она должна защищать меня. Грубость братьевъ, ихъ озорство, шутки, все было полною противоположностью обращенію моихъ сестеръ. И вотъ это-то мало-по-малу укрѣпляло меня въ мысли, что мои братья, какъ и всѣ мальчики вообще, самый постылый народъ, и я всѣми силами старалась избѣгать ихъ общества.

Какъ я обрадовалась, когда недѣли черезъ полторы послѣ отъѣзда Саши зазвенѣли колокольчики, и прислуга закричала: «Васька возвратился».

Саша всѣмъ посылала подарки: матушкѣ—почтовой бумаги, Нютѣ—шерсть и красную бумагу для вышиванія, мнѣ—головку для куклы и огромный раскрашенный пряникъ, нянѣ—образокъ и платочекъ, Зарѣ—леденцы. Няня цѣловала то ея письмо, то по-

дарки и обливала ихъ слезами; по ея расчету сестра истратила на нихъ всѣ свои карманныя деньги, которыя были даны ей на всю зиму.

Васька подробно разсказывалъ о порядкахъ въ пансіонѣ, о томъ, какъ Саша всѣмъ довольна. Онъ далъ и полный отчетъ своимъ издержкамъ, которыя были болѣе скромны, чѣмъ матушка могла ожидать. Еще менѣе могла она разсчитывать на ту сумму, которую онъ выручилъ отъ продажи домашнихъ сбереженій; ихъ было взято немного, такъ какъ экипажъ былъ занятъ вещами отъѣзжавшихъ, но Васька все продалъ очень выгодно.

— Теперь матушка-барыня,—говорилъ онъ,—когда изволите отправить меня за Ольгой Петровной, потрудитесь приготовить товару побольше... Экипажъ пойдетъ туда пустымъ, такъ много можно будетъ положить въ него... Какъ передъ Богомъ,—все распродамъ, со многими купцами въ Витебскѣ снюхался...

— Что же, Васька! Что хорошо, то хорошо, — я тобою очень довольна! — И матушка благосклонно протянула ему руку для поцѣлуя, а Васька въ восторгѣ, что его заслуги, наконецъ, признаны, бросился на колѣни и облобызалъ руку своей госпожи. Когда же онъ во второй разъ возвратился изъ Витебска и выручилъ отъ продажи домашнихъ сбереженій еще больше, чѣмъ въ первый разъ, матушка пришла въ восторгъ. Она рѣшила теперь такъ вести свое хозяйство, чтобы оставалось побольше для продажи ржи, овса, гречи, живности, масла и т. п. Забывая о недавнемъ еще презрѣніи къ Васькѣ и о своихъ жалобахъ на его дармоѣдство, она теперь передъ всѣми выставляла его неподкупную честность и ту пользу, которую онъ приноситъ въ хозяйствѣ: «и воды натаскаетъ, и дровъ наколетъ, все успѣваетъ сдѣлать, ну а насчетъ исполненія порученій и продажи такъ ужъ на это у него настоящій талантъ, даже больше, чѣмъ къ этой дурацкой музыкѣ!» Такъ говорила матушка, не предчувствуя, что и съ этой стороны она получитъ огромную выгоду.

Во всякомъ случаѣ матушка стала благоволить къ Василію и его женѣ и осыпать ихъ своими милостями: приказано было ему сшить на зиму шубу изъ шкуръ домашнихъ овецъ и сапоги, а верхнее платье заказано было такое, какъ у всѣхъ крестьянъ, что очень его радовало, такъ какъ онъ не имѣлъ въ немъ комичнаго вида; ему и женѣ его выдано было холста для бѣлья и, что привело ихъ въ особенный восторгъ, имъ дозволено было занять «боковушку»—комнату, особо пристроенную къ дому, которая давно пустовала; получили они и еще какія-то милости и права въ томъ же родѣ, однимъ словомъ, положеніе и жизнь этихъ злосчастныхъ существъ сильно улучшилась какъ матеріально, такъ и нравственно. Однако этимъ благосостояніемъ они пользовались очень недолго.

Во второй половинѣ зимы слѣдующаго года матушкѣ доложили, что къ ней явился человѣкъ съ письмомъ княгини Г., мужъ которой держалъ Ваську у себя для обученія музыкѣ. Кня-

гиня сообщала, что ея покойный мужъ всегда имѣлъ желаніе купить Василія. Въ виду огромныхъ музыкальныхъ способностей этого человѣка, онъ рѣшилъ подарить ему свободу. Отказъ бывшаго владѣльца продать ему этого человѣка причинилъ ему искреннее сокрушеніе. Овдовѣвъ и рѣшивъ свято выполнить желаніе дорогого для нея покойника, она обращается къ моей матери и возобновляетъ просьбу о продажѣ Василія вмѣстѣ съ его женою. Такъ же, какъ и ея покойный мужъ, она рѣшила пріобрѣсти Василія не для того, чтобъ сдѣлать его своимъ крѣпостнымъ, а исключительно съ цѣлью дать ему полную свободу и помочь развитію его блестящихъ музыкальныхъ дарованій. При этомъ княгиня проситъ мою мать сообщить ей, можетъ ли состояться такая продажа и на какихъ условіяхъ.

Моя мать, которая въ 60-хъ гг., несмотря на свой уже преклонный возрастъ, сдѣлалась истинною защитницею народа, послѣдовательницею не на словахъ, а на дѣлѣ просвѣтительныхъ идей освободительной эпохи, за лѣтъ десять до этого совсѣмъ не понимала, какъ такая богатая и знатная женщина, какъ княгиня Г., можетъ желать купить крѣпостного не для себя, а для того, чтобы дать ему свободу. Она слыхала, что тотъ или другой богатый помѣщикъ отпускалъ на волю кого-нибудь изъ своихъ крѣпостныхъ, но за тѣ или иныя услуги себѣ или своему семейству,—это она еще понимала... Но купить крѣпостного исключительно для того, чтобы дать ему возможность развивать свои способности, да еще музыкальныя, тогда это было выше ея пониманія. Поэтому поступокъ княгини, какъ объ этомъ матушка говорила впослѣдствіи, она отнесла къ разряду «барскихъ затѣй».

Хотя моя мать признавала уже заслуги Васьки, но отъ времени до времени ей приходила въ голову мысль, что не сегодня-завтра ея сосѣди явятся ея конкурентами по части продажи домашнихъ сбереженій, и тогда, несмотря на геніальныя способности Васьки въ этомъ отношеніи, ея торговля будетъ сведена на нѣтъ. Тѣмъ не менѣе ей очень не хотѣлось, очень жалко было разставаться съ Ваською и его женою, которыхъ она вполнѣ оцѣнила въ послѣднее время. Всѣ эти причины заставили ее назначить за эту супружескую чету 1500 р. въ расчетѣ, что княгиня никакъ не дастъ такой суммы.

Каково же было ея изумленіе, когда черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого къ крыльцу подкатила пустая бричка, запряженная парой. Кучеръ, управлявшій экипажемъ, подалъ матушкѣ пакетъ съ деньгами и письмо отъ княгини: она не только посылала всю затребованную отъ нея сумму, но прибавляла еще нѣсколько десятковъ рублей на хлопоты для того, чтобы всѣ бумаги о продажѣ ихъ были какъ можно скорѣй оформлены и доставлены ей.

Это событіе поразило не только нашу семью, но и всѣхъ крестьянъ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по деревнямъ.

На другой день (это было воскресенье) весь нашъ огромный дворъ былъ запруженъ мужиками, бабами и крестьянскими ребятами. Несмотря на насмѣшки надъ этой четой, всѣ пришли съ нею проститься и посмотрѣть на невиданное до тѣхъ поръ у насъ зрѣлище. Взглядъ крестьянъ на этотъ инцидентъ былъ почти такой же, какъ и у ихъ барыни: они допускали, что княгиня могла купить Ваську и Минодору за неслыханно высокую цѣну,—«вѣдь, паны даже за собакъ платили тысячи»,—но они не могли переварить того, что Ваську покупаютъ, дарятъ ему свободу, оказываютъ ему барскую честь,—посылаютъ за нимъ не простую, мужицкую телѣгу, а панскій экипажъ съ кучеромъ на козлахъ, и все это за его «трынканье на скрипкѣ», вотъ это было для нихъ чѣмъ-то головокружительнымъ.

Многіе изъ крестьянъ полагали, что виновники торжества «задерутъ теперь носъ» передъ ними, будутъ корить ихъ за насмѣшки... Никто изъ нихъ не ожидалъ того, что пришлось увидѣть: Минодора и особенно Васька оказались совершенно убитыми, послѣдній даже еле держался на ногахъ.

Мы всѣ высыпали на парадное крыльцо. Сразу водворилось какое-то торжественное молчаніе. Васька рыдалъ такъ отчаянно, что весь его сутуловатый, высокій станъ судорожно сотрясался. Пошатываясь изъ стороны въ сторону, онъ подошелъ къ матушкѣ и бухнулъ ей въ ноги. Она тоже плакала, дрожащими руками поднимала надъ нимъ образъ и благословляла его. Но Васька уже не могъ встать: двое парней подскочили къ нему съ той и съ другой стороны и помогли ему подняться. Послѣ этого онъ упалъ на колѣни передъ нянею, а затѣмъ и передъ каждымъ изъ насъ, парни каждый разъ поднимали его подъ руки; также до земли кланялся онъ и толпѣ собравшихся крестьянъ. Но тутъ поднялся такой общій плачъ и рыданія, что мы всѣ бросились въ комнаты.

Слезы крестьянъ были вполнѣ искренними и не противорѣчили ихъ прежнему отношенію къ уѣзжавшимъ. Они смѣялись надъ Ваською и его женою потому, что ли, будучи такими же крѣпостными, какъ и остальные, сторонились ихъ. Теперь же они тронули крестьянъ тѣмъ, что, хотя ихъ купили «за такія деньжищи и везутъ съ почетомъ, они не только не возгордились, но все приняли со смиреніемъ, земно кланялись народу».

— Ахъ, Господи!—говорила няня, вытирая слезы и входя въ комнаты, гдѣ мы ее ожидали.—Ужъ такъ-то жалостливо Васька прощался, такъ жалостливо!.. Всю душеньку вымоталъ... Вѣдь, его еле живого усадили. Тяжко было ему, бѣдненькому, съ гнѣздышкомъ родименькимъ разставаться!.. Видно, боязно ему къ княгинюшкѣ ѣхать...

— Да что ему княгиня! Теперь онъ вольный казакъ!—перебила ее матушка.

— Вотъ онъ изъ-за того-то такъ и убивался, сердечный!

— Какъ изъ-за того?

— Извѣстно, матушка-барыня, изъ-за этой самой воли! Я вотъ какъ разсуждаю: былъ онъ крѣпостной, значитъ, подначальный, и весь предѣлъ ему былъ обозначенъ... Съ утра до поздней ноченьки зналъ онъ, что дѣлать: дровъ поди наколи, а теперь маршъ въ кузницу, али тамъ на мельницу, и такъ всякій часокъ... Значитъ, нечего тебѣ голову думкой ломать, али какой заботой сердце сушить... И ѣшь ты свой хлѣбушко безпрепятственно... Извѣстно, какъ полагается простому человѣку, безъ барскихъ затѣевъ, безъ соусовъ... Но, вѣдь, на то ты и простой мужикъ, рабъ, крѣпостной человѣкъ!.. Ну, а теперь на волѣ безъ старшóго изволь самъ все удумать... Каждое дѣльце свое, каждое словцо самъ обмозгуй...

— Ахъ, няня: и не глупый ты человѣкъ, а, вѣдь, какой вздоръ ты городишь! Развѣ можно сравнивать положеніе крѣпостного съ свободнымъ человѣкомъ! Развѣ ты не видишь, что творится кругомъ? Какое тиранство, безчеловѣчье повсюду!

— Такъ вѣдь я, матушка-барыня, про нашего Ваську вспоминаю! Какъ ему, значитъ, было жить у насъ. А какъ вы изволите сказывать насчетъ безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, такъ я вамъ осмѣлюсь доложить, что у такихъ-то еще лучше крѣпостному: если со смиреніемъ крестъ свой принять, такъ къ лику святыхъ угодниковъ сопричтенъ будешь...

— Ну, ужъ ты насильно даже въ рай собираешься гнать! Да мы эти разсужденія оставимъ... Намъ съ тобой, какъ ты говоришь, «удумать» да «обмозговать» вотъ что нужно: кто намъ замѣнитъ теперь Ваську и Минодору? Чтобы что-нибудь продавать изъ хозяйства, теперь нечего и думать, только этимъ къ воровству мужиковъ пріучать будешь! Кого мы будемъ посылать теперь съ порученіями, кто будетъ у насъ горничной?

И онѣ сообща долго перебирали по именамъ дворовыхъ женщинъ и дѣвушекъ; наконецъ, остановились на Домнѣ, бывшей у насъ горничной въ городѣ. Какъ ей, такъ и мужу ея Ивану былъ порученъ надзоръ за скотомъ; она къ тому же состояла и коровницей. Когда рѣшено было взять въ качествѣ горничной Домну, наши говорили, что она никогда не замѣнитъ Минодору: она далеко не такъ хорошо исполняетъ чистую работу, не такая честная и услужливая. Тѣмъ не менѣе оказалось, что Домна—единственно возможная кандидатка на должность горничной: всѣ остальныя подходили еще менѣе ея. А для исполненія порученій никто не могъ замѣнить Василія: приходилось посылать то одного, то другого. При этомъ то и дѣло выходили «исторіи»: то посланный по безграмотности покупалъ не то, что слѣдовало, то по безпамятности забывалъ о томъ, что было крайне необходимо, то, получивъ деньги, гдѣ-то «обронилъ» ихъ, то покупка обошлась слишкомъ дорого, то потратилъ на постояломъ болѣе, чѣмъ должно было, то возвращался пьянымъ и въ извѣстной суммѣ не могъ дать отчета.

Матушка съ сокрушеніемъ вспоминала Ваську. Когда эти сѣтованія происходили при Зарѣ, онъ не пропускалъ случая попрекнуть матушку ея перемѣнчивымъ мнѣніемъ относительно Василія и, хотя онъ оканчивалъ это своей обычной фразой: «вы злитесь на меня за то, что я говорю правду»,—онъ получалъ въ награду свою порцію трепки, но его, какъ истиннаго проповѣдника правды, это не смущало.

Чтобы покончить съ Васькой, скажу только, что полученныя нами свѣдѣнія о его судьбѣ были крайне скудны. Черезъ полъ года послѣ своего отъѣзда онъ написалъ Сашѣ о томъ, что онъ и его жена живутъ съ княгинею въ Москвѣ, что жена его исполняетъ роль горничной, но на жалованьѣ, а онъ служитъ въ оркестрѣ при одномъ изъ московскихъ театровъ. Затѣмъ онъ извѣстилъ сестру о томъ, что княгиня Г. ликвидируетъ всѣ свои дѣла въ Россіи и уѣзжаетъ навсегда за границу, куда съ нею отправятся и онъ, и его жена. Но уже изъ-за границы Василій ничего не писалъ никому изъ насъ, и мы никогда ничего не узнали о дальнѣйшей судьбѣ этихъ двухъ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Е. Н. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко.

(Къ исторіи созидательнаго народничества).

IV. Органическая культурная работа и малыя дѣла.

(*Окончаніе*) [1].

П. Л. Лавровъ, характеризуя, между прочимъ, по „воспоминаніямъ землевольца“, конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ, отмѣчалъ, что когда „десять лѣтъ реформъ“ выяснили безсиліе и негодность либеральныхъ учрежденій, среди молодежи, „воспитавшейся на соціально-нравственной проповѣди Чернышевскаго, Добролюбова и ихъ продолжателей“, стали обнаруживаться „первые симптомы новаго движенія“. Характернымъ признакомъ его было образованіе во многихъ мѣстахъ, преимущественно же въ университетскихъ городахъ, многихъ, независимыхъ другъ отъ друга, кружковъ самообразованія, имѣвшихъ прежде всего цѣлью матеріальную взаимопомощь, а также умственную и нравственную поддержку. Школьная наука не давала отвѣта на цѣлый рядъ мучительныхъ для молодежи вопросовъ. Чтобы разобраться въ нихъ, нужно было широкое образованіе, нужно было разностороннее развитіе личности. „Безъ этого немыслима нравственная ея чистота, немыслимо, стало быть, и личное счастье и общественная польза. Идеалъ личнаго самосовершенствованія“— говоритъ „землеволецъ“ въ своихъ воспоминаніяхъ—„становился, такимъ образомъ, ближайшимъ средствомъ для цѣлей общественной пользы“. Наряду съ этимъ обозначается и другая цѣль кружковъ—распространеніе знаній среди рабочихъ. Для этой цѣли мысль молодежи снова обращается къ воскреснымъ школамъ, разгромленнымъ правительствомъ въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ. Но такъ какъ легальное возрожденіе ихъ было затруднительно, то преобладаніе въ средѣ „кружковавшейся“ молодежи получаетъ „книжное дѣло“, т. е. распространеніе книгъ по удешевленнымъ

[1]) См. „Минувшіе Годы“. Мартъ.

цѣнамъ или совсѣмъ безплатно. На почвѣ этого дѣла возникаютъ отмѣченные выше кружки долгушинцевъ и чайковцевъ. Первый изъ нихъ почти сразу перешелъ къ нелегальной „книжной“ агитаціи среди народа, второй же, въ началѣ своей дѣятельности, разсчитывалъ держаться на законной почвѣ. По словамъ Л. Э. Шишко, чайковцы придавали большое значеніе, съ одной стороны, „книжному дѣлу“, т. е. распространенію нѣкоторыхъ книгъ, пріобрѣтаемыхъ ими большими партіями съ уступкой, или издаваемыхъ ими за свой счетъ, а съ другой,—артельнымъ товариществамъ по проектамъ Верещагина, Яковлева и др. Скоро, однако, и они пришли къ убѣжденію, по которому работать на легальной почвѣ у насъ невозможно [1]).

Разумѣется, вести нелегальную борьбу было еще труднѣе, но молодежь, стремившаяся къ самоусовершенствованію и къ служенію обездоленному народу, жаждала подвига, жаждала рѣшительныхъ безповоротныхъ шаговъ на пути ближайшей и непосредственной работы въ народѣ. Въ этихъ видахъ она признаетъ необходимымъ итти въ народъ и вести въ немъ соціалистическую революціонную пропаганду. Въ 1873 г. на такой именно путь сталъ цѣлый рядъ чайковцевъ: въ Петербургѣ—кн. Крапоткинъ, на Дону—казакъ Обуховъ и др.; поручикъ Шишко поступилъ съ той же цѣлью простымъ ткачемъ на фабрику, Рогачевъ и Кравчинскій (Степнякъ) пошли въ качествѣ простыхъ пильщиковъ въ Тверскую губ. и т. д. Движеніе въ народъ этимъ не ограничилось и, постепенно разростаясь, приняло относительно крупные размѣры, какъ въ томъ же 1873 г., такъ и въ слѣдующемъ 1874. Исходнымъ пунктомъ его, по характеристикѣ Аксельрода, „было стремленіе осуществить федерацію общинъ, пользуясь на коллективныхъ основаніяхъ землею и всѣми орудіями труда. Единственно раціональнымъ путемъ, ведущимъ къ осуществленію такого соціальнаго порядка, признано было *возбужденіе народной иниціативы и самодѣятельности*, какъ въ борьбѣ съ нынѣшнимъ строемъ, такъ и *въ дѣлѣ созданія новаго порядка* на развалинахъ стараго. Пропаганда соціалистическихъ идей среди народа и *организація его силъ* для сознательной и единодушной борьбы съ его угнетателями—вотъ что, поэтому, провозглашено было главнымъ дѣломъ соціалистовъ въ Россіи. Таково было наше знамя въ 1873—74 г.г.“ Особое значеніе придавалось дѣлу подготовки элементовъ *народной партіи и самой организаціи ея* [2]).

Если не касаться партійныхъ отличій и имѣть въ виду большинство соціалистически настроенной молодежи, то нужно признать, говоря словами

[1]) П. Л. Лавровъ (П. Миртовъ). „Народники-пропагандисты 1873—78 г.г.“, стр. 34—36 и др.

[2]) П. Л. Лавровъ (П. Миртовъ). „Народники-пропагандисты 1873—78 г.г.“, стр. 305. Курсивъ вездѣ нашъ.

журнала „Впередъ“, что она исповѣдывала „начала общаго труда на общую пользу“, при чемъ выставляла требованіе, по которому надлежало отдавать „обществу *всѣ свои силы* для его развитія“ и брать „отъ общества *лишь необходимое* для личнаго существованія и развитія“. Въ этой формулѣ заключалась, въ немногихъ словахъ, вся „програмна соціалистическаго общежитія“. Старый строй, по господствовавшему сознанію, разрушается. Паденіе его подготовляло и „развивающееся пониманіе задачъ соціологіи“ и распространеніе союзовъ рабочихъ, и „разложеніе прежнихъ общественныхъ основъ“. Но неизбѣжное крушеніе господствующаго строя только тогда могло бы „привести къ созданію лучшаго строя на развалинахъ“ стараго, когда этотъ „*новый лучшій строй будетъ подготовляться параллельно съ разрушеніемъ*..., когда разрушеніе стараго подвинется достаточно далеко, а *силы новаго возрастутъ*“.

„Впередъ“ отмѣчалъ при этомъ опасность для новаго со стороны самихъ его дѣятелей, которые „всѣ до одного развились подъ неотразимымъ вліяніемъ стараго общества; всѣ до одного хранятъ въ себѣ унаслѣдованныя и лично пріобрѣтенныя привычки, влеченія, инстинкты той самой среды“, которую они разрушаютъ. При этихъ условіяхъ, „*соціальный переворотъ поставитъ на всѣ ступени новаго строя, во всѣ функціи соціальнаго общежитія людей, которые проникнуты до мозга костей вліяніями*“ *стараго строя:* конкуренціей, монополіей, жаждой жить безъ труда, властвовать и т. п. Въ виду этихъ соображеній, „подготовка“ новыхъ силъ для новаго строя многимъ дѣятелямъ того времени казалась далеко не такой ужъ простой и несложной, какъ это представляли себѣ молодыя, горячія головы.

Народническіе элементы русскаго соціалистическаго движенія подчеркивали, между прочимъ, что для русскихъ спеціальной почвой будущности массы населенія должно служить, на основаніяхъ, опредѣляемыхъ „общими задачами нашего времени“, „*крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ*. Развить нашу общину *въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами*, сдѣлать *изъ мірской сходки основной политическій элементъ* русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплоатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота—вотъ спеціально русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству“.

Эта народническая особенность соціалистическаго движенія первой половины семидесятыхъ годовъ пополнялась еще и тѣмъ требованіемъ, формулиро-

ваннымъ, между прочимъ, журналомъ „Впередъ“, по которому „перестройка русскаго общества должна быть совершена не только *съ цѣлью народнаго блага*, не только *для народа*, но и *посредствомъ народа*“. Легальными путями достигнуть такой перестройки, по мнѣнію редакціи журнала, невозможно. „Добросовѣстная дѣятельность чиновника, какъ органа правительства, на пользу народа“ немыслима; путь же „медленнаго культурнаго развитія народа при абсолютистическомъ режимѣ можетъ вести къ неизбѣжному вырожденію“. Живыя силы страны не имѣютъ другого выхода, какъ стать „на единственный путь спасенія нашей родины—на путь народной соціальной революціи“. Но „революцій искусственно вызывать нельзя, потому что *онѣ суть продукты не личной воли, не дѣятельности небольшой группы, но цѣлаго ряда, сложныхъ историческихъ процессовъ*. Самая *попытка вызвать ихъ искусственно едва ли можетъ быть оправдана* въ глазахъ того, кто знаетъ, какъ тяжело ложатся всякія общественныя потрясенія именно на самое бѣдное большинство, которое приноситъ при этомъ самыя значительныя жертвы“. Да искусственно вызывать революцій нѣтъ и надобности, такъ какъ къ нимъ неизбѣжно ведетъ само правительство своей близорукой эгоистичной политикой. По всей вѣроятности, и наше правительство вызоветъ рядъ революціонныхъ попытокъ. „Эти революціонныя попытки могутъ быть неудачны, могутъ вынести на вершину общества кружки и партіи, враждебные истинной народной программѣ, но могутъ и содѣйствовать осуществленію или, по крайней мѣрѣ, уясненію этой самой программы“... Но нужно помнить что всякія „народныя революціонныя попытки, даже неудачныя, являются въ исторіи полезнымъ воспитательнымъ средствомъ общества“.

При такомъ отношеніи къ революціи и искусственному вызову ея журналъ „Впередъ“ дѣлалъ одну существенную оговорку, по которой „народъ не знаетъ своей силы, не знаетъ *возможности* низвергнуть своихъ экономическихъ и политическихъ враговъ“. Поэтому „на живомъ элементѣ русской интеллигенціи лежитъ обязанность разбудить его, поднять его, соединить его силы, повести его въ битву“. Революція должна быть произведена не интеллигенціей, а „народомъ, опираясь на существующую въ немъ традицію общинной и артельной солидарности; интеллигентный же классъ, въ лицѣ убѣжденныхъ соціалистовъ, можетъ явиться въ немъ лишь *иниціаторомъ*, внося въ народъ, путемъ пропаганды и агитаціи, чувство солидарности всего рабочаго класса земли русской и сознаніе необходимости устранить возвращеніе старыхъ общественныхъ бѣдствій, положивъ въ основу постройки новаго общества начала рабочаго соціализма“ [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 90, 93, 98, 100, 105, 102--104, 107—108.

Развивая далѣе свою практическую программу, редакція того же журнала писала, что она знаетъ и понимаетъ, „что разомъ торжество нашихъ цѣлей осуществиться не можетъ, что для него нужна подготовка, ясное пониманіе возможнаго въ данную минуту“... „Существеннымъ и неизмѣннымъ“ она признавала въ этомъ отношеніи слѣдующія положенія:

„Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать въ себѣ возможность полезной дѣятельности среди народа.

Лишь внушивъ народу довѣріе къ себѣ, какъ личности, можно создать необходимыя условія подобной дѣятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его къ самостоятельной и сознательной дѣятельности для достиженія ясно понятыхъ цѣлей, можно считать себя дѣйствительно полезнымъ участникомъ въ современной подготовкѣ лучшей будущности Россіи.

Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему народа русскаго, можно считать себя въ правѣ призвать народъ къ осуществленію этого переворота.

Не теоретически только приходится подготовляться человѣку русскаго цивилизованнаго класса для возможности полезной дѣятельности въ народѣ. *Онъ долженъ подготовить себя къ тому и жизнью. Онъ долженъ употребить всѣ старанія, чтобы въ себѣ и около себя сгладить то рѣзкое различіе, которое привычка жизненной обстановки положила между классами въ Россіи. Онъ долженъ умѣть жить съ народомъ, долженъ пріучиться говорить съ нимъ, понимать его, сочувствовать ему не только въ общихъ, но и въ частныхъ вопросахъ*“... [1])

Что касается подготовки соціальной революціи, то „первымъ условіемъ“ этого должна быть „организація революціоннаго меньшинства, понимающаго задачи рабочаго соціализма, *въ средѣ общинныхъ и артельныхъ центровъ русскаго народа*“. Интеллигентные соціалисты для этого сами должны стать членами общинъ и артелей, найти въ нихъ себѣ товарищей изъ рабочей среды и довести ихъ до яснаго пониманія задачъ рабочаго соціализма. Въ такомъ случаѣ, эти члены общинъ и артелей сдѣлаются главными двигателями революціи. При ихъ дѣятельности пропаганда и агитація будетъ итти „не *извнѣ* привычныхъ центровъ народной солидарной жизни, а *изнутри* ихъ“. „Русскіе революціонеры пріобрѣтутъ солидарность и для своего союза лишь тогда, когда они войдутъ въ общинные и артельные центры народа, сохранившіе традицію солидарности“. А когда интеллигенція принесетъ народу выработанную ею мысль, накопленное знаніе, доступное ему, уяснитъ ему его боли, дастъ опредѣленную форму его недовольству, придастъ его порывамъ цѣльность и организацію

[1]) Тамъ же, стр. 111. Курсивъ нашъ.

и вызоветъ „изъ его среды представителей *интеллигентнаго революціоннаго крестьянства*“, тогда она сойдетъ „со сцены, отдавъ народное дѣло въ руки народа, организованнаго“ вокругъ настоящихъ своихъ представителей [1]).

Къ этимъ ученіямъ, считавшимся одно время преобладавшими, несомнѣнно примыкалъ и Сергѣй Николаевичъ, но преимущественно въ той части ихъ, которая касалась идеаловъ и необходимости ихъ осуществленія не *извнѣ* народной среды, а *изнутри* ея. Онъ, какъ это видно изъ его практической дѣятельности и установленной имъ точки зрѣнія на физическій трудъ, на кооперативное движеніе и русскія народныя артели, былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости стремиться къ перестройкѣ соціальнаго строя на трудовыхъ началахъ, воплощающихся въ русскихъ артеляхъ, въ общинномъ землевладѣніи и въ *мірской* сходкѣ“, являющейся у насъ основой общественнаго и политическаго строя. Онъ признавалъ затѣмъ нужнымъ исходить въ практической дѣятельности изъ привычныхъ народу „центровъ народной солидарности“, но въ то же время, какъ человѣкъ знавшій уже жизнь, онъ понималъ, что для этой цѣли революціонная пропаганда не нужна и не пригодна. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что для смѣны стараго строя новымъ требуется воздѣйствіе цѣлаго ряда сложныхъ историческихъ процессовъ, среди которыхъ подготовка новаго человѣка, свободнаго, на сколько это возможно, отъ привычекъ и традицій стараго строя, должна имѣть первенствующее значеніе. Работу по такой подготовкѣ въ первичной ея стадіи онъ возлагалъ на интеллигенцію, и потому къ вопросу объ этой послѣдней и объ ея отношеніяхъ къ народу онъ постоянно возвращался въ своихъ статьяхъ и въ „Отеч. Запис.“, и въ „Словѣ“, и въ „Русс. Богатствѣ“, и въ „Новомъ Словѣ“ и въ своей книгѣ „На распутьѣ“.

Такъ, по поводу попытокъ А. С. Суворина отожествить интеллигенцію съ буржуазіей, Сергѣй Николаевичъ ставилъ въ „Отеч. Зап.“ вопросъ о томъ, что такое интеллигенція и каковы ея задачи. Каждый, вѣроятно, понимаетъ,—писалъ онъ—что интеллигентнымъ человѣкомъ обычно называютъ такого человѣка, у котораго не только есть интеллектъ, т. е. разумъ, но и при томъ въ такомъ состояніи развитія, что составляетъ его характерную черту, его отличительный признакъ, который преобладаетъ надъ другими—не индивидуальными, конечно, а общими признаками. Каждый понимаетъ также, что интеллигенціи можетъ быть нѣсколько типовъ и въ каждомъ типѣ нѣсколько степеней, но что это очень мало зависитъ отъ наслѣдственныхъ причинъ и формъ образованія, рода занятій и т. п.

---

[1]) Тамъ же, стр. 115 и 114.

Интеллигентнымъ человѣкомъ можетъ быть всякій много думавшій, много изучавшій человѣкъ. Интеллигенція „не составляетъ какой-нибудь отдѣльной политической партіи или экономическаго класса, а стоитъ внѣ ихъ или разбита рукою случая, природой и историческихъ условій, по всѣмъ нимъ", но это, тѣмъ не менѣе, „не мѣшаетъ ей имѣть общіе признаки и нѣкоторые общіе интересы и желанія. Общіе интересы эти и желанія сводятся у нея теперь не къ политическимъ и экономическимъ привиллегіямъ и господству, какъ это было нѣкогда въ государствахъ, гдѣ были касты жрецовъ, а къ свободѣ слова, къ свободѣ мысли, совѣсти и дѣятельности на общественную пользу, что не составляетъ, конечно, никакой привиллегіи, такъ какъ должно сдѣлаться общимъ достояніемъ и должно служить къ уничтоженію всякихъ привиллегій, такъ какъ онѣ противорѣчатъ понятію о справедливости".

Разумѣется, современная русская интеллигенція вышла, главнымъ образомъ, изъ среды буржуазіи и носитъ въ себѣ болѣе или менѣе наслѣдія послѣдней. Раньше она выходила изъ среды дворянства и духовенства и носила въ себѣ слѣды этихъ сословій. Прежде эти сословія были господствующими и поставляли интеллигенцію, а теперь господствуетъ буржуазія и, въ свою очередь, поставляетъ интеллигенцію. Новый строй создался на разрушеніи стараго, и самый процессъ этого, разумѣется, идейнаго разрушенія поднялъ и возвысилъ интеллигенцію. Этотъ процессъ былъ необходимымъ элементомъ роста интеллигенціи. Послѣдняя поэтому „не есть что-то неподвижное, каменное или привязанное къ извѣстному режиму, это есть, напротивъ, нѣчто живое и непрерывно растущее", какъ ростетъ и человѣческая мысль.

Какъ въ прежнія, давно прошедшія времена

„изъ монастырей и феодальныхъ замковъ выходили люди, начинавшіе съ отрицанія феодальныхъ порядковъ, такъ и теперь изъ буржуазіи выходятъ люди, которые начинаютъ съ отрицанія буржуазнаго режима во имя идей болѣе свѣтлыхъ и началъ болѣе справедливыхъ. Когда говорятъ „буржуазія", то подразумѣваютъ обыкновенно все то, что упрочиваетъ этотъ порядокъ; а когда говорятъ „интеллигенція", то подразумѣваютъ все то, что думаетъ объ улучшеніи и измѣненіи этого порядка и ищетъ путей къ справедливости и истинѣ. Вѣроятно, никакъ иначе и нельзя понимать интеллигенцію въ политическомъ смыслѣ" [1]).

Черезъ нѣкоторое время Сергѣй Николаевичъ, останавливаясь на томъ же вопросѣ, пишетъ, что интеллигенція, не принимая непосредственнаго участія въ разрушеніи народнаго благосостоянія,

---

[1]) „Отеч. Записки" 1881 г. № 11, стр. 115.

„по самой своей сущности, враждебна буржуазіи, враждебна всему тому, что не клонится къ народной пользѣ и нуждамъ, къ народной самостоятельности и независимости. Если она на какую-нибудь роль въ жизни и претендуетъ, то, конечно, больше всего на одну роль—на свободу мысли и критики общественныхъ явленій, и на свободу дѣятельности для народнаго блага. Выдвинутая процессомъ исторіи и дошедшая до сознанія гражданскихъ своихъ обязанностей, она отдаетъ себя всецѣло общественному дѣлу и прежде всего думаетъ объ этомъ дѣлѣ, а не о себѣ, не о своемъ брюхѣ. Она, говорю я, непосредственно не эксплоатируетъ народъ: не торгуетъ, подобно купцу, не взимаетъ съ него ренту, подобно землевладѣльцу, не деретъ съ него процентовъ, подобно ростовщику, не посылаетъ его на работу, подобно фабриканту, не спаиваетъ его сивухой, подобно цѣловальнику, не назначаетъ сама себѣ жалованья и т. д., а если и принимаетъ во всемъ этомъ прямое или косвенное участіе, то имѣя прежде всего въ виду народный интересъ. Она знаетъ, во что обошлась она народу, знаетъ, что вслѣдствіе запутанности жизненныхъ условій, она лежитъ на немъ, хотя бы и не непосредственнымъ бременемъ и теперь, и желаетъ отдать ему больше, чѣмъ взяла и беретъ, желаетъ отдать ему все, что можетъ... Побуждаетъ ее къ этому не одинъ буржуазный сентиментализмъ и аккуратность, но и самое свойство ея духа, куда такая буржуазная гадость, можетъ быть, даже вовсе и не входитъ. Разъ она выступаетъ на гражданское поприще, она не можетъ не принимать въ соображеніе послѣднихъ выводовъ экономической науки и человѣческаго знанія вообще и не можетъ не руководиться ими въ своей дѣятельности. Творчество ея мыслимо только въ направленіи народной пользы. Иначе она творить ничего не въ состояніи. По обстоятельствамъ и условіямъ времени, она часто ничего не можетъ созидать и только охраняетъ и предупреждаетъ народъ отъ эксплоатаціи; но въ этомъ не она вовсе виновата. Она по стольку и существуетъ, по скольку нужна народу, и до тѣхъ поръ существуетъ, пока въ ней имѣется необходимость, какъ въ отдѣльной, дифференцированной силѣ. Ей тяжело это отдѣльное состояніе, созданное совершенно помимо ея воли. Ей часто не находится опредѣленнаго мѣста въ жизни при настоящихъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, и не остается на ея долю ни минуты спокойствія; она живетъ гораздо больше надеждами и будущимъ, чѣмъ настоящимъ; она вѣчно стремится впередъ, къ вѣчной правдѣ, и зоветъ за собою другихъ, прокладывая имъ пути, одобряя сомнѣвающихся, поддерживая и перетаскивая слабыхъ на своихъ плечахъ. Немного у насъ такой интеллигенціи. Дѣятельность ея только началась или даже только начинается, но такова именно новая интеллигенція, которой предстоитъ сыграть историческую роль, и иною она быть не можетъ... Истребить такую интеллигенцію значитъ лишиться самой цѣнной и дѣятельной общественной силы и заколдовать на нѣсколько лѣтъ жизнь, заколдовать совершенно безплодно, потому что ростъ общественной мысли совершается столь же роковымъ образомъ, какъ и всякій органическій ростъ, остановить который нельзя безъ вреда для общества.

Никогда еще русскій культурный человѣкъ не формулировалъ

такъ категорически своей общественной роли и никогда не стоялъ въ такомъ прямомъ и безкорыстномъ отношеніи къ народу, въ лучшихъ и наиболѣе цѣльныхъ, по крайней мѣрѣ, своихъ представителяхъ"... [1])

Въ концѣ концовъ онъ поставилъ своей цѣлью соединиться съ народомъ и не можетъ не констатировать, что народъ, въ свою очередь, идетъ ему навстрѣчу. Рано или поздно, но *„народъ долженъ быть и интеллигенціей, а интеллигенція и народомъ“* [2]). Для этого, разумѣется, нужно рѣшить еще много вопросовъ: нужно подумать, какъ выйти изъ того изолированнаго отъ народа положенія, въ которомъ находится интеллигенція, нужно ли ей раздѣлять бремя тяжелаго вседневнаго труда народа, не будетъ ли полезнѣе для народа интеллигенція изъ его среды, можетъ ли и какъ именно быть полезна народу интеллигенція при современныхъ условіяхъ дѣятельности [3]) и т. д., и т. д.

Мы знаемъ, какъ рѣшала эти вопросы соціалистическая интеллигенція семидесятыхъ годовъ. Сергѣй Николаевичъ, будучи солидарнымъ съ ней въ очень и очень многомъ, вносилъ, однако, въ эти рѣшенія нѣчто свое, столь важное и существенное, что съ присоединеніемъ этого своего создалась особая практическая дѣятельность и особая программа этой дѣятельности.

Сергѣй Николаевичъ раздѣлялъ господствовавшій тогда взглядъ, по которому личное моральное самосовершенствованіе должно служить „ближайшимъ средствомъ для цѣлей общественной пользы“. По его убѣжденію, подробно изложенному выше, такое самосовершенствованіе должно начаться для каждаго интеллигентнаго работника съ введеніемъ имъ въ свою жизнь физическаго труда, какъ основы соціальнаго строя. Физическій работникъ, уже по условіямъ современной расцѣнки труда, будетъ брать „отъ общества лишь необходимое для личнаго существованія и развитія“ и будетъ поставленъ въ ту жизненную обстановку, при которой, согласно формулированнымъ журналомъ „Впередъ“ требованіямъ, легче всего сгладить различія, положенныя жизнью, между интеллигенціей и народомъ, легче всего научиться „жить съ народомъ“, „говорить съ нимъ, понимать его, сочувствовать ему не только въ общихъ, но и въ частныхъ вопросахъ“. При этомъ условіи люди, развившіеся „подъ неотразимымъ вліяніемъ стараго общества“, носящіе „въ себѣ унаслѣдованныя и лично пріобрѣтенныя привычки, влеченія и инстинкты“ старой среды, воспитаютъ себя къ жизни на новыхъ справедливыхъ началахъ. „Силы новаго“—говоря сло-

---

[1]) „Отеч. Записки“ 1882 г., № 10, стр. 275—276.
[2]) „Отечествен. Записки“ 1881 г., № 11, стр. 106.
[3]) Тамъ же, стр. 115 и др.

вами того же журнала—„возрастутъ“, а „новый лучшій строй будетъ подготовляться параллельно съ разрушеніемъ стараго“. Но для этого работы во всей ея полнотѣ одной современной интеллигенціи еще недостаточно, такъ какъ, по горячо раздѣлявшейся Сергѣемъ Николаевичемъ, приведенной выше народнической формулѣ, „перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредствомъ народа“. Нужно, значитъ, привлечь этотъ послѣдній, возбудить его иниціативу, самодѣятельность, организовать его въ народную партію. Движеніе 1873—74 г.г. лучшимъ средствомъ для этого считало революціонную пропаганду. Но Сергѣй Николаевичъ, очевидно, не раздѣлялъ этого. Онъ понималъ, что, если интеллигенція носитъ въ себѣ глубокіе слѣды стараго строя и не можетъ сразу, безъ серьезной работы по самоусовершенствованію себя, перейти къ новому строю, то также и народъ, несмотря на то, что въ немъ живы понятія соціальной правды, не подготовленъ для коренного общественнаго переустройства. И наша безотрадная исторія и современная жизнь внесли столько деморализаціи въ деревню, что пропагандой тутъ не поможешь.

„Если деревня“ — писалъ Сергѣй Николаевичъ въ прекрасной статьѣ „Новые всходы на народной нивѣ“—поставлена въ такія условія, что каждый день должна биться изъ-за копѣйки, если ея обираютъ ростовщики, обманываютъ кулаки, притѣсняютъ помѣщики, если ее иногда сѣкутъ въ волостномъ правленіи, то развѣ это можетъ оставаться безъ вліянія на ея нравственную сторону? Если она видитъ могущество кулаковъ, произволъ и безнаказанность желѣзныхъ дорогъ, почетъ людямъ, не имѣющихъ иныхъ заслугъ, кромѣ кармана и проч., то развѣ это не можетъ порождать стремленія къ наживѣ, стремленій безъ особаго разбора средствъ, какъ не разбираютъ ихъ и другіе? Если она видитъ залѣзаніе въ земскіе сундуки, банковыя кражи, обдираніе казны разными подрядчиками и предпринимателями, злостныя банкротства, поджоги застрахованныхъ имуществъ и проч., то развѣ все это можетъ остаться безъ вліянія? Если рубль, эта капиталистическая луна, всплываетъ на первый планъ деревенскаго ландшафта, если на него обращаются всѣ взоры, всѣ помыслы и душевныя силы, если онъ становится цѣлью жизни и мѣриломъ способностей личности, то развѣ можно скрывать этотъ фактъ и говорить, что мужикъ есть такой Косьма безсребренникъ, которому совсѣмъ не нужны деньги? Если въ деревнѣ замѣтны стремленія къ розни, расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ кулачество и стремится къ закабаленію слабѣйшаго крестьянина въ батраки, къ разрушенію общины и т. п., то развѣ можно, спрашиваю я, скрывать всѣ эти факты?“

И буржуазія, и дворянство, и правительство приложили много стараній къ тому, чтобы привести деревню въ настоящее ея состояніе. Но особенно много приложили они стараній къ разрушенію коренныхъ устоевъ

народной жизни. Усилія ихъ противъ народнаго землевладѣнія—составляющаго „главный стратегическій пунктъ, главный ключъ крестьянской позиціи, значеніе котораго отлично понимаютъ вожаки мѣщанства"—вносятъ деморализацію въ крестьянскую среду, дѣйствуютъ „на деревенскій людъ разлагающимъ образомъ и все больше и больше раскалываютъ крестьянство на двое": на собственно трудовое крестьянство и на крестьянскую буржуазію и ея приспѣшниковъ. Сергѣй Николаевичъ считаетъ нужнымъ предостеречь всѣхъ, кого можетъ, отъ этого новаго третьяго сословія. Когда—говоритъ онъ—въ Западной Европѣ шелъ процессъ разрушенія общины и обезземеленія крестьянъ, то

„совершалось это вовсе не одними лордами и рыцарями, а и своимъ же братомъ, т. е. ... выходцами изъ народа, выходцами, надѣленными практическою смѣткою и гибкою спиною, пожалованными барскою милостью, выудившими въ мутной водѣ или пріобрѣвшими грабежемъ нѣкоторый капиталецъ, выходцами, которымъ протягивали руку высшія сословія и законодательство. Ихъ называли: наиболѣе трудолюбивыми, способными и трезвыми элементами народа. Это даже не стрѣлковая цѣпь и авангардъ, а главная буржуазная армія",

растущая и множащаяся у насъ съ поразительной быстротой. Къ ея пополненію прилагались и прилагаются особыя старанія, Для этого правительство, послушное велѣніямъ дворянства и буржуазіи, спѣшитъ съ обезземеленіемъ крестьянства и созданіемъ фабричнаго пролетаріата, обращаясь „къ уничтоженію общиннаго землевладѣнію, созданію фермерства, немногочисленнаго класса зажиточныхъ крестьянъ и вообще къ средствамъ, при которыхъ экономически слабый погибаетъ самъ собою". Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство не станетъ теперь создавать старинныхъ цеховъ, а будетъ „устраивать кредитныя, сырьевыя и производительныя ассоціаціи, которыя, суля общее счастье, будутъ только помогать сильному сдѣлаться еще сильнѣе, а слабому—еще слабѣе". И въ этомъ процессѣ, развившемся теперь пышнымъ цвѣтомъ и съ глубокой прозорливостью предвидѣнномъ Сергѣемъ Николаевичемъ, крупную отрицательную роль сыграетъ отмѣченный имъ выходецъ изъ народа, представитель крестьянской буржуазіи и ея интересовъ [1]).

При такихъ условіяхъ, чтобы привести народъ къ жизни на новыхъ началахъ, чтобы создать новый строй, нужны, разумѣется, не такія мѣры, какъ пропаганда соціальной революціи. Сергѣй Николаевичъ ясно понималъ это, и, сознавая, что революціи являются продуктомъ „не дѣятельности небольшой группы" революціонеровъ, а „цѣлаго ряда сложныхъ

[1]) „Отечествен. Записки" 1879 г., № 2, ст. „Новые всходы на народной нивѣ", стр. 132 и др.

историческихъ процессовъ“, находилъ, что интеллигенціи предстоитъ много другой работы. Сливаясь съ народомъ, опрощаясь, воспитывая себя и народъ въ организаціяхъ, построенныхъ на общинныхъ, артельныхъ и „мірскихъ“ началахъ, развивая общину, какъ указывалъ и Лавровъ, „въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами“, стремясь сдѣлать „изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя“,—интеллигенція должна, какъ понималъ Сергѣй Николаевичъ, считаться съ необходимостью и иной параллельной работы: съ одной стороны,—общекультурной, напр., по широкому распространенію образованія, а съ другой—по защитѣ населенія отъ разрушенія основъ его быта. Въ отмѣченной выше статьѣ—„Новые всходы на народной нивѣ“—онъ устанавливаетъ, что дать человѣку умственное развитіе, какъ это мы видимъ, къ сожалѣнію, на каждомъ шагу, еще не значитъ гарантировать его „отъ хищныхъ поползновеній и инстинктовъ“. Поэтому, наряду съ мѣрами по подъему умственнаго развитія, необходимо позаботиться еще объ очень многомъ: нужно ограждать деревню „отъ хищничества“, отъ разрушенія „нашей общины, какъ формы общежитія, помогающей нравственному несовершенству человѣческой природы“, отъ податныхъ и другихъ тяготъ; „нужны мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія“, къ „организаціи народной промышленности“ и многія другія.

Въ такихъ размѣрахъ предстоящая работа грандіозна по своимъ размѣрамъ, и если бы она лежала на той части интеллигенціи, которая призвана къ непосредственной работѣ по подготовкѣ новаго строя и воспитанія въ ея началахъ какъ себя, такъ и народной интеллигенціи, то, разумѣется, ея силъ было бы слишкомъ недостаточно. Предстоящую работу, поэтому, нужно раздѣлить, распредѣлить между всѣми культурными силами страны.

Врагъ доктринерства, всякихъ узкихъ рамокъ, и особенно кружковщины и партійной замкнутости въ предстоявшей работѣ, Сергѣй Николаевичъ постоянно стремился къ количественному и качественному расширенію круга лицъ, ведущихъ активную борьбу съ старымъ строемъ, къ работѣ въ обширныхъ рамкахъ, въ крупныхъ размѣрахъ.

Въ этихъ видахъ онъ энергично настаивалъ на томъ, чтобы къ этой борьбѣ привлечь и пассивные элементы общества, обычно сочувствующіе хорошему дѣлу, но не находящіе въ себѣ силъ для активнаго выступленія. Эти „пассивные друзья народа“—писалъ онъ—должны понять, „что въ обществѣ всѣ дѣйствующія силы слагаются обыкновенно въ двѣ равнодѣйствующія, взаимнопротивоположныя, и что пассивныя силы, не принимающія, повидимому, участія въ борьбѣ, служатъ только той силѣ, которая

въ данную минуту имѣетъ перевѣсъ. Это—нѣчто худшее, чѣмъ вооруженный нейтралитетъ въ политикѣ, худшее потому, что тутъ всегда оказывается активная помощь сильнѣйшему. Какъ бы пассивный другъ ни былъ искрененъ въ своихъ чувствахъ, какое бы скромное и тихое положеніе онъ ни старался принять на житейскомъ поприщѣ, онъ все равно будетъ вредить друзьямъ". Съ этой точки зрѣнія, Сергѣй Николаевичъ вполнѣ понималъ общее требованіе, по которому: „или будьте дѣйствительными друзьями, или же обратитесь въ открытыхъ враговъ" [1]). Но къ этому требованію онъ присоединялъ обычно совѣтъ и указаніе, находя, что лучшее средство къ тому, чтобы привлечь „пассивныхъ друзей народа" къ активной работѣ, заключается въ томъ, чтобы подсказать имъ *посильную* для нихъ работу.

Этимъ его стремленіемъ, освѣщеннымъ выработаннымъ идеаломъ и соотвѣтствовавшимъ всему складу его характера, и опредѣляется практическая программа его дѣятельности, примѣненная имъ въ своей жизни и развитая въ отдѣльныхъ чертахъ въ его многочисленныхъ статьяхъ.

Коренной и основной особенностью этой програмы было признаніе необходимости не временнаго хожденія въ народъ, а прочнаго сліянія интеллигенціи съ народомъ и „опрощеніе" ея. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ближе къ фракціи „Земли и Воли", чѣмъ къ послѣдователямъ Лаврова, хотя въ очень многомъ сходился съ лавристами. Онъ стоялъ за такую форму сліянія съ народомъ, которая могла быть наиболѣе устойчивой и постоянной, и именно за форму колоній-общинъ, колоній-артелей для интеллигенціи совмѣстно съ крестьянами и рабочими, за колоніи, населеніе которыхъ было бы прочно прикрѣплено своимъ хозяйствомъ и экономическими интересами къ землѣ и въ то же время множествомъ нитей было бы связано съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ и хозяйственнымъ укладомъ даннаго района.

Вспоминая позже свой личный опытъ изъ жизни колоній и опредѣляя задачи интеллигентныхъ обитателей ихъ, Сергѣй Николаевичъ писалъ, приспособляясь къ цензурнымъ условіямъ того времени, что, между прочимъ,

„колонисты стремились... къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ; задавались намѣреніями не только доказать возможность и пользу физическаго труда для интеллигенціи, но имѣли и болѣе широкіе замыслы—произвести рядъ соціальныхъ опытовъ надъ выработкою болѣе раціональнаго и альтруистическаго уклада жизни, съ наименьшею зависимостью и наибольшимъ просторомъ для личности, съ лучшими условіями для развитія ея духовныхъ силъ и приложенія способностей" [2]).

---

[1]) „Отечествен. Записки", 1879 г., № 2, стр. 132, 133.
[2]) С. Н. Кривенко. „На распутьи", стр. 2.

Симпатіи Сергѣя Николаевича были на сторонѣ тѣхъ, кто имѣлъ въ виду преслѣдовать всестороннія цѣли въ деревнѣ. Онъ зналъ, что тамъ нуженъ такой интеллигентъ, „который защитилъ бы крестьянскія права, оберегъ бы крестьянскую мысль и альтруистическія основы его жизни, принесъ бы съ собой знаніе и вообще готовъ былъ бы отдаться на безкорыстное служеніе народу“. Онъ ободрялъ тѣхъ, которые стояли за развитіе въ народѣ „его собственныхъ идей и міросозерцанія“, а равно и тѣхъ, кто мечталъ дать народу „образованіе и организовать его въ земскую партію для земской дѣятельности, видя въ этомъ первый политическій шагъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ твердо стоялъ за мнѣніе объ особомъ значеніи экономическихъ условій и обезпеченности, самъ работалъ въ этомъ направленіи и мечталъ, вмѣстѣ съ другими, о томъ, какъ отдѣльныя территоріи покроются „общественными фабриками, цвѣтущими общинными садами“, какъ не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ Европѣ проникнутся „успѣхами свободной Россіи“ и „творчествомъ общиннаго духа“ [1]). Возражая Вл. Соловьеву и г. Исаеву, боявшимся опрощенія, Сергѣй Николаевичъ говорилъ, что оно не синонимъ одичанія. „Внѣшнее опрощеніе не означаетъ еще отрицанія цивилизаціи...; живя въ деревнѣ и занимаясь земледѣліемъ, можно не только оставаться культурнымъ человѣкомъ и слѣдить за наукой и литературой, но и нести съ собою туда, къ еще болѣе слабымъ и темнымъ, культурную миссію..., миссію очень разнообразную, можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ и меньшую, чѣмъ другія, но по существу очень важную и въ общемъ итогѣ огромную и крайне необходимую“ [2]).

Важнѣйшимъ условіемъ такой разнообразной дѣятельности является единство ея. Сергѣй Николаевичъ ничего не имѣлъ противъ, такъ называемыхъ, малыхъ дѣлъ, но требовалъ, чтобы они связывались общимъ идеаломъ, чтобы эти послѣдніе никогда не упускались изъ виду, и чтобы малыя дѣла вели къ одной опредѣленной и великой цѣли. Возражая противъ „самодовлѣющихъ“ малыхъ дѣлъ и малыхъ цѣлей, проповѣдовавшихся въ восьмидесятыхъ годахъ „Недѣлей“, Сергѣй Николаевичъ писалъ, что

„маленькія дѣла могутъ не имѣть никакого отношенія къ тому, что находится за ихъ предѣлами, быть раскиданными тамъ и сямъ крупинками и не имѣть никакой перспективы, но могутъ также, при извѣстномъ сродствѣ и содѣйствіи, слагаться въ большія суммы, какъ слагаются капли въ рѣкѣ и паровыя частицы въ тучи, а также могутъ и синтетически входить въ большое дѣло, подобно тому, какъ каждое большое дѣло, въ свою очередь, разбивается на части. Въ этомъ большая

---

1) Тамъ же, стр. 100, 101 и 106.
2) Тамъ же, стр. 8.

разница, и въ послѣднемъ смыслѣ чуждаться маленькихъ дѣлъ, конечно, нельзя. Если они будутъ дѣлаться съ убѣжденіемъ и въ направленіи общаго плана, если люди въ продолженіе всего процесса дѣятельности не будутъ терять изъ виду идеала, будутъ всегда смотрѣть на подробности съ точки зрѣнія цѣлаго, не давая имъ разростаться до такихъ размѣровъ, чтобы онѣ заслоняли общую перспективу будущаго, то вредить это большому дѣлу не можетъ. Между тѣмъ, чрезвычайно важно не упускать ни одного случая для дѣятельности, стоять непосредственно у какого-нибудь дѣла и соприкасаться съ неулучшенной практикой, откуда виднѣе нужды и запросы жизни, необходимость улучшеній и перемѣнъ".

По убѣжденію Сергѣя Николаевича, „каждое такое маленькое живое дѣло" „гораздо лучше большого бездѣлья". Нужно—продолжалъ онъ—

„не имѣть ни малѣйшаго представленія объ обществѣ, чтобы не понимать, что живетъ оно непрерывно и движется по равнодѣйствующей не потенціальныхъ, а активныхъ общественныхъ силъ. Если положительныхъ силъ больше, оно идетъ впередъ, если отрицательныя силы получили преобладаніе—идетъ назадъ, и при этомъ пассивные элементы вовсе не остаются въ безразличной роли, а увеличиваютъ движеніе въ направленіи преобладающемъ" [1]).

А между тѣмъ, когда заходитъ рѣчь о практической дѣятельности, то очень многіе и притомъ прогрессивные люди утверждаютъ, „что у насъ нельзя и не стоитъ ничего дѣлать и остаются въ бездѣйствіи, предполагая, вѣроятно, что все само собою сдѣлается". Разумѣется, работать у насъ трудно, даже чрезвычайно трудно, но все-таки все, что можно дѣлать, нужно дѣлать, руководствуясь одной общей идеей. „У жизни много сторонъ"—продожаетъ онъ развивать свою мысль—и всѣ дѣятели оставятъ по себѣ глубокій слѣдъ, „если будутъ дѣйствовать сознательно, систематически и съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла и потребностей жизни". Отдѣльныя дѣятельности, разумѣется, будутъ весьма незначительны,

„но разъ отдѣльныя и разрозненныя дѣятельности могутъ быть какъ сами по себѣ расширены, такъ и приведены во взаимную связь и въ общую систему, такъ положеніе становится инымъ. Тогда онѣ дѣлаются живыми, органическими частями одного большого дѣла, которое, творя добро, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовать и злу уже въ болѣе широкой сферѣ. Чѣмъ больше будетъ работниковъ, чѣмъ разнообразнѣе и полнѣе будетъ ихъ контингентъ, чѣмъ разнообразнѣе будутъ пути, которыми они вступятъ въ жизнь, тѣмъ значительнѣе будутъ и результаты".

Всего менѣе „я былъ бы защитникомъ малыхъ дѣлъ",—прибавляетъ къ этому Сергѣй Николаевичъ,—„если бы не видѣлъ возможности обобщенія

[1]) Тамъ же, стр. 313 и 314.

частныхъ усилій и не былъ бы убѣжденъ, что люди, идущіе отъ частнаго къ общему, нисколько не мѣшаютъ людямъ, идущимъ отъ общаго къ частному" [1]). Все дѣло только въ томъ, чтобы мелкая работа преслѣдовала общія цѣли, одну общую идею, заключающуюся въ осуществленіи *такого общественнаго строя, созданнаго творчествомъ народныхъ массъ въ сотрудничествѣ и съ помощью слившейся съ ними интеллигенціи, въ которомъ нашли бы яркое выраженіе „общинный духъ", трудовое начало и другія альтруистическіе устои, исконне свойственные русскому народу*. Къ достиженію этого идеала нужно итти всѣми чистыми путями—и крупными и мелкими. Крупныя дѣла посильны крупнымъ людямъ, героямъ. Очень важно и очень нужно, чтобы они были и чтобы работали. Но „героевъ"—говоритъ Сергѣй Николаевичъ, характеризуя культурныхъ одиночекъ,—„обыкновенно бываетъ мало", а людей „обыкновенной человѣческой мѣры" очень и очень много. Они, разумѣется, „не историческіе герои",—„передъ героями они сами снимутъ шапку" и кто сможетъ пойдетъ за ними, „а кто не сможетъ—будетъ помогать общей работѣ". Ихъ большинство, и если они „добросовѣстные и искренніе люди", то они покажутъ, „что должны и могутъ дѣлать все, что доступно всякому, даже самому дюжинному человѣку", если онъ, въ свою очередь, „добросовѣстенъ и не боится стать лицомъ къ лицу съ неправдой и лишеніями" [2]). Работа такихъ людей будетъ массовой работой и въ совокупности своей можетъ дать весьма крупный вкладъ въ народную жизнь.

Для дѣла общественнаго переустройства Сергѣй Николаевичъ желалъ, такимъ образомъ, использовать всѣ наличныя силы, и крупныя и мелкія, лишь бы только работа ихъ исходила изъ одного идеала и вела къ одной цѣли. Принятая имъ программа дѣятельности не была програмой момента, не ограничивалась скоропроходящими особенностями краткихъ промежутковъ времени, опредѣляющихъ тѣ или другіе тактическіе пріемы, она обнимала всю жизнь, использывовала всѣ силы страны, имѣла въ виду самыя разнообразныя стороны жизни и, объединяя ихъ единой мыслью, единой задачей, была разсчитана не на одинъ моментъ, а на цѣлую историческую эпоху. Но потому именно, что она была всеобъемлющей програмой и притомъ длительной, она не исключала возможности болѣе или менѣе частныхъ тактическихъ пріемовъ и развитія тѣхъ или другихъ частей общей програмы, усиленія или сокращенія ея отдѣльныхъ сторонъ, въ зависимости отъ даннаго момента. Сплошь и рядомъ такія отступленія отъ общей програмы требовали, какъ вылазки изъ осажденной крѣпости, особыхъ

---

1) Тамъ же, стр. 320.
2) Тамъ же, стр. 304.

усилій, особаго напряженія силъ, героизма и тѣ, кто могли итти на эти отступленія, шли на нихъ, а тѣ, которые не могли—оставались и, продолжая свою постоянную работу, дѣятельно содѣйствовали первымъ. Иногда эти вылазки получали крупное, выдающееся значеніе, но стоя на той же почвѣ, какъ и все дѣло, онѣ не измѣняли его сущности, и когда героическій моментъ проходилъ, дѣятельность всѣхъ силъ снова сосредоточивалась на общей программѣ и продолжала капля за каплей накоплять общее достояніе движенія.

Стоя на такой программѣ практической дѣятельности, Сергѣй Николаевичъ, разумѣется, не могъ быть ни почитателемъ послѣднихъ ученій гр. Л. Н. Толстого, ни поклонникомъ и проповѣдникомъ малыхъ дѣлъ „Недѣли“ и Я. В. Абрамова, какъ то сознательно или безсознательно желаютъ навязать ему нѣкоторые бывшіе его литературные сподвижники и товарищи.

Ученіе Л. Н. Толстого о самосовершенствованіи, о физическомъ трудѣ и проч. возникло много позже. Моральная сторона дѣятельности Сергѣя Николаевича была прямо связана съ народническими и соціалистическими теченіями шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и не только не находилась ни въ какомъ противорѣчіи съ этими теченіями, но прямо основывалась на нихъ. Указанное же ученіе Л. Н. Толстого появилось и расцвѣло уже во время реакціи восьмидесятыхъ годовъ и тѣсно было связано съ ней. Это былъ тотъ печальный періодъ въ нашемъ развитіи, когда „Недѣля“ и такіе ея сотрудники, какъ Я. В. Абрамовъ, настойчиво доказывали, что теперь „не время широкихъ задачъ“ и обширныхъ горизонтовъ, что нужно довольствоваться малыми дѣлами, т. е. мелкой культурной работой общаго характера. Гр. Л. Н. Толстой шелъ въ этомъ отношеніи еще дальше по пути реакціи: онъ не рекомендовалъ даже и малыхъ дѣлъ и соціальное переустройство ставилъ въ исключительную зависимость отъ моральнаго самоусовершенствованія отдѣльныхъ личностей. Созданные его послѣдователями колоніи интеллигентовъ, возникшія по времени гораздо позже колонія-общины Сергѣя Николаевича, были прежде всего скитами, убѣжищами для людей, удалившихся отъ суетнаго міра и углубившихся въ самоусовершенствованіе. Колонія же община Сергѣя Николаевича не только не укрывалась отъ міра, но существовала для него, предназначалась для того чтобы нести въ міръ то, что она создавала въ интересахъ обновленія соціальнаго строя. Будучи первой по времени извѣстной въ Россіи колоніей-общиной этого типа, она предшествовала и попыткѣ Энгельгардта создать интеллигентную деревню и попыткамъ послѣдователей Л. Н. Толстого насадить скиты для самоусовершенствованія. Она была задумана, какъ широкій соціальный опытъ, какъ школа для подготовки дѣятелей народно-

соціалистическаго дѣла, какъ образецъ новой общественной организаціи, какъ примѣръ не только для слѣпого подражанія, но и для активнаго распространенія идеальныхъ формъ человѣческаго общежитія. Она вся предназначалась для жизни, для борьбы, для окружавшей ея среды, для народа и дѣятелей среди него, а не для самодовлѣющаго прозябанія въ скитѣ и узкаго личнаго самоусовершенствованія.

Точно также и та созидательная, строительная культурно-органическая работа, проповѣдникомъ которой являлся Сергѣй Николаевичъ, была такъ же далека отъ малыхъ дѣлъ и абрамовщины, какъ далека община отъ скита. Пропаганда малыхъ дѣлъ прямо начиналась съ утвержденія, что теперь не время широкихъ задачъ и горизонтовъ, прямо вытекала изъ ихъ забвенія. Органическая же культурная работа Сергѣя Николаевича, наоборотъ, была непосредственнымъ результатомъ признанія этихъ задачъ и горизонтовъ, результатомъ проникновенія ими и глубокаго моральнаго подъема, неизмѣнно приводящаго къ неустанной и энергичной дѣятельности по осуществленію въ жизни элементовъ новаго соціальнаго строя. Вся эта работа, по ученію Сергѣя Николаевича, должна была освѣщаться однимъ общимъ идеаломъ, исходить изъ него и направляться имъ. Она должна была составлять самое сильное орудіе пропаганды, но не однимъ только словомъ, а и дѣломъ, жизнью и примѣромъ всего, что вело къ осуществленію идеала. Распадаясь и расчленяясь на главныя, второстепенныя и вспомогательныя теченія, она сливалась въ одномъ общемъ направленіи, созидательной мощи котораго не могли уже противустоять элементы стараго строя.

Сергѣй Николаевичъ былъ не единственнымъ представителемъ этого строительства въ народническомъ и соціалистическомъ движеніи семидесятыхъ годовъ. Дѣятели ихъ, разумѣется, помнятъ, что во все время движенія въ народъ, въ деревню шли не одни только пропагандисты, но и такіе представители этого движенія, которые, не будучи увѣрены въ возможности или плодотворности пропаганды словомъ и книгой, имѣли въ виду и органическую культурную работу въ народѣ. На этой работѣ остановились и нѣкоторые убѣжденные пропагандисты, послѣ того, когда жизнь указала имъ на невѣрность избраннаго ими пути. Въ качествѣ народныхъ учителей, волостныхъ писарей или вообще опростившихся интеллигентовъ, они не только работали надъ поднятіемъ общей сознательности въ населеніи и увеличеніемъ его благосостоянія, но и пытались ввести въ жизнь отдѣльныя начала будущаго строя. Въ ихъ средѣ возникла мысль о школьныхъ земельныхъ надѣлахъ, входящихъ въ составъ сельскихъ поземельныхъ общинъ; они пытались осуществить земледѣльческія и промышленныя артели, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и колоніи-общины; они организовывали

сельскія мірскія предпріятія, общественныя аренды, общественный сбытъ продуктовъ, земскую школу, медицину, земскую статистику и т. п. Правда, реакціонный гнетъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ не давалъ возможности развернуться этому теченію народно-соціалистическаго строительства, но оно существовало и несомнѣнно оставило въ массѣ населенія замѣтные слѣды. Оно существуетъ и теперь и готовитъ почву для лучшаго будущаго русскаго народа. Къ нему начинаютъ обращаться въ настоящее время и дѣятели нѣкоторыхъ современныхъ партій, работающихъ въ области замѣны господствующаго соціальнаго строя новымъ.

При указанномъ общественномъ значеніи теченія въ пользу созидательной органической культурной работы по подготовкѣ и переустройству общественнаго строя, нельзя оставлять въ тѣни такого крупнаго представителя его, какъ Сергѣй Николаевичъ Кривенко, этого перваго народника-строителя, практически и теоретически, въ жизни и литературѣ, работавшаго надъ обоснованіемъ и развитіемъ этого теченія. Въ интересахъ послѣдняго, имъ было сдѣлано и написано много больше того, чѣмъ мы могли воспользоваться въ настоящей статьѣ, а потому къ его общественной и литературной дѣятельности намъ придется еще вернуться въ будущемъ. Мы были бы чрезвычайно благодарны лицамъ, располагающимъ матеріалами о немъ, если бы они сообщили ихъ намъ для использованія.

М. Слобожанинъ.

Изъ воспоминаній землевольца.

Петропавловская крѣпость.

Какъ только вышли мои тюремщики, я оглянулся кругомъ. Изъ полусвѣта стоявшей на столикѣ керосинной лампочки выплыли неясныя очертанія моей унылой, неуютной камеры. Какъ пусто! поистинѣ каменный мѣшокъ! Желѣзная кровать, привинченная къ полу и къ стѣнѣ, у кровати крошечный желѣзный столикъ, тоже привинченный. Вотъ и вся мебель. Желѣзо, камень, камень и желѣзо, все солидно и крѣпко. Въ правомъ углу у двери стульчакъ. На противоположной двери стѣнѣ небольшое четыреугольное, горизонтальное окно, точь въ точь какъ въ манежахъ, конюшняхъ и въ изоляторахъ многихъ домовъ для умалишенныхъ. Толстая желѣзная рѣшетка за окномъ; крошечная форточка. Подоконника нѣтъ: края желѣзной рамы сливаются съ поверхностью стѣнъ. Я подошелъ къ окну, сталъ на цыпочки, вытянулся, протянулъ руки вверхъ— напрасно! не могу достать даже до нижняго края рамы, а до форточки— куда мнѣ! Глазъ видитъ, да зубъ неймеѣтъ. Разочарованный, я отошелъ отъ окна. А какъ хотѣлось мнѣ впустить струю воздуха свѣжаго въ мою затхлую камеру!

Было еще очень рано. Куранты только-что пробили $^1/_2$ часа 9-го.

Я запахнулся въ свой халатъ и бросился на кровать. Лежу съ открытыми глазами и прислушиваюсь. Поразительная тишина.

Уснула ли уже ты, крѣпость, тяжелымъ кошмарнымъ сномъ? Или задумалась, страдалица, крѣпкой печальной думой?

Тишина обостряетъ всѣ органы чувствъ до нельзя, а особенно слухъ.

Чу! что это? Я настороживаюсь. Тукъ-тукъ! тикъ-тикъ-тикъ! отчетливо доходитъ до моего слуха: *два* равномѣрныхъ удара и *три* прерывистыхъ. А! это—сигналъ: „слушай!“ Въ отвѣтъ: *одинъ* отчетливый ударъ: стукъ! Это значитъ: „здѣсь!“ Затѣмъ съ стѣнъ, съ потолка и далеко-далеко откуда-то полились періодически повторяющіеся, ритмическіе, почти музыкальнаго оттѣнка, звуки. Проснулась крѣпость. Заговорилъ камень. Я

весь превратился въ слухъ. А звуки все льются, текутъ, покрывая другъ друга, прерывая одинъ другой,—настоящій живой потокъ мысли и чувствъ! Это товарищи-заключенные переговариваются между собою, дѣлятся новостями, развлекаютъ другъ друга, шлютъ привѣтъ и утѣшеніе слабѣющимъ и изнемогающимъ, ведутъ горячіе споры о вопросахъ программы и тактики, теоріи и практики. Здѣсь же, за этими каменными стѣнами, нерѣдко завязываются и болѣе интимныя отношенія: пары, никогда не видѣвшія другъ друга въ лицо, загараются взаимной любовью, сердце къ сердцу стремится, сердце сердцемъ сплавляется. А я все слушалъ и слушалъ. Міръ звуковъ всецѣло захватилъ меня. О чемъ они говорятъ, спрашивалъ я себя. Я азбуки тогда еще не зналъ, а потому я понять ничего не могъ, но чутьемъ, чувствами угадывалъ въ томъ или другомъ звукѣ то или иное душевное движеніе, то или другое настроеніе. Какъ волнуется вотъ этотъ мой товарищъ, сосѣдъ мой слѣва, какъ онъ кипитъ, весь негодуетъ, словно „въ гнѣвѣ своемъ чувствуетъ вполнѣ свою жизнь!“

Звуки у него оживаютъ подъ пальцами, вылетаютъ, кружатся вихремъ. А собесѣдникъ его, напротивъ, отвѣчаетъ спокойными, размѣренными, увѣренными ударами, словно этими ударами онъ хочетъ перелить ясность своей мысли и своего душевнаго настроенія въ взбунтовавшееся чувство своего безпокойнаго товарища. Я все слушалъ и слушалъ...

Я внезапно проснулся отъ пронизовавшаго меня до мозга костей холода, словно меня всего окуталъ сырой тяжелый туманъ. Въ первый моментъ я не могъ сообразить, гдѣ я. Я быстро сѣлъ на кровать и сталъ оглядываться кругомъ сонными еще глазами. Да гдѣ же я? не успѣлъ еще промелькнуть въ моей головѣ вопросъ этотъ, какъ сразу я пришелъ въ себя. Я улыбнулся и подумалъ: это мои дорогіе товарищи такъ убаюкали меня своей крѣпостной музыкой!

Въ первый разъ въ моей жизни я заснулъ такимъ мертвымъ сномъ, заснулъ не раздѣтый, какъ повалился съ вечера на кровать—въ халатѣ и туфляхъ. Обыкновенно я сплю такъ чутко и тревожно, что малѣйшій шорохъ будитъ меня, а тутъ—удивительное дѣло!—я всю ночь и не пошевельнулся.

Черезъ рѣшечетое окно видно было, какъ сѣрое, тяжелое, туманное январское утро ползетъ уже черезъ него, забираясь въ камеру сыростью и холодомъ. Я быстро сбросилъ съ себя халатъ, туфли и полѣзъ подъ одѣяло. Спать не хотѣлось, но нестерпимо холодно было. Этотъ предразсвѣтный холодъ заставляетъ дрожать каждую фибру вашего тѣла; кто разъ испыталъ его, никогда не забудетъ его.

Къ счастью, казенное сѣрое одѣяло было достаточно теплое, постель чистая и удобная—и я быстро согрѣлся. Я отъ физическаго удовольствія растянулся. Пріятно поваляться въ теплой постели и помечтать.

Я далъ волю моимъ мечтамъ. Вчерашній вечеръ всталъ предо мною во всѣхъ подробностяхъ. Какъ я въ присутствіи тюремщиковъ раздѣлся до нага, какъ одинъ изъ тюремщиковъ сдѣлалъ сзади меня быстрое движеніе, словно хотѣлъ что-то поднять съ пола, какъ я круто повернулся, сгорая со стыда и негодованія, и какъ тюремщикъ остался неподвиженъ, какъ статуя, словно ничего и не произошло. Я почувствовалъ, какъ краска стыда и негодованія снова залила мое лицо.—„Къ чорту ихъ, этихъ мерзавцевъ, не стоитъ и думать о нихъ!“ Мысли мои направились въ другую сторону.

— „Какъ они ловко перестукиваются,—думалъ я,—чистая музыка! Когда же я научусь такъ стучать? Не дошлый я человѣкъ по этой части, врядъ ли дойду я до такого совершенства! А необходимо, необходимо! Вѣдь это перестукиваніе, это—живая рѣчь, сама жизнь, трепещущая и бьющаяся въ этомъ каменномъ мѣшкѣ!“ Предо мною встали дорогіе образы милыхъ моему сердцу товарищей-землевольцевъ, томящихся здѣсь вотъ ужъ безъ малаго два года,—образы Ольги Натансонъ, Оболешева, Адріана Михайлова, Л. Буланова и друг. „Гдѣ они сидятъ? въ какихъ камерахъ? Знаютъ ли они, что я здѣсь недалеко отъ нихъ, что сердце мое такъ тянется къ нимъ? Сегодня же непременно узнаютъ,—какъ-нибудь дамъ имъ знать!“ порѣшилъ я въ моихъ мысляхъ.—„А гдѣ мои чернопередѣльцы? здѣсь ли они или еще въ III-мъ Отдѣленіи?“ Мысли мои внезапно оборвались рѣзкимъ и непріятнымъ шумомъ, раздавшимся съ коридоровъ.

Это крѣпостная челядь взялась за свою дневную работу: заскрипѣли сапоги, зашуршали швабры, гулко раздаются рѣзкіе окрики: „пошевеливайся!“ Изъ-за угла моей камеры до слуха моего доходитъ равномѣрный топотъ идущихъ въ шагъ людей, доносятся отрывистыя невнятныя слова, явственно слышится взмахъ ружья на плечо. Это смѣнилась внутренняя стража въ крѣпости. Еще 5—10 минутъ: и ключъ съ шумомъ поворачивается въ замкѣ, тяжело падаетъ болтъ, широко растворяется дверь, и молодой человѣкъ въ сѣрой курткѣ, самъ съ поношеннымъ сѣрымъ лицомъ, въ сопровожденіи надзирателя, появляется въ камерѣ, торопливо направляется къ стульчаку, подымаетъ крышку, вытаскиваетъ ведро и, не глядя по сторонамъ, такъ же быстро исчезаетъ, какъ появился. Лампа тутъ же по пути уносится надзирателемъ.

Я остался въ полусвѣтѣ. Отъ камеры повѣяло еще большей запущенностью. Мнѣ надоѣло лежать. Я поднялся съ постели, умылся, освѣ-

жился и пустился ходить взадъ и впередъ по камерѣ. Это старая моя привычка, когда меня охватываетъ какая-нибудь дума или встревожитъ какое-нибудь обстоятельство.—„А когда пьютъ здѣсь чай? подумалъ я,— да даютъ ли еще здѣсь чай? Ужасно чаю хочется! освѣжиться бы!“

Я продолжалъ ходить по камерѣ, хотя вначалѣ это не особенно удобно было для меня: туфли дали большія, не по моей ногѣ, халатъ длинный-предлинный, онъ волочился у меня на полу, путался между ногъ и мѣшалъ свободно двигаться. Но голь на выдумки хитра. Въ числѣ необходимыхъ принадлежностей моего крѣпостного костюма оказалась какая-то бѣлая косынка—не то шейный, не то носовой платокъ.

Я превратилъ его въ поясъ, которымъ высоко подвязалъ халатъ, шлейфъ, такимъ образомъ, былъ уничтоженъ, а къ туфлямъ я какъ-то приспособился. Смѣшонъ я, должно быть, былъ въ этомъ костюмѣ, да ничего не подѣлаешь. Что я дѣйствительно смѣшной былъ, это мнѣ передалъ стукомъ 2—3 недѣли спустя Александръ Квятковскій. Его вывели какъ-то на прогулку, онъ проходилъ какъ разъ мимо моей камеры и, воспользовавшись оплошностью надзирателя, отдернулъ створку съ „іудушки“ (продолговатая щель въ дверяхъ, задѣланная стекломъ и прикрытая снаружи желѣзной створкой) и заглянулъ ко мнѣ.

Справившись съ моимъ костюмомъ, я почувствовалъ себя свободнѣе. Я много-много разъ подходилъ къ моему окну, подымался-подымался, но ничего не могъ увидѣть—хоть бы клочекъ неба!

Куранты пробили 8 часовъ. Снова повернулся ключъ въ замкѣ, тяжело раскрылась дверь и въ камеру вошелъ надзиратель съ чайникомъ, кружкой и трехъ-копѣечной розанкой. Молча онъ все поставилъ на столикъ, молча и важно вышелъ вонъ. Ключъ снова поварачивается—только въ противоположную сторону, болтъ съ шумомъ накидывается, припирая плотнѣе дверь. „Сиди, голубчикъ, смирно и не рыпайся!“—сказалъ я самому себѣ въ поученіе и съ жадностью, словно я никогда чаю не пилъ, набросился на это „зелье“. Чай показался мнѣ удивительно вкуснымъ, главное—онъ былъ горячій, а я утромъ безъ чаю—не человѣкъ совсѣмъ: чай освѣжаетъ меня, успокоиваетъ, тонизируетъ меня, говоря медицинскимъ языкомъ. Напился чаю—хорошо! Захотѣлось курить. „Хоть бы одна папиросочка, хоть бы окурочекъ! Ровно ничего. Все забрали вчера съ моей одеждой, а въ карманѣ у меня было нѣсколько штукъ. Дадутъ ли курить. Потерпимъ!“—думалъ я, снова предпринявъ путешествіе отъ дверей до противоположной стороны камеры.

Я подошелъ къ окну, снова задралъ голову вверхъ и искалъ неба— и, о чудо! — съ праваго угла рамы на меня выглянулъ клочекъ неба въ видѣ прямоугольнаго треугольничка. Я такъ и присосался къ этому тре-

угольничку. Весною и лѣтомъ, въ ясные солнечные дни, этотъ треугольникъ ласкалъ мой взоръ своей мягкой нѣжной синевой.

Крошечный отрѣзокъ неба, а все-таки небо.

Когда я стоялъ у окна, надъ самымъ моимъ ухомъ неожиданно раздался энергичный сигналъ. Сосѣдъ вызываетъ меня. Онъ, очевидно, хочетъ знать, кто въ сосѣдней камерѣ—„гость" или старый обыватель. Я подошелъ къ стѣнѣ и робко, какъ начинающій читать или писать школьникъ, отвѣтилъ ударомъ. На встрѣчу мнѣ посыпался рядъ ударовъ. Я совсѣмъ растерялся, ничего не понялъ, невѣжливо перебилъ моего собесѣдника и сталъ *числами*, по порядку слѣдованія буквъ въ алфавитѣ, выстукивать свою фамилію. Мой собесѣдникъ терпѣливо меня слушалъ и понялъ. Я обрадовался. Я спросилъ его фамилію, послѣдовалъ отвѣтъ: „Ковалевъ или Яковлевъ" (хорошенько не разобралъ). Сосѣдъ мой оказался въ карцерѣ. Онъ мнѣ сообщилъ, кто мой сосѣдъ внизу (Арцыбущевъ), кто надо мною вверху (Александрова и Пьянковъ). Я попросилъ его передать моимъ товарищамъ мой привѣтъ, что онъ исполнилъ съ поразительной ловкостью.

Повторилось сейчасъ то, что наканунѣ я услышалъ въ *первый* разъ въ моей жизни, но въ еще болѣе живой яркой формѣ: въ одно мгновеніе ожили и заговорили стрѣнки, потолки, полы, двери, словно какой-то волшебникъ вдохнулъ въ нихъ жизнь и даръ слова. Я слышалъ, какъ сигналы съ поразительной быстротой, словно по телеграфной проволокѣ, передавались изъ одной камеры въ другую, изъ одного этажа въ другой. Пауза. Снова раздается рѣзкій сигнальный ударъ въ правую стѣну, со стороны карцера. Я подошелъ и приготовился слушать.—„Всѣхъ оповѣстилъ!"—весело простучалъ мнѣ Яковлевъ—научитесь стучать по нашему—вотъ какъ!".

Я давно и съ большимъ напряженіемъ слушалъ наглядный урокъ выстукиванія и схватилъ таки суть азбуки. Мудренаго въ ней ничего не было. Я вспомнилъ, какъ еще зимою 1877—78 г. меня обучалъ этой азбукѣ мой старый пріятель, нынѣ покойный Н. А. Литошенко, какъ онъ весьма наглядно простучалъ цѣлый небольшой діалогъ примѣнительно къ тюремному режиму. Я тогда легко усвоилъ эту мудрость, но на волѣ, само собою, совершенно забылъ ее. Теперь оно все вспоминалось. Я присѣлъ къ своему столику и вычертилъ ногтемъ едва-едва замѣтную на стѣнѣ требуемую алфавитную табличку. Я несказанно обрадовался. Это вполнѣ согласно съ тѣмъ, чему меня сейчасъ училъ любезный Яковлевъ. Я легъ на кровать и сталъ зубрить, какъ школьникъ азбуку, имѣя передъ своими глазами для контроля табличку на стѣнѣ.

Спустя 3—4 дня я уже совершенно овладѣлъ азбукой и переговаривался,—правда, съ большими еще пробѣлами,—съ моими сосѣдями внизу

и вверху, а черезъ нихъ и съ далекими отъ меня товарищами. Какъ я былъ радъ, когда Александрова передала мнѣ привѣтъ отъ Ольги Натансонъ съ сердечнымъ пожеланіемъ, чтобы я не скучалъ. Потомъ пошли поклоны и привѣты и отъ другихъ товарищей землевольцевъ. Я благословлялъ въ крѣпости эту милую, хорошую и сердечную Александрову. Пока она сидѣла надо мною, я былъ въ курсѣ дѣлъ. Отъ нея первой я узнавалъ всѣ новости, она же служила связью между мною и моими товарищами, какъ землевольцами, такъ и чернопередѣльцами. Александрова чуть ли не въ первую же недѣлю сидѣнія моего устроила мнѣ, такъ сказать, интервью съ Пьянковымъ, предупредивъ меня, что послѣдній хочетъ со мною говорить, и чтобы я готовился слушать. Я, конечно, несказанно обрадовался. Пьянковъ сообщилъ мнѣ подробности ареста нашей чернопередѣльческой типографіи; отъ него же я узналъ, что при арестѣ Квятковскаго у него найденъ планъ Зимняго Дворца; что Гольденбергъ выдаетъ; что Ольга Натансонъ очень больна и ее не надо тревожить стукомъ; что дѣло ея и товарищей будетъ скоро разбираться и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, благодаря Александровой, я скоро вошелъ въ общеніе съ моими товарищами. Но это не обошлось мнѣ даромъ. На 7-й или 8-й день пребыванія моего въ крѣпости я стоялъ у стѣны и перестукивался съ кѣмъ-то изъ моихъ сосѣдей. Это было ужъ поздно вечеромъ. Вдругъ быстро открывается дверь и въ камеру вошелъ смотритель крѣпости, Богородскій, въ сопровожденіи двухъ надзирателей. Удивительно ловкій народъ эти тюремщики: когда имъ нужно накрыть свою жертву, они проникаютъ почти неслышно въ камеру.

— „Вы стучали?“ рѣзко спросилъ смотритель.

— Стучалъ! ну, такъ что?

— „Пойдемте!“ Мы вышли изъ камеры, впереди меня Богородскій, позади двое надзирателей, поднялись быстро на 2-й этажъ, повернули за уголъ и вошли въ первыя открытыя двери. Не успѣлъ я оглянуться, какъ тюремщики вышли, дверь захлопнулась — и я очутился въ темнотѣ. Значитъ: карцеръ. Я пришелъ въ ярость и началъ стучать въ дверь кулаками, ногами во всю мочь. Стукъ гулко раздался по всему корпусу и мигомъ поднялъ на ноги ближайшихъ товарищей: застучали во всѣхъ сосѣднихъ камерахъ, возбужденіе мгновенно охватило всѣхъ, шумъ, гамъ повисли въ ночной тиши, превративъ бастіонъ въ настоящій Бэдламъ. Раздался свистокъ; торопливый, безпокойный топотъ людей, поднимающихся вверхъ по лѣстницѣ, бряцанье ключей, двери карцера съ шумомъ отворяются и въ карцеръ врывается смотритель въ сопровожденіи хорошаго десятка солдатъ.—„Что вы стучите? Если не перестанете стучать, мы наденемъ на васъ сумасшедшую рубашку!“ грубо проговорилъ Богородскій.

Не помню, что я отвѣтилъ ему, такъ какъ положительно находился въ какомъ-то изступленіи. Нѣсколько солдатъ (должно быть, надзиратели) накинули на меня рубашку, скрутили руки назадъ и уложили меня, какъ. малое спеленанное дитя, на матрацъ. Въ первый моментъ я было пробовалъ сопротивляться, но, конечно, эта была чисто дѣтская попытка: у дверей карцера, за дверьми въ коридорѣ стояла на готовѣ порядочная кучка солдатъ. Это вопіющее несоотвѣтствіе между размѣромъ моихъ личныхъ и заговленныхъ противъ меня силъ поразило меня, несмотря на мое возбужденіе, своей смѣхотворностью, и я воскликнулъ юмористически:— „ну храбрецы! на одного маленькаго человѣка чуть ли не цѣлую роту солдатъ вызвали!“ У смотрителя дрогнулъ усъ отъ едва сдерживаемой улыбки, а за дверьми кто-то фыркнулъ. Усмирители вышли, оставивъ меня въ сумасшедшей рубахѣ и темнотѣ. Ярость моя прошла. Мнѣ сдѣлалось совѣстно и стыдно. — „Изъ-за чего шумъ поднялъ и товарищей потревожилъ? Правда, это было *первое* физическое насиліе, совершенное надо мною въ жизни, притомъ совершенное такъ *неожиданно* и *предательски*.

Если бы смотритель меня предупредилъ, что онъ ведетъ меня въ карцеръ, то я бы такъ не потерялъ самообладанія. Нехорошо, что я пришелъ въ такое неистовство, главное изъ-за сущихъ пустяковъ". Я повелъ плечами, желая испробовать, на сколько сильно скрутили меня. Я почувствовалъ, что лѣвая рука моя поддается въ узлѣ, я сильно потянулъ ее разъ-другой и совсѣмъ вытянулъ ее, узелъ спалъ и я вытащилъ такъ же и правую руку. Плохо связали,—должно быть, только для видимости, для острастки.

Захотѣлось сильно спать. Я сталъ ощупывать на кровати, нѣтъ ли одѣяла—не оказалось! А тѣло мое совсѣмъ застыло. И холодно, и смерть какъ спать хочется! Я завернулся въ просторный мой халатъ, сверху накинулъ камзолъ (сумасшедшую рубашку), свернулся калачикомъ и уснулъ.

Меня разбудилъ рѣзкій свѣтъ, упавшій на меня черезъ открытую форточку двери со стороны коридора. Это они рефлокторомъ освѣтили карцеръ.

Надзиратель, взглянувъ на меня съ любопытствомъ, принесъ чай и булку.

Пока я пилъ чай, рефлекторъ освѣщалъ карцеръ. — „Это очень мило—подумалъ я—право же, не ждалъ я отъ нихъ такой любезности!“

Послѣ чая снова воцарился мракъ. Что дѣлать? Скучно! Ходить по карцеру неудобно. Я легъ на кровать и сталъ перестукиваться. Сосѣдъ отозвался.

„Кто стучитъ? Я назвалъ себя. — „Чѣмъ стучите? звукъ странный!“.

Я объяснилъ, что стучу туфлей по ножкѣ кровати.

— „Я вызову Буланова, слушайте!“—Чудесно! отвѣтилъ я, обрадовавшись.

Булановъ—старый товарищъ мой по „Землѣ и Волѣ“. Онъ сидитъ въ крѣпости съ осени 1878 года. Взятъ одновременно съ Ольгой Натансонъ, Оболешевымъ, Адріономъ Михайловымъ и проч. Въ крѣпости Булановъ, какъ и Оболешевъ, славился, какъ самый непримиримый, неуступчивый, отстаивающій каждую, такъ сказать, пядь своей независимости, непрерывными протестами и „бунтами“. Булановъ сидѣлъ наверху, во второмъ этажѣ Трубецкого бастіона, а потому я не имѣлъ возможности перестукиваться съ нимъ непосредственно.

Теперь я вверху, въ карцерѣ, чуть ли не рядомъ съ Булановымъ. Нѣтъ худа безъ добра. Не помню, какъ долго мы бесѣдовали, но этой бесѣды я не забывалъ долго и никогда не забуду. Булановъ старался, между прочимъ, всячески успокоить меня, онъ доказывалъ, ссылаясь на свой опытъ въ крѣпости, что эта мелочная борьба съ крѣпостнымъ начальствомъ страшно непроизводительна: утомляетъ и обезсиливаетъ. Онъ убѣждалъ меня, по мѣрѣ возможности, беречь свои силы, избѣгать ненужныхъ конфликтовъ, „быть философомъ“.

Я, конечно, и не думалъ спорить съ нимъ, но указалъ ему на то, что иное дѣло логика, иное настроеніе. Говорили о товарищахъ, вспоминали прошлое, заглядывали въ будущее. Такъ прошло почти все время до обѣда.

Снова была скинута форта въ двери, освѣщенъ карцеръ, пока не окончилъ обѣда. Обѣдъ полностью состоялъ изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и раньше.

— „Ну, съ такимъ карцеромъ, — подумалъ я, — можно еще помириться!“

Я просидѣлъ въ кацерѣ ровно десять дней. Скажу здѣсь попутно, что, спустя полтора-два мѣсяца, я снова попалъ въ карцеръ на десять дней, но ужъ безъ всякихъ съ моей стороны вспышекъ. А въ концѣ года, т. е. предъ переводомъ моимъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія, я опять-таки, въ *третій* ужъ разъ, снова брошенъ былъ въ карцеръ на десять дней. Такимъ образомъ изъ 12-ти мѣсяцевъ, которые я пробылъ въ крѣпости, я ровно *одинъ* мѣсяцъ просидѣлъ въ карцерѣ. Это для меня, пожалуй, и за глаза достаточно.

Предъ тѣмъ, какъ выйти изъ карцера, случилось одно обстоятельство, которое опять-таки, несмотря на то, что я далъ себѣ слово избѣ-

гать конфликтовъ, чуть не привело къ серьезному столкновенію съ крѣпостной администраціей.

Дѣло вотъ въ чемъ. Лежу я на кровати и смотрю въ темноту. Разговоры утомили меня. Вдругъ слышу прямо подъ моимъ ухомъ сигналъ, но нерѣшительный. Я отозвался, спрашиваю: „кто стучитъ?“ Вмѣсто прямого отвѣта вопросъ,—и опять-таки какой-то нерѣшительный, робкій вопросъ:

— „Гдѣ Ковальская?“ Я насторожился. Е. Н. Ковальская и Н. П. Щедринъ были, послѣ погрома чернопередѣльской типографіи и моего ареста, еще на свободѣ. Н. П. Щедринъ тогда предпринялъ съ террористами рѣшительныя мѣры противъ предателя Жаркова. И его, и Ковальскую розыскивали самымъ энергичнымъ образомъ. Неожиданный вопросъ моего сосѣда показался мнѣ очень подозрительнымъ —„Если спрашивающій товарищъ, то отчего онъ такъ неостороженъ, отчего не говоритъ со мною шифромъ? Наша азбука очень элементарна и извѣстна III-му Отдѣленію: подслушаютъ и узнаютъ, что я и говорящій со мною имѣемъ опредѣленныя отношенія къ Ковальской. Ужъ одно это непозволительно до поры и времени!“ Эти соображенія молніей пробѣжали въ моемъ мозгу и возбудили его.—„Какую Ковальскую? Какъ звали ее по имени-отчеству?“—допрашивалъ я своего сосѣда.—„Елисавета“—и запнулся. Слушаю. — „Ну!“ закричалъ я въ нетерпѣніи.

— „Говорятъ, она уѣхала,—не знаете ли куда?“ Какъ ужаленный, я бросился къ дверямъ и стукнулъ отчетливо нѣсколько разъ въ дверь. Форточка открылась, и появилась голова надзирателя.

— „Что надо?“—Позовите немедленно смотрителя, нужное дѣло! отвѣтилъ я, дрожа отъ волненія. Голова удивленно на меня посмотрѣла и, не говоря ни слова, захлопнула форточку. Меня снова охватило дикое возбужденіе, негодованіе, гнѣвъ. Я чувствовалъ, что колѣнки трясутся у меня, что весь я ужъ не свой и прислонился головой къ холодной двери карцера въ ожиданіи смотрителя.

Слышу подымающіеся вверхъ по лѣстницѣ шаги, шаги все болѣе и болѣе приближаются, вотъ они уже у моего карцера (а сердце такъ колотится въ груди, словно выскочитъ хочетъ!), двери съ шумомъ раскрываются, входитъ смотритель. Должно быть, на мнѣ лица не было, такъ какъ онъ спросилъ мягко:—„что вамъ угодно? что съ вами?“—Уберите немедленно отсюда шпіона, иначе буду стучать до послѣдняго издыханія моего! закричалъ я. Пара острыхъ глазъ впилась въ меня, усы задрожали.

— „Если здѣсь есть шпіонъ, то онъ и за мною слѣдитъ!“ послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ смотрителя. — Такъ вы его къ себѣ и возь-

мите!—завопилъ я, дрожа всѣмъ тѣломъ. „Хорошо!“ былъ короткій, но совершенно безсмысленный отвѣтъ, и Богородскій быстро вышелъ изъ карцера.

Не знаю, куда Богородскій дѣлъ шпіона, но больше меня этотъ джентельменъ не тревожилъ. Я сообщилъ объ этомъ товарищамъ и тѣ одобрили мое поведеніе.

Когда окончился срокъ моего ареста въ карцерѣ, т. е. на десятый день, меня перевели въ мою камеру. Это было послѣ ужина. Камера была натоплена, на столикѣ горѣла лампа, книга, табакъ находились въ томъ же порядкѣ, въ какомъ я ихъ оставилъ. Помню хорошо, какое чисто физическое чувство удовольствія охватило меня всего отъ этого тепла и свѣта. Камера мнѣ тогда показалась и уютной, и веселой. Какъ только тюремщики оставили меня, я бросился къ раковинѣ, чтобы умыться. Десять дней я не мылъ лица!

Освѣжившись, я бросился курить и почитать. Проснулась и потребность въ умственной работѣ. Тотъ, для котораго умственная работа превратилась въ *физіологическую* потребность, пойметъ, какъ велико было испытанное мною наслажденіе, когда книга снова, послѣ десятидневнаго умственнаго голода, очутилась у меня въ рукахъ. Товарищи меня пожалѣли и не тревожили въ этотъ вечеръ, и я зачитался за полночь.

Потянулись безконечно длинные, тусклые, сѣрые дни и ночи. Зимою день незамѣтно переходитъ въ ночь,—и ночь тянется несказанно темная, тяжелая, свинцовая. Лѣтомъ ночь поглощается цѣликомъ днемъ, особенно въ Петербургѣ,—и день волочится, какъ тяжелыя цѣпи на ногахъ, онъ васъ давитъ своимъ издалека-достигающимъ до васъ глухимъ шумомъ, онъ васъ раздражаетъ, дергаетъ своей мертвенной бѣлизной.

Весна и лѣто особенно глубоко врѣзались въ моей памяти. Зима прошла для меня почти незамѣтно. Это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что зимою я еще захватилъ *старый*, до-лорисъ-меликовскій режимъ: былъ комендантъ крѣпости, въ сущности не злой старикъ; былъ смотритель Богородскій, исполнительный формалистъ, но не фанатикъ формализма и службы; были тюремные надзиратели—какъ имъ полагается быть: вышколенные, но не ехидно-зловредные. Мы перестукивались, порою и заглянешь по пути на прогулку въ щелку къ товарищу—ничего! сходитъ благополучно! Надзиратель дѣлаетъ видъ, что ничего не было. Не надо только попадаться, а попался—„пожалуйте въ карцеръ!“ Это еще куда ни шло. Была жизнь, она, правда, теплилась чуть-чуть, угасала даже порою, но все-таки она билась, билась слабымъ пульсомъ. И этотъ пульсъ мы, заключенные, благодаря нашимъ обнаженнымъ нервамъ, чутко ощущали. И это, повторяю, была жизнь, и мы какъ-ни-какъ жили. Но вотъ къ намъ

является свѣтъ съ востока въ лицѣ графа Лорисъ-Меликова, воцаряется „режимъ сердца", и крѣпость буквально превращается въ склепъ для *за живо погребенныхъ*. Къ намъ нагнали жандармовъ. Падаютъ чай—жандармъ тутъ какъ тутъ; приносятъ обѣдъ, выводятъ на прогулку—вездѣ жандармъ и жандармъ! Жандармское око неукоснительно оберегаетъ васъ и днемъ, и ночью, и на яву, и во снѣ—повсюду и всегда. Перестукиваться нельзя. Пикнуть нельзя. Нельзя черточку провести на стѣнѣ, на книгѣ, на чайникѣ—Боже упаси!

Какъ-то разъ надзиратель—по ошибкѣ ли или нарочно, не знаю!—принесъ мнѣ чужой чайникъ, на немъ было вырѣзано ногтемъ или гвоздикомъ, или булавкой „Е. Фигнеръ". Мнѣ это бросилось въ глаза, и я съ истинымъ удовольствіемъ перечиталъ про себя это имя, вспомнилъ эту милую дѣвушку, ея чудное пѣніе. Я задержалъ чайникъ нѣсколько дольше обыкновеннаго. Это не ускользнуло отъ жандарма и на другой день, когда надзиратель принесъ мнѣ чайникъ, жандармъ вошелъ въ камеру и сталъ ко мнѣ приставать, почти напирая на меня, зачѣмъ я пишу на чайникѣ.

Я объяснилъ спокойно, что это чайникъ не мой, но жандармъ, нагло и въ упоръ глядя на меня, все напиралъ. Я отскочилъ въ сторону, еще одинъ моментъ—и чайникъ съ кипяткомъ оказался бы на лицѣ жандарма. Къ счастью, надзиратель (это былъ одинъ изъ самыхъ порядочныхъ надзирателей, суровый на видъ, но не пакостникъ) ловко выхватилъ у меня чайникъ и, дѣлая видъ, что разсматриваетъ его, проговорилъ рѣшительно: „вѣрно! это я по ошибкѣ чужой чайникъ принесъ!" Жандармъ, очевидно, провоцировалъ, искалъ скандала... А нервы такъ напряжены, натянуты, что самаго легкаго ужъ прикосновенья достаточно, чтобы вызвать взрывъ, вспышку, за которые порою приходилось прямо-таки краснѣть. Тяжело стало въ крѣпости при жандармахъ. Воцарилась поистинѣ мертвая тишина. Я ужъ не слышу больше надъ собою „воркованье голубковъ", какъ я назвалъ перестукиваніе Арцыбушева съ Александровой.

Ничего не слышно. Замерла крѣпость. Живые въ гробу.

Много лѣтъ прошло съ того времени, а я, какъ вспомню и теперь о томъ режимѣ, такъ жутко дѣлается. Весна. О, этой весны я никогда не забуду! Какіе сны, какіе кошмары,—Боже мой! Мнѣ порою казалось, я почти былъ убѣжденъ въ этомъ,—что они кладутъ въ пищу какіе-нибудь опіаты или гашишъ, или что-нибудь въ родѣ этого, порождающіе мучительно-яркія, болѣзненныя грезы. Какія грезы! дѣйствительность блѣднѣетъ предъ ними.

Помню одинъ такой сонъ, помню и никогда не забуду. Мнѣ снилось—нѣтъ! не снилось: я это живо и ярко ощущалъ!,—что за стѣной, у изголовья моего, поставленъ громадный насосъ. Я слышу, что за стѣной

этотъ насосъ накачиваютъ воздухомъ. Я чувствую, что насосъ какимъ-то образомъ соединяется съ моимъ тѣломъ и меня начинають накачивать воздухомъ. Я слышу шумъ напирающаго на меня воздуха, я чувствую, какъ этотъ воздухъ приподымаетъ и приподымаетъ меня все выше и выше...

Раздается страшный, дикій, оглашающій мертвыя стѣны моей камеры крикъ. Это я кричу. Я просыпаюсь, я дрожу всѣмъ тѣломъ, сердце готово выскочить изъ груди. Въ щелку глядитъ подлое око. Мнѣ нѣтъ до этого дѣла. Я сбрасываю подушку, подымаю матрацъ, ощупываю ножки кровати, изголовье, заглядываю подъ столикъ, ищу проволокъ, при помощи которыхъ, по моему убѣжденію, долженъ быть соединенъ электрическій насосъ въ печкѣ (кровать моя стояла у печки) съ моей кроватью. Ничего не нашелъ. Ощупываю печку; прикладываю ухо. Ничего не слышно. Я весь еще во власти сновидѣнія. Покрытый холоднымъ потомъ, я отошелъ немного въ сторону. Я схватился за голову. Что это со мной? Да въ умѣ ли я своемъ? Да вѣдь это сонъ, кошмаръ. Я пришелъ въ себя, а сердце все колотится и колотится. Глупое сердце, вѣдь это сонъ, ну, да сонъ! Я сталъ посрединѣ комнаты. Но откуда же этотъ сонъ? На меня повѣяло нѣжнымъ вѣтеркомъ изъ полуоткрытой форточки. Я глубоко вздохнулъ. Такъ вотъ откуда взялся мой страшный сонъ! Нѣжный, чуть-чуть ласкающій вѣтерокъ, легкое, едва уловимое осязательное ощущеніе превратилось въ моемъ разгоряченномъ мозгу въ цѣлый рядъ зрительныхъ, слуховыхъ, мышечно-осязательныхъ яркихъ представленій—въ *сновидѣніе*, въ *бредъ*!

Я взялъ со столика книгу и съ ея помощью, приподнявшись на цыпочки, закрылъ форточку. Куранты пробили три часа. Я низко опустилъ голову, поплелся къ своей кровати и легъ. Но сонъ ужъ отлетѣлъ отъ меня—My dream was past!

Я всталъ разбитый, развинченый, съ тяжелой головой, а тамъ, гдѣ полагается быть сердцу, лежалъ камень. Впечатлѣніе отъ кошмара не проходило еще: умъ, казалось, бодрствовалъ, но гдѣ-то далеко, въ глубинѣ зудило и ныло что-то неотвязчивое...

Были и другія сновидѣнія. Я не могу ихъ теперь припомнить. Я припоминаю только, какъ тяжело они ложились на мою душу, какъ они затуманивали мое мышленіе... Странныя были эти сновидѣнія: *они словно повторялись по нѣскольку ночей подрядъ*, но на *различныя варіаціи*. Это меня положительно мучило: мучило и во *снѣ* и на *яву*. Во снѣ меня тревожилъ вопросъ: „какъ же такъ? вѣдь я это уже разъ пережилъ, вѣдь это уже было?“ Я это хорошо помню. А на яву меня тревожило сознаніе *стереотипности* этихъ сновидѣній. Откуда эта стереотипность? Неужели мой мозгъ истощается, изнашивается, — такъ скоро? Нѣтъ живыхъ, реальныхъ впечатлѣній, кромѣ впечатлѣній изъ книжнаго міра и

изъ воспроизведенныхъ представленій запаса памяти, и мозгъ, *во время сна*, ужъ забилъ тревогу?! Мысль эта, какъ червь, точила мой мозгъ. Я всячески боролся противъ этого.

— „Это весна такъ дѣйствуетъ,—думалъ я,—это все она продѣлываетъ со мною эти пертурбаціи. Это не впервые со мною. Оно началось еще съ раннихъ отроческихъ и юношескихъ лѣтъ моихъ и тянется, съ нѣкоторыми послабленіями, и понынѣ". Передо мною понеслись мои гимназическіе и студенческіе годы. Весна. Природа ожила. Все ликуетъ. Oh, Ede! oh, Lonne! Oh, Luft! Отчего же у меня на душѣ такъ тяжело? Отчего я себѣ не могу мѣста найти? Откуда это томленіе, эта тревога, эта тоска?

Пришли годы возмужалости, годы зрѣлой мысли, жизнь не одну борозду провела по моей душѣ, а весною я опять-таки *тотъ* же: безпокойный, тревожный, мятущійся и тоскливый! *Парадоксальное* явленіе: весною жизнь творитъ, обновляется—отчего же *моя* жизнь весною тускнѣетъ и гаснетъ? Общее чувство жизни въ *природѣ* подымается, а мое, индивидуальное, чувство жизни, наоборотъ, понижается. Очевидно, я не могу приспособиться къ этому *переходному* моменту въ жизни природы, и эта недостаточная приспособляемость моя и выражается обыкновенно у меня *угнетеніемъ* чувства жизни. Такъ было раньше, такъ и теперь. Ничего особеннаго не случилось. Крѣпость и одиночное заключеніе только обострили это дѣйствіе весны—и только.

Какъ на волѣ я спасался отъ этого душевнаго гнета усиленной работой, такъ и теперь я рѣшилъ прибѣгнуть къ тому же цѣлебному средству. Я отдался чтенію. Трудно было сосредоточится сначала, трудно было овладѣть своимъ вниманіемъ,—тоска, давившая грудь, тормозила волю, но въ концѣ концовъ я все-таки вошелъ въ свою колею. Къ счастью, въ крѣпости давали читать. Правда, ничего почти новаго не оказалось, но и перечитывать старыхъ авторовъ было поучительно. Какъ я не просилъ, чтобы мнѣ дали каталогъ, но каждый разъ получалъ стереотипный отвѣтъ: „каталогъ не заготовленъ". Я по неволѣ и довольствовался тѣмъ, что мнѣ выдавалъ Богородскій. Не могу по справедливости пожаловаться: онъ доброе дѣло дѣлалъ, хотя, можетъ быть, и безсознательно.

За время пребыванія моего въ крѣпости я прочелъ отъ доски до доски „Отечественныя Записки" за 8 или 9 лѣтъ подрядъ. Здѣсь, въ крѣпости, окончательно опредѣлился мой взглядъ, какъ *семидесятника*, на этотъ журналъ, и этотъ именно взглядъ я изложилъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Землѣ и Волѣ". Я огромное наслажденіе испытывалъ, перечитывая или, лучше сказать изучая этотъ журналъ въ *хронологической* послѣдовательности на протяженіи почти десяти лѣтъ. Но особенно велика была

моя радость, когда въ числѣ принесенныхъ мнѣ книгъ оказался—кто бы вы подумали?—никто иной, какъ Марксъ, его „Капиталъ“. И случилось это *вдвойнѣ* неожиданно: во-первыхъ,—я ни коимъ образомъ не могъ предположить, чтобы въ крѣпостной библіотекѣ была эта столь гонимая въ то время книга, а во-вторыхъ, — когда мнѣ ее вручили въ руки, я развернулъ корешекъ и увидѣлъ обложку съ надписью „Соціальная наука“ Кэри. Я съ досадой швырнулъ книгу на столикъ и подумалъ:—вотъ скучище-то эту книгу здѣсь перечитывать!“.

Нѣсколько времени погодя, я все-таки взялся за эту книгу, сталъ небрежно перелистывать ее и—о, чудо!—что за знакомый, родной, можно сказать, шрифтъ? Передъ глазами промелькнули слова „товаръ“, „деньги“, выплыла и формула: „10 аршинъ сукна = 1 сюртуку“ „Да это Марксъ!“ чуть не воскликнулъ я вслухъ, охваченный глубокой радостью. Надо быть въ одиночномъ заключеніи, надо испытывать умственный голодъ, при больщихъ умственныхъ запросахъ, чтобы понять мою радость. На *волѣ* Марксъ произвелъ революцію въ моей головѣ, онъ на всю жизнь далъ мнѣ не только „хлѣбъ насущный“, но и „богатство“, больше котораго я не желаю. А здѣсь въ крѣпости, въ тяжеломъ одиночествѣ, Марксъ задалъ мнѣ настоящій пиръ, праздникъ для изболѣвшейся души моей: 10 или 12 дней жилъ я въ обществѣ этого геніальнаго мыслителя, этого великаго учителя и друга пролетаріата! Я благословилъ небо за эту милость и готовъ былъ поклониться въ ноги Богородскому... за его святое невѣжество!

Много лѣтъ спустя я услышалъ отъ В. Г. Короленка, что это же самое невѣжество нашихъ аргусовъ снова спасло отъ ихъ рукъ Маркса. Было это въ 80-ыхъ годахъ въ Вышневолоцкой пересыльной тюрьмѣ, гдѣ одно время находился В. Г. Короленко. Смотрителемъ этой тюрьмы былъ славный добрый старикъ по фамиліи Лаптевъ. Ниже я объ немъ скажу еще пару словъ.

При пріемѣ В. Г. Короленко въ тюрьму, Лаптевъ увидѣлъ у него „Капиталъ“ Маркса. Книгу надо было просмотрѣть. Лаптевъ взялъ „Капиталъ“ и сталъ его перелистывать. Ужъ одно заглавіе расположило простодушнаго Лаптева въ пользу книги „Капиталъ“!

У бѣднаго Лаптева, прослужившаго до сѣдинъ на казенной службѣ, не ахти какіе капиталы были. Далѣе онъ прочелъ: „товаръ“, „деньги“, „холстъ“, „аршинъ“.—„Ну, это книга практическая, можете взять съ собою, г. Короленко!“

Наступило лѣто. Потянулись длинные, душные, знойные дни и короткія бѣлыя ночи. Солнце никогда не заглядывало въ мою сыроватую камеру и лѣтній свѣтъ отливалъ сѣроватымъ — я бы сказалъ, — „труп-

нымъ“, цвѣтомъ. Попрежнему, было тихо, какъ въ могилѣ. Острая, весенняя тоска моя смѣнилась тупымъ чувствомъ тяжести, словно пудовикъ, вмѣсто сердца, лежалъ въ груди. Я читалъ, читалъ и читалъ, а сердце ныло, ныло и ныло. Устанетъ голова, зарябитъ въ глазахъ—и начнешь ходить, ходить по камерѣ. Нѣтъ! не ходить, а бѣгать, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Частенько я останавливался передъ моимъ окошкомъ и глядѣлъ на треугольный кусочекъ моего неба. Раньше я не былъ охотникомъ „мечтать при лунѣ“ и проч., да и небо мало меня интересовало, а теперь въ одиночествѣ этотъ прямоугольный треугольникъ пріобрѣлъ для меня какую-то особенную привлекательность: бывало, стою и смотрю и не могу насмотрѣться.

А дни, недѣли, мѣсяцы уходили, а съ ними капля по каплѣ—и мои силы, тѣлесныя и душевныя. Отъ меня, привычнаго къ анализу, этотъ медленный, постепенно надвигающійся процессъ увяданія, оскудѣнія моей психики не ускользалъ. *Одиночество и полное молчаніе.* Это—смерть для души. Только крѣпкіе душою выходятъ побѣдителями, но и ихъ побѣда нерѣдко—побѣда Пирра: они выходятъ искалѣченными и изуродованными на всю жизнь. *Такая* побѣда равносильна пораженію.

Я сталъ замѣчать, что со мною что-то неладное творится. Я много читаю, зачитываюсь даже далеко за полночь, читаю будто даже съ интересомъ, но въ головѣ ничего не остается, словно мои мысли и представленія просѣиваются черезъ рѣшето. Я пытаюсь отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ. Я ставлю себя въ положеніе оппонента и начинаю оспаривать какое-нибудь положеніе. Вопросъ мнѣ знакомъ. Раньше, бывало, я быстро оріентируюсь. Теперь не то. Мои мысли разорваны. Это даже не мысли, а какіе-то клочки мыслей, онѣ тусклы, сѣры. Словно снѣжинки въ воздухѣ, кружатся онѣ въ моей головѣ въ хаотическомъ безпорядкѣ, не фиксируются вниманіемъ, не кристаллизуются въ прочныя образованія. Пустѣетъ моя голова. Холодомъ меня обдаетъ при одной мысли объ этомъ. Я схватился за голову и крѣпко зажалъ ее въ рукахъ. Голова горяча, въ вискахъ стучитъ. Пустота въ головѣ, муть. Я заметался по камерѣ.

Надо попробовать писать. На бумагѣ мои мысли, можетъ быть, уложатся въ порядкѣ. Я не привыкъ систематично думать „въ головѣ“.

Надо позвонить и попросить бумагу и чернилъ,—можетъ, смилуются и дадутъ. Хочу идти къ звонку--и тутъ же забываю, дѣлаю другое, ненужное, или растерянный стою на одномъ мѣстѣ—безъ дѣла.

Полное разстройство координаціи въ поведеніи, соотвѣтствующее такому же разстройству въ мышленіи. Я не видѣлъ своего лица, но убѣжденъ, если бы посторонній взглянулъ на меня въ тотъ моментъ, то принялъ бы меня, если не за поврежденнаго совсѣмъ, то за человѣка расте-

ряннаго, сбитаго съ толку, спутаннаго,—однимъ словомъ, заблудившагося. Тревога, безпокойство, страхъ охватили меня. Стою почему-то у стѣнки окна и гляжу вверхъ на мой любимый треугольничекъ. Онъ сегодня отливаетъ особой нѣжной синевой или, можетъ быть, это мнѣ только кажется такъ.

Въ головѣ промелкнуло: „квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ катетовъ“. Фу, ты пропасть! что за неожиданно-дикая ассоціація! Усталъ мой мозгъ, усталъ! Представленія, мысли, ассоціаціи выбрасываются изъ него, какъ шлакъ изъ кратера.

Усталъ мой мозгъ, усталъ! Я сижу на кровати возлѣ столика. Голова, подпираемая лѣвою рукою, низко опущена. Изъ глазъ тихо-тихо льются слезы, обильно льются, по щекамъ, попадая на рукавъ, на обшлагъ халата. Въ первый разъ въ моей жизни я плачу.

Усталъ мой мозгъ, усталъ! Я почувствовалъ, какъ въ „іудушку“ предательски заглянуло око. Я подтянулся, высморкался съ шумомъ, симулируя насморкъ. Повернулся съ скрипомъ ключъ, щелкнулъ замокъ, вошелъ надзиратель съ запиской и карандашемъ.—„Выписка!“

Надзиратель пронзилъ меня глазами. Умные глаза у этого надзирателя, психологъ онъ, особенно по „бѣлой психологіи“ (выраженіе Щедрина) силенъ.

Хочу, между прочимъ, выписать лимонъ, а забылъ, какъ называется, ломаю голову—не могу припомнить! Потъ выступилъ на лбу—не могу вспомнить! А умные глаза надзирателя, словно пьявки, впиваются въ меня.

— „Ну, скажите, какъ это называется: желтаго цвѣта и кислое на вкусъ?“

Глаза тюремщика, попрежнему, пытаютъ меня. Въ нихъ нѣтъ злобы, нахальства или жестокости: это холодный взглядъ очковой змѣи.

— „Лимонъ!“ воскликнулъ я, наконецъ, обрадовавшись, и быстро передалъ записку надзирателю, чтобы скорѣй отдѣлаться отъ него.

Я опять одинъ. Случай съ лимонъ—пустяшный собственно случай! а меня онъ потрясъ до глубины души.—„Забыть такое слово, какъ лимонъ! Пожалуй, скоро и имя свое собственное забуду!“ На меня нашла тоска. Нехорошее это чувство, читатель! Его какъ будто всѣ знаютъ, но—прямо скажу!—и злѣйшему врагу своему не желаю я испытывать этого чувства. Не берусь его описывать, ибо оно неописуемо. Оно подавляетъ угнетаетъ, принижаетъ человѣка, а въ крайнихъ его проявленіяхъ—оно превращаетъ человѣка въ „машину“,—страшную, опасную, разрушительную и смертоубійственную.

Вотъ этого послѣдняго я пуще всего и боялся. Я хорошо зналъ, что временное забвеніе—явленіе физіологическое: случайный тормазъ, легко

самъ собою устраняющійся. Я вспомнилъ случай, приводимый не то Тэномъ, не то Карпентнеромъ, не то Рибо, объ англійскомъ ученомъ, хорошо владѣвшемъ нѣмецкимъ языкомъ и забывшемъ внезапно этотъ языкъ вслѣдствіе крайняго физическаго утомленія (послѣ продолжительнаго пребыванія въ рудникахъ или шахтахъ).

Все это я сознавалъ, но меня страшили эти періодически набѣгавшіе на меня, словно морскіе валы, припадки тоски, страха и ярости.

Чувство, это—стихія, взнуздать его не такъ-то легко, *сильное* чувство, *аффектъ*, это—лавина, разметающая все на своемъ пути. Все это я хорошо зналъ, хотя и не былъ еще тогда психіатромъ. Но, можетъ быть, именно потому, что я не былъ тогда психіатромъ, я такъ боялся всего этого. Есть явленіе, предъ которымъ самые смѣлые люди уступаютъ въ страхѣ: это—*сумасшествіе*. Недаромъ античная поговорка гласитъ: „кого Юпитеръ хочетъ погубить, у того онъ отымаетъ разумъ". Сумасшествіе—погуба, болѣе страшная, чѣмъ смерть. Такъ думалъ я тогда. И какъ человѣкъ, всецѣло предоставленный самому себѣ, въ одиночномъ заключеніи и „безъ языка", вѣчно съ самимъ собою, съ обнаженными нервами и изощренными чувствами,—я весь отдался, отчасти и помимо моей воли, кропотливому анализу моего душевнаго міра. *Я и мой міръ. Ничего посредственнаго*. Ужъ этого одного достаточно, какъ бы крѣпко не былъ построенъ человѣкъ, какъ бы великъ не оказался прежній его „опытъ",—ужъ этого одного, говорю я, достаточно, чтобы искалѣчить человѣка. Не говорите мнѣ объ исключеніяхъ,—о гигантахъ, о титанахъ! Бакунинъ былъ титанъ, а онъ боялся сойти съ ума въ одиночномъ заключеніи. Александръ Михайловъ былъ желѣзный человѣкъ—и онъ тоже боялся одиночнаго заключенія. Ничего, по глубокому моему убѣжденію, болѣе жестокаго не могъ придумать современный „человѣкъ-звѣрь". Отнять у человѣка жизнь—*величайшее звѣрство*—что и говорить!,—но *отнять у человѣка общество, себѣ подобнаго, медленно и систематически опустошать его душу, вытравливать все человѣческое—величайшее преступленіе, общественное* преступленіе. Мой, неповрежденный предразсудками, умъ не можетъ оправдать такой карательной мѣры. Да это не „кара", а „бѣлая психологія", по мѣткому выраженію Щедрина. „Одиночныя тюрьмы—*душегубки*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, они—*источники и разсадники душевныхъ заболѣваній, въ какой бы то ни было формѣ*. Говорятъ о „тюремномъ психозѣ".

Это не важно: *спеціальнаго* тюремнаго психоза нѣтъ,—*любой* можетъ развиться психозъ, по индивидуальности глядя.

Принесли мнѣ письмо отъ моей сестры, любимой сестры Лизы. Я давно ждалъ его. Одновременно съ этимъ предупредительно принесли ли-

стикъ почтовой бумаги, перо и чернило. Это значитъ: „отвѣчай на письмо и не задерживай полученнаго!“

И то, и другое, т. е. и полученное, и имѣющее быть отправленнымъ письмо сдаются крѣпостному начальству. Я набросился на письмо съ радостью. Оно и понятно. „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“. Читалъ и перечитывалъ письмо. Ничего особеннаго въ письмѣ не было,—да и не могло быть ужъ въ виду вмѣшательства третьяго лица,—но и пустяки даже, получаемые отъ близкихъ, пріобрѣтаютъ въ заключеніи большую цѣнность. Прочитавъ еще разъ письмо, сѣлъ за отвѣтъ.—„Дорогая, милая Лизочка!“—и стопъ машина: мысли мои разбѣжались во всѣ стороны,—ищи, лови ихъ! Хочу написать одно, а подсовывается совершенно другое, нѣтъ подходящаго слова, не наклевывается подходящее выраженіе, даже обычныя выраженія выжимаются съ трудомъ. Напишу одну-другую фразу—и смотрю въ одну точку. Я сталъ волноваться, я чувствовалъ, что изъ глубины души моей подымается что-то темное, накопляется раздраженіе, наростаетъ безпокойство...

Надо торопиться, вотъ-вотъ зайдетъ надзиратель и потребуетъ писемъ.

Наконецъ, кое-какъ письмо написано. Я вздохнулъ, словно ноша спала съ моихъ плечъ. Подумаешь, какая работа! Прежде такое письмо я написалъ бы самое большое въ 10—15 минутъ, а теперь я едва справился съ нимъ въ теченіе почти часа.

Я передалъ мои письма—письмо сестры ко мнѣ и мой отвѣтъ „по назначенію“, а съ ними я передалъ „по назначенію“ и часть въ теченіе часа бывшаго въ моемъ распоряженіи *чужого* міра. Я опять остался съ своимъ міромъ.

Радость, которую я испыталъ при полученіи письма, была тутъ же отравлена, окончательно отравлена сознаніемъ, что *я разучился думать*. Эта мысль властно захватила поле моего сознанія, сузило его, сосредоточивъ все мое вниманіе почти исключительно на ней *одной*. Настроеніе мое съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе безнадежно-мрачнымъ, порою неудержимо гнѣвнымъ, негодующимъ и ненавистническимъ. Но тоска и страхъ составляли, такъ сказать, *фонъ* этого настроенія. Я становился подозрительнымъ.

Раньше—зимою и весною—я не обращалъ вниманія на крѣпостной режимъ: попался, ну и сиди! А теперь всякая мелочь, малѣйшій шорохъ за дверьми, на лету пойманный взглядъ надзирателя, случайно пророненное имъ слово и т. д.,—все это стало пріобрѣтать для меня *особое* значеніе: это они шумятъ за дверьми, чтобы не давать мнѣ спать, эти они шушукаются, замышляя какую-нибудь пакость противъ меня.

Мнѣ принесли обѣдъ, и въ супѣ я нашелъ муху. Это они нарочито, чтобы мнѣ опротивѣла ѣда. На слѣдующій день уже двѣ раздавленныя мухи лежали *на* котлеткѣ. Это ужъ несомнѣнно дѣло ихъ рукъ.

Присматриваюсь. Пища не та теперь: раньше она была безукоризненная, а теперь отдаетъ какимъ-то весьма непріятнымъ привкусомъ.

Я потерялъ аппетитъ. Пересталъ спать. Куранты бьютъ часъ, два, три, а я въ полумракѣ (свѣтъ лампы раздражаетъ, и я опускаю огонь) бѣгаю по камерѣ. Я весь во власти *фантазіи*, — *распущенной*, *разнузданной*, *внѣ пространства и времени фантазіи*. Удивительно.

По мѣрѣ того, какъ умъ, мышленіе стали у меня оскудѣвать, фантазія, наоборотъ, стала пышно развиваться. Какіе-какіе только узоры, чаще всего яркіе, махровые, она не вырисовывала на оскудѣвшемъ мыслями полѣ моего сознанія! И разсказать страшно. За человѣка страшно дѣлается. Словно въ сказкѣ, я на коврѣ самолетѣ фантазіи уносился, бывало, далеко-далеко, все выше и выше надъ нашей юдолью скорбей и печалей,— нашей землей, въ міры, гдѣ раздается торжествующая пѣсня свободы! Случалось, фантазія до того овладѣвала мною, что терялись границы реальнаго, сознаніе дѣйствительности. Не надолго, но терялись. Что вы скажете о человѣкѣ, который въ глубокой тиши ночи, когда все объято сномъ, мечется въ сильномъ возбужденіи по своей камерѣ, въ своемъ каменномъ мѣшкѣ, съ высоко поднятой головой, съ широко раскрытыми, сверкающими глазами, энергично жестикулируетъ, словно собирается взлетѣть въ высь, улыбается, смѣется—улыбкою счастья, смѣхомъ побѣды?.. Куда-куда, бывало, не уносила меня моя больная фантазія!.. Народовольцы—террористы развертываютъ въ полномъ блескѣ свою разрушительную силу. Ударъ за ударомъ сыплются на голову растерявшагося совершенно правительства. Дрогнула вѣковая сила. Рухнули и пали стѣны Іерихона. Петербургъ въ рукахъ временнаго правительства. Народъ возсталъ. Чу! то море реветъ? то оно бѣшено катитъ свои волны, устремляясь на стѣны крѣпости?

Нѣтъ! то стотысячная толпа ринулась на крѣпость. Пушечная пальба. Дрожатъ стѣны крѣпости. Ликующіе крики: „Ура! Ура! да здравствуетъ свобода!“

Съ шумомъ раскрываются тяжелыя двери. Насъ выносятъ на рукахъ, высоко подымаютъ, чтобы показать насъ народу, изъ стотысячной народной груди вырывается одинъ крикъ: „свобода! свобода!“

Я очнулся, какъ отъ глубокаго сна. Голова горитъ, на лбу выступили большія капли пота, а сердце колотится, колотится...

Въ окошечко заглянулъ тюремщикъ...

Сцена мѣняется. Залъ суда. На скамьѣ подсудимыхъ А—нъ и то-

варищи. Масса публики, даже изъ провинціи наѣхало много народа. Судъ встревоженъ. Судъ оцѣпленъ войсками. Въ залѣ суда тихо. Будетъ буря. Подсудимые держатся спокойно, величаво-благородно. Взоры публики обращены на нихъ. Но особенно приковываетъ взглядъ публики маленькій человѣкъ, съ проникновенно-апостольскимъ взглядомъ. Онъ скажетъ рѣчь.

И рѣчь его, сначала тихая, прерывающаяся отъ глубокаго волненія все крѣпчала и крѣпчала, страстная, исходящая изъ самыхъ глубинъ сердца, она полилась огненнымъ потокомъ, сжигая въ пепелъ всѣ устои современнаго строя... Маленькій, худенькій, невзрачный, онъ, казалось, выросъ въ титана отрицанія, въ апостола свободы и всеобщей солидарности... Впечатлѣніе импонирующее. Публика очарована. Даже судъ, даже онъ поддался обаянію рѣчи.

Торжественно-величавая тишина. Судъ удаляется. Десять минутъ показались вѣчностью. — „Судъ идетъ!“ возвѣщаетъ судебный приставъ. Объявляется приговоръ. Всѣ оправданы.—„Подсудимые, вы свободны!“— объявляетъ предсѣдательствующій дрогнувшимъ голосомъ, смахнувъ предательскую слезу, выкатившуюся изъ выцвѣтшихъ глазъ его. Дрогнула зала отъ долго сдерживаемаго напряженія: апплодисменты, рукопожатія, слезы. Подсудимыхъ выносятъ на рукахъ. На улицѣ многотысячная, ликующая толпа. Войска въ почтительномъ молчаніи разступаются, давая дорогу подсудимымъ...

Я очнулся отъ непріятнаго рѣзкаго звука: треснуло стекло лампы отъ нагорѣвшаго фитиля. Словно сконфуженный, я подошелъ къ лампѣ и дунулъ на нее. За рѣшетку моего окна выглянуло тяжелое петербургское ноябрьское утро.

Трудно мнѣ было справиться съ моими фантазіями. Онѣ нерѣдко налетали на меня неожиданно, иногда по поводу прочитаннаго, обыкновенно ночью. А не спалъ я напролетъ цѣлыя ночи вотъ ужъ цѣлыя недѣли подъ рядъ, забываясь лишь 2-хъ—3-хъ часовымъ безпокойнымъ, тревожнымъ сномъ между 7—9 часами утра. Фантазіи по своему подрывали мое психическое здоровье. Пропитанныя насквозь яркимъ чувственнымъ тономъ, *положительнымъ* или *отрицательнымъ*—все равно, онѣ сильно волновали меня, подолгу держали въ крайне *приподнятомъ* или, наоборотъ, *угнетенномъ* состояніи. Такіе частые приливы и отливы эмоцій, съ ихъ полярно противоположными колебаніями, прямо губительны для душевной организаціи: онѣ легко нарушаютъ равновѣсіе психическихъ силъ, разслабляютъ стойкость и крѣпость души. Я всячески боролся противъ моихъ фантазій, но справиться съ ними не всегда я могъ. Онѣ, эти фантазіи, *выросли на почвѣ сильнаго психическаго истощенія, вызваннаго ближайшимъ образомъ одиночнымъ заключеніемъ, со всѣми его аттрибутами.*

Отсутствіе такого естественнаго, т. е. нормальнаго, необходимаго возбудителя, какъ *соціальная* среда, только служило источникомъ дальнѣйшаго роста и развитія фантазій. Говорятъ, что нищему и голодному нерѣдко снятся богатыя сокровища и лукуловскія трапезы.

Можетъ быть, это правда. Если это правда, то могу только сказать, что мозгъ — истинный дьяволъ, такъ какъ своими грезами онъ не обогатитъ ни на грошъ и не насытитъ ни на гранъ своего нищаго и голодающаго. При пробужденіи, положеніе нищаго и голоднаго представляется послѣднему еще болѣе безнадежнымъ и отчаяннымъ.

Такъ было и со мною, съ моими фантазіями. Пробуждаясь отъ нихъ, я оказывался еще болѣе нищимъ, болѣе голоднымъ, чѣмъ прежде. Вѣдь это муки Тантала. Если не ошибаюсь, Шиллеръ гдѣ-то говоритъ:—„Wage du zu träumen!“ Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ! Никакихъ грезъ, никакихъ фантазій! Дерзайте—мыслить, дерзайте—бороться! Это—*норма*, это—*здоровье*, это—*жизнь*! Грезы и фантазіи—болѣзнь и декадентство!..

Совершенно неожиданно для меня принесли въ камеру мое платье.

Что сей сонъ означаетъ? Вѣдь только вчера меня выводили на прогулку, сегодня какъ будто „не полагается“. Обыкновенно выводили меня на прогулку черезъ день, рѣдко два, на 15—20 минутъ. Я вопросительно взглянулъ на надзирателя.—„На свиданіе!“ была краткая реплика надзирателя, и онъ оставилъ меня одного. Я подпрыгнулъ отъ удовольствія. Увижу, наконецъ, свою сестру. Это она, милая, пришла,—кому же другому? Я наскоро переодѣлся. Я сталъ считать каждую минуту. Не сидится на одномъ мѣстѣ. Читатель, вѣроятно, пережилъ подобное душевное состояніе, а потому легко пойметъ мое нетерпѣніе.

Я забѣгалъ по камерѣ. А коварная фантазія, между тѣмъ, подстерегала меня и набросилась на меня во время. Какъ рада будетъ Лизочка.

Въ воображеніи моемъ мгновенно выросла такая картина. Мы бросаемся другъ-другу въ объятія—и замерли. Даже тюремщики были тронуты: застывшія физіономіи ихъ смягчились. Мы сѣли рядомъ. Я не выпускаю ея рукъ. Радость сковала намъ языкъ. Наконецъ, я заговорилъ — тихо, почти шопотомъ, но каждое слово, каждый звукъ мой проникаетъ въ душу. Я не о себѣ говорилъ. Что значитъ личное горе? Я о народѣ говорилъ, о *народномъ* горѣ...

— „Пожалуйте!“ раздалось почти надъ моимъ ухомъ. Я вздрогнулъ, круто повернулся — и пошелъ, полуобъятый еще міромъ грёзъ, за надзирателемъ. Какъ шли и куда шли—не помню. Помню только, что подня-

лись по какой-то лѣстницѣ вверхъ, вошли въ просторную переднюю. Вижу: Лизочка стоитъ въ сильномъ напряженіи. Я бросился къ ней, желая ее обнять—„нельзя!“, хочу руку ея взять—„не позволено!“. На мгновенье я окаменѣлъ. Потомъ все понялъ: съ высоты сладкихъ грезъ упалъ на землю... Я глядѣлъ нѣкоторое время на сестру молча... Я своего лица не видѣлъ, но на сестру страшно было смотрѣть. Мертвсно-блѣдная, она смотрѣла на меня, точно хоронила меня... Что-то неудержимо негодующее, глубоко обидное, дико-гнѣвное охватило меня—и я разразился—не помню чѣмъ,—можетъ быть, проклятіями, можетъ быть, ругательствами. Помню только, что что-то кричалъ, что отказался отъ свиданія. Меня быстро подхватили и спустили ловко, почти безъ грубаго насилія, внизъ.

Я взглянулъ вверхъ—мертвенно-блѣдное лицо Лизочки...

Я очутился въ большой комнатѣ. Да, это была комната, а не камера. Два большихъ окна, замазанныхъ черною краскою.

Въ первую минуту мнѣ показалось, что на стеклѣ выведены черепа и кости скелета. За рамой снаружи рѣшетка. Комната обита обоями. Кровать у лѣвой стѣны, столикъ. Я бросился съ бѣшенствомъ къ стѣнѣ и далъ сигналъ.

Раздался глухой звукъ, словно я ударилъ по мягкому. Я съ злостью сорвалъ обои—такъ и есть: войлокъ, толстый войлокъ, въ нѣсколькихъ слояхъ! Я отошелъ въ сторону смущенный, растерянный, подавленный. Я понялъ. Тихо, едва шевеля ногами, я блуждалъ по комнатѣ, всматривался въ каждую мелочь...

Принесли обѣдъ. Сверхъ ожиданія проснулся аппетитъ, и я набросился на ѣду съ чисто животной жадностью. Послѣ обѣда уснулъ. Не помню, какъ долго я спалъ. Проснулся со свинцомъ въ головѣ и камнемъ на душѣ. Убитое горемъ лицо Лизы снова промелькнуло въ моей головѣ. Вошелъ тюремщикъ и, не говоря ни слова, передалъ мнѣ книгу. Я живо схватилъ ее, раскрылъ:—„Смутное время. Т. І-й. Костомарова“. Съ благодарностью взглянулъ на надзирателя.

Я пробылъ въ этой комнатѣ, или, точнѣе, въ этомъ „изоляторѣ“, кажется, дней 8 или 10. При переводѣ обратно въ бастіонъ, Богородскій освѣдомился, желаю ли я имѣть свиданіе съ сестрою. Я отказался. Черезъ нѣкоторое время онъ опять пришелъ ко мнѣ съ этимъ же предложеніемъ, но ужъ отъ имени самого коменданта крѣпости (не могу сейчасъ припомнить его фамилію,—кажется, нѣмецкая). Я рѣшительно отказался.

Меня перевели почему-то въ другую камеру. Вывели на прогулку, а изъ прогулки сначала повели направо по коридору, потомъ налѣво въ

какой-то тупикъ. Камера оказалась болѣе мрачной и неуютной, чѣмъ первая. Подошелъ къ окну, взглянулъ вверхъ—треугольника моего не видать! Завидно стало—отняли-таки, мерзавцы и душегубы! Внизу подъ моей камерой были, должно быть, какіе-то подвалы. Лязгъ желѣзныхъ воротъ подвала рѣзалъ мнѣ душу. Новый поводъ для тревогъ, мученій и темныхъ подозрѣній. Кругомъ была страшная тишина, словно все вымерло. Временами мнѣ казалось, что слышу плескъ воды, удары волнъ.

Собственно, гдѣ я былъ тогда—не знаю. Камера по типу своему похожа на камеры Трубецкого бастіона, но она больше, да и окружающая обстановка, по скольку мнѣ удалось схватить ее на лету, не та. Гдѣ же я нахожусь и есть ли здѣсь люди еще, есть ли наши? Мертвая тишина.

Тоска, тоска, тоска... Мѣста себѣ не найду, хоть повѣсься!

Взглянулъ на потолокъ—крючка нѣтъ, да если бы и былъ, то высоко— не достану.

Вяло, едва передвигая ноги, волочусь по камерѣ. Останавливаюсь и стою долго на одномъ мѣстѣ. Все посматриваю на потолокъ, словно тамъ разгадка всего моего существованія. Тюремщики, должно быть, подсмотрѣли—и подсунули соблазнъ. Спустя одинъ-два дня, возвращаясь въ камеру съ прогулки, я замѣтилъ у нижняго края рамы, на высотѣ, до которой я могъ достать рукою, большой гвоздь. Я приподнялся и ухватился за гвоздь. Онъ оказался вбитымъ въ простѣнокъ желѣзной рамы. Не быть по вашему, негодяи! Коли вздумаю что-нибудь, то не по вашей указкѣ, тюремщики!..

Наступила длинная, безконечная ночь. Все метался въ постели. Сонъ не беретъ меня. Закрываю глаза. Вѣки давятъ на глаза. Непріятное ощущеніе. Не то вѣки отяжелѣли, не то глазныя яблоки выпираются извнутри чѣмъ-то. Свѣтаетъ, а я не сплю. Сонъ! сонъ! хоть полъ часа сна!.. Какъ будто начинаю засыпать. Какъ только я поймалъ себя на этомъ—сонъ отлетѣлъ отъ меня, совсѣмъ покинулъ меня!.. Я повалялся еще въ постели до 9 часовъ утра. Принесли чай, не шевельнулся.

Чортъ съ ними, не надо мнѣ ихняго чая!

Тяжелый день. Опять всю ночь не спалъ. Виноватъ Щедринъ. Послѣдняя часть „Семьи Головлевыхъ“, въ которой описываются послѣдніе дни Іудушки, потрясла меня до глубины души. Совсѣмъ не то впечатлѣніе, которое я получилъ отъ этого разсказа на волѣ. Мастерскою рукою художникъ набросилъ потрясающую картину душевнаго разстройства Іудушки,— все равно какого: дѣло не въ названіи, не въ формѣ! Сошелъ со сцены отживающій представитель отживающей общественной категоріи и сошелъ

чуждый не только всему новому, но и *чуждый самому себѣ*, т. е. душевно-больнымъ [1]). Я не могъ оторваться отъ этой семейной хроники. Сколько горя, сколько отчаянія! забытыя личности, вымороченныя существованія и, какъ заслуженный конецъ всего этого—сумасшествіе! Голова моя лихорадочно заработала. Невольно вспомнилъ Макаръ-Ругоновъ Золя. Та же тема, но какъ разработана Щедринымъ, какъ Золя? Геніальный сатирикъ-публицистъ, Щедринъ вскрываетъ мощною рукою художника глубины человѣческой души, возвышаясь порою отъ сатиры до высокой драмы, а Золя, „натуралистъ“ Золя... регистрируетъ и классифицируетъ.

Всю ночь я не спалъ, все думая о „Семьѣ Головлевыхъ“.

А пришелъ день—пришли усталость, разбитость, недовольство самимъ собою, недовольство и озлобленіе противъ окружающаго, страшная раздражительность и тоска, тоска, опять тоска...

Принесли чай, попробовалъ—и выплюнулъ: горько, безвкусно...

Я сѣлъ на кровать, ухватился руками за ноги, согнулся въ колѣнкахъ, склонилъ голову на колѣни и въ такой позѣ остался до обѣда. Принесли обѣдъ. Даже не дотронулся. Образъ Іудушки не оставлялъ меня.

Неужели и я могу дойти до подобнаго состоянія? Лучше смерть. Я вскочилъ съ кровати и энергично позвонилъ. Открылась форточка въ двери, показалась голова надзирателя, а сбоку его неизмѣнный жандармъ. Оба глядятъ молча, испытующе.—„Скажите смотрителю, чтобы прислалъ доктора!“

Молча выслушали и тоже молча захлопнули форточку. Я заскрежеталъ зубами. Жду часъ—другой. Слышу, подходятъ къ дверямъ. И дѣйствительно, въ камеру явился Богородскій и докторъ. Не могу теперь припомнить физіономію моего коллеги. Помню только, что это былъ довольно пожилой уже господинъ. Но одно хорошо запомнилъ и, вѣроятно, никогда не забуду. Это брезгливое выраженіе его лица, когда онъ смотрѣлъ на меня. Докторъ едва-едва дотронулся до моего пульса и, обратившись къ Богородскому, процѣдилъ:—„пустяки! дайте ему лавровишневыхъ капель!“

Я быстро повернулся въ сторону врача и... плюнулъ ему въ лицо.

Докторъ спокойно вытерся и сказалъ: „вы не бѣшеный: слюна ваша не заразительна!“

Такъ окончился визитъ доктора ко мнѣ и неудачная моя попытка воспользоваться его медицинской помощью.

Какъ только они вышли, я почувствовалъ жгучій стыдъ. Какъ это вышло? Вѣдь я думалъ поговорить съ нимъ по-человѣчески, вѣдь я его коллега, хотя и не дипломированный. Я хотѣлъ ему разсказать, какъ

---

[1]) Недаромъ умные римляне называли душевно-больного *alienus*, что значитъ *другой*, *чужой*: душевно больной становится *другимъ*, чуждымъ другимъ и самому себѣ, *личность его измѣняется*.

страдаю я отъ навязчивой мысли, что схожу съ ума, какая тоска меня грызетъ, какъ страшно мнѣ... И вдругъ такой конецъ! Я вспомнилъ глубоко оскорбительную и гнусную брезгливую мину доктора—и я снова вскипѣлъ: такъ ему и надо, по дѣломъ ему, бездушному! А внутренній голосъ нѣтъ-нѣтъ да шепталъ мнѣ:—„недостойно это, Осипъ, человѣка, не хорошо, не хорошо!“

Много воды утекло съ того времени, а это противное выраженіе лица крѣпостного врача не стерлось до сихъ поръ изъ моей памяти.

Не позабыто также и то оскорбленіе, которое я нанесъ врачу.

Кто виноватъ? Одного обезличила, обезчеловѣчила царская служба, другого—издергали, измучили и озлобили неволя и болѣзнь...

Любовь, всепрощеніе и долготерпѣніе. Прекрасныя слова. Когда я былъ юношей, они имѣли для меня глубокое значеніе. Теперь во мнѣ нѣтъ ни капельки любви. Злоба и ненависть кипятъ въ моей душѣ. Я ненавижу моихъ враговъ. Я ихъ всегда ненавидѣлъ.—„Любите своихъ враговъ“—Ненавидьте ихъ!—„Прощайте имъ!“—Истребляйте ихъ! Эта ненависть и злоба питаютъ меня теперь. Они даютъ мнѣ силу жить. Тоска убиваетъ меня, а злоба—спасаетъ. Не поддамся имъ. Я вскочилъ съ кровати и бросился къ стѣнѣ. Даю сильный и отчетливый сигналъ. Отвѣта нѣтъ. Стучу сильнѣе, тихо. Въ окошечко заглянулъ тюремщикъ. Я затрепеталъ.

Мигомъ полетѣла сброшенная съ ноги туфля въ окошечко, пронеслось вслѣдъ за этимъ и мое ругательство. Я продолжаю неистово стучать въ стѣны. Стукъ мой гулко раздается по камерѣ, а отвѣта нѣтъ, нѣтъ!

Неужели во всемъ корпусѣ и внизу, и вверху нѣтъ живой души?

Куда же это они меня запрятали? Не хочу здѣсь оставаться. Ни за что не останусь! Подбѣжалъ къ двери и сталъ стучать что есть силы.

Стукъ! стукъ! стукъ! Тихо. А! вы хотите, чтобы я дошелъ до бѣлаго каленія! Идетъ. Я готовъ. Я дико оглянулся, ища что расшибить.

Мерзавцы! все камень и желѣзо, желѣзо и камень. Я бросился къ стульчаку и съ шумомъ отбросилъ его крышку. Попробовалъ оторвать ее съ петлями—силъ не хватаетъ! Я съ остервѣненіемъ набросился на крышку и сталъ подбрасывать ее вверхъ и внизъ. Крышка, падая съ высоты на края стульчака, производила поистинѣ дьявольскій шумъ.

Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, оглушалъ меня самого и раздавался гулко по камерѣ и коридору. Возбужденіе мое все наростало. Я весь дрожалъ отъ волненія, а сердце готово было выпрыгнуть. Спящіе во гробахъ, просыпайтесь! Тукъ! тукъ! тукъ! Въ коридорѣ движеніе, бѣготня.

Съ шумомъ отворяется дверь, входитъ Богородскій съ тюремщиками и жандармами. Я продолжаю стучать.—„Перестаньте, что вы дѣлаете?"—Не останусь здѣсь, переведите въ другую камеру!

Пауза. Богородскій разъ-другой внимательно посмотрѣлъ на меня.

—„Хорошо! пойдемте!" Вышли изъ камеры, прошли небольшой коридоръ.—„Ну вотъ сюда!" Я вошелъ, быстро оглянулъ камеру и, объятый какимъ-то страхомъ, вылетѣлъ оттуда.—„Ни за что здѣсь не останусь! Кругомъ никого нѣтъ. Будете бить меня!"

—„Что вы? за что мы васъ будемъ бить?" Стоимъ въ коридорѣ.

Богородскій видимо что-то обдумываетъ. —„Ну пойдемъ!"

Двинулись мы снова по коридору, дошли до лѣстницы, поднялись вверхъ.—А! опять въ карцеръ!—подумалъ я—наплевать! насъ этимъ не удивишь!

Я не ошибся, открыли дверь. Карцеръ—только съ противоположной стороны, чѣмъ въ первые два раза.

Я самъ вошелъ въ карцеръ. Пощупалъ кроватъ—и свалился на нее въ полной прострацiи. Понемногу привыкъ къ темнотѣ. Всматриваюсь: на верху надъ самыми дверьми—небольшая фрамуга, пропускающая свѣтъ изъ маленькой передней, отдѣляющей карцеръ отъ общаго коридора. Я до того почувствовалъ себя разбитымъ, что лежалъ на кровати буквально какъ пластъ,—безъ движенія, безъ мысли, безъ желаній, безъ гнѣва и злобы. Часа два спустя открывается форточка въ двери и рефлекторомъ освѣщается карцеръ. Принесли обѣдъ. Я послалъ ихъ къ чорту. На другой день тоже, на третій—опять тоже.

Четыре дня не ѣмъ и не пью. Какъ нарочито приносятъ пищу, которая удивительно вкусно пахнетъ. Можетъ быть, это только кажется. *Никакого ощущенія голода нѣтъ.* Странно. Къ вечеру захотѣлось пить. Пересохло во рту, да и вкусъ отвратительный—сладко-гнилостный. Такой же запахъ изо рта—тошнотворный. По этому запаху, къ слову сказать, я узнаю теперь, что мои паціенты, душевно-больные, голодаютъ. Всталъ съ кровати и направился къ крану. Отвернулъ его—полилась красная, ржавая жижжа.

Гадость—пить нельзя! Въ головѣ что-то зашипѣло, я ухватился за раковину, чтобы не упасть. Держась за стѣну, какъ слѣпой, я добрался до кровати и упалъ на нее. Въ головѣ кипѣло, какъ въ котлѣ. Я растянулся на кровати. Не надо двигаться. Это сохранитъ мои силы. И я всѣ эти четыре дня лежма лежалъ. *Пятый день голодовки.* Лежу неподвижно. Если бы не холодъ въ видѣ озноба—ничего! можно терпѣть. Въ головѣ что-то трещитъ, словно что-то пергаментное растрескивается, лопается. Порою трескъ въ головѣ замѣняется лязгомъ—не цѣпей, а вагонныхъ бу-

феровъ. Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ доносится до меня въ этой тиши карцера, когда всѣ чувственныя воспріятія такъ обострены, отдаленнѣйшій лязгъ подвальныхъ желѣзныхъ дверей.

А это что? Раньше я этого не слышалъ. Пѣніе, хоровое пѣніе. Что за звуки!

Я совершенный профанъ въ пѣніи, музыкѣ, я ни одного, самаго элементарнаго мотива не могу запомнить. Но я, тѣмъ не менѣе, люблю музыку, а особенно пѣніе. Когда слышу хорошее пѣніе, оно уноситъ меня буквально въ надземный міръ,—міръ грезъ и фантазіи. Гдѣ это поютъ? Звуки льются ко мнѣ съ потолка. Настоящая опера. Ахъ, эти голуби на карнизѣ окна, они все воркуютъ и не даютъ слушать. Что это такое? Неужели галлюцинація слуха? Но почему въ такой сложной привлекательной формѣ? Какой мотивъ я тогда слышалъ—я тогда не зналъ и теперь, конечно, не могу сказать. Но это была опера, оперное пѣніе. Это продолжалось безъ перерыва почти весь пятый день. И оно меня сильно заняло. Въ этотъ же день и зрительный аппаратъ сталъ сильно пошаливать. Смотрю въ темное пространство. Вижу, какъ изъ мрака, приблизительно на разстояніи полутора—двухъ аршинъ отъ меня, что-то выплываетъ, сначала что-то расплывчатое, неясное, оно все движется ко мнѣ, наконецъ, остановилось какъ бы въ серединѣ карцера, такъ что рукою можно достать. Всматриваюсь: два большихъ подноса, точь въ точь такіе, какіе въ домѣ моихъ стариковъ были, они уставлены вазами съ вареньями и всяческими миндальными печеніями. Опять-таки тѣ варенія и печенія, которыя такъ артистически умѣла готовить моя крошка-мать и которыми она, бывало, меня угощаетъ на каникулахъ, гимназическихъ и студенческихъ. Оба эти подноса нѣкоторое время повисли въ воздухѣ, кружась, или точнѣе, плавая въ немъ, и исчезли, точно нырнули во мракъ.

Не скажу, чтобы на голодный мой желудокъ это явленіе подѣйствовало особенно пріятно. Оно меня порядочно таки помучило. Къ тому же выплыли „изъ задняго фона моего сознанія“ давнишнія отроческія и юношескія мои воспоминанія. Не смотря на ихъ наивную сладость, они, при теперешнемъ моемъ настроеніи, принесли съ собою и не мало горечи.

Я сталъ закрывать глаза, спряталъ, какъ страусъ, голову подъ халатъ.

Смотрю: ничего нѣтъ! Прекрасно. Опять гляжу въ темное пространство. Изъ противоположнаго праваго угла карцера что-то опять выдѣляется и движется ко мнѣ. Гляжу: одинъ большой мѣдный самоваръ, за нимъ другой, третій и т. д.,—сколько ихъ?—не могу сосчитать.

Они движутся ко мнѣ, подпрыгиваютъ въ воздухѣ, приближаются,

наклоняются, словно дѣлають мнѣ книксенъ. Что за чушь? Я отъ всей души расхохотался, громко расхохотался. Гляжу опять: ихъ слѣдъ и простылъ, провалились куда-то. Осталась лишь какая-то дымка, кисея, газъ. Что за диковина? что за незванные гости? откуда они? Положимъ, что я исколесилъ половину Россіи вдоль и поперекъ. Положимъ, не мало я разныхъ самоваровъ и самоварчиковъ наглядѣлся на постоялыхъ дворахъ и въ гостиницахъ. Но почему именно самовары удостоили меня своимъ вниманіемъ, а не что-нибудь другое? Удивительно. Спасибо вамъ, самоварчики, хоть разсмѣшили меня, а смѣхъ—бальзамъ для моей издерганной души! Были еще другія зрительныя *представленія* (я называю ихъ „представленіями", такъ какъ они даны *извнутри*, а не *извнѣ*, не соотвѣтствовали *реальнымъ*, *предметнымъ* впечатлѣніямъ), изъ нихъ я еще запомнилъ слѣдующее. Оно меня очень заинтересовало и сильно покоробило.

Не помню только, было ли это въ тотъ же *пятый* день голодовки, или наканунѣ. Смотрю въ темь. Вижу, какъ изъ мрака выступаютъ какія-то фигуры, неясныя, расплывчатыя, какъ и всегда. Фигуры колышутся въ воздухѣ, ближе и ближе подвигаются ко мнѣ. Ясная похоронная процессія. Впереди попъ, сѣдой, съ окладистой бородой и смѣшной маленькой косичкой, въ лиловаго цвѣта рясѣ. Я отвернулся съ досадою,—что за memento mori? Процессія торжественно прошла предъ моими глазами и исчезла. Я лишенъ всякихъ предразсудковъ, но это непріятное зрѣлище въ карцерѣ, во время голодовки, признаюсь, здорово таки передернуло меня всего. Откуда все это? Можетъ быть,—думалъ я,—это предвѣщаетъ не мою преждевременную гибель, а гибель тѣхъ или того, кто столько зла и неправды посѣялъ на землѣ?..

Въ 12 часовъ снова открылась форточка, блеснулъ свѣтъ отъ рефлектора, пришелъ надзиратель съ ѣдой. Въ послѣдніе два дня надзиратели аккуратно ставили дымящуюся пищу на откидную форточку и терпѣливо ждали 5—6 минутъ, испытывая мою рѣшимость и соблазняя мою волю. Это меня взбѣсило. Я приподнялся съ рѣшеніемъ встать и вылить горячее на голову надзирателя.

Взглянулъ и увидѣлъ высокаго, умнаго надзирателя, о которомъ я выше упомянулъ и который единственный изъ всѣхъ надзирателей не пакостилъ мнѣ. И я устыдился своего злого намѣренія. А надзиратель между тѣмъ, всунувъ свою голову, твердо, но тихо сказалъ:—„Пустое вы задумали, господинъ! Голодомъ вы себя не уморите, а здоровье свое погубите! Завтра придетъ докторъ и будетъ васъ клистиромъ кормить!" Постоялъ съ минуту и ушелъ. Мракъ послѣ освѣщенія еще пуще окуталъ меня. Я заскрежеталъ зубами. Не бывать этому! Не позволю я имъ насилія

надъ мною совершить! Никогда! никогда! Жить хочу и буду жить вамъ же на зло, мерзавцы! Я безсильно упалъ на кровать. Въ моемъ настроеніи круто произошелъ переломъ. Я почувствовалъ приливъ нравственныхъ силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшный, острый голодъ и еще большую жажду. Опираясь о стѣну, я обогнулъ карцеръ, подошелъ къ крану, выпустилъ воду въ большомъ количествѣ и съ жадностью припалъ къ холодной водѣ. Меня забила буквально лихорадка отъ внутренняго холода. Я вернулся тѣмъ же манеромъ къ кровати и свернулся калачикомъ. Въ желудкѣ поднялись страшныя боли. Животъ до того втянулся, что я прощупалъ рукою брюшную аорту и чувствовалъ ея біеніе. Изо рта вонь, пахнетъ дохлятиной. Скверно. Не могу дождаться вечера, ужина. Тяжело, очень тяжело! Можетъ быть, не слѣдовало бы воду пить. Какія спазмы и какой холодъ, внутренній холодъ! Хоть бы скорѣй вечеръ!

Дождался таки. Какъ услышалъ шаги надзирателя, какъ только открылась форточка и меня озарилъ свѣтъ, я, откуда у меня прыть взялась, бросился къ форточкѣ и съ жадностью съѣлъ ужинъ.

Голодовка прекратилась. Три или четыре дня спустя, меня вывели изъ карцера и привели въ свѣтлую камеру въ нижнемъ этажѣ. Въ камерѣ былъ Богородскій и еще какой-то военный, похожій на жандармскаго офицера. На кровати лежала моя одежда, а на полу мой чемоданчикъ.— „Одѣвайтесь!" кратко сказалъ Богородскій.

Я переодѣлся въ свое платье.—„А вотъ и ваши часы!" Какая радость! Мои серебряные часы, мои землевольскіе часы, которыми снабдила меня „Земля и Воля". Я ихъ не видѣлъ почти годъ.

Когда переодѣваніе мое окончилось, и я былъ уже въ пальто, жандармскій офицеръ, въ сопровожденіи Богородскаго и надзирателей, повелъ меня по какимъ-то ходамъ, имъ однимъ извѣстнымъ, наружу. Тамъ насъ ожидала карета и двое жандармовъ. Я сѣлъ въ карету рядомъ съ жандармскимъ офицеромъ, напротивъ—нижніе чины. Карета тронулась.

Прощай, Петропавловская крѣпость, прощай русская академія наукъ! Многому ты меня научила—на всю жизнь хватитъ! Проѣхали съ полпути. Куда же это они меня везутъ? Не удержался я и спросилъ. Лаконическій отвѣтъ:—„Въ Домъ Предварительнаго Заключенія!" Не мытьемъ такъ катаньемъ! подумалъ я.

Все равно. Вамъ же на зло буду жить!

Въ конторѣ Д. П. З. та же процедура „пріема", скучная, отвратительная.—„Вы грамотны?" спросилъ начальникъ Д. П. З.

Я насмѣшливо улыбнулся. Начальникъ въ амбицію:—„По паспорту вы—мѣщанинъ, есть мѣщане и неграмотные! Я сказалъ, что прошелъ 5 курсовъ въ Медико-Хирургической Академіи.—„Въ *вашихъ* бумагахъ этого

нѣтъ!“ На этомъ покончился нашъ первый разговоръ съ начальникомъ Д. П. З. Меня повели на верхъ, въ 3-й этажъ, оставили въ моемъ платье, оставили при мнѣ и мои часы. Это доставило мнѣ большую радость. Принялъ меня старенькій весь въ орденахъ надзиратель. Онъ на меня посмотрѣлъ какъ-то ужъ очень жалостливо. Должно быть, страшный видъ я имѣлъ, если тронулъ даже сердце тюремщика. А можетъ быть, это просто былъ доброй души человѣкъ.

Камера Д. П. З. очень маленькая. Описывать ее не стану.

Меня мучила страшная жажда. Захотѣлось чаю. Я позвонилъ. Пришелъ старичекъ. Добрые глаза, тихій голосъ.—Нельзя ли чайку?—„Поздно, господинъ! а есть у васъ чайничекъ и чай?“

Я отрицательно покачалъ головою.—„Какъ же быть? ужъ самъ не знаю!“ И онъ ушелъ, оставивъ во мнѣ смутную надежду, что безъ чая я все-таки не буду. И дѣйствительно. Спустя 10—15 минутъ добрый человѣкъ пришелъ съ чайникомъ, въ которомъ заварилъ *свой* чай.

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Напившись чаю, я попробовалъ пройтись по камерѣ. Ноги подкашиваются, слабость. Тянетъ въ постель. Хотя еще рано было, но я рѣшилъ лечь спать. Всю ночь не спалъ, несмотря на страшную физическую слабость. Безсонница доканаетъ таки меня, если это такъ дольше протянется! думалъ я съ грустью. Я не буду описывать пребыванія моего въ Д. П. З.

Продолжалось оно недолго—дней 8-10. Три или четыре дня спустя мнѣ объявили высочайшее повелѣніе о ссылкѣ меня въ Восточную Сибирь. И то хорошо. И тамъ люди. Имѣлъ разъ свиданіе съ сестрою. Хотя черезъ рѣшетку, но прошло оно очень оживленно. Рядомъ со мною въ клѣткѣ для свиданій сидѣлъ П. Приходко, и сестра умудрилась передать мнѣ отъ него привѣтъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующаго свиданія, какъ накануиѣ дня свиданія, вечеромъ, ко мнѣ неожиданно заявился надзиратель и велѣлъ собрать вещи мои. Куда это? подумалъ я встревоженный.

Я сошелъ внизъ въ контору, гдѣ меня наготовѣ ждали жандармъ и солдатъ. Исполнивши нѣкорыя формальности, меня, какъ вещь, сдали моимъ провожатымъ. Вышли. На улицѣ насъ ждала карета, и мы поспѣшно поѣхали по направленію кь Николаевскому вокзалу. Здѣсь насъ встрѣтила недремлющая полиція въ лицѣ полицейскаго надзирателя и 2—3 городовыхъ. Меня прямо, минуя вокзалъ, повели въ вагонъ 3-го класса, гдѣ мои провожатые усѣлись со мною въ укромномъ уголку вагона. Публика сначала заинтересовалась, но, встрѣтивъ молчаливый отпоръ со стороны стражниковъ, занялась своими разговорами. Поѣздъ тронулся.

Куда меня везутъ? Куда они хотятъ меня запрятать?

Въ душу снова закрались мрачныя подозрѣнія, темныя мысли. Я

закурилъ сигару. Жандармъ, долго глядя на меня, тихо попросилъ сигару. Я, конечно, съ удовольствіемъ далъ ему и также спросилъ его тихо, куда меня везутъ. Онъ мнѣ доброжелательно сообщилъ, что прямо въ Тверь, а оттуда въ пересыльную политическую тюрьму въ Вышнемъ Волочкѣ.— „Тамъ вамъ, господинъ, хорошо будетъ, не извольте безпокоиться!“ Ну, и слава Богу! Камень упалъ съ души. Неизвѣстность хуже всего.

Мы пріѣхали въ Тверь поздно ночью. Несмотря на поздній часъ, меня прямо повезли къ губернатору, на квартиру его.

Губернаторомъ въ Твери тогда былъ Сомовъ, старенькій ужъ господинъ. Сомовъ не заставилъ себя долго ждать. Спустя минутъ 10—15 я услышалъ скорые шаги, спускавшіеся съ верхняго этажа по лѣстницѣ. Я увидѣлъ, дѣйствительно, старика съ добродушной физіономіей. Онъ подошелъ ко мнѣ вплотную, освѣдомился, по какому дѣлу я привлеченъ, сообщилъ мнѣ, что въ Вышневолоцкой тюрьмѣ нѣтъ одиночныхъ камеръ, и что онъ надѣется, что тамъ я буду себя вести спокойно. И раскланялся. Старикъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Отъ губернатора меня ночью же отправили въ канцелярію губернатора съ приказомъ въ эту же ночь съ первымъ поѣздомъ отправить меня по назначенію. Въ канцеляріи, пока приготовили нужныя бумаги, меня угостили чаемъ. Очень мило. Какъ я не усталъ, но мнѣ очень пріятно было, послѣ годового почти молчанія, поговорить съ живымъ существомъ. Дежурный чиновникъ оказался очень любезнымъ и разговорчивымъ, а мнѣ такъ хотѣлось говорить. Кто долго молчалъ, знаетъ, какъ сильна и неудержима эта потребность. Говорили о политикѣ вообще. Чиновникъ заинтересовался, почему евреи принимаютъ такое живое участіе въ революціонномъ движеніи.

Я высказался насчетъ этого совершенно свободно. Но когда онъ съ черезчуръ нескрываемымъ любопытствомъ коснулся моего дѣла, я насторожился, и отвѣты мои стали лаконичными. Когда все было готово, мы отправились на желѣзнодорожную станцію.

Часу въ 6 или 7 утра мы прибыли въ Вышній Волочекъ, а оттуда на извозчикѣ въ тюрьму.

О. В. Аптекманъ.

Матеріалы для біографіи Николая Гавриловича Чернышевскаго.

Страшное имя Н. Г. Чернышевскаго долгое время было запретнымъ и недозволеннымъ въ печати, подобно тому какъ это было съ именемъ Бѣлинскаго. Хотя Бѣлинскій былъ дозволеннымъ цензурою критикомъ и публицистомъ, а не опаснымъ государственнымъ преступникомъ, какъ Чернышевскій, однако его имя находилось подъ спудомъ и подъ запретомъ въ печати цѣлыхъ 8 лѣтъ. Можетъ быть, и Бѣлинскій былъ бы признанъ такимъ преступникомъ, если бы преждевременная смерть не спасла его отъ этой чести, какъ это было и съ Добролюбовымъ. Въ 1855 г. Чернышевскій въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы" не дерзалъ или лучше сказать не имѣлъ физической возможности назвать имя Бѣлинскаго, о которомъ такъ часто говорится въ этихъ „Очеркахъ". Въ первыхъ статьяхъ „Очерковъ" онъ принужденъ былъ говорить о Бѣлинскомъ иносказательно и околесно. Напр., „Критика 1840—1847 годовъ... одна достойна того, чтобы называться критикою гоголевскаго періода нашей литературы; пусть же, за *отсутствіемъ* (!) собственнаго имени, это названіе будетъ для нея собственнымъ именемъ". Въ другихъ мѣстахъ онъ называлъ его „авторомъ статей о Пушкинѣ", „человѣкомъ, который былъ органомъ этой критики, и т. п. И только въ статьѣ, появившейся въ іюльской книжкѣ „Современника" 1885 г., было напечатано, что собственное имя этой критики есть Бѣлинскій.—Чернышевскій—другое дѣло. Онъ не только дозволенный цензурою критикъ и публицистъ, но еще опасный государственный преступникъ, долговременный каторжникъ, и потому по всей справедливости имя его нужно было держать подъ спудомъ и подъ замкомъ еще дольше, чѣмъ имя Бѣлинскаго. И дѣйствительно, о Чернышевскомъ долгое время говорилось въ печати такъ, какъ онъ говорилъ нѣкогда о Бѣлинскомъ. *За отсутствіемъ собственнаго имени* и его называли то „авторомъ очерковъ гоголевскаго періода", то „авторомъ полемическихъ красотъ", то „переводчикомъ и комментаторомъ Милля" и т. п. Только по случаю его

смерти его собственное имя появилось въ печати на короткое время. И послѣ этого его имя иногда упоминалось въ печати, но непремѣнно съ порицаніемъ и хулою. Въ 1892 г. изданы были „Очерки гоголевскаго періода русской литературы“; но цензура не дозволила напечатать, кто былъ авторомъ этихъ очерковъ и несвѣдущіе въ дѣлѣ читатели только по тому, что очерки были изданы М. Н. Чернышевскимъ, должны были догадываться объ авторѣ ихъ. Въ 1893 г. были изданы невиннѣйшія статьи Н. Г. Чернышевскаго подъ заглавіемъ „Критическія статьи“ и столь же невиннѣйшія статьи его подъ заглавіемъ „Эстетика и Поэзія“. Но кто авторъ этихъ статей—тоже нельзя было напечатать и объ этомъ тоже слѣдовало догадываться по имени издателя М. Н. Чернышевскаго. — Затѣмъ въ 1894 г. были напечатаны его „Замѣтки о современной литературѣ“ тоже безъ имени автора. И только въ текущемъ XX вѣкѣ, послѣ того какъ объявлена была, такъ называемая, *весна* и началъ трескаться ледъ, сковывавшій освободительное движеніе, явилась возможность въ 1905 г. объявить печатно объ изданіи полнаго собранія сочиненій Николая Гавриловича Чернышевскаго, и въ этомъ же году былъ изданъ одинъ томъ, VII, содержавшій въ себѣ переводъ Политической экономіи Милля съ комментаріями и примѣчаніями переводчика. Такимъ образомъ имя Чернышевскаго перестало быть запретнымъ и неудобосказуемымъ въ печати только черезъ 16 лѣтъ послѣ смерти его носителя, т. е. получило право гражданства въ литературѣ, да и то только явочнымъ порядкомъ, черезъ вдвое большее число лѣтъ сравнительно съ именемъ Бѣлинскаго.

Въ настоящее время появились въ печати нѣсколько матеріаловъ для біографіи Николая Гавриловича въ видѣ разныхъ воспоминаній объ немъ и въ видѣ интервью съ нимъ. Чтобы облегчить работу будущаго біографа Николая Гавриловича, я взялъ на себя задачу пересмотрѣть этотъ матеріалъ, и если не просѣять его черезъ частое сито, то хоть пропустить его черезъ рѣдкій грохотъ съ цѣлью отдѣлить въ немъ цѣнныя и здоровыя зерна отъ ненужной мякины и отъ негодныхъ и невѣрныхъ примѣсей. Въ своей работѣ я буду руководствоваться, главнымъ образомъ, своими личными воспоминаніями, а затѣмъ и данными изъ чужихъ рукъ.

Начну съ воспоминаній, напечатанныхъ въ то время, когда имя Чернышевскаго было еще подъ запретомъ,—что уже даетъ возможность догадываться, что эти воспоминанія не могутъ быть лестными для его памяти. Эти воспоминанія принадлежатъ А. В. Эвальду, котораго не надо смѣшивать съ Ѳед. Ѳед. Эвальдомъ, членомъ с.-петербургской городской думы, завѣдывавшимъ городскими школами Петербурга.

I.

Литературныя воспоминанія А. В. Эвальда.

XII. Историческій Вѣстникъ, 1895 года, Декабрь.

Свое знакомство съ Чернышевскимъ Эвальдъ почему-то считалъ грустнымъ и тяжелымъ воспоминаніемъ. „Въ числѣ моихъ немногихъ литературныхъ воспоминаній, говоритъ онъ, не могу пройти молчаніемъ одного очень грустнаго случая, оставившаго во мнѣ на всю жизнь тяжелое воспоминаніе. Говорю о моемъ невольномъ и нечаянномъ столкновеніи съ Н. Г. Чернышевскимъ“. Это столкновеніе произошло по слѣдующему поводу“.

Въ то время, именно въ 1862 г., совершалось нѣчто подобное тому, что творится, но только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, въ настоящее время. Послѣ короткой *весны* нашего тогдашняго ренессанса, послѣдовавшаго за крымской войной, наступила реакція, обрушившаяся, какъ и теперь, между прочимъ, на высшія учебныя заведенія, въ особенности на университеты. Петербургскій университетъ былъ закрытъ вслѣдствіе, такъ называемыхъ, студенческихъ безпорядковъ, вызванныхъ реакціонными и обскурантными мѣрами министерства народнаго просвѣщенія. И вотъ реакціонная пресса, совершенно такъ же, какъ и теперь, стала проливать крокодиловы слезы объ упадкѣ просвѣщенія. На студентовъ посыпались, такъ же, какъ и теперь, горькіе упреки, обвиненія и порицанія въ статьяхъ и въ газетныхъ письмахъ тогдашнихъ Карудовъ, утверждавшихъ, что студенты нарочно и сознательно довели университетъ до закрытія, что они невѣжды и лѣнтяи и вовсе не хотятъ учиться и вмѣсто ученія занимаются политикой. Функціи нынѣшнихъ органовъ Суворина - отца исполняли въ то время органы Краевскаго. Тогдашніе дѣятели освободительнаго движенія рѣшили для замѣны закрытаго казеннаго университета основать вольный частный университетъ, какъ это дѣлается и въ настоящее время. Дума городская и нѣмецкая Петершуле дали у себя помѣщеніе для новаго университета, а университетскіе профессора изъявили согласіе читать въ немъ лекціи. Дѣло пошло, но скоро остановилось. Профессора въ видѣ протеста противъ ссылки профессора Павлова рѣшили забастовать — вотъ видите, уже и тогда существовала, конечно, только въ зародышѣ, мысль о забастовкахъ — и прекратить чтеніе лекцій. Къ этому присоединилось еще одно случайное обстоятельство, укрѣпившее ихъ въ этомъ намѣреніи. Профессоръ Н. И. Костомаровъ публично заявилъ, что онъ, несмотря ни на что, будетъ продолжать читать лекціи и такимъ образомъ въ глазахъ части студентовъ являлся штрейкбрехеромъ, и потому

они отвѣтили грубою дерзостью на его заявленіе. Взбѣшенный Костомаровъ отвѣтилъ на дерзость замѣчаніемъ, что онъ видитъ передъ собою Репетиловыхъ, которые скоро превратятся въ Расплюевыхъ,—что вызвало шумный скандалъ и бурю негодованія и возбудило большое неудовольствіе въ профессорахъ, которые безповоротно рѣшили не читать лекцій въ новомъ университетѣ. Дѣло разстроилось. И такимъ образомъ могло казаться, что и вольный университетъ погибъ по винѣ самихъ же студентовъ. Реакціонная печать пришла въ восторгъ; для нея явилось новое торжественное доказательство, что молодежь сама не желаетъ учиться по лѣности и по нелюбви къ просвѣщенію. Въ такомъ духѣ и съ цѣлью разукрасить это доказательство и напечатана была въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1862 г., № 92, 1-го мая), редактировавшихся въ то время Краевскимъ, который на дѣлѣ былъ полнымъ хозяиномъ ихъ, статейка въ фельетонѣ подъ заглавіемъ „Учиться или не учиться“ безъ подписи автора, вмѣсто которой стоялъ только еръ мягкій, ь.

Въ редакціи „Современника“, какъ и въ другихъ литературныхъ кругахъ, сложилось твердое убѣжденіе, что эта статейка имѣетъ не только внушенный офиціозный, но прямо-таки офиціальный характеръ, что она исходитъ непосредственно изъ министерства народнаго просвѣщенія и есть нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ правительственныхъ сообщеній, или статей въ „Россіи“. Убѣжденіе это основывалось на томъ, что статейка была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, редакторомъ и фактическимъ хозяиномъ которой былъ Краевскій, находившійся въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ министерствомъ, обѣщавшимъ ему даже субсидію на изданіе предположенной имъ газеты „Голосъ“ (*Лемке* „Эпоха цензурныхъ реформъ“, стр. 244). Кромѣ того, статейка была цѣликомъ перепечатана въ „Сѣверной Пчелѣ“, тоже пользовавшейся благосклонностью этого министерства. Редакція „Современника“ рѣшила попытаться дать отпоръ этой офиціозной статейкѣ, разоблачить ея лживыя увѣренія и обличенія и показать, кто именно виноватъ въ томъ, что былъ закрытъ университетъ, и молодежь лишена была возможности учиться. Страхъ передъ цензурой сильно охлаждалъ рвеніе и надежды редакціи, но рѣшено было сдѣлать попытку. Чернышевскій написалъ возраженіе на статейку и въ первыхъ же его строкахъ говорилъ вотъ что. „Она (статейка) обрадовала людей, имѣющихъ привычку всякую вину во всякихъ непріятныхъ дѣлахъ приписывать исключительно молодому поколѣнію, да литераторамъ. Эти люди обрадовались потому, что вздумали увидѣть въ статьѣ *выраженіе взгляда министерства народнаго просвѣщенія* (курсивъ мой. А.). Но мы полагаемъ, что они ошибаются, и что статья эта выражаетъ собою только ихъ собственное мнѣніе, и что министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ

никакой солидарности съ подобными обскурантами (какое ловкое captatio benevolentiae)". Чтобы подѣйствовать на совѣсть цензуры, Чернышевскій въ примѣчаніи сдѣлалъ такое ехидное предисловіе къ своему возраженію.

„Хорошо ли сдѣлали тѣ, которые напечатали эту статью, мы увидимъ изъ того, явятся ли въ печати мысли, вызванныя ею въ насъ. Каждый можетъ имѣть о всякомъ предметѣ свое мнѣніе и поступаетъ хорошо, если предлагаетъ его на обсужденіе общества; если статья „Учиться или не учиться" предлагаетъ на обсужденіе общества взглядъ, ею выражаемый, то лица, помѣстившія эту статью въ нашихъ газетахъ, поступили хорошо. Но въ такомъ случаѣ пусть же они не отнимаютъ у общества права обсуждать этотъ взглядъ. Если же они считаютъ ненужнымъ для себя или неудобнымъ для кого-нибудь или для чего-нибудь выслушивать и принимать къ соображенію публичные отвѣты на свой взглядъ, если они хотятъ, чтобы этому ихъ взгляду общество только повиновалось, не разсуждая объ его основательности,—въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ высказываться въ формѣ приказанія, распоряженія, циркуляра (какой же такой частный авторъ могъ это дѣлать? А.), а не въ формѣ разсуждающей статьи, и придавать ему такую форму—было дѣло не хорошее.

Посмотримъ же, можно ли кому-нибудь, кромѣ автора статьи „Учиться или не учиться" и людей, одобряющихъ этотъ взглядъ, публично разсуждать о предметахъ, къ разсужденію о которыхъ, повидимому, вызываетъ эта статья".

Возраженіе было написано довольно рѣзко, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вызывающимъ тономъ. Надежда на цензуру была очень слабая. И вдругъ, къ величайшему изумленію редакціи, цензоръ пропустилъ цѣликомъ все возраженіе, не вычеркнувъ даже предисловія. Это возраженіе Чернышевскаго подъ заглавіемъ „Научились ли?" появилось въ „Современникѣ" 1862 г. въ апрѣльской книжкѣ, т. е. въ предпослѣдней книжкѣ передъ закрытіемъ его на 8 мѣсяцевъ. Вотъ какъ великодушна бывала тогда цензура, находившаяся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Авторъ статейки въ самомъ началѣ говоритъ, что, повидимому, русское общество какъ будто желаетъ просвѣщенія и хочетъ учиться, на что указываютъ „сотни новыхъ журналовъ, десятки воскресныхъ школъ". Чернышевскій съ изумленіемъ спрашиваетъ, гдѣ же это авторъ насчиталъ *сотни* журналовъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно сотни журналовъ нужны были бы, а ихъ нѣтъ. „И хочетъ ли авторъ знать, спрашиваетъ Чернышевскій, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ (вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: газетъ), какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать сколько-нибудь живому періодиче-

скому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ".—*Десятки* воскресныхъ школъ,—это мало; ихъ нужно было бы *десятки тысячъ*. „Отчего же ихъ только десятки, спрашиваетъ Чернышевскій. Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣсняются, пеленаются, такъ что у самыхъ преданныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать. Если это неправда, потрудитесь доказать противное и попробуйте въ доказательство обнародовать нѣкоторыя записки и совѣщанія, результатомъ которыхъ были разныя правила и инструкціи относительно воскресныхъ школъ".—Далѣе авторъ статейки утверждаетъ, что учащееся молодое поколѣніе косвеннымъ образомъ содѣйствовало закрытію петербургскаго университета и прямо прекращенію публичныхъ лекцій въ вольномъ университетѣ. Чернышевскій рѣшительно и увѣренно утверждаетъ, что это неправда, что студенческіе безпорядки, повлекшіе за собою закрытіе университета, вызваны были не нежеланіемъ студентовъ учиться, а тѣми новыми университетскими правилами, извѣстными подъ названіемъ „матрикулъ". Правила эти были составлены съ тою цѣлью, чтобы отнять возможность учиться у большинства бѣдныхъ людей, желавшихъ поступить въ университетъ, или уже поступившихъ въ него,—что, конечно, не могло не возбудить неудовольствія въ студентахъ. „Если авторъ или его единомышленники, говоритъ Чернышевскій, считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи правилъ, пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли правила". Таково было мнѣніе объ этихъ правилахъ, утверждалъ Чернышевскій, не однихъ студентовъ, но и большинства профессоровъ и многихъ другихъ лицъ, занимавшихъ или занимающихъ теперь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мѣста болѣе высокія. „Если авторъ статьи или его единомышленники хотятъ опровергнуть это наше свидѣтельство, пусть попробуютъ они напечатать документы, относящіеся къ засѣданіямъ совѣта здѣшняго университета по вопросу о тогдашнихъ университетскихъ правилахъ и другіе документы, связанные съ этимъ вопросомъ".

Вторымъ доказательствомъ того, что студенты не желаютъ учиться, было, по мнѣнію автора статейки, прекращеніе публичныхъ лекцій въ свободномъ университетѣ. Переходя къ этому доказательству, Чернышевскій предпослалъ обсужденію его слѣдующее заковыристое разсужденіе. „Мы думаемъ, что авторъ статьи и его *единомышленники* не найдутъ вредящимъ убѣдительности своего (ихъ?) мнѣнія объ этомъ происшествіи то, что мы не дѣлаемъ попытки къ изложенію обстоятельства, за нѣсколько дней передъ прекращеніемъ лекцій возбудившаго очень сильные толки въ цѣломъ городѣ; надѣясь на это, мы не будемъ касаться этого предварительнаго обстоятельства (очевидно, здѣсь разумѣется высылка проф. Пав-

лова), имѣвшаго вліяніе на прекращеніе лекцій". Какъ произошло это прекращеніе, онъ не желаетъ описывать печатно; но говоритъ, что и безъ этого у него есть средство заставить автора статейки отказаться отъ обвиненія студентовъ въ прекращеніи лекцій. „Вотъ оно, говоритъ Чернышевскій. Я предлагаю безыменному автору статьи, чтобы онъ или пожаловалъ ко мнѣ, или сообщилъ мнѣ свой адресъ и согласился, чтобы я пришелъ къ нему для разъясненія этого дѣла изустнымъ способомъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, выбранныхъ въ равномъ числѣ отъ меня и отъ него. Выслушавъ наши объясненія, свидѣтели изложатъ въ формѣ протокола свое заключеніе".

Перчатка, брошенная Чернышевскимъ, была поднята его противникомъ, выражаясь рыцарскимъ языкомъ. Скарятинъ, издатель-редакторъ тогдашней черносотенной газеты „Вѣсть", которая была прообразомъ и первообразомъ нынѣшняго „Гражданина" кн. Мещерскаго, и сомнительный профессоръ Лохвицкій, сдѣлавшійся потомъ адвокатомъ и удаленный петербургскими адвокатами изъ ихъ сословія, разыскали автора статейки, убѣдили его принять вызовъ Чернышевскаго и взять ихъ свидѣтелями на предполагаемомъ диспутѣ. Начались переговоры. И тутъ, къ общему изумленію, явился неожиданный сюрпризъ: авторъ статейки, за спиною котораго въ видѣ его „единомышленниковъ" предполагалось министерство народнаго просвѣщенія, оказался безвѣстнымъ скромнымъ учителемъ низшаго городского училища, не имѣющимъ никакого отношенія къ этому министерству. Это и былъ Эвальдъ. Узнавши объ этомъ, Чернышевскій хохоталъ до упаду, острилъ и смѣялся надъ собою по поводу своего разочарованія; онъ воображалъ въ лицѣ своего оппонента встрѣтить бойкаго и ловкаго министерскаго чиновника, а вмѣсто того встрѣтилъ скромнаго педагога низшей школы.—Но дѣло было начато, и нужно было его продолжать. Чернышевскій выбралъ свидѣтелями съ своей стороны Григорія Захаровича Елисеева и Петра Лавровича Лаврова. Было условлено, что Чернышевскій съ свидѣтелями въ назначенный день явятся для диспута въ квартиру Эвальда. Утромъ въ этотъ день Лавровъ прибѣжалъ къ Чернышевскому и сказалъ, что у него сейчасъ есть спѣшное и неотложное дѣло, и что поэтому онъ не можетъ быть на диспутѣ. Я въ это время былъ у Чернышевскаго, и онъ взялъ вторымъ свидѣтелемъ меня послѣ разныхъ остротъ и шуточекъ на мой счетъ. Въ условленный часъ (въ 2 часа по полудни, а Эвальдъ невѣрно говоритъ будто въ 8 ч. вечера) мы втроемъ отправились къ Эвальду, который жилъ въ скромной маленькой квартиркѣ въ зданіи владимирскаго городского училища, что на Владимирской площади. Эвальдъ и его свидѣтели были на мѣстѣ. И диспутъ сейчасъ же начался. Вотъ этотъ диспутъ Эвальдъ и описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Но какъ описываетъ?!

Его описаніе—не простой трезвый разсказъ о дѣйствительныхъ, не прикрашенныхъ и не преувеличенныхъ фактахъ. Напротивъ, онъ описалъ диспутъ такъ, какъ описываются историческіе факты въ, такъ называемыхъ, „историческихъ романахъ". Канва вѣрна въ общихъ чертахъ, но по ней вышиты фантазіей самые причудливые, самые невѣроятные узоры, хотя Эвальдъ и завѣряетъ, что онъ описываетъ все „съ стенографической точностью". Прежде всего въ его описаніи нѣтъ слѣдующей очень знаменательной сцены. Здороваясь съ Эвальдомъ, Чернышевскій выпалилъ слѣдующую фразу: „г. Эвальдъ, если бы я былъ знакомъ съ вами раньше, то не началъ бы этой исторіи; и я очень жалѣю, что не зналъ васъ раньше, потому что иначе я не сталъ бы лично разубѣждать васъ въ вашихъ мысляхъ, выраженныхъ въ вашей статьѣ". Трудно сказать, какъ понялъ и понялъ ли вообще эти слова Эвальдъ. „Ну, теперь приступимъ къ дѣлу" сказалъ Чернышевскій. При этомъ заговорилъ дѣловымъ тономъ Лохвицкій, что предварительно нужно условиться, выработать правила относительно веденія преній и постановленія приговора. Но Чернышевскій рѣзко прервалъ его и сказалъ, что свидѣтели не судьи, а только благородные и молчаливые свидѣтели, и ихъ дѣло только молчать и слушать. „Мы, заключилъ онъ, даже избавимъ свидѣтелей отъ составленія протокола, а сами съ г. Эвальдомъ будемъ составлять его".

Прежде чѣмъ перейти къ описанію диспута, Эвальдъ подробно описываетъ мотивы написанія статейки и эффекта произведеннаго ею. Это описаніе все пропитано колоссальнымъ самомнѣніемъ, настоящей маніей grandiosa. По его словамъ, Краевскій составилъ обдуманный и глубокій планъ, какъ литературнымъ путемъ остановить и пресѣчь освободительное движеніе, и осуществленіе этого плана возложилъ на него. „Пора положить предѣлъ этому *безумному движенію* (курсивъ мой), говорилъ онъ (Краевскій) съ большимъ волненіемъ. — Такою дорогою мы,—Богъ знаетъ, куда зайдемъ! Власть безсильна(?!) противъ этого, тутъ нужна литературная борьба(!). Они, т.-е. нигилисты, кичатся тѣмъ, что всѣ ихъ боятся и молчатъ передъ ними. Надо же кому-нибудь поднять противъ этого голосъ! Я... исполнилъ желаніе Краевскаго и написалъ просимую имъ статью". Въ самомъ дѣлѣ, кто же другой, кромѣ Краевскаго и его сотрудника, могъ и былъ въ силахъ вести борьбу съ нигилизмомъ. Такимъ образомъ оказывается, что первымъ изобрѣтателемъ плана — восполнять «*безсиліе власти*» «*литературной борьбой*» былъ Краевскій. Можно ли этому повѣрить и похоже ли это на правду? Краевскій, человѣкъ сухой, холодный и хладнокровный, индиферентный и даже апатичный ко всему, кромѣ того, что касается матеріальныхъ интересовъ его изданій, волнуется, воодушевляется, какъ энтузіастъ, и для защиты власти объ-

являетъ литературную войну безумному движенію и высылаетъ на нее могучаго литературнаго борца. Какъ все это не идетъ къ Краевскому! Далѣе, развѣ Краевскій съ Эвальдомъ не знали и не видѣли, что литературная борьба съ „безумнымъ“ освободительнымъ движеніемъ началась еще раньше до нихъ? Уже Тургеневъ окрестилъ это движеніе презрительной кличкой „нигилизма“. И откуда же Краевскій и Эвальдъ взяли нигилизмъ, развѣ сами его выдумали, а не заимствовали у Тургенева? Ожесточенная борьба съ нигилизмомъ велась не только властью, далеко не безсильною, но и литературными борцами. Во главѣ героевъ этой борьбы стоялъ Катковъ, не чета Краевскому; а за нимъ тянулись не только всякіе публицисты, но и романисты, шедшіе по стопамъ Тургенева,—Лѣсковы, Клюшниковы и т. п. Уже существовала „Вѣсть“ Скарятина и „Наше Время“ Павлова, тожественное по духу съ нынѣшнимъ „Новымъ Временемъ“. Не Краевскій открылъ Америку борьбы съ нигилизмомъ въ пособіе безсильной власти; онъ и его Эвальдъ тащились въ хвостѣ, въ обозѣ грозной литературной реакціонной рати, выступившей противъ нигилизма.

А послушайте, какой эффектъ произвела статейка Эвальда. По его описанію, она была громовымъ ударомъ или взрывомъ разрушительной бомбы; она ошеломила дѣятелей освободительнаго движенія, повергла ихъ въ ужасъ и уныніе, и они серьезно опасались за судьбу движенія.

„Трудно вообразить себѣ, говоритъ онъ, какой шумъ и негодованіе произвела эта статья среди всей либеральничавшей части общества. Краевскій сталъ получать анонимныя письма, полныя всякихъ ругательствъ и въ которыхъ требовали, чтобы онъ объявилъ имя автора для преданія его публичному ошельмованію. Въ этихъ же письмахъ мнѣ грозили кто побоями, кто *даже смертью* (да, и Чичиковъ „имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на его жизнь“. А.), обѣщая застрѣлить изъ-за угла какъ собаку (полноте, тогда это еще не было въ модѣ и даже въ мысляхъ. А.). Краевскій не на шутку испугался за себя (полноте, Андрей Александровичъ не былъ трусомъ) и за меня и совѣтовалъ мнѣ принять мѣры предосторожности. Но что же я могъ сдѣлать (заявить въ полицію. А.)? Уѣхать куда-нибудь, только. Но это было противно моимъ понятіямъ, такъ какъ, писавши статью, я вовсе не намѣренъ былъ скрываться и показывать кукишъ въ карманѣ (а въ такомъ случаѣ слѣдовало бы подписаться подъ статьей полнымъ настоящимъ именемъ. А.) Поэтому я рѣшилъ не только не скрываться, но даже ни въ чемъ не измѣнять своего образа жизни (какое мужество!) и даже хотѣлъ написать въ университетъ (закрытый?), предложить студентамъ явиться на ихъ сходку (сходки строжайше были воспрещены), для личныхъ объясненій (почему же это не было исполнено? А.) Но отъ этого послѣдняго шага меня отговорили. Не знаю, какая бы гроза разразилась надо мною, если бы начавшееся движеніе противъ моей личности (которой, кромѣ Краевскаго, никто не зналъ и не вѣдалъ. А.) не было ослаблено тѣмъ, что

во главѣ стали корифеи тогдашняго либерализма, полковникъ Лавровъ и Чернышевскій. Молодежь нѣсколько успокоилась, ожидая, что эти два колосса либерализма разобьютъ меня въ пухъ и прахъ".

Итакъ, противъ одного скромнаго Давида потребовался не одинъ Голіафъ, а цѣлыхъ два, два колосса. Это совсѣмъ вскружило голову бѣдному Эвальду, и онъ возмечталъ о себѣ Богъ знаетъ какъ. Онъ не зналъ и, можетъ быть, даже не догадывался, что его статейка произвела большой эффектъ не сама по себѣ, не своими качествами, рѣзкостью, силою или убѣдительностью, но единственно только благодаря тому обстоятельству, что ее ошибочно приняли за офиціозное сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія, о чемъ онъ могъ догадаться по первымъ словамъ, которыми встрѣтилъ его Чернышевскій, явившись на диспутъ.

Начало диспута описано Эвальдомъ довольно вѣрно. Чернышевскій, опредѣливши роль свидѣтелей, сейчасъ же взялся за составленіе протокола, который сохранился и находится у меня, и первый пунктъ его приведенъ Эвальдомъ совершенно точно. „1. Мнѣніе Чернышевскаго. Исполненіе дѣла должно быть приписываемо лицу, принявшему или лицамъ принявшимъ рѣшеніе совершить это дѣло". Подъ этимъ пунктомъ подпись: „Согласенъ—Ар. Эвальдъ". „Тогда, расказываетъ Эвальдъ, Чернышевскій вынулъ изъ кармана цѣлый пакетъ писемъ профессоровъ университета, въ которыхъ они заявляли, что еще задолго до случая съ Костомаровымъ они отказались отъ чтенія публичныхъ лекцій. Прочитывая эти печальныя (?) письма, Чернышевскій передавалъ ихъ мнѣ по очереди, для устраненія всякихъ недоразумѣній въ поддѣлкѣ". Это невѣрно. Передъ прочтеніемъ каждаго письма Чернышевскій предъявлялъ его Лохвицкому, чтобы онъ по почерку своихъ товарищей профессоровъ удостовѣрилъ подлинность письма,— на что Лохвицкій рѣзко и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ каждый разъ: да я вижу и знаю, что всѣ письма подлинныя и, здѣсь никто не сомнѣвается въ ихъ подлинности. Эвальдъ же, напротивъ, описываетъ это предъявленіе и чтеніе писемъ такъ. „Лохвицкій и Скарятинъ снова горячо возстали противъ предъявленія этихъ писемъ, доказывая что они вынуждены силой (?) и писаны заднимъ числомъ, что это не честно ловить противника подобными средствами, и многое тому подобное. Съ ними вступили въ горячіе споры Елисеевъ и Антоновичъ, и шумъ поднялся такой, что я вышелъ въ другую комнату, подъ предлогомъ выпить стаканъ воды. Чернышевскій воспользовался этимъ и, выйдя вслѣдъ за мною, взялъ меня подъ руку и началъ горячо доказывать мнѣ, какую грубую ошибку я сдѣлалъ, написавши эту статью". Все это неправда. Лохвицкій и Скарятинъ вовсе не протестовали противъ чтенія писемъ, и потому мы съ Елисеевымъ не имѣли никакого повода спорить съ ними. Чтеніе писемъ кончилось благополучно,

спокойно и безпрепятственно, и Чернышевскій сейчасъ же написалъ второй пунктъ протокола, точно воспроизведенный Эвальдомъ. — „2. Чернышевскимъ были прочтены записки четырнадцати изъ числа читавшихъ лекціи профессоровъ,—записки, выражавшія рѣшеніе писавшихъ прекратить или пріостановить чтеніе публичныхъ лекцій. Записки эти написаны были 6 и 7 марта и 8 марта до закрытія публичныхъ лекцій“. Подъ этимъ пунктомъ подпись: „Слушалъ—Ар. Эвальдъ“. Ни Чернышевскій, ни Эвальдъ ни на секунду не выходили изъ комнаты для сепаратныхъ разговоровъ, и все шло тихо и смирно. Чернышевскій хотѣлъ внести въ протоколъ еще одинъ пунктъ и написалъ: „3. Кѣмъ“... и больше ничего; затѣмъ бросилъ перо, всталъ и со словами: ну, довольно и этого, простился со всѣми и, обращаясь къ намъ съ Елисеевымъ, сказалъ: „ну, пойдемте же“ и ушелъ. Мы же съ Елисеевымъ остались. Вотъ тутъ-то и возгорѣлся у насъ горячій и ожесточенный споръ съ Лохвицкимъ и Скарятинымъ, которые говорили, что дѣло далеко не кончено, что его нужно кончить, что свидѣтели не пѣшки и не статисты, что мы должны составить свой собственный протоколъ и высказать наше рѣшеніе о результатѣ диспута. Мы съ Елисеевымъ были противъ этого и представляли тотъ резонъ, что разъ диспутанты не дали намъ права составлять протоколъ и составили его сами, то намъ уже больше нечего дѣлать. Споръ былъ долгій и горячій; но Эвальдъ не принималъ въ немъ участія и сохранялъ полнѣйшій нейтралитетъ. Наконецъ таки мы пришли къ соглашенію и рѣшили, что Эвальдъ самъ долженъ написать въ протоколѣ, убѣдили ли его доводы Чернышевскаго, или же онъ остался при своихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ статейкѣ. Ужъ тутъ мы всѣ четверо пристали къ Эвальду съ этимъ требованіемъ; послѣ нѣкотораго колебанія онъ согласился, наконецъ, исполнить наше требованіе. Онъ пододвинулъ къ себѣ протоколъ, взялъ перо, обмокнулъ въ чернильницу и—задумался. Въ это время Лохвицкій, обращаясь къ Эвальду, сказалъ: „ну, такъ и пишите, что, выслушавъ доказательства, представленныя мнѣ Чернышевскимъ, я не нашелъ ихъ убѣдительными“... Я сейчасъ же рѣзко остановилъ его и сдѣлалъ ему нотацію: г. Лохвицкій, пожалуйста, не подсказывайте г. Эвальду, какъ школьнику; онъ не школьникъ, а самъ учитель и знаетъ безъ вашихъ подсказокъ, что и какъ писать. А Эвальдъ все раздумывалъ, наконецъ, сталъ писать и, написавши что-то, всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Мы бросились къ протоколу и прочли слѣдующее (выписываю изъ подлиннаго протокола съ фотографической точностью). „Выслушавъ доводы господина Чернышевскаго, я, нижеподписавшійся, убѣдился въ томъ, что не господа студенты участвовали въ прекращеніи публичныхъ лекцій.—Аркадій Эвальдъ“. Скарятинъ и Лохвицкій выходили изъ себя отъ негодованія, осыпали Эвальда самыми рѣзкими упре-

ками и обвиненіями и, ни съ кѣмъ не простившись, собрались уйти. Но мы съ Елисеевымъ удержали ихъ и въ свою очередь стали требовать, чтобы мы всѣ четверо въ качествѣ свидѣтелей засвидѣтельствовали своими подписями, что приведенное заявленіе написано дѣйствительно Эвальдомъ. Послѣ долгихъ споровъ и отказовъ они, наконецъ, согласились. И подъ заявленіемъ Эвальда было написано: „Подлинность написаннаго г. Эвальдомъ свидѣтельствуемъ. Владиміръ Скарятинъ, Максимъ Антоновичъ, Григорій Елисеевъ, А. Лохвицкій, А. Скарятинъ“. Въ какомъ качествѣ присутствовалъ на диспутѣ послѣдній подписавшійся и кто онъ такой, я этого не помню. Я взялъ себѣ протоколъ, и мы всѣ свидѣтели ушли. Наша комедія кончилась.

Въ историческомъ романѣ Эвальда все вышеизложенное изображено совершенно иначе. Здѣсь разсказывается, что Чернышевскій, очутившись въ другой комнатѣ наединѣ съ Эвальдомъ, сталъ заискивать передъ нимъ, умасливать его, завелъ съ нимъ интимный дружескій разговоръ, раскрылъ свою душу, свои задушевныя мысли и выложилъ передъ нимъ свое profession de foi, всю свою платформу, выражаясь нынѣшнимъ жаргономъ, и затѣмъ убѣждалъ, чуть не слезно умолялъ Эвальда заявить въ протоколѣ, что доводы Чернышевскаго были для него вполнѣ убѣдительны. Если бы я даже не былъ свидѣтелемъ диспута, то и тогда уже a priori могъ бы съ увѣренностью и ручательствомъ головой утверждать, что подобный откровенный и интимный разговоръ не происходилъ и не могъ происходить. Чернышевскій—человѣкъ въ высшей степени не экспансивный (о чемъ скажу когда-нибудь подробнѣе), ведшій откровенные задушевные разговоры очень рѣдко и то только съ весьма близкими людьми, вдругъ разоткровенничался передъ первымъ встрѣчнымъ, да еще передъ литературнымъ слугою Краевскаго и спорилъ съ нимъ напыщеннымъ риторическимъ языкомъ въ стилѣ тургеневскаго Базарова. Вотъ, напр., какія банальности будто бы говорилъ Чернышевскій. „Изъ вашей статьи я вижу, что вы далеко не придерживаетесь тѣхъ принциповъ, которымъ слѣдую я, но во всякомъ случаѣ между мною и вами есть одно общее—это образованіе, которое можетъ служить между нами связующимъ цементомъ. Я надѣюсь, поэтому, что вы поймете меня. Можетъ быть, мы съ вами идемъ и разными дорогами, но я не сомнѣваюсь, что цѣль у насъ одна“. На это Эвальдъ отвѣчалъ, что и цѣли у нихъ разныя, что онъ самъ проповѣдуетъ созиданіе, а Чернышевскій—разрушеніе. „Да, конечно! “восклицалъ Чернышевскій. „Но это разрушеніе необходимо, чтобы расчистить мѣсто для новыхъ построекъ... И въ евангеліи даже сказано: нельзя вливать вина новаго въ мѣхи старые... Преобразованія необходимы... Намъ нужны радикальныя реформы... А для того, чтобы этого достигнуть, прежде всего необходимо разрушить все ста-

рое, къ чему я и направляю всѣ свои усилія“. На это Эвальдъ наставительно и внушительно сдѣлалъ Чернышевскому такую нотацію. Между прочимъ, онъ сказалъ, что „исторію передѣлывать нельзя“, что для измѣненія учрежденій, существовавшихъ тысячу лѣтъ, потребуется „новая тысяча лѣтъ, не менѣе, что существующія учрежденія слѣдуетъ „измѣнять на болѣе лучшія; но это надо дѣлать постепенно, по мѣрѣ надобности“. Но Чернышевскаго не урезонили эти мудрыя указанія, и онъ выпалилъ вотъ что. „Я сейчасъ же докажу вамъ, какъ вы глубоко ошибаетесь!—горячо воскликнулъ Чернышевскій.—Развѣ французская революція не разомъ пересоздала не только Францію, но даже и всю Европу?“ На этомъ Эвальдъ такъ срѣзалъ Чернышевскаго. „Вотъ этого-то пересозданія я и не вижу. Мнѣ случилось быть во Франціи, и тамъ я въ особенности наблюдалъ за этимъ явленіемъ... При Наполеонѣ III во Франціи гораздо хуже жить, чѣмъ у насъ“. Послѣ этой болтовни разговоръ будто бы перешелъ на дѣло. Эвальдъ на вопросъ Чернышевскаго сказалъ, что хотя онъ и не убѣдился въ невиновности студентовъ, однако подпишетъ протоколъ. „Честное слово?“ спросилъ Чернышевскій. „Другихъ словъ я не даю“, гордо отрѣзалъ Эвальдъ. А на указаніе Чернышевскаго, что Лохвицкій и Скарятинъ могутъ обидѣться на Эвальда, послѣдній отвѣтилъ мужественно, что онъ „не боится ссоры съ ними“. Чернышевскаго привело въ восторгъ это мужество. „Вотъ это хорошо сказано! Дайте вашу руку!“ сказалъ Чернышевскій и „искренно пожалъ руку“ Эвальду.—Подобные интимные разговоры и сладкія нѣжности Чернышевскагó невѣроятны и недопустимы даже въ историческомъ романѣ; такъ какъ исторія говоритъ, что все это чистѣйшія выдумки, потому что ни Эвальдъ, ни Чернышевскій ни на минуту не выходили изъ комнаты и даже не вставали съ своихъ мѣстъ.

Далѣе, въ романѣ Эвальда рисуется такая невѣрная и искаженная картина, которую онъ увидѣлъ, возвратившись будто бы изъ сосѣдней комнаты.

„Между тѣмъ споръ (о чемъ?) между Антоновичемъ и Елисеевымъ съ своей стороны, Лохвицкимъ и Скарятинымъ съ другой принялъ такіе размѣры, что ихъ приходилось разнимать чуть не силою. Не мало труда пришлось употребить Чернышевскому и мнѣ, чтобы заставить ихъ выслушать насъ. Когда, наконецъ, буря кое-какъ укротилась, *Чернышевскій* объявилъ, что я согласился съ его мнѣніемъ и, взявъ листъ протокола, *написалъ* (NB) на немъ: „выслушавъ доводы“... (какъ приведено выше). „Согласны вы подписать это?“ Я молча взялъ перо, но Скарятинъ вырвалъ его изъ моихъ рукъ и началъ кричать, что ни за что не позволитъ сдѣлать это! Лохвицкій поддерживалъ его, а Чернышевскій, Елисеевъ и Антоновичъ возстали противъ такого насилія надъ свободою моихъ дѣйствій, и споръ между ними поднялся еще болѣе шумный и горячій... Улучивъ минуту, когда на меня никто не обращалъ вниманія, я под-

писалъ заключеніе протокола и закричалъ, насколько только хватило моего голоса: „господа! готово! протоколъ подписанъ!“—Всѣ бросились къ столу и, увидя мою подпись, утихли, очевидно, подъ впечатлѣніемъ совершившагося факта (величественный и торжественный моментъ!) На минуту водворилось чуть не гробовое молчаніе“.

Все это неправда. Какъ разсказано выше, Чернышевскій раньше всякихъ споровъ ушелъ, и заключеніе протокола написано было вовсе не имъ, а уже по уходѣ его было собственноручно написано и подписано *самимъ* Эвальдомъ,—протоколъ у меня налицо. Скарятинъ не вырывалъ пера изъ рукъ Эвальда, такъ же точно, какъ и послѣдній ничего не кричалъ громовымъ голосомъ. Цѣль всей изложенной главы историческаго романа Эвальда очевидна. Онъ и Краевскій, „идучи на рать“, хорохорились, бахвалились, что нужно положить предѣлъ „безумному движенію“ нигилизма, что „власть безсильна и нужна литературная борьба“, что нужно показать молодежи, что она лѣнива и потому не хочетъ учиться и т. д. И вдругъ, „идучи съ рати“, храбрый воевода и боецъ даетъ собственноручную расписку въ томъ, что „не господа студенты участвовали въ прекращеніи публичныхъ лекцій“. Скандалъ! Но такъ вышло, благодаря хитрости и вкрадчивости Чернышевскаго, который своими любезностями и откровенностями обошелъ Эвальда, подкупилъ его льстивыми похвалами и „искреннимъ“ пожатіемъ руки, выманилъ у него „честное слово“ подписать протоколъ,—что Эвальдъ и сдѣлалъ, хотя и несогласенъ былъ съ Чернышевскимъ по предмету диспута.—Послѣ этого очень понятно, что „невольное и нечаянное столкновеніе съ Чернышевскимъ“ Эвальдъ признаетъ „очень грустнымъ случаемъ, оставившимъ въ немъ на всю жизнь тяжелое воспоминаніе“. Еще бы, человѣкъ хотѣлъ „зажечь море“, а Чернышевскій помѣшалъ этому.

Когда мы принесли протоколъ Чернышевскому, онъ очень расхохотался и опять пожалѣлъ, что затѣялъ эту исторію по поводу ничтожной статейки безвѣстнаго автора. Елисеевъ говорилъ, что нужно напечатать протоколъ и что противъ этого не возражалъ и Эвальдъ. Но Чернышекскій не согласился на это, и сказалъ: „не стоитъ; зачѣмъ конфузить и обижать невиннаго бѣднаго человѣка“. Это лишній разъ доказываетъ, что Чернышевскій придавалъ значеніе статейкѣ Эвальда только потому, что считалъ ее офиціознымъ и даже офиціальнымъ произведеніемъ. И такимъ образомъ оказалась вздорной пророческая угроза, съ которою Скарятинъ обратился къ Эвальду. „Вы зарѣзали насъ безъ ножа“, вопіялъ онъ. „Теперь эти господа будутъ носиться повсюду, показывая вашу подпись, какъ лучшее доказательство своей правоты! Вы сами уничтожили все то хорошее, что сдѣлали вашей статьей. Вы только доставили лишнее торжество красной партіи и измѣ-

нили своей". Никто и не подумалъ носить этотъ протоколъ повсюду или предавать его гласности: онъ этого не заслуживалъ. И Эвальдъ первый опубликовалъ его.

Наконецъ, въ историческомъ романѣ Эвальда есть одна нелѣпость, созданная его славолюбивой фантазіей.

„Нужно замѣтить, между прочимъ, что во все время нашего засѣданія, передъ окнами квартиры, гдѣ мы собрались, ходилъ взадъ и впередъ Лавровъ, нетерпѣливо ожидавшій конца совѣщанія, и когда Чернышевскій вышелъ, то онъ взялъ его подъ руку, и они пошли вмѣстѣ. Упоминаю объ этомъ мелочномъ случаѣ только для того, что онъ показываетъ, какъ главари либеральной партіи интересовались исходомъ этого дѣла".

Развѣ эта выдумка не есть симптомъ маніи grandiosae? У Лаврова была возможность не ходить передъ окнами, а войти въ квартиру Эвальда и видѣть весь диспутъ, такъ какъ онъ, какъ сказано выше, былъ приглашенъ Чернышевскимъ на диспутъ въ качествѣ свидѣтеля; но этому помѣшало какое-то его дѣло. И какимъ образомъ Эвальдъ могъ видѣть, что дѣлалось подъ окнами его квартиры, хотя она и находилась въ первомъ этажѣ, такъ какъ онъ, Чернышевскій и всѣ мы-свидѣтели не вставали съ своихъ мѣстъ, и Эвальдъ не подходилъ къ окну. И въ то время, когда ушелъ Чернышевскій, Эвальдъ принимался писать въ протоколѣ свое рѣшеніе и не могъ видѣть, что происходитъ на улицѣ и кого Чернышевскій беретъ подъ руку. Наконецъ, мы съ Елисеевымъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ диспута пришли къ Чернышевскому, жившему всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ квартиры Эвальда, но Лаврова у него не было. — Бѣдный Эвальдъ, онъ, конечно, не догадывался, что чѣмъ большую важность онъ придавалъ своей статейкѣ, тѣмъ болѣе контрастнымъ и комичнымъ являлся результатъ его диспута съ Чернышевскимъ изъ-за этой статейки.

Свои воспоминанія о Чернышевскомъ Эвальдъ окончилъ слѣдующими изумительными размышленіями, которыя буквально воспроизводятъ нынѣшніе *патріоты* нововременскаго типа.

„При этомъ я не могу не указать на одно чрезвычайно странное обстоятельство. Свой знаменитый романъ „Что дѣлать?" Чернышевскій писалъ уже будучи арестованнымъ. Романъ этотъ печатался въ „Современникѣ", когда надъ авторомъ его производилось слѣдствіе и судъ! Какъ объяснить это странное явленіе? Безпорядками ли въ тогдашней администраціи. Тѣмъ ли, что одно учрежденіе не знало, что дѣлается въ другомъ, или что одно учрежденіе держалось однихъ принциповъ, другое — другихъ, или, наконецъ, тѣмъ, что администрація не придавала значенія литературной пропагандѣ и судила Чернышевскаго не за его

теоріи, а только за какія-нибудь дѣйствія? Во всякомъ случаѣ мы присутствовали тогда при необычайномъ явленіи: антигосударственной проповѣди (даже антигосударственность нашлась въ „Что дѣлать"!), исходившей изъ арестантской камеры! Проповѣдь эта передавалась въ редакцію журнала чинами администраціи, обязанными охранять существующій строй!" Развѣ г. Меньшиковъ не подписался бы подъ этими золотыми словами.

Здѣсь не лишне будетъ упомянуть мимоходомъ, что на статейку Эвальда возражалъ и Лавровъ. Его возраженіе было напечатано въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 104, 16-го мая, 1862 г.). И Лавровъ началъ свое опроверженіе такимъ же замѣчаніемъ, какъ и Чернышевскій, что статейка „не заслуживала бы вниманія, если бы анонимный авторъ ея не являлся застрѣльщикомъ цѣлой партіи", и потому въ своемъ опроверженіи онъ будетъ „отвѣчать не автору, а его единомышленникамъ", о которыхъ постоянно твердилъ и Чернышевскій. Свое возраженіе Лавровъ озаглавилъ такъ: „Учиться, но какъ?" Опровергнувъ показанія Эвальда о причинахъ, повлекшихъ за собою прекращеніе публичныхъ лекцій, Лавровъ развиваетъ далѣе ту мысль, что учиться такъ, какъ учатъ и учатся въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ—дѣло безплодное и не важное. Въ этихъ школахъ преподаются науки исковерканныя и извращенныя въ пользу разныхъ постороннихъ политическихъ тенденцій, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой. Многіе профессора до того подлаживаются подъ эти тенденціи и до того явно и грубо коверкаютъ преподаваемыя ими науки, что это даже замѣчаютъ ихъ наиболѣе развитые слушатели, которые поэтому теряютъ уваженіе къ профессорамъ и теряютъ охоту учиться у такихъ профессоровъ. Могутъ учиться прилежно у подобныхъ профессоровъ только благонадежные юноши, которые не интересуются наукой и знаніемъ, а только разными выгодами, соединенными съ дипломомъ. Дайте свободу преподаванія, говоритъ Лавровъ, и тогда учащіеся будутъ относиться къ своимъ учителямъ съ подобающимъ уваженіемъ и будутъ учиться усердно. Въ своемъ опроверженіи Лавровъ нѣсколько разъ выражаетъ изумленіе, какимъ образомъ статейка Эвальда могла попасть въ „С.-Петербургскія Вѣдомости", какъ бы намекая этимъ на то, что она не гармонировала съ общимъ направленіемъ этой газеты. Въ редакціи же „Современника", напротивъ, всѣ были того мнѣнія, что этой статейкѣ мѣсто именно въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ".

М. Антоновичъ.

Донесенія агентовъ о духѣ въ Москвѣ въ 1848 году [1]).

Секретно.

I.

Московскія вѣсти.

Въ писанномъ мною отъ 26 Марта я почтительнѣйше докладывалъ Вамъ, что если какіе слухи, даже изъ вздорныхъ, будутъ позначительнѣе, то непремину съ неограниченною искренностію доложить Вамъ; но сколько имѣю свѣдѣній: *въ народѣ благодареніе Господу тишина и спокойствіе.* Въ гостинныхъ, безъ всякаго основанія, *какъ теперь яснѣе для нихъ самихъ оказывается*, у иныхъ вымышляла предположенія трусость, „что де столько дано поводовъ думать народу о вольности, что де теперь того и гляди, что увѣрятъ простой народъ, что Французы желаютъ всѣ Державы заставить дать вольность". Но въ народѣ, прислушиваясь къ его говору, вовсе ничего не слышно, чтобъ объ этомъ кто бы заикнулся. Можетъ быть развѣ какой-нибудь пьяной; одинъ разъ (безъ сомнѣнія выдумали), что будто какая-то кухарка, живущая у иностранца бриліянщика, хотѣла у своего барина выкупиться, но остановилась будто взносомъ денегъ, что ей добрые люди сказали, что деньги даромъ пропадутъ и будутъ и безъ того всѣ вольные. Но это оказалось враньемъ и больше объ кухаркѣ не слышно.

Второе предположеніе таковыхъ страховъ,—это то, что здѣсь много студентовъ Поляковъ. И Щербатовъ, котораго

---

[1]) Помѣщаемъ типичнѣйшія и въ нѣкоторомъ родѣ художественныя донесенія тайнаго агента изъ Москвы въ III Отдѣленіе. Дѣло происходитъ въ то время, когда III Отдѣленіе, обезпокоившись французской революціей 1848 года, усилило свои заботы и рѣшило повсюду провѣрить „духъ". Итогъ наблюденій данъ въ слѣдующей фразѣ: „Русскій любитъ преимущественно заниматься своимъ дѣломъ, благосостояніе котораго, говоря вообще о низшемъ, среднемъ и высшемъ классахъ, упрочено и обезпечено до того, что и нѣтъ времени заниматься безполезными разговорами, въ особенности о жалкихъ заграничныхъ дѣлахъ". Печатаемъ сохраненіемъ ореографія подлинника.

пустота всякому насквозь видна, думаетъ что очень заботливо поступаетъ пригласивъ къ себѣ Попечителя Университета, этотъ говорятъ сказалъ Щербатову, что скорѣе надо опасаться, чтобъ въ какомъ либо непріятномъ случаѣ недосталось скорѣе отъ народа студентамъ, за то что они Поляки.

Но за студентами все должно имѣть глаза и жаль если Графъ Уваровъ [1]) утвердитъ избраннаго въ ректоры профессора (любимаго имъ) Перевощикова, онъ по нраву своему и способностямъ вовсе неспособенъ къ зоркой ректорской должности.—Жаль что онъ не утвердилъ Альфонскаго, всего лутче еслибъ объ этомъ спросилъ графъ Уваровъ конфиденціальнаго мнѣнія Попечителя Голохвастова. До сихъ поръ еще кажется не утвержденъ и новый Инспекторъ студентовъ.

Далѣе—предположенія отъ страховъ (но повторяю все не въ народѣ, а изъ гостинныхъ и то шепотомъ), что де не было бы чего отъ перекрещенныхъ жидовъ и опять поляковъ, которыхъ здѣсь много въ будошникахъ, фонарщикахъ, и особенно въ пожарной командѣ.

Слухи о новостяхъ.

Что Государь, послалъ во Францію къ находящимся тамъ русскимъ семь сотъ тысячъ рублей серебромъ, чтобъ имъ дать возможность выѣхать въ Россію.—Что въ какомъ-то мѣстечкѣ въ Царствѣ Польскомъ перерѣзали нашихъ Гусаръ, то Графъ Паскевичъ окружилъ мѣстечко, нашелъ тамъ двоихъ прозелитовъ, присланныхъ изъ Франціи съ напечатанными прокламаціями и даже конституціей для Польши, и велѣлъ ихъ, одни говорятъ, разстрѣлять, а другіе, повѣсить, а мѣстечко срыть съ лица земли бомбами. Наконецъ, что будто отъ министра Перовскаго прислано сюда до двухъ сотъ агентовъ, но послѣднее только что промелькнуло; вотъ сегодня слышалась болтовня, что Адамъ Чарторижскій будто отъ Австрійской и Прусской Польши провозглашенъ Королемъ Польскимъ и находится въ Берлинѣ.

Сужденія о Правительствѣ.

Недавно было, что Дворянство морщилось, предполагая, что все ведется къ объявленію о вольности, а теперь видимо, что дворянство приклеилось сердцами къ Государю, истинно явна къ Нему приверженность и довѣріе къ Его Духу.

Но Министрамъ, и особенно Графу Киселеву достается въ сужденіяхъ; съ какимъ-то особымъ непріятнымъ выраженіемъ даже имя его произносятъ, если опасаются явно бранить его. Находятъ, что всѣ уставы его Министерства ведутъ

---

[1]) Министръ народнаго просвѣщенія.

къ образу представительнаго управленія. Есть даже ироническій толкъ: что онъ зломъ сдѣлалъ большое добро Дворянству, ибо Министерствомъ Государственныхъ (есть такія выраженія): *неимуществъ,* ясно на опытѣ показалъ что помѣщичей крестьянинъ благоденствуетъ въ сравненіи съ казеннымъ, и что большая ихъ часть отъ управленія Киселевскаго пожелала бы быть помѣщичьими.—Объ Перовскомъ судятъ, что онъ съ преданнымъ сердцемъ, а незная, дѣлаетъ зло мѣлочностью своихъ взглядовъ—и называютъ его шепотомъ министромъ-квартальнымъ. Объ Уваровѣ—говорятъ какъ и прежде, что онъ всякихъ правилъ, а что теперь ужъ и издержался въ развратѣ, и одряхлелъ, что пора на это мѣсто человѣка нравственнаго.

Сужденія о Московскомъ Управленіи.

О Московскомъ Управленіи говорятъ: что оно въ небрежной обстановкѣ мѣстныхъ властей касательно Генералъ-Губернатора, Оберъ-Полицiймейстера и Полицiймейстеровъ, припоминаютъ какъ они не съумѣли остановить шума въ черни когда лѣтомъ спускали шаръ и ломали мебель въ томъ саду.—Что частные Пристава дѣлаютъ, что хотятъ, опредѣляясь за таксу Правителемъ Канцеляріи Оберъ-Полицiймейстера Пассекомъ, что каждый квартальный опредѣляется имъ за деньги. Что Лужинъ [1]) очень глупъ, и осрамился плюхой отъ бабы, что его самаго въ экономическомъ доходѣ, каковаго никогда прежде не бывало, обираетъ Брандтъ-Маіоръ Воробьевъ, который прежде содержалъ б... Да и изъ губернаторскаго дома Капниста есть отзывы что когда Пассекъ у него служилъ въ канцеляріи, то незналъ, какъ благодарить, когда Капнистъ назначилъ ему жалованья тысячу рублей ассигнаціями, а что теперь онъ много нажилъ денегъ. И подлинно послѣ нищеты удивляются его шубамъ, экипажу, лошадямъ.

Можетъ быть, и до Васъ доходило о смѣшномъ слѣдствіи по распоряженію Лужина *о Курицѣ,* которое по растолкованію Капниста Щербатову, какъ срамное для полиціи, велѣно прекратить; а теперь говорятъ, что тоже замѣчательное дѣло есть въ Губернскомъ Правленіи о взысканіи съ Лужина денегъ, которые, кто-то (у кого ихъ украли) по печатному отчету Оберъ-Полицiймейстеру Лужина считаетъ отысканными и проситъ доставить. Таковые расказы здѣсь идутъ въ анекдоты къ укору Лужина, и всѣхъ и не переслушать.—Это заставило доставать печатный Отчетъ Лужина, который, удивляются, какъ ему сошелъ съ рукъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.—И подлинно есть тутъ факты къ удивленію, напримѣръ: на страницѣ 35 въ главѣ третьей, о дѣйствіяхъ

[1]) Московскій оберъ-полицмейстеръ.

полиціи напечатано что „съ половины 1845 (вотъ это, какъ выражаются, гадко, что Лужинъ этимъ намекаетъ, будто онъ способенъ что исправить послѣ предмѣстника), „года грабежи и разбои не повторялись, убійствъ въ самомъ городѣ не было и проч.“ тогда, какъ въ предыдущихъ листахъ особенно на на стр. 25-ой по Прѣсненской части напечатано объ убійствахъ и ни слова о розысканіи, а только глупое заключеніе по анатоміи, отъ чего у лишенныхъ жизни смерть послѣдовала.

Смѣются напечатанному на стр. 35, что къ поимкѣ мошенниковъ много способствовало удовлетворительное освѣщеніе столицы въ нощное время. Стало де фонари ловятъ, а они такъ мало часовъ и такъ гадко, какъ теперь, еще никогда не горѣли.

Но не напечатанному на стр. 42 дивятся, а потому, какъ Министерство не отдаетъ подъ судъ за противузаконно напечатанное въ отчетѣ: *что здѣлано открытіе «чрезъ посредство мелкихъ воровъ»* (извѣстныхъ въ просторѣчіи подъ названіемъ жуликовъ).

Это уже дѣйствительно укорительный фактъ на полицію и противно священнымъ законамъ.

Безъ сомнѣнія этотъ отчетъ Московскаго Оберъ-Полицій-мейстера за 1848 годъ у Васъ есть; но чтобъ небезпокоить Васъ отысканіемъ онаго, въ особомъ пакетѣ препровождаю почитая означенныя статьи дѣйствительно достойными Вашаго вниманія.

(2 Апрѣля 1848 г. № 12. Москва. Его Превосходительству Леонтію Васильевичу Дубельту).

Секретно.

2.

Московскія вѣсти.

Отъ чего такъ много надобно писать, когда докладывается о какомъ либо непріятномъ обстоятельствѣ? безъ сомнѣнія отъ того, чтобъ малѣйшая подробность была описана и чтобъ описаніе не доставило отъ неясности, кому либо непріятности.

Отъ чегожъ нѣтъ словъ для описанія сильныхъ радостныхъ чувствъ, отъ чего они не могутъ сообщать равной себѣ силы перу? Не отъ того ли, что они основанныя на святости законнаго, ощущаются сердцемъ, но выше вещественнаго слова, и полнота ихъ силы остается неприкосновенною, какъ святыня для пера обыкновеннаго. Такъ и мнѣ не описать полности особеннаго нынѣ проявленія приверженности всюду ясно видимой къ нашему Монарху. Еще къ 25 числу апрѣля

ждали сюда Государя, и эта радостная вѣсть даже передавалась шепотомъ съ тихостію равной благоговѣнію, ибо къ этому отъ всякаго прибавлялось, что Государь не жалуетъ чтобъ знали, когда Онъ обрадуетъ Москву пріѣздомъ Своимъ. 25 число,—это же былъ воскресный день,—много народа гуляло по Тверской, толпилось около часовни Иверской Богоматери и забѣгало въ Кремль. Потомъ ждали каждый день; всѣ проснувшись смотрѣли не вѣетъ ли флагъ? Тутъ услышалась вѣсть: будто Его Величество изволилъ ѣздить въ Кронштадтъ и нѣсколько простудился. Вотъ тутъ проявились гласныя молебныя выраженія о драгоцѣнномъ здоровьѣ Его—для всѣхъ необходимомъ. Вотъ тутъ во всей силѣ утѣшались разсказами о Его Величіи, что онъ Единственный теперь между европейскими Монархами, вспоминались разные разсказы о Его Духѣ и повторялось, что Онъ Одинъ теперь всему Твердыня. Теперь, съ радостью услышалось что будто 2-е число будетъ въ С.-Петербургѣ гвардейскій парадъ, а тутъ вскорѣ, и къ намъ Государь изволитъ пожаловать и опять все ждетъ съ радостію.

Радостно видѣть эту неописанную приверженность *во всѣхъ сословіяхъ*.

По слуху, что его Величество изволитъ ѣхать въ Кіевъ есть говоръ, особенно въ среднемъ сословіи; „за чѣмъ Батюшкѣ туда ѣхать? ей ей, не надо бы, вотъ такъ намъ жаль: что Онъ поѣдетъ къ Польскому краю, что кабы могли, такъ кажется умолили бы не ѣхать туда“.

(1-го Мая 1848 г. № 21. Москва. Его Превосходительству Леонтію Васильевичу Дубельту).

3 [1]).

По сдѣланнымъ, въ теченіи трехъ-недѣльнаго пребыванія въ Москвѣ, наблюденіямъ, между жителями разныхъ классовъ сдѣшней столицы, замѣчено:

Сперва, по изданіи Высочайшаго Манифеста, были вездѣ разговоры о заграничныхъ возмущеніяхъ, и вообще оканчивались они съ большимъ неудовольствіемъ на безразсудные поступки буйныхъ людей, составившихся, вѣроятно, отъ праздности, крайней бѣдности, а болѣе—отъ врожденнаго неспокойнаго ихъ духа. Русскіе сожалѣютъ, что эти заграничныя смуты обезпокоили и наше Правительство пріуготовленіями, для оцепленія границъ, къ охраненію отъ враговъ, и вполнѣ убеждены, что наши силы, слишкомъ прочны, для отраженія всего злаго.—Теперь разговоры объ этомъ сдѣлались гораздо

[1]) Это резюме сдѣлано уже не обитавшимъ въ Москвѣ доносителемъ, а командированнымъ туда чиновникомъ.

рѣже, и почти замолкли, ибо Русскій любитъ преимущественнѣе заниматься своимъ дѣломъ, благосостояніе котораго, говоря вообще: о низшемъ, среднемъ и высшемъ классахъ, упрочено и обезпечено до того, что и нѣтъ времени заниматься безполезными разговорами, и въ особенности о жалкихъ заграничныхъ дѣлахъ. Послѣ чего: „намъ остается благодарить Всевышняго Творца, и нашего Царя, и свято исполнять волю Его Императорскаго Величества". Это общій отголосокъ нашего народа.

(Москва. Маія 3 дня 1848 г. Подписалъ Чиновникъ В. Манцуровъ.)

Изъ дальнихъ лѣтъ[1]).

(Отрывки изъ воспоминаній 1877—1878 года).

Процессъ 193-хъ или „Дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи“.

I.

Какъ всегда бываетъ при переходѣ отъ абсолютной несвободы къ неограниченной свободѣ, невольные жители „Предварилки“ осенью 1877 г., при обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ своихъ по вопросамъ тактики на предстоящемъ судѣ, забыли про необходимую осторожность, и переходя при этомъ изъ одной крайности въ другую: насколько раньше—„на волѣ“ они (въ значительномъ большинствѣ своемъ) были до чрезмѣрности конспиративны и осторожны, настолько же они теперь стали чрезмѣрно откровенны и были, что называется, нараспашку.—Они совершенно забыли о томъ, что помимо нихъ, заключенныхъ въ домѣ предварительнаго заключенія, существуютъ и всевозможныя „власти“, имѣющія возможность (совершенно незамѣтнымъ для насъ образомъ) присутствовать на всѣхъ нашихъ „засѣданіяхъ“ и знать всѣ наши планы и намѣренія.

Очень скоро всѣмъ стало извѣстно, что еще до начала судебнаго разбирательства по нашему дѣлу, какъ и во время самаго его разбирательства, не только низшіе тюремные агенты внимательно слѣдили за всѣми нашими приготовленіями къ суду, но къ обычному времени нашихъ „засѣданій“ въ „Предварилку“ почти ежедневно пріѣзжалъ тогдашній помощникъ Петербургскаго градоначальника генералъ-маіоръ Козловъ[2]): онъ удобно устраивался въ одной изъ центральныхъ камеръ и самымъ внимательнымъ образомъ прислушивался къ нашимъ бесѣдамъ и преніямъ, такъ что онъ (а стало быть, и вся администрація) отлично освѣдомленъ былъ

---

[1]) См. Минувшіе Годы. Апрѣль.

[2]) Впослѣдствіи московскій градоначальникъ, а затѣмъ въ самое послѣднее время генералъ-губернаторъ.

относительно всего плана нашего бойкота суда, и онъ заранѣе, конечно, могъ принять всѣ нужныя мѣры, да и для суда рѣшеніе наше не составляло секрета, какъ не составляло секрета и то, что хотя большинство подсудимыхъ и рѣшило, при всякихъ условіяхъ, бойкотировать судъ, но значительное меньшинство, почти половина, съ ихъ защитниками рѣшила не уклоняться отъ суда, а это имѣло, разумѣется, для суда большое значеніе и въ значительной степени ослабляло впечатлѣніе подготовившагося бойкота, душою котораго были Коваликъ, Войнаральскій, Волховскій, Муравскій, Синегубъ, Левъ Тихомировъ, Чарушинъ, Чернявскій и другіе...

18 го октября 1877 г. невольные жильцы „Предварилки" поднялись очень рано, тщательно одѣлись (нѣкоторые даже принарядились) и умылись, напились чаю и закусили и съ величайшимъ нетерпѣніемъ стали ожидать момента, когда ихъ поведутъ на судъ. Если принять во вниманіе, что у каждаго почти изъ насъ между товарищами по суду были близкія друзья, что большинство изъ насъ просидѣло уже за рѣшеткой по 3 и 4 года, что самое наступленіе суда знаменовало для значительной части подсудимыхъ скорое освобожденіе изъ душныхъ одиночныхъ камеръ, то можно себѣ представить то волненіе, которое охватило всѣхъ въ ожиданіи этого момента...

Наконецъ, стали насъ вызывать.—Раскрыли наши камеры, мы высыпали въ длинный коридоръ „Предварилки" и строились тамъ въ шеренги. Явился чуть ли не цѣлый дивизіонъ жандармовъ, который окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ съ сверкавшими саблями наголо. Начальникъ дивизіона (кажется, полковникъ Федоровъ) прочелъ конвоирамъ соотвѣтствующія грозныя статьи военныхъ постановленій, изъ коихъ вытекало, что мы обязаны безпрекословно подчиняться распоряженіямъ конвоя, и что, въ случаѣ малѣйшей попытки со стороны кого-либо изъ насъ къ побѣгу, конвоирамъ предоставляется право прибѣгнуть ко всѣмъ мѣрамъ до употребленія холодного и даже огнестрѣльнаго оружія включительно.

Длинной вереницей, очень внушительной и эффектной, двинулись мы въ путь, прошли подземнымъ ходомъ изъ „Предварилки" въ Окружный Судъ, на который палъ въ данномъ случаѣ выборъ, какъ на одно изъ наиболѣе вмѣстительныхъ *судебныхъ* помѣщеній, хоть сколько-нибудь соотвѣтствовавшее численности подсудимыхъ, защитниковъ и свидѣтелей...

Наконецъ-то насталъ надъ нами судъ, и мы въ залѣ судебнаго засѣданія!

Подсудимыхъ видимо-невидимо. Они заполнили всѣ скамьи, устремляясь—преимущественно—въ задніе ряды, чтобы свободнѣе бесѣдовать и отводить душу съ друзьями-пріятелями. Если мнѣ не измѣняетъ память, изъ „Предварилки" насъ явилось около 150 человѣкъ, а остальные 40-45

человѣкъ находились на свободѣ — на порукахъ и подъ стражей находились лишь въ самомъ судѣ, размѣщаясь на общихъ скамьяхъ съ другими подсудимыми.

Однимъ изъ первыхъ очутился возлѣ меня чрезвычайно оживленный Желябовъ. Самъ цвѣтущій и розовый, какъ херувимъ (что было не особенно удивительно, такъ какъ онъ находился все время на свободѣ, на деревенскомъ воздухѣ и заключенъ былъ подъ рѣшетку лишь передъ самымъ судомъ),—Желябовъ пораженъ былъ моимъ цвѣтущимъ видомъ и моей вполнѣ сохранившейся жизнерадостностью. Онъ разсчитывалъ, что я предстану передъ нимъ послѣ 4-хъ лѣтняго одиночнаго заключенія изможденнымъ, истощеннымъ, болѣзненнымъ,—и вдругъ! Желябовъ въ шутку принялся даже меня ощупывать: „не подложили ли вы себѣ ваты"!..

Затѣмъ я свидѣлся съ Волховскимъ, Жебуневымъ, Чарушинымъ и другими—преимущественно, „чайковцами", изъ коихъ я до тѣхъ поръ знакомъ былъ лишь съ однимъ Чарушинымъ. Чарующее впечатлѣніе произвела на меня Софья Перовская, которая находилась все время на свободѣ—на порукахъ матери и на „скамью подсудимыхъ" явилась „съ воли". Ея бодрость, подвижность, жизнерадостность заразительно дѣйствовали на всѣхъ. Узнавъ, что я страдаю безсонницей, она на другой же день передала для меня въ „Предварилку" отличную подушку. Съ такою же внимательностью Софья Перовская относилась ко всѣмъ, постоянно радостно ее окружавшимъ и относившимся къ ея чарующей личности съ глубочайшимъ уваженіемъ и съ какой-то необычайно душевной любовью.

Въ эти же дни я имѣлъ возможность познакомиться въ залѣ судебнаго засѣданія со многими изъ тѣхъ подсудимыхъ, имена которыхъ до тѣхъ поръ извѣстны были мнѣ лишь по обвинительному акту: съ обращавшимъ на себя вниманіе своей интеллигентной физіономіей И. Павловскимъ (будущимъ соратникомъ Суворина по „Новому Времени"),—съ маленькаго роста и чрезвычайно подвижнымъ Говорухой-Отрокомъ, на котораго покойный Н. К. Михайловскій возлагалъ большія надежды, судя по рукописямъ, ему передававшимся, и уже никакъ не могъ допускать мысли, что этотъ многообѣщающій юноша въ близкомъ будущемъ станетъ ярымъ ренегатомъ-мракобѣсцемъ,—съ типичнѣйшимъ и симпатичнѣйшимъ „Силычемъ"—Синегубомъ,—твердымъ и стойкимъ, какъ сталь, „отцомъ Митрофаномъ"—Муравскимъ, москвичкой Алексѣевой,—Субботиной, Ваховской и мн. другими.

2.

„Судъ идетъ!" Оповѣстилъ суд. приставъ около $12^1/_2$ часовъ.

Торжественно и чинно вошли въ залъ въ раззолоченныхъ мундирахъ члены Особаго Присутствія Правительствующаго Сената и во главѣ съ

первоприсутствующимъ расположились въ удобныхъ креслахъ за длиннымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ.

Въ составъ Особаго Присутствія входили: а) первоприсутствующій сенаторъ К. К. Петерсъ; б) сенаторы: М. Н. Похвисневъ, К. К. Ренненкампфъ, баронъ М. Н. Медемъ, Н. О. Тизенгаузенъ, Б. Н. Хвостовъ; в) сословные представители: предводители дворянства: 1) черниговскій губернскій, отставной штабсъ-капитанъ Н. И. Неплюевъ и 2) вышневолоцкій уѣздный П. И. Сназинъ-Тормасовъ, новгородскій городской голова Я. И. Журавлевъ и стародеревенскій волостной старшина П. Лукьяновъ, — и 3) Оберъ-секретарь В. В. Поповъ.

За прокурорскимъ столомъ занялъ мѣсто быстро двигавшійся по іерархической лѣстницѣ, тогда еще довольно молодой, товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правит. Сената В. А. Желиховскій, которому ассистировалъ юркій молоденькій прокуроръ екатеринбургскаго окружнаго суда Н. И. Шубинъ.

Заняли мѣста свои защитники, разсѣлись послѣ переклички подсудимые.

Залъ былъ биткомъ набитъ. Здѣсь красовался отборный цвѣтъ тогдашней русской присяжной адвокатуры. Впервые я увидѣлъ здѣсь лицомъ къ лицу: Спасовича, Герарда, Александрова, Е. Утина, Бардовскаго, Стасова, Турчанинова, Люстига, Макалинскаго, Самарскаго-Быховца, Боровиковскаго, Потѣхина I-го, Соколовскаго, Громницкаго, Кедрина, Соколова, Лемана, кн. Кейкуатова, Дорна, Дена, Михайлова, Штукенберга, Тростянскаго, Буймистерова и Месюру. Всѣ,—всѣ здѣсь были на лицо [1]). Всѣ эти достойные представители нашей адвокатуры дружески, живо и съ захватывающимъ интересомъ переговаривались съ своими кліентами.—Въ числѣ защитниковъ находились еще почтенный старикъ-москвичъ Щепкинъ, прибывшій для защиты своего сына, а также бывшій уже тогда въ ореолѣ своей ученой славы профессоръ петербургскаго университета по каѳедрѣ уголовнаго права Таганцевъ, принявшій на себя защиту своего родственника доктора Кадьяна, стараго знакомаго моего по медицинской академіи.

При всей своей относительной вмѣстительности, залъ суда былъ настолько переполненъ подсудимыми и защитниками, что хотя первоприсутствующій не провозгласилъ, что засѣданія суда будутъ закрытыя, но *фактически* они должны были таковыми оказаться, и присяжный повѣренный Спасовичъ имѣлъ полное основаніе, при самомъ открытіи засѣданія, заявить отъ имени своего и всей защиты, что засѣданіе происходитъ

---

[1]) Кромѣ этихъ 25-ти присяжныхъ повѣренныхъ, въ защитѣ участвовали еще 6 молодыхъ помощниковъ прис. повѣренныхъ: Гернгросъ, Граціанскій, Коломнинъ, Корабчевскій, Леонтьевъ и Небольсинъ.

при закрытыхъ дверяхъ, и ходатайствовать, въ виду недостаточнаго помѣщенія для публики, пріискать для засѣданій суда болѣе обширное помѣщеніе (проходную залу того же окр. суда или какое-либо изъ обширныхъ городскихъ зданій).—Спасовича поддержалъ Герардъ, но первоприсутствующій Петерсъ разъяснилъ, что засѣданіе-де публичное, и въ засѣданіи присутствуетъ даже публика въ предѣлахъ вмѣстимости помѣщенія, такъ что ходатайство защиты не подлежитъ удовлетворенію.

Дѣйствительно, была въ залѣ и публика, но крайне немногочисленная, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ ближайшихъ родственниковъ подсудимыхъ—матерей, женъ, братьевъ, отцовъ, сестеръ. Посторонняя же публика была допущена въ самомъ ограниченномъ количествѣ и впускалась не иначе, какъ по строго контролировавшимся билетамъ. Я не говорю объ отборной сановной публикѣ, красовавшейся въ блестящихъ мундирахъ за креслами судей.

3.

Первоприсутсвующій приступилъ къ формальному опросу подсудимыхъ—о званіи, вѣроисповѣданіи, занятіяхъ, лѣтахъ и послѣднемъ мѣстожительствѣ.

Отвѣты были сдержанны и кратки. Замѣтна была лишь общая тенденція большинства подсудимыхъ подчеркнуть безконечно-долгое *предварительное* заключеніе. Мнѣ столько-то лѣтъ, а во время ареста было столько-то,—вотъ каковъ былъ отвѣтъ очень многихъ подсудимыхъ на вопросъ о лѣтахъ, хотя никакого предварительнаго уговора на этотъ счетъ не было,—и изъ этихъ отвѣтовъ выяснилось, что, за исключеніемъ весьма немногихъ, громадное большинство томилось въ ожиданіи суда за рѣшетками по 3-4 года. На вопросъ о вѣроисповѣданіи многіе отвѣчали: при рожденіи меня окрестили по православному обряду. На вопросъ о послѣднемъ мѣстожительствѣ большинство отвѣчало—„тюрьма".

Послѣ нѣкоторыхъ другихъ еще формальностей, когда особое присутствіе, выслушавъ заключеніе обвинителя, предположило перейти къ производству судебнаго слѣдствія, одинъ изъ подсудимыхъ—И. Н. Чернявскій въ весьма рѣзкой формѣ заявилъ, что такъ какъ судебныя засѣданія, благодаря неудачно выбранному помѣщенію, фактически будутъ, вопреки разъясненіямъ первоприсутствующаго, не публичныя, а закрытыя, и подсудимые лишены будутъ той гласности, на которую они имѣли право разсчитывать, то подсудимые считаютъ излишнимъ присутствовать на судѣ и отказываются добровольно приходить въ засѣданія. Къ этому заявленію присоединились Муравскій и многіе другіе.

Первоприсутствующій приказалъ тогда удалить изъ залы засѣданія

Чернявскаго. Но когда приставъ хотѣлъ привести въ исполненіе это приказаніе, вся зала заволновалась. Раздались бурные протесты и крики: „пусть выводятъ всѣхъ. Мы всѣ раздѣляемъ это мнѣніе!"

Видя, что приходится или отмѣнить приказъ объ удаленіи Чернявскаго или прервать засѣданіе, первоприсутствующій въ интересахъ „престижа" приказалъ ввести стражу и, объявивъ засѣданіе закрытымъ до слѣдующаго дня, распорядился объ удаленіи изъ зала всѣхъ 193-хъ подсудимыхъ, хотя нашлись въ числѣ послѣднихъ и такіе (правда, очень немногіе), которые заявили, что они къ мнѣнію Чернявскаго не присоединяются и намѣрены участвовать въ судѣ [1]).

19-го октября, однако, засѣданіе не состоялось, такъ какъ заболѣлъ одинъ изъ сословныхъ представителей. Открывая же 2-е засѣданіе 20-го октября, первоприсутствующій, остановившись на приведенномъ инцидентѣ, обратился къ подсудимымъ съ увѣщаніемъ отъ имени Особаго Присутствія не нарушать порядка и соблюдать должное уваженіе къ суду, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ вынужденъ удалять подсудимыхъ изъ залы засѣданія, а это было бы прежде всего вредно для самихъ подсудимыхъ, такъ какъ лишило бы ихъ возможности давать свои объясненія, которыя могли бы послужить облегченію ихъ участи.

Подсудимые воздержались отъ всякаго отвѣта на нотацію, и первоприсутствующій приступилъ къ опросу свидѣтелей и приводу ихъ къ присягѣ.

Мышкинъ предъявилъ отводъ противъ всѣхъ выставленныхъ по его московскому дѣлу свидѣтелей, мотивируя его тѣмъ, что свидѣтели находятся въ полной зависимости отъ правительства, которое является въ дѣлѣ заинтересованной стороной. Судъ, въ согласіи съ заключеніемъ Желиховскаго, призналъ отводъ неправильнымъ.

Я, съ своей стороны, предъявилъ отводъ противъ свидѣтеля Симхи, ссылаясь на то, что онъ, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, былъ сыщикъ и дѣйствовалъ изъ корыстныхъ видовъ, почему онъ, по моему мнѣнію, согласно ст. 707 и 710 Уст. Уг. Судопр., долженъ быть допрошенъ безъ присяги. Желиховскій далъ заключеніе, что законъ не усматриваетъ-де въ профессіи сыщика основанія къ отводу отъ присяги, съ чѣмъ согласилось и Особое Присутствіе.

Послѣ приведенія свидѣтелей къ присягѣ, оберъ-секретарь Поповъ, по предложенію первоприсутствующаго, приступилъ къ чтенію обвинительнаго акта.

---

[1]) Нѣкоторые объяснили свое заявленіе тѣмъ, что Чернявскій „произвольно", безъ предварительнаго по этому пункту уговора, говорилъ отъ имени всѣхъ.

Утомительное и далеко-невнятное чтеніе объемистаго акта тянулось и въ засѣданіяхъ 21-го и 22-го октября и закончилось лишь 24-го октября (23-го засѣданіе не состоялось) около 4-хъ часовъ пополудни.

Намъ, подсудимымъ, не до обвинительнаго акта было. Мы его уже и безъ того хорошо изучили, и чтеніе его для насъ рѣшительно никакого интереса не представляло. Насъ куда больше интересовали бесѣды „по душамъ“ съ друзьями пріятелями.

Какъ не старались мы не нарушать тишины, и какъ не тихо велись наши бесѣды, но и шопотъ почти двухсотъ человѣкъ переходилъ, естественно, въ довольно громкій, хотя и глухой, гулъ,—такъ что Петерсъ неоднократно призывалъ насъ къ порядку, къ соблюденію подобающей „серьезности“ и къ „внимательному“ слушанію обвинительнаго акта. Почти неумолкаемый говоръ выводилъ торжественно настроеннаго Петерса изъ его величаваго спокойствія, и онъ очень часто обращался къ намъ съ замѣчаніями и выговорами, которые были особенно суровы по адресу нашихъ дамъ: послѣднимъ Петерсъ неоднократно замѣчалъ, что имъ „дамамъ“ неприлично ютиться на заднихъ скамьяхъ, когда спеціально для нихъ отведены переднія мѣста.

Всѣ эти замѣчанія ни къ чему не приводили. Мы всѣ уже слишкомъ стосковались въ одиночкахъ по разговорамъ съ живыми людьми, чтобы монотонное чтеніе наизусть извѣстнаго обвинительнаго акта могло сконцентрировать наше вниманіе,—въ особенности, жениховъ и невѣстъ, каковыхъ не мало было между подсудимыми.

4.

Въ 5-мъ засѣданіи, 24-го октября, около 4-хъ часовъ дня чтеніе обвинительнаго акта, наконецъ, закончилось. Насталъ моментъ перехода къ судебному слѣдствію.

И вотъ тутъ-то само Особое Присутствіе доставило намъ-подсудимымъ неуязвимый по нашему мнѣнію, съ точки зрѣнія самой строгой законности, поводъ къ тому бойкоту суда, къ которому уже заранѣе присоединилось около сотни подсудимыхъ.

Прежде чѣмъ перейти къ судебному слѣдствію, первоприсутствующій огласилъ слѣдующее, состоявшееся *еще до открытія судебнаго разбирательства*, 11-го октября, въ *распорядительномъ* засѣданіи, по его—первоприсутствующаго—словесному предложенію, опредѣленіе: всѣхъ привлекаемыхъ къ „дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи“ раздѣлить, въ виду тѣсноты помѣщенія, на 17 группъ, производя судебное слѣдствіе по каждой группѣ въ отдѣльности, предоставляя отнесеннымъ къ той или

другой группѣ право присутствовать при судебномъ слѣдствіи и надъ лицами другой группы, буде они укажутъ на завѣдомую связь ихъ съ этой группой.

По оглашеніи этого неожиданнаго, при столь странной обстановкѣ состявшагося, опредѣленія Особаго Присутствія, раздались единодушные протесты противъ него со стороны подсудимыхъ и со стороны защитниковъ. На обращенные присяжными повѣренными Герардомъ и Утинымъ запросы къ суду и на выраженное ими желаніе сдѣлать заявленіе по поводу этого опредѣленія, первоприсутствующій объявилъ, что опредѣленіе суда *окончательное* и обсужденію не подлежитъ!

Поднялся страшный ропотъ со стороны почти всѣхъ подсудимыхъ. Раздался общій негодующій крикъ: *„Мы протестуемъ: существенные интересы наши нарушены!“*. Многіе подсудимые, и въ ихъ числѣ и я, крайне возбужденные, вскочили на стулья и, внѣ себя отъ негодованія, выразили свой протестъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ столь безцеремоннаго и незаконнаго поступка суда. Къ чести нашихъ защитниковъ надо отмѣтить, что они единодушно и весьма энергически поддерживали наши протесты, возмущаясь до глубины души попраннымъ правомъ.

Шумъ и ропотъ возрастали crescendo. По адресу суда посыпался цѣлый каскадъ самыхъ нелестныхъ и оскорбительныхъ эпитетовъ. Ни крики, ни угрозы первоприсутствующаго не помогли. Въ залѣ воцарилась полная анархія. Все слилось въ одинъ бурный гулъ.

И тогда произошла одна изъ тѣхъ сценъ, которыя никогда не забываются и навѣки неизгладимыми чертами врѣзываются въ память: мгновенно раскрылись двери, въ залъ засѣданія быстро вторглось множество жандармовъ, которые со сверкающими высоко-поднятыми надъ головами саблями наголо со всѣхъ сторонъ окружили подсудимыхъ сплошной цѣпью и потребовали грозно, чтобы тѣ немедленно послѣдовали съ ними обратно въ домъ предварительнаго заключенія.

Немногочисленная публика, присутствовавшая въ засѣданіи, впала въ оцѣпѣненіе. Въ ея рядахъ раздались истерическіе вопли и крики, было даже нѣсколько случаевъ съ обмороками.

Направленныя на насъ въ упоръ сабли не помѣшали намъ, однако, еще разъ протестовать противъ беззаконій суда и заранѣе, повидимому, организованнаго противъ насъ насилія. Мы слишкомъ были возмущены и возбуждены, чтобы выбирать выраженія, которыя не отличались особенной деликатностью.

Члены Особаго Присутствія, крайне смущенные, совершенно растерялись отъ столь неожиданнаго для нихъ активнаго противодѣйствія и безъ всякаго заявленія со стороны первоприсутствующаго о перерывѣ или закрытіи засѣданія, вмѣстѣ съ прокуроромъ Желиховскимъ, поспѣшно оста-

вили залъ засѣданія. Насъ насильственно отвели „домой", а наши защитники всѣ демонстративно остались на своихъ мѣстахъ, заявивъ, что, такъ какъ засѣданіе предсѣдателемъ формально и публично не закрыто, то они не считаютъ себя вправѣ удалиться изъ зала,—о чемъ и довели черезъ судебнаго пристава до свѣдѣнія Особаго Присутствія, присовокупивъ, что одного его негласнаго заявленія черезъ с. пристава о перерывѣ засѣданія для нихъ недостаточно, такъ какъ законъ обязываетъ судъ дѣлать подобныя заявленія публично въ самомъ залѣ засѣданія и въ присутствіи обѣихъ сторонъ.

Очутившись въ столь безвыходномъ положеніи, Петерсъ пригласилъ въ судейскую комнату защитниковъ. Тамъ, какъ мы узнали отъ послѣднихъ, произошло очень бурное объясненіе. Сенаторы горько упрекали защитниковъ въ потворствѣ скандалу, учиненному подсудимыми, въ неуваженіи къ суду и т. д. Желиховскій совершенно забылся, обрушился на защитниковъ и позволилъ себѣ чуть ли не обозвать ихъ революціонерами и подстрекателями. Защитники не оставались въ долгу и довольно рѣзко оттѣнили некорректное отношеніе суда къ подсудимымъ. Въ концѣ концовъ защитники сдались и, удовлетворившись сдѣланнымъ имъ лично Петерсомъ (хотя и въ судейской комнатѣ) заявленіемъ о закрытіи засѣданія, удалились домой...

5.

Засѣданіе Особаго Присутствія прервано было до слѣдующаго дня.

Въ средѣ подсудимыхъ царило, естественно, крайнее возбужденіе и очень серьезное волненіе. Въ первую голову на незаконное опредѣленіе Особаго Присутствія должны были конкретно откликнуться „чайковцы", такъ какъ именно они и попали въ первую группу, причемъ по какимъ-то соображеніямъ къ нимъ присоединили и Ф. В. Волховского, центральную фигуру одесскаго кружка, и А. А. Франжоли, члена того же кружка.

Большинство лицъ, отнесенныхъ къ первой группѣ, рѣшило добровольно въ судъ не идти; если же употреблено будетъ противъ нихъ насиліе (хотя бы и символическое—прикосновеніе руки), то подчиниться этому „насилію"; но явившись въ судъ, заявить тамъ объ отказѣ своемъ отъ участія въ судѣ и добиваться всѣми мѣрами удаленія своего изъ зала засѣданія,—пусть-де судъ судитъ въ отсутствіи обвиняемыхъ.

При обсужденіи этой тактики, рѣшено было составлять и печатать отчетъ (краткій) о засѣданіяхъ суда въ самомъ домѣ предварительнаго заключенія, возложивъ редакторскія обязанности на Льва Тихомирова, который, увы! и тогда, какъ въ теченіе еще многихъ лѣтъ впослѣдствіи, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и самой лестной и широкой популярностью.

Состоявшееся соглашеніе выполнено было въ точности. Каждый изъ протестантовъ-подсудимыхъ первой группы, приглашенныхъ отправиться въ судъ, заявлялъ о своемъ нежеланіи; тогда входили въ его камеру конвойные и протягивали къ нему руки,—онъ тогда выходилъ въ коридоръ, гдѣ вскорѣ и собрались всѣ 27 подсудимыхъ, отнесенныхъ къ первой группѣ, и оттуда подъ обычнымъ конвоемъ препровождены были въ окружный судъ.

22-го октября, около 11 часовъ утра, открылось шестое засѣданіе Особаго Присутствія. Защита не сложила еще оружія и рѣшила сдѣлать еще попытку—реагировать на опредѣленіе отъ 11-го октября.

Почтенный Турчаниновъ отъ имени своего и всѣхъ товарищей своихъ по защитѣ обратился къ Особому Присутствію съ просьбой разрѣшить представить свои соображенія относительно этого опредѣленія. Особое Присутствіе удалилось для совѣщанія и огласило потомъ постановленіе: оставить это заявленіе безъ послѣдствій.

Тогда присяжный повѣренный (бывшій товарищъ оберъ-прокурора Правит. Сената) Александровъ прочелъ отъ имени всей защиты заявленіе. Указавъ на незаконность опредѣленія отъ 11-го октября какъ по существу, такъ и по формѣ, защитники констатируютъ, что это опредѣленіе поставило защиту въ крайне затруднительное положеніе, лишивъ ихъ возможности защищать интересы своихъ кліентовъ по долгу присяги и принятыхъ на себя обязанностей и до-нельзя сузивъ ихъ роль. Тѣмъ не менѣе, однако, они не находятъ возможнымъ совсѣмъ сложить съ себя защиту и будутъ продолжать вести ее въ тѣхъ предѣлахъ и рамкахъ, какіе предоставляются имъ опредѣленіемъ отъ 11-го октября и дальнѣйшими распоряженіями Особаго Присутствія.

Таково, приблизительно, насколько припоминаю (со словъ защитниковъ), было содержаніе коллективнаго рѣшенія, которое Особое Присутствіе, послѣ совѣщанія, постановило оставить безъ послѣдствій и приступить къ производству судебнаго слѣдствія по первой группѣ.

Подсудимыхъ вводили въ залъ по одному и предлагали вопросы объ ихъ виновности.

Изъ 27 подсудимыхъ первой группы лишь одна треть—9 человѣкъ не примкнуло къ бойкоту суда, остальные 18 чел. (Перовская, Рогачевъ, Чарушинъ, Синегубъ, Шишко, Франжоли, Тихомировъ, Волховскій, Купріяновъ и др.) отказались отвѣчать на вопросы, а также принимать какое-либо участіе въ дальнѣйшемъ производствѣ, заявивъ при этомъ, что ихъ въ залу засѣданія привели насильно. Они требовали своего удаленія, но Петерсъ, не взирая на рѣзкости подсудимыхъ, не сдавался и въ этотъ день распорядился объ удаленіи лишь изъ залы засѣданія Рогачева, Сине-

губа, Корнилова и Рабиновича „въ виду произведенныхъ ими безпорядковъ и оказаннаго неуваженія къ суду". Остальные протестанты вынуждены были оставаться и присутствовать при опросѣ свидѣтелей этой группы. Однако, уже 26-го октября протестанты, вновь приведенные въ судъ „силою", рѣшились ни передъ чѣмъ не останавливаться и добиться своего удаленія.

Волховскій, ссылаясь на сильно притупленный слухъ, подошелъ съ разрѣшенія Петерса почти вплотную къ судейскому столу, произнесъ энергическую рѣчь—протестъ противъ опредѣленія Особаго Присутствія о раздѣленіи подсудимыхъ на группы, заявилъ отъ имени своего и товарищей объ отказѣ отъ участія въ судѣ и потребовалъ удаленія ихъ всѣхъ, вручивъ первоприсутствующему письменный протестъ.

Петерсъ долго не сдавался. Онъ предложилъ Волховскому занять мѣсто, признавалъ домогательства объ удаленіи изъ залы засѣданія незаконными, рѣзко обрывалъ говорившихъ, когда они переходили къ оскорбленіямъ. Но, наконецъ, терпѣніе и невозмутимость его истощились. „Безпорядки" и „неуваженіе къ суду" приняли такіе размѣры, что Петерсъ распорядился объ удаленіи всѣхъ 18-ти протестантовъ и о дальнѣйшемъ производствѣ судебнаго слѣдствія въ ихъ отсутствіи.

Въ слѣдующіе дни продолжали, попрежнему, опрашивать всѣхъ подсудимыхъ по первой группѣ,—кто изъ нихъ желаетъ отправляться въ судъ, но уже, при неизмѣнномъ отказѣ со стороны протестантовъ, къ „насилію" не прибѣгали, такъ что слѣдствіе производилось въ ихъ отсутствіи, что постоянно подчеркивалось защитой. Въ такомъ же духѣ велось затѣмъ судебное слѣдствіе и по дальнѣйшимъ группамъ: вначалѣ часть каждой группы не соглашалась „добровольно" идти въ судъ, прибѣгали къ „силѣ", подсудимые „доставлялись" въ судъ, и здѣсь каждый протестантъ-подсудимый, послѣ отказа суда въ исполненіи его требованія объ удаленіи изъ залы засѣданія, облекалъ отвѣты свои на вопросъ суда въ столь рѣзкую форму, что судъ волей-неволей долженъ былъ исполнить его требованіе и затѣмъ судебное слѣдствіе производилось уже въ его отсутствіи. Съ каждымъ днемъ все легче и легче становилось добиваться своего „удаленія", такъ какъ сенаторамъ, въ концѣ концовъ, не въ моготу стали безпрестанныя оскорбленія по ихъ адресу, и они уже въ требованіяхъ своихъ о присутствіи на судѣ протестантовъ не упорствовали.

Слухи о безпримѣрномъ и небываломъ еще у насъ поведеніи на судѣ подсудимыхъ, о переходѣ послѣднихъ изъ роли обвиняемыхъ къ роли обвинителей, объ изъ ряда вонъ выходящемъ судебномъ скандалѣ,—все болѣе и болѣе распространялись по Петербургу, и „процессъ 193-хъ"

становился необычайно популярнымъ. Публика осаждала первоприсутствующаго просьбами о входныхъ билетахъ, набивалась въ помѣщеніе суда съ ранняго утра—задолго до появленія подсудимыхъ и оставляла залъ засѣданія, какъ только протестанты удалялись отсюда. Защитники передавали намъ, что иные изъ публики, опоздавъ и узнавъ, что „скандалъ уже кончился“ и „протестантовъ уже увели“, разочарованные, махали руками и удалялись домой. Это было своеобразное, три мѣсяца тянувшееся „зрѣлище“...

Надо сознаться, что положеніе членовъ Особаго Присутствія было, поистинѣ, трагическое. Намъ передавали, что сенаторы раскаивались въ своемъ опредѣленіи о раздѣленіи на группы [1]), такъ какъ, не существуй это раздѣленіе, не приходилось бы (какъ выразился одинъ изъ нихъ) выслушивать оскорбленія „по чайной ложкѣ“ ежедневно, ежечасно. Одинъ изъ защитниковъ передавалъ, что сенаторъ Половцевъ, не входившій въ составъ судившаго насъ Особаго Присутствія, выразился такъ по поводу происходившаго на судѣ: „положеніе подсудимыхъ, конечно, не изъ веселыхъ; но я предпочелъ бы сидѣть на ихъ скамьѣ, чѣмъ въ судейскомъ креслѣ и подвергаться ежедневно столь тяжкимъ оскорбленіямъ“...

6.

Очередь дошла до десятой группы, въ которую включили одесситовъ, и въ томъ числѣ и меня.

Всего отнесено было къ этой группѣ 26 человѣкъ. Больше половины — 14 человѣкъ (С. Жебуневъ, Мокаревичъ, Костюринъ, Ланганcъ, Дическулло, Желябовъ, Голиковъ, Соколовъ, Пьянковъ, Субботина, Шатилова, Завадская, Лопатинъ и я) рѣшило не участвовать въ судѣ, остальные же 12 подсудимыхъ къ бойкоту не присоединились. Надо замѣтить, что до начала суда Желябова, противъ котораго не существовало почти никакихъ уликъ, одесситы убѣдили не присоединяться къ бойкоту, и онъ на это согласился, но послѣ оглашенія опредѣленія отъ 11-го октября о раздѣленіи на группы, и происшедшаго при этомъ инцидента онъ отъ участія въ судѣ категорически отказался.

Наканунѣ вызова въ судъ десятой группы (9-го ноября 1877 г.) стали опрашивать въ обычномъ предварительномъ вечернемъ „засѣданіи“ въ „Предварилкѣ“, кто изъ отнесенныхъ къ этой группѣ примыкаетъ къ протесту. Зная уже по опыту, что суду заранѣе становятся извѣстными рѣшенія подсудимыхъ относительно ихъ поведенія на судѣ и что по-

[1]) Циркулировали упорно слухи, что опредѣленіе это навязано было Особому Присутствію извнѣ министромъ юстиціи—Паленомъ.

слѣдній уже рѣшилъ больше до оскорбленій со стороны протестантовъ не доводить, а при первомъ же намекѣ подсудимаго о нежеланіи участвовать въ судебномъ разбирательствѣ и при малѣйшемъ непочтительномъ съ его стороны выраженіи по адресу суда, удалять его,—я, имѣя желаніе быть удаленнымъ изъ залы засѣданія лишь послѣ нѣкоторой мотивировки своего поведенія, которому мнѣ хотѣлось придать возможно болѣе корректную и юридически-обоснованную форму, громко и отчеканивая каждое слово, отвѣтилъ вопрошавшимъ въ окно, что я думаю участвовать въ судебномъ слѣдствіи и, вообще, въ судѣ. Однако хитрость эта съ моей стороны была уже запоздалая и не помогла. Особое Присутствіе, очевидно, имѣло уже самый точный списокъ протестантовъ. Для меня это ясно стало вотъ изъ чего.

Выше уже мною указано было, что, передъ отправленіемъ въ судъ, надзиратели опрашивали вызываемыхъ подсудимыхъ, желаютъ ли они идти въ судъ добровольно; при этомъ къ нежелающимъ примѣняли символическое „насиліе", и, когда ихъ вводили въ залъ засѣданія, ихъ помѣщали, по распоряженію первоприсутствующаго, на, такъ называемой, „Голгоѳѣ", особо-устроенномъ возвышеніи—помостѣ, других же помѣщали на обычныхъ скамьяхъ для подсудимыхъ.

И вотъ, хотя я на поставленный мнѣ надзирателемъ вопросъ отвѣтилъ, что не только желаю добровольно идти въ судъ, но намѣренъ участвовать и въ судебномъ слѣдствіи, и въ защитѣ, меня все-таки, при вводѣ 10-го ноября въ залъ засѣданія, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ водворили на „Голгоѳѣ"...

Петерсъ обратился ко мнѣ съ безстрастнымъ обычнымъ вопросомъ: признаю ли я себя виновнымъ? Въ отвѣтъ я заявилъ, что я прошу судъ прежде всего разъяснить мнѣ: на основаніи *какого* обвинительнаго акта онъ предполагаетъ судить меня.

Петерсъ въ недоумѣніи спрашиваетъ меня: „а развѣ вамъ не врученъ былъ обвинительный актъ, и развѣ вамъ не читали его здѣсь на судѣ?"—Да, возразилъ я, *этотъ* обвинительный актъ мнѣ предъявленъ былъ, но, очевидно, что судятъ меня на основаніи не этого акта, а какого-либо другого, такъ какъ по *тому* обвинительному акту суду предается, вѣдь, тайное сообщество въ составѣ 193-хъ лицъ, однимъ изъ которыхъ по совершенно неосновательному мнѣнію прокуратуры являюсь я. Въ данную же минуту я вижу себя въ обществѣ всего 26-ти лицъ, и судебное слѣдствіе предполагается произвести надъ этими именно 26-ю лицами,—и судъ не можетъ не согласиться, что недоумѣніе мое, такимъ образомъ, вполнѣ законное и основательное...

Прервавъ меня, Петерсъ сурово сказалъ мнѣ: „вы знаете, что судъ

раздѣлилъ подсудимыхъ на группы вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія и то только на время производства судебнаго слѣдствія. А теперь я прошу васъ дать, не уклоняясь, отвѣтъ на мой вопросъ.

— Но, возразилъ я, г. предсѣдатель, я съ подобнымъ доводомъ согласиться не могу. Меня и другихъ, привлеченныхъ по этому дѣлу, продержали *до* суда въ *предварительномъ* одиночномъ заключеніи около *четырехъ* лѣтъ, и на всѣ наши протесты и ходатайства намъ неизмѣнно отвѣчали, что насъ-подсудимыхъ слишкомъ много, что мы разбросаны по всей Россіи и составляемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое тѣсное сообщество, что—въ интересахъ правосудія — немыслимо раздѣлить насъ, отдѣлить однихъ отъ другихъ, а необходимо, безусловно необходимо судить насъ всѣхъ разомъ и вмѣстѣ. И вотъ мы изнывали, томились безконечно долгое время, многіе не выдержали предварительнаго заключенія, зачахли за рѣшетками и умерли, не дождавшись суда, нѣкоторые покончили самоубійствомъ. А теперь, когда насталъ, наконецъ, долго жданный судъ, послѣдній находитъ возможнымъ, за неимѣніемъ де соотвѣтствующаго помѣщенія, разбить насъ на 17 группъ и производить судебное слѣдствіе по каждой группѣ въ отдѣльности. Четыре года все было безсильно передъ суровымъ принципомъ: „fiat justitia—pereat mundus“,— во имя торжества послѣдняго не останавливались ни передъ серьезными болѣзнями заключенныхъ, ни передъ ихъ отчаяніемъ, разразившимся самоубійствомъ, а передъ „тѣснотой помѣщенія“ принципъ этотъ долженъ былъ покорно склониться!.. Если я обвиняюсь въ принадлежности къ сообществу изъ 193-хъ лицъ, то пусть же судъ производитъ судебное слѣдствіе надо мною и надъ каждымъ изъ насъ въ присутствіи всего этого сообщества...

Петерсъ вновь меня прервалъ заявленіемъ, что Особое Присутствіе не отвѣтственно-де за то, что происходило до суда. Онъ предоставитъ мнѣ дать всѣ свои объясненія впослѣдствіи, когда будетъ производиться слѣдствіе по существу; теперь же онъ требуетъ отъ меня категорическаго отвѣта на формальный вопросъ.

Я, въ свою очередь, возразилъ, что я не могу согласиться участвовать въ слѣдствіи по существу до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣта и удовлетворенія по столь существенному формальному вопросу.

Петерсъ сурово заявилъ мнѣ: прошу категорическаго отвѣта на вопросъ, признаете ли себя виновнымъ, или нѣтъ.

Замѣтивъ, что ко мнѣ уже направляется судебный приставъ и конвоиръ, я, возвысивъ голосъ, громко отчеканилъ буквально слѣдующее:

Отвѣтить на этотъ вопросъ я не считаю возможнымъ и во имя за-

кона и *истиннаго* правосудія отказываюсь отъ всякаго участія въ настоящемъ судѣ.

При послѣднемъ словѣ, я быстро направился къ выходу и, не ожидая „вывода“, вмѣстѣ съ своимъ конвоиромъ оставилъ залъ засѣданія, вышелъ въ коридоръ, подѣлился съ товарищами по группѣ, ждавшими своей очереди, съ моимъ заявленіемъ и затѣмъ препровожденъ былъ въ „Предварилку“—въ свою камеру.

Меня тотчасъ же, какъ и всѣхъ возвратившихся изъ суда, вызвалъ къ окну Тихомировъ, и я передалъ ему дословно объясненіе свое съ первоприсутствующимъ. Авторитетный для насъ тогда Тихомировъ призналъ объясненіе мое вполнѣ соотвѣтствующимъ задачамъ протеста, и оно на другой же день было отпечатано цѣликомъ въ редактировавшемся имъ краткомъ отчетѣ засѣданія...

7.

Враждебныя выступленія противъ суда продолжались и достигли своего апогея въ засѣданіи 15-го ноября, когда началось судебное слѣдствіе надъ подсудимыми 12-й группы, къ которой отнесенъ былъ, между прочимъ, и Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ.

Рѣшивъ, во что бы то ни стало посчитаться съ правительствомъ и судомъ за почти пятилѣтнія репрессіи по отношенію къ заключеннымъ и за нашу реакціонную политику вообще, Мышкинъ формально къ бойкоту суда не примкнулъ. Надо полагать, что послѣднее было извѣстно Петерсу и, когда Мышкинъ попросилъ разрѣшеніе представить объясненіе по поводу вопроса о его виновности, Петерсъ предоставилъ ему слово, которымъ Мышкинъ сумѣлъ мастерски воспользоваться для своей цѣли. Онъ проникновеннымъ голосомъ произнесъ длинную, чрезвычайно содержательную и громовую рѣчь, которую ему удалось, — не взирая на многократные перерывы и напоминанія Петерса, что онъ свой отвѣтъ превращаетъ въ преждевременную защитительную рѣчь,—довести почти до конца,—и подъ яростный шумъ и протесты суда произнесъ даже и заключительныя слова, которыя даже и нѣкоторымъ изъ насъ-протестантовъ показались даже черезчуръ рѣзкими,—въ особенности сопоставленіе въ нихъ суда съ публичнымъ домомъ и сенаторовъ съ публичными женщинами, имѣющими-де то передъ первыми преимущество, что онѣ, по крайней мѣрѣ, продаютъ себя ради куска хлѣба, между тѣмъ какъ судьи-сенаторы торгуютъ собою ради карьеры, ради чиновъ, крестовъ и орденовъ.

Рѣчь Мышкина переполнила чашу терпѣнія бюрократическихъ сферъ, тѣмъ болѣе, что, подпольно отпечатанная, она усиленно распространялась въ широкихъ слояхъ общества и смѣлостью и безпощадностью обличеній

всей гнили нашихъ правящихъ классовъ производила громадное впечатлѣніе [1]).

Появились слухи о предстоящихъ суровыхъ репрессіяхъ по отношенію къ подсудимымъ. И, дѣйствительно, нашему „благодушествованію“ насталъ конецъ.

Въ высшихъ административныхъ сферахъ рѣшено было круто расправиться со всѣми „зачинщиками“ бойкота суда, отдѣлить ихъ (говорили даже безъ соглашенія съ судомъ) отъ остальныхъ подсудимыхъ и водворить ихъ въ Петропавловскую крѣпость...

Какъ извѣстно читателямъ, я лишь въ концѣ сентября или въ первыхъ числахъ октября, т.-е. передъ самымъ началомъ суда переведенъ былъ изъ этой крѣпости въ домъ предварительнаго заключенія, когда тамъ бойкотъ суда былъ уже рѣшеннымъ дѣломъ, къ которому мнѣ оставалось лишь примкнуть; благодаря же сильному разстройству въ то время моего слуха, я въ „засѣданіяхъ“ предварилки по этому вопросу могъ принимать лишь самое слабое участіе и проявилъ тогда, вообще, весьма мало активности. Не взирая, однако, на все это, я очутился въ числѣ тѣхъ (кажется, сорока) „зачинщиковъ“, которыхъ рѣшено было изъять изъ среды подсудимыхъ по нашему дѣлу и перевести въ Петропавловку, отнюдь не стѣсняясь тѣмъ, что судъ надъ нами еще продолжался и былъ еще далекъ отъ конца!

15 или 16 ноября, когда слѣдствіе надъ подсудимыми 12-й группы не было еще окончено, меня около полуночи разбудили. Вошли въ мою камеру, предложили мнѣ одѣться и повели меня въ контору. Тамъ я сданъ былъ на руки жандармскому офицеру, который вывелъ меня на Шпалерную, усадилъ въ дожидавшуюся тамъ закрытую карету, которая состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ каждомъ изъ которыхъ заперли по одному „зачинщику“.

Карета помчалась по питерскимъ улицамъ. Ни мнѣ, ни другимъ не сообщили, куда насъ везутъ и зачѣмъ, но мы объ этомъ догадывались, хотя изъ-за опущенныхъ шторъ намъ и не видно было, по какимъ улицамъ и по какому направленію насъ везутъ.

Карета остановилась. Я вышелъ изъ своей клѣтки и очутился предъ знакомыми мнѣ уже воротами, которыя вновь гостепріимно предо мною раскрылись.

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ уже на диванчикѣ въ той са-

[1]) Мышкину разными путями и всѣми способами передавались „съ воли“ поздравленія, привѣтствія, благодарности, даже цвѣты.

мой комнатѣ, въ которой меня впервые обыскивали мѣсяцевъ 16 назадъ. Здѣсь ждалъ меня неожиданный сюрпризъ.

Такъ какъ за одну ночь (правильнѣе, полуночь) перевезено было изъ предварилки въ Петропавловку нѣсколько десятковъ народа, то поневолѣ пришлось нарушать традиціонную таинственность этого образцоваго мертваго дома, въ которомъ разъ-на-всегда установлено, что одинъ въ немъ заключенный не долженъ видѣть другого.

Судьбѣ угодно было столкнуть меня теперь здѣсь, въ этой „пріемной" какъ-разъ съ самымъ близкимъ и дорогимъ моимъ другомъ—Ф. В. Волховскимъ!

Его привели въ крѣпость за нѣсколько минутъ до моего прибытія, а за обиліемъ „гостей" и необычной ихъ „доставкой", администрація не успѣла еще „принять" его и „устроить".

Мы бросились другъ другу въ объятія и, перемолвившись двумятремя словами, горячо-братски попрощались. Мы не надѣялись уже впредь встрѣтиться живыми, такъ какъ мы не знали, чѣмъ кончится надъ нами судъ, гдѣ мы по волѣ его и всякихъ сферъ очутимся,—а главное, не могли еще уяснить себѣ, въ чемъ и въ какихъ формахъ выразятся репрессіи по отношенію къ намъ-„зачинщикамъ" столь грандіознаго судебнаго скандала. Къ тому же здоровье Волховскаго было слишкомъ разстроено продолжительнымъ одиночнымъ заключеніемъ, и онъ чувствовалъ себя очень плохо послѣ столь недавней еще жестокой расправы треповскихъ клевретовъ съ нимъ и другими товарищами во время гнусной исторіи съ Боголюбовымъ, мстительницей за котораго вскорѣ явилась Вѣра Засуличъ [1]).

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, подавляя накипавшія слезы, мы распрощались съ Феликсомъ Вадимовичемъ, когда въ „пріемную" вошелъ смотритель и позвалъ Волховскаго. Въ ту минуту ни онъ, ни я уже не думали, что еще долго-долго намъ придется идти рука объ руку и совмѣстно работать...

8.

Для насъ, переведенныхъ въ Петропавловскую крѣпость, судебный процессъ можно было считать оконченнымъ.

Конечно, мы знали, что тамъ—далеко отъ насъ—въ зданіи окружнаго суда еще должно производиться судебное слѣдствіе надъ 6-ю группами,—что за этимъ слѣдствіемъ пойдутъ „пренія сторонъ" и „послѣднія слова" не примкнувшихъ къ бойкоту подсудимыхъ, что въ числѣ защит-

[1]) Заключенныхъ избивали въ камерахъ, затѣмъ выволакивали и таскали за ноги по лѣстницѣ въ камеры, при чемъ влекомые бились головами по ступенькамъ, такъ что многимъ пришлось забинтовать головы...

никовъ, которые еще будутъ фигурировать на судѣ, есть такіе, которые сумѣютъ съ достоинствомъ выступить отъ имени загнанной и травимой свободной русской мысли и ея адептовъ—передовой русской интеллигенціи. Но дѣло перевезенныхъ изъ „предварилки" все же нельзя было не считать поконченнымъ: ихъ-то, разумѣется, уже не пощадятъ! Русское „правосудіе" не преминетъ, конечно, свести счеты съ „зачинщиками" скандала, котораго правящіе наши бюрократы пуще всего избѣгали...

Въ тотъ моментъ, когда я набрасываю эти строки относительно „процесса 193 хъ", въ нашихъ газетахъ печатаются извлеченія изъ отзывовъ иностранной печати о только-что закончившемся судѣ надъ депутатами первой нашей Государственной Думы, за составленіе и распространеніе знаменитаго „выборгскаго воззванія", и мысль моя невольно останавливается на томъ сопоставленіи, которое „Daily News" дѣлаетъ между этимъ процессомъ и нашимъ процессомъ: „Этотъ процессъ 169 депутатовъ", говоритъ почтенная англійская газета, „является во многихъ отношеніяхъ точнымъ воспроизведеніемъ грандіознаго политическаго процесса семидесятыхъ годовъ... Тогда это была только молодежь, молодыя женщины и бѣдные студенты... Нынѣ же это—зрѣлые люди, дворяне, профессора, адвокаты. Всѣ они пользуются уваженіемъ. Многіе изъ нихъ, которыхъ правительство посадило на скамью подсудимыхъ, пользуются европейскою извѣстностью" и т. д.

Однако, при всемъ моемъ глубочайшемъ уваженіи къ подсудимымъ и осужденнымъ „выборгцамъ", я не могу не отмѣтить (и думаю, что въ этомъ отношеніи всѣ со мною согласятся), что *тогда*, *тридцать* лѣтъ назадъ, когда самое слово „конституція" считалось запретнымъ, о близости „народнаго представительства" никто не думалъ, и во всемъ своемъ блескѣ царило еще III-е Отдѣленіе, — *тогда* „бѣднымъ студентамъ" и „молодымъ женщинамъ", томившимся уже много лѣтъ за рѣшетками, нужно было обладать во стократъ большимъ мужествомъ, чтобы рѣшиться изъ обвиняемыхъ и подсудимыхъ превратиться въ обвинителей и обличителей. Уже одно то, что въ массѣ подсудимые состояли исключительно изъ „молодежи", что въ ихъ средѣ не было ни профессоровъ, ни адвокатовъ и, тѣмъ паче, людей, „пользующихся европейскою извѣстностью",— уже это одно дѣлало ихъ положеніе во стократъ тяжелѣе. *Тутъ*, въ худшемъ случаѣ, грозило годичное тюремное заключеніе, — *тамъ* многимъ сулили безпощадную многолѣтнюю каторгу и ссылку на поселеніе! И если поведеніе „выборгцевъ" на судѣ было въ высшей степени достойное, а самый процессъ можно, безспорно, назвать „историческимъ",—то Волховскій, Войнаральскій, Коваликъ, Мышкинъ, Муравскій и другіе ихъ товарищи (какъ подсудимые по незадолго передъ тѣмъ разбиравшемуся „про-

цессу 50-ти": Алексѣевъ, Бардина, Дробадари и др.) въ исторіи русскаго освободительнаго движенія должны занять еще болѣе почетныя страницы, а въ серіи нашихъ „историческихъ процессовъ" „Большой процессъ" и „Процессъ 50-ти" займутъ, конечно, самую яркую страницу...

Возвращаюсь къ прерваннымъ воспоминаніямъ.

Послѣ водворенія моего на старомъ пепелищѣ я счелъ своей первой обязанностью обратиться съ протестомъ на имя Особаго Присутствія Правительствующаго Сената противъ учиненной надо мною „расправы за мое поведеніе на судѣ, — поведеніе, отнюдь не выходящее изъ-за предѣловъ правъ, предоставляемыхъ закономъ всѣмъ подсудимымъ.—Въ протестѣ своемъ я указалъ на то, что переводъ изъ дома предварительнаго заключенія въ Петропавловскую крѣпость является фактическимъ лишеніемъ одной стороны возможности присутствовать на судѣ и сопоставляетъ коренное нарушеніе основныхъ принциповъ нашего устава уголовнаго судопроизводства,—и затѣмъ, оговариваясь, что я отнюдь не разсчитываю, при наличномъ политически-правовомъ нашемъ режимѣ, на какіе-либо практическіе результаты моего протеста, я требовалъ лишь, чтобы первоприсутствующій распорядился о присоединеніи моего протеста къ общему производству по дѣлу, дабы этимъ облегчить потомству нашему возможность произвести правильную оцѣнку царящему въ Россіи въ данный моментъ правосудію...

Требованіе мое было исполнено, о чемъ Петерсъ увѣдомилъ меня немедленно по полученіи моего протеста.

9.

Потянулись опять безконечные унылые дни въ стѣнахъ этого печальнаго историческаго каземата!

Намъ, правда, послѣ нѣкоторыхъ усилій съ нашей стороны, удалось значительно смягчить крѣпостной режимъ сравнительно съ прежнимъ. Такъ какъ мы были уже не „подслѣдственные", а „подсудимые", судъ надъ которыми былъ уже въ полномъ ходу, но нѣкоторыя строгости одиночнаго заключенія, послѣ настойчивыхъ и дружныхъ требованій съ нашей стороны, были въ значительной степени смягчены: гулять выпускали насъ не въ одиночку, а по 2—3 человѣка вмѣстѣ, а на перестукиваніе наше смотрѣли сквозь пальцы. Но для насъ, измученныхъ многолѣтнимъ заключеніемъ, жившихъ въ послѣднее время въ „Предварилкѣ" при „почти республиканскомъ" режимѣ, этого было слишкомъ мало. Свиданія намъ все-таки попрежнему разрѣшались чрезвычайно скупо и то лишь съ самыми близкими родственниками, каковыхъ у большинства изъ насъ въ Петербургѣ

вовсе не было. Газеты и журналы за текущій годъ совсѣмъ не допускались. Собственная одежда хранилась попрежнему въ цейхгаузѣ и выдавалась намъ лишь для прогулокъ и при вызовѣ на свиданія; традиціонная же „казенная одежда,—шитый на общую мѣрку широчайшій и длинный желтый халатъ и войлочныя туфли,—слишкомъ слабо защищали насъ отъ пронизывающей сырости каземата. Больше же всего тяготило насъ продолжавшееся попрежнему заключеніе въ одиночныхъ камерахъ.

Мы чувствовали очень большую потребность въ члено-раздѣльной словесной товарищеской бесѣдѣ и, считая свое заключеніе въ крѣпости рѣшительно противозаконнымъ, мы „самовольно" нарушали основную традицію крѣпостного заключенія,—просиживали по цѣлымъ часамъ на подоконникахъ и во весь голосъ бесѣдовали съ товарищами, а когда администрація, возмущенная „самовольствомъ" заключенныхъ [1]), позабивала наглухо форточки въ нашихъ окнахъ, мы дружно принялись выбивать стекла...

Крѣпостная администрація рѣшила „скрутить" насъ, и первый—такъ сказать—жребій палъ на меня.

Однажды, когда, сидя на подоконникѣ, я довольно громко бесѣдовалъ съ Волховскимъ (его слухъ былъ очень притупленъ), ко мнѣ ворвался смотритель съ нѣсколькими „присяжными". Послѣдніе, съ „сумасшедшей рубашкой" въ рукахъ, бросились свирѣпо на меня, повалили на полъ, накинули на меня „рубашку" и, не взирая на отчаянное сопротивленіе съ моей стороны, безконечно длинными рукавами „рубашки" крѣпко перевязали мнѣ руки, полотенцемъ связали ноги и въ такомъ безпомощномъ положеніи бросили меня на полъ, ушли, заперевъ за собою дверь. Ярость и негодованіе придали мнѣ сверхестественную силу. Я пустилъ въ ходъ всѣ свои мускулы и зубы и, послѣ продолжительныхъ и самыхъ напряженныхъ усилій съ моей стороны, мнѣ удалось освободить свои руки, а потомъ и ноги; немедленно я вскарабкался на подоконникъ, сообщилъ о случившемся своимъ товарищамъ, а затѣмъ принялся звонить и требовать смотрителя. На безпрерывный звонъ мой, длившійся около часа, никто не являлся, и я принялся тогда изо всѣхъ силъ стучать въ двери. Къ стуку моему присоединились товарищи, и тогда, наконецъ, явился ко мнѣ съ конвоемъ Богородскій. Крайне пораженный этимъ, что мнѣ удалось такъ скоро освободиться изъ „сумасшедшей рубашки", онъ упавшимъ голосомъ сталъ оправдываться, ссылаясь на распоряженіе коменданта, который вынужденъ-

---

[1]) Какъ-то разъ старикъ Богородскій, дѣлая мнѣ внушеніе за нарушеніе дисциплины, укоризненно и горько замѣтилъ: „въ какомъ вы видѣ застали у меня тюрьму и что вы изъ нея сдѣлали! „Да, отвѣтилъ я съ улыбкой, мы дѣйствительно лишили ее невинности"!..

де былъ прибѣгнуть къ столъ крайней мѣрѣ—въ виду рѣзкаго нарушенія дисциплины, проявившагося въ разбиваніи стеколъ и т. д.

Я потребовалъ у Богородскаго бумаги, чтобы написать жалобы министрамъ юстиціи и военному на учиненное надо мною насиліе. Такъ какъ Богородскій въ исполненіи моего требованія мнѣ отказалъ, то я возобновилъ звонъ и стукъ въ двери, пустилъ въ ходъ руки, ноги и все туловище (табуретъ у меня отняли). Тогда вновь явился съ конвоемъ Богородскій и перевелъ меня въ отдаленную камеру, по сосѣдству съ которой не было заключенныхъ. Я, однако, и тамъ продолжалъ всѣми способами настаивать на своемъ требованіи, и—въ концѣ-концовъ — вынужденъ былъ прибѣгнуть къ послѣднему, тогда еще не столь часто, какъ нынѣ, практиковавшемуся средству, я объявилъ *„голодовку“*, пока требованіе мое не будетъ исполнено.

Въ данномъ случаѣ я рѣшилъ дѣйствовать единолично на свой собственный страхъ и рискъ, не сообщивъ даже о фактѣ „голодовки“ товарищамъ, такъ какъ мнѣ не хотѣлось вовлечь и послѣднихъ (что было бы неминуемо), при всеобщемъ физическомъ ихъ истощеніи, въ столь тяжелую борьбу. Я заявилъ „присяжнымъ“ и смотрителю, что я категорически отказываюсь отъ всякой ѣды и питья и просилъ ничего въ комнату мнѣ не подавать, такъ какъ это будетъ совершенно напрасно.

Богородскій опять перемѣнилъ свой тонъ на прежній—отеческій, всячески меня уговаривалъ и даже почти слезно умолялъ „не губить себя“, „пощадить своихъ родныхъ и товарищей“ и прекратить голодовку. Я оставался, однако, непреклоннымъ.

Прошло 5 дней, насталъ 6-й. Мой крѣпкій организмъ поддался. Я съ трудомъ уже поднимался съ постели, вкорабкаться на подоконникъ не хватало уже у меня силъ.

Богородскій по нѣсколько разъ въ день навѣдывался ко мнѣ. Наконецъ, на 6-й день онъ со слезами на глазахъ принялся умолять меня прекратить голодовку, давая мнѣ при этомъ отъ имени коменданта честное слово, что, какъ только я исполню его просьбу, мнѣ на другой же день будутъ доставлены бумага и письменныя принадлежности и предоставятъ мнѣ возможность написать жалобы, каковыя немедленно и будутъ отправлены по назначенію. Я принялъ это условіе, объяснивъ, что голодовка моя отнюдь не является продуктомъ упорства и упрямства съ моей стороны, а лишь единственно возможнымъ въ моемъ положеніи протестомъ противъ лишенія меня законнаго права всякаго заключеннаго, а разъ право это за мною теперь признается, то я, полагаясь на слово коменданта, голодовку прекращаю.

На другой же день мнѣ, дѣйствительно, принесли въ камеру бумагу

и письменныя принадлежности. Я написалъ два рѣзкихъ и энергическихъ протеста на имя министровъ военнаго и юстиціи противъ совершеннаго надо мной насилія даже еще до окончанія суда, когда я—во всякомъ случаѣ—еще лишь обвиняемый, а не осужденный и обще-гражданскихъ правъ своихъ отнюдь еще не лишенъ.

Богородскій далъ слово, что жалобы немедленно переданы будутъ имъ коменданту. Я успокоился и уже *post factum* сообщилъ товарищамъ обо всей этой исторіи и, такъ какъ изъ доходившихъ до насъ „съ воли“ свѣдѣній я зналъ, что въ то время отчетливо уже намѣтилось новое направленіе въ революціонной дѣятельности — переходъ къ терроризму, то я, какъ не сочувствовавшій этому направленію (хотя и вполнѣ понимавшій его raison d'être) просилъ тѣхъ изъ товарищей по заключенію, которые имѣли сношенія съ „волей“, передать туда мою просьбу, чтобы актъ насилія надо мною лично никоимъ образомъ не явился поводомъ къ какому-либо террористическому акту. И я имѣю основаніе думать, что просьба моя принята была во вниманіе [1]).

10.

Пока мы продолжали, такимъ образомъ, отдыхать за рѣшетками крѣпостной тюрьмы, въ залѣ окружнаго суда продолжался безостановочно „Большой процессъ“.

До насъ доходили о немъ отрывочныя извѣстія. Мы знали, что „укрощеніе строптивыхъ“ не пріостановило бойкота суда, и подсудимые послѣднихъ пяти группъ (13 — 17), которые заранѣе примкнули къ нему, продолжали разъ-на-всегда уставленную тактику, отказываясь отъ участія въ судѣ и требуя своего удаленія изъ залы засѣданія. До насъ дошло, что при судебномъ слѣдствіи надъ 13-й группой опять разразился крупный скандалъ, и подсудимые Чернявскій и Грачевскій, не заявивъ объ отказѣ отъ суда, а потребовавъ разрѣшенія дать нѣкоторыя объясненія, „дозволили себѣ дерзкія выраженія относительно правительства и суда, за что были удалены изъ залы засѣданія“, что такія же „дерзкія выраженія противъ правительства и суда“ „дозволилъ себѣ произнести“ Осташкинъ при судебномъ слѣдствіи по 16-й группѣ и т. д.

[1]) Уже впослѣдствіи въ Сибири попалась мнѣ въ руки брошюра „Смерть за смерть“ по поводу убійства шефа жандармовъ Мезенцева.—Въ этой брошюрѣ перечисленъ былъ цѣлый рядъ возмутительныхъ насилій, совершенныхъ агентами III-го Отдѣленія, главнымъ начальникомъ котораго состоялъ генералъ Мезенцевъ.—Въ этомъ перечнѣ фигурировали издѣвательство и насиліе надо мною,—но они отнесены были отдѣльно—въ примѣчаніе,—очевидно, изъ уваженія къ моей просьбѣ, такъ какъ русскіе революціонеры всегда свято исполняли просьбы товарищей, не насилуя ихъ этическихъ принциповъ.

Сенаторы терзались, продолжая получать оскорбленія „по столовой ложкѣ въ часъ“,—первоприсутствующій сенаторъ Петерсъ, при всемъ своемъ олимпійскомъ спокойствіи, не выдержалъ: онъ 27-го ноября „заболѣлъ“, и съ 30-го ноября его замѣстилъ статсъ-секретарь сенаторъ К. К. Ренненкампфъ, который и довелъ уже процессъ до „благополучнаго“ конца.

Мы полагали, что насъ все-таки, по окончаніи судебнаго слѣдствія, для соблюденія приличій, переведутъ опять въ домъ предварительнаго заключенія, чтобы предоставить возможность воспользоваться „послѣднимъ словомъ“, буде кто этого пожелаетъ. Но, однако, и судебное слѣдствіе было уже закончено, начались „пренія сторонъ“, а насъ и не подумали потревожить. Желиховскій уже произнесъ свою длинную и безцвѣтную обвинительную рѣчь, призывая на голову обвиняемыхъ громы и молніи, защитники (Александровъ, Бордовскій, Герардъ и др.) уже тоже произнесли свои блестящія громовыя рѣчи, направленныя противъ жестокаго политическаго режима нашего и по адресу некорректнаго судопроизводства, при чемъ съ быстротой молніи по всей Россіи разнеслось смѣло брошенное Александровымъ съ трибуны заявленіе, что исторія пригвоздитъ къ позорному столбу не сидящихъ на скамьяхъ подсудимыхъ, а тѣхъ, кто ихъ на эти скамьи посадилъ,—а мы все еще оставались въ Петропавловкѣ, какъ будто дѣло не насъ вовсе касалось.

10-го января 1878 г. закончились пренія сторонъ. Судъ занялся постановкой многочисленныхъ „вопросовъ“, которые *ровно черезъ три мѣсяца* со дня начала суда были прочитаны въ засѣданіи 18-го января и въ томъ же засѣданіи, и въ засѣданіи 19-го января стороны давали по нимъ свои „заключенія“,—а черезъ 4 дня—въ засѣданіи 23-го января былъ, наконецъ, оглашенъ приговоръ Особаго Присутствія, который въ окончательной формѣ объявленъ былъ 15-го февраля и тогда же намъ сообщенъ въ той же крѣпости.

Многіе (даже и не изъ бюрократическихъ сферъ) приговоръ этотъ находили довольно „мягкимъ“, далеко—по ихъ мнѣнію—не соотвѣтствовавшимъ тому грандіозному „скандалу“, въ который мы-подсудимые превратили-де весь процессъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что грандіозный скандалъ, крайне-щекотливое положеніе сенаторовъ и значительно приподнятое тогда и возбужденное общественное мнѣніе побудили судей болѣе внимательно прислушиваться къ заявленіямъ защищавшихся подсудимыхъ и глубоко-содержательнымъ и талантливымъ рѣчамъ защитниковъ,—посерьезнѣе вникать въ обстоятельства дѣла, отчего въ результатѣ и получилось то, что почти относительно цѣлой половины подсудимыхъ не найдено было въ дѣлѣ *никакихъ* уликъ и 90

человѣкъ изъ сидѣвшихъ на скамьяхъ подсудимыхъ, „привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ“, „признаны невиновными (какъ гласилъ приговоръ)“ и были „оправданы“, при чемъ *двѣ трети* изъ числа этихъ „оправданныхъ“ оказались протестантами, бойкотировавшими судъ и совершенно не защищавшимися [1]). Но что же иное это доказываетъ, какъ не то, что съ удивительно-преступной легкостью и беззаботностью тогда (какъ и нынѣ) хватали по Руси Святой людей совершенно непричастныхъ или причастныхъ въ самой слабой степени (за немногими исключеніями) не то что къ „революціонной“ дѣятельности, но и, вообще, къ какой бы то ни было политической дѣятельности. Къ дознанію по „дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи“, которое всѣми силами генералъ Слезкинъ и прокуроръ Жихоревъ (въ особенности послѣдній), въ интересахъ служебной своей карьеры, старались раздувать, было привлечено и заперто подъ замки и засовы нѣсколько тысячъ человѣкъ, изъ коихъ девять десятыхъ вынуждены были, въ виду отсутствія какихъ-бы то ни было основаній къ аресту, освободить задолго еще до слѣдствія.

Правда и то, что сравнительно съ состоявшимся въ 1877 г. приговоромъ по аналогичному Московскому процессу, или „процессу 50-ти“, нашъ приговоръ былъ „мягкій“. Но comparaison n'est pas raison. Приговоръ по тому процессу былъ до-нельзя суровый и жестокій и вызвалъ всеобщее негодованіе во всѣхъ сферахъ общества и даже нѣкоторыхъ правительственныхъ кругахъ. И это само по себѣ отнюдь еще ничего не говоритъ о безотносительной „мягкости“ приговора по нашему дѣлу.

Особое Присутствіе Сената приговорило по нашему дѣлу въ каторжныя работы на разныя сроки *двадцать восемь человѣкъ* [2]), *къ ссылкѣ* на поселеніе и на житье *тридцать девять* человѣкъ [3]), къ заключенію: въ

---

[1]) Въ число этихъ 37-ми протестантовъ вошли: Биткинъ, Введенскій, Верeвочкина, Видуановъ, Волкенштейнъ, Голиковъ, Дическулло, Желябовъ, Завадская, Князевскій, Комовъ, Корабельниковъ, Лазаревъ, Лангансъ, Максимовъ, Малиновскій, Милоглазкинъ, Неволинъ, Никольскій, Овчинниковъ, П. Орловъ, Перовская, Петропавловскій, Потоцкая, В. Рогачева, Семеновъ, Серебряковъ, Соловцовскій, Тепловъ, Траубенбергъ, Троицкій, Тушинская, Федоровичъ, Филадельфовъ, Шатилова, Шевырева и Якимова.

[2]) Къ каторжнымъ работамъ приговорены были: Аверкіева, Брешковская, Войноральскій, Добровольскій, Н. Емельяновъ, Зарубаевъ, Квятковскій, Коваликъ, Купріяновъ, Ливановъ, Макаревичъ, Муровскій, Мышкинъ, Низовкинъ, Осташкинъ, Рабиновичъ, Рогачевъ, Сажинъ, Синегубъ, Скворцовъ, Союзовъ.

[3]) Артамоновъ, Блавдзевичъ И., Барковъ, Бладзевичъ Кл., Борко-Боринскій, Ваховская, Волховскій, Говоруха-Отрокъ, Головинъ, Гориновичъ, Городецкій Л., Грищенковъ, Даниловъ, Дрибышъ-Дрибышевскій, Знаменскій, Иванова С., Жебуновъ С., Корнилова, Костюринъ, Кувшинская, Ларіонова, Лебедева, Лермонтовъ, Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Ломоносовъ, Лопатинъ В., Лукашевичъ, Мейеръ, Мокіевскій-Зубокъ, Осиповъ, Саблинъ, Спесивцевъ, Тихомировъ, Трезвинскій, Фаресовъ, Фишеръ, Франжоли, Юргенсонъ и Ярцевъ.

арестантскія исправительныя отдѣленія на сроки отъ $3^1/_2$ лѣтъ до 1 г. и 3 мѣсяцевъ—*шесть* человѣкъ [1]), въ смирительный и рабочіе дома на сроки отъ 8 мѣсяцевъ до 3 м.—*трехъ* человѣкъ [2]), въ тюрьму на сроки отъ 6-ти до 3-хъ мѣсяцевъ—*шесть* человѣкъ [3]) и къ аресту *семнадцать* человѣкъ, въ томъ числѣ—десять [4]) срокомъ на три мѣсяца и семь [5])—на пять дней и, наконецъ, одного [6])—къ отрѣшенію отъ должности со взысканіемъ вдвое казенныхъ процентовъ съ передержанной суммы.

Къ наказаніямъ, такимъ образомъ, подвергнуто было, при 90-ти оправданныхъ, 100 человѣкъ трое умерло [7]) во время самаго суда, — и, если изъ нихъ на каторгу и на поселеніе и на житье попало лишь двѣ трети (67 чел.), то это обусловлено было отнюдь не „мягкостью" приговора. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, къ болѣе суровымъ наказаніямъ приговаривать „за имѣніе у себя книгъ преступнаго содержанія безъ разрѣшенія начальства" (Виноградовъ, Говоруха-Отрокъ, Кацъ, Аносовъ, Голоушевъ и др.), или „за знаніе и недонесеніе о сообществѣ" (Ермолаева, Фетисова), или за то, что „не довели до свѣдѣнія начальства о распространеніи преступнаго содержанія книгъ" (Павловскій, Пьянковъ и Соколовъ) и т. д. Но всѣ тѣ, кто „подъ вліяніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ ученій... составили въ Россіи противозаконное сообщество съ цѣлью ниспроверженія правительства и установленнаго закономъ государственнаго устройства въ Россійской Имперіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, какъ и тѣхъ, которые „вступали въ это сообщество съ знаніемъ о цѣляхъ онаго", судъ удостоилъ каторжными работами и ссылкой.

Мягкій приговоръ!

Развѣ въ Европѣ, принадлежностью къ которой наше правительство такъ всегда кичилось, за „преступленія", аналогичныя тѣмъ, за которыя насъ судили, приговариваютъ людей къ 3-хъ и 4-хъ лѣтнему одиночному тюремному заключенію [8]), каковому подверглись не только тѣ, кому заключеніе это вмѣнено было въ наказаніе, но и многіе изъ тѣхъ, которые по

---

[1]) Гауэнштейнъ, Кацъ, Милоглазкинъ, Морозовъ, М. Орловъ (1 г. и 3 м.) и Эдельштейнъ ($3^1/_2$ г.).

[2]) Субботина (См. д., 8 м.), Виноградовъ и Аронзонъ (р. д.—3 м.)

[3]) Ермилова и Фетисова (6 м.), Терновскій (4 м.), Павловскій, Пьянковъ и Соколовъ (3 м.).

[4]) Аносовъ, Гвоздевъ, Грачевскій, Казачекъ, Каменьскій, Махаевъ, Медвѣдевъ, Никифоровъ, Щегловъ и Щепкинъ.

[5]) Антовъ, Глушковъ Н., Голоушевъ, Добровъ, Кирилловъ, Любовскій и Щеголевъ.

[6]) Мир. судья Экдоуровъ обвинялся въ истребованіи изъ казначейства 1400 руб. и незаписи ихъ въ приходъ.

[7]) Жилинскій, Кротовъ и Тетельманъ.

[8]) Насколько „вѣско" принималась „мѣра пресѣченія" въ видѣ тюремнаго заключенія, видно изъ того, что во время уже судебнаго слѣдствія Особое Присутствіе освободило на поручительство *свыше шестидесяти человѣкъ*!

суду были совершенно оправданы? Меня, напр., прокуратура обвиняла въ двухъ преступленіяхъ: 1) въ принадлежности къ вышеуказанному „противозаконному сообществу“ и 2) „въ покушеніи на распространеніе книгъ преступнаго содержанія“. Обвиненіе по первому преступленію оказалось настолько не обоснованнымъ какими бы то ни было уликами, что, хотя я—ни лично, ни черезъ адвоката—не защищался, Особое Присутствіе не могло не признать его не доказаннымъ и не оправдать меня по этому пункту, признавъ меня лишь виновнымъ „въ покушеніи на распространеніе книгъ запрещеннаго содержанія“,—и вотъ лишь за одно это „покушеніе“ [1]) оно приговорило меня къ каторжнымъ работамъ на заводахъ на 5 лѣтъ со всѣми вытекающими послѣдствіями!

Правда, нельзя не отмѣтить, что Особое Присутствіе Сената, сознавая, что честолюбію и карьеризму г.г. Жихоревыхъ и ихъ присныхъ принесена была уже черезчуръ крупная жертва,—сознавая, что „противозаконное сообщество“, предполагаемое существованіе котораго являлось оправданіемъ *предварительнаго* содержанія людей за рѣшетками въ теченіе 3-хъ—4-хъ лѣтъ, создано было слишкомъ искусственно и было настолько дутое, что оно само признало возможнымъ раздѣлить подсудимыхъ для производства судебнаго слѣдствіе на 17 группъ, хотя ради осуществленія „сообщества“ погублено было масса жизней,—что, сознавая все это, оно, подавленное всеобщимъ негодованіемъ, ради сохраненія хоть внѣшней оболочки „достоинства суда“, принявъ во вниманіе: 1) „долговременное содержаніе большей части подсудимыхъ въ одиночномъ заключеніи“,—2) то, „что многіе провели въ предварительномъ заключеніи время, превышающее тѣ сроки, въ предѣлахъ которыхъ они могутъ подлежать лишенію свободы“,—3) „молодость“ нѣкоторыхъ и „вовлеченіе“ ихъ другими въ „преступленіе“,—и 4) то, „что подлежащіе строгому уголовному наказанію“, въ виду долговременнаго одиночнаго заключенія, „заслуживаютъ также Монаршаго къ нимъ снисхожденія“, уменьшивъ строгость наказанія тѣмъ, „относительно коихъ сіе зависитъ отъ суда“, — признало справедливымъ, руководствуясь 775 ст. Уст. угол. судопр., „повергнувъ на Монаршее милосердіе участь“ 97-ми подсудимыхъ, выдѣливъ, однако, совершенно Мышкина, „не усматривая основанія къ облегченію наказанія“ ему, такъ какъ онъ „вину свою по главному предмету обвиненія въ настоящемъ дѣлѣ отягощилъ покушеніемъ на смертоубійство [2]) и еще 5 лицъ, коимъ оно опредѣлило окончательное наказаніе.

---

[1]) Строго говоря, если бы инкриминированное мнѣ судомъ дѣяніе было даже доказано, можно было бы квалифицировать его развѣ, какъ приготовленіе къ покушенію!...

[2]) Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, помимо составленія противозаконнаго сообщества и покушенія на распространеніе сочиненій преступнаго содержанія,

Особое Присутствіе ходатайствовало именно: а) о внесеніи 58-ми лицамъ предварительнаго ареста въ наказаніе; б) оставивъ для Мышкина опредѣленное ему по закону наказаніе [1]), изъ остальныхъ 27-ми лицъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ,—четырехъ (Войнаральскаго, Ковалика, Муравскаго и Рогачева) сослать на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири и двухъ (Синегуба и Стахивскаго) въ не столь отдаленныя; 16 человѣкъ (Аверкіеву и Брешковскую, Добровольскую, Емельянова Н., Зарубаева, Квятковскаго, Ливанова, Мокоревича, Осташкина, Скворцова, Союзова, Стопане, Чарушина, Чернявскаго, Чудновскаго и Шишко) — на житье въ Тобольскую губернію, трехъ (Купріянова, Сажина и Супинскую) на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; Рабиновича — на житье въ Иркутскую губернію, а Низовнина („въ виду чистосердечнаго раскаянія, сознанія и указанія") отъ наказанія совсѣмъ освободить,—и в) о смягченіи наказанія на 2 степени также Ивановой, Мейеру, Лешернъ и Лукашевичъ и о полномъ освобожденіи отъ наказанія Гориновича.

Итакъ, „милосердіе", о которомъ ходатайствовало Особое Присутствіе, должно было, главнымъ образомъ, проявиться въ томъ, чтобъ изъ 28 лицъ въ каторжныя работы попалъ *одинъ* лишь *Мышкинъ,*—попало же ихъ въ дѣйствительности *двѣнадцать*: Брешковская, Войнаральскій, Квятковскій, Коваликъ, Муравскій, Мониквнъ, Рогачевъ, Сажинъ, Синегубъ, Союзовъ, Чарушинъ и Шишко!

А затѣмъ, въ помощь поклонникамъ суровыхъ каръ явилось III-е Отдѣленіе, позаботившееся о томъ, чтобы не только громадное большинство тѣхъ, кому по Высочайшему повелѣнію предварительное заключеніе вмѣнено было въ наказаніе, но и многіе изъ тѣхъ, которые Особымъ Присутствіемъ были совсѣмъ оправданы, очутились въ *административной* ссылкѣ во многихъ „столь" и „не столь" отдаленныхъ пунктахъ Россійской Имперіи...

11.

Казалось бы, что можно было разсчитывать на то, что, по крайней мѣрѣ, послѣ окончанія суда постараются поскорѣе привести въ исполненіе состоявшійся приговоръ, — тѣмъ болѣе, что никто изъ насъ о кассаціи и не думалъ. Но не тутъ-то было! Пришлось и послѣ того, какъ приговоръ вошелъ въ законную силу, просидѣть въ Петропавловской крѣпости еще нѣсколько мѣсяцевъ. Теперь уже причинами замедленія являлись: Высочай-

---

обвинялся и признанъ былъ виновнымъ въ покушеніи на жизнь сопровождавшихъ его изъ Вилюйска въ г. Якутскъ двухъ казаковъ и мѣщанина Чудинова...

[1]) Каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ.

шая конфирмація, формированіе партій, составленіе статейныхъ списковъ, распутица и т. п.

Хотя доходившіе до насъ слухи о русско-турецкой войнѣ, о неудачахъ нашей арміи, которой едва-едва удалось справиться съ арміей той самой Турціи, которую всѣ наши „патріоты" считали разваливающимся трупомъ, — и давали намъ основаніе разсчитывать, что эта война, хотя и заканчивающаяся побѣдой, должна будетъ сыграть для насъ хоть въ слабой степени такую же роль, какую сыграла „Крымская Кампанія", но мы все же понимали, что мы лично (по крайней мѣрѣ, на продолжительное время) сдаемся въ архивъ и сходимъ со сцены. Поэтому-то у нѣкоторыхъ изъ насъ явилась естественная мысль обратиться изъ-за крѣпостныхъ стѣнъ съ завѣщаніемъ къ молодому поколѣнію,—съ завѣщаніемъ за полными подписями осужденныхъ по процессу 193-хъ. Мы были увѣрены въ томъ, что подобный актъ съ нашей стороны вызоветъ въ молодёжи подъемъ энергіи и бодрости и окажетъ существенную услугу нашему освободительному движенію.

Теперь, когда приговоръ вошелъ уже въ законную силу, намъ разрѣшали гулять по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, предоставляя намъ при этомъ группироваться для прогулокъ по своему усмотрѣнію, не возбраняя даже тому или другому входить въ двѣ-три группы.—Этимъ осуществленіе нашего плана значительно облегчалось.

Послѣ предварительнаго соглашенія, нами выработана была лаконическая, сжато-выразительная редакція „завѣщанія", экземпляръ котораго, тщательно переписанный набѣло, въ теченіе двухъ-трехъ дней подписанъ былъ всѣми осужденными полными именами и фамиліями и затѣмъ переданъ былъ на „волю" съ просьбой предложить его къ подписи и товарищамъ по процессу, остававшимся въ домѣ предварительнаго заключенія, буде кто изъ нихъ пожелаетъ.

За давностью лѣтъ я не могу по памяти возстановить текстъ этого „завѣщанія".—Содержаніе его сводилось, приблизительно, къ тому, что, указавъ вкратцѣ на преслѣдовавшіяся нами задачи и цѣли и на характеръ произведеннаго надъ нами суда и вынесеннаго имъ приговора,—мы призывали грядущее поколѣніе смѣнить насъ, павшихъ въ борьбѣ, и продолжать начатое нашими предшественниками и нами дѣло освобожденія народа отъ деспотически-эксплуататорскаго режима. [1]).

Завѣщаніе наше напечатано было въ большомъ количествѣ экземпляровъ и вызвало, какъ намъ сообщали, весьма сильное впечатлѣніе не

---

[1]) Завѣщаніе было напечатано въ журналѣ „Община" и перепечатано въ „Календарѣ Народной Воли". *Ред.*

только въ средѣ чуткой нашей молодежи, но и въ широкихъ слояхъ „общества“. Когда оно попало въ руки властей съ нашими подписями-факсимиле (насчетъ факсимиле было наше желаніе), въ правительственныхъ сферахъ сильно всполошились: такого „дерзкаго“ и „смѣлаго“ выступленія съ нашей стороны не ожидали.

Нагрянули къ намъ разныя власти, принялись доискиваться „авторовъ“ и „зачинщиковъ“,—началось дознаніе, которое ничѣмъ, однако, не кончилось, такъ какъ мы отказались отъ всякихъ показаній.

Намъ „завѣщаніе“ это ближайшимъ образомъ оказало ту услугу, что приняли, наконецъ, мѣры къ скорому исполненію надъ нами приговора.

С. Чудновскій.

ДЕКАБРИСТЫ—МАСОНЫ [1].

X

Изъ предыдущихъ главъ нашего очерка видно, какое значительное число членовъ русскихъ тайныхъ обществъ въ царствованіе Александра I были нѣкоторое время масонами. Изъ числа преданныхъ верховному суду участвовали въ масонскихъ ложахъ слѣдующія лица: П. И. Пестель (1812—17 г.), А. Н. Муравьевъ (1811—18 г.), братья Матвѣй Иван. (1816—20) и С. И. Муравьевы-Апостолы (1817—18), Никита М. Муравьевъ (1817—18), кн. С. П. Трубецкой (1816—19 и затѣмъ былъ почетнымъ членомъ), кн. Ѳ. П. Шаховской (съ 1817 года), М. Ф. Митьковъ (1816—21 г.), М. А. Фонъ-Визинъ (1820), кн. С. Г. Волконскій (съ 1812 г.), М. С. Лунинъ, Н. Бестужевъ (съ 1818 г.), братья Вильгельмъ (1819—22 г.) и Михаилъ (съ 1818 г.) Кюхельбекеры, Г. С. Батеньковъ (съ 1818 г.), фонъ-деръ-Бриггенъ (1817 г.), Янтальцевъ (съ 1816 г.), Краснокутскій (1816—18), Н. И. Тургеневъ (1814—17 г.), К. Ѳ. Рылѣевъ (1820—21), Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ (съ 1820 г.) и Ив. Юрьев. Поливановъ. Лореръ былъ членомъ одной масонской ложи за границей. Такимъ образомъ, изъ числа членовъ тайныхъ обществъ, преданныхъ верховному суду, 23 человѣка, т. е. пятая часть, были нѣкоторое время масонами.

Изъ числа членовъ русскихъ тайныхъ обществъ при Александрѣ I или привлекавшихся къ слѣдствію по дѣламъ этихъ обществъ были масонами слѣдующія лица: П. Я. Чаадаевъ (1816—21 г.), кн. Ил. А. Долгоруковъ (1814—18 г.), М. Н. Новиковъ (1816—19), Ѳ. Н. Глинка (съ 1816 г.), кн. Пав. Петр. Лопухинъ, Петръ Ив. Колошинъ (съ 1817 г.), гр. Ѳ. П. Толстой, ген. П. С. Пущинъ, Влад. Глинка, Илья Бибиковъ, Бакунинъ, бар. Корфъ, Мейеръ, Алдр. Скалонъ, В. О. Гурко, Хотяинцовъ, В. Ѳ. Раевскій, кн. П. Трубецкой, Лукашевичъ (съ 1818 г.), Густавъ Олизаръ, кн. Баратаевъ, Зубковъ, Станиславъ Проскура, гр. Мошинскій.

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“, Февраль и Мартъ.

Членами иностранныхъ масонскихъ ложъ были: В. Перовскій, Петръ Павл. Каверинъ (членъ Союза Благоденствія и извѣстнаго общества Зеленой Лампы, въ которомъ участвовалъ А. С. Пушкинъ) и полковникъ Гвоздевъ, принятый въ тайное общество Титовымъ въ ноябрѣ 1825 года. Такимъ образомъ, еще 27 членовъ тайныхъ обществъ или привлекавшихся къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ были масонами. Вмѣстѣ съ 23-мя декабристами-масонами, преданными верховному суду, это составитъ 50 человѣкъ. Дальнѣйшія изслѣдованія, нужно думать, еще болѣе увеличатъ численность лицъ, въ которыхъ проявилась непосредственная связь русскихъ политическихъ тайныхъ обществъ съ масонскими.

Значительное число масоновъ среди даже наиболѣе энергичныхъ членовъ тайныхъ обществъ, преданныхъ верховному суду, показываетъ, что масонство имѣло свою долю вліянія на возникновеніе тайнаго общества, но, съ другой стороны, то обстоятельство, что большинство декабристовъ непродолжительное время оставались масонами, показываетъ, что масонство ихъ не удовлетворило. Мы должны выяснить себѣ, чѣмъ объясняется эта неудовлетворенность, и съ этою цѣлью остановимся на основныхъ чертахъ политическаго и соціальнаго ученія масоновъ.

Въ первой статьѣ было указано, что въ журналахъ, издаваемыхъ масономъ Новиковымъ при Екатеринѣ II, появлялись иногда статьи, проникнутыя политическимъ либерализмомъ, но на ряду съ ними высказывались и взгляды консервативные; такимъ образомъ, въ журналахъ этихъ мы не находимъ единаго политическаго міросозерцанія. Однако, указано было на строго монархическіе взгляды, выразившіеся въ „Уставѣ вольныхъ каменщиковъ“, принятомъ на масонскомъ конгрессѣ въ Вильгельмсбадѣ (1782 г.) и утвержденномъ въ Россіи въ 1787 г., уставѣ, который былъ распространенъ въ Россіи среди масоновъ и въ первой четверти XIX вѣка.

Въ „Законахъ Великой масонской ложи Астреи на востокѣ С.-Петербурга или подъ конституціею Великой Ложи Астреи состоящаго масонскаго союза“, изданныхъ въ 1815 году, установлены были слѣдующія обязанности членовъ союза относительно верховной власти: „Масонъ долженъ быть покорнымъ и вѣрнымъ подданнымъ своему государю и отечеству; долженъ повиноваться гражданскимъ законамъ [1]) и въ точности исполнять ихъ; онъ недолженъ принимать участія ни въ какихъ тайныхъ или явныхъ предпріятіяхъ [2]), которыя бы могли быть вредны отечеству или государю; равно не содѣйствовать къ тому охужденіями государя или его законовъ

---

[1]) Въ лондонскомъ изданіи законовъ Астреи на французскомъ языкѣ (Code des Loix de la grande Loge Astrée, 1817 p. 49) прибавлено: „уважать министровъ, служащихъ имъ орудіями“.

[2]) Въ лондонскомъ изданіи: „ни въ какомъ заговорѣ“.

ни письменно, ни словесно [1]). Каждый масонъ, узнавшій о подобномъ пред. пріятіи, обязанъ тотчасъ извѣщать о томъ правительство, какъ законы повелѣваютъ. Если ложа узнаетъ, что членъ оной поступилъ противъ сего закона и противъ священныхъ обязанностей подданнаго, что онъ или самъ участвовалъ въ таковомъ предпріятіи, или зналъ о немъ и не предъувѣдомилъ, кого слѣдуетъ, то, по точномъ обличеніи, таковой членъ исключается изъ ложи... Согласно уставу естественнаго и гражданскаго права всякое сословіе [2]), имѣющее предъ лицомъ государя какую-нибудь тайну, относящуюся до правительства, составляетъ общество въ обществѣ [3]) (status in statu), каждый масонъ обязанъ все то, что онъ касательно сего узнаетъ, яко масонъ, открывать тому, кто, имѣя право, будетъ его о томъ спрашивать" [4]).

Въ „Масонскихъ законахъ, оставшихся отъ древнихъ каменьщиковъ, собранныхъ отъ преданій разныхъ ложъ, по землѣ разсѣянныхъ и достойныхъ уваженія, яко священные памятники древняго общества вольныхъ каменьщиковъ", напечатанныхъ въ приложеніи къ „Законамъ" Астреи, эта ложа допустила очень важныя искаженія, чтобы согласить ихъ съ своими консервативными политическими взглядами. Въ изданіи Астреи въ нихъ сказано: „вольный каменьщикъ, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда долженъ отличаться миролюбіемъ и совершеннымъ повиновеніемъ гражданскимъ законамъ и первенствующей власти [5]). И для того ему никогда не надлежитъ быть участникомъ ссоръ, крамолъ и возмущеній, никогда не должно сопротивляться повелѣніямъ начальствъ высшихъ [6]). Распри, кровопролитія и мятежи издревле были ненавидимы масонами. Посему-то всѣ властелины народовъ не только не страшились искони зрѣть вблизи себя масоновъ, но всегда являли имъ полную довѣренность. Масоны же, взаимно оправдывая, по мѣрѣ возможностей, доброе мнѣніе государей объ ихъ орденѣ, отличнымъ поведеніемъ заграждали уста клеветниковъ непросвѣщенныхъ и мирными добродѣтелями братства склоняли на свою сторону людей разсудительныхъ.

[1]) Въ лондонскомъ изданіи воспрещалось высказывать и „дерзкія сужденія о намѣреніяхъ начальника".

[2]) Въ лондонскомъ изданіи: „Общество".

[3]) Въ лондонскомъ изданіи: „государство въ государствѣ".

[4]) „Законы Великой масонской ложи Астреи", II часть, стр. 99—101, 113.

[5]) Въ лонд. изд. книги Андерсона 1784 г. (стр. 352): „Старыхъ обязанностей или основныхъ законовъ (Old Charges) или предписаній для вольныхъ каменьщиковъ, извлеченныхъ изъ старыхъ документовъ ложъ по ту сторону моря и Англіи, Шотландіи и Ирландіи для употребленія въ лондонскихъ ложахъ" (1723 г.): „мирный подданный гражданскихъ властей". Въ лондонскомъ изданіи (1817 г.) законовъ Астреи на французскомъ языкѣ также: „гражданскихъ властей" (стр. 138). О старыхъ масонскихъ конституціяхъ см.: *Findel*: Geschichte der Freimaurerei, 7 Auflage, 1900, S. 19—30.

[6]) Въ лонд. изд. 1784 г.: „низшихъ властей".

„Если же, сверхъ всякаго чаянія, кто-либо изъ братьевъ уличится въ злоумышленіи противу правительства, въ семъ случаѣ не только никто изъ масоновъ не долженъ скрывать его предпріятій, но по законамъ Великой Ложи и всего братства подобный нарушитель обязанностей честнаго гражданина долженъ быть лишенъ всѣхъ преимуществъ, соединенныхъ съ званіемъ масоновъ и немедленно исключенъ изъ законныхъ ложъ всѣхъ Востоковъ“ [1]).

Второй абзацъ этого постановленія, выдаваемаго Астреею за „масонскіе законы, оставшіеся отъ древнихъ каменьщиковъ“, не только не составляетъ перевода этихъ законовъ, но является прямымъ ихъ искаженіемъ. Въ „Масонскихъ старыхъ обязанностяхъ или основныхъ законахъ (Old Charges)“ (1723 г.) сказано: „поэтому, если братъ оказался мятежникомъ противъ государства, то его не слѣдуетъ поддерживать въ мятежѣ, но должно сожалѣть его, какъ несчастнаго человѣка. Если онъ не уличенъ ни въ какомъ другомъ преступленіи, то, хотя лояльное братство должно не одобрять его возмущенія и не должно возбуждать подозрѣніе правительства или давать ему поводъ для политической ревности, все же оно не должно исключать такого брата изъ ложи, и его отношеніе къ ложѣ остается ненарушимымъ“ [2]).

Въ лондонскомъ изданіи Законовъ Астреи на французскомъ яз. (1817 г.) встрѣчаемъ не только, какъ и въ русскомъ, отступленія отъ основного правила англійскаго масонства, что политическія убѣжденія членовъ братства не лишаютъ его нрава быть его членомъ, но находимъ даже полемику съ этимъ старымъ, хорошимъ правиломъ. „Поэтому, если братъ возмутится противъ государства, Великая ложа и все братство, ужасаясь предъ всякаго рода возмущеніемъ, не только не поддерживаетъ его въ его преступленіи *и не относится къ нему съ сожалѣніемъ, какъ къ несчастному*, но объявляетъ его лишеннымъ всѣхъ преимуществъ, связанныхъ съ званіемъ вольнаго каменьщика, и изгоняетъ изъ всѣхъ признанныхъ (regulières) ложъ страны, не имѣя возможности считать братомъ того, кто грѣшитъ противъ основного правила нашего общества—послушанія и вѣрности законнымъ государямъ“ (стр. 138).

Такимъ образомъ, масоны Союза Астреи являлись вѣрными рабами русскаго правительства.

По правиламъ объ обязанностяхъ мастера ложи Елизаветы къ Добродѣтели (Союза Великой Провинціальной Ложи) онъ долженъ былъ наблюдать,

---

[1]) „Законы Великой масонской ложи Астреи“, 1815 г., стр. 305—307.
[2]) *James Anderson*. Constitutions of the ancient fraternity of free and accepted Masons... A new edition revised, enlarged and brought down to the year 1784. L. 1784, 352.

„чтобы въ рѣчахъ не упоминаемо было о политическихъ происшествіяхъ, ибо рѣчи не должны уподобляться газетнымъ статьямъ, тѣмъ менѣе потому, что свободный каменьщикъ обязанъ всѣмъ распоряженіямъ своего правительства повиноваться, а въ чужія вмѣшиваться ему нѣтъ права, нужды и пользы" [1]). Въ рѣчи „О повиновеніи", произнесенной, повидимому, въ ложѣ Избраннаго Михаила, авторъ говоритъ: „восторженные умы, предавшись упоенію гибельнаго лжемудрствованія, дерзаютъ осуждать дѣянія мужей, облеченныхъ гражданскою властію, дерзаютъ разсѣвать предосудительные толки и сужденіями своими влекутъ цѣлые народы въ бездну погибели. Не буйство ли, неукротимое буйство со временъ французской республики многія лѣта напояло землю кровью человѣческою? Кто былъ тогда въ состояніи положить предѣлъ неистовству? Благодѣтельный молотокъ единодержавія исторгнутъ изъ рукъ великодушнаго мастера, управлявшаго кормиломъ государства. Сильные звуки его не отдавались въ сердцахъ, ожесточенныхъ противъ порядка" [2]).

Вліятельные масоны и въ бесѣдахъ своихъ съ братьями по союзу старались настойчиво выяснять, что масонство не задается борьбою съ деспотизмомъ. Такъ, въ „Бесѣдахъ бр. гр. М. Ю. Віельгорскаго", извѣстнаго масона, находимъ слѣдующее сужденіе: „нѣкоторый братъ говорилъ, что, узнавъ масонство, онъ ясно видѣлъ въ немъ узду деспотическому правленію. Сіе заключеніе тѣмъ болѣе нелѣпо, что при вступленіи своемъ онъ добровольно подтвердилъ клятвою обязанности свои къ отечеству и Государю. Да и масонъ, видя вещи въ настоящемъ видѣ, долженъ подчиняться безъ ропоту властямъ, не нарушая порядка установленныхъ учрежденій. Руссо весьма счастливо сказалъ объ Вольтерѣ, Даламбертѣ и прочихъ ложныхъ философахъ XVIII вѣка, что они хлопочутъ о татарахъ и не думаютъ о французахъ. Это можно примѣнить и нынѣ къ выдающимъ себя господамъ всемірнымъ законодателямъ, кои заботятся объ управленіи и благосостояніи цѣлыхъ государствъ, а посмотришь собственно на нихъ, такъ не умѣютъ управлять ни собой, ни сдѣлать счастливыми то, что ихъ окружаетъ. Изъ сего и слѣдуетъ заключить, въ правѣ ли они говорить, и должно ли ихъ слушать, а тѣмъ болѣе вѣрить" [3]). Въ масонскихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ постоянно проповѣдь почтенія и любви къ монарху: „возможно ли царя не чтить?", спрашивали въ пѣсняхъ масоны. „Гдѣ къ добру единодушны," утверждали они, „законамъ тамъ всегда послушны; монархъ есть наша земная власть, онъ нашъ отецъ, нашъ покровитель, онъ блага нашего зи-

---

[1]) Рук. Публ. Библ. F. III № 19, § 10.

[2]) Изъ бумагъ Боровкова въ собр. рукописей Н. Ѳ. Дубровина въ Библ. Акад. Наукъ рукоп. Отдѣленіи.

[3]) Рук. того же собранія.

ждитель, а чтить его есть наша честь!“ По масонскому толкованію значенія слова „масонъ: „прямой масонъ премудрость знаетъ: онъ любитъ Бога и Царя.“ Въ масонскомъ „Разсужденіи о нынѣшнемъ времени“ авторъ является защитникомъ монархіи: „въ каждомъ изъ царствъ владычествуетъ одинъ или никто“ [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что въ „Уставѣ вольныхъ каменьщиковъ“ (1782 г.) въ постановленіи объ обязанностяхъ масоновъ относительно государя и отечества въ словахъ: „твоя первая клятва принадлежитъ Богу, вторая отечеству и *Государю*“, послѣднее слово въ текстѣ этого устава 1812 г. замѣнено словомъ *„государству“* [2]).

Къ числу историческихъ лицъ, заслуживающихъ признательность потомства, масоны относили Вильгельма Телля, не зная всей сказочности преданій о немъ [3]). Невзоровъ же, порицая Юлія Цезаря, сравнивалъ его со Стенькою Разинымъ [4]). Но въ томъ же журналѣ И. В. Лопухинъ, передъ которымъ такъ благоговѣлъ Невзоровъ, совѣтуетъ подданнымъ пассивное подчиненіе всякой власти, какъ бы жестока и тяжела она ни была.

„Не только зло,“ говоритъ онъ, „во всякомъ правленіи человѣческомъ неотвратимое, терпѣливо сносить должно, но лучше терпѣть величайшее притѣсненіе и тиранство, нежели возмущаться и частнымъ людямъ предпринимать перемѣну правленія. Можетъ ли не чрезъ законные пути и неимѣющими на то права производимая перемѣна въ правленіи происходить безъ возмутительнаго духа, разливающаго на всѣ души лютость, своеволіе, необузданность... И здравый разсудокъ, и свидѣтельство мудрѣйшихъ, и опыты многихъ вѣковъ доказываютъ, что единоначаліе, или монархическое правленіе есть лучшій образъ правленія въ области обширной. Республика истинно хороша быть можетъ тамъ, гдѣ бы большая часть составляющихъ общество были здравомыслящіе и любящіе добродѣтель... Гдѣ-жъ такое общество на землѣ?“ [5]).

---

[1]) Т. Соколовская. „Масонство, какъ положительное движеніе русской мысли въ началѣ XVIII в.“ „Всемірный Вѣстникъ“ 1904 г., май, стр. 24. Но въ ложахъ Западной Россіи, принадлежавшихъ къ Союзу Варшавскаго Великаго Востока, попадаются нѣмецкія пѣсни, восхваляющія борьбу съ деспотизмомъ; такъ было, напр., въ ложѣ маіора Королевскаго. *Соколовская.* „Русское масонство“, стр. 146, ср. 21—22.

[2]) „Море“ 1907 г., №№ 25—26.

[3]) *Соколовская.* „Русское масонство“, 46.

[4]) „Другъ Юношества“. 1807 г. Августъ, стр. 87.

[5]) „Отрывки сочиненія одного стариннаго судьи“ (написаны въ 1794 г.) „Другъ Юношества“. 1808 г., октябрь, стр. 15—17. Въ 1809 г. издано отдѣльно съ прибавленіемъ замѣчаній того же автора „на извѣстную книгу Руссову: [du Contrat Social“ М. 1809 г., какъ и въ журналѣ, безъ имени Лопухина. Срав. *Геннади.* „Справоч. слов. о рус. писат. и ученыхъ“ (Берл. 1876 г. II, 259. Въ масонскомъ разсужденіи „Взглядъ на философовъ и революцію французскую“ авторъ утверждаетъ, что „въ военныхъ корпусахъ начальники почти всѣ якобинцы, профессора и учители тоже, почему изъ воспитанниковъ не выйдетъ не токмо порядочнаго генерала, но даже порядочнаго офицера. Они втерлись во всѣ

Масоны въ царствованіе Александра I прославляютъ его и въ стихахъ, и въ прозѣ [1]). Въ одной пѣснѣ они повторяютъ, что „онъ—царь и вмѣстѣ человѣкъ". Обращаясь къ нему, они допускаютъ даже прямое искаженіе истины; такъ, въ одной пѣснѣ они говорятъ: „не любишь лить ты кровь ручьями. Ты стелешь Россовъ путь цвѣтами, даришь имъ счастье и покой" [2]). Въ одѣ „На день рожденія Александра I 12-го декабря 1821 г." его восхваляютъ преимущественно за прекращеніе гоненія на масоновъ, причемъ допускается даже осужденіе преслѣдованія ихъ при Екатеринѣ II:

„Судьбы всегда непостижимы:
Почто отъ первыхъ міра лѣтъ
Бывали мудрые гонимы?...
О, памятны еще тѣ годы,
Возлюбленные братья, вамъ,
Какъ не было и здѣсь свободы
Масонамъ посѣщать свой храмъ!...
И какъ въ обманѣ самовластье
Ввергало съ радостью въ несчастье
Сихъ доблестныхъ опоръ властей".

Такимъ образомъ, и при Екатеринѣ II, по мнѣнію вольныхъ каменьщиковъ эпохи Александра I, самодержавная власть лишь потому преслѣдовала масоновъ, что была введена относительно нихъ въ заблужденіе. Теперь же

„Прошли годины испытанья,—
И радость, радость—нашъ удѣлъ" [3]).

А между тѣмъ мы видѣли въ первой статьѣ, какъ не велика была терпимость къ масонству при Александрѣ I, какъ часто закрывались по приказанію государя масонскія ложи. Масонамъ это было прекрасно извѣстно, но, несмотря на свою любовь къ истинѣ, они всячески прославляли Александра I. Такъ, въ день, когда праздновалось восшествіе его на престолъ. 12 марта 1822 года, Боровковъ въ мало содержательномъ похвальномъ

университеты и гимназіи, вползли въ судебныя мѣста, они преподаютъ уроки о политикѣ и правахъ, развращаютъ умы, удаляя ихъ отъ познаній истинныхъ, на законѣ Божіемъ основанныхъ, а представляя царскую власть отъ буйства и своеволія народа зависящею, чѣмъ разрушаютъ связь подданнаго съ государемъ и приготовляютъ революцію, подобную французской, коею надѣются воспользоваться. Они хотѣли было и въ духовныя училища внѣдриться, но, слава Богу, сего имъ не удалось. Все сіе доказываетъ бездну, надъ которою стоитъ Россія и какихъ враговъ она наипаче опасаться должна". Рук. Публ. Библ. Q. III, 120.

[1]) Въ правилахъ объ обязанностяхъ мастера ложи Елизаветы къ добродѣтели за запрещеніемъ говорить о политическихъ происшествіяхъ есть такая оговорка: „впрочемъ, въ торжественныхъ ложахъ, въ честь монарха совершаемыхъ, усладительно говорить о достоинствахъ и качествахъ, украшающихъ возлюбленнаго нашего государя." Рук. Публ. Библ. F. III, № 19.

[2]) „Русскій Арх." 1906 г., т. II, № 8, стр. 559.

[3]) Ода Николая Остолопова. „Русскій Архивъ" 1908 г., № 1, стр. 103—104.

словѣ Александру I, произнесенномъ въ ложѣ Избраннаго Михаила, восклицаетъ: „не ему ли одолжены мы безпрепятственными нашими собраніями? Не его ли благостью мы поставлены въ возможность безбоязнено стремиться къ нашей высокой цѣли?“ Несмотря на всѣ эти восхваленія, масонскія ложи были запрещены Александромъ I. Возможно, что нѣкоторыя рѣчи были вызваны не искреннимъ восторгомъ, а желаніемъ отвратить все болѣе надвигающуюся опасность.

Если принять во вниманіе политическій консерватизмъ масоновъ времени Александра I, то является вопросъ, какъ могли примкнуть къ нимъ, хотя бы и на непродолжительное время, декабристы съ ихъ стремленіями къ политической свободѣ. Тутъ нужно имѣть въ виду, что нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались масонами еще за границей, а среди тамошнихъ масоновъ появлялись и довольно радикальныя теченія. Еще ранѣе Отечественной войны эти заграничныя вліянія при посредствѣ живущихъ у насъ иностранцевъ, а также и благодаря посѣщенію русскими Западной Европы, сказывались и среди русскихъ масоновъ. Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1811 г. Поздѣевъ, едва ли не болѣе всѣхъ нашихъ масоновъ реакціонно настроенный и въ политическомъ, и въ соціальномъ отношеніи, писалъ гр. А. К. Разумовскому, что въ Москвѣ нѣкто Мезансъ управляетъ французскою ложею La Felicité, собиравшеюся въ домѣ Всеволожскаго, который самъ состоитъ въ ней надзирателемъ (въ ней было 15 членовъ). Въ слѣдующемъ письмѣ, написанномъ въ томъ же мѣсяцѣ, Поздѣевъ называетъ ложу Мезанса „шальною“ и говоритъ, что они хотятъ напечатать свои акты (у Всеволожскаго была своя типографія). Поздѣеву сообщили обрядъ открытія этой ложи и ея катехизисъ (который онъ переслалъ Разумовскому). Не находя въ немъ вообще „ничего худого и не положеннаго въ истинныхъ ложахъ, кромѣ неправильнаго церемоніала“, Поздѣевъ однако же замѣтилъ, что „въ истинномъ масонствѣ“ нельзя допустить того, что „масонъ называется братомъ царей“, какъ у квакеровъ, такъ какъ нужно „и въ словахъ быть крайне почтительными съ государями“; особенно же неприличнымъ онъ нашелъ выраженіе: „если они добродѣтельны“ (lorsqu'ils sont vertueux), такъ какъ „масонамъ не велѣно никого судить, а особливо царей, а они обязаны повиноваться. А коли не vertueux, такъ что же? развѣ не повиноваться? и какъ объ этомъ судить? Одному кажется vertu, а другому нѣтъ; словомъ, этакое изъясненіе или преступно, или вранье. Этакого языка масоны не имѣютъ“. Тѣмъ не менѣе, сообщивъ о слухѣ, что начальство въ Москвѣ хочетъ запретить всѣ ложи, Поздѣевъ говоритъ, что ему извѣстно ихъ только двѣ, и считаетъ такую мѣру неблагоразумною: „если глухо запретятъ, то тѣ, кои свято власти повинуются, тѣ и перестанутъ работать, а непорядочныя ложи, у коихъ цѣли сума-

сбродныя, тѣмъ не запретишь, тѣ тихонько станутъ работать и, размножая заблужденіе и наборъ рекрутовъ, пуще будутъ безпокоить публику и правительству наводить подозрѣніе дурачествами своими". Впервые Поздѣевъ упоминаетъ о Мезансѣ въ письмѣ 1810 года, говоря, что онъ привезъ „большія о себѣ рекомендаціи отъ Жеребцова (извѣстнаго масона, основателя ложи Соединенныхъ Друзей) къ молодому графу Кутайсову, что благодаря этому онъ познакомился и съ гр. Мамоновымъ и теперь весьма близокъ съ обоими; Кутайсовъ расхваливаетъ его, какъ человѣка, наполненнаго знаніями, а Мамоновъ рекомендовалъ его Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, побочному сыну гр. Алексѣя Кирил. Разумовскаго. Перовскій одно время служилъ въ 6 департаментѣ сената подъ начальствомъ графа М. А. Дмитріева-Мамонова [1]); онъ посѣщалъ и извѣстнаго масона Феслера въ 1811 г. при проѣздѣ его черезъ Москву [2]). Можно предполагать, что въ масонской ложѣ Мезанса было положено основаніе тому политическому радикализму, который сказался въ перепискѣ Дмитріева Мамонова съ М. Ѳ. Орловымъ по поводу ихъ предположенія составить Общество Русскихъ Рыцарей [3]).

Что въ Россію проникали весьма радикальныя масонскія теченія, доказываетъ любопытный документъ на французскомъ языкѣ, помѣченный 27 числомъ октября 1811 г., подъ заглавіемъ „Исповѣданіе вѣры франкъ-масоновъ", копія котораго сохранилась въ бумагахъ цес. Константина Павловича. Приведемъ нѣкоторыя, наиболѣе важныя, мѣста этого документа:

„Богъ, создавъ людей, одарилъ ихъ полною естественною свободою, равною и общею всѣмъ, вслѣдствіе чего никто не можетъ уменьшать ее и ограничивать, не нанося явнаго и недопустимаго оскорбленія, какъ Богу, такъ и намъ самимъ, кому даровано это великое преимущество... Богъ безконечно ревнивъ относительно своего неограниченнаго господства надъ землею..., и его гнѣвъ распространяется на всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливается желать участія въ этомъ господствѣ и особенно на тѣхъ, которые, къ ущербу для него, подчиняются вліянію людей, стремящихся достигнуть власти, составляющей самое тяжкое оскорбленіе какъ величія Создателя,

---

[1]) А. А. Перовскій (1787—1837), учившійся въ московскомъ университетѣ, вышелъ изъ него въ 1807 г. со степенью доктора философіи и словесныхъ наукъ. Въ 1825—30 г. онъ былъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа и получилъ извѣстность въ литературѣ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Его романъ „Монастырка" имѣлъ большой успѣхъ.

[2]) *А. Васильчиковъ*. „Семейство Разумовскихъ", II, 112, 487, 489, 490, 492, 512. Объ А. Перовскомъ см. ст. „Антоній Погорѣльскій. Этюдъ изъ исторіи русскаго романтизма" въ книгѣ А. Кирпичникова „Очерки по исторіи новой русской литературы", 1896 г.

[3]) См. мою статью „Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ" въ „Русскомъ Богатствѣ" 1907 г., № 12.

такъ и свободы его созданія. Теченіе событій и смѣна столѣтій нанесли тяжелые удары и почти разрушили эту верховную власть создателя и естественную свободу его созданія, въ чемъ особенно повинно злодѣяніе честолюбивыхъ ассирійцевъ, которые первые изобрѣли эти прелестныя имена—самодержавіе и жречество... Поэтому великимъ предпріятіемъ, пріятнымъ Богу и достойнымъ людей, одареннымъ храбростью и чувствомъ чести, является то, чтобы возстановить этотъ храмъ, столь давно разрушенный..., выйдя, наконецъ, изъ того глубокаго мрака невѣжества, среди котораго въ теченіе столькихъ вѣковъ жили наши предки, чтобы вооружиться и возстать противъ недостойныхъ узурпаторовъ, а если понадобится, то и умертвить ихъ. Необходимо поступать съ ними, какъ съ настоящими тиранами, которые захватили силу, принадлежащую одному Богу, и злоупотребляютъ властью, дарованною одинаково всѣмъ людямъ. Всѣ приглашаются содѣйствовать этому благородному предпріятію, въ которомъ заинтересованы всѣ люди, и въ которомъ могутъ одинаково принять участіе язычникъ, еврей, турокъ, протестантъ, католикъ и даже деистъ и атеистъ, такъ какъ всѣ эти различныя вѣрованія, появившіяся въ мірѣ, ничто иное, какъ суевѣрные вымыслы тѣхъ, которые захотѣли отнять у человѣка его свободу, а у Бога—его власть. Отсюда слѣдуетъ, что, если различіе религій произвело столько смутъ, это объединеніе для насъ, франкъ-масоновъ, будетъ содѣйствовать укрѣпленію всѣхъ узъ, установитъ прочный миръ и совершенные законы. Опытъ показалъ, что тотъ, кто вступаетъ въ это общество, не вызываетъ и не испытываетъ непріятностей изъ-за своей религіи или различія вѣрованій, что онъ даже такъ привязывается и проникается сочувствіемъ къ нашимъ франкъ-масонскимъ мнѣніямъ, что становится равнодушнымъ къ своимъ прежнимъ взглядамъ и въ короткое время совершенно забываетъ и оставляетъ ихъ".

Составители излагаемаго документа понимаютъ, что „самое трудное предпріятіе изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ",—„сражаться съ самодержцами и жречествомъ, спокойно обладающими полною властью, разрушить тиранію, тяготѣющую надъ свободою человѣка и похищающую могущество Божіе на землѣ. Для этого нужно избрать въ обществѣ людей отличающихся твердостью духа и ученыхъ, и кромѣ того слѣдуетъ искать покровительства могущественныхъ людей изъ наиболѣе уважаемыхъ классовъ". Но „франкъ-масоны должны усиливаться и умножаться въ тѣни тайны" и повторять страшныя клятвы о правѣ мстить даже оружіемъ за нарушеніе обѣщанія хранить ее, въ обществѣ же слѣдуетъ выставлять правило, что они не совершаютъ ничего противнаго закону религіи и нравамъ. „И эта тайна величайшей важности должна храниться лишь въ ложѣ 5-й степени, составленной изъ однихъ архитекторовъ, предназначен-

ныхъ для управленія и возстановленія постройки храма Соломона. Всѣмъ же остальнымъ скажутъ только, что въ нашемъ обществѣ особенно совѣтуютъ оказывать помощь и милосердіе другъ къ другу" [1]).

Что подобныя идеи проповѣдывались русскимъ офицерамъ за границею въ нѣкоторыхъ кругахъ масоновъ и примыкающихъ къ нимъ различныхъ тайныхъ союзовъ, видно изъ донесеній въ февралѣ 1816 г. изъ Мейссена полковника барона Дибича, содержаніе которыхъ вкратцѣ было указано нами въ первой статьѣ [2]). Если мы обратимъ вниманіе на то, что не менѣе 10 членовъ Союза Спасенія были въ 1817 г. членами масонской ложи Трехъ Добродѣтелей, принадлежавшей къ Союзу Великой Провинціальной ложи, недовольствовавшейся тремя іоанновскими степенями (ученика, товарища и мастера), а признававшей и высшія степени, если мы припомнимъ тѣ отрывочныя свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о политическихъ идеяхъ членовъ Союза Спасенія и желаніи Пестеля установить въ немъ страшныя клятвы, то будетъ очевидно, какого рода масонство было симпатично для наиболѣе выдающихся декабристовъ-масоновъ. Было упомянуто и о попыткахъ нѣкоторыхъ членовъ тайнаго общества сдѣлать масонскія ложи прикрытіемъ и мѣстомъ вербовки членовъ для союза съ политическими задачами. Этой высокой марки политическаго либерализма и радикализма не только не могла выдержать масса нашихъ вольныхъ каменьщиковъ, но подъ вліяніемъ и привычнаго нашему обществу корыстнаго и безкорыстнаго „хамства“ (терминъ Н. И. Тургенева), и страха ради тѣхъ преслѣдованій, которыя грозили масонамъ иного типа [3]), стала относиться къ нимъ враждебно и довольствоваться въ большинствѣ случаевъ пережевываніемъ въ своихъ рѣчахъ элементарныхъ истинъ и продѣлываніемъ масонскаго ритуала, который декабристамъ, отрицательно относившимся къ масонству (напр., Якушкину), представлялся совершенною безсмыслицею.

Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ масонахъ, даже крайне консервативно настроенныхъ, тлѣла искра отрицательнаго отношенія, если не къ самодержавному режиму вообще, то, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ проявленіямъ деспотизма самодержца. Такъ, старый масонъ И. В. Лопухинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ смертной казни: онъ находилъ, что она совершенно „безполезна“, и одному только Богу „извѣстна та минута, въ которую можно пресѣчь“ жизнь. На возраженіе, что „смерт-

---

[1]) Военно-Ученый Архивъ, Отд. 1, № 1021—а, л. 1—2. Что этотъ документъ обратилъ на себя вниманіе властей, видно изъ слѣдующей подписи на немъ: „Съ подлиннымъ вѣрно. Дежурный генералъ Потаповъ“.

[2]) „Минувшіе Годы“, 1908 г., № 2, стр. 23—24.

[3]) Напомнимъ приведенное мною авторитетное свидѣтельство де-Санглена о ссылкѣ масоновъ, „найденныхъ въ противномъ расположеніи духа“, по повелѣнію Александра I, въ отдаленныя губерніи.

ная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственнаго злодѣя", который опасенъ для общаго спокойствія, Лопухинъ отвѣчалъ, что даже и въ этомъ „рѣдкомъ случаѣ.... строгое заключеніе можетъ отвратить опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ ее". По поводу манифеста 30 ноября 1806 г. о составленіи милиціи или ополченія, которымъ главнокомандующимъ земскими войсками дана была власть „арестовать и предать военному суду каждаго ослушника и нарушителя вѣрности присяги" и немедленно приводить въ исполненіе даже и приговоры къ смертной казни [1]), Лопухинъ 18 января 1807 г. писалъ имп. Александру: „Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечъ ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринутъ былъ,—разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и счастье народамъ". По мнѣнію Лопухина, тогда было такое время, что вѣрность присягѣ и безъ того не будетъ нарушена, „или смертная казнь не удержитъ... Когда устрашала она злодѣевъ? Они не думаютъ о казни, или бы бѣжали зла". Лопухинъ умолялъ Александра быть „великимъ благостью", которая „все преодолѣетъ" [2]).

Лопухинъ утверждалъ также; что „не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни" [3]).

Въ журналѣ „Другъ Юношества", который издавалъ масонъ Невзоровъ, Лопухинымъ было высказано отрицаніе пытки: „муками исторгать признаніе изъ человѣка, который можетъ быть невиненъ, есть одно тиранство [4]). Это, правда, было не новостью послѣ запрещенія пытокъ самимъ правительствомъ, но запрещеніе это плохо исполняется и до сего дня.

Невзоровъ, въ письмѣ къ кн. Голицыну, отъ 27 января 1819 г.,

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIX, № 22374, п. 20.
[2]) Записки И. В. Лопухина. „Чтенія Общ. Ист. Древн. Рос." 1860 г., т. II, 8—9, 111, 144, или „Рус. Арх." 1884 г., т. I, 10, 128.
[3]) „Чтенія Общ. Ист. и Древн. Рос." 1860 г., II, 8, Рус. Арх. 1884 г., т. I, 9—10.
[4]) Октябрь, 1808 г., „Отрывки сочиненія одного стариннаго судьи", стр. 25.

указывалъ на причины неудовольствія и ропота московскихъ жителей и большей части людей средняго и низшаго состоянія въ Россіи. Главною изъ этихъ причинъ онъ считалъ тяжесть налоговъ и полагалъ, что недоимки нужно всѣ простить, а налоги и подати стараться сколь возможно уменьшить, взиманіе же нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, сборъ съ паспортовъ, совершенно прекратить. Упоминаетъ Невзоровъ и о недовольствѣ военными поселеніями [1]).

Масоны много говорятъ въ своихъ рѣчахъ о равенствѣ, но они понимаютъ его или въ смыслѣ сохраненія чувства собственнаго достоинства передъ высшими, или въ смыслѣ равенства масоновъ между собою. Такъ масонъ Никитинъ въ рѣчи, произнесенной въ ложѣ Избраннаго Михаила, говоритъ: „покрытая голова есть символъ равенства, царствующаго въ нашей малой ложѣ и долженствующаго вѣчно царствовать. Масонъ не унижается и не ползаетъ у ногъ вельможи и временщика, но онъ и не возносится предъ тѣмъ, кто зависитъ отъ его воли и власти“ [2]). Равенство масоновъ между собою подчеркнулъ въ своихъ запискахъ и Пржецлавскій, указавъ на то, что въ стѣнахъ масонскихъ ложъ „сглаживались такъ рѣзко выдающіяся и такъ строго соблюдаемыя во внѣшней жизни іерархическія, служебныя и сословныя различія: нерѣдко плебей возсѣдалъ въ ложѣ выше свѣтлѣйшаго князя, сенатскій оберъ-секретарь или только секретарь имѣлъ своимъ подчиненнымъ сенатора того же департамента“ [3]).

---

[1]) *Соколовская.* „Русское масонство“. 44—45.

[2]) Изъ бумагъ масона Боровкова. Ватерпасъ одно изъ орудій, употреблявшихся въ масонскомъ ритуалѣ, истолковывалось, какъ напоминаніе, что „мы всѣ одной природы, слѣдовательно, и равны между собою“, но надлежащаго вывода изъ этого утвержденія не дѣлалось. О равенствѣ въ масонскомъ смыслѣ читаемъ въ рукописи на французскомъ языкѣ, написанной рукою Баратаева, основателя масонской ложи Ключа къ Добродѣтели въ Симбирскѣ (онъ любилъ дѣлать выписки изъ масонскихъ книгъ и рукописныхъ матеріаловъ), подъ заглавіемъ „Нѣсколько масонскихъ идей и отрывковъ. 1 марта 1807 г.“: „Франкъ-масоны равны между собою. Находясь среди своихъ братьевъ, масонъ забываетъ о происхожденіи, санѣ, должности, учености, о всемъ, что можетъ прославить человѣка; одинъ Богъ создалъ ихъ. Онъ далъ имъ ту же форму, онъ предназначилъ имъ одинаковый конецъ, онъ даровалъ имъ тѣ же законы, — все это побуждаетъ масоновъ считать себя равными. Люди родятся одинаково, у нихъ тѣ же нужды, они всѣ смертны... Со смертью падаетъ завѣса тщеславія, тѣла носильщика и генерала хоронятся одинъ подлѣ другого, и для того, и для другого отводятъ земли не болѣе нѣсколькихъ футовъ. Политическое неравенство длится лишь нѣсколько секундъ, а истинное равенство продолжается въ теченіе безчисленныхъ столѣтій. Франкъ-масонъ, проникнутый этою истиною, говоритъ вмѣстѣ съ Соломономъ: все—суета; мы всѣ равны,—и въ масонскомъ храмѣ онъ заглушаетъ въ себѣ голосъ гордости“. Бумаги кн. Баратаева, Гос. Арх. I, В, № 499.

[3]) „Рус. Стар.“ 1874 г., т. 21, 466—468. Лопухинъ въ цитированной уже статьѣ считаетъ необходимымъ, чтобы въ общемъ благѣ, доставляемомъ государствомъ, послѣдній пастухъ, по мѣрѣ своего состоянія, такимъ же воспользовался участіемъ, какъ и первый вельможа по мѣрѣ своего. Вотъ возможное равенство въ благосостояніи гражданскомъ..., а не то мечтательное равенство,

Масоны восхваляли не только равенство, но и братство, однако они называли братьями лишь товарищей по своему ордену. Въ одной изъ пѣсенъ, которыя они пѣли въ собраніяхъ ложъ, они говорятъ:

„Оставьте гордость и богатство.
Оставьте пышность и чины,—
Въ священномъ, свѣтломъ храмѣ братства
Чтутъ добродѣтели однѣ" [1]).

Масоны проповѣдывали, впрочемъ, гуманность и любовь ко всѣмъ людямъ, а также и гуманное отношеніе къ слугамъ. „Всѣмъ сердцемъ и самыхъ послѣднихъ, и рабовъ по приличію почитай", сказано въ масонскихъ „Правилахъ, которыя исполнять должно", „чѣмъ никого не презришь и не раздразнишь". „Облегчай существованіе твоему слугѣ", читаемъ въ другихъ правилахъ, „имѣй состраданіе къ его несчастію, дѣлающему одного человѣка рабомъ другого человѣка [2]). Уставъ вольныхъ каменьщиковъ, составленный въ 1782 г., принятый въ Россіи въ 1787 и подвергавшійся исправленіямъ еще въ 1812 г., предписывалъ масону быть „кротчайшимъ господиномъ" [3]). Невзоровъ въ журналѣ „Другъ Юношества" помѣстилъ свою статью, содержащую горячую проповѣдь помѣщикамъ человѣчности къ ихъ крѣпостнымъ и вниманія къ ихъ нуждамъ, а также обличеніе жестокихъ эксплоататоровъ своихъ крестьянъ [4]). Кн. Баратаевъ, управляющій ложею Ключа къ Добродѣтели въ Симбирскѣ, привлеченный къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ, на допросѣ, между прочимъ, заявилъ, что устроенная имъ ложа имѣла значительное нравственное вліяніе на ея членовъ, и что самъ онъ содѣйствовалъ улучшенію отношенія нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ ихъ дворовымъ и крестьянамъ [5]). Гр. Віельгорскій замѣчалъ, что дворовые съ любовью относятся къ тѣмъ, кого они считаютъ масонами, и объяснялъ это такимъ образомъ: „въ глазахъ нашихъ бываетъ, что господинъ дому, обходясь весьма жестоко съ своими людьми и болѣе считая ихъ за скотовъ, нежели за людей, вступя въ нашъ союзъ, испытываетъ силу преподаваемой ему науки, перемѣняется во всемъ, а въ обхожденіи съ людьми болѣе становится похожъ на ихъ отца, нежели властелина. Признательные подчиненные, правильно относя сію перемѣну тѣмъ связямъ, кои онъ имѣетъ съ посѣщающими его братьями, всячески стараются имъ

котораго буйство столько бѣдствій въ Европѣ приключило, буйство, стремящееся уничтожить степени состояній, необходимо нужныя въ обществахъ". „Другъ Юношества", 1808 г., Октябрь, стр. 28—29.

1) *Соколовская*. „О масонствѣ въ прежнемъ русскомъ флотѣ". 1907 г., № 8.
2) Рук. Публ. Библ. О. III 169; *Соколовская*. „Русское масонство", 30.
3) „Море", 1907 г., № 26.
4) 1809 г., февраль, стр. 112—115.
5) Гос. Арх. I B, № 199.

угождать, въ ознаменованіе ихъ благодарности". Въ одной масонской рѣчи, произнесенной въ ложѣ Избраннаго Михаила, ораторъ говоритъ: „Истинный масонъ приходитъ" послѣ собранія масонской ложи „въ домъ свой..., и... слуги, возросшіе подъ гнѣвомъ и грозою, съ меньшимъ трепетомъ приближаются къ господину своему, видя лицо его сіяющимъ новымъ блескомъ привѣтливости. Онъ научился... уважать священное званіе человѣка даже подъ тяжкимъ *гнетомъ рабства* и въ самомъ рубищѣ нищеты!... Гдѣ же научился онъ сему? Тамъ, куда ввела его дружба и гдѣ озарила Истина: онъ научился сему въ ложѣ братій масоновъ, но для чего-жъ не сказать мнѣ, что именно въ ложѣ Избраннаго Михаила?... Такъ я говорю сіе, а вамъ, любезные и почтенные братья, представляю оправдать слова мои [1]). Быть можетъ, это мѣсто рѣчи навѣяно бесѣдами Віельгорскаго.

Въ протоколѣ ложи Умирающаго Сфинкса 28 апрѣля 1820 г. записанъ слѣдующій фактъ: кандидатъ заявилъ, что онъ, Семенъ Жуковъ, 19 лѣтъ отъ роду, слуга, пришелъ искать свѣта у масоновъ, потому что видѣлъ на своемъ господинѣ поразительное вліяніе масонства: сдѣлавшись масономъ, онъ совершенно измѣнился. Это былъ крѣпостной человѣкъ брата обрядоначальника ложи; нѣсколько членовъ ложи, и въ томъ числѣ его господинъ, засвидѣтельствовали его „отличныя качества". Онъ былъ принятъ, но только въ „служащіе братья", т. е. для услуженія во время засѣданій ложи [2]).

9 апрѣля 1820 года масонъ Левъ Слѣпцовъ, членъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели [3]), писалъ кн. М. П. Баратаеву: „Здѣсь живетъ въ Питерѣ одинъ изъ крѣпостныхъ людей Александра Алексѣев. Карпова, который по чувствамъ и поведенію своему чрезъ различное знакомство съ нашими нѣкоторыми изъ братьевъ успѣлъ обратить на себя ихъ вниманіе, способствовало же ему въ ономъ и то, что онъ славный живописецъ, но это не есть еще главное его достоинство, но то, что рвеніе, или, лучше сказать, пламенное его желаніе познать истину, вступая въ орденъ нашъ, дѣлаетъ ему почтеніе нашего общества. Какъ бы желательно было удовлетворить его исканіе, напоить жаждущаго лучами свѣта, но вы знаете, что законы наши требуютъ свободности, не имѣя которой, можетъ быть, лишается случая быть и другимъ полезнымъ". Слѣпцовъ проситъ Баратаева ходатайствовать у помѣщика этого крѣпостного-художника о дарованіи свободы, „если же онъ захочетъ... за него выкупу", прибавляетъ Слѣпцовъ, „то посудите, гдѣ онъ возьметъ" его, „употребляя большую

---

[1]) Бумаги Боровкова.
[2]) Рук. Публ. Библ. F. III, № 64.
[3]) Госуд. Арх. I В., № 482.

часть времени не на художество, но на то, чтобы быть полезнымъ воспитывающимся въ корпусѣ дѣтямъ Карпова“ [1]).

Однако, проповѣдуя человѣколюбивое отношеніе къ крѣпостнымъ, масоны вовсе не возвышались до идеи о противоестественности рабства и необходимости его уничтоженія; напротивъ, согласно съ ихъ основными взглядами, крѣпостной могъ имѣть внутреннюю свободу, свободу отъ грѣха, и это ихъ совершенно удовлетворяло. Между тѣмъ крѣпостные возлагали на масоновъ надежду, что они стремятся къ ихъ освобожденію. Чрезвычайно любопытное свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ уже цитированныхъ „Бесѣдахъ“ Віельгорскаго: „простолюдины, въ особенности дворовые люди, не имѣя никакого понятія о существѣ нашего ордена, весьма его любятъ, предполагая по названію свободныхъ каменьщиковъ, что наше братство старается ихъ сдѣлать вольными, въ чемъ они весьма ошибаются, ибо мы стараемся свергнуть съ себя оковы не мнимыя, но истинно тяжкія; а именно оковы грѣха, смерти и ада. Сіе исходитъ одно изъ другого. Человѣкъ, освобожденный отъ ихъ оковъ, вездѣ великъ, вездѣ равнодушенъ, вездѣ одинаковъ, однимъ словомъ, вездѣ счастливъ, даже подъ самымъ деспотическимъ правленіемъ. Но сіе благо будетъ постепенно и на нихъ разливаться“.

Мы видѣли, что Баратаевъ, управлявшій симбирскою ложею Ключа къ Добродѣтели, хвалился своимъ гуманизирующимъ вліяніемъ на тамошнихъ помѣщиковъ въ ихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ; но когда губернаторъ, столь прославившійся впослѣдствіи своею реакціонною дѣятельностью Магницкій, энергически сталъ защищать крестьянъ отъ насилій и злоупотребленій помѣщиковъ, то тотъ же Баратаевъ, въ званіи предводителя дворянства, явился ходатаемъ за дворянскіе интересы и пустилъ при этомъ въ ходъ свои масонскія связи въ Петербургѣ. 9 іюля 1818 г. онъ писалъ (на французскомъ языкѣ) Авг. Лерхе, доктору правъ и секретарю цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи, который былъ великимъ секретаремъ великой ложи Астреи: „вслѣдствіе отсутствія губернскаго предводителя дворянства я долженъ исполнять его обязанности вмѣстѣ съ моими. Съ нѣкотораго времени, а говоря откровенно, со времени пріѣзда Магницкаго, мы безпрестанно заняты разборомъ дѣлъ дворянъ по жалобамъ ихъ крестьянъ; они находятъ въ немъ усерднаго, но часто несправедливаго защитника людей злонамѣренныхъ, старающихся также несправедливо очернить репутацію своихъ господъ. Часто на основаніи только слуховъ и несмотря на разборъ дѣлъ дворянствомъ, онъ (а также и его теперешній замѣститель) безъ толку назначалъ опеку и принималъ жалобы крестьянъ,

[1]) Гос. Арх. I В., № 495.

приходившихъ съ ними сотнями, чтобы избѣгнуть работы, ожидая возможности ничего не дѣлать. Наконецъ, послѣ его отъѣзда вынуждены были ставить на постой въ помѣщичьихъ имѣніяхъ войска, но огонь тлѣетъ подъ пепломъ. Судя по послѣднему рѣшенному нами дѣлу, было совершенно обратное нашему рѣшенію, и невинный обвиненъ въ убійствѣ своего слуги, которому, какъ видно даже изъ дѣла, онъ велѣлъ дать только пять ударовъ палками, причемъ самъ не присутствовалъ. Быть можетъ, по какимъ-либо политическимъ соображеніямъ, неизвѣстнымъ намъ, профанамъ, хотятъ унизить дворянина, но я посылаю все дѣло въ министерство полиціи и прошу приказать пересмотрѣть его. Съ этою почтою оно отправлено по просьбѣ и по постановленію дворянства, и я прошу васъ, многоуважаемый братъ, извѣстить меня о томъ, какой ходъ оно будетъ имѣть. Магницкій тамъ, и онъ можетъ насъ очернить, хотя наше дѣло правое, но я даже прошу министра хорошенько провѣрить мое поведеніе и готовъ подвергнуться всему, если мы дѣйствовали неправильно. Таковъ мой долгъ, какъ предводителя дворянства, какъ управляющаго ложею. Я прилагаю секретный указъ, присланный намъ, который, вмѣсто того, чтобы остаться секретнымъ, напечатанъ и извѣстенъ всѣмъ крестьянамъ, что можетъ только увеличить бунтъ... Все здѣшнее дворянство страдаетъ, и мой долгъ защищать его и рисковать всѣмъ для моихъ собратьевъ, которые ввѣрили мнѣ свою судьбу [1]).

На столько сильно заговорили въ извѣстномъ и уважаемомъ товарищами масонѣ сословные интересы, когда губернаторъ сталъ энергично преслѣдовать жестокихъ помѣщиковъ, въ теченіе 8 мѣсяцевъ обнаружилъ 8 тиранствъ и предалъ виновныхъ суду [2]). Магницкій приказалъ губернскому правленію предписать всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, чтобы они наблюдали за обращеніемъ съ крестьянами помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Комитетъ министровъ былъ крайне недоволенъ такою энергіею губернатора и нашелъ, что „не слѣдовало дѣлать предписанія столь гласно, чтобы не подать повода къ... затѣйнымъ донесеніямъ на помѣщиковъ самыхъ справедливыхъ и благонамѣренныхъ... Внушенія губернаторъ можетъ и долженъ дѣлать, но безъ всякой огласки“, о чемъ комитетъ и положилъ поставить на видъ губернатору. Однако государь 28 мая 1818 г. рѣшилъ иначе: „Внушенія предводителямъ насчетъ наблюденія за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами можно и должно дѣлать во всякое время и не въ одномъ только случаѣ при дворянскихъ выборахъ, ибо самое званіе, предводителями носимое, возлагаетъ на нихъ сію священную обязанность,

---

[1]) Гос. Арх. I В., № 487.

[2]) „Сборн. ист. матер., извлеченныхъ изъ Арх. Соб. Е. В. Канц.“. XI, 277.

и напоминаніе имъ объ этомъ письменно всегда можетъ быть полезно, разумѣя само собой, что подобнаго рода переписка между сими лицами должна оставаться единственно къ взаимному ихъ свѣдѣнію и наблюденію [1]).

Н. И. Тургеневъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи La Russie et les Russes указываетъ на то, что въ масонскихъ журналахъ [2]) и произведеденіяхъ нѣкоторыхъ членовъ масонскихъ ложъ „встрѣчаются столь же справедливые, какъ и остроумные нападки на ужасный институтъ рабства... Зная нѣсколькихъ вліятельныхъ членовъ этого общества", продолжаетъ Тургеневъ, разумѣя при этомъ старыхъ екатерининскихъ масоновъ, я могъ изъ бесѣдъ съ ними убѣдиться, что если они не занялись освобожденіемъ крестьянъ во время ихъ ревностной филантропической дѣятельности, то это потому, что тогда эта идея не волновала умы. Но они не высказывались противъ эмансипаціи, какъ большинство русскихъ помѣщиковъ. Съ ними можно было, по крайней мѣрѣ, разсуждать объ этомъ щекотливомъ предметѣ; для ихъ убѣжденія приходилось выдвигать христіанство, и тогда они охотно сдавались, какъ честные люди и истинные христіане". При этомъ Тургеневъ, вѣроятно, разумѣетъ Н. И. Новикова, быть можетъ, Невзорова и нѣкоторыхъ другихъ, но И. В. Лопухинъ не сочувствовалъ законодательному ограниченію крѣпостного права, а масонъ Поздѣевъ былъ совершеннымъ крѣпостникомъ [3]). Впрочемъ, Тургеневъ говоритъ: „я убѣжденъ, что, поработавъ надъ распространеніемъ народнаго образованія, масонскія общества непремѣнно обратили бы свое вниманіе и усилія на освобожденіе крѣпостныхъ" (II, 257—258). Желаніе побудить масоновъ содѣйствовать уничтоженію крѣпостного права, по словамъ Н. Тургенева, и заставило его сблизиться съ масонами, какъ онъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своемъ первомъ оправданіи, присланномъ изъ-за границы; „было время", прибавляетъ онъ, „когда я думалъ, что полезно учредить новую степень въ масонствѣ съ цѣлью уничтоженія рабства" [4]). Послѣднія слова, очевидно, представляютъ намекъ на сношенія Тургенева съ М. Ѳ. Орловымъ по поводу основанія рыцарскаго ордена, въ программу дѣятельности котораго входило уничтоженіе крѣпостного права. Но вступленіе въ масонство Н. И. Тургенева, какъ мы видѣли, совершилось еще за границею.

Трудно гадать, какъ стали бы относиться масоны позднѣе къ рѣшенію вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права, если бы масонскія ложи не были закрыты въ 1822 году, но, судя по только что изложенному инциденту съ Баратаевымъ и имѣя въ виду приведенныя выше слова

[1]) *Середонинъ*. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ", т. I, Спб. 1902 г., стр. 331.
[2]) Тургеневъ имѣетъ при этомъ въ виду журналы, издаваемые Новиковымъ.
[3]) См. мою книгу „Крестьянскій Вопросъ" I. 361—369.
[4]) „Рус. Стар." 1902 г., № 4.

Віельгорскаго, нужно полагать, что они во всякомъ случаѣ шли бы въ хвостѣ освободительнаго движенія въ крестьянскомъ дѣлѣ и позднѣе многихъ другихъ поддались бы требованіямъ не улучшенія быта крестьянъ, а совершеннаго уничтоженія крѣпостного права. Чрезвычайно характерно, что среди масоновъ можно было найти такихъ сердобольныхъ людей, какъ художникъ Олешкевичъ, который не желалъ раздавить даже блоху или клопа [1]), и въ то же время масоны не возвышались до требованія уничтоженія крѣпостного права, дававшаго возможность проливать такъ много невинной крови. Олешкевичъ, какъ полякъ, еще могъ бы сказать, что въ Царствѣ Польскомъ съ 1807 года крестьяне уже получили личную свободу, но этого не могли сказать русскіе масоны. Такой индиферентизмъ къ одному изъ главнѣйшихъ золъ русской жизни долженъ былъ не менѣе отталкивать отъ масонства декабристовъ, какъ и нежеланіе его послѣдователей бороться съ другимъ не менѣе вреднымъ зломъ—самодержавіемъ.

Требованіе гуманности нѣкоторые масоны примѣняли не только въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ, но распространяли и на область фабричнаго труда. Обращаясь къ фабриканту и заводчику, Невзоровъ убѣждалъ его не стремиться съ жадностью къ излишнему доходу, не „величаться отъ крови другихъ нажитымъ имѣніемъ"; онъ совѣтовалъ ему освидѣтельствовать тяжкія работы трудящихся для него на фабрикахъ и заводахъ, не обременять ихъ работою выше мѣры, приказывать и своимъ повѣреннымъ „не быть звѣрями, а знать человѣчество", удвоить и утроить, или, „смотря по нуждамъ, обстоятельствамъ и дороговизнѣ времени", еще болѣе увеличить ихъ жалованье. „Помогай имъ всячески", продолжаетъ Невзоровъ, „и не слѣдуй тиранамъ-хозяевамъ, которые покупаютъ для работниковъ своихъ хлѣбъ и продаютъ имъ изъ барышей, платя притомъ за работу деньги очень малыя, отчего работники ни плошки, ни ложки, ни рубашки собственной не имѣютъ, а у хозяина за одинъ хлѣбъ на десять лѣтъ остаются впередъ въ долгу. Когда будешь такъ поступать..., работы на фабрикахъ твоихъ и заводахъ будутъ успѣшнѣе еще тиранскихъ фабрикъ, но безъ клятвъ и злословій" [2]). Правда, тутъ нѣтъ требованія законодательнаго вмѣшательства въ отношенія фабриканта къ рабочимъ, но нужно замѣтить, что и декабристы, включавшіе въ свою программу реформъ уничтоженіе крѣпостного права, забывали о защитѣ путемъ закона фабричныхъ рабочихъ. Отчасти, впрочемъ, послѣднее объясняется тѣмъ, что на множествѣ фабрикъ работа производилась трудомъ крѣпостныхъ или поссессіонныхъ крестьянъ, и слѣдовательно, требуя уничто-

---

[1]) См. воспоминанія о немъ Пржецлавскаго. „Рус. Стар." 1876 г., т. XVI, 559—566.

[2]) „Другъ Юношества", 1809 г., февраль, стр. 116—117.

женія крѣпостного права, декабристы вмѣстѣ съ тѣмъ добивались и освобожденія значительной части фабричныхъ работниковъ, а Пестель, кромѣ того, требовалъ и замѣны всѣхъ казенныхъ работниковъ на заводахъ—вольнонаемными или преступниками. Приведенная статья Невзорова тѣмъ болѣе заслуживаетъ благодарнаго упоминанія, что у него слово не расходилось съ дѣломъ. Онъ занималъ мѣсто начальника университетской типографіи въ Москвѣ. Когда въ августѣ 1812 года типографскимъ чиновникамъ и рабочимъ не выдано было жалованья, онъ истратилъ съ этой цѣлью 6000 рублей, которыя причитались ему, какъ извѣстная доля чистаго дохода съ типографіи [1]).

И. В. Лопухинъ называлъ даже собственность „грѣховною, мерзкою“ [2]), однако, надѣлавъ долговъ, онъ совершенно неправильно отстаивалъ свое имущество, что и заставило М. М. Сперанскаго прочесть ему весьма суровое наставленіе [3]). Нѣкоторымъ смягченіемъ вины Лопухина, но не оправданіемъ его можетъ быть лишь то, что, занимая деньги, у кого только было возможно, онъ съ величайшей щедростью раздавалъ ихъ нуждающимся.

Русскіе масоны обыкновенно не допускали женщинъ въ свои ложи, хотя во Франціи и въ другихъ странахъ западной Европы, кромѣ Англіи, а также и въ Америкѣ существовали и женскія ложи, а въ нѣкоторыхъ странахъ и состоящія изъ членовъ обоихъ половъ [4]). Но отъ масоновъ не требовалось аскетизма. По обряду ученической ложи, при пріемѣ новаго члена ему вручали длинныя бѣлыя женскія лайковыя перчатки [5]), и великій мастеръ говорилъ: „Пріими сей знакъ напоминанія той, которую ты больше всѣхъ любишь и почитаешь и, вышедъ изъ ложи, посвяти ей въ залогъ сей непорочной твоея къ ней ревности и незабвенія“. Во французской пѣснѣ, которую распѣвали въ работавшей на французскомъ языкѣ ложѣ Соединенныхъ Друзей, упоминалось даже о подругѣ масона (sa mie [6]). Въ ложѣ Умирающаго Сфинкса, великимъ мастеромъ которой былъ Лабзинъ

---

[1]) *П. Бартеневъ*. „Макс. Ив. Невзоровъ“. „Русская Бесѣда“ 1856 г., т. III, 97, 98.

[2]) „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели, съ присовокупленіемъ краткаго изображенія качествъ и должностей истиннаго христіанства“. Спб. 1816 г. Новое изданіе, стр. 73, ср. 17, 43. (Первое изданіе 1798 г.).

[3]) „Рус. Арх.“ 1870 г., стр. 623—625.

[4]) *Гекерторнъ*. „Тайныя общества“ I, 276, 284; *R. Fischer* Darstellung der freimaur. Systeme, 1906, S. 58—59, Allgem. Handbuch der Freim II, 595, *Zaleski*. O masonii w Polsce, 189. Выше мы привели, впрочемъ, указаніе иностраннаго автора на то, что ложи цес. Константина Павловича и гр. Потоцкаго допускали женщинъ на свои праздники.

[5]) „Вѣстн. Евр.“ 1872 г. № 7, стр. 275.

[6]) „Рус. Арх.“ 1905 г. № 10, стр. 285.

и которая не вошла въ союзъ ни Астреи, ни Провинціальной Ложи, 14 октября 1819 г. происходило засѣданіе, въ которомъ чествовалось 25-тилѣтіе бракосочетанія Лабзина и гдѣ постановлено было поднести на другой день его женѣ на голубой подушкѣ женскія перчатки. Когда это было приведено въ исполненіе, тронутая Лабзина просила мужа положить ихъ, когда она умретъ, въ ея гробъ [1]). Лабзину допускали даже присутствовать на собраніяхъ ложи Умирающаго Сфинкса [2]), но только это не отмѣчалось въ ея протоколахъ.

XI.

По „Законамъ Великой Масонской ложи Астреи", „истинный масонъ почитаетъ Бога какъ Творца и Правителя міра. Онъ избѣгаетъ всего, что можетъ быть противно сему почитанію; признаетъ святость религіи христіанской, точнымъ исполненіемъ правилъ ея доказываетъ, что сердце его исполнено высокаго ученія Св. Евангелія, и нравственный законъ избираетъ правиломъ поступковъ своихъ"(§ 173). Въ масонскую ложу принимались только люди, принадлежащіе къ „какому-нибудь изъ терпимыхъ въ государствѣ *христіанскихъ исповѣданій*" („Уложеніе Астреи", ч. I, § 162). Правда, въ прибавленіяхъ къ законамъ Астреи были напечатаны „Масонскіе законы, оставшіеся отъ древнихъ каменьщиковъ", по которымъ допускались въ ложу не одни христіане: „хотя въ древніе времена", сказано было въ этихъ законахъ, „вольные каменьщики обязаны были принадлежать къ вѣроисповѣданію той земли, въ которой кто жилъ, но нынѣ признано за полезное поставлять имъ въ непремѣнную обязанность единственно то, чтобы они принадлежали къ одному изъ тѣхъ вѣроисповѣданій, кои обязываютъ вѣроисповѣдающихъ къ честности, справедливости, снисходительности и благотворительности къ ближнему, *какого бы онъ состоянія и вѣроисповѣданія ни былъ*, предоставляя, впрочемъ, всякому держаться тѣхъ правилъ и мнѣній, которыя признаетъ онъ благоразумнѣйшими и благочестивѣйшими [3]). Однако, правило это, заимствованное съ измѣненіями изъ старой „Книги Уставовъ", составленной англійскимъ масономъ Андерсономъ по порученію братьевъ [4]), не было, какъ мы видѣли во всей ши-

[1]) „Рус. Арх." 1905 г., № 12, стр. 332—335.

[2]) „Воспоминанія Анны Евдок. Лабзиной съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. Модзалевскаго". Спб. 1903 г., стр. 119, 120, 122—123, 124, 132.

[3]) „Законы Великой масонской ложи Астреи", ч. II, 1815 г., стр. 304—305. Въ лондонскомъ французскомъ изданіи законовъ Астреи вмѣсто всего этого мы находимъ только правило, что вольный каменьщикъ долженъ быть „честнымъ человѣкомъ", добрымъ, искреннимъ и вѣрнымъ, какого бы званія (dénomination) или исповѣданія онъ ни былъ" (стр. 137).

[4]) Въ ней въ подлинникѣ еще яснѣе было подчеркнуто въ приведенномъ мѣстѣ, что нынѣ признано болѣе полезнымъ только обязывать масоновъ имѣть ту религію, въ которой всѣ люди согласны. Лондон. изд. книги Андерсона. 1784 г., стр. 351.

ротѣ воспринято „Законами“ и „Уложеніемъ Астреи“, которыя непремѣннымъ условіемъ участія въ масонскихъ ложахъ ставили принадлежность къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій. Это соотвѣтствовало правиламъ, установившимся у русскихъ масоновъ и до составленія Уложенія Астреи, т.-е. до 1815 года. За нѣсколько лѣтъ до того, въ 1811 г., былъ такой случай: сынъ богатаго откупщика-еврея, Перетцъ, пожелалъ быть принятымъ въ масоны, и Жеребцовъ, одинъ изъ вліятельныхъ масоновъ того времени, управлявшій ложею Соединенныхъ Друзей, предлагалъ капитулу принять его, но ему, какъ сообщаетъ въ донесеніи государю отъ 20 октября 1813 года управлявшій министерствомъ полиціи Вязьмитиновъ, было въ этомъ отказано, „ибо хотя въ древнихъ масонскихъ статутахъ, особенно англійскихъ, и позволено принимать жидовъ, но въ 1717 году сдѣланъ законъ, принятый и здѣшними ложами, чтобы, кромѣ христіанъ, никого къ братству не допускать“ [1]). Вязьмитиновъ, очевидно, переврал ссылку на англійскіе масонскіе законы въ подкрѣпленіе непринятія въ масонскую ложу Перетца: мы видѣли, что старые масонскіе уставы, напечатанные въ 1723 г. Андерсономъ по порученію лондонскихъ ложъ, объединившихся въ 1717 г. въ великую англійскую ложу, именно допускали въ ложу людей всѣхъ вѣроисповѣданій, и уже въ 1730-хъ гг. 32 еврея состояло членами ложъ, а въ 1732 году еврей былъ даже мастеромъ одной англійской ложи [2]), но если даже Перетцъ былъ дѣйствительно не принятъ въ ложу Соединенныхъ Друзей (имени его нѣтъ въ ея спискахъ), то не потому, что онъ былъ еврей (по вѣроисповѣданію онъ былъ лютеранинъ), а быть можетъ, вслѣдствіе несимпатичныхъ качествъ этого лица, которыя ясны и изъ того, что, съ вошествіемъ на престолъ имп. Николая, онъ явился съ доносомъ на членовъ тайнаго общества [3]). Тѣмъ не менѣе лица еврейскаго исповѣданія, повидимому, дѣйствительно и до 1815 года, т.-е. до изданія Уложенія Астреи, не принимались въ русскія масонскія ложи. Правда, Ю. И. Гессенъ приводитъ извѣстіе, что одна петербургская ложа приняла около 1797 г. въ свою среду еврея [4]), но это кажется намъ сомнительнымъ потому, что и на Западѣ Европы, масонство которой вліяло на нашихъ вольныхъ каменщиковъ, далеко еще не былъ побѣжденъ въ

---

[1]) Воен.-Учен. Арх.

[2]) *Ю Гессенъ*, 10; *Findel*. Gesch. der Freimaurerei, 7 Aflage. II Theil, 1907, S. 159.

[3]) Ѳ. Н. Глинка во время слѣдствія по дѣлу декабристовъ показалъ, что Перетцъ однажды просилъ его о принятіи его въ масоны, говоря, что онъ знакомъ съ д-ромъ Эллизеномъ и другими важными масонами, но Глинка затруднился рекомендовать такого „балагура“ и на другой день рѣшительно отказалъ. Перетцъ отрицалъ это. „Гос. Арх.“ I В., № 82, л. 41, 66, № 66, л. 88.

[4]) Стр 47 со ссылкою на книгу Anti-Sarsena, 1817 г., стр. 93; во всякомъ случаѣ авторъ нѣмецкой книги считаетъ такое принятіе незаконнымъ.

масонскихъ ложахъ крайне несимпатичный антисемитизмъ, столь противорѣчащій основнымъ положеніямъ масонства Англіи, откуда масонство скоро распространилось на материкѣ Западной Европы и проникло даже въ Индію. Въ Англіи антисемиты-масоны были въ меньшинствѣ уже въ первой четверти XVIII вѣка, во Франціи же, масонство которой оказало сильное вліяніе на нашихъ масоновъ, ея Великая Ложа не допускала принятія евреевъ во французскія ложи, однако въ этой странѣ были ложи, принимавшія ихъ; въ Германіи въ это время ложи, допускавшія ихъ въ свою среду, были не общимъ правиломъ, а исключеніемъ, наконецъ, шведскіе масоны принадлежали также къ числу антисемитовъ. Въ нѣмецкомъ масонскомъ словарѣ Гёдике (1818 г.), встрѣчающемся въ тогдашнихъ русскихъ собраніяхъ масонскихъ книгъ, авторъ съ великою рѣшительностью заявляетъ: „истинныя и настоящія масонскія ложи не терпятъ евреевъ въ своей средѣ“ [1]).

Уложеніе Астреи ставитъ условіемъ принятія въ ложу принадлежность къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, древніе же масонскіе законы, даже и въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны въ приложеніи къ законамъ Астреи, отличались неизмѣримо большею широтою религіознаго міросозерцанія, но и въ нихъ высказывалась увѣренность, что каждый вольный каменьщикъ, если онъ вполнѣ понимаетъ свои обязанности, „никогда не будетъ, конечно, имѣть въ себѣ свойства ни нелѣпаго богоотступничества, ни богопротивнаго вольнодумства“ (стр. 304) [2]) но, какъ бы то ни было, масонство все же поднимало обычное религіозное міросозерцаніе русскихъ членовъ масонскихъ ложъ на большую высоту и склоняло многихъ изъ нихъ къ деизму: не даромъ они такъ часто поминали въ ритуалѣ своихъ масонскихъ собраній имя „всевышняго архитектора“, но деизмъ оказывался недостаточнымъ не только для офиціально терпимаго масонства Астреи, но даже

---

[1]) *Ю. Гессенъ*, стр. 17—47, 60; *Findel*. Gesch. der Freimaurerei, изд. 1866 г., стр. 510, 561—563, 689—690, 7 Aufl, 1907, II Th., 151; *Шустеръ*. „Тайныя общества, союзы и ордена“, т. II, 1907, стр. 15, 126; *Gödicke* Freimaurer-Lexicon, Berl. 1818. Въ Польшѣ масонскія ложи также не принимали евреевъ. *Zaleski*. O masonii w Polsce, Krakow, 1889, стр. 7. Въ одной бесѣдѣ Поздѣева 1814 г. есть такое извѣстіе: „Въ Польшѣ евреи держали ложу. Что сіе значитъ? То, что премудрость, спасая ихъ, употребляла ложу средствомъ, дабы привести ихъ къ истинѣ, кою отвергали, но къ коей они велись, сами не подозрѣвая“. Рук. Моск. Публ. музея; копія въ масонскихъ бумагахъ А. Н. Пыпина, хранящихся въ библіотекѣ Акад. Наукъ. Вѣроятно, тутъ дѣло идетъ о масонской ложѣ, основанной евреями отдѣльно отъ христіанъ.

[2]) Въ текстѣ Андерсона было сказано: „ни глупаго атеиста, ни отрицающаго религію развратника“. Лонд. изд. 1784 г., стр. 351. Въ одномъ масонскомъ стихотвореніи, посвященномъ „имѣющему хлѣбъ насущный“: „атеистъ, премѣняющій во зло всякое благо“, лишается даже матеріальной помощи. „Всемірный Вѣстникъ“ 1904 г., № 5, стр. 27.

и для тайной ложи, Умирающаго Сфинкса Лабзина. Въ засѣданіи ученической ложи Умирающаго Сфинкса 1 марта 1821 года второй надзиратель заявилъ о желаніи отставного коллежскаго совѣтника Венеціанова вступить въ орденъ свободныхъ каменьщиковъ. Венеціановъ давно уже выражалъ ему это желаніе, но онъ не предлагалъ принять его, потому что этотъ „профанъ“ сомнѣвался признать Христа Спасителя Сыномъ Божіимъ, „нынѣ же дѣйствіемъ Божіей Благодати внутренно убѣжденъ въ Божествѣ Іисуса Христа“. Это подтверждалось письменнымъ объясненіемъ Венеціанова, въ которомъ онъ, признавая ученіе Христово въ Новомъ Завѣтѣ словомъ Божіимъ, все же заявлялъ, что „нѣкоторыя мѣста въ Ветхомъ Завѣтѣ доселѣ находитъ несогласными еще съ его понятіемъ о Богѣ“. Затѣмъ великій мастеръ ложи Лабзинъ объяснилъ, „почему собственно невѣрующій въ Божественность Христа Спасителя не можетъ обрѣсти внутренне въ душѣ своей ни силы, ни отрады или радости истинной“, и затѣмъ рѣшено было избрать Венеціанова въ одномъ изъ слѣдующихъ собраній ложи, что и было исполнено [1]).

Въ протоколѣ ложи 27 января 1820 года записано, что нѣкто Агапьевъ, рекомендованный для пріема 2-мъ надзирателемъ Мартыновымъ, сомнѣвался въ истинѣ воплощенія Спасителя и Священнаго писанія, а вступить въ общество желалъ для того, чтобы узнать, что послѣдуетъ съ нимъ по смерти; при дальнѣйшихъ вопросахъ обнаружилось, что „ищущій“ страдаетъ, не зная, что будетъ за гробомъ, „находится въ безпрестанныхъ внутреннихъ тревогахъ“, и сердце его жаждетъ успокоенія; онъ находитъ для себя великую нужду увѣровать въ вочеловѣченіе Спасителя, „но разумъ понять не можетъ, какъ Божество могло сдѣлаться плотію. Великій мастеръ Лабзинъ, не находя возможнымъ нарушить общій законъ о принятіи въ ложу только вѣрующихъ во Христа и считая желаніе ищущаго узнать то, что будетъ за гробомъ, „больше любопытствомъ, нежели какимъ-либо достойнымъ уваженія стремленіемъ“, поручилъ Агапьева руководству одного изъ братьевъ съ тѣмъ, что онъ будетъ принятъ, лишь когда этотъ братъ признаетъ его къ тому готовымъ. При этомъ великій мастеръ высказалъ, что даже благоразумные язычники предполагали воздаяніе за добро и зло по смерти, и что Агапьевъ могъ бы заключить уже по разсудку, что такъ и будетъ [2]).

Однако нѣкоторые изъ выдающихся масоновъ, повидимому, оказывались сами не чуждыми подобнымъ религіознымъ сомнѣніямъ. Въ „Бесѣдахъ“ масоновъ Поздѣева и А. П. Римскаго-Корсакова (1814 г.) мы на-

---

[1]) Рук. Публ. Библ. F. III, № 66.
[2]) Рук. Публ. Библ. F. III. № 64.

ходимъ слѣдующее любопытное мѣсто: „Ежели бы случилось войти въ разговоръ съ Еллизеномъ [1]), когда онъ противу божества Христа говоритъ, то можно ему сказать, что напрасно онъ вооружается противу того, чего не разумѣетъ, и что отрицаніе христіанства затворитъ ему двери къ истиннымъ познаніямъ какъ во времени, такъ и въ вѣчности“ [2]).

Однако въ письмѣ къ извѣстному масону Бёберу Эллизенъ требуетъ уваженія къ „священному писанію и религіи“, но, рѣзко порицая шведское тампліерство, говоритъ: „въ Швеціи даютъ кровь изъ раны Христовой въ маленькой скляночкѣ; далѣе показываютъ мощи, состоящія изъ перста св. Іоанна, въ вознагражденіе много истраченныхъ денегъ и времени“ [3]). Магницкій въ доносѣ имп. Николаю (1831 г.) утверждаетъ, что въ ложѣ Полярной Звѣзды, учрежденной Феслеромъ въ саду Комиссіи Законовъ, и въ которой участвовали Сперанскій, Злобинъ, Пезаровіусъ, Розенкампфъ и др. (въ числѣ ихъ былъ самъ Магницкій), Феслеръ будто бы систематически и прямо опровергалъ христіанство и представлялъ Спасителя „Сыномъ Ессеянина, обманывавшимъ народъ для утвержденія своего ученія“ [4]). Однако трудно положиться на такой мутный источникъ, какъ доносъ Магницкаго.

Нѣкоторые масоны весьма отрицательно относились къ православному духовенству. Такъ, Невзоровъ писалъ кн. А. Н. Голицыну: „духовные сдѣлались совершенными торгашами, стараются только умножить свои доходы отдачею въ наймы домовъ, подваловъ, огородовъ и подобнаго. Свидѣтельствомъ тому служатъ всѣ подворья архіерейскія и монастырскія въ Москвѣ, составляющія гнѣзда трактировъ, харчевень, постоялыхъ дворовъ и лавокъ, къ единой роскоши служащихъ. Религію же Христову и богопочитаніе они заключаютъ только въ умноженіи золота и парчей и жемчуговъ церковныхъ, почему явные грабители, дѣлающіе въ монастыри

---

[1]) Д-ръ Е. Е. Эллизенъ былъ главнымъ противникомъ высшихъ степеней въ масонствѣ и считалъ ихъ сумасбродствомъ, ведущимъ къ развращенію нравовъ и даже вреднымъ для государства. *Пыпинъ*. „Матеріалы“. „Вѣстн. Евр.“ 1872 г., № 2, стр. 577—582.

[2]) „Бесѣды съ І. О. (Поздѣевымъ) А. П. Р. К. (Римскаго-Корсакова) на Стеклянномъ Заводѣ 1824 года“, см. 23 января, Рук. Моск. Публ. Музея (Масонскія бумаги А. Н. Пыпина, хранящіяся въ славянск. отд. библ. Академіи наукъ). Андрей Римскій-Корсаковъ въ своемъ разсужденіи о разности системъ въ масонствѣ говоритъ: „есть и столь гибельныя ложи или столь пагубный составъ системы и направленія, что коварные умыслы вольнодумства подъ нею скрываются“. Гос. Арх. I В., № 499.

[3]) „Вѣстн. Евр.“ 1872 г., № 2, стр. 580.

[4]) „Рус. Стар.“ 1889 г., № 2, стр. 298. Въ числѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ имп. Александра I послѣ его смерти, есть донесеніе полк. Полева, въ которомъ называются слѣдующіе члены „царствующей ложи иллюминаторовъ“: Сперанскій, Феслеръ, Магницкій, Злобинъ, Розенкампфъ, Кампенгаузенъ. Гос. Арх. I. В., № 12, л. 27.

и церкви вклады, становятся у нихъ лучшими христіанами; истинные же поклонники Іисуса Христа, старающіеся о распространеніи истиннаго духа евангельскаго, почитаются отъ нихъ безумными и фанатиками и подвергаются гоненію. Всего же чуднѣе, что начальствующіе монахи нынѣ начали явно говорить, что они не монахи, а начальники и правители церкви, а постригаются въ монахи только для поддержанія религіи". Віельгорскій занесъ въ свою записную книжку такую мысль: „въ первые годы христіанства сосуды были деревянные", что и дало возможность „сказать, что когда сосуды были деревянные, то попы были золотые, а нынѣ сосуды золотые, зато попы деревянные" [1]).

Къ религіознымъ разногласіямъ масоны относились съ большой осторожностью. Въ масонской рукописи „Всеобщіе законы" сказано: „ни единый братъ да не дерзаетъ въ ложѣ говорить о распряхъ вѣры и государственныхъ несогласіяхъ подъ взысканіемъ зато пени пяти рублей на бѣдныхъ" [2]). Подобное же правило въ „Законахъ Астреи" выражено такимъ образомъ: „разговоры о дѣлахъ государственныхъ правительствъ и религіи и приватные споры ни въ открытой ложѣ, ни предъ открытіемъ, ни по закрытіи оной, даже въ бесѣдахъ въ домѣ ложи не должны быть производимы масонами" [3]).

Религіозное міросозерцаніе масоновъ не препятствовало многимъ декабристамъ примкнуть, по крайней мѣрѣ, на время, къ масонству, такъ какъ среди нихъ было не мало людей религіозныхъ, хотя и не всегда въ духѣ нашего казеннаго православія. Но декабристы, будучи почитателями Бенжамена Констана, требовали, какъ видно изъ программы реформъ, найденной въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого, предоставленія лицамъ всякаго вѣроисповѣданія „свободнаго отправленія богослуженія", а Н. Муравьевъ въ своей конституціи даже настаивалъ на установленіи полной свободы совѣсти и высказывался противъ запрещенія раскола, кромѣ „основаннаго на развратѣ или дѣйствіяхъ противоестественныхъ". Такимъ образомъ, декабристы и въ вопросахъ религіозной свободы пошли далѣе нашихъ масоновъ и, будучи послѣдовательными, не могли сочувствовать ихъ отношенію къ нехристіанамъ въ масонскихъ дѣлахъ.

Очень важную черту въ міросозерцаніи масоновъ составляетъ ихъ

---

[1]) *Соколовская*. „Русское масонство", 178. Православное духовенство, съ своей стороны, ненавидѣло масоновъ и иногда обвиняло ихъ въ ереси. Поводомъ къ этому могло служить и то, что нѣкоторые масоны высшихъ степеней сами совершали обрядъ причащенія, тампліеры посвящали въ первосвященники (Ibid, стр. 67—70), въ Іоанновъ день масоны иногда публично въ своихъ ложахъ приносили покаяніе. *Соколовская*. „Іоанновъ день—масонскій праздникъ". „Море" 1906 г., № 23—24.

[2]) Рук. Публ. Библ. F III, № 72, № 9, § 18.

[3]) Ч. II, § 200, стр. 113.

космополитизмъ. Еще въ „Уставѣ вольныхъ каменьщиковъ“ (1780-хъ гг.), распространенномъ и въ началѣ десятыхъ годовъ XIX вѣка, было сказано, что „вселенная есть отечество каменьщика“. С. С. Ланской, когда ложа Палестины стала работать на русскомъ языкѣ, въ декабрѣ 1813 г. произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ радость масоновъ, „что есть два дни въ мѣсяцѣ, въ которые хорошій... братъ, не знающій иностраннаго языка, можетъ придти въ храмъ нашъ, принести жертву свою на алтарѣ святого человѣчества“ [1]). Кн. Баратаевъ въ рѣчи, произнесенной въ основанной имъ ложѣ Ключа къ Добродѣтели (24-го іюня 1818 года въ его имѣніи Баратаевкѣ, Симбирской губ.), съ гордостью вопрошалъ: „слово чужеземецъ не исключено ли изъ словаря вольныхъ каменьщиковъ?“ [2]). Въ числѣ семи добродѣтелей, обязательныхъ для масона, была любовь не только къ братству, но и къ человѣчеству. Космополитическія стремленія масоновъ въ ихъ логическомъ развитіи должны были бы привести ихъ къ совершенному отрицанію войны, но до этого они не возвысились, хотя и выражали порицаніе связанному съ нею кровопролитію и иногда называли героевъ войны разбойниками. Однако, все же случалось, что масонство смягчало ужасы войны, по крайней мѣрѣ, для самихъ масоновъ или тѣхъ, кому былъ извѣстенъ ихъ знакъ призыва на помощь—руки, сложенныя вмѣстѣ и поднятыя надъ головою. При видѣ этого знака масоны давали пощаду собрату по ордену изъ вражескаго войска, иногда оказывали даже денежную помощь; случайно сложенныя такимъ образомъ руки раненнаго декабриста Батенькова спасли ему жизнь во время заграничнаго похода [3]).

XII.

Не останавливаясь на нравственныхъ требованіяхъ, которыя масоны предъявляли членамъ своего ордена въ перечняхъ ихъ обязанностей, а также о которыхъ почти исключительно они говорили въ своихъ рѣчахъ, чрезвычайно утомительныхъ своимъ безсодержательнымъ фразерствомъ, мы отмѣтимъ, въ чемъ состояла ихъ дѣятельность, кромѣ самыхъ собраній ложъ, которыя своимъ ритуаломъ возбуждали насмѣшливое отношеніе постороннихъ.

Много говорятъ о благотворительной дѣятельности масоновъ. Во время Екатерины II, благодаря замѣчательной энергіи Новикова и щедрому пожертвованію сына горнозаводчика Походяшина, весьма большіе размѣры

---

[1]) *Соколовская*. „Изъ исторіи масонской ложи Палестина“. „Рус. Стар. 1907 года, № 10, стр. 87.
[2]) Гос. Арх. I. В., № 487.
[3]) *Соколовская*. „Русское масонство“, 79—80, 84. *Zaleski*. O masonii w Polsce, 177.

этой благотворительности внѣ всякаго сомнѣнія, но за время Александра I намъ неизвѣстно ничего подобнаго, однако нѣкоторая помощь бѣднымъ все же оказывалась масонами.

По „Уложенію Великой масонской ложи Астреи“ всѣ ложи, принадлежащія къ ея союзу, обязаны были вносить ей „ежегодно въ іюлѣ мѣсяцѣ по Іоаннову червонцу за каждаго присутствующаго или дѣйствительнаго члена, т. е. по полтора рубля сер., доколѣ они будутъ по курсу по крайней мѣрѣ въ 5 руб. б. асс.“, и сумма эта назначалась для учрежденія „благотворительнаго заведенія“. Пока денегъ для этого недостаточно, они должны были вноситься въ сохранную казну для приращенія процентами и никогда не могли быть употребляемы ни на какую иную надобность. Къ этой суммѣ должны были присоединяться, по особымъ постановленіямъ Великой ложи, остатки отъ ея годовыхъ расходовъ, а также всѣ пожертвованія, дѣлаемыя Великою ложею (ч. I, 72—73, ч. II, 164). Сборы на бѣдныхъ производились въ каждомъ засѣданіи отдѣльныхъ ложъ, и по законамъ Астреи членъ, даже не пришедшій въ засѣданіе ложи, обязанъ былъ прислать подаяніе въ пользу бѣдныхъ (II, 102). Денежные штрафы съ провинившихся противъ правилъ ложи братьевъ также взимались въ пользу бѣдныхъ. Подобные же благотворительные сборы производились и въ ложахъ союза Великой Провинціальной ложи. Такъ, напр., въ ложѣ Елизаветы къ Добродѣтели за второе полугодіе 1811 г. было пожертвовано для бѣдныхъ 582 руб.; въ первые 5 мѣсяцевъ 1812 года—343 рубля; съ 1-го марта 1815 по 13-е мая 1816 г. на бѣдныхъ было израсходовано 2093 рубля (нужно помнить, что счетъ идетъ на ассигнаціи). Помощь оказывалась въ видѣ единовременныхъ выдачъ или ежемѣсячныхъ пенсій (въ 5—10 р.), помогали содержащимся въ тюрьмахъ, былъ случай выкупа изъ тюрьмы одного чиновника, давали иногда на погребеніе бѣднаго [1]). Въ нѣсколько большемъ размѣрѣ были поступленія въ кружку для бѣдныхъ московской ложи Ищущихъ Манны, а именно съ 7 декабря 1817 г. по 27 мая 1818 года, т. е. почти за полгода, было собрано 1348 руб.; впрочемъ, кромѣ того въ одинъ вечеръ было собрано на погребеніе скончавшагося брата въ помощь его семейству 1008 руб. [2]). Въ ложѣ Умирающаго Сфинкса въ 1814—15 г. было пожертвовано въ пользу бѣдныхъ за годъ 532 р., въ 1816-17 г. 417 р., въ 1818-19 за годъ 338 р. [3]). Иногда собранныя деньги отсылались бѣднымъ, содер-

[1]) *М. Соколовскій.* „Черты масонской благотворительности“. „Трудовая Помощь“, 1905 г., мартъ.

[2]) „Рус. Арх.“, 1906 г., № 1[illegible], стр. 408—411.

[3]) Рук. Публ. Библ. F III, № [illegible] 68 и 64.

жавшимся въ тюрьмѣ [1]). Однажды въ симбирской ложѣ Ключа къ Добродѣтели было назначено 20 р. для выкупа сына бѣдной женщины, взятаго въ плѣнъ башкирами; въ той же ложѣ пожертвовано 25 рублей для помощи грузинскимъ князьямъ, проѣзжавшимъ на родину изъ Сибири [2]). Управляющій этою ложею кн. Баратаевъ въ своей рѣчи 24 іюня 1818 г. сказалъ: „Почтенныя ложи Петра къ Истинѣ, Избраннаго Михаила, Соединенныхъ Друзей и многія... помогли страждущему человѣчеству, приняли на благодѣтельныя попеченія свои цѣлыя семейства не могущихъ существовать безъ добродѣтельныхъ ихъ пособій, сколькихъ художниковъ, пришедшихъ въ разореніе, благотворительностью своею возвели они на прежнюю ступень. Почтенная ложа Коронованнаго Пеликана управляема мастеромъ, заслужившимъ своими масонническими добродѣтелями всемірное уваженіе. Братъ Пезаровіусъ—ходатай, покровитель инвалидовъ,—и тысячи защитниковъ отечества въ спокойствіи проведутъ остатки славной ихъ жизни на лаврахъ, ими заслуженныхъ [3]). Дѣйствительно Пезаровіусъ, издатель „Русскаго Инвалида“, собралъ къ концу 1815 г. 395.000 рублей въ пользу воиновъ, пострадавшихъ во время отечественной войны, которые и представилъ правительству. Но это было его единоличное дѣло, а не масонской ложи, во главѣ которой онъ стоялъ [4]).

Великая Провинціальная ложа, съ цѣлью помощи нуждающимся масонамъ, выработала „Положеніе о вспомогательной братской кассѣ“ и въ засѣданіи 7 іюня 1817 г. предложила его всѣмъ ложамъ ея союза, какъ іоанновскимъ, такъ и высшихъ степеней. Въ составъ средствъ „вспомогательной братской кассы“ должны были войти: Іоанновскій червонецъ, или пять рублей ассигнаціями, весь сборъ кружки бѣдныхъ въ собраніяхъ Великой Провинціальной ложи, половина сборовъ кружки бѣдныхъ въ іоанновскихъ ложахъ, весь сборъ этой кружки въ ложахъ высшихъ степеней, сборъ по 25 коп. сер., или по одному рублю ассигнаціями, по смерти членовъ ложъ, приступившихъ къ этому положенію и, наконецъ, добровольныя пожертвованія. Неимущій братъ и его семейство могли воспользоваться пособіемъ изъ этой кассы только одинъ разъ въ годъ. Положеніе это было принято слѣдующими ложами Великой Провинціальной Ложи: Елизаветы къ Добродѣтели, Трехъ Свѣтилъ, Сѣверныхъ Друзей и Дубовой Долины, и также шотландскими ложами Александра Златого Льва и

---

[1]) *Соколовская*. „Изъ исторіи масонской ложи Палестины“, „Рус. Стар.“, 1907 г., № 10, стр. 92.

[2]) „Гос. Арх.“ I В., № 483, протоколы первой степени ложи 1819 г., л. 8 об., 35.

[3]) „Гос. Арх.“ I. В., № 487.

[4]) О Пезаровіусѣ см. статью „Забытый филантропъ“ въ „Историческихъ очеркахъ и разсказахъ“ *С. Шубинскаго*. Изд. 5, Спб. 1908 г.

Сфинкса, при чемъ ложа Елизаветы къ Добродѣтели кромѣ того постановила внести въ учрежденный на основаніи этого положенія вспомогательный комитетъ половину своей наличной суммы, а шотландская ложа Златого Льва—всю сумму [1]).

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ видовъ помощи былъ расходъ на воспитаніе дѣтей. Въ 1826 году, когда правительство потребовало отъ лицъ служащихъ заявленія о томъ, что каждому извѣстно относительно масонства, отставной подпоручикъ Лофицкій, въ письмѣ кіевскому гражданскому губернатору, весьма враждебномъ масонамъ, сообщилъ: „я слышалъ, что предъ 1822 годомъ въ домѣ Ланга на Кусловкѣ была масонская ложа и что едва ли не въ томъ же домѣ или подъ ея покровительствомъ въ другомъ домѣ былъ и пансіонъ для нѣсколькихъ сиротъ, воспитывавшихся во всѣхъ масонскихъ правилахъ“. Ложа Астрея обратилась даже съ циркуляромъ ко всѣмъ ложамъ ея союза съ предложеніемъ учредить масонскія стипендіи въ царскосельскомъ лицеѣ; что предложеніе это было принято, видно изъ постановленія симбирской ложи 11 ноября 1819 года, когда братья „подтвердили“ ежегодный взносъ въ 100 рублей на воспитаніе въ лицеѣ двухъ луфтоновъ (т. е. сыновей масоновъ), „отъ имени ложи Великой Астреи, туда назначаемыхъ“.

Ложа Елизаветы къ Добродѣтели въ 1816 г. учредила домъ призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ на 25 сиротъ, гдѣ ихъ не только содержали, но и давали нѣкоторое образованіе и обучали ремесламъ. Изъ протоколовъ ложи видно, что избираемому ею для завѣдыванія этимъ учрежденіемъ комитету отчислялась половина сборовъ ложи (другая половина шла въ братскій вспомогательный капиталъ). Въ собраніи 4-го ноября 1818 г. ложа Трехъ Свѣтилъ постановила принять содержаніе двухъ питомцевъ этого дома на свой счетъ [2]).

Въ февралѣ 1819 г. члены Симбирской ложи Ключа къ Добродѣтели и нѣкототорые посѣтители ложи, по предложенію Баратаева, обязались жертвовать ежегодно до 1400 руб. для воспитанія дѣтей самыхъ неимущихъ дворянъ Симбирской губ., „лишенныхъ средствъ на своемъ иждивеніи образовать разумъ въ общенародныхъ училищахъ“, съ тѣмъ, чтобы избранныхъ для этого сиротъ отправлять въ Казанскую гимназію и вносить ежегодно за каждаго пансіонера 400 рублей. Масонъ Кротковъ сверхъ

---

[1]) Масонскія бумаги рук. отд. Библіотеки Академіи Наукъ (стараго пріобрѣтенія). Изъ собранныхъ такимъ образомъ суммъ выдавались не только безвозвратныя пособія, но и ссуды изъ 6% годовыхъ, при чемъ въ одномъ случаѣ размѣръ послѣдней равнялся даже 1400 рублямъ. Статья М. Соколовскаго въ „Трудовой Помощи“ 1905 г., мартъ, стр. 15—16.

[2]) Бумаги Н. Ѳ. Дубровина о масонахъ; Гос. Арх. I. В., № 82, л. 48, № 487 (рѣчь Баратаева); ст. М. Соколовскаго въ „Трудовой Помощи“.

взносовъ на воспитаніе обязался давать еще ежегодно по 500 рублей „на богоугодное дѣло". Изъ расписки (24 декабря 1819 г.) директора симбирскихъ училищъ видно, что въ симбирскомъ уѣздномъ училищѣ тогда воспитывалось трое дѣтей дворянъ, за обученіе которыхъ и присмотръ за ними уплачивалось по 400 рублей въ годъ за каждаго [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что благотворительная дѣятельность масоновъ въ царствованіе Александра I не имѣла особенно широкихъ размѣровъ. Масонъ Никитинъ, членъ ложи Избраннаго Михаила, въ рѣчи, произнесенной въ ней въ 1820 году, говоритъ о дѣятельности масоновъ съ полною серьезностію: „Мы садимся, встаемъ, зажигаемъ и гасимъ свѣчи, слышимъ вопросы и отвѣты, мы баллотируемъ и принимаемъ въ масоны непросвѣщенныхъ, т. е. не масоновъ, и, наконецъ, мы собираемъ нѣсколько рублей для бѣдныхъ,—вотъ для чего собираемся мы въ ложу" [2]). Это заявленіе Никитина не было слѣдствіемъ одной скромности оратора,—сплошь и рядомъ сборы въ ложахъ были весьма незначительны. Но все же результатомъ дѣятельности масонскихъ ложъ являлась нѣкоторая организація благотворительности, помощь бѣднымъ оказывалась съ большимъ смысломъ и разборомъ, чѣмъ при случайныхъ подачкахъ.

Въ обществѣ, повидимому, ходили преувеличенные слухи о сборахъ, производимыхъ масонами, какъ ради благотворительности, такъ и съ цѣлью взаимопомощи. Отчасти этимъ объясняется несочувствіе нѣкоторыхъ лицъ масонству и нежеланіе присоединиться къ этому обществу. Отрицательное отношеніе къ нему на этомъ основаніи вылилось даже въ стереотипную фразу: кн. Вяземскій сообщаетъ, что Ѳ. Киселевъ, когда ему предложили войти въ масонскую ложу, отвѣчалъ: „знаю, что общество дѣлится на двѣ ступени, на одной—датусы, на другой—биратусы, датусомъ быть не хочу, а биратусомъ—не способенъ". Говорятъ, что партизанъ Д. В. Давыдовъ также сказалъ, „что быть датусомъ не имѣетъ средствъ, а биратусомъ не желаетъ" [3]). Многимъ не нравилась и таинственность, которою

---

[1]) „Гос. Арх. I В. № 484, переписка ложи Ключа къ Добродѣтели, ч. III, л. 4—5, 8. Намѣстный мастеръ ложи Умирающаго Сфинкса, Черновъ, умершій въ 1817 г., завѣщалъ этой ложѣ, по его словамъ, „воспитавшей его..., остальныя лепты, трудами его пріобрѣтенныя",—капиталъ въ 10.220 рублей (въ составъ котораго, впрочемъ, входило два заемныхъ письма члена ложи Мартынова на 4.500 рублей). Изъ этихъ суммъ въ 1818 г. Лабзинъ выдалъ 5.000 р. въ заемъ на годъ намѣстному мастеру ложи, генералу Е. Кушелеву. Въ слѣдующемъ году Кушелевъ внесъ 500 рублей процентовъ, но объ уплатѣ капитала свѣдѣній въ протоколахъ ложи не имѣется (Рук. Публ. Библ., F III, №№ 68, 64, 65). Не связано ли съ этимъ запрещеніе Кушелеву посѣщать ложу, когда онъ, переставая быть ея членомъ, желалъ сохранить право быть ея посѣтителемъ?

[2]) Бумаги Боровкова.

[3]) „Вѣстн. Всем. Ист." 1904 г., май, 30—31; „Рус. Арх." 1906 г., т. II, стр. 114.

окружало себя масонство [1]). Впрочемъ, и сами масоны видѣли не много достатковъ въ своихъ собратьяхъ. Андрей Римскій-Корсаковъ въ „Размышленіи о разности системъ въ масонствѣ“ говоритъ: „1) Есть ложи, въ коихъ все масонское знаніе ограничивается искусствомъ въ празднованіи торжественныхъ ложъ и банкетовъ, точности въ финансахъ и красивости письмоводства, а нравственность братьевъ заключается въ подачѣ нѣсколькихъ денегъ въ день собранія въ кружку бѣдныхъ. 2) Есть братья, коихъ прилежность доказывается тѣмъ только, что, будучи тунеядцы и празднолюбцы, они не пропускаютъ собираться въ назначенный день, дабы между собою увидѣться, поговорить предъ работами и послѣ оныхъ о профанскихъ матеріяхъ и вмѣстѣ посидѣть у эконома. 3) Есть братья, коихъ стремленіе содѣлаться лучшими и совершеннѣйшими состоитъ въ томъ, чтобы облечься многими безжизненными степенями и занимать значущія мѣста въ ложѣ, не понимая ни степени, ни важности мѣста. 4) Есть братья, коихъ усердіе къ распространенію масонскаго свѣта заключается въ торговлѣ онымъ, принимая, повышая и наставляя втайнѣ за хорошую плату. 5) Есть братья, коихъ связь и дружба имѣютъ единственною цѣлью получить въ профанскомъ быту чинъ или прибыточное мѣсто и тому подобную профанскую выгоду пріобрѣсть.—Таковы-то суть ложи, кои лишены истиннаго масонства“ [2]).

Декабристъ баронъ В. И. Штейнгель очень не долюбливалъ масоновъ. Въ 1816 г. ему предлагали принять участіе въ масонской ложѣ, но онъ отказался. Онъ полагалъ, какъ заявилъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что масоны раздѣляются на два рода людей: обманывающихъ и обманываемыхъ; онъ не желалъ принадлежать ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. По его мнѣнію, „давать клятву на исполненіе правилъ неизвѣстныхъ и притомъ подвергать себя испытаніямъ, похожимъ на шуточныя, противно человѣку здравомыслящему“. Очевидно, Штейнгель не вѣрилъ въ искренность главарей масонства; какъ человѣкъ искренно религіозный, онъ могъ не одобрять и ихъ стремленія замѣнить церковные обряды своимъ ритуаломъ, который казался ему шутовскимъ. Сами масоны понимали, какое странное впечатлѣніе долженъ былъ производить этотъ ритуалъ, символизирующій элементарныя истины и понятія [3]), на людей постороннихъ: не даромъ, какъ видно изъ обряда ученической ложи, у

---

[1]) А. П. Ермоловъ въ письмѣ къ Закревскому (1819 г.) говоритъ: „много разъ старались меня вовлечь въ общество масоновъ; я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но разсуждаю, какъ простой человѣкъ, что общество, имѣющее цѣль полезную, не имѣетъ необходимости быть тайнымъ“. „Сбор. Имп. Историч. О-ва“, т. 73, стр. 325.

[2]) Гос. Арх. I В., № 499.

[3]) Ср. *Findel*. Geist und Form der Freimaurerei, 1905.

вновь принимаемаго въ масоны великій мастеръ ложи спрашивалъ: „не кажется ли тебѣ игрушкой все съ тобою творимое сегодня?“ Еще понятнѣе, что „безсмыслицею“ считалъ то, что продѣлывалось въ ложахъ вовсе не религіозный И. Д. Якушкинъ [1]). Но очень многіе изъ декабристовъ, сдѣлавшись масонами, не только относились къ масонскому ритуалу съ полной серьезностью, но пытались внести масонскіе обряды и въ тайныя общества: даже такой выдающійся человѣкъ, какъ Пестель, находился подъ сильнымъ вліяніемъ масонства при составленіи устава Союза Спасенія. То же повторилось и при обсужденіи учрежденія Союза Благоденствія: Якушкинъ упоминаетъ о совѣщаніи въ Москвѣ съ этою цѣлью, во все продолженіе котораго „разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступающихъ въ союзъ... и о томъ, какъ приносить самую присягу,— надъ Евангеліемъ или надъ шпагой“. Обряды, знаніе которыхъ свидѣтельствовало о принадлежности къ ордену, пароли, извѣстные лишь посвященнымъ, страшныя клятвы не нарушать тайны, все это имѣло серьезное значеніе въ то время, когда принадлежность къ масонству и другимъ тайнымъ обществамъ могло довести до пытки, какъ въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ Зап. Европы, до знакомства съ Шешковскимъ и заточенія въ Шлиссельбургской крѣпости у насъ. Являясь ненужнымъ пережиткомъ для тѣхъ масоновъ, которые не шли дальше пережевыванія элементарныхъ нравственныхъ истинъ и не особенно выдающейся благотворительности, нѣкоторые пріемы, усвоенные масонами, могли казаться весьма не лишними тѣмъ, которые, какъ Пестель и многіе декабристы, участвовали одновременно и въ тайномъ обществѣ съ политическими задачами, и въ той или въ другой масонской ложѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ А. Н. Муравьевъ, прямо признавали на слѣдствіи, что они желали скрыть тайное общество подъ масонскимъ покровомъ, другіе, какъ М. Н. Новиковъ, племянникъ знаменитаго масона, считали масонскую ложу мѣстомъ вербовки для членовъ Союза Благоденствія. Но участіе въ масонскихъ ложахъ нѣсколькихъ десятковъ декабристовъ и лицъ близкихъ къ тайному обществу имѣло не только эти практическія цѣли: оно коренилось и въ сильномъ мистическомъ теченіи, охватившемъ часть русскаго общества, какъ и общества западноевропейскаго; это теченіе, что бы ни говорили о немъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи [2]), было явленіемъ вполнѣ отрицательнымъ.

[1]) „Записки Якушкина“, изд. 1905 г., стр. 24—25. Упомянемъ еще объ отзывахъ двухъ недекабристовъ: Лубяновскій, не бывшій въ ложахъ, но слышавшій отъ масоновъ о ихъ работахъ, называлъ ихъ „суесловіемъ, которое и разумные люди могутъ въ какомъ-то затмѣніи считать важнымъ и полезнымъ“ („Рус. Арх.“ 1872 г., I, 463), а Вигель говоритъ, что сначала масонство его „нѣкоторымъ образомъ заняло, но скоро наскучило, даже огадилось“ (V, 57).

[2]) См. книгу *М. О. Гершензона*. „П. Я. Чаадаевъ“. Спб. 1908 г., 26—27.

Какое вредное вліяніе могъ оказывать этотъ мистицизмъ на людей, даже широко образованныхъ и съ выдающимися способностями, лучше всего доказываетъ тотъ милліонъ терзаній, которыя пережилъ Чаадаевъ послѣ того, какъ онъ окунулся въ мистическую литературу. Къ счастію, большинство декабристовъ, соприкасавшихся съ масонствомъ, не впали въ мистицизмъ, а, присмотрѣвшись ближе къ нашему масонству, разочаровались въ въ немъ и постепенно покинули масонскія ложи [1]). Причинами этого разочарованія должны прежде всего быть политическій консерватизмъ нашихъ масоновъ, ничтожные размѣры ихъ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности и, наконецъ, потеря времени на посѣщеніе ложъ и исполненіе требованія ихъ ритуала. Но все же масонство сыграло нѣкоторую роль на первыхъ ступеняхъ организаціи тайныхъ обществъ во второй половинѣ десятыхъ годовъ XIX вѣка, и потому историкъ не можетъ миновать ихъ изученія въ связи съ исторіей тайнаго общества. Къ сожалѣнію, изслѣдователи не располагаютъ еще всѣмъ матеріаломъ относительно масонства эпохи Александра I, такъ какъ значительная часть его хранится въ учрежденіи, которое, раскрывъ ненадолго двери своего архива нѣкоторымъ изслѣдователямъ, теперь лишаетъ ихъ возможности продолжать свои научныя изысканія: я разумѣю департаментъ полиціи, гдѣ въ дѣлахъ III Отдѣленія хранится много матеріаловъ для исторіи русскаго масонства въ царствованіе Александра I.

При Екатеринѣ II участіе въ масонствѣ сопровождалось, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ, широкою общественною дѣятельностью. Въ Западной Европѣ, переживъ эпоху гоненій, масоны мѣстами задаются самыми современными задачами. Независимый орденъ—Odd fellows, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходный съ масонствомъ, объединяетъ въ своихъ ложахъ въ Англіи и въ ея колоніяхъ въ Америкѣ и вообще на всемъ земномъ шарѣ, какъ говорятъ, почти до 3-хъ мил. человѣкъ [2]). Наши же масоны при Александрѣ I, сдавленные полицейскими тисками, были и численно слабы, и бѣдны матеріально, и крайне робки [3]), особенно, когда люди болѣе

---

[1]) Очень важное значеніе приписывалъ въ своей жизни масонству извѣстный декабристъ Батеньковъ: „Пробывъ 20 лѣтъ въ секретномъ заключеніи“ (почти все время въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости), говоритъ онъ, „не имѣя ни денегъ, ни живой бесѣды, чего никто въ наше время не могъ перенести, не лишась жизни или, по крайней мѣрѣ, разума, я не имѣлъ никакой помощи въ жестокихъ душевныхъ страданіяхъ, пока не отрекся отъ всего внѣшняго и не обратился внутрь самого себя. Тогда я воспользовался методомъ масоновъ къ обозрѣнію и устройству представшаго мнѣ новаго міра. Такимъ образомъ укрѣпилъ себя и пережилъ многократныя нападенія смерти и погибели“. *Пыпинъ*. „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ“. „Вѣстн. Евр.“ 1872 г., № 7, стр. 376.

[2]) *Шустеръ*. II, 106.

[3]) Было уже указано, что рѣчи, произносившіяся въ масонской ложѣ, должны были подвергаться предварительному просмотру ея мастера.

смѣлые и талантливые ушли въ тайныя общества. Насильственно уничтоженное, масонство затѣмъ, по крайней мѣрѣ, открыто, у насъ не возрождалось.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ остановиться на нѣкоторыхъ любопытныхъ фактахъ, указывающихъ русскія связи и сношенія съ французскимъ масонствомъ высшихъ степеней, а также съ карбонаризмомъ итальянскимъ и швейцарскимъ.

XIII.

Было уже приведено свидѣтельство Михайловскаго-Данилевскаго о дарованіи ему въ 1814 г. высшихъ степеней (до 32-й включительно) въ Парижѣ, во французскомъ масонствѣ шотландскаго обряда. Упомянуто было также, что Михайловскій-Данилевскій участвовалъ въ октябрѣ 1815 г. въ засѣданіи одной варшавской масонской ложи, а также и о томъ, что вообще нѣкоторые русскіе были членами польскихъ масонскихъ ложъ. Очень важное указаніе на сношенія одного изъ русскихъ офицеровъ съ французскимъ и польскимъ масонствомъ высшихъ степеней находимъ въ производившемся въ 1828 г. дѣлѣ Вилькоржевскаго.

Въ своемъ докладѣ по этому дѣлу на французскомъ языкѣ цесаревичу Константину Павловичу Новосильцевъ связываетъ его съ обществомъ тампліеровъ, основаннымъ на Волыни капитаномъ Маѣвскимъ, которое въ 1825 г. присоединилось къ польскому патріотическому обществу. Маѣвскій разсказывалъ, что, находясь военно-плѣннымъ въ Шотландіи, онъ былъ принятъ въ ложу тамошнихъ тампліеровъ, возведенъ былъ ею въ высшія степени и уполномоченъ учреждать ложи того же обряда вездѣ, гдѣ будетъ находиться; онъ показывалъ и дипломъ, будто бы выданный этою ложею. Однако, во время ареста Маѣвскаго диплома не нашли, и онъ предъявилъ слѣдственному комитету удостовѣреніе варшавской Департаментской ложи съ высокими степенями, въ которомъ онъ признавался членомъ верховнаго Эдинбургскаго капитула. Новосильцевъ заподозрилъ достовѣрность этого документа и посредствомъ розысковъ въ архивахъ польскихъ масонскихъ ложъ, захваченныхъ правительствомъ послѣ ихъ закрытія, убѣдился, что оно было написано рукою Валентина Вилькоржевскаго, служившаго въ чинѣ полковника кригсъ-комиссаромъ въ арміи герцогства Варшавскаго, удаленнаго со службы при организаціи арміи Царства Польскаго и бывшаго тогда секретаремъ Департаментской ложи. Удостовѣреніе это Новосильцевъ считалъ неправильнымъ, какъ потому, что на немъ была печать, не принадлежащая этой ложѣ, такъ и потому, что оно противорѣчило статутамъ и уставамъ масонства, терпимаго правительствомъ въ Царствѣ, такъ какъ узаконяло для Польши участіе Маѣвскаго въ преимуществахъ

Верховнаго Шотландскаго капитула, что, по мнѣнію Новосильцева, ставило его нѣкоторымъ образомъ выше всѣхъ масонскихъ властей въ королевствѣ и давало ему право дѣлать въ польскомъ масонствѣ нововведенія. Кромѣ того, Вильконжевскій ввелъ въ высокихъ степеняхъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ печати, „воспроизведя при этомъ возмутительные и подстрекающіе къ цареубійству знаки карбонаризма, Sublimes Elus, Адельфовъ, Sublimes maitres parfaits“ и другихъ подобныхъ обществъ, раскрытыхъ изслѣдованіями, произведенными въ разныхъ частяхъ Европы и особенно Миланскою слѣдственною коммиссіею.

У Вильконжевскаго была найдена печать, которую онъ употреблялъ для актовъ ложи высокихъ степеней Храма Ѳемиды въ Варшавѣ, на которой былъ означенъ 5817 (1817 г.); на ней были изображены вѣсы и на одной сторонѣ ихъ опрокинутая корона и луна, а на другой кинжалъ и солнце. Новосильцевъ въ докладѣ цес. Константину Павловичу объяснялъ это изображеніе, какъ упадокъ короны и побѣду надъ нею кинжала. На другой печати, которую Вильконжевскій употреблялъ, какъ секретарь 4-й польской степени Elu, была изображена на гербовомъ щитѣ корона, пронзенная кинжаломъ съ латинскою надписью по краямъ печати: si fodias invenies (т.-е. если пронзишь, то найдешь). На лентѣ, окружающей гербовый щитъ, изображены другой мечъ и мертвая голова съ надписью vincere aut mori (побѣдить или умереть). Третья печать употреблялась Вильконжевскимъ для актовъ 5-й степени, Ecossais; на ней были изображены двѣ колонны въ видѣ Андреевскаго креста съ 4-мя коронами, изъ которыхъ двѣ верхнія наклонены, или сбиты, а двѣ нижнія падаютъ. Все это окружено латинскимъ девизомъ: in constanti labore spes (нужно возлагать надежду на постоянный трудъ), т.-е., какъ объяснилъ это Новосильцевъ, можно надѣяться на низверженіе коронъ упорнымъ трудомъ, или кознями. Шляпа надъ гербовымъ щитомъ должна, по его же объясненію, изображать архіепископа шведскаго города Упсалы; она составляетъ символъ возобновленія работъ въ системѣ тампліеровъ; знаки, изображенные на печати, принадлежатъ также системѣ тампліеровъ. Далѣе, въ докладѣ упоминалось о французскомъ масонствѣ шотландскаго обряда съ 33-мя степенями, какъ о крайнемъ развитіи тампліерскаго масонства, и о томъ, что въ 30-й степени этого обряда (Kadosch [1]) принимаемый вызывался отомстить за смерть гроссмейстера ордена Я. Молэ (погибшаго въ 1314 г. на кострѣ по приказанію Филиппа Красиваго и папы Климента V) или

---

[1]) „Grand élu chevalier Kadosch“. *Clavel*. Histoire pittoresque de la Franc. Maçonnerie. P. 1844, p. 64.

символически виновникамъ казни, или „кому должно по праву“ [1]). „Возстановленіе ордена тампліеровъ и вознагражденіе за конфискованныя его владѣнія“, говоритъ Новосильцевъ, „составляютъ мнимую, видимую цѣль этого масонства... Но онъ становится опаснымъ символическими истолкованіями его цѣли, по которымъ должно стремиться низвергнуть иго и отомстить тиранамъ, похитителямъ собственности человѣка (свободы), а также возстановить его въ первоначальныхъ потерянныхъ имъ правахъ. Такимъ образомъ, всякая нація, завоеванная или недовольная своимъ правительствомъ, находитъ здѣсь открытое поле для тайныхъ козней, ведущихъ къ возмущенію. Высшій варшавскій масонскій капитулъ, узнавъ о нововведеніи Вильконжевскаго, приказалъ уничтожить эти печати, однако ложа Храма Ѳемиды съ высокими степенями продолжала употреблять печати Вилькоржевскаго. Нѣсколько масоновъ поляковъ, и въ томъ числѣ капитанъ Маѣвскій, по словамъ Новосильцева, признали на допросахъ революціонное значеніе этихъ печатей.

На основаніи записки Миланской слѣдственной комиссіи, въ свое время сообщенной Меттернихомъ русскому правительству, Новосильцевъ пожелалъ связать дѣло Вилькоржевскаго съ западно-европейскими тайными обществами, но Варшавскій слѣдственный комитетъ, представившій свой докладъ цес. Конст. Павловичу 22-го декабря 1826 года, находя, что оно относится къ масонству, уже запрещенному въ Царствѣ Польскомъ, и считая себя мало свѣдущимъ въ этихъ вопросахъ, предоставилъ разсмотрѣніе его Новосильцеву. Вилькоржевскій былъ арестованъ и привезенъ въ Варшаву, а затѣмъ захвачены и его масонскія бумаги. Онъ не призналъ себя виновнымъ, но Новосильцевъ въ донесеніи Конст. Павловичу настаивалъ на томъ, что онъ не оправдался въ составленіи удостовѣренія, выданнаго Маѣвскому, что, воспользовавшись въ 1816 г. проѣздомъ изъ Парижа русскаго полковника Николева съ Богурскимъ, отставнымъ полковникомъ арміи Герцогства Варшавскаго, „которые оба играли здѣсь роль настоящихъ комиссаровъ тайныхъ французскихъ обществъ, былъ возведенъ ими въ высокія степени и принялъ участіе, правда, не прямое, но очень дѣятельное въ обществѣ чрезвычайно опасномъ и совершенно чуждомъ тому масонству, которое было терпимо въ Царствѣ Польскомъ“, что онъ былъ назначенъ Николевымъ и Богурскимъ для исполненія обязанностей секретаря въ обществѣ, называемомъ Совѣтомъ 33-й и послѣдней степени въ обрядѣ древнемъ и принятомъ (rite ancien et accepté), и переписалъ до-

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Новосильцевъ говоритъ, что обязанность, принимаемая на себя вступающимъ въ этотъ обрядъ,—„смотрѣть на страданія человѣчества въ смерти своего господина взоромъ мести“—ни что иное, какъ обязательство отомстить деспотамъ.

кументы, относящіеся къ основанію этого общества въ Варшавѣ, что онъ содѣйствовалъ, въ смыслѣ этихъ высокихъ степеней и, несмотря на рѣшительное неодобреніе верховнаго польскаго капитула, зараженію масонства, терпимаго въ Польшѣ, что, по признанію самого Вилькоржевскаго, онъ заимствовалъ эмблемы для введенныхъ имъ печатей изъ ученій „этой секты“ (масонства шотландскаго обряда). Изъ донесенія Новосильцева видно, что въ собраніи масонской комиссіи 7-го ноября 1818 года для пересмотра статутовъ Великаго Польскаго Востока Вилькоржевскій произнесъ рѣчь, въ которой старался убѣдить членовъ этого собранія въ важности федеративныхъ принциповъ Соединенныхъ Штатовъ по отношенію управленія ложами польскими и литовскими (Новосильцевъ находитъ въ этомъ „странное совпаденіе“ съ проектами „патріотическихъ обществъ“, открытыхъ въ Россіи). Онъ подчеркиваетъ, что Общество 33-й и послѣдней степени древняго и принятаго обряда было совершенно чуждо терпимому въ Польшѣ масонству и что о немъ ничего не знали до ареста Вилькоржевскаго. Оно было основано для Польши 14-го іюля 1816 г. двумя названными эмиссарами, Николевымъ и Богурскимъ, при содѣйствіи генерала Викентія Аксамитовскаго; эмиссары эти оставили для Польши копію уставовъ этой системы, увезя съ собою оригиналъ, полученный ими отъ высшаго парижскаго совѣта. Богурскій установилъ непосредственное сношеніе Аксамитовскаго съ Гаккэ (Hacquet), великимъ командоромъ ордена, президентомъ Великаго Французскаго Востока въ его Верховномъ Совѣтѣ обрядовъ, вслѣдствіе чего Аксамитовскій былъ признанъ великимъ инспекторомъ ордена въ Польшѣ. Новосильцевъ считалъ учрежденное такимъ образомъ въ Варшавѣ общество 33-ей степени тѣмъ болѣе опаснымъ, что оно положительно объявляло своимъ приверженцамъ объ ихъ обязанности *бороться для защиты Бога, справедливости и правъ человѣка и мстить измѣнникамъ* [1]).

Новосильцевъ выражалъ опасеніе, не продолжаетъ ли это общество существовать въ Польшѣ и Россіи, и утверждалъ, что „стремленіе и характеръ общества тампліеровъ тѣ же, что и Совѣта 33-ей степени, несмотря на нѣкоторыя различія обрядовъ, принятыхъ въ этихъ обществахъ, какъ это положительно заявилъ г. Карвицкій, игравшій столь важную роль среди тампліеровъ Волыни, и который получилъ въ Парижѣ ту же 33-ю степень, и что подтвердилъ также самъ капитанъ Маѣвскій“ [2]). Цѣль

---

[1]) Новосильцевъ ссылается на уставъ и ритуалъ этой степени, подписанный Николевымъ, Богурскимъ и Блазовскимъ, найденный въ бумагахъ генерала Аксамитовскаго.

[2]) Въ донесеніи Варшавскаго слѣдственнаго комитета было также приведено показаніе Станислава Карецкаго, что 4-я степень тампліеровъ была ничто иное, какъ степень 33-я масонства французскаго. *Базилевскій* (Богучарскій). „Государственныя преступленія“, I, 80.

всѣхъ этихъ обществъ, утверждалъ Новосильцевъ, „какъ во Франціи, такъ и въ Италіи, Германіи, Россіи и Польшѣ,—одна и та же: она состоитъ въ ниспроверженіи престоловъ и установленіи республикъ во всѣхъ государствахъ, когда вспыхнетъ общая война или революція въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ. Восторженныя идеи патріотизма и желаніе добиться конституціоннаго строя, который стремятся вездѣ распространить, только средства къ достиженію этой цѣли". Новосильцевъ ссылался, кромѣ записки, сообщенной Меттернихомъ, на слѣдующее мнѣніе, выраженное имп. Александромъ въ 1822 г.: „Если мы несомнѣнно знаемъ, что таковы дѣйствительныя мѣры этого руководящаго центра, находящагося въ Парижѣ и простиравшаго свое вліяніе на всѣ страны, почему мы можемъ надѣяться, что онъ пощадитъ Россію или Польшу?" Новосильцевъ высказываетъ предположеніе, что, можетъ быть, вслѣдствіе этого имп. Александръ, „скорѣе съ чувствомъ сожалѣнія, чѣмъ справедливаго гнѣва, смотрѣлъ на тѣ козни, которыя съ тѣхъ поръ стали проявляться въ Россіи". Новосильцевъ ссылается и на идеи, обнаруженныя покойнымъ Сташицемъ [1]) въ захваченныхъ по смерти его трудахъ, и на рѣчь доктора Мауерсбергера въ обществѣ Pantacoina, и на рѣчи Кёлера въ берлинскомъ обществѣ Polonia, на нѣкоторыя рѣчи въ масонскихъ ложахъ предъ ихъ закрытіемъ и на „цареубійственныя" стихотворенія Мошинскаго, Чапскаго и другихъ членовъ обществъ, учрежденныхъ въ университетахъ Краковскомъ, Варшавскомъ и Виленскомъ, на сочиненія Махницкаго, члена патріотическаго общества.

Въ заключеніе Новосильцевъ выражаетъ увѣренность, что такое же общество 33-й степени существовало въ Россіи съ того же 1816 года, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, и что оно было основано тѣмъ же Николевымъ; однако это подтверждалось только заявленіемъ Блазовскаго, что онъ былъ членомъ общества 33-й степени „въ Польшѣ и въ Россіи", а также захваченными патентами этой степени, данными въ Могилевѣ и подписанными Николевымъ, ген. гр. Моравскимъ и Гильдерсономъ. Новосильцевъ составилъ допросные пункты, которые должны были быть предложены этимъ тремъ лицамъ [2]). При этомъ онъ упоминаетъ, что полковникъ русской службы Ни-

[1]) Объ извѣстномъ польскомъ писателѣ и государственномъ и общественномъ дѣятелѣ Сташицѣ см. *Limanowski*. Hystorya ruchu spolecznego w drugiej polowie XVIII stul.", *Zawadzki* Stan. Staszic. Skic biagraficzny. Lwow, 1860 и въ книгѣ В. А. Мякотина. „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ". Спб. 1889 г., стр. 23—24, 110, 118, 146, 150.

[2]) Изъ нихъ видно, что Николевъ былъ назначенъ верховнымъ великимъ генераломъ инспекторомъ 33-ей и послѣдней степени для Франціи, представителемъ Верховной Великой Консисторіи для островов Америки на всемъ сѣверѣ и великимъ почетнымъ офицеромъ шотландской консисторіи Фениксъ въ Парижѣ, снабженъ полномочіями для распространенія этой системы въ Пруссіи, Польшѣ

колевъ былъ прежде адъютантомъ, прикомандированнымъ къ главному штабу фельдмаршала Барклая-де-Толли, что теперь онъ живетъ, какъ узналъ Новосильцевъ, въ Москвѣ, а отставной генералъ Моравскій—въ Минской губ. Указаніе на службу Николева въ штабѣ Барклая-де-Толли слѣдуетъ сопоставить съ заявленіемъ въ донесеніи бар. Дибича 1816 года, изъ котораго было приведено извлеченіе въ первой нашей статьѣ, что офицеры свиты этого фельдмаршала, подобно прусскимъ гвардейцамъ, говорятъ, что состояніе міроваго просвѣщенія настоятельно требуетъ установленія республики.

На этомъ обрываются извѣстные намъ документы по дѣлу Вилькоржевскаго. Былъ ли подвергнутъ Николевъ допросу,—неизвѣстно. Мы знаемъ только, что Николай Ник. Николевъ, полковникъ, родившійся въ 1779 г., умеръ 12 мая 1835 г. въ Москвѣ [2]). Во всякомъ случаѣ Николевъ представляетъ намъ примѣръ дѣятельнаго участія одного изъ русскихъ въ организаціи Общества шотландскаго обряда въ польскомъ масонствѣ съ радикальными политическими тенденціями.

Имп. Николай въ августѣ 1826 г. велѣлъ произвести разслѣдованіе объ иллюминатахъ. Поводомъ къ этой мѣрѣ послужилъ слухъ, сообщенный государю, будто бы Никита Мих. Муравьевъ бралъ уроки исторіи у извѣстнаго профессора всеобщей исторіи Раупаха, удаленнаго изъ петербургскаго университета вмѣстѣ съ Арсеньевымъ, Галичемъ и Германомъ, и былъ съ нимъ въ тѣсной связи [3]). За откровенное показаніе Н. Муравьеву, уже осужденному на каторгу (почему на допросахъ къ нему уже обращались на „ты"), было обѣщано отъ имени государя уменьшеніе наказанія и даже прощеніе. Н. Муравьевъ рѣшительно заявилъ, что уроковъ у Раупаха никогда не бралъ и иллюминатомъ не былъ [4]).

Не разъ уже упоминалось выше о масонской ложѣ въ Симбирскѣ Ключа къ Добродѣтели. По дѣлу слѣдствія о декабристахъ ея управляю-

---

и Россіи. Николевъ находился въ перепискѣ съ Грассъ-Тилли (которому Верховный Совѣтъ въ Чарльстоунѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1802 г. далъ право даровать 33-ю степень и устраивать ложи, капитулы, совѣты и консисторіи этого обряда на обоихъ полушаріяхъ) и сообщалъ ему свѣдѣнія о новыхъ прозелитахъ этого обряда.

[1]) Бумаги о масонствѣ А. Н. Пыпина, хранящіяся въ Слав. Отд. Библ. Акад. Наукъ. Приношу за сообщеніе ихъ глубочайшую признательность дочери А. Н. Пыпина, В. А. Ляцкой.

[2]) „Московскій Некрополь", сост. В. И. Саитовымъ и Б. Л. Модзалевскимъ, Спб. 1908 г. II, 340.

[3]) Что Раупахъ былъ человѣкомъ либеральнаго образа мыслей, видно хотя бы изъ слѣдующаго мѣста его лекціи: „много было споровъ о происхожденіи гражданскаго общества, особливо же о происхожденіи верховной власти. Одни утверждаютъ, что верховная власть непосредственно утверждена самимъ Богомъ, хотя нельзя привести тому никакого историческаго доказательства". *Сухомлиновъ*. „Изслѣдованія" I, 298.

[4]) Гос. Арх. I. В., № 14.

щій мастеръ, симбирскій губернскій предводитель дворянства кн. Баратаевъ (который ранѣе основанія ложи въ Симбирскѣ сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ ложи „Соединенныхъ Друзей“ въ Петербургѣ, а затѣмъ состоялъ ея почетнымъ членомъ) былъ арестованъ, поводомъ къ чему послужило показаніе бывшаго секретаря Великой ложи Астреи, чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Рейнеке. Выставляя на видъ свою благонамѣренность, онъ, во-первыхъ, показалъ, что отвергнулъ предложеніе испанскаго полковника фонъ-Галена вступить въ сношеніе съ испанскими ложами, отъ которыхъ тотъ былъ присланъ съ этою цѣлью, а во-вторыхъ, что въ 1819 г. штабъ-ротмистръ кн. Баратаевъ, съ которымъ онъ познакомился, когда тотъ управлялъ ложею въ Симбирскѣ, сдѣлалъ ему предложеніе войти въ орденъ карбонаровъ, сказавъ ему, что онъ назначенъ великимъ мастеромъ этого ордена въ Россіи. Когда Рейнеке изъявилъ согласіе, Баратаевъ раскрылъ свою шкатулку, которую онъ повсюду бралъ съ собою въ своихъ путешествіяхъ и въ которой у него, кромѣ актовъ вольныхъ каменьщиковъ и тампліеровъ, лежали акты и карбонаровъ. „Вотъ, сказалъ онъ, акты, но прежде, нежели могу васъ принять, вы должны отвѣчать письменно на нѣсколько вопросовъ“. Вопросы эти, насколько могъ припомнить Рейнеке, были слѣдующіе: какого онъ мнѣнія о религіи, о Спасителѣ, о разныхъ родахъ правленій въ государствѣ и какое онъ считаетъ лучшимъ, о средствахъ, которыя могутъ вести людей къ благополучію, и если бы кто воспрепятствовалъ достиженію этой цѣли, то счелъ ли бы онъ, Рейнеке, полезнымъ пожертвовать имъ (этимъ лицомъ) ради общаго блага. Рейнеке отвѣчалъ, что никогда не рѣшится не только письменно, но даже и словесно отвѣчать на такіе темные и подозрительные вопросы и что, напротивъ, пока останется великимъ секретаремъ, будетъ стараться наблюдать за тѣмъ, чтобы ни одинъ изъ братьевъ не вступилъ въ этотъ орденъ, правила котораго, судя по сдѣланнымъ вопросамъ, кажутся ему несоотвѣтствующими закону и потому не могутъ быть терпимы правительствомъ. Рейнеке приложилъ къ своему показанію переписку съ Баратаевымъ по дѣламъ симбирской ложи и прибавилъ, что о всемъ сказанномъ имъ, а также и о вредности нѣкоторыхъ масонскихъ системъ онъ донесъ еще въ 1822 году, до закрытія ложъ.

Арестованный Баратаевъ показалъ, что въ 1816 или 1817 г. въ Петербургѣ, по порученію Бёбера, старшаго префекта масоновъ, онъ познакомился съ однимъ пріѣзжимъ итальянцемъ (Кандріоти, Кандіоти или Кастріоти [1]), который сообщилъ, что въ Константинополѣ заводятся ма-

[1]) Вѣроятно, это былъ Константинъ Кандіотти, чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и членъ ложи Соединенныхъ Друзей, почетнымъ членомъ которой былъ и кн. Баратаевъ. Tableau général de la grande Loge Astrée $58^{18}/_{19}$, p. 102,112. Idem $58^{20}/_{21}$, p. 134, 146.

сонскія ложи [1]), и что турки вступаютъ въ нихъ съ большимъ рвеніемъ и, вслѣдствіе невозможности быть масономъ нехристіанину, ради поступленія въ ложу, даже принимаютъ христіанство. Бёберъ пожелалъ видѣть акты работъ, происходящихъ въ Царьградѣ. Такъ какъ они были написаны на итальянскомъ языкѣ, то Баратаевъ просилъ ихъ перевести на французскій и отдалъ переводъ Бёберу, по мнѣнію котораго они оказались карбонарскими первой степени, т. е. ученической ложи [2]). Баратаевъ заявилъ, что Рейнеке, можетъ быть, видѣлъ ихъ у него, но предложенія войти въ „секту карбонаровъ" онъ ему не дѣлалъ, такъ какъ самъ къ ней не принадлежалъ. Нужно замѣтить, что въ дѣйствіяхъ симбирской ложи Ключа къ Добродѣтели, которою управлялъ Баратаевъ, ни малѣйшаго вліянія карбонаризма не замѣтно.

На очной ставкѣ кн. Баратаевъ и Рейнеке остались при своихъ показаніяхъ. Слѣдственный Комитетъ, не имѣя никакихъ доказательствъ противъ кн. Баратаева, ни къ опроверженію доноса Рейнеке, такъ какъ при ихъ разговорѣ не было свидѣтелей, не нашелъ возможнымъ дать дальнѣйшій ходъ этому дѣлу, и Николай I приказалъ Баратаева освободить [3]).

Баратаевъ въ своихъ показаніяхъ, между прочимъ, заявилъ, что о „сектѣ карбонаровъ" „не было и не доходило до насъ никакихъ пагубныхъ слуховъ, и считалось оная confrerie у французовъ... незначущею confrerie des charbonniers, и объ Италіи" (т. е. объ итальянскихъ карбонаріяхъ) „мы, по крайней мѣрѣ я, никакого понятія не имѣли, она едва ли была въ составѣ переписокъ Великой ложи" (Астреи). „Поэтому-то я и думаю, что г. Бёберъ не зналъ ничего дурного о сей сектѣ, ибо не только не испугался, увидавъ сіи акты, которые по слову bon cousin узналъ за первую степень или катехизиса charbonnier, но сличилъ даже сходство съ масонскою первою степенью и, смѣявшись надъ знакомъ сниманія шляпы, довольно похожимъ на обыкновенное сниманіе его собственной, сказалъ мнѣ и часто при встрѣчѣ повторялъ: nous sommes tout en charbonnerie" [4]).

---

[1]) О масонствѣ въ Турціи см *Шустеръ*, II, 46—47; Allg. Handbuch der Freimaurerei 3 Aufl. von Lënnings Ency lop der Freimaur. II, 1901 468—469 Объ одномъ персіянинѣ, членѣ персидскаго посольства въ Спб. (въ 1816 г.), который, повидимому, былъ масономъ см. „Рус. Арх." 1866 г., стр. 853—855.

[2]) Въ нихъ, между прочимъ, вмѣсто слова frère употреблялось выраженіе bon cousin

[3]) Гос. Арх. № 199.

[4]) Такъ какъ Рейнеке показалъ, что видѣлъ у Баратаева акты тампліеровъ, то послѣднему былъ заданъ еще такой вопросъ: „Комитету извѣстно, что орденъ Тампліеровъ распространился по губерніямъ южнымъ, особенно же въ Малороссіи, и существуетъ до сего времени", и потребовали сообщенія о немъ подробныхъ свѣдѣній. Баратаевъ отвѣчалъ, что не знаетъ никакого ордена тампліеровъ и что удалялся отъ высшихъ степеней масонства: „Едва ли въ жизнь

Говоря въ своемъ показаніи о „незначущей confrerie des charbonniers“ во Франціи, Баратаевъ разумѣлъ не позднѣйшій французскій карбонаризмъ, проявившій себя съ 1820 г. рядомъ заговоровъ, а не задававшееся политическими задачами Société des Bons-Cousins Charbonniers, которое существовало уже въ XVIII вѣкѣ, имѣло много общаго съ масонствомъ и проповѣдывало, между прочимъ, полную преданность государю [1]). Однако вѣроятнѣе, что это были акты итальянскаго карбонаризма, преслѣдовавшаго радикальныя политическія цѣли, что соотвѣтствуетъ и показанію Рейнеке.

Какъ бы то ни было, итальянскій карбонаризмъ не былъ до такой степени неизвѣстенъ въ Петербургѣ, какъ это представлялъ въ своихъ показаніяхъ Баратаевъ. Гангебловъ, членъ Сѣвернаго тайнаго общества, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что подпоручикъ Измайловскаго полка Лаппа, также членъ этого общества, былъ принятъ, какъ онъ самъ ему признался, въ 1817 г. въ братство „карбонаровъ“ его наставникомъ итальянцемъ проф. Джильи [2]). Лаппа въ своемъ показаніи заявилъ, что, вступая на службу въ 1819 г., онъ познакомился съ итальянцемъ Жиліи (такъ онъ называетъ Джильи), который училъ его итальянскому языку и первый обратилъ его вниманіе на „предметы, способствующіе свободному образу мысли“, принесъ ему извѣстную книгу Les Ruines Вольнея, затѣмъ внушилъ свои правила и понятія и свое восхищеніе представительнымъ правленіемъ и, наконецъ, сообщилъ ему, что въ Россіи есть общество, цѣль котораго состоитъ въ приготовленіи къ принятію конституціи, взялъ съ него слово, что онъ сдѣлается его членомъ. Перетцъ показалъ, что „съ Искрицкимъ въ домѣ графа Гудовича жилъ вмѣстѣ въ одной почти комнатѣ итальянецъ Жили (Gili), выдававшій себя за профессора и преподававшій, кажется, Искрицкому нѣкоторыя науки; о семъ итальянцѣ Искрицкій говорилъ мнѣ, что онъ карбонарій, бѣжавшій изъ своего отечества“ [3]). Отношенія самого Перетца къ этому итальянцу ограничились, по его словамъ, тѣмъ, что онъ взялъ у него 4-5 уроковъ итальян-

---

мою... былъ болѣе одного раза въ 4-й степени, одного въ 5-й, въ 6-й и 7-й—никогда, даже и принятъ въ оныя прочтеніемъ только мнѣ тетрадей оныхъ г. Бёберомъ, тогдашнимъ префектомъ. Былъ разъ еще за столомъ въ шотландской ложѣ, но не дальше. Въ 8-ю и 9-ю степень былъ г. Бёберомъ въ заочности назначенъ, но не былъ въ нихъ принятъ, хотя помѣщенъ въ спискахъ и даже думаю, что сихъ степеней полныхъ не было“. Однако изъ бумагъ Баратаева видно, что онъ былъ членомъ капитула Феникса.

1) См. о немъ *Bourguin* Contribution à l'histoire de la Franc-Maçonerie sous le premiér Empire. L'enquête de 1811. „La Revolution Française“ 1905. t. 49, p. 60—63, 73. Ср. *Kloss* Bibliographie der Freimaurerei, 1844, S. 278.

2) „Рус. Арх. 1886 г., т. II, 206.

3) По показанію Перетца, Искрицкій, офицеръ генеральнаго штаба, былъ принятъ имъ въ 1820 г. въ тайное общество.

скаго языка и купилъ двѣ составленныя имъ на французскомъ языкѣ книжки, „кажется о теоріи языковъ и наукѣ о человѣкѣ“ [1]). Перетцъ не помнилъ, въ какомъ году итальянецъ уѣхалъ изъ Петербурга, „кажется, въ Костромскую губернію къ какому-то помѣщику, кажется учителемъ“ [2]). Вслѣдствіе показаній Перетца и Лаппы была наведена справка, и петербургскій генералъ-губернаторъ сообщилъ, что въ августѣ 1822 г. былъ привезенъ въ Петербургъ „помѣшавшійся въ умѣ“ итальянскій подданный „проф. Жилье“ (въ заглавіи бумаги онъ названъ Жильи), который тогда же былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и умеръ въ 1824 году [3]).

Слово „карбонаръ“ было частенько на устахъ русской публики: не даромъ въ первой главѣ „Онѣгина“ герой Пушкина могъ пускаться въ разсужденія „о Байронѣ и Бенжаменѣ, о карбонарахъ“. Какой то читатель книги Н. И. Тургенева „Теорія налоговъ“, очевидно, недовольный его либерализмомъ, написалъ на поляхъ: „и видно карбонара“ [4]). Декабристъ Бѣляевъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „нашему либерализму содѣйствовали и внѣйшнія событія, какъ-то движенія карбонаріевъ, заключеніе Сильвіо Пеллико Австріей“... [5]).

Какъ видно изъ письма маркиза Паулуччи, остзейскаго генералъ-губернатора, къ императору Александру I отъ 19 декабря 1820 г., кн. П. М. Волконскій въ письмѣ къ Паулуччи, на основаніи донесенія нашей миссіи въ Неаполѣ, выражалъ какія-то опасенія относительно распространенія карбонаризма въ Россіи, появленія у насъ миссіонеровъ этого тайнаго общества и учрежденія подобныхъ тайныхъ обществъ. По этому поводу Паулуччи увѣрялъ, что, если въ трехъ управляемыхъ имъ губерніяхъ и существуютъ масонскія ложи, то онѣ не могутъ превратиться въ карбонарскія, но полагалъ, что демагоги могутъ укрываться какъ въ тайныхъ, такъ и въ дозволенныхъ обществахъ [6]).

---

[1]) Перетцъ высказалъ предположеніе, что авторъ этихъ книгъ бывалъ у гр. Литты, потому что одна изъ нихъ была ему посвящена. Оказывается, что и Перетцъ неправильно писалъ фамилію этого итальянца Джильи: въ публичной библіотекѣ есть книга *Mariano Gigli*. Extrait raisonné d'un manuscrit, dont le titre: Eléméns de la philosophie du langage avec leur application à la langue française. Spb. 1820.

[2]) Гос. арх. I В., № 66, л. 27, 74 об.

[3]) Гос. Арх. I В., № 244, л. 100.

[4]) *Пыпинъ*. „Общественное движеніе при Александрѣ I“, изд. 3, стр. 421.

[5]) „Рус. Стар.“ 1881 г., т. XXX, 488. Сильвіо Пеллико 21 февраля 1822 г. выслушалъ на эшафотѣ приговоръ къ смертной казни и императорскій рескриптъ, замѣнившій ее 15-ти лѣтнимъ заключеніемъ carcere duro въ Шпильбергской цитадели. См. *Сильвіо Пеллико*. „Мои темницы“, съ предисловіемъ Пьеро Марончелли. М. 1901 г. Впервые русскій переводъ книги Сильвіо Пеллико появился въ 1836 г. съ краткою біографіею автора, составленною де-Латуромъ.

[6]) Военно-Ученый Арх., Отд. I, № 531 (А).

Быть можетъ, эти опасенія были вызваны сообщеніемъ Штакельберга изъ Неаполя отъ 10 (22) сентября 1820 года о полученіи свѣдѣній, что „секта, управляющая Неаполемъ“ (т. е. карбонаріи) „имѣетъ приверженцевъ въ австрійской администраціи и даже въ совѣтѣ самого императора“ и „что въ австрійскихъ войскахъ, идущихъ противъ Неаполя, можетъ оказаться много карбонаріевъ и что это можетъ случиться, если на это не обратятъ вниманія“. Штакельбергъ настаивалъ на существованіи „связи между якобинцами всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ странъ“ и приводилъ въ доказательство полученныя свѣдѣнія о предстоящихъ смутахъ въ Пьемонтѣ и Португаліи. Въ слѣдующемъ донесеніи отъ 15-го октября 1820 г. онъ утверждалъ, что число неаполитанскихъ карбонаріевъ увеличилось съ 600.000, какъ это было предъ началомъ революціи, до 846.000, изъ которыхъ 60.000 въ состояніи носить оружіе, между тѣмъ какъ линейное войско не превосходитъ 40.000 человѣкъ [1]). Къ донесенію отъ 6 (18) октября 1820 года онъ приложилъ инструкцію первой и второй степени „товарищей карбонаріевъ“, составленную Паскваλемъ Тавасси, великимъ мастеромъ ложи на востокѣ Неаполя, извѣстной подъ именемъ Свободныхъ Пиѳагорейцевъ, а также катехизисы степеней ученика и мастера карбонаріевъ. Въ инструкціи 2-й степени указывалось, что принимаемый клянется въ вѣчной ненависти къ тиранамъ и ихъ приверженцамъ и въ томъ, что будетъ пользоваться всѣми случаями для ихъ искорененія.

Отмѣтимъ еще, что на вопросъ, заданный Слѣдственнымъ Комитетомъ М. Ѳ. Орлову, не имѣли ли члены тайнаго общества „связи съ иностранными обществами“, онъ отвѣчалъ: „не знаю и не полагаю, развѣ чрезъ посредничество поляковъ. Я помню, что давно уже мнѣ кто-то, только не членъ общества, сказывалъ, что будто бы король прусскій увѣдомлялъ покойнаго государя о перепискѣ русскихъ съ итальянскими карбонаріями, и что сія переписка была перехвачена въ Пруссіи. Но я думаю, что это касается болѣе до университета дорпатскаго (дерптскаго) и студентовъ нѣмецкихъ, чѣмъ до сего общества“.

Посредничество поляковъ въ сношеніяхъ русскихъ съ итальянскими карбонаріями не представляетъ ничего невѣроятнаго, хотя примѣръ Джильи показываетъ, что итальянскіе карбонаріи проникали и въ Россію. Во всякомъ случаѣ, въ Польшѣ также чувствовалось вліяніе карбонаризма. Въ первыхъ числахъ декабря 1820 г. въ домѣ почтоваго управленія въ Варшавѣ, въ присутствіи генеральнаго директора полиціи и почтъ Суммн-

---

[1]) Италинскій изъ Рима сообщилъ отъ 6 января 1821 г., что въ папскихъ владѣніяхъ численность карбонаріевъ равняется 200.000 ч.

скаго, былъ произведенъ допросъ кандидату на должность Глембоцкому, чиновнику мазовецкой воеводской комиссіи Новацкому и кандидату медицины и хирургіи Вержбовскому по обвиненію ихъ въ принадлежности къ обществу карбонаріевъ. Вержбовскій доказывалъ Глембоцкому и Новацкому, что каждый человѣкъ долженъ стремиться къ возможно полному совершенству, а оно можетъ быть достигнуто лишь со вступленіемъ въ общество угольщиковъ (карбонаріевъ), которые въ этомъ отношеніи имѣютъ всѣ преимущества передъ обществомъ вольныхъ каменьщиковъ. Онъ разсказывалъ также своимъ пріятелямъ о знакомствѣ съ какимъ то итальянцемъ, жившимъ нѣкоторое время въ Варшавѣ подъ чужимъ именемъ и затѣмъ исчезнувшемъ неизвѣстно куда. Вержбовскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы убѣдить слѣдователей, что все это была одна шутка и дѣтская болтовня. Чѣмъ кончилось это дѣло,—неизвѣстно.

15 іюля 1821 г. на польской пограничной таможнѣ Гербы при проѣздѣ изъ Бреславля былъ задержанъ студентъ Краковскаго университета Мошинскій, у котораго были найдены какія то сочтенныя подозрительными письма и стихотвореніе, гдѣ восхвалялись мужество и энергія иноземныхъ карбонаріевъ, которые якобы повсемѣстно свергли тирановъ, и выражалась увѣренность, что польскіе карбонаріи вынесутъ на своихъ могучихъ плечахъ всю тяжесть предстоящей имъ работы и помогутъ родному краю разбить сковывавшія его цѣпи: „довольно ужъ терпѣлъ народъ, пора воскреснуть свободѣ!" „Смерть и гибель тиранамъ!"—вотъ лозунгъ Союза Угольщиковъ!" Изъ одного документа въ дѣлѣ о Мошинскомъ видно, что онъ принадлежалъ къ союзамъ, существовавшимъ между иностранными студентами, а также состоялъ въ связяхъ, имѣющихъ подобную цѣль съ нѣкоторыми студентами Краковскаго университета [1]).

Въ Неаполѣ нѣкоторые революціонеры живо интересовались событіями въ Россіи, связанными съ 14 декабря 1825 года. Въ секретномъ донесеніи, приложенномъ къ депешѣ изъ Неаполя отъ 7—19 марта 1826 г. въ русское министерство иностранныхъ дѣлъ сообщалось, что члены одного неаполитанскаго революціоннаго общества, „говоря съ самымъ живымъ интересомъ о возстаніи въ Петербургѣ въ день восшествія на престолъ" Николая I, „выражали удивленіе, что великая революція, которая должна была послѣдовать черезъ два мѣсяца послѣ первой попытки возмущенія, еще не разразилась въ Россіи" [2]).

---

[1]) *Попруженко*. „Изъ архива Н. Н. Новосильцева". „Рус. Арх." 1908 г., № 2, стр. 287—289. О нѣмецкомъ студенческомъ союзѣ см. *Шустеръ*, II, 162—177; *Pernwerth von Bärnstein* Beiträge zur Geschicte und Literatur des deutschen Stndententhumes. Würzburg, 1882.

[2]) Гос. Арх. I в., № 9, л. 18 об. Объ Итальянскомъ карбонаризмѣ см. *Больтонъ Кингъ*. „Исторія объединенія Италіи", т. 1, 1901; *Saint-Edme*. Constitution et organisation des Carbonari. P. 1821.

Есть данныя, указывающія на сношенія русскихъ съ швейцарскими карбонаріями.

Гр. д'Оррерь, основавшій въ 1812 г. въ Москвѣ одно промышленное предпріятіе и принужденный покинуть ее вслѣдствіе нашествія французовъ, крайній консерваторъ, но освѣдомленный о событіяхъ Швейцаріи первой половины 1820-хъ годовъ, въ статьѣ о тайныхъ обществахъ этой страны, говоритъ:

„Военная революція въ Испаніи, Неаполѣ и Пьемонтѣ и мѣры, принятыя конгрессами Лайбахскимъ и Веронскимъ, заставили бѣжать и покинуть отечество множество лицъ, скомпрометированныхъ въ итальянскихъ смутахъ. Швейцарія была первымъ и почти единственнымъ ихъ убѣжищемъ, и они перенесли туда уставы карбонаризма... принятые съ самымъ живымъ сочувствіемъ ихъ братьями-масонами, они основали *венты* повсюду, гдѣ масонство подготовило имъ почву. Двѣ великихъ венты, которымъ поручено было управлять низшими вентами, были учреждены—одна въ кантонѣ Ваадтъ, другая—въ Граубюнденѣ. Такое дѣленіе считали необходимымъ вслѣдствіе различія языковъ, но позаботились о томъ, чтобы помѣстить эти два великихъ очага заговора на двухъ важныхъ пунктахъ итальянской границы. Въ Лозаннѣ управленіе этими вентами было ввѣрено Фридриху Цезарю Лагарпу, а въ Коирѣ—Годенцъ-Планта. Тотъ и другой получилъ титулъ и власть Человѣка-Короля, степень, заимствованная отъ нѣмецкихъ иллюминатовъ и которая показываетъ „(по мнѣнію д'Оррера)" тѣсную связь, существовавшую между этимъ обществомъ и итальянскимъ карбонаризмомъ.

„Какъ только была рѣшена война противъ испанскихъ революціонеровъ, глубокое волненіе стало замѣтно въ кантонѣ Ваадтъ. Мнимые приказчики стекались изъ Парижа и съ юга Франціи и на основаніи писемъ, которыя они предъявляли, допускались въ собраніе великой венты въ Лозаннѣ, откуда нѣкоторые изъ нихъ отправлялись въ Италію. Въ этихъ собраніяхъ вырабатывались самые отчаянные проекты для достиженія торжества революціонныхъ началъ, сначала въ Испаніи, затѣмъ во Франціи, Германіи и въ Италіи. Въ одномъ изъ этихъ собраній его глава, обращаясь съ рѣчью къ посвященнымъ, возвѣстилъ: „нужно, чтобы народное мщеніе постигло всѣхъ враговъ революціи, чтобы въ день ихъ пораженія гильотина была надолго поставлена на площади Св. Франциска (въ Лозаннѣ), и чтобы пирамида головъ аристократовъ была трофеемъ побѣды свободы надъ деспотизмомъ и аристократіей. Мы—пассажиры на кораблѣ революціи", воскликнулъ онъ въ заключеніе своей рѣчи, „намъ нужно или пристать къ берегу, или погибнуть"... [1])

---

[1]) Изъ документовъ, отправленныхъ д'Оррером въ Петербургъ въ 1823 году, (см. ниже), видно, что въ этомъ мѣстѣ статьи онъ произвольно слилъ отрывки изъ рѣчей двухъ ораторовъ. Въ засѣданіи лозаннской венты, въ которомъ не было Лагарпа, замѣщавшій его, какъ предсѣдателя, Мюрэ, сказалъ: „Кантонъ Ваадтъ подастъ примѣръ, поставивъ гильотину на площади св. Франциска. Не нужно колебаться: благо отечества требуетъ, чтобы всѣ аристократы погибли: мужчины, женщины и дѣти; всякое различіе будетъ уничтожено, и свободные люди, пользуясь равенствомъ и правами человѣка, будутъ жить мирно и передадутъ это драго-

„*Человѣкъ-король*, гремя, какъ обыкновенно, противъ Франціи, по случаю войны съ Испаніей, познакомилъ свою венту съ мѣрами, условленными между карбонаріями, иллюминатами и франкмасонами Иберійскаго полуострова, чтобы совершить нападеніе на ту мѣстность Франціи, откуда она выступала противъ нихъ, Мина [1]) только что объявленъ генералиссимусомъ свободныхъ людей [2]), и всѣ принадлежащія къ ихъ числу должны съ этого времени слушаться его и помогать ему. Онъ объявилъ, что этому генералу, предводительствующему отборною испанскою арміей,... поручено, во что бы то ни стало, перейти Пиринеи, овладѣть Перпиньяномъ и водрузить тамъ знамя европейской революціи; поэтому обязанность всѣхъ „свободныхъ людей" вооружиться и посредствомъ множества свободныхъ диверсій, въ которыхъ вездѣ примутъ участіе тысячу братьевъ, помогать главной операціи противъ Франціи.

„Цезарь Лагарпъ..., хотя онъ былъ только членомъ великаго совѣта" (кантона Ваадтъ), „былъ однако тамъ всемогущъ, пользовался громаднымъ вліяніемъ, какъ освободитель своего отечества, а также и по своему высокому положенію въ франкмасонствѣ и въ карбонаризмѣ. Въ это время его авторитетъ былъ настолько великъ, что могъ увлечь правительство кантона Ваадтъ къ осуществленію обширнаго и опаснаго проекта нашествія его милиціи на Франшконтэ, какъ только узнаютъ о занятіи Перпиньяна Миною. Безъ вѣдома федеральной власти, находящійся на дѣйствительной службѣ контингентъ и резервъ всѣхъ армій были созваны на смотры, ихъ начальники обращались къ нимъ съ рѣчами, какъ во дни какой-либо великой опасности, угрожающей отечеству, и вся артиллерія кантона Ваадтъ была постепенно и секретно отведена во внутреннія долины Юры. Только когда узнали объ окончательномъ пораженіи Мины, артиллерія возвратилась въ Лозанну, и кантональная милиція разошлась по общинамъ... Изъ этого можно видѣть", прибавляетъ д'Орреръ, „какое грозное значеніе могли имѣть для Швейцаріи тайныя общества" [3]).

Въ цитированной статьѣ гр. д'Орреръ выражается о Лагарпѣ (уже послѣ его смерти въ 1838 г.) сравнительно спокойно. Въ совершенно другомъ тонѣ написаны его письма отъ 13—25 мая изъ Берна и 3 іюня 1823 г. въ Петербургъ къ герцогинѣ Виртембергской (урожденной принцессѣ Саксенъ-Кобургской) съ приложеніемъ документовъ. Д'Орреръ просилъ герцогиню передать сообщаемыя имъ свѣдѣнія имп. Александру, и просьба его была исполнена: письма д'Оррера послѣ смерти государя были найдены

цѣнное наслѣдство своимъ дѣтямъ". Пирамиду головъ д'Орреръ присочинилъ для красоты слога, а „корабль революціи" заимствовалъ изъ рѣчи Лагарпа на собраніи венты 27 апрѣля.

[1]) Объ этомъ начальникѣ испанскихъ конституціонныхъ войскъ см. *Гервинусъ*. „Исторія XIX вѣка", IV, 230—233, 290, 307—309.

[2]) По объясненію д'Оррера, карбонарскій титулъ.

[3]) *Le comte d'Orrer*. Etudes sur la Suisse. Les sociétés secrètes. „Le Correspondant: P. 1845, t. IX, 885—886. Объ итальянскихъ, греческихъ и другихъ эмигрантахъ и революціонерахъ въ Швейцаріи ср. *O. Henne—Am Rhyn* Geschichte des Schweizervolkes u. seiner Kultur. III, 1871, S. 230—233.

въ его кабинетѣ. Мы должны остановиться на этихъ документахъ, такъ какъ въ нихъ есть, хотя и краткія, но драгоцѣнныя указанія на сношенія русскихъ съ швейцарскими карбонаріями, причемъ оставляемъ въ сторонѣ негодующія восклицанія и комментаріи гр. д'Оррера, а изложимъ только фактическую сторону его сообщенія и сообщенныхъ имъ документовъ.

Въ первомъ письмѣ онъ пишетъ герцогинѣ Виртембергской, что давно уже замѣчаетъ вліяніе на кантонъ Ваадтъ и на всю Швейцарію партіи, которою управляетъ Лагарпъ. Съ каждымъ днемъ увеличивается сосредоточеніе въ Швейцаріи „цареубійцъ", изгнанниковъ Франціи и Пьемонта, карбонаріевъ всевозможныхъ національностей, странствующихъ по ней и собирающихся въ Лозаннѣ и Бернѣ. Намѣренія этой „смѣлой секты" ясны, по мнѣнію д'Оррера, изъ того, что онъ видѣлъ въ Біерскомъ лагерѣ, изъ того, что̀ совершалось въ большомъ собраніи масонскихъ ложъ въ Біернѣ, на военномъ праздникѣ въ Лагенталѣ и на академическомъ банкетѣ въ Цоффингѣ. Д'Орреръ утверждаетъ, что въ двухъ послѣднихъ собраніяхъ провозглашали тосты за смерть Вурбоновъ и сѣверныхъ тирановъ, и что офицеры и студенты поклялись защищать отечество противъ посягательствъ на него государей. Яростные крики раздавались противъ Веронскаго конгресса и особенно противъ Франціи, такъ какъ она приняла угрожающее положеніе относительно испанскихъ революціонеровъ. Венты карбонаріевъ въ Бернѣ, Лозаннѣ и Женевѣ, открытыя путешествія пропагандистовъ, ихъ ученія, зажигательныя рѣчи повсюду, не исключая деревенскихъ кабаковъ, обнаруживаютъ, по словамъ д'Оррера, намѣренія этихъ людей, не сомнѣвающихся въ своемъ близкомъ торжествѣ. На юношество особенно вліяютъ нѣмецкіе профессора, изгнанные изъ германскихъ университетовъ и собравшіеся въ Швейцаріи [1]). Лагарпъ напечаталъ брошюру, которая должна служить элементарною книгою для чтенія юношества французскихъ кантоновъ [2]), въ которой громитъ аристократовъ и государей и, обращаясь къ юнымъ ваадтландцамъ, предназначеннымъ стать свободными людьми, объясняетъ имъ, что успѣхъ всякаго договора обезпеченъ, если участники его научились хранить тайну. Комментаріи къ этому основному принципу д'Орреръ видитъ въ рѣчи, которую Лагарпъ произнесъ въ собраніи ложи въ Лозаннѣ [3]).

---

[1]) Проф. Фоленъ, организовавшій въ Германіи, въ Гисенѣ, общество „безусловныхъ" (Unbedingten), былъ высланъ изъ Швейцаріи въ 1824 г. по настоянію прусскаго правительства. *Шустеръ*, II, 178—179.

[2]) Souvenirs de l'histoire de la Suisse, présentés sous la forme de dialogues et dédiées aux jeunes Vaudois, qui frequentent les écoles cantonales par un citoyen de canton de Vaud. Lausanne. 1823. См. нѣкоторыя цитаты изъ этой книги у *Сухомлинова* „Изслѣдованія", II, 141.

[3]) Д'Орреръ сопоставляетъ ее съ тѣмъ, что 6 и 7 мая Мина, вмѣсто того, чтобы отступить во внутрь Испаніи, вдругъ направился къ Пиринеямъ, и объясняетъ это намѣреніемъ проникнуть во Францію, чтобы вызвать тамъ возстаніе, которое должно послужить сигналомъ взрыва въ Швейцаріи.

Д'Орреръ сообщаетъ извлеченіе изъ письма съ западной границы Швейцаріи (отъ 14-го апрѣля 1823 г.), въ которомъ извѣщали, что въ карбонарскихъ вентахъ этой страны идутъ толки о томъ, чтобы, по соглашенію съ главнымъ парижскимъ комитетомъ, устроить Сицилійскую вечерню для австрійскихъ войскъ въ Италіи [1]) и общее возстаніе не только въ Швецаріи, но также во Франціи, Германіи, Италіи и Польшѣ; толчокъ долженъ быть данъ кантономъ Ваадтъ. Въ Коирѣ и его окростностяхъ секретно устраиваются склады оружія, привозимаго изъ ваадтскаго кантона [2]) и тамъ видно много итальянцевъ. Существуютъ тайныя фабрики кинжаловъ въ Коирѣ, Лозаннѣ, Базелѣ иАаргау; д'Орреръ не принимаетъ во вниманіе, что эти приготовленія могли объясняться отчасти требованіемъ державъ высылки итальянскихъ эмигрантовъ, а иногда даже выдачи ихъ, что обыкновенно отклонялось Швейцаріею [3]), но еще болѣе ложнымъ, но тревожившимъ швейцарцевъ слухомъ о приближеніи русской арміи [4]).

Въ письмахъ отъ 26 и 29 апрѣля 1823 г. д'Орреру сообщали, что всѣмъ швейцарскимъ вентамъ предложено произнести страшную клятву ненависти къ правительствамъ и что въ главной вентѣ въ Лозаннѣ, на собраніи которой 19 апрѣля присутствовали также итальянцы, французы, нѣмцы и греки, каждый изъ братьевъ, принося клятву, наносилъ ударъ кинжаломъ сдѣланной изъ кожи коронованной фигурѣ, сидящей на тронѣ,

[1]) Въ другомъ письмѣ (отъ 20 апрѣля 1823 г.), изложенномъ д'Орреромъ, было сообщено, что мысль о такой рѣзнѣ была впервые высказана въ вентѣ въ Коирѣ на празднованіи годовщины возвращенія въ Парижъ Бонапарта 20 марта.

[2]) Въ нотѣ Меттерниха австрійскому посланнику въ Швейцаріи указывалось также на тайнно устраиваемые склады оружія „во многихъ мѣстахъ, и особенно въ Граубонденѣ и въ епископствѣ Базельскомъ". Швейцарское же правительство утверждало, что оружіе, собранное въ Коирѣ и сложенное въ кантональной школѣ, назначалось для обученія милиціи.

[3]) Henne Am Rhyn III, 231.

[4]) Д'Оррерь упоминаетъ также, что извѣстный юристъ Ш. Контъ прочелъ въ Лозаннѣ лекцію, въ которой въ ужасномъ видѣ изобразилъ русское уголовное законодательство, послѣ чего молодежь собиралась устроить своему профессору серенаду съ факелами, но она была запрещена правительствомъ. Другой профессоръ, высказавъ свое сочувствіе идеямъ Конта, старался, однако, успокоить студентовъ, убѣждая ихъ, что неблагоразумно раздражать даже и правдою страну, государь которой своими казаками и солдатами можетъ внушать страхъ Европѣ.

Среди приложеній къ письму д'Оррера находится латинскій текстъ и французскій переводъ слѣдующей прокламаціи, изданной вентою въ Коирѣ: „Вездѣ немедленная смерть. Послѣдній доводъ свободныхъ людей. Примѣръ королямъ-тиранамъ. Свободные люди Гельвеціи всѣмъ обыкновенно называемымъ благородными, самымъ низкимъ рабамъ королей, епископамъ и другимъ лицамъ римско-католическаго духовенства, врагамъ отечества и свободы—привѣтъ. Постановлено нашимъ верховнымъ трибуналомъ, что вы всѣ умрете въ оковахъ, утратите ваши имущества; ваши дома, постыдные для свободныхъ людей, будутъ преданы пламени, ради спасительнаго примѣра потомкамъ. Скрѣплено и подписано кровью свободныхъ людей. Брутъ, Зандтъ, Лувель, Равальякъ, Катилина". Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе кинжала съ клинкомъ, замараннымъ кровью. По краямъ этой прокламаціи, написанной печатными буквами, черная кайма.

попиралъ корону ногами и затѣмъ кололъ руку такъ, чтобы кровь стекала въ кубокъ, изъ котораго пилъ каждый изъ членовъ собранія.

Лагарпъ въ своей рѣчи въ этомъ собраніи говорилъ о намѣреніи Мины проникнуть во Францію съ помощью французовъ, чтобы отмстить за то, что ихъ король „послалъ потушить священный огонь свободы“; Лагарпъ утверждалъ, что, по первому приказанію высшаго парижскаго комитета, Швейцарія приметъ сторону Мины, „и 30.000 ваадтландцевъ, авангардъ безчисленной арміи свободныхъ людей, пронесутъ побѣдоносныя знамена до конца міра. Великій ударъ будетъ нанесенъ. Сама Швейцарія возродится и внесетъ спасеніе, возрожденіе и цивилизацію во всѣ страны... Горе врагамъ нашей свободы, горе священникамъ и католикамъ, не сочувствующимъ нашимъ намѣреніямъ: они погибнутъ, ихъ дома будутъ сожжены; этотъ моментъ будетъ ужасенъ, но необходимъ. Только рѣшительный ударъ можетъ насъ спасти; теперь нужно выбирать между рабствомъ и смертью“. Лагарпъ грозилъ разрушеніемъ аристократическому правительству Швейцаріи [1]) и выражалъ увѣренность, что Безансонъ и Дижонъ будутъ сданы „рыцарями свободы“ [2]). Корреспондентъ д'Оррера утверждалъ, что карбонаріи намѣреваются сдѣлать вторженіе и въ Швабію, „гдѣ число ихъ партизановъ невѣроятно велико, чтобы зажечь пожаръ въ Германіи“. На сочувствіе въ Швабіи вторженію карбонаріевъ выражалъ надежду и Лагарпъ въ своей рѣчи въ главной Лозанской вентѣ 21 апрѣля [3]). Въ другой рѣчи выражалась надежда на возстаніе въ Италіи. Лагарпъ сказалъ, что въ

---

[1]) О ненависти Лагарпа къ аристократическимъ кантонамъ говоритъ и авторъ (враждебной ему) книги Biographie de Mr. Fr. C. La Harpe... suivi d'extraits de ses ovrages politiques. 1818. Свербеевъ, посѣтившій Логарпа въ Лозаннѣ, упоминаетъ о „ненависти“ къ нему „всѣхъ знатныхъ швейцарцевъ“, „высшаго городского общества“. Онъ передаетъ также выраженія неудовольствія Лагарпа на то, что импер. Александръ, подъ вліяніемъ Миттерниха, измѣнилъ свою прежнюю политику, завелъ варварскія военныя поселенія и постоянно нарушалъ данную Польшѣ конституцію. Онъ предсказывалъ, что „кровавые мятежи противъ Россіи убитой Польши будутъ продолжаться долго, долго“! О государственномъ устройствѣ Швейцаріи ср. *Курти*. „Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи“. СПБ. 1900 г., стр. 83.

[2]) Тайное общество во Франціи „Рыцарей Свободы“ имѣло свой центръ въ Сомюрѣ; оно было по преимуществу военнымъ и насчитывало отъ 30 до 40 тыс. приверженцевъ „*Карѣевъ*. Исторія западной Европы въ новое время“, т. IV, изд. 2, СПБ. 1901 г., стр. 416—417; *Guillon* Les complots militaires sous la Restauration. P. 1895., p. 141–143, 175 и слѣд. Одинъ изъ членовъ швейцарскаго правительства сказалъ русскому посланнику бар. Крюденеру о Лагарпѣ: „Его демагогическая ярость и его безсмысленныя рѣчи, которыя онъ безпрестанно произноситъ, компрометируютъ Швейцарію... Лагарпъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ Кантона Ваадтъ, спокойствіе котораго онъ нарушаетъ своими рѣчами, своимъ вліяніемъ на тамошнія безпокойныя головы, своими брошюрами и проч.“.

[3]) Въ приложеніяхъ къ письму д'Оррера есть извѣстіе о сильномъ распространеніи карбонаризма въ Виртембергѣ, о карбонарской пропагандѣ въ Аугсбургѣ, Аншпахѣ и Байретѣ.

скоромъ времени погибнутъ „старикъ въ Римѣ“ (папа) и вся его клика. Упоминалось и о томъ, что въ Базелѣ и въ Женевѣ есть ложи „Рыцарей Свободы“, которыя будутъ условливаться съ карбонарскими вентами [1]).

Въ засѣданіи лозанской венты 5 мая 1823 г. было сообщено, что въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ образовался комитетъ на подобіе швейцарскаго и что то же совершилось и въ другихъ государствахъ Германіи; всѣ эти комитеты состоятъ подъ начальствомъ парижскаго комитета.

Въ засѣданіи венты въ Коирѣ 10 мая 1823 г. предсѣдательствовалъ Годенцъ-Планта [2]). Онъ, между прочимъ, сказалъ: „наше общество образовалось, чтобы помочь славной борьбѣ за свободу. Я не скрываю отъ васъ, что, если государи одержатъ побѣду, наше отечество будетъ лишено своихъ правъ и скоро будутъ существовать въ мірѣ только деспотическія правительства... Представители деспотовъ угрожаютъ Швейцаріи. (Тутъ онъ прочелъ ноту кн. Меттерниха). „Люди свободные, что скажете вы объ этихъ жалкихъ угрозахъ? Короли земли, когда перестанете вы вмѣшиваться въ дѣла свободныхъ народовъ? Когда вы будете истреблены? Какой отвѣтъ дадимъ мы на эту бумаженку Меттерниха? Мы дадимъ отвѣтъ въ Вѣнѣ, Парижѣ, Петербургѣ. На эшафотѣ мы скажемъ королямъ земли: „получите возмездіе за вашъ деспотизмъ, наказаніе, которое вы заслуживаете. Да, короли погибнутъ, всѣ ихъ министры будутъ искоренены. Свобода воцарится вопреки всѣмъ нотамъ“. (Онъ разорвалъ австрійскую ноту и растопталъ ее ногами). „Я предаю анаѳемѣ Меттерниха; да погибнетъ онъ и всѣ ихъ столицы (Vorort). Ихъ царство кончилось. Мы желаемъ свободнаго правительства. Мы не подчинимся болѣе ихъ замѣчаніямъ; мы хотимъ быть у себя господами“ [3]).

Эти подробности интересны въ связи съ содержащимися въ приложеніи къ письму д'Оррера указаніями на связи швейцарскихъ карбонаровъ съ Россіею. Въ письмѣ изъ Коира отъ 13 мая ему сообщили, что теперь занялись переводомъ всѣхъ революціонныхъ книгъ на русскій языкъ, чтобы

---

[1]) Д'Оррѣръ переслалъ въ Петербургъ циркулярное воззваніе ко всѣмъ вентамъ и ложамъ Швейцаріи, подписанное главою лозанской венты Лагарпомъ, ландаманномъ кантона Ваадтъ Мюрэ, писателемъ, членомъ правительства кантона Ааргау Цшокке, и другими.

[2]) Онъ держалъ въ правой рукѣ abacus—палку съ кругомъ на верху, символъ его званія—человѣка-короля. Онъ былъ одѣтъ въ черный бархатъ. Передъ нимъ на столѣ, покрытомъ черною матеріею, помѣщались черепъ, змѣя, кубокъ и великолѣпный кинжалъ. На стѣнѣ, обтянутой черною матеріею, позади него, висѣлъ крестъ.

[3]) Относительно требованій державъ о высылкѣ изъ Швейцаріи и выдачѣ различныхъ лицъ и въ томъ числѣ нѣсколькихъ профессоровъ см. въ изданіи „Die Schweiz im neunzehnten Jahrhundert“ (I Bd. 1899) трудъ *Numa Droz'a* Politische Geschichte der Schweiz im 19 Jahrhundert, S. 153—155.

распространять ихъ въ Россіи. За это взялся курляндецъ Дортгейссенъ, пріѣхавшій въ Лозанну уже 13 или 14 мѣсяцевъ тому назадъ; живя въ Уши, гавани Лозанны, онъ часто посѣщалъ Лагарпа. Странствующимъ агентомъ въ Петербургъ отправился артиллерійскій офицеръ кантона Ваадтъ Рюшоннэ, который просилъ у д'Оррера рекомендательныхъ писемъ. Онъ остановился въ Митавѣ, куда, по предложенію д'Оррера, былъ рекомендованъ Дортгейссеномъ, и взялъ тамъ мѣсто учителя у нѣкоего Роппа. Къ числу карбонаріевъ принадлежалъ и граубюнденецъ Лареда, содержащій въ Петербургѣ кофейню [1]). Сообщали также, что въ кофейнѣ Кавецель въ Ригѣ собирается клубъ, гдѣ спорятъ о политическихъ вопросахъ и который долженъ имѣть нѣкоторыя сношенія съ лозанскими клубами. Сообщали также, что въ Баденѣ (около Цюриха) должно собраться совѣщаніе, куда ожидаютъ многихъ русскихъ. „Лагарпъ недавно сказалъ, что въ Петербургѣ усиливаются интриги, чтобы побудить императора прибыть въ Германію. Онъ часто имѣлъ совѣщеніе съ гр. Каподистріею въ Женевѣ [2]). Тормасовъ [3]), кажется, одинъ изъ повѣренныхъ дю-Пюже [4]), употребляется только для передачи корреспонденціи".

Въ бюллетенѣ изъ Лозанны отъ 18 мая 1823 г. сообщалось, что тамошняя вента очень занята, и что въ ея собраніяхъ Лагарпъ произноситъ чрезвычайно сильныя рѣчи. [5])... Управляющій швейцарскій комитетъ долженъ скоро собраться въ Баденѣ, около Цюриха". Вѣроятно, на это собраніе и ожидалось много русскихъ, какъ было упомянуто выше.

Въ письмѣ отъ 3 іюня 1823 г. герцогинѣ Виртембергской въ Петербургъ гр. д'Орреръ сообщалъ, что неудача движенія Мины противъ Франціи разстроила планы швейцарскихъ карбонаріевъ. Онъ утверждалъ, будто они стремятся убить Александра I, какъ главу священнаго союза, и сообщалъ, что эта „секта" несомнѣнно имѣетъ нѣсколько членовъ въ Россіи. „Въ послѣднюю зиму", продолжаетъ д'Орреръ, „по Швейцаріи

---

[1]) Д'Орреръ пояснилъ, что во время его отъѣзда изъ Россіи Лареда или Ларенда имѣлъ кондитерскую на Невскомъ.

[2]) Каподистрія жилъ въ Женевѣ съ 1822 г., исходатайствовавъ себѣ безсрочный отпускъ. *В. Тепловъ*. „Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи". Спб. 1893 г., стр. 29.

[3]) Камергеръ, первый секретарь русскаго посольства въ Мюнхенѣ, жившій около года въ Вевэ, гдѣ д'Орреръ видѣлъ его въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ своего пріѣзда въ Швейцарію.

[4]) Вѣроятно, лозанецъ де-Puget, бывшій въ царствованіе Павла наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. „Записки Д. Н. Свербеева", М. 1899 г., II, 5—7.

[5]) Онъ отправилъ въ Петербургъ одну замужнюю француженку не первой молодости, но очень красивую; она избрана управляющимъ комитетомъ вслѣдствіе своихъ способностей къ интригѣ. Цѣль ея путешествія состоитъ въ томъ, чтобы вновь привлечь имп. Александра къ либеральнымъ идеямъ.

разъѣзжалъ извѣстный Хвостовъ, который посѣтилъ главныя ложи [1]). И Ваше Высочество найдете въ моихъ замѣткахъ, что пятеро русскихъ ожидаются на собраніи въ Баденѣ". Онъ совѣтуетъ хорошенько наблюдать за подобными путешественниками и выражаетъ опасеніе, что русское посольство въ Баденѣ не достаточно бдительно [2]).

Имп. Александръ въ это время уже не переписывался съ Лагарпомъ Въ послѣдній разъ онъ писалъ ему 23 ноября 1818 г. изъ Веймара, отправляя своего брата Михаила Павловича въ поѣздку по Италіи въ сопровожденіи Лагарпа. Донесенія д'Оррера, переданныя Александру I, должны были только увеличить охлажденіе императора къ его бывшему воспитателю. Другой ученикъ Лагарпа, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ письмѣ къ нему изъ Варшавы, отъ 24 декабря 1826 г., очень прозрачно намекнулъ ему на его карбонарскую дѣятельность. „Что касается вашихъ литературныхъ и благотворительныхъ обществъ", писалъ цес. Константинъ, „то общественное мнѣніе судитъ о нихъ очень различно: одни считаютъ ихъ обществами чисто научными, другіе, и число ихъ... очень велико, изображаютъ ихъ болѣе или менѣе очагами революціи и сборищами карбонаріевъ, главное мѣстопребываніе которыхъ—Ааргау, Коиръ, Цюрихъ, Базель, Лозанна, Женева. Вамъ лучше знать, что они такое. Я только повторяю то, что здѣсь говорятъ". Въ другомъ письмѣ, отъ 5-го января 1828 г., Константинъ Павловичъ кратко упоминаетъ „о вредѣ карбонаріевъ и другихъ подобныхъ сектъ, не исключая скучныхъ и безполезныхъ франкмасоновъ" [3]).

Гр. д'Оррeръ лишь вскользь упоминаетъ о членахъ тайнаго общества въ Женевѣ. Между тѣмъ въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ тамъ жилъ

---

[1]) Вѣроятно, сынъ гр. Д. И. Хвостова—Александръ Дмитріевичъ (1796—1870), который въ началѣ 1820-хъ годовъ оставилъ службу, жилъ въ Петербургѣ и, читая въ кондитерскихъ газеты, громко осуждалъ дѣйствія всѣхъ правительствъ. По отзыву Пржецлавскаго, онъ былъ „человѣкъ не глупый, начитанный и... красный". „Рус. Стар." 1875 г., т. XIII, 396—397, XIV, 404 Повидимому, онъ же былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей въ 1817—20 гг.; въ числѣ членовъ значится камергеръ Александръ Хвостовъ Любопытно, что членомъ этой ложи былъ Баратаевъ, а въ 1819—1 г.г. и Конст. Кандіотти (см. выше). Tableau général de la grande Loge Astrée, $58^{17}/_{18}$, Idem. $58^{18}/_{19}$, p. 103; „Остафьевскій Архивъ" I, 633.

[2]) Государственный Архивъ XV, № 291. Въ біографіяхъ Лагарпа (*Сухомлиновъ* „Фридрихъ Цезарь Лагарпъ, воспитатель императ. Александра I", „Изслѣдованія", т. II, и *Monnard*. Notice biographigue sur le général Fr. C. de la Harpe, 1838) нѣтъ свѣдѣній о его дѣятельности въ швейцарскомъ обществѣ карбонаріевъ.

Бергассъ, одинъ изъ видныхъ роялистовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ имп. Александру въ 1814 г. въ Парижѣ, писалъ ему въ 1822 году: „Швейцарія, которую волнуютъ болѣе, чѣмъ когда-либо искусные и неутомимые революціонеры, требуетъ теперь особеннаго вниманія государей". *Соловьевъ*. „Императоръ Александръ I", Спб. 1877 г., 520.

[3]) „Сборн. Имп. Истор. Общ." V, 47, 69, 73.

извѣстный революціонеръ Буанарроти, участникъ коммунистскаго заговора равныхъ Бабёфа [1]). Въ началѣ 1820-хъ г. мы его находимъ въ Женевѣ и въ 1822 году онъ отправляетъ эмиссаромъ карбонаризма въ Италію француза Андріане. Послѣдній въ своихъ замѣткахъ говоритъ: „искусные и многочисленные эмиссары были отправлены въ это время въ Германію, въ Польшу и *даже въ Россію*, чтобы придать новую силу тайнымъ обществамъ [2]). Что у Буанарроти были связи и съ русскими, можно заключить также изъ того, что, живя позднѣе въ Парижѣ у вельможи-демократа Вуайе д'Аржансона [3]), онъ былъ знакомъ съ Н. И. и А. И. Тургеневыми. Послѣдній въ своей статьѣ о Парижѣ даетъ яркій образъ этого революціонера, всю жизнь оставшагося неизмѣнно вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, несмотря на всѣ преслѣдовавшія его злоключенія [4]).

Что на русскихъ революціонеровъ Южнаго тайнаго Общества преимущественно вліяли карбонаріи французской Швейцаріи или Франціи, а не Италіи, показываетъ и весьма употребительный въ этомъ обществѣ терминъ *вента*, заимствованный съ французскаго vente, а не съ итальянскаго vendita [5]).

Отношенія русскихъ революціонеровъ къ тайнымъ обществамъ Западной Европы требуютъ еще многихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

В. Семевскій.

[1]) Живя въ Женевѣ, подъ надзоромъ, съ 1806 г., онъ основалъ тамъ ложу Искреннихъ Друзей. По полицейскимъ свѣдѣніямъ 1811—12 г.г. въ ней стремились къ ниспроверженію деспотизма съ помощію кинжала; полиція причисляла членовъ ложи къ тайному обществу филадельфовъ. Буанарроти былъ изгнанъ изъ Женевы въ 1813 году и поселенъ подъ надзоръ въ Греноблѣ. *Bourguin*. Contribution à l'histoire de la Franc-Maçonnerie. „La Revolution française", 1905, t. 49, p. 65—68, 77—78.

[2]) *Andryane*. Mémoires d'un prisonnier d'état au Spielberg. P. 1837, t. I, p. 22—30. Другого сочиненія того же автора „Souvenirs de Geneve" (1839), въ которомъ находится гораздо болѣе свѣдѣній о карбонаріяхъ въ Швейцаріи, нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ.

[3]) См. *Вейль*. „Исторія республ. партіи во Франціи съ 1814 по 1817 г.", перев. Л. Шишко. М. 1906, стр. 18.

[4]) „Парижъ (хроника русскаго)". „Современникъ", изд. А. Пушкина, 1836 г., I, 275—276. Ср. „Остафьевскій Архивъ", III, 323, 715—716. См. *G. Romano-Catania* Filippo Buonarroti. 2 ediz. Milano. 1902.

[5]) О французскомъ карбонаризмѣ см. *L Blanc*. Histoire de dix ans. P. 1849. t. I, 8 ed. 1849; *Dulaure* Histoire de 1814 à 1830, t. VII, P. 1849; *Vaulabelle* Histoire des deux Restaurations jusqu'à la chute de Charles X. t. V, P. 1850; *Guillon* Les complots militaires sous la Restauration. P. 1895.

Въ эпоху „диктатуры сердца“.

(Изъ времени пребываніе „централистовъ“ въ Мценскѣ 1880—1881 г.)

О происходившемъ въ политической и общественной жизни Россіи, о настроеніяхъ „сферъ„ или, какъ принято было выражаться въ повременной печати, о „вѣяніяхъ“ въ видѣ какихъ-нибудь фактическихъ свѣдѣній, за ограду „Ново-бѣлгородской центральной каторжной тюрьмы“, въ особенности въ „одиночки“, занятыя политическими, не проникало ничего, и лишь о характерѣ происходящихъ тамъ перемѣнъ мы, заключенные, могли судить по измѣненіямъ тюремнаго режима въ ту или другую сторону. Если послѣ того или другого террористическаго факта со стороны революціонеровъ наступала правительственная реакція, къ намъ въ камеры совершенно неожиданно врывались надзиратели и, безъ объясненія причинъ, не говоря ни слова, уносили соломенные тюфяки, такія же подушки, изъ арестантскаго сукна одѣяла и т. п., взамѣнъ чего приносили тощія войлочныя подстилки. Появлялся кузнецъ, приносили въ коридоръ кандалы и всѣмъ набивали на ноги оковы. Больничный супъ съ мясомъ въ жестяныхъ мискахъ замѣняли общеарестантскимъ варевомъ въ деревянныхъ „бочкахъ“ и лишали какихъ-нибудь другихъ льготъ, въ родѣ большей продолжительности прогулокъ.

Когда же внутренній политическій горизонтъ начиналъ слегка проясняться, понемногу возвращали отнятое, расковывали вновь скованныя цѣпи, и разнотонный лязгъ и звонъ ихъ переставалъ нарушать вечернюю тишину одиночекъ.

Къ лѣту 1880-го года, надо думать, политическій барометръ склонялся къ „ясно“, потому что экстренныхъ заковываній и сопутствующихъ имъ признаковъ приближенія „бури“ въ „одиночкахъ“ не наблюдалось. Но кромѣ того, стали замѣчаться не бывалые до тѣхъ поръ праздники, значеніе которыхъ мы объяснить себѣ не могли. Это—участившіяся посѣщенія нашей тюрьмы разными превосходительствами, иныя изъ которыхъ безмолвно насъ обозрѣвали, а другія предлагали

вопросы о томъ, какъ мы себя чувствуемъ или какъ поживаемъ. Въ числѣ послѣднихъ, я помню, былъ генералъ Грессеръ, назначенный послѣ Валя харьковскимъ губернаторомъ. Его деликатно-вѣжливое обращеніе съ нами, послѣ грубаго предыдущаго губернатора, положительно меня поразило, и я склоненъ былъ повѣрить желанію генерала, высказанному на словахъ, облегчить наше невозможное положеніе. Уѣхалъ губернаторъ Грессеръ, послѣ него появлялись другіе штатскіе и военные генералы, но положеніе наше нисколько не измѣнялось къ лучшему: сумасшедшіе товарищи въ той или иной мучительной формѣ проявляли свое умопомѣшательство и этимъ отчасти способствовали подготовкѣ другихъ къ потерѣ разсудка.

Становилось до невыносимости тяжело, въ особенности, когда мысль о такой же участи для себя начинала мелькать все чаще по мѣрѣ увеличенія числа и психически больныхъ товарищей и интенсивности проявленія ихъ болѣзненнаго состоянія.

Уже въ началѣ осени „централку" посѣтилъ профессоръ Доброславинъ.

— Ну, какъ живете, какъ себя чувствуете?—обратился онъ ко мнѣ, войдя въ мою камеру.

Меня, признаюсь, взорвало отъ этой ставшей стереотипной въ устахъ посѣщавшихъ насъ превосходительствъ фразы.

— Чувствуемъ мы себя, *ваше превосходительство*, отлично, и вы прекрасно знаете: столько-то сумасшедшихъ, столько-то умерло, а остальные все—кандидаты въ сумасшедшій домъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, не волнуйтесь,—заговорило медицинское превосходительство, услышавъ мой отвѣтъ въ повышенномъ и раздражительномъ тонѣ.—Я все изслѣдую, все разузнаю и лично доложу государю, такъ что ваше положеніе, несомнѣнно, измѣнится къ лучшему. Нѣтъ, нѣтъ, повѣрьте, что я лично доложу о вашемъ положеніи государю,— продолжалъ профессоръ на мой жестъ недовѣрія и отчаянія съ замѣчаніемъ, что мы такія слова уже не разъ слышали.

Уѣхалъ профессоръ Доброславинъ, осень все больше и больше вступала въ свои права, дни становились короче и сумрачнѣе, и затеплившаяся, было, въ сердцахъ заключенныхъ надежда на перемѣны къ лучшему блекла, тускнѣла и остывала, потому что перемѣнъ этихъ не наблюдалось.

Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, передъ обѣденнымъ временемъ, въ „одиночкѣ" появился смотритель тюрьмы Койнинъ, который началъ заходить зачѣмъ-то въ камеры.

— Поздравляю васъ съ увозомъ отсюда,—заявилъ онъ, войдя ко мнѣ въ камеру,—въ Сибирь.

На меня, помню, это поздравленіе Койнина въ первый моментъ не произвело никакого впечатлѣнія, потому, вѣроятно, что я сразу не могъ уразумѣть его значенія, да и не повѣрилъ.

Но потомъ, спустя нѣсколько минутъ, оно перевернуло у меня въ душѣ.

Какъ, я, обрекшій себя на медленную, почти вѣрную смерть или сумасшествіе, еще увижу свѣтъ?! Увижу людей не въ арестантскихъ курткахъ или надзирательской формѣ, увижу вблизи поля, лѣсъ, дороги, города, деревенскія хаты, лошадей, коровъ!... И дальше, неизвѣстно еще, можетъ быть, останусь живъ и безъ надзирателя буду ходить по этимъ дорогамъ, лѣсамъ, полямъ... Не хотѣлось вѣрить въ возможность подобнаго счастья.

Еще Койнинъ не ушелъ изъ „одиночки", какъ мы начали перекликаться и разговаривать другъ съ другомъ, обсуждая полученное извѣстіе. Надзиратели, было, запротестовали противъ такихъ „вольностей", но, понявъ безполезность своего протеста, махнули рукой. На нашу просьбу открыть камеры отъ Койнина послѣдовалъ отказъ, и мы, запертые по своимъ кельямъ, перекликались въ отдушины надъ дверьми. Чувствуя каждый на себѣ всю силу охватившаго его волненія, мы начали успокаивать другъ друга, уговаривать не волноваться. Но, конечно, все это было безполезно. И ночью никто не могъ соснуть ни на минуту.

Результатомъ такого возбужденія, въ связи съ систематическимъ разстройствомъ нервной системы годами одиночнаго заключенія и всѣмъ тюремнымъ режимомъ, было то, что въ Чугуевѣ и позднѣе въ вагонѣ желѣзной дороги съ нѣкоторыми изъ товарищей случились форменные припадки эпилепсіи, которые г. Виташевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о централкѣ, помѣщенныхъ въ іюльской книжкѣ „Былого" за 1906 годъ, мягко называетъ обмороками.

Помимо всего остального, при отъѣздѣ изъ централки меня чрезвычайно поразили офицеры батальона, несшаго при тюрьмѣ караулъ, вышедшіе къ намъ, когда насъ разсаживали по телѣгамъ передъ воротами тюрьмы, угощавшіе насъ папиросами, разговаривавшіе съ нами.

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія я близко знакомъ былъ съ офицерской армейской средой и ея представителями. Пьянство и карты заполняли тогда досуги офицерства, въ особенности молодого, а затѣмъ невѣжество было характернымъ для всѣхъ. Теперь же подходившіе къ намъ офицеры, побывавшіе въ турецкую кампанію за границей, говорили съ нами объ общественныхъ явленіяхъ, дѣлали имъ оцѣнку, разбирались въ тѣхъ и другихъ фактахъ общественной жизни и видѣли въ насъ не только арестантовъ, а людей идеи, сущность которой не чужда была и имъ.

Въ Харьковъ мы прибыли на другой день къ вечеру и были помѣщены въ просторной камерѣ подвальнаго этажа, куда вслѣдъ за нами стали вводить товарищей, находившихся

въ Ново-Борисоглѣбской тюрьмѣ и съ которыми большинство изъ насъ не было даже вовсе знакомо ранѣе. Пошли разговоры, разспросы, сообщенія, воспоминанія, разсужденія, и общее возбужденіе не утихало, а, напротивъ, росло и усиливалось. Въ камеру откуда-то намъ притащили большія жестяныя чашки съ кипяткомъ, пакетъ чаю, большой кулекъ пиленнаго сахару и множество французскихъ булокъ. Непосредственно за этимъ появилась чайная посуда въ видѣ стакановъ, кружекъ, блюдецъ, причемъ намъ объяснили, что все это сдѣлано по распоряженію губернатора.

Это была мелочь, пустякъ, конечно, но послѣ центральнаго режима, когда въ исключительныхъ случаяхъ и кратковременно, вслѣдствіе больничнаго положенія, отпускали по жестяной кружкѣ чаю съ сиротливымъ кусочкомъ сахару, подобное „изобиліе“ вызывало чувство ощущеніе нѣкотораго довольства.

Принято было, наливъ себѣ стаканъ чаю и расположившись гдѣ-нибудь на нарахъ, вести бесѣду съ товарищемъ о разныхъ интересныхъ предметахъ.

На другое утро опять повторился чай, послѣ котораго къ намъ заявился генералъ Грессеръ. Привѣтствовавъ насъ весьма любезно, онъ освѣдомился получили ли мы чай и сахаръ, желая, очевидно, лишь выслушать отъ насъ выраженія благодарности, потому что груда сахару, чайники и стаканы виднѣлись тутъ же на нарахъ, ничѣмъ не прикрытые. Сказавъ еще нѣсколько словъ о томъ, что онъ приложитъ все стараніе къ тому, чтобы намъ было по возможности удобно и, кажется, о томъ, что насъ вечеромъ отправятъ въ Мценскъ, генералъ, съ истинной ловкостью военнаго человѣка, отвѣсилъ поклонъ, щелкнулъ шпорами и, сопровождаемый невнятнымъ бормотаніемъ съ нашей стороны,—не то выраженія благодарности, не то прощанія,—скрылся за дверью камеры.

Если, съ одной стороны, нѣкоторое улучшеніе въ нашемъ положеніи, въ особенности въ матеріальномъ отношеніи, намъ было и пріятно, то съ другой—эта мгновенная, рѣзкая разница въ обращеніи съ нами, по своей мгновенности, въ зависимости отъ „вѣяній“, положительно насъ коробила. Вчера грубое, умышленно - унизительное, „по инструкціи“ „ты“, кандалы, позорное бритье полголовы, а сегодня—„господа“, „будьте добры“, „потрудитесь“, любезные жесты, улыбки, поклоны...

Нѣкоторые изъ насъ не выдержали и, помню, покойный Дмитрій Рогачевъ, слегка шаржируя, представилъ тотчасъ же любезничающаго, по приказанію „свыше“, съ каторжниками-политическими губернатора Грессера. Глядя на слегка подчеркнутыя товарищемъ жестикуляцію и улыбки генерала, невольно думалось, что будь иное „вѣяніе“, кивни ему кто-нибудь иначе „сверху“, улыбки превратились бы въ грубую брань, и жестикуляція измѣнилась бы соотвѣтственно...

Вечеромъ насъ отправили всѣхъ на извозчикахъ, въ сопровожденіи жандармовъ, солдатъ и околодочныхъ, на желѣзнодорожный вокзалъ, причемъ это „препровожденіе“ носило довольно таки курьезный характеръ. На извозчика садился одинъ изъ насъ, слѣва подлѣ него, слегка обнимая за талію, околодочный или жандармъ, а напротивъ, прислонившись спиной къ козламъ, солдатъ съ ружьемъ и фонаремъ въ рукѣ. Длинной процессіей съ фонарями, извозчикахъ на сорока, прослѣдовали мы на вокзалъ, сѣли въ вагоны и поздно ночью прибыли въ Мценскъ. Здѣсь, съ желѣзнодорожнаго вокзала, кажется, въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, тоже на извозчикахъ насъ привезли въ тюрьму.

Надо думать, что посѣщавшія насъ въ послѣднее время въ центральной тюрьмѣ превосходительства воочію убѣдились въ ужасѣ нашего положенія обреченныхъ на болѣе или менѣе медленную смерть съ предварительной для многихъ потерей разсудка и сообщили кому слѣдуетъ объ этомъ. Надо думать также, что послѣднихъ нѣсколько зазрила совѣсть, потому что мценская тюрьма предназначена была для нашего отдохновенія и поправленія здоровья передъ дальнѣйшимъ слѣдованіемъ въ Сибирь.

Въ то время для отправки въ Сибирь уголовныхъ арестантовъ сбивали за зиму въ большія партіи и лишь съ весны изъ Москвы отправляли этапнымъ порядкомъ по Владимиркѣ. Для насъ же отчасти такимъ сборнымъ пунктомъ избранъ былъ почему-то уѣздный городъ Орловской губ.,—Мценскъ. Уголовныхъ арестантовъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не можетъ обходиться ни одинъ городъ въ современномъ обществѣ, изъ занимаемой ими тюрьмы куда-то выселили временно; помѣщеніе, вѣроятно, дезинфецировали, побѣлили; вмѣсто традиціонныхъ наръ поставили желѣзныя кровати съ обычными больничными тюфяками и бѣльемъ; мымрецовски-держимордовскаго типа надзирателей и смотрителя замѣнили выписанными изъ петербургскаго дома предварительнаго заключенія, и условія для нашего отдохновенія и поправки были готовы.

Надо добавить, и это главное, что, спустя нѣкоторое время послѣ нашего прибытія въ Мценскъ, намъ объявлена была „милость“, состоявшая въ томъ, какъ говорилось въ бумагѣ по этому случаю, что, принимая во вниманіе то вредное вліяніе на нашу нервную систему и вообще на наши организмы, какое имѣло заключеніе въ центральной тюрьмѣ (громадный процентъ—25% — сумасшедшихъ и смерти, въ теченіе 2-3 лѣтъ—5%) для поправленія здоровья, по Высочайшему повелѣнію кормовыхъ рѣшено отпустить намъ на человѣка по 60 коп. въ день.

Въ тюрьмѣ насъ встрѣтилъ не обычный смотритель въ обще-полицейской формѣ, а „управляющій“, одѣтый въ черный

сюртукъ съ металлическими пуговицами. Фамилія управл. была Побылевскій, и ранѣе онъ былъ, какъ говорили побывавшіе въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія, помощникомъ управляющаго этимъ домомъ; надзиратели тоже были безъ сабель, и револьверъ, кажись, былъ лишь у старшаго. Для нашего помѣщенія приготовлено было нѣсколько камеръ, причемъ намъ предложили размѣститься какъ и съ кѣмъ кто хочетъ; желающіе остаться въ одиночествѣ могли занять отдѣльныя, небольшія камеры.

Размѣстились прибывшіе группами, частью по принадлежности къ одному процессу, частью по личнымъ симпатіямъ, существовавшимъ ранѣе, либо возникшимъ въ теченіе кратковременнаго знакомства съ момента прекращенія одиночнаго заключенія.

Порядокъ въ тюрьмѣ существовалъ такой: часовъ въ 6 утра отпирались камеры и коридоры. Заключенные вставали позже, умывались, прибирали постели, подметали у себя въ камерахъ и отправлялись въ общую столовую пить чай въ неограниченномъ количествѣ, сколько кто хотѣлъ, причемъ, кромѣ сахара, каждому полагалась булка. Затѣмъ каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ, большею частью читали, въ особенности журналы, которыхъ намъ въ „централкѣ“ не давали. Для желающихъ въ одной изъ камеръ второго этажа поставлены были два столярныхъ верстака съ небольшимъ количествомъ инструментовъ. Нѣкоторые занялись тамъ изготовленіемъ кое-какихъ вещицъ для подарковъ роднымъ и близкимъ. Часа въ два дня въ ту же столовую сходились всѣ къ обѣду, приготовленному особо нанятымъ „вольнымъ“ поваромъ, по заказу старосты (насколько мнѣ помнится, старостой у насъ былъ избранъ Порфирій Ивановичъ Войнаральскій, оставшійся въ этой должности до самаго увоза насъ изъ Мценска) изъ двухъ блюдъ, назначаемыхъ обыкновенно наканунѣ рѣшеніемъ большинства голосовъ. Раздавался обѣдъ особыми дежурными по очереди, при чемъ одинъ распредѣлялъ кушанья по тарелкамъ, а два другихъ разносили послѣдніе. Такимъ же порядкомъ часовъ въ 8 ужинали.

Столовая служила не только мѣстомъ для обѣда и ужина, но сюда же собирались на сходки для рѣшенія различныхъ внутреннихъ, большей частью хозяйственнаго характера, вопросовъ, и для бесѣдъ, которыя длились далеко за полночь.

Послѣ этого камеры запирались до утра. Замѣчательно было то, что насъ нисколько не притѣсняли повѣрками, которыя въ обыкновенныхъ тюрьмахъ производятся обязательно три раза въ день и всегда вызываютъ невольное раздраженіе повѣряемыхъ. Въ Мценскѣ мы никогда не замѣчали того, что насъ повѣряютъ, а изъ этого слѣдуетъ что, при желаніи, можно же избѣгать излишняго раздраженія заключенныхъ.

Бесѣды въ первое время были въ большомъ ходу и носили чрезвычайно оживленный, подчасъ, можно сказать, страстный характеръ, причемъ на нихъ обсуждались, главнымъ образомъ, вопросы програмнаго свойства. То было время самаго сильнаго расцвѣта группы или, какъ она себя называла, партіи „Народной Воли". И вотъ, народовольческая программа, а вмѣстѣ съ нею и практическая дѣятельность данной революціонной группы съ точки зрѣнія принциповъ этой дѣятельности служили главными предметами обсужденія на нашихъ бесѣдахъ.

Насколько я могу въ настоящее время припомнить, защитниковъ среди насъ, „централистовъ", старыхъ народниковъ, ни программа народовольцевъ, ни ихъ практическая дѣятельность, въ особенности защитниковъ принципіальныхъ, не встрѣчали почти вовсе. Были единичныя личности изъ наиболѣе молодыхъ, которыя проявляли нѣкоторую склонность поддерживать отдѣльныя положенія народовольцевъ, но онѣ встрѣчали дружный отпоръ со стороны огромнаго большинства.

Вначалѣ въ мценской тюрьмѣ, кромѣ насъ - „централистовъ", находились еще четверо административно-ссылаемыхъ въ Сибирь—нѣкіе Казанскій, Пшибысовъ, Левченко (послѣдній—братъ сосланнаго на Кару по кіевскому процессу) и Дебагорій-Мокріевичъ, братъ Кіевскаго; лишь къ веснѣ, передъ Пасхой, кажись, къ намъ помѣстили изъ Харькова Буцынскаго, присужденнаго къ каторжнымъ работамъ кіевскимъ военнымъ судомъ, юношу, почти мальчика, Сыцянко, сына профессора харьковскаго университета, Хрущова, рабочаго—въ каторжныя работы, бѣжавшаго впослѣдствіи вмѣстѣ съ Мышкинымъ съ Кары и задержаннаго въ Владивостокѣ, и нѣкоего Легкаго, тоже почти мальчика, присужденнаго на поселеніе и потомъ повѣшеннаго въ иркутской тюрьмѣ за убійство надзирателя при попыткѣ бѣжать.

Съ прибытіемъ въ тюрьму несомнѣнныхъ народовольцевъ дебаты въ столовой временно оживились вновь, но не надолго: ужъ сильно набили оскомину прежніе програмные споры, такъ сказать, въ пустомъ пространствѣ, ибо, не говоря уже о томъ, что приходи они даже къ какому-нибудь концу, все бы изъ этого ничего не было,—спорившимъ предстояло еще много лѣтъ прожить изъятыми изъ общества живыхъ людей.

Да и вообще, къ чему были теоретическіе, безплодные споры въ четырехъ стѣнахъ, когда тамъ, за тюремной оградой, въ живой Россіи кипѣла жизнь, зацвѣтали надежды на лучшее будущее, на свободу...

Мы выписывали нѣсколько ежедневныхъ газетъ, припоминаю, между прочимъ, „Молву" и „Порядокъ", которыя съ жадностью прочитывали отъ доски до доски. Такъ какъ

газеты выписывались въ одномъ экземплярѣ и потому читать ихъ въ одиночку желающими представлялось неудобнымъ,—не всѣ успѣвали бы прочесть,—то были избраны два или три лица, которыя обязаны были прочитывать газеты и дѣлать изъ нихъ доклады всѣмъ, собиравшимся въ опредѣленное время въ столовой, о болѣе выдающихся фактахъ мiровой жизни, жизни Россiи, политическомъ движенiи и т. п. Наиболѣе интересныя или наиболѣе талантливо написанныя статьи прочитывались тутъ же въ подлинникѣ.

Прочитанное и доложенное, по окончанiи докладовъ и чтенiя, подвергалось присутствующими немедленно обсужденiю. И споры теперь загорались не по поводу отвлеченностей той или другой программы, а по поводу реальныхъ фактовъ текущей дѣйствительности и ихъ значенiя въ общественной и государственной жизни.

Всѣ до того истомились и перенесеннымъ лично на своей шкурѣ, если позволено мнѣ тамъ выразиться, и пережитымъ за реакцiонный перiодъ (который ?) всей родиной, что каждый фактъ, подчасъ самаго незначительнаго характера, почти всѣ старались истолковать въ благопрiятномъ смыслѣ въ дѣлѣ приближенiя къ свободѣ, хотя бы въ формѣ октроированной конституцiи.

Намъ, старымъ соцiалистамъ, когда-то совершенно выкинувшимъ политическiй элементъ изъ своей программы, конечно, неловко было выказывать радость казавшемуся приближенiю политической свободы, но, „снисходительно“ по наружности, въ душѣ жѐ съ большимъ удовольствiемъ мы признавали допустимымъ такое приближенiе. Пессимистовъ, помню, среди насъ почти не было, и споры велись большей частью въ сферѣ степени значенiя того или иного общественнаго явленiя для дѣла соцiальной революцiи.

Во время этихъ споровъ было какъ-то обращено вниманiе на то положенiе, какое до тѣхъ поръ революцiонныя группы занимали въ обществѣ и въ народѣ. Положенiе какой-то сектантской отчужденности безусловно всѣми порицалось и, исходя изъ этого порицанiя, намѣчались различныя тактическiя программы будущаго.

Не могу при этомъ не вспомнить покойнаго Ипполита Никитича Мышкина, особенно горячо осуждавшаго ошибочность предыдущей революцiонной тактики, ставившей дѣятелей революцiи въ исключительное, чуждое всѣмъ сколько-нибудь инако вѣрующимъ группамъ и классамъ населенiя положенiе. Съ своей стороны, онъ рекомендовалъ, оставивъ, конечно, старый путь, не отрываться отъ общества, а, наоборотъ, примкнуть къ нему вплотную, слиться съ нимъ, стать его близкими, дорогими, хорошо ему извѣстными членами. Для этого, по его мнѣнiю, необходимо, чтобы революцiонеры не отрицали никакой изъ существующихъ легальной дѣ-

ятельности. Оставаясь революціонерами-соціалистами, они должны были, по проекту Мышкина, принимать участіе въ земской дѣятельности, баллотируясь въ глассные, служа въ управахъ и т. д. Мало того, тѣ же соціалисты-революціонеры не должны были чуждаться и службы государственной, а занимать въ ней самыя разнообразныя должности, начиная, напр., съ губернатора и кончая даже становымъ, не говоря уже, разумѣется, о другихъ вѣдомствахъ. Оставаясь въ должностяхъ членовъ и предсѣдателей земскихъ управъ, напр., или тамъ исправниковъ, становыхъ, акцизныхъ, почтмейстеровъ, инженеровъ и т. п., соціалисты-революціонеры, какъ думалъ Мышкинъ, во-первыхъ, косвенно помогали бы партіи, устраняя различныя препятствія, по своему положенію, ставимыя ея дѣятельности „сверху". Во-вторыхъ, занимая то же положеніе, соціалисты-революціонеры—земцы и чиновники могли бы и прямо содѣйствовать революціи, ведя исподволь среди круга своего общества соціалистическую пропаганду, а въ крайнихъ случаяхъ становясь даже открыто на сторону революціи. Если бы въ послѣднемъ случаѣ такому земцу или чиновнику пришлось въ концѣ концовъ и пострадать, т. е. попасть на висѣлицу или въ ссылку, то и тогда это являлось бы нѣкоторымъ выигрышемъ для дѣла. Такого земца или чиновника многіе и многіе знали, водили съ нимъ знакомство, дружбу; онъ былъ у многихъ своимъ человѣкомъ, со многими пріятель, для многихъ нужный, дорогой, любимый человѣкъ; и его казнь или ссылка имѣли бы поражающее значеніе для многихъ и чрезвычайный интересъ для всѣхъ. Арестъ, а тѣмъ болѣе казнь или ссылка такого человѣка взбудоражили бы все мѣстное общество, изъ среды котораго его бы изъяли, потому что онъ былъ бы членомъ этого общества. А теперь что? Арестовали какого-нибудь Мышкина. Кто и что, кромѣ его родныхъ и товарищей по дѣлу, объ немъ знаетъ? Никто и ничего, и изъятіе его изъ среды общества проходитъ совершенно незамѣтно, не тревожа, не волнуя никого и не возбуждая ни въ комъ сколько-нибудь живого интереса, развивалъ свой проектъ Ипполитъ Никитичъ.

Сочувствія или поддержки мышкинскій проектъ не встрѣтилъ никакой и лишь два-три изъ самыхъ молодыхъ среди насъ-интеллигентовъ, да столько же изъ рабочихъ, наименѣе развитыхъ, въ родѣ Александрова и Герасимова, вообще находившихся подъ обояніемъ личности Мышкина, соглашались съ нимъ. Среди насъ этотъ проектъ подвергся жесточайшей критикѣ и даже, можно сказать, осмѣянію, въ особенности со стороны Мих. Петр. Сажина, не безъ остроумія сравнивавшаго его съ проектомъ Манилова.

Остановился я нѣсколько на этомъ проектѣ лишь какъ на характерномъ признакѣ того относительно мирнаго на-

строенія, въ какомъ находились вообще наиболѣе выдающіеся и ярые, по мнѣнію правительства, среди насъ революціонеры въ то время. Несогласіе съ проектомъ большинства насъ вызывалось отнюдь не склонностью къ болѣе рѣшительнымъ, въ особенности террористическимъ пріемамъ, а разницей въ воззрѣніяхъ на революціонное дѣло вообще. Большинство изъ насъ, какъ я уже сказалъ, были и оставались еще въ то время чистыми народниками, девизомъ которыхъ было: „все для народа и все черезъ народъ".

Кромѣ какъ изъ газетъ, о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, мы узнавали отъ многочисленныхъ родственниковъ, пріѣзжавшихъ къ намъ подчасъ издалека на свиданія, которыя зависѣли отъ разрѣшенія орловскаго губернатора, не чинившаго въ этомъ отношеніи никакихъ препятствій. И опять, въ данномъ случаѣ рѣзко поражала насъ та разница, какая существовала въ этомъ вопросѣ между „централкой" и теперешнимъ мѣстомъ нашего заключенія; между тѣмъ, что было, можно сказать, вчера, и тѣмъ, что наступило сегодня. Ни въ характерѣ революціоннаго движенія, ни въ нашихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ не произошло никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ, а между тѣмъ какая разница...

Свѣдѣнія, получаемыя нами отъ родственниковъ, не были вовсе сплошь нелегальнаго, революціоннаго характера, а относились къ разряду появляющихся въ газетахъ, но лишь, такъ сказать, сверхцензурнаго свойства, такъ какъ, несмотря на весь либерализмъ, какимъ, съ разрѣшенія начальства, отличалось въ то время цензурное вѣдомство, многія явленія общественной жизни, а въ особенности ихъ свободное обсужденіе, были подъ запретомъ.

Либеральныя вѣянія „сверху" до того, очевидно, были сильны въ то время, что, несомнѣнно, сбивали съ толку нѣкоторыхъ помпадуровъ, прекрасно усвоившихъ себѣ ранѣе мымрецовскій принципъ „тащить и не пущать". Довольно характернымъ въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, можно считать пріѣздъ въ Мценскъ тогдашняго орловскаго губернатора генерала Бибикова, съ единственной, очевидно, цѣлью посѣтить нашу тюрьму. Характерна въ высшей степени при этомъ даже рѣзкая перемѣна въ системѣ посѣщенія тюрьмы.

Вообще эта система довольно хорошо извѣстна. Является этакій олимпіецъ, если военный, налетаетъ орломъ и, при либеральныхъ вѣяніяхъ, опрашиваетъ по камерамъ съ благосклонной улыбкой „претензіи". Потомъ, щелкаетъ шпорами и, à la Грессеръ, отвѣсивъ поклонъ, величественно удаляется. Въ этотъ же разъ генералъ Бибиковъ поступилъ совершенно по иному. Онъ совершенно незамѣтно прошелъ въ одну изъ камеръ второго этажа, называвшуюся почему-то сперва конторой, а потомъ превращенную въ комнату для общихъ свиданій, и остался тамъ одинъ, усѣвшись на стулѣ. Насъ по

одному вызывали въ контору. Здѣсь генералъ приглашалъ насъ садиться на рядомъ съ нимъ стоявшій стулъ, говорилъ нѣсколько сочувственныхъ словъ, пожималъ намъ руки и, прощаясь съ нами, высказывалъ надежду встрѣтиться съ нами при лучшихъ для насъ условіяхъ или, какъ у него неудачно иногда выходило, „въ лучшей жизни". Послѣдняя неудачная формула бюрократическаго любезничанія съ нами по кивку „сверху" послужила поводомъ для нѣкоторыхъ поострить надъ старикомъ генераломъ, который будто бы, чувствуя скорый конецъ своего пребыванія на землѣ, выражалъ надежду встрѣтиться съ нами въ загробной жизни.

Уходя изъ „конторы" послѣ свиданія съ генераломъ Бибиковымъ, многіе изъ насъ, я увѣренъ, невольно вспомнили другое посѣщеніе другого генерала въ другомъ мѣстѣ,—посѣщеніе въ централкѣ генерала В—я, вваливавшагося, не снимая шапки, въ камеру и заявлявшаго съ циничной откровенностью: „я всѣ *твои* письма къ роднымъ читаю".

Кромѣ губернатора Бибикова, за все время нашего пребыванія въ мценской тюрьмѣ изъ „начальства" насъ посѣтилъ только мценскій исправникъ Герасимовъ, который, очевидно, чувствовалъ себя весьма неудобно въ роли либеральнаго чиновника, какимъ ему по тому времени надлежало быть, потому что онъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и выразилъ нѣкоторое недовольство нами, не оказавшими въ достаточной степени подобавшаго ему, какъ начальнику уѣзда, почтенія. Въ чемъ тутъ было дѣло, я уже, конечно, не помню, но знаю лишь, что г. Герасимовъ въ такомъ родѣ жаловался управляющему тюрьмой Побылевскому, который, смѣясь, сообщилъ намъ объ этой курьезной жалобѣ.

Больше изъ „начальства" насъ никто не безпокоилъ, и жизнь наша протекала, можно сказать, мирно и спокойно.

Пшибысовъ, посѣщавшій ранѣе какую-то Консерваторію и мараковавшій нѣсколько въ музыкѣ, составилъ изъ насъ небольшой, человѣкъ въ 15, хоръ, который, разучивъ нѣсколько пѣсенъ, велико и малорусскихъ, увеселялъ всѣхъ по вечерамъ, въ особенности въ дни какихъ-нибудь общихъ или частныхъ торжествъ и празднествъ.

Кромѣ увеселенія своихъ или приходившихъ на свиданія родственниковъ, нашъ хоръ для развлеченія сталъ пѣвать въ имѣвшейся при тюрьмѣ, кажись, приходской церкви обѣдню, за что мѣстный попъ, посѣщеніе церкви прихожанами котораго послѣ этого, видимо, увеличилось, былъ намъ очень признателенъ.

Несмотря на то, какъ я уже говорилъ выше, что среди насъ не оказывалось почти никого, кто бы вполнѣ раздѣлялъ программу народовольцевъ, мы, тѣмъ не менѣе, завязали съ ними сношенія и поддерживали ихъ съ „Исполнительнымъ Комитетомъ" вплоть до момента высылки въ Си-

бирь. Сношенія эти завязаны были и поддерживались исключительно на почвѣ вопроса о воспособленіи намъ въ побѣгахъ, о которыхъ подумывали изъ насъ многіе. Среди насъ образовался даже тогда особый кружокъ, имѣвшій цѣлью взаимопомощь при совершеніи побѣговъ. Кружокъ этотъ, разумѣется, оказался мертворожденнымъ, какъ по неимѣнію матеріальныхъ средствъ въ сколько-нибудь достаточномъ количествѣ, такъ и потому, что члены его разселены были впослѣдствіи на тысячеверстныя разстоянія одинъ отъ другого. Но тогда мы были молоды и преисполнены надеждъ и не могли предвидѣть будущаго. Кстати, думается, будетъ упомянуть, что, уѣзжая изъ „централки", почти всѣ изъ насъ были въ значительной степени увѣрены, что отправляются въ Сибирь на поселеніе, хотя и не кончили срока каторги. По крайней мѣрѣ, смотритель Койнинъ, когда его объ этомъ спрашивали передъ оправкой изъ тюрьмы, почти категорически говорилъ, что на поселеніе. Такая увѣренность была у нас еще, помню, даже и въ Тюмени, гдѣ заявленіе тюремной администраціи или приказа о ссыльныхъ о томъ, что мы высылаемся въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири, какъ бы подкрѣпилъ еще болѣе эту увѣренность.

Народовольческій Исполнительный Комитетъ отвѣчалъ намъ полной готовностью помочь въ побѣгахъ и предлагалъ это сдѣлать тогда же въ Мценскѣ, но мы всѣ отъ послѣдняго предложенія отказались, рѣшивъ здѣсь не дѣлать никакихъ попытокъ, хотя осуществить ихъ ничего не было легче. Такое свое постановленіе мы мотивировали, съ одной стороны, нежеланіемъ подвергать отвѣтственности управляющаго Побылевскаго, обращавшагося съ нами положительно благородно, если это выраженіе, вообще, допустимо по отношенію къ дѣятельности тюремщика, а съ другой—нежеланіемъ подвергать остальныхъ товарищей различнымъ стѣсненіямъ, какія неминуемо послѣдовали бы для нихъ послѣ чьего бы то ни было побѣга изъ тюрьмы.

Побѣги мы предполагали совершать дорогой по Сибири, относительно чего и условились съ Исполнительнымъ Комитетомъ, увѣрившимъ насъ въ своемъ самомъ основательномъ содѣйствіи.

Но... тщетно мы впослѣдствіи, вплоть до Красноярска, старались увидать въ опредѣленныхъ мѣстахъ условные знаки, которые должны были извѣщать насъ о принятыхъ мѣрахъ. Такихъ знаковъ нигдѣ не было.

Потомъ ужъ, кажись, въ Иркутскѣ мы узнали, что какихъ-то два молодыхъ человѣка пролетѣли послѣ насъ на тройкѣ до Красноярска, повернулись тамъ и укатили обратно. Много лѣтъ спустя мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ этихъ таинственныхъ путешественниковъ, и онъ объяс-

нялъ мнѣ всю неудачу тѣмъ, что они, по какой-то случайности, опоздали.

При описанныхъ выше условіяхъ пребыванія съ специально приготовленной для насъ мценской тюрьмѣ мы, уцѣлѣвшіе, поправляли свое здоровье, укрѣпляли разстроенные „централкой“ нервы въ ожиданіи лучшихъ дней, которые, судя по газетнымъ извѣстіямъ, видимо, приближались. Доклады и чтеніе газетъ въ столовой продолжались попрежнему, и, помню, мы съ истиннымъ наслажденіемъ выслушивали статьи, трактовавшія о возмутительной незаконности административной ссылки. Какими смѣлыми онѣ казались намъ въ то время!.. По мѣрѣ появленія такихъ статей, казалось внутренній политическій горизонтъ все болѣе очищался отъ скопившихся на немъ мрачныхъ тучъ реакціи, и все, повидимому, сулило впереди ясные дни, безоблачное небо гражданской свободы. Того, что случилось вскорѣ, изъ насъ, заключенныхъ, не ожидалъ, не предугадывалъ, не предполагалъ и не допускалъ даже никто въ то время.

Часа въ 2 или въ 1 часъ дня 1-го марта 1881-го года совершенно неожиданно пришелъ къ намъ никогда безъ особенной надобности или безъ вызова съ нашей стороны не появлявшійся въ тюрьмѣ управляющій Побылевскій и сообщилъ о взрывѣ бомбъ на Екатерининскомъ каналѣ и о послѣдствіяхъ этого взрыва.

Мы всѣ были поражены неожиданностью этого извѣстія и въ первый моментъ не могли себѣ дать яснаго отчета, какъ къ нему отнестись.

Но, спустя нѣсколько минутъ, всѣ заволновались, заговорили, зашумѣли, торопясь выразить въ словахъ то впечатлѣніе, какое на кого произвело событіе 1-го марта. Вскорѣ получились агентскія телеграммы о происшедшемъ съ нѣкоторыми подробностями, и волненіе усилилось еще больше.

Возстановляя въ памяти въ настоящее время то, что пришлось переживать четверть вѣка тому назадъ, и стараясь возможно объективнѣе отнестить къ наблюденному тогда, я могу, мнѣ кажется, не ошибаясь грубо, сказать, что большинство, громадное большинство, заключенныхъ въ то время въ мценской тюрьмѣ отнеслось отрицательно къ дѣлу 1 марта. Насколько я могу разобраться въ мотивахъ такого отношенія, то они состояли въ томъ, что первомартовское убійство считалось не только безполезнымъ, ненужнымъ, ошибочнымъ, но даже прямо вреднымъ для дѣла соціальной революціи, свободы народа.

Было среди насъ человѣка два, не больше, увлекающихся оптимистовъ, которые искренно были увѣрены, что смерть Александра II окажется чрезвычайно продуктивной въ положительномъ смыслѣ для освободительнаго движенія; было нѣсколько еще и такихъ, которые поддерживали

этихъ искреннихъ оптимистовъ, но или въ силу личнаго расположенія къ первымъ, или въ силу того, что имъ хотѣлось самимъ вѣрить такимъ послѣдствіямъ.

Оптимисты чрезвычайно горячо старались доказывать остальнымъ неизбѣжность немедленнаго или, во всякомъ случаѣ, скораго объявленія „конституціи", хотя эти доказательства по своей убѣдительности были чрезвычайно слабы. Друзья оптимистически настроенныхъ старались ихъ поддержать, но поддержка эта была еще слабѣе и, конечно, никого изъ остальныхъ не убѣдила.

Большинство изъ насъ, не сознавая, вѣроятно, умомъ, чувствовало сердцемъ, какъ мрачная, тупая, свинцово-тяжелая, безпросвѣтная реакція надвигалась на русскую жизнь и на многіе годы тормазила движеніе къ свободѣ народа...

Пессимисты тотчасъ же указали на первые признаки приближенія „конституціоннаго" режима. Сейчасъ же послѣ полученія официальнаго извѣстія о случившемся на Екатерининскомъ каналѣ вокругъ занимаемой нами тюрьмы, въ разстояніи десятка полутора сажень отъ ограды, разставили вторую цѣпь часовыхъ, что мы могли наблюдать изъ оконъ второго этажа.

Съ какою цѣлью было увеличено вдвое число часовыхъ вокругъ тюрьмы, мы, конечно, не знали и могли только высказывать предположеніе, что либо начальство опасается нападенія на тюрьму, съ цѣлью нашего освобожденія, революціонеровъ, либо, опасаясь взрыва негодованія толпы по поводу происшедшаго въ Петербургѣ, рѣшило оградить насъ отъ нападенія этой толпы. Какъ тотъ, такъ и другой случай далеко не указываетъ на близость конституціи.

Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, споры между оптимистами и настроенными пессимистически ничѣмъ не кончились, несмотря на всю ихъ горячность, и рѣшить ихъ предстояло только времени, что оно и сдѣлало, какъ мы знаемъ теперь, въ пользу послѣднихъ.

Положимъ, страстность и горячность оптимистовъ начали очень скоро ослабѣвать, потому что ближайшіе факты общественной жизни и правительственной политики доказывали несостоятельность ихъ выводовъ и положеній.

Отставка Лорисъ-Меликова, назначеніе гр. Игнатьева и первые его шаги по управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ могли служить яснымъ указаніемъ на то, чего можно было ожидать въ будущемъ. Но лучшимъ показателемъ этого будущаго были газеты, рѣзко, до неузнаваемости перемѣнившія тонъ. Вмѣсто связной, ясной рѣчи, пытавшейся изрѣдка называть вещи ихъ именами, сразу послышался невнятный дѣтсткій лепетъ, а подчасъ и явная склонность лизать тяжелую жандармскую пяту, придавившую всю печать.

Политическій горизонтъ сразу покрыли сѣро-свинцовые

тучи тягучей реакціи, и блеснувшій было на минуту свѣтлый отблескъ зари свободы погасъ надолго...

На тюремныхъ порядкахъ, т. е. на отношеніи администраціи къ заключеннымъ 1-е марта не отозвалось ничѣмъ, и все оставалось попрежнему. То ли это зависѣло отъ управляющаго, непохожаго на смотрителей „централки“—Грицелевскаго и Койнина, то ли про насъ забыли на время, но репрессій мы не испытывали никакихъ до самаго дня отправки въ Сибирь.

На ряду съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело на тюрьму извѣстіе о 1-мъ марта, нельзя не вспомнить и небольшого, отчасти комическо-пародоксальнаго эпизода въ той же тюрьмѣ, вызваннаго тѣмъ же извѣстіемъ.

Дѣло въ томъ, что, получивъ офиціальное сообщеніе о случившемся на Екатерининскомъ каналѣ, мѣстный попъ, по долгу службы обязанъ былъ тотчасъ же отслужить въ своей церкви панихиду по убіенномъ императорѣ Александрѣ II. Дьячекъ попа, конечно, не ожидавшій въ этотъ день никакой экстраординарной службы, то ли запилъ, то ли отлучился куда-нибудь по своимъ дѣламъ, но ко времени полученія попомъ сообщенія о необходимости приступить къ служенію панихиды отсутствовалъ и, вѣроятно, несмотря на самые тщательные поиски, найденъ не былъ или для своего дѣла не годился.

А панихиду служить необходимо было, хотя бы по одному тому, что въ противномъ случаѣ сочли бы крамольникомъ и могли учинить жестокую расправу. Сильно встревоженный попъ явился въ тюрьму и обратился къ заключеннымъ съ убѣдительнѣйшей просьбой помочь ему въ его затруднительномъ положеніи и позволить кому-нибудь изъ бывшихъ семинаристовъ, знакомыхъ съ церковными службами, буде таковые люди среди заключенныхъ имѣются, выступить въ роли дьячка на панихидѣ по Александрѣ II.

Среди всѣхъ заключенныхъ отыскался лишь одинъ, отвѣчавшій требованіямъ попа; это былъ Сиряковъ, осужденный въ каторжныя работы по одному процессу съ умершимъ въ центральной тюрьмѣ Дьяковымъ, за пропаганду въ Московскомъ гвардейскомъ полку.

Посовѣтовавшись съ товарищами и получивъ ихъ согласіе, Сиряковъ отправился въ церковь и помогъ попу выйти изъ затруднительнаго положенія. Роль дьячка онъ исполнилъ превосходно, и попъ остался ему и его товарищамъ чрезвычайно признательнымъ. Изъ міранъ на этой оригинальнѣйшей, по составу служившихъ, панихидѣ присутствовали только управляющій тюрьмой Побылевскій, да, кажись, старшій надзиратель или ключникъ.

Черезъ два съ половиной мѣсяца, снявъ предварительно со всѣхъ фотографическія карточки, насъ препроводили на

желѣзнодорожный вокзалъ для отправки дальше, въ Сибирь. Какъ производилось это препровожденіе, я не помню хорошенько, но, кажись, не на извозчикахъ, какъ въ октябрѣ. Помню лишь, что ко времени отхода поѣзда съ нашими двумя или тремя вагонами на перронѣ собралось довольно много посторонней, любопытствующей публики.

Поѣздъ тронулся и медленно-медленно покатился мимо стоявшей на перронѣ толпы. Провожавшіе насъ родственники махали платками и кричали, разумѣется, хорошія пожеланія; кое-кто и изъ посторонней, незнакомой намъ публики привѣтствовалъ насъ. И намъ, отправлявшимся въ дальній, тысячеверстный путь, въ невѣдомую тогда непріютную Сибирь, гдѣ многимъ, можетъ быть, предстояло закончить свое земное существованіе, въ высшей степени были пріятны эти незнакомыя намъ привѣтствія...

Поѣздъ двигается дальше, ускоряя ходъ, вонъ какая-то сѣрая фигура крикнула ура, подбросивъ шапку въ воздухъ, простыя грубыя руки изъ толпы осѣняютъ крестнымъ знаменемъ наши вагоны, умиленно-трогательное настроеніе испытываемъ, въ большей или меньшей степени, всѣ мы.

Но вотъ проплываетъ мимо оконъ вагона выдѣлившаяся впереди сѣрой толпы тощая фигура пожилого солдата въ отставкѣ.

— Камнемъ вамъ на дно!—кричитъ онъ, махая руками въ сторону нашихъ вагоновъ.

Умиленное настроеніе мигомъ исчезло, и въ душѣ зашевилась давно грызущая многихъ изъ насъ дума о томъ, что не скоро наступитъ еще то время, когда народъ уразумѣетъ, кто его друзья и кто—враги.

В. Илличъ-Свитычъ.

Изъ исторіи рабочаго движенія въ Ивано-Вознесенскомъ промышленномъ районѣ.

(1897—1900 г.г.)

Историческія судьбы села Кохмы и развитіе въ немъ крупной промышленности.

Лѣтъ двадцать тому назадъ съ лишнимъ въ полуверстѣ отъ Кохмы [1]), по Шуйской дорогѣ, стояла барская усадьба. Широкая березовая аллея вела къ старинному дому со службами, тѣнистый садъ съ заросшимъ прудомъ спускался къ рѣкѣ Уводи.

Въ домѣ доживала свой вѣкъ послѣдняя владѣлица усадьбы М. П. Новосильцева. Въ старинной прическѣ и платьѣ стариннаго фасона она по цѣлымъ часамъ сидѣла недвижная въ глубокомъ креслѣ у окна,—словно символъ умирающаго прошлаго,—задумчиво погруженная въ свои воспоминанія о далекихъ, когда-то свѣтлыхъ для нея временахъ.

Фрейлейна при дворѣ императора Николая I, она важно и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма радушно принимала по временамъ своихъ гостей и крестниковъ,—кохомскихъ фабрикантовъ и ихъ дѣтей, словно изъ глубины временъ помѣщичьяго владычества благословляя ихъ на новую власть надъ людьми. И въ самомъ дѣлѣ, за послѣдніе 40—45 лѣтъ власть помѣщичья быстро уступала въ окрестностяхъ Кохмы свое мѣсто власти промышленнаго капитала.

Рушился весь прежній укладъ, помѣщикамъ жить становилось нечѣмъ и не за чѣмъ...

1881 г. нанесъ М. П. Новосильцевой тяжкій ударъ: случилось что-то неслыханное,—она перестала понимать, что дѣлается вокругъ нея. Ея придворныя воспоминанія, связанныя съ личностью Александра II, вспыхнули въ послѣд-

---

[1]) Село Кохма Шуйскаго уѣзда находится въ 8 верстахъ отъ г. Иванова-Вознесенска и въ 18 отъ Шуи.

ній разъ яркимъ пламенемъ—и погасли. Какъ одинокій погибающій осколокъ старой помѣщичьей культуры, въ 1884 г. М. П. Новосильцева умерла. Вырубили березовую аллею, сожгли домъ, сломали службы. Садъ покрылся бурьяномъ,— и скоро отъ усадьбы не осталось слѣда.

За то въ Кохмѣ выросли новыя фабрики, и въ полной мѣрѣ расцвѣла новая власть надъ людьми—власть капитала.

Познакомиться съ исторіей села Кохмы и развитіемъ этой власти будетъ небезынтересно для читателей.

Наше село стало извѣстно въ началѣ XVII столѣтія (1619 г.) и называлось оно тогда Рождественнымъ [1])-Кохмою, составляя собственность боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, героя войнъ временъ самозванца.

По духовному завѣщанію кн. Анисьи Петровны Шуйской въ 1637 году село Кохма съ волостью въ 600 дворовъ перешло въ собственность Суздальскаго Архіерейскаго Дома.

„Преосвященные Архіереи владѣли (Кохмою)", говоритъ авторъ историческаго сказанія о градѣ *Суждаль*, соборный ключарь Ананій Өедоровъ, „и *ежегодно получали* (съ нея) оброкъ не малой" [2]).

Затѣмъ опредѣленіемъ монастырскаго приказа „тая волость за опредѣленную назначена, и оброкъ съ нея собирали въ Коллегію Экономіи, а изъ Коллегіи Экономіи отдана была иноземцу *Тамесу*, на содержаніе полотнянной фабрики" (при Петрѣ Великомъ).

Необходимо пояснить при этомъ, что нужды военныя и потребности преобразованія поставили предъ Петромъ Великимъ въ началѣ XVIII столѣтія задачу созданія русскихъ фабрикъ, и онъ, опираясь на капиталы, богато скопленные московскими торговыми людьми, а также иноземцами, щедро раздавалъ деревни и села промышленнымъ компаніямъ, желая обезпечить ихъ рабочими руками.

Иностранецъ Тамесъ сталъ тогда (въ 1720 г., по Я. П. Гарелину) во главѣ обширной компаніи русскихъ торговцевъ (Микляева, Шепелева, Пастухова, Карамышова, Попова, Неврева, Затрапезнаго и другихъ), затративши на устройство полотнянной мануфактуры капиталъ въ 51.700 руб. на тогдашнія

---

[1]) Въ честь церкви во имя Рождества Христова, существующей и до сихъ поръ.

[2]) Мѣстные жители разсказываютъ по слухамъ отъ своихъ предковъ, что преосвященные архіереи облагали Кохомцевъ оброкомъ съ каждыхъ воротъ. Такъ какъ это было обременительно, то жители начали строить дома, соединяя двѣ избы одними воротами. Тогда былъ изобрѣтенъ налогъ на окна. Въ результатѣ жители стали рубить въ избѣ только по одному окну, а по бокамъ его, вмѣсто обычныхъ двухъ другихъ, продѣлывать небольшія отверстія, такъ назыв., *волчьи* окна. Архіереи стали облагать Кохомцевъ съ дыма (съ трубы)—и Кохомцы стали топить избы по „черному". Въ концѣ концовъ, по преданію, за оброкъ въ пользу Архіерейкаго Дома снятъ съ колокольни и увезенъ изъ Кохмы колоколъ.

деньги. Изъ этой суммы 5000 рублей было получено компаніей въ ссуду отъ казны.

Легко себѣ представить, какъ жилось рабочимъ нановыхъ фабрикахъ. Правительство Петра I проявляло „безпредѣльную заботливость“ не къ рабочимъ, по мнѣнію одного лживаго историка, а по отношенію къ фабрикантамъ, желая цѣной невѣроятныхъ усилій создать въ Россіи—странѣ съ первобытнымъ хозяйствомъ, свою фабричную промышленность. Высочайшимъ указомъ 18 января 1721 года на „купецкихъ людей“ было распространено право покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни „подъ такой кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно.“ Спеціально Тамесу была дана привилегія, въ которой указывается, что поступающіе на фабрику ученики обязаны пробыть на ней не менѣе 10 лѣтъ (7 лѣтъ въ качествѣ учениковъ и не менѣе 3 лѣтъ въ качествѣ подмастерьевъ). За „подзываніе работныхъ людей съ одной фабрики на другія“ до истеченія урочнаго срока работы былъ назначенъ огромный штрафъ, этотъ штрафъ уплачивался виновнымъ фабрикантомъ, рабочій же возвращался на фабрику прежняго своего хозяина и подвергался тѣлесному наказанію. Для увеличенія числа рабочихъ рукъ на фабрику принимались бѣглые люди, ничѣмъ не прикрѣпленные къ ней. Это безпокоило фабрикантовъ, и въ 1736 году, между прочимъ, по прошенію Тамеса и его компаніоновъ, былъ изданъ Высочайшій указъ, по которому всѣ тѣ мастеровые, которые во время изданія указа будутъ находиться на фабрикахъ и будутъ обучены мастерству, должны *„вѣчно“* со всѣми своими семействами оставаться на фабрикахъ у настоящихъ владѣльцевъ. Такъ мастеровые были прикрѣплены къ фабрикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отданы въ полную власть фабрикантамъ. Послѣднимъ предоставлено было право наказывать „домашнимъ порядкомъ“ вѣчно отданныхъ имъ мастеровыхъ, „которые явятся невоздержанные и ни къ какому ученію не прилежные“, а также отправлять ихъ въ Коммерцъ-Коллегію „для ссылки въ дальніе города или на *Камчатку* на работу, чтобъ другимъ былъ страхъ.“

Короче, съ рабочими обращались, какъ съ настоящими рабами. Работали они обычно свыше 14 часовъ въ сутки, въ фабрикахъ было темно, грязно и сыро...

По смерти Петра Великаго, съ паденіемъ реформаторскихъ плановъ преобразователя, въ эпоху императрицъ чрезвычайно возросло вліяніе дворянства. Изъ купеческихъ рукъ фабрики стали переходить дворянамъ. Не миновала этой участи и Кохма.

Уже въ 1730 году она была „отдана во владѣніе Василью Яковлеву Господину Новосильцеву и Данилу Иванову Чевкину.“ „Въ томъ селѣ Кохмѣ,“ говоритъ лѣтописецъ суздальскій Ананій Ѳедоровъ, „жители большею частію

шерстобиты, коновалы и работные, которые въ разныя мѣста по паспортамъ бываютъ отлучены и оттого пищу себѣ пріобрѣтаютъ, а торговыхъ людей весьма мало."

Съ тѣхъ поръ во владѣніи Новосильцевыхъ, а частью и ихъ совладѣльцевъ и наслѣдниковъ, Кохма оставалась 130 лѣтъ вплоть до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года [1]).

А *работные* люди занимались своимъ ремесломъ: ткачествомъ, крашеніемъ холстовъ, пряжи и набивкою по холсту, такъ наз., синей кубовой *набойкой*, отправляясь для производства этого ремесла въ низовые города и губерніи по Волгѣ.

Съ уничтоженіемъ фабрики Тамеса возникла въ Кохмѣ у нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ и собственная фабрикація полотенъ, продолжавшаяся, по свидѣтельству Шуйскаго историка В. Борисова, до 1812 года. Ткачествомъ занимались, б. ч., женщины, но „съ этого времени полотнянная промышленность прекратилась, и взамѣнъ ея возникла ткацкая миткалевая, и стали устраиваться фабрики ситцевыя, какъ болѣе прибыльныя, и требованіе бумажнаго товару умножилось въ огромномъ количествѣ."

Произошло это по слѣдующимъ вовсе не случайнымъ причинамъ. Какъ мы видѣли выше, крупное производство въ Россіи возникло по мановенію руки Петра Великаго, всецѣло опираясь на правительственную поддержку. Рабочіе были закрѣпощены за фабриками, такъ какъ свободныхъ рукъ въ то время (XVIII в.) не хватало, а принудительный трудъ былъ выгоднѣе свободнаго вслѣдствіе низкаго уровня техники. Въ XIX вѣкѣ положеніе измѣнилось.

Промышленность переросла государственный спросъ. Возникла новая отрасль промышленности—хлопчатобумажная, опиравшаяся уже на народный рынокъ, правда, при покровительственномъ отношеніи къ ней государства, но безъ явной его поддержки.

Крѣпостной трудъ въ этой промышленности, при конкуренціи съ Западной Европой, гдѣ появилось тогда машинное производство взамѣнъ ручного труда, сталъ невыгоденъ. „Крѣпостное право стало дѣйствовать угнетающимъ образомъ на обще-экономическое и въ частности промышленное развитіе страны—и было отмѣнено" [2]).

---

[1]) Передъ самымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости она принадлежала Новосильцевымъ, затѣмъ помѣщикамъ Лунину, Загоскину, Рукину и Бутурлинымъ.

[2]) *Туганъ-Барановскій*. „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ". Т. I. Изъ этого труда почерпнуто нами много цѣнныхъ для настоящаго очерка данныхъ. Не можемъ не обратить вниманіе товарищей на этотъ чрезвычайно яркій примѣръ вліянія измѣненіи экономическихъ отношеній на перестройку формъ политическихъ, ибо отмѣна крѣпостного права была, какъ извѣстно причиной глубокихъ правовыхъ измѣненій всего дореформеннаго порядка въ Россіи.

Изъ льнопрядильныхъ и льноткацкихъ фабрикъ XVIII столѣтія уцѣлѣла и пережила XIX столѣтіе, какъ извѣстно намъ достовѣрно, только нынѣ существующая фабрика Т-ва Мануфактуръ Льняныхъ издѣлій Александръ Щербаковъ съ С-ми.

Еще В. Борисовъ, писавшій о Кохмѣ въ 1856 г., говоритъ, что фабрика эта, какъ торгово-промышленное учрежденіе, существовала слишкомъ 100 лѣтъ. Сначала она содержалась, говоритъ онъ, купцомъ Королевымъ [1]), потомъ Григ. Прок. Медвѣдевымъ, а теперь (1856 г.) перешло къ купцу Щербакову.

Тогда же существовала льняная фабрика Ив. Безенова, на которой, какъ и у Щербакова, вырабатывались льняныя издѣлія: коноваты, пестредки, тики, чешуйки и каламенки въ количествѣ 55.000 кусковъ на 142.000 р. сер. Рабочихъ при послѣднихъ двухъ фабрикахъ было до 170 человѣкъ, ткачество производилось по деревнямъ.

Ситцевое производство развилось въ с. Кохмѣ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ села Иванова. Въ концѣ XVIII в., по Т.—Барановскому, главнымъ промысломъ населенія Иванова была набойка бумажныхъ и полотнянныхъ матерій. Въ 1812 году сгорѣла Москва, главный конкурентъ Иванова,— и тотчасъ же съ возрастаніемъ прибыльности ситце-печатанія въ Ивановѣ стали расти фабрики, принадлежавшія крѣпостнымъ или бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева. Извѣстно, что въ 1825 году въ Ивановѣ считалось 125 крупныхъ ситцепечатныхъ фабрикъ (Грачевой, Ямановскаго, Гарелина и др.). На двухъ послѣднихъ фабрикахъ было по 1000 становъ и около сотни набивныхъ становъ на каждой и по полутары тысячи рабочихъ. Въ это время фабриканты наживали „упятеренный рубль на рубль“, т. е. 500% прибыли.

Время это по справедливости надо считать эпохой зарожденія въ Россіи крупнаго капитала.

Набойщики, по словамъ Ивановскаго историка Я. П. Гарелина, безъ труда зарабатывали тогда до 100 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (т. е. до 35 р. с.), и многіе изъ нихъ превратились въ крупныхъ капиталистовъ. Сомнѣваться въ справедливости этихъ словъ нѣтъ основанія, ибо извѣстно, что и Савва Морозовъ былъ сначала ткачемъ и крѣпостнымъ помѣщика Рюмина. Кромѣ того, и всѣ другіе изслѣдователи развитія фабричной промышленности с. Иванова и Вознесенскаго посада, какъ-то П. Несытовъ и Власьевъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что „большая часть фабрикантовъ села Иванова и *вообще Шуйскаго уѣзда* возвысилась въ капи-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ И. А. Щербаковымъ, фамиліи Королевъ и Медвѣдевъ тождественны, причемъ Королевы было прозвищемъ Медвѣдевыхъ.

талахъ своихъ отъ счастливаго перехода изъ набойщиковъ въ фабриканты-капиталисты". Это послѣднее свидѣтельство даетъ намъ полное право предположить тотъ же процессъ зарожденія ситцепечатнаго производства и въ селѣ Кохмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ набойщиковъ вышли и всѣ кохомскіе ситцепечатные фабриканты. Сюда можно отнести существовавшихъ до 1861 года ситцепечатниковъ Клюевыхъ, Пошвиныхъ, Калакиныхъ, Соболева, Спиридона Монова, Хаевыхъ, Ив. Гр. Щербакова, Чаянова, Чернышева и Ясюнинскихъ. Основаніе ситцевой фабрики этихъ наслѣдниковъ, бывшихъ крестьянами села Кохмы, принадлежащими помѣщику Загоскину, относится къ 30-мъ годамъ XIX столѣтія. Въ то время по имени основательницы фабрики Маремьяны Ясюнинской, жены Никиты Вас. Ясюнинскаго, относили прозвище Маряхиныхъ. Первая фабрика Маряхиныхъ съ ручной набойкой ситца была на мѣстѣ нынѣшняго Министерскаго Нар. Училища, гдѣ находились ранѣе работная, а за ней и красильный корпусъ. Около 54—55 годовъ того же вѣка ситцевая фабрика Ясюнинскаго была перенесена на ея теперешнее мѣсто по правому берегу Уводи въ починокъ Жданый или Ждановъ, называвшійся также Старыми Любишками. Въ починкѣ этомъ проживали ранѣе малоземельные, переселенные сюда, крестьяне графовъ Шереметевыхъ—Кокурины и Морковины. Имъ принадлежала и, б. м., принадлежитъ по праву и вся земля, находящаяся въ настоящее время подъ ситцевой фабрикой, зданіемъ дома Ив. Арс. Ясюнинскаго и садомъ противъ него.

Литературныя свѣдѣнія относительно развитія ситцепечатнаго производства въ Кохмѣ относятся къ 1856 году, когда В. Борисовъ считалъ, что въ Кохмѣ состояло „15 ситцевыхъ фабрикъ съ 129 набойщиками и 215 чел. разныхъ прочихъ фабричныхъ людей, какъ-то: мытильщиковъ, лаборщиковъ, колеристовъ и прочихъ чернорабочихъ людей [1]). Ткачество производится раздачей по деревнямъ, а частью въ селѣ Кохмѣ, которымъ занимаются женщины, всего миткаля на означенныхъ фабрикахъ вырабатывается *22.000* шт. на 66.000 р. с. Лучшими ситцевыми фабриками были фабрика бр. Ясюнинскихъ съ пиротинною машиной, потомъ купцовъ Чернышева и Чаянова и крест. Ив. Хаева. Сбытъ товаровъ производился въ Москвѣ и на ярмаркахъ въ Холуѣ, Парскомъ, Шахмѣ, Ростовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Симбирскѣ" [2]).

---

[1]) На всѣхъ сихъ фабрикахъ вырабатывалось 105 тыс. кусковъ разныхъ сортовъ ситцу, на сумму 584.600 р. Кромѣ сего, были три заведенія миткалевыя, при которыхъ рабочихъ клеильщиковъ, сновалей и шпульниковъ считалось до 30 ч. Всего бумажнаго товару вырабатывается на сумму 639.600 руб. сер., а рабочихъ было *544 человѣка*.

[2]) *В. Борисовъ*. „Село Кохма въ Шуйскомъ уѣздѣ". (Владим. Губ. Вѣдомости, № 12, 1856 г.).

Въ 56 году ситцевая фабрика Ив. Гр. Щербакова перешла уже къ Чаянову, а затѣмъ въ 57—58 г.г. къ Алекс. Гр. Щербакову. На фабрикѣ этой съ помощью ручной набойки вырабатывались двукубовые ситцы.

Впослѣдствіи на ней заведена была піротинная машина и работало 40 найбощиковъ съ платой отъ 50 до 80 коп. въ день. Работа продолжалась отъ 14 часовъ до 16 ч. въ сутки и была односмѣнной, какъ всюду на ситцевыхъ. Фабрика эта просуществовала до 1887 года, переживши большой пожаръ 1881 года, послѣ котораго въ Кохмѣ изъ ситцевыхъ остались только фабрики Чернышева, Клюева, Хаева, Щербаковыхъ и Ясюнинскихъ. Кромѣ указанныхъ фабрикъ существовалъ въ Кохмѣ химическій заводикъ Шугаева, приготовлявшій въ 50—60 г.г. XIX ст. краски, потребныя для ручной набойки тканей. Въ тѣхъ же годахъ существовала и фабрика ситцепечатная Родіонова съ раздачей ручного тканья миткаля въ дер. Богданихѣ. Кромѣ того, существовала въ Кохмѣ сновальная и раздаточная контора бумаготкацкаго производства фабриканта Балдина. Лѣтъ 15 т. н. она состояла въ арендѣ у купца Галкина. Для крашенья шла и желтая кровяная соль (каль), добывавшаяся примитивнымъ способомъ въ Кохмѣ лѣтъ 10 т., н. г. Бобковымъ.

Къ 1880 году число фабрикъ въ Кохмѣ еще болѣе сократилось и вмѣсто 15, указанныхъ Борисовымъ, ихъ осталось всего 3—Щербакова, Чернышева и бр. Ясюнинскихъ. Произошла несомнѣнная концентрація производства, что выразилось побѣдой фабрикантовъ Ясюнинскихъ въ концѣ концовъ надъ всѣми ситцепечатниками (кромѣ Чернышева).

Въ 1887 году закрылась фабрика Ив. Безенова и перешла во владѣніе тѣхъ же Ясюнинскихъ. Концентрація капиталовъ шла и шла. Одна изъ фабрикъ Чернышева перешла къ Щербаковымъ, построившимъ въ 1887—1888 г.г. вмѣсто нея новую льнопрядильную фабрику. Такимъ образомъ, въ 1895 году—къ началу сознательнаго рабочаго движенія въ Кохмѣ—можно было насчитать здѣсь слѣдующія фабрики: 1) Т-во М-ры бр. Ясюнинскихъ—3 фабрики и ремонтная мастерская съ 2150 раб. (бумагопрядильную съ 31.744 веретенъ и 880 раб., бумаготкацкую съ 676 станками и 750 раб., ситценабивную съ 382—424 раб. и ремонтная мастерская 95 раб.); 2) Торговаго Дома Александръ Щербаковъ съ С-ми съ 800—900 раб. (льнопрядильная 250 раб. и льноткацкая съ 400—500 рабочими); 3) фабрику Чернышевыхъ съ 50 рабочими. Всего въ 1895 году въ Кохмѣ такимъ образомъ считалось до 3000 рабочихъ.

Самыя послѣднія изъ имѣющихся у меня свѣдѣній относятся къ концу 1906 и началу 1907 года, когда на первую областную конференцію проф. союзовъ рабочихъ по обра-

боткѣ волокнистыхъ веществъ Московскаго пром. района былъ представленъ докладъ и изъ Кохмы.

Докладъ [1]) считаетъ „всѣхъ фабрикъ въ с. Кохмѣ 7. Всего рабочихъ на нихъ 4734 человѣка". Къ перечисленнымъ выше фабрикамъ съ 1895 года прибавились взамѣнъ закрытой старой ткацкой въ зданіи Ив. Безенова новая бумаготкацкая Т-ва М-ры бр. Ясюнинскихъ, выстроенная въ 1897 году и бумаготкацкая бр. Долговыхъ, открытая у ст. *Кохма* (съ 118 рабочими) въ 3 верстахъ отъ села Кохмы.

За 50 лѣтъ съ 1856 г. по 1906 г. включительно рѣзко измѣнилась такимъ образомъ картина кохомской промышленности.

Ручное ткачество почти уничтожилось, сохранившись въ небольшихъ размѣрахъ,—а именно въ годъ работается тканей отъ конторы Щербаковыхъ до 10.000 к. на сумму 75.000 р., весьма значительно развито еще шитье мѣшковъ, раздаваемое по деревнямъ отъ конторы Т-ва М-ры Александръ Щербаковъ съ С-ми; главная же масса рабочихъ, постепенно бросая земледѣліе, перешла на фабрики, чѣмъ и объясняется громадное увеличеніе числа фабричныхъ рабочихъ въ Кохмѣ: въ 1856 г. ихъ было 544 чел., въ 1896 г.—3000 чел., въ 1906 г. уже—4743, т. е. произошло увеличеніе почти въ 9 разъ на (871%).

Въ связи съ этимъ явленіемъ стоитъ какъ расширеніе самой территоріи села Кохмы (ростъ окраинъ), такъ и созданіе новыхъ, уже не земледѣльческихъ, а чисто фабричныхъ поселковъ, какъ Любимая Горка (Новыя Любишки), Сидѣево, а также приростъ окрестныхъ деревень Олякова, Богданихи и другихъ.

II.

Мы видѣли уже, какъ жестоко обращалось съ рабочими правительство Петра Великаго, когда хотѣло создать въ Россіи крупную промышленность: рабочихъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, засѣкали на смерть, ссылали на каторгу (*въ Камчатку,* для того, чтобы другимъ не было повадно!). Мало того, рабочіе *навѣчно* были прикрѣплены къ фабрикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Кохомскимъ крестьянамъ много пришлось перетерпѣть еще во времена Тамеса и его наслѣдниковъ по владѣнію Кохмой Новосильцева и Чевкина. Намъ приходилось лично видѣть въ домѣ одного изъ мѣстныхъ фабрикантовъ памятникъ жестокой старины: же-

[1]) По другимъ, имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, не менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ данныя доклада—въ 1906 году на прядильной Ясюнинскихъ было 193 машины, при 65.228 веретенахъ и работало 1087 челов. Удвоеніе числа веретенъ не вызвало такимъ образомъ удвоенія числа рабочихъ. На ткацкой было 1232 станка и 1396 человѣкъ. Число рабочихъ на ремонтной мастерской осталось тоже 95 чел. Итого на фабрикахъ Ясюнинскихъ было въ 1906 г. занято 2578 человѣкъ, кромѣ ситцевой.

лѣзное кольцо до 10 ф. вѣсомъ съ большими остріями, надѣвавшееся на шею провинившемуся и не позволявшее ему не только лечь, но и прислониться къ стѣнѣ, чтобы отдохнуть хотя немного.

Съ переходомъ отъ принудительнаго къ вольнонаемному труду въ началѣ XIX столѣтія, въ періодъ зарожденія хлопчатобумажной промышленности „хозяинъ (въ Ивановѣ) былъ", по словамъ Я. П. Гарелина, „въ извѣстной тягостной зависимости отъ рабочаго. Рабочій тогда *царилъ* на фабрикѣ, отъ него зависѣло, работая *хорошо*, получать большія деньги, доставляя въ то же время и хозяину порядочный барышъ". Мало того, разозлившись на хозяина, говоритъ Я. П. Гарелинъ, онъ могъ „портить ему товаръ и все-таки не оставаться въ накладѣ въ случаѣ расчета, потому что онъ могъ тотчасъ же явиться къ конкуренту своего прежняго хозяина и доставить тому верхъ надъ послѣднимъ". Словомъ, это былъ будто бы золотой вѣкъ для рабочихъ, особенно набойщиковъ. „Это время было для набойщика золотымъ, и только лѣнивый, да разгульный не составили себѣ капитала исключительно набивнымъ мастерствомъ". И тѣмъ не менѣе, по словамъ Я. П. Гарелина, рабочіе и тогда не питали симпатіи къ фабрикантамъ. Непонятное для фабриканта явленіе будетъ вполнѣ понятно для насъ, когда мы вспомнимъ, что хорошая оплата труда еще не исключаетъ возможности полученія фабрикантами громадной нормы прибавочной цѣнности, выжиманія изъ рабочихъ пота и крови. Яркимъ примѣромъ такого явленія можетъ служить современная американская промышленность. Я. П. Гарелинъ, не догадываясь о томъ, что онъ говоритъ, даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ страннаго для него явленія — отсутствія симпатіи рабочихъ къ капиталисту. „Лучшими рабочими на фабрикахъ считаются помѣщичьи крестьяне по ихъ трудолюбію".

Не будетъ, по моему мнѣнію, большой натяжки, если условія труда въ Ивановѣ до 1861 г. будутъ распространены и на Кохму.

Намъ не извѣстно, однако, достовѣрно, пользовались ли капиталисты въ Кохмѣ трудомъ приписанныхъ къ ихъ фабрикамъ поссесіонныхъ крестьянъ, какъ это было на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ Ивановѣ (у Грачевой) и Шуѣ (у Носовыхъ). По разспросамъ мѣстныхъ фабрикантовъ, пользованія трудомъ поссесіонныхъ крестьянъ въ Кохмѣ не было. Благодаря даннымъ того же Я. П. Гарелина, сохранились и свѣдѣнія о высотѣ мѣсячной заработной платы въ селѣ Ивановѣ и, что всего важнѣе для насъ, въ *окрестностяхъ* его. Присоединяя сюда имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о заработной платѣ въ Кохмѣ въ 1896 и 1906 г.г., а также пользуясь новѣйшими свѣдѣніями изъ доклада областной конференціи

профессіональныхъ союзовъ Московскаго промышленнаго района, получимъ небезынтересную таблицу измѣненія заработной платы въ Кохмѣ за 100 лѣтъ (XIX ст.).

Мѣсячная заработная плата въ окрестн. села Иванова и, въ частности, въ с. Кохмѣ за XIX столѣтіе (въ р. с. и коп.) на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ.

	Около 1810 г.	Около 1830 г.	Около 1850 г.	Около 1860 г.	1883 года.	1896 года.	1907 года.
Набойщики (ручное произв.) . .	12—20	8—15	6—12	5—8	—	—	—
Ситцепечатники .	—	—	—	—	12,74	14	14—17
Ткачи ручные . .	6	4,50	3,50—4	max. 3—3,50	6,37	—	—
Ткачи механич. .	—	—	12—16	10—13	12—18	до 19	20—23
Прядильщики .	—	—	—	14 58	16,25	до 18	24—28
Банкоброшницы .	—	—	—	6	8,37	14,07	14—18
Цѣны на продукты. (1878—1882 г.).							
Цѣна 1 пуда ржаной муки. . . .	14—19к.	28—33	50—60	60—65	1 р. 11 к.	85	1,10—1,25
Цѣна 1 ф. мяса .	—	—	—	3	до 8—10	10	14—20
Цѣна 1 ф. сушеной рыбы	—	—	—	2	7—10	14—15	25

Приведенная таблица показываетъ, какъ ясно видно изъ нея, постепенное повышеніе заработной платы механическихъ рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и указанія на постоянный ростъ цѣны на хлѣбъ и съѣстные припасы.

Относительно льнопрядильной и льноткацкой фабрики Щербаковыхъ имѣются въ моемъ распоряженіи слѣдующія цифры:

Средняя заработная плата на льнопрядильной фабрикѣ Щербаковыхъ въ с. Кохмѣ.

	1896 г.	1906 г.
Ткачи	до 19 р.	до 25 р.
Прядильщики	„ 10 р.	„ 18 р.

По даннымъ Московской конференціи проф. союзовъ, „на фабрикахъ Щербакова плата у мужчинъ высшая рѣдко достигаетъ 23 р., средняя 18 р., низшая 13 р.; женщинъ и подростковъ высшая 15—16 р., средняя 13—14 р. и низшая 11 р.

Ситцепечатная фабрика Чернышева.

	1896 г.	1906 г.
Ситцепечатники до	13 р.	до 14 р. 50 к.

„Въ старину рабочій жилъ недурно“, говоритъ Я. П. Гарелинъ, „такъ, что онъ и дома строилъ и выбивался порой въ хозяева. Была сравнительно высокая заработная плата и недорогія цѣны на жизненные припасы“. Время ухудшенія положенія рабочихъ въ нашемъ районѣ совпало со временемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. „Вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много другихъ“. Такими цѣпями явилось прежде всего введеніе машиннаго производства вмѣсто прежняго ручного. Въ ту же пору началось въ Россіи созданіе рабочаго класса въ промышленно-капиталистическомъ смыслѣ этого слова.

„Рабочимъ пришлось уже не хозяйствовать“, повѣствуетъ снова Гарелинъ, „а стать въ подчиненіе къ бездушнымъ машинамъ, съ которыми разговоровъ вести, конечно, невозможно было и которыя, вдобавокъ, сработывали въ десять разъ больше, чѣмъ могли сдѣлать всѣ рабочіе, находящіеся на фабрикѣ“.

Мало того, послѣ 1883 года, когда всюду, благодаря промышленному кризису, понизилась заработная плата, рабочій началъ голодать.

Оставаясь безпристрастнымъ, фабрикантъ Гарелинъ, изображаетъ положеніе мѣстнаго рабочаго такимъ образомъ: „трудно себѣ представить, какимъ образомъ рабочій, употребляя подобную пищу, можетъ выдерживать ту работу, которая ему представляется. Мясо является на столѣ рабочаго только по большимъ праздникамъ; въ будни и небольшіе праздники онъ ѣстъ, что Богъ послалъ; пустые щи, кашу, горохъ, рѣдьку и т. п. незатѣйливыя блюда простонародной кухни. Рабочіе на фабрикахъ, гдѣ не отпускается приварокъ (а такихъ значительное большинство), приходящіе изъ окрестныхъ деревень на цѣлую недѣлю, запасаются хлѣбомъ, которымъ и продовольствуются отъ воскресенья до воскресенья. Не мудрено, что заболѣванія среди рабочихъ достигаютъ весьма значительной цифры“.

Такъ обстояло дѣло въ селѣ Ивановѣ, такъ, можемъ мы засвидѣтельствовать, было оно частью и въ Кохмѣ, гдѣ приварка не отпускалось и не отпускается на ткацкихъ и прядильныхъ фабрикахъ, какъ у Щербаковыхъ, такъ и Ясюнинскихъ. Исключеніе составляли ситцевыя фабрики. У Ясюнинскихъ приварокъ на ситцевой отпускался съ давнихъ поръ, и сталъ отпускаться при новой прядильной въ казармахъ со времени постройки ея (1889 г.), когда была устроена въ нихъ артельная кухня. При существованіи ситцевой фабрики у Щербаковыхъ при ней также была артельная кухня, при чемъ на каждаго рабочаго выходило отъ 8 до 11 к. въ день. Обѣдъ состоялъ изъ щей и каши.

О квартирныхъ деньгахъ въ то время не было и помину. Очевидно, происходящая въ настоящее время выдача ихъ

(по 1 рублю въ мѣсяцъ) тоже знаменуетъ переходъ рабочихъ отъ земледѣлія къ фабрикѣ.

Между тѣмъ фабричнаго законодательства еще не существовало, рабочіе были еще малосознательны и не выработали себѣ способовъ самозащиты. Рабочіе пробуютъ въ эти тяжелые для нихъ годы снова вернуться къ землѣ, въ деревню, но не надолго. Скоро начинается по всей Россіи стачечное движеніе и, тѣсно связанное съ нимъ, фабричное законодательство.

Первый фабричный законъ, воспрещавшій ночной трудъ малолѣтнихъ, изданъ былъ, собственно говоря, еще 1845 г. въ связи съ волненіями на Воскресенской бумагопрядильнѣ Дмитр. уѣзда Московской губ., но закономъ этимъ *не пользовались*. Онъ былъ забытъ, потому что рабочіе не требовали своихъ правъ.

Послѣ оставшихся безрезультатными многихъ правительственныхъ коммиссій по фабричному законодательству: Штакельберга (въ 50 г.г.), Игнатьева и Валуева (въ 70 г.г.), *безрезультатными*, благодаря противодѣйствію московскихъ фабрикантовъ, рабочее законодательство двинулось впередъ съ начала 80 ыхъ годовъ—подъ вліяніемъ развившагося тогда стачечнаго движенія рабочихъ.

Дѣло рабочихъ въ Россіи становится съ тѣхъ поръ дѣломъ самихъ рабочихъ. Въ 1882 году былъ изданъ законъ, ограничивающій продолжительность труда на фабрикахъ. Для малолѣтнихъ до 12 лѣтъ онъ запрещалъ работу совсѣмъ, для дѣтей отъ 12 — 15 лѣтъ ограничивалъ работу восемью часами въ сутки, запрещая работу малолѣтнихъ въ воскресенье и праздничные дни. На практикѣ законъ этотъ повелъ къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ. Ссылаясь на слезы матерей и на крайнюю нужду семьи, фабриканты (въ Кохмѣ) охотно принимали малолѣтнихъ на фабрики, фиктивно повышая число лѣтъ принимаемымъ. Достаточно было только указанія матери, что мальчику уже исполнилось 12 лѣтъ, чтобы онъ былъ принятъ на фабрику. Намъ памятны случаи въ этомъ родѣ, когда во время посѣщенія мѣстныхъ фабрикъ фабричнымъ инспекторомъ малолѣтнихъ всячески укрывали съ его глазъ.

Самый институтъ фабричныхъ инспекторовъ встрѣтилъ въ Кохмѣ со стороны старозавѣтныхъ фабрикантовъ самое непріязненное отношеніе. Фабричный инспекторъ считался личнымъ врагомъ фабрикантовъ (по крайней мѣрѣ, на фабрикахъ Щербаковыхъ), а вмѣшательство правительства въ фабричные распорядки признавалось нарушеніемъ права собственности.

Закономъ 1885 года была воспрещена ночная работа женщинъ и несовершеннолѣтнихъ въ текстильной промышленности. Но настоящая революція въ фабричныхъ отноше-

ніяхъ была произведена благодаря геройской борьбѣ Морозовскихъ рабочихъ въ 1885 г. въ Орѣховѣ-Зуевѣ, благодаря которой былъ изданъ законъ 1886 года, подчинявшій контролю всю совокупность внутренняго распорядка [1]).

Къ тому же законъ 1886 года увеличилъ объемъ власти фабричныхъ инспекторовъ.

Какъ и въ Орѣховѣ-Зуевѣ, въ Кохмѣ широко практиковалась до 1886 г. система расплаты „ярлыками" для забора въ фабричной харчевой лавкѣ (существовала при фабрикѣ Щербаковыхъ съ 1886 г. до 1889 г.). Извѣстно, что цѣны въ такихъ лавочкахъ нерѣдко отличались отъ рыночныхъ на 20% и даже порою *80 процентовъ*. (Пажитковъ. „Положеніе рабочаго класса въ Россіи").

По даннымъ, доставленнымъ мнѣ мѣстными жителями, цѣны въ лавочкѣ Щербаковыхъ не были, однако, выше базарныхъ. Съ запрещеніемъ расплаты „ярлыками" фабричная лавочка эта была закрыта. Взамѣнъ ея при фабрикахъ Т-ва М-ръ В., А. и Е. Ясюнинскихъ былъ открытъ въ 1892 году магазинъ общества потребителей, куда перешли многіе покупатели изъ прежней лавочки уже въ качествѣ пайщиковъ.

Штрафы до 1886 г. шли въ пользу хозяевъ и достигали громадныхъ размѣровъ. По свидѣтельству фабричныхъ инспекторовъ во Владим. губ. штрафы производились, напр., за перелѣзаніе черезъ фабричный заборъ, за охоту въ лѣсу, за сборище въ одну кучу и т. п. или еще проще штрафовались „*по усмотренію хозяина* всѣ замѣченные въ нарушеніи фабричныхъ правилъ".

Извѣстно, что у Саввы Морозова штрафы достигали до 300 тысячъ въ годъ или 40% всей заработной платы, выдаваемой рабочимъ. Въ Шуѣ рабочіе штрафовались (въ 1880—1871 г.) за челнокъ, напр., вылетѣвшій изъ станка, за зубецъ, сломанный на шестернѣ и т. п. На одной фабрикѣ за отправленіемъ своихъ нуждъ рабочіе были обязаны фабрикантомъ выходить въ устроенныя для этого внѣ фабрики помѣщенія безъ верхней одежды—въ видахъ сохраненія рабочаго времени.

Огромные штрафы существовали до 1886 г. и въ Кохмѣ, достигая до 30% какъ у Ясюнинскихъ, такъ и у Щербаковыхъ. Съ тѣхъ поръ борьба рабочихъ противъ штрафовъ и зачисленіе ихъ въ штрафной капиталъ заставило фабрикантовъ мало-по-малу сократить примѣненіе штрафовъ, и въ настоящее время штрафы на фабрикахъ Ясюнинскихъ, хотя и примѣняются, по ихъ свѣдѣніямъ за 1906 г., но мало. На фабрикахъ Щербаковыхъ и Чернышева штрафовать продол-

---

[1]) Припомнимъ, что морозовскіе ткачи боролись при существованіи закона 1874 года, карающаго рабочихъ за стачки ссылкой въ Сибирь (изданъ послѣ волненій въ Кренгольмской М-рѣ въ 1872 г.).

жаютъ. По даннымъ съ 1886 г. до 1907 г. размѣръ штрафного капитала у Щербаковыхъ достигъ 7000 рублей. „Штрафовъ (у Ясюнинскихъ) почти нѣтъ“, говорится и въ докладѣ первой конференціи професс. союзовъ въ Москвѣ 1907 г.

Измѣнилась довольно сильно и обстановка фабрикъ, представлявшая до 1886 г. „верхъ нарушенія всякихъ гигіеническихъ правилъ“. Чрезвычайно негигіеничны и въ настоящее время ткацкая и прядильная фабрики Щербаковыхъ и ситцевая Ясюнинскихъ. Докладъ конференціи 1907 г. въ Москвѣ представляетъ настоящій обвинительный актъ противъ послѣдней. Можно себѣ представить, что же было на этихъ фабрикахъ до 1886 года, когда фабриканты мало обращали вниманія и на вентиляцію и на чистоту помѣщеній, не говоря уже объ огражденіи машинъ. Вообще вентиляція есть пріобрѣтеніе послѣднихъ временъ на кохомскихъ фабрикахъ,— пріобрѣтеніе зачастую обязанное требованіямъ самихъ рабочихъ. Огражденіе же машинъ, и въ настоящее время дающее цифру 14—16% поврежденій на общее число рабочихъ, было совсѣмъ плохо, и цифра поврежденій была гораздо выше.

Если рабочимъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ „приходится (и приходилось) считаться только съ пылью въ воздухѣ, жарой или недостаткомъ свѣта, въ ситцевыхъ же то жара въ 30—40°, то сырость и холодъ. А воздухъ буквально зараженъ всевозможными *химическими* ядами и красками [1])“. Здѣсь часты „случаи отравленія газами, ревматическія боли, простуды“, неизбѣжны болѣзни глазъ.

Измѣнился послѣ 1886 г. и порядокъ работы на фабрикахъ. У Ясюнинскихъ и Щербаковыхъ существовалъ ранѣе рабочій день круглыя сутки въ 2 смѣны по 8 часовъ каждая и въ 3 суточныхъ промежутка, такъ что работа одной смѣны въ сутки была 16 часовъ, а другой 8 часовъ. По воскресеньямъ рабочій день кончался въ 1 ч. утра и начинался въ 8 вечера, составляя такимъ образомъ 152 часа въ недѣлю. Такая работа просуществовала у Щербаковыхъ вплоть до 1886 г., т. е. до отмѣны ночного труда женщинъ и была замѣнена двухсмѣнной работой по 9 часовъ въ смѣну и 108 часовъ въ недѣлю.

У Ясюнинскихъ же на ситцевой работали по 14 часовъ вплоть до введенія закона 2-го іюня 1897 году, т. е. до 1 января 1898 г., когда былъ введенъ 11½ час. день. На прядильной же съ 1886 года работа шла по 2 шестичасовыхъ смѣ-

[1]) То же самое относится не только къ воздуху на ситцевой фабрикѣ въ Кохмѣ, но и къ водѣ р. Уводи, настолько насыщенной красками, что во время тумановъ и послѣ дождей отъ запаха съ рѣки у жителей Кохмы кружится голова и становится нечѣмъ дышать. Всѣ вопли и жалобы мѣстныхъ жителей остаются тщетными. При настоящемъ соціальномъ строѣ, при взглядѣ на фабричную промышленность, какъ на частное дѣло, отравленіе жителей, очевидно, можетъ происходить безнаказанно.

ны и въ 3 суточныхъ промежутки, такъ что работа одной смѣны въ сутки составляла 12 часовъ, а другой 6 часовъ— и тѣ же 108 часовъ въ недѣлю. Работа эта была уничтожена лишь въ 1898 г., когда по требованію рабочихъ, но безъ забастовки была введена также 2 смѣнная 9 часовая работа.

Подъ вліяніемъ оживленія промышленности во второй половинѣ 80 г.г. московскіе фабриканты, которымъ невыгодно было теперь сокращеніе рабочаго дня, добились частичной отмѣны фабричнаго законодательства.

По закону 1890 года администраціи вновь было предоставлено право допускать ночную работу малолѣтнихъ, ночную работу въ текстильной промышленности и т. п. Въ 1893 г. былъ изданъ законъ, еще болѣе увеличивающій значеніе административной власти.

Къ счастью, рабочіе къ этому времени начали въ России борьбу за лучшее будущее. Въ одномъ за другимъ фабричномъ центрѣ начиналось тогда сознательное рабочее движеніе.

III.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ препятствій для улучшенія положенія рабочаго класса служитъ въ Россіи во многихъ мѣстахъ непрекратившаяся еще связь рабочаго съ землей. „Мы страдаемъ“, сказалъ уже давно К. Марксъ, „не только отъ развитія капиталическаго производства, но и отъ недостаточности такого развитія“.

И дѣйствительно, и опытъ, и теорія говорятъ намъ, что „единственное средство улучшить положеніе рабочаго заключается въ дальнѣйшемъ развитіи капиталическаго производства“ [1]).

Смутно въ сознаніи рабочихъ нашего района проявлялось это убѣжденіе уже довольно давно, выражаясь часто въ формѣ трогательной жалобы. Такъ, одинъ фабричный поэтъ красоваръ съ ивановскихъ фабрикъ, Ив. Фроловъ пишетъ [2]) во второй половинѣ 90-хъ годовъ:

„У насъ пашутъ очень мало,—
Невозможно и пахать,
И на фабрикахъ-то стало
Очень тяжко проживать“...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже народникамъ [3]) приходилось признавать, что „обладаніе нѣкоторой собственностью, какъ

---

[1]) М. И. Т.—Барановскій. „Русская фабрика“, стр. 439, т. I.

[2]) В. Дадоновъ. „Русскій Манчестеръ“ (Письма изъ Иваново-Вознесенска). Р. Б. 1901 г.

[3]) В. Дадоновъ. „Русскій Манчестеръ“ (Письма изъ Иваново-Вознесенска). Р. Б. 1901 г.

это ни странно, не только не создаетъ въ данномъ случаѣ бо́льшей независимости, а, наоборотъ, какъ будто увеличиваетъ экономическое рабство и принижаетъ личность рабочаго". Въ самомъ дѣлѣ, пролетарій, какимъ въ концѣ концовъ становится фабричный рабочій, и крестьянинъ-общинникъ или собственникъ представляютъ два различныхъ культурно-общественныхъ типа. Первый смотритъ въ грядущее, послѣдній стремится устроиться и въ крупно-капиталическомъ обществѣ.

Черты необходимости, толкающей мѣстнаго крестьянина на фабрику или въ артель „котовъ", характерно сказались и въ стихотвореніи уже цитированнаго мною фабричнаго поэта Ив. Фролова:

«Съ Покрова» [1]).

Время—тяжкій періодъ
Для фабричныхъ настаетъ.
Жметъ фабричнаго контора,
Какъ въ тюремномъ замкѣ вора;
Цѣнъ сбавляютъ, пишутъ штрафъ,
На защиту нѣту правъ.
И не охни, не вздохни,
Спорить,—Боже сохрани!
Кто не хочетъ подчиниться,
Надо съ фабрикой проститься,
Поступить въ артель „котовъ",—
Грязь мѣсить у кабаковъ...
А вѣдь люди и купцы,—
Есть и дѣти и отцы,
А на сердцѣ у нихъ ночь—
Чуть прогнѣвалъ—поди прочь!"

Между тѣмъ жить въ деревнѣ при маломъ надѣлѣ совсѣмъ трудно:

„Я долго сидѣлъ и дивился", говоритъ въ другомъ стихотвореніи тотъ же Ив. Фроловъ,

„Какъ бѣдный крестьянинъ живетъ!
Все лѣто онъ съ пашней хлопочетъ,
А хлѣбъ покупать не минетъ.
Не только я хлѣбъ покупаю,—
Нехватка мнѣ корму и дровъ,—
Но я ужъ привыкъ къ этой жизни,
Должно быть удѣлъ нашъ таковъ"...

Не захотѣли привыкать къ этой жизни другіе, молодые и смѣлые, которые дерзали спорить съ хозяиномъ, предпочи-

[1]) В. Дадоновъ. „Русскій Манчестеръ". Р. Б. 1901 г.

тая голодать и проститься съ фабрикой, чѣмъ переносить голодъ въ деревнѣ, униженія и притѣсненія на фабрикахъ.

Такъ, естественно на мѣстѣ зародилось рабочее движеніе въ Кохмѣ, какъ и повсюду въ Россіи, чтобы ни говорилось въ знаменитомъ циркулярѣ тогда еще просто С. Ю. Витте отъ 1905 г., видѣвшемъ всю причину фабричныхъ безпорядковъ въ Россіи въ переходящихъ съ фабрики на фабрику бродячихъ рабочихъ, нарушающихъ тишь и гладь „патріархальныхъ" отношеній русскаго капиталиста къ своимъ фабричнымъ.

Дѣйствительность быстро обнаружила всюду правду соціальныхъ отношеній и ярко показала рабочимъ, на чьей сторонѣ стоитъ на самомъ дѣлѣ, желающая казаться безпристрастною, власть.

Кровавый финалъ извѣстныхъ событій въ 1895 г. и отношеніе къ этому событію правительства на Корзинской М-рѣ въ Ярославлѣ громкимъ эхомъ прокатились по всей Россіи и жгли негодованіемъ сердца рабочей молодежи. Несомнѣнно отразилась на согнаніи Кохомскихъ рабочихъ и отчаянная борьба иваново-вознесенскихъ ткачей противъ пониженія расцѣнокъ съ 1 октября 1895 г.

Забастовавшіе ткачи подверглись въ то время совершенно безпричиннымъ и жестокимъ избіеніямъ казаками и проиграли стачку, вынеся изъ нея сознаніе необходимости новой, еще болѣе дружной борьбы. Въ видѣ уступки рабочіе добились только увеличенія хода машины на 10%, увеличенія, служившаго въ концѣ концовъ вовсе не къ выгодѣ рабочихъ.

Начало сознательнаго рабочаго движенія въ с. Кохмѣ относится именно ко времени, послѣдовавшему за этими стачками. Намъ неизвѣстно, были ли здѣсь попытки рабочаго движенія и ранѣе этого времени, но если онѣ и были, то остались, по всей вѣроятности, весьма непрочно связанными съ сознаніемъ мѣстнаго рабочаго населенія (какъ, напр., агитація Лидіи Фигнеръ въ иваново-вознесенскомъ районѣ въ началѣ 1880 годовъ или, б. м., послѣдующихъ, неизвѣстныхъ намъ, революціонныхъ дѣятелей).

Остается фактомъ, что соціалистическое рабочее движеніе началось въ Кохмѣ въ 1896 года. Изслѣдуя „корни и нити" этого движенія, мы можемъ констатировать, что кохомское сознательное рабочее движеніе сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ трехъ факторовъ: рабочаго движенія въ Орѣховѣ-Зуевѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ и дружескаго кружка рабочихъ изъ дер. Пѣшкова, Кохомской волости, въ полуверстѣ отъ Кохмы.

Вліяніе Орѣхова-Зуева связано съ именемъ тамошняго рабочаго Бучитова, прибывшаго въ Кохму въ 1896 году и привезшаго съ собой нѣкоторыя соціаль-демократическія книжки, какъ-то: *П. Аксельродъ.* „Задачи рабочей интеллиген-

ціи“ и рукопись *неизвѣстнаго автора*: „Какъ возникъ майскій праздникъ“.

Само собой разумѣется, что вліяніе Бучитова („переходящаго“ рабочаго, по терминологіи Витте) оказалось бы безслѣднымъ, если бы не совершились въ самой средѣ кохомскихъ рабочихъ тѣ экономическія измѣненія, о которыхъ мы говорили выше, подготовившія эту среду къ воспріятію соціалистическихъ идей.

Въ томъ же 1896 году Бучитовъ былъ сданъ въ солдаты, и его кратковременное вліяніе на развитіе с.-д. рабочаго движенія въ с. Кохмѣ прекратилось. Тѣмъ не менѣе начало сношеній съ рабочими и проповѣди соціалистическихъ идей было положено. Знакомства и разговоры Бучитова, главнымъ образомъ, съ нѣкоторыми рабочими съ фабрики бр. Ясюнинскихъ, а среди нихъ съ двумя крестьянами изъ дер. Пѣшкова Ф. Н. Алалыкинымъ и П. А. Кашниковымъ, подготовили почву для дальнѣйшаго развитія движенія. Руководство имъ перешло теперь къ кружку „пѣшковцевъ“, подъ какимъ именемъ упомянутые вожаки рабочаго движенія въ Кохмѣ долго служили пугаломъ для мѣстныхъ капиталистовъ.

На кружкѣ этомъ, въ виду его важной послѣдующей роли въ кохомскомъ рабочемъ движеніи, необходимо остановиться подробнѣе.

Федоръ Николаевичъ Алалыкинъ и Петръ Андреевичъ Кашниковъ родились въ дер. Пѣшково, Кохомской волости, оба въ 1877 году.

Будучи сверстниками, они росли и развивались вмѣстѣ, вмѣстѣ и работали и сидѣли въ тюрьмѣ, пока ссылка, а затѣмъ и смерть не разлучила ихъ навѣки. Когда настало время учиться, ихъ отдали подъ начало къ единовѣрческой начетчицѣ Матренѣ, старой дѣвицѣ, живущей въ упраздненномъ монастырькѣ, о существованіи котораго въ прежнія времена упоминаетъ еще суздальскій историкъ Ананій Ѳедоровъ (въ 1757 году [1]). Тамъ они выучились читать по старинной методѣ (буки-азъ—ба), писать и считать и тѣмъ закончили свое школьное образованіе.

Связанный узами тѣсной дружбы съ Ф. Н. Алалыкинымъ, Кашниковъ и умственно развивался совмѣстно со своимъ сверстникомъ. Едва ли не съ 12 лѣтъ они стали работать на фабрикѣ Ясюнинскихъ. Фабричная библіотека на фабрикахъ Ясюнинскихъ дала первый толчокъ ихъ любви къ чтенію. И первыя книги, которыя дали работу уму молодыхъ рабочихъ, были, какъ это можно было ожидать, книгами по естествознанію, въ частности, по первоначальной астрономіи.

---

[1]) ...„Близъ оваго села имѣлся прежде монастырь дѣвичъ, но нынѣ въ томъ монастырѣ никого монахинь не имѣется, но токмо живутъ вдовицы и убогія, которыя отъ труда рукъ своихъ пищу себѣ пріобрѣтаютъ“...

Мечтательно настроенный, съ нѣжнымъ складомъ души, довѣрчивый Ц. А. Кашниковъ часто подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ долго просиживалъ вечеромъ на заваленкѣ у родной избы, вмѣстѣ съ Федоромъ Алалыкинымъ, пристально вглядываясь въ звѣздное небо.

Ясно представляя себѣ маленькую землю и величіе звѣзднаго міра, друзья невольно приходили къ лживости общепринятыхъ міровоззрѣній и отношеній. Ясное, далекое и холодное небо учили горячности будущихъ защитниковъ рабочаго класса.

Минутнаго пробужденія сознанія было достаточно для пытливаго и послѣдовательнаго ума юношей, чтобы подвергнуть затѣмъ критикѣ не только ходячіе естественно-научные и религіозные взгляды своихъ собратьевъ рабочихъ и всей окружающей среды, но и весь строй общественный,—являвшій передъ глазами молодыхъ энтузіастовъ все зло развивающагося капитализма.

Новыя воззрѣнія, съ болью выношенння въ умахъ и сердцахъ ихъ, сдѣлались такъ дороги юношамъ, что они, найдя въ фабричной библіотекѣ книгу, которая пыталась согласовать библейскія сказанія о мірѣ и Богѣ съ естественно-научными данными и тѣмъ ослабить противорѣчія догмы съ истиной и успокоить религіозныя сомнѣнія, хотѣли уничтожить эту книгу, какъ вредную. Мало-по-малу въ нихъ выработалось не менѣе страстное отношеніе и къ общественнымъ несправедливостямъ.

„Въ то время", говоритъ въ своихъ, переданныхъ мнѣ, воспоминаніяхъ одинъ изъ основателей Кохомскаго Рабочаго Союза, Д. Талантовъ, „было усиленное гоненіе на все мыслящее и благородное; масса тогда была такъ тупа, запугана и забита, что безъ протестовъ покорялась насилію и произволу администраціи, какъ полицейской, такъ и фабричной". Мнѣ лично памятны случаи, относящіеся уже къ 1897 году, когда урядникъ, проходившій по деревнѣ и видѣвшій юношу-рабочаго съ книжкой хотя бы совершенно легальной (напр., біографіи въ изд. Ф. Павленкова) въ рукахъ, безнаказанно вырывалъ эту книжку и конфисковалъ ее. Рабочимъ вообще въ то время не полагалось читать, имѣть *книгу*. Читали поэтому въ лѣсу, въ полѣ, укрывались въ болотѣ, книгу, особенно нелегальную, брали съ собой для чтенія и въ баню во время мытья. Немудренно, что при такихъ условіяхъ слово Бучитова нашло благодарную почву въ умахъ и въ сердцахъ пѣшковцевъ, какъ упомянутыхъ, такъ и сверстниковъ ихъ, именъ которыхъ не считаю пока удобнымъ называть.

При трепетномъ свѣтѣ свѣчи поздней лѣтней ночью юноши собирались въ лѣсу и читали, сомкнувшись тѣснымъ кружкомъ. Зимой пользовались иногда для собраній оставленною дачей мѣстныхъ фабрикантовъ. Старики отцы сопер-

ничали съ урядникомъ въ искорененіи у своихъ дѣтей любви къ чтенію: ихъ укоризненно и презрительно называли „студентами", смѣялись надъ ними, говоря: „Нечего тебѣ время зря проводить, не начетчикомъ быть, да и не къ рожѣ тебѣ читать-то!"

Не менѣе сурово преслѣдовалось чтеніе и на фабрикѣ, гдѣ рабочіе стали иногда попадаться фабриканту и администраціи съ книгой въ рукахъ. Ихъ замѣчали, а затѣмъ при случаѣ увольняли. Бороться за свои права становилось иногда невтерпежъ,—но тѣмъ упорнѣе вырабатывался въ рабочихъ духъ сопротивленія.

Въ 1896 году въ іюнѣ разразилась знаменитая стачка рабочихъ волокнистыхъ веществъ въ Спб., грозная стачка, возбудившая громадныя надежды во всѣхъ, кому дорого было освобожденіе рабочаго класса. Стачка окончилась побѣдой рабочихъ. Слухи о ней широко распространились по Россіи. Правительство впервые въ офиціальномъ сообщеніи упомянуло имя „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса", какъ „преступной" организаціи, рѣзко проявившей себя въ эту стачку.

Подъ вліяніемъ борьбы петербургскихъ рабочихъ стала крѣпнуть и мѣстная иваново-вознесенская рабочая организація, сложившаяся уже въ ту пору въ нелегальный Иваново-Вознесенскій Рабочій Союзъ. Среди членовъ этого Союза находилось двое рабочихъ изъ окрестностей Иванова и Кохмы: Діомидъ Яковлевичъ Талантовъ и Романъ Матвѣевичъ Семенчиковъ. Въ концѣ 1896 года съ фабрики Новикова въ Иваново-Вознесенскѣ Талантову пришлось уйти въ Кохму и поступить на ситцевую фабрику Ясюнинскихъ—ученикомъ въ раклисты. Туда же помощникомъ красильнаго мастера поступилъ въ ту пору и Семенчиковъ. Оба они, будучи школьными товарищами и сосѣдями по деревнямъ, а также товарищами по рабочему кружку Ѳ. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова въ Иваново-Вознесенскѣ, поселились въ Кохмѣ вмѣстѣ въ фабричныхъ казармахъ и начали искать себѣ единомышленниковъ. Бучитова въ то время въ Кохмѣ уже не было, но скоро, услышавши, что „пѣшковцы" *отрицаютъ существованіе черта*, они познакомились съ ними и стали посѣщать Алалыкина и Кашникова (въ началѣ 1897 г.).

Послѣднее теченіе влилось такимъ образомъ въ идейную работу кохомцевъ рабочихъ и скоро привело ихъ къ созданію Кохомскаго Рабочаго Союза.

IV.

Появленіе рабочихъ Д. Я. Талантова и Р. М. Семенчикова въ Кохмѣ внесло совершенно опредѣленную соціаль-демократическую струю въ мѣстный рабочій кружокъ, ру-

ководимый пѣшковцами. Хотя Иваново-Вознесенскій Рабочій Союзъ и не принадлежалъ въ то время къ строго соц.-демократическому „Союзу борьбы за Освобожденіе Рабочаго класса“, но былъ вполнѣ марксистскимъ и соціалистическимъ, находясь къ тому въ непосредственныхъ, хотя и нерегулярныхъ сношеніяхъ съ „Союзомъ Борьбы“. Всѣ изданія, бывшія въ ходу въ „Союзѣ Борьбы“ въ Петербургѣ, обращались и въ Ивановѣ. „Царь-Голодъ“, „Ткачи“ Гауптмана, „Законъ о штрафахъ“, „О рабочемъ днѣ“ и „Десятилѣтіе Морозовской стачки“ ходили по рукамъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Въ числѣ новинокъ Семенчиковъ и Талантовъ привезли съ собой въ Кохму брошюры: Свидерскій „Трудъ и Капиталъ“ и „Біографія Ф. Лассаля“ въ изданіи Ф. Павленкова.

Впечатлительный, но мягкій Д. Талантовъ былъ полной противоположностью энергичнаго и страстнаго Р. Семенчикова. Тѣмъ не менѣе оба товарища сошлись въ своей искренней любви къ борьбѣ за освобожденіе рабочихъ и начали усердно работать.

Нѣсколько чертъ изъ далеко еще не законченной біографіи того и другого изъ нихъ будутъ не лишни для дѣла.

По автобіографическимъ свѣдѣніямъ, даннымъ мнѣ Д. Талантовымъ, онъ родился 14 августа 1878 года въ селѣ Стромихинѣ въ 7 верстахъ отъ Кохмы. „Дѣтство и юность моя протекли по кабакамъ; въ кабакѣ и родился я“, съ горечью пишетъ о себѣ Д. Талантовъ. „Отецъ мой въ это время занималъ должность приказчика или „сидѣльца“, какъ называли тогда, въ кабакѣ. Отецъ былъ человѣкомъ очень неглупымъ и краснорѣчивымъ, но отличался крайней религіозностью и держался устарѣлыхъ понятій. Пилъ онъ періодически много того зелья, которымъ торговалъ, и во время запоя бывалъ буенъ настолько, что часто благодаря этому намъ съ матерью приходилось скрываться у сосѣдей. Мать—слабохарактерная, суевѣрная, какъ и всѣ женщины извѣстнаго круга, плохо умѣла читать, а писать совершенно не могла. Когда мы жили въ с. Калачевѣ, я поступилъ въ школу, гдѣ учителемъ былъ свящ. Добротворскій. Онъ относился къ своимъ обязанностямъ вполнѣ добросовѣстно; но вскорѣ его перевели въ другой приходъ, а на его мѣсто прислали свящ. Крылова, ужаснаго пьяницу. Ученье было, ради вина, окончательно заброшено, и школа опустѣла. Тутъ я остался не у дѣлъ и все время сталъ проводить на рѣкѣ съ удочкой, занимаясь рыбной ловлей. Сидѣлъ на берегу и мечталъ. Чего, чего только я не передумалъ за это время! Воспитанный въ строгой религіозности дома и въ школѣ, я читалъ книги преимущественно духовнаго содержанія и до того былъ впечатлителенъ, что, читая Четьи-Минеи, не могъ удержаться отъ слезъ при описаніи жизни святыхъ. Характера я былъ робкаго, совѣстливаго, а пьяныя оргіи въ кабакѣ возмущали

меня“, продолжаетъ Д. Талантовъ. Въ результатѣ отцу не удалось пріучить его къ торговлѣ. Это обстоятельство спасло мальчика отъ огрубѣнія, а кабацкія сцены подготовили его негодованіе на всю грязь и нищету рабочей жизни.

По переходѣ отца Талантова въ деревню Васильево (его родину) также сидѣльцемъ, Демидъ былъ отданъ въ школу, находящуюся въ селѣ Елюнинѣ. Здѣсь онъ годъ провелъ вмѣстѣ съ Романомъ Семенчиковымъ, но „общихъ интересовъ съ нимъ, исключая учебныхъ“ не имѣлъ.

„Черезъ два года отецъ былъ уволенъ, мы перебрались въ свой домъ и, такъ какъ средствъ къ жизни не было никакихъ, меня опредѣлили на ситцепечатную фабрику Новикова въ Иваново-Вознесенскѣ. Въ то время мнѣ было 15 лѣтъ (1892—1893 г.г.). Мнѣ дали мѣсто въ сушильнѣ при печатныхъ машинахъ. Отсутствіе какой-либо вентиляціи, ужасная жара, доходящая до 50° Reomur'а, невыносимая духота отъ испареній такъ гибельно подѣйствовали на мой непривычный къ такой атмосферѣ организмъ, что кровь бросилась мнѣ въ голову и брызнула изъ носу прямо на товаръ. Несмотря на это, на меня наложили штрафъ. Я былъ въ отчаяніи и задумалъ бѣжать куда-нибудь, но только не на фабрику и не домой. Къ счастью, меня перевели въ химическую лабораторію,—и я почувствовалъ себя лучше. Прослуживъ 1½ года въ химической, я былъ переведенъ на заварку въ лабораторію, а вскорѣ въ красильную мастеромъ. Живя въ красильной, я познакомился съ Ефимомъ Соловьевымъ, служившимъ въ то время смазывальщикомъ. Приходя въ красильную смазывать и замѣтивъ, что я часто читаю книжки, онъ предложилъ мнѣ книгъ болѣе содержательныхъ, чѣмъ бывали у меня“. Громадное вліяніе, по устному признанію Талантова, имѣла на него книга Эркмана-Шатріана „Гаспаръ Фиксъ“.

„Мы сблизились съ Соловьевымъ“, говорилъ далѣе Талантовъ, „и стали друзьями: онъ первый толкнулъ меня на путь къ самообразованію, ему первому я обязанъ знакомствомъ съ самоотверженными стремленіями людей, добивающихся переустройства обветшалыхъ устоевъ нашего государства, также тому, какъ эти люди борятся за свои убѣжденія. Благодаря его книжкамъ, а всего болѣе его убѣжденнымъ словамъ, я проникся его взглядами и высказалъ желаніе принять участіе въ общей борьбѣ.

Вскорѣ Соловьевъ познакомилъ меня съ двумя товарищами Маховымъ и Шаровымъ. Задавая мнѣ различные вопросы, они устроили мнѣ нѣчто въ родѣ экзамена и, найдя меня всецѣло, безъ всякой задней мысли, заинтересованнымъ въ поставленныхъ мнѣ вопросахъ, послѣ нѣкотораго совѣщанія, ввели меня въ рабочій „кружокъ“ или организацію. Съ первоначальнымъ развитіемъ организаціи такого рода

система предосторожности примѣнялась къ каждому вновь вступающему члену. Открытая агитація была тогда совершенно немыслима: 1) потому, что организація только основалась и надо было принимать величайшія предосторожности, чтобы не провалить столь важное дѣло и дать возможность вырости и окрѣпнуть новорожденному дѣтищу рабочей мысли. Во 2-хъ, рабочая масса была такъ задушена и темна, не могла отличить плохого отъ хорошаго, друга отъ врага, благодаря въ особенности стараніямъ правительства и, единственной доходившей до народа, лубочной литературѣ, затуманивавшей всякую рождавшуюся въ народной средѣ живую мысль. Народъ боялся всякаго нововведенія, если оно не исходило отъ правительства, твердо вѣрилъ, что тяжелая жизнь ему послана отъ самого Бога. Людей со свѣтлыми убѣжденіями, пытавшихся измѣнить его міровоззрѣніе,—онъ или избивалъ, предавая въ руки полиціи, или сторонился, считая за грѣхъ слушать. Но избранные люди того времени, преимущественно молодежь, твердо вѣрили въ свои убѣжденія, въ свои завѣтныя идеи и, не взирая ни на какія преграды, часто жертвуя жизнью и свободой, стремились осуществить свои мечты".

Чтобы охарактеризовать способы веденія революціонной борьбы, вѣрнѣе, подготовки къ ней, приведемъ и свѣдѣнія, даваемыя Талантовымъ о первыхъ временахъ Иваново-Вознесенскаго Союза.

„*Борьбу* приходилось вести совершенно замкнуто. Для собраній снималась квартира, куда сходились по позднимъ вечерамъ, соблюдая всяческія мѣры предосторожности. На собраніяхъ основателемъ ихъ Ѳ. А. Кондратьевымъ читались лекціи, въ которыхъ онъ знакомилъ насъ съ существующимъ общественнымъ строемъ и будущимъ соціальнымъ. Дѣлу просвѣщенія массъ онъ призывалъ насъ посвятить всѣ наши способности и энергію, не взирая ни на какія препятствія. Вторымъ организаторомъ былъ А. А. Евдокимовъ, обладавшій ораторскимъ талантомъ и богатыми знаніями по соціальнымъ вопросамъ и устно знакомившій собраніе съ вопросами соціализма. Членами организаціи въ первое время состояли Грачевъ, Макаровъ, Маховъ, Шаровъ, Кудряшовъ, Орѣховъ и другіе".

Любопытный примѣръ, характеризующій степень убѣжденности членовъ этого кружка, а также и самого Талантова, приводитъ этотъ послѣдній въ переданныхъ мнѣ отрывкахъ воспоминаній. Для насъ онъ любопытенъ потому, что ясно намѣчаетъ весь ходъ мысли первыхъ пропагандистовъ и агитаторовъ Иваново-Вознесенскаго Союза, перешедшихъ потомъ въ Кохму.

Талантовъ разсказываетъ: „Когда въ одно изъ собраній передъ Новымъ Годомъ рѣшили устроить совмѣстную встрѣчу его, то нѣкоторые изъ членовъ союза изъявили же-

ланіе провѣрить, всѣ ли знаютъ, что такое соціализмъ и въ чемъ состоитъ наша задача. Рѣшили, что каждый членъ союза приготовится сказать подъ Новый Годъ (1896-й) нѣсколько словъ устно или письменно, прозой или стихами,—кто какъ можетъ. И вотъ мнѣ вспоминается стихотвореніе Махова, по профессіи ткача, не получившаго никакого образованія,—стихотвореніе ярко выражающее наши стремленія:

„Вотъ и мы, друзья, встрѣчаемъ
Вмѣстѣ ночь на Новый Годъ,
И, конечно, всѣ мечтаемъ,
Чтобы дѣло шло впередъ!
Мы, какъ члены славной партіи,—
Соціальной демократіи,
Мы прогрессъ желаемъ ей,
Мы—гроза купцовъ...
Мы враги такого строя,
. . . .
А рабочихъ, все создавшихъ,
Страшнымъ голодомъ морятъ!
Гдѣ людей богатыхъ кучка
Съ страшной наглостью своей
Царствуетъ, а милліоны
Раболѣпствуетъ предъ ней!
Нашей партіи задача—
Ниспровергнуть этотъ строй...
А на мѣсто стона, плача
Создадимъ мы строй иной!
Строй такой, гдѣ люди будутъ
Все всеобщее имѣть,
И землей и капиталомъ
Всѣ сообща будутъ владѣть!
Будутъ всѣ равно трудиться,
А продукты отъ труда
Будутъ поровну дѣлиться
Межъ рабочими тогда!

Свобода, братство и равенство—вотъ нашъ, товарищи, девизъ!

Трудиться долженъ для всѣхъ каждый,—и всѣ для каждаго трудись!"

Такимъ стихотвореніемъ былъ встрѣченъ Новый Годъ въ Ивановѣ въ 1896 г., стихотвореніемъ, съ недостатками формы котораго невольно миришься—принимая во вниманіе тогдашнюю степень подготовки его автора.

„Въ 1896 г. примкнули къ движенію Кисляковъ, Корниловъ, Володина, Семенчиковъ. Вся дѣятельность ивановской организаціи основывалась на саморазвитіи членовъ и

вербовки новыхъ лицъ,—людей честныхъ, которые выдѣлялись изъ среды своими стремленіями къ знаніямъ и выражали недовольство существующимъ порядкомъ. Каждый членъ обязанъ былъ платить 2% со своего заработка на книги и т. п. расходы по организаціи. Въ скоромъ времени число членовъ умножилось настолько, что ихъ пришлось раздѣлить по районамъ и въ каждомъ районѣ устроить особую квартиру. Собранія шли въ извѣстные дни, ибо на каждомъ изъ нихъ необходимо было присутствіе членовъ-руководителей Ф. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова". Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что до арестовъ (въ январѣ 1896 г.) союзъ работалъ, что называется, во всю,—„дѣло шло гигантскими шагами", разсказываетъ Талантовъ, „что ни день, то являлись новые члены. Квартировалъ я въ то время на Ямахъ (предмѣстьѣ Иваново-Вознесенска), ночи проводили почти безъ сна: на квартирѣ собирались каждый вечеръ, дымъ стоялъ коромысломъ—споры, обсужденія злободневныхъ вопросовъ, чтеніе шли безъ конца. Голова безъ сна отказывалась иногда совершенно работать, вѣки невольно слипались,—и я, сидя, засыпалъ, но возникалъ какой-нибудь важный вопросъ,—общими усиліями меня будили и разрѣшали его совмѣстно".

Въ результатѣ фабричная администрація отказала Талантову отъ мѣста, принимая его за пьяницу, и онъ остался безъ работы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ отказъ и былъ случаемъ, который заставилъ Талантова поступить на фабрику Ясюнинскихъ въ Кохмѣ. Въ то же время работалъ здѣсь, какъ сказано выше, и Р. Семенчиковъ. Для ивановской организаціи, пытавшейся еще въ 1896 году завязать болѣе или менѣе прочныя связи съ Кохмой, была найдена теперь надежная опора.

Второй членъ Иваново-Вознесенскаго Рабочаго Союза, перешедшій въ Кохму, Романъ Семенчиковъ родился въ селѣ Сидоровскомъ, верстъ 15 отъ Кохмы, повидимому, въ 1878 году. Послѣ обученія въ Елюнинской школѣ онъ былъ отданъ въ мальчики къ нѣкоему г. Барскому, иваново-вознесенскому коммиссіонеру и театралу. Обращеніе съ нимъ было здѣсь таково, что впечатлительный мальчикъ возненавидѣлъ г. Барскаго и, не выдержавши холопской службы, убѣжалъ домой и былъ отданъ родителями на фабрику. Въ 1896 г. мы видимъ его уже въ Кохмѣ, помощникомъ красильнаго мастера, и ревностнымъ послѣдоватемъ иваново-вознесенскихъ пропагандистовъ.

Къ характеристикѣ этого замѣчательнаго человѣка, изъ котораго впослѣдствіи выработался стойкій борецъ за освобожденіе рабочихъ, надо прибавить необыкновенную его страстность и рѣшительность. Всякое убѣжденіе, восприни-

мавшееся имъ, безповоротно влекло его къ извѣстнымъ дѣйствіямъ въ духѣ этого убѣжденія. Казалось, для него не было ничего недостижимаго...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ весьма недюжинными способностями и росъ умственно, въ періодъ моего съ нимъ знакомства, чрезвычайно интенсивно. Въ противоположность многимъ долго сомнѣвающимся натурамъ, Р. Семенчиковъ рѣзко обрубилъ всякую связь съ религіей.

Мнѣ вспоминается слѣдующая картина. Это было въ лѣсу. Когда Семенчиковъ окончательно изъ словъ товарищей убѣдился, что существующая религія—ложь, стремящаяся своими сѣтями опутать народъ, онъ сорвалъ у себя съ груди крестъ и съ силой вонзилъ его въ кору березы... Крестъ тамъ и остался. Любя народъ, онъ умѣлъ и всѣми силами ненавидѣть его притѣснителей...

Но обратимся послѣ этой далеко незаконченной, по необходимости, характеристики Р. Семенчикова, вновь къ разсказу Д. Я. Талантова: „Спали мы оба (съ Романомъ) въ рабочихъ казармахъ и вели и здѣсь агитацію среди рабочихъ. Трудно было сдѣлать тогда въ Кохмѣ что-нибудь существенное, среди царившаго въ ту пору мрака невѣжества. Рабочіе смотрѣли на насъ, какъ черти на попа, и на каждомъ шагу мы слышали подлый шопотъ и укоры въ нашемъ безбожіи и непочтеніи къ царской власти. Трудно поэтому было найти единомышленниковъ, но они все-таки были, и это обстоятельство влило въ насъ энергію еще ревностнѣе приняться за начатое дѣло.

Каждый разъ, когда передъ обѣдомъ и послѣ него намъ приходилось проходить мимо прядильной Ясюнинскихъ, изъ оконъ ея неслись всегда по нашему адресу эпитеты: „социлисты, остроломы! [1])“, приправляемые циничными ругательствами. Все это было обидно и горько переносить“. Не менѣе остроумно изощрялись въ издѣвательствахъ надъ нашими основателями Союза хозяева, администрація и конторщики. Первые считали ихъ дерзкими мальчишками, вторые презрительно обзывали „студентами“ и совѣтовали поучиться уму-разуму у гимназистовъ, походить за умомъ съ сумкой...

Но, какъ и всегда, рабочее движеніе въ Россіи (а въ частности и въ Кохмѣ) еще разъ блистательно опровергло всѣ насмѣшки и кары его враговъ, всѣ сомнѣнія его недруговъ.

Послѣ знакомства съ пѣшковцами Ф. Н. Алалыкинымъ, П. А. Кашниковымъ и другими, Талантовъ и Семенчиковъ почувствовали твердую почву подъ ногами.

---

[1]) Испорченные „астрономы“,—названіе, намекавшее на склонность молодыхъ энтузіастовъ рабочихъ популяризовать свои свѣдѣнія по астрономіи передъ темной массой.

Движеніе, заглохшее, было, нѣсколько послѣ отъѣзда Бучитова въ солдаты, вновь оживилось.

П. Кашниковъ уступилъ для собраній безвозмездно свою квартиру на зиму; но лѣтомъ можно было собираться въ лѣсу. Начали добывать подходящія книги. Библіотека была скудная, безъ всякаго систематическаго подбора. Были книги по физикѣ, географіи, астрономіи, минералогіи, Дарвинъ „О происхожденіи видовъ" и популяризація его ученія Ферьера. Впослѣдствіи, когда наладились болѣе или менѣе связи съ Иваново-Вознесенскомъ, появились: Шелгуновъ, Писаревъ, Щедринъ, Писемскій и другіе. Литературы нелегальной тогда было мало, за исключеніемъ перечисленной выше у Иваново-Вознесенскаго Союза, и симпатіи кружка къ соціаль-демократіи опредѣлялись по чувству, присущему рабочему движенію всѣхъ странъ.

Къ веснѣ 1897 года въ составѣ кохомскаго рабочаго кружка объединились 8 человѣкъ: Кашниковъ П., Алалыкинъ Ф., Талантовъ Д., Семенчиковъ Р., Сибринъ, Першинъ, Курановъ и Косяковъ (изъ граверной мастерской). Въ долинѣ подъ соснами, у ручья близъ Пѣшкова въ 1897 году они устроили первое тайное празднованіе международнаго праздника 1-го мая и положили на немъ основаніе Кохомскому Рабочему Союзу.

На соснахъ таинственно были вырѣзаны годъ, число и иниціалы участниковъ празднованія.

V.

Все лѣто и осень 1897 года прошли въ Союзѣ въ привлеченіи новыхъ членовъ.

Изъ нихъ въ это время вошли въ союзъ: Китаевъ И. Г. (изъ Вонтина), Тюринъ, Смирновъ и П. Морковкинъ. Литература легальная добывалась изъ Иваново-Вознесенска, гдѣ существовала въ то время общественная книжная лавочка, открытая на товарищескихъ началахъ мѣстными культурными силами (С. П. Шестернинъ, Ф. А. Кондратьевъ и др.).

Союзъ развивался, расчищалъ вокругъ себя атмосферу, но вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ себѣ враговъ и сталъ безпокоить полицію. Скоро ивановскіе товарищи сообщили, что въ Кохмѣ долженъ появиться нѣкто Ивановъ-провокаторъ. Сначала члены союза ждали его появленія, а затѣмъ съ теченіемъ времени это предупрежденіе упустили изъ виду. Между тѣмъ въ артельной кухнѣ на фабрикѣ Ясюнинскихъ появился хлѣбопекъ, человѣкъ сознательный, но горькій пьяница. Въ пьяномъ видѣ онъ безбоязненно пѣлъ нелегальныя пѣсни и вслухъ высказывался въ противоправитель-

ственномъ духѣ. „Насъ подкупилъ онъ (Григорій Савельевъ Штрифанъ, онъ же Ивановъ) своей смѣлостью", разсказываетъ Д. Талантовъ: „и безпристрастностью сужденій. Позабывъ о предупрежденіи, мы ввели его въ кружокъ. Этимъ мы сдѣлали непростительную ошибку, потому что вскорѣ стали замѣчать, что онъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ полиціей, а также вспомнили данное намъ предупрежденіе. Во время одной сходки въ лѣсу мы съ угрожающимъ видомъ потребовали отъ него объясненій его загадочныхъ поступковъ, и неудовлетворенные его неискренними отвѣтами потребовали рѣшительнаго удаленія его изъ Кохмы. Угроза подѣйствовала, и Штрифанъ скрылся, но кохомская полиція стала заглядывать въ Пѣшково. Дѣйствія Союза стали еще болѣе осторожны, тѣмъ не менѣе въ началѣ декабря 1897 г. полиціи удалось открыть въ Пѣшковѣ сходку, на которой всѣ члены Союза были переписаны. Эта первая кара Союза нѣкоторое время тяжело подѣйствовала на членовъ. На мгновеніе они въ нерѣшительности остановили свои дѣйствія. Въ то же самое время фабричная администрація стала весьма косо посматривать на Д. Талантова и Р. Семенчикова, ища предлоговъ для ихъ увольненія.

Тогда-то къ Союзу подоспѣла новая помощь. Изъ Петербурга въ Кохму къ родственникамъ былъ высланъ на годъ подъ надзоръ полиціи за распространеніе с.-д. литературы (между прочимъ, майскихъ №№ „Рабочей Газеты" 1896 года) пишущій эти строки. Имѣя еще ранѣе того сношенія съ кружкомъ Ф. А. Кондратьева и А. А. Евдокимова въ Иваново-Вознесенскѣ, я получилъ отъ нѣкоторыхъ лицъ этого кружка связи въ Кохмѣ съ Талантовымъ. Въ декабрѣ 1897 года состоялось *наше* знакомство, а затѣмъ и вступленіе мое въ Кохомскій Рабочій Союзъ. Вскорѣ несчастный случай съ Д. Я. Талантовымъ (поврежденіе пальца въ печатной машинѣ) и довольно продолжительная болѣзнь, а затѣмъ и увольненіе подъ этимъ предлогомъ съ фабрики, прервали мои сношенія съ Д. Талантовымъ. Взамѣнъ этого, Талантовъ въ январѣ 1898 г. познакомилъ меня съ Н. Семенчиковымъ, а тотъ, въ свою очередь, доставилъ мнѣ знакомство съ Алалыкинымъ и П. Кашниковымъ. Вскорѣ всѣ четверо образовали тогда руководящее ядро Союза. На первую очередь была намѣчена имъ задача самообразованія членовъ Союза и пробужденія въ нихъ классоваго пролетарскаго самосознанія. Для этого на твердыя ноги была поставлена библіотека Союза, пополненная многими выписанными непосредственно изъ Петербурга и Москвы книгами. Въ ней появились книги: *Некрасовъ*. Стихотворенія; *Шпильгагенъ* и *Шатріанъ*. Романы; *Беллами*. Черезъ сто лѣтъ; *Водовозова*. Жизнь европейскихъ народовъ; Новые томы сочин. *Писарева* и *Шелгунова*; *Н. Н. Водовозовъ*. Экономическіе этюды;

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки, только что тогда вышедшій, и *К. Каутскій*. Эрфуртская программа. Изъ нелегальныхъ произведеній, кромѣ Каутскаго, появились *Лассаль*. О сущности конституціи. Идея рабочаго сословія; „Рабочая Газета"; *Либкнехтъ*. Пауки и мухи; Стачка лжи къ 1-му мая 1898 г. и др. брошюры и прокламаціи, обращавшіяся въ С.-П.Бургѣ въ 1896—1898 г.г. и упомянутыя уже выше. Съ идеей трудовой цѣнности члены Союза знакомились по Свидерскому и нелегальнымъ изданіямъ; съ начатками экономической науки по А. Богданову и съ принципами международной соціаль-демократіи по „Эрфуртской программѣ" К. Каутскаго, добытой въ одномъ экземплярѣ и то съ величайшимъ трудомъ.

По рукамъ ходила и усиленно читалась „Эмма", ром. Швейцера, „Одинъ въ полѣ не воинъ" Шпильгагена, „Исторія одного крестьянина" Эркмана-Шатріана и Н. Рубакинъ „Подъ гнетомъ времени". Современныя правовыя отношенія члены Союза изучали по весьма популярному тогда, восторжено приподнятому, соч. *Джаншіева* „Изъ эпохи великихъ реформъ". Изъ газетъ были въ ходу „Русскія Вѣдомости", гдѣ товарищи зачитывались корреспонденціями Іоллоса изъ Берлина о соц.-демократическомъ и профессіональномъ рабочемъ движеніи въ Германіи. Читались даже выдержки изъ „Торгово-Промышленной Газеты", обстоятельно слѣдившей тогда за рабочей хроникой по офиціальнымъ даннымъ. Для помощи при чтеніи газеты было выписано съ десятокъ словарей иностранныхъ словъ Гавкина, оказавшихъ членамъ Союза большую услугу. Изъ естественно-научныхъ книжекъ были въ большомъ ходу: *Ивановъ*. Божій міръ (о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ); *Рубакинъ*. О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы; *М. Веренъ*. О борьбѣ человѣка съ природой; *Клоддъ*. Картины міра и піонеры человѣчества; *Ферьеръ*. Дарвинизмъ и др. еще болѣе популярныя изданія.

Благодаря необходимой въ то время конспиративности, а также условіямъ надзора, мои непосредственныя сношенія съ Союзомъ ограничивались только указанными тремя лицами, и лишь впослѣдствіи мало-по-малу я расширилъ кругъ своего личнаго знакомства съ остальными членами Союза. Всѣ „собранія четырехъ" происходили по вечерамъ на уединенныхъ дорогахъ въ лѣсу, гдѣ только и возможно было чувствовать себя въ безопасности. Даже при свѣтѣ луны свиданій старались избѣгать. Зимой утаптывали площадку около дороги и, стоя, посвящали свои короткіе промежутки свиданій обсужденію важнѣйшихъ событій изъ фабричной жизни. Налаживались въ то время связи на всѣхъ кохомскихъ фабрикахъ и необходимо было выяснить степень возможности для Союза вмѣшаться въ разгоравшуюся тогда и обострявшуюся все болѣе стачечную борьбу мѣстныхъ ра-

бочихъ и капиталистовъ. Какъ уже въ нѣсколькихъ примѣрахъ было указано выше, дѣйствовать приходилось среди безпросвѣтной тьмы и непріязненнаго отношенія къ членамъ Союза не только со стороны капиталистовъ и ихъ присныхъ, но и большинства самихъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе у членовъ Союза существовала непоколебимая и трогательная вѣра, что ясная для нихъ однихъ цѣль—скоро сдѣлается ясной и для всѣхъ. Страдали глубоко, но не смущались тѣмъ, что политическій строй, грозно царившій въ то время, не давалъ надежды на скорое его паденіе. Всѣ думали, что бороться придется при немъ десятки лѣтъ,—не менѣе 50, по мнѣнію многихъ. Но какъ ни странно, это обстоятельство давало новую силу членамъ Союза, заставляя еще больше напрягать ихъ молодую энергію.

Существенными недостатками фабричныхъ отношеній, рѣзко бьющими тогда въ глаза, были негигіеничность ситцевой фабрики (какъ и теперь) у Ясюнинскихъ, малая заработная плата (отъ 6—8 р. въ мѣсяцъ) и рабочій день 14 часовъ въ одну смѣну. На прядильной царило невозможно грубое (матерная ругань помощника директора) обращеніе съ рабочими, заработная плата была также низка (женщины зарабатывали 8—10 р., мужчины 10—18 р.), матеріалъ, выдаваемый для пряжи, былъ плохъ и давалъ много браку, за который налагался штрафъ, кромѣ того происходила задержка въ выдачѣ наградныхъ денегъ.

Распредѣленіе рабочаго дня на прядильной на 3 смѣны по 6 часовъ каждая, еще не отмѣненная въ то время, вызвало у членовъ Союза большіе споры. Одни находили, что рабочій день въ 2 смѣны по 9 часовъ выгоднѣе для рабочихъ, другіе (очень немногіе) говорили, что 6-ти часовыя смѣны даютъ возможность веденія полевыхъ работъ. На „совѣщаніи четверыхъ“ рѣшено было поддерживать 2 смѣны по 9 часовъ, какъ распорядокъ, при которомъ хотя и труднѣе работать, но который въ концѣ концовъ выгоднѣе для приходящаго на фабрику рабочаго, у котораго уходитъ много времени на ходьбу и все-таки не остается времени на полевыя работы. Кромѣ того, по вопросу о полевыхъ работахъ члены Союза рѣзко высказались въ томъ смыслѣ, что разрывъ съ крестьянствомъ для рабочаго необходимъ, если онъ хочетъ плодотворно бороться съ капиталомъ.

Въ результатѣ, какъ отголосокъ этого рѣшенія, въ скоромъ времени по требованію рабочихъ безъ стачки на прядильной Ясюнинскихъ были введены двѣ 9-ти часовыя смѣны.

Любопытно, что рѣшеніе членовъ Союза, требовавшихъ окончательнаго разрыва рабочихъ съ землей и для этого сознательно отстаивавшихъ большую продолжительность фабричныхъ смѣнъ (вмѣсто 6—9-ти часовыя), оказалось какъ

разъ прямо противоположнымъ скрытымъ стремленіямъ обезсилить рабочихъ, стремленіямъ, которыя проявились въ то время какъ у фабрикантовъ, такъ и у крупныхъ землевладѣльцевъ.

„Недавно въ Шуйскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи", говоритъ Сергѣй Шестернинъ [1]): „фабриканты Дербеневъ (ивановскій) защищалъ свой проектъ закрытія фабрикъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ". Точно также: „губернскій съѣздъ земскихъ начальниковъ въ Тульской губ. въ 1898 году постановилъ ходатайствовать о закрытіи фабрикъ на лѣто, чтобы такимъ путемъ дать сельскимъ хозяевамъ возможность пользоваться большимъ предложеніемъ рабочихъ рукъ" [2]).

Короче, фабриканты и аграріи хотѣли подѣлить между собой рабочую силу, для того, чтобы ни здѣсь, ни тамъ она не могла оказать сильнаго сопротивленія ихъ эксплуататорскимъ замысламъ.

Но возвратимся къ Союзу. Кромѣ библіотеки, у него существовала касса, составлявшаяся, какъ и въ Ивановѣ, изъ 2% взноса съ заработка. Идейная работа въ Союзѣ заняла всю зиму и весну 1898 года.

Въ Петербургѣ возникло и развивалось въ то время движеніе „экономистовъ" съ „Рабочей Мыслью" въ качествѣ руководящаго органа. Намѣчались и зачатки движенія „рабочедѣльцевъ" впослѣдствіи съ „Рабочимъ Дѣломъ" во главѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже заканчивалась подготовительная работа въ Кіевскомъ руслѣ соціаль-демократическаго движенія: по иниціативѣ „Рабочей Газеты" собирался I-й съѣздъ Р. С.-Д. Р. Партіи съ манифестомъ, написаннымъ П. Б. Струве, бывшимъ въ то время еще соціаль-демократомъ.

Извѣстіе объ основаніи Р. С.-Д. Р. П. пришло въ Кохму ранней весною 1898 г. „Совѣщаніе четырехъ" собралось на свиданіе у трехъ березъ въ полѣ, гдѣ находится въ настоящее время быстро выросшая на этомъ мѣстѣ деревня Сидѣево. Здѣсь Кохомскій Рабочій Союзъ просто принялъ къ свѣдѣнію фактъ образованія Р. С.-Д. Р. Партіи, войдя въ нее съ этого времени въ качествѣ одного изъ ея маленькихъ членовъ. Важнѣе для Союза въ тотъ моментъ были текущія дѣла, къ которымъ немедленно и перешло совѣщаніе.

Лѣтомъ, въ іюлѣ 1898 г. былъ добытъ одновременно для Кохмы и Иваново-Вознесенка и первый „Манифестъ Партіи". На пригоркѣ въ Афонасовскомъ оврагѣ по дорогѣ изъ Кохмы въ Иваново-Вознесенскъ состоялось тогда небольшое собраніе, на которомъ онъ и былъ прочитанъ совмѣстно съ нѣкоторыми кохомскими и ивановскими товарищами (покой-

[1]) Сергѣй Шестернинъ. Г. Иваново-Вознесенскъ. Р. Б. 1901 г., III кн.
[2]) Тамъ же.

ный Курочкинъ, Р. Семенчиковъ и другіе). Вскорѣ послѣ этого въ Ивановѣ образовался И.-В. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Невольно возникаетъ теперь вопросъ, въ какомъ отношеніи къ указаннымъ тремъ (или, по крайней мѣрѣ, двумъ опредѣлившимся тогда) теченіямъ рабочаго движенія стоялъ Кохомскій Рабочій Союзъ? Вопросъ этотъ приходится поставить вмѣстѣ съ тѣмъ въ связи съ частыми упреками въ „экономизмѣ", который бросали иваново-вознесенцамъ товарищамъ и раньше въ „Листкѣ Работника" отъ 1896 года и позднѣе, присоединяя сюда еще упрекъ въ симпатіяхъ къ направленію „Рабочаго Дѣла". Постараемся разобраться въ этомъ вопросѣ, по возможности, безпристрастно.

Если припомнить, что основатели Кохомскаго Рабочаго Союза частью происходили изъ кружка ивановцевъ 1895 г., гдѣ устами Махова подъ Новый 1896 годъ было провозглашено, что кружокъ желаетъ прогресса „славной партіи соціальной домократіи", то не останется сомнѣнія—въ безусловной идейной принадлежности членовъ Союза къ чисто соціаль-демократическому теченію рабочаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было указано на тѣ трудности, которыя встрѣчали члены Союза на своемъ пути. Ихъ укоряли въ безбожіи и непочитаніи царской власти сами же рабочіе. Поневолѣ практически порой приходилось казаться поссибилистами въ духѣ экономизма и въ извѣстной мѣрѣ постепеновцами въ духѣ „Рабочаго Дѣла". Но опредѣленно ни то, ни другое направленіе не становилось и не стало, какъ это прекрасно извѣстно въ настоящее время, въ основу мѣстнаго (Кохомскаго) движенія. То же показываетъ и фактъ весьма благопріятнаго отношенія членовъ Кохомскаго Союза къ появленію [1]) Майскаго Листка 1898 года, на краяхъ котораго жирнымъ шрифтомъ впервые были отпечатаны лозунги: „Да здравствуетъ политическая свобода! да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день!"—лозунги, какъ извѣстно, считавшіеся необыкновенно дерзкими для петербургскихъ „экономистовъ" изъ „Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса" въ 1900 году. Сдѣлавши эту оговорку, возвратимся къ судьбамъ Союза.

Въ концѣ 1897 г. совершенно стихійно разыгралась сдѣлавшаяся почти всеобщей стачка иваново-вознесенскихъ прядильщиковъ, ткачей и ситцепечатниковъ. Руководить громаднымъ движеніемъ было ни подъ силу Иваново-Вознесенскому Союзу, но участіе въ забастовкѣ онъ принялъ, вливши въ нее организующее вліяніе отдѣльныхъ своихъ членовъ. Необыкновенная энергія, развитая тогда однимъ изъ членовъ Союза, умершимъ впослѣдствіи въ ссылкѣ въ Олонецкой губ., сплотила всю массу рабочихъ, дала ей воодушевленіе, бодрость и рѣшимость стойко бороться до конца. Изъ сбе-

[1]) Въ небольшомъ количествѣ ходилъ по рукамъ и не разбрасывался.

регательныхъ кассъ быстро уплывали небольшіе запасы рабочихъ, которыми они дѣлились другъ съ другомъ.

Были выставлены требованія: 1) установить старое число праздничныхъ дней (уменьшаемое по закону 2 іюня 1897 г.); 2) кончать работу въ 6 ч. вечера наканунѣ праздниковъ; 3) контролировать штрафной капиталъ ежемѣсячно самимъ рабочимъ; 4) дозволять работу смѣнщикамъ; 5) освобождать рожениць отъ работъ за 2 недѣли до и на 2 недѣли послѣ родовъ; 6) оказывать помощь роженицамъ, не только изъ суммъ штрафного капитала, но и изъ страхового; 7) уплатить заработную плату за все время забастовки.

Ни администрація фабрикъ, ни власти ничего не могли сдѣлать съ забастовкой, кромѣ примѣненія своихъ обычныхъ жестокихъ мѣръ. Какъ бы то ни было, забастовка, хотя и не вполнѣ удавшаяся, сильно спаяла рабочихъ и отразилась на окрестностяхъ Иваново-Вознесенска. Одной изъ первыхъ отвѣтныхъ волнъ на нее явилась іюньская забастовка (1898 г.) въ Кохмѣ. Одновременной забастовки въ Кохмѣ въ декабрѣ 1897 г. и январѣ 1898 г. не произошло, благодаря уступкамъ фабрикантовъ по вопросу о праздникахъ.

Хотя за это время изъ Кохомскаго Союза выбылъ сначала Д. Талантовъ, котораго не приняли обратно на фабрику будто бы по болѣзни руки, а затѣмъ и Р. Семенчикова (въ Иваново), но силы Союза значительно окрѣпли, а негодованіе рабочихъ на притѣсненія, практиковавшіяся на прядильной фабрикѣ Ясюнинскихъ, все росло и росло. Это заставило членовъ Союза выступить впервые открыто. Честь эта выпала на долю Ф. Алалыкина и М. Першина. Происшедшій незадолго до этого арестъ Смирнова показалъ всѣмъ членамъ Союза, что близокъ и ихъ чередъ. Тѣмъ съ большей рѣшимостью проявили они себя.

Долго копившееся недовольство рабочихъ стихійно вырвалось наружу,—но толпа, смѣлая до забастовки, стушевалась бы предъ властями, если бы не организующая работа Союза.

Ф. Н. Алалыкинъ и Першинъ предъявили фабричному инспектору и администраціи цѣлый списокъ совмѣстно выработанныхъ членами Союза *требованій*. Въ числѣ ихъ стояли: повышеніе заработной платы на 5%; удаленіе мастера (помощника директора); вѣжливое и гуманное обращеніе съ рабочими, замѣна стараго ремонта новымъ; выдача задерживаемыхъ денегъ и пр.

Всѣ требованія рабочихъ, по совѣту фабричнаго инспектора, были признаны хозяевами справедливыми (послѣ времени!) и удовлетворены послѣ 2-3 дневной стачки. Всѣ рабочіе были приняты на работу. Впервые рабочіе на членовъ Союза стали смотрѣть какъ на защитниковъ интересовъ рабочаго класса, и первая побѣда Кохомскихъ рабочихъ въ 1898 г. сдѣлалась первой побѣдой мѣстнаго сознательнаго

рабочаго движенія, первой побѣдой Кохомскаго Рабочаго Союза. Само собой разумѣется, однако, что полиція не простила Ф. Н. Алалыкину и Першину ихъ смѣлаго выступленія. 2-го іюля 1898 года Алалыкинъ, П. Кашниковъ и Першинъ были арестованы и отвезены въ Шуйскую тюрьму.

Послѣ ареста пѣшковцевъ налаживать дальнѣйшую работу въ Союзѣ пришлось мнѣ. Для этого мною были завязаны связи съ Ив. Китаевымъ (изъ Вонтина), Тюринымъ, Курановымъ и др. До сентября мѣсяца 1898 года продолжалась моя непосредственная работа. Союзъ снова сталъ на ноги, когда мнѣ за окончаніемъ высылки пришлось оставить Кохму и ѣхать на югъ Россіи.

Небольшая кучка членовъ Кохомскаго Союза продолжала свою работу ровно въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ послѣ ареста первой группы: 2-го октября 1898 г. арестовали Китаева, Тюрина и Морковкина, а въ Иваново-Вознесенскѣ взяли Талантова и Семенчикова. Полиція подозрѣвала, повидимому, организующее вліяніе автора этого очерка, но у нея не было пока достаточныхъ для ареста данныхъ [1]). Уже чрезъ $1^1/_2$ мѣсяца заключенные второй группы были выпущены на свободу съ обязательствомъ не отлучаться отъ родныхъ деревень. Въ декабрѣ того же года былъ арестованъ Курановъ и на тѣхъ же условіяхъ до рѣшенія дѣла были освобождены изъ Владимирской губ. тюрьмы и Алалыкинъ, П. Кашниковъ и Першинъ.

Медленно и по необходимости осторожно начали возвратившіеся изъ тюрьмы возстановлять полуразрушенную организацію Союза. Населеніе было напугано арестами, но идея рабочаго движенія уже не замирала. Въ Союзъ вступали понемногу новые члены. Въ апрѣлѣ 1899 г. на „конспиративной" квартирѣ П. Козлова были арестованы самъ хозяинъ, М. Китаевъ (изъ Боголюбовской слободы), Жаровъ и Евл. Дунаевъ. Послѣдніе трое состояли въ то время членами Иваново-Вознесенской организаціи. На квартирѣ нашли прокламаціи, литературу и гектографъ. На допросѣ много лишняго выболтали и П. Козловъ и Мих. Китаевъ.

П. Козловъ былъ выпущенъ на свободу, остальные сидѣли по разнымъ мѣстамъ. Евл. Дунаевъ 6 мѣс. съ лишнимъ провелъ въ тюрьмахъ Ивановской, Шуйской и Владимирской. Выпущенный изъ тюрьмы онъ 1 годъ и 3 мѣсяца отбывалъ особый надзоръ полиціи въ Царицынѣ и Саратовѣ, а послѣ этого по приговору отбылъ 1 годъ заключенія въ „Крестахъ" въ ПБургѣ.

Продолжая свои сношенія съ Союзомъ и доставляя литературу наѣздами въ Кохму, я познакомился въ концѣ 1899 г.

---

[1]) Это обстоятельство сообщили мнѣ впослѣдствіи арестованные тогда товарищи.

черезъ П. Кашникова съ П. Козловымъ, слесаремъ съ фабрики Щербаковыхъ. Самъ глубоко вѣрящій въ рабочее дѣло и преданный идеѣ рабочаго класса, П. Кашниковъ отличался и большой довѣрчивостью къ людямъ, считая возможнымъ пользоваться услугами для Союза порою совершенно непригодныхъ для этого людей. Къ такимъ людямъ и можно было отнести П. Козлова и Л. Черкасова. Послѣдній несомнѣнно выдавалъ товарищей. Какъ бы то ни было, знакомство было сдѣлано. Въ январѣ 1900 года Алалыкинъ, Кашниковъ, Талантовъ и Тюринъ были высланы въ г. Петровскъ Дагестанской области, первые трое на 2 года, а Тюринъ на 1 годъ (по собственному выбору, надѣясь найти тамъ работу на мѣстной фабрикѣ по приговору, состоявшемуся въ декабрѣ 1899 г.

Къ тому времени Р. Семенниковъ былъ уже въ солдатахъ (съ ноября 1899 г.), состоя подъ надзоромъ воинскаго начальства въ Муромскомъ пѣхотномъ полку въ Остроленкѣ. Это были тяжелые годы его жизни, о которыхъ и впослѣдствіи ему трудно было вспоминать, по его собственному признанію. Изъ остальныхъ членовъ Союза И. Г. Китаевъ (изъ Вонтина, близъ Кохмы) и П. Морковкинъ были высланы въ Ростовъ-на-Дону срокомъ на 1 годъ, по собственному своему выбору, Курановъ же оставленъ на годъ надзора въ своей деревнѣ.

Теперь Кохомскому Рабочему Союзу пришлось переживать тяжелыя времена. Оставшіеся въ немъ ненадежные работники требовали помощи извнѣ. Передъ Пасхой 1900 г. было рѣшено прекратить самостоятельное существованіе Кохомскаго Союза и присоединиться къ организованному въ Иваново - Вознесенскѣ Иваново - Вознесенскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. въ качествѣ *четвертаго* автономнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ района.

Для поясненія надо сказать однако, что организаціи въ то время на первыхъ порахъ существованія Партіи были весьма неопредѣленны и неустойчивы. Такъ, и въ Иваново-Вознесенскѣ, кромѣ Комитета, существовалъ въ то время и „Союзъ Рабочихъ Русскаго Манчестера". Объясняется это, конечно, отсутствіемъ массоваго соціаль-демократическаго сознанія среди мѣстныхъ рабочихъ.

Несмотря на прекращеніе самостоятельной дѣятельности Кохомскаго Рабочаго Союза въ апрѣлѣ и началѣ мая 1900 г., членовъ его постигли тѣмъ не менѣе послѣднія кары. Въ Кохмѣ, ПБургѣ и Петровскѣ произошли новые аресты. Въ Кохмѣ былъ арестованъ вторично П. Козловъ, и въ этотъ разъ не понесшій никакого наказанія и скоро освобожденный изъ заключенія, вѣроятно, за „чистосердечный разсказъ" о всемъ, что онъ зналъ. Въ ПБургѣ былъ арестованъ авторъ этого очерка и въ Петровскѣ вновь Ф. Алалыкинъ, а въ

Ростовѣ н/Д были произведены обыски у ссыльныхъ И. Г. Китаева и П. Морковкина.

К. Н. Алалыкинъ, послѣ ареста въ Петровскѣ, подвергся новой карѣ. Ему измѣнили приговоръ, назначивши 6 мѣсяцевъ тюрьмы, которую онъ отбылъ въ Петровскѣ и 2 года ссылкѣ въ Стерлитамакѣ Уфимской губ.; пишущій эти строки послѣ семи мѣсяцевъ сидѣнія въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ ПБургѣ отбывалъ 1 годъ и 3 мѣсяца особаго надзора полиціи въ г. Тифлисѣ, а затѣмъ по приговору былъ сосланъ на 4 года въ Вятскую губернію, оттуда вернулся въ ПБургъ по манифесту 11 августа 1904 года.

Полиція и мѣстныя власти торжествовали. Кохомскій Рабочій Союзъ и вся организація его перестали существовать; всѣ члены Союза перваго состава очутились въ ссылкѣ; весьма немногіе изъ оставшихся совершенно ушли отъ работы.—Но торжество было преждевременно.

Движеніе замерло, но не было убито. Уже въ концѣ 1900 года организація въ Кохмѣ оправилась, и вновь закипѣла работа. Ея исторія тѣсно сплетается уже съ исторіей сначала Иваново-Вознесенскаго К-та, а затѣмъ—Сѣвернаго Союза Р. С.-Д. Р. Партіи.

VI.

На общественномъ кладбищѣ въ г. Грозномъ Дагестанской области есть затерявшаяся среди другихъ холмиковъ скромная могила. Никто не заботится о ней, никто не приходитъ навѣстить ее. Могила эта хранитъ прахъ одного изъ нашихъ товарищей—основателей Кохомскаго Рабочаго Союза П. Кашникова.

За полгода до его смерти я встрѣтилъ Кашникова въ послѣдній разъ.

Въ тихой прощальной бесѣдѣ мы сидѣли съ нимъ на берегу моря въ Петровскѣ. Море сердито билось о камни, бѣлая пѣна перелетала черезъ нихъ и неслась намъ въ лицо... Просторомъ и свѣжестью вѣяли волны, а кругомъ было такъ тѣсно, такъ темно...

П. А. Кашникову и жившему въ то время съ нимъ въ Петровскѣ Д. Я. Талантову тяжело доставалась жизнь въ ссылкѣ.

Бывали времена, что въ карманѣ у нихъ не было ни копейки денегъ, въ чужомъ, далеко отъ родныхъ городѣ. Тогда приходилось браться за самую тяжелую и грязную работу: чистить цистерны съ нефтью или мостить улицы Петровска, разбивая увѣсистымъ молотомъ тяжелые камни.

Жизнь зачастую безъ куска хлѣба, вдали отъ родины и участія въ рабочемъ движеніи, которое все ярче разгора-

лось тогда годъ отъ году по всей Россіи, сильно истомила П. А. Кашникова.

Для бѣгства и новой работы въ новыхъ условіяхъ, для бурной нелегальной жизни онъ не былъ подготовленъ да и не подходилъ по своему характеру.

Къ тому же, въ душѣ его затаенно, тихо, но упорно и страстно царила надежда вернуться на родину.

Для этого стоило жить, для этого стоило думать—къ родинѣ неслись мечты и П. Кашникова и И. Талантова.

За отъѣздомъ Ф. Алалыкина въ ссылку въ Уфимскую губ. они остались одиноки.

Зима проходила въ тяжелой работѣ на пристани подъ немолчный шумъ прибоя, лѣтомъ томили горячія южныя лихорадки.

Лѣтомъ 1902 г. по окончаніи срока ссылки онъ выбрался въ Армавиръ, чтобы немного заработать денегъ для отъѣзда на родину.

Тамъ къ истощенному тяжелой работой и лихорадкой организму привязался тифъ, и въ нѣсколько дней П. А. Кашникова не стало.

Онъ умеръ одиноко въ общественной больницѣ г. Грознаго, такъ какъ въ Армавирѣ такой не имѣлось.

Родные и односельчане провожали его въ ссылку торжественно съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, мать и братъ прощались съ нимъ съ надеждой на его возвращеніе...

Онъ не вернулся — и нѣтъ его съ нами.

Какъ жаль, какъ странно не слышать его словъ, полныхъ безспорной преданности дѣлу рабочихъ:

„Ребятишки, [1]) помните, мы—сознательные рабочіе, идя къ своей великой цѣли, должны быть такъ чисты, чтобы ни единаго пятнышка не было на насъ, ни одинъ несправедливый упрекъ не коснулся насъ“... Такимъ онъ прожилъ свою недолгую жизнь, такимъ встаетъ въ нашей памяти—и уже навсегда остается въ ней.

А. Рябининъ.

---

[1]) Тогда совсѣмъ еще не употреблялось въ его настоящемъ значеніи и не было въ ходу слово „товарищи.“

Памяти Г. М. Баламеза.

Разбирая старую переписку, нашелъ я письмо Г. М. Баламеза, заключающее кое-какія данныя для біографіи этого болгарина, много потерпѣвшаго за участіе въ русскомъ освободительномъ движеніи [1]).

Происхожденіе письма таково.

Въ 1894 году, послѣ паденія Стамбулова, я посѣтилъ Болгарію, въ качествѣ корреспондента «Новаго Времени». Оно тогда взяло на себя задачу, заслужившую и вниманіе, и симпатіи общества: пропаганду «русско-болгарскаго примиренія» — послѣ восьмилѣтняго отчужденія и дипломатическаго разрыва между двумя государствами, вызваннаго сопротивленіемъ маленькаго молодого княжества волѣ Александра III въ эпоху баттенбергіады, избраніемъ Фердинанда Кобургскаго въ князья болгарскіе, главнымъ же образомъ, заносчивыми безтактностями и капризами русскихъ дипломатическихъ и военныхъ представителей, съ пресловутымъ Каульбарсомъ во главѣ. За восемь лѣтъ отчужденія, которымъ руководили двѣ такія рѣшительныя и неуклонно-крутыя воли, какъ съ русской стороны—Александръ III, а съ болгарской – Стамбуловъ, Болгарія сдѣлалась для русскаго общества, воистину, terra incognita, стала страною миѳовъ, создаваемыхъ оскорбленнымъ русскимъ шовинизмомъ и подогрѣваемыхъ легендами Цанкова и болгарскихъ офицеровъ-эмигрантовъ, участниковъ низложенія князя Александра. Эти «руссофилы» жили въ Россіи, получали отъ русскаго правительства жалованье, соотвѣтственное ихъ болгарскимъ чинамъ, имѣли служебное положеніе и, вообще, чувствовали себя очень недурно. Извѣстно, что впослѣдствіи они не хотѣли возвращаться въ Болгарію иначе, какъ на условіи производства ихъ въ тѣ чины, до которыхъ они «могли бы дослужиться», если бы продолжали свою службу на родинѣ. Эта эмиграція, въ миніатюрѣ и en laid, напоминала французскую эмиграцію въ эпоху Великой Революціи и, какъ фран-

---

[1]) Г. М. Баломезъ былъ осужденъ на поселеніе одесскимъ военно-окружнымъ судомъ въ 1879 году (по дѣлу Чубарова, Лизогуба и др.) и въ 1888 году бѣжалъ изъ Сибири. *Ред.*

цузская дворянская эмиграція, такъ и болгарская офицерская, оказалась въ Россіи слугою и союзницею злѣйшей реакціи. Органами ея были въ Москвѣ—«Московскія Вѣдомости» Петровскаго, въ Петербургѣ—«Свѣтъ» Комарова, фактически руководимый въ то время болгарскимъ эмигрантомъ, капитаномъ Бендеровымъ.

Отчужденіе отъ Россіи было тяжело для Болгаріи, но и Россіи оно причиняло серьезныя неудобства политическія, военныя и торговыя. Необходимость помириться съ Болгаріей и возстановить непосредственное русское вліяніе на молодое княжество понималась въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Однако, даже и шаговъ къ тому никакихъ не дѣлалось, потому что Александръ III и слышать не хотѣлъ ни о Фердинандѣ, ни о Стамбуловѣ. Онъ откровенно давалъ понять, что въ болгарскомъ вопросѣ чувствуетъ себя лично оскорбленнымъ. Паденіе Стамбулова какъ будто открыло лазейку къ компромиссу, и министерство иностранныхъ дѣлъ желало эту лазейку использовать.

Сумбуръ догадокъ и представленій о Болгаріи, накопленный за восемь лѣтъ невѣдѣнія, морочилъ не только русское общество, но и русскихъ дипломатовъ. Когда я, передъ отъѣздомъ въ Софію, представлялся покойному Шишкину, онъ мнѣ прямо сказалъ, что «мы знаемъ о Болгаріи даже меньше, чѣмъ о центральной Африкѣ, потому что не можемъ довѣрять свѣдѣніямъ, доходящимъ оттуда: всѣ они получаются отъ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ втравить Россію въ свою партійную игру, а потому довѣрія не заслуживаютъ». Почти то же самое повторилъ мнѣ въ Бухарестѣ Де-Фонтонъ, а въ Вѣнѣ—Бенкендорфъ, тогда еще старшій секретарь посольства. Два русскихъ корреспондента, которымъ, въ теченіе 8 лѣтъ отчужденія, удалось побывать въ Болгаріи, охранявшейся Стамбуловымъ отъ русскаго глаза съ суровою и искусною ревностью,—Е. Л. Кочетовъ-Львовъ (Русскій Странникъ) и С. С. Татищевъ,—принадлежали къ разряду крайнихъ шовинистовъ московскаго панславизма. Особенно первый. Болгарія могла бы удовлетворить его развѣ лишь въ видѣ «русской губерніи», да и то на военномъ положеніи. Писанія Кочетова въ «Новомъ Времени» налили много масла въ огонь балканской вражды. Болгаръ они пугали и раздражали, а въ русскихъ властяхъ это бѣшеное, обуянное злобою, кровожадное лганье, повидимому, никого не успокаивало и не утѣшало, такъ какъ уже очень наглядно сказывались его фанатическая предвзятость и фанатичность. Поэтому, когда А. С. Суворинъ задумалъ, послѣ паденія Стамбулова, послать въ Болгарію корреспондента и совѣтовался о томъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, ему тамъ указали, что для такой командировки желателенъ былъ бы человѣкъ совершенно свѣжій, стоящій внѣ славянскихъ теорій и партій и, слѣдовательно, способный отнестись къ дѣйствительности, которую увидитъ, вполнѣ объективно, простымъ наблюдателемъ и бытописцемъ. Надо, «добру и злу внимая равнодушно», собрать фактическій и несомнѣнный матеріалъ,—и только.

Я никогда не занимался политикою вообще, а славянскими дѣлами въ частности даже и не интересовался. Это было одною изъ главныхъ причинъ, почему мнѣ предложили «открыть Болгарію».

Въ Софіи я познакомился съ Гавріиломъ Баламезомъ въ первый же день по пріѣздѣ. Онъ былъ въ то время редакторомъ офиціознаго «Свободнаго Слова»: языкомъ и перомъ премьеръ-министра Стоилова, соединившаго тогда вокругъ себя всѣхъ искренних конституціоналистовъ Болгаріи. Такъ партія и называлась—«соединисты». Въ теченіе трехъ недѣль, что я прожилъ въ Софіи, мы съ Баламезомъ были почти неразлучны, такъ что цанковисты даже печатно обвиняли потомъ Стоилова, будто онъ нарочно приставилъ ко мнѣ Баламеза и Стояновича въ сторожевое дежурство, чтобы я не получалъ свѣдѣній ни отъ кого, кромѣ соединистовъ. Это совершенно невѣрно. Я въ Софіи аботалъ часовъ по 16 въ сутки и перевидалъ тогда рѣшительно всю политическую и литературную интеллигенцію Болгаріи, включительно до самого Фердинанда, Стамбулова, Грекова и т. д. Баламезъ былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ—и обильнымъ разнообразіемъ знакомствъ, и отличнымъ знаніемъ русскаго языка, и подробною освѣдомленностью о закулисныхъ сторонахъ всѣхъ партій, и замѣчательною добросовѣстностью рекомендацій, сэкономившихъ мнѣ массу времени. Только одинъ разъ мы съ нимъ чуть было не погрызлись. Весь успѣхъ моей поѣздки былъ построенъ на исключительной точности моихъ интерьвью. Я думаю, никогда ни одинъ журналистъ не терзалъ своихъ собесѣдниковъ больше, чѣмъ я. Я предпочиталъ затрагивать меньше вопросовъ, но каждый вопросъ, однажды затронутый, мы дожевывали до конца. Теперь я не въ состояніи былъ бы ни себя, ни другого такъ мучить. Кн. Фердинанда я чуть не каждую фразу заставлялъ трижды повторять: по-французски, по-болгарски и по-нѣмецки и затѣмъ самъ ему говорилъ, какъ я его понялъ, по-русски, ожидая поправокъ. Благодаря тому, получилось интервью, пріобрѣтшее значеніе историческаго документа. Въ 1901 году, семь лѣтъ спустя, я не безъ профессіональной гордости узналъ отъ Станчова, что интервью мое неоднократно служило ораторамъ Народнаго Собранія матеріаломъ для ссылокъ и доказательствъ, и правительство не отвергало авторитетности источника. И вотъ въ эту-то мою систему дознанія Баламезъ вторгся однажды. Ему непремѣнно хотѣлось, чтобы свою бесѣду со Стоиловымъ я далъ проредактировать ему совмѣстно съ самимъ премьеръ-министромъ. Я отказалъ, соображая, что, при правкѣ заинтересованныхъ лицъ, интервью потеряетъ характеръ искренности, превратится въ обдуманную статью, гдѣ такой ловкій, умный, изящный политикъ, какъ Стоиловъ, успѣетъ совсѣмъ спрятать свою физіономію.

— Но вѣдь тамъ могутъ быть обмолвки! горячился Баламезъ.

Я возражалъ:

— Обмолки-то мнѣ и интересны.

— Стоиловъ непремѣнно хочетъ измѣнить нѣкоторыя фразы.

— Очень хорошо. Пусть назначитъ мнѣ новое свиданіе. Я напишу тогда вторую бесѣду съ нимъ, но эта пойдетъ, какъ была.

Баламезъ дулся на меня цѣлый вечеръ, но потомъ развеселился и сложилъ гнѣвъ на милость. Ему тогда было лѣтъ подъ 40. Онъ былъ лысоватъ, черный, какъ жукъ, въ густыхъ курчавыхъ бакенбардахъ, необычно живой и подвижной, съ рѣзво прыгающими глазами и—всегда веселъ безконечно. Типъ провинціальнаго учителя изъ «нигилистовъ». Сибирь и трудное бѣгство не оставили на немъ внѣшняго слѣда, но здоровье его было разрушено, и жилъ онъ лишь нервнымъ подъемомъ. Когда возбужденіе политической побѣды улеглось, Стоиловъ заколебался, и «Свободное Слово» погасло, — Баламезъ быстро «сдалъ». Два года спустя, на праздникахъ присоединенія княжича Бориса къ православію, я едва узналъ стараго пріятеля: такъ онъ состарился, пожелтѣлъ, осунулся, поскучнѣлъ... сдѣлался какой-то захолустный, провинціальный. Видно было, что человѣкъ идетъ къ какому-то печальному концу. Но я, все-таки, не подозрѣвалъ, что онъ былъ уже смертельно боленъ.

Поѣздка моя надѣлала не мало шума и въ Россіи, и въ Европѣ. Вѣнская печать, бывшая въ то время чуть не монопольною поставщицею вѣстей о Балканскомъ полуостровѣ, по редакціи и цензурѣ австрійскаго дипломатическаго агентства въ Софіи,—ругала меня неистово. Но все же не столько, какъ отечественная: «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Извѣстія Славянскаго Благотв. Общества», «С.-Петербургскія Вѣдомости» Авсѣенки—словомъ, вся тогдашняя крайняя правая. Гнѣвъ разгорался по мѣрѣ того, какъ я, въ результатѣ долгихъ личныхъ свиданій и разговоровъ съ болгарскими дѣятелями, снималъ съ балканской сцены миѳъ за миѳомъ и одну за другую разбивалъ иллюзіи московскаго панславизма. Мнѣ не могли простить, что Стамбулова я нашелъ не только «тираниномъ и блудникомъ», но и человѣкомъ очень большого ума и таланта и, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, несомнѣннымъ патріотомъ, съ ярко и сознательно выраженною національною идеей; что Фердинандъ показался мнѣ совсѣмъ не безхарактернымъ дурачкомъ, какъ было принято изображать его въ Россіи, но ловкимъ и гибкимъ политикомъ, всегда умѣющимъ обезпечить себѣ рѣшительное большинство; что въ народѣ болгарскомъ я не замѣтилъ ни малѣйшаго стремленія видѣть свое отечество русской губерніей; и, главное, что я не скрылъ печальнаго убѣжденія въ строгой пропорціональности болгарскаго руссофильства съ денежными выдачами изъ Азіатскаго департамента:—Pas d'argent—pas de suisse!... Вѣнская печать разносила меня, какъ заклятаго панслависта, а московскій панславизмъ проклиналъ меня на всѣхъ соборахъ, увѣряя, что я продался «вѣнскимъ жидамъ». Я былъ тогда мо-

лодъ и впечатлителенъ,—клеветы и оскорбленія въ печати на меня, мало обстрѣляннаго, еще дѣйствовали. Для того, чтобы не запугивать себя ими и не сбиваться съ намѣченнаго пути, я, покуда работалъ въ Софіи, нарочно не читалъ никакихъ статей о моей поѣздкѣ. Принялся за этотъ подвигъ только въ Россіи. Меня прямо поразила и жестоко удручила густая атмосфера какой-то безпричинно завистливой злобы, хлынувшей на меня изъ этой дикой полемики. Я еще понималъ, что свирѣпѣли политическіе разномышленники, которымъ моя лѣтопись, какъ сказать, портила обѣдню. Но противны и несносны были нападки газетъ, казалось бы, либеральныхъ, хотя и коммерческихъ, въ родѣ «Новостей», которыя, въ азартѣ недогадливой конкурренціи съ догадливымъ «Новымъ Временемъ», ругали меня, на чемъ свѣтъ стоитъ, даже не трудясь замѣчать, что въ балканскихъ вопросахъ я на $^9/_{10}$ принялъ именно ту политику, которой онѣ, «Новости», сами держались. Настолько, что и «Новое Время», вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Россію, отняло у меня право голоса по балканскимъ дѣламъ, находя, вѣроятно, что въ панславистскихъ разочарованіяхъ и отрицаніяхъ я зашелъ слишкомъ далеко. Русскій Странникъ былъ возстановленъ въ своемъ амплуа балканскаго оракула, и мнѣ не дали даже возможности возразить ему на одну, замѣчательно нелѣпую, статью, продиктованную сплошь ложью эмигрантовъ—«руссофиловъ». Травля прекратилась только послѣ того, какъ вступился за меня авторитетнымъ словомъ своимъ Н. К. Михайловскій, къ слову сказать,—совершенно мнѣ незнакомый,—я къ нему никогда никакихъ отношеній не имѣлъ. Поддержали мое право путешествовать, гдѣ мнѣ угодно, и разговаривать, съ кѣмъ я хочу, и московскія «Русскія Вѣдомости»—какъ всегда, холодныя, но корректныя. Что касается лая съ крайняго права, тутъ рекордъ побили публицисты «Московскихъ Вѣдомостей», дошедшіе до обвиненія меня въ «государственной измѣнѣ»: дескать, «политическимъ младенцомъ» овладѣли враги Россіи, «вѣнскіе жиды» и эмигранты-террористы, и онъ пропѣлъ свои пѣсни подъ ихъ дудку. Въ доказательство, указывалось именно тѣсное сближеніе мое съ «государственнымъ преступникомъ Баламезомъ, правою рукою казненнаго Лизогуба». Въ 1894 году я былъ убѣжденный государственникъ и монархистъ. Поэтому доносъ «Московскихъ Вѣдомостей» нисколько не смутилъ меня, но разсердилъ, и я рѣшилъ его зло высмѣять. И вотъ я напечаталъ шуточный фельетонъ, въ которомъ признавалъ себя кругомъ виноватымъ въ сношеніяхъ съ государственнымъ преступникомъ Баламезомъ, правою рукою казненнаго Лизогуба, но, съ своей стороны, обвинялъ «Московскія Вѣдомости» еще въ большемъ преступленіи: вѣдь, столпами редакціи были въ то время Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, бывшій участникъ процесса 193-хъ, и Левъ Тихомировъ, бывшій участникъ Липецкаго съѣзда, у котораго у самаго правыхъ рукъ, подобныхъ Баламезу, были, я думаю, десятки. Что же касается принесеннаго ими раскаянія, то, ежели,

молъ, «Московскія Вѣдомости» объявляютъ въ подозрѣніи насъ съ Баламезомъ, то я объявляю въ подозрѣніи ихъ съ Тихомировымъ. Фельетонъ мой произвелъ большую сенсацію. Хохота было много, номеръ продавался—особенно въ Москвѣ—по дорогой цѣнѣ. Никогда еще «Московскія Вѣдомости» не были оборваны съ болѣе безцеремонною рѣзкостью. Онѣ растерялись и, послѣ двухъ блѣдныхъ, съ видимою неохотою написанныхъ, писемъ Тихомирова и Говорухи-Отрока, прекратили полемику. Вотъ именно къ этому-то случаю и относится нижеслѣдующее письмо Г. М. Баламеза.

Дорогой Александръ Валентиновичъ!

Можете себѣ представить: вѣдь я прочиталъ Вашу милую защиту «не принесшаго чистосердечное раскаяніе государ. преступника» только-только сейчасъ, мѣсяцъ спустя послѣ ея опубликованія.

— «Ну, вотъ...»

Да позвольте же! Откуда мнѣ было ее знать? «Новое Время» есть на всю Софію въ редакціи, да въ бюро прессы министерства иностранныхъ дѣлъ, да въ Славянской Бесѣдѣ; наша редакція, съ окончаніемъ большихъ выборовъ въ Народное Собраніе,—приказала долго жить; въ Иностр. Дѣла, къ Начовичу, ни раньше не хаживалъ, ни теперь не хожу; тоже въ Славянской Бесѣдѣ. И вотъ, надо было пройти цѣлому мѣсяцу, надо было, чтобы одинъ мой россійскій благопріятель изъ подъ Можайска (кажется, есть такой городъ?) выслалъ бы мнѣ вырѣзку изъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Новаго Времени»,—словомъ,—надо было цѣлыхъ триста съ листомъ (?), пока я узналъ о не первой пакостной выходкѣ противъ меня «Моск. Вѣд.» и о Вашей милой, форменно gentleman'ской [1]) защитѣ, доставившей мнѣ такое необычайное удовольствіе, что я и сказать не могу.

А какая въ сущности нелѣпая штука эта Россія! Бога ради! Не сердитесь, дорогой Александръ Валентиновичъ! Но развѣ и у Васъ не подымется что-то тамъ внутри, когда нельзя заткнуть глотки «Московскимъ Вѣдомостямъ» хотя бы такой приблизительно тирадой:

— «О, вы совы и шакалы всероссійскй «Свободы» [2]), Вы, «Московскія Вѣдомости»! Прочитайте же вы процессъ Баламеза, возьмите глаза въ руки и посмотрите, что сказано въ стенографическихъ отчетахъ этого чудеснѣйшаго процесса! Вѣдь тамъ «во всѣ буквы» напечатано, какъ военный прокуроръ, храбрый полковникъ Галицинскій, опираясь молодецки на саблю и побѣдоносно крутя усы, обвинялъ этого самаго Баламеза не въ томъ, что онъ террористъ, или анархистъ, или «правая рука Лизогуба», а въ томъ, что онъ ни больше, ни меньше, какъ *соціалистъ-ле-*

[1]) Я тогда подписывалъ статьи свои псевдонимомъ Old Gentleman.

[2]) „Свобода"—органъ Стамбулова, прославленный апологіями палочниковъ.

галистъ (ужасъ!) т. е. то же, что, напримѣръ, и всѣ профессора политической экономіи почти всѣхъ университетовъ, въ томъ числѣ и русскихъ. Какъ же Вамъ, душки изъ «Московскихъ Вѣдомостей», не стыдно сочинять и взводить поклепы на человѣка, который сейчасъ связанъ по рукамъ и по ногамъ и который кажется достаточно ужъ пострадалъ за свое преступленіе: 10 годовъ ссылки въ Сибири за глаза достаточно за *легализмъ*! Вѣдь это нелѣпѣе исторіи мужика Успенскаго, сработавшаго долгими трудами фальшивый пятакъ и просидѣвшаго за это шесть лѣтъ въ тюрьмѣ.

Ну, да Господь съ ней, съ Россіей! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, въ особенности принимая въ соображеніе, что меня, отлично проводившаго время у родителей, въ богоспасаемомъ городѣ Кишиневѣ, «освободили» отъ турецкаго ига.

Вамъ навѣрное хотѣлось бы узнать у меня что-нибудь сенсаціонное изъ нашей жизни, что-нибудь свѣженькое, новенькое? Право же, ничего интереснаго. Поговариваютъ о комбинаціи Начевичъ-Радославовъ-Рачо, Петровъ-Пешевъ, долой Стоиловъ-Гешевъ-Величковъ, хотя говорятъ съ неменьшимъ вѣроятіемъ и обратное: Стоиловъ-Гешевъ-соединисты, долой Радославовъ-Пешевъ-Начевичъ. Послѣ выборовъ, послѣ того какъ выяснилось, что два кота (Стоиловъ и Радославовъ) никоимъ образомъ въ одномъ мѣшкѣ не уживутся, мы, свободословисты, подали мотивированный отказъ отъ официоза, и газета прекратилась. Говорятъ, будто Тончевъ съ будущаго понедѣльника будетъ издавать «Свободн. Слово» на свой страхъ и рискъ, но мнѣ вся эта канитель такъ осточертѣла, такъ я усталъ отъ этой безтолочи и политиканской ерунды, что, кабы моя воля, плюнулъ бы на все, да началъ бы писать—ну, хоть стихи, лишь бы подальше отъ всего, «подальше отъ грѣшной земли».

Стихи не стихи, а вотъ наступятъ длинные, зимніе вечера, дѣваться отъ одуряющей скуки «столицы» будетъ некуда, вотъ тогда и ждите, что я начну душить Васъ своими статьями — огною изобиліемъ строкъ! Все это, конечно, шутки: пока Вы не отвѣтите хоть открыткой, я не посмѣю послать Вамъ и строчки.

До свиданія, любезный, дорогой Александръ Валентиновичъ. Еще разъ приношу Вамъ мою сердечную благодарность за Вашу защиту нераскаявшагося государственнаго преступника и желаю Вамъ отъ души беззаботно и весело провести весь наступающій зимній сезонъ.

Вашъ Г. Баламезъ.

8 Октября 94 г.
София.

Въ 1899 году, когда основалась «Россія», я послалъ Г. М. Баламезу предложеніе взять на себя отдѣлъ балканской политики. Отвѣта не послѣдовало, къ большому моему удивленію и досадѣ, такъ какъ, непремѣнно желая привлечь Баламеза къ дѣлу, я

лишился нѣсколькихъ очень хорошихъ корреспондентовъ. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я получилъ письмо отъ родственницы Баламеза,—не помню, сестры или дочери?—изъ котораго узналъ, что я писалъ уже покойнику... Потомъ просился занять предложенное мною Г. М. Баламезу мѣсто братъ его Андрей, рекомендуясь человѣкомъ, который во всемъ-де раздѣлялъ судьбу Гавріила, до Сибири и бѣгства включительно. Меня очень удивило письмо Андрея Баламеза, такъ какъ покойный Гавріилъ Баламезъ никогда не говорилъ мнѣ, что у него есть братъ, да еще сибирскій страстотерпецъ. Но, заглянувъ въ справочникъ Бурцева «За сто лѣтъ», я увидѣлъ при имени Андрея Баламеза, въ скобкахъ, такую мрачную отмѣтку, что мнѣ стало сразу понятно, почему Гавріилъ замалчивалъ его существованіе. Пришлось оставить просьбу безъ отвѣта. Въ 1901 году Андрей былъ еще живъ. Не знаю, какъ теперь.

Александръ Амфитеатровъ.

„Принцесса Владимирская“ въ Рагузѣ.

(Новые матеріалы [1]).

До сихъ поръ неизвѣстно, кто была та замѣчательная и очаровательная молодая женщина, которая наполнила шумомъ своего имени послѣдніе годы третьей четверти XVIII вѣка въ Западной Европѣ. Принцесса Владимирская, незаконная дочь Елизаветы Петровны и законная претендентка на русскій престолъ, сестра Пугачева, который весь бунтъ поднялъ только для того, чтобы возвести ее на русскій престолъ—такъ называла себя эта особа, собирая вокругъ себя и привязывая волшебными любовными нитями старыхъ и молодыхъ, незначительныхъ польскихъ агентовъ польской конфедераціи и владѣтельныхъ особъ, въ родѣ князя Лимбургскаго. Короткая ея жизнь была полна необычайнаго блеска; звѣзда ея авантюры поднялась высоко и тотчасъ же пала съ горизонта. Конецъ ея извѣстенъ — трагиченъ и печаленъ. Графъ Алексѣй Орловъ, опытный въ играхъ любовныхъ, дѣлецъ, околдовалъ самое принцессу, заманилъ ее на суда русскаго флота, стоявшаго въ Ливорно, и доставилъ ее прямо въ цѣпкія руки Екатерины II, въ Петропавловскую крѣпость (26 мая 1775 года). Начались допросы, условія жизни въ казематѣ были ужасны. Несчастной женщинѣ не оказали никакого состраданія, всячески добиваясь узнать, кто же она. Даже священникъ, посланный исповѣдывать ее, не могъ заставить ее отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ концѣ ноября она разрѣшилась отъ бремени: то былъ ребенокъ Алексѣя Орлова, а 4 декабря 1775 г. умерла, такъ и не открывъ тайнъ своего рожденія.

Историки тоже не открыли этой тайны, но для научной исторіи вопросъ о томъ, кто была принцесса Владимирская и не имѣетъ значенія. Гораздо важнѣе вопросы, кто скрывался за самозванкой, кто выдвинулъ ее на сцену, кто руководилъ ею, кому, наконецъ, могла принести пользу эта политическая игра? Подбирая отвѣты на эти вопросы о принцессѣ

[1]) Изъ архива въ Неаполѣ.

Владимирской, мы прежде всего должны отмѣтить ея ближайшія отношенія къ „пане коханку“ палатину Виленскому Карлу Радзивилу и къ польской конфедераціи. Россія переживала въ это время пугачевщину, вела войну съ Турціей. Пустить въ ходъ претендентку на русскій тронъ, попопробовать найти ей опору въ расположеніи султана было очень кстати для конфедератовъ.

И вотъ въ Рагузѣ, куда пріѣхала принцесса въ послѣднихъ числахъ іюля 1774 года, планъ дѣйствій складывается окончательно и дѣлается „выступленіе“, правда, неудачное.

Печатаемые ниже документы касаются какъ разъ пребыванія самозванки въ Рагузѣ: это донесенія по начальству французскаго консула Дериво, въ домѣ котораго она остановилась. Дериво адресуетъ подробныя донесенія de-Boynes'у и начальнику тайной полиціи Сартину (1729—1801). Эти депеши прибавляютъ нѣсколько штриховъ къ извѣстной намъ изъ другихъ источниковъ картины жизни самозванки въ Рагузѣ, а главное рисуютъ отношеніе къ ней французскаго правительства въ лицѣ директора тайной полиціи. Эти отношенія освѣщались историками невѣрно [1]).

№ 23.

Донесеніе Дериво—де-Буайенъ (de-Boynes).

I.

Рагуза, 16-го мая 1774 года.

№ 23. Имѣю честь донести о прибытіи сюда 20-го числа прошлаго мѣсяца графовъ Косаковскаго (*Kosakoski*) и Пулавскаго (*Pulasky*), маршаловъ польской конфедераціи въ сопровожденіи 15 офицеровъ разныхъ чиновъ, изъ которыхъ шестеро, состоящіе во французской службѣ, снабжены патентами короля. Эти два маршала, такъ же какъ и еще одинъ польскій офицеръ по фамиліи Ключевскій (*M. de-Klucewski*) имѣютъ намѣреніе получить фирманы и достать въ Турціи денегъ подъ залогъ имѣній, дабы собрать войско. Графъ де-Разумовскій (de-Rozoumowski), снабженный полной довѣренностью князя Радзивила (Prince Radziwil), собирается заложить имѣнія этого послѣдняго за два милліона цехиновъ и получить разрѣшеніе на наборъ корпуса въ шесть тысячъ человѣкъ среди христіанскаго населенія провинціи Босніи и Албаніи. Пулавскій разсчитываетъ также достать денегъ и собрать корпусъ въ двѣ-три тысячи человѣкъ,

[1]) О самозванкѣ новѣйшее сочиненіе принадлежитъ г-ну Ernest Luninski (Ksiѐzna Tarakanowa. Lwow. 1907). О Дериво нѣкоторыя подробности можно найти въ статьѣ о его сынѣ, тоже французскомъ консулѣ въ Рагузѣ и рагузанскомъ поэтѣ: — Marko Bruére Desrivoux als ragusanischer Dichter v. J. Nagy (Arch. für slavische Philologie, von V. Jagić S. 28 Heft) ss. 52.

съ которымъ онъ, по соглашенію съ княземъ Радзивиломъ, вторгнется въ Польшу. Эти офицеры увѣряютъ, что къ нимъ тотчасъ примкнутъ 25—30 тысячъ недовольныхъ, какъ только они появятся на границѣ своего отечества.

Г. де-Ключевскій заложилъ свои земли приблизительно за 40 тысячъ цехиновъ и, кромѣ того, заключилъ условіе съ венеціанскимъ графомъ Смешія (le comte Winceslas Smeshia nénitien), который съ своей стороны снабдилъ его двѣнадцатью-пятнадцатью тысячами на условіи службы у него въ корпусѣ и обѣщалъ доставить разрѣшеніе правительства Венеціи на сборъ войскъ въ Далмаціи. Эти войска въ соединеніи съ тѣми, что будутъ набраны въ другихъ мѣстахъ, составятъ корпусъ приблизительно въ пять тысячъ человѣкъ, съ которымъ онъ двинется на помощь бунтовщикамъ Россіи, намѣреваясь ихъ сперва поднять. Онъ пройдетъ черезъ Грузію, гдѣ, по его словамъ, силы его значительно увеличатся, такъ какъ къ нему примкнетъ большое количество кубанскихъ калмыкъ (Calmoucs du Kuban). И наконецъ, по его словамъ, онъ съ значительной воинской силой прибудетъ въ Казань, гдѣ его ожидаетъ г-нъ де-*Чоглоковъ* (M-r de Joglokoff), незаконный сынъ покойной императрицы Елизаветы и графа Разумовскаго; этотъ Чоглоковъ стоитъ во главѣ бунтовщиковъ подъ именемъ Петра III-го, а въ газетахъ названъ Пугачевымъ (Pugajeff). Необычайная ненависть этого польскаго офицера къ русскимъ, которые въ продолженіе 14 лѣтъ держали его въ ссылкѣ и въ тюрьмахъ въ Сибири, его обѣщаніе помочь г-ну де-Чоглокову и несчастія отечества, за которое онъ мститъ,—вотъ тѣ три причины, что придаютъ ему громадное мужество, настойчивость и храбрость. Никакія убѣжденія, никакія затрудненія, никакой трудъ—не могутъ его остановить. Князь Радзивилъ, воевода Виленскій (Palatin de Wilna) долженъ вскорѣ прибыть сюда, гдѣ онъ станетъ ожидать результата операцій и переговоровъ, которые при турецкомъ дворѣ будетъ вести графъ Косаговскій, а съ Великимъ Визиремъ въ арміи—маршалъ его двора г-нъ Радзишевскій (de-Radziszewski).

2.

Письмо

№ 27

г-на Дериво къ г-ну де-Буайенъ.

Рагуза, 12-го іюля 1774.

Я уже имѣлъ честь доносить Вашему Превосходительству о прибытіи сюда князя Радзивила, князя Старосты (Prince Staroste) и княжны Елизаветы Владимирской, сестры князя Чоглокова, стоящаго во главѣ бун-

товщиковъ въ Россіи, и, какъ говорятъ, дочери покойной императрицы Елизаветы, царицы Московской, и графа Разумовскаго. Эти князья и княжна ведутъ переговоры съ Константинополемъ по своимъ личнымъ дѣламъ. Герцогъ Гольштейнъ-Шлезвигъ ожидается въ Венеціи каждую минуту и долженъ быть тоже въ пути.

3.

№ 29.

Рагуза, 16-го августа 1774.

Князь Радзивилъ и его свита ждутъ съ нетерпѣніемъ результата переговоровъ, ведущихся съ Константинополемъ и Великимъ Визиремъ, дабы получить фирманъ и средства для набора арміи, съ тѣмъ, чтобы вернуться въ отечество съ вооруженной силой, но, кажется, переговоры не имѣютъ большого успѣха; имъ оттуда писали всего одинъ разъ, и мнѣ думается, что не подаютъ слишкомъ большихъ надеждъ. Въ свитѣ находится дама, присоединившаяся къ нимъ въ послѣднее время передъ отъѣздомъ изъ Венеціи, которую называютъ дочерью покойной императрицы Елизаветы и графа Разумовскаго и которая претендуетъ на престолъ Россіи на основаніи завѣщанія ея покойной матери. Ея братъ стоитъ во главѣ бунтовщиковъ въ Россіи подъ именемъ Петра III-го и извѣстенъ по газетамъ подъ именемъ Пугачева. Его настоящая фамилія—*Чоглоковъ*. Этотъ братъ заявилъ, что сражается лишь за ея права, о чемъ и объявилъ въ разсылаемыхъ имъ прокламаціяхъ. Она разсказываетъ, что Екатерина II-я по злобѣ сослала ее еще въ юности въ Сибирь и, желая избавиться отъ нее, пыталась отравить, но что, благодаря хитрости, она успѣла во-время принять противоядіе и бѣжать. Она спаслась въ Персію къ одному изъ родственниковъ Разумовскаго и оттуда пріѣхала очень недавно. Она разсказываетъ, что ее знаетъ и любитъ герцогъ Трирскій (Electeur de Trêves). Она даетъ понять, что тайно вышла замужъ за князя Лимбургъ-Гольштейнъ, который тоже долженъ пріѣхать сюда, чтобы вмѣстѣ съ ней отправиться въ Константинополь, гдѣ русскій вице-консулъ князь Голицынъ, одинъ изъ ея сторонниковъ и заговорщиковъ противъ императрицы Екатерины, предварительно подготовившій для нея почву и передавши все это въ надежныя руки, присоединится къ нимъ, дабы совмѣстно вести переговоры съ Его Величествомъ Падишахомъ, которому онъ представитъ завѣщаніе покойной императрицы Елизаветы, для того, чтобы княжну признали истинной наслѣдницей престола Россійской Имперіи и дабы заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Его Величествомъ Султаномъ. По секрету она мнѣ сообщила, что императ-

рица Екатерина и ея пріемникъ падутъ отъ руки преданныхъ ей заговорщиковъ и, что по ея предположенію это въ данный моментъ должно уже совершиться. Мнѣ кажется, что князь Радзивилъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости всѣхъ этихъ подробностей, но я сильно опасаюсь, чтобы онъ не былъ обманутъ замѣтными въ заговорѣ и даже въ обращеніи претендентки на русскій престолъ многими подробностями, сильно отзывающимися авантюрой. Тѣмъ не менѣе оба князя относятся къ ней съ полнымъ уваженіемъ и оказываютъ ей то вниманіе, которое вообще приличествуетъ корованнымъ особамъ.

Въ недалекомъ будущемъ должно, конечно, выясниться,—комедія ли все это или имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятности. Въ ожиданіи же такого разъясненія Рагузскій Сенатъ, узнавъ, что эта княжна публично называетъ себя претенденткой на русскій престолъ, командировалъ къ ней двухъ сенаторовъ съ просьбой выѣхать изъ предѣловъ республики, опасаясь неудовольствія со стороны императрицы Екатерины, въ случаѣ если бы та узнала о козняхъ, которыя противъ нее замышляетъ претендентка. Но эта въ своемъ родѣ авантюристка отвѣтила имъ такъ, какъ будто она уже коронованная государыня, и депутаты принуждены были вернуться, получивъ вмѣсто отвѣта лишь насмѣшки надъ ихъ трусостью. Изъ уваженія къ князю Радзивилу республика не захотѣла дѣйствовать болѣе энергично. Все это, Монсеньоръ, очень похоже на романъ, но я долженъ доносить вашему превосходительству все, что происходитъ въ этомъ небольшомъ государствѣ. Князь Радзивилъ, не найдя, по пріѣздѣ сюда, въ городѣ приличнаго помѣщенія для себя и для главныхъ персонажей своей свиты, просилъ меня уступить мой домъ, который стоитъ въ настоящее время пустой, такъ какъ благодаря хорошей погодѣ я выѣхалъ на дачу. Я не нашелъ возможности отказать въ этой просьбѣ князю. Льщу себя надеждой, что ваше превосходительство не осудитъ меня за это.

Г-нъ де-Раньина (*de-Ragnina*), сенаторъ республики, резидентъ въ Петербургѣ доноситъ своему правительству, что русская императрица согласилась, наконецъ, простить Рагузу. Государыня разрѣшила вернуть имъ корабли, которые были захвачены во время войны и дала разрѣшеніе на плаваніе на прежнихъ основаніяхъ, но, однако, при условіи,—не доставлять врагу запрещенныхъ товаровъ и выплатить вознагражденіе тому русскому въ Генуѣ, который вооружалъ судно, предназначенное для каперства, чему своими дѣйствіями мѣшалъ консулъ республики. Переговоры о величинѣ этого вознагражденія предоставлены графу Орлову, находящемуся въ Ливорно. Здѣсь, однако, безпокоятся о томъ, чтобы подобное вознагражденіе не оказалось настолько велико, что придется отказаться отъ милости императрицы Екатерины.

Письмо

№ 33

отъ г-на Дериво къ г ну де-Сартинъ

Рагуза, 23 Сентября 1774.

Князь Радзивилъ, получивъ увѣдомленіе, что Его Величество Падишахъ не разрѣшилъ ему въѣзда въ свои владѣнія, собирается уѣхать отсюда. Онъ хранитъ въ тайнѣ, куда и когда отсюда отправится. Надо предполагать однако, что онъ со всей своей свитой на кораблѣ отправится черезъ владѣнія Короля Неаполитанскаго прямо въ Авиньонъ, гдѣ, въ ожиданіи его, собрались много конфедератовъ для совѣщанія о своемъ новомъ положеніи, наступившемъ для нихъ послѣ заключенія несчастнаго мира между Россіей и Турціей. Князь, ощущая недостатокъ въ деньгахъ на подъемъ и путешествіе, занялъ у республики три милліона цехиновъ. P. S. Княжна Елизавета Владимирская просила меня переслать Вашему Превосходительству въ этомъ конвертѣ письмо, которое и имѣю честь при семъ приложить.

Письмо

№ 34

отъ г-на Дериво къ г-ну де-Сартинъ.

Рагуза, 14 Ноября 1774.

Князь Радзивилъ, вмѣсто того, чтобы направить путь черезъ Неаполитанское Королевство,—какъ это можно было предположить раньше,— пять дней тому назадъ уѣхалъ въ Венецію. Онъ разошелся съ княжной Елизаветой Владимирской, которая, въ свою очередь, отправилась въ Римъ подъ именемъ графини Ульрики де-Помбергъ (Comtesse Ulrica de Pomberg), ее сопровождаютъ два польскихъ дворянина, которые,—какъ кажется,—намѣреваются принять участіе въ ея дальнѣйшихъ приключеніяхъ. Двое слугъ этой претендентки на Русскій Престолъ, покинутые здѣсь, такъ какъ имъ не было заплачено жалованіе, кричатъ повсюду, что она не болѣе какъ авантюристка, скомпрометированная въ Парижѣ, гдѣ жила нѣсколько мѣсяцевъ, года два тому назадъ. Она нанимала отель Гренель (hôtel de Grenelle) въ улицѣ того же имени и носила фамилію графини де-М. Т. (de-M. T.) Они разсказываютъ, что она скрылась оттуда тайкомъ послѣ весьма скандальной исторіи, причемъ обманула многихъ купцовъ.

Письмо

г-на де-Сартина къ г-ну Дериво.

Версаль, 5 Декабря 1774.

Я получилъ, Милостивый Государь, два вашихъ письма отъ 1-го и 23 октября [1]) за № 32 и 33, а также и приложенное письмо претендентки княжны Елизаветы Владимирской.

Я бы очень желалъ, дабы она въ возможно непродолжительномъ времени привела въ исполненіе свое намѣреніе, о которомъ пишетъ, и покинула бы Рагузу, такъ какъ я опасаюсь, что она можетъ Васъ скомпрометировать, оставаясь въ Вашемъ домѣ. Въ случаѣ если бы она еще замедлила своимъ отъѣздомъ, я бы Вамъ рекомендовалъ заявить ей отъ своего имени, что Вы не имѣете возможности держать ее у себя, опасаясь яко бы тѣхъ непріятностей, которыя могутъ возникнуть изъ-за этого для васъ. Я на нее смотрю, какъ на ловкую авантюристку, продолжительное знакомство съ которой можетъ лишь повредить Вамъ. Предупреждаю, что я отвѣчать ни въ какомъ случаѣ не буду, что и поручаю передать ей, если она будетъ спрашивать.

Для меня далеко не безразлично знать все, что вы мнѣ доносите объ условіяхъ заключенія мира между Россіей и Турціей и о намѣреніяхъ князя Радзивила.

Письмо

отъ г-на де-Сартина г-ну Дериво.

Версаль, 2-го Января 1775.

Я получилъ, Милостивый Государь, Ваше письмо, въ которомъ Вы меня извѣщаете объ отъѣздѣ княжны Владимирской. Изъ предыдущей депеши Вы знаете мое мнѣніе о ней, и я увѣренъ, что оно вполнѣ будетъ согласоваться съ Вашимъ, когда Вы хорошенько узнаете эту особу. Я Вамъ крайне признателенъ за ту аккуратность, съ которой Вы сообщаете мнѣ разсказы объ этой авантюристкѣ и новости относительно князя Радзивила и Турціи [2]).

---

[1]) Здѣсь не хватаетъ письма отъ 1-го октября, что же касается письма отъ 23-го, то оно датировано.

[2]) 23 Сентябремъ подъ № 33.

Письмо

№ 37

г-на Дериво г-ну де-Сартинъ.

30 Января 1775.

Я только сегодня имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства отъ 5-го числа прошлаго мѣсяца. Я предупредилъ приказаніе, которымъ меня предостерегали, дабы претендентка княжна Елизавета Владимирская не жила въ моемъ домѣ. Незадолго до отъѣзда князя Радзивила я осторожно ему намекнулъ, что имѣлъ удовольствіе уступить свой домъ ему,—но только ему одному, и что онъ меня крайне обяжетъ, удаливъ оттуда эту претендентку на Русскій Престолъ. Ваше Превосходительство могло усмотрѣть изъ моего письма отъ 14-го Ноября № 34, что они дѣйствительно отсюда уѣхали,—она въ Римъ, а онъ—въ Венецію.

Пять польскихъ офицеровъ, возвращающихся изъ Константинополя съ тѣмъ, чтобы соединиться съ княземъ Радзивиломъ, въ дѣйствительности задержаны въ здѣшнемъ карантинѣ. Его Величество Султанъ пожаловалъ одному изъ нихъ,—состоящему на службѣ при особѣ князя,—въ видѣ займа для его господина 60 кошельковъ (une somme de 60 bourses).

Письмо

№ 38

г-на Дериво къ г-ну де-Сартинъ.

Рагуза, 5 Марта 1775.

Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства отъ 2-го Января с. г., въ которомъ содержится отвѣтъ на мое донесеніе объ отъѣздѣ отсюда претендентки княжны Елизаветы Владимирской. Это письмо не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

Письмо

г-на де-Сартина къ г-ну Дериво.

Версаль, 15 Марта 1775.

Я получилъ, Милостивый Государь, письмо, отправленное Вами 30 Января с. г. за № 37.

Спѣшу выразить свое полное удовольствіе по поводу того, что Вамъ удалось отдѣлаться отъ претендентки княжны Владимирской, совершенно не компрометируя самого себя. Мнѣ остается только благодарить Васъ за своевременное донесеніе о пяти польскихъ офицерахъ, отправившихся догонять князя Радзивила.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО [1]).

I.

Родился я въ Ставрополѣ Кавказскомъ осенью 1848 года на третьей солдатской слободкѣ — такъ называлась улица; тамъ у насъ былъ свой домъ.

Мой отецъ—отставной фельдфебель, или, короче, кандидатъ, отказался отъ офицерскаго чина, чтобъ не продолжать службу и поступилъ смотрителемъ на каменно-угольныя шахты. Эти шахты разрабатывались казной и находились въ 150 верстахъ на югъ отъ Ставрополя, въ десяти верстахъ за укрѣпленіемъ [2]) «Хмара». Недалеко высился Эльбрусъ, вблизи протекала Кубань. Вокругъ были поселенія мирныхъ черкесъ [3]). Такова была обстановка этихъ шахтъ, съ которой мнѣ пришлось познакомиться въ дѣтствѣ.

Лица отца я не помню: онъ женился уже пожилымъ и умеръ, когда мнѣ было лѣтъ 6-7—не болѣе. Но отдѣльные случаи изъ его жизни сохранились въ памяти. Это былъ большой, добродушный человѣкъ—по словамъ матушки; временами онъ пилъ запоемъ и отъ перепоя же и умеръ раньше времени, оставшись какъ-то разъ одинъ на шахтахъ безъ матушки. Ей раньше не разъ удавалось внимательнымъ уходомъ и сывороткой спасать отца отъ вредныхъ послѣдствій его болѣзни, но тутъ мы случились въ Ставрополѣ, и онъ, запивъ, быстро сгорѣлъ. Отецъ въ мое воспитаніе мало вмѣшивался и только однажды, помню, вздумалъ поучить меня уму-разуму розгой. Я сильно обрѣзалъ себѣ руку. Матушка бросилась перевязывать, а отецъ, схвативъ хворостинку, со словами: «не балуйся съ ножомъ», хотѣлъ было уже приступить къ своей учёбѣ, какъ хворостинка, вырванная изъ его рукъ, вижу, полетѣла въ окно.

Матушка не раздѣляла общаго взгляда того времени на полезность палокъ, битья; она и сама никогда не била дѣтей и отца удерживала. И хотя она была моложе его, но онъ уважалъ ее и

---

[1]) Авторъ—извѣстный шлиссельбуржецъ М. Ф. Фроленко. *Ред.*

[2]) На географическихъ картахъ я находилъ лишь названіе „Хумара“.

[3]) Мирными они были днемъ, ночью же они превращались въ обычныхъ и спокойно грабили, нападая на русскихъ.

слушался. По своему развитію она была выше его и мое воспитаніе всецѣло шло подъ ея вліяніемъ. Объ ней поэтому я скажу больше. Родившись въ Тифлисѣ отъ бѣдныхъ родителей, она съ шести лѣтъ была отдана ими въ люди—ходить, няньчить чужихъ дѣтей. Здѣсь не мало, конечно, пришлось ей переносить всякихъ невзгодъ.—Это всякъ пойметъ, если вспомнитъ, что дѣло происходило болѣе 80-ти лѣтъ тому назадъ, но за то на ея долю выпало и счастіе попасть въ одну хорошую семью какого-то военнаго. (У меня даже является предположеніе,—не былъ ли кто это изъ политич. ссыльныхъ). Въ этой семьѣ особенно хозяйка обратила вниманіе на умную, работящую и веселую дѣвочку. Приласкала ее, стала обращаться скоро, какъ съ родной, занялась ея воспитаніемъ. Дѣвочкѣ уроки пошли впрокъ и засѣли у ней глубоко въ головѣ еще и потому, что въ самой семьѣ, въ отношеніяхъ ихъ между собой и съ посторонними она не видѣла расхожденія между словомъ и дѣломъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Офицеръ съ семьей уѣхалъ въ Россію, дѣвочка пошла по другимъ мѣстамъ, но то, что она усвоила отъ жены офицера осталось навсегда.

Въ 18 лѣтъ матушку выдали замужъ, продавъ, собственно говоря, за 50 руб. [1]. Жениха она мало знала и не успѣла полюбить, но ей предстояло одно изъ двухъ: выходить замужъ или снова идти въ люди. Въ людяхъ подъ конецъ ей стало настолько тяжело, что она чуть не дошла до самоубійства и потому рѣшила попробовать замужества.

Мужъ, хотя и пилъ сильно, но оказался не дурнымъ человѣкомъ и ей удалось кое-какъ справиться съ его питьемъ, но тутъ ему вздумалось переѣхать въ Ставрополь. На второй же годъ, по переѣздѣ, здѣсь онъ умираетъ отъ холеры и оставляетъ матушку безъ средствъ, безъ родныхъ, на чужой сторонѣ. Къ тому же она и сама въ это время перенесла родильную горячку и о смерти мужа узнала, едва очнувшись отъ этой болѣзни, во время которой умеръ еще и ребенокъ.

Чтобъ вынести такіе удары и не сломиться, потребовалось не мало воли и душевныхъ силъ и все это нашлось, благодаря тѣмъ урокамъ, что она восприняла отъ своей дорогой воспитательницы. За моего отца матушка вышла, чтобы имѣть защитника для дома, для дѣтей, но и тутъ ошиблась! На первое время ей пришлось очень много перенесть нравственныхъ мученій. До женитьбы у отца была привязанность, оказался даже ребенокъ. Эта женщина устраивала часто передъ нашимъ домомъ скандалы и тѣмъ ужасно мучила матушку; къ тому же мой батюшка былъ еще болѣе горькій пьяница, чѣмъ первый мужъ. Надо было его приручить, заставить хоть пить-то дома и больше заботиться о

---

[1]) Въ то время на Кавказѣ было очень мало русскихъ и дѣвушками дорожили. Женихи не только не требовали приданаго, но еще сами платили родителямъ.

семьѣ. Въ концѣ-концовъ все и это удалось, но на 8-мъ году жизни съ матушкой онъ умираетъ, и мы остаемся опять одни.

Насъ было трое: матушка, сестра и я [1]). Доходовъ же получалось 2 рубля пенсіонныхъ и 7-8 рублей отъ квартирантовъ. Этого, конечно, было недостаточно, и матушка пополняла дефицитъ работой на болѣе зажиточныхъ сосѣдей. Никакой работы она не боялась и не стыдилась, поэтому наша жизнь въ посторонниxъ и сосѣдяхъ возбуждала даже зависть. Въ домѣ тишина, порядокъ, чистота.—Въ будни всѣ одѣты опрятно,—въ праздники прилично, однако, избѣгая всего лишняго, показнаго. Въ этомъ случаѣ матушка предпочитала лучше больше тратить на пищу, на то, чтобы дѣти были сыты, чѣмъ на наряды. Она умѣла хорошо готовить и, несмотря на скудныя средства, ухитрялась дѣлать два сытыхъ блюда, а въ праздникъ иногда даже три.

Хожденіе по сосѣдямъ, занятіе сплетнями у насъ не долюбливалось, и мы трое отлично чувствовали себя и дома, когда послѣ обѣда собирались всѣ въ одну комнату.

Я училъ уроки или читалъ что въ слухъ, сестра вышивала, матушка, убравшись по дому или покончивъ съ мытьемъ чужого бѣлья, присоединялась тоже къ намъ, взявши теперь уже чистую работу: шитье, вязанье.

Иногда вмѣсто моего чтенія матушка принималась разсказывать намъ про свое дѣтство, про переѣздъ по Закавказью, что видѣла, что испытала, напѣвая еще и пѣсни. Книгъ у насъ было мало и ея разсказы отлично пополняли этотъ недостатокъ, тѣмъ болѣе, что въ ея разсказахъ всегда проводилось какое-нибудь моральное начало и указывалось на болѣе достойное человѣка поведеніе. Поучала насъ она, не изрекая заповѣди, запреты и не угрозами наказанія, а на примѣрахъ и фактахъ, взятыхъ изъ жизни, достигая этимъ того, что мы, т. е. я и сестра, больше боялись простого недовольства ея, чѣмъ другія дѣти боятся битья.

Въ играхъ мы съ сестрой не только не стѣснялись, но еще иногда матушка и сама принимала участіе въ нихъ. По вечерамъ, особенно зимой, наша комнатка оглашалась тогда звонкимъ смѣхомъ, хохотомъ, борьбой. Это я съ сестрой нападали на матушку, забрасывая ее подушками, удерживая на мѣстѣ.

Такъ проходили будни. Въ праздникъ программа измѣнялась. Утромъ шли въ церковь, оттуда изрѣдка къ роднымъ моего отца или звали къ себѣ кого изъ нихъ. Знакомствъ съ посторонними у насъ было наперечетъ, и мы въ годъ разъ, два обмѣнивались посѣщеніями. Чаще видались лишь съ одной семьей одного отставного капитана. Они были пріѣзжіе, имѣли мало знакомыхъ и наиболѣе подходили къ намъ. У нихъ къ тому же обучалась и жила моя сестра, когда мы съ матушкой ѣздили къ отцу на «Хмару».

---

[1]) Былъ еще сынъ отъ перваго брака, но онъ учился въ Тифлисѣ въ казенномъ заведеніи.

Уже лѣтъ 12—13 мнѣ было, когда сестра вышла замужъ и въ нашу семью вошло много огорченій и несогласій. Но это уже не имѣло для меня большого значенія и ни въ чемъ не отразилось. Періодъ до этого я считаю самымъ главнымъ. Начала, заложенныя до 12—13 лѣтъ, остались навсегда.

Книжное развитіе началось у меня довольно поздно и мнѣ многое пришлось усваивать на лету, такъ сказать, ловя носящіяся въ воздухѣ теченія, направленія, что, однако, не представляло для меня большой трудности. Предрасположенный воспитаніемъ стремиться ко всему хорошему, лучшему, я быстро схватывалъ передовыя, прогрессивныя мысли и не только не чуждался ихъ, а, напротивъ, съ жадностью впитывалъ ихъ въ себя, беря часто многое, конечно, на вѣру, когда не мѣшало бы допустить и критику.

Память у меня заработала и стала болѣе послѣдовательно схватывать всѣ мелочи повседневной жизни на шестомъ, вѣроятно, году.

Началось это неожиданно, вдругъ съ одной поѣздки. Матушка, отправляясь къ отцу на «Хмару», захватила и меня съ собой. И вотъ выѣздъ, проводы, даже разныя просьбы посмотрѣть за хозяйствомъ, затѣмъ, дорога, лѣсъ, поляны, на нихъ солодскій корень, впервые тутъ испробованный. Ночевка въ степи среди обоза, костры. На другой день большая рѣка (Кубань) и малая прозрачная, остановка у казаковъ—съ ихъ обильными угощеніями. Остановки у мирныхъ черкесовъ; горы, крики совъ и т. д. Все это удивляло, поражало своей новизной и оставалось теперь накрѣпко сидѣть въ головѣ. Поѣздокъ къ отцу, жизни у него я не стану пока касаться. Скажу лишь, что здѣсь пришлось не разъ попадать въ такія обстоятельства, при которыхъ не трудно было или быть взятыми черкесами въ плѣнъ, или быть убитыми даже, или слетѣть съ кручи въ Кубань и тоже разбиться.

Выручалъ случай, удачи, поэтому пережитые страхи не запугали, а только научили нѣкоторой осторожности; не стало рано хохлацкой безпечности въ опасныхъ случаяхъ.

Обученіе грамотѣ, первые начатки ея, а именно азы прошелъ я въ школѣ при жандармскихъ казармахъ. Дальше дѣло не пошло и меня передали, сначала, одной женѣ доктора, а потомъ, когда она уѣхала изъ Ставрополя, къ отставному чиновнику, выгнанному со службы за пьянство.

Онъ, дѣйствительно, пилъ сильно, но, однако, училъ хорошо и относился внимательно ко мнѣ. Съ нимъ ученіе пошло быстро, и я бы многимъ былъ бы ему обязанъ, если бы остался у него дольше. Но на нашу общую бѣду—онъ лишился рубля въ мѣсяцъ, я хорошаго учителя—мнѣ пришлось поступить вскорѣ въ Уѣздное училище. Умеръ мой отецъ, средствъ не стало. Платить 12 рублей въ годъ за меня учителю матушкѣ было очень не легко. Сосѣди предлагали даже вовсе взять меня изъ ученья и

опредѣлить куда-нибудь на мѣсто, въ лавку. Но относясь къ ученью, къ образованью съ большимъ уваженіемъ, матушка на подобные предложенія и совѣты рѣшительно отвѣчала, что лучше ужъ она будетъ больше работать, а не лишитъ меня ученья, и я продолжалъ бы его у моего чиновника еще долго, какъ вдругъ неожиданно появляется ревизоръ школъ, обращаетъ со словъ же учителя на меня вниманіе и быстро опредѣляетъ меня въ Уѣздное училище, гдѣ онъ былъ смотрителемъ. Съ этимъ матушка легко соглашается и охотно беретъ учить, ибо всѣ полагали, что для меня это хорошо и выгодно. Но на дѣлѣ же вышло не то. Курсъ училища не былъ согласованъ съ курсомъ гимназіи, и у меня пропало много лѣтъ даромъ.

Кончивъ училище первымъ, съ похвальнымъ листомъ, въ гимназіи я, однако, поступилъ лишь во 2-й классъ; вмѣсто 4-го, причиной этому были языки и зоологія, которые проходились въ низшихъ классахъ гимназіи. Это обстоятельство имѣло еще и другія вредныя послѣдствія. Зная больше товарищей по русскимъ предметамъ, я привыкъ готовить, бѣгло просматривая учебники, лишь на перемѣнахъ.

Затѣмъ, легко переходя изъ класса въ классъ, я часто терялъ тѣхъ близкихъ товарищей, съ которыми успѣлъ хорошо сойтись на первыхъ же порахъ. Благодаря этому у меня не было большихъ знакомствъ, и я жилъ особнякомъ. Зимой сидѣлъ дома, водилъ голубей, лѣтомъ же часто съ ружьемъ бродилъ по лѣсу, по полямъ; не то возился въ саду съ огородомъ.

Относительно чтенія дѣло стояло у меня тоже плохо. Въ училищѣ, напримѣръ, хотя и была небольшая библіотека, но изъ нея выдавали лишь на каникулахъ. Здѣсь я познакомился съ мелкими разсказами Гоголя и полнымъ Робинзономъ, прочтеннымъ съ захватывающимъ интересомъ. Дома для сестры приходилось переписывать «Демона», слушать чтеніе и самому читать «Путь ко спасенію» (житія святыхъ) и Евангеліе. Вотъ и все пока.

Въ гимназіи изъ библіотеки стали, было, какъ-то выдавать книги, но быстро прекратили, и я запомнилъ лишь о Гарибальди и его подвигахъ.

Въ третьемъ классѣ гимназіи товарищи-пансіонеры затѣяли, было, свой журналъ и по вечерамъ стали собираться въ одномъ классѣ для чтенія книгъ.

Попалъ и я туда. Походилъ вечера три, а тамъ дѣло разстроилось и больше не возобновлялось. Журналъ замеръ. Послѣ этого вплоть до шестого класса книги, попадавшіяся мнѣ, были наперечетъ. Это нѣсколько книгъ журнала «Библіотека», если не измѣняетъ память, басни Крылова, Смайльсъ, путешествія къ Сѣверному полюсу и самое главное—Хрестоматія Филонова. Это была настольная энциклопедія, по которой я знакомился со всѣми поэтами и писателями. Тутъ Шильонскій узникъ, Полтава, Мцыри, и особенно Тарасъ Бульба перечитывались много разъ.

Съ Достоевскимъ, Некрасовымъ и Тургеневымъ началось

знакомство въ шестомъ, седьмомъ классахъ. Газетъ не читалъ до самаго Питера. Изъ журналовъ попадались отдѣльные экземпляры «Отечественныхъ Записокъ» и «Вѣстника Европы». Послѣднiй показался сухимъ, ученымъ, скучнымъ. Забылъ еще одно. Въ шестомъ классѣ одно время явилась возможность добывать переводные романы. Съ жадностью набросившись на нихъ, скоро я настолько набилъ ими оскомину, что долго потомъ съ предубѣжденiемъ встрѣчалъ всякiй новый иностранный романъ, предпочитая простой русскiй разсказъ, повѣсть или романъ—этому переводному, иностранному.

Къ концу моего гимназическаго курса и въ Ставрополѣ завелась городская библiотека, гдѣ легко можно было бы добывать книги, журналы, но у меня не было сильнаго влеченiя къ нимъ и лишнихъ къ тому же денегъ на плату. Поэтому-то до самаго конца курса книги попадали ко мнѣ случайно,—отъ товарищей, отъ знакомыхъ.

И не въ нихъ суть. Лучшей книгой былъ переживаемый моментъ. Освобожденiе крестьянъ, реформы, обѣщанiе новыхъ, затѣмъ понятное движенiе,—все это возбуждало толки, надежду, критику, разочарованiе. Въ обращенiе поступило масса хорошихъ новыхъ мыслей, передовыхъ идей. Все это носилось въ воздухѣ, ловилось, усваивалось и оставалось надолго въ душѣ. Все это вмѣсто книги сослужило главнымъ образомъ для меня свою службу въ моемъ развитiи.

Благодаря только этому, да тому воспитанiю въ дѣтствѣ, о которомъ сказано выше, мнѣ кажется, и можно легко объяснить причину, что я безъ всякой ломки какъ бы естественно, вошелъ потомъ въ ряды революцiи, начавши еще въ гимназiи не глубокимъ, малопродуманнымъ нигилизмомъ.

Отрицательное отношенiе къ дипломамъ, къ карьерѣ, ко всему показному; простота въ одеждѣ, въ жизни, честность, неопредѣленное стремленiе послужить народу, странѣ, любовное отношенiе къ угнетеннымъ. Невѣрiе или, лучше сказать, лишь отрицательное отношенiе къ обрядамъ Церкви.

Настоящаго невѣрiя въ ту пору еще не могло быть, оно пришло позже, когда больше познакомился съ исторiей, съ науками.

Вотъ и все, съ чѣмъ вышелъ я изъ гимназiи. Кончилъ я ее въ 1870 г. четвертымъ по классическому отдѣленiю. (Въ нашей гимназiи было два отдѣленiя: классическое и естественное. Послѣднее было введено уже, когда я былъ въ шестомъ классѣ, мнѣ, какъ слабогрудому, легко было бы получить разрѣшенiе на переходъ въ него, но я не позаботился объ этомъ и остался на сторонѣ, хотя ни греческимъ, ни латинскимъ не занимался уже въ этихъ классахъ, держась лишь тѣмъ, что сохранилось отъ предыдущихъ классовъ, гдѣ у насъ одно время былъ очень хорошiй преподаватель и сумѣлъ заинтересовать насъ такъ, что въ 4-мъ, напримѣръ, классѣ мы уже стали было отвѣчать уроки по-латыни цѣлыми отрывками).

Послѣ гимназіи надумалъ я поступить въ Костантиновское военное училище въ Петербургѣ, и вотъ почему. Меня тянуло въ Питеръ и только въ Питеръ. Университетъ, профессора, наука, литература, самъ городъ,—все это казалось въ Питерѣ лучше, выше, перворазряднѣй, чѣмъ въ другихъ городахъ. Только въ Питерѣ можно было получить настоящее знаніе, стать вполнѣ образованнымъ человѣкомъ—думалось мнѣ. Но ѣхать въ университетъ или другое питерское учебное заведеніе средствъ не было, я и выбралъ Константиновское училище, гдѣ содержаніе было казенное. Осталось добыть денегъ лишь на дорогу и только, а тамъ, молъ, прокормятъ. Одно время явилось сомнѣніе, примутъ ли, но тутъ узнаю, что изъ нашего же Ставрополя и сынъ тоже фельдфебеля кончилъ въ этомъ году Константиновку и выпущенъ офицеромъ уже. На всякій, однако, случай собираю пораньше всѣ документы и какъ только заполучилъ гимназическій аттестатъ, посылаю просьбу въ училище за два мѣсяца до пріема, а самъ остаюсь въ Ставрополѣ ждать отвѣта. Проходитъ мѣсяцъ; другой уже къ концу близится; до пріема остается менѣе трехъ недѣль, отвѣта нѣтъ. Значитъ, принятъ, рѣшаю я и, собравъ денегъ на дорогу, пускаюсь въ путь [1]). По пріѣздѣ, на другой же день, бѣгу въ училище, отыскиваю генерала директора, выясняю ему свои средства и прошу зачислить меня сей же часъ съ тѣмъ, чтобы сей же часъ перейти на житье въ училище. Директоръ—человѣкъ обходительный, мягкій, принимаетъ меня сердечно, вполнѣ входитъ въ мое положеніе, готовъ бы сдѣлать все, но... «Ужъ какъ-нибудь перебейтесь двѣ недѣльки, а 15 августа приходите, и мы тогда въ тотъ же день васъ примемъ!» Дѣлать нечего, иду, отыскиваю небольшую комнату подъ самой крышей съ потолкомъ, напоминающимъ крышку гроба, уславливаюсь на двѣ недѣли и начинаю изучать отъ нечего дѣлать маршировку въ комнатѣ или хожу по Питеру.

Наступаетъ 15 августа. Всѣ поступающіе собрались въ залѣ и прежде всего занялись вопросомъ, кто въ какую роту попадетъ. Меня по росту опредѣлили въ первую.

Скоро начался вызовъ въ отдѣльную комнату, для медицинскаго осмотра. Дошла очередь до буквы Ф. Смотрю, другихъ вызвали, а меня нѣтъ и перешли дальше, что за диво? Неужели забыли, пропустили!? Вотъ позвали и послѣдняго, а я все стою въ залѣ и съ замираніемъ жду своей фамиліи, но вызова нѣтъ, какъ нѣтъ. Вѣроятно, пропустили! рѣшаю я и съ этимъ иду самъ безъ зова въ ту комнату, гдѣ происходитъ пріемъ. Тамъ уже закончился осмотръ послѣднихъ и тѣ одѣвались. Я раздѣваюсь и подхожу къ столу, за нимъ директоръ, докторъ и еще кто-то. Всѣ съ недоумѣніемъ вопросительно смотрятъ на меня. «Какъ

---

[1]) Отъ Ставрополя до Ростова ходилъ тогда дилижансъ. Впереди, внѣ каретѣ взято было мѣсто рядомъ съ кондукторомъ. Ночью кондукторъ далъ мнѣ бурку, благодаря этому можно было дремать, сидя въ ней, не боясь упасть.

ваша фамилія?» Откуда-то издали послышался голосъ. Фроленко! говорю. «Да вѣдь вы не приняты, и ваши бумаги мы даже отослали въ Ставрополь на дняхъ!» выкрикиваетъ тотъ же голосъ изъ дали. Какъ же такъ?! обращаюсь къ директору. Я же былъ у васъ, и вы мнѣ велѣли приходить 15-го! „Да, да, но... я... васъ нельзя принять: вы сынъ фельдфебеля..." У васъ же кончилъ нашъ ставрополецъ и тоже сынъ фельдфебеля! замѣчаю ему. «Вотъ изъ за него-то и вышла вся бѣда. Его мы приняли, а когда дошло дѣло до производства въ офицеры, тутъ и оказалось, что производить нельзя. А между тѣмъ Государь уже поздравилъ всѣхъ кончившихъ курсъ юнкеровъ съ чиномъ. Въ числѣ прочихъ былъ и вашъ ставрополецъ, значитъ, во что бы то ни стало его надо было произвести. Его произвели, но намъ былъ выговоръ, поэтому мы и не можемъ васъ принять." Въ видѣ утѣшенія подробно мнѣ разъяснилъ все это директоръ. Какъ же мнѣ быть?! Что же я буду дѣлать?! Почему же заранѣе не отвѣтили?! вырвались у меня отдѣльныя возгласы. Директоръ вспомнилъ, вѣрно, нашъ прежній разговоръ, понялъ мое положеніе. «Вотъ что мы сдѣлаемъ», заговорилъ онъ снова. Пусть васъ освидѣтельствуютъ, затѣмъ мы вамъ поможемъ составить прошеніе къ военному министру. Онъ принимаетъ по такимъ-то днямъ. Перепишите получше прошеніе и сходите къ нему; можетъ, онъ и приметъ. Докторъ малость былъ не доволенъ моей грудью, но свидѣтельство выдалъ тутъ же. На другой день въ канцеляріи было составлено прошеніе общими силами съ участіемъ директора, я переписалъ дома набѣло и двинулся къ министру. Сегодня нѣтъ пріема! отвѣчаетъ на мой вопросъ швейцаръ, оглядывая мое длиннополое пальто. Я смущаюсь, чувствуя самъ, что въ такомъ костюмѣ непристало, какъ будто, добиваться пріема, ухожу безъ возраженій и скорѣй къ директору. Тотъ утѣшаетъ, совѣтуетъ еще разъ попытать счастіе, но про главное-то умалчиваетъ, что надо было дать швейцару на чай до пріема, а не послѣ пріема, какъ я полагалъ.

Проходитъ дня два. Побывавши въ эти дни въ Николаевскомъ инженерномъ учил. и получивъ тоже отказъ, снова иду въ указанный директоромъ день къ министру и снова получаю рѣшительное: «нѣтъ пріема!». Въ отчаяніи бѣгу къ директору. Всѣ уже средства мои почти изсякли. Что можно было заложить, продать,—заложено, продано. Жутко становилось при мысли очутиться на улицахъ Петербурга безъ мѣста, безъ денегъ, безъ знакомыхъ. Одинъ директоръ, казалось, принимаетъ нѣкоторое участіе, къ нему потому и направился опять. Раньше, получая отказъ и въ принятіи въ училище, и въ пріемѣ министромъ, я какъ-то мало останавливался надъ своимъ положеніемъ, мало думалъ объ немъ. Казалось невозможнымъ, невѣроятнымъ, чтобъ все это было въ дѣйствительности, серьезно. Во всемъ этомъ видѣлось какое-то непонятное недоразумѣніе,—и только. Вотъ, вотъ разъяснится оно, и я очутюсь въ училищѣ. Дни проходили

въ ожиданіи, въ полусознательномъ состояніи, но послѣдній отказъ какъ-то сразу заставилъ очнуться, сбросить дрёму и ясно представить себѣ весь ужасъ положенія—очутиться вдругъ безъ крова, денегъ, знакомыхъ въ такомъ городѣ, какъ Питеръ, гдѣ никому никакого дѣла до тебя нѣтъ. Страхъ невольно охватилъ всего, голова заработала, ища выхода и, уйдя весь въ свои мысли, я не замѣтилъ, какъ очутился на Обуховскомъ мосту. Тутъ недалеко Константиновка и Технологическій институтъ. Направо училище, налѣво институтъ. Ноги сами направляются уже направо, какъ вдругъ окрикъ какого-то знакомаго голоса заставляетъ пріостановиться, оглянуться. «Здорово! Куда бѣжишь?!» Смотрю, со стороны Технологическаго института спѣшно подходитъ одинъ товарищъ по гимназіи нашего же выпуска, и мы бросились другъ къ другу, какъ два путника при встрѣчѣ на необитаемомъ островѣ. Въ гимназіи мы не были друзьями, такъ какъ онъ поступилъ очень поздно къ намъ и мы не успѣли еще сойтись, но тутъ бросились другъ къ другу, какъ завзятые друзья. Начались, конечно, спросы, разспросы. Я сообщилъ о своихъ злоключеніяхъ... „Пустое! брось ты свою военщину! Лучше поступимъ въ Технологическій!.. Тебя освободятъ отъ платы, у меня ежемѣсячно будетъ 25 р. отъ отца. Проживемъ!“

Къ военной службѣ у насъ въ гимназіи вообще было критическое отношеніе и только крайность заставляла избирать ее. То же было и со мной. Поэтому на непріемъ въ военное училище теперь посмотрѣлось, какъ на благо, и на другой же день я былъ уже технологомъ. Впрочемъ, мы съ товарищемъ предварительно еще сходили въ институтъ путей сообщенія, но онъ намъ не понравился казенщиной, военщиной, и тогда мы двинулись въ Технологическій, куда и поступили оба. У товарища была уже нанята хорошая, свѣтлая комната на Фонтанкѣ за 10 р. въ мѣсяцъ. Тамъ мы и зажили съ нимъ.

Началась сначала обычная студенческая жизнь. Утромъ уходили на лекціи, потомъ обѣдали, шли домой или въ публичную библіотеку, разъ хозяинъ квартиры повелъ насъ знакомиться съ хорошими питерскими трактирами. Тутъ въ первый разъ услышалъ я только органъ. При такой жизни, 25 руб. намъ бы хватило вполнѣ на двухъ, тѣмъ болѣе, что я скоро сталъ находить себѣ переписку, а потомъ и урокъ въ 20 р.; квартира стоила 10 р., столъ отъ $4^{1}/_{2}$ до 6 р., чай, сахаръ и прочее пустяки, я не курилъ. На нашу бѣду отецъ товарища, чтобъ пріучить его къ самостоятельности, высылалъ не ежемѣсячно, а по третямъ, т. е. по сто рублей сразу. Получивъ такую уйму денегъ, товарищъ накупалъ вещей, книгъ, химическихъ приборовъ, а тутъ скоро насъ еще отыскали земляки нашего выпуска и познакомили съ «казанкой». «Какъ, вы не знаете еще, что такое казанка?!» удивились они, когда на ихъ предложеніе отправиться туда, мы спросили ихъ, а что это за штука. У Казанскаго моста, если идти по Невскому отъ вокзала Николаевской дороги къ

Адмиралтейству, есть, недоходя моста, направо по каналу грязная въ подвальномъ этажѣ пивная съ бильярдомъ. Въ ней, будто, когда-то собирались студенты и тутъ устраивали сходки засѣданія, сговоры. Въ наше время это была обычная, довольно грязная пивная, гдѣ, кромѣ пива, можно было только заполучить и графинчикъ водки. Никакихъ тутъ собраній быть не могло, мало и студентовъ было видно, но разсказы о прошломъ всегда почему-то вызывали у насъ, когда мы забирались сюда, разговоры на радикальныя темы, споры [1]). Наши земляки—ихъ было двое—были люди болѣе развитые, болѣе начитанные, чѣмъ я, ихъ у насъ считали наиболѣе передовыми. Они-то и взялись за наше просвѣщеніе. Въ результатѣ—всѣ вещи, купленныя товарищемъ, очутились скоро въ ломбардѣ, и намъ пришлось урѣзывать на пищѣ. Между тѣмъ, въ Питерѣ появилась холера и малость схватила меня. Дѣло вышло ночью, у насъ были земляки въ гостяхъ. Бросились двое товарищей къ докторамъ, но ни одного не нашлось дома. Тогда хозяинъ квартиры самъ пошелъ въ аптеку и добылъ тамъ чего-то, а въ это время хозяйка, ихъ жилица, товарищи, нарѣзавъ кусковъ грубого чернаго сукна принялись тереть меня изо всѣхъ силъ. Уже въ ногахъ появился, было, холодъ и сталъ медленно подниматься выше и выше, но потомъ остановился. Принятое лекарство и усилія, особенно женщинъ (товарищи скорѣй умаялись) заставили холеру отступить, появилась испарина, и я, хоть и съ ободранной кожей—это такъ усердно терли сукномъ—къ утру заснулъ уже въ полной увѣренности, что холера прошла.

Мы жили у корректора Полицейскихъ Вѣдомостей. На Рождество онъ досталъ работу мнѣ: писать адреса подписчиковъ на отдѣльныхъ бланкахъ. За тысячу адресовъ платили 2 р. Дѣло показалось легкимъ, со мной пошелъ въ редакцію и товарищъ, но для насъ, незнавшихъ города и названій его частей, улицъ, вышла большая трудность. А тутъ товарищъ задѣлъ какъ-то чернильницу; чернила залили зеленый столъ, товарищъ сконфузился и бѣжать. Я остался и только въ три дня едва написалъ тысячу; подъ конецъ дѣло пошло быстрѣе, но тутъ и подписка кончилась, и матеріалъ изсякъ, кто-то другой подхватилъ. Адреса переписывались изъ книгъ подписокъ. Однажды приходитъ нашъ хозяинъ, даетъ адресъ и торопитъ идти по немъ. Ищутъ репетитора. «Спѣшите, пока не вышла газета!», говоритъ онъ. Я пошелъ, была обычная слякоть, калошъ у меня не было. Посмотрѣли на мои сапоги хозяева... «Нѣтъ!» говорятъ: «мы уже нашли учителя». Зато неожиданно заполучилась переписка лекцій скоро, но это не могло давать много и намъ пришлось перейти

---

[1]) Я рѣдко говорилъ, больше слушалъ, споры, разговоръ товарища, но разъ меня что-то задѣло сильно, и я заговорилъ. „Тише, тише, что ты! развѣ же можно громко такія вещи говорить!", набросились на меня товарищи. Теперь я уже забылъ, что это было, но съ этого дня можно считать начало моего радикализма.

на болѣе дешевую квартиру въ 7 руб. Мало этого, товарищъ увлекся одной финкой и въ нѣсколько дней неожиданно спустилъ всѣ деньги, полученныя на новую треть. Пришлось заложить намъ одно пальто и вещи и выходить могъ теперь только одинъ. Другой сидѣлъ дома. Вдругъ получаю приглашеніе на урокъ въ домъ князей Г... Надѣваю сюртукъ товарища, который былъ вдвое толще меня, и иду. На урокѣ, видя неуклюжую фигуру, стали торговаться, но меня предупредили, чтобы я просилъ больше и не уступалъ: тогда скорѣе возьмутъ. Такъ я и сдѣлалъ, упершись на 20 р. «Хорошо, мы подумаемъ и дадимъ вамъ знать», закончили торгъ, отпуская меня.

Прихожу домой, говорю товарищу. «Жди теперь! Дурень, чего не сказалъ, что и за 15-ть возмешься!», напустился на меня товарищъ. Я бы взялся и за 10 р., но тотъ, кто отыскалъ мнѣ этотъ урокъ, твердо стоялъ на высокой цѣнѣ. Прошелъ день, другой—никакихъ писемъ. Мы ужъ ожидать перестали; вдругъ на третій—письмо: на цѣну согласны и просятъ начать скорѣй уроки. «Эхъ, ты! Чтобъ просить 25 р.-то», не удержался товарищъ, полушутя, полусерьезно.

Ученикомъ оказался крестьянскій парень; въ немъ княжна увидѣла художественный талантъ и хотѣла подготовить для поступленія въ Академію. Для насъ съ товарищемъ этотъ урокъ оказался очень кстати, хотя, въ ожиданіи получки, цѣлый мѣсяцъ мы просидѣли на двухъ фунтахъ чернаго хлѣба и двухъ кровяныхъ колбасахъ по 3 копѣйки каждая, т. е. въ день на обѣдъ и ужинъ тратили по 10 к. на двухъ. Чай и сахаръ были куплены до растраты.

Технологическій институтъ постепенно все больше и больше оставлялся, лекціи мало интересовали насъ, и только на нѣкоторыя ходилъ я исправно, да еще въ чертежныя залы. Съ студентами мы не сходились близко, благодаря этому и въ бывшихъ собраніяхъ, дозволенныхъ начальствомъ, участіе принимали больше въ качествѣ зрителей, хотя дѣло шло о кассѣ вспомоществованія бѣднымъ. Въ концѣ зимы къ намъ въ компанію вступилъ еще одинъ ставрополецъ — одинъ изъ нашихъ руководителей, о которыхъ сказано выше. Но теперь онъ внесъ къ намъ любовь къ чтенію газетъ, книгъ. Онъ былъ студентомъ Лѣсного Института, но такъ же, какъ и мой товарищъ, совершенно забросилъ лекціи, и оба они цѣлыми днями сидѣли теперь за чтеніемъ, стараясь и меня присусѣдить къ себѣ. Это было не легко: съ утра уходилъ я то на урокъ, тамъ зайдешь въ институтъ, потомъ обѣдъ; меня интересовалъ городъ, каналы, финскій заливъ, и я послѣ обѣда принимался бродить по разнымъ мѣстамъ. Вернешься домой и скорѣй на постель: не до чтенія тутъ газетъ! Товарищи сначала трунили, упрекали въ отсталости, потомъ помирились: ну, ладно, лежи, только не спи, мы будемъ читать вслухъ! порѣшили они. Съ этимъ и я согласенъ, обѣщаюсь не засыпать. Начинается чтеніе, я внимательно вслушиваюсь, желая добросовѣстно исполнить свое

обѣщаніе, все такъ ясно, понятно сначала, но вотъ начинаетъ теряться смыслъ, торопишься изо всѣхъ силъ припомнить начало, чтобъ связать съ концомъ. Начало какъ будто и вспомнилъ, но чтецъ уже читаетъ дальше и опять непонятно, опять надо вспоминать предыдущее — опять напряженно-тягостное состояніе. Вдругъ раскатистый хохотъ прерываетъ этотъ полусонъ, полудремоту, просыпаешься и начинаешь завѣрять, что не спалъ, что все слыхалъ. «А на чемъ остановились?», допытываютъ мучители. Говоришь имъ... и опять смѣхъ. Или это изъ начала чтенія или просто то, что слышалось, казалось сквозь сонъ. Поднимается споръ, сонное состояніе проходитъ и тогда только присоединяешься и самъ къ чтенію, къ разговору о читаемомъ.

Къ концу года Технологическій былъ окончательно заброшенъ, я даже подарилъ свои чертежи одному товарищу по курсу. Ихъ надо было сдѣлать извѣстное число и тогда только переходили къ дальнѣйшему. Вдругъ на перваго моего товарища напала охота къ химіи, получены были деньги на треть отъ отца. Закупили приборы, разныхъ кислотъ, солей. Перемѣнили квартиру, чтобъ имѣть отдѣльную комнату для опытовъ. Запахло уксусомъ, пробирки наполнились разноцвѣтными жидкостями. Товарищъ цѣлыми днями добывалъ, соединяя, разлагая. Но прошла недѣля, и все это было заброшено. Нашлось и оправданіе: квартира была холодна, ноги зябли. Надо было сидѣть съ ногами на диванѣ или на постелѣ, не то лежать, окутавшись потеплѣе. Хозяева рѣшили взять другую квартиру; съ ними и мы перешли туда, но попали изъ огня въ полымя. Новая квартира всю зиму не была топлена. Поэтому натопить ее никакъ не могли довольно долго. Холодъ былъ такой, что днемъ всѣ разбѣгались, кто куда. Товарищи даже въ греческую церковь стали ходить. Лѣтомъ рѣшили жить въ Лѣсномъ и перваго мая перебрались туда. Урокъ мой кончился и съ Питеромъ теперь было покончено. Надо добавить только о театрѣ. Туда мы ходили сравнительно мало. Въ оперу трудно дается билетъ, въ Александринкѣ были нѣсколько разъ, но не увлеклись, балетъ съ перваго же раза забраковали. Къ этому долженъ сказать, что вообще мы мало выказывали какъ-то любопытство. Въ академію художествъ и въ Эрмитажъ еще сходили раза по два, ну, а въ другія мѣста и не подумали. Живя въ Лѣсномъ, однажды вдругъ рѣшили компаніей отправиться путешествовать пѣшкомъ по Финляндіи. За рѣшеніемъ и дѣло послѣдовало. Денегъ было очень мало, къ ходьбѣ непривычны всѣ, но это не остановило и, пообѣдавши, двинулись въ путь. Погода выдалась сухая и не жаркая. Первыя версты прошли въ толкахъ, гдѣ и какъ будемъ привалъ дѣлать. Живописные берега озеръ, поляны въ лѣсу рисовало воображеніе, но прошелъ часъ, другой, и разговоры сами собой прекратились, у всѣхъ глаза искали удобнаго пристанища, поселка, гдѣ бы можно было отдохнуть, напиться чаю. Вдали показалось озеро, но не оно оживило путниковъ, а трактиръ, ясно стоявшій недалеко отъ озера, отдѣльно отъ поселка, туда и бро-

сились всѣ. Напились чаю, полюбовались озеромъ, поглядѣли въ сторону Финляндіи и, какъ-то безъ всякихъ разговоровъ, молча и единодушно, двинулись послѣ чая не впередъ, а назадъ. Ночью были уже дома и больше не поднимали разговора объ этомъ путешествіи. Снова скоро наступилъ денежный кризисъ. Въ Лѣсномъ была студенческая кухмистерская, за 4 коп. можно было имѣть тарелку супу безъ говядины съ хлѣбомъ. Товарищъ предпочелъ сидѣть дома на хлѣбѣ съ чаемъ, я же сталъ ходить въ кухмистерскую и брать супъ. Не знаю почему, но ежедневно дѣлали только перловый супъ съ кусочкомъ лимона. Мнѣ пришлось цѣлый мѣсяцъ довольствоваться имъ за эти 4 к., и въ концѣ онъ такъ обрыдлъ, что много лѣтъ потомъ я не могъ видѣть этого супа безъ непріязни. Попробовали разъ мы, было, улучшить пищу ловлей карасей, но и это не пошло. Въ Лѣсномъ много маленькихъ прудочковъ. Въ нихъ мы замѣтили карасиковъ и руками принялись ихъ ловить., когда они подходили къ берегу и начинали тереться тамъ. Караси оказались малы, да и не такъ ихъ много было, чтобы стоило возиться съ ними. Поэтому разъ попробовавъ, бросили. Лѣтомъ начался процессъ Нечаевцевъ. Появились отчеты, началось усиленное чтеніе газетъ, толки о Нечаевцахъ, о ихъ дѣлѣ. Всѣмъ захотѣлось попасть на судъ, посмотрѣть, послушать. Про нѣкоторыхъ говорили, что они будто даже спали на дворѣ суда, лишь бы попасть въ очередь, такъ какъ пускалось безъ билетовъ небольшое количество.

Наша компанія изъ Лѣсного предпочла встать пораньше и чуть свѣтъ отправилась въ городъ. Еще въ трактирахъ не начиналась жизнь, когда мы подошли къ первымъ. Пришлось поднимать сонныхъ половыхъ. Но, когда мы пришли во дворъ суда, тамъ уже была значительная кучка студентовъ. Въ очередь мы все-таки попали, но очутились въ концѣ залы, биткомъ набитой. Гдѣ-то вдали неясно видны были судившіеся и защитники ихъ; запомнились мною лишь Прыжовъ и Спасовичъ. У Спасовича брызги летѣли изо рта, такъ горячо онъ что-то говорилъ. До насъ долетали отдѣльныя, однако, только фразы и уловить смыслъ всего было трудно. То же повторилось и съ Прыжовымъ, который въ это засѣданіе говорилъ что-то. Если къ этому прибавить духоту, тѣсноту, то понятно будетъ, почему мы больше не стали ходить на судъ, а предпочли сидѣть дома и слѣдить за процессомъ по газетамъ и обсуждать Нечаевское дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ ставить себѣ вопросъ уже чисто практическаго свойства, какую же лучше выбрать намъ дѣятельность, какъ и какимъ образомъ намъ приносить пользу народу, странѣ? Уже въ гимназіи, какъ я говорилъ, у насъ былъ осужденъ карьеризмъ и жизнь только для себя. Теперь толки о Нечаевцахъ и ихъ дѣлахъ, кромѣ отрицанія, яснѣй ставилъ вопросъ и въ какой формѣ можно больше сдѣлать для страны. Россія страна земледѣлія и, какъ таковая, требуетъ спеціалистовъ по земледѣлію. Ей нужны агрономы, значитъ, этому и надо учиться. Ѣдемъ въ Петровскую Академію! И я очу-

тился тамъ. Изъ процесса Нечаевцевъ жизнь и ученіе въ Петровкѣ почему-то казались болѣе заманчивы, чѣмъ въ Лѣсномъ. Тутъ играло роль, конечно, и то, что въ Петровку тянуло и желаніе посмотрѣть, пожить въ исторической, такъ сказать, мѣстности. Тамъ разыгралась драма, тамъ всѣ мѣста были отмѣчены какимъ-нибудь событіемъ. Ихъ хотѣлось повидать, яснѣй представить себѣ все дѣло. О томъ, что въ академіи начались реформы, преобразованія, что Петровку изъ свободной республики превратили въ обычное русское заведеніе, мы не знали. Да и не могли знать: все это началось въ день нашего пріѣзда. Введены были курсы, переходные экзамены, а потомъ еще и репетиціи. Всѣмъ, кто былъ много лѣтъ, предложено было выдержать на соотвѣтствующій по числу лѣтъ курсъ или удалиться. Академія этимъ путемъ сразу очистилась отъ стариковъ.

И старые порядки рухнули окончательно, пошатнувшись сильно и раньше отъ арестовъ, отъ отнятія у студентовъ кухмистерской, отъ отнятія права выбирать старостъ для завѣдыванія. Кромѣ того, закрылась лавочка, студенческая же библіотека, во избѣжаніе отобранія, была разобрана по рукамъ и бездѣйствовала.

М. Фроленко.

Къ исторіи Пушкинской масонской ложи.

„Я былъ масонъ кишиневской ложи, т. е. той, за которую уничтожили въ Россіи всѣ ложи“—писалъ А. С. Пушкинъ В. А. Жуковскому въ 1826 г. Весьма долгое время всѣ наши свѣдѣнія объ этой ложѣ ограничивались этой фразой Пушкина. Не такъ давно—годъ или полтора тому назадъ—изслѣдовательница русскаго масонства Т. О. Соколовская на страницахъ „Русской Старины“ ставила вопросъ объ источникахъ и матеріалахъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть свѣдѣнія объ этой ложѣ. А матеріалы хранились въ Военно-ученомъ архивѣ, и только часть ихъ, менѣе важная, была опубликована въ началѣ 80-хъ годовъ въ той же „Русской Старинѣ“. Наконецъ, Н. К. Кульманъ использовалъ ихъ въ 1907 г. въ своей статьѣ „Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа“ (въ „Журн. мин. нар. просв.“ и отд. Спб. 1907 г., стр. 37). Пользуясь въ архивѣ тѣми же матеріалами, что были подъ рукой Н. К. Кульмана, и прибавивъ къ нимъ кое-что изъ списанныхъ Н. Ѳ. Дубровинымъ документовъ, разсказалъ исторію этой ложи и В. И. Семевскій на страницахъ „Минувшихъ Годовъ“ (1908, мартъ, стр. 162—170 [1]). Не пересказывая этой исторіи и предполагая ее извѣстной, остановимся на одномъ обстоятельствѣ, которое повергаетъ въ недоумѣніе изслѣдователей и читателей. Основатель ложи генералъ П. С. Пущинъ далъ совершенно противорѣчащія показанія объ этой ложѣ. Инзовъ съ его словъ донесъ, что въ Кишиневѣ ложа и не открывалась, а Киселевъ тоже съ его словъ донесъ, что Пущинъ „изъявилъ готовность свою отказаться отъ всякаго участія въ учрежденіи или существованіи сихъ ложъ и обѣщалъ безъ потери времени сіе исполнить“. Это противорѣчіе въ невыгодномъ свѣтѣ рисуетъ личность П. С. Пущина—и не только въ невыгодномъ, а и въ несоотвѣтствующемъ тому представленію, которое есть у насъ. Помянутые изслѣдо-

[1]) Матеріалами Военно-ученаго архива не исчерпываются архивные источники объ этой ложѣ. Кое-что, дополняющее данныя дѣла В.-у. арх., попадалось намъ и въ другихъ архивахъ.

ватели не останавливались на разъясненіи этого противорѣчія, а прямо, на основаніи архивной переписки ложи Астреи съ братьями кишиневской ложи, изложили исторію этой ложи, сообщили даты возникновенія, учрежденія и т. д.

Но возникаетъ вопросъ, была ли открыта ложа къ Овидію № 25, и не правъ ли былъ Инзовъ, утверждая, что въ Кишиневѣ ложа не существуетъ? Этотъ вопросъ кажется парадоксальнымъ послѣ заявленія Пушкина, послѣ публикацій и статей Н. К. Кульмана и В. И. Семевскаго. Но тутъ нужно войти въ подробности масонской техники, оставшейся неизвѣстной изслѣдователямъ.

Дѣло въ томъ, что новая ложа фактически и юридически правильно дѣйствующей считалась въ масонствѣ только послѣ ея *принятія*, послѣ ея инсталляціи. Принятіе же было формальнымъ обрядомъ, который долженъ былъ совершаться въ присутствіи делегатовъ, командированныхъ на этотъ случай главной ложей изъ ея членовъ. Въ виду крайней невозможности разрѣшалось поручить открытіе кому-либо на мѣстѣ изъ бывшихъ уже членами другой ложи, но къ этому масоны прибѣгали крайне неохотно, въ особенности потому, что обрядъ инсталляціи былъ очень цѣнимъ ими, ибо онъ символизировалъ дѣйственность ихъ работъ.

Была ли принята или инсталлирована кишиневская ложа? Принимая во вниманіе объясненія Пущина и Инзова, а также документъ, о которомъ мы сейчасъ скажемъ, мы должны на этотъ вопросъ отвѣтить отрицательно. Дѣйствительно, вся процедура, предшествовавшая принятію, была выполнена: позволеніе открыть ложу дано, было принято постановленіе о посылкѣ патента и самое наименованіе ложи; генеральный секретарь Астреи даже почелъ своимъ долгомъ увѣдомлять о засѣданіяхъ Астреи; наконецъ—съ нѣкоторымъ нарушеніемъ устава—ложа № 25 была даже занесена въ списки Астреи. *Но инсталляціи совершено не было.* Изслѣдователи, изучавшіе архивный матеріалъ, отнеслись къ нему безъ должнаго вниманія и не прочли до конца всѣхъ бумагъ этого архивнаго дѣла или просто просмотрѣли самый интересный документъ. Это тѣмъ удивительнѣе для Н. К. Кульмана, въ приложеніяхъ къ своей статьѣ перепечатавшаго рядъ документовъ и среди нихъ сообщеніе генеральнаго секретаря Астреи отъ 20 сентября 1821 г. [1]). Ни Н. К. Кульманъ, ни В. И. Семевскій ни однимъ словомъ не обнаруживаютъ знакомства съ на-

[1]) Н. К. Кульману нужно было бы принять во вниманіе скудость нашихъ свѣдѣній о масонствѣ и не скупиться на перепечатку всѣхъ находящихся въ дѣлѣ и немногочисленныхъ писемъ изъ ложи Астреи въ Кишиневѣ. Кстати отмѣтимъ, что документы изданы Н. К. Кульманомъ въ общемъ исправно, но ошибка и пропуски все-таки есть. Такъ, напр., на письмѣ Инзова отъ 15 янв. 1822 года положена резолюція, въ текстѣ издателемъ неприведенная.

ходящимся въ томъ же дѣлѣ офиціальнымъ письмомъ того же секретаря Веселя отъ 13 октября 1821 года.

А изъ всѣхъ его писемъ, хранящихся при этомъ дѣлѣ, это—самое интересное и важное какъ вообще для исторіи масонства, такъ и спеціально для исторіи кишиневской ложи. При этомъ письмѣ секретаремъ былъ отправленъ рядъ документовъ, необходимыхъ для возникающей ложи, и цѣлая «литература», которой должна была она руководствоваться. Въ самомъ письмѣ секретарь обращалъ вниманіе новыхъ братьевъ на особенно важные пункты «Уложенія ложи Астреи», подчеркивалъ необходимую формальную обрядность и, наконецъ, давалъ счетъ тѣмъ денежнымъ уплатамъ, которыя должна была сдѣлать новая ложа. Уже изъ этого краткаго перечисленія можно видѣть, какъ любопытно это письмо, сохраняющее для насъ столько живыхъ данныхъ для бытовой исторіи масонства. Но кромѣ всѣхъ этихъ подробностей, мы читаемъ слѣдующее:

„Les travaux d'une Loge nouvellement fondèe faits avant son installation ne pouvant être regardés d'aprés le № 154 du Côde que comme provisoirs et restant seuls lorsque l'installation n'a pas lien, la Grande □ Astrée anrait deja dans sa seanse du 17 septembre nommé un frère pour effectuer l'installation de Votre attelier, si elle aurait su sur qui fixer sou choix; je suis par conséquent authorisé par le Tres Jll. Gr. Maitre de Vous inviter à nous indiquer quelques fréres distingués soit de Votre attelier, soit de quelque autre □ regulièrè réconnue par Vous Comme telle, pour cette honorable charge afin que la Grande □ puisse sans d elai procéder à la nomination de Votre installateur eu lui envoyant les pleinpouvoirs et les instructions necessaires. D'après les §§ 151 et 153 un seul frère pourra souffire pour répresenter la Grande □ Astrée pour cet acte.

„Le Tres Jll. Gr. Maitre Vous fait proposer comme Candidats pour Representant de votre attelier les T.T. R.R. ffs Augustin Prévôt de Lumian Charles Ritter, Romain Mouin et George Hodenius parmi les quels Vous pourrez choisir; ce sont tous des frères tres respectables qui sont bien dignes de Votre confiance"...

Параграфъ 154-й Уложенія, на который ссылается секретарь, гласитъ слѣдующее: «Прежде нежели которая Ложа будетъ такимъ образомъ принята, производимыя ею работы почитаются времянными и остаются недѣйствительными, если принятіе не совершится, потому что каждая ложа уже послѣ принятія своего вносится въ списокъ Великой Астреи».

Такимъ образомъ 13 октября 1821 года у ложи Овидія не было еще ни представителя въ совѣтѣ Великой ложи, ни инсталлятора.

На это письмо отъ 13 октября кишиневскіе братья должны были отвѣтить указаніемъ того брата или братьевъ, которые должны были инсталлировать ложу; на ихъ отвѣтъ Великая ложа должна была прислать или самихъ лицъ изъ Петербурга или же полномочія и инструкціи бывшимъ на мѣстѣ. Нужно сообразить, сколько времени потребовали бы эти сношенія, а въ концѣ ноября Пущина уже потянули къ допросамъ и Инзовъ и Киселевъ. При отсутствіи дальнѣйшей переписки и, принявъ въ соображеніе вышеуказанное, можно съ достовѣрностью заключить, что такъ инсталляціи и не произошло. Слѣдовательно, Инзовъ имѣлъ право донести, а Пущинъ утверждать, что масонской ложи въ Кишиневѣ открыто не было. Записка его къ Киселеву, въ которой онъ объясняется по поводу своего масонства, намъ неизвѣстна, но уже изъ того изложенія, которое даетъ Киселевъ въ своемъ донесеніи П. Х. Витгенштейну, можно видѣть, что Пущинъ изъявлялъ готовность свою отказаться отъ всякаго участія въ *учрежденіи* или существованіи сихъ ложъ. У Пущина съ Киселевымъ рѣчь, очевидно, шла о приготовленіяхъ къ открытію, а не объ открытой уже ложѣ.

Конечно, то или иное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ больше цѣны для историка масонства, чѣмъ для историка общественности. Для послѣдняго то же значеніе сохраняютъ и бывшія предварительныя совѣщанія и собранія кишиневскихъ братьевъ, хотя бы, по Уложенію Великой ложи Астреи, они и почитались временными. Но дѣло въ томъ, что пока, кромѣ выясненія фактическихъ датъ и фактическихъ событій исторіи кишиневской ложи (а для этого то или иное рѣшеніе вѣрно пріобрѣтаетъ извѣстную цѣну), изслѣдователи ничѣмъ другимъ не занимаются. Догадки о томъ, что именно въ этой ложѣ казалось столь антиправительственнымъ Пушкину, остаются только догадками: разгадку же свою онѣ найдутъ въ изученіи чрезвычайно пестраго состава ложи; для этого же изученія матеріалы найдутся и въ нашихъ архивахъ, и въ источникахъ западныхъ.

Задача нашей замѣтки—остановить вниманіе изслѣдователей на матеріалахъ, отъ которыхъ оно могло бы ускользнуть по тѣмъ простымъ соображеніямъ, что эти матеріалы могли показаться уже использованными послѣ работъ Н. К. Кульмана и В. И. Семевскаго.

П. Щеголевъ.

Библіографія.

Несторъ Котляревскій. *Рылѣевъ. Съ 2 фототип. и 2 автотип. на мѣл. бум. Спб. 1908. IV+213 стр. (Библіотека „Свѣточа“ №№ 81 — 85) Ц. 1 р. 25 коп.*

Среди читательскихъ массъ Рылѣева знаютъ плохо; произведенія его почти не читаются, а представленія о роли его въ общественномъ движеніи спутаны и неясны. Пришло время поставить на его могилѣ достойный памятникъ; и съ этой мыслью Н. А. Котляревскаго нельзя не согласиться. Первый шагъ къ созиданію памятника—изученіе, и книга Н. А. Котляревскаго первый къ нему шагъ. Авторъ достигъ поставленной имъ задачи—освѣтить на основаніи изслѣдованія литературы и матеріаловъ, опубликованныхъ и остающихся въ рукописяхъ, исторію жизни Рылѣева, его политической и литературной дѣятельности. Монографія возсоздаетъ цѣльный образъ заговорщика-поэта, даетъ характеристику и оцѣнку его литературныхъ работъ, знакомитъ съ его политическими взглядами и набрасываетъ картину его дѣятельности по тайному обществу. Эта книга—первый сводный трудъ по изученію Рылѣева во всѣхъ тѣхъ пунктахъ и вопросахъ, которые до сихъ поръ выдвигались этимъ изученіемъ. Нужно отмѣтить, что Н. А. Котляревскій иллюстрируетъ свое изложеніе обильными цитатами изъ сочиненій Рылѣева и такимъ образомъ еще болѣе облегчаетъ знакомство съ Рылѣевымъ.

Н. А. Котляревскій, возсоздавая душу Рылѣева, исходитъ изъ вполнѣ вѣрной мысли, что въ Рылѣевѣ нельзя отдѣлять поэта отъ гражданина-заговорщика и обратно; но незамѣтно для самого себя Н. А. Котляревскій какъ разъ отдаетъ перевѣсъ литератору и романисту передъ дѣятелемъ. Въ связи съ такимъ взглядомъ на Рылѣева находится и общее его представленіе о декабрьской революціи. Декабристы—юные романтики революціи, они были поэты, когда вѣрили въ мгновенное воплощеніе своихъ идеаловъ, когда обдумывали планъ возстанія... Декабрьское возмущеніе—не первый актъ революціоннаго движенія въ Россіи. Это—глубоко минорная интродукція, въ которой предвосхищенъ

основной мотивъ всякаго возстанія за свободу, его лирическій подъемъ и трагическій паѳосъ". Этому построенію нельзя отказать въ извѣстной красотѣ, но врядъ ли оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Нашъ взоръ всегда тянулся къ этимъ извѣстнымъ намъ энтузіастамъ и поэтамъ; они дали окраску, но не они одни создали его. За этими романтическими фигурами стояли сѣрыя массы заговорщиковъ; мы готовы были принимать ихъ за безразличныя, безцвѣтныя массы только потому, что мы ихъ не знали. Но первыя же попытки спеціальныхъ изученій показали, что эти рядовые люди движенія вовсе не подъ одинъ покрой, что ихъ соціальный составъ, ихъ духовная личность—разнообразны и сложны. И несомнѣнно стало, что общія заключенія о декабристахъ преждевременны. Поэтому-то оказываются непріемлимыми и общій взглядъ Н. А. Котляревскаго и то сработанное по мѣркѣ представленіе о декабристахъ, которое находимъ у г. Покровскаго въ „Исторіи Россіи XIX вѣка". Но если у послѣдняго это предварительное заключеніе гибельно отозвалось на всемъ изложеніи декабрьскаго движенія, то у Н. А. Котляревскаго этотъ порокъ общаго вывода повлекъ за собой неравномѣрную расцѣнку личности Рылѣева. Политикъ и заговорщикъ Рылѣевъ остался въ тѣни. Быть можетъ, послѣднее положеніе является результатомъ не достаточно широкаго архивнаго знакомства съ процессами декабристовъ. Для опредѣленной и прочной характеристики политической дѣятельности Рылѣева необходимо изучить его положеніе въ процессѣ. По всему производству одно его дѣло недостаточно для выводовъ. Для примѣра можно сослаться хотя бы на разъясненія Н. А. Котляревскаго по вопросу о взглядахъ Рылѣева на цареубійство. Н. А. Котляревскій видитъ у Рылѣева только мелькающую мысль объ этомъ; а на самомъ дѣлѣ этотъ вопросъ является предметомъ сокровеннѣйшихъ переживаній, глубочайшихъ размышленій и практическихъ подходовъ въ формѣ хотя бы подготовленія репсициды. Въ своихъ статьяхъ о П. Г. Каховскомъ („Былое" 1906, янв., февр.) мы старались освѣтить постановку этого вопроса спеціально у Рылѣева.

Вообще изслѣдованіе литературной дѣятельности Рылѣева выполнено Н. А. Котляревскимъ гораздо тщательнѣе и детальнѣе, чѣмъ изслѣдованіе политической. Эволюція политическихъ взглядовъ Рылѣева изображена не ярко, а начало ея отнесено къ слишкомъ позднему времени. Авторъ книги отказывается вѣрить показанію стихотворенія Рылѣева 1820 года о знакомствѣ съ Каховскимъ, ссылаясь на показаніе, данное имъ на допросахъ и пріурочивающее знакомство къ 1825 году. Между тѣмъ Каховскій, сначала утверждавшій то же, что и Рылѣевъ, высказалъ въ послѣднемъ признаніи рѣшительное отрицаніе этого утвержденія. Н. А. Котляревскій ссылается на описаніе 14 декабря, считая его принадлежащимъ И. И. Пущину. Въ литературѣ уже констатировано, что оно не принадлежитъ Пущину, а составлено Е. И. Якушкинымъ со словъ Пущина, И. Д. Якушкина и др., и слѣд. не имѣетъ характера первоисточника. Говоря о дѣятельности Р. по тайному обществу, Н. А. Котляревскій не совсѣмъ вѣрно перечисляетъ принятыхъ имъ въ общество лицъ. Отношенія Рылѣева къ Трубецкому и послѣднія недѣли свободной жизни Рылѣева освѣщены смутно и неясно. Поведеніе Рылѣева во время слѣдствія изображено не совсѣмъ вѣрно, потому что Н. А. Котляревскій

не остановилъ своего вниманія на державномъ слѣдователѣ Николаѣ I. Кстати не слѣдовало даже съ оговоркой приводить завѣдомо лживыя увѣренія А. О. Смирновой о томъ, будто бы Николай I не зналъ о поэтическихъ работахъ Рылѣева: и по литературѣ мемуаровъ, и по даннымъ слѣдствія видно, что Николай I не могъ не знать, а наоборотъ очень хорошо зналъ. Н. А. Котляревскому не слѣдовало также пользоваться воспоминаніями и дѣломъ Завалишина. Это на рѣдкость мутный историческій источникъ. Мнѣ кажется, что отъ пользованія признаніями Завалишина историкъ долженъ отказаться, ибо не стоитъ даже тратить огромнѣйшихъ усилій на провѣрку ихъ, которая не сдѣлана и безъ которой на нихъ даже ссылаться немыслимо [1]). Со стороны автора книги, имѣвшаго возможность привлечь показанія другихъ декабристовъ, какъ-то странно воспользоваться именно дѣломъ Завалишина. Весьма подробно цитируетъ Н. А. Котляревскій различные мало достовѣрные разсказы о казни декабристовъ и не приводитъ достовѣрнаго всеподданнѣйшаго донесенія г.-ад. Голенищева-Кутузова. Намъ казались бы лишними точки въ агитаціонной пѣснѣ Рылѣева „Ахъ тошно мнѣ“ по той причинѣ, что пѣсня это безъ всякихъ точекъ напечатана въ книгѣ, вышедшей еще въ подцензурныя времена. Но всѣ указанные недостатки не лишаютъ книгу Н. А. Котляревскаго ея значенія: это—интересно написанная первая сводная работа, и мы можемъ быть только благодарны автору книги за эту дань памяти Рылѣева. Конечно, это—не такая работа, что исчерпывала бы весь вопросъ и надолго устраняла отъ него изслѣдователей, но эта задача и не входила въ намѣренія автора.

Два слова о портретахъ. Въ книгѣ приложены два портрета: одинъ—великолѣпно исполненный обычнаго типа, другой—съ карандашнаго рисунка, впервые опубликованнаго П. А. Ефремовымъ въ альбомѣ Пушкинской выставки. По поводу послѣдняго нужно сказать, что, можетъ быть, это и не Рылѣевъ. Покойный П. А. Ефремовъ, найдя этотъ набросокъ въ книгѣ, *предположилъ*, что это Рылѣевъ: такъ говорилъ онъ пишущему эти строки. Оригиналъ портрета, принадлежавшій ему, былъ проданъ имъ вмѣстѣ со всѣми своими коллекціями Фельтену, и настоящее его мѣсто нахожденія неизвѣстно. Первый же портретъ ведетъ начало отъ оригинала, нынѣ существующаго, но цѣлый рядъ воспроизведеній—одно съ другого — исказили черты Рылѣева почти до неузнаваемости. Теперь въ лицѣ Рылѣева мы не можемъ даже почувствовать романтизма, которымъ окутанъ оригиналъ, а видимъ лицо, весьма подозрительное и мало располагающее [2]).

П. Щеголевъ.

Ч. Вѣтринскій. *„Герценъ“*. Съ 4-мя фототипіями и 16-ю автотипіями на мѣловой бумагѣ. Приложеніе: **А. Г. Фоминъ.** *„Библіографія произве-*

[1]) Совсѣмъ странно встрѣтить утвержденіе объ исторической цѣнности у проф. Шимана въ его только что вышедшемъ второмъ томѣ „Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I“.

[2]) Точное воспроизведеніе оригинала этого портрета будетъ дано нами въ печатающейся нашей книгѣ о П. Г. Каховскомъ.

деній Герцена и литературы о немъ". XI+532+5 ненумер. стр. Спб. 1908. Ц. 3 р. (Библіотека „Свѣточа" подъ редакціей **С. А. Венгерова. №№** 101—112).

Хотя у насъ о жизни, сочиненіяхъ и дѣятельности А. И. Герцена писалось довольно много, особенно въ послѣдніе годы, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но обстоятельной біографіи его мы все еще не имѣемъ, какъ не имѣемъ и всесторонней оцѣнки его литературной и политической дѣятельности. Кромѣ статей и матеріаловъ, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ, можно указать только на коротенькую и мало удовлетворительную книжечку В. Д. Смирнова (Е. А. Соловьева) „А. И. Герценъ" (въ „Біографич. библіотекѣ" Ф. Павленкова, два изданія, Спб. 1897 и 1898) да на неоконченный, остановившійся на 1-мъ томѣ, трудъ В. П. Батуринскаго: „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые" (Спб. 1904). Надо сказать и то, что для полной біографіи Герцена относительно заграничнаго періода его жизни и дѣятельности остается еще сдѣлать много подготовительной работы, такъ какъ, по справедливому замѣчанію г. Вѣтринскаго, въ „сущности о жизни и дѣятельности Герцена за границей мы знаемъ немного больше того, что самъ онъ разсказалъ въ отрывкахъ второй половины „Былого и Думъ" и въ „Колоколѣ" (стр. VIII—IX). Далеко не вполнѣ извѣстна его переписка въ заграничный періодъ жизни. Въ нашихъ лучшихъ библіотекахъ не имѣется тѣхъ многихъ книгъ, журналовъ и газетъ на иностранныхъ языкахъ, гдѣ разбросаны разныя болѣе или менѣе интересныя свѣдѣнія (біографическія, критическія, полемическія и др. статьи) о Герценѣ. Поэтому, необходимы тщательные поиски въ библіотекахъ Лондона, Парижа, Берлина, Вѣны, въ Италіи, даже въ Нью-Іоркѣ (такъ, оказалось, что одна изъ главъ книги Герцена „Съ того берега" стала извѣстной по публичному чтенію въ нью-іоркской нѣмецкой колоніи, а въ недавно вышедшей обширной біографіи Карла Фохта появились три весьма любопытныхъ письма Герцена). Вслѣдствіе такихъ пробѣловъ большое количество именъ и фактовъ, упоминаемыхъ и въ „Быломъ и Думахъ" и въ перепискѣ Герцена остается и для читателей, и для изслѣдователей жизни Герцена непонятнымъ и неяснымъ. Словомъ, для полной и всесторонней біографіи и оцѣнки Герцена впереди предстоитъ еще много работы, и поэтому весьма почтенный и обширный трудъ г. Вѣтринскаго, несмотря на многія его достоинства и обстоятельность, далеко нельзя считать исчерпывающей работой о Герценѣ.

Г-нъ Ч. Вѣтринскій (Е. В. Чешихинъ) уже извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ авторъ такихъ добросовѣстныхъ и прекрасныхъ историко-литературныхъ работъ, какъ выдержавшая два изданія монографія „Т. Н. Грановскій и его время" и сборника очерковъ и характеристикъ „Въ сороковыхъ годахъ" и цѣлаго ряда популярныхъ біографическихъ очерковъ русскихъ писателей. Въ новой же своей книгѣ, являющейся самымъ обширнымъ изъ всѣхъ трудовъ, какіе до сихъ поръ у насъ имѣются о Герценѣ, г. Вѣтринскій задался цѣлью дать, насколько возможно, подробную и цѣльную біографію Герцена, стараясь сохранить вездѣ простое объективное отношеніе къ его жизни и не претендуя на полное психологическое объясненіе многихъ фактовъ въ жизни Герцена, но и въ

такомъ простомъ объективномъ разсказѣ живо, какъ въ зеркалѣ, отразилась порывистая и мятежная страстность и прелесть натуры Герцена. Нельзя не отмѣтить, что г. Вѣтринскій умѣло исчерпалъ опубликованные у насъ матеріалы (переписку и пр.) о жизни и дѣятельности Герцена, добросовѣстно и безпристрастно прослѣдилъ съ необходимыми, гдѣ нужно, комментаріями всѣ главнѣйшіе факты этой жизни, причемъ избѣгнулъ мелочныхъ деталей и подробностей, и бѣгло, но обстоятельно указалъ общественно-историческое значеніе отдѣльныхъ моментовъ жизни и дѣятельности Герцена. Это и было задачею почтеннаго труда г. Вѣтринскаго, и задача эта, говоря по совѣсти, исполнена имъ весьма удовлетворительно, почему мы отъ души и привѣтствуемъ его книгу и желаемъ ей возможно большаго успѣха среди читающей русской публики.

Къ книгѣ г. Вѣтринскаго приложенъ цѣлый рядъ портретовъ. Изъ нихъ 2 портрета Герцена (1842 и 1845 гг., работы Рейхеля) появляются впервые, равно какъ впервые воспроизведены портреты матери, сына (проф. физіологіи А. А. Герцена) и дочерей Герцена. Приложенъ также и неизвѣстный до сихъ поръ портретъ М. А. Бакунина (повидимому, конца 60-хъ или начала 70-хъ годовъ).

Въ концѣ книги г. Вѣтринскаго приложена (стр. 467—532) также и кропотливо и добросовѣстно составленная А. Г. Фоминымъ „Библіографія произведеній А. И. Герцена и литературы о немъ" по 1908 годъ, причемъ указаны сочиненія и статьи Герцена, какъ не вошедшія совсѣмъ въ заграничное (1875—79 гг.) и въ русское изданія (1905 г.) собранія его сочиненій, такъ вошедшія въ нихъ съ сокращеніями (каковы бы послѣднія ни были). Но, какъ и во всякомъ библіографическомъ трудѣ, какъ бы внимательно и добросовѣстно онъ ни былъ исполненъ, встрѣчаются пропуски, такъ не избѣгъ ихъ и трудъ г. Фомина. Указано, напр., нѣмецкое изданіе (1876 г.) извѣстныхъ „Мемуаровъ идеалистки" Мейзенбугъ, но не указано ни французское изданіе ихъ (1869 г.), ни русскій ихъ переводъ („Мемуары идеалистки". М. М. Съ франц. переводъ Е. Г. Бартеневой Спб. 1905 г. Изданіе редакціи „Новаго Журнала литературы, искусства и науки", тотъ же переводъ напечатанъ и какъ особое къ этому журналу приложеніе за 1905 г., №№ 1—9), ни статей объ этихъ „запискахъ" въ „Мірѣ Божіемъ" 1902 г. Изъ числа статей о Герценѣ пропущены 4 статьи о немъ (анонимныя) П. Л. Лаврова въ двухнедѣльной газетѣ „Впередъ!" (1875 г.) и біографическій очеркъ Герцена въ журналѣ „Пробужденіе" (1906 г.), принадлежащій пишущему настоящія строки, равно какъ и его же статья о русскомъ изданіи сочиненій Герцена въ „Бирж. Вѣд." (въ началѣ 1905 года)

Д. П. Сильчевскій.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. „Собраніе сочиненій". Единственное разрѣшенное вдовою автора изданіе. *Часть VI*: *„Публицистика и критика"*. Съ вступительной статьей *В. В. Водовозова* и фототипическимъ портретомъ Степняка. XVI+236+4 ненумер. стр. Спб. 1908. Цѣна 1 р. (Библіотека „Свѣточа" подъ редакціею *С. А. Венгерова*. №№ 86—90).

Въ вышедшемъ теперь шестомъ томѣ сочиненій Кравчинскаго-Степняка помѣщено пять статей. Двѣ изъ нихъ: „Что намъ нужно?“ (1891—92 гг.) и „Органическіе и случайные элементы въ политическихъ программахъ русскихъ демократовъ“ (1893—94 гг.) относятся къ области политической публицистики въ связи съ критикой тогдашняго положенія Россіи. Вторая изъ этихъ статей содержитъ въ себѣ подробный и обстоятельный анализъ „Проекта русской конституціи“, составленнаго въ Россіи анонимнымъ авторомъ, повидимому, весьма либеральнымъ бюрократомъ (этотъ „Проектъ“ приложенъ ко второй изъ названныхъ статей Степняка, стр. 65—95).

Въ обѣихъ названныхъ статьяхъ („Что намъ нужно?“ и „Органическіе и случайные элементы въ программахъ русскихъ демократовъ“) мы видимъ, что въ политическихъ убѣжденіяхъ Степняка въ послѣдніе годы его жизни произошелъ замѣтный поворотъ вправо, къ умѣренности и къ сближенію революціонеровъ съ либералами или, точнѣе, съ прогрессистами и демократами. На первый планъ въ означенныхъ статьяхъ Степнякъ выдвигаетъ необходимость не борьбы за соціализмъ, а чисто политической борьбы, то есть борьбы за конституцію, проведенную на возможно болѣе широкихъ демократическихъ основахъ. Разбору этихъ двухъ статей Степняка и посвященъ краткій, но весьма содержательный вступительный этюдъ г. Водовозова, предпосланный 6-му тому сочиненій Степняка. Въ этомъ этюдѣ г. Водовозовъ выясняетъ характеръ и значеніе перемѣны въ политическомъ prefession de foi Степняка, происшедшей въ концу его жизни.

Помѣщенные въ 6-мъ томѣ два небольшихъ критическихъ этюда Степняка о „Рудинѣ“ и „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева написаны были для англійской публики въ видѣ предисловій къ англійскимъ переводамъ двухъ названныхъ тургеневскихъ романовъ. Оба этюда написаны ярко, живо и колоритно, но для русской публики не представляютъ ничего новаго или особо оригинальнаго.

Наконецъ, въ 6-й томъ вошла также и „Сказка-говоруха“ Степняка, когда-то (въ 1875 г.) изданная за границей подъ названіемъ „Мудрица Наумовна“ въ цѣляхъ пропаганды въ народѣ и въ рабочемъ классѣ освободительно-политическихъ идеаловъ и соціалистическихъ идей. Къ сожалѣнію, въ 6-мъ томѣ настоящаго изданія „Сказка-говоруха“ помѣщена не цѣликомъ, а съ значительными урѣзками, пропусками и купюрами. Это очень жаль, такъ какъ (стр. 143, 150, 152, 153, 172—174, 178 и въ др. мѣстахъ) выпущены очень характерные, а подчасъ и поэтическіе мѣста и эпизоды. Надо полагать, что редакторъ настоящаго изданія г. Венгеровъ, сокращая такимъ образомъ „Сказку-говоруху“, имѣлъ въ виду цензурныя соображенія, но иныя мѣста онъ могъ бы, думается намъ, смѣло оставить, какъ представляющія теперь уже чисто историческій интересъ (какъ характеристика настроенія нашихъ народниковъ-пропагандистовъ 70-хъ годовъ) и не представляющія теперь уже особой „опасности“ въ глазахъ нашихъ высшихъ „сферъ“...

Д. П. С.

А. Б. Петрищевъ. *„Триста лѣтъ (1606—1906)“. Изданіе второе. 114 и 2 ненумер. стр. Спб. 1908. Цѣна 50 к. Изданіе „Оріонъ“.*

Первое изданіе этой книжки, вышедшее въ сентябрѣ 1906 г., было конфисковано, а авторъ ея, „за дерзостное неуваженіе Верховной Власти“, былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 128 ст. Угол. Улож. и преданъ суду особаго присутствія Спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Судебная палата, однако, не нашла въ книжкѣ „Триста лѣтъ“ никакого „состава преступленія ни по 128, ни по какой-либо другой статьѣ Уголовнаго Уложенія“. Въ виду этого, г. Петрищевъ и выпустилъ теперь 2-е изданіе своей книжки, но ограничился лишь дословной перепечаткой текста 1-го изданія, хотя, по словамъ автора, „въ книжку надо было бы внести многія дополненія и поясненія. Въ концѣ ея было бы необходимо внести краткій обзоръ событій за послѣдніе полтора года со времени роспуска первой Государственной Думы. Было бы необходимо внести и кое-какія поправки. Но судомъ книга разсмотрѣна въ томъ видѣ, какъ она вышла первымъ изданіемъ. И пока она въ такомъ видѣ, судебныя и административныя власти, согласно приговору 17 октября 1907 г., не могутъ усмотрѣть въ ней преступленія“ (стр. 4). Поэтому-то г. Петрищевъ, боясь новаго ареста своей книжки, хотя бы, какъ онъ выражается, „за самыя невинныя отступленія отъ первоначальнаго текста“, и принужденъ былъ значительно урѣзать свои авторскія права и выпустилъ 2-е изданіе безъ всякихъ измѣненій. Это характерный фактъ для иллюстраціи настоящаго положенія нашей литературы...

Книжка г. Петрищева написана очень популярно и просто и, очевидно, предназначена для самой широкой публики—для грамотныхъ народныхъ массъ, съ цѣлью ознакомить ихъ съ главнѣйшими фактами русской исторіи за послѣднія три столѣтія. Попытки такого рода популяризаціи отечественной исторіи у насъ уже бывали и раньше, и особенно удачной попыткой была вышедшая еще въ 1867 книжка „Древняя Русь“, приписываемая перу каракозовца, этнографа И. А. Худякова. Къ сожалѣнію, „Древняя Русь“, тотчасъ же по ея выходѣ, была конфискована и сожжена, и лишь немногіе ея экземпляры попали въ публику. Изъ болѣе недавнихъ опытовъ укажемъ на 3 книжки разсказовъ изъ русской исторіи Э. Шишко.

Обращаясь къ книжкѣ г. Петрищева, надо сказать, что задачу свою—дать популярный очеркъ исторіи Россіи за послѣднія три столѣтія—онъ исполнилъ довольно удовлетворительно. Его изложеніе просто и толково.

Можно упрекнуть автора лишь въ непропорціональности частей его книги. Такъ, напр., изложенію царствованій Михаила Өедоровича и Алексѣя Михайловича удѣлено слишкомъ уже много мѣста по сравненію съ царствованіями Александра I и Николая I; да и вообще XIX-му столѣтію слѣдовало бы отвести мѣста болѣе, чѣмъ двумъ предшествовавшимъ. Очень кратка и не вполнѣ точна 8-я глава „Интеллигенція и народъ“ (стр. 76—86). Слѣдовало бы также избѣгать разныхъ рискованныхъ догадокъ о тождествѣ загадочнаго сибирскаго старца Өедора Кузьмича съ Александромъ I-мъ (стр. 74) и анекдотовъ о томъ, какъ

десятеро странниковъ, идущихъ въ Кіево-печерскій монастырь, вмѣсто того направляются въ кабакъ (стр. 38). Сравнительно мало удѣлено также мѣста такимъ народнымъ движеніямъ, какъ бунты Разина и Пугачева, между тѣмъ какъ въ книжкѣ иногда отмѣчаются болѣе мелкія народныя движенія. Декабристамъ посвящено всего нѣсколько строчекъ (стр. 75) и пр.

Несмотря на всѣ эти недочеты, книжка г. Петрищева заслуживаетъ вниманія.

Д. П. Сильчевскій.

Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. *Н. Н. Фирсова*, проф. Казанскаго унив. Съ 3 портретами. Изд. т-ва Вольфъ («Свободное Знаніе»), Спб. и Москва. Стр. 50, цѣна 30 коп. (Годъ изд. 1907 ?).

Разсматриваемая брошюра касается одного изъ широкихъ народныхъ движеній, въ которомъ рѣзко проявилась оппозиція населенія московскихъ окраинъ политическому гнету и соціальной эксплуатаціи въ дореформенномъ Московскомъ царствѣ. Бунтъ, связанный съ именемъ атамана Стеньки Разина, оставилъ глубокіе слѣды въ народной психикѣ, особенно въ юго-восточныхъ областяхъ Россіи. До сихъ поръ въ народныхъ массахъ не угасли воспоминанія о вождѣ „голи кабацкой", „голутвеннаго" казачества и „чернаго" народа. За обѣщанную народу „землю и волю" народная поэзія ставитъ „батюшку Степана Тимофеевича" даже выше стараго былиннаго героя Ильи Муромца: послѣдній оказывается у Степанушки только въ есаулахъ. По народному представленію товарищи Степана не разбойники, а „Стеньки Разина работнички". А когда

Поимали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во Каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову,—

Тогда, какъ поется въ народной пѣснѣ,

Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Чернаго моря!

И не только народная масса, но и революціонеры, особенно бунтари 70-хъ годовъ вслѣдъ за Бакунинымъ идеализировали атамана буйной вольницы, который за сто лѣтъ до Пугачева явился выразителемъ смутныхъ анархическихъ стремленій тогдашней полудикой массы русскаго народа. Въ бакунистскихъ святцахъ атаману Стенькѣ Разину принадлежало не менѣе почетное мѣсто, чѣмъ бѣглому казаку Емелькѣ Пугачеву, сумѣвшему поколебать основы на этотъ разъ реформированной, императорской Россіи.

Хотя внимательное изученіе историческихъ актовъ и не совсѣмъ мирится съ Разиновской легендой, но все-таки Разинъ остается народнымъ героемъ, правда, героемъ своего времени, раздѣляющимъ всѣ его

достоинства и недостатки, но сумѣвшимъ найти путь къ народному сердцу, затронуть интимныя струны тогдашней крестьянской души. Во всякомъ случаѣ народъ призналъ Стеньку своимъ вождемъ.

Какой народъ? Какіе слои населенія? Каковъ былъ соціально-политическій идеалъ Разиновщины? Эти и цѣлый рядъ сопредѣльныхъ вопросовъ пытается разъяснить вышепоименованная брошюра г. Фирсова.

Авторъ разсматриваетъ условія, подготовившія ту обстановку, въ которой разыгрался бунтъ Стеньки Разина. Воеводы, „правившіе государевы всякіе доходы *нещадно, побивавшіе* (жителей) *на смерть*"; злоупотребленія московской администраціи; растущее политическое и соціальное закрѣпощеніе населенія—все это сдѣлало то, что въ концѣ концовъ сначала „закачался міръ городской, міръ посадскихъ и мелкихъ, рядовыхъ служилыхъ людей", а затѣмъ и міръ сельскій, который вообще раскачивается съ бо̀льшимъ трудомъ. Авторъ описываетъ извѣстный московско-коломенскій бунтъ, ближайшимъ поводомъ къ которому послужилъ денежный кризисъ („мѣдныя деньги"); во время этого бунта, по приказанію „тишайшаго" государя, стрѣльцы и придворные чины съ оружіемъ напали на безоружную толпу просителей, перебили и арестовали 7.000 человѣкъ, по большей части любопытныхъ зрителей, потопили 100 чел. въ рѣкѣ, въ тотъ же день было повѣшено въ с. Коломенскомъ 150 челов., а затѣмъ послѣдовала чисто московская расправа съ бунтовщиками, казнь, пытка, битье кнутомъ, клейменіе и ссылка бунтовщиковъ.

Коломенская расправа только усилила оппозиціонное настроеніе населенія; въ результатѣ увеличилась эмиграція въ привычномъ юго-восточномъ направленіи. Эта эмиграція питалась закрѣпощеніемъ крестьянства, которое окончательно было санкціонировано въ Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Въ результатѣ на Дону и въ Поволжьѣ скопилась масса людей, недовольныхъ московскими порядками и озлобленныхъ систематическимъ гнетомъ. „Воровское собраніе" вольницы, начавшей „думушку думать" о выходѣ изъ своего положенія, непосредственно вызвано было сильнымъ голодомъ на Дону. Донское населеніе, составившееся изъ бывшихъ крестьянъ, превратившихся въ профессіональныхъ воиновъ, не желало заниматься земледѣліемъ: хлѣбопашество на Дону было запрещено подъ страхомъ смертной казни. Жили же казаки той *данью*, которую имъ, подъ видомъ царскихъ подарковъ, платило московское правительство. Старое, коренное, домовитое казачество, такъ сказать, казацкая буржуазія стояла на сторонѣ Москвы (она же впослѣдствіи и выдала Разина); казацкая же голытьба, демократія, являвшаяся настоящей выразительницей традиціонно-авантюристскаго казацкаго духа и пользовавшаяся популярностью среди народной массы, глухо волновалась. Когда, подъ вліяніемъ „скудности большой" на Дону, „голутвенные" казаки надумали двинуться въ грабительскій походъ „за зипунами" на Волгу, у нихъ нашелся и предводитель въ лицѣ атамана Степана Тимофеевича Разина.

Благодаря „солидарности казачества въ его „воровскихъ предпріятіяхъ" къ первоначальному ядру примкнули яицкіе казаки, а во второй періодъ дѣятельности Разина—запорожцы. А затѣмъ составъ воровской шайки пополнился всѣми деклассированными элементами тогдашней

Руси и ея окраинъ: бѣглыми холопами, крестьянами, посадскими, преступниками, великороссами, малороссами, ляхами, татарами и вообще инородцами, жившими въ бассейнѣ Оки—Волги. Дружина Стеньки достигла 7.000 чел. Но „Стенька Разинъ сдѣлался опаснымъ Московскому Государству, такъ же, какъ и Хмельницкій Польшѣ, не своимъ казацкимъ войскомъ, а сочувствіемъ народныхъ массъ борьбѣ, предпринятой казачествомъ". Казацкая ватага начала пополняться народными ополченіями- эти „приставальщики" состояли изъ низовъ городского населенія и сельскихъ „мужиковъ"—русскихъ и инородцевъ. Мѣстами къ движенію примыкали и попы...

И вотъ Разинъ, который первоначально ставилъ себѣ съ товарищами цѣлью главнымъ образомъ грабежъ, подъ вліяніемъ народныхъ массъ, увидѣвшихъ въ немъ защитника своихъ интересовъ, во время второго похода принужденъ былъ выставить нѣчто въ родѣ соціально-политической программы: освобожденіе народа отъ всѣхъ тягостей московскаго государства, отъ воеводъ, приказныхъ и помѣщиковъ. Поддѣлываясь къ традиціонному народному міровоззрѣнію, онъ включилъ и особу царя въ разрядъ элементовъ, подлежавшихъ освобожденію,—отъ бояръ, конечно (мы видимъ, что славянофильское „средостѣніе", съ одной стороны, и конституціонно-монархическая фикція, съ другой, имѣютъ глубокіе и, какъ это ни парадоксально, въ сущности одинаковые историческіе корни); это, впрочемъ, не мѣшало Разину и его товарищамъ говорить про конкретнаго царя такія вещи, что, какъ показывалось на допросахъ, и „помыслить страшно". Желая въ извѣстномъ смыслѣ легализировать движеніе, Разинъ заявлялъ, что у него на стругу находится царевичъ Алексѣй, незадолго до того умершій; а желая придать движенію и санкцію духовной власти, бунтовщики распускали слухъ, что при нихъ находится и патріархъ Никонъ, незадолго передъ тѣмъ лишенный сана и заточенный въ монастырь.

Все движеніе носило стихійно-анархическій характеръ; говоря словами Пушкина, это былъ „русскій бунтъ", если и не „безсмысленный", то во всякомъ случаѣ „безпощадный" и, главное, заранѣе обреченный на неудачу. При тогдашнихъ общественныхъ отношеніяхъ, при составѣ „воровскихъ" шаекъ иначе и быть не могло. Какой идеалъ могли выставить „работнички Стеньки Разина" и увлеченная ими темная полу-русская, полуинородческая масса? Захватъ имущества высшихъ классовъ и раздѣленіе его поровну между участниками движенія, полная нивеллировка общественныхъ состояній. *Грабительская казачья община въ силу своей соціальной природы не могла подняться выше грубаго коммунизма потребленія.* „Казаки,—говоритъ Фирсовъ,—дуванили добычу, и иного идеала распредѣленія имѣющихся въ обществѣ цѣнностей они не могли предложить и простому народу". Казацкій дуванъ и казацкій „кругъ" съ выборнымъ атаманомъ во главѣ—вотъ идеалъ Разина и его вольницы. Во всѣхъ взятыхъ Разинымъ городахъ вводилось казацкое устройство: все населеніе города составляло кругъ, который пользовался распорядительной властью и выбиралъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и десятниковъ по казацкому образцу.

Истребленіе представителей администраціи, сожженіе бумагъ и до-

кументовъ (чисто крестьянскій способъ измѣнять общественныя отношенія, рекомендовавшійся впослѣдствіи Бакунинымъ)—таковы были средства; цѣль сводилась къ тому, чтобы „установить на Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому равенъ былъ". „Прелестныя письма" (т. е. прокламаціи) и стоустая молва популяризовали этотъ казацкій идеалъ по всей странѣ. Броженіе сказывалось и въ самой Москвѣ, и московскій народъ собирался встрѣтить Разина съ хлѣбомъ и солью. Но въ концѣ концовъ это стихійное движеніе, начатое казацкой голытьбой, обострившееся благодаря тяжелому положенію народныхъ массъ и захватившее все Нижнее и Среднее Поволжье и прилегающія мѣстности особенно на западъ отъ Волги, разбилось объ организованную силу Московскаго государства, которое поняло, что здѣсь поставленъ вопросъ о самомъ его существованіи.

Брошюра проф. Фирсова не даетъ ничего новаго сравнительно съ опубликованными уже матеріалами и сочиненіями, касающимися этого вопроса. Но она довольно удачно вскрываетъ генезисъ разиновщины и ея соціологическую природу. Не разсмотрѣны, какъ слѣдуетъ, причины, обусловившія неизбѣжную неудачу движенія.

Брошюра предполагаетъ читателя, знакомаго (хотя бы и бѣгло) съ фактической стороной разсматриваемыхъ событій.

Ю. М. Стекловъ.

Л. Ф. Пантелѣевъ. *Изъ воспоминаній прошлаго.* Книга вторая. Спб. 1908, 211+62 стр., ц. 1 р. 25 к.

Воспоминанія Л. Ф. Пантелѣева достаточно извѣстны и не нуждаются въ рекомендаціи Живость изложенія и интересъ затронутыхъ вопросовъ на протяженіи всей книги приковываютъ вниманіе читателя. Во вторую часть воспоминаній вошла большая статья „Дѣла давно минувшихъ дней", — разсказъ автора о его арестѣ въ декабрѣ 1864 года, о пребываніи въ виленской тюрьмѣ, слѣдствіи, путешествіи въ ссылку (приговоръ—6 лѣтъ каторги—былъ измѣненъ, какъ общая мѣра по отношенію къ лицамъ, сопричастнымъ польскимъ политическимъ дѣламъ того времени). Читая разсказъ о пріемахъ вымогательства показаній на допросахъ того времени, ясно видишь и роль традиціи, и степень „прогресса" въ дѣятельности соотвѣтствующихъ вѣдомствъ. Съ той же точки зрѣнія представляетъ интересъ „Разсказъ Ст. В. Будревича о его дѣлѣ",— дѣлѣ мнимыхъ поджоговъ частнаго имущества съ революціонными цѣлями. Изъ этого разсказа видно, какъ часто агентамъ власти дозарѣзу нужно бываетъ имѣть фактъ преступленія тамъ, гдѣ оно не имѣло мѣсто и какія мѣры употреблялись въ старое время для созданія „преступниковъ". Нужно только замѣтить, что въ наши дни эта отрасль административной дѣятельности значительно усовершенствована не только въ слѣдственной, но и въ подготовительной части фабрикаціи „преступленій".

Статьи о М. Е. Салтыковѣ и Н. Г. Чернышевскомъ даютъ представленіе о личности этихъ писателей незадолго до смерти. Между прочимъ, нужно замѣтить, что личныя отношенія между Чернышевскимъ и Салтыковымъ были очень недружелюбны. Причина слѣдующая. Въ 1861 году Салтыковъ, будучи вице-губернаторомъ въ Твери, получилъ прокламацію

„Великоруссъ“ и представилъ ее начальству,—по оплошности вмѣстѣ съ конвертомъ. Этотъ конвертъ, какъ говорили тогда, и послужилъ первой уликой противъ В. А. Обручева [1]). Противъ Салтыкова въ литературныхъ кругахъ возникло негодованіе, попытки объясниться не разсѣяли предубѣжденія Чернышевскаго противъ Салтыкова,—и это наложило печать на ихъ отношенія другъ къ другу на всю жизнь обоихъ. Попытки Пантелѣева примирить ихъ другъ съ другомъ, повидимому, были встрѣчены холодно съ обѣихъ сторонъ. Вообще Н. Г. Чернышевскій сохранилъ до смерти ту непримиримость, то рѣзкое отграниченіе себя отъ расплывчатыхъ „гуманистовъ“, которое такъ бросалось въ глаза въ „Письмахъ безъ адреса“, „Прологъ къ прологу“ и проч. Вообще въ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣева разбросано не мало штриховъ, дорисовывающихъ политическую и литературную физіономію двухъ корифеевъ русской литературы пореформенной эпохи.

М. Ольминскій.

Дѣло о погромѣ въ Оршѣ 21—24 октября 1905 г. *СПБ. 1908. Кн. складъ „Разумъ“. 79 стр., ц. 30 коп.*

Брошюра заключаетъ въ себѣ обвинительный актъ, выдержки изъ свидѣтельскихъ показаній и приговоръ судебной палаты по дѣлу, разбиравшемуся въ г. Оршѣ въ ноябрѣ 1907 г. На скамьѣ подсудимыхъ было 58 человѣкъ, въ томъ числѣ околодочный надзиратель, письмоводитель полицейскаго участка, пять городовыхъ, желѣзнодорожные чиновники, мѣщане и крестьяне. Обвинительный актъ составленъ не совсѣмъ безстрастно; прокуратура вводитъ оцѣнку дѣйствій толпы, радовавшейся манифесту 17 октября; она какъ бы навязываетъ суду свои субъективныя мнѣнія, разсказывая объ „глумленіи и издѣвательствѣ“ толпы надъ правительствомъ, о рѣчахъ ораторовъ, „до того оскорбительныхъ для національнаго чувства, что“... войско, призванное охранять порядокъ, трудно было удержать отъ расправы съ манифестантами и т. п. Въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ обвинительный актъ превращается въ защитительный. Тѣмъ не менѣе онъ даетъ яркую и довольно глубокую, если можно такъ выразиться, картину погрома: за мелкими полицейскими чинами ясно видна, даже изъ обвинительнаго акта, движущая рука лицъ, не попадающихъ въ Россіи на скамью подсудимыхъ. Въ этомъ смыслѣ предлагаемая брошюра не даетъ въ сущности ничего новаго,—она только напоминаетъ устами прокурора о фактѣ, давно и всѣмъ извѣстномъ. Если же еще существуютъ на свѣтѣ люди, сомнѣвающіеся въ этомъ фактѣ, то для уничтоженія сомнѣній настоящая брошюра можетъ послужить превосходнымъ орудіемъ: „мало словъ, а смысла рѣченька, смысла рѣченька бездонная“... Погромъ въ Оршѣ—типичный погромъ послѣднихъ лѣтъ, со всей необходимой обстановкой, со всѣми персонажами на своемъ мѣстѣ. Отмѣчу, впрочемъ, одинъ любопытный

[1]) Самъ Обручевъ приписываетъ свой арестъ тому, что былъ узнанъ извозчикомъ, на которомъ развозилъ письма. Кромѣ сходства почерка, подозрѣніе противъ него усилилось тѣмъ, что въ его бумагахъ оказалось письмо съ сургучной печатью,—той самой, которой были запечатаны *многіе* конверты съ „Великоруссомъ“ (Лемке. „Очерки осв. дв. 60-хъ г.г.“, стр. 370 и 375).

штрихъ, замѣченный мною здѣсь впервые. Что погромщиковъ подкупали, соблазняли обѣщаніями и т. д.—это всѣмъ извѣстно. Въ Оршѣ, кажется, пошли нѣсколько дальше: тамъ грозили.

Янушевскій (свидѣтель). Нашъ староста говорилъ въ полиціи, что кто не будетъ усмирять жидовъ, тому штрафъ и тюрьма. Качали полицію, когда она ругала жидовъ. Мнѣ жиды ничего не сдѣлали такого, и я не пошелъ на усмиреніе.

Другой свидѣтель опредѣляетъ и размѣръ штрафа, которымъ грозили за неучастіе въ погромѣ,—тридцать рублей.

„Усмиреніе"! И обвинительный актъ, и свидѣтельскія показанія указываютъ, что задача была въ избіеніи, собственно, не евреевъ, а „демократовъ", въ ихъ усмиреніи. Погромъ, направленный противъ евреевъ, былъ только формой борьбы противъ „демократовъ". Особенно охотились за, такъ наз., самообороной, предполагая въ ней, очевидно, нѣчто въ родѣ боевой дружины демократовъ. Ѣдутъ въ Оршу небольшіе отряды самообороны изъ сосѣднихъ мѣстечекъ,—ихъ опережаетъ полицейская телеграмма, ихъ ждутъ, ихъ убиваютъ раньше, чѣмъ они успѣли войти въ городъ. Руководители погрома даже не старались особенно прикрываться націонализмомъ, да и прокуроръ въ своемъ защитительномъ актѣ больше упираетъ на политику. Только однажды онъ упомянулъ объ антисемитизмѣ обвиняемаго Битюкова,—и эта диверсія вполнѣ понятна. Вотъ весь инцидентъ.

Жаринъ (свид.). Битюковъ былъ во время погрома нездоровъ. Но какъ только услышалъ о томъ, что евреевъ свободно на глазахъ властей убиваютъ на вокзалѣ, приплелся туда, опершись на палку. Я видѣлъ, какъ онъ ударилъ этой палкой одного изъ еле дышавшихъ юношей и сказалъ: „вотъ тебѣ свобода, жидовская морда!" Мнѣ стало страшно и я ушелъ.

Сосновскій (свид.). Я видѣлъ, какъ Битюковъ ковырялъ палкой въ мозгахъ одного изъ умиравшихъ евреевъ.

Это показаніе заставило вздрогнуть весь залъ. Подсудимый Битюковъ, до тѣхъ поръ спокойный, начинаетъ волноваться и проситъ свидѣтеля, „не стѣсняясь сказать, какой болѣзнью боленъ онъ, подсудимый". Свидѣтель молчитъ.

Битюковъ. Вѣдь вы же знаете, что я лечился отъ сумасшествія?

Сосновскій. Нѣтъ, этого я не знаю. Я знаю, что вы страдаете ногами.

„Прокуроръ,—продолжаетъ составитель брошюры,—въ своей рѣчи назвалъ болѣзнь, которой боленъ былъ Битюковъ, и которая довела его до самаго отвратительнаго и страшнаго преступленія,—мучительства беззащитнаго. Эта болѣзнь—антисемитизмъ" (стр. 65).

Разгромъ имущества, убійства—это отвѣтъ на „глумленіе, издѣвательства", „оскорбительныя рѣчи" ораторовъ. Ковырянье въ мозгахъ—это уже антисемитизмъ. Понятно [1])...

Если бы мы не знали даже о погромахъ и убійствахъ 1905 г. въ

---

[1]) Битюковъ—старый желѣзнодорожный служащій, личный почетный гражданинъ. Приговоренъ къ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ.

Томскѣ, Твери и проч.,—погромахъ не еврейскихъ,—если бы мы имѣли въ рукахъ только обвинительный актъ по дѣлу въ Оршѣ, то и тогда было бы ясно до очевидности, что антисемитизмъ во всемъ этомъ явленіе совершенно побочное. Передъ нами—несомнѣнныя проявленія политическаго движенія,—движенія общественнаго.—„Вотъ тебѣ свобода!"—говорили участники этого движенія, избивая евреевъ въ Оршѣ, земскихъ служащихъ въ Твери, сжигая театръ съ людьми въ Томскѣ, народный домъ въ Вологдѣ и т. д., и т. д. И было бы близорукостью ограничиваться однимъ негодованіемъ по поводу подобныхъ актовъ, отказываясь отъ анализа ихъ соціальной сущности, ихъ политической подкладки. Такой же близорукостью было бы и ограничиться одними чувствительными возгласами по поводу заключительной сцены суда въ Оршѣ. Составитель брошюры передаетъ:

„Первое время послѣ оглашенія приговора подсудимые, не исключая и Синицкаго[1]), растерялись. Затѣмъ Синицкій, обращаясь къ скамьямъ подсудимыхъ, сказалъ: „Товарищи, не падайте духомъ! У насъ есть еще, куда обратиться, слава Богу! Приговоръ не будетъ приведенъ въ исполненіе!" (стр. 79).

„Приговоръ не будетъ приведенъ въ исполненіе",—потому что въ ходѣ политическихъ событій 1905—1908 побѣда оказалась пока что на сторонѣ тѣхъ общественныхъ силъ, въ составъ которыхъ входятъ Синицкіе и Битюковы. Отсутствіе политической логики нашего политически-сумбурнаго времени не въ томъ, что извѣстные судебные приговоры остаются безъ исполненія,—отсутствіе логики только въ томъ, что на судебное вѣдомство возлагается еще обязанность, не свойственная ему съ точки зрѣнія принципа раздѣленія труда между вѣдомствами. Прокуроровъ и членовъ судебныхъ палатъ можно бы уже освободить отъ обязанности аттестовать полицейскую распорядительность Синицкихъ и выдавать свидѣтельства о политической благонадежности Битюковыхъ.

М. Ольминскій.

Щукинскій Сборникъ. *Выпускъ седьмой. Изданіе Императорскаго Россійскаго Историческаго музея — музея П. И. Щукина. Москва. 1907. 512 страницъ 4-о.*

Сборникъ такъ обиленъ матерьяломъ самого разнообразнаго качества, интересенъ, что положительно не знаешь съ чего начать, на что указать прежде всего, что подчеркнуть, что оставить въ тѣни. Такъ какъ сборникъ издается всего лишь въ 200 экземплярахъ и, такимъ образомъ, уже при выходѣ своемъ становится библіографической рѣдкостью, то на страницахъ его мы находимъ иногда такіе документы и письма, которые совершенно не могли бы быть оглашены въ распространенныхъ изданіяхъ безъ криминальнаго риска.

Таковы въ этомъ томѣ имѣющія злободневное значеніе „письма К. В. Церпицкаго Н. И. Гродекову",—того генерала Церпицкаго, который

---

[1]) Полицейскій чиновникъ, руководитель погрома. Приговоренъ въ арестантскія роты на полтора года.

такъ разнообразно прославился въ дальневосточныхъ войнахъ. Когда о непорядкахъ, злоупопребленіяхъ въ обиходѣ жизни военныхъ пишутъ „корреспонденты", то задѣтые круги не снисходятъ до ихъ сообщеній. Но тутъ обвинителемъ выступаетъ боевой генералъ въ письмахъ къ другому боевому генералу. Разсказъ Ц вскрываетъ цѣлую систему обогащенія военачальниковъ за счетъ казны и ярко обрисовываетъ взаимныя отношенія отцовъ командировъ, защитниковъ отечества. Въ сборникѣ всѣ эти военачальники (нѣкоторые изъ нихъ нынѣ занимаютъ важные посты) пропечатаны всѣми буквами. Читатель можетъ прочесть въ этихъ письмахъ о командирѣ полка, который „не только не занимался полкомъ, но дѣлалъ все зависѣвшее отъ него, чтобы развратить и расшатать полкъ; подверженный страшному запою, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ находился въ ненормальномъ состояніи. Въ періоды относительнаго здоровья уже послѣ посѣщенія двухъ, трехъ ротъ онъ долженъ былъ подкрѣпиться водкой и весьма часто засыпалъ до другого дня на кровати фельдфебеля".

О бригадномъ командирѣ, который былъ долженъ въ денежный ящикъ 5000 руб., которые, какъ онъ признался Ц. откровенно, „онъ бралъ на аферу, отдавая ихъ на 5% и болѣе въ мѣсяцъ колонистамъ, нуждавшимся весной въ деньгахъ" и т. д., и т. д.

Вообще картина, нарисованная Ц., даетъ достаточное представленіе о томъ начальствѣ, которое черезъ десятокъ лѣтъ предводительствовало подготовленныя имъ войска на поляхъ Манджуріи.

Вслѣдъ за письмами Церпицкаго въ сборникѣ идутъ замѣтки П. И. Щукина о П. В. Шумахерѣ, о д-рѣ П. Л. Пикулинѣ, начальникѣ москов. врачеб. упр., переводчикѣ Шекспира Н. Х. Кетчерѣ, моск. гражд. губернаторѣ В. С. Перфильевѣ и устроителѣ дешевыхъ столовыхъ и авторѣ „Энциклопедіи питанія" Д. В. Каншинѣ.

О письмахъ и запискахъ П. В. Шумахера, извѣстнаго книголюба, остряка, стихотворца, П. И. Щукину, которымъ въ сборникѣ отведено болѣе полутораста страницъ, можно сказать, что ихъ черезчуръ ужъ много. Всѣ эти остроты и шутки были любезно-остроумны въ интимномъ кругу, но большая публика удовлетворилась бы гораздо меньшимъ запасомъ остроумія. Кое-что въ этихъ замѣткахъ имѣетъ и историко-литературный интересъ. Напр., запись о Козьмѣ Прутковѣ.

„Братья Жемчужниковы нечестно поступили, умолчавъ объ Александрѣ Аммосовѣ, который болѣе Алексѣя Толстого участвовалъ въ ихъ кружкѣ. *Запятки* и *Пастухъ и молоко*—не ихъ, а Аммосова. Это знаютъ многіе; и будь князь Алексѣй живъ, онъ, какъ человѣкъ правдивый, не допустилъ бы этой передержки".

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ писемъ К. К. Случевскому: отъ И. С. Тургенева, Н. Успенскаго, Я. Полонскаго, А. Майкова, Сѣрова.

Интереснѣйшее изъ нихъ, въ которомъ И. С. Тургеневъ производитъ самоанализъ, было перепечатано многими ежедневными періодическими изданіями.

Слѣдующей группой являются письма Н. Э. Писареву, письма тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, въ которыхъ много характерныхъ чертъ для обрисовки производившагося ссыска надъ уцѣлѣвшими

остатками участниковъ польскаго возстанія. Въ нихъ сильно проглядываетъ бездушіе, черствость, жестокость, звѣрство русскаго чиновника, и какъ много въ немъ хамскаго преклоненія передъ начальствомъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ „Отрывкѣ изъ дѣла о чиновникѣ Матвѣевѣ“ и о „Запискахъ чиновника Голубева“.

„Матвѣевское дѣло относится къ 40 годамъ и заключаетъ въ себѣ письма и донесенія Олонецкаго губернатора объ отставномъ чиновникѣ Матвѣевѣ, ударившемъ во время богослуженія губернатора по воротнику мундира. Характеренъ, конечно, не самый фактъ оскорбленія, характерно одно мѣсто письма: „Мое происшествіе здѣсь (въ Петрозаводскѣ), впрочемъ, не ново. Въ губернатора Лачинова выстрѣлили вечеромъ въ окно, когда онъ игралъ въ карты у себя. Губернатору Дашкову (теперь сенаторъ) дали пощечину въ обществѣ. Въ прошедшемъ году, во время моего отпуска, сдѣлали дерзость въ собраніи моей женѣ, потомъ нѣсколько разъ старались вывести меня изъ терпѣнія сплетнями. Недавно у меня одинъ чиновникъ зарѣзалъ другого безъ всякой ссоры, а бьютъ они другъ друга пьяные безпрестанно. Всѣ, сколько-нибудь порядочные здѣсь, особенно новые, поражены и обижены... Полиціи у меня нѣтъ, я писалъ и Министру, что во всей губерніи у меня нѣтъ ни каланчи, ни будки, ни будочника“...

Записки чиновника министерства финансовъ П. И. Голубева, поступившаго туда письцомъ и за 52 года службы дослужившагося до вице-директора департамента государственнаго Казначейства, обнимаютъ собою періодъ съ 1811—1863 г.г.

Интересъ записокъ — въ описаніи повседневной, скучной, сухой, подленькой, безъ личнаго „я“, жизни канцелярскаго чиновника. И среди этого фона нѣсколько любопытныхъ штриховъ уже совсѣмъ другого характера. Вспоминая, напримѣръ, объ А. Е. Измайловѣ (столоначальникѣ департамента), Г. разсказываетъ, какъ два раза въ недѣлю по средамъ и пятницамъ, когда высшее начальство уѣзжало съ докладами къ министру, къ столу Измайлова (издававшаго тогда вмѣстѣ съ Бенитцкимъ „Цвѣтникъ“), собирались литераторы, сослуживцы и пріятели-писатели изъ другихъ вѣдомствъ: Д. М. Княжевичъ, Н. И. Федоровъ, Милоновъ, Граматинъ, Гречъ и другіе, и происходило чтеніе появлявшихся тогда на горизонтѣ словесности лучшихъ новыхъ сочиненій... Описывая посѣщеніе департамента въ 21 году министромъ финансовъ гр. Гурьевымъ, Г. вспоминаетъ: „нашему сатирическому поэту и фабулисту А. Е. Измайлову вздумалось явиться на это торжество не въ мундирѣ, какъ прочіе, а въ черномъ фракѣ и китайскихъ панталонахъ. Графъ подошелъ къ Измайлову, но ни сказалъ ему ни слова, оборотясь спиной, пошелъ далѣе. Кажется, къ этой странной сценѣ были поводомъ стихи, написанные А. Е. насчетъ министра“. Переслуживъ въ министерствѣ шесть министровъ финансовъ, 24 года составляя росписи доходовъ и расходовъ, Г. разсказываетъ много любопытнаго изъ канцелярской своей практики и съ наивностью истаго чиновника хвалится приказнымъ крючкотворствомъ, дававшимъ иногда казнѣ прибыль за счетъ несильнаго въ законахъ населенія.

О внѣшней сторонѣ изданія необходимо сказать слѣдующее: желательна, конечно, и болѣе строгая корректура; напр., на стр. 143, въ 16-й строкѣ сверху, совершенно пропадаетъ вся соль остроты отъ невнимательно прокорректированнаго слова. Или: страницы 339-я и 340-я представляютъ изъ себя характеристику поэзіи Полонскаго, вставленную между двумя письмами Полонскаго Случевскому, но при этомъ не указано, кому принадлежитъ эта характеристка, составляетъ ли она часть именно этой переписки, и т. п.

П. М.

Beiträge zur russischen Geschichte. *Theodor Schiemann zum 60. Geburtstage von Freunden und Schülern dargebracht u. hrsgb. von Otto Hötzsch, Berlin, 1907, 270 S., M. 7.*

Профессоръ исторіи г. Теодоръ Шиманъ хорошо извѣстенъ спеціалистамъ и по своей научной дѣятельности въ берлинскомъ университетѣ, и по своимъ трудамъ въ области русской исторіи (солидному труду о Николаѣ I, многочисленнымъ статьямъ въ „Historische Zeitschrift"), по издаваемой имъ „Bibliothek der russischen Denkwürdigkeiten", и по организаціи спеціальнаго семинарія по вопросамъ исторіи Восточной Европы. Широкая публика знаетъ г. Шимана, какъ информатора имп. Вильгельма II о дѣлахъ русской внутренней политики и тайнаго совѣтника по этимъ же вопросамъ. Вполнѣ естественно, что ученики проф. Шимана, бывшіе и настоящіе члены его семинарія, рѣшили почтить юбилей своего учителя сборникомъ статей, и намъ особенно пріятно отмѣтить, что молодые нѣмецкіе ученые посвятили свои очерки русской исторіи. Кромѣ того, участіе въ сборникѣ приняли и „друзья проф. Шимана, близко къ нему (по словамъ предисловія) стоящіе", русскіе историки—акад. А. Д. Лаппо-Данилевскій и в. к. Николай Михайловичъ.

Содержаніе сборника довольно разнообразно и интересно. Прежде всего можно остановиться на статьѣ позенскаго профессора г. Otto Hötzsch—„Историческія основанія конституціонной жизни въ Россіи", въ которой авторъ пытается дать очеркъ экономическихъ и политическихъ причинъ, подготовившихъ русскую революцію 1905 года, начиная отъ земскихъ соборовъ и кончая движеніями послѣднихъ лѣтъ. Естественно, что авторъ—иностранецъ, хотя и освѣдомленный недурно въ русскихъ дѣлахъ, допустилъ цѣлый рядъ ошибокъ. Намъ, напр., неизвѣстно, когда и гдѣ предъявлялось въ Россіи XIX вѣка требованіе о созывѣ земскаго собора, понимаемаго какъ „соборъ земскихъ собраній" (?!); такого выраженія нѣтъ во всей русской политической литературѣ. Намъ русскимъ непонятно также утвержденіе г. Hötzsch, что въ нынѣшнюю Государств. Думу населеніе посылаетъ депутатовъ непосредственно, хотя (?!) и посредствомъ косвенныхъ выборовъ.

Противъ поляковъ авторъ дѣлаетъ не одну вылазку, говоря, напр., объ ихъ „заговорщическомъ духѣ", который, дескать, былъ причиной превращенія Александра I изъ либерала (по отношенію къ Польшѣ) въ нѣчто противоположное. Такъ не объясняетъ событій серьезный историкъ; кромѣ того, по мнѣнію другихъ изслѣдователей, деспотическія поправки къ конституціонной теоріи въ Польшѣ и повели къ про-

явленіямъ „заговорщическаго духа“. T. Hötzsch относитъ первыя стачки къ 1896 году, что совершенно невѣрно. Почему-то особенно важными событіями, стоящими на перевалѣ отъ прогресса къ реакціи (при Александрѣ II), авторъ считаетъ покушеніе Каракозова и вызовъ студентовъ изъ Цюриха (въ 1873 г.). На самомъ дѣлѣ, реакція началась раньше: по отношенію къ студенчеству въ 1861 г., къ литературѣ и воскреснымъ школамъ—въ 1862 г. и т. п. Къ Каткову авторъ питаетъ глубокое уваженіе, называя его то „главою славянофиловъ“ (?!), то величайшимъ (?!) русскимъ публицистомъ“. *Единственной* цѣлью народовольцевъ авторъ считаетъ цареубійство (die Jagd auf den Zaren). Вопреки утвержденію автора, демонстраціи на Казанской площади возобновились только четверть вѣка спустя послѣ 6 дек. 1876 г. Александръ Михайловъ не былъ организаторомъ дѣла 1-го матра. Никогда не существовало никакой „соціально-революціонной партіи“ Освобожденія Труда, возникшей въ 1896 г. Была „с.-дем. группа Осв. Труда“, основанная въ 1883 г.

Народничество фигурируетъ у г. Hötzsch подъ затасканнымъ именемъ „нигилизма“, а современное соціалъ-демократическое движеніе, противополагаемое авторомъ „нигилизму“, онъ называетъ соціально-революціоннымъ; о такъ называемыхъ „эсъ-эрахъ“ авторъ вовсе не упоминаетъ. Впрочемъ, статья г. Hötzsch стоитъ гораздо выше компилятивныхъ статеекъ многихъ незнающихъ Россію авторовъ послѣдняго времени. Г. М. Вишницеръ, докторъ геттингенскаго унив., молодой русскій ученый, далъ главу изъ своей работы о Ник. Ив. Тургеневѣ кратко излагающую политическіе идеалы этого декабриста. Статья написана живо, но лишена ссылокъ и указаній.

Статьи г. Fr. Andreae („Примѣчанія къ письмамъ Екатерины II къ принцу де- Линь“) и г. Rich. Salomon'a („По поводу Игнатія Смоленскаго“) представляются намъ хорошими образцами „семинарской“ (т. е. написанной для профессорскаго семинарія) работы. Вторая изъ названныхъ статей посвящена русскимъ хронографамъ, какъ матеріалу для исторіи Византіи. Великій князь Николай Михайловичъ далъ статью: „Легенда о смерти Александра I въ Сибири въ образѣ поселенца Ѳеодора Кузьмича“, извѣстную русской публикѣ изъ „Истор. Вѣстн.“ за 1907 г. Авторъ выставилъ свою (необоснованную, впрочемъ) гипотезу, что Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ Семенъ Великій (побочный сынъ Павла I). Очень интересны замѣчанія автора по поводу тѣхъ трудностей, которыя онъ встрѣтилъ со стороны „русской дѣйствительности“ при собираніи своихъ матеріаловъ; и это при высокомъ привиллегированномъ положеніи и крупныхъ средствахъ автора!

Исторіи русской торговли посвящены три статьи: Лаппо-Данилевскаго („Русская торговая комиссія 1763—1796 гг.“), П. фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ („Торговля Ганзы со Псковомъ до средины XV вѣка“) и Em. Zweig'a („Начало и организація англо-русскихъ торговыхъ сношеній во второй половинѣ XVI вѣка“). Статья нашего талантливаго историка написана въ обычной его манерѣ и излагаетъ, на основаніи цѣннаго архивнаго матеріала, эволюцію торговой политики екатерининскаго царствованія въ связи съ учрежденіемъ и дѣятельностью торго-

гой комиссіи (1763—1796). Статьи гг. Цвейга и Остенъ-Сакена основаны на изученіи русскихъ и иностранныхъ документовъ и даютъ интересную (хотя, конечно, частичную) картину русской торговли въ соотвѣтственные періоды. Можно отъ души пожелать дальнѣйшаго изученія Россіи и ея исторіи нѣмецкими учеными, которые найдутъ въ этой области цѣнный и мало обработанный матеріалъ для своихъ научныхъ работъ и обобщеній.

С. Сватиковъ.

Книги, поступившія въ редакцію:

Дѣло о погромѣ въ Оршѣ 21—24 окт. 1905 г. Обвинительный актъ и судебное слѣдствіе. Спб. 1908 г. Ц. 30 к.

Жоржъ Сорель. Введеніе въ изученіе современнаго хозяйства. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Перев. съ франц. подъ ред. и со вступительной статьей Л. Козловскаго. Изданіе В. Иванова М. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Компейре Жанъ. Масс. и обязательное образованіе. Перев. П. Д. Первова. Изд. К. Тихомирова. М. 1908 г. ц. 25 к.

Якушкинъ. Обычное право. Вып. третій. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. М. 1908 г. ц. 2 р. 50 к

Библіотека Юнаго Читателя:

Р. Гемпель. Подъ огненнымъ дождемъ. Разсказы изъ послѣднихъ дней Помпеи. Пер. съ нѣмецкаго А. Острогорскій, 2-е изд.

Томасъ Альва. Эдиссонъ, его жизнь и изобрѣтенія. Составлено по Ф. Палю, Э. Кеньону и др. Спб. 1908 г.

Я. Берлинъ. Дѣла и люди средневѣковья. Съ рисун. ц. 30 к.

Сидней Лоу. Государственный строй Англіи. Перев. съ англійскаго В. И. Браудо подъ ред. Б. Э. Нольде съ предисл. проф. М. М. Ковалевскаго. „Библіотека Обществ. Пользы". Спб. 1908 г. ц. 1 р. 50 к.

А. Амфитеатровъ. Женское нестроеніе. 3-е дополненное изд. Спб 1908 г. ц. 1 р. 50 к.

Б. Низе. Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія. Пер. съ 3-го нѣмец. изд. слушательницъ Выс. Жен. Курс. подъ ред. М. И. Ростовцева. Изд. 2-е Т-ва „Общественная Польза". Спб. 1908 г. ц. 3 р.

Отчетъ Никопольской Общественной Библіотеки за первый годъ ея существованія 17/XII 1906—31/XII 1907 г.

Черeванинъ. Современное положеніе и возможное будущее. М. 1908. ц. 1 р. 10 к.

М. Л. Усовъ. Преданіе и факты (къ еврейскому вопросу). Спб. 1908. цѣна 20 к.

Н. А. Усовъ. Изъ недавняго прошлаго Забайкалья. Воспоминанія о пережитомъ. Изд. газеты „Харбинъ". 1907. Харбинъ, часть I, ц. 40 к. и часть II—40 к.

Отчетъ о дѣятельности Воронежскаго общества народныхъ университетовъ за 1907 г.

Сборникъ Изд. Харьковскаго Студенческаго Литературно-философскаго Кружка. Харьковъ. 1908 г. ц. 70 к.

Д. П. Тихоміровъ. Матеріалы для библіографическаго указателя произведеній Ник. Плат. Огарева и литературы о немъ. Спб. 1908 г.

Л. Козловскій. Новыя вѣянія въ соціализмѣ передъ судомъ русской критики. Изд. С. Дуроватовскаго и А. Чарушникова. М. 1908 г. ц. 50 к.

Сборникъ XXII-й Т-ва „Знаніе" за 1908 г. Спб. 1908 г. ц. 1 р.

Сборникъ статей Антонова, А. Баха, Е. Брешковской, Ю. Гардинина, М. Гоца, И. Каляева, Н. Максимова, П. Новобранцева, Б. Савинкова, Тарасова. Вып. I. Спб. 1908 г. ц. 1 р. 75 к.

Библіотека „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова:

Несторъ Котляревскій. Рылѣевъ. Съ 2-мя фототип. и 2-мя автотип. ц. 1 р. 25 к.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій, часть V. Эскизы и силуэты. ц. 1 р.

То же, часть VI. Публицистика и критика. Со вступительной статьей В. В. Водовозова и фототип. порт. С. Степняка. ц. 1 р.

Ж.-Ж. Руссо. О причинахъ неравенства. Пер. съ франц. Н. С. Южаковой подъ ред. и съ предислов. С. Н. Южакова. ц. 75 к.

Ч. Вѣтринскій. Герценъ. Съ 4-мя фототип. и 16-ю автотип. Приложеніе: А. Г. Фоминъ. Библіографія произведеній Герцена и литература о немъ. ц. 3 р.

Г. В. Плехановъ. Основные вопросы марксизма. Изд. Книж. маг. „Наша Жизнь".

Изданія Книго-ва „Шиповникъ":

А. Луначарскій. Религія и соціализмъ. Часть первая. Спб. 1908 г. — цѣна 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ, томъ V. ц. 1 р. 25 к.

Литературно-художественные Альманахи. Книга пятая. ц. 1 р.

The anglo-russian Litterary Society Proceedings. Feb. Mar. Apr. 1908.

На очереди. Сборникъ статей. Спб. ц. 50 к.

М. Гарвицъ. Современныя идейныя теченія въ еврействѣ. Пер. съ польскаго. Спб. 1908 г. ц. 50 к.

Эд. Зелигманъ. Основы политической экономіи. Перев. со второго американскаго изд. прив.-доц. В. Твердохлѣбова и М. Булатова. Спб. 1908 г. ц. 3 р.

Д-ръ Мед. Говардъ П. Киннардъ. Русскій крестьянинъ. Перев. съ англійскаго А. Сувирова. Спб. 1908 г. ц. 1 р.

Борьба за землю. (Индуктивно-статистическое изслѣдованіе), т. I, часть I. Книго-во „Трудъ и Борьба". Спб. 1908 г. ц. 2 р. 50 к.

Л. М-въ. Русскій народъ и евреи. Спб. 1908 г. ц. 15 к.

Н. Валентиновъ. Философія построеніе марксизма. Діалектическій матеріализмъ, эмпиріомонизмъ и эмпиріо-критическая философія. Критическіе очерки. Книга I-я. Изд. книж. маг. „Сотрудникъ Провинціи". М. 1908 г. ц. 1 р. 25 к.

Книго-во „Пантеонъ“. Міровая литература:

Оскаръ Уайльдъ. Саломея. Драма въ одномъ дѣйствіи, перев. съ франц. оригинала К. Д. Бальмонта и Ек. Андреевой. Съ пред. К. Д. Бальмонта. Поэзія О. Уайльда. Ц. 1 р.

Вилье-де-Лиль. Аданъ. Жестокіе разсказы. Переводъ Бронислава Рунтъ. Подъ редак. и со статьей Валерія Брюсова. ц. 60 к.

Для политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ въ редакцію поступили: Отъ W. Z. изъ Вильны—25 р. Отъ холмогорскихъ ссыльныхъ—4 р. 86 к. Изъ станицы Михайловской—5 р. Итого 34 р. 86 к. Деньги переданы по назначенію.

ПОПРАВКИ.

Въ № 4 „Минувшихъ Годовъ“, въ статьѣ П. Д. Боборыкина „За полвѣка“, вкрались слѣдующія ошибки и опечатки.

Страница 159, строка 17, сверху напечатано: „*дядя*“, читай: „*дѣдъ*“.

Страница 161, строка 13, снизу: нап. „*пріятелемъ*“, читай: „*учи. телемъ*“.

Страница 162, строка 8, сверху, нап. „*Платкина*“, читай: „*Печаткина*“ (та же ошибка повторена ниже, еще два раза).

Страница 166, строка 14, сверху, нап. „Поднятія *мыслей*“, читай: „поднятія *мечей*“.